63.3(24)1
П-48
427670

ПОКОРЕННЫЙ КАВКАЗЪ

ОЧЕРКИ

историческаго прошлаго и современнаго положенія Кавказа

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный складъ «РОДИНА», Лиговская улица, соб. домъ, № 114.
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12-го января 1904 г.

Графическое заведеніе «Родины» (А. А. Каспари).
Спб., Литовская ул., соб. д., № 114.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое читателямъ наше новое иллюстрированное изданіе «Покоренный Кавказъ» въ общемъ своемъ стройномъ цѣломъ является книгою совершенно новою по своему типу. Въ виду этого мы считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ, какъ о цѣляхъ настоящаго изданія, такъ и о планѣ, которымъ руководилась редакція при распредѣленіи литературнаго и художественнаго матеріала.

Шестидесятилѣтняя борьба Руси съ населявшими Кавказъ народцами и племенами, борьба, начало которой, по сущности событій, можетъ быть отнесено къ временамъ сѣдой древности, эта борьба уже сама по себѣ представляетъ чудную картину, которая напоминаетъ каждому русскому о славныхъ дѣлахъ его предковъ. Чѣмъ дальше несется время, чѣмъ болѣе проходитъ лѣтъ, тѣмъ большей славой разгораются былые подвиги, тѣмъ болѣе удивленія вызываютъ они. Что недавно еще было только историческимъ событіемъ, то становится легендою; какъ на волшебную сказку, взираютъ потомки на дѣйствительность, героями которой явились ихъ предки; по мѣрѣ же того, какъ tempora mutantur — времена мѣняются, а вмѣстѣ съ ними мѣняются и люди, кое-что, а иногда и не кое-что, а очень существенное, но не особенно яркое, позабывается, утериваетсяизъ памяти, и вотъ настоящее изданіе возстановитъ въ памяти всѣ болѣе замѣчательныя событія, отмѣтитъ всѣ наиболѣе замѣчательные эпизоды великой борьбы и, наконецъ, представитъ современную картину умиротворенцаго и покореннаго Кавказа.

Другими словами, редакціей руководило стремленіе въ одномъ литературномъ произведеніи соединить по возможности все, что знакомитъ современнаго читателя съ исторіей, этнографіей, географіей Кавказа, съ историческимъ и современнымъ бытомъ его обитателей, а главное — съ тѣмъ героизмомъ русскихъ людей, который проявленъ былъ при покореніи и умиротвореніи этого великолѣпнаго края, и съ тѣмъ, что явилось послѣдствіемъ этого героизма, т. е., какіе благотворные результаты принесло присоединеніе всего Кавказскаго края къ нашей великой и могучей матери Руси православной.

Все сочиненіе о покоренномъ Кавказѣ состоитъ изъ отдѣльныхъ очерковъ, написанныхъ разными авторами, причемъ каждый очеркъ, являясь самостоятельнымъ произведеніемъ, въ то-же самое время имѣетъ непосредственно тѣсную связь съ предыдущими и послѣдующими, такъ что всѣ вмѣстѣ взятые очерки составляютъ въ общемъ стройное цѣлое, рисующее подробную и полную картину Кавказа — и историческаго, и современнаго.

Первые очерки посвящены общему географическому описанію Кавказа. Описаны довольно подробно Кавказскій хребетъ и его отроги, причемъ въ этомъ описаніи особенное вниманіе обращено на тѣ мѣстности, въ предѣлахъ которыхъ происходила героическая борьба XIX столѣтія. Безъ такого описанія мало было-бы понятно дальнѣйшее: походы покорившаго Кавказъ Ермолова и его преемниковъ, умиротворившихъ его. Затѣмъ обширный очеркъ посвященъ историческому описанію Грузіи, которая была могучимъ политическимъ организмомъ, привлекшимъ, такъ сказать, Русь въ Закавказье. Подробно описаны затѣмъ историческія взаимоотношенія Руси и Кавказа съ временъ глубочайшей древности до покоренія Приморскаго Дагестана императоромъ Петромъ Великимъ и, наконецъ, кавказская старина пополнена описаніемъ важнѣйшихъ горскихъ народовъ и племенъ, съ которыми въ недалекомъ прошломъ пришлось выдержать Руси тяжелую борьбу.

Этими очерками завершается ознакомленіе читателя съ отдаленнымъ прошлымъ Кавказскаго края, и въ дальнѣйшихъ очеркахъ уже рисуется прошлое, болѣе близкое. Наиболѣе важные моменты этого прошлаго — приближеніе грозной русской силы вплотную къ Кавказу, присоединеніе Грузіи, Имеретіи, Абхазіи къ владѣніямъ Бѣлаго царя, начало борьбы за Кавказъ съ Персіей и Турціей, начало отчаянной борьбы съ горскими народами, великіе подвиги русскихъ полководцевъ и воиновъ въ этой титанической борьбѣ и, наконецъ,

покореніе Кавказа при знаменитомъ Ермоловѣ и завершеніе борьбы за него съ Персіей при Паскевичѣ — вотъ главное содержаніе послѣдующихъ очерковъ, вводящихъ читателя въ третью стадію кавказской войны: умиротвореніе Кавказа. Слѣдуетъ отмѣтить, что эти очерки пополнены интереснымъ очеркомъ о газаватѣ — священной войнѣ, на почвѣ которой разыгралась ужасная драма, закончившаяся лишь въ 1864 г. плѣненіемъ Шамиля. Эта послѣдняя служитъ содержаніемъ дальнѣйшихъ очерковъ, авторы которыхъ, пользуясь новѣйшими источниками, передали въ живомъ, полномъ движенія изображеніи всѣ наиболѣе выдающіеся моменты титанической борьбы, прославившей въ одинаковой степени и побѣдителей, и побѣжденныхъ.

Этими очерками заканчивается описаніе войны за Кавказъ, и въ слѣдующихъ читатель находитъ уже описаніе покореннаго и умиротвореннаго Кавказа, т. е., картины современнаго состоянія Кавказскаго края, когда послѣ долгой, упорной, кровопролитной борьбы появились, наконецъ, ея благотворные результаты, когда цѣною величайшихъ жертвъ создалось благополучіе огромнаго края, развилась его добывающая промышленность, расцвѣла поставленная на прочную почву торговля, — словомъ, когда Кавказъ, не такъ еще давно представлявшій изъ себя разбойничье гнѣздо дикарей, помышлявшихъ только о грабежѣ и насиліи, сталъ цвѣтущей страною, обязанной этимъ своимъ процвѣтаніемъ исключительно одной только Россіи и ея самоотверженнымъ сынамъ. Эти заключительные очерки какъ-бы представляютъ собою итоги великой борьбы, итоги, которые читатели видятъ воочію, ибо изображеніе современнаго Кавказа — это дѣйствительность нашихъ дней.

Таковъ общій планъ, которымъ руководились мы при составленіи очерковъ «Покореннаго Кавказа» и расположеніи ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. Думается, что въ этомъ случаѣ вполнѣ достигается завѣтная наша цѣль—представить, какъ выше было сказано, полную во всѣхъ отношеніяхъ картину великолѣпнаго края, являющагося однимъ изъ лучшихъ украшеній нашей дорогой матери Руси православной; думается также, что подобное изданіе наше будетъ встрѣчено съ полнымъ интересомъ нашими читателями. Вѣдь, прошлое, да еще свое прошлое — прошлое своего отечества, родное прошлое — всегда интересно, а сопоставленіе этого прошлаго съ настоящимъ, являющимся его непосредственнымъ послѣдствіемъ, только усугубляетъ этотъ интересъ. Мало того, родное прошлое необходимо знать каждому, и если повѣствованіе о немъ

представляется не въ скучной прозаической формѣ, а въ живомъ изложеніи, то такое повѣствованіе легко зацоминается при чтеніи, т. е., читатель незамѣтно для самого себя пріобрѣтаетъ обогащающія его знанія, а къ такому способу повѣствованія стремятся всѣ изданія «Родины», въ числѣ которыхъ, смѣемъ думать, сочиненіе «Покоренный Кавказъ» по вниманію къ нему читателей займетъ не послѣднее мѣсто.

Дабы наиболѣе укрѣпить въ памяти читателя и освѣтить нѣкоторыя особенно выдающіяся подробности повѣствованія, мы пополняемъ его множествомъ иллюстрацій. Подвиги русскихъ воиновъ представлены въ точномъ воспроизведеніи ихъ съ картинъ знаменитыхъ художниковъ, посвящавшихъ Кавказу свое творчество; портреты выдающихся кавказскихъ героевъ и наиболѣе замѣчательныхъ въ исторіи Кавказа личностей напоминаютъ современникамъ о подвигахъ ихъ предковъ и, наконецъ, подробныя карты Кавказскаго края даютъ возможность каждому читателю ориентироваться при чтеніи тѣхъ или другихъ описаній и ясно представитъ себѣ, гдѣ происходили тѣ или другія событія. Въ заключеніе очерковъ приведемъ полный списокъ матеріаловъ, которыми пользовались ихъ авторы.

Таково содержаніе этого новаго нашего изданія, и мы позволяемъ себѣ питать полную увѣренность, что наши труды не останутся напрасными, и очерки «Покоренный Кавказъ» заслужатъ вниманіе своихъ читателей.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Предкавказье, Кавказъ, Закавказье.

А. И. Лавинцева.

Я покажу ему титана,
Который сѣдъ и старъ, какъ бѣсъ,
Въ огромной области тумана
Всегда въ войнѣ противъ небесъ.
Изъ ребръ его окаменѣлыхъ,
Милліономъ водъ оледенѣлыкъ,
Шумятъ и лѣтомъ, и зимой
Ручьи съ свирѣпой быстротой.
Напрасно жаръ полдневный пышитъ,
Сразясь съ тройнымъ его вѣнкомъ, —
Сердитъ и пасмуренъ, — онъ дышитъ
Одпѣми вьюгами и льдомъ.
Кругомъ отъ моря и до моря
Хребты гранита и снѣговъ,
Какъ Эльборусъ, съ природой споря,
Стоятъ отъ бытности вѣковъ.
И неприступная сіяетъ
Изъ облаковъ ихъ высота;
Туда лишь дерзкая мечта
Съ царемъ пернатыхъ долетаетъ.

Полежаевъ.

I.

Кавказъ.

Помните, какъ у Лермонтова —

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землей?..

Онъ, этотъ печальный, скучающій Демонъ, парилъ на своихъ крылахъ высоко-высоко. Съ горней высоты открывались передъ нимъ дивныя картины. Онъ парилъ надъ Кавказомъ...

Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ
И, глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился извучистый Дарьялъ.

И Терекъ, прыгая, какъ львица
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ; и горный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали,
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, изъ далека
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсныя толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны:
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно, сквозь туманы,
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны *).

Словомъ, открывалась такая картина, которой залюбовался-бы каждый смертный, если-бы очутился въ положеніи этого лермонтовскаго Демона...

Увы! такое высшее духовное наслажденіе еще недоступно для живущихъ на землѣ, и только лишь вдохновеніе поэтовъ воспаряетъ на недосягаемую высоту, откуда во всемъ своемъ объемѣ открывается чудотворная красота, свидѣтельствующая о могучей силѣ природы, о величіи Творца-Міросоздателя...

Такъ отнеслись-бы къ открывшейся картинѣ смертные, но гордый духъ —

Презрительнымъ окинулъ окомъ
Твореньс Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего...

Демонъ былъ пресыщенъ красотами природы и вскорѣ обнаружилъ извращеніе эстетическаго вкуса, влюбившись въ красоту Тамары, въ земную жалкую красоту, которая — ничто, тлѣнъ въ сравненіи съ той дивной красотой, что открывалась ему съ горней высоты, когда —

Надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ...

Но зато совсѣмъ не „по-демоновски“ отнесся къ Кавказу великій русскій поэтъ — Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Его очаровалъ Кавказъ...

Очутившись на вершинѣ одной изъ горъ, кажется, Казбека, поэтъ вдохновенно восклицаетъ:

---

*) «Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова». Изданіе А. А. Кашкарй, томъ I, стр. 16. «Демонъ», восточная повѣсть.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины,
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье;
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной,
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады,
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой,
А тамъ уже рощи зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени;
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ... *)

Это — уже мирная картина Кавказа. Поэтъ очарованъ. Онъ лишь потомъ ощутилъ всю дикую прелесть этихъ горъ, которыя тогда только что становились достояніемъ Руси. Въ то время, когда Пушкинымъ написано это прелестное стихотвореніе, лишь часть Кавказскаго хребта находилась во власти Россіи и за Кавказъ начиналась ожесточенная борьба съ Персіей, Турціей, а вмѣстѣ съ этимъ славный Ермоловъ уже одно за другимъ прибиралъ къ рукамъ дикія и полудикія горскія племена, обитавшія на Казикумыкской равнинѣ, въ Дагестанѣ, Чечнѣ, Осетіи, въ обѣихъ Кабардахъ, Большой и Малой, и странѣ Адыге.

Но не будемъ забѣгать впередъ и, прежде всего, познакомивъ читателя съ поэтическими описаніями Кавказа, бросимъ на него взглядъ прозаика. Но и тутъ мы сейчасъ-же увидимъ, что поэзія и проза — родныя сестры, ибо и прозаическое описаніе только дополняетъ собой то, что диктовало о немъ великимъ русскимъ поэтамъ ихъ могучее проникновеннос воображеніе.

Что такое Кавказъ? Это необходимо установить въ началѣ нашего труда, дабы потомъ, при дальнѣйшемъ повѣствованіи, не возвращаться постоянно вспять.

Собственно, подъ именемъ Кавказа должно разумѣть площадь земли, покрытую горнымъ хребтомъ и его отрогами, тянущимися нѣсколько наискось по Понто-Каспійскому перешейку отъ Чернаго до Каспійскаго моря.

То свободное отъ горъ, почти степное пространство, которое раскинулось на сѣверъ отъ хребта, называется Предкавказьемъ, или Сѣвернымъ Кавказомъ, а на-

*) Изъ стихотворенія «Кавказъ». — «Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина» въ двухъ томахъ, изданіе А. А. Каспари, томъ I, стр. 121.

ходящаяся на югѣ отъ главнаго поперечнаго хребта горная страна носитъ названіе Закавказья. Такимъ образомъ, то, что мы называемъ общимъ наименованіемъ „Кавказскій край“, состоитъ изъ Предкавказья, Кавказа и Закавказья. Во всей своей цѣлокупности этотъ край нынѣ принадлежитъ Россіи и перешелъ къ ней лишь послѣ упорнѣйшей борьбы, въ которой святою русскою кровью омылись „утесовъ нагія громады“...

Займемся-же здѣсь пока однимъ Кавказомъ, т. е., горнымъ хребтомъ, пересѣкающимъ Понто-Каспійскій перешеекъ.

Кавказъ на западѣ подходитъ къ самому Черному морю, заканчиваясь на его побережьѣ около когда-то могучей турецкой крѣпости Анапы. На востокѣ онъ подходитъ почти къ самому Каспію, заканчиваясь около Апшеронскаго полуострова горою Ильхи-дагъ, поднимающейся надъ моремъ на сѣверо-западѣ отъ набережнаго каспійскаго города Баку.

Это — главный Кавказскій горный хребетъ, или Большой Кавказъ, служащій также водораздѣломъ для бассейновъ рѣкъ Предкавказья и Закавказья.

Площадь, занятую его горами, исчисляютъ обыкновенно въ 2.600 кв. миль. Если провести прямую линію отъ Анапы до Ильхи-дага, то длина ея будетъ 1.100 верстъ, но такъ какъ хребетъ идетъ извилинами, зигзагами, то на нихъ нужно накинуть еще 320 верстъ и, такимъ образомъ, длина непрерывнаго горнаго водораздѣльнаго хребта опредѣлится въ 1.420 верстъ, причемъ ширина его будетъ колебаться между 90 и 200 верстами. Водораздѣломъ Кавказъ является для бассейновъ рѣкъ: Кубани, Терека, Сулака и Самура, текущихъ въ Предкавказьѣ, и бассейнами рѣкъ Закавказья: Ингура, Ріона и Куры.

Ученые геологи раздѣляютъ Кавказъ по его профили на семь довольно замѣтно отличающихся одна отъ другой частей, изъ которыхъ каждая носитъ свое опредѣленное названіе.

Самой высокой частью хребта представляется такъ называемый Эльбрусскій Кавказъ, средняя высота котораго надъ уровнемъ моря равняется съ небольшимъ тремъ — тремъ съ половиною верстамъ.

Замѣтьте, это — средняя высота, то есть, величина искусственно вычисленная. Какъ разъ въ этой самой части, протяженіе которой на разстояніи 160 верстъ ограничивается истоками рѣкъ Кубани на востокъ и Ардона на

западѣ, вздымаются самыя высокія вершины хребта. Здѣсь, именно, Кавказъ покрытъ шапкою изъ вѣчныхъ снѣговъ и ледниковъ. Своими пиками онъ уходитъ въ облака. Есть утесы и скалы, на которые не ступала нога человѣческая. Здѣсь вздымаются знаменитые Эльбрусъ и Казбекъ...

Западно-европейцы кичатся своими Альпами и въ восторгѣ отъ своего Монблана. А Альпы въ сравненіи съ Кавказомъ — пиголица, Монбланъ — мальчишка и щепокъ въ сравненіи не только съ Эльбрусомъ или Казбекомъ, а даже съ ихъ меньшими собратьями. Кавказъ почти всюду выше Алпъ. Изслѣдователи Кавказа насчитываютъ въ немъ до ста пятидесяти вершинъ, вздымающихся выше $3^1/_2$ верстъ надъ уровнемъ моря, и двадцать пиковъ, которые превышаютъ значительно Монбланъ, эту прославленную знаменитость Западной Европы...

Но вернемся къ Эльбрусскому Кавказу.

Онъ залегъ подъ своими снѣгами и ледниками, и только немногіе трудно проходимые перевалы доступны въ немъ людямъ. Эльбрусскій Кавказъ—весь дикое величіе. Главный хребетъ отбрасываетъ на сѣверъ недлинные могучіе отроги и именно на нихъ вздымаются въ заоблачныя высоты высочайшія вершины всего хребта. Вотъ великанъ Эльбрусъ. Онъ даже не великанъ, а прямо гигантъ. Шутка-ли, его высота надъ уровнемъ моря — пять съ четвертью верстъ да еще „съ хвостикомъ“. Эльбрусъ въ двадцати верстахъ отъ главнаго хребта. Его зовутъ также Минги-тау, и это—самая высокая гора всего Кавказскаго края.

Пять съ четвертью верстъ! Высота, можно сказать, „высокопочтенная“... Но этого мало, Эльбрусъ, залегшій на границѣ Кубанской и Терской областей, вздымается въ небеса двумя почти одинаковыми по своей высотѣ вершинами; разница между ними въ этой высотѣ пустяшная — безъ очень немногаго 13 съ половиной саженъ.

Съ Эльбрусомъ высотою споритъ Казбекъ, тотъ самый, который у Лермонтова спорилъ съ Шатъ-горою и, какъ только увидѣлъ надвигающихся на горы кавказскихъ чудо-богатырей съ ихъ чудо-вождемъ Ермоловымъ, —

Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ
И навѣкъ затихъ.

И хорошо сдѣлалъ, ибо „Петровичъ“, то есть, Алексѣй

Петровичъ Ермоловъ, покоритель Кавказа и кумиръ кавказскихъ воиновъ, шутить не любилъ. Дагестанъ, Чечня, Кабарды, Адыге на собственномъ примѣрѣ убѣдились въ этомъ. „Петровичъ“ стеръ ихъ такъ, что, не оклевещи его передъ великимъ государемъ злые вороги, не было-бы еще сорока лѣтъ войны за Кавказъ...

Но послѣ, послѣ объ этомъ...

Казбекъ, у древнихъ—Котаксъ, въ незапамятныя времена былъ вулканомъ. Теперь онъ, конечно, давнымъ-давно потухъ, но зато вмѣсто лавы грозитъ людямъ своими ледниками, въ особенности Девдоракскимъ. Тамъ-то бываютъ частые обвалы, тамъ-то подъ снѣжной лавиной чаще всего гибнутъ люди. Казбекъ пониже Эльбруса. Онъ взлетаетъ въ высь на четыре съ половиною версты слишкомъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ производитъ своею, такъ сказать, „наружностью“ очень внушительное впечатлѣніе...

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами!..

поетъ о Казбекѣ незабвенный Пушкинъ *).

Однако, Казбекъ принадлежитъ уже не къ Эльбрусскому, а къ Терскому Кавказу, который тянется отъ устья р. Ардона на востокъ до горы Барбало, но между нимъ и Эльбрусомъ расположены самыя высокія вершины хребта. Эльбрусъ высокъ, но и вокругъ него тоже не малыши: тутъ находятся лишь немногимъ уступающіе своему гиганту-сосѣду Дыхъ-тау, Коштанъ-тау, Шхара, Джанги-тау, Тетнульдъ, Ушба, Адишъ-Адай-хохъ, завершающій собой Эльбрусскій Кавказъ. Самый „крошечный“ изъ нихъ, послѣдній — Адишъ-хохъ, но и онъ взвился надъ уровнемъ моря на высоту болѣе чѣмъ четыре съ четвертью версты. О высотѣ остальныхъ можно судить уже по этому „малышу“.

Эльбрусскій Кавказъ, какъ уже сказано выше, отличается своей величавой дикостью. На сѣверъ онъ бросилъ отроги, а на югѣ параллельно ему тянется Сванетскій хребетъ съ главной вершиною Шода, уходящей въ высь на высоту нѣсколько болѣе трехъ верстъ. Между Сванетскимъ хребтомъ и Эльбрусскимъ Кавказомъ залегли долины рѣки Ингура и Цхекисъ-цхали, а съ востока къ южному склону Эльбрусскаго Кавказа примыкаетъ долина верховьевъ Ріона, отдѣленная какъ отъ выше

*) А. С. Пушкинъ. «Монастырь на Казбекѣ».

упомянутой долины Ингура, такъ и отъ долины Кодора, отрогами главнаго хребта.

Терскій Кавказъ, тянущійся на протяженіи 120 верстъ, не такъ дикъ, но еще болѣе живописенъ. Онъ идетъ двумя гребнями: водораздѣльнымъ и передовымъ. Казбекъ — въ передовомъ. Около него въ томъ-же гребнѣ великаны: Тепли, Джимирай-хохъ, Цміакомъ-хохъ, а по сосѣдству въ водораздѣльномъ: Зильга-хохъ, Зикари, Чоухи, Барбало. Они, эти великаны, всѣ будутъ малость пониже Казбека, и самый маленькій изъ нихъ— это завершающій на западѣ Терскій Кавказъ Барбало, поднимающійся на три съ небольшимъ лишкомъ версты надъ уровнемъ моря.

Съ Казбекомъ все-таки трудно разстаться... Слишкомъ популяренъ онъ среди насъ, русскихъ людей, куда болѣе популяренъ, чѣмъ его большій братъ—Эльбрусъ. Казбекъ— излюбленное дѣтище поэтовъ, тогда какъ о великомъ Эльбрусѣ поэты помалкиваютъ. Можетъ быть, это потому, что Казбекъ болѣе доступенъ для человѣка, чѣмъ Эльбрусъ, а можетъ быть, потому, что на него, благодаря доступнымъ переваламъ, люди чаще обращаютъ вниманіе, тогда какъ гигантъ Эльбрусъ замкнулся въ своей дикости и никого не пускаетъ на свои подоблачныя высоты.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что наименованіе „Казбекъ“ совсѣмъ новое, существующее не болѣе столѣтія. Въ Закавказьѣ у грузинъ эта гора была извѣстна подъ именемъ „ледяной“ — Мкинвари, въ Осетіи его величали Урсъ-хохъ, что значитъ „бѣлая гора“, Хресте-тсудъ, т. е., „Христова гора“. Казбекомъ его окрестили уже русскіе отъ имени грузинскаго моурава Кази-бека, наслѣдственныя владѣнія котораго приходились на томъ-же пути, по которому шелъ путь черезъ горные перевалы Терскаго Кавказа изъ Предкавказья въ Закавказье. На Кавказѣ шесть горъ выше Казбека: Эльбрусъ, Дыхъ-тау, Коштанъ-тау, Шхара, Джанги-тау и въ сторонѣ Араратъ. Изъ нихъ развѣ только послѣдній пользуется такою-же популярностью, какъ Казбекъ, да и то лишь потому, что на Араратѣ, по библейскому сказанію, остановился послѣ потопа ковчегъ праотца Ноя. Причинами популярности Казбека можетъ также служить и указанное выше грозное обстоятельство. На Казбекѣ восемь ледниковъ и самый большой изъ нихъ, Девдоракскій, чаще всего сползаетъ своими лавинами на проходящую подъ Казбекомъ

по Крестовому перевалу Военно-Грузинскую дорогу. Такимъ образомъ, Казбекъ — гора безпокойная и за ней волей-неволею приходится слѣдить, а разъ за Казбекомъ бдительно наблюдаютъ, стало быть, онъ изслѣдованъ больше, чѣмъ всѣ остальные „спокойные“ его сосѣди. Да онъ и въ самомъ дѣлѣ всесторонне изслѣдованъ. Чуть-ли не каждая пядь земли на Казбекѣ описана, и сынамъ туманнаго Альбіона, т. е., англичанамъ, принадлежитъ честь перваго посѣщенія его вершины. Эти дошлые господа забрались на Казбекъ еще въ 1867 г. Нога русскаго человѣка—топографа Кузьмина—впервые попирала вершину этого великана лишь въ 1873 г.

Отъ горы Зикари, соединяясь съ нею, откидывается на югъ въ Закавказье небольшой, но тоже порядочной высоты Сурамскій хребетъ, какъ-бы соединяющій Большой Кавказъ съ Малымъ, о которомъ рѣчь будетъ нѣсколько ниже. У водораздѣльнаго хребта Терскаго Кавказа приткнулись высокія, отдѣленныя другъ отъ друга отрогами поперечныя котловины: Ардонская, Терская, Ассинская, Аргунская. Въ нихъ, питаемыя снѣгами изъ ледниковъ, зачинаются рѣки, рвущіяся съ высотъ Терскаго Кавказа въ Предкавказье. Изъ нихъ Терекъ и Ардона своимъ неистово бѣшенымъ разбѣгомъ прорываютъ горы передового хребта и вырываются въ Предкавказье черезъ знаменитое Дарьяльское ущелье. Тутъ-то:

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ *).

Дарьяльское ущелье — наикрасивѣйшее мѣсто на всемъ Кавказѣ. Только тотъ, кто пройдетъ по нему, будетъ имѣть понятіе о дикомъ величіи этихъ горъ.

По Терскому Кавказу проходитъ черезъ Крестовый перевалъ Военно-Грузинская дорога на Тифлисъ и черезъ Маписонскій перевалъ Военно-Осетинская дорога на Кутаисъ; первый перевалъ залегъ на высотѣ нѣсколько болѣе двухъ верстъ, второй — на высотѣ болѣе двухъ съ половиною верстъ. Это были тѣ пути, по которымъ впервые тронулась Русь изъ Предкавказья, гдѣ она прочно осѣла, въ Закавказье, въ Грузію...

Къ западу отъ Эльбрусскаго Кавказа—Кубанскій Кавказъ, начинающійся отъ истоковъ рѣки Кубани и кон-

*) М. Ю. Лермонтовъ. «Дары Терека».

чающійся у горной группы Оштенъ, а отъ послѣдней до Анапы — Черноморскій Кавказъ. На горѣ Фишта, въ Кубанскомъ Кавказѣ, если считать начало хребта отъ Чернаго моря, появляются первые вѣчные снѣга.

Къ востоку отъ Терскаго Кавказа, т. е., по направленію къ Каспію, отъ горы Барбало до горы Сари-дагъ, на протяженіи 140 верстъ, Большой Кавказъ называется Дагестанскимъ Кавказомъ. Хребетъ здѣсь идетъ уже на пониженіе. Онъ отбрасываетъ отъ себя на сѣверъ и сѣверо-востокъ отроги, образующіе вмѣстѣ съ передовымъ хребтомъ горную страну Дагестанъ. Южный склонъ этой части Кавказа обрывистъ и отроговъ почти не имѣетъ; особенно высокихъ вершинъ въ Дагестанскомъ Кавказѣ нѣтъ, но ледники и вѣчные снѣга еще покрываютъ его вершины. Наиболѣе замѣчательные отроги: Перикительскій или Сулако-Терскій хребетъ, раздѣляющій бассейны Терека и Сулака, потомъ Богосскій, водораздѣлъ рѣкъ Андійскаго-и Аварскаго-койсу, и Наукатъ — водораздѣлъ между рѣками Аварскимъ-койсу и Кара-койсу; хребетъ Андійскій, заканчивающійся хребтомъ Салатавскимъ. Съ сѣвера-же примыкаютъ къ Дагестанскому Кавказу глубокія поперечныя долины: Тушинская, Дидойская, Анкратльская, въ которыхъ находятся истоки Андійскаго-и Аварскаго-койсу, вырывающихся на сѣверъ черезъ передовой хребетъ и стремящихся къ Сулаку. Тутъ-же вытекаютъ Казикумыкское-койсу и Кара-койсу, скидывающіяся съ сѣвернаго отрога, служащаго водораздѣломъ между Сулакомъ и Самуромъ. На югѣ Дагестанскій Кавказъ крутъ и обрывисто падаетъ въ долину рѣки Алазани.

Несмотря на пониженіе хребта, въ Дагестанскомъ Кавказѣ, благодаря чрезвычайной гористости, совсѣмъ мало удобопроходимыхъ путей сообщенія; мѣшаютъ этому и бѣшено несущіяся съ высотъ рѣки, которыхъ здѣсь становится все больше и больше.

Между перевалами наиболѣе проходимые — Кодорскій, Саухенисскій.

За Дагестанскимъ Кавказомъ отъ горы Сари-дага до Баба-дага Большой Кавказъ носитъ наименованіе Самурскаго. По характеру своему Самурскій Кавказъ очень похожъ на Дагестанскій: отроги на сѣверъ, крутизна на югъ. Въ передовомъ хребтѣ этого Кавказа — гора Шахъ-дагъ, та самая, на которую лазилъ за дѣвственнымъ снѣгомъ герой повѣсти Марлинскаго-Бестужева—Искендеръ-

бекъ и на которой онъ познакомился съ знаменитымъ разбойникомъ Муллою-Нуромъ *).

Въ Самурскомъ Кавказѣ исчезаютъ вѣчные снѣга, и эти снѣга—послѣдніе по направленію отъ Понта на Каспій — окутываютъ именно Шахъ-дагъ. Наиболѣе замѣчательныхъ перевваловъ два: Гудурскій, отъ верховьевъ Самура на Закаталы, и Салаватскій, по которому проходитъ Военно-Ахтинская дорога.

Наконецъ, завершаетъ собою хребетъ Каспійскій Кавказъ, съ незначительными уже вершинами. Вѣчныхъ снѣговъ здѣсь нѣтъ, заканчивается Каспійскій Кавказъ, какъ сказано выше, горою Ильхи-дагъ, протяженіе его— 160 верстъ.

Вотъ и весь Большой Кавказъ — эта созданная самою природою перегородка на перешейкѣ, соединяющемъ Европу и Азію.

Малый Кавказъ — это обширное нагорье на юго-западѣ Кавказскаго края, съ разбросанными по окраинамъ его горными цѣпями. Малый Кавказъ, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, въ длину имѣетъ 500 верстъ, а въ ширину по перпендикуляру — 250. Онъ соединяется съ Большимъ Кавказомъ посредствомъ Сурамскаго хребта, который дѣлитъ Закавказье на двѣ рѣзко противоположныя другъ другу части: восточную и западную.

II.

Предкавказье и Закавказье.

Въ Азовское море впадаетъ рѣка Ея. У Ея есть притокъ Кугу-Ея. Почти соприкасаясь съ послѣдней, въ озеро Манычъ течетъ рѣка Средній Егорлыкъ; за озеромъ, далѣе по рѣкамъ Западному-и Восточному-Манычу и еще далѣе по рѣкѣ Гейдуку, впадающему въ Кумскій заливъ Каспійскаго моря, можно провести ломанную черту, которая явится, съ одной стороны, южною границею Области Войска Донского и Астраханской губерніи, а съ другой — сѣверною границею Предкавказья или, какъ выше указано, Сѣвернаго Кавказа. Съ запада—побережье Азовскаго и Чернаго морей, съ востока — побережье Каспійскаго, вмѣстѣ съ вышеупомянутыми границами Области Войска Донского и Астраханской губерніи, а также главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, явятся предѣ-

---

*) См. «Полное собраніе сочиненій Марлинскаго (А. А. Бестужева)», изданіе А. А. Каспари.

лами Предкавказья, нынѣ состоящаго изъ Ставропольской губерніи, областей Терской и Кубанской и Черноморской губерніи.

Если по горнымъ переваламъ перекинуться на южную сторону Большого Кавказа, тамъ будутъ губерніи: Кутаисская, Тифлисская, Эриванская, Бакинская, Елисаветпольская, области: Дагестанская и Карсская и округъ Закатальскій. Эти губерніи, области и округъ составятъ нынѣшнее Закавказье.

Оно съ востока и запада ограничено Каспійскимъ и Чернымъ морями. Проведя отъ мыса Копъ-мышъ, находящагося на Черноморскомъ побережьѣ нѣсколько ниже Батума, на югъ и потомъ на юго-западъ ломанную линію такъ, чтобы она, направляясь по отрогамъ Понтійскаго хребта, пересѣкла рѣчку Чарохъ, а за городомъ Ольты пошла по отрогамъ Саганлугскаго хребта, пересѣкла рѣку Аракcъ и далѣе прошла по водораздѣльному хребту Эгри-дагъ, отдѣляющему бассейны рѣкъ Аракса и Евфрата, затѣмъ прошла по вершинѣ Большого Арарата и вступила въ сѣдловину, связывающую Большой Арарать съ Малымъ, мы получимъ государственную пограничную черту между Россіей и малоазіатскими владѣніями Турціи. Протяженіе ея — 521 съ половиною версты.

Далѣе начинается государственная граница съ Персіей.

Сперва она поднимается по рѣкѣ Кара-су до Аракса и идетъ уже по берегамъ этой рѣки, причемъ лѣвый берегъ Аракса принадлежитъ Россіи, правый — Персіи. По Араксу она идетъ, поднимаясь на сѣверо-востокъ до Карадулинскаго поста и отсюда почти подъ прямымъ угломъ спускается къ юго-востоку по Муганской степи до рѣки Болгару-чай. По этой рѣкѣ граница спускается на югъ, проходитъ по гребню Талышинскихъ горъ и сворачиваетъ по р. Астары на востокъ къ Каспійскому морю. Тянется граница съ Персіей всего на протяженіи 756 верстъ.

Итакъ, теперь точно и опредѣленно мы знаемъ границы Кавказскаго края, или Кавказа, какъ уже ясно выяснилось, состоящаго изъ Предкавказья, Кавказа и Закавказья. Но является новый и интересный вопросъ: куда слѣдуетъ относить Кавказъ — къ Европѣ или Азіи?

Населеніе страны смѣшанное до-нельзя: арійцы, се-

миты, кавказцы, тюрки, монголы, финны. Языки тоже смѣшанные: индо-европейской, урало-алтайской семей, картвельской и западно-и восточно-горской группъ. Религія въ первыхъ вѣкахъ по Р. Хр. здѣсь преобладала христіанская; въ древніе вѣка великіе завоеватели-римляне, забиравшіеся съ завоевательными цѣлями и сюда, дали странѣ свою высокую цивилизацію...

Такъ куда-же причислить Кавказъ?

Ученые геологи отвѣчаютъ на такой вопросъ тѣмъ, что, по ихъ объясненіямъ, Кавказъ въ своемъ общемъ цѣломъ никоимъ образомъ къ Европѣ причисленъ быть не можетъ.

Это — Азія и Азія несомнѣнная.

Доказываютъ это ученые тѣмъ, что на сѣверѣ Предкавказья существуетъ проходящая черезъ весь перешеекъ Кумо-Манычская впадина, называемая такъ отъ рѣки Кумы, впадающей въ Каспійское море, и озера Манычъ. По геологическимъ изслѣдованіямъ, во времена самой глубокой древности, когда еще земля переустраивалась въ различныя геологическія эпохи, на мѣстѣ нынѣшней Кумо-Манычской впадины былъ проливъ, соединявшій Черное море черезъ Азовское съ Каспійскимъ, и упоминаемая выше впадина не что иное, какъ дно этого пролива.

На основаніи этихъ данныхъ, Кавказъ въ полномъ его объемѣ непремѣнно должно относить къ Азіи. Исконные обитатели Кавказа не извѣстны, но разъ былъ этотъ проливъ, отдѣлявшій Азію отъ Европы, то кореннымъ населеніемъ страны могли быть только народы азіатскаго происхожденія, для которыхъ была полная возможность селиться здѣсь, приходя сюда сухимъ путемъ, тогда какъ народамъ европейскаго происхожденія ради этого пришлось-бы переправляться черезъ водное пространство, что, конечно, не было для нихъ возможнымъ. Да и горы Закавказья указываютъ на то, что эта страна всецѣло связана съ Азіей, ибо въ большей своей части Закавказье представляетъ изъ себя нагорье и тѣмъ связано съ западно-азіатскими плоскогоріями, составляя съ ними горныя страны.

Итакъ, Кавказъ — несомнѣнная, неоспоримая Азія, и что въ немъ есть европейскаго — все это пришлое, наносное, хотя и утвердившееся уже на почвѣ Кавказа не вѣками даже, а цѣлыми тысячелѣтіями.

По своей профили Предкавказье — страна равнинная.

Его равнины мѣрно переходятъ въ придонскія и приволжскія степи на сѣверѣ. Въ срединѣ-же Предкавказья поднимается такъ называемая Ставропольская возвышенность, раздѣляющая страну на западное и восточное Предкавказье и являющаяся водораздѣломъ рѣкъ черноморско-азовскаго и каспійскаго бассейновъ. Ставропольская возвышенность своею южною частью подходитъ къ такъ называемымъ контрфорсамъ Большого Кавказа, воздвигающимися здѣсь террасами и у города Ставрополя высочайшая его точка — 343 саж. надъ уровнемъ моря. У Пятигорска на этой возвышенности группа изъ пяти скалистыхъ невысокихъ горъ, изъ которыхъ средняя называется Бештау, а высшая — Машукъ, соединяетъ Пятигорье съ Б. Кавказомъ Ослинымъ хребтомъ. Южная часть Предкавказья, подходящая къ Большому Кавказу, образуетъ равнины: Кубанскую (Закубанье), Кабардинскую (Большая и Малая Кабарда), Владикавказскую (Осетія) и Чеченскую (Большая и Малая Чечня). На юго-западѣ до дельты Терека тянется окончаніе Кумыкской низменности.

На то, что Кавказъ принадлежитъ къ Азіи, не менѣе ясно указываютъ и рѣки Предкавказья.

Только Кубань и Терекъ, обязанные своимъ существованіемъ ледникамъ и вѣчному снѣгу на вершинахъ Эльбрусскаго Кавказа и питающіеся также однимп только горными водотоками, представляютъ изъ себя нѣчто значительное. Рѣки на сѣверѣ Предкавказья ничтожны, кромѣ Еи. Этотъ сѣверъ имѣетъ степной характеръ и по этому одному уже рѣки его мелки. Наиболѣе крупныя сѣверныя рѣки: Ея, оба Манича и Кума-Гей-дукъ, по мелководью не подходящая даже къ Каспію и образующая „проранъ“ — нѣчто вродѣ огромнаго болота, въ которое она и изливаетъ свои грязныя воды.

Ея не принадлежитъ, собственно говоря, къ Кавказскому краю, а является только пограничной рѣкой.

Манычъ вытекаетъ изъ астраханскихъ соляныхъ грязей и впадаетъ въ Донъ. Вода въ немъ горько-соленая, а рѣченки, впадающія въ него, почти всѣ носятъ названіе „горькихъ“. Наиболѣе значительные изъ притоковъ Манича: Калаусъ съ Чхлой, Грушевкой и Атлой и вышеупомянутые Егорлыки.

Наиболѣе значительною рѣкою является Кума, древній Удонъ, у черкесовъ — Кума-ишъ, вытекающая изъ

горъ Большого Кавказа, вблизи отъ того мѣста, гдѣ въ Кубань впадаетъ Кеберда. Съ правой стороны въ Куму впадаетъ Подкумокъ и Золка, съ лѣвой — Таплыкъ, Кумскіе-бурсуклы, Средній- и Сухой-Карамакъ, Томуаловъ, Байвола и Сухая-Байвола.

Кубань, древняя Гипонисъ и Алардае, у Птоломея — Варданъ, у древнихъ хозаръ — Урсугъ, наизначительная рѣка Предкавказья. Она скатывается изъ ледниковъ Эльбруса съ высоты 4 съ небольшимъ верстъ и мчится прямо па сѣверъ, затѣмъ у станицы Невинно-Мысской довольно круто поворачиваетъ на сѣверо-западъ и затѣмъ у ст. Телишбакской прорывается по равнинѣ совсѣмъ на западъ къ Черному морю. У ст. Троицкой она дѣлится на два рукава: однимъ впадаетъ въ Азовское море, другимъ — лѣвымъ — въ Черное, образуя обширный Кубанскій лиманъ съ тремя заливами: Кубанскимъ, Темрюкскимъ и Ачуевскимъ и двумя большими островами: Ачуевскимъ и Тамань. Все пространство между обоими рукавами покрыто камышами, болотами, часто заливаемыми разливами. Притоки свои Кубань принимаетъ только слѣва, ибо идетъ вдоль Кавказскаго хребта, съ снѣговыхъ вершинъ котораго берутъ начало питающія ее своими водами Теберда, Большой- и Малый-Зеленчукъ, Урупъ, Лаба, Бѣлая и нѣк. друг. Справа въ Кубань впадаетъ Тахтимышъ, Бетмакъ, Невинка, Барсуклы-Горькая, Камышеватая, Терновка. Всѣ онѣ столь незначительны, что скорѣе могутъ почитаться ручьями, чѣмъ рѣками. Какъ и всѣ горныя рѣки, Кубань мелководна и становится доступною для судоходства, да и то съ большими затрудненіями, только отъ Екатеринодара.

Терекъ — рѣка казацкая, жалованная казакамъ самимъ Грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ...

Женился Грозный царь на черкесской княжнѣ Маріи Темрюковнѣ, и тутъ случилось, что понаѣхали на Москву старшины гребенскихъ казаковъ.

Вотъ они и говорятъ Грозному царю-государю, какъ это передается въ одной старинной казачьей пѣснѣ:

— «Ой, ты, батюшка нашъ православный царь!
Чѣмъ ты насъ подаришь, чѣмъ пожалуешь?»
— «Подарю я вамъ, казаченки, да пожалую
Рѣкою вольною, Терекомъ Горынычемъ,
Что отъ самаго гребня до сиия моря,
До сиия моря до Каспицкаго».

И сталъ „Терекъ Горынычъ“ вольною казацкою рѣкою съ той поры. И недаромъ его воспѣвали и казацкіе

баяны, и поэты великіе и малые. По батюшкѣ возвеличали его казачки, ибо вырывается онъ изъ ледниковъ и катится внизъ съ высоты почти четырехъ верстъ, катится такъ, какъ одни лишь водопады катятся; Казбекъ обѣжалъ въ своемъ бѣгѣ, весь въ пѣнѣ, что подвернется — все сокрушаетъ, горы прорвалъ и черезъ Дарьялъ въ равнину ворвался, у Владикавказа на волю выбрался — на плоскость, а еще отъ Дарьяла на сѣверо-западъ завернулся, но вдругъ ударила въ него рѣченка Малка, и Терекъ Горынычъ круто завернулъ къ „синю морю Каспицкому“ и множествомъ рукавовъ ворвался въ одномъ мѣстѣ прямо въ него, въ другомъ мѣстѣ въ Аграханскій заливъ. Пока на сѣверъ несся Терекъ Горынычъ, всѣ и справа, и слѣва принималъ къ себѣ рѣки, а какъ повернулъ на востокъ, то только справа принимать сталъ — тѣ рѣки, которыя съ родного ему Кавказскаго хребта къ нему пробились: Сунджу принялъ, Сунджа приняла Ассу, Аргунь, но Терекъ Горынычъ не сталъ отъ того доступнѣе, судоходство по нему невозможно: мелокъ онъ и быстръ въ то-же время...

Терекъ — Теркхъ у армянъ, Терекъ у персовъ и турокъ, Терги и Ломехи у грузинъ. Изъ безчисленныхъ рукавовъ его дельты особенно выдѣляются три: Южный Аксай, который въ то-же время называется и Терекомъ, средній — Сухой-Терекъ (Кара-Терекъ) и сѣверный — Бороздa, впадающій, въ свою очередь, двумя источниками.

Терекъ замерзаетъ изъ-за быстроты своего теченія очень рѣдко, и притомъ на три-четыре недѣли не болѣе. Кубань течетъ медленнѣе Терека, и продолжительность ея замерзанія большая — съ ноября до марта.

Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о Дарьяльскомъ ущельѣ, черезъ которое прорывается Терекъ съ горъ въ равнину. Грузины называютъ его Кхевизкари, древніе арабы называли Бабъ-Алалакъ — Аланскія ворота, другіе древніе историки — Кавказскими воротами, ибо отсюда вторгались въ Грузію съ сѣвера скиѳы и сарматы и здѣсь были заграждавшія проходъ крѣпости. По народному преданію, здѣсь въ оны времена жила разбойница, по имени Даріэль, и памятникомъ ея подвиговъ являются развалины замка-крѣпости съ подземнымъ ходомъ на Терекъ. Само по себѣ ущелье представляетъ двѣ гигантскія горныя гряды, поднимающіяся отвѣсно справа и слѣва вокругъ дороги, вьющейся по берегу бѣшено мчащагося впередъ Терека.

Малка, впадающая въ Терекъ немного ниже Екатеринодара, вытекаетъ тремя источниками изъ Карачаевскихъ горъ, около Екатеринодара она принимаетъ въ себя рѣки Баксанъ и Чечемъ, съ притоками послѣдней—Урухваномъ, Нильчикомъ и Чалухвой, а также рѣку Черекъ, и, ставъ рѣкою многоводною, ударяетъ въ Терекъ, какъ-бы заставляя его насильно измѣнить направленіе.

Есть еще рѣки, тоже горныя. Но онѣ уже прямо въ Каспій текутъ. Таковы могучіе, бурные; бѣшено мчащіеся по каменному руслу Самуръ и Сулакъ. Послѣдній сразу изъ четырехъ рѣкъ составился: Аварское-койсу, Андійское-койсу, Казикумыкское-койсу и Кара-койсу.

И Самуръ, и Сулакъ — это рѣки Дагестана, но онѣ такъ-же, какъ и Терекъ, текутъ не по особенно густо заселеннымъ мѣстамъ. У Чернаго моря чернозема много — тамъ и люди селились охотно. У Каспійскаго—солончаки, пески, глина—селились лишь тѣ, кто обрекъ себя на жизнь воина. И населеніе здѣсь всегда было воинственно: и пришлое, и осѣдлое; а на Кубани все потише было, хотя и тамъ велась съ обѣихъ сторонъ отчаянная кровопролитная война.

Предкавказье носитъ равнинный характеръ, Закавказье въ большей своей части — нагорье. Въ этомъ отношеніи, прежде всего, закидалъ Закавказье своими южными отрогами и контрфорсами Большой Кавказъ и особенная гористость имѣется здѣсь въ средней части главнаго хребта. Затѣмъ въ сѣверо-западномъ углу Закавказья находится обширное нагорье — вышеуказанный Малый Кавказъ, занимающій западное и срединное Закавказье; на сѣверо-востокѣ—страна, занятая отрогами Понтійскаго хребта, обрамляющаго сѣверъ Малоазійскаго плоскогорья; юго-востокъ Закавказья имѣетъ степной и равнинный характеръ, а на границѣ Персіи подымаются Талышинскія горы.

Остановимся ненадолго на Маломъ Кавказѣ. Эта горная страна расположена между долинами рѣкъ Куры, Аракса, Ріона и Чароха. По профили своей Малый Кавказъ состоитъ изъ ряда горныхъ, перепутанныхъ между собой, цѣпей, изрѣзанныхъ ущельями. Мѣстность очень дикая и живописная, рѣзко разнящаяся въ различныхъ своихъ частяхъ по своей растительности. Замѣчательна здѣсь по своей красотѣ, густотѣ своихъ лѣсовъ горная страна Чарохскій край, раскинувшійся на западѣ Малаго Кавказа.

Наиболѣе значительнымъ хребтомъ здѣсь является уже упомянутый при описаніи Большого Кавказа Сурамскій хребетъ, идущій отъ вершины Терскаго Кавказа—Зикари. Этотъ хребетъ, протянувшись на юго-западъ и являясь водораздѣломъ рѣкъ Куры и Ріона, дѣлитъ Закавказье на двѣ почти равныя, но совершенно различныя по своему климату, растительности, характеру, части—западную и восточную. Заканчивается Сурамскій хребетъ вершиною Чхалъ-цители и переходитъ уже въ сѣверную окраину Малаго Кавказа, которая разрывается живописнѣйшимъ Боржомскимъ ущельемъ съ спускающейся по нему на востокъ рѣкою Курою. Западные скаты хребта носятъ названіе Аджаро-Ахалцыхскихъ горъ; восточные—Тріалетскихъ. Въ первомъ наиболѣе замѣчательныя вершины—Ненисъ-цикро, Цхалъ-цители, Самомлія, Зотимери; изъ перевваловъ наиболѣе удобный Зикарскій, по которому черезъ Абасъ-Туманъ проходитъ дорога между Кутаисомъ и Ахалцыхомъ. Въ Тріалетскихъ горахъ наиболѣе замѣчательныя вершины — Кара-кая, Арджевонъ, Ашора. Отъ завершенія этихъ горъ идутъ уже южныя окраинныя горныя цѣпи Малаго Кавказа—Аджаро-Тріалетскія горы, значительно подпимающіяся надъ сѣверными. Къ южной подошвѣ примыкаютъ котловина Ахалцыхская, нагорье Ахалкалакское, возвышенность Цалко-Лорійская, причемъ первая подходитъ къ Ардагано-Карсскому плато, второе окаймляется на востокѣ такъ называемыми Мокрыми горами и примыкаетъ къ западной и восточной окраинѣ Гокчинской котловины, откуда отбрасываются многочисленные отроги Тріалетскихъ горъ, извѣстные подъ общимъ наименованіемъ Гокчинскихъ. Наконецъ, Цалко-Лорійская возвышенность, вся покрытая многими отрогами и невысокими хребтами, спускаясь къ р. Курѣ, переходитъ въ Борчалинскую равнину. На нѣкоторыхъ вершинахъ Гокчинскихъ горъ круглый годъ лежитъ снѣгъ, ибо многія изъ нихъ поднимаются на высоту полутора верстъ и болѣе. Горы, окружающія Гокчинскую котловину, спускаясь во всѣ стороны своими отрогами, образуютъ на сѣверо-западѣ Казахскую горную страну, примыкающую къ среднему теченію Куры, на югѣ и юго-востокѣ Карабагское ущелье и на юго-западѣ Дарагезскую горную страну. На западъ отъ Гокчи лежитъ Эриванo-Алагезская возвышенность, названіе которой происходитъ отъ самой высокой вершины Малаго Кавказа—

потухшаго вулкана Алагезъ, вздымающагося въ высоту двухъ съ половиною верстъ, и отъ этой возвышенности, уже на западъ, начинается вышеупомянутое Ардагано-Карсское плато, сплошь состоящее изъ древнихъ вулканическихъ породъ и представляющее изъ себя ряды короткихъ горныхъ хребтовъ и отдѣльныхъ горныхъ вершинъ. Заключаетъ на крайнемъ югѣ Малый Кавказъ высокій Эградигскій хребетъ, тянущійся по восточной границѣ съ Турціей, по правому берегу Аракса, бассейнъ котораго отдѣляетъ отъ бассейна верхняго Евфрата.

Самыя большія рѣки Закавказья—Ріонъ и Кура съ Араксомъ. Первый (Фазисъ—въ древности), самая крупная изъ рѣкъ Западнаго Закавказья, течетъ къ Черному морю. Начинается Ріонъ изъ южныхъ склоновъ Большого Кавказа и течетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ; у Кутаиса Ріонъ выходитъ изъ горъ, круто поворачиваетъ на западъ и двумя рукавами впадаетъ въ Черное море. Другая изъ крупныхъ рѣкъ Западнаго Закавказья—Чарохъ принадлежитъ своимъ низовьемъ Россіи только на 84 версты.

Крупнѣйшая рѣка Восточнаго Закавказья—Кура вытекаетъ изъ находящихся на сѣверс-западѣ отъ Карса болотъ Ардагано-Карсскаго плато. Отсюда Кура медленно течетъ на сѣверо-востокъ, мимо Ардагана, скатывается съ плато въ Ахалцыхскую котловину, проходитъ мимо Ахалцыха, прорывается черезъ Боржомское ущелье и, прорвавшись черезъ Аджаро-Тріалетскія горы, повертываетъ у Гори на юго-востокъ. За Елисаветполемъ рѣка выходитъ изъ горъ и дѣлаетъ множество излучинъ, бѣжитъ къ Каспійскому морю, принимаетъ на пути около Джевета Араксъ и двумя рукавами впадаетъ въ Каспій, образуя своей дельтою Сальянскій островъ. Лѣвые, наиболѣе значительные, притоки Куры—Посховъ-чай, Ліахва, Арагва, Алазань съ Іорою; правые, менѣе значительные, чѣмъ лѣвые — Эрамъ, Акстафа, Тертеръ и, самый знаменитый, Араксъ съ Арка-чаемъ, Кара-чаемъ, Занги, Бергушетомъ и мн. друг.

Изъ озеръ Кавказскаго края наиболѣе замѣчательно озеро Бокча, въ юго-восточной части Малаго Кавказа. Другія озера незначительны и о нихъ будетъ упоминаться въ случаѣ надобности при описаніи современнаго Кавказа, точно такъ-же, какъ и о рѣкахъ, не имѣвшихъ историческаго и стратегическаго значенія.

Русь на Кавказъ прошла съ сѣвера. Сперва ея гра-

ницей была Ея, потомъ Терекъ. Съ Ея уже на Кубань перебрались, а на Терекѣ въ незапамятныя времена еще русаки-казаки осѣли. До Закавказья имъ мало было дѣла. Знали, что тамъ Кура съ Араксомъ течетъ; знали, что у Куры Посховъ-чай, Ліахва, Арагва, Алазань съ Іорой — главные притоки; но Закавказьемъ Русь долго не интересовалась; довольно и того было, что Предкавказье какъ-то само-собою подъ рукою Бѣлаго царя оказалось. Горы да выходы изъ нихъ сторожили зорко, а тамъ, за горами, что дѣлалось — это не наше дѣло было...

А за горами была страна-страдалица, вѣка молившая Русь великую принять ее въ свои материнскія объятія, защитить отъ страшныхъ, свирѣпыхъ, какъ звѣри, враговъ, кровью заливавшихъ весь многострадальный край, вѣру православную дерзко попиравшихъ.

Этотъ свирѣпый врагъ многострадальной страны была Персія со своими извергами-шахами.

Многострадальная страна была Грузія, хорошо знакомая русскимъ еще со времепъ первыхъ ихъ призванныхъ изъ-за моря князей..

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Грузія многострадальная.

А. И. Красницкаго.

. . . . И выстрѣлъ снова...
И дикій крикъ, и стонъ глухой
Промчались въ глубинѣ долины...
Недолго продолжался бой:
Бѣжали робкіе грузины.
Лермонтовъ.

I.

Далекое прошлое многострадальной Грузіи.

Грузія была дѣйствительно страною страда́лицей.

Такихъ „странъ-мученицъ“ совсѣмъ немного на бѣломъ свѣтѣ. Если поэтъ говоритъ, что при одиночномъ выстрѣлѣ, сразившемъ на смерть князя Синодала, „бѣжали робкіе грузины“ *), то эта робость вполнѣ объяснима. Какъ тутъ не пугаться выстрѣловъ и не бѣжать, когда про Грузію говорили, что въ этой странѣ у каждой семьи есть въ числѣ святыхъ мучениковъ за вѣру родственникъ...

А, между тѣмъ, Грузія — страна съ великимъ прошлымъ, страна, населенная способнѣйшимъ народомъ, переполненная всякими природными богатствами, страна, цивилизовавшаяся еще въ то время, когда всѣ сосѣди окрестъ ея по своему духовному и государственному развитію стояли на одномъ уровнѣ съ дикарями.

Между тѣмъ, ни величіе прошлаго, ни могучая цивилизація не спасли Грузіи отъ невообразимыхъ бѣдъ...

Въ чемъ-же дѣло? Гдѣ корень множества постигшихъ Грузію напастей?

Да въ томъ, на нашъ взглядъ, что Грузія, какъ госу-

---

*) «Демонъ», поэма М. Ю. Лермонтова.

дарственный организмъ, пережила самое себя, одряхлѣла, и эта дряхлость застигла ее въ то время, когда окружавшіе ее народы встрепенулись послѣ долгой спячки и, получивъ толчекъ съ азіатскаго Востока, по волѣ судьбы, требующей непремѣннаго преобладанія для сильнѣйшаго, кинулись впередъ, но, остановленные въ своемъ стремленіи Кавказскимъ хребтомъ, всею силою своего удара обрушились на Грузію, и Грузія, изнѣженная своею цивилизаціею, Грузія — страна высшаго духовнаго развитія, не имѣла достаточно физическихъ силъ, дабы дать отпоръ внезапно нахлынувшимъ на нее живымъ волнамъ.

Теперь, говоря про Грузію, всю ее какъ-бы вмѣщаютъ въ одну Тифлисскую губернію, а, между тѣмъ, было время, когда подъ именемъ Грузіи понималась совокупность пяти могучихъ царствъ: Карталиніи, Кахетіи, Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, да къ этому можно прибавить Абхазію съ Сванетіей. О грузинахъ, какъ о народѣ, знали и упоминали въ своихъ сочиненіяхъ пророки Моисей и Іезекіиль; о нихъ-же говоритъ Геродотъ; греческій историкъ Ксенофонтъ, описывавшій отступленіе грековъ, восхищается храбростью сражавшихся калховъ и месховъ — одно изъ указанныхъ древними историками названій грузинскаго народа.

Моисей зналъ грузинъ подъ наименованіемъ народа мешехъ (месехъ — позднѣйшее — месхи). Что народъ этотъ могъ быть извѣстенъ древнему еврейскому вождю и пророку, подтверждается тѣмъ, что среди грузинъ есть преданія, по которымъ они являются прямыми потомками праотца Ноя, ковчегъ котораго послѣ потопа остановился на недалекомъ отъ нынѣшней Грузіи Араратѣ. Невозможнаго въ этомъ нѣтъ. Кто-нибудь изъ внуковъ или правнуковъ праведнаго Ноя могъ остаться съ своей семьею подъ благословеннымъ небомъ этого края и, слѣдуя завѣту Творца, плодился и размножался, такъ что уже вскорѣ послѣ потопа явился цѣлый народъ. Вѣроятность этого предположенія подтверждается еще и тѣмъ, что основаніемъ первоначальной религіи грузинъ является вѣра въ невидимаго Творца неба и земли, т. е., именно то самое религіозное воззрѣніе, которое, судя по библейскимъ сказаніямъ, сохранилось послѣ потопа только въ одномъ семействѣ праведнаго Ноя.

Итакъ, вотъ къ какой сѣдой древности можетъ быть относимо возникновеніе грузинскаго народа.

Врядъ-ли подобной родословной могутъ похвастаться

другіе населяющіе землю народы, если, конечно, не считать евреевъ, ведущихъ, какъ извѣстно, свой родъ отъ еще болѣе отдаленнаго праотца — самого первосозданнаго Адама...

Своимъ родоначальникомъ грузины считаютъ нѣкоего Картлоса, жившаго за 2.100 лѣтъ до Р. Хр. Отъ этого Картлоса пошелъ картвельскій народъ. Картлосъ жилъ съ своимъ семействомъ при сліяніи Куры и Арагвы, и по его имени страна, населенная его потомками, стала называться Картліей, и потомъ, когда языкъ сталъ мѣшаться, Карталиніей.

Преданія даже прямо указываютъ, что родоначальникъ грузинъ, Картлосъ, былъ правнукомъ Іафета, сына Ноя, т. е., праведному праотцу, уцѣлѣвшему при всемірномъ потопѣ, приходился праправнукомъ. Тѣ-же преданія говорятъ о Мцхетосѣ, сынѣ Картлоса, по имени котораго названа первая и древнѣйшая столица Грузіи — Мцхетъ, затѣмъ объ его сыновьяхъ Уплосѣ и Джевахосѣ, давшихъ первоначальное бытовое устройство разрозненнымъ грузинамъ.

Этотъ первоначальный бытъ былъ родовой. Каждая семья со всѣми послѣдующими потомками составляли семейную общину, во главѣ которой стоялъ старѣйшій въ родѣ, именовавшійся „мамасахлисъ“ и пользовавшійся неограниченною властью надъ всѣми остальными своими сородичами.

Такъ, незамѣчаемые никѣмъ, жили „картули“, — какъ называли себя нынѣшніе грузины съ древности по первую половину VII вѣка до Р. Хр.

Здѣсь очень кстати будетъ сказать, что наименованіе „Грузія“, „грузины“ всегда было чуждо этому народу. Появленіе наименованія „Грузія“, „грузины“ объясняется трояко. Во-первыхъ, его производятъ отъ испорченнаго сирійскаго слова „гариз“, что значитъ просо. Объясняется это словопроизводство тѣмъ, что въ Сиріи и Палестинѣ грузины были извѣстны, какъ первый народъ, принявшій за воздѣлываніе проса. Затѣмъ названіе Грузіи производятъ отъ персидскаго ея наименованія Гурджистанъ, что означаетъ „страна силы“, или арабскаго Джурджистанъ, что означаетъ „страна Джуры“, т. е., рѣки Куры; наконецъ, приписываютъ названіе Грузіи тому, что въ этой странѣ особеннымъ почитаніемъ пользовался св. Георгій Побѣдоносецъ, являвшійся, по увѣреніямъ византійскихъ историковъ, покровителемъ Грузіи. У фран-

цузовъ Грузія такъ и называется Géorgie, у англичанъ— Georgia, но нѣмцевъ уже — Grusien.

Въ 633 г. до Р. Х. Грузія подверглась первому нашествію дикарей. Съ сѣвера, съ нынѣшнихъ Дона и Волги, явились хозары.

Они безъ труда покорили разрозненныхъ и совсѣмъ невоинственныхъ картули. Покоривъ ихъ, хозары не вернулись въ свои степи, а поселились среди покоренныхъ. Такъ какъ послѣдніе превосходили своихъ побѣдителей духовнымъ развитіемъ, то быстро и легко изъ побѣжденныхъ превратились въ побѣдителей. Безъ борьбы исчезли, „растворились“, такъ сказать, пришельцы въ богатомъ духовными силами народѣ и, воспріявъ отъ него культурное развитіе, заплатили за него тѣмъ, что передали послѣдующимъ поколѣніямъ цѣликомъ свои воинственность и храбрость, т. е., то, чего у картули до тѣхъ поръ и въ поминѣ не было.

Разъ въ народномъ организмѣ появились физическія силы, то естественно, что онѣ потребовали себѣ выхода. Начались упорныя и долгія войны съ мидянами, причемъ грузины ходили на Мидію съ войсками знаменитаго Кира Персидскаго. Тутъ они успѣли обратить на себя и въ особенности на свою страну вниманіе персовъ.

Когда знаменитый сынъ Манданы, дочери Астіага, царя мидянъ, былъ убитъ царицей массагетовъ Тамарисою, его преемники кинулись съ завоевательными цѣлями на Грузію, но грузины легко и свободно дали имъ могучій отпоръ. Эта побѣда придала такое мужество грузинамъ, что они очень охотно стали давать у себя мѣсто вытѣсняемымъ царемъ Навуходоносоромъ народамъ. Переселенцы были принимаемы съ радушіемъ. Можетъ быть, грузины помнили ту пользу, какую получилъ ихъ народъ отъ разселившихся по Грузіи воинственныхъ хозаръ, но зато они не предусматривали иной опасности. Для переселенцевъ Грузія была совсѣмъ чужой страной, и, когда эти переселенія дали поводъ царю персовъ Артаксерксу напасть на Грузію, то артаксерксовы орды безъ особеннаго труда покорили грузинъ.

Появленіе пришельцевъ и смѣшеніе съ ними теперь не усилило, а ослабило грузинъ и въ особенности отразилось на ихъ духовномъ развитіи. Быстро стало исчезать являвшееся признакомъ высокой культуры вѣрованіе въ невидимаго Творца міра и его замѣнило грубое обоготвореніе не отвлеченнаго, а вещественнаго.

Сперва грузины стали поклоняться солнцу, лунѣ звѣздамъ, а потомъ перешли и къ грубому идолопоклонству, но вѣрованіе въ невидимаго Бога не исчезло. Его засталъ еще въ Грузіи всемірный завоеватель Александръ Македонскій, покорившій Грузію въ IV вѣкѣ до Р. Хр. Онъ поставилъ надъ Грузіей своего намѣстника Язона, который, ради того, чтобы окончательно подавить въ грузинахъ всякое стремленіе къ самостоятельности, заставлялъ ихъ поклопяться серебрянымъ идоламъ Гацы и Гаиму. Но тогда среди грузинъ явился нѣкій мужъ, по имени Фарнаозъ, или Фарнавазъ, бывшій однимъ изъ прямыхъ потомковъ Картлоса. Онъ уговорилъ мамасахлисовъ передать ему свои державныя права, т. е., объединилъ разрозненные дотолѣ роды въ одно цѣлое. Свершивъ это дѣло, онъ организовалъ войско и прогналъ изъ Грузіи Язона и его отрядъ. Страна была освобождена отъ иноплеменниковъ, но Фарнаозъ временно переданныя ему державныя права удержалъ за собой и сталъ первымъ царемъ объединенной имъ Грузіи.

Фарнаозъ, умершій въ 337 г. до Р. Хр., далъ Грузіи новое административное устройство, раздѣливъ ее на восемь эриставствъ, т. е., административныхъ округовъ; затѣмъ онъ изъ эриставовъ и бывшихъ мамасахлисовъ создалъ классъ азнауры — грузинское дворянство. Онъ-же объявилъ грузинскій языкъ общегосударственнымъ и изобрѣлъ для своего народа Мхедрулъ — гражданскія письмена. Но этотъ царь не вернулъ народъ къ древней религіи. Напротивъ того, въ странѣ установилась при немъ, въ качествѣ государственной религіи, религія Зароастра, заимствованная отъ персовъ. Фарнаозъ такъ былъ увлеченъ идолопоклонствомъ, что на могилѣ своего предка Картлоса поставилъ огромнаго идола Армаза, или Аурамазада, одѣтаго въ великолѣпныя латы, съ золотымъ панцыремъ, въ вѣнцѣ, осыпанномъ драгоцѣнными камнями. Во всемъ остальномъ мудрость Фарнаоза была несомнѣнна: онъ строилъ города, крѣпости, организовалъ армію, установилъ идеальный порядокъ престолонаслѣдія, оставивъ послѣ себя наслѣдникомъ престола своего сына.

При преемникахъ Фарнаоза Грузія была могущественна. Хозары, мидяне, персы, являвшіеся съ завоевательными цѣлями, были отбрасываемы, и вотъ, наконецъ, въ I в. до Р. Хр. на иберовъ, какъ назывались иногда грузины, обратилъ свое вниманіе самъ Римъ семихолмный.

Помните о Римѣ?
Римъ! — восклицаетъ стихотворецъ —

Рѣетъ повсюду твоихъ легіоновъ
Всесокрушающій грозный орелъ!

Римскіе легіоны въ 66 г. до Р. Хр. сокрушили могущество Митридата Великаго Понтійскаго, который бѣжалъ черезъ Колхиду въ свои владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Знаменитый римскій тріумвиръ Помпей преслѣдовалъ Митридата съ своими легіонами, покорилъ Арменію и остановился зимовать на берегу рѣки Куры. Впереди была Иберія (тогдашняя Грузія тожъ), царствовалъ въ ней тогда Артагъ. Онъ не пропустилъ римлянъ черезъ свои владѣнія. Помпей двинулъ легіоны за Куру. Произошли кровопролитныя битвы. Иберы сражались съ поразительной стойкостью, но были поражены римлянами. Помпей принудилъ Артага стать въ зависимость отъ Рима и далъ ему въ соправители нѣкоего Аристарха, котораго онъ поставилъ царемъ Колхиды (Западной Грузіи). Однако, какъ только ушли помпеевы легіоны, иберы прогнали Аристарха и объявили себя опять независимыми. Тридцать лѣтъ безъ малаго оставляли ихъ въ покоѣ римляне, но въ 36 г. до Р. Хр. явился въ Иберію римскій полководецъ Канидій, который хотя и разбилъ войска царствовавшаго тогда въ Иберіи Фарнаоза, но послѣ этого заключилъ съ нимъ союзъ и воспользовался его войскомъ для покоренія другихъ народовъ.

Благодаря появленію римлянъ, сохранились довольно точныя свѣдѣнія о Грузіи того времени. Ихъ оставилъ намъ историкъ Страбонъ. По его описанію, Иберія изобиловала городами, постройки въ которыхъ были каменныя. Въ долинѣ рѣки Куры жило миролюбивое земледѣльческое населеніе, а по отрогамъ горъ — воинственное, мало уступавшее въ этомъ отношеніи своимъ сосѣдямъ—скиѳамъ и сарматамъ. Народъ иберскій, по Страбону, дѣлился на четыре сословія. Изъ перваго сословія, самаго знатнаго, выбирались цари, верховные судьи и полководцы; второе сословіе представляли собою жрецы, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, наблюдали и за справедливостью въ сношеніяхъ съ сосѣдями; третьимъ сословіемъ были воины и земледѣльцы и, наконецъ, четвертымъ простой народъ—крѣпостные, обязанные безпрекословною службою на царя и верховныхъ правителей. Сохранилось также и родовое правленіе; семейными общинами управ-

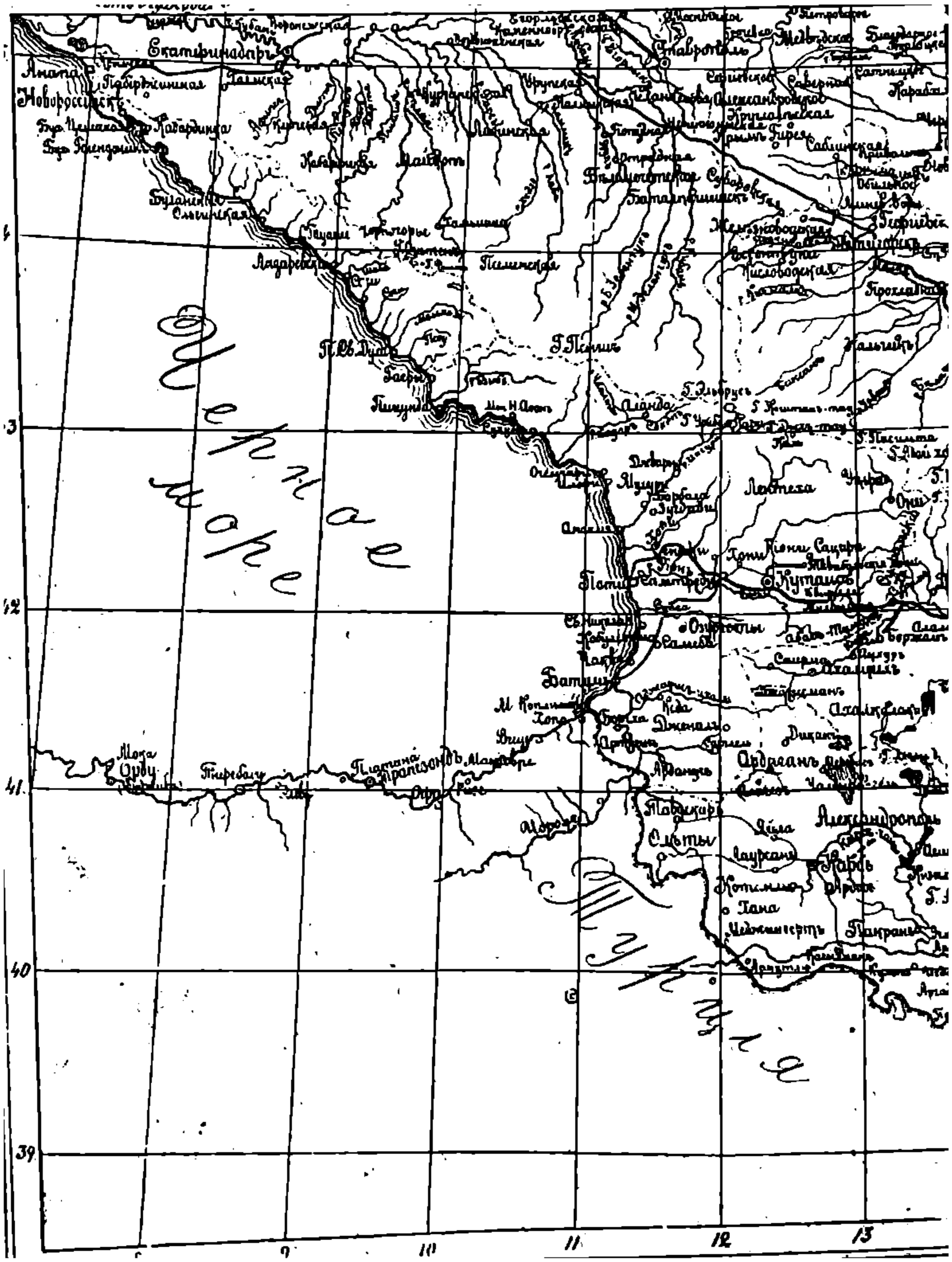
лялъ старшій въ родѣ, которому принадлежало все имущество его сородичей и право управлять имъ...

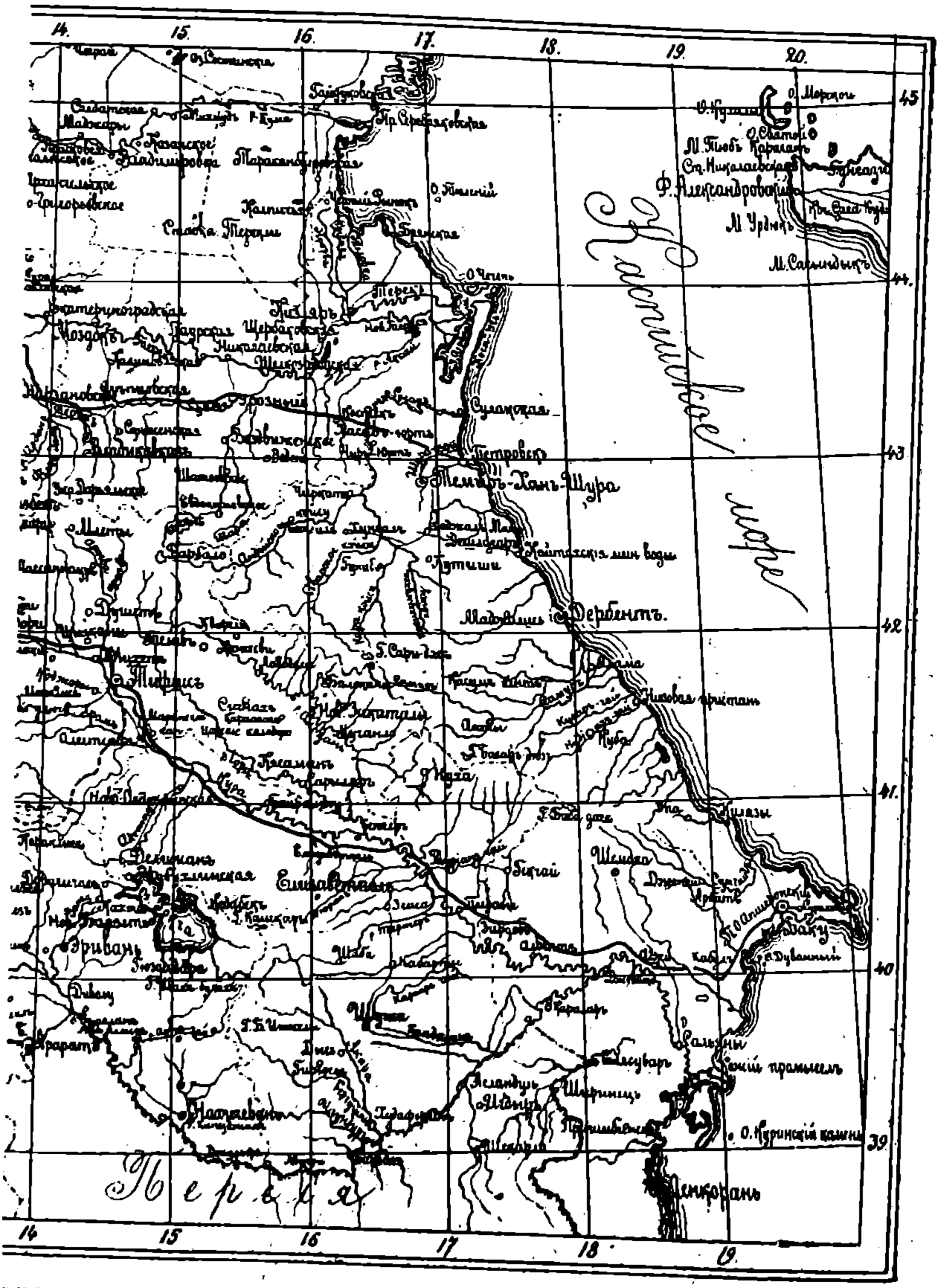
Около пяти вѣковъ послѣ этого Грузія была страною счастливою, хотя-бы потому, что во главѣ ея стояли мудрые правители. Въ теченіе слишкомъ пяти вѣковъ въ Грузіи царствовали двѣ династіи: Фарнаозіанская и Аршакуніатская, что можетъ служить свидѣтельствомъ незыблемости государственныхъ устоевъ страны.

Въ первые три вѣка по Р. Хр. Грузія хотя и была самостоятельною и имѣла своихъ царей, но все-таки находилась подъ вліяніемъ Рима. Римскій императоръ Веспасіанъ съ своими сыновьями, Титомъ и Домиціаномъ, называлъ своимъ другомъ Митридата, царя иберійскаго; императоръ римскій Адріанъ вызывалъ въ Римъ для оправданія другого царя иберовъ Фарасмана, который успѣшно оправдался передъ императоромъ. Поддерживаемые римлянами, иберы вели успѣшно борьбу съ парѳянами и армянами. Римляне въ Иберіи улучшили пути сообщенія, ввели свое устройство въ армію, римская монета обращалась среди иберовъ, но безпрестанныя, хотя и счастливыя, войны изнуряли народъ, такъ что иберы стали сильно тяготиться римскимъ владычествомъ.

Въ 352 г. по Р. Хр. умеръ, не оставивъ наслѣдника мужского пола, царь Аспагуръ изъ Аршакуніатской династіи. Послѣ него осталась одна только дочь, по имени Абешура. Такимъ образомъ, на престолъ должна была вступить женщина, и это было нарушеніемъ закона перваго Фарнаоза. Эриставы и вельможи оказались въ затрудненіи и не знали, что дѣлать. Однако, они скоро нашли выходъ. Въ Персіи царствовалъ знаменитый своею мудростью Хозрой II, у котораго былъ сынъ Мирванъ, обѣщавшій во всемъ выйти въ знаменитаго своего отца. Этого-то Мирвана грузинскіе правители и избрали въ супруги Абешуры. Они выпросили его у Хозроя, причемъ обязали клятвой управлять Грузіей по ея законамъ и не вводить въ нея ничего персидскаго. Мало того, грузинскіе дипломаты сумѣли такъ обставить дѣло, что Хозрой въ приданое за сыномъ отдалъ Грузіи только что завоеванную имъ Арменію.

Мирванъ, женившись на Абешурѣ, вступилъ на престолъ Грузіи подъ именемъ царя Миріана II, основавъ такимъ образомъ, династію Сассанидовъ. Онъ семьдесятъ семь лѣтъ правилъ страною такъ, что ни разу у

Екатеринодар
Новороссийск
Туапсе
Майкоп
Армавир
Ставрополь
Пятигорск
Кисловодск
Грозный
Нальчик
Владикавказ
Дербент
Махачкала
Буйнакск
Хасавюрт
Кизляр
Дагестанские Огни
Элиста
Астрахань
Черное
море
Каспийское
море
38
39
40
41
42
9
10
11
12
13

14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
45
44.
43
42
41.
40
39
Каспійское море
Перзія
Дербентъ.
Петровскъ
Темиръ-Ханъ-Шура
Баку
Шемаха
Шуша
Нухинскій
Елисаветполь
Эриванъ
Тифлисъ
Душетъ
Казбекъ
Владикавказъ
Грозный
Сунжа
Терекъ
Кизляръ
Кутишъ
Бешбармакъ
Бешъ-Барма
Бугай
Сальяны
Ленкорань
О. Чечень
О. Тюленій
О. Жемчужный
О. Дувянный
О. Пирамидальный
О. Куринскій камни
Ш. Кубинскій
Ш. Бакинскій
Ш. Апшеронскій
Ш. Кайтакскія минеральныя воды

скаго края.

Стр. 5 и 6.

Стр. 7 и 8.

Царь Іоаннъ IV Васильевичъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ.

грузинъ не было повода раскаиваться въ своемъ выборѣ. Когда умерла Абешура, онъ хотѣлъ было оставить престолъ, но весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, слился въ стремленіи удержать мудраго перса на престолѣ Грузіи. Миріанъ остался и женился вторымъ бракомъ на Нинѣ. Онъ теперь такъ вошелъ въ интересы своего новаго отечества, что не задумался начать войну съ своимъ младшимъ братомъ Норехъ-Бартомомъ, который наслѣдовалъ ихъ отцу Хозрою II. Онъ намѣревался всю Персію присоединить къ Грузіи и только изъ жалости къ брату не сдѣлалъ этого и ограничился тѣмъ, что отнялъ у него громадную Джазирехтскую провинцію, половину Сиріи и Арабиджана.

При Миріанѣ-же грузины овладѣли Каспійскимъ побережьемъ; выгнали оттуда хозаръ и укрѣпились на Кавказѣ, подчинивъ себѣ Осетію. Одновременно съ этимъ Миріану пришлось въ теченіе тридцати лѣтъ вести борьбу за Арменію съ сыномъ послѣдняго армянскаго царя Тиридатомъ Великимъ.

Грузія стала по своей площади болѣе Персіи, могущественнѣе ея по своимъ силамъ, но въ то-же время истощились въ безконечныхъ войнахъ духовныя силы народа, и свое обновленіе грузины нашли въ христіанствѣ.

II.

Радости и бѣды прекрасной Грузіи.

Грузины по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ были въ одно и то-же время идолопоклонники и огнепоклонники. Два различные религіозные культа совмѣстились въ одинъ. Народъ поклонялся истуканамъ, какъ, напримѣръ, мѣдному истукану Армаза, стоявшему на могилѣ Картлоса, поставленному ихъ первымъ царемъ Фарнаозомъ, золотому Гонизу и серебряной Гаимъ, оставшимся народу отъ Язона; у нихъ были и другіе идолы, серебряные и золотые, которымъ они приносили жертвы: животныхъ, плоды, цвѣты. Въ Мосхійскихъ горахъ, на границѣ Иберіи и Колхиды, стоялъ храмъ Левкотаи съ оракуломъ Фрикса; въ то-же время грузины обоготворяли солнце, луну, звѣзды, поклонялись деревьямъ. Но память о невидимомъ Божествѣ не могла пропасть въ этомъ народѣ. Въ Грузіи жило много евреевъ, поддерживавшихъ непрерывныя сношенія съ Іерусалимомъ, и вотъ въ третій годъ царство-

ванія царя Адерка по Грузіи пронеслась вѣсть о рожденіи въ Виѳлеемѣ Спасителя. Тѣмъ-же самымъ путемъ проникла сюда вѣсть и о крестной смерти Его на Голгоѳѣ.

Это свершилось такъ.

Евреи, жившіе въ столицѣ Грузіи—Мцхетѣ, ежегодно посылали въ Іерусалимъ своихъ уполномоченныхъ для присутствованія на праздникѣ Пасхи. Въ годъ крестной смерти Спасителя мцхетскіе евреи послали въ Іерусалимъ благочестиваго Еліазара, или Еліоза. Онъ былъ свидѣтелемъ голгоѳскаго событія и былъ потрясенъ имъ до глубины души. Пораженный всѣмъ видѣннымъ, Еліозъ купилъ у римскаго воина доставшійся тому по жребію (св. Евангел. отъ Луки, гл. XXIII, ст. 34) хитонъ Спасителя. Когда онъ возвратился вмѣстѣ съ этой драгоцѣнностью на родину и разсказалъ о всемъ видѣнномъ имъ, то Сидонія, по однимъ указаніямъ — его сестра, по другимъ — дочь, такъ была поражена разсказомъ о крестныхъ страданіяхъ и смерти Іисуса Христа, что схватила Его хитонъ и тутъ-же пала мертвою. Ее такъ и похоронили вмѣстѣ съ драгоцѣннымъ хитономъ, и надъ ея могилой выросъ высокій кедръ, какъ-бы уничтожая слѣды погребенія благочестивой еврейки.

Прошло немного времени, и по всему Кавказу пронеслась вѣсть о Христѣ: св. апостолъ Андрей Первозванный вмѣстѣ съ другимъ апостоломъ Симономъ Капонитомъ принесли ее. Послѣдній и умеръ на Кавказѣ, и въ Анаконіи понынѣ указываютъ его могилу, которая была предметомъ благоговѣйнаго почитанія и поклоненія даже наиболѣе свирѣпыхъ дикарей Кавказа. Затѣмъ, въ 100 г. по Р. Хр., сюда былъ сосланъ папа Климентъ, и отъ него грузины тоже просвѣтились свѣтомъ Христовой вѣры. Сюда-же бѣжало изъ римскихъ владѣній много христіанъ, составившихъ здѣсь церковь, относящуюся къ Антіохійской партріархіи, но христіанство все-таки было лишь исключительнымъ явленіемъ. Идолопоклонство преобладало, и нуженъ былъ могучій толчекъ извнѣ, дабы оно окончательно было побѣждено новой религіей, дававшей своимъ адептамъ величайшую нравственную силу.

И этотъ толчекъ послѣдовалъ.

Царь Миріанъ вмѣстѣ со своимъ племянникомъ, персидскимъ царемъ Санаромъ, сыномъ Нерехъ-Бартома, въ 312 г. по Р. Хр. напалъ на только что основанный рим-

скимъ императоромъ Константиномъ Великимъ Новый Римъ, будущую великолѣпную столицу Византіи. Нападеніе грузинъ и персовъ было отбито христіанами, составлявшими войска Константина и кинувшимися въ битву со знаменемъ, на которомъ былъ изображенъ крестъ съ знаменитою надписью „In hoc vincis“ (симъ побѣдиши). Когда Миріанъ узналъ, что значитъ эта надпись и какое значеніе имѣетъ крестъ, онъ приписалъ свое пораженіе чуду и ушелъ, заключивъ для себя невыгодный миръ съ римскимъ императоромъ.

Въ это время жила въ послушаніи у армянки-инокини Ніафары молодая дѣвушка, по имени Нина, дочь римскаго полководца и сестры іерусалимскаго патріарха Ювенала, близкая родственница св. великомученика Георгія Побѣдоносца. Эта дѣвушка часто слыхала отъ Ніафары о попавшемъ въ Иверію черезъ Еліоза хитопѣ Господнемъ, и ею овладѣло желаніе, во что-бы то ни стало, найти драгоцѣнную реликвію и проповѣдывать иверамъ слово Божіе. День и почь молилась Нина Пресвятой Дѣвѣ, прося ея помощи. Богоматерь явилась ей въ сонномъ видѣніи, вручила крестъ, сложенный изъ виноградныхъ лозъ, и сказала: „Иди въ Иверскую страну и благовѣствуй евангеліе. Я буду тебѣ Покровительницей“. Проспувшись и увидавъ въ своихъ рукахъ чудный крестъ, Нина со слезами облобызала его и перевязала своими волосами. Вскорѣ святая Нина явилась на истокахъ невѣдомой ей рѣки (Куры) и, слѣдуя по ея теченію, достигла Мцхета въ день празднованія народомъ Армаза. На высокой горѣ стоялъ исполинскій кумиръ, горѣвшій золотомъ; по сторонамъ его—два другіе, которые, какъ говоритъ преданіе, поражали огнемъ всякаго дерзавшаго подступать къ нимъ безъ воли жрецовъ. Гремѣли трубы, курился ѳиміамъ, текла кровь жертвъ; царь Миріанъ со всѣмъ народомъ распростирался ницъ передъ идолами, и только одна чуждая, никому невѣдомая дѣва не преклонила колѣнъ. Внезапно, среди яснаго дня, разразилась страшная буря съ молніями и громомъ; капище рушилось, и среди развалинъ его лежали остатки разбитыхъ, поверженныхъ кумировъ. Въ ужасѣ бѣжалъ народъ, и на развалинахъ осталась одна Нина, спокойно смотрѣвшая на возникшую и утихшую около нея бурю стихій. Это было 6-го августа, и день Преображенія Господня сталъ для Иверіи днемъ, смѣнившимъ тьму

язычества на свѣтъ христіанской истины. Съ этого дня начался рядъ подвиговъ и чудесъ Нины, память о которыхъ сохранилась въ мѣстныхъ преданіяхъ, записанныхъ и царемъ-лѣтописцемъ. Въ царскомъ саду, у таинственнаго кедра, укрывавшаго хитонъ Господень, часто молилась св. Нина, и тамъ посѣщали ее дивныя пророческія видѣнія. Однажды стая черныхъ птицъ, омывшись въ водахъ Арагвы и ставши бѣлыми, какъ снѣгъ, сѣла на вѣтвяхъ кедра и огласила весь садъ райскими пѣснями,— это былъ символъ крещенія народа иверійскаго. Въ другой разъ видѣла она страшное паденіе окрестныхъ горъ Армаза и Задена съ ихъ идолами, слышала звуки битвъ, вошли бѣсовскихъ полчищъ во образѣ персидскихъ воиновъ, какъ-бы вторгавшихся въ столицу Грузіи, и страшный голосъ царя ихъ, повелѣвавшаго все истребить. Пораженная видѣніемъ, св. Нина подняла знаменіе креста и тихо сказала: „кончилось владычество ваше, ибо вотъ побѣдитель“, и все исчезло. Св. Нина исцѣлила Нину, жену царя Миріана, лежавшую уже на смертномъ одрѣ, и одного изъ родственниковъ персидскаго царя, заболѣвшаго въ домѣ Миріана; оба они изъ первыхъ просвѣтились крещеніемъ. Самъ царь еще колебался. Но разъ, когда онъ былъ на охотѣ, въ сосѣднихъ горахъ его настигла страшная буря, и царь вдругъ ослѣпъ. Пораженный, онъ палъ на колѣна, восклицая: „Ты Богъ надъ богами, Господь надъ властителями, Богъ Нины!“ — и въ то-же мгновеніе прозрѣлъ. Вся царская семья и народъ, узнавъ о чудесномъ событіи, вышли царю навстрѣчу. „Славьте Бога Нины, Бога вѣчнаго“, — говорилъ онъ народу и, не заѣзжая во дворецъ, посѣтилъ хижину Нины, палъ на колѣна передъ животворящимъ ея крестомъ и исповѣдывалъ Христа. Нина осѣнила крестнымъ знаменіемъ воды Куры и Арагвы, и въ нихъ крестились и царь, и грузинскій народъ. Одинъ изъ потомковъ Еліазара, среди которыхъ еще жило преданіе о хитонѣ Господнемъ, указалъ мѣсто его храненія. Таинственный кедръ былъ срубленъ, и на его мѣстѣ воздвигнутъ соборный храмъ, въ которомъ и была положена святая одежда. Утвердивъ вѣру въ Карталиніи, св. Нина поселилась въ Кахетіи и тамъ, послѣ 35-лѣтняго апостольскаго подвига, скончалась, близъ нынѣшняго города Сигнаха. Царь и епископъ желали перенести останки ея въ соборную церковь Мцхета, гдѣ она такъ часто любила молиться надъ хитономъ Господнимъ. Тогда совершилось новое

чудо: никакъ не могли сдвинуть изсохшее тѣло подвижницы съ избраннаго ею, мѣста для своего успокоенія. Для Карталиніи ею сдѣлано было много, и она какъ-бы хотѣла своимъ присутствіемъ утвердить въ вѣрѣ вновь обращенную Кахетію. Царь Миріанъ соорудилъ здѣсь первую церковь во имя св. Георгія, въ придѣлѣ которой и положилъ мощи святой проповѣдницы. Первое житіе св. Нины описано было почти современнымъ ей историкомъ Руфиномъ, который повѣсть о ней слышалъ отъ сына Миріана, грузинскаго царевича Бакура, живо помнившаго еще разсказы о ней отъ отца и его приближенныхъ.

Ближайшимъ политическимъ послѣдствіемъ проповѣди св. Нины было установленіе дружелюбныхъ сношеній съ Византіей. Императоръ Константинъ Великій, по принятіи Миріаномъ Христовой вѣры, послалъ ему гвоздь отъ Креста Спасителя, часть Животворящаго древа, часть мощей родственника св. Нины, великомученика Георгія, котораго съ того времени народъ сталъ считать покровителемъ своей родины. Между Грузіей и Византіей установился прочный миръ. Миріанъ, умирая, былъ уже убѣжденнымъ христіаниномъ. Онъ незадолго до смерти построилъ въ мѣстечкѣ Бадбѣ храмъ во имя великом. Георгія и завѣщалъ своему сыну считать врагами Картліи идоловъ, сжигать ихъ, а „пепломъ кормить тѣхъ, кто ихъ будетъ оплакивать“. Однако, идолопоклопство въ Грузіи существовало еще около 200 лѣтъ послѣ этого.

Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что христіанство въ Грузіи распространялось исключительно путемъ проповѣди и никогда для водворенія его въ народѣ не было употреблено насилія.

Нѣсколько болѣе ста лѣтъ Грузія пользовалась относительнымъ спокойствіемъ. Были войны, но незначительныя. Затѣмъ иверійскій престолъ занялъ знаменитый Вахтангъ I Гургъ-Асланъ (446—499 гг. по Р. Хр.). Этотъ царь былъ столь-же замѣчателенъ, какъ и Миріанъ. Онъ отбилъ у византійцевъ отпавшія области Мингреліи и Абхазіи, усмирилъ кавказскихъ князей и горцевъ, заставилъ персовъ отказаться навсегда отъ мысли ввести въ Грузіи огнепоклонство, путемъ уговоровъ добился того, что высшее духовенство страны уже не присылалось изъ Константинополя, а выбиралось изъ природныхъ иверійцевъ. Помимо этого, Вахтангъ былъ первымъ собирателемъ народныхъ рукописей, неутомимымъ строителемъ

городовъ. При немъ Мцхетъ уступилъ свое первенство Тифлису (469 г.). Онъ былъ необыкновенно мудрый и проницательный судья, щедрый благотворитель. Но послѣ его смерти начинается уже паденіе Грузіи. Восемь безъ малаго вѣковъ величія страны словно утомили народъ. Теперь персы, съ одной стороны, византійцы—съ другой смотрѣли на Грузію, какъ на свою добычу. Между ними уже шла борьба за нее. Царь Гургенъ долженъ былъ бѣжать въ Византію, а по возвращеніи, въ 532 г., грузинскіе цари называютъ себя уже „мтивири“ — владѣтельные князья, потому что персы лишили грузинскій народъ права выбора царей.

Въ 536 г. Иверія распадается. Часть переходитъ подъ покровительство Персіи, другая — древняя Джавохетія, область внука Картлоса, отходитъ подъ покровительство Византіи, которая въ 550 г. подчиняетъ себѣ Абхазію. Въ 586 г. прекращается такъ возвеличившая, а затѣмъ и уронившая Грузію хозроанская династія, и Юстиніанъ II возводитъ на иверійскій престолъ константинопольскаго куропалата Гурима, открывающаго собою династію Багратидовъ, потомки которой существуютъ въ наше время и въ послѣдніе сто лѣтъ дали Россіи много полезныхъ дѣятелей. При нихъ исторія Грузіи становится все печальнѣе и печальнѣе. Прежняго величія, могущества какъ не бывало. Въ 626 году разорилъ Иверію императоръ Ираклій, сжегшій Тифлисъ, а въ слѣдующемъ году иверы (грузины) сражаются въ рядахъ византійскихъ легіоновъ противъ персовъ. Затѣмъ въ несчастную Иверію вторгаются арабы, въ концѣ концовъ, подчиняющіе себѣ весь Гурджистанъ. Но, какъ государство, Грузія продолжаетъ существовать.

Въ народѣ замѣтно уже стремленіе не къ одной воинской славѣ. Многіе грузины отправляются въ Константинополь и Римъ, изучаютъ науки и, возвращаясь, устраиваютъ школы. Развивается умственная дѣятельность народа, зарождается искусство, являются книги, пока переводныя —словомъ, наблюдается обычное явленіе: съ упадкомъ, такъ сказать, физической военной силы государства быстро и широко развивается его умственная дѣятельность. Люди ума смѣняютъ людей грубой физической силы.

Въ то-же самое время Багратидамъ приходитъ несчастная мысль дѣлить единое государство на части. Сперва Иверійское царство было раздѣлено на Абхазское и Гру-

зинское, затѣмъ, около 1009 г., на мелкіе удѣлы. Однако, народное самосознаніе стремится къ политической самостоятельности.

Послѣ смерти Василія Македонскаго грузины при Баграт Ѣ IV свергаютъ византійское иго, но не надолго. При сынѣ Баграта, Георгіи, туркскій султанъ Жакусъ, овладѣвшій Персіей, покоряетъ всю Грузію. Персы и турки производятъ страшныя неистовства и разоряютъ прекрасную страну дотла.

Но Грузія все еще сильна. На престолѣ является любимый народомъ царь Давидъ II Возобновитель.

Давидъ Возобновитель (1089—1125 г.) вступилъ на престолъ 16 лѣтъ отъ роду. Вся Карталинія лежала въ развалинахъ, Тифлисъ и многія области были заняты турками, въ Имеретіи самоуправно властвовали греческіе императоры подъ тѣмъ предлогомъ, что они — единственные покровители единовѣрнаго царства, и лишь горы и ущелія Абхазіи были безопаснымъ убѣжищемъ для царя и народа, а царскою резиденціею былъ Теагулиставъ у горы Лихи. Въ то-же время буйныя орды мусульманъ, завладѣвши плодоносными урочищами вокругъ Тифлиса, неистовствовали въ Карталиніи и Кахетіи. Персы терзали окраины царства и даже армяне дѣлали безпрестанные набѣги въ предѣлы единовѣрной страны. Цвѣтущія мѣстности превратились въ пепелища, плодоносныя поля—въ пустыни. И царю предстояла великая задача залечить тяжелыя раны царства. На помощь къ нему пришли начавшіеся тогда крестовые походы, отвлекшіе полчища турокъ и давшіе возможность развернуться собственнымъ силамъ отдохнувшей Иверіи.

На опустошенныя врагами равнины Давидъ пригласилъ горныхъ осетинъ, и тѣ охотно согласились промѣнять свои безплодныя скалы на плодоносныя земли Грузіи. Съ помощью ихъ онъ и совершилъ великое дѣло освобожденія родины. Какъ только онъ узналъ, что франки овладѣли Іерусалимомъ, онъ тотчасъ сбросилъ позорное иго турокъ, переставъ платить имъ дань. И это былъ истинный подвигъ, совершенный Давидомъ въ самомъ началѣ царствованія. Но не вдругъ и не такъ легко отказались турки отъ своихъ притязаній на Грузію, и освобожденіе ея стоило много крови и имъ, и Давиду. Съ малымъ числомъ своихъ войскъ онъ поражалъ сильныхъ враговъ, и, начавъ съ Абхазіи, окончилъ свои подвиги въ Дербентѣ, сломивъ желѣзныя ворота, устроен-

ныя тамъ со временъ халифата *). Нашествія враговъ во все время его царствованія слѣдовали одно за другимъ непрерывною чередою, — но въ ужасѣ обращали передъ нимъ тылъ вожди сельджуковъ и персовъ, не знавшіе дотолѣ пораженій, и оставляли въ рукахъ его плѣнныхъ и сокровища, которыми онъ обогатилъ свое царство. Такъ, когда осенью 1121 г. несмѣтныя арабскія полчища вторглись въ Тріалетскую область, одной битвы достаточно было, чтобы ихъ разсѣять, и весь станъ Давида наполнился золотомъ, серебромъ, великолѣпными чашами пиршества, драгоцѣнными коврами и оружіемъ; арабскіе кони сдѣлались обыкновенными — такъ ихъ было много въ грузинскомъ лагерѣ; сирскіе вожди доставались плѣнниками простымъ поселянамъ. Однако, Тифлисъ, столица Грузіи, долго еще оставался въ рукахъ сарациновъ, крѣпко сидѣвшихъ въ его цитадели. Но Давидъ и не заботился объ этомъ, зная, что, прочно утвердившись въ странѣ, не трудно овладѣть столицей, и уже только въ концѣ своего царствованія, въ 1122 году, внезапнымъ нападеніемъ захватилъ Тифлисъ въ свои руки. И тогда отъ моря Чернаго до моря Каспійскаго все покорилось его владычеству. И силы страны настолько возрасли, что она могла отрядить уже своихъ сыновъ въ далекую Палестину, на борьбу съ врагами креста.

Бурное море поглотило первыхъ доблестныхъ ратниковъ Грузіи; но бѣдствіе не охладило ревности новыхъ избранниковъ, которые благополучно достигли Святой Земли и заодно съ крестоносцами подвизались тамъ за освобожденіе Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ. Лично Давидъ, отличаясь мужествомъ и проводя всю свою жизнь въ тревогахъ ратныхъ, одною рукою сокрушая враговъ и другою подымая опрокинутое ими, умѣлъ владѣть не однимъ мечомъ: онъ былъ величайшимъ богословомъ своего времени. Ничего такъ не любилъ побѣдоносный царь, какъ чтеніе Священнаго Писанія. При немъ было два собора для исправленія церковныхъ книгъ, а на добытыя отъ враговъ сокровища строили церкви и при нихъ учреждались школы для образованія юношества. Давидъ умеръ во цвѣтѣ силъ, 53 лѣтъ, оставивъ свое царство могущественнымъ и спокойнымъ. Народъ грузинскій прозвалъ его Возобновителемъ, а церковь причислила къ лику святыхъ.

---

*) Т. е., владычество арабскихъ калифовъ.

Къ счастливѣйшимъ временамъ Грузіи принадлежитъ царствованіе дочери Георгія Прекраснаго — Тамари Великой, бывшей въ супружествѣ съ русскимъ кн. Юріемъ Андреевичемъ. Двѣнадцатилѣтней дѣвочкой очутилась Тамарь 1184—1212 гг. на престолѣ, но молодость или, вѣрнѣе, малолѣтство не помѣшали ей царствовать съ величайшею славою. Ея царствованіе—золотой вѣкъ Грузіи.

Наука, искусство, литература, и не заносныя, а свои родныя расцвѣли при ней пышнымъ цвѣтомъ. Знаменитые герои-завоеватели того времени, шахъ Атарбегъ и султанъ Нукординъ, были сокрушены полководцами этой царицы, которая и донынѣ живетъ въ памяти грузинскаго народа въ легендахъ и пѣсняхъ. Тамара — до сихъ поръ любимѣйшее имя грузинскихъ женщинъ...

Всю свою былую славу, всѣ памятники этой славы благодарный грузинскій народъ въ теченіе безъ малаго восьми вѣковъ приписываетъ царицѣ Тамари. Давидъ Возобновитель и славный Вахтангъ-Гургъ-Асланъ почти забыты, а народъ помнитъ Тамарь и благоговѣетъ передъ ея памятью. Есть мѣсто (Сванетія), гдѣ Тамарь стала предметомъ суевѣрнаго религіознаго почитанія. Кромѣ борьбы съ персами и арабо-турками, эта царица вела борьбу съ Византіей при ея императорѣ Алексѣѣ Ангелѣ, и слѣдствіемъ побѣды Тамари было образованіе государства-буфера — Трапезондской имперіи. Воспользовавшись нападеніемъ султана Ардебильскаго, Тамарь приказала своимъ дружинамъ двинуться сперва въ Ардебиль, потомъ въ Тавризъ и разгромила ихъ. Богатство Грузіи при Тамари стало несмѣтнымъ, счастью ея не было конца. Грузія расцвѣла пышно, и Тамарью руководили не одна только жажда славы или процвѣтанія родной страны, но и неусыпныя заботы о распространеніи православія и поддержаніи его тамъ, гдѣ оно уже озарило своимъ свѣтомъ народы и племена Кавказа.

Въ Карталинскомъ ущельѣ понынѣ видны развалины одного изъ храмовъ, созданныхъ Тамарью, особенно памятнаго тѣмъ, что въ немъ нѣкогда хранилась чудотворная икона Иверской Божіей Матери, драгоцѣнный даръ Тамари осетинскому народу, родственному ей по второму мужу. Храмъ этотъ дважды былъ разрушенъ пожаромъ и два раза икону Божіей Матери находили подъ грудою развалинъ и пепла невредимою. Шестьсотъ лѣтъ пребывала св. икона въ Карталинскомъ ущельѣ. Но, когда магометанство ворвалось въ Кавказскія горы, а русское прави-

тельство пригласило горцевъ-христіанъ на Терекъ въ Моздокъ — святая икона Иверіи стала русскою святынею. Сохранилось преданіе, что когда въ 1793 года партія горцевъ прибыла къ Моздоку съ иконою и тогдашній епископъ моздокскій, встрѣтивъ ее съ крестами и хоругвями, внесъ въ соборъ, то Богоматерь особеннымъ чудомъ извѣстила, что икона должна остаться внѣ города на томъ мѣстѣ, гдѣ она остановилась и провела ночь на смиренной черкесской арбѣ. Тамъ соорудили часовню и впослѣдствіи воздвигли деревянный храмъ во имя Успенія Божіей Матери. И нынѣ русскіе паломники стекаются сюда на поклоненіе иконѣ со всего Кавказа и изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ русской земли *).

Объ этой великой царицѣ, почитаемой народомъ наравнѣ съ равноапостольной просвѣтительницею Ниною, придется сказать еще нѣсколько словъ въ очеркѣ, посвященномъ исторіи сношеній и столкновеній Руси съ народами Кавказа. Здѣсь-же скажемъ, что осталось неизвѣстнымъ, гдѣ похоронена Тамарь. Извѣстно лишь, что умерла она въ Верхней Карталиніи въ „Замкѣ Розъ“. Память ея грузинская церковь чествуетъ въ недѣлю женъ-мироносицъ. Но мѣсто погребенія все-таки неизвѣстно, и объяснить это можно лишь тѣмъ, что каждое племя хотѣло, чтобы прахъ великой царицы покоился въ его землѣ, а затѣмъ въ наступившія ужасныя времена было уже не до того, чтобы помнить о чемъ-либо, кромѣ какъ о спасеніи своей жизни. Когда-же ужасы прошли, то со времени кончины Тамари пронеслось около пяти вѣковъ, и установить мѣсто ея погребенія оказалось невозможнымъ.

Умерла Тамарь, и закатилась счастливая звѣзда Грузіи надолго, навсегда закатилась.

Послѣ Тамари остались дѣти отъ ея второго брака съ Давидомъ Багратіономъ: сынъ Ласъ, занявшій престолъ, и дочь Русудань. При Ласѣ въ Грузію явились монголы и нанесли ей ударъ, остановившій все ея развитіе. Это шли орды Чингисъ-Хана. На рѣкѣ Бердусуджѣ грузины потерпѣли страшное пораженіе, но такъ-же, какъ и во время первой побывки татаръ на Руси, только этимъ пока все и ограничилось и Грузія осталась непокоренною. Зато лѣтъ черезъ десять явился въ нее преемникъ Чингисъ-Хана—Гаюкъ-Ханъ, прошедшій по всей странѣ и обложившій ее данью, а за нимъ послѣдовалъ Батый,

---

*) В. Потто. «Грузія въ ея историческомъ прошломъ».

уже окончательно присоединившій Грузію на правахъ завоеванія къ своимъ владѣніямъ. Однако, Грузія все еще представляла сильное государство, и татары устроили, ради ослабленія ея, раздѣленіе (въ 1259 г.) этой великой страны на два независимыхъ одно отъ другого царства— Грузію и Имеретію.

Одновременно съ монголами на несчастную страну кинулись персы и турки, а къ этому еще при Русудани, правившей послѣ смерти брата за малолѣтствомъ племянника, начались внутреннія междоусобія. Персидскій шахъ Джеллалъ-Эдинъ ворвался въ Грузію, разорилъ Тифлисъ, причемъ болѣе 100.000 людей были перерѣзаны. Въ концѣ концовъ, Грузія оказалась раздѣленною на четыре части: государства Кахетинское, Карталинское, Имеретинское и атабекство Ахалцыхское. Хотя вскорѣ въ Грузіи оказались только два царя, оба—Давиды, однако, царская власть была уже подорвана, и значеніе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самовольство мтивировъ и ноиновъ усилились; внутреннее-же безначаліе и своевольство вели къ тому, что Грузія стала не въ силахъ отражать внѣшнихъ враговъ, и персидскіе шахи; что хотѣли, то и дѣлали въ несчастной странѣ.

Нельзя, говоря объ этомъ тяжеломъ времени, не упомянуть объ одномъ замѣчательномъ грузинскомъ царѣ, Димитріи II. Шахъ персидскій Аргунъ ни съ того, ни съ сего вздумалъ разорить Грузію. Димитрій, не задумавшись, предложилъ ему свою жизнь, только-бы избавить родину отъ бѣды. Свирѣпый персъ приказалъ отрубить царю-патріоту голову, а на его мѣсто назначилъ царемъ Вахтанга II, племянника погибшаго мученика. Въ благодарность за такую жертву Димитрій II вездѣ въ грузинской исторіи названъ „Самопожертвователемъ“. Вахтангу удалось собрать въ одно цѣлое Грузію, но персы хозяйничали въ странѣ, какъ имъ было угодно, раздѣляли несчастную страну на части, которыя раздавали за услуги своимъ приспѣшникамъ, умерщвляли царей, возводили на ихъ престолы угодныхъ себѣ людей и т. д.

Но новая и болѣе ужасная бѣда постигла несчастную Грузію. Въ 1388 г. явился съ монголами Тамерланъ (Тимуръ) и камня на камнѣ не оставилъ на своемъ пути. Уничтожены были лучшіе города, перерѣзано было безъ счета людей, церкви были сожжены или разрушены. Уцѣлѣла, и то случайно, отъ свирѣпости монголовъ только одна Бадбійская обитель, гдѣ находились мощи

св. Нины. Случилось-же все это какъ разъ послѣ того, какъ грузинскій народъ доказалъ свою необыкновенную живучесть. При Георгіи VI Пресвѣтлѣйшемъ мтивиры и эриставы были усмирены. Грузія снова соединилась въ цѣлое, хотя и не въ предѣлахъ своихъ предковъ; царство укрѣпилось, водворилось спокойствіе. Но тутъ-то и явился Тимуръ. До 1407 г. онъ шесть разъ являлся въ Грузію. Тифлисъ и Кутаисъ были уничтожены, даже мцхетскій храмъ оказался разрушеннымъ, а грозному завоевателю мало оказалось всего этого. Онъ заставилъ несчастнаго царя Баграта V принять магометанство, но къ чести этого послѣдняго должно сказать, что Баграт сталъ ренегатомъ только по виду и бросилъ магометанство, едва Тимуръ ушелъ. Однако, это вызвало новое появленіе монголовъ въ Грузіи. Наслѣдовавшаго Баграту V царя Георгія VII Тимуръ дважды склонялъ къ переходу въ магометанство, но этотъ царь былъ потверже и отъ вѣры отцовъ не отказался. Напротивъ того, ему удалось прогнать монголовъ, но въ послѣдней значительной битвѣ онъ палъ самъ. Страна еще не оправилась отъ монгольскаго нашествія, а приходилось отбиваться сразу отъ турокъ и персовъ.

Въ такое время царемъ Грузіи сталъ восьмилѣтній Александръ I (1414—1542 гг.), за котораго правила Грузіей его мать. Казалось-бы, именно, въ царствованіе малолѣтняго должна болѣе всего страдать отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ всякая страна. Было много примѣровъ этому — смуты, раздоры, междоусобія увеличивались внутри государства; припомнимъ хотя-бы царствованіе въ Россіи царя Іоанна IV Васильевича, также вступившаго на престолъ въ младенческіе годы. Но, вопреки всѣмъ ранѣе бывшимъ примѣрамъ, царствованіе малолѣтняго Александра I Георгіевича было благодѣтельно для несчастной изстрадавшейся Грузіи. Своевольные мтивиры какъ-то стихли, ни персы, ни турки не являлись въ разоренную Тимуромъ страну. Грузія быстро оправлялась отъ шести ужаснѣйшихъ погромовъ. Опять грузинскій народъ доказалъ свою необыкновенную живучесть. Разбѣжавшіеся жители возвращались на свои насиженныя вѣками мѣста. Быстро зазеленѣли поля и нивы, снова воздѣланныя, снова цвѣтущія, одинъ за другимъ поднимались изъ пепла разрушенія новыя деревни, села и города. Опять воздвигались храмы Божіи. Осквернённый и обращенный въ развалины мцхетскій соборъ снова выросъ въ

возстановленной столицѣ древней Грузіи; населеніе годъ отъ году возрастало, торговля успливалась и развивалась. Грузія, какъ чудесный фениксъ, возродилась изъ своего собственнаго пепла. Къ тому времени, когда Александръ началъ самостоятельное царствованіе, это была уже снова великолѣпная страна, благоустроенная внутри, грозная для враговъ извнѣ. Александръ оказался мудрымъ правителемъ и, кромѣ того, правителемъ счастливымъ. Онъ велъ удачныя войны и изъ своихъ походовъ всегда возвращался съ множествомъ плѣнныхъ. Ихъ онъ разселялъ по странѣ, женилъ на туземкахъ, пополнялъ ими свои дружины. Явилось ядро, преданное исключительно одному только царю. Благодаря этому, Александръ очень быстро управился съ мтивирами и сокрушилъ ихъ недавнее могущество; при немъ удѣльные князья потеряли право собирать дань съ жителей въ свою пользу и облагать ихъ новыми налогами. Напротивъ того, Александръ отдавалъ десятину своихъ доходовъ въ пользу бѣднѣйшихъ жителей, но въ концѣ своего царствованія онъ испортилъ все свое дѣло. Процарствовавъ счастливо и съ пользой для своей страны около 30 лѣтъ, Александръ принялъ постригъ и ушелъ въ монастырь, а Грузію раздѣлилъ на три государства: Имеретинское, Карталинское и Кахетинское, царями которыхъ назначилъ своихъ сыновей — Вахтанга, Димитрія и Георгія, — другими словами, онъ сразу вновь разрушилъ великое зданіе, которое ему и народу удалось создать съ такимъ великимъ трудомъ.

Нужно-ли говорить, что съ увеличеніемъ царскаго потомства раздѣленная Грузія дробилась на еще болѣе мелкія части? Явились самостоятельныя мелкія царства: Мингрелія, Гурія, Самхетія, Ширванъ, Сванетія, Абхазія. Эти, въ свою очередь, подѣлились на еще болѣе мелкія. Каждое изъ новообразовавшихся слабыхъ государствъ стремилось къ полной политической самостоятельности. Шли постоянныя междоусобныя войны; родственники-правители ожесточенно боролись между собой за призрачныя права, а персы и турки не упускали случая пользоваться этими внутренними усобицами. Они спорили изъ-за Грузіи между собой, и Грузіи постоянно приходилось быть ареною ихъ битвъ, причемъ, конечно, ожесточившіеся враги не щадили страны и безжалостно разоряли ее отъ края до края. Ясно было, что просуществовавшее около трехъ десятковъ вѣковъ государство не

могло уже существовать безъ поддержки извнѣ, и тогда-то взоры всего грузинскаго народа съ надеждою стали обращаться къ могучему единовѣрному сосѣду на сѣверѣ, съ которымъ у грузинъ въ теченіе предыдущихъ шести вѣковъ были непосредственныя и сближавшія народы сношенія.

Этимъ великимъ сосѣдомъ была Русь.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

I.

Преданья сѣдой и не сѣдой старины.

А. И. Лаврова.

Дѣла давно минувшихъ дней —
Преданья старины глубокой!
Пушкинъ.

Ясы и Русь.

Туманъ сѣдой древности окутываетъ густою пеленой времена отдаленнѣйшія. Что-то неясное, смутное, лишенное опредѣленной формы мерещится въ этомъ туманѣ; какія-то тусклыя пятнышки въ непросвѣтной мглѣ, но съ помощью исторіи эти тусклыя пятна становятся уже не столь тусклыми; кое-что можно разглядѣть въ нихъ и кое-какія заключенія можно вывести изъ того, что разглядишь...

Когда свершилось великое переселеніе и разселеніе народовъ, то въ Европѣ появилось новое варварское племя **алановъ**. Аланы, которыхъ римляне называли „метанистами“, или переселенцами, пришли, повинуясь грандіозному толчку судьбы, погнавшей ихъ на новыя мѣста, съ побережій Азовскаго и Чернаго морей, изъ степей, залегшихъ между Кавказомъ и Дономъ и на всемъ перешейкѣ Понто-Каспійскомъ. Римскіе историки говорятъ, что аланы — это потомки массагетовъ сѣдой древности; одинъ изъ Птоломеевъ дѣлаетъ указаніе на язиговъ меотисскихъ и, наконецъ, подъ вліяніемъ времени и тѣхъ реформъ, которыя производитъ оно въ живыхъ языкахъ, они превратились въ **яссовъ**, а этихъ яссовъ арабскіе и татарскіе историки, въ свою очередь, называютъ аланами, т. е., какъ-бы подсказывая, что поселившіеся въ Испаніи варвары и пришельцы и племена

жившія на Понто-Каспійскомъ перешейкѣ, суть родственныя и послѣднія выдѣлили изъ себя первыхъ.

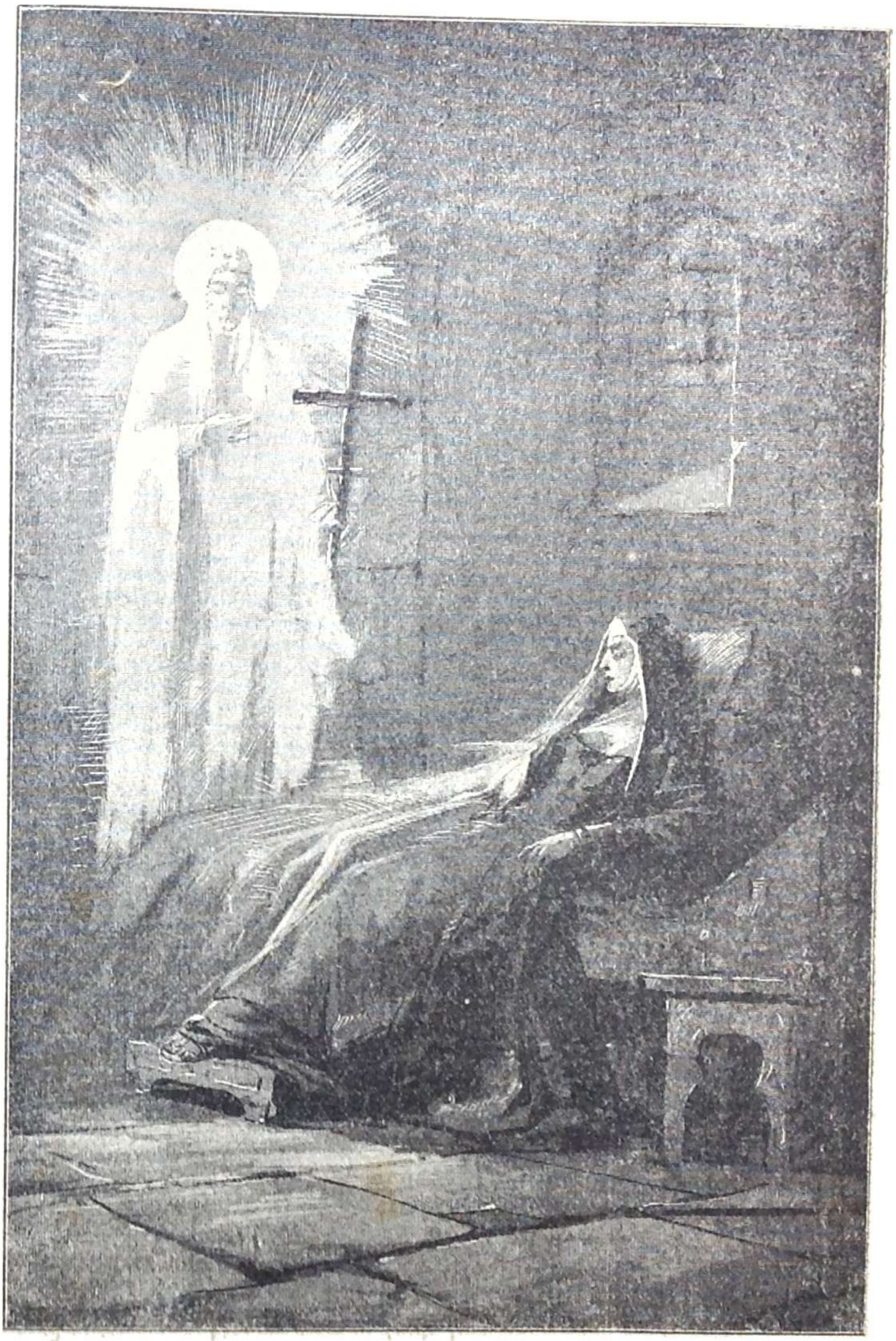
На существованіе яссовъ-алановъ между Каспійскимъ и Чернымъ морями указывается историками VI вѣка; историки IX вѣка говорятъ объ аланскомъ князѣ, обитавшемъ около нынѣшняго Дербента, построеннаго Александромъ Македонскимъ; затѣмъ упоминается также о городѣ аланъ, или, по позднѣйшему, яссовъ, находившемся близъ устья Волги. Въ русскихъ-же лѣтописяхъ по отношенію къ этимъ аланамъ всегда упоминается наименованіе яссовъ, которое, какъ можно судить, и на самомъ дѣлѣ есть перелицованное на новый ладъ древнѣйшее наименованіе язиговъ. Кромѣ того, лѣтописцы почти вездѣ наряду съ страною яссовъ, или алановъ, упоминаютъ страну Касссхію, которую населяло воинственное племя кассоговъ.

Очень малепькое отступленіе, дабы завершить эти короткія сообщенія о древнихъ яссахъ.

Кавказскія горы въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ назывались Ясскими и Черкасскими, и ихъ населеніе нельзя смѣшивать съ потомками древнихъ язиговъ, поселившихся въ незапамятныя времена въ Дакіи, на берегахъ Тиссы и Дуная (Штриттеръ). Какъ-бы памятникомъ этихъ древнихъ временъ нынѣ является городъ Яссы, древняя молдавская столица.

Точно такъ-же въ лѣтописяхъ и у нѣкоторыхъ историковъ есть указанія, что Русь вела въ древности войны съ яссами, жившими на юго-западѣ Литвы, но тутъ нужно подразумѣвать ятвяговъ, а не тѣхъ яссовъ, которые жили на Понто-Каспійскомъ перешейкѣ. Чтобы ясно опредѣлить мѣсто, гдѣ жили древніе яссы кавказскіе, или, вѣрнѣе, прикаспійскіе, назовемъ нынѣшній Дагестанъ съ его столицею Дербентомъ, или „Желѣзными воротами“, какъ называютъ этотъ городъ русскія лѣтописи. По побережью Каспійскаго моря яссы разселились вплоть до устья Волги, гдѣ ихъ дальнѣйшее распространеніе было остановлено другимъ могучимъ въ древности племенемъ козаръ, имѣвшимъ въ 12 верстахъ отъ устья великой русской рѣки свою столицу Ателъ, названную такъ отъ рѣки Ателя — древнее наименованіе Волги — и распространившихся по приволжскимъ и придонскимъ степямъ.

Козары исчезли и слѣдъ ихъ остался только въ исторіи, яссы оказались болѣе счастливыми. Эти послѣдніе, яссы,

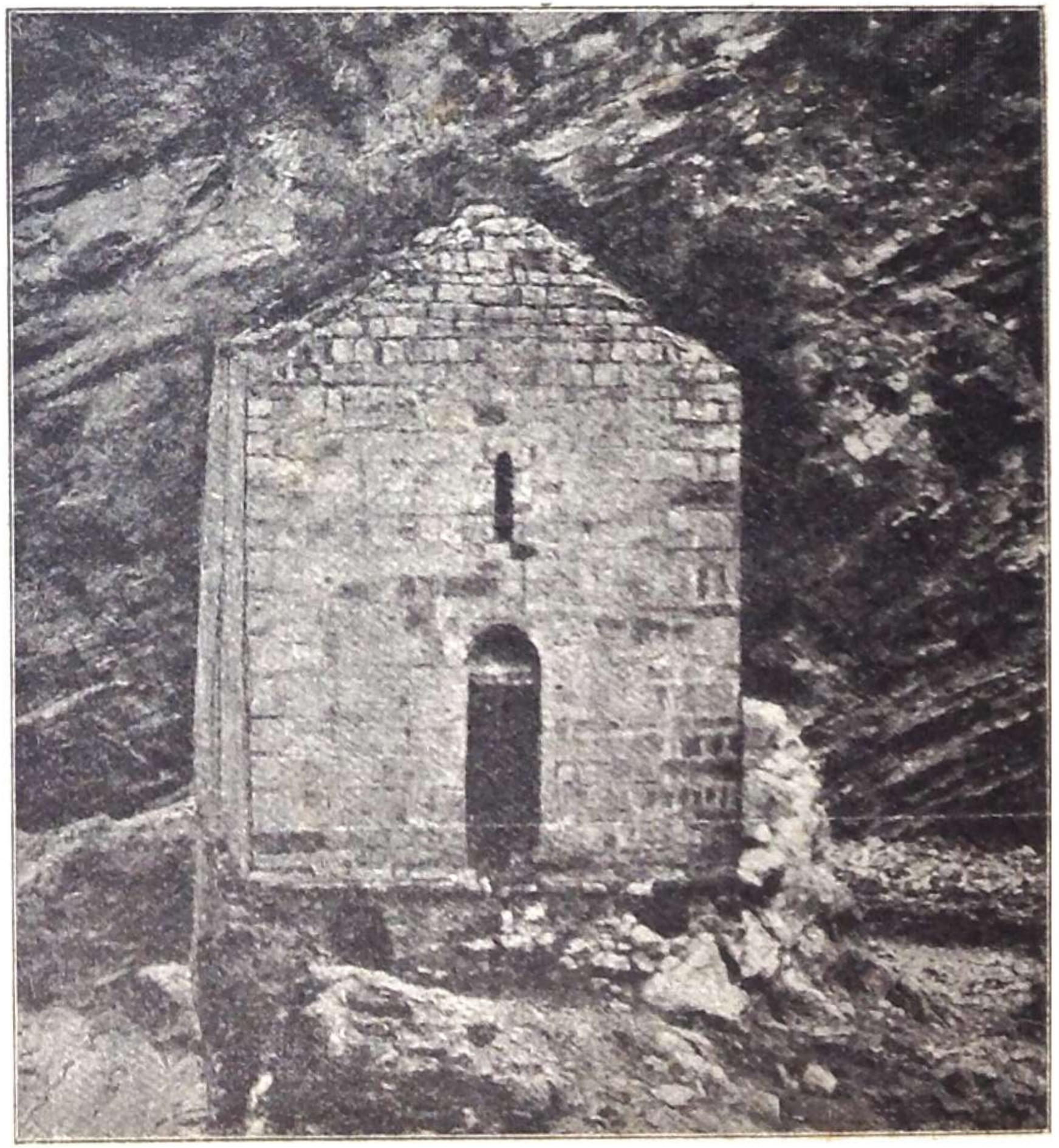

Явленіе Богоматери **св.** Равноапостольной **Нинѣ**,
просвѣтительницѣ Грузіи

Стр. 11 и 12.

Грузія. Царица Тамарь.

Страна Адыге. Древній христіанскій храмъ.

Кавказъ. Кавказскы ворота.

Пшавохевсурія. Пшавы.

Кабарда. Кабардинецъ.

существуютъ и понынѣ, но подъ нѣсколько измѣненнымъ наименованіемъ: яссы—оссы, и, наконецъ, осетины — вотъ кѣмъ стали эти древнѣйшія, по лѣтописямъ, племена хорошо извѣстнаго Руси Предкавказья. Что-же касается до Кассохіи и кассоговъ, то подъ этимъ наименованіемъ слѣдуетъ разумѣть то, что нынѣ извѣстно подъ общимъ наименованіемъ черкесовъ; осетины, наприм., понынѣ кое-гдѣ называются касогами.

Неугомонный кіевскій великій князь Святославъ Игоревичъ (945—972 гг.), этотъ прямой потомокъ древнихъ скандинавскихъ викинговъ, для которыхъ „не было въ свѣтѣ лучше дѣлъ войны", метался всюду, отыскивая народы, еще не подчиненные имъ и не обложеные въ пользу Кіева данью. Передъ 968 годомъ этотъ „Наполеонъ древняго славянства" кинулся съ завоевательными цѣлями на вятичей, данниковъ хана козарскаго. Послѣдній заступился было за своихъ данниковъ, но Святославъ Игоревичъ жестоко побилъ на Дону его рать и даже разорилъ козарскій городъ Саркелъ или Бѣлую Вѣжу, а такъ какъ неугомонному завоевателю показалось и этихъ побѣдъ мало, то онъ, не долго размышляя, кинулся далѣе, покорилъ козарскія владѣнія на восточномъ берегу Азовскаго моря съ значительнымъ ихъ городомъ Таматарху—наименованіе, которое очень скоро передѣлано было кіевлянами въ Тмутаракань (нынѣшняя Фанагорія), но не остановился и на этомъ, и кстати покорилъ яссовъ и кассоговъ, которыхъ обложилъ данью, уведя, вмѣстѣ съ тѣмъ, многихъ плѣнниковъ въ Кіевъ (Татищевъ).

Это было первое болѣе или менѣе точно опредѣленное столкновеніе Руси съ народами, населявшими Понто-Каспійскій перешеекъ. Такимъ образомъ, въ столь отдаленное время, какъ десятое столѣтіе по Р. Х., Русь уже по праву завоеванія владѣла Предкавказьемъ, но само собою разумѣется, что владычество это прочнымъ быть не могло. Самъ Святославъ занялся войной съ Византіей, потомъ неудачно кончившейся для него основаніемъ царства Болгарскаго; наслѣдникамъ его, Ярополку и Владиміру Красному Солнышку, тоже не было времени возиться съ отдаленными областями, но, по крайней мѣрѣ, Владиміръ не забывалъ, что страна яссовъ — его достояніе. Владиміръ, умирая, прямо назначилъ въ удѣлъ своему сыну Мстиславу Удалому Тмутаракань, т. е., поставилъ его лицомъ къ лицу съ яссами и кассогами.

Мстиславъ Владиміровичъ вышелъ весь въ своего дѣда, Святослава. Война была цѣлью его жизни и удѣлъ, приходившійся бокъ-о-бокъ съ землями покоренныхъ только номинально племенъ, пришелся какъ разъ къ этому богатырю. Политикомъ удалой князь никогда не былъ, а предпочиталъ ломить силой; онъ былъ просто вождь дружины, и пожалуй, что его къ войнѣ влекло не столько стремленіе къ завоеваніямъ, сколько жажда сильныхъ ощущеній.

Однажды,—говоритъ лѣтопись,—онъ пошелъ войною на кассоговъ. Кассожскій князь Редедя вышелъ къ нему навстрѣчу съ войскомъ и сказалъ ему:

— Зачѣмъ губить дружину? Схватимся мы сами бороться; одолѣешь ты—возьмешь мое имѣніе, жену, дѣтей и землю мою, я одолѣю—возьму все твое!

Предложеніе было заманчиво; отказъ могъ-бы явиться доказательствомъ малодушія, и богатырь Мстиславъ поспѣшилъ принять вызовъ.

Однако, Редедя оказался не совсѣмъ подъ силу русскому богатырю. Онъ началъ уже подминать подъ себя Мстислава, а тотъ чувствовалъ, что силы у него изсякли.

— Пресвятая Богородица! — взмолился тогда Удалой, — помоги мнѣ... Если я одолѣю, то построю церковь въ Твое Имя!

Обращеніе къ Высшимъ силамъ помогло. Откуда только взялась вдругъ мощь у изнемогавшаго богатыря. Онъ приподнялъ Редедю, ударилъ его о землю, взялъ ножъ и зарѣзалъ. Потомъ онъ поступилъ по уговору и обѣщанію: взялъ у зарѣзаннаго все семейство и землю, а Пресвятой Богородицѣ построилъ въ Тмутаракани храмъ. (Карамзинъ, т. II; Соловьевъ, т. I).

Благодаря побѣдѣ надъ Редедею, Мстиславъ Удалой сталъ могущественнымъ княземъ и, какъ это было всегда, пока на Руси господствовала удѣльная система, онъ сейчасъ-же отправился воевать Кіевъ, великокняжескій столъ котораго занималъ его старшій братъ, Ярославъ Мудрый (1019—1054 гг.). Дружина его была не велика, но онъ усилилъ ее подвластными теперь ему ясами и кассогами, козарами, присоединилъ сѣверянъ, благо онъ принятъ былъ въ ихъ главномъ городѣ Черниговѣ, какъ князь, и явился на Днѣпръ. Это было въ 1028 г. Мы останавливаемся здѣсь на этомъ походѣ одного русскаго князя на другого лишь потому, что важнымъ является здѣсь то обстоятельство, что будущіе черкесы впервые

появились тутъ въ нѣдрахъ Руси. Въ происшедшей кровопролитной битвѣ Мстиславъ одолѣлъ дружины Ярослава и, осматривая поля битвы, очень радовался, что осталась цѣла вся его дружина. „А эта дружина,—какъ-бы съ укоризной замѣчаетъ историкъ Соловьевъ,— состояла изъ кассоговъ и козаръ!“

Въ дальнѣйшемъ Мстиславъ оказался великодушнымъ и разсудительнымъ побѣдителемъ. Онъ не отнялъ у Ярослава великаго княженія, а только подѣлилъ съ нимъ Русь пополамъ: себѣ взялъ востокъ, а Ярославу уступилъ западъ. Миръ между братьями продолжался вплоть до смерти Мстислава, послѣдовавшей въ 1036 г. Само собой разумѣется, что кассожскія дружины, пришедшія съ нимъ на Русь, такъ здѣсь и остались, съ теченіемъ времени исчезнувъ въ массѣ коренного населенія.

II.

Русь въ Предкавказьѣ.

Сношенія Руси съ племенамп, населившими Предкавказье, продолжались, но минуемъ ихъ, остановившись только на двухъ историческихъ фактахъ.

Первый относится къ тому печальному времени, когда хозяевами Руси были татары. Въ началѣ послѣдней четверти XIII столѣтія аланы, или кавказскіе яссы, отказались повиноваться татарамъ. Лѣтописи, а за ними и нѣкоторые историки, увѣряютъ, что въ это время яссы (Asses, Acias) были уже христіане. Среди нихъ были искуснѣйшіе оружейники и множество кузнецовъ и слесарей. Отличались они отчаянною храбростью и любовью къ независимости, что, впрочемъ, всегда являлось преимущественною чертою характера почти всѣхъ горскихъ народовъ. Справиться съ ними татарамъ оказалось не подъ силу. Ихъ ханъ Мангу-Тимуръ въ 1277 г. призвалъ русскихъ князей съ дружинами и приказалъ имъ идти и покорить кавказскихъ яссовъ. Пошли князья Борисъ Ростовскій, Глѣбъ Бѣлозерскій, Ѳедоръ Ярославскій и Андрей Городецкій, сынъ Александра Невскаго. Русскія дружины прошли горы Ясскія, т. е., Кавказскій хребетъ, проникли въ южный Дагестанъ и взяли тамъ городъ Дедяковъ, или Тетяковъ, какъ его именуютъ лѣтописи, близъ „Воротъ Желѣзныхъ“, т. е., Дербента. Взятый городъ они сожгли, взявъ большую добычу и множество плѣнниковъ, и своими побѣдами, какъ говоритъ Карам-

зинъ; „заслужили отмѣнное благоволеніе хана, изъявив. шаго оное не только великою хвалою, но и богатыми да. рами“.

Здѣсь кстати отмѣтить, что татары явились на Русь, пройдя именно черезъ земли яссовъ. Въ 1224 г. полко. водцы Чингисъ-хана, Джебе и Сабутъ, прошли обычныя ворота кочевниковъ—между Каспійскимъ моремъ и Ураль. скими горами, — покорили яссовъ, абезовъ и вошли въ землю половецкую, изъ которой потомъ напали на рус. скія дружины.

Другой эпизодъ имѣетъ отношеніе къ исторіи болѣе раннихъ сношеній Россіи и Грузіи. Мы говоримъ о су. пружествѣ знаменитой грузинской царицы Тамари съ русскимъ удѣльнымъ княземъ Юріемъ-Георгіемъ Андре. евичемъ, сыномъ Боголюбскаго, о чемъ вскользь было уже сказано нѣсколько словъ въ предыдущемъ очеркѣ. Вотъ какъ разсказываютъ объ этомъ грузинскія лѣтописи.

Когда искали жениха для знаменитой царицы Тамари, то явился Абулизанъ, эмиръ тифлисскій, и сказалъ:

— Я знаю сына государя русскаго, великаго князя Андрея, которому повинуются триста царей въ тѣхъ стра. нахъ. Потерявши отца въ молодыхъ лѣтахъ, этотъ князь былъ изгнанъ дядею своимъ Савалтомъ (Всеволодомъ?) и находится теперь въ городѣ Свипди у царя Кипчакскаго (половецкаго).

Грузинскіе вельможи и воспитатели царицы Тама. ри одобрили мысль Абулизана, и Юрій явился въ Гру. зію. Духовенство и вельможи упросили Тамарь какъ можно скорѣе обвѣнчаться съ нимъ. Ставъ супругомъ молодой царицы, Юрій сперва храбро воевалъ съ врагами своего новаго отечества, но скоро между нимъ и женою его возникли непріятности, о которыхъ грузинскій лѣто. писецъ разсказываетъ такъ:

„Сатана вошелъ въ сердце преврѣннаго русскаго, на. стоящаго скиѳа, съ понятіями варвара, съ чудовищными страстями. Подъ вліяніемъ опьяняющія его поступки были неприличны, ужасны, — безполезно ихъ описывать; онъ осмѣлился оскорбить Тамарь,—солнце властителей, утреп. ній восторгъ царей. Этотъ развратникъ, этотъ проклятый побѣжденный семью нечистыми духами, худшими, чѣмъ воспоминаніе объ обитателяхъ Содома, оказался Іудой про. тивъ самого себя“.

Тамарь долго терпѣла, долго увѣщевала Юрія испра. виться и сама, и черезъ монаховъ, но, наконецъ, не вы.

терпѣла и рѣшила развестись съ нимъ. Юрій былъ выпровоженъ изъ Грузіи, причемъ его дальнѣйшее существованіе было обезпечено: его отправили въ Константинополь, одаривъ большими богатствами.

Но Юрій не покорился такой своей участи. Онъ очень скоро опять появился въ Грузіи. Здѣсь у него оказалось много сторонниковъ. За него объявили себя многіе начальники городовъ, и сынъ Андрея Боголюбскаго былъ возведенъ на престолъ грузинскихъ царей.

Однако, и Тамарь не сдалась безъ борьбы — и у нея оставалось много приверженцевъ. Она успѣла собрать себѣ дружины, и въ Грузіи началось кровопролитное междоусобіе. Кончилось оно побѣдою Тамари. Юрій былъ прогнанъ, но вернулся опять, и опять началась было борьба, на этотъ разъ закончившаяся рѣшительною побѣдою знаменитой грузинской царицы *).

Впрочемъ, бракъ Тамари и Юрія Андреевича былъ не единственнымъ въ исторіи сношеній Россіи съ народами Кавказскаго края. Еще въ XI столѣтіи кіевскій князь Изяславъ I былъ, какъ говорятъ лѣтописцы, женатъ на грузинской княжнѣ изъ Абиссинской фамиліи.

Монгольское иго разрываетъ Русь съ Кавказомъ. Русь молча и терпѣливо сноситъ бѣдствія, ожидая, какъ окрѣпнутъ ея силы, дабы свергнуть невыносимый гнетъ; населявшія Кавказъ племена мѣняютъ подъ давленіемъ турокъ и персовъ свою внѣшность, бытъ, религію, нравы, и несчастную Грузію постигаетъ ея грозная судьба.

Наконецъ, Русь при царѣ Іоаннѣ III Собирателѣ становится свободною, могущество ея мгновенно, въ смыслѣ жизни государства, выростаетъ; повсюду проносится слухъ о великомъ сѣверномъ государствѣ, имя царя Іоанна Васильевича популярно даже въ Персіи, и тутъ изнемогшая, пострадавшая Грузія обращается уже не за одною помощью, а за постояннымъ покровительствомъ къ московскому государю.

Царь Грузіи Александръ I Кахетинскій (1492—1511 гг.), (о Кахетіи уже упоминалось въ предыдущемъ очеркѣ,) въ 1492 г., когда Москва подъ властью Іоанна Собирателя поднялась на высочайшую для того времени ступень своего могущества, послалъ къ нему посла Даміана Норимана съ товарищами, Хоземорумомъ и Шекенцемъ, которые пред

---

*) «Histoire de la Géorgie», tradult par M. Brosset; С. М. Соловьевъ «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. I.

ставили московскому царю посланіе, гдѣ Александръ себя называетъ меньшимъ холопомъ московскаго царя, а его— „свѣтомъ зеленаго неба, звѣздою темныхъ, надеждою христіанъ, подпорою бѣдныхъ, закономъ истиннаго, управою всѣхъ государей и ревностнымъ обѣтникомъ св. Николая“. Александръ проситъ въ этой грамотѣ у могущественнаго московскаго царя и военной, и духовной помощи. Онъ говоритъ, что подъ вліяніемъ утѣсненій варваровъ народъ грузинскій коснѣетъ въ невѣжествѣ, вѣра православная падаетъ: храмы разорены и грузинскіе христіане подвергаются со стороны варваровъ невыразимымъ мученіямъ. Посольство было принято, но въ это время Москвѣ совсѣмъ было не до Грузіи. Съ одной стороны, велись переговоры съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, съ другой — грозила долгой и кровопролитной войною Литва, и, кажется, все на этотъ разъ ограничилось лишь тѣмъ, что царь Іоаннъ изъявилъ лишь свое принципіальное согласіе принять подъ свою высокую руку несчастную страну. Однако, войскъ послано не было и о Грузіи на Москвѣ какъ-бы забыли.

Тѣмъ не менѣе, при Іоаннѣ Собирателѣ произошло нѣкоторое обстоятельство, съ котораго, собственно говоря, началось, или, вѣрнѣе, возобновилось, правда, въ незначительныхъ пока размѣрахъ, постепенное движеніе Руси въ Предкавказье.

Рязанскіе казаки, жившіе по рѣкѣ Чорлепому-яру такъ прогнѣвали Собирателя своими озорствами и непокорствами, что, во избѣжаніе грознаго военнаго наказанія, они сочли за самое лучшее уйти куда-нибудь по-добру по-здорову. Рука-же у Собирателя была куда какая тяжелая, да притомъ настолько длинная, что, въ какую сторону ни уходи, вездѣ досталъ-бы ихъ грозный московскій царь и досталъ-бы со всѣми семьишками и животами! Тогда бывалые люди разсказали, что есть рѣка Терекъ, что течетъ изъ Ясскихъ горъ въ море „Каспицкое“, а на этой рѣкѣ есть не то городъ, не то область, не то мѣсто такое, Тюмень по названію, гдѣ живетъ всякій вольный людъ, живетъ и знать себѣ ничего не хочетъ. А рядомъ за Терекомъ есть „шавкалъ“ — князь владѣтельный, который живетъ въ крѣпкомъ городѣ Таркахъ и вольному люду ни въ чемъ не препятствуетъ. У моря-же „Каспицкаго“ хозяина нѣтъ, всякій гуляй по нему и дѣлай, что хочешь... Если кто смѣлъ да силенъ, тому въ тѣхъ мѣстахъ не жизнь, а рай, совсѣмъ не то, что подъ Москвою быть...

Это предложеніе показалось заманчивымъ казакамъ Черленаго-яра. Ближайшей весной они поднялись всей своей станицею, съ семьями, пожитками, и тронулись въ дальній путь-дорогу. По весеннему донскому половодью выплыли переселенцы на Волгу, а по ней, матушкѣ, на приволье Каспія, а тамъ на Терекъ и въ Тюмень. Но здѣсь имъ не понравилось. Должно быть, пришельцы не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы поселиться въ мѣстности, гдѣ собирались разбойники со всего огромнаго края. Отправились казачки далѣе по Тереку, вверхъ къ черкесамъ Пятигорья (нынѣшнимъ кабардинцамъ), сумѣли подружиться съ ними и поселилпсь въ предгорьяхъ Кавказскаго хребта, тамъ, гдѣ Аргунь впадаетъ въ Сунджу.

Такъ какъ эти казаки жили на горахъ (на горномъ гребнѣ), то очень скоро за ними установилось наименованіе гребенскихъ казаковъ, впослѣдствіи столь прославившихъ себя, какъ первый мощный оплотъ Руси среди полудикихъ п дикихъ горскихъ народцевъ.

Въ сказаніи о Гребенской иконѣ Божіей Матери говорится также, что гребенскіе казаки, или гребенцы, произошли отъ донскихъ казаковъ, живших въ XVI вѣкѣ между рѣками Донцомъ и Калитвою у Гребенскихъ горъ. Въ значительно позднѣйшее время, а именно въ 1582 г., триста человѣкъ казаковъ, подъ предводительствомъ атамана Андрея, прошли черезъ Манычъ, Куму и Терекъ въ ущелья Кавказскихъ горъ и поселились въ гребняхъ на берегу горной рѣчки Акташе, гдѣ они и прожили никѣмъ не тревожимые съ небольшимъ цѣлое столѣтіе. Можно думать, что здѣсь митрополитъ Стефанъ рязанскій, которому принадлежитъ вышеупомянутое сказаніе, говоритъ о другой партіи выселенцевъ, ибо, какъ мы увидимъ ниже, гребенцы появляются въ Москвѣ ужо около половины XVI в., и не съ Акташе, а съ Терека.

Жили эти люди, къ нимъ съ Дона приходили земляки, нѣкоторые изъ нихъ сами уходили въ предѣлы оставленной родины. Связь, такимъ образомъ, съ Москвой не прерывалась никогда. Могучимъ связующимъ звеномъ являлось и православіе, которое неприкосновенно сохраняли выселенцы.

Москва, впрочемъ, просмотрѣла это первое появленіе русскихъ людей у самаго хребта. Въ царствованіе Василія III Іоанновича, а потомъ и въ началѣ царствованія Іоанна IV, когда Русью правила то одна, то другая пар-

тія, не до такихъ „далекихъ дѣлъ“ было. Но вотъ молодой царь Іоаннъ IV Васильевичъ сокрушилъ царство Казанское, а затѣмъ покорилось подъ его высокую царскую руку царство Астраханское; Русь стала въ низовьяхъ Волги и вышла затѣмъ на привольное раздолье спи моря „Каспицкаго“.

Пусть нашъ знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ скажетъ, что было послѣдствіемъ этого во взаимоотно шеніяхъ Руси и Кавказскаго края.

Утвержденіе въ устьяхъ Волги,—говоритъ историкъ,—открыло Московскому государству цѣлый міръ мелкихъ владѣній въ Прикавказьѣ (т. е., въ Предкавказьѣ и Закавказьѣ); князья ихъ ссорились другъ съ другомъ, терпѣли отъ крымцевъ и потому, какъ скоро увидѣли у себя въ сосѣдствѣ могущественное государство, бросились къ нему съ просьбами о союзѣ, свободной торговлѣ въ Астрахани, нѣкоторые—съ предложеніемъ подданства, и, такимъ образомъ, незамѣтно, волею-неволею, затягивали Московское государство все далѣе и далѣе на Востокъ къ Кавказу и за него. Тотчасъ послѣ паденія Казани, въ ноябрѣ 1552 года, пріѣхали въ Москву двое черкасскихъ князей съ просьбою, чтобъ государь вступился за нихъ и взялъ ихъ себѣ въ холопы. Въ августѣ 1555 года пріѣхали въ Москву князья черкасскіе-жажепскіе (не чеченскіе-ли?), Сибокъ съ братомъ Ацымгукомъ да Тутарыкъ, въ сопровожденіи 150 человѣкъ. Били они челомъ отъ всей земли Черкасской, чтобъ государь далъ имъ помощь на турецкаго и крымскаго царей; а они — холопи царя и великаго князя съ женами и дѣтьми и вовѣки. Государь пожаловалъ ихъ своимъ великимъ жалованьемъ, насчетъ-же турецкаго царя велѣлъ имъ отмолвить, что турскій султанъ въ миру съ царемъ и великимъ княземъ, а отъ крымскаго государя хочетъ ихъ беречь, какъ только можно. Князь Сибокъ просилъ, чтобъ государь велѣлъ окрестить сына его, а Тутарыкъ просилъ, чтобъ окрестить его самого. Лѣтомъ 1557 года пріѣзжали въ Москву другіе черкасскіе князья. Тогда-же двое князей черкасскихъ-кабардинскихъ, Темрюкъ и Тизрюкъ, прислали бить челомъ, чтобъ государь велѣлъ имъ себѣ служить и велѣлъ-бы астраханскимъ воеводамъ дать имъ помощь на шамхала тарковскаго; посолъ говорилъ: только государь ихъ пожалуетъ, какъ пожаловалъ жаженскихъ князей, и поможетъ на недруговъ, то князь грузинскій и вся земля Грузинская будутъ также бить челомъ го-

сударю въ службу, потому что грузинскій князь въ союзѣ съ кабардинскими князьями. Съ другой стороны, изъ владѣній шамхала и князя тюменскаго (съ береговъ Терека) пришли послы съ челобитьемъ, чтобъ государь велѣлъ имъ быть въ своемъ имени, приказалъ-бы астраханскимъ воеводамъ беречь ихъ со всѣхъ сторонъ, а торговымъ людямъ далъ-бы дорогу чистую; что государь велитъ себѣ прислать, то будутъ присылать каждый годъ. Черкасскіе князья просили помощи на шамхала, шамхалъ просилъ помощи на черкасскихъ князей. Тюменскій мурза просилъ помощи на дядю своего, тюменскаго князя: посадилъ-бы государь его на Тюменѣ, а онъ — холопъ государевъ; подданные шамхала просили, чтобъ государь далъ имъ другого владѣтеля, а они—всею землею холопи государевы; ханы хивинскій и бухарскій присылали съ великимъ челобитьемъ, чтобъ государь далъ дорогу купцамъ ихъ въ Астрахань. Около того-же времени появились въ Москвѣ и старшины гребенскихъ казаковъ, которыхъ, какъ говорится въ казачьей пѣснѣ, приведенной во второмъ очеркѣ, грозный царь пожаловалъ „рѣкою вольною Терекомъ Горынычемъ, что отъ самаго гребня до синя-моря, до синя-моря до Каспицкаго".

По царскому повелѣнію, на Терская, тамъ, гдѣ въ него впадаетъ Сунджа, была поставлена крѣпость, отданная царемъ гребенцамъ, причемъ имъ было повелѣно „служить свою службу государскую и беречь свою вотчину кабардинскую".

Когда наступилъ стихійный періодъ царствованія Іоанна Васильевича, называемый обыкновенно „мрачнымъ", рѣшили уйти въ 1579 г. навлекшіе на себя царскій гнѣвъ знаменитый Ермакъ Тимоѳеевичъ и еще два донскихъ атамана. Совѣщаніе ихъ происходило въ устьѣ Волги; первый ушелъ въ Сибирь, одинъ изъ остальныхъ на Яикъ, а послѣдній — на Терекъ. Здѣсь, въ устьѣ этой рѣки, пришельцы срубили укрѣпленный городокъ Тюмень, или Терки, что оказалось очень кстати. Еще въ 1571 г. турецкій султанъ грозилъ Москвѣ тяжелою войною, причемъ одной изъ причинъ выставлялось сооруженіе Терской крѣпости при сліяніи Сунджи съ Терекомъ. Чтобы устранить войну, малѣйшій неуспѣхъ въ которой могъ поднять на Русь и астраханскихъ, и казанскихъ татаръ, царь Іоаннъ IV Васильевичъ послалъ въ Константинополь посла Кузьминскаго сказать, что: „желая

быть съ тобою впередъ въ братствѣ и любви, мы показали братской любви знамя: городъ съ Терека рѣки изъ Кабардинской земли велѣли снести и людей своихъ оттуда свести въ Астрахань". Но султанъ ровно ничего отъ этого не выигралъ. Сама судьба вела Русь на Кавказъ: Терская крѣпость исчезла, а на томъ-же Терекѣ, да еще въ устьѣ его — на самомъ выгодномъ мѣстѣ — появились Терки...

Въ этихъ Теркахъ былъ оборъ всякихъ воровскихъ (бѣглыхъ) казаковъ, сумѣвшихъ привлечь къ себѣ кабардинцевъ, чеченцевъ, кумыковъ и даже черкесовъ.

Послѣ султанъ не разъ жаловался на терскихъ казаковъ... „Русскіе казаки, — писалъ крымскій ханъ Годунову въ 1589 г., — живутъ на перевозахъ и топкихъ мѣстахъ; на нихъ нападаютъ", но въ это время московское правительство уже понимало значеніе этихъ поселеній, и терское казачество пользовалось его могучимъ покровительствомъ. Кроткій царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, сынъ и наслѣдникъ Грознаго, а вѣрнѣе, его намѣстникъ Годуновъ, возстановилъ Терскую крѣпость на Сунжѣ и даже предполагалъ поставить крѣпость Койсу на Сулакѣ, дабы сдерживать непримиримаго врага Грузіи, шамхала тарковскаго.

Здѣсь необходимо опять сказать нѣсколько словъ о взаимоотношеніяхъ Россіи и Грузіи.

III.

Левъ Ирана.

Въ Персіи въ это время царствовалъ величайшій изъ ея государей шахъ Аббасъ (1585 — 1628 гг.) „Левъ Ирана". Сохранилась легенда, что въ тотъ самый день, когда онъ родился, въ Грузіи внезапнымъ мѣстнымъ землетрясеніемъ разрушена была ея древнѣйшая святыня обитель св. Георгія, въ 20 верстахъ отъ Телава. Этому государю, котораго исторія называетъ геніальнымъ, нужна была Грузія, какъ природный оплотъ въ задуманной имъ борьбѣ съ Турціей, и онъ всѣ свои усилія направлялъ къ тому, чтобы прибрать ее, такъ или иначе, къ рукамъ Давленіе со стороны Персіи на Кахетію и Карталинію оказывается страшное, и подъ вліяніемъ его кахетинскій царь Александръ II, угрожаемый съ одной стороны персами и съ другой турками, въ 1586 г. отправилъ въ Москву къ царю Ѳеодору Іоанновичу посольство, черезъ которое билъ челомъ со всѣмъ народомъ своимъ, чтобы

единственный православный государь принялъ ихъ въ свое подданство — „спасъ жизнь и душу“. Ѳеодоръ принялъ Александра Кахетинскаго въ подданство, въ Кахетію отправлены были учители, монахи, священники, иконописцы, чтобы возстановить чистоту православнаго ученья и богослуженія. Кромѣ духовной, была дана и помощь вещественная: „отправленъ былъ снарядъ огнестрѣльный“ и, кромѣ того, исправлена была Терская крѣпость и занята стрѣльцами. Съ того-же времени въ титулъ московскихъ царей былъ прибавленъ новый титулъ: „государь земли иверской, грузинскихъ царей и кабардинскія земли, черкасскихъ и горскихъ князей“, но, несмотря на все это, изъ-за Кахетіи Москва не рѣшилась вступить въ борьбу съ Турціей, и только послѣ долгихъ выпрашиваній московскій царь рѣшилъ, въ угоду Александру, сдѣлать шавкалу (шамхалу) тарковскому „великое утѣсненіе“, отнявъ у него его столицу Тарки и посадивъ на его мѣсто александрова свата, Крымъ-Шевкала. Пятьсотъ ратныхъ людей, подъ начальствомъ воеводы князя Дмитрія Ивановича Хворостина, усиленные терскими и гребенскими казаками, весною 1594 г. тронулись изъ Астрахани, явились на Терекъ, пошли съ него на Сулакъ и быстро взяли Тарки, разбивъ на Сулакѣ тарковцевъ, кумыковъ и ногаевъ. Но взять оказалось мало. Хворостину пришлось держаться во взятой столицѣ шамхальства. Дагестанъ не покорялся, шамхалъ, дряхлый, но сообразительный старикъ, державшійся медлительной политики — „ловилъ скорпіона за хвостъ“: окружилъ Тарки, сталъ блокировать городъ, а когда къ нему подоспѣлъ на помощь аварскій ханъ, то положеніе русскихъ, запертыхъ въ Таркахъ, стало критическимъ. Дагестанцы тѣснили ихъ, безпокоили постоянными фальшивыми аттаками, кахетинцы-же, ради которыхъ явились въ шамхальство русскія дружины, и глазъ не казали. Хворостинъ рѣшилъ отступить. Но и отступленіе представлялось чрезвычайно опаснымъ; враги такъ и кишѣли вокругъ Тарковъ, а у русскихъ было множество больныхъ и раненыхъ. Однако, такъ какъ отсиживаться далѣе было невозможно, то уйти все-таки пришлось. Ушли ночью, бросивъ лишнее оружіе и всѣ тяжести. Враги проспали русскихъ. Отойти удалось благополучно, но судьба была противъ русскихъ: въ безпросвѣтномъ ночномъ мракѣ отрядъ сбился съ пути и попалъ въ болотистую низину, черезъ которую проходитъ устье рѣки Озени; здѣсь на

отступавшихъ напали лезгины. Русскіе свернулись въ кольцо, отразили натискъ, но, чтобы идти далѣе, должны были бросить своихъ больныхъ и раненыхъ, которыхъ тутъ-же, почти на глазахъ товарищей, замучили варвары. Такъ продолжалось въ непрестанномъ кровопролитномъ бою все утро, когда на изнемогавшій уже отрядъ Хворостина наткнулись главныя силы шамхала и аварскаго хана. Ихъ вели пришедшіе въ неистовство муллы, поджигавшіе ихъ къ бою стихами изъ корана. Но герои съ богатырскими натисками продвигались впередъ. Съ обѣихъ сторонъ валились люди, трупы устилали путь, но ожесточенный бой все кипѣлъ и кипѣлъ, и такъ продолжалось до поздняго вечера. Русскіе успѣли къ этому времени добраться до Сулака и переправиться черезъ него. Здѣсь они были уже въ относительной безопасности и пошли на Терекъ, куда — увы! — явилась только четвертая часть тѣхъ, кто пошелъ отсюда на Тарки.

Это было первое вооруженное столкновеніе Руси съ кавказскими племенами. Съ этого и началось уже вооруженное движеніе Руси въ Предкавказье, закончившееся покореніемъ его, завершившееся уже во второй половинѣ XIX столѣтія полнымъ покореніемъ всего Кавказа въ его общемъ цѣломъ.

Кахетія и Карталинія переживали въ эти времена жесточайшія испытанія. Шахъ Аббасъ сумѣлъ вызвать въ царскихъ семьяхъ раздоры. Кахетинскій царь Александръ II былъ зарѣзанъ своимъ сыномъ ренегатомъ Константиномъ, поставившимъ Кахетію въ вассальную зависимость отъ Персіи. Тогда выдвигается народная героиня Грузіи, будущая святая мученица царица Кетевань, вдова сына Александра — Давида II, мать Теймураза. Она сама предводительствуетъ войсками, уничтожаетъ Константина и именемъ сына Теймураза править государствомъ. Аббасъ, занятый въ это время Карталиніей, притворился, что онъ считаетъ гибель Константина возмездіемъ свыше.

— Отцеубійца достоинъ смерти, — говоритъ онъ и, отпуская въ Кахетію Теймураза, находившагося при его дворѣ, объявляетъ ему: — ступай въ Кахетію и пусть въ этой странѣ прекратятся раздоры.

Аббасу, дѣйствительно, было не до Кахетіи.

По его приказанію, былъ отравленъ принявшій магометанство царь карталинскій Георгій X, и шахъ отдалъ въ 1605 г. карталинскій престолъ его сыну, Луарсабу II.

Въ это время карталинцамъ пришлось выдерживать отчаянную борьбу съ турками, надвигавшимися на Грузію со стороны Тріалетскихъ горъ при своемъ возвращеніи изъ Персіи. Но среди карталинцевъ не ослабѣлъ еще могучій духъ ихъ предковъ, и народъ выдвигаетъ изъ своей среды героя-богатыря Георгія Саакадзе и ставшаго грузинскимъ предшественникомъ Сусанина — священника Ѳедора изъ Квельты.

Турки захватили Ѳедора послѣ того, какъ разбили наголову грузинскую армію, подъ начальствомъ двухъ лучшихъ полководцевъ Луарсаба--Захарія и Яроли. Ѳедоръ былъ довольно извѣстный своими учеными трудами священникъ, явившійся къ царю для ученыхъ бесѣдъ, и побѣдители надѣялись, что черезъ него они узнаютъ, куда скрылся Луарсабъ послѣ пораженія. Но грузинъ Ѳедоръ поступилъ именно такъ, какъ нашъ костромичъ Сусанинъ: онъ завелъ въ горныя дебри отрядъ, посланный съ нимъ для поимки Луарсаба, и здѣсь объявилъ:

— Не пожертвую вѣчною жизнью временной—не буду предателемъ царя!

Онъ кончилъ жизнь въ страшныхъ мученіяхъ, но Луарсабъ былъ спасенъ.

Это самоотверженіе, однако, спасло царя Карталиніи, но не спасло самой страны. Безчисленныя турецкія войска покрыли всѣ долины Карталиніи. Тутъ-то выступаетъ Георгій Саакадзе въ качествѣ народнаго вождя.

Саакадзе былъ человѣкъ невысокаго происхожденія, но уже двадцати семи лѣтъ былъ владѣтельнымъ княземъ съ титуломъ моурава. Родовая грузинская знать смотрѣла на него сперва косо, а потомъ дошла до того, что отъ Луарсаба даже потребовали смерти Саакадзе. Но тутъ-то этотъ герой показалъ, что онъ необходимъ для родины. Вскорѣ послѣ самопожертвованія Ѳедора, въ Схертской долинѣ, на берегахъ Куры, произошла кровопролитная битва. Слабые численностью грузины ударили на несмѣтныя полчища турокъ. Предводительствовалъ Саакадзе. Герой князь Заза Циціановъ пробился къ самому главнокомандующему турецкой арміей, пашѣ Дели-Мамадъ-хану, отрѣзалъ ему голову и успѣлъ возвратиться съ своимъ кровавымъ трофеемъ къ Луарсабу. Турки, пораженные такимъ геройствомъ, смѣшались. Саакадзе съ своими ничтожными дружинами бросился на потерявшую вождя массу, и несмѣтныя полчища побѣжали передъ горстью храбрецовъ

Саакадзе спасъ отечество, а воспользовался этимъ, Аббасъ.

Вскорѣ послѣ этого дворцовыя интриги противъ героя, а въ особенности бракъ Луарсаба съ сестрой Саакадзе, заставили героя ради спасенія жизни (и своей, и близкихъ) бѣжать въ Персію, шаху которой онъ и предложилъ завоевать Карталинію. Аббасъ принялъ его съ величайшими почестями, но воспользовался его услугами не сразу. Онъ направилъ его въ Индію и противъ турокъ, но пока сберегалъ его для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ грузинъ.

Шахъ Аббасъ еще не началъ дѣйствовать огнемъ и мечемъ. Онъ предпочиталъ болѣе вѣрный путь. Понимая все ничтожество Кахетіи и Карталиніи, онъ старался обращать грузинъ въ магометанство. Царь и князья легко мѣняли вѣру, но народъ оказывалъ энергичное сопротивленіе, и лишь тогда Аббасъ рѣшился прибѣгнуть къ кровопролитію. Въ 1615 г. онъ появляется въ Ганжѣ (Елисаветполь) и, по совѣту Саакадзе, требуетъ аманатовъ (заложниковъ) у кахетинскаго царя Теймураза. Тотъ послалъ было ему своего сына съ матерью своей, царицею Кетеванью; Аббасъ отказался принять малолѣтка, но Кетеванъ оставилъ и потребовалъ уже самого Теймураза. Тотъ, надѣясь на помощь Луарсаба, отказался, и вскорѣ долженъ былъ вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ бѣжать въ Имеретію. Вскорѣ Аббасу удалось поймать Луарсаба, и онъ, отправленный въ Персію, былъ тамъ задушенъ, а на престолъ Карталиніи шахъ поставилъ магометанина Багратa V (1616—1619 г.), въ Кахетію-же — вѣроотступника Исахана, бывшаго царевича Іессея, двоюроднаго брата Теймураза. Однако, у послѣдняго были сторонники; Исаханъ былъ убитъ, и Теймуразъ снова вступилъ на престолъ. Тогда въ 1617 г. Аббасъ двинулъ свои войска въ Кахетію. Какіе ужасы произошли тогда! Война, вездѣ война, но нѣтъ ужаснѣе войны, которую съ успѣхомъ ведутъ азіатскіе народы. Войска Аббаса,—говоритъ И. Нотто въ своей статьѣ „Эпоха персидскаго владычества въ Грузіи“,—шли, все попирая на своемъ пути, грабя монастыри, раздирая иконы и кресты и обращая священные предметы на украшенія своихъ гаремовъ. Христіане вмѣсто защиты и отпора только и дѣлали, что собирались въ церквахъ—каялись, молились и вмѣстѣ съ церквами были сожигаемы персами. Въ ночь на Пасху въ одномъ изъ монастырей Гареджійской пустыни, по личному повелѣнію шаха Аббаса, были перебиты шесть тысячъ иноковъ, и подъ раз-

валинами монастыря и понынѣ стоитъ престолъ и на немъ вмѣсто священной утвари связанныя крестообразно человѣческія кости. Эти кости и дали названіе цѣлой лаврѣ, именующейся Моцамети, т. е., лавра мучениковъ. Но, что ужаснѣе всего, такъ это то, что войсками Аббаса предводительствовалъ грузинскій герой Георгій Саакадзе.

Отмѣтимъ здѣсь также, что, овладѣвъ Мцхетомъ, Аббасъ захватилъ величайшую святыню всѣхъ христіанъ—хитонъ Спасителя.

Кахетія была въ рукахъ Аббаса.

Спущенные имъ съ горъ лезгины овладѣли лучшей частью этой страны, между Кавказскими горами и р. Алазанью. Карталинія была подъ властью магометанина, и въ такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ царь Теймуразъ отправился въ Россію искать покровительства и помощи уже у вступившаго тогда на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича.

Итакъ, мы возвращаемся послѣ нѣкотораго необходимаго отступленія къ Россіи.

Замѣтимъ себѣ, прежде всего, положеніе: Русь стремится въ Предкавказье, а въ Закавказьѣ есть Грузія,—страна обширная, великолѣпная,—которая сама стремится къ Руси.

Что вышло изъ этого взаимостремленія, показалъ только XIX вѣкъ.

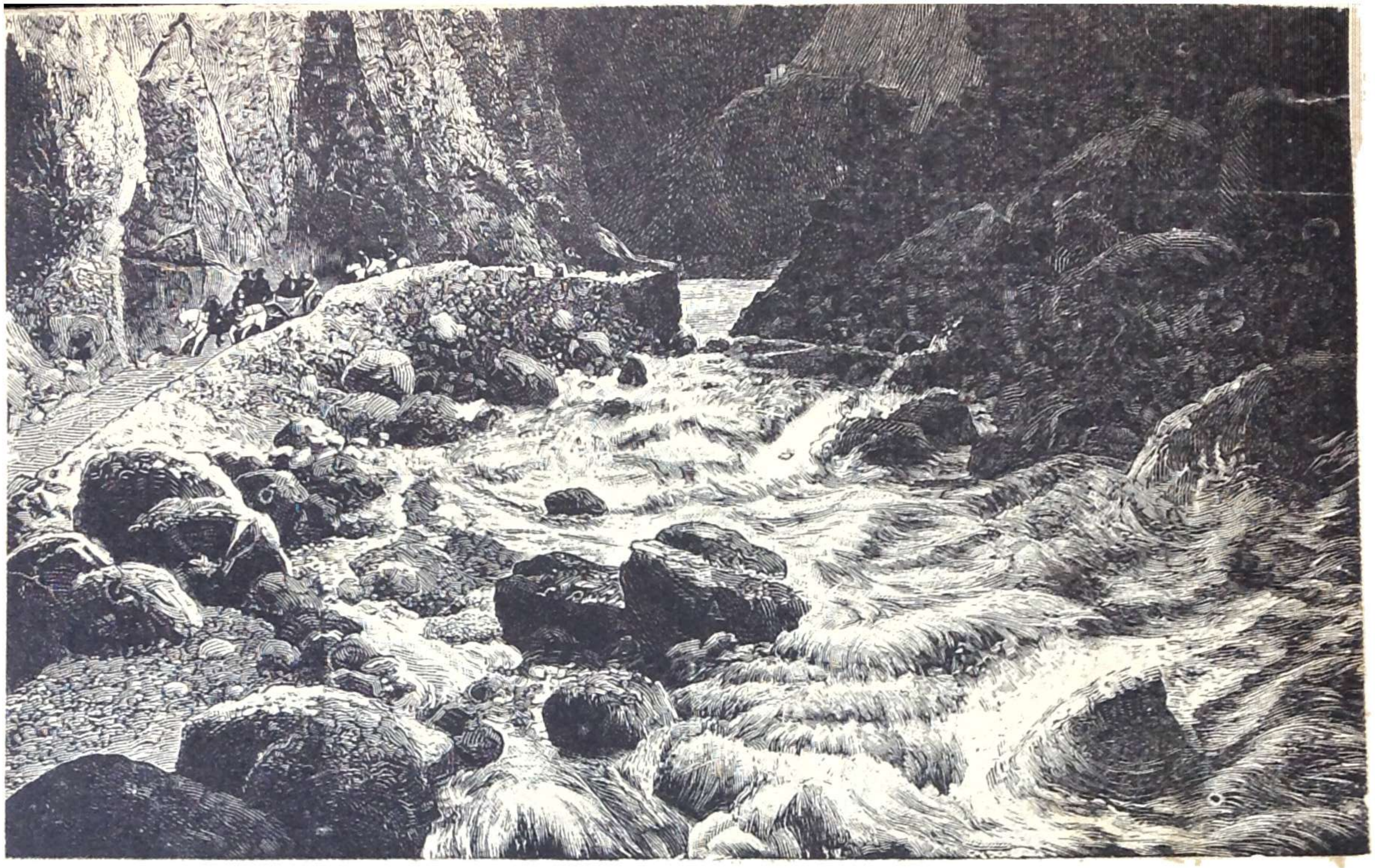
IV.

Москва и Кавказъ.

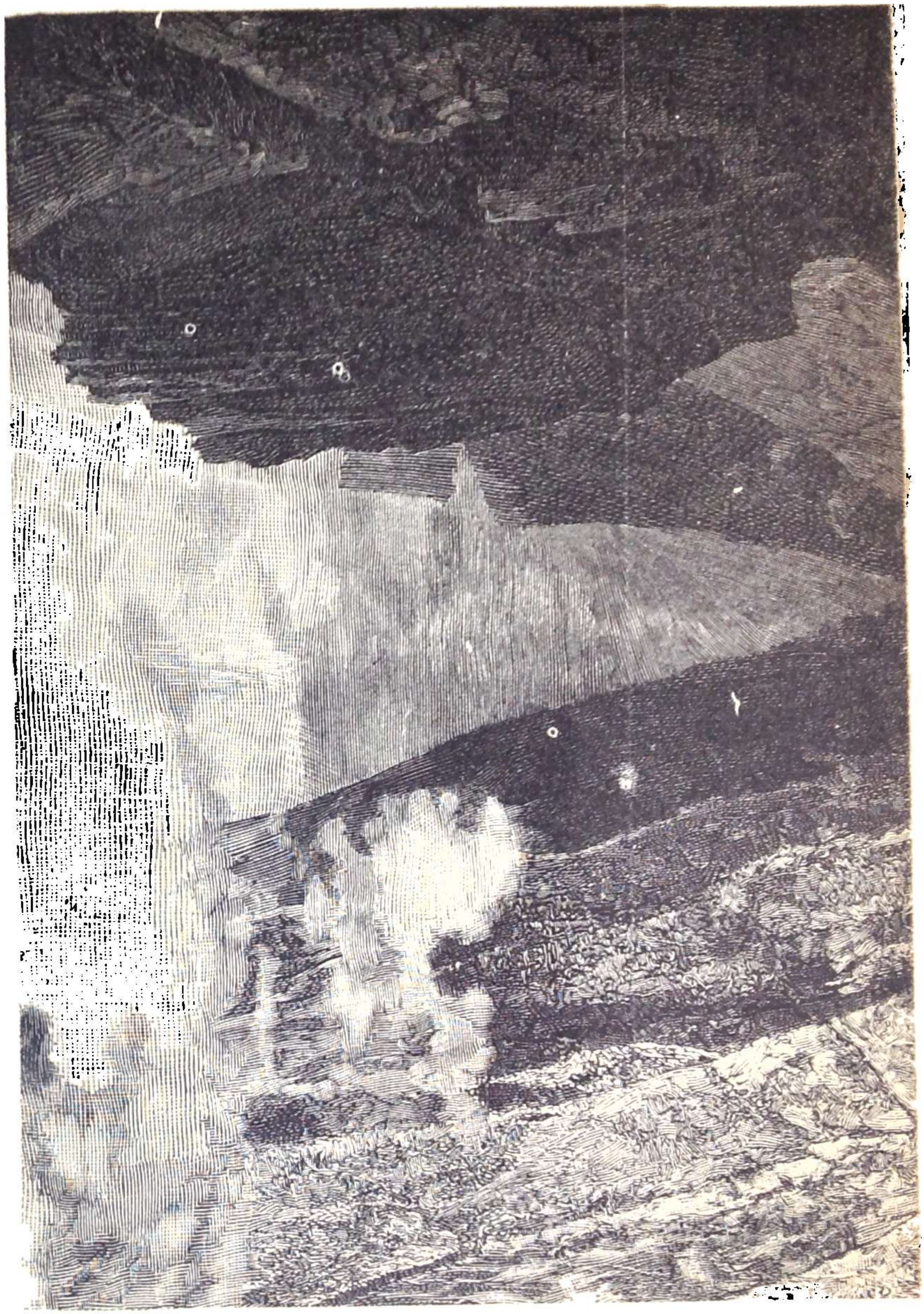
Но въ самомъ началѣ XVII вѣка Русь какъ-будто потерпѣла полное пораженіе въ своихъ стремленіяхъ на Понто-Каспійскій перешеекъ. Неудачный походъ въ Дагестанъ Хворостина при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ не оказался вразумительнымъ урокомъ для его преемника—талантливѣйшаго изъ русскихъ царей Бориса Ѳеодоровича Годунова. Онъ дѣлаетъ попытку изъ номинальнаго „государя земли иверской, грузинскихъ царей и кабардинскія земли, черкасскихъ и горскихъ князей“ стать ихъ дѣйствительнымъ владыкою. Въ 1604 г. изъ Казани и Астрахани на Терекъ двинутъ былъ десятитысячный отрядъ, подъ начальствомъ Ивана Бутурлина и воеводы Плещеева. Первый шелъ съ стрѣльцами, второй — съ боярскими дѣтьми и казаками. Ожидалась сильная помощь изъ Грузіи, но грузины не пришли, повинуясь воспрещенію шаха. Однако, русскіе и безъ нихъ шли безостано-

вочно на Тарки. Они поставили остроги на рѣкахъ Сулакѣ и Акташѣ и быстро овладѣли всѣмъ шамхальствомъ, взявъ и столицу ея, Тарки, послѣ кровопролитнаго штурма. Шамхалъ былъ дряхлъ. Онъ отстранился и предоставилъ веденіе войны своему молодому, энергичному сыну, султану Муту. Тотъ поднялъ на русскихъ весь Дагестанъ, уничтожилъ острожки на Сулакѣ и Акташѣ и пробовалъ даже выбить русскихъ изъ Тарковъ. Это не удалось. Однако, русскій отрядъ настолько ослабѣлъ, что его воеводы рѣшили вступить въ переговоры съ султаномъ Мутомъ. Тотъ тоже не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для открытой побѣды, выпустилъ русскихъ, давшихъ обѣщаніе, что болѣе они „воевать Тарки“ не будутъ. Заключенъ былъ мирный договоръ, и русскій отрядъ вышелъ изъ столицы шамхальства, но Бутурлинъ и Плещеевъ совершенно опустили изъ виду, что они имѣютъ дѣло съ азіатами. Мусульмане справляли въ это время свой праздникъ байрамъ. Подъ предлогомъ военныхъ игръ, джигитовокъ и пр., дагестанцы въ полномъ вооруженіи слѣдовали за уходившимъ отрядомъ. Подъ предлогомъ свадьбы шамхала съ дочерью хана аварскаго, подтянуто было еще подкрѣпленіе въ двадцать тысячъ аварцевъ. Во время пира русскіе тоже получили въ изобиліи хмельную бузу и, перейдя рѣчку Озень, на берегахъ которой уничтоженъ былъ отрядъ Хворостина, расположились на почлегъ. Очень многимъ не пришлось увидѣть слѣдующаго утра. Ночью на безпечно спавшихъ русскихъ опрокинулось все дагестанское скопище. Побоище вышло ужасное. Бутурлинъ, Плещеевъ и семь тысячъ человѣкъ изъ ихъ отряда, не считая больныхъ и прежде раненыхъ, легли на мѣстѣ; по главнымъ было то, что вплоть до Петра Великаго русскіе уже не показывались въ Дагестанѣ, и представителями Руси въ Кавказскомъ краѣ являлись только терскіе и гребенскіе казаки, которые и послѣ этого пораженія остались на своихъ мѣстахъ въ горныхъ ущельяхъ Кавказскихъ горъ и на лѣвомъ берегу Терека Горыныча.

Вскорѣ для Руси настало проклятое Лихолѣтье, и, конечно, тутъ уже было не до завоеваній. Въ это смутное время кое-чѣмъ заявили себя терскіе казаки. Они, какъ люди воинственные, вовсе не желали ни сѣять, ни жать, ни сбирать въ житницы, они просто желали жить за счетъ сосѣдей, грабя ихъ, какъ „сидорову козу“. Но сосѣди тоже были не промахъ и въ обиду себя не да-

Кавказъ. Дарьяльское ущелье. Съ картины худ. Судковскаго.

Стр. 19 и 20.

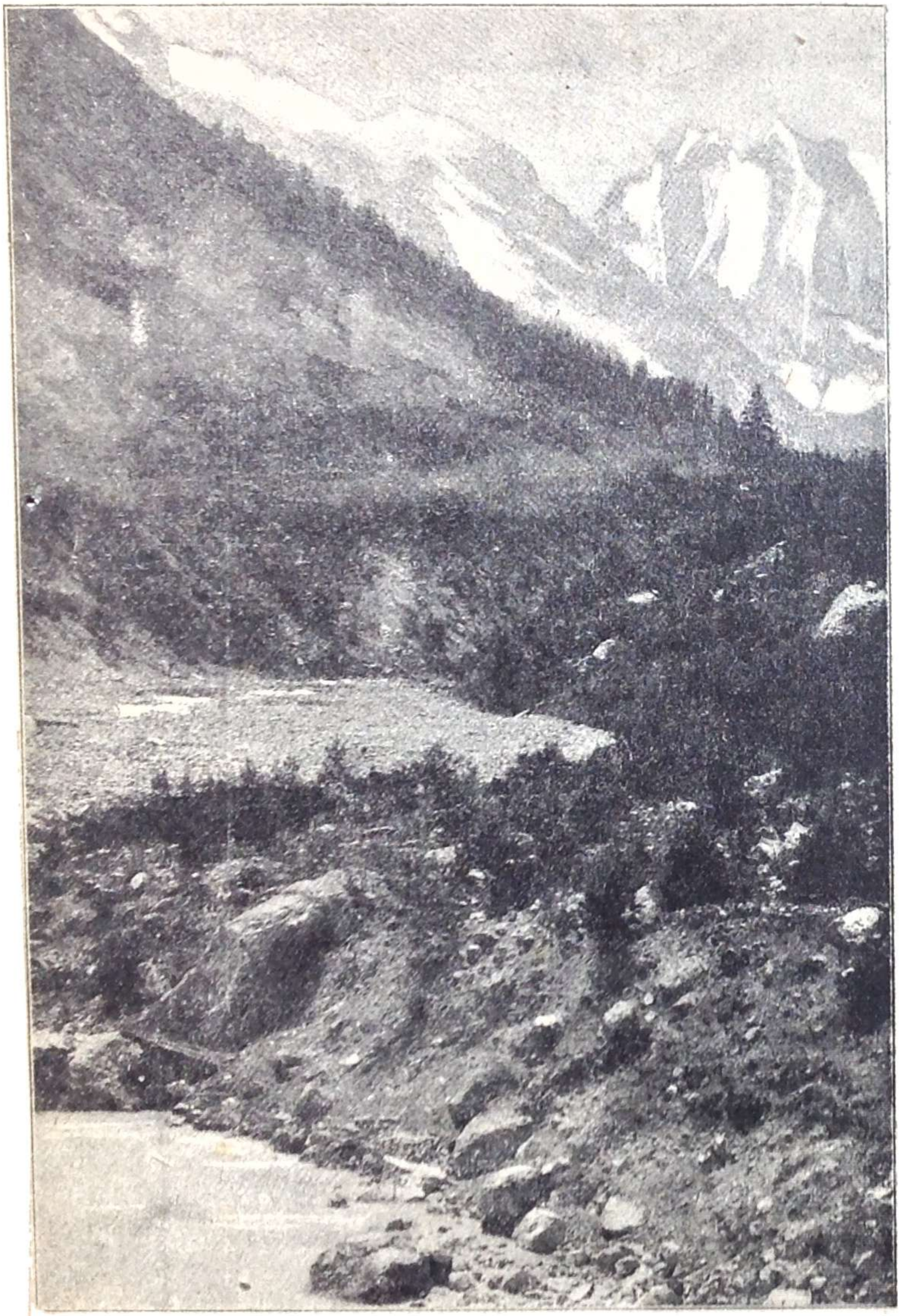

Кавказъ. Видъ на Эльбрусъ, высочайшую гору Кавказа.

Дагестанъ. Левгинская сакля.

Стр. 23 и 24.

Кавказъ. Ущелье р. Картыка.

валп. Терцы сперва хотѣлп пдти па Куру и грабить турецкія области, а въ случаѣ неудачи передаться все тому-же персидскому шаху Аббасу, но тутъ до нихъ дошелъ слухъ, что творится въ Московскомъ государствѣ. Терцы тогда вспомнили, что они родные и единовѣрные русскому народу, и рѣшили, что „гораздо выгоднѣе пустошить Московское государство подъ знаменами самозванца и получить такую-же честь, какую получили донцы и черкасы отъ Лжедимитрія“ (С. М. Соловьевъ, томъ VIII). Триста самыхъ удалыхъ изъ терскихъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана Ѳедора Батырина, условились выставить отъ себя претендента па московскій престолъ, но такъ какъ близкое общеніе съ восточными народами изощрило фантазію этихъ людей, то они не стали выставлять въ качествѣ кандидата въ московскіе цари подставного сына Грознаго, а ударились въ оригинальность. Эмиссары терцевъ разгласили, что жена царя Ѳеодора Іоанновича, Ирина, въ 1592 г. родила сына Петра (у этой царственной четы на самомъ дѣлѣ была дочь Ѳеодосія, умершая во младенчествѣ), а Годуновъ подмѣнилъ новорожденнаго мальчика дѣвочкой, вскорѣ послѣ того умершею.

Пользуясь этимъ, терцы выставили самозванца Илюшку Муромца, котораго переправили въ Астрахань. Онъ вначалѣ имѣлъ успѣхъ, добрался до Тулы, этого гнѣзда самозванцевъ въ Лихолѣтье, но былъ тамъ осажденъ царемъ Василіемъ Шуйскимъ и преисправно повѣшенъ имъ, „какъ воръ и бродяга“.

Здѣсь особенно важно то обстоятельство, что на Терекѣ и въ то время былъ уже московскій воевода, который отговаривалъ буяновъ отъ злого дѣла и которому эти буяны представляли самозванца. Изъ этого ясно слѣдуетъ то, что часть Предкавказья, прилегающая къ Тереку на югѣ и къ Каспію на востокѣ, уже прочно была присоединена къ Россіи — иначе зачѣмъ-же быть-бы на Терекѣ московскимъ воеводамъ?..

Когда на Руси послѣ Лихолѣтья возстановилось единодержавіе, то мы уже видѣли, что царь грузинскій Теймуразъ не замедлилъ обратиться къ царю Михаилу Ѳеодоровичу съ просьбой о помощи.

Въ 1619 г. въ Москву является посольство Теймураза, которое передаетъ положеніе своей родины такъ: „И вамъ, великому государю, свои слезы и бѣдность объявляемъ,

что свѣтлость наша превратилась въ тьму, и солнце уже насъ не грѣетъ и мѣсяцъ насъ не освѣщаетъ, и день нашъ свѣтлый и чинился ночью, и я (Геймуразъ) въ такомъ теперь положеніи, что лучше-бы я не родился, нежели видѣть, что православная вѣра христіанская и земля Иверская при моихъ очахъ разорилися, въ церквахъ имя Божіе не славится и стоятъ онѣ всѣ пусты".

Кахетинскій царь просилъ у русскаго царя защиты для родины и защиты передъ Аббасомъ за свою семью и въ особенности за свою мать, царицу Кетевань, находившуюся у шаха. Но, прежде чѣмъ ходатайство русскаго царя достигло Персіи, Кетевань уже была звѣрски замучена въ Ганжѣ, и испугавшійся Аббасъ, чтобы задобрить Михаила Ѳеодоровича, послалъ ему плѣненную имъ драгоцѣнность—хитонъ Господень. Царь Михаилъ получилъ эту высочайшую реликвію и успокоился, а Аббасъ спустилъ своихъ звѣреподобныхъ дикарей-воиновъ на Картлинію, поставивъ во главѣ ихъ все того-же Саакадзе. Но сердце измѣнника-героя тронулось несчастіями родины. Онъ перешелъ къ землякамъ и сталъ во главѣ кахетинцевъ. Счастье благопріятствовало ему. Онъ освободилъ Кахетію и Карталинію отъ персовъ. Аббасъ казнилъ его сына и жену его любимаго друга, эристава Зубари, но Саакадзе какъ-бы принесъ ихъ въ жертву своей родинѣ. Онъ задумалъ великое дѣло — объединеніе Грузіи и возстановленіе ея въ прежнихъ предѣлахъ, но не для себя, а для несчастнаго Геймураза. Много героическихъ подвиговъ совершилъ этотъ грузинскій Алкивіадъ, но эти подвиги не были угодны высшей волѣ. Саакадзе удивлялись, но не вѣрили, и, въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ удалиться къ туркамъ въ Константинополь, гдѣ потомъ былъ зарѣзанъ по требованію жены визиря Хозрева-паши, объявившей, что знаменитость моурава заслоняетъ знаменитость ея мужа...

Это было въ 1629 г. Шахъ Аббасъ умеръ на годъ ранѣе.

Когда Геймурааъ, какъ мы видѣли выше, обращался къ московскому царю Михаилу Ѳеодоровичу съ просьбой о помощи (посломъ Геймураза былъ епископъ Ѳеодосій), то царь Михаилъ ограничился только дипломатическими представленіями шаху Аббасу. Спустя двѣнадцать лѣтъ, въ 1636 г., въ Москву явилось повое грузинское посольство, во главѣ котораго стоялъ архимандритъ Грузіи Никифоръ, который объявилъ о желаніи своего государя

быть въ совершенномъ подданствѣ у московскаго царя. По поводу этого посольства собрана была царская дума. Она долго судила и рядила, и въ 1637 г. въ Грузію были отправлены князь Ѳедоръ Волконскій, дьякъ Артемій Хватовъ и пятеро духовныхъ съ тѣмъ, чтобы взять отъ Теймураза и грузинскаго народа крестное цѣлованіе на вѣрность московскому царю. Хотя Волконскій, пріѣхавъ на мѣсто, увидѣлъ, что у Теймураза во владѣніи осталась одна только Кахетія, онъ исполнилъ порученіе, и царь грузинскій поцѣловалъ крестъ, т. е., присягнулъ московскому государю на вѣрность. При этомъ посолъ оказался настолько дипломатичнымъ, что не далъ на будущее никакого обѣщанія, которое связывало-бы Москву. Теймуразъ въ виду этого свелъ всѣ свои просьбы къ тому, что просилъ царя Михаила возобновить крѣпость въ горахъ для защиты Грузіи отъ дагестанцевъ, прислать лекаря и горнаго инженера („рудознатца“). Лекаря ему послали, крѣпость ставить отказались, помня погромы Хворостина, Бутурлина и Плещеева, а насчетъ „рудознатца“ отказать не отказали, но предложили прислать въ Москву образчики руды. Впрочемъ, посланный съ такимъ отвѣтомъ князь Мышецкій отвезъ Теймуразу 20.000 ефимковъ, не считая соболей: подлинно за Богомъ молитва, за русскимъ царемъ служба не пропадаетъ!..

Духовенство, бывшее въ составѣ русскихъ посольствъ, вынесло тяжелое впечатлѣніе изъ того, что оно видѣло въ Грузіи; тѣмъ болѣе, что русскіе-то сами съ трудомъ въ то время разбирались, что истинно, что несогласно съ православіемъ.

Однако, Грузія не переставала молить Русь о подданствѣ подъ руку ея царя.

При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, весною 1647 года, пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Теймураза и подалъ такую грамоту:

„Какъ у отца твоего былъ я съ сыномъ своимъ и со всею Грузинскою землею въ холопствѣ, такъ теперь и тебѣ, великому государю, бью челомъ въ холопство. Отца твоего заступленіемъ и жалованьемъ наше Грузинское государство живо и цѣло; а если ты насъ не пожалуешь, за насъ не вступишься, то окрестныя государства насъ разорятъ безъ остатку и станутъ говорить: „вы поддались московскому государю, и онъ васъ выдалъ, за васъ не вступился“. Теперь самъ я, Теймуразъ царь, съ сы-

номъ своимъ Давидомъ, отдался тебѣ въ холопство со всею Грузинскою землею; внука своего, Григорья, пришлю къ тебѣ въ холопы въ Москву, а за большаго моего внука, Іоасаѳа, изволилъ-бы ты выдать сестру свою государыню царевну. Да вели къ намъ послать митрополитовъ, сколько изволишь; государство Грузинское—Божье да твое; и вѣра такъ-же была-бы справлена, какъ и въ твоемъ великомъ государствѣ".

Между тѣмъ, въ это время, особенно въ 1648 году, въ Москвѣ было не до Грузіи. Въ 1649 г. оттуда явилось новое посольство.

„Хотѣлъ я, — писалъ Теймуразъ, — отправить къ тебѣ, великому государю, внука своего, Николая, но какъ узнали объ этомъ персіяне, то начали государство мое воевать съ трехъ сторонъ. Мнѣ черезъ горы внука своего послать нельзя, а на Шемаху персіяне не пропустятъ. Пожаловалъ-бы, великій государь, прислалъ за внукомъ моимъ своихъ людей и велѣлъ взять его къ себѣ въ холопы".

Съ отвѣтомъ на эти предложенія отправился въ Грузію въ 1650 г., какъ свидѣтельствуетъ С. М. Соловьевъ Никифоръ Толочановъ.

Толочановъ объявилъ Теймуразу главную цѣль своего посольства — взять съ собою въ Москву внука его, царевича Николая.

— А выдастъ-ли за него великій государь сестру свою? — спросилъ Теймуразъ.

— Съ нами объ этомъ дѣлѣ не наказано, — отвѣчалъ посланникъ, — такое великое тайное дѣло, кромѣ Бога до великаго государя, кто можетъ вѣдать? Если Богъ изволитъ, а его государская мысль будетъ, то дѣло и состоится; а если не будетъ воли Божіей и государской мысли, то дѣлу какъ состояться? Ты только отпускай съ нами внука своего, исполняй передъ великимъ государемъ правду свою.

— Если я внука своего пошлю, — продолжалъ Теймуразъ, — а государь не изволитъ государства моего, Кахетіи, очистить, ратныхъ людей и казны не пришлетъ, то зачѣмъ моя посылка?

— Ратныхъ людей, — отвѣчалъ Толочановъ, — послать къ тебѣ нельзя, потому что горы снѣжныя, высокія, въ нихъ разсѣлины большія, ратнымъ людямъ пройти, наряду и запасовъ провезти нельзя; у тебя государство пустое, и то за шахомъ; хотя ратные люди и пройдутъ, то

'мъ у тебя съ голоду помретъ; а казны тебѣ государь пришлетъ столько, сколько тебѣ и въ умъ не вмѣщалось, если теперь исполнишь правду свою, внука съ нами отпустишь. Кромѣ того, государь пошлетъ великихъ пословъ къ шаху, чтобы отдалъ Кахетію по совѣту и братству, а если не отдастъ, то думаемъ, что великій государь пошлетъ войско свое Каспійскимъ моремъ на шаховы города и велитъ городовъ разорить вдесятеро, — только ты совершай правду свою. Если ты отпустишь съ нами и другого внука своего, Влавурсака, то великій государь дастъ ему свое жалованье по своему милосердому разсмотрѣнію.

— Влавурсака никому не отдамъ, — сказалъ Теймуразъ, — мнѣ самому не съ кѣмъ будетъ жить, некому будетъ и души моей помянуть.

— Ты намъ объявилъ, что тебя разорилъ тифлисскій ханъ, — продолжалъ посланникъ, — такъ если тебѣ въ Грузинской землѣ жить не у чего, то ступай и ты самъ къ царскому величеству, — намъ велѣно принять тебя и съ подданными твоими.

— Когда будетъ мое время, тогда и поѣду къ государской милости, а теперь еще побуду здѣсь,— отвѣчалъ Теймуразъ.

Всѣ эти разговоры кончились тѣмъ, что Теймуразъ не отправилъ внука въ Москву.

Сильнѣе высказывалъ свое усердіе къ великому государю имеретинскій царь Александръ, присягнувшій при Толочановѣ царю Алексѣю Михайловичу.

— Теймуразъ царь, — говорилъ Александръ, — внука своего съ вами не отпускаетъ; а если-бы у меня былъ сынъ мой, Багратъ, да братъ, Мамука, то я обоихъ къ царскому величеству отпустилъ-бы. Если государю угодно, то онъ прислалъ-бы воеводу своего въ Кутаисъ; если-бы мнѣ было кому свою отчину, Имеретинскую землю, приказать, то я и самъ поѣхалъ-бы видѣть пресвѣтлыя государскія очи.

Въ грамотѣ своей къ царю Александръ писалъ:

„Учинился я и сынъ мой, и братъ, и весь духовный чинъ, и ближніе люди, и всего государства воинскіе ратные и земскіе люди подъ вашего царскаго величества высокою рукою въ подданствѣ навѣки неподвижно, отъ дѣтей на внучатъ; и тебѣ-бы, великому государю, меня не презрѣть и отъ недруговъ невѣрныхъ держать въ оборонѣ, чтобы люди моего государства въ невѣріе не

впали. Прежде были у меня въ подданствѣ дадьяне, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ отложились, поддались турецкому султану и живутъ съ басурманами заодно, беруть себѣ на помощь басурманскую рать, меня разоряютъ и воюютъ. Донскіе казаки ходятъ на Черное море и басурманъ воюютъ, а православнымъ христіанамъ никакого вреда не дѣлаютъ; а дадьяне казаковъ къ себѣ приманиваютъ, будто хотятъ вмѣстѣ съ ними воевать басурманъ, и, приманя въ свои мѣста, ихъ побиваютъ и къ туркамъ продаютъ, и въ подарокъ отсылаютъ турецкому султану, который за это присылаетъ имъ жалованье. Тѣ-же дадьяне крадутъ христіанъ изъ моей земли и у себя и отсылаютъ къ персидскому шаху, просятъ у него себѣ помощи. Дадьянскій владѣлецъ сестру свою отдалъ къ шаху и отъ христіанской вѣры отрекся, за то ему отъ шаха жалованье и помощь. Онъ-же, дадьянскій владѣлецъ, отослалъ другую свою сестру Рустемъ-хану тифлисскому, чтобы тотъ шелъ на меня войною, и Рустемъ-ханъ много разъ присылалъ своихъ ратныхъ людей на мое государство. Теперь я у царскаго величества милости прошу и желаю, чтобы какъ-нибудь съ Чернаго моря стругами учинить надъ дадьянами промыслъ, за то разоренье имъ отмстить, отъ басурманъ отлучить, въ православіи утвердить и подъ мою руку привести попрежнему. Дадьянскій князь прислалъ ко мнѣ, что хочетъ опять быть у меня въ подданствѣ и самъ ко мнѣ пріѣхать, чтобы только я прислалъ къ нему сына моего въ заложники; я сына своего къ нему послалъ, а онъ ко мнѣ не пріѣхалъ и сына моего не отпустилъ: „тогда, — говоритъ, — отпущу къ тебѣ сына, когда ты поддашься турецкому султану“. Братъ мой пошелъ на охоту, а дадьянскіе люди схватили его и держатъ у себя. Великій государь пожаловалъ-бы меня, помогъ мнѣ сына и брата изъ неволи освободить; а какъ освободятся, то къ себѣ-ли ихъ велитъ взять, или мнѣ отдать — въ томъ его государева воля. Да пожаловалъ-бы, велѣлъ прислать мнѣ печать свою, чтобы во всей землѣ царское повелѣнье было вѣрнѣе; да велѣлъ-бы государь прислать моимъ ближнимъ и ратнымъ людямъ жалованье, чтобы они скудны и безконны не были и имѣли-бы мочь стоять противъ своихъ недруговъ; да велѣлъ-бы прислать мнѣ пушечный нарядъ, чѣмъ отъ недруговъ обороняться“.

Съ 1658 года начинаются пріѣзды въ Москву грузинскихъ владѣтелей. Въ этомъ году пріѣхалъ восьмилѣтній

внукъ Теймураза, Николай Давидовичъ, съ матерью Еленою Леонтьевною. (Подробности о пребываніи Елены въ Москвѣ будутъ интересно описаны въ романѣ В. Я. Свѣтлова „При дворѣ Тишайшаго“, который пріобрѣтенъ редакціей „Родины“ для напечатанія въ книгахъ „Собранія романовъ“.)

За внукомъ поднимался и самъ дѣдъ. Когда въ 1656 г. пріѣхалъ къ Теймуразу государевъ посланникъ Жидовиновъ съ ефимками и соболями, то бѣдный старикъ встрѣтилъ его въ Имеретіи и говорилъ посланнику:

— Персидскій шахъ выгналъ меня изъ моего государства, и живу я теперь въ Имеретинской землѣ, у зятя своего, царя Александра; но отъ него помощи мнѣ никакой нѣтъ; скуденъ я всѣмъ, а въ свое государство отъ непріятелей ѣхать не смѣю. Теперь я съ царицею своею, со внукомъ и со внукою и со всѣми людьми ѣду служить въ великому государю въ Москву; поѣдутъ со мною человѣкъ съ триста.

Въ январѣ 1657 года въ посольскомъ приказѣ дьяки разспрашивали троихъ грузинъ, пріѣхавшихъ изъ Тушей, зачѣмъ они въ Москву пріѣхали.

— Пріѣхали мы быть челомъ великому государю, чтобы пожаловалъ насъ для православной вѣры, велѣлъ принять подъ свою высокую руку въ вѣчное подданство.

— А прежде у кого были вы въ подданствѣ, и кто у васъ начальные люди, и вѣра у васъ христіанская-ли, и какъ далеко вы живете отъ Терека и въ какихъ мѣстахъ, и города у васъ есть-ли, и сколько у васъ служилыхъ людей, и какой у васъ бой? Кто у васъ сосѣди, и нѣтъ-ли вамъ отъ персидскаго шаха, отъ кумыкъ и отъ черкесъ какого утѣсненья? Хлѣбъ у васъ родится-ли, и если великій государь изволитъ принять васъ подъ свою высокую руку, то на какихъ статьяхъ вы хотите быть въ подданствѣ?

— Мы хотимъ быть у царскаго величества въ вѣчномъ холопствѣ, гдѣ велитъ быть на службѣ — и мы готовы; вѣра у насъ христіанская, живемъ мы въ крѣпкихъ мѣстахъ, въ горахъ, въ трехъ станахъ, а городовъ и начальныхъ людей у насъ нѣтъ—всякій владѣетъ своею деревнею; ратныхъ людей у насъ восемь тысячъ, бой лучной и конешный; вогъ бываютъ въ панцыряхъ; отъ Терека до Тушинской земли скораго хода четыре дни; прежде мы были подданные Теймураза царя, а какъ его персидскій царь разорилъ, съ того времени живемъ особо.

Наконецъ, въ 1658 году явился въ Москву и самъ царь Теймуразъ Давидовичъ. На представленіи великій государь велѣлъ царю Теймуразу приступить къ своему царскому мѣсту и изволилъ встать.

Тутъ Теймуразъ сталъ бить челомъ, чтобы великій государь далъ ему свою царскую руку цѣловать; но великій государь руки не далъ и сказалъ:

— Въ Евангеліи написано: „идѣже будутъ собрани во имя Мое; ту есмь и Азъ посредѣ ихъ“; и мы воздадимъ хвалу Всемилостивому Богу, сотворимъ о Христѣ цѣлованіе во уста, ибо ты благочестивой христіанской вѣры.

— Я — твоего царскаго величества холопъ,—говорилъ Теймуразъ,—такого великаго и пресвѣтлаго государя недостойно мнѣ въ уста цѣловать.

— На то Божья воля, что ты у насъ въ подданствѣ,—отвѣчалъ Алексѣй Михайловичъ,—но ты царь нашей благочестивой христіанской вѣры, и по Христовой заповѣди сотворимъ цѣлованіе въ уста.

„Тогда,—говоритъ историкъ,—Теймуразъ, съ великимъ страхомъ, цѣловалъ государя въ уста“. Государь поручилъ боярину Хилкову переговорить съ Теймуразомъ. Послѣ разговора Теймуразъ отправился на родину. Въ 1660 году уѣхалъ назадъ въ Грузію и внукъ его, царевичъ Николай Давидовичъ, съ матерью и съ царскимъ посланникомъ Мякининымъ.

Въ Астрахани они узнали страшныя новости. Имеретинскаго царя Александра окормили; почувствовавъ смерть, посадилъ опъ на свое мѣсто сына, Баграта, и велѣлъ ему жениться на внукѣ Теймуразовой, что и было исполнено. Но молодой царь сидѣлъ на престолѣ только три мѣсяца: царица, жена александрова, дочь Теймураза, не желая видѣть на царствѣ пасынка, схватила его, выколола ему глаза и вышла замужъ за грузина Вахтанга, съ которымъ и начала владѣть Имеретіею. Говорили, что она это сдѣлала по наговору католикоса. Встала смута; царь Теймуразъ бѣжалъ въ персидскій городъ Тифлисъ. Бояринъ Ефистовъ привелъ турокъ, а царицу съ мужемъ ея сослалъ въ глухой городъ Чернаго моря. Затѣмъ пришла другая вѣсть, что Теймураза взяли и повезли къ шаху. Несмотря на эту смуту въ Грузіи, царевичъ Николай уѣхалъ изъ Астрахани и остался въ Тушинской землѣ. Въ 1666 году онъ возвратился въ Москву; а въ 1674 г. отпущенъ опять на родину.

Грузія не могла дождаться, чтобы Россія въ царство-

ваніе Алексѣя Михайловича управилась когда-либо съ своими европейскими врагами и могла начать войну въ отдаленномъ Закавказьѣ. Грузинскіе цари указывали на персіянъ, какъ на главныхъ враговъ своихъ, отъ которыхъ русскій царь долженъ оборонить ихъ; но между Персіею и Россіею издавна происходили дружественныя сношенія, которыя невыгодно было порывать. Въ 1650 году пріѣхалъ въ Москву посолъ шаха Аббаса, Магметъ Кулыбекъ, и привезъ въ подарокъ отъ шаха 4.000 батмановъ *) селитры. И, когда дѣло дошло до Грузіи, до Теймураза, посолъ такъ объяснялъ дѣло:

— Теймуразова сестра была съ старымъ шахомъ Аббасомъ, а теймуразова дочь была за отцомъ нынѣшняго шаха, Сефи, и поэтому Теймуразъ государю нашему свой. Ссоры у грузинскаго Теймураза съ Рустемомъ, ханомъ тифлисскимъ, потому, что они между собою свои близкіе, одного поколѣнія, пошли отъ великаго князя грузинскаго. Рустемъ-ханъ теперь шаховъ подданный и бусурманинъ, и половина Грузинской земли за нимъ, а другая половина за Теймуразомъ. Такъ ссора между нимп, и шахъ на Рустема-хана сердится, что онъ Грузинскую землю разорилъ и царевича убилъ. Теперь Теймуразъ живетъ у зятя своего, имеретинскаго царя. Если-бы онъ билъ челомъ, то шахъ велѣлъ-бы ему жить попрежнему въ своей землѣ. Я допесу объ этомъ шахову величеству, и шахъ для царя велитъ Теймуразу землю его отдать и впередъ его велитъ оберегать.

Далѣе посолъ требовалъ наказанія для терцевъ, грабившихъ вмѣстѣ съ горцами области шаха.

Желаніе было исполнено только относительно „воровскихъ“ казаковъ. 39 человѣкъ ихъ сидѣли въ то время въ тюрьмѣ на Терекѣ; троихъ „вершили“, т. е., казнили, при послѣ Магметъ Кулыбекѣ — атамана Кондратья Иванова Кобызенка съ двумя другими пущими заводчиками; четверо умерли въ тюрьмѣ; остальныхъ прислали въ Москву. Большая часть ихъ была родомъ изъ городовъ восточной Украйны, трое москвичей, по одному изъ великаго Новгорода, Костромы, Луха, Романова и Перми, одинъ грузинъ, а трое названы царегородцами. Въ 1653 году поѣхали въ Персію великіе послы: окольничій князь Иванъ Лобановъ-Ростовскій и стольникъ Иванъ Комынинъ. Послы поѣхали жаловаться на шемахинскаго хана

*) Мѣра вѣса.

Хосрева, который давно уже грозился пойти войною на Астрахань и на Терекъ, все изъ-за казаковъ, а теперь въ 1652 году, писалъ къ астраханскому воеводѣ, что гребенскіе казаки не только грабятъ персидскихъ торговыхъ людей, но въ Дагестанской области поставили городокъ, служилыхъ людей въ немъ устроили и тамъ будто Черкасскую дорогу закрѣпили. Хосревъ писалъ, что, по шахову приказу, онъ собираетъ войско, чтобы взять этотъ городъ, а потомъ идти подъ Астрахань и подъ Терекъ. Кромѣ того, русскіе торговые люди бьютъ челомъ, что въ Шемахѣ Хосревъ-ханъ, а въ Гиляни — приказные люди задержали ихъ третій годъ, утѣсненіе всякое, обиды, насильства, налоги и убытки дѣлаютъ большіе, бьютъ, грабятъ,— тогда какъ въ Московскомъ государствѣ персидскимъ торговымъ людямъ во всемъ свобода и охрана. Шахъ принимаетъ русскихъ измѣнниковъ и помогаетъ имъ; откочевалъ отъ Астрахани государевъ подданный, ногайскій Чебанъ-мурза, и кочевалъ подъ Терекомъ, а потомъ началъ кочевать по Кумыцкой сторонѣ въ дальнихъ мѣстахъ, и учинился царскому величеству непослушенъ. Въ 1651 году ходили на него царскіе ратные люди — князь Муцалъ Черкасскій и стрѣлецкіе головы съ ногайскими и черкасскими мурзами; но, когда государевы ратные люди пришли на Чебана, измѣнилъ подданный великаго государя, вѣчный холопъ Суркай, шевкалъ (шамхалъ) тарковскій, и, сложась съ Чебанъ-мурзою, началъ съ государевыми людьми биться, а ратные люди безъ царскаго указу съ Суркой-шевкаломъ биться не смѣли. Потомъ Суркай и андреевскій Каганалпъ-мурза съ кумыками приходили войною на русскій Суншинскій городокъ, подъ Барагуны и на улусы князя Мурцала Черкасскаго, а къ шевкалу прислано было ратныхъ людей изъ Шемахи 500 человѣкъ да изъ Дербента 300 человѣкъ, съ ними двѣ пушки; эти шемахинскіе и дербентскіе люди съ кумыками многихъ царскихъ ратныхъ людей побили и переранили, а иныхъ въ плѣнъ захватили, барагунскихъ мурзъ взяли себѣ, городъ Суншинскій сожгли, взяли лошадей съ 3.000, верблюдовъ съ 500, рогатаго скота съ 10.000 да овецъ съ 15.000. Великій государь надѣется, что все это сдѣлано безъ повелѣнія шаха Аббаса; надѣется, что шахъ велитъ Хосревъ-хана перемѣнить за это съ шемахинскаго владѣнья и накажетъ его, чтобы впередъ между обоими великими государями больше ссоры не было, велитъ отдать плѣнныхъ и все

пограбленное имѣніе. Великіе послы потребовали также, чтобы шахъ отдалъ Теймуразу его землю и наказалъ людей, разоряющихъ Грузію. На все это шахъ велѣлъ отвѣчать посламъ черезъ своихъ ближнихъ людей: покойный шахъ Аббасъ велѣлъ на Терекѣ сдѣлать одну сторожню, а другихъ городовъ ставить нигдѣ не велѣлъ; но вашего государя люди поставили города безъ указа и торговыхъ нашихъ людей побили и пограбили; ссора началась, слѣдовательно, съ вашей стороны и шемахинскій ханъ Хосревъ послалъ своихъ людей, которые тѣ города сожгли. Ханъ Хосревъ умеръ; преемнику его, Мигиръ-Алей-хану и шевкалу Суркаю шахъ послалъ приказъ — впередъ съ людьми вашего государя не ссориться; также и вашъ государь запретилъ-бы своимъ людямъ нападать на персіянъ, которые на морѣ ходятъ. Шевкалъ Суркай, Чебанъ-мурза и барагунскіе мурзы приклонились къ сторонѣ шахова величества сами собою; а по нашему закону, кто къ намъ приклонится, тѣхъ насильно назадъ отдавать нельзя; а если они сами захотятъ служить вашему государю, то шахъ за нихъ стоять не будетъ. Приказнымъ людямъ велѣно отдать назадъ взятки, которыя они побрали у русскихъ людей. Какъ скоро царское величество велитъ отпустить съ Терека суркаева племянника и торговыхъ персіянъ, тамъ засаженныхъ, то и русскихъ торговыхъ людей изъ Шемахи отпустятъ. Что-же касается Грузіи, то прежніе шахи за непристойныя дѣла царя Теймураза много разъ посылали ратныхъ людей въ его землю, разоряли ее и самого выгнали. Теймуразъ рабски вину свою прежнимъ шахамъ принесъ, дѣтей своихъ прислалъ, и ему область его отдали. За это у прежнихъ шаховъ съ великими государями россійскими нелюбья не бывало. Въ прошлыхъ годахъ Теймуразъ опять затѣялъ непристойныя, ссорныя, худыя дѣла, и, по шахову указу, посланы на него ратные люди, которые на бою сына его убили, а его самого выгнали. Если Теймуразъ за вину свою внука своего къ шахову величеству пришлетъ, то опять область свою получитъ.

— Не только та земля, — было отвѣтомъ, — гдѣ Терекъ и Сунжинскій городокъ, но и та земля, гдѣ Тарки, издавна принадлежитъ царямъ Россійскимъ, города здѣсь было вольно ставить, и самъ покойный шахъ Аббасъ просилъ объ этомъ царя Михаила Ѳеодоровича. О грабежѣ торговыхъ людей по сыску въ Астрахани ничего не объявилось; а если-бы и дѣйствительно казаки ихъ ограбили, то эта

бѣда имъ самимъ отъ себя: зачѣмъ они шли въ караванѣ вмѣстѣ съ тарковскими кумыками и другими воровскими людьми. Извѣстно, что у терскихъ и гребенскихъ казаковъ съ кумыками бываютъ ссоры большія; прежде кущы не хаживали въ горы безъ обсылки съ терскимъ воеводою, и никто ихъ не грабилъ. Кумыцкіе шевкалы и мурзы — издавна холопи великихъ государей нашихъ, а прежніе персидскіе шахи въ Кумыцкую землю не вступались; также и теперешній шахъ не вступался-бы и съ царскимъ величествомъ за то нелюбья не начиналъ, а барагунскіе мурзы поддались шаху поневолѣ. Грузинская земля православной христіанской вѣры греческаго закона, и грузинскіе цари — издавна подданные нашихъ великихъ государей.

— Нѣтъ! — начали говорить шаховые ближніе люди, — Теймуразъ и вся Грузинская земля въ подданствѣ у нашихъ персидскихъ шаховъ; правда, покойный шахъ Аббасъ обѣщалъ царю Михаилу Ѳеодоровичу охранять Грузію по братской дружбѣ и любви; если и теперь Теймуразъ самъ пріѣдетъ къ шаху или внука своего пришлетъ, то шахъ землю его ему отдастъ. О Теймуразѣ и Грузинской землѣ мы въ другой разъ докладывать шахову величеству не станемъ, потому что онъ велѣлъ отвѣчать вамъ впрямь, и быть тому дѣлу безповоротно, также и всѣмъ другимъ дѣламъ. Нашимъ торговымъ людямъ въ Московскомъ государствѣ свободы нѣтъ, держатъ ихъ на дворахъ за сторожами, а куда имъ случится выйти, то за ними также ходятъ сторожа.

— Это дѣлается не для тѣсноты, а для обереганья, — отвѣчали послы.

Шаховы рѣшенья остались безповоротны; перемѣнилось только одно: Аббасъ велѣлъ отпустить всѣхъ задержанныхъ въ Персіи русскихъ купцовъ.

Отвѣтъ шаха насчетъ Грузіи былъ слишкомъ ясенъ: продолжать дѣло можно было только съ оружіемъ въ рукахъ, а для этого у Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича не было никакой возможности.

Впрочемъ, несмотря на то, что московское правительство оставило какъ-будто мысль о пріобрѣтеніи Закавказья, отдѣльныя попытки русскихъ удальцовъ, не имѣвшія, однако, серьезнаго характера, продолжались. Казачьи станицы на Терекѣ и за Терекомъ стойко противились чеченцамъ и кумыкамъ, а иногда и сами дѣлали энергичныя вторженія въ Закавказье, проходя

иногда не обычнымъ путемъ — въ промежутокъ между Кавказскимъ хребтомъ и Каспіемъ,—а и переваливаясь черезъ самыя горы. Такъ, когда шахъ Аббасъ вторгнулся съ своими ордами въ Грузію, на помощь несчастнымъ кахетинцамъ и карталинцамъ явились казаки съ Терека и стрѣльцы съ Днѣпра, и явились добровольно, на свой рискъ и страхъ. Объ этомъ говорятъ даже грузинскія легенды (Попка, ст. въ „Воен. Сборн.“ 1861 г. В. Потто, „Кавказъ до Петра“.) Они пришли къ послѣдней позиціи грузинъ около Мцхета и участвовали въ рѣшавшей судьбу Грузіи битвѣ. Легенда сохранила даже слова, съ которыми обратились къ своимъ воинамъ стрѣлецкій и казацкій начальники.

— Ребята, — говорилъ стрѣлецкій воевода, — ляжемъ костьми на мѣстѣ и не положимъ безславія на русское имя, по завѣтному слову нашихъ отцовъ: „мертвіи бо срама не имутъ“.

— Утекать, братцы, некуда! — объявляетъ „товариству“ казацкій атаманъ, — сами то видите. До Днѣпра далеко, да тамъ-же у насъ ни женъ, ни дѣтей нѣтъ, плакать будетъ некому. Такъ ужъ коли не то, такъ сложимъ головы добрымъ порядкомъ и не покажемъ басурманамъ прорѣхъ и заплатъ на спинахъ казацкихъ!

Битва облегчила участь Грузіи, и, по словамъ той-же легенды, воевода отошелъ на Терекъ съ честью великою, казаки-же не удовольствовались и отправились „пошарпать“ приморскія области Персіи.

Подобный случай помоги ясно показываетъ, что русскіе уже прочно чувствовали себя въ Предкавказьѣ и всѣ ихъ удары были направлены на Восточный Кавказъ.

Исторія отмѣчаетъ также фактъ, что не позабылъ Кавказа и знаменитый понизовый атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ. Въ 1689 г. онъ явился въ шамхальство Тарковское съ своей удалой вольницею и произвелъ тамъ такой погромъ, память о которомъ и понынѣ жива въ легендахъ и преданіяхъ. Разинъ пробился къ самымъ Таркамъ, но взять ихъ не могъ и ограничился лишь тѣмъ, что жестоко разграбилъ окрестности столицы шамхальства, и лишь послѣ этого ушелъ въ предѣлы Персіи, гдѣ тоже не обошлось безъ его „великаго погрома“.

Исторія не говоритъ прямо, но, само собою разумѣется, что, кромѣ военныхъ столкновеній, были и коммерческія сношенія, велись торговля и неизбѣжно сопряженные

съ нею дипломатическіе переговоры, такъ что Русь, не имѣя пока достаточно силъ пробиться въ Закавказье, укрѣплялась все болѣе и болѣе прочно въ Предкавказьѣ и все ближе и ближе подвигалась къ подножію Кавказскаго хребта на западѣ, прочно ставъ около него на Кавказскомъ востокѣ.

Между тѣмъ, въ такихъ переговорахъ и взаимной нерѣшительности шло время. Собственно говоря, движеніе Руси къ Кавказу пріостановилось и дипломатическіе переговоры не приводили рѣшительно ни къ чему. Мѣшали этому войны со Швеціей и Польшей, которыя вела Россія. Между тѣмъ, около 1685 г. гребенскіе казаки вступили въ столкновеніе съ чеченцами, постоянно осиливавшими ихъ. Въ силу этого они отодвинулись къ Тереку и жили тамъ въ двухъ урочищахъ — Павловѣ и Кошлаковѣ.

Къ Россіи клонилась, кромѣ возсоединенныхъ Теймуразомъ Кахетіи и Карталиніи, еще и Имеретія. Имеретинскій царь Александръ III, изнемогая въ борьбѣ съ напавшимъ на него вассаломъ Леваномъ Дадіаномъ Мингрельскимъ, какъ мы уже видѣли, просилъ также защиты у царя Алексѣя Михаиловича. Защита и покровительство были обѣщаны. Мамука, братъ Александра, увѣренный въ поддержкѣ Москвы, напалъ на Мингрелію, но очутился въ плѣну у Левана и былъ ослѣпленъ.

Наступило XVIII столѣтіе.

Страшные внутренніе раздоры не прекращались въ Грузіи и въ слѣдующіе годы, а на Руси шло уже ея перестроеніе.

Царствовалъ царь-богатырь Петръ Алексѣевичъ. И Грузіи въ это время Небо даровало хорошаго правителя: царь Вахтангъ VI какъ-бы возродилъ свою страну къ духовной жизни, хотя все-таки грузины оставались ветхимъ, пережившимъ самого себя народомъ.

Вахтангъ умиротворялъ, а царь Петръ Великій боролся и побѣждалъ. Развязавшись со шведами, онъ обратилъ свое вниманіе „на море безъ хозяина“ и рѣшилъ, что если оно никому не принадлежитъ, то пусть уже лучше сдѣлается достояніемъ Руси православной.

Царь Петръ Алексѣевичъ и ранѣе окончательной побѣды надъ шведами зорко посматривалъ на Кавказъ и Прикаспійскій край.

Въ 1707 году терское казачество понесло ужасный погромъ отъ кубанскаго хана Каибъ-султана. Каибъ съ

огромнымъ скопищемъ явился на Терекъ, разорилъ здѣсь почти всѣ казацкіе городки и поселки, но сбить окончательно казаковъ съ Терека все-таки не могъ. Терцы удержались въ своихъ вѣковыхъ гнѣздахъ, а вскорѣ царь Петръ обратилъ свое вниманіе на удальцовъ и занялся и ихъ переустройствомъ.

Отыгравляясь въ недоброй памяти прутскій походъ, царь Петръ повелѣлъ воеводѣ казанскому и астраханскому, Петру Матвѣевичу Апраксину, идти на Кубань, дабы привлечь на себя здѣсь турецкія войска, оттянувъ ихъ отъ Прута. Апраксинъ пошелъ въ августѣ. Это было одно изъ первыхъ важныхъ воинскихъ движеній русскихъ на кавказскій западъ. Походъ былъ удаченъ. Апраксинъ, имѣвшій, кромѣ того, приказаніе жестоко наказать татаръ, грабившихъ русское Понизовье, добрался до Кубани, пожогъ тамъ всѣ татарскія селенія вверхъ и внизъ по рѣкѣ. На обратномъ пути онъ встрѣтилъ огромное татарское скопище, подъ начальствомъ татарскаго мурзы Чанъ-Араслана, возвращавшагося съ тремя тысячами всадниковъ изъ предѣловъ нынѣшнихъ Саратовской и Пензенской губ., куда татары ходили для грабежа. Чанъ-Аралану было нанесено столь страшное пораженіе, что изъ всего его скопища остались въ живыхъ всего-навсего одинъ мурза и два татарина.

Однако, эта побѣда имѣла неожиданныя послѣдствія. Она подняла противъ русскихъ все Закубанье. Свыше семи тысячъ кубанцевъ и черкесовъ, соединившись вокругъ Нурадинъ-султана, погнались за Апраксинымъ и нагнали его 5-го сентября 1711 г. на рѣкѣ Чаны. Произошла кровопролитнѣйшая битва и татары были разбиты на-голову. Преслѣдуя ихъ послѣ пораженія, отряды Апраксина ворвались въ Закубанье и страшно опустошили его.

Апраксинъ недаромъ ходилъ въ этотъ походъ. Этотъ мудрый сподвижникъ великаго Петра самъ ознакомился съ положеніемъ русскихъ дѣлъ въ Предкавказьѣ и сейчасъ-же создалъ мѣру, которая, такъ сказать, обезпечивала-бы Руси обладаніе всѣмъ этимъ краемъ. По его докладу царь Петръ перевелъ съ береговъ Сунджи одиноко жившихъ тамъ гребенцевъ на Терекъ, гдѣ казачество не оправилось еще отъ погрома 1707 г. Гребенцы, видимо, были довольны этимъ переселеніемъ, ибо не противились ему, а, переселившись и устроившись, разбились на пять станицъ-городковъ: Червленую, Щедринскую, Ново-

гладковскую, Старогладковскую, Курдюковскую, существующія и понынѣ въ мѣстахъ своего основанія.

Такъ создана была Апраксинымъ первая терская кордонная линія, изъ которой впослѣдствіи, — по словамъ историка терскаго войска, — „развернулась отъ моря до моря Кавказская линія, прославленная столькими подвигами, проходящая сіяющей полосою, какъ млечный небесный путь, черезъ всю исторію кавказской войны“.

Изъ дальнѣйшаго можетъ быть отмѣченъ, въ качествѣ имѣющаго нѣкоторое отношеніе къ исторіи края, несчастный походъ 1717 г. кабардинскаго князя Девлетъ-Гирея, во св. Крещеніи Александра Бековича-Черкасскаго, на Хиву. Изъ отправившагося съ Бековичемъ отборнаго гребенскаго и терскаго казачества уцѣлѣло только шесть человѣкъ. Казацкая легенда говоритъ, что „Терекъ Горынычъ заплакалъ“, слушая разсказъ вернувшагося участника этой несчастной экспедиціи, и объявилъ, что плачетъ онъ „по гребенскимъ своимъ по казаченькамъ“.

— Какъ я буду за нихъ отвѣтъ держать передъ Грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ!—сокрушается, согласно легендѣ, Терекъ Горынычъ.

Неудачный походъ Бековича привлекъ особенно настойчивое вниманіе царя Петра къ Персіи, и тутъ онъ задумалъ прибрать къ своимъ рукамъ „сине море Каспицкое“.

Персія въ это время испытывала величайшія бѣдствія, впрочемъ, обыкновенныя на востокѣ при слабыхъ правителяхъ.

Шахъ Хуссейнъ, недостойный потомокъ шаха Сефи, былъ всецѣло въ рукахъ евнуховъ и видѣлъ вокругъ себя мятежи и возстанія. Миръ-Вейсъ, отважный предводитель афганцевъ, воинственнаго племени, обитавшаго въ Кандагарѣ, первый поднялъ оружіе противъ слабаго властителя, неоднократно поражалъ его войска и сдѣлался, наконецъ, независимымъ княземъ Кандагара. Успѣхъ одного мятежника возбудилъ смѣлость въ другихъ, и пламя бунта быстро разлилось по Курдистану, Хорасану и кавказскимъ областямъ. Для большаго успѣха, мятежники воспользовались религіозною ненавистью, существовавшею между правовѣрными поклонниками Магомета и послѣдователями Аліевой секты. Двое лезгинцевъ, Даудъ-Бегъ и Сурхай, возвѣстили народу, „что они призваны Богомъ для освобожденія правовѣрныхъ отъ еретическаго персидскаго ига и для совершеннаго истребленія ереси“.

Многочисленныя толпы лезгинцевъ и другихъ обитателей Кавказа, внявъ этому воззванію, стали подъ ихъ знамена, опустошили всю Ширванскую область, взяли приступомъ богатый торговый городъ Шемаху (въ 1712 году) и, разграбивъ жителей, не пощадили и бывшихъ тамъ 300 русскихъ купцовъ; они всѣ лишились имущества и жизни. Убытокъ, причиненный этимъ русской торговлѣ, оцѣнили въ четыре милліона рублей. Столь значительный вредъ не могъ быть оставленъ безъ вниманія русскимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что волненіе распространялось все дальше по Кавказу и угрожало совершеннымъ паденіемъ торговли и опасностью самымъ предѣламъ Россіи. Астраханскій губернаторъ, по повелѣнію государя, потребовалъ отъ Персіи вознагражденія за убытки и наказанія мятежниковъ. Но слабый шахъ, окруженный отовсюду возмутителями и едва державшійся на престолѣ, не только не могъ доставить никакого удовлетворенія, напротивъ, еще самъ просилъ помощи у русскаго монарха. Петръ не упустилъ случая, какъ говорятъ историки его царствованія Ламбинъ и Брикнеръ, ознакомиться короче съ состояніемъ Персіи и отправилъ туда своего посланника, подполковника Артемія Петровича Волынскаго. Волынскій заключилъ торговый договоръ съ персидскимъ правительствомъ и обѣщалъ вспомогательное войско противъ мятежниковъ, но не могъ получить отъ слабаго шаха ни вознагражденія за убытки, понесенные русскими купцами, ни ручательства въ безопасности торговли на будущее время. Онъ возвратился въ 1718 году и, изложивъ бѣдственное состояніе Персіи, предложилъ монарху обезпечить русскую торговлю занятіемъ персидскихъ областей на южныхъ и западныхъ берегахъ Каспійскаго моря.

Удобнѣе такого случая для выполненія завѣтныхъ думъ великаго человѣка и быть не могло.

Въ принципѣ походъ къ предѣламъ Персіи былъ рѣшенъ царемъ Петромъ немедленно; разъ рѣшено, то и остальное все у царя-богатыря очень скоро дѣлалось.

Пѣхотные полки, бывшіе въ Финляндіи на галерахъ, слѣдовательно, привычные къ дѣйствіямъ на морѣ, еще осенью 1721 г. были разставлены на зимнихъ квартирахъ въ Кашинѣ, Романовѣ, Ярославлѣ и другихъ мѣстахъ по Волгѣ, а морскіе офицеры и прочіе чины отправлены въ Астрахань, которая назначена сборнымъ мѣстомъ. Артемій Волынскій, опредѣленный по возвращеніи изъ Персіи

губернаторомъ въ Астрахань, заготовлялъ тамъ магазины и суда для провіанта; въ Саратовѣ, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ также работали съ лихорадочною поспѣшностью; а въ Москвѣ самъ императоръ надзиралъ за постройкой судовъ для бывшихъ тамъ полковъ — ингерманландскаго и астраханскаго. Со вскрытіемъ рѣкъ, въ началѣ апрѣля, все было готово къ походу; войска, артиллерія, припасы отовсюду начинали двигаться въ Астрахань. Наконецъ, 15 мая 1722 г. послѣ молебствія въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, напутствуемый благословеніями духовенства и собравшагося безчисленнаго народа, Петръ, въ сопровожденіи супруги, отправился въ путь водою на москворѣцкомъ стругѣ, при пушечной пальбѣ и звукахъ военной музыки. Его свиту составляли: генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, тайный совѣтникъ Толстой, генералъ Бутурлинъ, князь Трубецкой и молдавскій господарь князь Кантемиръ. Четыре недѣли продолжалось путешествіе рѣками Москвою, Окою и Волгою до Астрахани. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ среди различныхъ распоряженій въ Астрахани, и, наконецъ, 18 іюля флотилія вступила подъ паруса. Она состояла изъ 274, а съ малыми рѣчными лодками изъ 442 судовъ и везла до 20 тысячъ десантнаго войска съ 5 тысячами матросовъ. Графъ Апраксинъ, выкинувшій здѣсь впервые свой генералъ-адмиральскій флагъ, командовалъ надъ всею флотиліею; государь на корабельномъ ботѣ предводилъ передовымъ отдѣленіемъ, а капитанъ-лейтенантъ фонъ-Верденъ шелъ съ ластовыми судами. 9,000 кавалеріи, отправленной напередъ изъ Царицына, и два корпуса донскихъ и малороссійскихъ казаковъ слѣдовали сухимъ путемъ черезъ горы. Императрица съ придворными дамами осталась въ Астрахани. Въ день Гангудской побѣды, 27 іюля, празднованной, по обыкновенію, молебствіемъ и пушечною пальбою, флотилія благополучно достигла Аграханскаго залива, къ югу отъ рѣки Терека, русско-персидской границы со временъ Іоанна Грознаго. Суда остановились за нѣсколько десятковъ саженъ отъ берега за мелководіемъ; нетерпѣливый государь, приказавъ матросамъ нести себя на доскѣ черезъ воду, первый вступилъ на берегъ. Взошедъ на песчаный курганъ и окинувъ взоромъ окрестность и море по другую сторону Аграханскаго мыса, онъ указалъ сухое и возвышенное мѣсто, на которомъ немедленно укрѣпили лагерь, названный Аграханскимъ ретраншаментомъ. Больше недѣли прошло здѣсь въ ожиданіи кавалеріи, которая, преодолѣвъ пре-

пятствія, противупоставленныя природою переходу чрезъ безводныя степи и горныя ущелія, встрѣтила сопротивленіе и отъ непріятелей. Ея передовой отрядъ, подъ предводительствомъ бригадира Ветерани, по вступленіи въ Дагестанскую область былъ внезапно аттакованъ въ тѣснинахъ жителями многолюдной деревни Эндери и долженъ былъ проложить себѣ путь оружіемъ.

Отразивъ нападеніе, Ветерани отомстилъ непріятелямъ за смерть своихъ 70 драгуновъ истребленіемъ всего ихъ селенія, въ которомъ считалось до 3.000 дворовъ. По прибытіи кавалеріи, оставивъ небольшой отрядъ для охраненія судовъ и лагеря, русское войско тотчасъ подялось въ дальнѣйшій походъ сухимъ путемъ къ Дербенту. Сильнѣйшій изъ владѣтелей Дагестана, Абдулъ-Гирей, шамхалъ города Тарковъ, выславъ богатые дары, первый изъявилъ покорность русскому монарху и привѣтствовалъ его за нѣсколько верстъ отъ своей столицы.

Его примѣру слѣдовали прочіе владѣльцы.

Только султанъ Махмудъ, владѣтель Утемиша, съ нѣкоторыми окрестными князьками, отказался отъ покорности и, собравъ до 10 тысячъ войска, дерзнулъ потревожить русскихъ на ихъ походѣ отъ Тарковъ къ Дербенту. Русскіе дошли до Дербента 23-го августа, и дербентцы покорились добровольно; наибъ этой столицы, Ширванъ, встрѣтилъ ихъ за версту отъ города и, преклонивъ колѣна, вручилъ побѣдоносному монарху серебряный ключъ отъ крѣпости. Древній крѣпкій Дербентъ, основанный, какъ гласитъ преданіе, Александромъ Великимъ, возобновленный шахомъ Кобадомъ и его сыномъ, мудрымъ Нуширваномъ, отторгнутый отъ Персіи грознымъ Амуратомъ и покоренный снова воинственнымъ шахомъ Аббасомъ, присоединилъ къ воспоминаніямъ своего долговѣчнаго существованія новое громкое имя Петра. Жители Дербента приняли русскихъ съ отверстыми объятіями: „какъ-бы своихъ изъ осады выручили“,— пишетъ монархъ. Городъ Баку также изъявлялъ готовность покориться имъ; а грузинскій царь Вахтангъ вступилъ въ тайные переговоры съ русскимъ монархомъ и обѣщалъ соединиться съ нимъ противъ Персіи.

Исполинскіе планы, основанные на пріобрѣтеніи этихъ областей, роились въ головѣ монарха. При устьѣ Куры долженствовалъ возникнуть новый великій городъ, складочное мѣсто для торговли съ Кавказомъ, Арменіей и

Персіей. Астрабадъ, лежащій при юго-восточномъ изгибѣ Каспійскаго моря, предназначался другимъ пунктомъ, откуда Петръ хотѣлъ проложить русской торговлѣ караванную дорогу въ Бухару и Индію. Оттуда-же монархъ хотѣлъ пройти до устья Куры, подняться вверхъ по этой рѣкѣ до Тифлиса, возстановить христіанскую религію въ Грузіи и проч.

Но неожиданное несчастіе заставило отложить эти предпріятія: 13 судовъ съ хлѣбомъ, стоявшихъ при Дербентѣ, были разбиты бурею; другія 30 судовъ, шедшія изъ Астрахани, подверглись тому-же несчастію и были загнаны на мель при Аграханскомъ мысѣ. Всѣхъ припасовъ для войска, которые успѣли спасти отъ потопленія, осталось только на одинъ мѣсяцъ. Новое доставленіе провіанта изъ Астрахани въ позднее время года было затруднительно и почти невозможно; а еще менѣе можно было надѣяться собрать продовольствіе въ персидскихъ областяхъ, опустошенныхъ мятежниками.

При этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ военный совѣтъ, созванный монархомъ, опредѣлилъ отложить дальнѣйшія предпріятія до слѣдующаго года и, оставивъ въ Дербентѣ достаточный гарнизонъ, возвратиться съ прочими войсками въ Астрахань. Армія безъ отлагательства выступила въ обратный путь и 20-го сентября достигла рѣки Сулака, близъ Аграханскаго ретраншамента. Петръ, осмотрѣвши еще на пути отъ Астрахани русскую пограничную крѣпость Терки и нашедшій ея положеніе невыгоднымъ, рѣшился основать здѣсь, между рѣками Сулакомъ и Аграханью, въ 20 верстахъ отъ моря, новую крѣпость, которая-бы удерживала въ покорности дагестанскихъ владѣтелей и облегчала сухопутное сообщеніе съ Дербентомъ. За мыслью немедленно слѣдовало исполненіе, и крѣпость, заложенная руками Петра, получила названіе Св. Креста. Оставивъ въ ней нѣсколько полковъ пѣхоты и конницы, подъ начальствомъ коменданта, полковника Леонтія Соймонова, и отдавъ приказаніе объ ея скорѣйшемъ укрѣпленіи и заселеніи, императоръ 4-го октября возвратился отъ Аграханскаго залива водою въ Астрахань, куда вслѣдъ за нимъ прибылъ и генералъ-адмиралъ съ пѣхотою. Кавалерія возвратилась прежнимъ путемъ (черезъ горы).

По возвращеніи въ Астрахань, Петръ немедленно принялъ мѣры и начерталъ новый планъ къ продолженію войны съ Персіею. Узнавъ по опыту, что на Кавказѣ

значительная армія, имѣя дѣло съ слабымъ непріятелемъ и встрѣчая на каждомъ шагу природныя препятствія, только замедляетъ ходъ военныхъ дѣйствій, Петръ рѣшился сосредоточить главныя силы и магазины для продовольствія въ Астрахани и оттуда дѣйствовать отдѣльными морскими экспедиціями для дальнѣйшаго распространенія своего господства. Еще той-же осенью ему представился благопріятный случай утвердиться на южныхъ берегахъ Каспійскаго моря. Жители Гиляна, угрожаемые мятежниками, прибѣгли подъ покровительство Россіи и просили вспомогательнаго войска. Петръ немедленно нарядилъ туда экспедицію, подъ начальствомъ полковника Шипова; но, по недостатку судовъ, могшихъ выдержать осеннее плаваніе, не могъ послать болѣе 2-хъ баталіоновъ пѣхоты. Капитанъ-лейтенантъ Соймоновъ долженъ былъ на 14-ти судахъ перевезти этотъ отрядъ на Гилянскій берегъ, а потомъ идти къ устью Куры и осмотрѣть мѣсто для заложенія тамъ крѣпости. Шиповъ изъявилъ сомнѣніе въ томъ, что можетъ-ли онъ съ столь малыми силами защищать цѣлую провинцію отъ мятежниковъ.

— Стенька Разинъ, — отвѣчалъ Петръ, — съ пятью-стами казаковъ ихъ не боялся, а у тебя 2 баталіона регулярнаго войска.

Отправивъ Шипова и Соймонова въ своемъ присутствіи (6-го ноября) въ походъ и отдавъ приказаніе генералъ-маіорамъ Кротопову о достроеніи крѣпости Св. Креста и Матюшкину о заготовленіи къ будущей веснѣ экспедиціи на Баку, государь, вмѣстѣ съ супругою, 13-го ноября оставилъ Астрахань и, направивъ путь черезъ Царицынъ и Воронежъ, съ торжествомъ вступилъ 18-го декабря въ Москву покорителемъ Дербента.

Это былъ его послѣдній тріумфъ.

Имя Петра Великаго, по словамъ историка кавказской войны В. Потто, доселѣ живетъ въ Дагестанѣ и слѣды пребыванія его тамъ сохраняются самымъ тщательнымъ образомъ. Каждый, кто посѣщаетъ Дербентъ, съ благоговѣніемъ зайдетъ въ скромную землянку, стоящую у самаго взморья, въ которой Петръ прожилъ нѣсколько дней въ ожиданіи сдачи города. Теперь эта землянка обнесена рѣшеткою и на ней сдѣлана надпись: „Мѣсто перваго отдохновенія Великаго Петра“.

Въ самомъ Дербентѣ Петръ жилъ въ цитадели, занимая въ ней бывшій ханскій дворецъ. Въ нетерпѣливомъ

ожиданіи флотиліи, плывшей изъ Астрахани, онъ собственными руками прорубилъ въ одной изъ комнатъ окно, изъ котораго открывался чудный видъ на Каспій, Дербентъ и его окрестности. Это окно существуетъ и понынѣ въ домѣ, занимаемомъ дербентскими комендантами. Тутъ-же въ самой крѣпости сохраняются семь алебардъ, оставшихся со временъ Петра, и пушка, на которой имѣется надпись, свидѣтельствующая, что она отлита въ 1715 г. на воронежскомъ заводѣ.

Своимъ походомъ въ Дагестанъ Петръ отодвинулъ далеко на югъ русскую границу и поставилъ Русь лицомъ къ лицу съ горцами Кавказа.

Посмотримъ-же теперь, что такое представляютъ изъ себя въ своемъ общемъ цѣломъ эти горцы, съ которыми въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ Руси пришлось выдерживать кровопролитныя столкновенія.

ОЧЕРКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Кавказскіе горцы.

Д. А. Пахомова.

Черкесъ оружіемъ обвѣшанъ,
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ.
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, аркашъ
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный
Все тотъ-же онъ, все тотъ-же видъ
Непобѣдимый, непреклонный,
Гроза безпечныхъ кавказовъ.
Его богатство — конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль въ травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится.
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ его ударъ могучій...

Пушкинъ.

I.

Прошлое горныхъ орловъ.

О доисторическихъ жителяхъ Кавказа, рѣшительно нѣтъ никакихъ извѣстій и свѣдѣній. Находимыя въ могильникахъ и въ пещерахъ кремневое оружіе и грубыя произведенія первобытной культуры говорятъ лишь о томъ, что населяли ту или другую мѣстность дикари въ полномъ смыслѣ этого слова, но, чтобы они были „доисторическими“ дикарями, не говоритъ ни одинъ фактъ. Въ то время, когда нахожденіе остатковъ каменнаго вѣка гдѣ-нибудь въ Новгородской или Псковской губерніяхъ иллюстрируетъ доисторическую эпоху въ этихъ мѣстахъ, подобные-же остатки на Кавказѣ ничего не говорятъ и

не могутъ являться серьезными свидѣтелями эпохи, когда употреблялись эти предметы. Были случаи, и не разъ, что въ могильникахъ, по всѣмъ даннымъ принадлежавшихъ поколѣнію, жившему до насъ не далѣе, какъ за 200—300 лѣтъ, находились предметы, наружный видъ, выдѣлка и примѣненіе которыхъ, съ археологической точки зрѣнія, слѣдовало отнести чуть-ли не за тысячелѣтіе до нашего времени.

Въ настоящее время почти всѣ народности Кавказа бросили обычай погребать съ тѣломъ умершаго его оружіе и утварь, но если-бы этотъ обычай сохранился во всей своей неприкосновенности, то мы могли-бы и въ настоящую минуту въ любой могилѣ ингушева, хевсура или сванета, а то даже и кахетинскаго грузина найти предметы каменнаго вѣка. Дѣло въ томъ, что и теперь, несмотря на то, что цивилизація хлынула на Кавказъ широкимъ потокомъ, въ самыхъ культурныхъ мѣстахъ встрѣчаются предметы домашняго обихода, ничѣмъ не отличающіеся отъ тѣхъ, которые употреблялъ въ дѣло Ной. Для примѣра укажемъ на самую распространенную въ Грузіи, а тѣмъ болѣе въ дикихъ уголкахъ Кавказа молотилку и способъ молотьбы. Когда хлѣбъ сжатъ, то его раскладываютъ ровнымъ слоемъ, вышиной въ аршинъ, на токъ, затѣмъ пара буйволовъ или быковъ впрягаются въ особый инструментъ, который представляетъ слѣдующее: толстая доска изъ дуба или бука съ загнутымъ съ одной стороны концомъ усажена рядомъ острыхъ грубо отточенныхъ кремней. Эта доска кремнями внизъ ставится на токъ, къ ней прикрѣпляется дышло съ ярмомъ, впрягаются быки или буйволы, на доску становится рабочій — и молотилка готова. Рабочій погоняетъ быковъ и ѣздитъ на своихъ оригинальныхъ салазкахъ вокругъ тока; острые кремни давятъ колосья, выдавливаютъ зерно и крошатъ солому на мелкіе куски. Такая солома имѣетъ большое примѣненіе и носитъ названіе самана.

Развѣ это не доисторическая сцена? А ее можно наблюдать гдѣ угодно на Кавказѣ; въ Тифлисѣ, на майданѣ, вы найдете сколько угодно такихъ молотилокъ, причемъ у нѣкоторыхъ (результаты культуры) кремни замѣнены желѣзными треугольниками.

Если-же мы отъѣдемъ отъ центра Кавказа, т. е., отъ Тифлиса верстъ на 80, хотя-бы въ Тіоноты, то мы встрѣтимъ, напримѣръ, у хевсуровъ, обычаи, нравы и вооруженіе среднихъ вѣковъ: панцыри, шлемы, копья, щиты

съ девизами, рыцарскіе нравы и понятія о чести и проч.; если-же мы шагнемъ еще дальше, къ кореннымъ хевсурамъ, живущимъ около Шатиля, или къ ихъ сосѣдямъ, пшавамъ, то попадемъ въ область почти доисторической культуры: здѣсь не рѣдкость увидѣть лукъ и стрѣлы съ каменными и костяными наконечниками, каменные топоры, палицы и молотки. Въ языческихъ капищахъ, которыя еще сохранились, какъ и поклонники ихъ, храпятся предметы, на которые разгорѣлись-бы глаза любого археолога; въ извѣстные дни приносятся жертвы по всѣмъ правиламъ доисторическаго жертвоприношенія, начиная съ закалыванія барана или быка кремневымъ ножемъ, кончая дикими плясками и воемъ кадаговъ (прорицателей), впадающихъ въ экстазъ подъ вліяніемъ одуряющаго дыма алтарей, гдѣ сжигаются ароматическія горныя травы въ честь какихъ-то божествъ Анатори, Пиркути и Нахарели, безобразные идолы которыхъ изъ вѣка въ вѣкъ хранятся въ капищахъ, куда не смѣетъ войти ни одинъ изъ смертныхъ, кромѣ священнослужителей-деканозовъ.

Эти пережитки доисторической культуры совершенно сбиваютъ съ толку изслѣдователей, берущихся опредѣлить эпоху, когда то или другое племя прочно основалось въ мѣстности, занимаемой имъ въ настоящее время. Только сравненіе основныхъ языковъ кавказскихъ племенъ съ языками азіатскими и европейскими позволили немного поднять туманную завѣсу прошлаго и освѣтить нѣкоторые факты былого; но все-таки многое здѣсь гадательно и можетъ быть оспариваемо. Большинство ученыхъ, совершенно отложивъ вопросъ о дѣйствительныхъ первозасельникахъ Кавказа, ибо этотъ вопросъ абсолютно теменъ, запялись изученіемъ предковъ тѣхъ племенъ, которые уже тысячелѣтія занимаютъ тѣ или другіе уголки Кавказа, и изслѣдованіемъ, откуда эти предки могли явиться на Кавказъ.

Большинство теорій сходится на томъ, что когда-то изъ глубины Азіи двинулись жившія тамъ племена и шли тѣмъ-же путемъ, какимъ двигались ужъ въ историческое время многочисленныя гуннскія и монгольскія орды, т. е., часть шла сѣверомъ черезъ Волгу и затопляла громадныя равнины нынѣшнихъ Терской и Кубанской областей, другія-же орды шли, огибая Каспійское море, съ юга черезъ Малую Азію и попадали сначала въ непривѣтливыя южныя пустыни Закавказья, затѣмъ занимали

роскошные южные склоны Кавказскаго хребта и плодородныя долины рѣкъ Куры, Алазани, а на западѣ Ріона, но, тѣснимыя новыми полчищами, должны были вступить въ глубину горъ, въ почти неприступныя ущелья, гдѣ и остались до историческаго времени. Нѣкоторые перевалили, вѣроятно, черезъ хребетъ на сѣверный Кавказъ и, наоборотъ, сѣверные поселенцы переваливали на югъ.

Такимъ образомъ, Кавказъ отчасти служилъ большой дорогой для бродячихъ племенъ и населился тѣми обрывками, которые задерживались горами. Но есть ученые, которые, основываясь на труднопроходимости горъ, думаютъ, что Кавказъ служилъ не дорогой, а убѣжищемъ тѣснимымъ племенамъ и что переходы черезъ горы были гораздо рѣже, чѣмъ уходы семей и цѣлыхъ племенъ съ равнинъ въ ущелья. Если эту теорію основывать на фактахъ, въ древности не превосходящихъ 2—3-хъ тысячъ лѣтъ, то она окажется не бездоказательна. Дѣйствительно, племена, живущія на югѣ, принадлежатъ къ картвельскому племени, распространеніе котораго идетъ лишь до главнаго хребта, представители-же сѣверныхъ склоновъ Кавказа ничего общаго съ картвельской группой не имѣютъ. Если-бы народы эти часто переходили черезъ горы, то, навѣрное, они смѣшались-бы и снабдили-бы другъ друга типичными характерными чертами, обычаями и, главное, языкомъ.

Такъ или иначе, но какія-то племена—безспорно степного азіатскаго происхожденія съ пастушескими, миролюбивыми наклонностями — волей судьбы загонялись и основывались въ скалистыхъ дебряхъ.

Попадая въ суровыя лощины, ущелья, въ страны дикихъ скалъ, вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ, племена стали, конечно, перерождаться. Дѣло это шло медленно; цѣлыя столѣтія нужны были, чтобы человѣкъ вполнѣ приноровился къ новымъ условіямъ жизни; въ борьбѣ за существованіе гибли многія тысячи людей, но выживавшіе все больше и больше приноравливались, вырабатывали понемногу новыя характерныя черты и особенности и такимъ образомъ, переродились, въ концѣ концовъ, изъ миролюбивыхъ и лѣнивыхъ пастуховъ въ удалыхъ горцевъ-разбойниковъ.

Такъ какъ условія жизни у всѣхъ горцевъ складывались при одинаковыхъ условіяхъ, то немудрено, что у всѣхъ племенъ, независимо другъ отъ друга, явились общіе черты, нравы, обычаи, соціальныя и нравственныя

понятія. Будучи совершенно чужды другъ другу, не имѣя ничего общаго ни по типу, ни по языку, иначе говоря, происходя отъ совершенно разныхъ корней, горцы, тѣмъ не менѣе, имѣютъ много общаго, объединяющаго ихъ, и эти черты выработались не вслѣдствіе подражанія или давленія другъ на друга, а образовались, такъ сказать, стихійно, въ зависимости отъ окружающихъ условій; иное образованіе горскихъ обществъ и немыслимо тамъ, гдѣ возможна лишь одна форма жизни и абсолютно не могутъ развиться другія.

Если-бы возможно было лапландцевъ или лопарей перенести за три тысячи лѣтъ назадъ и поселить ихъ хотя-бы въ Сванетіи, то ужъ черезъ три-четыре столѣтія мы не узнали-бы нашихъ поселенцевъ: они уже обратились-бы въ воинственныхъ, свободолюбивыхъ горцевъ, запальчивыхъ, преданныхъ обычаямъ гостепріимства, кровной мести и почтенія къ старшимъ. Они сохранили-бы только языкъ, по которому явилась-бы теперь возможность опредѣлить, гдѣ находилась ихъ первоначальная родина.

Историческое время застало горцевъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они живутъ и понынѣ. Греческіе, римскіе и арабскіе писатели сообщили много свѣдѣній о Кавказѣ, черпая, большею частью, свои, иногда фантастическіе, разсказы изъ преданій, пѣсенъ, сказокъ и легендъ; заносимыхъ въ ихъ страны плѣнными кавказцами. По этимъ легендамъ и розсказнямъ есть возможность нѣсколько возстановить раіонъ поселенія того или другого племени, что и даетъ право утверждать, что современныя намъ племена жили въ этихъ мѣстахъ много сотенъ лѣтъ тому назадъ. Мелкія подраздѣленія и дробленія, а также и сліянія нѣкоторыхъ племенъ были и въ позднѣйшее время, но больше въ низменныхъ, долинныхъ раіонахъ и меньше въ горахъ.

Такъ, грузины, мингрельцы, гуріицы и прочіе долинные жители находились подъ постояннымъ давленіемъ сосѣдей — персовъ и турокъ — и, вслѣдствіе близкаго соприкосновенія, потеряли много изъ своихъ характерныхъ чертъ; въ настоящее время трудно, при поверхностномъ взглядѣ, повѣрить, что грузинъ и хевсуръ — родные братья и, наоборотъ, что хевсуръ и чеченецъ не имѣютъ въ прошломъ, какъ и въ настоящемъ, никакихъ общихъ родичей; между тѣмъ, нравы и обычаи послѣднихъ очень сходны, но языкъ выдаетъ ихъ происхожденіе: хевсуры говорятъ на древне-картвельскомъ языкѣ, а чеченцы — однимъ изъ лезгинскихъ своеобразныхъ нарѣчій.

Чтобы понять, что такое горецъ и какова его душа, необходимо, во-первыхъ, ближе познакомиться съ условіями его жизни, а также съ нравственнымъ кодексомъ, руководящимъ его поступками.

Условія жизни горцевъ очень тяжелы, особенно въ сравненіи съ ихъ близкими сосѣдями, живущими въ роскошныхъ и плодородныхъ бассейнахъ Ріона, Куры, Алазани, Кубани и Терека. Въ первомъ очеркѣ подробно описано строеніе горной части Кавказа. Средняя снѣговая линія на Кавказѣ находится на высотѣ 12.000 футовъ. Ниже снѣговой линіи, до 6—7 тыс. футовъ, идутъ большею частью безплодныя мѣста, негодныя для хлѣбопашества, но съ роскошными альпійскими лугами, дающими возможность заниматься съ большимъ успѣхомъ скотоводствомъ, главнымъ промысломъ горцевъ. Это относится, главнымъ образомъ, къ западному Кавказу и къ его сѣвернымъ склонамъ, сбѣгающимъ и сливающимся съ Кубанскою степью.

На востокѣ, въ Дагестанѣ, дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Если мы взглянемъ на него съ громадной высоты, то насъ поразитъ тотъ хаосъ, который развернется передъ нашими глазами. Это — дикая и величественная картина: громадныя скалы, точно расколотыя могучимъ молотомъ, образуютъ узкія долины и ущелья, въ глубинѣ которыхъ пѣнятся и шумятъ, прыгая съ камня на камень ручьи, потоки и рѣки, носящіе названіе конусу: Аварское, Андійское, Казикумыкское и проч. Опредѣленныхъ хребтовъ здѣсь почти нѣтъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ отроговъ главнаго Кавказскаго хребта и Андійской цѣпи. Безпорядочно нагроможденныя вершины не особенно высоки и далеко уступаютъ терскому Кавказу но все-таки бываютъ иногда цѣлое лѣто покрыты снѣжнымъ покровомъ.

Въ смыслѣ пастбищъ и полей Дагестанъ, за малыми исключеніями, совершенно дикая и безпріютная страна. Только въ глубинѣ долинъ находится плодородный слой земли, цѣнимый чуть не на вѣсъ золота. Участковъ въ нѣсколько десятинъ почти не встрѣчается, зато сплошь и рядомъ можно видѣть обработанныя „поля“ въ двѣ-три квадратныхъ сажени. Такія поля всегда огорожены невысокимъ заборчикомъ изъ камней, чтобы вода не смыла скуднаго посѣва. Издали склонъ горъ, покрытый такими полями, представляетъ оригинальную картину: на сѣрой каменистой почвѣ эти клочки вырисовы-

ваются зелеными заплатками самыхъ разнообразныхъ формъ. Зачастую земля на такіе участки носится руками съ береговъ ручьевъ и потоковъ.

По поводу такихъ клочковъ у горцевъ существуетъ сказочка, не лишенная юмора. Жилъ былъ одинъ горецъ и было у него три поля. Пошелъ онъ пахать ихъ; вспахалъ одно, вспахалъ другое и усталъ; тогда онъ разостлалъ свою бурку и легъ отдохнуть. Выспавшись, онъ хотѣлъ вспахать третье поле, но какъ ни искалъ его, а найти не могъ. Разсердился горецъ и рѣшилъ: „поле шайтанъ укралъ, пойду домой въ аулъ“, поднялъ съ земли бурку и видитъ, что его поле подъ буркой-то и находилось, и онъ самъ нечаянно закрылъ его.

Вслѣдствіе недостатка земли цѣны на нее стоятъ непомѣрныя, и десятина оцѣпивается иногда до полуторы и двухъ тысячъ рублей. Скотоводство хоть процвѣтаетъ, но все-таки находится на болѣе низкой ступени, чѣмъ на западномъ Кавказѣ.

На сѣверо-восточномъ Кавказѣ есть ископаемыя богатства, но горцы, за рѣдкими исключеніями, по неумѣнію, не пользовались ими и разрабатывали только соль (въ окрестностяхъ аула Энгели), сѣру (близъ Черката, Шубута и Кикуна); селитру доставляли аулы Гунибъ, Аточъ, Хиндакъ, Толохъ и Хиндатль.

Кромѣ того, въ горахъ Дагестана находились богатыя желѣзныя руды (въ окрестностяхъ Веденя, Дарго и друг. мѣстахъ), но горцы почти не занимались ихъ разработкой и нужное количество желѣза покупали у русскихъ. Залежи каменнаго угля близъ Веденя по берегамъ рѣки Хулхулу совершенно не привлекали вниманіе горцевъ — очевидно, имъ совершенно не было извѣстно употребленіе этого минерала.

Во времена Шамиля *) были открыты въ окрестностяхъ горы Хонотля, близъ Дарго, залежи серебро-свинцовой руды, но Шамиль запретилъ разработку, боясь, что народъ, имѣя собственное серебро, станетъ пріобрѣтать у русскихъ массу ненужныхъ вещей и спартанскій образъ жизни измѣнится къ худшему.

Такимъ образомъ, тѣ продукты, которые могли-бы поднять мѣстное благосостояніе, оставались въ землѣ, верхній-же слой былъ очень скудный и едва могъ пропитать даже невзыскательнаго горца. Лѣсовъ въ Дагестанѣ тоже

---

*) О Шамилѣ см. ниже: «Газаватъ».

не много, и знаменитыя Ичкерійскія дебри въ настоящее время сильно порѣдѣли.

Въ общемъ это — дикая и неприглядная страна, гдѣ существованіе едва возможно, и потому вполнѣ понятно, что лезгины и чеченцы, искони населявшіе ее, предпочитали наживаться грабежомъ. Ихъ сосѣди, жившіе на плоскости, какъ, напр., кумыки, ногайцы, кабардинцы, а въ позднѣйшія времена русскіе казаки, жили хорошо и богато, владѣли табунами, стадами, виноградниками, садами и полями и постоянно мозолили глаза нищаго горца, у котораго, кромѣ оружія, коня и жалкой сакли, сложенной изъ плитняка, ничего не было.

Горецъ, отправляясь въ набѣгъ, ничего не терялъ, но могъ многое пріобрѣсти, и никогда не задумывался надъ вопросомъ, имѣетъ-ли онъ право грабить, или нѣтъ. Его право формулировалось и выражалось въ кинжалѣ, винтовкѣ и неприступности горныхъ ущелій.

Такимъ образомъ, на почвѣ необезпеченности и голодовокъ, вслѣдствіе бѣдности страны, въ теченіе столѣтій выработались разбойничьи наклонности горца. Набѣги требовали осмотрительности, отваги, быстраго соображенія, сметки, находчивости, ловкости, неприхотливости, и всѣ эти качества развились у горца въ высшей степени. Постоянныя странствованія и шатанія изъ края въ край явились отчасти причиной возникновенія обычая гостепріимства и обычая братанія случайныхъ дорожныхъ спутниковъ.

„Дорожный товарищъ — братъ родной“, говоритъ горская пословица.

Это братство было настолько сильно, что въ случаѣ убійства одного изъ путниковъ другой долженъ былъ мстить убійцѣ и преслѣдовать его; впрочемъ, эта обязанность продолжалась только сутки и, если убійца успѣвалъ скрыться, то на слѣдующій день обязанности мстителя кончались; и если убійца захотѣлъ-бы ѣхать съ нимъ, то дѣлался „дорожнымъ братомъ“.

Домашняя жизнь горца проходила въ полной праздности: въ чисткѣ оружія, въ пустяшной болтовнѣ съ сосѣдями, въ случайныхъ пиршествахъ по случаю какихъ-нибудь торжествъ, до которыхъ каждый горецъ большой охотникъ, или въ слушаніи пѣсенъ, сказокъ или разсказовъ разныхъ бродягъ. Все хозяйство лежало исключительно на женщинѣ, положеніе которой было сведено до степени домашняго животнаго. Горецъ смотрѣлъ на жену, какъ

на полезное домашнее животное, но никогда не снисходилъ до ласки или до разговора съ ней. Даже наединѣ съ нею онъ обращался къ ней въ случаѣ приказанія въ неопредѣленномъ лицѣ: „готовъ-ли обѣдъ?“, „слѣдуетъ вычистить лошадь!“ и проч. Горецъ никогда не позволитъ себѣ приласкать собственныхъ дѣтей и ведетъ себя, какъ-будто у него нѣтъ семьи. Спросить горца о здоровьѣ жены и семейства—значитъ, нанести ему оскорбленіе. Въ горскихъ пѣсняхъ чаще воспѣваются вѣрный конь и гибкая шашка, чѣмъ черныя очи красавицы. Впрочемъ, дѣвушки до замужества пользуются большой свободой, а замужнія, выдержавъ нѣсколько лѣтъ деспотизмъ мужа и родивъ нѣсколькихъ дѣтей, особенно мальчиковъ, начинали пользоваться уваженіемъ и пріобрѣтали въ семьѣ право голоса.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣми формами семейной жизни, которыя всегда имѣли мѣсто у дикарей, особенно восточнаго происхожденія, со всѣми ихъ отрицательными сторонами.

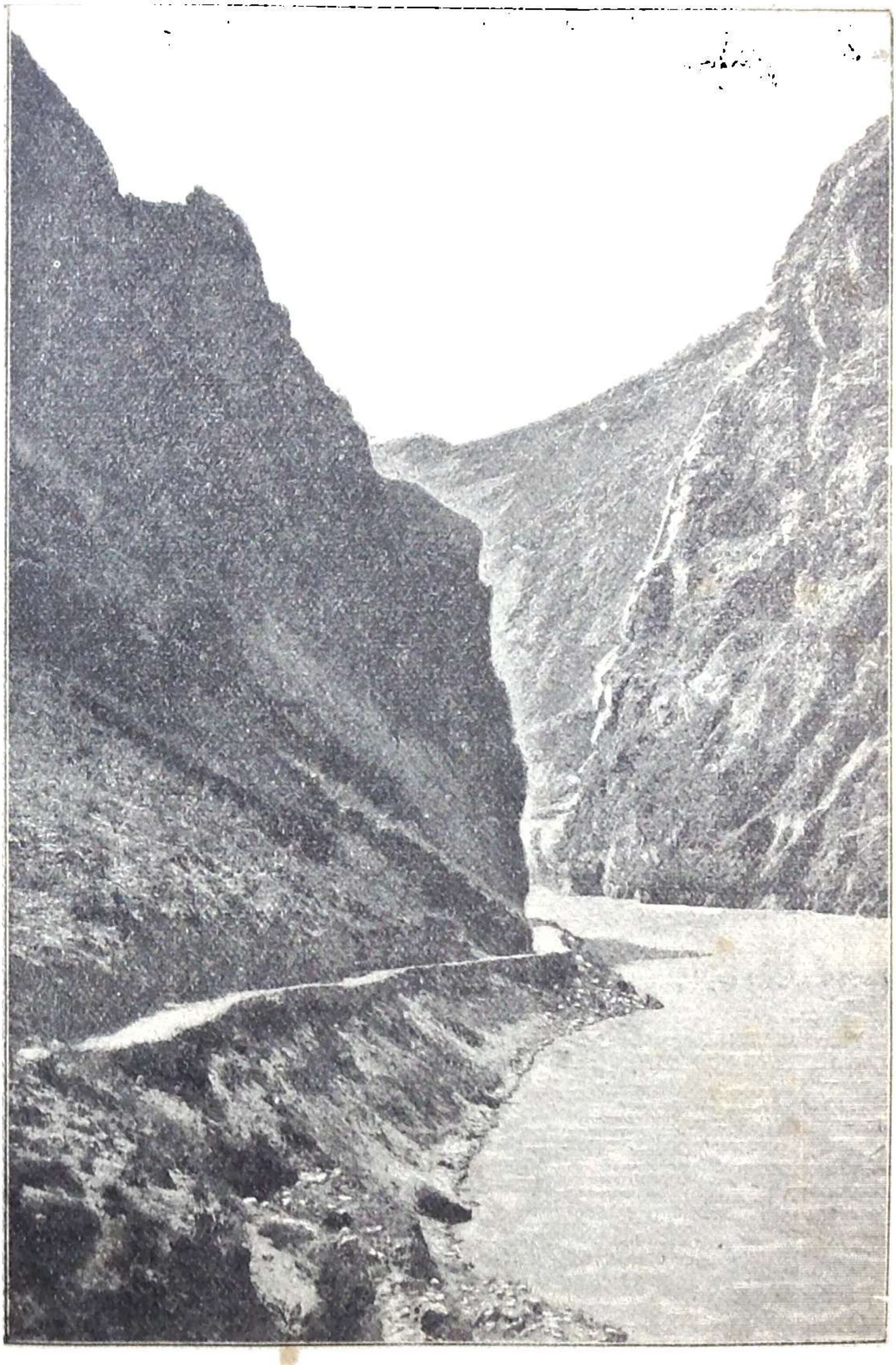
Характеръ каждаго горца складывался подъ давленіемъ семейнаго режима и подъ вліяніемъ разбойничьихъ разсказовъ и воспитывался въ духѣ полной ненависти ко всему окружающему его узкій міръ. Себя горецъ считаетъ всегда центромъ всего, свои желанія и капризы законными, желанія-же окружающихъ совершенно игнорируетъ. Непомѣрныя важничанье и хвастливость дополняютъ отрицательныя стороны его характера.

Но у него есть, впрочемъ, и положительныя черты: вѣрность обычаямъ, данному слову (но только не по отношенію къ непріятелю), безумная отвага, полное пренебреженіе жизнью, когда это нужно, и страстная любовь къ родинѣ, какъ-бы послѣдняя ни была жалка и безплодна. Горецъ безъ горъ, безъ своихъ дикихъ ущелій и бушующихъ потоковъ — это рыба безъ воды. Въ любви къ своимъ насиженнымъ гнѣздамъ кавказскіе горцы превзошли всѣхъ. Интересенъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ. На сѣверѣ Кутаисской губерніи, у подножія Эльбруса, находится небольшой кусокъ земли, носящій названіе Верхней Сванетіи; болѣе дикаго и непривѣтливаго уголка не найти даже въ Дагестанѣ. Достаточно сказать, что сообщеніе Сванетіи съ остальнымъ міромъ возможно черезъ единственный, существующій тамъ Латпарскій перевалъ, да и то въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, въ остальное время года она отрѣзана совер-

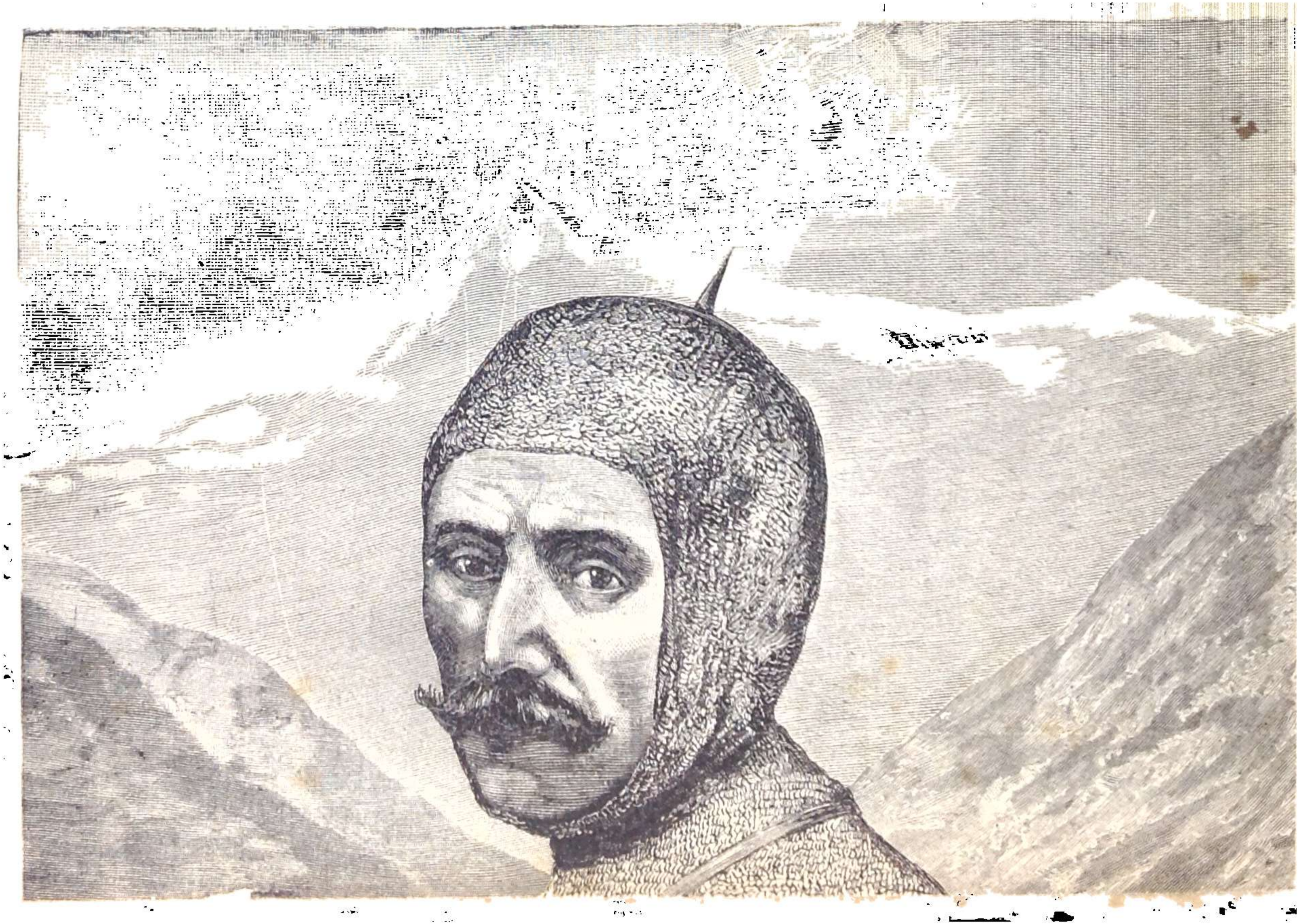
шепно отъ сосѣдей. Русское правительство не разъ предлагало сванетамъ переселиться на берега Чернаго моря, отводило имъ земли, обѣщало выстроить дома, но ни одинъ, буквально ни одинъ, сванетъ не могъ рѣшиться оставить свою дикую родину, гдѣ находятся могилы отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ.

Всѣхъ горцевъ можно раздѣлить на двѣ большія группы: западную и восточную. Въ первую входятъ абхазы, черкесы, кабардинцы, сванеты, шапсуги, осетины, кистины и кое-какія мелкія племена, сплотившіяся въ отдѣльныя общества. Во время борьбы за обладаніе Кавказомъ съ этой группой было сравнительно не трудно справиться, хотя по годамъ Западный Кавказъ покоренъ позднѣе (1864 г.), а Восточный раньше (1859 г.) Эта сравнительная легкость объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что нѣкоторые народы, какъ, напримѣръ, осетины, мало воинственны, а черкесы были сравнительно цивилизованы и потому не противились такъ русскому вліянію, какъ восточные дикари, кругозоръ которыхъ былъ сильно суженъ. Кромѣ того, Западный Кавказъ, какъ имѣвшій доступъ къ Черному морю, имѣлъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ и въ очень древнія времена, а потому мѣстные обычаи и воззрѣнія не могли такъ вкорениться въ души этихъ горцевъ, какъ вкоренились они въ ихъ восточныхъ сосѣдей. Не малое значеніе имѣло, конечно, и сравнительное плодородіе страны. Абхазія — въ земледѣльческомъ отношеніи благодатная страна, да и земли черкесовъ и осетинъ, особенно на сѣверныхъ пологихъ скатахъ Кавказскаго хребта, давали возможность населенію жить честнымъ трудомъ, и только тѣ части этихъ племенъ, которымъ приходилось жить въ самыхъ глубокихъ дебряхъ у подножья Эльбруса и по хребту до самаго Казбека, обратились въ настоящихъ разбойниковъ; однако, они являлись таковыми не только съ точки зрѣнія русскихъ, но и своихъ родичей, жившихъ при лучшихъ условіяхъ и старавшихся ладить со своимъ могучимъ сѣвернымъ сосѣдомъ.

Наконецъ, еще болѣе важнымъ факторомъ при покореніи Западнаго Кавказа было то, что мусульманство, проникши сюда только въ XVII и XVIII вв. изъ Турціи, не имѣло того нетерпимаго фанатическаго характера, какой выработался на Востокѣ. Это очень понятно: турецкій исламизмъ при столкновеніяхъ съ Европой утратилъ много рѣзкихъ чертъ, во многомъ пошелъ на уступки и

Кавказъ. Араканское ущелье.

Стр. 31 и 32.

Композ. П. Ольшанскаго по фот. В. Ермакова.

компромиссы и вообще значительно смягчился. Попавъ въ такомъ видѣ на Западный Кавказъ, онъ былъ принятъ, какъ наиболѣе удобная религія, но никогда не служилъ, по крайней мѣрѣ, въ большихъ размѣрахъ, поводомъ къ войнѣ и этимъ самымъ рѣзко разнился отъ восточнаго ислама съ его нетерпимостью и 72-мя сектами, постоянно враждовавшими другъ съ другомъ и бывшими причиной многихъ междоусобныхъ войнъ въ Аравіи, Персіи и Закаспійскомъ краѣ.

Восточно-горская группа, о которой, главнымъ образомъ, мы и ведемъ рѣчь въ этомъ очеркѣ, занимаетъ мѣсто на востокъ отъ Казбека и Военно-грузинской дороги. Главная часть этого края носитъ названіе Дагестана, сосѣдніе-же округи давно потеряли свои историческія имена и называются теперь по именамъ уѣздныхъ или областныхъ городовъ. Но при началѣ активныхъ дѣйствій въ отношеніи покоренія Кавказа, т. е., въ тысяча восьмисотыхъ годахъ, они назывались мѣстными именами. Значительнѣйшими изъ нихъ были Чечня, Ичкерія, ханство Казикумухское, Кюринское и проч., а въ самомъ Дагестанѣ—владѣнія Тарковское, Мехтулинское, Даргинское, Аварское и проч.; кромѣ того, тамъ-же были, среди крупныхъ владѣній, вкраплены мелкія самостоятельныя общины — Ауховская, Салатавская, Гумбетовская, Чаберлоевская и масса другихъ. Вся эта страна населена дикими и воинственными горцами, изъ которыхъ лезгины и чеченцы самые типичные, но и остальные отъ нихъ не особенно отстали, и въ шестидесятилѣтней войнѣ за обладанье Кавказомъ наряду съ лезгинами и чеченцами выступали хевсуры, пшавы, тушины, кубачи, удины, а также татары, жившіе по юго-восточнымъ склонамъ главнаго хребта.

Опредѣляя восточную и западную группы горцевъ, мы соединяемъ въ одно цѣлое племена, совершенно разныя и связанныя лишь географически; между собой многія изъ нихъ, какъ было выше сказано, не имѣютъ никакого родства, и лишь центръ Дагестана занятъ племенами, родственными между собой: именно лезгины дѣлились на массу мелкихъ общинъ, изъ которыхъ каждое говорило своимъ нарѣчіемъ, хотя преобладающими были нарѣчія аварское, даргинское и кюринское. Чеченцы тоже дѣлились на собственно чеченцевъ, ичкерійцевъ, ауховцевъ, ингушей и кистиновъ.

До тѣхъ поръ, пока въ Дагестанѣ не было мусульманства, всѣ эти разноплеменныя орды враждовали другъ съ другомъ, грабили, гдѣ могли и что могли; всякая гадость, сдѣланная сосѣднему, не родственному аулу, считалась добродѣтелью. Ни нравственныхъ, ни государственныхъ началъ не было, и одинъ патріархальный строй, при которомъ старѣйшій въ родѣ или семьѣ являлся неограниченнымъ владыкой, удерживалъ отъ кровавыхъ распрей въ самыхъ родахъ и семьяхъ. Но въ VII и VIII вв. мусульманство изъ Аравіи проникло на восточный Кавказъ. Принявшіе его кумухи оружіемъ ввели его срсди лезгинъ, и съ тѣхъ поръ Кумухское ханство стало называться Кази-кумыкъ („кази“ или „гази“ значитъ воюющій за вѣру). Лезгины быстро распространили новую вѣру по всему Дагестану, и это явилось объединяющимъ звеномъ средп враждовавшаго населенія. Муллы, т. е., духовныя лица, къ какому-бы они племени ни принадлежали, стали почетными лицами, куда-бы они ни попали: такимъ образомъ, явилась нейтральная сила, которая при случаѣ могла соединить до сихъ поръ непримиримыя между собой племена и заставить ихъ совмѣстно выработать извѣстный кодексъ, который хоть немного ограничивалъ-бы произволъ и насиліе. Есть много вѣроятій предполагать, что знаменитое горское гостепріимство получило свое начало или, по крайней мѣрѣ, получило законную санкцію отъ мусульманства. Проповѣдники ислама, т. е., арабскіе выходцы, знавшіе эту форму общежитія, не могли не ввести ея или расширить тамъ, гдѣ она уже имѣлась; въ противномъ случаѣ ихъ проповѣдь была-бы безсильна.

II.

Бытъ и нравы горныхъ орловъ.

Одинъ изъ величайшихъ и безспорно лучшій горскій обычай гостепріимства создался или развился и вошелъ въ силу. Съ этихъ поръ всякій путникъ, вошедшій во дворъ горца, хотя-бы своего злѣйшаго врага, дѣлался священной особой; за него при случаѣ хозяинъ долженъ стоять до послѣдней капли крови и отдать все, что находится въ домѣ, въ его полное распоряженіе. Желаніе гостя — приказаніе для хозяина; послѣдній не только долженъ принять его, но долженъ быть любезенъ, накормить, напоить его и не какъ-нибудь, а какъ слѣдуетъ, со всѣмъ церемоніаломъ горскаго этикета. Послѣ всего этого

онъ долженъ проводить его до безопаснаго мѣста. Горецъ не смѣетъ спрашивать гостя, кто—онъ, какой національности, вѣры, куда и по какимъ дѣламъ ѣдетъ. Особенно оригинально то, что вѣра въ этомъ случаѣ не играетъ роли. Христіанинъ, если встрѣчался гдѣ-нибудь съ горцемъ, особенно во время разгара войны, подвергался во имя Аллаха нападенію, и тотъ-же „невѣрный“, попавъ въ аулъ и обратившись за помощью, могъ всегда расчитывать на такой пріемъ, какъ-будто онъ — мулла.

Второй горскій обычай — почтеніе къ старшимъ; возникъ онъ, безъ сомнѣнія, сначала подъ давленіемъ первобытнаго патріархальнаго строя и сперва функціонировалъ лишь въ семьѣ, затѣмъ въ родѣ и, наконецъ, съ нѣкоторымъ развитіемъ гражданственности, вѣроятно, въ довольно уже поздніе времена, обратился въ общій народный законъ. Горцы — вообще люди этикета и твердо придерживаются своихъ правилъ, особенно при посторонннихъ.

„Обычай,—разсказываетъ Н. Семеновъ *), — безусловно требуетъ уваженія всѣхъ младшихъ ко всѣмъ старшимъ и регламентируетъ свое требованіе такимъ образомъ. Старшій, гдѣ только возможно, сидитъ, а младшій стоитъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ приглашенія садиться; когда въ комнатѣ нѣсколько человѣкъ пожилыхъ и нѣсколько человѣкъ молодежи, пожилые сидятъ въ порядкѣ старшинства, а молодежь стоитъ у порога. Ѣдятъ сначала старшіе, а младшимъ передаются остатки кушанья въ томъ видѣ, какъ они брошены первыми. Въ дорогѣ старшій ѣдетъ справа, младшій слѣва; если ѣдутъ трое — старшій въ серединѣ. Когда въ дорогѣ находится цѣлая компанія, младшіе составляютъ какъ-бы охранную стражу старшихъ: часть ихъ располагается впереди, часть сзади, остальные по бокамъ центра, составленнаго изъ старшихъ. Всякій старикъ безъ церемоніи требуетъ услугъ отъ всякаго молодого человѣка и послѣдній безпрекословно исполняетъ ихъ“.

При всемъ этомъ необходимо замѣтить, что такая почтительность скорѣе наружная, чѣмъ внутренняя, иначе говоря, авторитетъ стариковъ далеко не такъ великъ, какъ это можетъ показаться при поверхностномъ взглядѣ: сынъ, выслушивая слова отца или какого-нибудь старика, почтительно молчитъ, соглашается, но про себя,

*) «Тувемцы сѣвего-восточнаго Кавказа», стр. 93.

можетъ быть, держится совершенно другого мнѣнія; однако, по обычаю, онъ не смѣетъ, да и не хочетъ выразить его. Когда доходитъ до дѣла, то юноша поступаетъ такъ, какъ находитъ нужнымъ, и тотъ-же отецъ не протестуетъ, считая, что у сына своя голова на плечахъ, и въ случаѣ удачи въ дѣлѣ похвалитъ его, а въ случаѣ неудачи выругаетъ, / но не станетъ укорять въ томъ, что сынъ — ослушникъ; если-же укоритъ, а въ горячую минуту даже постегаетъ его нагайкой, то сынъ такъ-же почтительно и серьезно приметъ отцовское внушеніе, а при новомъ дѣлѣ опять поступитъ по своему убѣжденію—объ стороны это отлично знаютъ и считаютъ такое положеніе вещей самымъ логичнымъ: юноша развиваетъ природныя способности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердо воспитывается въ правилахъ обычая. Собственно говоря, почтеніе къ старшимъ — это, такъ сказать, пріемы извѣстной внѣшней вѣжливости, совершенно сходной съ вѣжливостью въ нашемъ обществѣ.

Другое дѣло, если горцы, отецъ и сынъ, начинаютъ общее дѣло, идутъ, напримѣръ, въ набѣгъ. Здѣсь сынъ ужъ безусловно подчиняется старшему и безпрекословно исполняетъ его приказанія; но выдается свободная минута— и молодой горецъ предпринимаетъ что-нибудь на собственный рискъ и страхъ, не думая совѣтоваться со старшимъ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, воспитаніе горца основывается на послушаніи, на умѣніи сдерживать свои чувства въ должныхъ границахъ, съ другой — ему предоставляется полная свобода развивать индивидуальныя способности, какъ ему угодно. Слѣдствіемъ этого явилось то, что горцы очень смѣтливы, ловки и находчивы, каждый изъ нихъ привыкъ полагаться только на самого себя и не расчитывать на совѣты болѣе опытныхъ людей.

Но все это въ дѣлахъ частныхъ; въ дѣлахъ-же общественныхъ, дѣйствительно, мнѣніе старшихъ принимается безусловно всѣми. Если старики какой-нибудь общины порѣшили что-нибудь, что они находятъ полезнымъ, то всѣ члены безпрекословно принимаютъ это рѣшеніе, хотя-бы оно противорѣчило ихъ собственному мнѣнію, твердо стоятъ за общую идею и отступленія въ подобныхъ случаяхъ не можетъ быть, ибо это противно адату (обычаю). Безпрекословное подчиненіе рѣшенію стариковъ, и мало того дѣйствительное принятіе выработанной

послѣдними идеп, безъ всякой критики, явилось одной изъ главныхъ причинъ безумно отважнаго поведенія горцевъ во имя „газавата“ *), священной войны. Въ сущности, большинство шло не за идею газавата, которую немногіе могли уяснить себѣ вполнѣ, а шли за традиціонную вѣковую идею подчиненія рѣшенія старшинъ.

Почтеніе къ старшимъ понималось не только въ смыслѣ количества лѣтъ того или другого человѣка, но и въ смыслѣ его общественнаго положенія; чинъ, званіе, титулъ все это вызывало соотвѣтственное почтеніе. Выработалось послѣднее отчасти вслѣдствіе хвастливой натуры горцевъ, а отчасти вслѣдствіе ихъ любви, какъ и всякихъ дикарей, къ извѣстному церемоніалу.

Но, несмотря на почтеніе къ титулованнымъ особамъ, до раболѣпства и низкопоклонничества горцы доходили рѣдко, и если нѣкоторые авторы обвиняютъ ихъ въ этомъ, то это показываетъ ихъ малое знаніе горскаго характера и они были обмануты кажущейся покорностью. Дѣйствительно, во время войны въ русскій лагерь переходило большое количество горцевъ; многіе изъ нихъ раболѣпно относились къ русскимъ властямъ и низкопоклонничали, но при этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что большинство перебѣжчиковъ были отбросы горскаго міра, люди съ нечистой совѣстью, отступившіеся отъ адата, оставившіе на родинѣ лишь презрѣніе одноаульцевъ, а можетъ быть, даже и смерть. Среди этихъ отщепенцевъ попадались иногда настоящіе горскіе рыцари, но попадали они въ русскій лагерь и вели себя по-хамски съ дипломатической цѣлью: дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что такой джигитъ, разнюхавъ все, что ему было нужно, въ одну прекрасную ночь исчезалъ и слѣды его, въ видѣ неожиданнаго нападенія, грабежа или насилія, оказывались въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ. Послѣ исчезновенія этихъ молодцовъ иногда вспыхивало возстаніе въ такихъ округахъ, на которые начальство, считая ихъ безусловно преданными, уже переставало обращать вниманіе.

Нѣтъ, низкопоклонничество не въ характерѣ настоящаго горца, онъ для этого слишкомъ самонадѣянъ, слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ. Искреннее почтеніе онъ способенъ оказывать лишь своему беку или князю, да и тутъ въ глубинѣ души самоувѣреннаго горца во-

---

*) О газаватѣ болѣе подробно см. дальше.

рочается мысль, что, возвеличивая своего князя, онъ тѣмъ самымъ окружаетъ и себя нѣкоторымъ ореоломъ. Въ отношеніяхъ къ князю онъ полонъ чувства собственнаго достоинства и доводитъ свои услуги до утонченной вѣжливости, которую князь принимаетъ съ необыкновенно властнымъ видомъ: оба горца, оба рисуются своимъ благородствомъ, оба играютъ, но играютъ искренно убѣжденные, что рыцари иначе поступать не могутъ. Въ этомъ повторяется старая исторія европейскихъ феодаловъ и ихъ вассаловъ среднихъ вѣковъ—такія-же дикія души, жестокіе нравы и та-же утонченность обращенія, та-же игра въ благородство.

Въ обычаѣ гостепріимства выразилось, такъ сказать, международное право, въ почтеніи къ старшимъ — право гражданское, право-же уголовное выразилось въ адатѣ кровомщенія.

Вопросъ о развитіи кровомщенія много разъ поднимался въ кавказской литературѣ. Одни авторы признавали логичность этого обычая, другіе, наоборотъ, нападали на него, называя его варварскимъ и дикимъ. И здѣсь, какъ и въ другомъ, крайнія мнѣнія всегда грѣшатъ односторонностью. Спора нѣтъ, что въ настоящее время, съ введеніемъ русскихъ законовъ на Кавказѣ, этотъ обычай является анахронизмомъ, да и то, впрочемъ, не во всѣхъ мѣстахъ. Въ дикихъ уголкахъ сохранились и культура, и понятія первобытныя. Горцы — и очень многіе — не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о законности, никто ихъ не просвѣщалъ, никто не пытался насадить въ дикой средѣ новые принципы гуманности, а если-бы и пытались, то сразу этого дѣлать нельзя. Невозможно искоренить вѣковой обычай, въѣвшійся въ плоть и кровь горца, связанный органически съ его міросозерцаніемъ и понятіемъ о долгѣ и чести. Въ мѣстахъ многолюдныхъ и культурныхъ этотъ обычай, подъ столѣтнимъ русскимъ вліяніемъ, почти совершенно исчезъ и проявляется единичными рѣдкими фактами, въ горныхъ-же дебряхъ онъ существуетъ во всей своей силѣ, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе знаетъ, что русскіе законы караютъ за это. Боязнь кары не останавливаетъ горцевъ, такъ какъ представленіе о чести и долгѣ и страхъ передъ презрѣніемъ своихъ одноаульцевъ пересиливаютъ боязнь наказанія.

На почвѣ адата и новыхъ болѣе гуманныхъ принциповъ не разъ разыгрывались тяжелыя драмы. Если, по

обычаю, предстояло выполнить священный долгъ горцу, уже тронутому болѣе культурными началами, но еще цѣпко держащемуся за вѣковыя традиціи, то въ душѣ его возникалъ сильный разладъ.

Извѣстный путешественникъ гр. Муравьевъ разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующую исторію.

Недалеко отъ Пятигорска, въ одномъ ауле жили два брата; они бывали часто въ Пятигорскѣ и относились съ глубокимъ уваженіемъ къ тамошнему окружному начальнику, которому они были многимъ обязаны.

Младшій братъ былъ обрученъ съ дѣвушкой изъ того-же аула, но отецъ ея вдругъ взялъ свое слово обратно и хотѣлъ выдать дочь за другого горца. Старшій братъ, какъ глава семейства, прискакалъ къ начальнику съ просьбой помочь дѣлу и не допускать отца дѣвушки нарушить слово.

— Удержи его, — сказалъ молодой нукеръ, — иначе это будетъ безчестіе для нашего семейства.

— Я не имѣю права и не хочу вмѣшиваться въ семейныя дѣла, — отвѣтилъ ему начальникъ.

Горецъ, не удовлетворенный отвѣтомъ, уѣхалъ въ свой аулъ.

Прошло нѣсколько дней, и нукеръ, мрачный, какъ ночь, снова явился къ начальнику.

— Все кончено, — сказалъ онъ, — невѣста моего брата выдана замужъ; я пришелъ спросить у тебя, какъ у нашего начальника, позволенія убить ея мужа.

— Ты знаешь самъ, — отвѣтилъ тотъ, — что я не могу тебѣ этого позволить.

— Знаю, — сказалъ горецъ, — но я хотѣлъ только тебя о томъ продупредіть для успокоенія моей совѣсти, потому что, живя при тебѣ, былъ тобою доволенъ и обѣщалъ всегда тебя слушаться; итакъ, я теперь чистъ передъ тобою, предупредилъ тебя; теперь пойду убью врага, а тамъ за Кубань въ абреки.

— И потомъ придешь воевать противъ меня съ абазехами, — съ негодованіемъ замѣтилъ начальникъ, — за мою хлѣбъ-соль! Хороша благодарность! Я уже замѣтилъ, что тебя сманилъ султанъ ихъ, пріѣзжавшій изъ-за Кубани къ намъ на воды.

— Нѣтъ, никто не могъ-бы сманить меня, — съ жаромъ отвѣтилъ юноша, — и я всегда буду тебѣ вѣрнымъ, но не могу оставаться въ аулѣ: кровь на нашемъ семействѣ; каждая дѣвушка насъ осмѣетъ и никто не пойдетъ

ни за меня, и за брата. Я непремѣнно долженъ убить недруга.

И, несмотря на увѣщанія, онъ ушелъ съ твердой мыслью выполнить свой кровавый планъ.

Но его уже коснулась иная жизнь, ему стали понятны законы любви, милосердія и прощенія; въ молодой душѣ началась тяжелая борьба старыхъ и новыхъ принциповъ: то любовь къ начальнику одерживала верхъ, то вспыхивало сознаніе долга, наложеннаго обычаемъ. Наконецъ, добрыя чувства одержали верхъ, но, измученный, въ тоскѣ, мучимый угрызеніями совѣсти оттого, что онъ не выполнилъ адата, горецъ не въ состояніи былъ оставаться въ аулѣ и пришелъ къ своему начальнику, гдѣ и слегъ въ горячкѣ.

— Вотъ до чего довела любовь къ тебѣ, — сказалъ онъ, лежа въ госпиталѣ, — я умираю среди чуждыхъ мнѣ христіанъ; выведи меня отсюда и дай мнѣ умереть въ горахъ.

Чтобы успокоить больного, его отдали на руки единовѣрцевъ, и молодыя силы побѣдили его болѣзнь, но на всю жизнь на лицѣ его запечатлѣлась глубокая дума и нога его больше не ступала на почву родного аула.

Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ человѣка, значительно уже отставшаго отъ своего и познакомившагося съ инымъ міромъ, но въ горахъ завѣты старины стоятъ твердо до сихъ поръ, а какихъ-нибудь сто лѣтъ тому назадъ горецъ и помыслить не могъ отказаться отъ дѣла, разъ послѣднее вызывалось адатомъ. Отказывались только трусы, малодушные и ничтожные въ нравственномъ отношеніи людишки, лица-же съ характеромъ, съ понятіемъ о долгѣ, выполняли послѣдній съ сознаніемъ своего достоинства и, со своей точки зрѣнія, были правы.

Не слѣдуетъ забывать, что обычай кровомщенія сложился еще въ тѣ времена, когда горскія общества не имѣли никакой организаціи. Старики вѣдали лишь дѣла общины, предоставляя каждому члену ея въ частныхъ дѣлахъ поступать, какъ заблагоразсудится; въ распри, семейныя дѣла и проч. никто не вмѣшивался, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока эти частныя дѣла не мѣшали общественнымъ интересамъ. При такомъ порядкѣ вещей, разумѣется, долженъ былъ воцариться полный произволъ: богатый и сильный могъ безнаказанно угнетать бѣднаго и слабаго, нахальный — скромнаго и т. д., зная, что никто съ ними ничего не подѣлаетъ; вотъ

тутъ-то месть за оскорбленіе или убійство и являлась нѣсколько сдерживающимъ факторомъ; это, въ сущности говоря, былъ миръ на ножахъ и постоянно оставаться въ такомъ положеніи не могъ, а потому въ народѣ понемногу выработался своеобразный кодексъ съ массой параграфовъ, устанавливавшихъ законность мести въ тѣхъ или другихъ случаяхъ. Войдя въ обычай, этотъ кодексъ сдѣлался непреложнымъ закономъ и, какъ это ни странно, явился сдерживающимъ элементомъ среди горцевъ.

Дѣло въ томъ, что во многихъ случаяхъ за смерть, увѣчье, покушеніе или оскорбленіе мстителемъ являлся не только ближайшій родственникъ или, вѣрнѣе сказать, наслѣдникъ, такъ какъ право или обязанность мести переходила по старшинству, но часто обязанность мести переходила на цѣлый родъ. Понятно, что родственники всегда старались не доводить двухъ соперниковъ до серьезной вражды и стычекъ, такъ какъ, въ случаѣ убійства одного изъ нихъ, на родственниковъ взваливалась куча обязанностей. Это — съ одной стороны; съ другой — естественное желаніе возмездія удовлетворялось этимъ кодексомъ. Какъ у насъ, такъ и у горцевъ оскорбленіе жены, матери, сестры и дочери не могло кончиться иначе, какъ кровью; только у насъ это дѣлается вѣжливо, въ присутствіи четырехъ свидѣтелей, а въ Дагестанѣ оскорбленный выслѣживалъ оскорбителя, какъ дичь, и по окончаніи дѣла во всеуслышаніе объявлялъ о немъ, и его одноаульцы считали, что онъ поступилъ вполнѣ честно — по адату.

Какъ ни странно, но слѣдуетъ сказать, что кровная месть—вещь далеко незаурядная и не такъ часто бывала, какъ это принято думать.

Многіе воображаютъ, что горцы только тѣмъ и занимались, что рѣзали другъ друга по адату, но на самомъ дѣлѣ эти случаи бывали сравнительно рѣдко, во первыхъ, потому, что горцы, зная страшныя обязанности и права кровомщенія, старались, насколько возможно, избѣгать поводовъ къ ссорамъ, а во вторыхъ, потому, что во многихъ случаяхъ допускалось примиреніе настолько полное, о которомъ мы, христіане, даже не можемъ помыслить.

Возьмемъ примѣръ. Въ какой-нибудь семьѣ убиваютъ сына. Убійца долженъ сейчасъ-же скрыться, во избѣжаніе немедленнаго мщенія: его родственники тоже временно скрываются на тѣ нѣсколько дней, которые необходимы

для отдачи послѣдняго долга усопшему; затѣмъ они посылаютъ къ родственникамъ убитаго депутацію, состоящую изъ одного или нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, а также именитыхъ жителей съ просьбой явиться имъ съ повинной головой.

Н. Семеновъ такъ описываетъ дальнѣйшую процедуру.

„Депутація, явившись къ родственникамъ убитаго, почтительно сообщаетъ имъ о цѣли своего прихода, выражая надежду, что тѣ, къ кому они пришли, не откажутся поступить со своими обидчиками согласно съ существующими искони обычаями. Люди неблагоразумные могутъ отказать депутаціи въ ея просьбѣ, и тогда ищущіе примиренія посылаютъ другую депутацію; но люди разумные и справедливые, послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ колебаній, изъявляютъ готовность принять просьбу о прощеніи и депутація объявляетъ объ этомъ родственникамъ „канлы“ *).

„Эти послѣдніе, извѣщенные о снисходительномъ принятіи родственниками убитаго ихъ просьбы, спѣшатъ явиться къ нимъ въ домъ, въ сопровожденіи значительнаго числа именитыхъ жителей, и, повидавшись съ ними, въ знакъ искренней пріязни, передаютъ имъ установленные обычаемъ подарки (алымъ).

„Такимъ образомъ, совершается примиреніе родственниковъ канлы съ родственниками убитаго. Убійца-же съ момента убійства до момента примиренія съ родственниками его жертвы не долженъ ни брить, ни стричь волосъ на головѣ — въ знакъ скорби и раскаянія.

„Убійца-же черезъ примирившихся родственниковъ своихъ и почетныхъ и вліятельныхъ жителей ходатайствуетъ у родственниковъ убитаго о позволеніи ему явиться къ нимъ для принесенія раскаянія и испрошенія прощенія. Когда родственниками убитаго изъявлено согласіе принять отъ канлы просьбу о прощеніи, послѣдній отправляется въ домъ ихъ. Ему предшествуютъ почетныя лица селенія, а также именитые люди, приглашенные изъ другихъ селеній, и, вмѣстѣ съ ними, духовныя лица. Сзади другихъ идетъ убійца; онъ безъ папахи и безъ оружія; его ведетъ за руку мулла. Рядомъ съ убійцею идутъ его родственники, безъ оружія и съ обнаженными головами.

---

*) «Канлы» или, по-аварски, «кысазъ», буквально значитъ «кровникъ», т. е., тотъ, надъ которымъ тяготѣетъ мщеніе.

По вступленіи процессіи въ домъ оскорбленныхъ, мулла читаетъ молитву, произноситъ приличную случаю рѣчь и затѣмъ подводитъ убійцу къ матери убитаго. Стоя на колѣнахъ, убійца кланяется матери своей жертвы, моля ее о прощеніи и о принятіи его своимъ сыномъ на мѣсто скончавшагося. Вслѣдъ за убійцею глубокіе поклоны матери убитаго дѣлаются и всѣми родственниками убійцы. Послѣ матери та-же честь оказывается отцу, братьямъ и другимъ ближайшимъ родственникамъ убитаго.

„Затѣмъ убійца передаетъ установленные подарки, денежное вознагражденіе и устраиваетъ угощеніе, во время котораго кто-нибудь изъ присутствующихъ сбриваетъ ему часть головы. Этимъ кончается актъ примиренія, и кончается навсегда. Между родственниками убитаго и убійцею послѣ примиренія образуется родство, называемое кровнымъ (канъ-кардатъ), т. е., вытекающій изъ дѣла крови. Родство это считается равнымъ ближайшему по отцу“.

И это родство не фиктивное: съ момента прощенія, дѣйствительно, забывается все старое и убійца фактически становится сыномъ и вступаетъ въ семью.

Описанная процедура имѣла мѣсто у кумыковъ, но и у другихъ народностей были почти такія-же правила.

Относительно увѣчій и пораненій дѣло обходилось еще проще, тоже, впрочемъ, съ церемоніями, и кончалось денежнымъ вознагражденіемъ. Очень рѣдко случалось, чтобы родственники убитаго отказывали въ прощеніи, и если убійца успѣвалъ скрыться въ первыя минуты, то могъ считать дальнѣйшее почти обезпеченнымъ.

Случаи продолжительной вражды были очень рѣдки, но, конечно, бывали. Такъ, пользуется извѣстностью случай, имѣвшій мѣсто въ аулѣ Кадаръ, гдѣ дѣло, начавшись съ украденной курицы, обратилось въ мщеніе и тянулось между двумя семьями въ теченіе трехсотъ лѣтъ. Этотъ разсказъ, впрочемъ, обратился почти въ легенду.

Болѣе типичнымъ примѣромъ можетъ служить другой, болѣе достовѣрный, случай, бывшій въ аулѣ Чохъ въ Казикумыкѣ.

„Одинъ молодой человѣкъ *), желая жениться на любимой имъ дѣвушкѣ, сдѣлалъ предложеніе ея родителямъ. Не стѣснялся полученнымъ отказомъ, онъ возобновлялъ свое предложеніе еще нѣсколько разъ и все съ

*) А. Руновскій. «Записки о Шамилѣ», 1860 г., гл. IV, стр. 12.

одинаковымъ успѣхомъ. Наконецъ, раздраженный неудачею, онъ является къ отцу своей любезной и требуетъ объясненія, по какой причинѣ онъ не хочетъ отдать за него свою дочь. Отецъ весьма прямодушно отвѣчаетъ, что не хочетъ потому, что не хочетъ. Тогда влюбленный молодой человѣкъ вынимаетъ кинжалъ и всаживаетъ его въ животъ старика. Но старикъ очень хорошо предвидѣлъ, съ какимъ намѣреніемъ задорный горецъ могъ придти къ нему въ домъ, и въ то самое мгновеніе, какъ тотъ брался за кинжалъ, старикъ выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и, выстрѣливъ въ грудь будущаго зятя, упалъ, вмѣстѣ съ нимъ, мертвымъ. На выстрѣлъ и на шумъ, произведенный домашними старика, сбѣжались сосѣди, между которыми были родственники обоихъ убіицъ. Безъ дальнѣйшихъ околичностей взялись они за кинжалы и тутъ-же отпраздновали тризну по убіенныхъ: произошла рѣзня, въ которой 25 человѣкъ легли въ продолженіе самаго короткаго времени. Не довольствуясь этимъ, оставшіеся въ живыхъ родственники еще долго вели канлы самымъ ожесточеннымъ образомъ. Наконецъ, сосѣдямъ и друзьямъ ихъ удалось кой-какъ свести запутавшіеся счеты и склонить враговъ на мировую“.

Распри, тянувшіяся десятки лѣтъ, чаще всего бывали между владѣтельными домами, гдѣ дѣйствовали и ядъ, и кинжалъ, но кровомщеніе въ этихъ случаяхъ было часто лишь предлогомъ, а дѣйствительной причиной — честолюбивые планы того или другого бека или князя.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что кодексъ кровомщенія далеко не представлялъ чего-нибудь особенно дикаго и онъ былъ вполнѣ логиченъ въ тѣ времена, когда среди горцевъ не было никакого суда. Въ настоящее время, съ введеніемъ русскихъ законовъ, этотъ обычай является конечно, анахронизмомъ и держится лишь въ глухихъ уголкахъ, мало-по-малу уступая новымъ возэрѣніямъ.

III.

Горные орлы и ихъ гнѣзда.

(А. И. Лавинцева.)

Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ страны, которая была-бы угрюмѣе, суровѣе, мрачнѣе и въ то-же время величавѣе, чѣмъ Нагорный Дагестанъ или гористыя мѣстности Дагестана Приморскаго. Безплодныя, каменистыя, заоблачныя горы, то окрашенныя въ бурый съ фіолетовыми оттѣнками цвѣтъ, то подернутыя сизоватою дымкою

мшистыя скалы, утесы, нависшіе надъ безднами, шумные каскады, низвергающіеся въ пропасти, бѣшеные потоки и неистово ревущія горныя рѣки — поражаютъ своимъ грознымъ и пустыннымъ величіемъ. Чѣмъ выше подниматься на горы, тѣмъ впечатлѣнія становятся суровѣй и могучѣе. Растительность постепенно бѣднѣетъ, и, наконецъ, только яркозеленые и красноватые мхи да ягели оживляютъ пустынныя скалы; воздухъ рѣдѣетъ, ускоряя дыханіе и сжимая сердце.

Если появляются облака и скрываютъ солнце, то сырость и холодъ пронизываютъ насквозь, несмотря ни на какую одежду; разорванными клочьями носятся облака надъ головою, обращаясь мало-по-малу въ сплошную черную массу, скрывающую самые близкіе предметы, и чувство одиночества овладѣваетъ человѣкомъ.

Разыгрывается буря. За ослѣпительнымъ блескомъ молніи слѣдуютъ непрерывные удары грома, бурно раскатывающіеся по ущеліямъ безчисленнымъ эхомъ; ихъ заглушаетъ ревъ паденія на каменныя громады проливного дождя, вдругъ смѣняющагося то снѣгомъ, то градомъ; внезапно налетѣвшій вихрь срываетъ снѣга съ горныхъ вершинъ и производитъ метель, среди которой непрестанно гремятъ громы и блистаютъ молніи. И эта грозная и вмѣстѣ очаровательная картина продолжается до тѣхъ поръ, пока снова не выглянетъ солнце и не обольетъ милліонами искръ снѣговыя вершины...

Такъ живописуетъ Дагестанъ В. Потто въ своей пространной статьѣ, посвященной знаменитой „Странѣ горъ“. Дѣйствительно, это — самая дикая, труднодоступная часть Кавказскаго края. Она занимаетъ сѣверо-востокъ Понто-Каспійскаго перешейка. Горы, ниспадающія террасами; море на востокѣ, бьющія ключемъ рѣки — вотъ характеръ этой мѣстности, населенной и понынѣ полудикими племенами горцевъ, въ силу своей изолированности сохраняющихъ во всей своей неприкосновенности свои стародавніе обычаи.

По характеру мѣстности Дагестанъ можно раздѣлить на Нагорный и Прикаспійскій, а послѣдній, имѣющій болѣе равнинный характеръ, нѣкоторыми дѣлится еще на Сѣверный, Средній и Южный. Сѣверный Дагестанъ составляли шамхальство и мехтула, Средній — бывшія Даргинскій союзъ, ханство Казикумыкское, уцмійство каракайтагское, мейсумство Табасаранское. Подъ наименованіемъ Южнаго Дагестана были извѣстны бывшія

ханство Кюринское и провинція Кубинская. Нынѣ весь Дагестанъ въ административномъ отношеніи дѣлится на округи: Темиръ-ханъ-Шуринскій, Аварскій, Андійскій, Гунибскій, Даргинскій, Казикумыкскій, Кайтаго-Табасаранскій, Кюринскій и Самурскій.

Читатели, можетъ быть, помнятъ, что въ первомъ очеркѣ, посвященномъ описанію главнаго Кавказскаго хребта, поминалась одна изъ его высочайшихъ горъ — Барбало, завершающая Терскій Кавказъ и начинающая собою Кавказъ Дагестанскій. Какъ разъ отъ Барбало Кавказскій хребетъ отбрасываетъ на сѣверъ отъ себя Андійскій хребетъ, вершины котораго ниже вершинъ главнаго хребта, но носятъ столь-же дикій характеръ, какъ Терскій и Дагестанскій Кавказы; Андійскій хребетъ является водораздѣломъ для Терека съ Сунджей и Сулака и носитъ также наименованіе Терско-Сулакскаго водораздѣла. Мѣстныя его наименованія Бочху, Хиндой-ламъ, Цобамееръ, Суяби, а на западѣ онъ заканчивается хребтомъ Салатавскимъ. Такимъ образомъ, естественными границами Дагестана являются Андійскій хребетъ съ рѣкою Сулакъ и Терекомъ, Каспійское море отъ Аграханскаго залива до устья рѣки Самура и Большой Кавказъ до горы Барбало, образующіе всѣ вмѣстѣ почти что прямоугольный треугольникъ.

Русскіе издавна привыкли называть обитателей горнаго Дагестана лезгинами — словомъ, заимствованнымъ у грузинъ, причемъ дагестанцы, жившіе на сѣверѣ, назывались также тавлинцами. На самомъ дѣлѣ лезгины — это только общее наименованіе многочисленныхъ, но мелкихъ дагестанскихъ племенъ, называвшихъ сами себя общимъ наименованіемъ „маарулалъ“. Всѣ эти племена, изъ которыхъ нѣкоторыя представляли изъ себя ничтожныя общины, рѣзко отличались одно отъ другого обычаями, нравами и даже языкомъ. Лишь изрѣдка, въ виду предстоящей грозной опасности, они составляли федераціи и примыкали къ сильнѣйшему даже не въ далекія сравнительно времена Аварскому ханству, занимавшему центръ Нагорнаго Дагестана. Аварію окружали на сѣверъ Салатавія, Гумбетъ, Андія, изъ которыхъ первая знаменита своими лѣсами, а послѣдняя — богатствомъ. На югъ общества Гидатль, Кель, Тилитли, Куяда, Андалялъ съ знаменитою горою Гунибъ-дагъ и неприступнымъ ауломъ Чохъ, Дидойскій и Анкратльскій союзъ, граничившіе съ Грузіей и землями лезгинъ джаробелоканцевъ.

Здѣсь, однако, слѣдуетъ непремѣнно оговорить то обстоятельство, что нѣкоторые географы и этнографы отличаютъ Дагестанъ отъ Лезгистана, опредѣляя послѣдній въ предѣлахъ между горами Кохмадагъ, отдѣляющими ихъ отъ Дагестана, Дербентскимъ округомъ, Самуромъ и Кубинской провинціей на сѣверо-востокѣ, Шекинской провинціей на югѣ и востокѣ, Кахетіей по рѣкѣ Алазани на сѣверо-западѣ, невысокими горами на западѣ, отдѣляющими ихъ отъ Пшавохевсуріи, и тамъ-же рѣкою Аксаемъ, отдѣляющимъ Лезгистанъ отъ Чечни. На сѣверѣ границею Лезгистана является Качкалыковскій горный хребетъ.

По многимъ предположеніямъ, лезгины суть потомки древнѣйшихъ алапъ, обитавшихъ здѣсь въ первые вѣка христіанской эры. Во времена борьбы Руси за Кавказъ это было одно изъ сильнѣйшихъ кавказскихъ племенъ, оказавшее наиболѣе упорное сопротивленіе завоевателямъ сѣвера. Образовалась эта федерація мелкихъ племенъ на счетъ раздробленныхъ персами и турками Арменіи и Грузіи, что до нѣкоторой степени доказывается тѣмъ, что первоначально лезгины были христіанами и лишь впослѣдствіи приняли, подъ вліяніемъ вооруженнаго давленія, магометанство.

Лезгины передъ началомъ борьбы раздѣлялись на пять крупныхъ обществъ: Чаборское, Чебелинское, Аппіанское, Кухлисское и Чанчилисское. Первопачально у нихъ была всего только одна крѣпость Джары, но впослѣдствіи, когда Лезгистанъ наводнился выходцами изъ ханства и другихъ областей, у нихъ явились еще: крѣпости Белокань, Закатала, Катехи. Однако, несмотря на нѣкоторое свое могущество, лезгины все-таки находились въ зависимости отъ аварскаго хана и лишь послѣ долгихъ усилій соединились въ три союза: Джаро-Белоканскій—на сѣверѣ, Дженихскій—въ центрѣ и владѣнія Елисуйскаго султана—на востокѣ. Много спустя, подъ тяжелѣйшимъ давленіемъ изъ Чечни, часть лезгинъ выселилась на Кумыкскую низменность и, смѣшавшись съ кумыками, образовала народецъ казикумыковъ, имѣвшихъ нѣкоторое время своего собственнаго хана т. е., сохранявшихъ кое-какую независимость.

Пограничные съ Грузіей джаробелоканцы сперва были покорны грузинскимъ царямъ, но по мѣрѣ того, какъ Грузія слабѣла, ихъ дерзость стала возрастать все болѣе и болѣе. Джаробѣлоканцы то врывались въ Кахе-

тію черезъ горныя ущелья, перейдя Алазань у Сичкохи, то, пройдя черезъ Эриванское и Ганжинское ханства, грабили Карталинію и Самхетію, и даже ахалцыхскіе паши не всегда могли остановить этихъ сорванцовъ, не признававшихъ надъ собою ничьей власти, кромѣ власти своихъ хановъ.

Аварія, собственно говоря, принадлежитъ, по вышеуказанному опредѣленію, также къ Лезгистану, но мы все-таки будемъ придерживаться въ виду сбивчивости въ показаніи границъ, того опредѣленія, что въ сущности своей Лезгистанъ, есть не что иное, какъ Нагорный Дагестанъ.

Отмѣтимъ здѣсь, что столицею Аваріи былъ въ свое время знаменитый аулъ Хунзахъ. Кромѣ Хунзаха, въ Аваріи особенно замѣчательны были, по своему многолюдству, аулы Иргеней, Гимры, Чиркей.

Владѣнія султана Елисуйскаго, граничившія на сѣверо-западѣ съ джаробелоканцами, отдѣлялись отъ ханства Шекинскаго отрогами Саловатскихъ горъ, отъ Кахетіи и Ганжинскаго ханства—рѣками Алазанью и Курою, на сѣверо-востокѣ съ султанствомъ граничили вольныя общества Сутуль, Ахты, Серчинское и Дарчинское. Вся западная часть султанства покрыта южными отрогами Кавказа. Важнѣйшая рѣка здѣсь Капъ-Чай. Земли вольныхъ обществъ наполнены Саловатскимъ хребтомъ и орошаются рѣкою Самуръ. Дженихскій союзъ лезгинъ исчезъ съ теченіемъ времени и слѣды его остались лишь въ видѣ аула Дженихъ на дорогѣ изъ Ширвана въ Джаробелоканскую область. Вольныя общества на своемъ сѣверѣ ограничиваются Алагиндагскимъ горнымъ хребтомъ.

Нѣкоторые географы Кавказа ставятъ въ территоріальную зависимость съ Нагорнымъ Дагестаномъ и ханство Кюринское.

Кюринское ханство соприкасается на сѣверѣ съ мелисумствомъ Табасаранскимъ, на западѣ—съ ханствомъ Казикумыкскимъ, на югѣ—съ вольными обществами и на востокѣ—съ Дербентской областью. Мѣстность покрыта отрогами Саловатскаго хребта, значительно понижающагося къ востоку. Гористость и малоорошаемость сдѣлали почву здѣсь почти непригодною для земледѣлія и лишь на востокѣ почва плодоносна и жители зажиточны. Столицею кюринцевъ считается аулъ Курахъ на рѣчкѣ Кура-Чаѣ.

На востокъ отъ Аварiи жили койсубулинцы, занимавшiе голые утесы и скалы, а на западѣ, въ самой дикой, наиболѣе гористой части Дагестана, по обоимъ берегамъ рѣки Аварское-койсу, жили общества: Буни, Тлохъ, Технуцалъ, Карата, Ункрати.

Нагорный Дагестанъ, благодаря тому, что всю его площадь покрываютъ громоздящіеся другъ на друга скалы, утесы, горы, страпа бѣднѣйшая по растительности и плодородію почвы. Горы не пропускаютъ влажности съ Каспія; рѣчныхъ-же системъ здѣсь только двѣ: Сулакская (Андійское, Аварское, Казикумыкское и Кара-койсу, соединяющіяся всѣ вмѣстѣ въ Сулакъ) и Самурская. Горныхъ рѣчекъ много, но онѣ незначительны и, срываясь съ горъ, бѣгутъ непосредственно въ Каспій, т. е., орошаютъ уже не Нагорный, а Прикаспійскій Дагестанъ. Наиболѣе влажнымъ климатомъ пользуются котловины: Тушинская, Дидойская, Анкратльская и въ нѣкоторыхъ частяхъ Самурская, гдѣ мѣстами есть сосновые лѣса.

Дикая природа и отсутствіе хозяйственныхъ интересовъ выработали изъ нагорныхъ дагестанцевъ природныхъ воителей. Никакіе интересы, кромѣ привычки, не связывали ихъ съ домомъ. Ради пріобрѣтенія часто самаго необходимаго имъ приходилось прибѣгать къ насилію. Каждое племя видѣло въ сосѣдяхъ враговъ, всегда готовыхъ къ нападенію и грабежу. Уже по одному этому мало кто изъ горцевъ Дагестана заботился о накопленіи имущества, богатствъ, даже о своей внѣшности. Было-бы только оружіе — все остальное съ помощью его пріобрѣсть всегда можно.

Дагестанскій горецъ всегда оборванъ, чуть не въ лохмотьяхъ, женщины горцевъ никогда не щеголяли нарядами — зато мужчины обвѣшаны дорогимъ оружіемъ, блистающимъ серебряными украшеніями, „тавлинскій“ кинжалъ всегда отточенъ, винтовка съ роскошно отдѣланнымъ прикладомъ, конь — что „невѣста, убранная на свадьбу“. Всегда горецъ былъ готовъ къ борьбѣ — все равно къ какой: къ нападенію или отраженію нападенія. Селенія горцевъ — аулы — лѣпились, какъ гнѣзда, по уступамъ горъ, и каждая сакля въ нихъ представлялась способною къ отчаянному сопротивленію крѣпостпею. Жизнь и своя, и чужая не считалась ни во что. О разбойничьихъ набѣгахъ на Кахетію, Персію, въ занятое рус-

скимп Предкавказье и говорить нечего: грабежъ здѣсь былъ почетной работой, прибыльнымъ ремесломъ, и наиболѣе отчаянный разбойникъ являлся наиболѣе уважаемымъ человѣкомъ.

Гдѣ ногой ступили мы,
Плачутъ матери и жены,
Слышны вопли, слышны стоны
И среди вечерней тьмы,
Тамъ, гдѣ рѣетъ наше знамя,
Разлилось рѣкою пламя —

такъ воспѣваютъ свои подвиги сами дагестанскіе горцы.

Приморскій Дагестанъ — полный контрастъ съ Нагорнымъ.

Спускаясь къ Каспію, горы, получающія съ него необходимую влажность, роскошно одѣлись растительностью; здѣсь много воздѣланныхъ полей, здѣсь пастбища, лѣса чинаръ и орѣшника. Чѣмъ ближе къ Каспію, тѣмъ все болѣе мѣстность принимаетъ равнинный характеръ. Воды уже много: многоводный Сулакъ на сѣверѣ, могучій Самуръ на югѣ, не считая многихъ мелкихъ рѣчекъ, орошаютъ все Приморье. Тутъ-же и населеніе другое. На сѣверѣ живутъ кумыки, въ центрѣ — казикумыки, или лаки, а на югѣ — татары; среди всѣхъ этихъ племенъ разсѣялось и слилось съ ними еще въ давнымъ давно миновавшія времена множество евреевъ, проникшихъ даже въ горы и тамъ преобразовавшихся въ заправскихъ горцевъ.

Наконецъ, Приморскій Дагестанъ былъ всегда путемъ, по которому ходили въ Европу и изъ Европы завоеватели. Здѣсь проходилъ въ своемъ походѣ на Индію Александръ Македонскій, тутъ побывали орды Чингисъ-хана, Тимура; наконецъ, русское движеніе съ сѣвера въ Закавказье свершалось этимъ-же путемъ, и въ предыдущемъ очеркѣ мы видѣли уже, что Приморскій Дагестанъ въ первой четверти XVIII вѣка уже составлялъ собственность Россіи, присоединенный къ ней могучею волею великаго Петра.

Приморскій Дагестанъ отдѣленъ отъ Нагорнаго Дагестана, или Лезгистана, горными кряжами и раздѣлялся, какъ сказано выше, на шамхальство Тарковское, общества Акунинское и Дженгутаевское, уцмійство Кара-кайдакское, мейсумство Табасаранское. Здѣсь не лишнимъ будетъ сказать, что такія наименованія, какъ шамхальство, уцмійство, мейсумство и пр. суть наслѣдіе того отдаленнѣйшаго времени, когда въ Приморскомъ Дагестанѣ хозяевами

были прицельцы-арабы, установившіе здѣсь образъ правленія и раздѣленіе на административные округи. По вѣроисповѣданію жители Приморскаго Дагестана въ огромномъ своемъ большинствѣ—магометане-сунниты; по своей внѣшности и характеру они имѣютъ много сходства съ лезгинами. Точно такъ-же, какъ и эти послѣдніе, дагестанцы склонны къ разбою, ко всякому насилію и вообще своеволію, лѣнивы, жадны, и среди всѣхъ ихъ особенною склонностью ко всякимъ мятежамъ и возмущеніямъ отличались акушинцы съ своими сосѣдями дженгутаевцами; за этимъ народцемъ, по степени своей безпокойности, слѣдуютъ каракайдаки, особенно прославившіеся своими разбоями па Каспіи. Наиболѣе мирными были здѣсь обитатели шамхальства, короче другихъ знакомые съ русскими и находившіеся въ русскомъ подданствѣ еще со временъ Петра Великаго. Но и тарковцы не прочь были пограбить и вообще поразбойничать, разъ это могло имъ безнаказанно сойти съ рукъ. Тарковцы жили между Сулакомъ и Бол. Кавказомъ, Каспійскимъ моремъ и Аваріей. Главный городъ ихъ былъ Тарки—тотъ самый, который поэтъ Полежаевъ, побывавъ въ немъ, описываетъ такъ:

Я былъ въ горахъ—
Какая радость!
Я былъ въ Таркахъ—
Какая гадость!
Скажу не въ смѣхъ:
Аулъ шамхала
Похожъ не мало
На русскій хлѣвъ...
Большой и длинный,
Обмазанъ глиной,
Нечистъ внутри,
Нечистъ снаружи.
Мечети съ три
Ручьи да лужи.
Кладбища, ровъ
Да рыбный ловъ,
Духанъ, пять лавокъ
И, наконецъ,
Всему вдобавокъ
Вверху дворецъ...

Поэтъ, какъ видно, нисколько не польстилъ столицѣ шамхальства, но и современный Петровскъ недалеко ушелъ отъ Тарковъ, мѣсто которыхъ онъ занимаетъ.

Акушинцы и дженгутаевцы жили на западѣ шамхальства и находились въ зависимости отъ шамхала тар-

ковскаго. Акушинцы жили южнѣе, дженгутаевцы сѣвернѣе. Занимаемая ими область вся покрыта высокими горами, и по характеру своему оба эти племени очень похожи на аварцевъ, съ которыми живутъ бокъ-о-бокъ. Кромѣ многолюдныхъ ауловъ Акуши и Дженгутая — столицъ обществъ, въ ихъ областяхъ были еще многолюдный и богатый аулъ Лавоши, аулъ Кубечи, аулъ Утемишъ, около котораго въ петровскомъ походѣ 1722 года произошла кровопролитная битва наступавшаго русскаго отряда съ десятитысячнымъ скопищемъ каракайдакцевъ, окончившаяся погромомъ послѣднихъ.

Къ югу отъ шамхальства, за Акушинскими горами, лежитъ уцмійство Каракайдагское съ столицею — ауломъ Башлы, а еще южнѣе его, за горами Табасаранскими — меѣсумство Табасаранское, раздѣленное на двѣ области, изъ которыхъ одною правилъ кадій, другою — бекъ.

Столицею Табасарани былъ большой аулъ Гиммеда, гдѣ жилъ кадій, а наиболѣе недоступнымъ по своему нагорному расположенію — аулъ Дювекъ.

Кромѣ всего вышеуказаннаго, въ Приморскомъ Дагестанѣ остается еще узкая приморская полоса отъ рѣки Дербаха до р. Самура. Длина ея около 45 верстъ, ширина—15. Эта полоса именовалась Дербентскою областью — отъ Дербента, важнаго торговаго города, который по справедливости могъ-бы называться столицею всего Дагестана, если-бы Дагестанъ былъ не федераціей народцевъ, а крѣпко сплоченнымъ государствомъ.

О Дербентѣ не разъ уже упоминалось въ предыдущихъ очеркахъ. Напомнимъ здѣсь только, что основаніе его приписывается Александру Македонскому. Внѣ легенды, съ исторической точностью можно отмѣтить, что стѣны Дербента возведены персидскимъ шахомъ Кабадомъ, вступившимъ на престолъ въ 488 году по Р. Хр. Стѣны эти начинались отъ моря и тянулись на сто верстъ до горъ главнаго хребта, по границѣ Аваріи и Казикумыкскаго ханства, какъ-бы являясь ихъ продолженіемъ и ограждая дербентцевъ отъ вражескихъ нашествій съ сѣвера. Отъ этого-то почти у всѣхъ историковъ въ наименованіе Дербента непремѣнно входятъ слова или „ворота“, или „дверь“. У древнѣйшихъ историковъ Дербентъ именуется „Албанскими воротами“, у персіянъ — Дербентъ, что значитъ „Запертый проходъ“, у турокъ — Дамюръ-каши — „Желѣзныя ворота“, Бабуль-абвабъ — „Дверь дверей“, Бабуль-Ходитъ — „Желѣзная дверь“.

Только у арабовъ Дербентъ именовался Сериръ-аль-Догабъ, что значитъ „Золотой престолъ“. Послѣднее наименованіе можно объяснить важнѣйшимъ торговымъ значеніемъ Дербента, сохранившимся за нимъ и понынѣ.

Не одинъ разъ уже на этихъ страницахъ упоминалось о народѣ „кумыки“, „казикумыки“. Эти вѣтви одного и того-же тюркскаго народа сыграли видную роль въ исторіи Кавказскаго края. Они, прежде всего, пришельцы. Кумыки, какъ уже сказано, тюркскаго племени, и нѣкоторые изслѣдователи-антропологи увѣряютъ, что это — потомки древнихъ хозаръ, сдвинутыхъ сюда еще во времена сѣдой древности. По ихъ имени вся обширная равнина на сѣверо-востокѣ Понто-Каспійскаго перешейка, у подошвы Андійскаго хребта, ограниченная южнымъ рукавомъ дельты Терека и рѣкою Сулакомъ съ сѣвера и юга, побережьемъ Аграханскаго залива на востокѣ и подошвами нижнихъ отроговъ Андійскаго хребта на юго-западѣ и рѣкою Аксаемъ, затѣмъ Чечней и Терекомъ на западѣ, называется Кумыкской плоскостью. По плоскости этой текутъ рѣки Аксай, Яманъ-су, Ярыкъ-су и Акташъ. Климатъ равнины благодатный, по плодородію это — одна изъ наибогатѣйшихъ мѣстностей всего Кавказа. Населеніе — кумыки и ногайцы. Сюда-то къ нимъ и направлялись первыя и наиболѣе серьезныя покушенія русскихъ; по Кумыкской плоскости проходили и народы азіатскаго Востока въ Европу. Отряды Чингисъ-хана прошли черезъ эти открытыя ворота Азіи на Русь. Но и русскіе впослѣдствіи продвинулись черезъ кумыковъ и ногаевъ въ Закавказье. На Терекѣ и Акташѣ были первыя поселенія придвинувшихся съ Дона и Волги „воровскихъ“ казаковъ. Въ дельтѣ Терека стояла первая казацкая крѣпостца Терки, затѣмъ Терская крѣпость. Здѣсь-же была Тюмень — сборное мѣсто всѣхъ „воровскихъ людей“ Европы и Азіи. Наконецъ, отсюда-же началось древнѣйшее шамхальство Тарковское съ своей столицею Тарки, на мѣстѣ которой находится нынѣшній Петровскъ. Благодаря тому, что Кумыкская плоскость не представляетъ естественныхъ преградъ для вооруженныхъ вторженій, кумыки часто входили въ столкновеніе съ лезгинами Дагестана, чеченцами, кабардинцами и осетинами. Отъ этого здѣсь замѣчается необыкновенное смѣшеніе племенъ. Есть поселенія, жители которыхъ, живя вмѣстѣ, говорятъ на рѣзко отличающихся другъ отъ друга нарѣчіяхъ. Таковъ, напримѣръ, аулъ Эндери

(Андреева деревня—у русскихъ). Въ подданствѣ у Россіи кумыки состоятъ съ 1559 года, но подданство это было только номинальное. Въ дербентскій походъ Петра Великаго кумыки были окончательно присоединены къ Россіи и оставались ей вѣрными во все остальное время, не участвуя, по крайней мѣрѣ, въ той титанической борьбѣ, которую вели противъ надвигавшейся Руси остальныя народности Кавказа.

Кумыки по своему характеру рѣзко отличаются отъ горцевъ. Они разсудительны, покорны, вѣрны своему слову, до нѣкоторой степени философы, но не прочь и отъ веселаго времяпрепровожденія. Хищничества въ нихъ нѣтъ, и грабежи вовсе не считаются признаками удальства или молодечества. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, кумыки, также и ногайцы храбры, что и не разъ доказывали при совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ русскими. Кровомщеніе за обиды у нихъ хотя и есть, но оно всегда можетъ быть устранено путемъ примиренія. Сверхъ всего этого, кумыки легко поддаются европейской культурѣ и въ послѣднее время даже мѣняютъ свое восточное, персидскаго и горскаго покроя, платье на европейскіе костюмы. По религіи кумыки — сунниты *). Живутъ они осѣдло и, благодаря плодородію почвы, могутъ считаться весьма зажиточнымъ народомъ.

Таковъ этотъ народъ, имѣвшій большое вліяніе на ходъ событій во время движенія Руси на азіатскій Востокъ.

Теперь возвратимся къ горскимъ племенамъ, заселявшимъ Кавказскій хребетъ.

Нагорный Дагестанъ — страна голодная, не могущая прокармливать своихъ обитателей, зато къ нему совсѣмъ тѣсно примыкаетъ другая страна, которая и понынѣ называется „житницей Дагестана“.

Это — Большая и Малая Чечня, называемая такъ русскими отъ аула Чечень на Аргуни, гдѣ организовалось самое сильнѣйшее сопротивленіе русскимъ силамъ и гдѣ всегда тлѣлись искры мятежей, возстаній, набѣговъ и вообще всякой борьбы, когда пришло время покоренія Кавказа. Чтобы ясно представить себѣ территорію Чечни,

---

*) Магометанство дѣлится на два враждебныхъ другъ другу религіозныхъ толка, или секты—шіитовъ и суннитовъ. Шіиты слѣдуютъ ученію Али, зятя Магомета, и его потомковъ, сунниты слѣдуютъ правиламъ и религіознымъ установленіямъ господствовавшихъ въ Аравіи калифовъ

необходимо взглянуть на карту. Съ сѣвердить ни своей ню ограничиваютъ Терекъ и Качкалыкихъ, какъ звѣря кряжъ, отдѣляющій ее отъ Кумыкской степто дорого ихъ Чечня граничитъ съ Кабардою, на югѣ еяниму грудного дійскій хребетъ и Большой Кавказъ, а на вмъ, гдѣ ра-Актащъ отдѣляетъ Чечню отъ Дагестапэ. Сунджтвы моей, Терека, дѣлитъ эту страну на двѣ почти равнывю или Большую или возвышенную Чечню (по правому берхъ, Сунджи) и Малую или низменную (по лѣвому берегу).

Чеченцы сами себя называютъ нахчойцы, нахче, что значитъ „народъ“, лезгины и кумыки называютъ ихъ мисджегами, грузины—кистами; чеченцами-же ихъ, какъ уже сказано выше, называютъ только русскіе. Точно такъ-же, какъ и горные дагестанцы, чеченцы дѣлятся на множество племенъ, изъ которыхъ въ недавнемъ историческомъ прошломъ Чечни наиболѣе выдающимися были албинцы, атагинцы, ауховцы, назрановцы, карабулаки, джерахи, галгаи, мичиковцы, качкалыковцы, ичкеринцы; сюда-же присоединяютъ и ингушей. Большинство этихъ названій дано чеченцамъ уже русскими и самимъ имъ неизвѣстно. Сосѣди называютъ ихъ также Мычкизъ.

Какъ можно догадываться по нѣкоторымъ народнымъ преданіямъ, чеченцы—это выселенцы изъ Нагорнаго Дагестана. Сперва они спустились по сѣвернымъ склонамъ Андійскаго и Большекавказскаго хребтовъ и запяли плодородпыя равнины по Сунджѣ и Аргуни, Гойтѣ, Чохѣ и др. притокамъ Сунджи.

Мѣстность эта была сплошь покрыта лѣсами и представляла удобства для защиты въ случаѣ нападенія; единоплеменники-же чеченцевъ—тавлинцы—не замедлили послѣдовать за своими выселенцами и, конечно, съ цѣлями грабежа. Тавлинцы сдвинули чеченцевъ къ Аргуни, но тѣ нанесли имъ на берегахъ этой рѣки такое пораженіе, что до сихъ поръ для обозначенія ничего не стоющихъ вещей у чеченцевъ существуетъ выраженіе: „дешевле, чѣмъ тавлинскія папахи“. Когда произошло это событіе, въ исторіи указаній нѣтъ, легенды-же чеченскія тоже не дали на этотъ счетъ никакихъ опредѣленныхъ указаній. Впрочемъ, есть свѣдѣнія, что въ XVII столѣтіи чеченцы выдерживали отчаянную борьбу съ ногайскими татарами, кабардинцами и кумыками. Съ русскими чеченцы вошли въ соприкосновеніе лишь въ 1708 г., во время похода астраханскаго губернатора Апраксина.

Свое происхожденіе, или, вѣрнѣе, политическое объедп-

(Андреева деревнихъ общинъ, сами чеченцы въ легендахъ кумыки состоятніяхъ приписываютъ нѣкоему Али-Арабу, только номина Дамаска, поселившемуся въ верховьяхъ каго кумыки балгаевъ. Али взялъ не силой, а умомъ и и оставалис краснорѣчіемъ. Сынъ его, Начхоо, по проучаствуя, рпиль, что значитъ богатырь, сталъ народнымъ которую, и чеченцы считаютъ его своимъ родоначальни-нарь.

Чеченцы, какъ мужчины, такъ и женщины, наружностью чрезвычайно красивый народъ. Они высоки ростомъ, очень стройны, физіономіи ихъ, въ особенности глаза, выразительны; въ движеніяхъ чеченцы проворны, ловки; по характеру они всѣ очень впечатлительны, веселы и остроумны, за что ихъ называютъ „французами Кавказа“, но въ то-же время подозрительны, вспыльчивы, вѣроломны, коварны, мстительны. Когда они стремятся къ своей цѣли, для нихъ хороши всѣ средства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чеченцы неукротимы, необыкновенно выносливы, храбры въ нападеніи, защитѣ и въ преслѣдованіи. Это—хищники, какихъ немного среди горныхъ рыцарей Кавказа; да и сами они не скрываютъ этого, избирая среди царства животныхъ своимъ идеаломъ волка.

Всѣхъ звѣрей сильнѣе левъ,
Птицъ сильнѣе всѣхъ орелъ.
Кто-жъ, слабѣйшихъ одолѣвъ,
Въ нихъ добычи-бъ не напелъ?
Слабый волкъ на тѣхъ идетъ,
Кто его порой сильнѣй,
И его побѣда ждетъ,
Если-жъ смерть—то, встрѣтясь съ ней,
Волкъ безропотно умретъ!—

такъ превозносятъ чеченскія пѣсни отвратительнѣйшаго изъ хищниковъ животнаго царства.

Неукротимость, своеволіе и не дикость, а хищные инстинкты породили среди чеченцевъ на почвѣ кровомщенія абречество. Абрекъ — это нѣчто дико-безумное по самому своему существу, это — человѣкъ, принявшій на себя обрядъ долгой кровавой мести и отчужденія отъ общества подъ вліяніемъ какого-либо сильнаго горя, обиды, потери или несчастія. Что такое абрекъ, лучше всего видно изъ клятвы, которую давалъ чеченецъ, вступая въ число абрековъ:

„Я, сынъ такого-то, сынъ честнаго и славнаго джигита, клянусь святымъ, почитаемымъ мною мѣстомъ, на которомъ стою, принять столько-то-лѣтній подвигъ абрече-

ства, — и во дни этихъ годовъ не щадить ни своей крови, ни крови всѣхъ людей, истребляя ихъ, какъ звѣря хищнаго. Клянусь отнимать у людей все, что дорого ихъ сердцу, ихъ совѣсти, ихъ храбрости. Отниму грудного младенца у матери, сожгу домъ бѣдняка, и тамъ, гдѣ радость, принесу горе. Если-же я не исполню клятвы моей, если сердце мое забьется для кого-нибудь любовью или жалостью, пусть не увижу гробовъ предковъ моихъ, пусть родная земля не приметъ меня, пусть вода не утолитъ моей жажды, хлѣбъ не накормитъ меня, а на прахъ мой, брошенный на распутьѣ, пусть прольется кровь нечистаго животнаго".

Встрѣча съ абрекомъ — несчастіе, и вотъ какъ описываетъ ее одинъ изъ путешественниковъ:

„Если вы, — говоритъ онъ, — завидѣли въ горахъ кабардинку, опушенную бѣлымъ шелкомъ шерсти горнаго козла, и изъ-подъ этихъ прядей шелка, раскинутыхъ вѣтромъ едва-ли не по плечамъ наѣздника, мутный, окровавленный и безумно блуждающій взоръ, бѣгите отъ владѣтеля бѣлой кабардинки, это — абрекъ. Дитя-ли, женщина-ли, дряхлый-ли безсильный старикъ — ему все равно, была-бы жертва, была-бы жизнь, которую онъ можетъ отнять, хотя-бы съ опасностью потерять свою собственную. Жизнь, которою наслаждаются, для него смертельная обида. Любимое дѣло и удаль абрека — надвинувши на глаза кабардинку, проскакать подъ сотнею ружейныхъ или винтовочныхъ стволовъ и врѣзаться въ самую середину врага".

„Слово „абрекъ" значитъ заклятый. И никакое слово такъ рѣзко не высказываетъ назначеніе человѣка, разорвавшаго узы дружбы, кровнаго родства, отказавшагося отъ любви, чести, совѣсти, состраданія, словомъ — отъ всѣхъ чувствъ, которыя могутъ отличить человѣка отъ звѣря. И абрекъ поистинѣ есть самый страшный звѣрь горъ, опасный для своихъ и чужихъ: кровь — его стихія, кинжалъ — неразлучный спутникъ, самъ онъ — вѣрный и низмѣнный слуга шайтана"... „Абреки нерѣдко составляли небольшія партіи или шли во главѣ партій, перенося всю силу своей ненависти на русскихъ. И встрѣча съ ними войскъ неизбѣжно вела за собою кровопролитныя схватки. Абрековъ можно было перебить, но не взять живыми".

Таковы были чеченцы; совсѣмъ противоположны имъ по своему нраву кабардинцы и черкесы.

Кабарда раздѣляется на Большую и Малую Кабарды. Малая Кабарда, граничa съ Чечней, опредѣляется угломъ, образуемымъ Терекомъ при впадеціи въ него р. Малки. Большая Кабарда начинается отъ верховьевъ Малки, доходитъ по Джинальскому хребту до ея устья и затѣмъ на востокѣ ограничивается Терекомъ. На югѣ ее ограничиваютъ Черныя и Кабардинскія горы; на западъ за Большою Кабардою до восточнаго черноморскаго побережья, ограничиваемыя съ сѣвера Кубанью и Малкой и съ юга Большимъ Кавказомъ, оба склона котораго они занимали, жили черкесскія племена, составлявшія въ общемъ цѣломъ народъ адыге. Наиболѣе извѣстныхъ ихъ племенъ одиннадцать. Самымъ воинственнымъ были абадзехи, жившіе въ долинахъ рѣкъ Бѣлой, Лабы, Пшиша, Псекупса, т. е., на сѣверномъ склонѣ Большого Кавказа. Затѣмъ по р. Упсину съ притоками обитали шапсуги. На берегу Чернаго моря, между Анапою и устьемъ Туапсе, а также по Кубани до Адагума — натухайцы, около нихъ бесленеевцы, а западнѣе послѣднихъ егарукайцы и метешенцы. Между рѣками Скагуаше и Пшишъ обитали гатюкаевцы; сѣвернѣе—темиргои и бжедухи и, наконецъ, джанеевцы и помѣсь всѣхъ черкесскихъ племенъ — убыхи. За землею убыховъ, по черноморскому побережью, въ нынѣшней Кутаисской губерніи, отъ рѣки Ингура до рѣки Бзыба, жили абхазы, джихи, или садзы — до рѣки Сочи и абазинцы. Послѣднія три племени, подъ общимъ наименованіемъ абхазовъ, составляютъ отдѣльную группу черкесовъ, которыхъ всѣхъ вообще раздѣляютъ на адыге, кабардинцевъ и абхазовъ.

Наиболѣе замѣчательнымъ были среди этихъ племенъ кабардинцы. Кабардинцы — это аристократы Кавказа. Они никогда не были стиснуты горами. Кабарда выдвинулась въ предгорныя равнины Сѣвернаго Кавказа, сливающіяся съ южно-русскими степями. Характеръ мѣстности налагаетъ свои особенности и на характеры своихъ жителей. Кабардинцы храбры, честны, вовсе не склонны къ вѣроломству и коварству, какъ чеченцы; они красивы собою и очень внимательно относятся къ своей внѣшности. „Онъ одѣтъ, какъ кабардинецъ“, говорятъ на Кавказѣ про горца, отличающагося умѣньемъ хорошо одѣться. Кабардинцы изящны въ движеніяхъ, отличаются изысканною деликатностью и, какъ выше сказано, благородствомъ своего характера. Кабардинецъ рѣдко лжетъ и никогда не обманываетъ даже своего врага. Во времена

глубокой древности они уже вошли въ соприкосновеніе съ русскими, ходили въ Крымъ, гдѣ равнина между р.р. Бельбекомъ и Кагелъ и до сихъ поръ называется Черкесскою.

Кабардинцы, какъ народъ, имѣютъ свою исторію. Преданіе говоритъ, что они переселились сюда въ незапамятныя времена, причемъ первымъ ихъ главою былъ какой-то Кабарда Тамбіевъ. Византійскій императоръ Юстиніанъ распространилъ среди кабардинцевъ христіанство, продержавшееся у нихъ до половины XVIII столѣтія, когда оно вслѣдствіе небрежности тогдашняго русскаго правительства было вытѣснено магометанствомъ, благодаря чему кабардинцы стали во враждебное положеніе по отношенію къ русскимъ. Мусульманство такъ глубоко овладѣло Кабардою, что подъ вліяніемъ его кабардинцы стали считать своимъ родоначальникомъ выходца араба Инала и совсѣмъ позабыли, что Редадя, или Редедя, боровшійся съ Мстиславомъ Удалымъ, былъ ихъ княземъ, что Марія, дочь ихъ знаменитѣйшаго князя Темрюка, была женою русскаго Грознаго царя, что при сынѣ этого-же Грознаго Кабарда вошла въ составъ русскихъ владѣній. Забыли кабардинцы, что во время дагестанскаго похода великаго Петра они были на его сторонѣ и сдержали ингушей, осетиновъ, абазинцевъ и горскихъ татаръ отъ нападеній на петровскія дружины. Во время рѣшительной борьбы за Кавказъ Русь въ кабардинцахъ, а также и въ чеченцахъ встрѣтила себѣ наиболѣе энергичныхъ и упорныхъ противниковъ.

Говоря объ исторіи кабардинцевъ, нельзя не отмѣтить слѣдующаго. Въ недавнемъ еще прошломъ Большая Кабарда раздѣлялась на три поколѣнія: Атажукова, Миссоустова и Джембулатова. Всѣ эти три колѣна выводятъ свой родъ отъ выходца изъ Аравіи по имени Кеса. У Кеса были сыновья: вышеупомянутые Иналъ и Шамбокъ Отъ сыновей перваго и произошли кабардинскіе владѣльцы, причемъ потомки младшихъ сыновей истребили весь родъ старшаго сына Инала-Шеченуха. Отъ Шамбока произошли владѣльцы бесленеевскіе и абазинскіе. Впослѣдствіи число владѣльцевъ такъ умножилось, что для нихъ уже не стало хватать земли, въ качествѣ отдѣльныхъ владѣній. Тогда изъ безземельныхъ потомковъ Инала образовался классъ узденей — кабардинскихъ дворянъ, явившихся въ Кабардѣ первенствующимъ сословіемъ. Несмотря на то, что князь, или владѣлецъ, для кабар-

динцевъ былъ всегда священной особою, онъ все-таки безъ узденей не имѣлъ никакого значенія и во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ непремѣнно долженъ былъ призывать ихъ на совѣтъ.

Нѣчто вродѣ кабардинскихъ узденей, но съ меньшимъ, даже ничтожнымъ, значеніемъ, извѣстно было и у черкесовъ-адыге подъ общимъ наименованіемъ „воркъ“.

Адыге, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, представляетъ собою искаженіе слова „антихе“ — человѣкъ (отъ древнѣйшаго „антъ“ — человѣкъ), представляютъ изъ себя одинъ изъ наиблагороднѣйшихъ народовъ Кавказа. Отличительныя свойства ихъ характера — храбрость, удальство, рыцарство въ отношеніи къ врагамъ, великодушіе и гостепріимность. Мужчины и женщины черкесскіе и понынѣ славятся своей красотою и граціей, но бытъ ихъ гораздо грубѣе быта кабардинцевъ. Сказывается гористость и чрезъ это замкнутость ихъ родины. Черкесы жестоки и даже свирѣпы, хотя ни коварства, ни вѣроломства въ нихъ нѣтъ.

Имя черкесовъ они получили отъ древнихъ грековъ, которые называли ихъ керкетъ. Въ глубокой древности они занимали весь Западный Кавказъ и даже Крымъ. Культуру свою вмѣстѣ съ христіанствомъ они получили изъ Византіи, хотя по грубости своихъ нравовъ воспріяли послѣднее только внѣшне, примѣшивая къ нему всевозможныя языческія обрядности. Въ глубокой древности черкесы были все-таки образованнымъ и высококультурнымъ народомъ. У нихъ были и живопись, и ваяніе, они знали и литейное искусство, что уже доказано раскопками. Древнѣйшимъ городомъ Черкесіи былъ Бергусантъ, на мѣстѣ котораго нынѣ казачья станица Бургустанъ.

Первый ударъ культурному процвѣтанію черкесовъ нанесъ въ VI вѣкѣ аварскій ханъ Баянъ, разгромившій дотла всю Черкесію. За аварами сюда приходили калмыки, хозары, славяне, посѣтилъ Черкесію и „бичъ Божій“ — Атилла, доходившій съ своими скопищами гунновъ до Шатъ-горы. Нападали на черкесовъ и ихъ ближайшіе сосѣди, и все это въ концѣ концовъ обратило прекрасный мирный народъ въ неустрашимыхъ воителей, для которыхъ война явилась единственной цѣлью жизни.

Третій черкесскій народъ — абхазы, какъ сказано выше, занимаетъ восточное побережье Чернаго моря. Абхазія — прекрасная страна, дивный по своимъ красо-

тамъ уголокъ. Здѣсь, подъ открытымъ небомъ, растутъ лимонныя, персиковыя и чайныя деревья, цвѣтутъ розы и лавры, растутъ пальмы, а громадные дѣвственные лѣса неприступнѣе и болѣе дики, чѣмъ лѣса Мингреліи и Имеретіи. Всякая растительность, имѣющая характеръ травъ и кустовъ, подъ вліяніемъ абхазскаго солнца принимаетъ древообразныя формы, достигая гигантскихъ размѣровъ. Топколиственныя азаліи *), съ своими красивыми желтыми цвѣтами, испускающими тяжелый, одуряющій запахъ, вытягиваются до шести аршинъ и покрываютъ собою долины и поля Самурзакани и Абхазіи; гигантскій папоротникъ встрѣчается въ видѣ густыхъ и частыхъ посѣвовъ; колѣнчатый рододендронъ **) — краса Черноморскаго прибрежья, съ длинными листьями и роскошными лиловыми букетами, образуетъ цѣлыя чащи по скатамъ и оврагамъ. И надо всѣмъ этимъ раскидываютъ темнозеленую листву античныя деревья: чинаръ, букъ, каштанъ и пальма...

Край этотъ могъ-бы считаться однимъ изъ прекраснѣйшихъ уголковъ земного шара, если-бы не его нездоровый климатъ. Громадные лѣса, особенно колоссальные папоротники, скрываютъ подъ собою болота, служащія источникомъ губительныхъ лихорадокъ. Опытъ показалъ, однако-же, что если папоротникъ выкашивать три года кряду, то онъ погибаетъ окончательно, и тогда на мѣстѣ нездоровыхъ болотъ образуются превосходные покосы и луга. Это обстоятельство такъ важно и такъ очевидно, что передъ нимъ не устояла даже классическая лѣнь абхазцевъ, и тамъ, гдѣ они истребляли папоротникъ, климатъ быстро измѣнялся къ лучшему.

Богатая почва Абхазіи, казалось, должна-бы служить источникомъ довольства и даже роскоши для ея обитателей. Въ дѣйствительности она-то и служитъ причиною ихъ крайней бѣдности. Абхазцы сѣютъ только гоми ***) и кукурузу ****), которыя не требуютъ ухода и даютъ чудовищные урожаи; и потому абхазецъ работаетъ въ теченіе года много 20 — 30 дней, а остальное время проводитъ въ безпечной бродяжнической жизни. Только немногіе изъ нихъ промышляютъ ловлею дельфиновъ, которыхъ у береговъ Чернаго моря такъ много, что они

---

*) Декоративное растеніе изъ семейства вересковыхъ.
**) Декоративное кустарниковое растеніе.
***) Родъ проса.
****) Хлѣбное растеніе — то-же, что маисъ.

нерѣдко опрокидываютъ каюки охотниковъ, но абхазцы этого не боятся, потому что плаваютъ не хуже дикарей океанійскихъ острововъ *).

Абхазское племя занимало не одну Абхазію; оно жило также въ Самурзакани и Цебельдѣ, и, наконецъ, по ту сторону Кавказскаго хребта, въ землѣ абазиновъ. Самурзакань, населенная преимущественно выходцами изъ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, подчинялась мингрельскимъ Дадіанамъ; но власть этихъ послѣднихъ была чисто номинальною. Цебельда всегда оставалась независимою; это было просто небольшое разбойничье племя, жившее въ неприступныхъ верховьяхъ Кодора, откуда оно не давало покоя даже самимъ абхазцамъ. Абазинцы, малочисленное племя, въ сущности, тѣ-же абхазцы, которые покинули родину вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, ссоръ и кровомщеній, и, перевалившись черезъ Кавказскій хребетъ, поселились среди закубанскихъ черкесовъ, между истоками Зеленчука и Бѣлой; отъ коренныхъ абхазцевъ они отличались болѣе суровою воинственностью и чистотою нравовъ. Абазинцы дѣлились на алтыкеэековъ, или „шестиродныхъ“, каковое наименованіе получили они отъ шести управлявшихъ ими князей, кочевавшихъ въ степныхъ пространствахъ Предкавказья, башилбаевъ, жившихъ между истоками рѣкъ Уруна и Бол. Зеленчука и славившихся удальствомъ и разбоями, а затѣмъ гаграевъ, казылбековъ, баракаевъ, обитавшихъ между Лабой и Уруномъ. Эти племена, точно такъ-же, какъ ногайскія племена карачаевцевъ, чеченъ, жниховъ и балкаровъ, были въ большой зависимости отъ Кабарды, но, сосѣдя съ Имеретіей, все-таки отличались нѣкоторою культурностью.

Большинство абхазцевъ—сунниты, но они были когда-то христіанами, потомъ, подъ вліяніемъ Турціи, приняли исламъ, затѣмъ многіе снова возвратились къ христіанству, и, въ концѣ концовъ, не было у нихъ ни одной религіи, которая сохранила-бы свою чистоту. И христіане, и магометане одинаково исполняли лишь наружные обряды, и только одни абазинцы придерживались строго магометанскаго закона. Не отличаясь религіозностью, абхазецъ въ то-же время не отличался ни умственными способностями, ни строгою нравственностью. Въ его національномъ характерѣ рѣзко выдѣлялись: отвращеніе

*) В. Потто. Очерки «Абхазіи».

къ честному труду; воровскія наклонности, корыстолюбіе и вѣроломство. „Помоги тебѣ Богъ,—говорила мать, благословляя сына и передавая ему въ первый разъ шашку;—пріобрѣсти этою шашкою много добычи и днемъ, и ночью“,—иначе сказать: путемъ правымъ и неправымъ. Вся слава абхазца состояла въ томъ, чтобы бродить изъ одного мѣста въ другое, воровать чужой скотъ и имущество, а при удачѣ—и самихъ поселянъ для продажи въ неволю. Позднѣе, подъ властью русскихъ, торговля людьми стала для нихъ трудна, если не совершенно недоступна; но воровать можно было почти попрежнему, отдѣлываясь только временнымъ заключеніемъ, а выпущенный изъ-подъ ареста абхазецъ не безъ гордости говорилъ, что онъ воротился изъ плѣна.

Убить кого-нибудь изъ-за засады было въ Абхазіи дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, чему способствовали густые лѣса, гдѣ, даже видя непріятеля, не всегда возможно было до него добраться. То и дѣло получались извѣстія о солдатахъ, о казакахъ, даже о самихъ абхазцахъ, убитыхъ въ лѣсу невѣдомо кѣмъ; и хотя все это обыкновенно валилось на цебельдинцевъ, но справедливость требуетъ сказать, что никто такъ не способенъ пырнуть ножемъ изъ-за угла, какъ житель самой коренной Абхазіи. Всѣ народы абхазскаго племени носили черкесскую одежду, которая отличалась, однако-же, двумя особенностями, неважными, но весьма примѣтными для жителей горъ: черкеска абхазцевъ была гораздо короче черкески сосѣднихъ съ ними племенъ адыге, а башлыкъ они обвивали около шапки въ видѣ чалмы, чего никогда не дѣлали черкесы; кромѣ того, у черкесовъ башлыкъ всегда былъ бѣлаго цвѣта, а у абазинцевъ и абхазцевъ черный или коричневый. Когда-то Абхазія славилась своими красавицами, и у абазинцевъ остались еще яркіе слѣды женской красоты этого племени; всѣ женщины тамъ безусловно прекрасны, и турки, скупая горскихъ красавицъ, до послѣднихъ дней предпочитали имъ только гуріекъ. Но изъ коренной Абхазіи давно уже вывезены лучшіе женскіе типы за море; на долю туземцевъ осталась только посредственность, и красота мужчинъ рѣзко преобладаетъ теперь надъ красотою женщинъ.

Говоря о населеніи Кавказа, никоимъ образомъ нельзя пройти молчаніемъ незначительныя по количеству, но въ то-же время ярко типичныя горныя племена: пшавовъ и

хевсуровъ, обитавшихъ и обитающихъ частью въ ущельяхъ, частью на южныхъ склонахъ главнаго хребта.

Хевсуры — племя исчезающее; ихъ теперь насчитывается всего около семи тысячъ душъ обоего пола. Живутъ они на склонахъ центральнаго Кавказа, въ верховьяхъ Арагвы-Аргуни, окруженные ближайшими своими сосѣдями: пшавами, кистами или коренными чеченцами, тушинцами и грузинами. Насколько можно судить объ этомъ народцѣ по его языку и по внѣшнему виду— это, такъ сказать, одичавшіе еще въ незапамятныя времена грузины, удалившіеся въ силу какихъ-то особенныхъ обстоятельствъ въ горы. Къ нимъ сходились выходцы изъ другихъ племенъ, по большей части, отверженцы, для которыхъ родина была потеряна. Въ результатѣ оказалось смѣшанное племя, въ представителяхъ котораго можно было-бы узнать всѣ народности Кавказскаго края. Строго опредѣленной масти среди хевсуровъ не наблюдается. Между ними есть и блондины, и брюнеты, не мало также и огненно-рыжихъ. То-же самое замѣтно и въ отношеніи тѣлостроенія: есть и великаны, есть и чуть-ли не карлики, но у всѣхъ хевсуровъ въ тѣлостроеніи замѣтна общая черта: хевсуры — и мужчины, и женщины — отличаются рѣдкой худощавостью, но это ведетъ лишь къ тому, что всѣ они очень подвижны, ловки, неутомимы. По складу характера хевсуры храбрецы, какихъ мало, но храбрость ихъ честная. Они предпочитаютъ открытый бой, и вѣроломство почти отсутствуетъ въ ихъ характерѣ. Отличительныя-же черты характера этого народа: добродушіе, гостепріимство, общительность, любовь поговорить, часто граничащая съ страстью къ болтовнѣ; хевсуры очень любятъ повеселиться, попраздновать, придравшись ко всякому, порой даже незначительному, случаю. Въ то-же время они необыкновенно горды, преисполнены самоуваженія, и на этой почвѣ у нихъ развилась чрезвычайная вспыльчивость, часто ослѣпляющая ихъ до того, что въ своемъ ослѣпленіи эти люди не останавливаются даже передъ массовымъ кровопролитіемъ только ради удовлетворенія минутной вспышки гнѣва.

Себя, какъ народъ, хевсуры производятъ отъ еврея, сопровождавшаго знаменитую царицу Тамарь при ея объѣздахъ владѣній; объ этомъ говорятъ ихъ легенды, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, испоконъ вѣковъ хевсуры были христіанами.

Пусть это ихъ христіанство было только внѣшнее, но все-таки они не измѣнили ему даже подъ страшнымъ давленіемъ персовъ и туроқъ — давленіемъ столь сильнымъ, что ему не могли противиться даже могучіе своими духовными силами кабардинцы и народы адыге. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что давленіе магометанъ все-таки оставило свой слѣдъ. Такъ, хевсуры празднуютъ не только воскресенье, но и магометанскую пятницу, да къ этому еще и еврейскую субботу, такъ что на недѣлѣ три дня у нихъ—праздничные. Кое-что осталось въ религіозномъ воззрѣніи хевсуровъ и отъ отдаленнаго вѣками язычества. До недавняго времени у нихъ существовала жреческая іерархія, были капища, приносились кровавыя жертвы, но все-таки кое-что изъ этого пріурочивалось къ христіанскимъ праздникамъ, такъ что въ общемъ получилась очень пестрая религіозная смѣсь христіанства съ магометанствомъ, съ деизмомъ и идолопоклонствомъ.

Хевсуры, даже и въ настоящее время, представляютъ изъ себя племя обособленное. Замкнутые въ своихъ горахъ, они не поддались вѣяніямъ современной культуры. Въ особенности это замѣтно на вооруженіи хевсуровъ. Даже теперь, въ XX столѣтіи, хевсуры носятъ латы, кольчуги, панцыри. Они недавно еще оставили луки и стрѣлы, замѣнивъ ихъ отжившими свой вѣкъ кремневыми ружьями. Кто помнитъ майскіе парады при императорѣ Александрѣ II, тотъ, навѣрно, не забылъ всегда появлявшихся въ конвоѣ государя гигантовъ, конныхъ воиновъ въ панцырныхъ рубашкахъ, съ панцырными капюшонами, съ наполненными стрѣлами колчанами съ одной стороны сѣдла и тугими луками — съ другой Это были, именно, хевсуры, всегда возбуждавшіе своимъ появленіемъ не малое удивленіе среди толпы народа.

Изъ-за гористости почвы Хевсурія—страна бѣдная. Земледѣліе очень затруднительно, и лучшимъ доказательствомъ хевсурской бѣдности является тотъ фактъ, что хевсурскія дѣвушки, ради того, чтобы имѣть въ бракѣ поменьше дѣтей, выходятъ замужъ не моложе двадцати лѣтъ, да и помимо этого у хевсуровъ испоконъ вѣковъ установился обычай, имѣющій среди нихъ чуть-ли не силу закона, что каждая сожительствующая пара можетъ имѣть никакъ не болѣе троихъ дѣтей. Вообще установившіеся обычаи хевсуровъ ставятъ всяческія препятствія чадородію. Такъ, напр., глава семьи долженъ спать от-

дѣльно отъ жены и непремѣнно въ верхнемъ этажѣ своей сакли, тогда какъ жена помѣщается въ нижнемъ этажѣ. Такіе строгіе обычаи ведутъ къ тому, что численность хевсуровъ годъ отъ году все уменьшается, и недалеко то время, когда память объ этомъ племени останется только на страницахъ исторіи.

Сосѣди хевсуровъ — пшавы живутъ по Арагвѣ ниже первыхъ, а также населяютъ оба берега Іоры, приблизительно въ нынѣшнемъ Тіонетскомъ уѣздѣ Тифлисской губ. Несмотря на то, что этотъ народецъ численностью своею едва достигаетъ десяти тысячъ душъ, онъ все-таки дѣлится еще на мелкіе родовые союзы — общины, которыя, въ свою очередь, составляются изъ семейныхъ союзовъ или просто семей. Всѣхъ такихъ родовыхъ союзовъ у пшавовъ недавно насчитывалось двѣнадцать, дѣлившихся на семьи. Основаніемъ первыхъ является культъ общаго предка, основаніемъ вторыхъ является культъ умершихъ посредствомъ духовнаго общенія съ ними, главою рода является хевисъ-бери — „почетный старецъ ущелья“, облеченный еще недавно свѣтскою властью, а духовной и понынѣ. Глава семьи — мамакаци и дедакаци — „большакъ и большуха“. Имъ принадлежала не только свѣтская, но и духовная власть. Помимо естественнаго прироста, общины и семьи пополнялись также путемъ допущенія пріемышей, которые, вступивъ въ семьи, получали всѣ права ея коренныхъ членовъ.

По происхожденію своему, пшавы, точно такъ-же, какъ и хевсуры — одичавшіе-грузины-горцы. Отличительною ихъ чертою является неустрашимая, даже можно сказать, буйная храбрость. Когда во времена сѣдой древности явился на Кавказъ знаменитый римскій полководецъ Помпей, онъ не могъ покорить Риму пшавовъ—такой энергичный отпоръ они дали его легіонамъ. Впрочемъ, это можно объяснить себѣ скорѣе всего тѣмъ, что своими горами пшавы отрѣзаны отъ остальнаго края и доступъ къ нимъ очень труденъ. Такъ-же, какъ и хевсуры, пшавы—христіане, но такъ-же ихъ христіанство не безъ посторонихъ примѣсей. Они почитаютъ христіанскихъ святыхъ, а между ними особеннымъ поклоненіемъ пользуются Богородица, Архангелъ (?!) и Георгій Побѣдоносецъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, почитаніемъ ихъ пользуются и языческія олицетворенія силъ природы. Царицу Тамарь пшавы считаютъ въ числѣ своихъ святыхъ, причемъ святымъ считаютъ и ея сына, Лаша. Хевисъ-бери въ военное время предводитель-

валъ дружинами ушавовъ, а въ мирное исполнялъ всевозможныя требы: крестилъ, вѣнчалъ, исповѣдывалъ, причащалъ, хоронилъ и т. д. Помощникъ-же „почетнаго старца ущелья“—„дастури“—приносилъ кровавыя жертвы и вообще являлся жрецомъ уже идолопоклонниковъ. Языческія воззрѣнія ушавовъ—олицетвореніе силъ природы, героевъ древности и пр.—ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что этотъ народецъ одаренъ богатою творческой фантазіей. Послѣднее подтверждается и поэтическими легендами ушавовъ, съ восторгомъ поющихъ былины о богатырѣ Рустемѣ и его сынѣ Зорабѣ *). Женщина у ушавовъ далеко не находится въ загонѣ. Дѣвушки до замужества пользуются полною свободою. У ушавовъ существуетъ нѣчто подобное малороссійскому жениханью. Каждая дѣвушка выбираетъ себѣ „цацалу“ — нареченнаго жениха, который въ огромномъ большинствѣ случаевъ впослѣдствіи становится ея мужемъ. Положеніе замужней женщины у ушавовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ общихъ для всѣхъ полудикихъ народовъ случаевъ, не только не унизительно, а даже почетно. Женскую красоту воспѣваютъ въ пѣсняхъ, женщина не лишена имущественныхъ и нѣкоторыхъ личныхъ правъ. Въ общемъ ушавы представляются до нѣкоторой степени симпатичнымъ кавказскимъ народцемъ, но такъ-же, какъ и хевсуры, они близки къ полному исчезновенію.

Упомянемъ также о сванетахъ „вольныхъ“ и „княжескихъ“, небольшомъ горскомъ племени, живущемъ въ котловинѣ по верхнему теченію Ингура, у южнаго подножія Эльбруса, и по рѣкѣ Цхекисъ-Цхали, притоку Ріона. Сванеты извѣстны со временъ глубочайшей древности подъ наименованіемъ свановъ и сазаковъ, представляютъ собою помѣсь грузинскихъ племенъ съ нѣкоторыми черкесскими. Это очень быстро вырождающееся племя, христіанское по внѣшности, но держащееся и поныне многихъ языческихъ вѣрованій. Занимаются они земледѣліемъ, скотоводствомъ, охотой и, какъ всѣ дегенераты, очень склонны къ пьянству, которое влечетъ за собою общую ихъ порочность. Когда-то въ древнія времена сванеты были культурнымъ народомъ, но постоянныя войны и разоренія низвели этотъ народъ на степень полудикарей.

*) Эту легенду, въ прекрасной передачѣ знаменитаго В. А. Жуковскаго, см. «Полное собраніе сочиненій» В. А. Жуковскаго, изданіе Л. А. Кассири.

Въ заключеніе обзора горныхъ народцевъ остается сказать еще о древнихъ яссахъ, или оссахъ, т. е., о современныхъ осетинахъ. Это горское племя испоконъ вѣковъ занимало самую средину Кавказа, т. е., Большого Кавказскаго хребта. По характеру мѣстности Осетія дѣлится на горную и равнинную Осетіи, т. е., другими словами, горные осетины длинною узкою полосою живутъ въ первой на три тысячи футовъ выше по горному хребту, а равнинные — ниже трехъ тысячъ футовъ, въ предгорьяхъ подошвъ и равнинахъ. Въ Предкавказьѣ на востокѣ сосѣдями осетинъ являются чеченцы, на западѣ — горскіе татары-балкарцы и кабардинцы, на сѣверѣ—русскіе казаки; затѣмъ въ ущельяхъ хребта осетины сосѣдятъ съ хевсурами и пшавами (на горныхъ перевалахъ). Въ Закавказьѣ, на южномъ склонѣ, ссетины живутъ въ долинѣ Арагвы, а также въ долинѣ Ліахвы и Ріона, вперемежку съ грузинами, на западѣ Осетія примыкаетъ къ Имеретіи и на югѣ въ Закавказьѣ она граничитъ съ Грузіей.

Осетины по обществамъ дѣлятся въ Предкавказьѣ на дигорцевъ, алагирцевъ, курташинцевъ, тагаурцевъ; въ Закавказьѣ они называютъ себя ironами, грузины-же называютъ ихъ племенемъ туалте. По внѣшнему своему виду осетины очень красивы, но въ силу того, что живутъ они среди чуждыхъ и всегда враждебно относившихся къ нимъ племенъ, они почти утратили свой собственный типъ и племенныя особенности своего характера; они приниженны, льстивы, лѣнивы, живутъ, даже наиболѣе зажиточные изъ нихъ, бѣдно и грязно и одно время даже начали было подъ давленіемъ воинственныхъ кабардинцевъ вымирать, но Россія, отбросивъ кабардинцевъ и уничтоживъ скученность населенія, дала тѣмъ самымъ возможность осетинамъ быстро плодиться, что и повело теперь къ возрастанію этого угасавшаго было народца. Большинство осетинъ — христіане, но христіанство ихъ только внѣшнее. Въ дѣйствительности осетины исполняютъ только обряды, а сущность христіанства совсѣмъ темна для нихъ; и до сихъ поръ, наряду съ христіанскими, они исполняютъ и нѣкоторые языческіе обряды, сохранившіеся у нихъ со времень самой сѣдой древности: обращаются съ мольбами о покровительствѣ къ разнымъ духамъ, значеніе которыхъ соотвѣтствуетъ нѣкоторымъ христіанскимъ святымъ (напр., Уацилла по своему значенію среди осетинъ соотвѣтствуетъ вполнѣ св. Иліи пророку).

Чтобы закончить характеристику этихъ горцевъ Кавказа, особенно важныхъ для исторіи сношеній и столкновеній Руси съ народами, населявшими когда-то и населяющими нынѣ Кавказскія горы, потому что они были первыми вошедшими въ соприкосновеніе съ Русью, слѣдуетъ отмѣтить здѣсь, что осетины — большіе мечтатели; они склонны къ поэзіи, къ музыкѣ, обладаютъ извѣстною долею природнаго вкуса и наравнѣ съ своими западными сосѣдями, кабардинцами и черкесами, и западными кумыками представляются наиболѣе симпатичными изъ народцевъ и племенъ, населяющихъ Кавказскій хребетъ и его отроги.

Ради полноты настоящаго обозрѣнія, скажемъ также здѣсь вкратцѣ и о другихъ народахъ, населяющихъ этотъ прекрасный край, но уже по ту сторону Кавказа.

Конечно, прежде всего, придется сказать о грузинахъ. О происхожденіи этого народа сказано было выше; здѣсь-же ограничимся тѣмъ, что укажемъ на дѣленіе этого народа, котораго онъ не избѣгъ точно такъ-же, какъ и всѣ племена Кавказа.

Ядро народности — собственно грузины — ничтожно, ихъ нѣтъ и полумилліона и, главнымъ образомъ, они живутъ около Тифлиса и въ предѣлахъ Тифлисской губерніи. Тѣ изъ природныхъ грузинъ, которые, оставивъ христіанство, перешли въ магометанство, называются ингелойцами. Далѣе слѣдуютъ грузины-горцы — вышеупомянутые хевсуры, пшавы, тушинцы. Отдѣльная вѣтвь грузинскаго народа — имеретинцы, населяющіе страну, составлявшую лѣтъ около ста тому назадъ Имеретинское царство; къ нимъ могутъ быть присоединены гурійцы и аджары; послѣдніе — тѣ-же гурійцы, но оставившіе христіанство для ислама. Упомянемъ также и о мингрельцахъ, присоединяемыхъ къ племенамъ Картвельской группы.

Всѣ вообще картвелы, т. е., грузины, въ своей цѣлокупности, какъ народъ одного корня, одинъ изъ красивѣйшихъ народовъ не только Кавказскаго края, но, пожалуй, и всего міра. Они прекрасно сложены, стройны, статны, сильны, ловки, подвижны. У большинства изъ нихъ темные, нѣсколько жестковатые волосы, часто съ чуть синеватымъ отливомъ; глаза голубоватые или зеленоватые, съ веселымъ выраженіемъ и блескомъ; носъ, загнутый на концѣ, съ небольшой, не портящей впечатлѣнія горбиной, лицо смуглое, но не настолько, чтобы не счи-

таться бѣлымъ. Женщины грузинъ очень красивы, но въ умственномъ отношеніи недалеки. По своей наружности грузины напоминаютъ семитовъ, что, впрочемъ, подтверждается и легендою объ ихъ первоначальномъ происхожденіи; но въ характерѣ этого народа нѣтъ или очень мало отрицательныхъ качествъ этого племени. Грузины честны, впечатлительны, способны къ самопожертвованію, довѣрчивы, добродушны, откровенны, гостепріимны, эгоистическая жилка какъ-бы совсѣмъ отсутствуетъ въ ихъ характерѣ. Они общительны, веселы, склонны ко всякимъ удовольствіямъ, легковѣрны до легкомыслія, но, какъ и всѣ народы этого благодатнаго края, гдѣ природа какъ-бы сама заботится о человѣкѣ, грузины порядочно лѣнивы, мало энергичны, недостаточно предпріимчивы, мало склонны къ прогрессу въ проявленіяхъ общественной жизни, и потому попали въ экономическую и притомъ очень тяжелую зависимость отъ армянъ, которые, по обилію всевозможныхъ отрицательныхъ качествъ въ своемъ характерѣ, называются иногда „евреями востока“. Эта экономическая зависимость грузинъ тѣмъ сильнѣе, что у нихъ почти не существуетъ торговаго класса, зато „князей“ — таводовъ — у грузинъ видимо - невидимо. Послѣднее объясняется тѣмъ, что полученіе княжескаго достоинства во время существованія грузинскаго царства было очень легкимъ дѣломъ. Въ тѣ времена, чтобы стать княземъ, грузину-азнауру, т. е., дворянину, достаточно было имѣть помѣстье съ церковью да нѣсколько дворянъ въ подчиненіи. Купцовъ-же и мѣщанъ при такомъ изобиліи высшаго сословія почти не было; единственными работными классами являлись амкары — ремесленники — и члехи, или кма, — крестьяне. Амкары дѣлились на безчисленное множество цеховъ, главою каждаго изъ которыхъ былъ выборный усти-баши; члехи, или кма — крестьяне - земледѣльцы находились въ крѣпостной зависимости отъ азнауровъ — дворянъ, таводовъ — князей - помѣщиковъ — и церковниковъ. Зависимость эта, помимо правовой стороны, выражалась въ массѣ унижающихъ человѣческое достоинство подробностей, въ силу которыхъ грузинскій крѣпостной мало чѣмъ отличался отъ домашняго животнаго. Впрочемъ, у грузинъ во всѣ времена были хиваны, т. е., свободные земледѣльцы, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ въ качествѣ арендаторовъ и во всемъ остальномъ независимые ни въ чемъ отъ землевладѣльцевъ. Слѣдуетъ сказать, что грузинское крестьянство, такъ-же, какъ и рус-

ское, выдѣляло изъ себя маджалобе (дворовыхъ) и мас-сахури (служителей).

Имеретію, Гурію и Мингрелію въ историческомъ отношеніи слѣдуетъ до нѣкоторой степени обособить отъ Грузіи. Вышеупомянутыя, при обозрѣніи горцевъ Кавказа, Сванетія, Гурія, а также Мингрелія и Абхазія, первоначально входили въ составъ Имеретинскаго царства. У византійскихъ историковъ Имеретія извѣстна подъ наименованіемъ Лазики, гдѣ происходила борьба между византійскимъ императоромъ Юстиніаномъ и персидскимъ шахомъ Хозроемъ (VI вѣкъ). Уже въ это время историки отмѣчаютъ существованіе Кутаиса. Съ восьмого вѣка по конецъ десятаго Имеретія была самостоятельна и здѣсь царствовала Абхазская династія. Потомъ Имеретія возсоединилась съ Грузіей, и лишь въ половинѣ XIII вѣка появляется вновь самостоятельное Имеретинское царство, съ столицею Кутаисомъ и династіею Багратидовъ на царскомъ престолѣ. Въ половинѣ XV вѣка эта самостоятельность упрочилась, но зато началась отчаянная междоусобица, и въ XVII вѣкѣ имеретинцы и гурійцы уже испрашивали сперва у русскаго царя Михаила Ѳеодоровича, потомъ у его преемника, царя Алексѣя Михайловича, позволенія вступить въ ихъ подданство. Эти ходатайства не имѣли успѣха, и затѣмъ Имеретія подпала подъ власть турокъ, отъ которыхъ освободилась лишь съ помощью русскихъ. Исторія представляетъ Имеретію страной еще болѣе несчастною, чѣмъ Грузія. Эта послѣдняя, по крайней мѣрѣ, страдала отъ внѣшнихъ враговъ, Имеретія-же—отъ внутреннихъ междоусобицъ. Главною причиною послѣднихъ можно считать изобиліе высшихъ классовъ, при полной обезличенности въ правовомъ отношеніи классовъ работныхъ.

Имеретія имѣла феодальное устройство и ея земельная собственность сосредоточивалась въ рукахъ таводовъ—князей, санатіокаци—почетныхъ владѣльцевъ, и азнауровъ—помѣщиковъ. Масса крестьянства была разбита, по количеству этихъ безчисленныхъ владѣльцевъ, на множество мелкихъ группъ, а надъ всѣми ими стояли еще многочисленные придворные чины, истощавшіе страну чрезмѣрными требованіями средствъ на свою роскошную жизнь. При современномъ распредѣленіи территоріи древняя Имеретія занимала приблизительно Кутаисскій, Шароханскій и Рачинскій уѣзды Кутаисской губ.

Гурія, какъ отдѣльная страна, извѣстна со второй

половины VII вѣка, но еще въ VI вѣкѣ здѣсь происходили кровопролитныя битвы византійцевъ съ персами (Юстиніанъ и Хозрой). Въ XIII вѣкѣ Гурія является уже государствомъ, имѣющимъ своихъ собственныхъ правителей—гуріелей, т. е., владѣтельныхъ князей. До этого времени Гурія составляла часть Грузіи и управлялась эриставами, т. е., намѣстниками, назначенными грузинскими царями. Родъ гуріелей ведетъ свое начало отъ эристава Вардонибзе. Въ XV вѣкѣ Гурія уже самостоятельна и даже ведетъ войны съ Имеретіей, но затѣмъ вмѣстѣ съ этимъ царствомъ всецѣло подпадаетъ подъ власть турокъ, съ которыми, впрочемъ, вела упорную борьбу, вызванную, главнымъ образомъ, тѣмъ, что турки принуждали гурійцевъ, или гуруловъ, какъ они сами себя зовутъ, перейти въ магометанство. Усилія турокъ пропали даромъ: несмотря ни на что, гурійцы сохранили свою вѣру и духовное управленіе, во главѣ которой стоялъ шекомме-дели—митрополитъ. Въ 1804 г. Гурія стала подъ покровительство Россіи, и полное присоединеніе къ русской монархіи состоялось лишь въ 1824 г. Древняя Гурія занимала нынѣшній Озургетскій уѣздъ и часть Батумскаго округа.

Гурійцы принадлежатъ къ грузинскому племени и сходны съ грузинами по языку, наклонностямъ, духу, нравамъ и обычаямъ. Такъ-же, какъ и грузины, гурійцы красивы, стройны, подвижны, ловки, а по душевнымъ своимъ качествамъ честны, горды, самолюбивы, благородны, воинственны, храбры, что совсѣмъ разбиваетъ высказанное нѣкоторыми антропологами мнѣніе, будто гурійцы — потомки когда-то поселившихся здѣсь евреевъ, отъ которыхъ они яко-бы получили свое наименованіе *).

Мингрельцы мало чѣмъ отличаются отъ предыдущихъ. Древняя Мингрелія находилась въ нынѣшнихъ предѣлахъ Зугдидскаго и Сенакскаго уѣздовъ Кутаисской губ., между Чернымъ моремъ и рѣками Ріономъ, Цхекисъ-Цхали, Ингуромъ. Мингрелія явилась вслѣдствіе почти насильственнаго выдѣленія въ 1442 г. изъ общаго состава Грузіи владѣній крупнаго помѣщика въ автономную, а потомъ и совершенно политически самостоятельную государственную единицу, во главѣ которой во все четырехвѣковое существованіе Мингреліи стоялъ „дадіанъ“ — правитель, являвшійся единственнымъ админи-

*) Уріа—грузинское наименованіе еврея.

стративнымъ лицомъ во всей странѣ. У мингрельцевъ были также разорявшіе народъ таводы, санатіокаци и азнауры — знать, дѣленіе и преимущества которой цѣликомъ были заимствованы у сосѣдей-имеретинцевъ. Сами по себѣ мингрельцы чуть-ли не до второй половины XIX вѣка, когда въ 1867 г. Мингрелія окончательно объединилась съ Россіей, были дикарями. О дикости ихъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что во всей Мингреліи было только два города — Зугдиди и Горди, а также и то, что духовенство мингрельцевъ принадлежало къ крѣпостному сословію, и мингрельскіе помѣщики могли торговать духовными особами такъ-же свободно, какъ торговали ишаками, быками и пр. Подобное унизительное положеніе духовенства прекратилось только въ 1846 г., когда князь Давидъ Левашовичъ Дадіанъ уничтожилъ крѣпостную зависимость для особъ духовнаго званія. Зато черное духовенство стояло у мингрельцевъ достаточно высоко и ихъ чкондидели — епископъ являлся владѣтельною особою. По внѣшности своей, мингрельцы, въ особенности женщины, очень красивы, и хотя опредѣленнаго типа не составляютъ, но ближе всѣхъ другихъ подходятъ къ грузинамъ и имеретинцамъ. По духовнымъ свойствамъ, это — народъ лѣнивый, малодѣятельный, но въ то-же время впечатлительный и обладающій музыкальными способностями.

Нельзя даже при краткомъ обозрѣніи народовъ Кавказскаго края обойти молчаніемъ армянъ, являющихся нынѣ истинными хозяевами этой страны.

Арменія — древняя огромная страна, раскинувшаяся между Малой Азіей и Каспійскимъ моремъ Персіей, р. Курой и Курдистаномъ и Мессопотаміей. Двѣ трети этой древней страны принадлежатъ Турціи, ничтожный клочекъ — Персіи и остальная треть — сѣверо-восточная часть Арменіи — Россіи. Арменія имѣетъ свою богатѣйшую исторію. О ней упоминаетъ еще Геродотъ; сами армяне называютъ свою родину центромъ древняго міра и ведутъ свое происхожденіе отъ упоминаемаго въ книгѣ Бытія Гайка, сына Тогармы, себя-же они называютъ отъ имени Арменона, сына Гайка, а также отъ имени Арменія, одного изъ аргонавтовъ. Какъ и всѣ древнѣйшія страны, Арменія еще въ очень отдаленныя времена пережила самое себя, и исторія отмѣчаетъ только незначительные моменты ея самостоятельнаго существованія. Въ древности Арменія была подъ властью ассирійцевъ, персовъ,

потомъ римлянъ, персовъ, грековъ, египтянъ (арабовъ), туркменовъ, снова персовъ и, наконецъ, османовъ. Не вынесши давленія послѣднихъ, армяне, какъ и евреи, разбрелись повсюду, но, какъ и евреи, сумѣли сохранить даже среди совершенно чуждыхъ имъ народовъ свою національность и свою вѣру. Они стали народомъ торговымъ и, являясь всюду чужаками, выработали особенный племенной эгоизмъ, превзойдя въ этомъ отношеніи даже евреевъ, причемъ этотъ эгоизмъ усугубляется южною пылкостью; въ концѣ концовъ, прекрасный самъ по себѣ, богатѣйше одаренный народъ сталъ малосимпатичнымъ, а тамъ, гдѣ онъ разросся, то даже и ненавистнымъ для окружающихъ его другихъ народовъ.

На этомъ мы и закончимъ настоящій очеркъ народовъ Кавказа, и въ дальнѣйшихъ очеркахъ, въ виду того, что читатель въ достаточной мѣрѣ уже ознакомился и съ древней исторіей Кавказа, и съ исторической топографіей края, перейдемъ къ той борьбѣ, которая привела Русь въ Закавказье и поставила ее бокъ-о-бокъ и съ Ираномъ — Персіей и Азіатской Турціей — и всей Средней Азіей, покореніе которой явилось прямымъ послѣдствіемъ покоренія всего Кавказскаго края.

ОЧЕРКЪ ПЯТЫЙ.

Кавказъ послѣ великаго Петра.

Очеркъ *А. И. Лаврова.*

Вышли мы на широту
Изъ тѣсninъ, гдѣ шли доселѣ,
Всю творенья красоту
Въ пышной обрѣли Картвелѣ.
Вкругъ извучистой Куры
Яснымъ днемъ страна согрѣта,
Всѣ разсыпаны цвѣты
Щедростію лѣта...

Изъ Заволжья, изъ родного края
Гости, соколы залетны,
Покручали сумки переметны,
Долги гривы заплетая.

Наши камни. наши кручи,
Русь! Зачѣмъ возносишь ты
Вѣковыя высоты
Достигнешь-ли? Вонъ подъ тучей
Двухвершинный и могучій *)
Рѣжется изъ облаковъ
Надъ главой твоихъ полковъ!

Грибоѣдовъ.

I.

Вступленіе Петра въ Дербентъ.

Русскія живыя волны такъ и разлились по Каспійскому приморью, едва вступилъ на берегъ синяго Каспія великій Петръ. Твердыни Прморскаго Дагестана склонились къ ногамъ русскаго царя-исполина, прокладывавшаго путь Руси въ далекую Индію. Впечатлѣніе, произведенное на дагестанцевъ появленіемъ Петра, было громадное, разительное. Несмотря на то, что о покореніи Дагестана уже было сказано выше, позволимъ привести

*) Эльбрусъ

здѣсь еще нѣсколько характерныхъ подробностей этого событія.

Первымъ этапомъ на пути къ Дербенту были, конечно, Тарки, столица шамхальства. Шамхаломъ въ то время былъ престарѣлый Адиль-Гирей, быстро понявшій полную невозможность борьбы съ русскими. Къ Таркамъ полки Петра подошли 12-го августа 1723 г. Шли церемоніально: грохотали барабаны, гремѣла музыка, рѣяли распущенные знамена. Великій Петръ, въ блестящей парадной одеждѣ, ѣхалъ впереди полковъ на своемъ боевомъ конѣ. Нѣсколько поодаль отъ него, въ парадной каретѣ, запряженной цугомъ, ѣхала Екатерина, тогда уже императрица.

За пять верстъ до Тарковъ шамхалъ на колѣнахъ встрѣтилъ императора. Онъ цѣловалъ землю около кареты съ императрицею.

Блескъ парадныхъ формъ и внушительный видъ петровскихъ гвардейцевъ поразили азіатовъ, никогда ничего подобнаго не видавшихъ. Они почувствовали силу — ни о какомъ сопротивленіи не было и помину...

На третій день пребыванія въ Таркахъ, въ праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы, послѣ литургіи въ походной церкви преображенскаго полка, Петръ положилъ около нея на землю камень и приказалъ сдѣлать то-же самое и всѣмъ своимъ приближеннымъ, и офицерамъ, и солдатамъ. Быстро выросъ изъ камней холмъ, явившійся первымъ памятникомъ появленія царя-исполина въ покоренномъ Дагестанѣ, а спустя нѣкоторое время, когда Приморскій Дагестанъ сталъ уже неотъемлемымъ достояніемъ Россіи, на этомъ самомъ мѣстѣ явился Петровскъ — городъ и военный портъ, замѣнившій собою столицу шамхальства—Тарки.

Вступленіе Петра въ Дорбентъ тоже произвело на дагестанцевъ неизгладимое впечатлѣніе. Современный историкъ Дербента, мирза Хедеръ Визеровъ, отмѣчаетъ, что, когда Петръ подъѣхалъ къ дербентскимъ воротамъ, чувствовалось колебаніе почвы, что дало возможность императору сказать встрѣчавшимъ его дербентцамъ:

— Сама природа дѣлаетъ мнѣ торжественный пріемъ и колеблетъ стѣны передъ моимъ могуществомъ!

Впрочемъ, при Петрѣ, когда онъ былъ въ Дербентѣ, кое-гдѣ произошли вспышки. Шайки лезгинъ грабили обозы, казикумыки даже попробовали напасть на русскій редутъ около Дербента. Императоръ приказалъ казачьему

атаману Краснощекову „воздать по заслугамъ“ мятежникамъ... Тотъ и „воздалъ“. Подначальные ему донцы и калмыки обратили въ пустыню мятежный край, и тогда, само собою разумѣется, все успокоилось.

Дѣло великаго Петра не заглохло послѣ его отъѣзда изъ покореннаго Дагестана. Распорядителемъ судебъ этого края императоръ оставилъ генералъ-маіора Михаила Аѳанасьевича Матюшкина. Изъ войскъ, подчиненныхъ ему, образовался „Низовый корпусъ“, который впослѣдствіи носилъ оффиціальное наименованіе Персидскаго. Нѣсколько спустя, этотъ низовый корпусъ явился колыбелью знаменитѣйшихъ кавказскихъ полковъ: кабардинскаго, куринскаго, ширванскаго, апшеронскаго, дагестанскаго, тенгинскаго, навагинскаго, ставропольскаго, покрывшихъ Россію неувядаемой славой при покореніи и умиротвореніи Кавказа.

Помимо регулярнаго войска, прозорливый побѣдитель Дагестана обезпечилъ и дальнѣйшее укрѣпленіе русскаго могущества въ Предкавказьѣ. Онъ воспользовался примѣромъ своего воеводы Апраксина, поселившаго еще въ 1711 г. казаковъ въ Предкавказьѣ и образовавшаго этимъ путемъ нѣчто вродѣ кордонной линіи. По распоряженію Петра, въ основанную имъ крѣпость Св. Креста переведены были всѣ жившіе по Тереку казаки, а на ихъ мѣсто по рѣкамъ Сулаку и Аграхани поселены съ семействами донцы, образовавшіе впослѣдствіи войско, извѣстное подъ общимъ наименованіемъ: „семейныхъ казаковъ“. При первомъ-же своемъ поселеніи эти военно-поселенцы образовали новое Аграханское казачье войско.

На прежнихъ насиженныхъ мѣстахъ были оставлены только гребенцы, довольно рѣшительно отказавшіеся отъ переселенія и объявившіе, что они лучше уйдутъ въ Закубанье къ некрасовцамъ, чѣмъ переселятся къ терцамъ. Терять испытанное войско не приходилось, и вотъ гребенцы, аграханцы и терцы образовали первую правильную Терскую кордонную линію, явившуюся живою стѣною, по одну сторону которой волновались и бушевали разрозненные народцы и племена Кавказа, а по другую — незыблемо твердо стояла Русь.

Благодаря образованію этой линіи, все, что примыкало къ лѣвому берегу Терека, стало навсегда русскимъ достояніемъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ рукахъ русскихъ оказывался естественный, вполнѣ удобный и свободный проходъ по Привзморью въ Закавказье, а оттуда и въ Пер-

сію. Съ линіи-же зорко стерегли всѣ выходы изъ горъ и пресѣкали всякія попытки вторженія за Терекъ.

Начало тогдашняго пути на Индію было открыто, и только смерть помѣшала царю-исполину выполнить завѣтную мечту — подчинить Руси и этотъ драгоцѣнный край.

Что Петръ думалъ объ открытіи дороги черезъ Иранъ, свидѣтельствуютъ его инструкціи Матюшкину, который, по приказанію императора, тотчасъ по его отбытіи изъ Дагестана началъ готовиться къ экспедиціи, имѣвшей своей цѣлью занятіе всего западнаго каспійскаго побережья, причемъ первымъ пунктомъ, который долженъ былъ быть занятъ, являлся приморскій городъ Баку.

Русь, такимъ образомъ, неудержимо стремилась впередъ, а положеніе Персіи въ то время было таково, что безъ особенныхъ усилій и она, ослабленная внутренними неурядицами, могла стать достояніемъ великой Россіи.

Политика Петра Великаго была чужда всякаго сантиментализма. Этотъ человѣкъ, самъ богатырски могучій, былъ вѣрнымъ исполнителемъ непреложнаго закона природы: сильный преобладаетъ надъ слабымъ. А Петръ былъ такъ увѣренъ въ силахъ русскихъ людей, что для покоренія каспійскаго побережья назначилъ отрядъ всего изъ двухъ пѣхотныхъ батальоновъ, командиромъ которыхъ поставилъ полковника Шипова.

И надѣлали-же дѣлъ эти шиповскіе богатыри!

Въ ноябрѣ 1722 г. русскіе уже были въ Энзелійскомъ заливѣ, преспокойно высадились на берегъ и заняли Рящъ, столицу Гилянской провинціи. Все это было сдѣлано спокойно, чисто, какъ говорится, „безъ сучка, безъ задоринки“. Персы были ошеломлены въ конецъ. Они отдали Рящъ безъ малѣйшаго сопротивленія, а когда опомнились и потребовали, чтобы русскіе уходили — было уже поздно. Шиповъ укрѣпился на мѣстѣ и приспособилъ къ оборонѣ каменный караванъ-сарай, обративъ его въ крѣпостцу. Русскихъ была горсть, персовъ — и не сосчитать. Думая взять количествомъ, персы попробовали было штурмовать караванъ-сарай. Шиповцы отбросили ихъ съ такимъ урономъ, что попытки прекратились. Тогда персы вздумали повести осаду, надѣясь взять русскихъ измором. Не тутъ-то было! По приказанію Шипова, три роты произвели ночью вылазку: всего три роты, а персовъ было болѣе пятнадцати тысячъ... Что-же вышло? Шиповцы раздѣлились и ударили на персовъ

разомъ съ двухъ сторонъ... Эффектъ произвели, однако, не пули, не штыки, а громовое русское „ура“. Только заслышавъ его, персы обезумѣли отъ страха. „Ура“ вспыхивало то здѣсь, то тамъ, а въ такой темнотѣ нападавшихъ не было видно. Обезумѣвшимъ иранцамъ казалось, что русскіе вездѣ. Въ паническомъ ужасѣ они кинулись поражать другъ друга и это продолжалось вплоть до разсвѣта... Кто уцѣлѣлъ—бѣжалъ, а къ утру на полѣ битвы лежали груды мертвыхъ тѣлъ...

Болѣе персы отряда Шипова не безпокоили.

Результаты этой побѣды были блестящи. Въ іюлѣ слѣдующаго 1723 г. было занято Бакинское ханство, за нимъ послѣдовало занятіе Ширванскаго ханства и персидскихъ областей—Гилянской, Мазандеранской, Астрабадской. Петръ, обрадованный такимъ успѣхомъ, произвелъ Матюшкина въ генералъ-лейтенанты. Особенно обрадовало царя занятіе Баку.

„Оная составляетъ всему нашему дѣлу ключъ!“ — писалъ онъ Матюшкину, поздравляя его съ побѣдами.

Впрочемъ, несмотря на эти побѣды, положеніе русскихъ было непрочное. Персы и дагестанцы не осмѣливались дѣйствовать открыто, но зато исподтишка не упускали случая, чѣмъ только можно, навредить русскимъ. Въ Сальянахъ посланный туда отрядъ драгунъ, подъ командою подполковника Зеймбулатова, былъ встрѣченъ, какъ говорится, съ распростертыми объятіями. Сальянскій наибъ Гусейнъ-бекъ кланялся до земли русскимъ, но это нисколько не помѣшало ему, пригласивъ офицеровъ отряда на пиръ, варварски перерѣзать ихъ, когда они менѣе всего этого ожидали. Остальные драгуны спаслись отъ смерти лишь тѣмъ, что, во-время предупрежденные объ убіеніи начальниковъ, пробились къ берегу залива и уже на судахъ уплыли въ Баку. Въ Гилянской провинціи персы тоже исподтишка прирѣзывали одиночныхъ русскихъ, и завоевателей было такъ мало, что „о воздаяніи по заслугамъ“, подобно краснощековскому, не приходилось думать.

II.

Послѣпетровскіе успѣхи и неудачи.

Смерть Петра Великаго ободряюще подѣйствовала на персовъ и дагестанцевъ. Они вообразили, что теперь, при столь прискорбныхъ для Россіи обстоятельствахъ, они безъ трудовъ прогонятъ русскихъ. Адиль-Гирей, шамхалъ

тарковскій, возмутился первымъ; въ Гилянской провинціи, начальникомъ войскъ которой былъ назначенъ молодой сподвижникъ Петра Великаго, бригадиръ Василій Яковлевичъ Левашевъ, отъ осмѣлѣвшихъ персовъ не было русскимъ покоя. Въ Дербентѣ всюду раздавались угрозы вырѣзать русскихъ, но богатыри продолжали держаться стойко. Эта стойкость ихъ прямо производитъ впечатлѣніе чудесъ... Шамхалъ тарковскій, уцмій каракайтагскій и ханъ казикумыкскій съ двадцатипятитысячнымъ скопищемъ кинулись на Сулакъ, дабы разорить сулакскую линію. Ихъ массовый ударъ обрушился на передовой Аграханскій редутъ, ничтожный по своимъ укрѣпленіямъ. Но нападавшіе не осилили и его. Вылазки гарнизона привели ихъ въ безпорядокъ и заставили уйти ни съ чѣмъ прочь. Уйти ни съ чѣмъ! Въ Аграханскомъ редутѣ защитниками были всего пятьдесятъ пѣхотинцевъ и сто терскихъ казаковъ. Такимъ образомъ, всего-на-всего полтораста человѣкъ разогнали двадцатипятитысячное скопище горцевъ.

Вскорѣ послѣ этой попытки къ Матюшкину подошли подкрѣпленія изъ Россіи. Теперь уже безпрепятственно можно было „воздать по заслугамъ“ тѣмъ, кто былъ того достоинъ. По приказанію Матюшкина, полковникъ Еропкинъ разорилъ Тарки, а генералъ-маіоръ Кропотовъ выжегъ почти всѣ аулы во владѣніяхъ шамхала. Результатомъ такого „воздаянія“ было то, что Адиль-Гирей явился самъ съ повинною и послѣ суда, какъ государственный измѣнникъ, былъ сосланъ въ Колу, званіе-же шамхала, по Высочайшему повелѣнію, было уничтожено.

Но это не улучшило положенія русскихъ въ завоеванномъ краѣ. Надвигались сразу двѣ грозы: одна съ береговъ Босфора, изъ Константинополя, другая изъ... Петербурга. Порта воспользовалась внутренними безпорядками въ Персіи. Шахъ персидскій Тохмасибъ долженъ былъ одновременно бороться за власть съ афганскимъ ханомъ Эшрефомъ, завладѣвшимъ уже Испаганью, съ Аббасъ-Кули-ханомъ персидскимъ и самозванцами. Порта поддерживала всѣхъ претендентовъ на персидскій престолъ въ надеждѣ, что тотъ, кто осилитъ, поможетъ вытѣснить русскихъ изъ Дагестана. Въ Петербургѣ судилъ и рядилъ дѣла хитроумный Остерманъ, а вершилъ „ихъ счастья баловень безродный“ Меншиковъ, противъ котораго безсильна была теперь петровская дубинка. Меншикову персидскія завоеванія никакой личной выгоды не представ-

ляли и онъ желалъ отдѣлаться отъ нихъ. Остерманъ, этотъ придворный политикъ, игралъ въ руку всесильнаго Меншикова и доказывалъ, что возиться съ Персіей и Дагестаномъ не стоитъ. Все, что ни предпринимали на Кавказѣ Матюшкинъ, Левашевъ, Еропкинъ, Шереметевъ, прекрасно видѣвшіе, какъ нужно дѣйствовать съ азіатами, тормозилось петербургскими кабинетными стратегами, воображавшими, что съ горцами и персами можно воевать точно такъ-же, какъ со шведами, поляками и вообще европейцами. Матюшкинъ при такихъ обстоятельствахъ заболѣлъ и ушелъ въ отставку, а на его мѣсто изъ Петербурга прислали престарѣлаго петровскаго вельможу, усмирителя булавинскаго бунта, генералъ-аншефа князя Василія Владиміровича Долгорукаго, который былъ назначенъ главнокомандующимъ.

Этотъ Долгорукій былъ человѣкъ независимыхъ убѣжденій. При Петрѣ еще онъ былъ въ опалѣ за сочувствіе къ царевичу Алексѣю Петровичу и, явившись на Кавказъ, не счелъ нужнымъ скрывать того, что онъ тамъ нашелъ.

„Никогда такой слабой команды я еще не видалъ. Прошу для интереса государственнаго прислать сюда добраго и искуснаго командира“, — писалъ онъ по прибытіи въ крѣпость Св. Креста, въ августѣ 1726 г. Немного поосмотрѣвшись, въ слѣдующемъ сентябрѣ онъ такъ характеризируетъ кавказскихъ начальниковъ: „Здѣшній народъ такой обычай имѣетъ, чтобы командиры были вездѣ генералы, то и боятся и въ дѣло ставятъ, они того не знаютъ, что генералъ-маіоръ или генералъ-поручикъ; гдѣ имя генеральское помянется, то и боятся, а ежели гдѣ полковникъ комендантомъ, хотя-бы онъ какого сословія ни былъ, страху отъ него не имѣютъ и въ дѣло его не ставятъ и называютъ его маленькій господинъ. Самая нужда быть добрымъ командирамъ на Сулакѣ и Дербентѣ, понеже между Дербентомъ и Сулакомъ всѣхъ владѣльцовъ жилище. Меня отправили для исправленія дѣлъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и дали мнѣ полную мочь, чтобы я привелъ въ доброе состояніе и безопасность. Какъ возможно мнѣ одному здѣшнія дѣла въ доброе состояніе привести? Въ такой опасности Дербентъ и Сулакъ остается, что ни малой надежды нѣтъ, кромѣ милости Божіей. Здѣшняго корпуса генералитетъ, штабъ-и оберъ-офицеры безъ прибавки жалованья пропитать себя не могутъ по здѣшней дороговизнѣ. Офицеры пришли въ крайнюю нищету не-

сносную, что уже одинъ маіоръ и три капитана съума сбрели; уже многіе знаки свои и шарфы закладываютъ; съ начала здѣшняго похода безпремѣнно здѣсь, кромѣ неспоснаго здѣшняго воздуху, въ великихъ трудахъ обрѣтаются, безпрестанно на караулахъ, въ партіяхъ, на работахъ, а другіе ихъ братья — всѣ служатъ въ корпусѣ на Украйнѣ въ великой выгодѣ и покоѣ, а жалованье получаютъ ровное; что на Украйнѣ купить на рубль, здѣсь на десять рублевъ того не сыщешь и, по моему мнѣнію, или въ жалованьѣ прибавку учинить, или офицерамъ съ перемѣною быть; еще есть изъ перемѣны офицеровъ и государственная польза, коли офицеры обращаются въ воинскихъ случаяхъ всегда въ практикѣ; какая польза — одинъ служитъ, другіе покоятся".

Очевидно, прозорливость Петра до нѣкоторой степени передалась и его сподвижнику. Черезъ три четверти вѣка послѣ того, какъ написалъ Долгорукій эти слова, Кавказъ сталъ именно арсною воинскихъ кровавыхъ упражненій, въ которыхъ вырабатывались и высокій военный духъ, и военное одушевленіе, и стойкость русскихъ воиновъ.

Тѣмъ не менѣе, положеніе русскихъ въ Кавказскомъ краѣ было все-таки въ то время плачевное.

„О здѣшнемъ Гилянскомъ состояніи, — писалъ въ Петербургъ Долгорукій въ ноябрѣ — декабрѣ 1726 г., — доношу о воздухѣ, какой зной язвительный и нездоровый; къ тому-же солдаты пропитаніе имѣютъ зѣло скудное — только хлѣбъ и вода; къ тому-же и жалованья солдаты не получали одиннадцать мѣсяцевъ; работы великія, партіи непрестанныя, трудъ несутъ несносный, а выгоды не имѣютъ, лекарствъ я засталъ ничего нѣту, а коли отпускаютъ лекарствы ровно, какъ на другіе полки, на Сулакъ и въ Дербентъ, а сюда надлежитъ, по здѣшнему злому воздуху, отпускать втрое противъ другихъ мѣстъ; къ тому-же лекарей мало зѣло и комплету нѣту; надлежитъ здѣсь быть дохтуру и аптекарю съ полною аптекою, а другому дохтуру въ Астрахани, понеже лазаретъ въ Астрахани великій; къ Сулаку изъ Дербени и изъ Баки присылаются больные — одному дохтуру какъ можно вездѣ усмотрѣть! Лучше людей жалѣть, чѣмъ денегъ на жалованье дохтурамъ и лекарямъ".

Нашъ историкъ С. М. Соловьевъ говоритъ, что Долгорукій, не дожидаясь распоряженій изъ Петербурга, велѣлъ выдать солдатамъ жалованье изъ мѣстныхъ сборовъ

персидскою монетою по настоящей цѣнѣ; по недостатку лекарствъ велѣлъ покупать вино, уксусъ и другіе матеріалы. Кавалерію содержать было нельзя, потому что прокормленіе каждой лошади стоило въ годъ около сорока рублей; травы не было, кромѣ осоки, лошадей кормили соломою и пшеномъ. Въ отношеніи казаковъ Долгорукій предпринялъ также совсѣмъ новый шагъ. Въ русскомъ войскѣ были двѣ иностранныя роты: армянская и грузинская; каждому человѣку въ нихъ выдавалось жалованье по 15 руб.; русскихъ-же казаковъ было 250 человѣкъ и они служили безъ жалованья. „А между тѣмъ они служатъ больше и непріятелю страшнѣе, — писалъ Долгорукій императрицѣ, назначивъ казакамъ жалованье въ 10 руб. на человѣка. — Лучше своимъ дать жалованье! правда, армяне и грузинцы служатъ изрядно, однако, казаки отважнѣе дѣйствуютъ“.

Такимъ образомъ, новый главнокомандующій въ первое время вводилъ свои новые порядки, а въ это-же время Порта предложила Россіи раздѣлить между собою Персію, обуреваемую внутренними неурядицами и въ особенности страдавшую отъ афганцевъ. Русскіе министры не приняли этого предложенія. Тогда, вопреки предшествующимъ договорамъ, Порта двинула свои войска въ Персію; турки заняли Ардевиль и приблизились къ Гиляни, гдѣ были русскіе. Петербургскіе дипломаты и при такихъ обстоятельствахъ зачѣмъ-то нашли нужнымъ сохранять неприкосновенность Персіи, и послу въ Константинополѣ Неплюеву приказано было сдѣлать соотвѣтствующія представленія.

Удивительно предложеніе русское! — отвѣчалъ визирь Неплюеву, — сами вы ничего не дѣлаете и Портѣ совѣтуете, чтобы сложа руки сидѣла. Порта беретъ города только затѣмъ, чтобы охранить ихъ отъ похитителя престола шахова, афганца Эшрефа, и дѣлаетъ это по просьбѣ самихъ жителей. То-же самое нужно дѣлать и Россіи, съ своей стороны. Порта желаетъ, чтобы персидскіе города были въ русскихъ рукахъ, а не у Эшрефа, точно такъ-же и Россія должна быть довольна, что Порта забираетъ персидскіе города, не допуская ихъ въ руки общаго непріятеля, Эшрефа. Удивительно, что Россія желаетъ видѣть персидскія области въ рукахъ Эшрефа, чѣмъ у турокъ, не соображая того, что Эшрефъ, утвердившись, отберетъ у Россіи и Гилянь, и Дербентъ!

Неплюевъ, можетъ быть, и понималъ всю справедливость и разумность этихъ доводовъ, но волей-неволей долженъ былъ настаивать на переговорахъ съ потерявшимъ престолъ шахомъ Тохмасибомъ. Визирь прочелъ еще болѣе пренебрежительное наставленіе и согласился ждать четыре мѣсяца, не приступая въ этотъ срокъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

За эту уступчивость визиря Порта жестоко поплатилась. Черезъ четыре мѣсяца усилившійся Эшрефъ разбилъ турецкія войска...

Почти то-же, что и турецкій визирь, совѣтовалъ россійскому правительству и Долгорукій, прекрасно видѣвшій на мѣстѣ положеніе персидскихъ дѣлъ, но его, конечно, не слушали...

„Видя турецкую слабость, не надо пропускать благопріятнаго времени и дать въ силу войти туркамъ, — писалъ Долгорукій въ Петербургъ послѣ побѣды Эшрефа,— и въ слабости турки вступаютъ въ наши провинціи, а если-бы они были въ старой своей силѣ, то не посмотрѣли-бы на трактаты; все по берегу Каспійскаго моря, что въ нашу сторону надлежитъ, намѣрены они присовокупить къ себѣ. Чего намъ дожидаться, ежели нынѣ себѣ пользы не сыщемъ, а когда въ силу войдутъ турки, то мы не только прибыли не получимъ въ Персіи—и стараго удержать трудно. Иной надежды не находится, что въ нынѣшнее благополучное время, согласясь, съ кѣмъ надлежитъ, помянутыхъ мнимыхъ пріятелей выгнать изъ Персіи и самимъ въ ней усилиться и утвердиться, и тѣмъ государственный убытокъ исправить“...

Рѣчь, такимъ образомъ, шла о пріобрѣтеніи огромной среднеазіатской страны; эта страна какъ-бы сама давалась въ руки Россіи, но обращенія Долгорукова остались „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“...

Впрочемъ, дѣйствуя на свой рискъ и страхъ, Долгорукій присоединилъ къ Россіи Керчеруцкую область, Астару, Ленкорань и Кизыль-Агичъ.

Удивительный старикъ былъ этотъ сподвижникъ Петра! На седьмомъ десяткѣ своихъ лѣтъ явился онъ на Кавказъ и проявилъ юношескую бодрость. Когда ему понадобилось объѣхать вновь присоединенныя владѣнія, онъ въ февралѣ 1727 года, въ страшную распутицу, не задумался отправиться въ путь верхомъ, имѣя при себѣ лишь одни походные вьюки.

„Легко можно разсудить, что мой трудъ несносный,—

писалъ онъ по этому поводу въ Петербургъ, — на седьмомъ десяткѣ въ такое злое время такой дальній путь проходилъ по-калмыцки. Отъ роду своего не видывалъ, чтобы кто въ эти лѣта начиналъ жить калмыцкимъ манеромъ!“

Въ началѣ 1728 г. Долгорукій, произведенный въ фельдмаршалы, былъ отозванъ въ Петербургъ, но номинально оставался главнокомандующимъ Низового, или Перспдскаго, корпуса. Фактическая-же власть перешла къ болѣе молодымъ сподвижникамъ великаго Петра: генералъ-майору Василію Яковлевичу Левашеву и генералъ-лейтенанту Александру Ивановичу Румянцеву (отцу екатерининскаго героя Петра Румянцева). Первый начальствовалъ въ Гилянахъ, второй — въ Дагестанѣ.

Тахмасъ-Кули-ханъ персидскій, впослѣдствіи знаменитый Шахъ-Надиръ, поддерживалъ возстановленнаго персидскими мятежниками самозваннаго сына умершаго шаха, предшественника Тохмасиба, Измаила. Воспользовавшись отъѣздомъ Долгорукаго, Кули-ханъ рѣшилъ выгнать русскихъ изъ Гилянской области. Безъ всякаго предупрежденія, онъ двинулъ персидскія полчища на Рящъ. Самъ онъ шелъ со стороны г. Кескера, а Измаилъ—отъ г. Лагиджана. Положеніе русскихъ было критическое. Персы прямо могли задавить ихъ своею численностью. Но Левашевъ былъ опытный воинъ. Съ ничтожнымъ по количеству отрядомъ онъ выдвинулся впередъ и сталъ какъ разъ на пути, по которому сближались Кули-ханъ и Измаилъ. Первымъ показался Кулп-ханъ. Не ожидая его нападенія, Левашевъ съ своимъ отрядомъ самъ кпнулся на него и однимъ ударомъ разбилъ на-голову его полчища. Покончивъ съ однимъ противникомъ, русскіе обратились на полчища Измаила, но недаромъ говорится, что „отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ“. Измаила и его скопища преслѣдовалъ по пятамъ персидскій визирь Карчи-Баша. Мятежники успѣли посторониться и левашевцы прямо ударили на полкп шаха, преслѣдовавшіе какъ разъ того, противъ котораго вышли на поле битвы русскіе. Вышло, такимъ образомъ, историческое: „своя своихъ не познаша“. Ударъ былъ стремителенъ, произошла жестокая битва. Войско визиря было разбито на-голову и бѣжало. Измаилъ тоже успѣлъ удрать. Побѣда не прошла безрезультатно: послѣдствіемъ ея было присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Лагиджана.

Но тотчасъ послѣ этого русскимъ пришлось встрѣ-

титься съ новымъ врагомъ: это были уже афганцы. Ихъ ханъ Салдокъ грубо и надменно, потребовалъ чтобы русскіе немедленно ушли изъ Персіи, очистивъ всѣ уже присоединенныя области. Левашевъ отвѣтилъ тѣмъ, что послалъ на Салдокъ-хана маіора Юрлова съ отрядомъ въ 250 человѣкъ. При видѣ новыхъ враговъ, русскими овладѣло было смущеніе. Передъ ними были совсѣмъ не жалкіе персы, а природные воины, мощные, прекрасно вооруженные. Притомъ-же афганцевъ было свыше четырехъ тысячъ. Однако, смущеніе владѣло русскими не долго. Они вспомнили, что передъ ними все-таки азіаты, и, „ничто-же сумняшеся“, первыми ударили на нихъ въ штыки. Афганцы, дотолѣ никогда не слыхавшіе массоваго „ура“, смутились и смѣшались еще прежде удара. Когда-же юрловцы съ разбѣгу натиснулись на нихъ, они въ паническомъ ужасѣ побѣжали, оставивъ на мѣстѣ боя болѣе шестисотъ труповъ. Самъ Салдокъ-ханъ, израненный, едва-едва не попалъ въ плѣнъ.

Эти побѣды заставили притихнуть персовъ, но все-таки присоединеніе персидскихъ областей не было прочнымъ. И здѣсь, и въ Дагестанѣ, то и дѣло, вспыхивали мятежи. Особенно неспокойно было въ Дагестанѣ, гдѣ заводимые русскими порядки мѣшали исконному занятію горцевъ — разбою и грабежу.

— Воровство и грабежъ, — объясняли Румянцеву старшины горцевъ, — наши занятія, такъ-же, какъ ваши — соха и торговля. Грабежемъ жили наши отцы и дѣды, и если мы оставимъ ихъ ремесло, какъ того требуютъ русскіе, мы погибнемъ отъ голода.

Никакія увѣщеванія не дѣйствовали. Румянцевъ долженъ былъ самъ совершать походы на разбойниковъ, но и погромы и экзекуціи не производили впечатлѣнія: массовые грабежи не прекращались.

Между тѣмъ, на русскій престолъ вступила императрица Анна Іоанновна. Ея правительство нашло нужнымъ окончательно развязаться съ персидскими дѣлами. 21-го января 1732 г. былъ заключенъ Гилянскій миръ, по которому Персіи были возвращены всѣ завоеванныя области, а за Россіей осталась только полоса земли между Курою, Терекомъ съ Дербентомъ и Баку. Персія, между тѣмъ, попрежнему была истощаема внутренними неурядицами. Всесильный ужо Тахмасъ-Кули-ханъ свергнулъ шаха Тохмасиба и, объявивъ повелителемъ Ирана новорожденнаго сына свергнутаго шаха, сталъ черезъ это неогра-

ченнымъ властителемъ Персіи. Впрочемъ, Порта въ это время не могла воспользоваться внутренними неурядицами Персіи—въ Константинополѣ происходили волненія, и оттоманскому правительству было не до внѣшнихъ дѣлъ. Однако, оно все-таки воспользовалось уступчивостью русскаго правительства. Кабарды, страна Адыге отошли изъ сферы русскаго вліянія; Имеретія и Грузія тоже начинали подпадать подъ турецкую руку. Кочевавшій въ Предкавказьѣ калмыцкій народъ, съ своимъ ханомъ Дундукомъ-Омбо, отложился отъ Россіи и перешелъ подъ руку крымскаго хана. Вышло, что Бирснъ и его приспѣшники общипали Россію, лишивъ ее, ни за что, ни про что, пріобрѣтенныхъ цѣною русской крови завоеваній.

Левашевъ долженъ былъ уйти въ отставку послѣ заключенія Гилянскаго мира; Румянцевъ, возвратившійся ко двору, былъ сосланъ въ казанскія деревни за то, что съ откровенностью солдата высказалъ мнѣніе о томъ, что русскіе финансы не приходится всѣ цѣликомъ тратить на придворныя роскошества; князь Василій Владиміровичъ Долгорукій только за то, что онъ былъ изъ семьи, пользовавшейся фаворомъ въ предыдущее царствованіе, былъ заточенъ въ шлиссельбургскую крѣпость. Главнокомандующимъ на Кавказъ былъ присланъ оклеветавшій ложнымъ доносомъ Долгорукаго генералъ-лейтенантъ принцъ Людвигъ Гессенъ-Гомбургскій, вояка такого сорта, что современникъ его, адъютантъ знаменитаго Миниха, Манштейнъ, въ своихъ запискахъ отмѣчаетъ, будто онъ всегда старался находиться на почтительномъ разстояніи отъ непріятеля и обладалъ способностью заболѣвать, когда предполагалась рѣшительная битва.

Такой-то главнокомандующій и явился на Кавказъ весною 1732 г. предводительствовать войсками, въ теченіе безъ малаго десяти лѣтъ не знавшими ничего иного, кромѣ побѣдъ... Положеніе дѣлъ было таково, что и болѣе талантливому человѣку было-бы трудно управляться со всѣми неожиданностями, случайностями, явленіями, проистекавшими изъ самаго хода дѣлъ. Горцы были ободрены уходомъ русскихъ изъ персидскихъ областей; для нихъ это являлось прямымъ доказательствомъ безсилія Россіи. Затѣмъ, со свойственной народамъ Востока проницательностью и хитростью, эти полудикари сообразили, что новый главнокомандующій приходится совсѣмъ не по мѣсту, а его офицеры съ нѣмецкими и англійскими фамиліями сплошь никуда негодны. Дерзость горцевъ воз-

растала не по днямъ, а по часамъ. Разбои уже приняли характеръ партизанской войны. Русскихъ — и солдатъ, и офицеровъ — убивали и замучивали чуть-ли не на виду главной квартиры. Поднялось самое отчаянное и безпокойное изъ горскихъ племенъ — чеченцы. Они то разсыпались по своимъ лѣсамъ, то скапливались въ массы. Принцъ-же бездѣйствовалъ, засѣвъ въ Таркахъ. Наконецъ, одинъ изъ привезенныхъ имъ съ собою иностранныхъ генераловъ — генералъ-лейтенантъ Дугласъ, начальствовавшій на Сулакѣ, должно быть, воинъ храбрый, хотя совсѣмъ незнакомый съ условіями горской войны, не вытерпѣлъ положенія, становившагося позорнымъ, и рѣшилъ разгромить Чечню. Къ сожалѣнію, онъ вообразилъ, что можетъ дѣйствовать на основаніи правилъ и предписаній европейской стратегіи. Чеченцы на первыхъ-же порахъ обманули его. Какъ только прошла вѣсть о предстоящей экспедиціи, всѣ скопища чеченцевъ разсѣялись. Успокоившійся Дугласъ не пошелъ самъ, а послалъ вмѣсто себя съ пятьюстами солдатъ привезеннаго принцемъ Людвигомъ полковника Коха. Тотъ пошелъ, забрался въ непроходимыя лѣсныя дебри Чечни, и отрядъ былъ разгромленъ такъ, что пришлось думать уже не о побѣдахъ, а о томъ, чтобы уносить по-добру по-здорову ноги... Однихъ только убитыхъ въ отрядѣ Коха было 200 человѣкъ...

Впечатлѣніе этого пораженія было таково, что горцы потеряли всякое уваженіе къ русскимъ, да и не одни горцы: крымскіе татары, дѣйствовавшіе заодно съ турками, тоже поняли, что у русскихъ сильной руки на Кавказѣ нѣтъ.

Турція въ это время искала поводовъ къ разрыву съ Россіей. Порта попрежнему вела войну съ Персіей, а такъ какъ регулярное ея войско было приготовлено на случай войны съ Россіей, то Порта кинула въ Персію орды крымскихъ татаръ. Крымцы никогда церемонными не были и уважали всякіе трактаты и имъ подобные продукты дипломатіи лишь тогда, когда почему-либо ихъ нельзя было нарушить. Въ остальныхъ случаяхъ всѣ дороги вели ихъ къ цѣли. Такъ было и въ 1733 г. Ханъ крымскій направилъ свои орды въ Персію ближайшимъ путемъ — черезъ занятый русскими Дагестанъ. Это была столь дерзкая наглость, что даже принцъ Людвигъ возмутился и отдалъ приказаніе князю Волконскому и Еропкину прегородить на Сунджѣ путь татарамъ. Волконскій

былъ совершенный новичекъ въ дѣлѣ кавказской войны, но воинъ храбрый и рѣшительный. Съ татарами—а крымцевъ было двадцать пять тысячъ — ему пришлось встрѣтиться приблизительно около того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ Горячеводскъ.

Отрядъ былъ раздѣленъ на три колонны. Колонна Волконскаго являлась передовою, Ермолинъ долженъ былъ поддерживать Волконскаго, принцъ съ третьей колонной находился въ резервѣ. Всего людей въ отрядѣ было 2.500. Татары съ ужасающей силой навалились на передовой отрядъ. Они давили русскихъ своею массою. Сопротивленіе было невозможнымъ, но Волконскій не уходилъ, рѣшившись погибнуть на мѣстѣ. Былъ уже прорванъ лѣвый флангъ и дошло до рукопашной схватки. Гибель русскаго отряда представлялась неизбѣжною. Въ это время подоспѣлъ на мѣсто боя принцъ съ пѣхотой. Но и его появленіе не измѣнило положенія русскихъ. Начиналась уже не битва, а бойня. Главнокомандующій бросилъ отрядъ и умчался въ ужасѣ въ крѣпость Св. Креста. Въ критическій моментъ, однако, подоспѣлъ съ привычными къ кавказской войнѣ солдатами Ермолинъ, предводитель опытный и знавшій, чѣмъ воздѣйствовать на азіатовъ. Онъ сперва было кинулся на татаръ съ „ура“. но крымцы были привычны къ боевому кличу русскихъ. Отчаянный натискъ не остановилъ ихъ. Они продолжали ломить, прорывая то тамъ, то тутъ слабую боевую линію. Ермолину при рукопашной схваткѣ разрубили лицо, но онъ не покинулъ боя. Быстро сообразивъ положеніе нападавшихъ и оборонявшихся, онъ увидалъ, что густѣйшія массы крымцевъ прутъ на лѣвый флангъ, гдѣ уже былъ прорывъ. Въ одно мгновеніе противъ этого опаснѣйшаго пункта поставлена была вся, какая только была при русскомъ отрядѣ, артиллерія, и по татарамъ открытъ былъ жесточайшій огонь. Это явилось полною неожиданностью для крымцевъ, уже торжествовавшихъ побѣду. Русскія ядра сразу произвели страшное опустошеніе въ ихъ рядахъ. Татары смѣшались, и въ это время Ермолинъ бросилъ на нихъ всѣхъ остававшихся въ его распоряженіи людей.

Эффектъ былъ поразителенъ. Массы, недавно съ остервенѣніемъ лѣзшія на изнемогавшихъ русскихъ, дрогнули и подались назадъ. Новый натискъ, новое громоподобное „ура“, и перевѣсъ былъ уже на сторонѣ русскихъ. Теперь они уже наступали, крымцы-же, и прежде

не выдерживавшіе натиска, отходили все дальше и дальше. Еще нѣсколько усилій — и они побѣжали...

Побѣда была полная. Двѣнадцать крымскихъ знаменъ явились ея трофеями. Разбитые татары снова почувствовали на себѣ русскую силу, но принцъ Людвигъ воспользовался этой блестящей побѣдой очень своеобразно. Знамена онъ отправилъ въ Петербургъ съ реляціей о своихъ подвигахъ, а самъ отвелъ войска за Сулакъ и безъ всякой нужды заперся въ крѣпости Св. Креста, болѣе не препятствуя проходу крымцевъ во внутрь Дагестана...

Геройство русскихъ воиновъ, очутившись въ рукахъ нѣмецкаго „стратега“, пропало для Россіи даромъ... Историкъ кабардинскаго полка Зассерманъ говоритъ по этому поводу слѣдующее:

„Ни одинъ изъ предшественниковъ нѣмецкаго принца, ни Матюшкинъ, ни Левашевъ, ни Румянцевъ, не заперлись-бы въ крѣпости, что было даже противно духу нашего войска. Боевые кавказскіе генералы не дали-бы татарамъ опомниться и горячимъ преслѣдованіемъ заставили-бы ихъ разсѣяться. Вышло-же совсѣмъ иначе. Пока русскіе сидѣли въ крѣпости, разбитые татары бросились на гребенскіе городки, полонили сотни русскихъ людей, взбунтовали весь Южный Дагестанъ и даже пытались овладѣть Дербентомъ. Три дня главныя ихъ силы бились подъ стѣнами этого города съ небольшимъ отрядомъ полковника Ломана, но, будучи отражены, потянулись, наконецъ, къ Шемахѣ, въ персидскія владѣнія. Часть ихъ съ награбленною добычею пошла обратно въ Крымъ и на рѣкѣ Кумѣ, повыше урочища Можаръ, столкнулась съ полуторатысячной партіей донцовъ, шедшихъ на Сулакъ подъ начальствомъ атамана Краснощекова. На помощь крымцамъ подоспѣли десять тысячъ калмыковъ, казаковъ-некрасовцевъ *) и закубанскихъ горцевъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ, Краснощековъ устроилъ вагенбургъ **) и засѣлъ въ засаду. Бой длился двое сутокъ, а на третьи на помощь русскимъ подошли кабардинцы, подъ предводительствомъ одного изъ ста-

---

*) Казаки-старообрядцы, выселившіеся подъ предводительствомъ Игнатія Некрасова послѣ булавинскаго бунта въ 1708 г. въ Турцію (въ Добруджу и Малую Азію) и входившіе въ составъ турецкой арміи.

**) Полевое укрѣпленіе, устроенное изъ повозокъ слѣдующаго за отрядомъ обоза.

рѣйшихъ владѣльцевъ своихъ—Бамата Курюника. Этотъ Курюникъ оказался шуриномъ предводителя калмыковъ — Дундука-Омбы, и потому, свидѣвшись съ нимъ, въ тотъ-же день сталъ уговаривать его пропустить казаковъ безъ боя.

— Русскіе идутъ на Сулакъ, а не на тебя,—говорилъ Дундуку Курюникъ, — тебѣ мой совѣтъ не ввязываться въ чужое дѣло. Если-же ты станешь драться заодно съ татарами, то я стану за русскихъ!"

Угроза эта подѣйствовала.

Дундукъ, отложившійся передъ тѣмъ отъ подданства Россіи, теперь искалъ случая опять войти въ соглашеніе съ русскимъ правительствомъ и заслужить благоволеніе русской государыни. Онъ послушался Курюника и отошелъ. Татары и закубанцы сняли немедленно осаду. Краснощековъ безпрепятственно достигъ Сулака.

Принцъ вдругъ расхрабрился съ прибытіемъ донцовъ; онъ даже нашелъ теперь возможнымъ предпринять кое-какія мѣры противъ бунтовавшихся дагестанцевъ и послать Ермолкина хорошенько проучить уцмія каракайтагскаго, наиболѣе упорнаго изъ мятежниковъ. Ермолкинъ исполнилъ порученіе. Столица уцмійства — считавшійся неприступнымъ аулъ Башлы былъ взятъ и разоренъ.

Послѣ такого урока горцы присмирѣли, но упущенное уже нельзя было вернуть: крымцы-татары наводнили весь Дагестанъ, да на подмогу имъ шелъ туда-же съ новыми ордами самъ крымскій ханъ. При первомъ-же извѣстіи объ этомъ расхрабрившійся было принцъ опять притихъ, но тутъ совершенно неожиданно у хана оказался врагъ, исполнившій то, что должны были-бы сдѣлать русскіе. Этимъ врагомъ крымцевъ явились чеченцы. Они преградили путь хану въ горномъ ущельѣ, нынѣ носящемъ названіе Ханкальскаго, за Сунджей, и почти истребили весь надвигавшійся татарскій отрядъ. Памятникомъ этой побѣды чеченцевъ надъ грознымъ ханомъ явилась поставленная ими въ ущельѣ башня Ханъ-Кале, отъ которой получило свое наименованіе и самое ущелье.

Послѣ всего этого даже въ далекомъ Петербургѣ главари господствовавшей тогда при дворѣ нѣмецкой партіи поняли, что принцъ Людвигъ совершенно негоденъ для роли главнокомандующаго на Кавказѣ, и поспѣшили его убрать оттуда, замѣнивъ его предшественникомъ Василіемъ Левашовымъ. Сразу-же дѣла пошли

на иной ладъ. На военныя экзекуціи Левашевъ не скупился. Малѣйшее поползновеніе къ мятежу—и сейчасъ-же являлся къ волнующимся Ермолкинъ съ военными командами. Всякія сантиментальности были оставлены. Когда на Самурѣ попробовали было забунтовать горцы, Ермолкинъ выжегъ четырнадцать ауловъ и, конечно, отъ мятежа не осталось и слѣдовъ, но все-таки дни пребыванія русскихъ въ Дагестанѣ были сочтены. Россіи грозила война съ Турціей, и потому русскіе дипломаты спѣшили поскорѣе развязаться съ Персіей. 10-го марта 1735 г. въ Ганжѣ (Елисаветполѣ) русскимъ посломъ Голицынымъ былъ заключенъ съ Персіей миръ, по которому Тахмисъ-Кули-хану, будущему Шахъ-Надиру, были возвращены всѣ города и области, завоеванные у персовъ Петромъ Великимъ, русская граница отодвинулась на Терекъ, гдѣ была основана на лѣвомъ берегу новая крѣпость Кизляръ; крѣпость Св. Креста была уничтожена, а терцы и аграханцы переселены съ Сулака на Терекъ.

Русь вернулась въ прежнія свои границы. Все дѣло великаго Петра пошло на смарку...

III.

На Кубани и на Терекѣ.

Въ 1736 г. весною началась война съ турками. Персы сидѣли смирно, на Терекѣ тоже не было военнаго дѣла, исключая развѣ мелкихъ схватокъ съ лезгинами и чеченцами. Зато полилась кровь на Кубани. Какъ только открылись военныя дѣйствія, въ Предкубанье явился съ своими страшными воинами калмыцкій ханъ Дундукъ-Омбо, примирившійся съ русскимъ правительствомъ и дѣйствовавшій теперь въ качествѣ союзника Россіи. Калмыки явились съ Егорлыка, прошли за Кубань и въ верховьяхъ Урупа вырѣзали поголовно все мужское поселеніе въ становищахъ погайцевъ. Покончивъ здѣсь свое кровавое дѣло, Омбо двинулся на Зеленчукъ, усиленный казаками, пришедшими къ нему съ Дона и Терека. Страхъ передъ калмыцкимъ нашествіемъ былъ такъ великъ, что ногайцы, десять тысячъ кибитокъ которыхъ стояли въ верховьяхъ Зеленчука, поспѣшили передаться въ русское подданство и спасли себя тѣмъ, что немедленно выселились въ русскіе предѣлы — на Куму и Терскъ. Вѣрная добыча ускользнула отъ Омбо, но калмыцкій ханъ нашелъ другую. Съ своими калмыками, донцами и терцами онъ прошелъ по всей Кубани,

отъ истоковъ ея до устья. На это ему понадобилось всего четырнадцать дней! Въ двѣ недѣли богатый густо населенный край былъ обращенъ въ пустыню. Огонь истребилъ все города, становища и аулы. Турецкая крѣпость Копылъ, гдѣ пребывали турецкіе сераскиры, была разрушена до основанія. Подвернувшіяся на пути калмыкамъ станицы некрасовцевъ были разорены и сожжены. Каково было разореніе края, лучше всего свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что послѣ ухода Омбы некому было прибирать валявшіеся трупы...

Весною слѣдующаго 1737 года Дундукъ опять побывалъ въ Закубаньѣ. Ничто, никакія силы турокъ не могли остановить калмыковъ. Янычары, лучшее турецкое войско, некрасовцы, храбрецы, какихъ не много, бѣжали въ ужасѣ передъ калмыками въ плавни Кубанскаго устья. Богатѣйшій турецкій городъ Темрюкъ не смогла защитить его крѣпость, снабженная превосходной артиллеріей. Калмыки не оставили въ этомъ городѣ камня на камнѣ, а гарнизонъ крѣпости, состоявшій изъ янычаръ, былъ весь вырѣзанъ. Черкесскія племена адыге спаслись отъ истребленія лишь тѣмъ, что ушли въ горы, куда калмыки не могли проникнуть. Императрица Анна Іоанновна была такъ довольна этою дѣятельностью Дундука-Омбо, что пожаловала ему соболью шубу и драгоцѣнную саблю.

Едва только кончилась турецкая война, какъ лѣвому флангу, т. е., русскимъ на Терекѣ, пришлось встрепенуться. Тахмасъ-Кули-ханъ, вступившій на персидскій престолъ подъ именемъ Надиръ-шаха, вдругъ поднялъ военное могущество Персіи. Это удалось ему сдѣлать удачнымъ походомъ въ Индостанъ противъ Великаго Могола. Индостанъ былъ покоренъ персами; при взятіи столицы Великаго Могола — Дели — погибло 200.000 человѣкъ. Успѣхъ вскружилъ голову Надиру. Новый Навуходоносоръ совсѣмъ обезумѣлъ.

— Стопло мнѣ ногой лягнуть, — говорилъ онъ, — и вся Индія рушилась съ престоломъ Великаго Могола! Если обѣими ногами лягну, весь свѣтъ въ пепелъ обращу...

Въ концѣ концовъ, этотъ шахъ сталъ думать о покоренія Россіи...

Русскій резидентъ въ Персіи, Колюшкинъ, доносилъ, что шахъ, однажды, разговаривая съ ханомъ афганцевъ, вдругъ началъ кричать:

— Персія скверная, достойна-ли ты такого великаго

государя имѣть! Единъ Богъ на небѣ, а мы — единый государь на землѣ, ибо ни одинъ монархъ на свѣтѣ о насъ безъ внутренняго страха слышать не можетъ. Если-бы мы теперь саблю нашу на Россію обратили, то легко могли-бы завоевать это государство, но оставляемъ его въ покоѣ по той причинѣ, что намъ отъ этого завоеванія пользы не будетъ: въ Россіи больше казны расходится, чѣмъ сбирается, о чемъ я подлинно знаю, слѣдовательно, надобно такое государство искать, отъ котораго была-бы прибыль.

Однако, задоръ шаха прошелъ, какъ только онъ получилъ извѣстіе, что къ Кизляру идутъ русскіе полки. Не осмѣлился онъ пойти и на Турцію, воевать съ которой онъ хотѣлъ ради религіозныхъ цѣлей. Зато онъ кинулся на Дагестанъ, и лезгины жестоко проучили „грозу вселенной“. Ни одной побѣды не одержалъ Надиръ въ борьбѣ съ народами Нагорнаго Дагестана. Напротивъ того, въ кровопролитной битвѣ съ андаляльцами подъ ауломъ Чохъ въ 1745 г. андаляльскія женщины, явившись на помощь бившимся съ персами своимъ отцамъ, мужьямъ и братьямъ, рѣшили участь битвы: персы при неожиданномъ появленіи андаляльянокъ бѣжали, несмотря на то, что они одною своею численностью могли-бы задавить горцевъ.

Надиръ долженъ былъ спѣшно отступить отъ Аварскихъ горъ.

Объ этомъ походѣ шаха Надира на Дагестанъ сохранилось слѣдующее народное преданіе, разсказывающее о попыткѣ Надира овладѣть Чохомъ, ауломъ андаляльцевъ.

Вотъ это преданіе *).

Словно тучи въ день осенній
Надвигаются иранцы.
Какъ на днѣ морскомъ песчинокъ,
Сосчитать ихъ невозможно.
Слышенъ рокотъ, словно волны
Разлились живого моря,
Разлились — вотъ-вотъ затопятъ
Наши горы, наши гнѣзда!
Блещутъ ратные доспѣхи,
Копій выросъ лѣсъ дремучій,—
То идутъ на насъ афганцы,
Съ ними курды и трухменцы;
Посрединѣ выступаютъ
Сильчи мазандеранцы;
Эта шахова пѣхота
Все съ лица земли стираетъ!
Передъ нею разсыпную,
Но готовые для битвы,
Идутъ стройные красавцы —
То стрѣлки Адорбейджана.
Весь Иранъ на насъ поднялся —
Рѣютъ шаховы знамена!
Столько ихъ, что даже мулла
Не сочтетъ съ утра до ночи...
Всѣ равнины на предгорьяхъ
Затопили орды злыя.
Во главѣ ихъ всепобѣдный
Шахъ-Надиръ — Гроза вселенной.
Съ нимъ Шахъ-Манъ, измѣнникъ подлый,

*) Стихотворная передача этой легенды исполнена Ал. Эльснимъ.

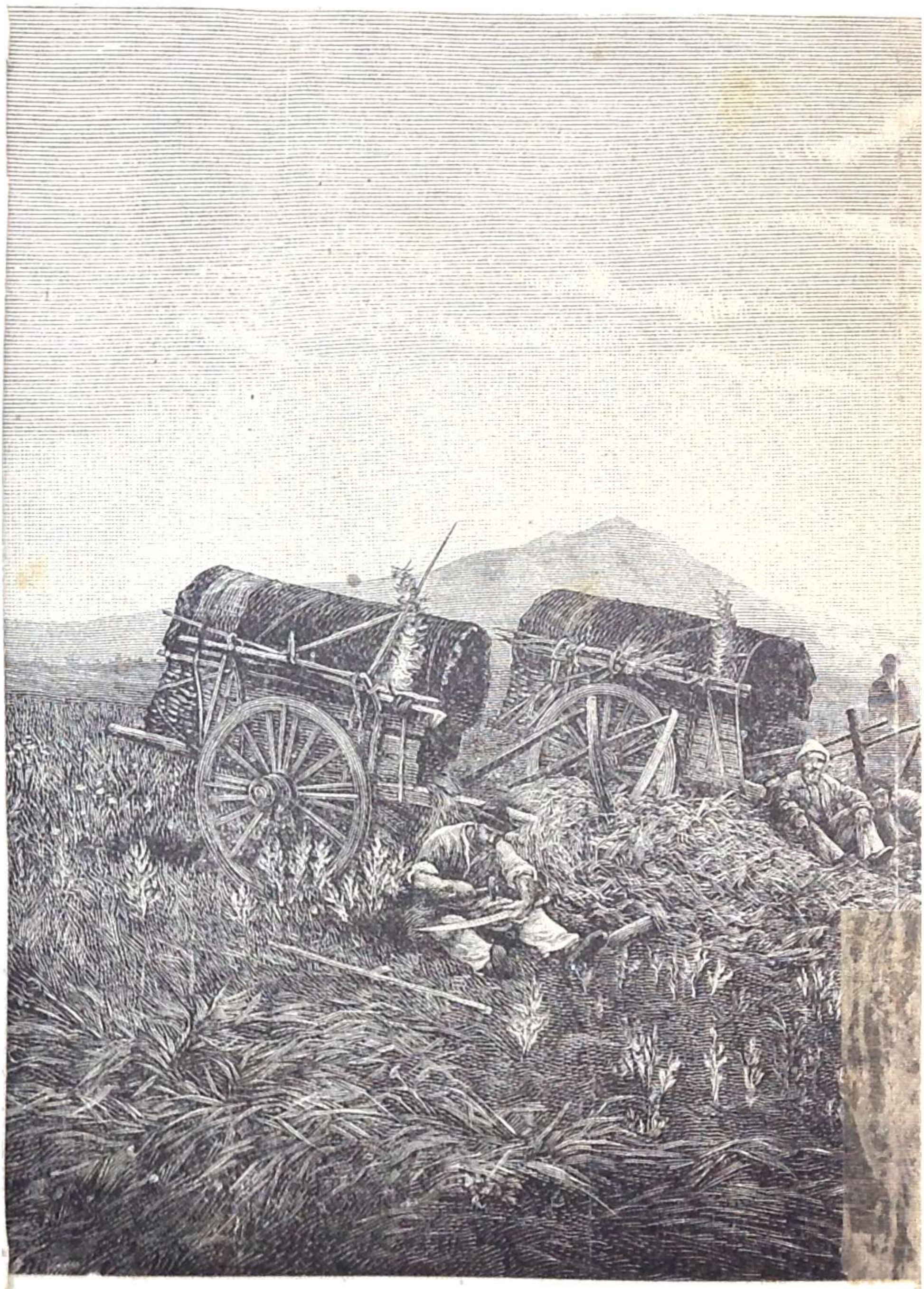
Отъ котораго и дѣти,
Сыновья его, любимцы,
Отказался навѣки.
Изгнанъ былъ Шахъ-Манъ презрѣнный.

На родимые аулы,
Ради мести за обиду,
Онъ привелъ теперь иранцевъ.
Пусть проклято будетъ чрево,
Что его въ себѣ носило!
Пусть сосцы прокляты будутъ,
Что измѣнника вскормили!
Пусть его презрѣнной кровью
И кинжалъ не обагрится!
Пусть умретъ онъ, какъ собака,
Проклинаемый въ аулахъ!
  Надвигаются иранцы.
Вотъ предъ ними наши горы...
Топотъ ногъ людскихъ и конскихъ
Заглушаетъ ревъ потоковъ.
Ой, бѣда! Родныя горы!
Какъ-бы съ мѣста васъ иранцы
Не подвинули, чтобъ въ море
Побросать васъ вмѣстѣ съ нами!
  Вотъ пришли... Пришли и стали.
Шахъ-Надиръ съ Шахъ-Маномъ подлымъ
Изъ долины смотрятъ зорко
На утесы, на вершины.
Говоритъ Надиръ Шахъ-Ману:
—«На подоблачныхъ высотахъ,
Гдѣ орлы одни летаютъ,
Вижу я людей какихъ-то.
Вѣрно, страхъ передо мною,
Предъ моей великой силой,
Нѣтъ которой равной въ свѣтѣ,
Ихъ загналъ на эти кручи!»
Отвѣчалъ измѣнникъ шаху,
Потупляя долу очи:
—«Нѣтъ, не страхъ туда загналъ ихъ
Предъ твоей великой силой!
Страхъ сердцамъ ихъ неизвѣстенъ,
Битва—радость имъ и счастье...
Берегися, повелитель:
Тамъ ты видишь андаляльцевъ.
То гнѣздо надъ облаками
Не орламъ пріютомъ служитъ —
Чохъ аулъ-то андаляльскій.
Берегись, Гроза вселенной!»
  Шахъ-Надиръ, Гроза вселенной,
Услыхавъ отвѣтъ Шахъ-Мана,
Засмѣялся, словно шутку
Онъ веселую услышалъ.
—«Не смѣши, — въ отвѣтъ промолвилъ,—
Развѣ есть на бѣломъ свѣтѣ,
Кто противиться мнѣ могъ-бы,
Повелителю вселенной?
Сокрушу я андаляльцевъ,
Такъ, что память ихъ исчезнетъ! —
И, сказавъ такое слово,
Онъ послалъ спросить въ аулы:
«Что за мыши это лѣзутъ
На моихъ котовъ иранскихъ?»
И владыкѣ полуміра
Отвѣчали андаляльцы:
— «Погляди, шіитъ презрѣнный,
На своихъ ты куропатокъ,
Что осмѣлились подняться
На орловъ изъ Лезгистана!»
  И тогда вскипѣла битва.
Загремѣли наши ружья,
Засверкали наши шашки,
Полилися рѣки крови.
Лѣзутъ на горы иранцы,
Нѣтъ числа ихъ ратной силѣ,
Но предъ ними оживаютъ
Камни, скалы и утесы.
Изъ-за нихъ бойцамъ навстрѣчу
Смерть холодная несется,
Но ихъ столько, что и смерти
Подбирать ихъ не подъ силу.
Добрались до насъ... Стѣною
Всталп мы живой предъ ними
И схватилися грудь съ грудью
Мы съ иранскими бойцами.
  Солнце вышло, и на солнцѣ
Сталь каленая сверкаетъ.
И заржавѣли кинжалы
Отъ иранской подлой крови.
На горахъ другія горы
Поднялись высоко къ небу, —
То тѣла бойцовъ Надира,
Павшихъ въ битвѣ передъ Чохомъ.
  Полдень знойный, андаляльцы
Не отдвинулись ни шагу
И стоятъ средь грозной сѣчи
Предъ иранскими бойцами,
Что, по волѣ Шахъ-Надира,
На смерть идутъ неотступно,
Какъ гранитные утесы
Предъ морскимъ прибоемъ въ бурю.
  Но и капля долбитъ камень!
Лишь одинъ Аллахъ всесиленъ,
А людскимъ ничтожнымъ силамъ
Имъ положены предѣлы.
Андаляльцы всѣ на мѣстѣ —
Взадъ не двинулись ни шагу,
Всѣ остались, но немного
На ногахъ средь нихъ стоящихъ.

Большинство легло, какъ вѣтромъ
Въ нивѣ сбитые колосья.
Въ дикой радости иранцы
Заревѣли, словно звѣри!
Верхъ за ними остается!
Погибаютъ андалальцы...
Ждать имъ помощи откуда?
Развѣ только отъ Аллаха!
Но и тотъ разгнѣванъ, вѣрно,
А не то такой побѣды
Онъ отверженцамъ-шіитамъ
Никогда не даровалъ-бы!
Шахъ-Надиръ уже ликуетъ.
Конь подъ нимъ арабской крови,
Разукрашенный, какъ въ сказкѣ,
Удила грызетъ свирѣпо.
А Шахъ-Манъ главой поникнулъ:
Знать, ему подъ броню въ сердце
Заползла змѣею совѣсть,
Заползла и душу точитъ.
Говоритъ Надиръ, надменно
На измѣнника взглядъ кинувъ,
— «Поглядимъ-ка мы на дерзкихъ,
Что противиться намъ смѣли!»
Тронулъ онъ коня и скачетъ.
Визирь скачетъ вслѣдъ за шахомъ
И блестящая вся свита
Потянулася за ними.
Вдругъ — о, ужасъ! — что такое?
Потемнѣлъ Надиръ... Онъ видитъ,
Что къ бойцамъ послѣднимъ помощь
Изъ аула подоспѣла;
Видятъ, будто въ пять разъ больше
Стало сразу андаляльцевъ
И опять бой затихавшій
Загорѣлся съ силой ярой.
Что за воины такіе?
Мѣсто имъ не въ жаркой сѣчѣ...
Не отточеною шашкой
Наносить имъ людямъ раны.
Нѣтъ! Не шашкой... Поцѣлуемъ
Имъ разить сердца людскія
И въ гаремахъ имъ любовью
Услаждать-бы жизнь на свѣтѣ!
То не мужи, что для битвы
Родились и съ колыбели
Пріучалися съ врагами
Въ жаркой схваткѣ биться на смерть,
Андаляльскія-то дѣвы,
Жены, матери и вдовы
Въ мигъ послѣдній на подмогу
Въ бой кровавый поспѣшили.
Умереть онѣ готовы
Съ тѣми, кто былъ дорогъ сердцу,
Только-бъ смерть ихъ подороже
Обошлась врагамъ свирѣпымъ!
Блещутъ шашки и кинжалы
Въ ихъ рукахъ, что лишь недавно
Въ праздникъ свѣтлый и веселый
Бубны звонкіе держали,
И не пѣсня, — кличъ свирѣпый
Съ устъ срывается ихъ нѣжныхъ,
Будто смерть сама несется,
Предводительствуя ими.
Сонмъ-ли гурій, злые-ль духи
Появились столь нежданно?
Распознать того не могутъ
Пораженные иранцы.
Опустилися ихъ руки,
Робость ихъ сердца объяла,
Вмѣстѣ съ нею смертный ужасъ
Помрачилъ ихъ слабый разумъ.
Мигъ еще — они шатнулись...
Мигъ еще — и въ безпорядкѣ
Побѣжали вспять отъ Чоха
Всѣ бойцы Надира-шаха.
Шахъ-Надиръ глядитъ на битву
И глазамъ своимъ не вѣритъ:
Какъ напуганное стадо,
Орды катятся отъ Чоха;
Побѣжали вспять афганцы,
Что закованы въ желѣзо,
Понеслись адербейджанцы,
Съ нашихъ горъ быстрѣе ланей.
Силачи-мазандеранцы
Покатилися за ними;
Курды, лазы и трухменцы
Съ дикимъ гиканьемъ помчались...
Удержать ихъ невозможно,
Даже шаховыхъ велѣній
Бѣглецы въ испугѣ дикомъ
На пути своемъ не слышатъ.
Вслѣдъ имъ смѣхъ несется женскій,
Смѣхъ и радостный, и звонкій...
Всемогущему Аллаху
Похвала гремитъ несмолчно.
Со стыдомъ отъ андаляльцевъ
Шахъ ушелъ въ Иранъ свой бѣдный.
Былъ славнѣйшими руками
Посрамленъ Гроза вселенной.

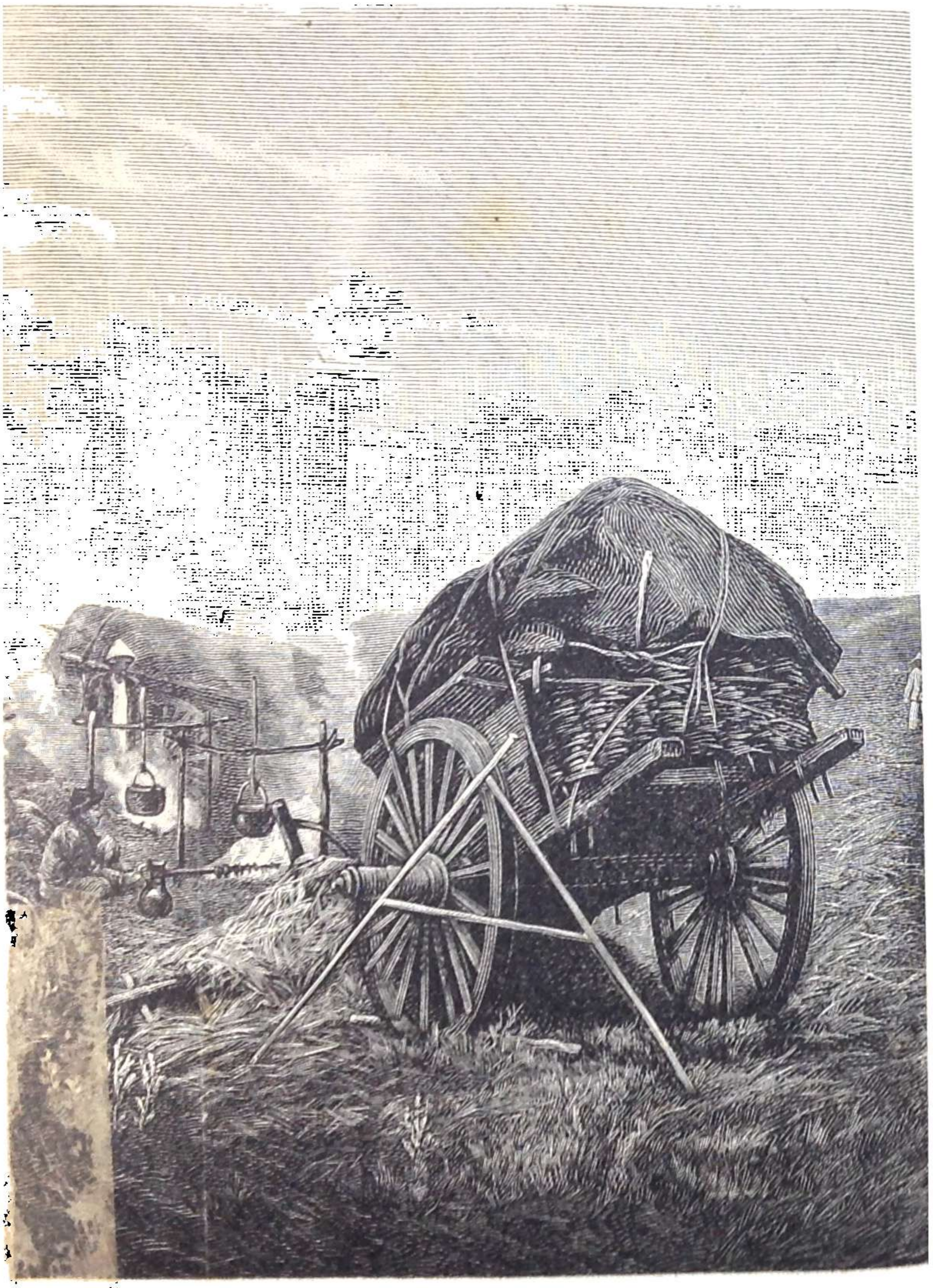
Эта битва происходила въ 1742 г.

Здѣсь кстати сказать, что упоминаемый въ легендѣ Шахъ-Манъ, былъ далеко не презрѣнный человѣкъ. Напро-

Кабарда. Кабардинцы на привал

Стр. 35 и 36.

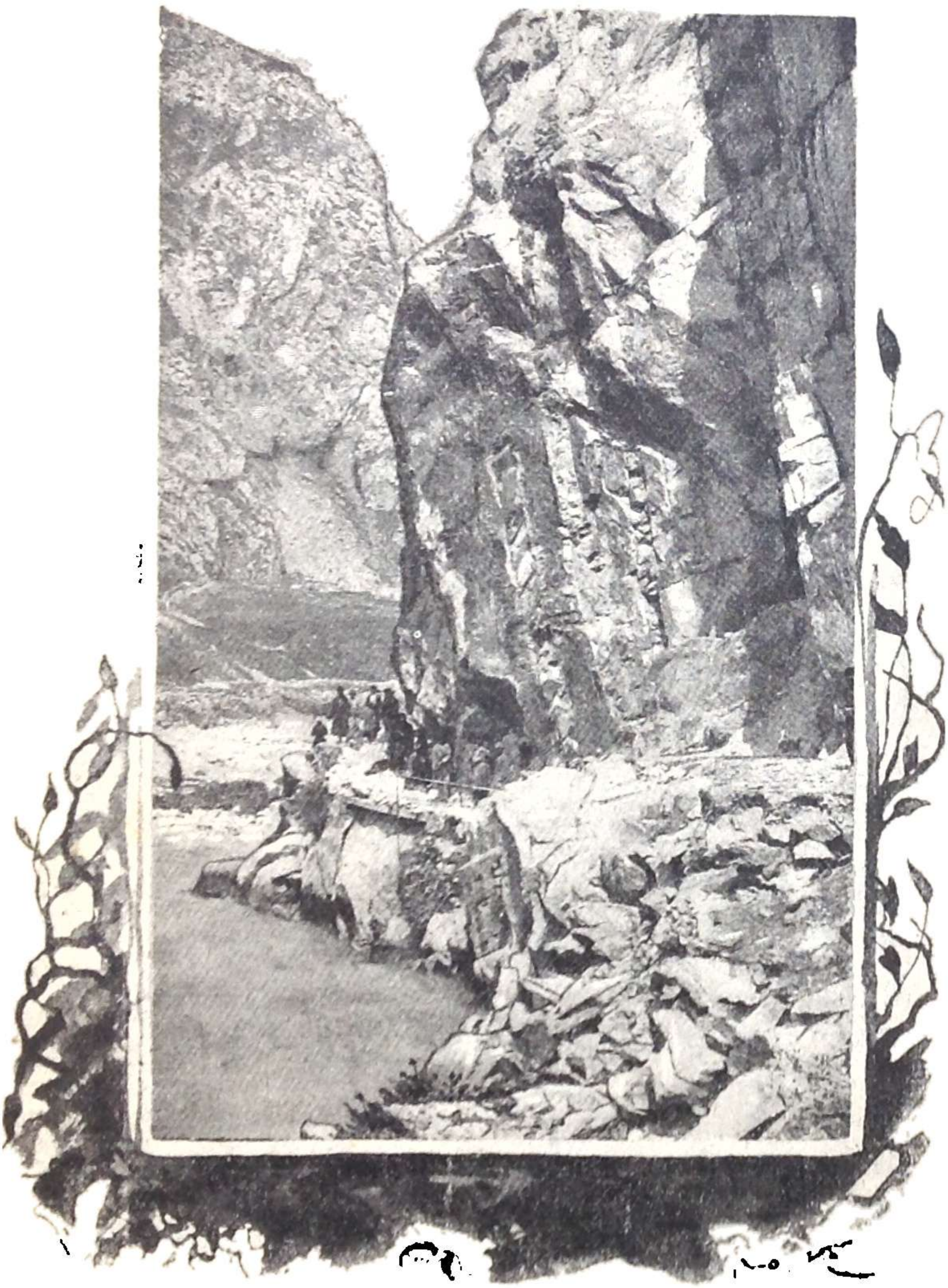

Съ картины художн. Н. Н. Бунина.

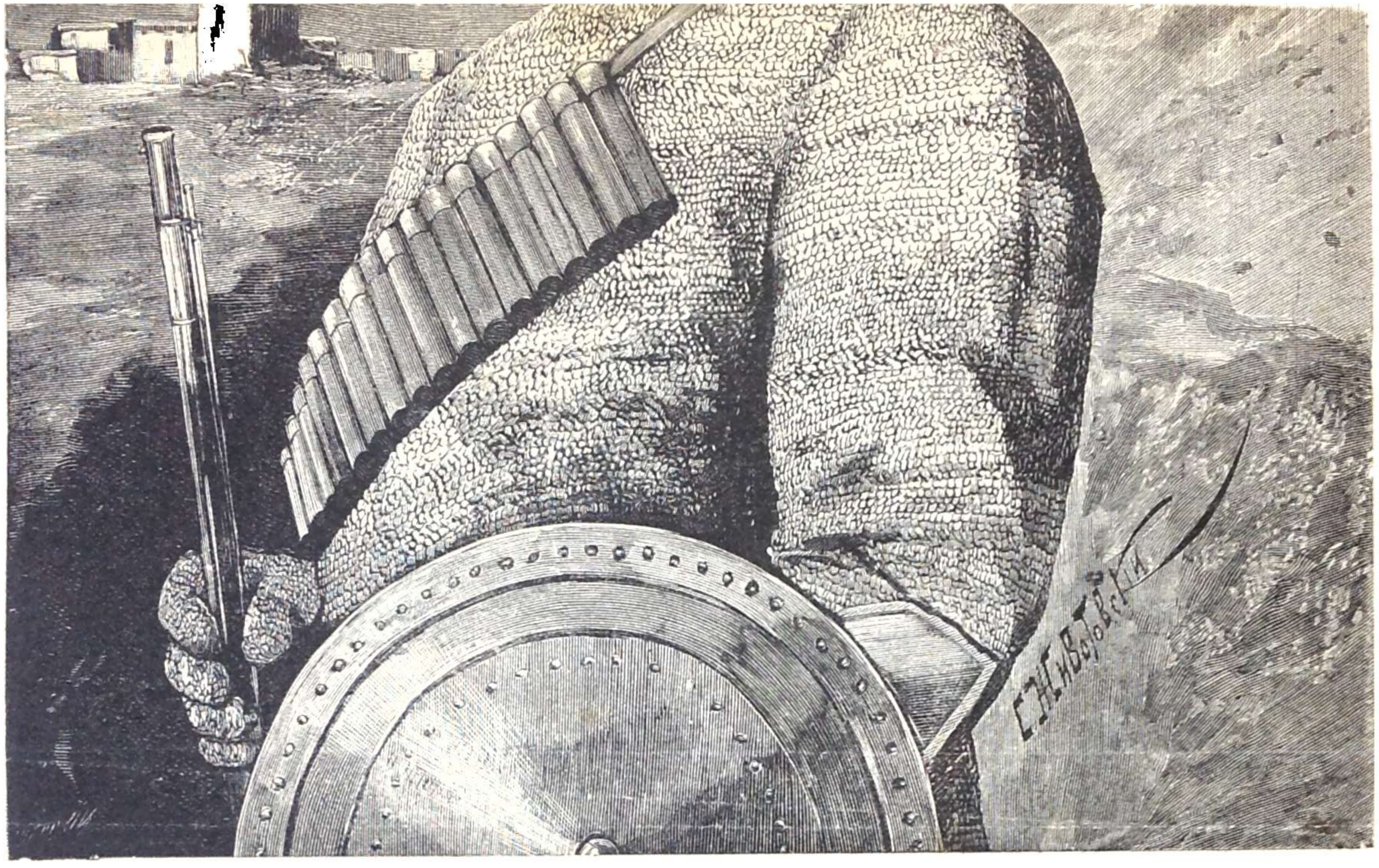

Кавказъ Осетинка. Тушинка. Осетинъ. Ко

Стр. 39 и 40.

Кавказъ. Военно-грузинская дорога. Дарьяльское ущелье.
Композ. Н. Ольшанскаго по фот. В. Ермакова.

Пиявохевсурія. Хевсуръ въ боевомъ вооруженіи. Ориг рис. худ. С. Животовскаго.

Императоръ Петръ Великій, завоеватель Дагестана.

тивъ, Шахъ-Манъ, одинъ изъ богатыхъ аварскихъ владѣльцевъ, былъ крупной величины общественный дѣятель. Онъ задумалъ провести благодѣтельныя для Дагестана реформы: объединить всѣ племена, смягчить нравы путемъ уничтоженія грабежа, но, видно, тогда время еще не подошло для задуманныхъ Шахъ-Маномъ реформъ. Отчасти ему удалось сдѣлать кое-что, но горцы никакъ не могли примириться съ невозможностью прибѣгать къ грабежу и насилію. Они изгнали Шахъ-Мана, и во главѣ подготовившихъ это изгнаніе были его сыновья.

Черезъ три года Шахъ-Манъ повелъ на родныя горы персовъ.

Нельзя сказать, чтобы и сами дагестанцы не были безъ грѣха при этомъ нападеніи Шаха-Надира. При первыхъ битвахъ персы постоянно побѣждали ихъ. Одна битва произошла при Чиръ-Викіатѣ, но здѣсь побѣдителями вышли дагестанцы. Они захватили предводителя персовъ, Курбана, брата Надира, и сожгли его живымъ. Это такъ озлобило шаха, что тогда-то онъ порѣшилъ завоевать весь Дагестанъ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ сожженъ былъ Курбанъ, сдѣлать холмъ изъ головъ дагестанцевъ. Это было исполнено. Затѣмъ съ несмѣтными полчищами Надиръ тронулся на Дагестанъ и покорилъ его. Осталось непокореннымъ только жившее въ Обохскихъ горахъ племя андалялцевъ, съ которыми персы и встрѣтились подъ ауломъ Чохъ, въ долинѣ, омываемой горной рѣчкой Орди-Оромъ.

Пораженіе персовъ было полнѣйшее.

Шахъ-Манъ кончилъ благородно. Онъ самъ явился въ родной аулъ въ полномъ вооруженіи и объявилъ тамъ собравшемуся народу, что онъ былъ оскорбленъ несправедливостью и привелъ персовъ ради отмщенія. Теперь, удовлетворивъ мстительное чувство, онъ не находитъ себѣ цѣли жизни, проситъ своихъ земляковъ убить его, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, требуетъ, чтобы были казнены и его сыновья, осмѣлившіеся пойти противъ родителя.

И просьба, и требованіе Шахъ-Мана были удовлетворены.

Пораженіе подъ Чохомъ поражающе подѣйствовало на Надира. Историкъ говоритъ, что онъ плакалъ отъ досады при этомъ отступленіи. По ночамъ онъ выбѣгалъ изъ гаремныхъ палатокъ въ свой шатеръ и сидѣлъ тамъ часа по два, по три, придумывая, кого-бы ему казнить. Иногда онъ кричалъ, что счастье покидаетъ его, но онъ, вопреки

судьбѣ, овладѣетъ Дагестаномъ, хотя-бы ради этого ему пришлось потерять все свое войско. Однажды онъ призвалъ къ себѣ индійскаго факира, чтобы тотъ предсказалъ ему будущее.

„Напрасно онъ столько труда принимаетъ, — писалъ по этому поводу въ Петербургъ Колюшкинъ, — потому что и безъ волшебства знать можно, что онъ скорѣе все свое войско потеряетъ и самъ пропадетъ, нежели лезгинцевъ покоритъ“.

Такой сосѣдъ представлялъ опасность для Россіи. При очевидной ненормальности Надира можно было ожидать внезапнаго вторженія персовъ въ Предкавказье. Приняты были мѣры. На Терскую линію, въ качествѣ командующаго ею, былъ присланъ уже прославившій себя на Кавказѣ подвигами генералъ Еропкинъ; съ Волги и съ Дона были приведены войска, въ Астрахани принялись за сооруженіе флота для Каспійскаго моря. Послѣднее явилось слѣдствіемъ того, что около Надира явился нѣкій англичанинъ Элтонъ, который, подстрекая его къ нападенію на Россію, приступилъ къ сооруженію военныхъ судовъ, пригодныхъ для плаванія по Россіи.

Въ 1747 г. въ Персіи вспыхнулъ мятежъ, и Надиръ былъ убитъ своимъ племянникомъ Али-Кули-ханомъ. Эта смерть положила конецъ тревогамъ на Терекѣ. Пригнанные туда изъ Россіи полки были возвращены обратно, и Кавказъ замеръ вплоть до вступленія на престолъ императрицы Екатерины II.

Слово „замеръ“ вовсе не значитъ здѣсь, чтобы на Кавказѣ царили тишь да гладь, да Божья благодать. Ничего подобнаго не было. Лилась кровь, происходили и мелкія схватки, и крупныя битвы, но прекратилось наступательное движеніе Руси, и борьба шла лишь за то, чтобы русскимъ людямъ удержаться на насиженныхъ мѣстахъ.

Ареною этой борьбы была Терская линія, на которой жили гребенскіе, кизлярскіе и терско-семейные казаки. Противъ нихъ были тавлинцы-лезгины, чеченцы и обѣ Кабарды, признанныя по договору съ Турціей въ 1739 г. нейтральными, но подпавшія подъ вліяніе турокъ настолько, что древнее христіанство здѣсь замѣнилось мусульманствомъ, и кабардинцы изъ друзей и союзниковъ русскихъ стали ихъ заклятыми врагами.

Это касается Терской линіи.

На западѣ, въ Предкубаньѣ, отъ Еи, Дона и Маныча до подножія Кавказскихъ горъ, свободно кочевали дикія

орды ногайцевъ, калмыковъ, порою тоже набрасывавшихся на пограничныхъ казаковъ.

Позволимъ себѣ вкратцѣ резюмировать все то, что сказано въ предыдущихъ очеркахъ относительно пограничной Терской линіи. Первыми поселенцами здѣсь были гребенскіе казаки, и первоначальное устройство линіи должно быть отнесено къ 1711 г., когда генералъ-адмиралъ Апраксинъ поселилъ по лѣвому берегу Терека сперва часть гребенскихъ казаковъ, а затѣмъ казаковъ, вызванныхъ, по повелѣнію Петра, съ Дона вмѣстѣ съ семьями. Эти послѣдніе казаки съ присоединившимися къ нимъ впослѣдствіи казаками, приведенными съ Дона атаманомъ Краснощековымъ, основали Терско-семейное казачье войско. Сперва поселенцы въ мѣстности, которая впослѣдствіи составила Кизлярскій уѣздъ, поставили пять станицъ: Новогладовскую, Шадринскую, Старогладовскую, Курдюковскую и Червленую; приведенные Краснощековымъ семейные донцы прибавили еще станицы Кургалинку, Дубовскую и Бороздинку, находившіяся по Тереку между Кизляромъ и станицами гребенскихъ казаковъ и образовавшія вмѣстѣ съ послѣдними Терскую пограничную линію. Поселенные здѣсь казаки постоянно пополнялись какъ новыми выселенцами изъ Россіи, такъ и приставшими къ нимъ татарами и горцами, принимавшими православіе.

Въ сравненіи съ тою задачею, которая сама собою создалась для нихъ — удерживать горцевъ отъ вторженій, пограничныхъ или „линейныхъ“ — какъ ихъ тогда стали называть — казаковъ было мало, но зато жизнь, полная постоянныхъ опасностей, выработала изъ нихъ людей, каждое мгновеніе готовыхъ къ борьбѣ, для которыхъ всякая боевая схватка, всякая смертельная опасность представлялась забавою. Даже какъ-будто образовалась особая порода воиновъ, которые всю свою жизнь, съ дѣтскаго возраста и до преклонной старости, были готовы ко всякимъ опасностямъ.

И отношенія начальниковъ къ линейнымъ казакамъ были совсѣмъ иныя, чѣмъ въ другихъ войскахъ. Начальство смотрѣло на линейнаго казака, какъ на боевого товарища, а вовсе не какъ на живую и дешево стоющую машину для истребленія враговъ Россіи. Обѣ стороны связывало взаимоуваженіе, а это вело лишь къ тому, что начальники и подчиненные, проникнутые однимъ духомъ,

составляли общее цѣлое и могли выдерживать непрерывный напоръ горскихъ народцевъ, никогда спокойно не сидѣвшихъ въ своихъ ущельяхъ и подоблачныхъ гнѣздахъ.

Въ Петербургѣ во все время царствованія императрицы Елизаветы Петровны Кавказомъ мало, или, вѣрнѣе сказать, совсѣмъ не интересовались. Али-Кули-ханъ, занявшій престолъ Надиръ-шаха, не безпокоилъ Россіи. Не до того ему было въ то время. Персію продолжали раздирать внутреннія неурядицы. Али-Кули-ханъ, убивъ дядю, перерѣзалъ всѣхъ наслѣдниковъ. Только старшій сынъ Надира успѣлъ бѣжать и скрылся въ Австріи при дворѣ императрицы Маріи-Терезіи, гдѣ и принялъ крещеніе. Тѣмъ не менѣе, противъ Али-Кули-хана не прекращали возстанія, и онъ не только не думалъ о войнѣ съ Россіей, но даже долженъ былъ оставить безъ вниманія Грузію, для которой какъ-будто вернулись счастливыя времена.

IV.

Грузія наканунѣ своего конца.

Грузія, дѣйствительно, какъ-будто начала переживать новую эпоху.

Подъ вліяніемъ персовъ нѣкоторая часть ея высшихъ классовъ восприняла обычаи завоевателей, ихъ культуру, но большая часть грузинъ попрежнему тяготѣла къ Россіи. Однако, это тяготѣніе было тайное. Грузинская самобытность исчезала, и многіе знатнѣйшіе грузинскіе роды переселялись въ Россію, дабы тамъ сохранить себя отъ персидскаго и турецкаго давленія, путемъ котораго туркамъ удалось почти окончательно подчинить себѣ Имеретію, Мингрелію, Гурію, Сванетію, не говоря уже объ Абхазіи, странѣ Адыге и обѣихъ Кабардахъ.

Несмотря на подчиненность этихъ областей туркамъ, ядромъ Грузіи все-таки оставались Кахетія и Карталинія.

Въ то самое время, когда Россія переживала прутскій погромъ и его послѣдствія, царемъ Грузіи былъ знаменитый Вахтангъ VI (1711—1724 гг.), мудрый законодатель и политикъ, истинный христіанинъ въ душѣ, только путемъ насилія обращенный въ магометанство. Онъ возсоздалъ грузинскую письменность и литературу, далъ своему народу точные уголовные и гражданскіе законы, сдѣлалъ очень много для возстановленія и распространенія христіанства, но конецъ его царствованія не былъ

счастливымъ. Турки, подчинившіе себѣ Имеретію, нахлынули съ завоевательными цѣлями и на Грузію. Грузины не были въ состояніи дать энергичный отпоръ завоевателямъ. Въ 1724 г. грузинскія войска были разгромлены турками и Вахтангъ былъ принужденъ бѣжать въ Россію, гдѣ надѣялся найти помощь у императора Петра Великаго. Но онъ уже не засталъ въ живыхъ покорителя Дагестана и самъ умеръ въ одинъ годъ съ нимъ. Грузія-же въ 1729 г. была объявлена турецкимъ владѣніемъ.

Впрочемъ, власть турокъ была номинальною. Истинными хозяевами Грузіи были все-таки персы, и Шахъ-Надиръ отнялъ навсегда Грузію у турецкаго султана. Случилось такъ, что Надиръ въ это время ударился въ религіозность и разыгрывалъ изъ себя правителя, жаждущаго для своего народа познанія истинной вѣры. Онъ призывалъ къ себѣ христіанскихъ священниковъ, еврейскихъ раввиновъ, муллъ-сунштовъ и заставлялъ ихъ знакомить себя съ основаніями ихъ религіи; христіанскіе священники (армянскіе архіереи и католическій епископъ съ патерами) перевели для Надира на персидскій языкъ Евангеліе, еврейскіе раввины — талмудъ. Шахъ, ознакомившись съ тѣмъ и другимъ, самъ сказалъ собраннымъ духовнымъ такую рѣчь:

— Вы совершили богоугодное дѣло, за что будете нами пожалованы. Вы видите, что Всевышній даровалъ намъ величество, власть и славу и въ сердце наше вселилъ желаніе разсмотрѣть различіе столь многихъ законовъ и, выбравъ изъ всѣхъ нихъ, сдѣлать новую вѣру, такую, чтобы Богу угодна была и мы-бы отъ того спасеніе получили. Для чего на свѣтѣ столько разныхъ религій и всякій своею дорогой идетъ, а не одною: если Богъ одинъ, то и религія должна быть одна.

Врядъ-ли увлеченіе Шаха-Надира было неискренно; вскорѣ онъ погибъ изъ-за того, что хотѣлъ объединить въ Персіи шіитовъ и сунштовъ, что и стало непосредственной причиною къ роковому для него возмущенію народа, которымъ сумѣлъ воспользоваться его племянникъ. Какъ-бы тамъ ни было, а Надиръ не послѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ и далъ Кахетіи и Карталиніи царей-христіанъ и притомъ, подчиняясь неизвѣстно какому порыву (соображать Надиръ въ это время врядъ-ли что могъ), въ Карталиніи онъ назначилъ въ 1744 г. царемъ одного изъ Багратидовъ, Теймураза, всту-

нившаго на престолъ подъ именемъ Теймураза II, а въ Кахетіи—его сына, знаменитѣйшаго впослѣдствіи предпослѣдняго грузинскаго царя—Ираклія, также начавшаго царствовать подъ именемъ Ираклія II. Отецъ и сынъ немедленно стали союзниками, и Кахетія съ Карталиніей начали сливаться въ одно цѣлое. Теймуразъ, престарѣлый, одряхлѣвшій, въ концѣ концовъ, удалился въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что у него возникли раздоры съ сыномъ; Ираклій-же поспѣшилъ соединить Кахетію и Карталинію въ одно цѣлое. Народъ сталъ на его сторону. Теймуразъ въ 1762 г. умеръ въ Петербургѣ, и прахъ его былъ перевезенъ въ Астрахань, гдѣ и погребенъ въ мѣстномъ соборѣ, рядомъ съ Вахтангомъ VI. Смерть Теймураза напомнила находившемуся въ Россіи сыну Вахтанга, Бакару, что онъ, Бакаръ, законный наслѣдникъ карталинскаго престола. Бакаръ, оставивъ въ Россіи сына своего, Александра, отправился въ Тифлисъ и попробовалъ поднять грузинъ противъ Ираклія. Это предпріятіе ему не удалось. Какъ сказано выше, народъ былъ на сторонѣ Ираклія, въ которомъ народная проникновенная мудрость предугадывала великаго правителя. Возстаніе было подавлено въ самомъ зародышѣ. Бакаръ бѣжалъ въ Россію, а съ его сторонниками Ираклій расправился по персидскому способу: всѣ они были заживо сожжены въ Авлабарскомъ предмѣстьѣ Тифлиса.

Въ то время, въ одинъ и тотъ-же 1762-й годъ, когда возсоединились Кахетія и Карталинія, умеръ Теймуразъ и пробовалъ возбудить возстаніе Бакаръ Вахтанговичъ, на русскій престолъ вступила императрица Екатерина II; рѣзко выдѣлявшіяся событія въ Кавказскомъ краѣ привлекли ея вниманіе. Но, прежде чѣмъ на Грузію, эта мудрая государыня обратила свое вниманіе на горсть казаковъ, съ непоколебимымъ упорствомъ отстаивавшихъ свои гнѣзда противъ бѣшеныхъ натисковъ горцевъ, не дававшихъ защитникамъ линіи ни отдыха, ни покоя.

Блестящій походъ Петра Великаго на Дагестанъ не имѣлъ, въ силу особыхъ обстоятельствъ, никакихъ послѣдствій. Что пріобрѣлъ великій Петръ, то было потеряно почти тотчасъ послѣ его кончины. Великая Екатерина, по крайней мѣрѣ, въ первую наиблестящую пору своего царствованія, во всѣхъ своихъ начинаніяхъ брала за образецъ великаго Петра. Она какъ-бы являлась продолжательницею, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и завершительницею его дѣлъ. Что касается Кавказскаго края, то

Екатерина во все свое долгое царствованіе не упускала изъ виду этой далекой, но необходимой для Россіи окраины. Конечно, политикою государыни руководило не стремленіе къ земельнымъ пріобрѣтеніямъ; императрица понимала значеніе для Россіи Кавказа въ качествѣ страны-буфера между враждебными Руси Турціей и Персіей, но дальновидная правительница въ то-же самое время прекрасно понимала, что это — буферъ ненадежный, что онъ будетъ служить противной сторонѣ, въ особенности Турціи, подъ вліяніе которой подпали наиболѣе значительныя горскія племена.

Однако, обстоятельства складывались такъ, что о покореніи Кавказа думать не приходилось — войны съ турками, поляками сильно мѣшали этому. Тѣмъ не менѣе, при Екатеринѣ II сдѣлано было очень многое въ смыслѣ укрѣпленія русскаго владычества въ Предкавказьѣ, а подъ конецъ своего царствованія государыня пошла даже по стопамъ великаго Петра и вернула Руси потерянный было Дагестанъ, подчинивъ ея вліянію и многихъ закавказскихъ владѣльцевъ.

Наиболѣе важнѣйшими начинаніями императрицы въ отношеніи Кавказа было устройство Моздокской казачьей линіи, перенесеніе кордонной линіи съ Еи на Кубань, что отдало во власть Россіи все Предкавказье, упроченіе русскаго вліянія въ Грузіи, походъ на Дербентъ, окончившійся завоеваніемъ Дагестана. Все это свершено было „екатерининскими орлами“, но, прежде чѣмъ перейти къ описанію событій этого времени, никоимъ образомъ нельзя пройти молчаніемъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ личностей XVIII столѣтія — грузинскаго царя Ираклія II.

Жилъ-былъ въ Пруссіи король. Звали его Фридрихъ. Говорятъ, что онъ былъ очень уменъ, но говорятъ это, конечно, нѣмцы. Они даже назвали этого своего короля Фрица „Великимъ“. Пожалуй, что для Пруссіи, очень мизерной въ то время, король Фрицъ и въ самомъ дѣлѣ былъ великъ, но главная суть въ томъ, что онъ былъ умнѣе многихъ своихъ современниковъ, а потому эти послѣдніе, ничто-же сумняшеся, признали и въ свою очередь короля Фрица тоже великимъ. Къ его мнѣніямъ прислушивались, его каждое изреченіе считалось непреложной истиной. Даже такая умная женщина, какъ бывшая принцесса Ангальтъ-Цербтская Софія, ставшая по волѣ судьбы матушкою-государыней почти ста милліоновъ

русскихъ людей — императрица Екатерина II Алексѣевна — и та считала короля Фрица великимъ... А этотъ король страдалъ величайшимъ самомнѣніемъ. Въ Европѣ онъ никого равнымъ себѣ не считалъ. Но такъ какъ даже „великому“, хотя-бы онъ и былъ прусскимъ, все-таки уникою быть не совсѣмъ удобно, то король Фрицъ, поискавъ немного, нашелъ, кого, безъ всякаго ущерба для своего величія, можно было поставить наравнѣ съ собою.

— Въ Европѣ царствую я, — объявилъ онъ, — а въ Азіи — непобѣдимый Ираклій, царь Грузіи...

Вмѣсто того, чтобы обидѣться, ибо грубость этого изреченія по отношенію къ другимъ царствующимъ на европейскомъ материкѣ особамъ, очевидна, — въ Европѣ это самохвальство прусскаго короля принято было за святую истину.

Впрочемъ, король Фрицъ польстилъ этимъ сравненіемъ болѣе себѣ, чѣмъ Ираклію. Если сравнивать ихъ обоихъ, Ираклія слѣдуетъ поставить куда выше прусскаго короля. Ираклій Теймуразовичъ, дѣйствительно, былъ умница, какихъ мало. Это былъ царь, который при иныхъ обстоятельствахъ могъ-бы возстановить Грузію во всемъ ея прежнемъ блескѣ и могуществѣ, но — увы! — противъ судьбы не пойдешь. Судьба и то побаловала Ираклія, позволивъ ему умереть на престолѣ...

Интереснѣе, правдивѣе, а, стало быть, и ближе къ истинѣ отзывъ объ Иракліи Теймуразовичѣ императрицы Екатерины.

„Ираклій — могущественный владѣлецъ, человѣкъ съ головой и храбрый“, — писала русская государыня французскому философу Вольтеру.

Ираклій, сынъ царя Теймураза, внукъ Николая, грузинскаго царевича, по волѣ сумасшедшаго персидскаго шаха Надира сталъ царемъ кахетинскимъ одновременно съ тѣмъ, какъ его отецъ Теймуразъ II, по милости все того-же Шаха-Надира, сталъ царемъ карталинскимъ. Отецъ и сынъ жили сперва дружно. Когда Надиръ былъ зарѣзанъ своимъ племянникомъ Али-Кули-ханомъ, то въ Персіи явилось множество претендентовъ на шахскій престолъ. Большинство изъ нихъ, пріобрѣвъ кое-какую власть и собравъ полчища персовъ — такого добра, какъ люди, въ Персіи всегда было видимо-невидимо — считали своею непремѣнною обязанностью кинуться на Грузію, привлекавшую ихъ своими богатствами. Ираклій

незваным гостям спуску не давалъ. Почти всегда пришельцевъ ожидали жестокія трепки...

Вотъ какъ, напримѣръ, разсказываетъ грузинское преданіе о нашествіи персовъ на Грузію въ 1752 г.

Ираклій, въ то время только еще царь кахетинскій, жестоко потрепалъ незадолго до этого персовъ подъ Эриванью, и нашествіе явилось какъ-бы местью за эриванскую трепку *)...

Посѣтила Кахетію злая бѣда!
Нѣтъ спасенья для бѣднаго края:
Изъ Ирана идетъ за ордою орда,
На пути своемъ все разоряя.
Только ночь наступаетъ — по небу плывутъ
До разсвѣта багровыя тучи
И багрянцемъ, какъ кровью, онѣ обдаютъ
Дикихъ горъ неприступныя кручи.
О бѣдѣ неминуемой всѣмъ говоритъ
Этотъ отблескъ пожаровъ далекихъ—
Гдѣ иранцы, тамъ все, все пылаетъ, горитъ
Въ кахетинскихъ долинахъ глубокихъ.
Тамъ грузинская кровь разлилася рѣкой;
Гдѣ иранцы прошли — тамъ пустыня...
Трупы, пламя и кровь... Нечестивой рукой
Осквернена всюду святыня...
Царь Ираклій, печаленъ и грустенъ, сидитъ
Подъ шатромъ на равнинѣ прирѣчной;
Быстрокрылою птицею время летитъ
Надъ дружиною царской безпечной.
Слышитъ царь, что веселыя пѣсни поютъ
Тѣ, кому надлежало-бъ молиться.
Мало, мало дружины, а дни настаютъ,
Когда нужно съ врагами сразиться.
Вся надежда царя на наемныхъ татаръ,
Вспомнилъ царь объ ихъ ханѣ лукавомъ:
Не поможетъ-ли онъ персовъ грозный ударъ
Отразить въ столкновеньѣ кровавомъ.
Были вѣрны татары союзу съ царемъ
И на словѣ своемъ были тверды.
«Что-же, — думаетъ царь, — пусть мы всѣ здѣсь умремъ,
Но отбросимъ иранскія орды.
И спасемъ мы отъ нихъ нашу родину-мать;
Отъ разора, грозящаго явно,
Все равно умирать, а въ бою умирать
И почетно, и сладко, и славно!»
Вдругъ прервалъ голосовъ безъ числа разговоръ
Эти царскія тяжкія думы,
И вожди всѣхъ дружинъ наводнили шатеръ;
Какъ одинъ, всѣ печальны, угрюмы.
— «Царь великій, взгляни на тотъ берегъ рѣки, —
Говоритъ полководецъ суровый, —

*) Стихотворная передача этого преданія исполнена А. Эльскимъ.

Тамъ стоятъ, подойдя къ намъ врасплохъ, персюки,
И дружины ихъ къ битвѣ готовы.
Словно звѣри, что спущены только съ цѣпи,
Кровожадны иранскія орды,
Царь великій, мы молимъ тебя: отступи!
Хотя мысли твои всѣ такъ горды,
Ты смири ихъ теперь передъ грозной судьбой,
Отступленье въ твоей ещe волѣ!
Вѣдь, бѣдою для насъ конченъ будетъ тотъ бой:
Всѣ погибнемъ на ратномъ мы полѣ.
Всѣ погибнемъ, а кто-же тогда защититъ
И столицу твою отъ погрома?
Вѣдь, въ Тифлисъ орда, прилетѣвъ, разорить
Все, что есть, до послѣдняго дома.
Вѣдь, не разъ и не два мы извѣдали встарь,
Что погромъ завершается грозно!»
И въ отвѣтъ произнесъ имъ взволнованный царь:
— «Отступать предъ врагами намъ поздно!
Шагъ одинъ лишь назадъ — и наступятъ они,
И числомъ насъ, какъ мухъ, передавятъ,
И погибели нашей на долгіе дни
Никакіе бои не поправятъ.
Нѣтъ! ударю на нихъ, вы идите со мной,
Побѣдимъ иль погибнемъ мы съ честью!»
Вдругъ вбѣгаетъ гонецъ, блѣденъ, будто больной,
Онъ пришелъ съ удручающей вѣстью:
Отказались на персовъ татары идти,
Измѣняютъ они обѣщаньямъ,
Ханъ лукавый стоитъ на обратномъ пути,
Не внимая вождей увѣщаньямъ.
Говоритъ, что погибнетъ отъ персовъ страна
И что шахъ противленья не любитъ...
Вопль раздался вельможъ... Царь блѣдный полотна.
Та измѣна всю Грузію губитъ...
Ждетъ дружины его неизбѣжный полонъ,
Торжество доставляя Ирану.
И пошелъ изъ шатра на смиренный поклонъ
Царь Ираклій къ измѣннику-хану.
Вотъ татары. Ихъ ханъ отошелъ къ сторонѣ —
Состраданья-ли ждать въ иновѣрцѣ? —
Царь отъ гнѣва, стыда весь горитъ, какъ въ огнѣ,
Но смирилъ онъ мятежное сердце.
Ханъ-измѣнникъ насмѣшками злыми царя,
Какъ раба унижая, поноситъ,
Но Ираклій молчитъ, въ сердцѣ гнѣвомъ горя,
И о помощи ратной лишь проситъ.
Наконецъ, издѣвательства онъ не стерпѣлъ,
Потемнѣлъ весь, какъ небо полночи,
Сталъ, какъ прежде, онъ духомъ и бодръ вдругъ, и смѣлъ,
И огнемъ загорѣлися очи.
Не для просьбъ униженныхъ отверзлись уста —
Онъ промолвилъ: — «Тебя намъ не нужно!
Уходи-же! Подъ сѣнью святого Креста
На врага мы ударимъ всѣ дружно!
Насъ онъ силой своею въ бою оградитъ

И отъ грозной бѣды насъ избавитъ,
И незримо врага посрамитъ, поразитъ,
А съ нимъ вмѣстѣ и тѣхъ, кто лукавитъ!
Отъ святого Креста было много чудесъ,
Берегися и ты посрамленья!
О, всесильный Господь! Съ выси горнихъ небесъ
Ты услышь нынѣ наши моленья.
Помоги, заступи передъ грозной бѣдой —
Каждый часъ, каждый мигъ въ Твоей власти,
Да избавитъ теперь Крестъ Господень святой
Насъ отъ смерти и грозной напасти».
Въ умиленьѣ Ираклій возвелъ къ небесамъ
Увлажненныя слезами очи...
А кругомъ насмѣхались, и ханъ даже самъ
Хохоталъ надъ царемъ, что есть мочи.
— «Гей, послушай ты, царь, — закричалъ онъ ему, —
Одолѣй-ка иранцевъ ты битвой,
Одолѣешь — тогда я Кресту твоему
Поклонюся съ усердной молитвой.
Слышишь — я поклонюсь! Разгони только всѣхъ,
Сдѣлай лагерь иранцевъ пустыней».
И гремитъ средь татаръ несмолкающій смѣхъ
Надъ великой Христовой святыней.
Царь смолчалъ, но его просвѣтлѣло лицо:
Въ немъ надежда на чудо проснулась...
А персидская рать, какъ живое кольцо,
Вкругъ грузинскихъ дружинъ обвернулась.
Конній выросъ вдругъ лѣсъ, засверкали мечи,
Вотъ-вотъ жаркая сѣча начнется.
А съ небесъ голубыхъ льются солнца лучи
Надъ равниной, гдѣ кровь разольется.
Словно пламень — лучи: были знойные дни,
Раскалились камни и пышатъ.
Даже тѣ изъ бойцовъ, что остались въ тѣни,
Истомясь, едва-едва дышатъ;
Вѣтерокъ ни на мигъ животворной волной
Не смягчаетъ палящаго зноя.
Но иранцевъ вожди, пусть сильнѣй еще зной,
Не отложатъ кроваваго боя.
Удалося грузинъ имъ застигнуть врасплохъ,
Такъ спѣшили побѣдой упиться.
Видятъ царскихъ дружинъ ханы переполохъ
И готовы надъ ними глумиться.
Вотъ предъ ратью впередъ на конѣ боевомъ
Предводитель ея выѣзжаетъ.
Онъ коня горячитъ, потрясаетъ мечемъ
И погибелью всѣмъ угрожаетъ;
— «Гей, гдѣ царь вашъ?—кричитъ,—пусть онъ выйдетъ сюда,
Если только меня не боится!»
И не помня себя, вспыхнувъ весь отъ стыда,
Царь на дерзкаго ворога мчится.
Мечъ въ рукѣ у него, кличъ его боевой
Предъ дружинами звонко раздался,
Но въ мгновенье то ханъ поникъ головой,
Весь багровый въ сѣдлѣ закачался,

И съ коня онъ упалъ, хриплый стонъ, какъ больной,
Изъ могучей груди испуская...
Поразилъ-же его солнца горняго зной,
А не слабая сила людская.
А иранская рать вся смущенья полна
И бѣжать прочь въ испугѣ готова.
Въ этотъ мигъ на нее, какъ живая волна,
Налетѣла дружина царева.

* * *

Упоеніемъ полны горячимъ сердца,
Славный миръ та побѣда готовитъ,
Громко царь предъ дружинами славитъ Творца
Хашъ татарскій съ нимъ крестъ славословитъ...

Такія легенды создали Ираклію величайшую славу въ народѣ — славу настолько прочную, что онъ не задумался спугнуть съ карталинскаго престола своего батюшку Теймураза Николаевича и, когда тотъ поѣхалъ на него жаловаться въ Петербургъ, гдѣ и умеръ, Ираклій воспользовался этимъ отсутствіемъ карталинскаго царя и соединилъ Карталинію съ Кахетіей.

Пятьдесятъ три года онъ былъ царемъ и изъ нихъ тридцать пять лѣтъ былъ царемъ возсоединенныхъ Кахетіи и Карталиніи. И не столько своими побѣдами прославился Ираклій въ народѣ, сколько своею мирною дѣятельностью. Главная его заслуга передъ Грузіей въ томъ, что онъ, твердый и рѣшительный, сломилъ и укротилъ силу и своеволіе безчисленныхъ мелкихъ владѣльцевъ и князей Грузіи, объединивъ, такимъ образомъ, всю власть въ своихъ рукахъ. Съ этой стороны, онъ какъ-бы воспользовался примѣромъ, который показалъ русскій первый царь Іоаннъ III Завоеватель. Съ другой стороны, Ираклій стремился подражать Петру Великому. Заботясь о прогрессѣ Грузіи, онъ стремился пересоздать ее на европейскій ладъ: открывалъ школы, возобновлялъ православныя церкви, поощрялъ книгопечатаніе, устраивалъ типографіи. При немъ въ Грузіи началась разработка рудъ, явились заводы и фабрики, для которыхъ царь призвалъ изъ Европы опытныхъ мастеровъ и инженеровъ; при немъ начали расцвѣтать торговля и промышленность; мало-по-малу установился внутренній распорядокъ. Ираклій перевелъ на грузинскій языкъ нѣмецкое полицейское право и ввелъ его въ своей странѣ. Сила перестала, такимъ образомъ, быть въ Грузіи правомъ. Внѣдрялись законность и уваженіе къ личности. Самъ Ираклій, дабы поощрить на первыхъ порахъ возникновенія искусства и ремесла, ввелъ при своемъ дворѣ необычайную роскошь

и требовалъ того-же отъ своихъ многочисленныхъ вельможъ. Для охраны страны отъ набѣговъ буйныхъ лезгинъ Ираклій построилъ много крѣпостей, изъ которыхъ въ живописныхъ развалинахъ сохранилась до настоящаго времени крѣпость Сигнахъ на высокомъ горномъ кряжѣ, между рѣками Іорой и Алазанью.

Однако, несмотря на такіе успѣхи своего царствованія, Ираклій видѣлъ, что Грузія не можетъ существовать самостоятельно и единственнымъ мощнымъ государственнымъ организмомъ, къ которому она должна тяготѣть, является не Персія, не Турція, а великая Россія. По его настоянію, 24-го іюня 1783 г. въ Горійской крѣпости состоялся дружественный договоръ, по которому императрица Екатерина II, склоняясь на просьбы Ираклія принять Грузію въ вассальное подданство, за себя и за преемниковъ своихъ обѣщала „свѣтлѣйшаго царя Ираклія Теймуразовича и его дома наслѣдниковъ и потомковъ сохранить безперемѣнно на царствѣ“. Со стороны русскаго правительства было дано обѣщаніе прислать войска; для удобства сношеній въ Петербургѣ и въ Тифлисѣ были назначены министры-резиденты *). Впрочемъ, внѣшніе знаки вниманія были оказываемы Ираклію безпрерывно. По заключеніи дружественнаго договора изъ Петербурга отъ императрицы Екатерины были присланы въ Тифлисъ Ираклію знаки назначенія и признанія царемъ Грузіи и вассаломъ Россіи (инвеститура). Ираклій, принимая эти знаки въ самой торжественной обстановкѣ, клялся на вѣрность и усердіе Россійской имперіи и открыто призналъ верховную власть надъ собой и Грузіей русскихъ императоровъ **). Собственно говоря, съ этого времени началось уже возсоединеніе одряхлѣвшей Грузіи съ могучей Россіей.

Судьба, вообще милостивая къ Ираклію-царю, была совсѣмъ не милостива къ Ираклію-человѣку. Ираклій Теймуразовичъ былъ очень несчастливъ въ своей частной жизни, и причиною этого была его многосемейность. Ираклій былъ женатъ трижды (царицы: Марія, Анна, Дарья) и умеръ, оставивъ послѣ себя семейство въ двадцать четыре души. Послѣдняя его супруга, Дарья Георгіевна, отъ которой у Ираклія было шестеро сыновей,

---

*) Полковникъ Тамара въ Тифлисѣ, князь Чавчавадзе—въ Петербургѣ.

**) 24-го января 1784 г.

отличалась необыкновеннымъ честолюбіемъ. Она никакъ не могла помириться съ тѣмъ, что послѣ Ираклія престолъ переходилъ къ Георгію, сыну ея предшественницы Анны, а не ея старшему сыну Юлону. Изъ-за этого въ своей семьѣ царь никогда не имѣлъ покоя и умеръ глубоко несчастнымъ, переживъ передъ смертью такой ужасъ, какимъ было для Грузіи нашествіе персидскаго шаха Аги-Магомета.

V.

Первые шаги въ Закавказье.

Въ годъ восшествія на престолъ императрицы Екатерины II комендантомъ Кизлярской крѣпости, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и командующимъ Терской линіей былъ генералъ-маіоръ Потаповъ. Во время его командованія кабардинскій князь Коргоко-Кончокинъ, съ дозволенія русскаго правительства, переселился съ частью своихъ подданныхъ изъ Малой Кабарды на Терекъ и въ урочищѣ Моздокѣ построилъ крѣпостцу. Кончокинъ объявилъ, что отсюда онъ будетъ сдерживать осетинъ, чеченцевъ и другихъ горцевъ. Онъ перешелъ въ православіе съ именемъ Андрея Ивановича. Императрица утвердила за нимъ княжеское достоинство съ фамиліей Черкасскаго-Кончокина, осыпала его многими милостями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообразивъ, что возникшая въ Моздокскомъ урочищѣ крѣпостца можетъ явиться важнымъ стратегическимъ пунктомъ, повелѣла полковнику Гану обратить первоначальный форпостъ въ солидное укрѣпленіе. Постройка крѣпости переполошила кабардинцевъ. Они усмотрѣли въ этомъ нарушеніе своихъ территоріальныхъ правъ, протестовали, какъ только могли, но въ 1765 г. Моздокская крѣпость уже выросла на кабардинской землѣ.

„То, что было сдѣлано императрицею Екатериною въ Моздокѣ, — говоритъ В. Потто въ своей исторіи Кавказской войны,—было только началомъ великой программы, на выполненіе которой понадобились цѣлое столѣтіе и милліоны матеріальныхъ жертвъ и нравственныхъ усилій. Первоначальная идея, такъ счастливо и во-время подсказанная Кончокинымъ, съ теченіемъ времени развилась до колоссальныхъ размѣровъ, и при основаніи Моздока едва-ли кто подозрѣвалъ, что мы кладемъ краеугольный камень завоеванія Кавказа“...

Другими словами, сооруженіемъ Моздокской крѣпости на землѣ, которую кабардинцы считали своею, какъ-бы

вновь началось поступательное движеніе Руси на Кавказъ.

Кабардинцы, протестуя противъ захвата, отправили своихъ депутатовъ съ представленіями въ Петербургъ, когда-же депутаты возвратились ни съ чѣмъ, кабардинцы рѣшились уже на активный протестъ. Соединившись съ закубанскими черкесами, они двинулись на Кизляръ и полтора мѣсяца держали его въ осадѣ. Пробовали они кидаться на штурмъ, но были отбиты съ жесточайшимъ урономъ. Видя безполезность своихъ усилій, осаждавшіе бросили крѣпость и прорвались въ кочевья астраханскихъ татаръ. Степь обезлюдѣла послѣ этого набѣга, но онъ былъ не послѣднимъ. Вплоть до 1780 г. не прекращали кабардинцы и закубанцы своихъ набѣговъ, но съ каждымъ изъ нихъ встрѣчали все болѣе и болѣе энергичный отпоръ.

Русская сила въ Предкавказьѣ росла не по днямъ, а по часамъ. При основаніи Моздока въ немъ сперва были поселены принявшіе крещеніе горцы. Вскорѣ къ нимъ были присоединены пятьдесятъ семействъ донскихъ казаковъ, а въ 1769 г. между Моздокомъ и гребенскими городками были поселены волжскіе казаки, образовавшіе изъ себя моздокскій полкъ. Эти новые поселенцы основали пять станицъ: Калиновскую, Мекени, Науру, Ижорскую и Калюгай. Такимъ образомъ, являлся будущій лѣвый флангъ Кавказской линіи.

Императрица Екатерина врядъ-ли серьезно думала о покореніи Кавказа. Цѣль, которую преслѣдовала она, была совсѣмъ другая. Россіи угрожали серьезныя и продолжительныя войны съ Турціей, и появленіе русскихъ военныхъ силъ въ Предкавказьѣ должно было отвлечь малоазіатскія турецкія арміи и крымцевъ отъ участія въ дѣйствіяхъ на европейскомъ театрѣ войны.

Припомнимъ, что именно то-же самое имѣлъ въ виду великій Петръ, когда передъ Прутскимъ походомъ 1711 г. послалъ въ Предкавказье Апраксина.

Новымъ поселенцамъ на Терекѣ пришлось сперва туговато. Лѣвый и правый берега рѣки были покрыты густыми лѣсами, въ которыхъ постоянно хотились враги; горцы часто, какъ снѣгъ на голову, скатывались на непривычныхъ къ постоянной опасности казаковъ и, заставая ихъ врасплохъ, производили кровавыя опустошенія. Тяжелую кровавую школу пришлось пройти новымъ людямъ, но они прошли ее очень быстро, и ее, эту школу,

прошли не одни только мужчины, но и женщины, съ той поры мало въ чемъ уступавшія въ доблести своимъ отцамъ, мужьямъ и братьямъ.

Геройская защита Науры служитъ разительнымъ подтвержденіемъ доблести казачекъ.

Вскорѣ послѣ того какъ образовался моздокскій полкъ, вспыхнула первая турецкая война. Несмотря на то, что новыя станицы только еще устраивались, строевые казаки ушли въ походъ. Дома оставались только старики, женщины и дѣти, да еще легіонная команда—нѣчто вродѣ милиціи. Кабардинцы, не упускавшіе случая посчитаться съ русскими за Моздокъ, рѣшили воспользоваться беззащитностью новооснованныхъ казачьихъ станицъ и уничтожить ихъ. Соединившись съ татарами и турками, они кинулись на станицу Науру, почему-то казавшуюся имъ самою слабою изъ всѣхъ пяти станицъ моздокскаго полка. Скопище нападавшихъ, по мѣрѣ приближенія къ Тереку, возросло до восьми тысячъ; предводительствовалъ ими родственникъ крымскаго султана. 10 іюня 1774 г. они накинулись на беззащитную станицу. Каково-же было удивленіе дикихъ воиновъ, когда они увидѣли, что большинство защитниковъ Науры—женщины... Казачки въ красныхъ сарафанахъ пестрѣли всюду, куда только ни кидались нападавшіе. Ни жужжанье кабардинскихъ и турецкихъ пуль, ни свистъ татарскихъ стрѣлъ, ни отчаянное гиканье дикихъ наѣздниковъ не пугали этихъ героинь. Онѣ дрались серпами, косами, перевозили на своихъ плечахъ пушки съ одного мѣста станичнаго вала на другое, гдѣ особенно сильно напирали осаждавшіе, лили на нихъ съ валовъ кипящую смолу, кипятокъ и даже, за неимѣніемъ другого болѣе подходящаго матеріала, опрокидывали котлы со щами, которыя готовили на обѣдъ мужчинамъ...

Всѣ приступы были отбиты, а эти приступы продолжались въ теченіе цѣлаго дня 10-го іюня.

Насколько неожиданно было нападеніе, можно было судить по тому, что въ сосѣдней станицѣ, Червленой, находившейся всего въ 40 верстахъ, слышали выстрѣлы, и никто оттуда не двинулся на помощь Науръ: въ Червленой были убѣждены, что въ Науръ просто справляютъ веселый праздникъ, а потому и палятъ изъ пушекъ...

Чуть только забрезжилъ разсвѣтъ слѣдующаго дня, казаки и казачки опять принялись за пушки, но тутъ и они дивудались... Все осаждавшее Науру скопище быстро

снялось съ мѣста и въ безпорядкѣ ушло прочь. Никто не понялъ причины этого, и сейчасъ-же создалась легенда. Стали говорить, что на самомъ разсвѣтѣ внезапно появились два свѣтлыхъ всадника въ бѣлыхъ одеждахъ и на бѣлыхъ коняхъ, промчавшіеся по вражьему лагерю и наведшіе ужасъ на осаждавшихъ. Разъ создался такой разсказъ, то сейчасъ-же простодушные люди сообразили, что чудесные всадники—святые апостолы Варѳоломей и Варнава, память которыхъ празднуется въ этотъ день православною церковью. Благодарные наурцы соорудили въ честь апостоловъ придѣлъ въ своей церкви, и 11-ое іюня празднуется у нихъ до сихъ поръ, хотя и получило наименованіе „бабьяго праздника“. Много времени спустя, когда война поуспокоилась и моздокцы повидались кое съ кѣмъ изъ татаръ, стало извѣстнымъ, что выстрѣломъ изъ казачьей пушки былъ убитъ предводитель татаръ, что и заставило ихъ уйти, а за ними уже отошли и кабардинцы съ турками. Стало извѣстнымъ также, что этотъ спасшій Науру выстрѣлъ сдѣланъ казакомъ Перепорхомъ.

Память о наурской защитѣ долго жила на Терекѣ. Если казаку попадался кабардинецъ съ обожженнымъ лицомъ, послѣднему непремѣнно задавался вопросъ: „не хлебалъ-ли онъ въ Науръ казацкихъ щей?“. Создалось даже особое присловье о томъ, „какъ Кабарда пошла воевать, да не управилась съ казацкими бабами“... Казачкамъ, участвовавшимъ въ защитѣ станицы, были пожалованы государынею медали.

Какъ сказано выше, этотъ характерный эпизодъ произошелъ въ то время, когда происходила или, вѣрнѣе сказать, уже оканчивалась первая турецкая война при императрицѣ Екатеринѣ.

Эта война была объявлена въ ноябрѣ 1768 г. На Днѣстрѣ и въ Крыму загремѣли русскія пушки, а въ Предкавказьѣ появились два отряда, предназначенные для отвлеченія турецкихъ силъ отъ европейскаго театра войны. Одинъ изъ этихъ отрядовъ пошелъ на Кубань, другой былъ кинутъ въ Закавказье, въ Имеретію, уже сто двадцать лѣтъ находившуюся подъ властью турокъ.

Въ Имеретіи въ это время царствовалъ Соломонъ I—царь, порвавшій съ прошлымъ и поставившій себѣ задачею освобожденіе своей страны изъ-подъ власти турокъ. Соломонъ обладалъ желѣзной волею, несокрушимой энер-

гіей и былъ любимъ своими подданными. Такой правитель вассальнаго государства былъ совсѣмъ неудобенъ для Порты, и Соломонъ былъ прогнанъ съ престола. Онъ не упалъ духомъ, сумѣлъ найти столько средствъ, что смогъ нанять лезгинъ и съ ихъ помощью возвратилъ себѣ царство, но столица Имеретіи, Кутаисъ, и важнѣйшая крѣпость Поти были въ рукахъ турокъ. Желая вернуть ихъ, Соломонъ обратился съ просьбой о помощи къ Россіи.

Свѣдѣнія о Закавказьѣ въ то время даже у петербургскихъ ученыхъ были самыя ничтожныя. Знаніе географіи, какъ подмѣтилъ это сатирикъ Фонъ-Визинъ, было обязательно только для извозчиковъ... Когда императрица Екатерина запросила у коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ находится Тифлисъ, коллегія отвѣтила ей, что Тифлисъ находится на берегу Каспійскаго моря... Но, на счастье Россіи, природный умъ государыни подсказалъ ей, что должно предпринимать. Екатерина оказалась болѣе освѣдомленною, чѣмъ ея профессіональные дипломаты. Сообразивъ по картѣ, гдѣ находится Имеретія, она поняла, что изъ этой страны можно попасть въ Царьградъ, и потому даже небольшой отрядъ русскихъ, появившись тамъ, можетъ отвлечь на себя турецкія силы, уменьшивъ тѣмъ количество турецкихъ войскъ на Дунаѣ. Въ виду этого, она обѣщала Соломону подать помощь и, дѣйствительно, послала въ Закавказье небольшой отрядъ.

Въ это время въ числѣ высшихъ офицеровъ русской арміи находилась личность и понынѣ представляющаяся загадочною. Это былъ генералъ-маіоръ графъ Готлибъ Генриховичъ Тотлебенъ. Онъ очень высоко стоялъ по своимъ способностямъ и храбрости. Въ Семилѣтнюю войну Тотлебенъ взялъ у Пруссіи Берлинъ, но вскорѣ былъ уличенъ въ измѣнѣ и военнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни четвертованіемъ. Къ счастью, на престолъ вступила Екатерина, которая замѣнила Тотлебену смертную казнь лишеніемъ чиновъ и орденовъ и изгнаніемъ изъ Россіи. Однако, она настолько высоко цѣнила военное дарованіе этого генерала, что когда онъ при началѣ турецкой войны просилъ о помилованіи, то императрица приняла его на службу съ прежнимъ чиномъ и назначила главнокомандующимъ отрядомъ, отправленнымъ для дѣйствій противъ турокъ въ Закавказье. Этотъ отрядъ состоялъ изъ томскаго пѣхотнаго полка, четырехъ эскадроновъ драгунъ, пятисотъ казаковъ и 12 орудій. Тотлебенъ,

принявъ командованіе, съ частью этого отряда перешелъ Кавказъ. Чтобы судить, каковъ былъ этотъ подвигъ, приведемъ здѣсь слова одного изъ позднѣйшихъ писателей, которому проводникъ при путешествіи черезъ Кавказъ указалъ „на высокіе горные утесы, вздымающіеся по лѣвую сторону Девдоракскаго ущелья, во впадинахъ между которыми виднѣлся ледъ и снѣгъ“. Черезъ этотъ самой гребень прошелъ (зимою 1769 г.) первый русскій отрядъ изъ Россіи въ Грузію въ то время, когда еще о грузинской дорогѣ и помину не было. „Смотря на эти едва доступныя глазу вершины, не вѣрится, чтобы тамъ могло пройти войско, да вдобавокъ еще съ орудіями“.

Однаго, Тотлебенъ перешелъ эти вершины и даже не потерялъ ни одного орудія. Но тутъ-то и начались прискорбныя недоразумѣнія. Тотлебенъ перессорился съ своими офицерами — и грузинами, и русскими; перессорился съ царемъ Ираклiемъ и его наслѣдникомъ, царевичемъ Георгіемъ. На пути къ Ахалцыху между русскимъ главнокомандующимъ и грузинскимъ царемъ произошла столь сильная ссора, что Тотлебенъ отдѣлился отъ Ираклія и не помогъ ему, когда грузинскому войску пришлось вступить въ битву съ лезгинами и турками. Только личное мужество Ираклія помогло грузинамъ въ этой битвѣ одержать побѣду.

Зато, оставшись одинъ, Тотлебенъ показалъ себя выдающимся полководцемъ. Онъ на глазахъ имеретинскаго царя Соломона бралъ крѣпость за крѣпостью, возвратилъ ему Кутаисъ, съ ничтожными силами разбилъ на-голову двѣнадцатитысячный турецкій корпусъ и осадилъ Поти. Взять эту крѣпость ему помѣшали интриги. Жалобы и доносы на него такъ и сыпались. Несмотря на признаніе воинскихъ заслугъ, императрица къ нему не чувствовала полнаго довѣрія и рѣшила отозвать его. На смѣну Тотлебену былъ присланъ генералъ Сухотинъ, но этотъ воитель, увидавъ, что Поти взять трудно, сказался больнымъ и уѣхалъ въ Тифлисъ, бросивъ осаду. Императрица послѣ этого повелѣла въ 1772 г. возвратиться всему закавказскому отряду обратно на линію, и въ Закавказьѣ остались только одни русскіе дезертиры, а ихъ оказалось тамъ много и они могли составлять изъ себя настолько сильныя шайки, что являлись грозой и для Закавказья, и для Персіи, и даже для далекой Астрахани...

Пока Тотлебенъ былъ въ Закавказьѣ, въ Предкавказьѣ,

управлялся съ закубанцами генералъ-маіоръ Медемъ. Онъ былъ присланъ на Кавказъ въ 1769 г. въ качествѣ начальника отдѣльнаго отряда и ему были подчинены всѣ терскіе казаки. Отрядъ Медема былъ невеликъ — не болѣе трехъ тысячъ человѣкъ пѣхоты и конницы съ десятью орудіями, но главнѣйшую силу его составляла двадцатитысячная орда калмыцкаго хана Убаши, о присоединеніи которой ничего не знали ни на Кубани, ни въ Крыму. Напротивъ того, два крымскихъ султана — Максюта-Гирей и Арасланъ-Гирей, вообразивъ, что калмыки отправились вмѣстѣ съ русской арміей на Дунай, рѣшили не упускать случая ограбить ихъ улусы и съ отборной конницей двинулись къ русской границѣ. На рѣкѣ Калаусѣ 24 апрѣля 1769 г. ихъ совершенно неожиданно встрѣтилъ Убаша съ своей ордой. Дикіе воины встрѣтились съ полудикими. Калмыки съ такой свирѣпой яростью кинулись на татаръ и черкесовъ, что тѣ не выдержали даже перваго натиска и ударились въ бѣгство. Убаша велъ столь энергичное преслѣдованіе, что немногимъ изъ шести тысячъ султанскаго войска удалось уйти съ поля сраженія, еще меньше было взято въ плѣнъ—почти всѣ полегли на берегахъ Калауса и въ прибрежныхъ болотахъ.

Медемъ, стоявшій наготовѣ, воспользовался этимъ, занялъ войсками Кабарду и заставилъ кабардинцевъ присягнуть въ вѣрноподданничествѣ императрицѣ Екатеринѣ. Въ это-же время калмыки хана Убаши прорвались за Кубань и, по примѣру хана Дундука-Омбо, страшно опустошили весь край. Русскіе отряды прошли за ними за Кубань, но нападеніе чеченцевъ-кистовъ на Кизляръ заставило Медема вернуться вмѣстѣ съ войсками на линію. Кисты были отброшены, но на слѣдующій годъ съ новыми силами явились къ Кизляру и почти разорили его. Генералъ Медемъ въ это время былъ въ Прикубаньѣ, ради выполненія общаго стратегическаго плана первой екатерининской войны съ Турціей — отвлеченія малоазійской турецкой арміи отъ появленія на европейскомъ театрѣ войны. Кизлярскій погромъ заставилъ его вернуться на линію. Чеченцы, конечно, убрались по-добру по-здорову до прихода русскихъ, и кампанія закончилась ничѣмъ.

Медемъ былъ безусловно храбрый генералъ, но администратору для того, чтобы быть на высотѣ своего положенія, необходимо еще обладать тактомъ, и въ особен-

пости умѣньемъ ладить съ людьми. Генералъ повелъ себя черезчуръ высокомѣрно съ калмыцкимъ ханомъ Убашею, этимъ неоцѣнимымъ союзникомъ русскихъ, въ отношеніи котораго генералъ имѣлъ Высочайшее повелѣніе дѣйствовать такъ, чтобы Убаша даже и не замѣчалъ своей подчиненности русскимъ. Онъ сталъ дѣлать хану рѣзкія замѣчанія, даже выговоры, и разобѣдившійся Убаша, считавшій себя владѣтельнымъ лицомъ, а Медема — простымъ генераломъ, оставилъ Прикавказье, а въ 1771 г. перебрался съ 28.000 кибитокъ черезъ зауральскія степи въ предѣлы Китая.

Послѣдствія ухода калмыковъ сказались немедленно. Въ томъ-же 1771 г. черкесы сдѣлали набѣгъ на земли войска Донского и начали тамъ разорять казачьи станицы, такъ что понадобились регулярныя войска, дабы прогнать ихъ обратно за Кубань. Мало того, уходъ калмыковъ связалъ Медему руки. Отрядъ его войскъ былъ слишкомъ незначителенъ для наступательныхъ дѣйствій; приходилось стоять на линіи, и это бездѣйствіе продолжалось около трехъ лѣтъ. А, между тѣмъ, въ концѣ 1773 г. Порта послала на Кубань свои войска, подъ начальствомъ крымскаго хана Девлетъ-Гирея, занявшаго Тамань и укрѣпившагося въ ней. Уже въ началѣ слѣдующаго года Девлетъ-ханъ началъ рѣшительныя дѣйствія, прежде всего направившись на преданныхъ Россіи татаръ-ногайцевъ. Однако, среди послѣднихъ совершенно случайно оказался русскій кавалерійскій отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Бухвостова. Русскіе, нападая сами, а не дожидаясь нападенія, трижды разгромили надвигавшіяся на нихъ турецкія и крымскія полчища. Въ особенности замѣчательна третья и послѣдняя битва, въ которой турками и крымцами предводительствовалъ самъ ханъ Девлетъ-Гирей. Въ этой битвѣ отчаянный натискъ будущаго героя Отечественной войны, тогда еще казачьяго полковника, Платова, рѣшилъ битву. На глазахъ татаръ Едичанской орды тысяча русскихъ погнала двадцатипятитысячную вражескую армію. Едичанцы, дотолѣ бездѣйствовавшіе въ ожиданіи, кто возьметъ верхъ, русскіе или турки, теперь сами накинулись на послѣднихъ. Преслѣдованіе велось горячо. Бухвостовъ послѣдовалъ за разгромленными войсками противника въ Закубанье и взялъ сильнѣйшую крѣпость Копылъ. Но тогда на помощь туркамъ поднялись кабардинцы и, соединившись съ ними, кинулись было на линію. Въ этотъ набѣгъ и произошла знаменитая оборона

Наурской станицы казачками. Въ отмщеніе за него казацкій атаманъ Савельсвъ кинулся за Терекъ и разгромилъ чеченцевъ, спѣшившихъ на помощь кабардинцамъ; Бухвостовъ въ это-же время громилъ турокъ за Кубанью, а Медемъ уничтожилъ остатки войскъ Девлетъ-Гирѣя.

Заключенный 10-го іюля 1774 г. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ остановилъ военныя дѣйствія. По этому миру, границею Россіи на Кавказѣ стала Кубань и, кромѣ того, Турція отказалась отъ своихъ притязаній на Имеретію и Грузію, которыя, такимъ образомъ, перешли въ сферу русскаго вліянія.

Медемъ оставался на Кавказской линіи до весны 1777 г.

Миръ, заключенный съ Турціей, не распространялся на Кавказъ. Покоя тамъ попрежнему было мало. Въ Кабардѣ и около нея было тихо, но эта тишина была только относительною. Кабардинцы, черкесы, чеченцы, татары-ногаи въ прикубанскихъ степяхъ только что не были въ открытомъ возмущеніи. Поселенцамъ-казакамъ постоянно приходилось быть начеку. Партіи горскихъ разбойниковъ то и дѣло врывались за линію, грабили, угоняли скотъ, жгли станицы и, неуловимыя, скрывались обратно въ своихъ горныхъ трущобахъ.

Съ большей откровенностью вели себя народцы Приморскаго Дагестана и Южнаго Закавказья. Послѣ удаленія русскихъ за Терекъ, всѣхъ уцміевъ, кадіевъ, бековъ, султановъ, наконецъ, шамхала сдерживать было некому. Лезгины также признавали себя ни отъ кого независимыми и, группируясь около аварцевъ, то и дѣло кидались на грузинъ, не забывая въ то-же время и русскихъ.

Случилось такъ, что въ 1774 г. уцмій каракайтагскій захватилъ возвращавшагося черезъ Дагестанъ изъ Персіи извѣстнаго ученаго того времени академика Гмелина, путешествовавшаго на Востокъ съ научной цѣлью. Этотъ захватъ былъ совершенъ съ помощью вѣроломства. Уцмій заманилъ къ себѣ Гмелина въ качествѣ гостя, а когда этотъ прибылъ къ нему, немедленно выдалъ его лезгинамъ. Лезгины потребовали съ русскаго правительства за Гмелина выкупъ въ 30.000 руб. Въ Петербургѣ было рѣшено сперва повести переговоры, но Гмелинъ умеръ, не дождавшись конца ихъ. Тогда императрица приказала Медему наказать уцмія. Тотъ явился въ Дагестанъ и такъ разгромилъ уцмійство, что долго послѣ этого

матери-лезгинки пугали его именемъ безпокойныхъ дѣтей.

Однако, въ дальнѣйшемъ Медемъ повелъ себя съ величайшей безтактностью. Онъ захватилъ Дербентъ, принадлежавшій персамъ, и нашелъ нужнымъ помочь Фетъ-Али, хану кубинскому, въ его войнѣ съ горцами,ославъ противъ послѣднихъ отрядъ, съ малоопытнымъ офицеромъ Криднеромъ во главѣ, едва не погубившимъ весь свой отрядъ въ Табассаранскихъ горахъ и потерявшимъ въ бою съ горцами два знамени. Вскорѣ обстоятельства доказали, что Фетъ-Али никоимъ образомъ не заслуживаетъ вниманія русскихъ. Онъ разграбилъ возвращавшееся изъ Персіи русское торговое судно и, чтобы скрыть свое преступленіе, приказалъ перерѣзать всѣхъ находившихся на немъ людей. Медемъ въ это время былъ уже на линіи, гдѣ ему пришлось усмирять возмутившихся въ его отсутствіе чеченцевъ. Только этимъ онъ избавился отъ большихъ непріятностей, явившихся слѣдствіемъ преступленія кубинскаго хана. Изъ Петербурга было приказано оставить Дербентъ, и Криднеръ, начальствовавшій въ немъ по отбытіи Медема и считавшійся благопріятелемъ Фетъ-Али, былъ отданъ подъ военный судъ и разжалованъ въ солдаты.

VI.

Суворовъ на Кавказѣ.

Послѣ Медема на Кавказѣ въ качествѣ главныхъ начальниковъ появились два генерала — Иванъ Варѳоломеевичъ Якоби и знаменитѣйшій Александръ Васильевичъ Суворовъ.

Русь въ это время подошла уже вплотную къ Кавказу, а поэтому понадобилось образованіе двухъ корпусовъ: кавказскаго и кубанскаго. Якоби былъ назначенъ командиромъ перваго, Суворовъ — второго, причемъ Якоби, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ назначенъ и астраханскимъ губернаторомъ, т. е., явился первымъ на Кавказѣ русскимъ административно-высшимъ дѣятелемъ, какъ-бы предсказывая этимъ недалекое уже по времени учрежденіе Кавказскаго намѣстничества.

Якоби пробылъ недолго — всего лишь до 1779 г., но успѣлъ сдѣлать для Кавказа очень многое. Онъ основалъ при сліяніи Малки и Терека Екатериноградъ, сильную крѣпость, ставшую вскорѣ ревиденціей кавказскаго намѣстника, потомъ поставилъ крѣпости Георгіевскъ и

Ставрополь, потомъ организовалъ новую Азовско-моздокскую военную линію, начинавшуюся отъ Моздока и проходившую черезъ Екатеринодаръ, Александровскъ и Ставрополь до границъ Войска Донского и состоявшую изъ крѣпостей: Моздокской, Екатериноградской, Павловской, Марьевской, Георгіевской, Александровской, Андреевской, Ставропольской, Московской и Донской. Первая крѣпость заканчивала поселенія моздокскаго полка, пять слѣдующихъ за ней, съ многими станицами между ними, составляли крѣпости новаго явившагося на Кавказѣ волжскаго полка, а четыре послѣднія со станицами принадлежали новому поселенному на Кавказѣ хоперскому полку. Отъ крѣпости Донской линія шла черезъ Дмитріевскую крѣпость (нынѣ Ростовъ-на-Дону) вплоть до Азова. Цѣлью созданія этой линіи явилось стремленіе пересѣчь степи между Кубанью и Дономъ, гдѣ до тѣхъ поръ бродили никѣмъ не сдерживаемыя скопища кубанцевъ, калмыковъ и татаръ-ногайцевъ.

Въ это-же время Суворовъ организовалъ Кубанскую линію, начинавшуюся отъ нынѣшней станицы Кавказской и дотягивавшуюся до устьевъ Кубани. Линію эту составляли четыре крѣпости: Александровская (у устьевъ Лабы), Марьинская, Копылъ и Новотроицкая. Въ промежуткахъ между крѣпостями были поставлены двадцать редутовъ. Одновременно съ этимъ Якоби началъ заселять мѣстность около Ставропольской крѣпости казенными крестьянами, которыхъ привлекалъ сюда всевозможными льготами.

Такимъ образомъ, кочевники прикубанскихъ и придонскихъ степей были поставлены въ строго опредѣленные предѣлы, такъ сказать, между двухъ огней.

Этимъ путемъ образовалась къ началу кавказскихъ войнъ знаменитая Кавказская линія, съ ея лѣвымъ флангомъ по Тереку до Моздока, центромъ до Владикавказа и правымъ флангомъ по Кубани до Чернаго моря.

Горцы прекрасно понимали, какое значеніе имѣетъ для нихъ основаніе этихъ линій. Въ особенности ясно соображали это черкесы и кабардинцы, сильнѣйшія и разумнѣйшія изъ племенъ Кавказа. Съ весны 1770 г. они сами, на свой рискъ и страхъ, начали войну съ Россіей. Шеститысячное скопище кабардинцевъ кинулось за Малку на Павловскую крѣпость, а четыре тысячи черке-

совъ, подъ начальствомъ весьма уважаемаго въ странѣ Адыге владѣльца Дулакъ-султана, ударили на русскія крѣпости за Кубанью. Вмѣстѣ съ ними, болѣе мелкія партіи горцевъ бросились на станицы моздокскаго полка.

Нападая, кабардинцы были увѣрены въ своемъ успѣхѣ. По ихъ соображеніямъ, на линіи должны быть люди новые, совсѣмъ незнакомые съ условіями борьбы въ этомъ краю; да и командующій казался имъ малоопытнымъ. Но кабардинскихъ удальцевъ всюду ожидалъ самый рѣшительный отпоръ. Дважды они нападали на Павловскую крѣпость, и каждый разъ войска Якоби отбрасывали ихъ съ страшнымъ урономъ. У редута Алексѣевскаго прогнала ихъ кинувшаяся въ шашки сотня хоперскаго полка, съ есауломъ Михеевымъ во главѣ. Подкупленный черкесами измѣнникъ поджегъ строенія въ Андреевской крѣпости въ тотъ моментъ, когда черкесы шли на приступъ, но и тутъ они были отбиты; подъ Ставропольской крѣпостью двѣ казачьихъ сотни изъ полка Кутейникова разбили на-голову полуторатысячную черкесскую партію.

Особенно кровопролитная битва произошла 10-го іюня 1779 г. подъ крѣпостью Марьевской. Кабардинцы повели на нее правильную осаду и въ два дня добрались до крѣпостного вала. Къ защитникамъ крѣпости подоспѣлъ на помощь самъ Якоби и разбилъ кабардинцевъ. Послѣ этого они нѣсколько поуспокоились, но въ сентябрѣ кинулись на Георгіевскую крѣпость и пробовали взять ее штурмомъ. Конечно, это имъ не удалось, но зато 27-го сентября, захвативъ врасплохъ русскій отрядъ въ 80 чел. съ пушкою, кабардинцы вырѣзали его наполовину и захватили орудіе. Торжествуя свою „побѣду“, они расположились на одномъ изъ острововъ, образуемыхъ Малкою. Случилось такъ, что въ самый день несчастія съ русскимъ отрядомъ къ Якоби прибыли подкрѣпленія изъ Россіи, приведенныя ген.-м. Фабриціаномъ. Прямо съ похода новыя войска были введены въ дѣло, и послѣ пятичасовой бытвы всѣ кабардинцы, засѣвшіе на островѣ, были перебиты.

Послѣдствіемъ этого было то, что кабардинцы признали себя рабами русской императрицы, выплатили контрибуцію и отказались навсегда отъ всякихъ притязаній на земли за Малкой.

Пока Якоби управлялся съ Кабардою, Суворовъ, устроив-

шій Кубанскую линію, оставилъ Кавказъ, и вмѣсто него кубанскимъ корпусомъ командовали одинъ за другимъ генералы: Рейзеръ, Бринкъ, Леонтьевъ и Пиль.

Однако, Суворову вскорѣ пришлось вернуться на Кубань *).

Въ прикубанскихъ и придонскихъ степяхъ кочевали четыре наиболѣе могущественныхъ ногайскихъ орды: Едичанская, Едишкульская, Джембулацкая и Будмацкая, выгнавшія отсюда за Кубань татаръ: касаевцевъ, наврузцевъ и бесленеевцевъ. Татары-ногайцы,потомки тѣхъ завоевателей, которые двѣсти лѣтъ являлись хозяевами Руси и только милостью русской государыни попали въ предѣлы Предкубанья, или нынѣшней Черноморской области, вели себя смирно въ теченіе лишь недолгаго времени послѣ своего переселенія. Когда на крымскій престолъ, по волѣ Россіи, вступилъ бывшій ногайскій султанъ Шагинъ-Гирей, ногайскіе султаны и мурзы, стоявшіе дотолѣ по своему положенію выше Шагина, заволновались; нашлись у нихъ противники, и между обѣими партіями началось кровопролитное междоусобіе. Какъ нарочно, случилось, что одновременно съ этимъ въ степи были неурожай и скотскій падежъ; къ этому прибавилось новое бѣдствіе — среди ногайцевъ начала свирѣпствовать чума, занесенная къ нимъ изъ Турціи. Обезумѣвшіе отъ бѣдствій, несчастные, отыскивая себѣ пропитаніе, врывались въ Манычскія и Егорлыкскія степи, но здѣсь встрѣчали ихъ донцы, которымъ принадлежали эти степи и которые вовсе не желали пускать къ себѣ незваныхъ гостей.

Необходимость заставила ногайцевъ, недовольныхъ появленіемъ на крымскомъ престолѣ Шагинъ-Гирея, вступить въ тѣсный союзъ съ черкесами, а тѣ, въ свою очередь, стали пользоваться ихъ силами для нападеній на русскую кордонную линію, вторгаясь сами въ то-же время и въ предѣлы ногайскихъ ордъ. Русскіе отражали эти непрерывныя нападенія, но сами не двигались съ линіи изъ опасенія, что оставленные въ тылу ногайцы окажутся серьезными врагами.

Наконецъ, весною 1781 г. въ ногайскихъ степяхъ вспыхнулъ настоящій бунтъ противъ крымскаго хана, въ сущности своей направленный, однако, противъ русскаго

---

*) О пребываніи А. В. Суворова на Кавказѣ и его подвигахъ см. романъ «Чудо-богатыри», изданіе А. А. Каспари.

правительства. Турція поддержала, съ своей стороны, мятежъ. Опять съ особенной яркостью проступило дѣленіе ногайцевъ на противниковъ и сторонниковъ русскихъ. Во главѣ первыхъ стоялъ ногайскій богатырь, едичанскій мурза Джаумъ-Аджи, во главѣ послѣднихъ—едишкульскій мурза Мамбетъ-Мурзабековъ. Въ первой битвѣ Мамбетъ разбилъ Джаума, но вскорѣ тотъ явился съ новыми силами и разгромилъ Едишкульскую орду такъ, что едишкульцы бросили кочевья и бѣжали въ Ейскъ.

Крымъ отвлекалъ вниманіе русскаго правительства отъ положенія дѣлъ въ ногайскихъ степяхъ, но, лишь только съ Крымомъ было покончено, въ ногайскія степи вновь былъ присланъ А. В. Суворовъ, только что покончившій къ тому времени съ превращеніемъ Крыма въ русскую провинцію. У Суворова въ этотъ второй пріѣздъ на Кубань было особенное и очень отвѣтственное порученіе, возложенное на него самимъ Потемкинымъ. Александръ Васильевичъ долженъ былъ не только укротить безпокойныя орды ногайцевъ, но переселить ихъ въ пустовавшія послѣ пугачевскаго бунта приуральскія степи. Суворовъ долженъ былъ сдѣлать это по возможности мирнымъ путемъ, безъ кровопролитія. Мало этого, Суворовъ-же долженъ былъ объявить Высочайшій манифестъ о присоединеніи къ Россіи Тамани и всего Прикубанья.

Лучшій изъ историковъ великаго россійскаго полководца, Петрушевскій, такъ разсказываетъ объ этомъ.

Суворовъ, призванный замѣнить графа де-Бальмена, получилъ, однако, по прибытіи на мѣсто другое назначеніе. Прежде всего, онъ повидался въ Херсонѣ съ Потемкинымъ, по его приглашенію, и оттуда поѣхалъ въ Дмитріевскую крѣпость у устьевъ Дона, для командованія кубанскимъ корпусомъ, который составляли 12 батальоновъ, 20 эскадроновъ и 6 казачьихъ полковъ. Корпусъ его предназначался „какъ для огражденія собственныхъ границъ и установленія между ногайскими ордами новаго подданства, такъ и для произведенія сильнаго удара на нихъ, если-бъ противиться стали, и на закубанскія орды при малѣйшемъ ихъ колебаніи, дабы тѣхъ и другихъ привесть на долгое время не въ состояніе присоединиться къ туркамъ“. Суворовъ сталъ стягивать войска, чтобы занять линію Ейско-Таманскую, особенно самый Ейскъ, свою главную квартиру. Когда Ейскъ былъ достаточно обезпеченъ, Суворовъ, исполняя программу, принятую при совѣщаніи съ кн. Потемкинымъ,

послалъ въ ногайскія орды приглашеніе на праздникъ по случаю своего прибытія. Собрались въ степи подъ Ейскомъ до 3.000 человѣкъ; Суворовъ, котораго ногайцы знали и помнили съ 1778 года, принялъ ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ, обошелся весьма дружелюбно и радушно и угостилъ на славу. На другой день гости отправились обратно восвояси, довольные и пріемомъ, и угощеніемъ. Доволенъ былъ и Суворовъ, положивъ, такимъ образомъ, начало развязки.

Развязка уже разрѣшилась дипломатическимъ путемъ, только еще не осуществилась на дѣлѣ.

Екатерина издала въ апрѣлѣ 1782 г. манифестъ о принятіи подъ свою державу Крымскаго полуострова, Тамани и всей Кубанской стороны. Надлежало теперь привести татаръ къ присягѣ на подданство и сдѣлать это подданство насколько возможно фактическимъ.

Присяга была назначена на 28-е іюня, день восшествія Екатерины на престолъ. Къ этому дню степь подъ Ейскомъ покрылась кибитками 6.000 кочевниковъ. Русскія войска держались наготовѣ, но не выказывали и тѣни угрозы. Послѣ богослуженія въ православной церкви, были созваны въ одно мѣсто ногайскіе старшины; имъ былъ прочитанъ манифестъ объ отреченіи Шагинъ-Гирея, и, въ присутствіи Суворова, они безпрекословно принесли на коранѣ присягу. Затѣмъ старшины разъѣхались по ордамъ и приняли такую-же присягу отъ своихъ подвластныхъ, безъ всякихъ затрудненій, спокойно и торжественно, причемъ мурзамъ были объявлены чины штабъ-и оберъ-офицеровъ русской службы.

Затѣмъ начался пиръ. Ногайцы разсѣлись группами; вареное и жареное мясо, воловье и баранье, составляло главныя блюда; пили водку, такъ какъ виноградное вино запрещено кораномъ. Старшины обѣдали вмѣстѣ съ Суворовымъ; большой кубокъ ходилъ вокругъ; здравицы слѣдовали одна за другой при грохотѣ орудій, при крикахъ „ура“ и „алла“. Русскіе перемѣшались съ ногайцами; не было и признаковъ чего-нибудь непріязненнаго. По окончаніи пира, открылись скачки, казаки соперничали съ ногайцами. Вечеромъ второе угощеніе, продолжавшееся далеко за ночь. Съѣдено 100 быковъ, 800 барановъ, кромѣ разныхъ второстепенныхъ припасовъ; выпито 500 ведеръ водки. Ѣли и пили до безчувствія; многіе ногайцы поплатились за излишество жизнью.

Слѣдующій день, 29-го іюня, именины наслѣдника

престола; ознаменовался новымъ пиромъ; 30-го числа утромъ опять угощеніе. Гости, вполнѣ довольные гостепріимствомъ хозяевъ, простились съ ними дружески и откочевали восвояси, сопровождаемые русскими офицерами. Тамъ, въ присутствіи послѣднихъ, состоялась присяга народа, остававшагося дома.

Въ концѣ іюля послѣдовалъ благодарственный рескриптъ Екатерины на имя Суворова; государыня пожаловала ему только что учрежденный орденъ св. Владиміра первой степени.

Однако, подчиненіе ногайцевъ русской власти, достигнутое съ формальной стороны, нельзя еще было принимать за дѣйствительное. Признаки непокорности и своеволія ногайцевъ обнаружились скоро, даже скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Турки, избѣгая явно враждебныхъ дѣйствій, сѣяли смуту исподтишка. Видя это, Суворовъ, для сохраненія въ краѣ спокойствія, приступилъ къ переселенію покорившихся ногайцевъ въ Уральскую степь. Случилось такъ, что въ это самое время Потемкинъ прислалъ предписаніе повременить переселеніемъ, но операція уже началась. Переселеніе совершалось подъ присмотромъ войскъ, малыми частями; самъ Суворовъ наблюдалъ за нимъ и ѣхалъ позади всѣхъ ордъ. Дабы отнять отъ переселяемыхъ возможность покушенія на донскія земли, протянута была цѣпь казачьихъ постовъ отъ Ейска до половины Дона.

Какъ и слѣдовало ожидать, большинство ногайцевъ было недовольно переселеніемъ; Уральская дальняя и незнакомая степь ихъ страшила, а ближнюю—лакомую Манычскую степь имъ не давали. 31-го іюля, отойдя отъ Ейска всего съ сотню верстъ, ногайцы внезапно напали на русскую команду и на вѣрныхъ Россіи своихъ соплеменниковъ. Произошелъ бой съ большимъ числомъ убитыхъ и раненыхъ; раненъ былъ и Муса-бей, стоявшій за переселеніе. Суворовъ обратился къ ногайцамъ съ увѣщаніемъ, но оно не подѣйствовало; тогда, слѣдуя инструкціямъ Потемкина, онъ далъ имъ волю идти, куда хотятъ. Десять тысячъ джамбулуковъ повернули назадъ и бросились на встрѣчный постъ; постъ подкрѣпили; произошло жестокое сраженіе, одолѣли русскіе. Ногайцы пришли отъ неудачи въ изступленіе, но знавшее предѣловъ; не будучи въ состояніи спасти свое имущество, они его истребляли, рѣзали женъ, бросали въ р. Малую Ею младенцевъ. Погибло до 3.000; въ плѣнъ попало всего 60 стариковъ, женщинъ и

дѣтей; русскихъ убито и ранено до 100. Добыча простиралась до 20.000 головъ лошадей и рогатаго скота.

Разбитые бѣжали безъ оглядки; многіе изъ нихъ умерли потомъ въ степи отъ голода.

Такимъ образомъ, операція переселенія не удалась, но она принесла не одни отрицательные результаты: пораженіе джамбулуковъ распалило злобу кочевниковъ, и между мурзами составился заговоръ, душою котораго былъ Тавъ-султанъ. Мятежъ запылалъ почти общій; нѣсколько русскихъ мелкихъ отрядовъ или были изрублены, или принуждены ретироваться; Тавъ-султанъ сдѣлалъ отчаянное нападеніе на Ейскую крѣпость, въ теченіе трехъ дней пытался овладѣть ею, но, не имѣя ни пушекъ, ни ружей и дѣйствуя однѣми стрѣлами, потерпѣлъ неудачу. Изъ опасенія ежеминутнаго прибытія Суворова, ногайцы бросили Ейскъ и удалились за Кубань, причемъ лишь трое старыхъ мураъ остались вѣрны Россіи, и въ числѣ ихъ Муса-бей.

Понимая, что при подобныхъ обстоятельствахъ болѣе всего окажетъ воздѣйствіе быстрота, Суворовъ для закубанской экспедиціи сформировалъ отрядъ изъ 16 ротъ пѣхоты, 16 эскадроновъ драгунъ, 16 донскихъ полковъ и 16 орудій артиллеріи. Большей части казачьихъ полковъ налицо не было; Иловайскій получилъ приказаніе идти съ ними прямо къ одному изъ конечныхъ пунктовъ. Ногайцы были противникомъ не страшнымъ, и вся задача заключалась въ томъ, чтобы ихъ настигнуть прежде, чѣмъ они успѣютъ уйти въ горы. Успѣхъ экспедиціи зависѣлъ исключительно отъ соблюденія ея въ тайнѣ, и потому Суворовъ прибѣгнулъ къ двумъ средствамъ: ночному скрытному походу и распусканію ложныхъ слуховъ.

Экспедиціонный корпусъ выступилъ изъ Копыла 10-го сентября. Пущенъ былъ слухъ, будто Суворовъ уѣхалъ въ Полтаву, что большая часть войскъ кубанскаго корпуса обращена внутрь Россіи для близкой войны съ нѣмцами, а меньшая часть назначена противъ Персіи, что приказано императрицею закубанскихъ горцевъ не трогать и ногайцевъ оставить въ покоѣ. Отрядъ пошелъ по правому берегу Кубани, двигался только ночью, соблюдая строгую тишину и не употребляя сигналовъ, ибо по ту сторону рѣки тянулись пикеты чуткихъ горцевъ. Днемъ войска отдыхали съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей въ скрытыхъ мѣстахъ. Походъ былъ очень

утомителенъ; 130 верстъ едва успѣли пройти въ десять сутокъ. При всѣхъ принятыхъ предосторожностяхъ, Суворовъ все-таки не могъ пройти совершенно незамѣченнымъ. Комендантъ крѣпости Суджука, принадлежавшей тогда Турціи, провѣдалъ про движеніе отряда и послалъ о немъ разузнать. Суворовъ отвѣчалъ, что идетъ небольшая команда на помощь гарнизонамъ Моздокской линіи. Въ другой разъ войска проходили открытымъ безлѣснымъ мѣстомъ, гдѣ рѣка не широка; хатюкайцы открыли съ того берега пальбу. На пальбу не отвѣчали, по Суворовъ потребовалъ къ себѣ хатюкайскаго бея, сказалъ ему то-же самое, что суджукскому турку, и сдѣлалъ жестокій выговоръ, послѣ чего бей сталъ плетью разгонять своихъ стрѣлковъ. Однако, и тотъ, и другой случаи остались ногайцамъ неизвѣстны, или, по крайней мѣрѣ, не возбудили ихъ подозрѣній.

29-го сентября отрядъ съ присоединившимися казаками Иловайскаго подошелъ поздно вечеромъ къ мѣсту, противъ котораго Лаба впадаетъ въ Кубань. На основаніи полученныхъ свѣдѣній, Суворовъ предупредилъ войска, что будутъ четыре переправы: бродъ обыкновенный, бродъ въ семь четвертей глубины, бродъ по быстринѣ и, наконецъ, переправа вплавь.

„Войскамъ отдыха нѣтъ до рѣшительнаго пораженія, истребленія или плѣна непріятелей. Пули беречь, работать холоднымъ оружіемъ! Драгунамъ и казакамъ съ коней не слѣзать для добычи; на добычу идетъ четвертая часть, другая четверть прикрываетъ, остальная половина наготовѣ. Добыча дѣлится пополамъ: одна половина государя, другая — войскамъ; изъ этой половины казакамъ двѣ трети!“ — таковъ былъ приказъ Суворова.

Чтобы захватить ногайцевъ врасплохъ, необходимо было произвести переправу ночью; поэтому 30-го сентября войска простояли до 8 часовъ вечера. Броды были глубоки: пѣхотѣ пришлось раздѣваться донага; переходила она, коченѣя въ холодной водѣ, которая мѣстами покрывала плечи. Для уменьшенія быстрины, конница переправлялась нѣсколько выше, везя на лошадяхъ одежду пѣхотинцевъ и артиллерійскіе заряды.

Несмотря на многія препятствія, переправа была совершена вполнѣ успѣшно, и ногайцы остались въ полномъ невѣдѣніи близкой бѣды.

Пѣхота одѣлась и построилась; отрядъ тронулся дальше. Авангардъ наткнулся на ногайскій разъѣздъ и взялъ его

живьемъ; плѣнные послужили проводниками. Пройдя 12 верстъ отъ Кубани, близъ урочища Керменчикъ, накрыли ногайцевъ совершенно для нихъ неожиданно. Они сначала оторопѣли, потомъ стали защищаться съ отчаяніемъ, но это продолжалось не долго. Русскіе были страшно утомлены, такъ что бой и преслѣдованіе возобновлялись два раза. Сѣча была жестокая и дѣло кровавое; съ обѣихъ сторонъ ярость и злоба доходили до крайняго предѣла. Казаки мстили хищникамъ, отъ которыхъ давно и много страдали ихъ земли, и никому не давали пощады. Ногайцы, хуже вооруженные, хуже предводимые, недисциплинированные, не могли противостоять русскимъ и гибли въ огромномъ числѣ. Тягостное чувство безсилія доводило ихъ до изступленія. Одни убивали своихъ дѣтей и женъ; другіе при послѣднемъ издыханіи силились нанести какой-нибудь вредъ русскимъ. Больше 4.000 ногайскихъ труповъ валялись на десятиверстномъ разстояніи; взято было въ плѣнъ до 700 ясырей и немалое число женщинъ и дѣтей. Потеря русскихъ немногимъ превышала 50 человѣкъ, а добыча досталась большая: рогатаго скота приблизительно 6.000 головъ, овецъ 15.000; на обратномъ пути отряда она еще увеличилась.

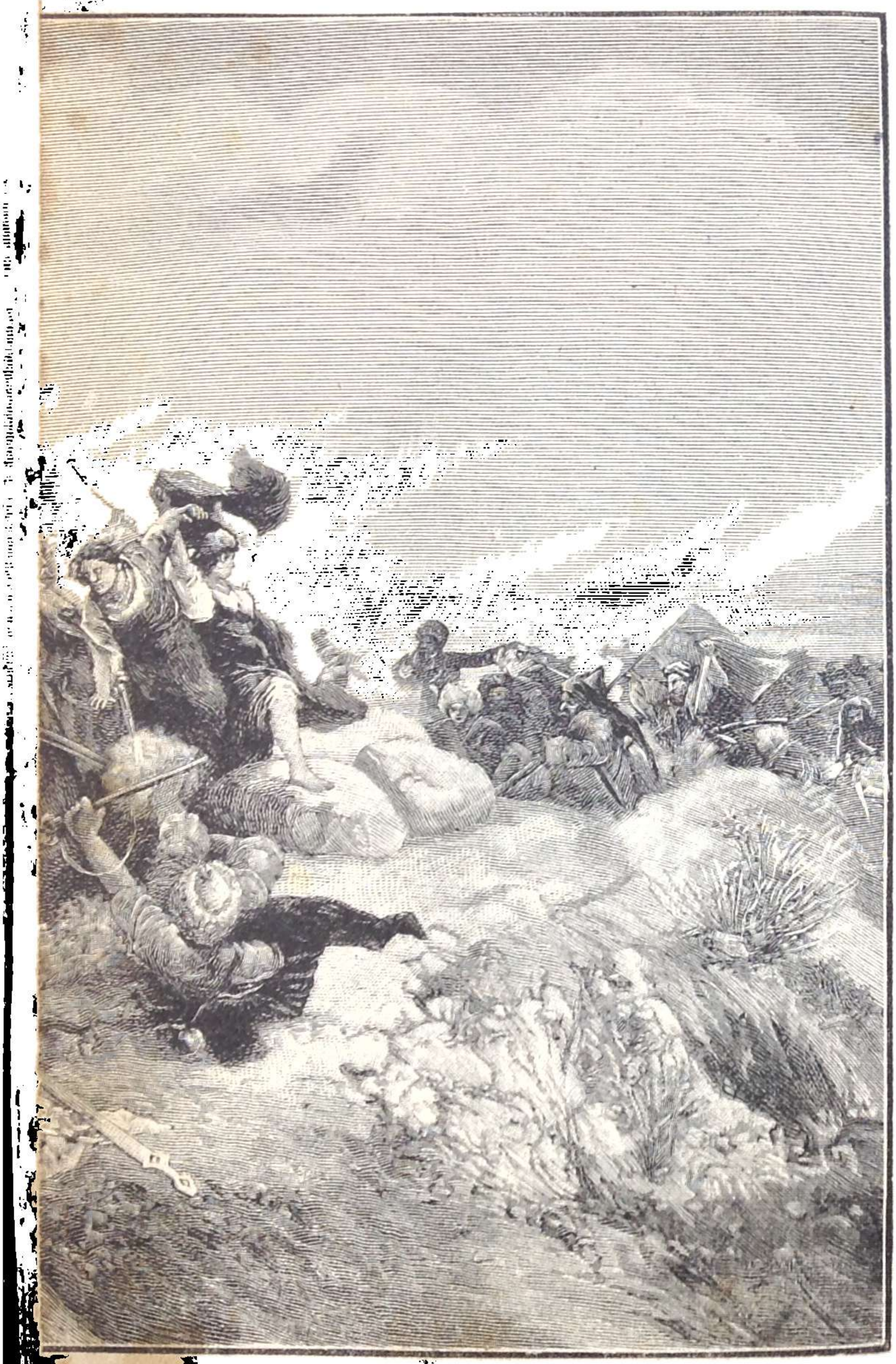
Впечатлѣніе этого разгрома на татаръ было большое, но различное. Ногайскіе мурзы прислали Суворову, въ знакъ покорности, бѣлыя знамена, каялись и обѣщали вернуться на прежнія кочевья, за исключеніемъ Тавъ-султана и нѣкоторыхъ другихъ, которые не надѣялись на искреннее прощеніе. На крымскихъ-же татаръ побоище при Керменчикѣ навело оцѣпенѣніе и ужасъ; опасаясь такой-же участи, они стали тысячами переселяться въ Турцію.

Войска пошли на зимнія квартиры; Суворовъ съ небольшою частью отряда направился прямо степью на Ейскъ. Путь лежалъ длинный, безъ малаго 300 верстъ, и трудный; время стояло позднее; пришлось переправляться черезъ большое число рѣкъ, настилать мосты изъ чего попало, либо переходить вбродъ по поясъ.

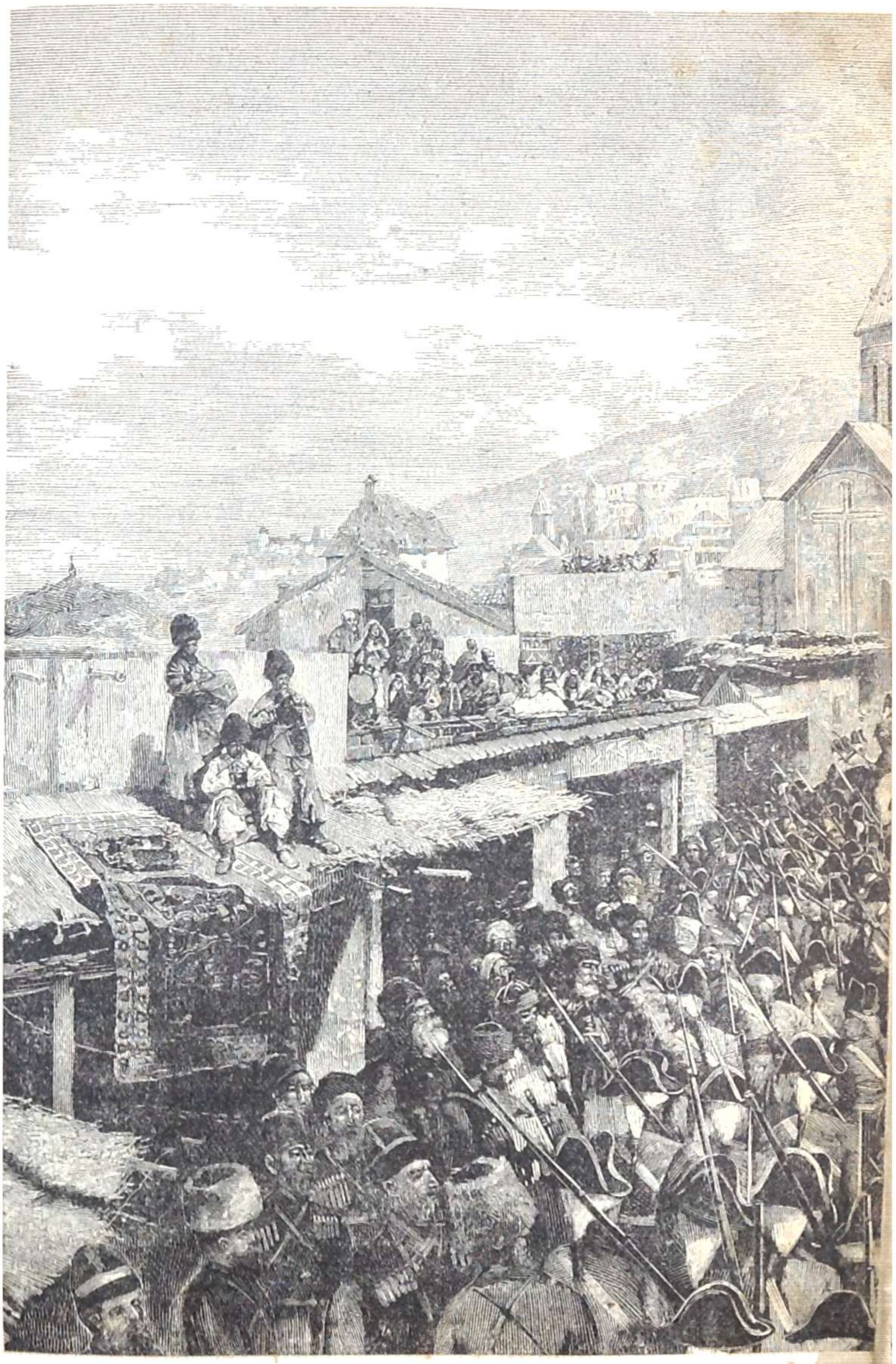
На бѣду, мурзы съ нѣсколькими ногайцами, служившими проводниками, взяли направленіе слишкомъ къ сѣверу, такъ что прибавили нѣсколько десятковъ верстъ пути, и въ отрядѣ сталъ ощущаться недостатокъ продовольствія. Харчевого запаса достало въ обрѣзъ, въ послѣдній день похода все было съѣдено безъ остатка. Пришли въ концѣ октября.

Александръ Васильевичъ Суворовъ.

картины худ. Н. Самокиша.

Вступленіе отряда ген. Лазарева въ

Стр. 47 и 48.

Закавказье. Гуріецъ и горцы-татары. Композ. худ. Н. Ольшанскаго по фот. В. Ермакова.

Суворовъ посѣтилъ аулы окрестныхъ покорныхъ ногайцевъ и свидѣлся тамъ со многими старыми знакомыми. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занималъ джамбулукскій мурза, столѣтній Муса-бей, бывшій врагъ русскихъ, но съ недавняго времени ихъ приверженецъ. Онъ былъ человѣкъ хорошаго сердца, помогалъ бѣднымъ, отличался вѣрностью и постоянствомъ, ненавидѣлъ роскошь, наблюдалъ въ своемъ быту замѣчательную чистоту и европейскую опрятность, былъ лихой наѣздникъ и веселый собесѣдникъ, любилъ хорошо покушать и порядочно выпить; вдобавокъ ко всему оказывалъ Суворову расположеніе, похожее на отеческую любовь. Узнавъ по возвращеніи изъ экспедиціи, что бодрый, крѣпкій старикъ собирается обзавестись новой женой, Суворовъ купилъ у казаковъ молодую, красивую черкешенку и подарилъ ее Муса-бею.

Зиму 1783 — 1784 годовъ Суворовъ провелъ въ крѣпости св. Димитрія. Тутъ часто посѣщали его ногайскіе старшины, отсюда-же онъ продолжалъ свою служебную переписку съ Потемкинымъ, который, будучи закупленъ успѣхомъ закубанской экспедиціи, уже никакихъ неудовольствій и замѣчаній ему не заявлялъ.

Дѣйствія великаго русскаго полководца въ Прикубанъѣ, отличавшіяся обычною „суворовской“ экстренностью, произвели на полудикихъ кочевниковъ такое впечатлѣніе, что ногайцы болѣе уже не осмѣливались возставать противъ русскихъ и перестали смотрѣть на придонскія и манычскія степи, какъ на свою собственность. Огромный край съ береговой черноморской полосой, благодаря Суворову, самъ собою отошелъ къ Россіи, но энергіей русскаго полководца впечатлѣніе было произведено не на однихъ только дикарей.

VII.

Первый намѣстникъ Кавказа.

Въ началѣ 1784 г. Порта торжественнымъ актомъ признала подданство Крыма и всего Кубанскаго края русской императрицѣ, и, такимъ образомъ, Россія и на правомъ флангѣ подвинулась совсѣмъ близко къ Кавказу: ей принадлежало уже все пространство степныхъ земель съ правымъ берегомъ Кубани и черноморское побережье вплоть до устья этой рѣки. Въ этихъ степяхъ, гдѣ кочевали дикія орды ногайцевъ, было поселено впослѣдствіи Черноморское казачье войско, въ теченіе долгихъ

лѣтъ почти на свой рискъ и страхъ выдерживавшее отчаянную и кровавую борьбу съ черкесами адыге и давшее Россіи воиновъ, которымъ равныхъ нѣтъ ни у одного изъ государствъ на земномъ шарѣ. Мы говоримъ здѣсь о черноморцахъ-пластунахъ, но о нихъ рѣчь будетъ впереди, а здѣсь мы вернемся къ лѣвому флангу, гдѣ совершались событія, упрочивавшія положеніе Руси въ Предкавказьѣ.

Послѣ энергичнаго Ивана Варѳоломеевича Якоби кавказскимъ корпусомъ до осени 1782 г. командовалъ его сотрудникъ и соратникъ, генералъ Фабриціанъ, побѣдитель кабардинцевъ на Малкѣ. Онъ сумѣлъ нагнать такого страха на безпокойныхъ сосѣдей, что только самые отчаянные изъ чеченцевъ—атагинцы—время отъ времени осмѣливались нападать на русскіе предѣлы и оставались единственнымъ племенемъ, которое не признавало своей зависимости отъ русскихъ и не дало аманатовъ *) русскому правительству. Фабриціанъ—воинъ высокой храбрости, вмѣстѣ съ тѣмъ, не былъ уполномоченъ на самостоятельныя дѣйствія и ограничивался только тѣмъ, что отражалъ горцевъ, не предпринимая карательныхъ экспедицій. Такой образъ дѣйствій всегда производилъ на горцевъ ободряющее впечатлѣніе. Этимъ наивнымъ дѣтямъ природы начинало казаться, что русскіе обезсиливали и становились неспособными къ мести, обязательной, по ихъ понятіямъ, за всякое кровопролитіе. Атагинцы становились все болѣе и болѣе дерзкими; сосѣднія чеченскія племена начинали примыкать къ нимъ, и набѣги на Терекъ все учащались.

При такихъ обстоятельствахъ въ октябрѣ 1782 г. императрица Екатерина назначила командиромъ кавказскаго корпуса двоюроднаго брата свѣтлѣйшаго князя Таврриды Григорія Потемкина—генералъ-поручика Павла Сергѣевича Потемкина, выказавшаго себя съ наилучшей стороны въ предшествовавшую турецкую войну.

Потемкинъ былъ облеченъ почти неограниченною властью и въ недалекомъ будущемъ онъ явился, первымъ „протекторомъ“ Кавказа, каковымъ впослѣдствіи по могуществу своей власти былъ только одинъ знаменитый Ермоловъ. По складу своего характера и по воспитанію Павелъ Сергѣевичъ являлся не только героемъ-воиномъ, но и „екатерининскимъ аристократомъ“ въ полномъ смыслѣ

*) Аманатъ—заложникъ; обыкновенно, юноша знатной фамиліи

этого слова. Онъ любилъ роскошь, заботился о томъ, чтобы его въ этомъ полудикомъ краю окружала пышность, превосходившая-бы пышность, господствовавшую при дворѣ персидскихъ шаховъ. Но это нисколько не мѣшало ему быть проворливымъ правителемъ бурнаго края.

Павелъ Потемкинъ, этотъ первый намѣстникъ Кавказа (съ 1786 г.), перенесъ свою резиденцію изъ отдаленной Астрахани въ городокъ Екатеринодаръ, стоявшій при впаденіи Малки въ Терокъ. Благодаря этому, высшая власть въ завоевываемомъ краѣ не была удалена отъ полей кровавой борьбы. Въ Екатеринодарѣ появился великолѣпный дворецъ намѣстника, около Потемкина образовалась блестящая свита изъ высшихъ офицеровъ и наиболѣе вліятельныхъ горскихъ владѣльцевъ и князей. Великолѣпіе екатеринпнскаго вельможи произвело на наивныхъ горцевъ поражающее впечатлѣніе, но графъ Павелъ Сергѣевичъ не забывалъ, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло. Въ октябрѣ 1782 г. онъ явился на Кавказъ, а въ мартѣ слѣдующаго 1783 г. буйные атагинцы потерпѣли такой погромъ, что послѣ него не могли уже оправиться. Посланный противъ нихъ отрядъ полковника Кесса, перейдя Сунджу, сжегъ главный аулъ Атаги. Атагинцы, выбитые изъ своего гнѣзда, пока шелъ погромъ, кинулись было на русскій отрядъ, занимавшій Ханкальское ущелье. Произошелъ кровопролитный бой. Чеченцы какъ-будто сами приговорили себя къ смерти; были моменты, когда русскимъ приходилось плохо; однако, въ концѣ концовъ, въ ущелье подоспѣлъ отрядъ, посланный разорять атагинскіе аулы, и нападавшіе горцы оказались сами атакованными съ двухъ сторонъ. Это рѣшило исходъ боя: чеченцы бѣжали, оставивъ на мѣстѣ около пятисотъ труповъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ и побѣды, и погрома явилось признаніе атагинцами и союзными съ ними племенами своей зависимости отъ Россіи, но, конечно, по самому ходу дѣла эта зависимость, какъ и зависимость другихъ горскихъ племенъ, была довольно-таки призрачною.

Впрочемъ, атагинцы присягнули на подданство Россіи, и, такимъ образомъ, русское правительство пріобрѣло право распоряжаться съ ними не какъ съ воюющей стороной, а какъ съ простыми мятежниками — право, чрезвычайно важное въ виду усиленныхъ притязаній на Кавказскій край и Турціи, и Персіи.

Картина отношенія Руси къ населявшимъ Кавказъ

народамъ ко времени образованія перваго намѣстничества въ краткихъ чертахъ представляется такою. Казикумыки, чеченцы, обѣ Кабарды и черкесы такъ или иначе находятся въ подданствѣ Россіи. По крайней мѣрѣ, Россія имѣетъ на нихъ неоспоримыя права. Совершенно независимыми отъ нея являются только оба Дагестана—Нагорный и Приморскій, но для послѣдняго были уже сочтены дни его независимости...

Графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ явился на первыхъ порахъ мудрымъ администраторомъ. Благодаря его настоянiямъ, густо заселилась казенными крестьянами нынѣшняя Ставропольская губернія. Такъ какъ эти крестьяне были свободны отъ крѣпостной зависимости, то быстро выросло благосостояніе края; стали процвѣтать ремесла и торговля, образовалось населеніе бодрое, предпріимчивое и настолько густое, что оно само могло пополнить число защитниковъ края.

Не менѣе важнымъ дѣломъ Потемкина была прокладка Военно-Грузинской дороги, соединившей Предкавказье съ Закавказьемъ и ускорившей присоединеніе къ Руси Грузіи. До Потемкина единственный путь въ Закавказье проходилъ черезъ Кабарду и представлялъ столько опасностей, что даже курьеры въ Тифлисъ отправлялись не иначе, какъ подъ надежнымъ конвоемъ. Потемкинъ началъ съ того, что поставилъ между Моздокомъ и Владикавказомъ три новыя крѣпости или, вѣрнѣе, редута: Григоріополь—въ Малой Кабардѣ, Кумбалеевскую и Потемкинскую. Подходъ къ подножію Кавказскаго хребта былъ обезпеченъ, и немедленно послѣ этого Потемкинъ приказалъ прокладывать путь черезъ горы на Тифлисъ. Послано было около тысячи солдатъ, и работа ихъ шла такъ энергично, что въ октябрѣ 1783 г. графъ могъ уже пріѣхать въ Тифлисъ въ дорожной коляскѣ, запряженной восемью лошадями.

Проведеніе Военно-Грузинской дороги, получившей, впрочемъ, свое окончательное устройство лишь много спустя, при знаменитомъ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ, подняло на русскихъ всѣ горскія племена, находившіяся въ зависимости отъ лѣваго фланга Кавказской линіи. На русскихъ поднялись не только неукротимые кабардинцы, отчаянные чеченцы и лезгины, но даже сравнительно спокойные кумыки. Волей-неволей Потемкину пришлось дѣйствовать силою оружія. Въ ту-же самую осень, когда было закончено проложеніе новаго пути черезъ горы, въ

Чечню былъ тронутъ сильный отрядъ генерала Самойлова. Экспедиція была очень непродолжительна—всего нѣсколько дней, но и въ теченіе этого короткаго времени произошли кровавыя битвы съ чеченцами на берегахъ Валерика, Гойты, Рошны и Чехи; самъ Потемкинъ принялъ на себя командованіе войсками и подошелъ къ Ханкальскому ущелью. Подполковникъ Ньери, командовавшій двумя батальонами астраханскаго полка, послѣ кровопролитнаго сраженія, происходившаго въ октябрѣ 1783 г., очистилъ ущелье отъ горцевъ; ворота въ Чечню были открыты, и послѣ понесенныхъ пораженій горцы присмирѣли.

Проведеніе Военно-Грузинской дороги явилось настоятельной необходимостью для русскихъ. Именно въ этомъ 1783 г., 24-го іюля, былъ подписанъ въ г. Гори актъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, и въ Тифлисъ Потемкинымъ были отправлены два батальона кавказскихъ егерей, подъ начальствомъ полковника Бурлашова. 3-го ноября 1783 года егеря, привѣтствуемые радостными восклицаніями грузинъ, вступали уже въ столицу Грузіи.

Появленіе русскихъ войскъ въ Грузіи, по словамъ историковъ кавказскихъ войнъ Потто и Дубровина, переполошило всю Азію. Это было событіе, въ которомъ сусвѣрные мусульмане увидали зловѣщій призракъ близкаго паденія своего могущества. До какой степени паника охватывала населеніе всякій разъ, когда оно узнавало о приближеніи русскихъ, можно судить по тому, что въ это-же самое лѣто всѣ поморскіе жители Трапезонта бѣжали въ глубь страны отъ одного только извѣстія, что русскій флотъ появился у береговъ Чернаго моря. Смущеніе въ Турціи и Персіи возросло еще болѣе, когда 24-го января 1784 г. царь Грузіи Ираклій, а вмѣстѣ съ нимъ и весь его народъ торжественно приняли присягу на подданство Россіи. Не смѣя дѣйствовать открыто, Порта сумѣла подстрекнуть лезгинъ, и эти воинственные племена, не обращая вниманія на то, что Грузія стала уже частью Россіи, спустились съ своихъ горъ и начали грабить берега р. Алазани, сжигать и вырѣзывать цѣлыя селенія и вообще повторять ужасы, какіе уже испытала Грузія отъ лезгинъ при Шахъ-Аббасѣ.

Потемкинъ понялъ, что необходимо наказать лезгинъ, и эта необходимость представлялась тѣмъ болѣе настоятельною, что къ нападенію на Грузію начало готовиться

могущественнѣйшее изъ племенъ Нагорнаго Дагестана — аварское, во главѣ котораго стоялъ неукротимый Омаръ-ханъ, располагавшій слишкомъ пятнадцатью тысячами испытанныхъ воиновъ. Въ то-же самое время среди всѣхъ горскихъ племенъ Кавказа пошли недобрые слухи о появленіи въ Чечнѣ „пророка", проповѣдывавшаго среди горцевъ „газаватъ" — священную войну противъ русскихъ.

VIII.

Шейхъ Мансуръ.

Кто былъ этотъ „пророкъ", принявшій имя шейха Мансура, съ точностью неизвѣстно и понынѣ. По однимъ указаніямъ, онъ былъ оренбургскій татаринъ, учившійся въ Бухарѣ, представлявшей тогда одинъ изъ могучихъ центровъ мусульманской образованности, по другимъ (Дубровинъ) — это былъ чеченскій пастухъ изъ аула Алды, по имени Учермакъ, по третьимъ (Потто) — итальянскій монахъ-доминиканецъ Джіованни Батисти Боэтти, смѣлый авантюристъ, возмечтавшій о новомъ переустройствѣ мусульманскаго міра и объ уничтоженіи, съ помощью объединенныхъ новымъ вѣрованіемъ магометанъ, папскаго Рима. Нѣкоторые историки увѣряютъ, что Мансуръ былъ просто турецкій агентъ-подстрекатель, подосланный Портою, чтобы поднять противъ Россіи магометанъ Кавказа.

Слухи о томъ, что число сторонниковъ Мансура возрастаетъ и его рѣчи дѣйствуютъ поджигающе на пылкихъ горцевъ, не могли не безпокоить Потемкина, и онъ, воспользовавшись набѣгами лезгинъ, нашелъ нужнымъ показать имъ силу русскаго оружія.

Въ октябрѣ 1784 г. генералъ Самойловъ, командовавшій русскими войсками въ Грузіи, былъ отправленъ въ экспедицію противъ лезгинъ, готовившихся напасть на берега Алазани при возвращеніи своемъ изъ-подъ Ганжи. Самойловъ двинулся на Алазань, и 11-го октября у сел. Мусаулы произошло столкновеніе. Лезгины были разбиты на-голову. Перебито ихъ было въ теченіе пятичасового бой такъ много, что вода въ Алазани окрасилась кровью и запрудилась людскими и конскими трупами.

Однако, это пораженіе не образумило неукротимыхъ храбрецовъ. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года они, соединившись съ турками, прорвались въ Грузію со стороны Имеретіи черезъ Боржомское ущелье и опустошили всѣ прилегающія къ Сурамскому хребту мѣстности, но обра-

щая вниманія на то, что въ Сурамѣ, всего въ семи верстахъ, стоялъ бѣлгородскій батальонъ. Командовавшій бѣлгородцами маіоръ Сеппенбергъ кинулся преслѣдовать разбойниковъ, нагналъ ихъ на берегу Куры около деревни Хошура и такъ „поучилъ“ ихъ здѣсь русскими штыками и картечью, что только на одномъ мѣстѣ битвы осталось болѣе тысячи двухсотъ труповъ, да, кромѣ этого, быстрая Кура понесла въ Тифлисъ еще сотни тѣлъ погибшихъ во время бѣгства... Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ Сеппенбергу съ бѣлгородцами пришлось выдержать еще одинъ натискъ лезгинъ и турокъ, завершившійся для нападавшихъ не менѣе печальными послѣдствіями, чѣмъ первый.

Эти побѣды были очень кстати. Омаръ-ханъ аварскій. все-таки напалъ на Карталинію и, избѣгая открытаго столкновенія съ русскими, разорилъ всю несчастную страну, и русскіе не могли подать грузинамъ существенной помощи, ибо какъ разъ въ это время имъ пришлось очень серьезно возиться съ шейхомъ Мансуромъ и поднятымъ имъ газаватомъ.

Шейхъ Мансуръ, выступивъ въ роли вѣроучителя, сперва проповѣдывалъ братскую любовь между всѣми людьми, роздалъ все, что имѣлъ, неимущимъ и среди корыстолюбивыхъ чеченцевъ сумѣлъ привлечь къ себѣ такое вниманіе, что вся Чечня стала считать его посланникомъ Магомета, явившимся на землю для возвѣщенія новыхъ истинъ пророка. Мансуръ, страдавшій падучей болѣзнью, — что, по убѣжденіямъ полудикихъ народовъ, является свидѣтельствомъ пребыванія въ человѣкѣ высшаго духа, — воспользовался этимъ и сумѣлъ увѣрить народъ, что его припадки суть не что иное, какъ исходящее къ нему отъ Аллаха вдохновеніе. Но, проповѣдуя любовь и братство, Мансуръ говорилъ, что братья между собою — только его послѣдователи и что „невѣрныхъ“ (подъ этимъ словомъ онъ подразумѣвалъ русскихъ) слѣдуетъ безпощадно истреблять, а имущество ихъ брать себѣ. Это былъ уже призывъ къ грабежу и насилію. Горцы живо откликнулись на него, тѣмъ болѣе, что Мансуръ распускалъ слухъ, будто на помощь къ нимъ во время войны съ русскими, явятся войска изъ Стамбула.

Случилось такъ, что одно „пророчество“ этого фанатика и въ самомъ дѣлѣ исполнилось. Тогда слава Мансура распространилась по всей Чечнѣ, проникла въ обѣ Кабарды и Дагестанъ. Въ это-то время Мансуръ и объ

явилъ „газаватъ“. Отправленный противъ него отрядъ полковника Пьери былъ разбитъ, а состоялъ этотъ отрядъ изъ астраханскаго полка, батальона кабардинскаго и двухъ ротъ томскаго полковъ съ сотней терскихъ казаковъ при двухъ орудіяхъ. Впрочемъ, разбитъ былъ отрядъ не въ открытомъ бою, а при возвращеніи на линію черезъ лѣса Чечни. Главною причиною несчастія явилось то, что однимъ изъ первыхъ былъ убитъ Пьери и тяжело раненъ командиръ кабардинскаго батальона маіоръ Комарскій. Потерявшіе начальниковъ солдаты смѣшались, а чеченцы, замѣтивъ это, усилили свой натискъ. Погибли восемь офицеровъ, болѣе четырехсотъ нижнихъ чиновъ, да пропало безъ вѣсти свыше полутораста. Оба орудія достались горцамъ, но что явилось наиболѣе печальнымъ слѣдствіемъ этого перваго пораженія русскихъ на Кавказѣ, такъ это то, что Мансуръ сумѣлъ воспользоваться своею нечаянною побѣдою, поднялъ Кабарды и съ увеличенными силами кинулся за Терекъ на Кизляръ; на пути ему встрѣтилось Карчинское укрѣпленіе, которое ему удалось взорвать, что также было прпнято горцами за рѣшительную побѣду. На Кизляръ пока Мансуръ не пошелъ, а вмѣстѣ съ кабардинцами ударилъ на укрѣпленіе Григоріополь, въ которомъ стоялъ батальонъ пѣхотинцевъ подъ начальствомъ подполковника Вреде. Вѣроятно, онъ расчитывалъ и здѣсь одержать верхъ и такимъ путемъ увеличить свое обаяніе. Но Вреде сумѣлъ прогнать скопище Мансура, и только тогда тотъ кинулся на Кизляръ.

В. Потто въ своей статьѣ о шейхѣ Мансурѣ разсказываетъ, что онъ поразилъ воображеніе не однихъ только горцевъ, но и русскихъ. Кизлярцы были въ унынiи. Одинъ изъ очевидцевъ разсказываетъ, что Кизляръ, дѣйствительно, представлялъ печальную картину. Испуганныя дѣти кричали, женщины плакали, многіе бѣжали въ астраханскія степи. Чтобы ободрить смятенный народъ, русскіе и армянскіе священники ходили по улицамъ города, пѣли молебны. кропили христіанъ св. водою. Это было 20 августа 1785 г. Пять разъ кидались горцы на приступъ Кизляра, но были отбиваемы съ огромнымъ урономъ и, въ концѣ концовъ, отброшены за Терекъ томскимъ полкомъ. Особенно отличились при отраженіи штурма гребенскіе и терскіе казаки.

Неудачи подъ Кизляромъ расхолодили чеченцевъ настолько, что они оставили Мансура, зато кабардинцы приняли его у себя съ восторгомъ. Собралось болѣе

20.000 воиновъ, и съ ними Мансуръ бросился и на Науру, и на Моздокъ, но взять ихъ не былъ въ состояніи.

При такихъ попыткахъ разроставшееся движеніе приняло опасный характеръ. Незначительныя въ сущности своей побѣды горцевъ поднимали ихъ духъ, разжигали на дальнѣйшую борьбу съ русскими, а въ это время Россіи уже грозила вторая турецкая война, и возмутившіеся горцы могли отвлечь русскія военныя силы отъ европейскаго театра войны. Съ Мансуромъ приходилось покончить, во что-бы то ни стало. Потемкинъ послалъ противъ шейха отрядъ изъ кабардинскаго полка, двухъ эскадроновъ астраханскихъ драгунъ, полка казаковъ-моздокцевъ и трехъ сотенъ донскихъ, гребенскихъ и терскихъ казаковъ. Командованіе отрядомъ было поручено полковнику кабардинцевъ Нагелю. Войска такъ и рвались на „пророка-волка“, какъ прозвали Мансура казаки. Первая встрѣча произошла подъ Моздокомъ 30 октября 1785 г. Пять часовъ длился отчаянный бой и закончился, когда наступила темнота. Изъ битвы никто изъ противниковъ не вышелъ побѣдителемъ: обѣ стороны сохранили свои позиціи; однако, Мансуръ отвелъ свое скопище. Русскіе энергично преслѣдовали горцевъ и 2 ноября у кабардинскаго аула на Терекѣ, въ мѣстности, гдѣ за четыре вѣка безъ малаго до этого бились два грозныхъ завоевателя — Тахтамышъ и Тамерланъ — произошла рѣшительная битва. Чеченцы, тавлинцы, кабардинцы, кумыки окружили отрядъ Нагеля. Надъ ними рѣяло священное знамя пророка; обезумѣвшіе отъ фанатизма муллы поджигали ихъ въ бой. Самое отчаянное нападеніе произвели лезгины-тавлинцы; русскимъ пришлось этихъ удальцовъ, кинувшихся на ихъ въ шашки, принять на штыки; съ чеченцами и кабардинцами отрядъ управился сравнительно легко, но грозную опасность представили кумыки. Ихъ была масса; они придумали приспособленіе особаго рода — подвижные щиты, благодаря которымъ на нихъ не дѣйствовали ни ружейный огонь, ни орудійный. Эти воины надвигались на небольшой отрядъ, грозя раздавить его. Спасло русскихъ лишь то, что въ самый критическій моментъ весь отрядъ, по командѣ Нагеля, кинулся въ штыки на тучи враговъ. Никогда еще горскіе народцы не выдерживали стремительнаго русскаго натиска, сопровождаемаго громовымъ „ура“. Наступавшіе были смяты и бѣжали съ поля битвы. Отъ почти неизбѣжнаго плѣна Мансура спасла только быстрота его копя.

Эффектъ этого пораженія былъ совсѣмъ неожиданный. Недавніе союзники стали врагами. Лезгины и чеченцы пошли другъ на друга, и между ними началась отчаянная рѣзня, которой русскіе, конечно, не мѣшали. Ожесточеніе между этими горскими племенами было такъ велико, что побѣждавшая сторона, захватывая плѣнныхъ, продавала ихъ, своихъ единоплеменниковъ и одновѣрцевъ, въ рабство...

Мансуръ, несмотря на это пораженіе, не унялся. Онъ убѣжалъ за Кубань и съ помощью турокъ, занимавшихъ крѣпости по черноморскому побережью, сумѣлъ поднять на русскихъ закубанскихъ горцевъ. Уже весною 1786 г. черкесы кинулись на Моздокскую линію, сожгли крестьянское село Новосильцево и едва не разгромили Александровска. Полковникъ Муфель успѣлъ отразить нападеніе и прогнать черкесовъ опять за Кубань. Успокоились они, впрочемъ, только до осени. Съ наступленіемъ темныхъ ночей опять начались ихъ вторженія. Они прорывались даже до Черкасска; въ началѣ ноября ихъ двухтысячная партія, которую турки снабдили орудіями, разорила Болдыревскій редутъ на р. Еѣ, разогнала три донскихъ казачьихъ полка и перерѣзала полтораста донцовъ вмѣстѣ съ ихъ полковникомъ Грековымъ.

Опять приходилось приниматься за покореніе, какъ казалось, дѣло, а время подошло такое, что Россіи было вовсе не до черкесовъ. Въ 1787 г. началась вторая турецкая война. Незадолго передъ этимъ, въ 1786 г., изъ областей Кавказской и Астраханской образовано было Кавказское намѣстничество и во главѣ его поставленъ былъ Потемкинъ; но онъ попадобился на Дунаѣ и былъ отозванъ туда съ Кавказа. Однако, званіе намѣстника Кавказа было сохранено за нимъ, а вмѣсто него командующимъ войсками на Кавказѣ былъ назначенъ генералъ-аншефъ Петръ Абрамовичъ Текели, сербъ происхожденіемъ, извѣстный тѣмъ, что онъ, именно, уничтожилъ Сѣчь и разогналъ изъ нея запорожцевъ.

Пока онъ былъ въ дорогѣ, Потемкинъ, оставшійся еще на Кавказѣ, расправился-таки съ Мансуромъ... Три сильныхъ отряда были двинуты осенью 1787 г. за Кубань къ истокамъ Зеленчука и Лабы. Командовали ими уже испытанные въ бояхъ съ черкесами вожди — генералъ-маіоры Ратіевъ, Елагинъ и полковникъ Ребиндеръ. Мансуръ въ это время стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ между Лабою и Урупомъ. Съ нимъ были самые отчаян-

ные изъ фанатически ·преданныхъ ему приверженцевъ, готовыхъ къ бою на-смерть.

Честь встрѣтиться съ Мансуромъ выпала на долю отряда Ребиндера. Черкесы устроили вагенбургъ изъ шестисотъ оказавшихся въ ихъ отрядѣ повозокъ и приготовились къ смертному бою, ожидая, что русскіе пойдутъ на штурмъ ихъ лагеря. Но Ребиндеръ на этотъ случай измѣнилъ обычную тактику. Онъ былъ уже увѣдомленъ объ отчаянной рѣшимости противника и не сталъ штурмовать черкесскій вагенбургъ. Загрохотали вмѣсто штурма пушки; русскія ядра и гранаты дождемъ посыпались на черкесское скопище. Не ожидавшіе ничего подобнаго воины Мансура не выдержали русскаго орудійнаго огня, бросили свой вагенбургъ и бѣжали, даже не подобравъ своихъ убитыхъ, а ихъ осталось на мѣстѣ болѣе четырехсотъ.

Ребиндеръ энергично преслѣдовалъ врага и 21-го сентября нагналъ Мансура и черкесовъ у Чильхова-Коша. Началась кровопролитная битва. Верхъ сперва остался за черкесами, сбившимп кинувшійся было на нихъ въ атаку ростовскій конно-карабинерный полкъ. На помощь ростовскимъ карабинерамъ подоспѣли астраханскіе драгуны, такъ стремительно ударившіе на закубанцевъ, что тѣ не выдержали натиска и отошли. Исходъ боя, однако, представлялся нерѣшительнымъ, хотя русскому отряду давала огромное преимущество его артиллерія. Видно было, что черкесы не уйдутъ, что они обрекли себя на смерть. Изъ массы ихъ громко доносилась предсмертная пѣснь, съ которой они всегда кидались въ бой, если не надѣялись выйти изъ него живыми; русскіе тоже не отступали, за ударъ они сейчасъ-же отплачивали ударомъ, но рѣшительной побѣды все-таки не предвидѣлось.

Встрѣтиться съ Мансуромъ — „пророкомъ-волкомъ“ — опять выпало на долю отряда Ребиндера. Пока этотъ отрядъ расправлялся съ фанатиками, другой отрядъ, г.-м. Елагина, выпустивший впередъ два налетныхъ отряда, Булгакова и Депрерадовича, громилъ черкесскія гнѣзда за Кубанью. Пылали недавно богатые аулы, пушечный громъ и трескъ ружей не умолкалъ ни днемъ, ни ночью. Скопища черкесовъ разсѣивались послѣ кровопролитныхъ битвъ, и, такимъ образомъ, дружинамъ Мансура неоткуда было получить необходимыя подкрѣпленія. У русскихъ-же оставался третій, совершенно свѣжій отрядъ—г.-м. Ратіева. Ратіевъ, какъ только узналъ, что Ребиндеръ пре-

слѣдуетъ главныя скопища Мансура, быстро поспѣшилъ на подмогу и явился какъ разъ въ день нерѣшительнаго боя 21-го сентября. Шейхъ Мансуръ, узнавъ о прибытіи къ русскимъ подкрѣпленій, поспѣшилъ отойти, но отъ боя все-таки не отказался.

Этотъ бой загорѣлся на слѣдующій день — 22-го сентября, и дружины лже-пророка на этотъ разъ были жесточайше разгромлены. Однако, Мансуръ и на этотъ разъ успѣлъ убѣжать. Черкесскія племена были жестоко наказаны. Всѣ ихъ аулы на берегахъ Кубани были выжжены, населеніе разогнано, и турки на этотъ разъ не успѣли ничѣмъ помочь своимъ кавказскимъ союзникамъ.

Предъ отъѣздомъ графа Потемкина съ Кавказа произошло еще мало замѣтное, но знаменательное событіе. Порядочное количество запорожцевъ, разогнанныхъ въ 1775 г. Текели изъ днѣпровской Сѣчи и ушедшихъ было въ Турцію, при началѣ войны возвратились въ русскіе предѣлы и просили себѣ, какъ милости, позволенія поселиться въ Прикубаньѣ. Имъ это было позволено, и переселившіеся запорожцы образовали изъ себя Черноморское казачье войско, о которомъ уже упоминалось выше. Отъ нихъ и Прикубанье, въ особенности прибрежная полоса Чернаго моря, стало называться Черноморіей. Новымъ поселенцамъ было оказано высокое довѣріе, они получили многія льготы и съ первыхъ-же дней своего поселенія оправдали возложенныя на нихъ надежды. Черноморскіе казаки явились прочнѣйшимъ оплотомъ русскаго могущества на Кубани и черноморскомъ побережьѣ — настолько надежнымъ, что правый флангъ общекавказской военной линіи явился какъ-бы самостоятельно дѣйствующимъ, и центръ тяжести всей борьбы съ кавказскими племенами сталъ переходить на лѣвый флангъ.

Первымъ кошевымъ атаманомъ черноморцевъ былъ знаменитый Харько Чепега (ген.-маіоръ Захаръ Ивановичъ Чепега) съ немногимъ знаменитымъ войсковымъ писаремъ Антомъ Головатымъ...

Впрочемъ, правому кавказскому флангу пришлось сыграть нѣкоторую роль въ наступившей второй турецкой войнѣ.

Замѣстившій Потемкина генералъ-аншефъ Петръ Абрамовичъ Текели былъ человѣкъ суровый, даже жестокій, не задумывавшійся ни передъ чѣмъ ради достиженія своей цѣли. Массовая рѣзня ему, сербу, видавшему всякіе виды на порабощенной турками родинѣ, вовсе

не претила. Напротивъ, онъ считалъ ее однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ укрощенію непокорныхъ. Въ концѣ сентября онъ явился на Кавказъ, а 13-го октября 1787 г. за Кубань перекинуто было 10.000 русскаго войска. Въ нѣсколько дней было истреблено все населеніе между Лабою и Кавказскими горами; замѣчательно, что въ составѣ русскаго дѣйствовавшаго за Кубанью отряда были недавно еще столь враждебные русскимъ кабардинцы, послѣдовавшіе за находившимся на русской службѣ бригадиромъ Горичемъ, кабардинцемъ по происхожденію. Постарались надъ опустошеніемъ края и казаки-донцы съ своимъ знаменитымъ впослѣдствіи атаманомъ Иловайскимъ. Затѣмъ Текели разгромилъ на р. Убыни вновь набравшаго себѣ дружины Мансура, и на этотъ разъ погромъ былъ уже окончательный, хотя Мансуръ опять успѣлъ спастись отъ плѣна и укрылся въ турецкой крѣпости Анапѣ. Болѣе онъ уже не выступалъ серьезнымъ противникомъ русскихъ, ибо довѣріе къ нему горцевъ было подорвано.

Кабардинцы сперва оказались ревностными союзниками русскихъ. Они даже выступали противъ чеченцевъ, когда тѣ кидались на терскія станицы, но это усердіе продолжалось недолго. Кабардинскіе князья домогались прежняго: получить обратно отошедшія подъ русскія укрѣпленія земли. Конечно, имъ было отказано въ этомъ, и дружба немедленно порвалась. Кабардинцы отказались отъ участія въ походахъ русскихъ и, вмѣстѣ съ чеченцами, стали кидаться на Терскую линію.

IX.

Турки на Кавказѣ.

Возгорѣвшаяся вторая турецкая война какъ-бы пріостановила борьбу съ горскими племенами. Всѣ удары русскихъ въ Кавказскомъ краѣ были направлены на турокъ. Текели, явившись на Кавказъ, имѣлъ спеціальное порученіе отъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Потемкина дѣйствовать противъ турецкихъ крѣпостей на Черноморскомъ побережьѣ: Анапы и Суджукъ-Кале. Согласно этимъ планамъ, Текели, разгромивъ Закубанье, осенью 1788 г. повелъ свои войска на Анапу, но взять эту крѣпость не смогъ. Эта крѣпость, татарское наименованіе которой означаетъ „материнская доля“ (черкесское наименованіе „Бугуръ-Кале“), была укрѣплена французскими инженерами и представляла изъ себя твердыню,

въ которую всегда могли явиться подкрѣпленія съ моря. Овладѣть Анапой для русскихъ было дѣломъ первѣйшей необходимости. Здѣсь былъ центръ религіозной пропаганды между мусульманскими племенами Кавказа, да и, кромѣ того, Анапа являлась „ключемъ азіатскаго берега Чернаго моря“. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣла на нее Порта.

Походъ Текели къ Анапѣ продолжался два мѣсяца. Русскіе покрыли новою славою свое оружіе, но Анапа, постоянно поддерживаемая съ моря турецкимъ флотомъ, оказалась неприступною. Текели возвратился ни съ чѣмъ въ Прикубанье, вышелъ въ отставку и въ томъ-же году умеръ.

Его замѣстителемъ явился генералъ-аншефъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, но онъ въ исторіи борьбы на Кавказѣ не оставилъ даже слѣда, ибо пробылъ главнокомандующимъ кавказскимъ (на лѣвомъ флангѣ) и кубанскимъ (правый флангъ) всего нѣсколько мѣсяцевъ. Назначенный главнокомандующимъ финляндской арміи, Салтыковъ уѣхалъ, не оставивъ себѣ преемника, пока-же таковый не былъ назначенъ, командиръ кавказскаго корпуса, генералъ-поручикъ Георгій Богдановичъ Бибиковъ, отправился въ январѣ 1789 г. въ походъ на Анапу безъ предварительнаго разрѣшенія хотя-бы графа Павла Потемкина, который все еще оставался—положимъ, лишь номинально—кавказскимъ намѣстникомъ, и даже безъ предварительнаго ознакомленія съ причинами, побудившими Текели послѣ ряда блестящихъ побѣдъ возвратиться, не взявъ Анапы. Этотъ походъ Бибикова былъ предпринятъ съ совершенно непонятнымъ легкомысліемъ и полнѣйшимъ непониманіемъ мѣстныхъ условій войны. Войска пошли въ самое неудобное время — передъ весной. Не было запасено достаточно провіанта. Сперва, когда приходилось сталкиваться съ незначительными аулами, русскіе, конечно, одерживали верхъ. Но черкесы-то знали, что такое походъ въ эту пору года! Они незначительными, но частыми нападеніями то и дѣло останавливали русскихъ. Отрядъ двигался впередъ медленно. Начались послѣдніе предвесенніе горныя вьюги, а затѣмъ сразу наступила оттепель; дороги стали непроходимыми, ручьи раздулись въ бурныя рѣки; провіантъ истощился; лошадей стали кормить рубленными рогожами, люди питались кореньями и сырой кониной.

Къ Анапѣ подошли въ Страстную субботу 24-го марта. Въ самое Свѣтлое Воскресенье пошли на штурмъ, и только въ то время, когда штурмовыя колонны подходили къ крѣпости, Бибиковъ узналъ, что въ Анапѣ сосредоточенъ сорокатысячный гарнизонъ... Барабаны забили отбой, и штурмующіе возвратились ни съ чѣмъ, осыпаемые турецкими гранатами и картечью. Три дня простоялъ отрядъ подъ крѣпостью. Турецкіе паши позволяли себѣ наглѣйшія выходки по адресу неудачнаго главнокомандующаго. Напримѣръ, Бибикову присылали хлѣбъ, причемъ высказывалось, что это дѣлается изъ сожалѣнія къ нему, ибо ему грозитъ голодная смерть...

Приходилось уйти ни съ чѣмъ, но, какъ только русскіе начали отступленіе, на нихъ кинулись громадною массою турки и черкесы. Весь путь до Кубани пришлось идти отбиваясь. На пути былъ даже случай, когда войска, видя неразумное распоряженіе командира, отказались отъ повиновенія. Погибли отъ вражескаго оружія, холода, голода и болѣзней изъ восьмитысячнаго отряда болѣе пяти тысячъ человѣкъ. Остатки отряда спасло только то, что командовавшій кубанскимъ корпусомъ генералъ-лейтенантъ баронъ Розенъ поспѣшилъ на помощь къ Бибикову. „Офицеры и нижніе чины,—писалъ Розенъ Потемкину въ своемъ донесеніи,—находятся въ такомъ жалкомъ видѣ, какой выше всякаго выраженія. Всѣ они опухли отъ голода, истомлены маршами, стужею, непогодами, отъ которыхъ не имѣли никакого укрытія. Солдаты и офицеры лишились въ этомъ походѣ всего своего имущества и остались въ рубищахъ, босые, безъ рубахъ и даже безъ нижняго бѣлья, которое погнило на людяхъ“.

Бибиковъ военнымъ судомъ послѣ строгаго разслѣдованія былъ отставленъ отъ службы, а командиромъ кавказскаго корпуса назначенъ генералъ-маіоръ Иванъ Ивановичъ Германъ фонъ Фезенъ, командующимъ-же войсками на Кавказской линіи—генералъ-аншефъ графъ Антонъ Богдановичъ де Бальменъ. Несмотря на неудачу въ походѣ и на оказанное неповиновеніе, отрядъ Бибикова былъ награжденъ особенною серебряною медалью на голубой лентѣ съ надписью „за вѣрность“.

„Экспедиція Бибикова,—писала объ этомъ походѣ императрица Екатерина II,—для меня весьма странна и ни на что не похожа. Я думаю, что онъ съума сошелъ, держа людей сорокъ дней въ водѣ и безъ хлѣба. Удивительно, какъ

единый остался живъ. Я почитаю, не много съ нимъ возвратилось. Если войска взбунтовались, то сему дивиться нельзя, а болѣе надо дивиться сорокадневному ихъ терпѣнію“...

Неудачный походъ Бибикова повлекъ за собою много печальныхъ послѣдствій. Наиболѣе прискорбнымъ явилось то, что турки, до сихъ поръ не осмѣливавшіеся вступить въ открытую борьбу съ русскими, теперь рѣшились на нее, а разстроенный и сильно порѣдѣвшій кавказскій корпусъ не имѣлъ силъ, чтобы помѣшать турецкому вторженію въ Кавказскую линію.

Турки терпѣли неудачи на Дунаѣ и, такъ какъ цѣлью ихъ въ этой войнѣ было возвращеніе потерянаго въ предыдущую войну Крыма, то Порта поспѣшила создать новый театръ военныхъ дѣйствій на западныхъ берегахъ Чернаго моря и въ Прикубаньѣ. Порта назначила здѣсь своимъ главнокомандующимъ Баталъ-пашу, въ теченіе 1789 г. организовала сильную армію, авангардъ которой сталъ на лѣвомъ берегу Кубани въ устьѣ Зеленчука, и призвала на борьбу съ Россіей всѣ горскіе народы. Дать отпоръ отличному и многочисленному непріятелю выпало на долю какъ разъ ослабленному кавказскому корпусу, не имѣвшему даже надежды на прибытіе подкрѣпленій изъ Россіи.

Наступило грозное время. Надвигался врагъ, который былъ совсѣмъ не чета разнымъ черкесамъ, кабардинцамъ, чеченцамъ, лезгинамъ. Противъ кавказцевъ шла регулярная армія, въ изобиліи снабженная всѣми боевыми средствами, опиравшаяся въ своемъ движеніи на сильнѣйшія крѣпости Суджукъ и Анапу, выходившая изъ единовѣрной ей и изъ извстари враждебной Руси страны съ воинственнымъ населеніемъ, всегда готовымъ биться съ русскими не на-животъ, а на-смерть... И къ такому невыгодному для русскихъ положенію прибавилось еще обстоятельство, сильно осложнившее его: кавказское войско попрежнему оставалось безъ единаго начальника. Вновь назначенный главнокомандующій графъ де Бальменъ сильно занемогъ еще на пути въ Георгіевскъ, ставшій при Текели главною квартирою. Состояніе здоровья де Бальмена было таково, что внушало сильнѣйшія опасенія за его жизнь, а Баталъ-паша, увѣренный въ побѣдѣ уже предполагалъ поднять противъ Россіи всѣхъ мусульманъ не только на Кавказѣ, но и на Уралѣ, и на Волгѣ.

Несомнѣнно, что турецкій сераскиръ былъ большой руки фантазеръ, но несомнѣнно также, что всѣ его фантазіи имѣли нѣкоторое основаніе. Баталъ-паша былъ увѣренъ прежде всего въ помощи кабардинцевъ, потомъ онъ зналъ, что персидскій шахъ Ага-Магометъ, жалкій, полупомѣшанный маньякъ, кастрированный по приказанію Надиръ-шаха и мстившій за свое несчастіе всему человѣчеству, спитъ и во снѣ видитъ, какъ-бы разгромить русскихъ, и дожидается только турецкой побѣды, чтобы кинуться въ Закавказье. Далѣе, развѣ могли быть сомнѣнія въ пятидесятитысячной арміи, усиленной горцами, подготовляемой къ походу два года, въ теченіе которыхъ въ Закубаньѣ явилось множество складовъ провіантскихъ и боевыхъ запасовъ. При всемъ этомъ смертная болѣзнь главнокомандующаго внесла такой безпорядокъ въ общій планъ дѣйствій, что кубанскій корпусъ барона Розена совершенно спокойно стоялъ на своихъ мѣстахъ, не участвуя въ оборонѣ границы. Затѣмъ лазутчики донесли Баталъ-пашѣ, что кавказскій корпусъ, противъ котораго онъ направлялъ свой главный ударъ, раздѣлился на три отряда: генерала Булгакова — между Кубанью и Кумою, бригадира Беервица — у крѣпости Прочный Окопъ и генерала Германа, ставшаго на Кумѣ въ шестидесяти верстахъ отъ Георгіевска, которымъ Баталъ-паша рѣшилъ завладѣть прежде другихъ.

Однако, дѣйствительность превзошла даже пылкую фантазію восточнаго человѣка... У насъ, русскихъ, есть приговорка о „чудесахъ въ рѣшетѣ“. Вотъ эти-то „чудеса“ и произошли при встрѣчѣ вторгнувшихся турокъ съ русскими.

Генералъ Германъ, узнавъ о наступленіи турокъ къ Георгіевску и опасаясь, какъ-бы эта крѣпость не была взята врагами, что подняло-бы Кабарды, подтянулъ къ себѣ отрядъ бригадира Беервица и, такимъ образомъ, у него оказалось 3.600 человѣкъ пѣхоты и конницы при артиллеріи, состоявшей всего изъ шести полевыхъ орудій. Отрядъ Булгакова находился въ 80 верстахъ, а кубанскій корпусъ стоялъ на Лабѣ, даже не зная о наступленіи непріятельской арміи...

На соединившійся отрядъ Германа шли свыше сорока тысячъ регулярныхъ турецкихъ войскъ съ десятитысячной черкесской кавалеріей, но Германъ уже четырнадцать лѣтъ пробылъ на Кавказской линіи и не задумался

двинуться самъ на турецкую армію, прекрасно понимая, что день промедленія — и вся масса вторгнувшихся расплывется по всей линіи, тогда какъ въ этомъ случаѣ можно нанести ей ударъ, пока она находится еще въ полномъ своемъ составѣ.

30-го сентября на рѣку Тахтамышъ двинулся русскій авангардъ, подъ командою маіора князя Орбеліани. Въ авангардѣ были всего 700 человѣкъ и два орудія. Орбеліани отдано было приказаніе стоять на надбрежныхъ высотахъ Тахтамыша до послѣдняго человѣка. Отдавая это приказаніе, Германъ надѣялся, что къ нему подоспѣетъ съ своимъ отрядомъ Булгаковъ, но, когда авангардъ былъ уже подъ турецкимъ огнемъ, отъ послѣдняго было прислано увѣдомленіе, что ранѣе ночи онъ подоспѣть не можетъ. Герману ввиду такого увѣдомленія не оставалось ничего иного, какъ, не дожидаясь Булгакова, принять бой.

Когда онъ подошелъ къ Тахтамышу, одновременно подоспѣли туда-же и главныя силы Баталъ-паши. Было всего десять часовъ утра. Горы за Тахтамышемъ (Таплицкія и Тахтамышевы) были покрыты массами турокъ. На берегу рѣки тридцать вражескихъ орудій громили русскій отрядъ. Германъ выдвинулъ противъ мощной турецкой артиллеріи всего только одну баттарею, которой командовалъ маіоръ Офросимовъ, участникъ бибиковскаго похода на Анапу, сперва выказавшій себя въ схваткѣ съ турками героемъ, какихъ было не много и среди старокавказцевъ, а потомъ явившійся зачинщикомъ неповиновенія при отступленіи. Офросимовъ отличился. Съ своими полевыми пушками онъ ослабилъ турецкій огонь по всей линіи артиллерійскаго боя, но, лишь только турецкая канонада стала слабѣть, конные черкессы переправились черезъ рѣку и начали обоканивать русскіе фланги, стараясь пробраться въ тылъ отряду. Германъ пустилъ противъ нихъ полковника Буткевича съ драгунами. Послѣ недолгой схватки, черкесы, никогда еще не выдерживавшіе упорнаго русскаго натиска, показали тылъ и ударились прямо на своихъ. Этимъ моментомъ воспользовался Германъ и кинулъ на турокъ весь свой отрядъ, въ то время, когда уланскіе черкесы произвели среди нихъ сумятицу. Драгуны полковника Муханова бѣшено врубились въ самую гущу стоявшей на своемъ лѣвомъ флангѣ турецкой пѣхоты; слѣдомъ за драгунами, поддерживая ихъ, съ громовымъ „ура“ ударили въ штыки егеря изъ отряда бригадира Беерница.

Лѣвый русскій флангъ, которымъ командовалъ полковникъ Чемодановъ, опрокинулся на правый турецкій флангъ, а русскій центръ, съ своимъ командиромъ Матценомъ, обрушился на турецкій центръ. Въ то-же самое время раздалось пѣстовое гиканье: это понесся на враговъ донской казачій полкъ, съ своимъ командиромъ-юношей, восемнадцатилѣтнимъ войсковымъ старшиной Луковкинымъ, будущимъ героемъ войнъ съ Наполеономъ.

И случилось то, чего [ожидать нельзя было: пятидесятитысячная армія была обращена въ неистовое бѣгство тремя тысячами русскихъ храбрецовъ. Луковкинъ взялъ въ плѣнъ самого Баталъ-пашу; лагерь, обозы и артилерія — все досталось побѣдителямъ, но плѣнныхъ было взято немного: русскихъ было слишкомъ мало, чтобы брать въ плѣнъ непріятелей... Остатки турецкой арміи нарвались на войска кубанскаго корпуса, окончательно уничтожившія ихъ и овладѣвшія всѣми магазинами и провіантными складами, заготовленными турками.

На долю графа де Бальмена выпала счастливѣйшая смерть: онъ умеръ, подписавъ въ качествѣ главнокомандующаго донесеніе императрицѣ объ этой блестящей побѣдѣ. Всѣ герои ея получили повышенія въ чинахъ и награждены орденомъ св. Георгія. На мѣстѣ-же этой сказочной побѣды была основана казачья станица, названная Баталпашинской.

Впечатлѣніе, произведенное на горцевъ пораженіемъ Баталъ-паши, было огромно. Престижъ турокъ оказался подорваннымъ среди нихъ на очень долгое время.

X.

Хорошая копія съ великолѣпнаго оригинала.

Въ слѣдующемъ 1791 г. вмѣсто графа Павла Сергѣевича Потемкина намѣстникомъ Кавказскаго края былъ назначенъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, соединявшій въ себѣ способности выдающагося гражданскаго администратора съ храбростью героя-воина, покрывшаго себя славою въ только что закончившейся турецкой войнѣ. Гудовичъ стоялъ подъ Измаиломъ, когда къ войскамъ былъ присланъ непобѣдимый Суворовъ съ приказаніемъ взять эту неприступную крѣпость. Прямо изъ-подъ Измаила Иванъ Васильевичъ отправился на Кавказъ и въ концѣ января 1791 г. былъ уже въ Георгіевскѣ. Немного нужно было ему времени, чтобы огля-

дѣться и понять, что покоя не будетъ на Кавказской линіи, если не отъ турокъ, то отъ горцевъ, пока существуетъ Анапа. Въ этой крѣпости находили себѣ пріютъ всѣ агитаторы, мутившіе горскія племена; въ Анапѣ-же жилъ шейхъ Мансуръ, вліяніе котораго на горцевъ, несмотря на понесенныя имъ пораженія, было все-таки еще велико. Въ Анапѣ горцы Закубанья имѣли для себя постоянный оплотъ и рынокъ, снабжавшій ихъ порохомъ и оружіемъ для борьбы съ русскими; черезъ Анапу горцы сбывали въ турецкіе гаремы своихъ дѣвушекъ; словомъ, эта крѣпость была для нихъ всѣмъ, и только переходъ ея въ русскія руки могъ уничтожить это гнѣздо всевозможныхъ волненій.

Находившійся подъ впечатлѣніемъ измаильскаго штурма Гудовичъ рѣшилъ, что Анапа должна быть взята, во что-бы то ни стало. Но, прежде чѣмъ пойти на крѣпость, онъ послалъ къ Анапѣ развѣдчиковъ и черезъ нихъ ознакомился съ положеніемъ этой турецкой твердыни.

Анапа была твердыней столь-же, если не болѣе неприступной, чѣмъ взятый Суворовымъ Измаилъ. Главная ея сила была въ томъ, что она примыкала прямо къ морю, откуда всегда могла получить подкрѣпленія, да и флотъ всегда могъ поддержать ее своими пушками. Съ суши крѣпость защищали семь бастіоновъ, соединенныхъ между собою фронтами; глубокій мѣстами выложенный камнями ровъ опоясывалъ ее. Пятнадцать тысячъ отборнаго войска составляли гарнизонъ Анапы, и притомъ можно было предполагать, что на помощь анапцамъ не замедлятъ явиться черкесы съ суши и флотъ съ моря.

Но послѣ измаильскаго штурма Гудовичъ сталъ великимъ поклонникомъ суворовской тактики, предпочитая быстрое нападеніе съ шансами побѣды всякому топтанью на мѣстѣ.

Какъ только онъ узналъ, что такое Анапа и каковы ея укрѣпленія, Иванъ Васильевичъ быстро сформировалъ отрядъ изъ пятнадцати батальоновъ пѣхоты, трехъ тысячъ егерей съ 54 эскадронами кавалеріи и двумя полками терцевъ и гребенцевъ. Артиллерію отряда составляли пятьдесятъ орудій. Желая стать Суворовымъ, Гудовичъ съ дѣйствительно суворовскою быстротою двинулся за Кубань и 16-го іюня 1791 г. уже обложилъ Анапу, а утромъ на слѣдующій день началъ бомбардированіе этой крѣпости.

Русскія ядра такъ и сыпались на турецкую твердыню, но пользы бомбардированіе приносило немного. Стѣны крѣпости не давали брешей, а тутъ какъ разъ были получены тревожныя вѣсти. Порта, какъ только узнала объ осадѣ Анапы, выслала къ ней свой флотъ. Мало того, были получены также извѣстія, что о приближеніи турецкаго флота увѣдомлены черкесы. Въ самомъ дѣлѣ, въ тылу отряда начали показываться спускавшіяся съ горъ и скапливавшіяся въ массы черкесскія партіи, гдѣ каждый горѣлъ единственнымъ желаніемъ, чтобы ни одного русскаго не ушло живымъ изъ-подъ Анапы. Штурмъ нельзя было откладывать, и Гудовичъ назначилъ его на 22 іюня.

Графъ Иванъ Васильевичъ оказался хорошей копіей съ великолѣпнаго оригинала... Подобно безсмертному Суворову, онъ сумѣлъ „подготовить“ свои войска къ штурму. Частенько онъ появлялся запросто среди солдатъ и разсказывалъ, какъ-бы невзначай, о томъ, какъ суворовскіе богатыри брали неприступный Измаилъ. Мало того, Гудовичъ старался внѣдрить въ солдатскія массы убѣжденіе, что Анапа, пожалуй, будетъ покрѣпче Измаила... Этимъ онъ расчитывалъ пріучить солдатъ къ мысли, что имъ придется совершить подвигъ труднѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

И Гудовичъ не ошибся. Солдаты готовились къ совершенію подвига невѣроятнаго, невозможнаго и быстро привыкли къ мысли, что невѣроятный подвигъ долженъ быть, во что-бы то ни стало, совершенъ... Привыкли они и къ мысли, что очутились подъ Анапой между двухъ огней: впереди были турки, позади — черкесы; смерть одинаково ожидала бойцовъ и при наступленіи, и при отступленіи, и единственное, что могло ихъ спасти отъ пся — было взятіе Анапы...

Въ глухую ночь на 29-е іюня загремѣли русскія пушки, начавшія огненную подготовку къ предстоящему штурму. Изъ русскаго лагеря при первыхъ выстрѣлахъ безшумно отдѣлилась большая колонна, двинувшаяся отъ берега къ горамъ — это генералъ Загряжскій повелъ войска къ черкесскимъ скопищамъ, которыя онъ долженъ былъ удержать на мѣстѣ, если-бы они кинулись въ тылъ штурмующимъ. Пушки — и русскія, и турецкія — между тѣмъ, грохотали, не смолкая. Анапа, казалось, нарядилась ради послѣднихъ часовъ своего существованія въ огненный вѣнецъ—такъ часть бы.ъ ору-

дійный огонь съ ея стѣнъ. Но вдругъ русскія пушки смолкли всѣ разомъ, но какъ-бы взамѣнъ ихъ рева грянуло русское громоподобное „ура“. Это подобрались къ крѣпости двѣ штурмовыя колонны генераловъ Вулгакова и Депрерадовича. Быстро скатились опѣ въ крѣпостной ровъ, пройдя съ большими потерями площадь крѣпостного огня. Здѣсь штурмующіе поступили „по-измаильски“. По лѣстницамъ вскарабкались они па стѣны — и закипѣлъ отчаянный рукопашный бой. Бились съ остервенѣніемъ, но и съ увѣренностью въ побѣдѣ. Наконецъ, непреодолимая настойчивость русскихъ восторжествовала. Турки штыками были сброшены съ укрѣпленія, а русское „ура“ вспыхнуло уже въ самой крѣпости. Однако, ему отвѣтило радостное, торжествующее „алла“ анапцевъ. У насъ еще была третья штурмовая колонна—генерала Шица, но и она на первыхъ порахъ потерпѣла неудачу: войска попали подъ перекрестный огонь и были отброшены имъ въ безпорядкѣ отъ крѣпости.

Положеніе стало критическимъ: у Гудовича въ резервѣ было всего только четыре конныхъ полка. Но графъ Иванъ Васильевичъ недаромъ прошелъ суворовскую школу. Русскій чудо-вождь, когда представлялось нужнымъ, кидалъ конницу въ аттаку на вражескіе окопы, завалы, баттареи, и Гудовичъ, воспользовавшись его примѣромъ, пустилъ конныхъ егерей и драгунъ, всѣ четыре полка разомъ, на штурмъ турецкой твердыни. Вихремъ пронеслись подъ свинцовымъ дождемъ удальцы и, побросавъ подъ самою крѣпостью коней, черезъ ворота ворвались въ нее. Въ это время отброшенная было колонна Шица оправилась и съ чудотворной храбростью повторила аттаку, окончившуюся на этотъ разъ удачею.

Но до побѣды было еще далеко. Резервы были израсходованы, а въ тылу бой шелъ не менѣе, чѣмъ на крѣпостныхъ стѣнахъ. Почти десять тысячъ черкесовъ всей своей тяжестью опрокинулись на отрядъ Загряжскаго. Первый ихъ ударъ пришелся по терцамъ и гребенцамъ. Непостижимо, какъ могла жалкая, сравнительно съ массой наступавшихъ, горсть этихъ героевъ выдержать массовый ударъ живого тарана. Но фактъ налицо. „Отмѣнно храбрые казаки не подались ни шагу назадъ“, — отмѣчаетъ въ своемъ рапортѣ Гудовичъ. Они схватились съ черкесами и удержали ихъ на себѣ, а, пока длилась эта схватка, остальные полки отряда охватили черкесовъ съ фланговъ и дружнымъ напоромъ обратили ихъ въ бѣг-

ство. Однако, черкесы быстро оправились, снова кинулись на отрядъ Загряжскаго, но было уже поздно: штурмъ кончился, русскіе были въ Анапѣ всюду, и залитый турецкой кровью городъ съ неприступной крѣпостью уже не оказывалъ сопротивленія... Да и некому было противиться... Изъ всего анапскаго гарнизона уцѣлѣло только полтораста человѣкъ... Восемь тысячъ турокъ были перебиты при штурмѣ, остальные потоплены въ морѣ, гдѣ они на лодкахъ искали себѣ спасенія. Зато и русскимъ штурмъ Анапы обошелся не дешево: Гудовичъ потерялъ половину своего отряда: девятосто три офицера и до четырехъ тысячъ солдатъ...

Боевое возбужденіе еще не улеглось, въ Анапѣ еще доканчивали дѣло съ турками, когда съ моря загремѣли пушечные выстрѣлы. Это подходила турецкая эскадра. Всего на нѣсколько часовъ опоздала она,—подойди суда ранѣе, исходъ штурма былъ-бы другой...

Появившіеся турки ничего не знали о паденіи Анапы; суда стали на якоряхъ верстахъ въ пятнадцати отъ берега и спустили на лодки десантъ. Было уже темно и десантныя войска, ничего не подозрѣвавшія, были немедленно захвачены русскими. Турецкіе адмиралы и объ этомъ не узнали, только массы труповъ, проплывавшихъ мимо ихъ судовъ, навели ихъ на догадку о случившемся. Эскадра поспѣшила уйти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, турки очистили другую побережную крѣпость—Суджукъ-Кале, которую Гудовичъ поспѣшилъ занять.

Несмотря на побѣду, русскіе не были въ силахъ удержаться въ крѣпостяхъ, и, стало быть, въ ихъ краю. Поэтому Гудовичъ ограничился только уничтоженіемъ обѣихъ твердынь. Анапа и Суджукъ-Кале были оравнены съ землей и русскіе послѣ этого ушли обратно.

В. Потто такъ говоритъ о штурмѣ Анапы: „Кровопролитный анапскій штурмъ, совершенный годомъ позднѣе измаильскаго, хотя и не получилъ такой-же громкой и всеобщей извѣстности, по, по справедливости, стоилъ Гудовичу едва-ли не большихъ усилій, чѣмъ измаильскій Суворову. Довольно сказать, что Измаилъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ русскими войсками, тогда какъ Гудовичъ могъ обложить Анапу только съ сухого пути, а съ моря она имѣла возможность всегда получить подкрѣпленіе. Суворовъ зналъ одного непріятеля, бывшаго впереди его на стѣнахъ крѣпости, а Гудовичъ поставленъ былъ между двумя огнями и бился лицомъ въ двѣ

разныя стороны; при неудачѣ Суворовъ могъ всегда отступить, Гудовичъ былъ окруженъ и въ случаѣ отступленія неминуемо погибъ-бы со всѣмъ своимъ отрядомъ".

Императрица щедро наградила всѣхъ героевъ штурма. Гудовичъ получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени и золотую, украшенную лаврами шпагу.

Кромѣ уничтоженія двухъ могучихъ крѣпостей, было и еще одно въ высшей степени благопріятное послѣдствіе взятія Анапы: въ Анапѣ былъ захваченъ, наконецъ, шейхъ Мансуръ, по своему вліянію на горцевъ стоившій, пожалуй, столько-же, сколько и самыя крѣпости. Мансура отправили въ Россію, гдѣ его представили императрицѣ. По однимъ источникамъ, этотъ загадочный человѣкъ умеръ и похороненъ въ Шлиссельбургской крѣпости (Дубровинъ), по другимъ (Потто) — въ Соловецкомъ монастырѣ.

По своемъ возвращеніи на линію, Гудовичъ занялся гражданскимъ устройствомъ. Были тутъ у него и удачи, и неудачи. Такъ, взбунтовались донскіе казаки изъ-за того, что Гудовичъ насильно хотѣлъ разселить ихъ на линію. Этотъ бунтъ потребовалъ подавленія съ помощью регулярныхъ войскъ. Донцы все-таки были поселены, но явились теперь по собственному своему желанію. Они образовали кубанскій линейный казачій полкъ и разселились въ крѣпостяхъ Усть-Лабинской, Кавказской и станицахъ Григоріопольской, Прочноокопской, Темнолѣсской и Воровсколѣсской. Такимъ образомъ, въ Предкавказьѣ явился новый оплотъ русскаго могущества.

Гудовичу-же удалось провести нѣкоторыя преобразованія въ Кабардахъ, гдѣ онъ устроилъ болѣе правильные суды, ограничивъ своевольство отдѣльныхъ личностей; при этомъ-же намѣстникъ персы уничтожили послѣднее русское торговое поселеніе при портѣ Энзели; при немъ-же выведены были изъ Грузіи всѣ русскія войска и уничтожены всѣ укрѣпленія, построенныя Павломъ Потемкинымъ по дорогѣ въ эту страну.

ОЧЕРКЪ ШЕСТОЙ

Къ порогу Индіи.

Очеркъ А. И. Красницкаго.

...Одинъ старикъ сѣдой,
Развалинъ стражъ полуживой,
Людьми и смертію забытъ.
Сметаетъ пыль съ могильныхъ плитъ,
Которыхъ надпись говоритъ
О славѣ прошлой и о томъ,
Какъ, удрученъ своимъ вѣнцомъ,
Такой-то царь, въ такой-то годъ
Вручалъ Россіи свой народъ.

И Божья благодать сошла
На Грузію — она цвѣла
Съ тѣхъ поръ въ тѣни своихъ садовъ
Не опасался враговъ
За гранью дружескихъ штыковъ.

Лермонтовъ.

I.

Ужасъ Ирана.

Отозваніемъ своихъ войскъ Россія какъ-бы отказалась отъ пріобрѣтенныхъ ею правъ на Грузію, и этимъ сейчасъ-же воспользовался шахъ персидскій Ага-Магометъ-ханъ.

Этотъ „ужасъ Ирана“, какъ его прозвали современники, этотъ правитель, который по своимъ способностямъ могъ-бы украсить собою престолъ, въ то-же время по свойствамъ своего характера, отличался безумно-свирѣпою жестокостью. Кастрированный, по приказанію Шаха-Надира, онъ перенесъ ненависть за свое уродство на все человѣчество и, живи этотъ извергъ въ другое время, его кровопролитія затмили-бы собой ужасы Тимура и Аббасъ-шаха...

Ага-Магометъ-ханъ давно уже добирался до Грузіи, царя которой, Ираклія, онъ считалъ своимъ личнымъ врагомъ, и лишь одно присутствіе русскихъ удерживало его отъ нашествія. Русскіе покинули несчастную страну, и Ага-Магометъ сейчасъ-же поднялъ свои орды. Началъ онъ съ того что хановъ Эривани и Ганжи, за сорокъ лѣтъ до того, признавшихъ власть грузинскаго царя, заставилъ возвратиться въ его подданство. Изъ закавказскихъ владѣльцевъ только ханъ шушинскій отказалъ Агѣ-Магомету въ повиновеніи; тогда, подъ предлогомъ наказанія этого хана, Ага-Магометъ двинулъ свои орды въ походъ, не скрывая, впрочемъ, того, что онъ идетъ на Ираклія...

Шушинскій ханъ Ибрагимъ, непокорность котораго Ага-Магометъ выставлялъ причиною своего похода, былъ вѣрнѣйшимъ союзникомъ русскихъ. Во всемъ Закавказьѣ только одинъ этотъ владѣтель понималъ, что съ русскими лучше дружить, чѣмъ ссориться, а ссора была-бы неизбѣжна, если-бы Шуша передалась персамъ. Да и, кромѣ того, ханъ былъ увѣренъ, что его Шушинская крѣпость неприступна. Дѣйствительно, ее какъ-бы создала сама природа. Она возвышалась на отвѣсныхъ скалахъ и неприступныхъ кручахъ и къ ней вела столь незначительная тропка, что здѣсь, какъ въ древнихъ Ѳермопилахъ, достаточно было нѣсколькихъ человѣкъ, чтобы сдержать и не допустить сдѣлать шагъ впередъ огромныя арміи. Въ этомъ своемъ неприступномъ гнѣздѣ Ибрагимъ-ханъ чувствовалъ себя совершенно спокойно и слалъ насмѣшливо-ядовитые отвѣты Агѣ-Магомету. Тотъ, даже въ гнѣвномъ ослѣпленіи своемъ понимая, что Шуша, дѣйствительно, неприступна, разсыпался въ яростныхъ угрозахъ.

— Нагайками моей кавалеріи будетъ закидано все Шушинское ущелье, — приказывалъ онъ передать Ибрагиму, — а все-таки я доберусь до ея хана!

Карабахцы вмѣстѣ съ своимъ правителемъ были увѣрены въ неприступности крѣпости-столицы и не обращали вниманія на эти угрозы.

До поры до времени Ага-Магометъ оставилъ Шушу въ покоѣ и пошелъ, какъ сказано выше, со своими ордами къ границамъ Грузіи, уничтожая города и селенья, почему-либо отказывавшіеся изъявить ему покорность.

Не скрывая того, что онъ идетъ на Грузію, Ага-Магометъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не скрывалъ и своей увѣренности

въ томъ, что Россія не найдетъ возможнымъ оборонить Грузію отъ его нашествія. Онъ уже заранѣе обрекалъ несчастную страну на гибель, обѣщая воскресить въ памяти грузинъ всѣ ужасы нашествія Шаха-Аббаса. Этому несчастному человѣку доставляло наслажденіе массовое пролитіе человѣческой крови, и онъ шелъ не завоевывать, а разорять и убивать...

Лишь немного болѣе столѣтія отдѣляетъ наше время отъ времени нашествія Аги-Магомета на принадлежащее нынѣ Россіи Закавказье и память этого „ужаса Ирана“ еще жива среди грузинъ; увѣряютъ, что въ Грузіи есть старики, которые видѣли этого несчастнаго, а, вспоминая все это, страшнымъ казалось, что въ тогдашней Европѣ не было никого, кто рѣшился-бы остановить изверга...

Понятно, какой ужасъ распространился въ сосѣднихъ съ Грузіей ханствахъ, когда туда пришло извѣстіе, что шахъ идетъ къ ихъ предѣламъ. Обезумѣвшіе отъ страха люди кинулись въ Грузію, захвативъ съ собою свое имущество. Сперва бѣглецы почему-то были увѣрены, что персидскій шахъ не осмѣлится напасть на грузинскаго царя, находившагося подъ покровительствомъ Россіи, но, желая набѣжать всѣхъ ужасныхъ послѣдствій персидскаго вторженія, они изъ огня попали въ полымя.

Отъ персовъ они ушли, зато попали къ грузинамъ...

„Грузины, — говоритъ въ своей исторіи Артемій Араратскій, — чего не успѣли лишить ихъ путемъ купли-продажи, то отняли у нихъ силою, и даже весьма многихъ изъ нихъ обобрали совсѣмъ, т. е., сняли рубахи и оставили нагихъ. Доведенные до отчаянія, томимые голодомъ, несчастные отдавались богатымъ грузинамъ въ рабство, только-бы избавиться отъ голодной смерти; умершіе изъ нихъ валялись на поляхъ непогребенными, потому что у остававшихся въ живыхъ пришельцевъ не было лопатъ, чтобы зарывать въ землю тѣла“...

Но именно на Грузію и шелъ съ своими полчищами Ага-Магометъ. Напрасно царь Ираклій просилъ у Россіи помощи. Изъ Петербурга къ главнокомандующему на тогдашней Кавказской линіи, графу Гуловичу, приходили предписанія, чтобъ онъ въ случаѣ дѣйствительнаго намѣренія Аги-Магомета вторгнуться въ Грузію „обнадежилъ“ Ираклія своею помощью, только „обнадежилъ“ и болѣе ничего. А персидскія орды уже вступили въ предѣлы Грузіи и шли къ Тифлису.

Обнадеженный Ираклій, въ полной увѣренности, что

помощь подоспѣетъ во-время, все-таки призвалъ къ себѣ имеретинскаго царя Соломона съ его войсками. Имеретинцы явились на этотъ зовъ.

За воротами Тифлиса собрались чуть-ли не всѣ его жители на торжественную встрѣчу союзниковъ. Со стѣнъ на встрѣчу подходившимъ имеретинцамъ гремѣли пушечные салюты. Народъ ликовалъ, увѣренный теперь, что персы не осмѣлятся напасть на столицу царства. Эта увѣренность усилилась еще болѣе, когда по Тифлису прошелъ слухъ, что будто имеретинцевъ пришло до 8.000 отборнѣйшихъ воиновъ.

Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ ихъ было не болѣе 2.000. Начальствовавшій имеретинцами князь Зурадъ Церетели очень ловко обманулъ царя Ираклія: онъ разбросалъ свой отрядъ по равнинѣ небольшими кучками, такъ что получалось впечатлѣніе, будто войскъ прибыло великое множество, хотя на самомъ дѣлѣ союзниковъ была всего только горсть.

Но, какъ-бы то ни было, прибытіе ихъ ободрило тифлисцевъ.

— Пускай покажется теперь Ага-Магометъ-ханъ, — кричали одни изъ нихъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства ходя по городу.

— Кто устоитъ противъ насъ! — выкрикивали другіе.

— Хотя персы въ сраженіи нападаютъ, какъ львы, — разсуждали между собой въ толпахъ, — но весь успѣхъ полагаютъ только на первую свою удачу, въ противномъ же случаѣ тотчасъ-же обращаются въ бѣгство.

— Городъ — крѣпокъ, жители всѣ — герои! — успокаивали перепуганныхъ соотечественниковъ четвертые, — сверхъ того, царевичи изъ каждой удѣльной области пришлютъ по 1.000 воиновъ; нѣтъ сомнѣнія, что мы истребимъ все персидское войско и завладѣемъ его достояніемъ...

— Въ городѣ тогда все будетъ дешево!

„Вотъ чѣмъ, — говоритъ историкъ, — успокаивалъ себя народъ, когда въ Тифлисѣ распространилось извѣстіе, что шахъ, миновавъ Шушу, вступилъ уже въ Ганжинское ханство и что все по пути побѣдоносныхъ его войскъ покоряется ему, а непокорные продаются огню и мечу".

Остановившись въ Ганжѣ, Ага-Магометъ отправилъ къ царю Ираклію посланца съ требованіемъ изъявленія покорности, но Ираклій, надѣявшійся на помощь Россіи, отвергъ его требованіе.

Супруга Ираклія, царица Дарья Георгіевна, со своей стороны, обратилась къ Гудовичу съ просьбой о помощи; самъ Ираклій настоятельно просилъ о присылкѣ ему 8.000 русскихъ войскъ, но графъ, въ отвѣтъ на это, указалъ, что соединенныхъ силъ грузинъ и имеретинцевъ вполнѣ достаточно для отраженія персовъ, и обѣщалъ донести императрицѣ о томъ положеніи, въ какомъ находится Грузія, но помощи царю Ираклію не посылалъ, хотя признавалъ всю ея необходимость въ этомъ случаѣ.

А, между тѣмъ, выступившее навстрѣчу персамъ грузинское войско, съ царемъ Иракліемъ во главѣ, должно было вернуться въ Тифлисъ. Имеретинскія войска отказались вступить въ битву съ персами, ушли обратно и, проходя при своемъ возвращеніи Тифлисъ, нападали на спасавшихся изъ него жителей и грабили ихъ... Положеніе становилось все хуже и хуже, границы Грузіи остались безъ всякой обороны.

Ага-Магометъ, узнавъ объ уходѣ имеретинцевъ, тронулся прямо къ Тифлису, и 10-го сентября 1795 г. авангардъ персовъ, подошедшій было къ столицѣ Грузіи, былъ на-голову разбитъ войсками Ираклія.

Какое ликованіе пошло повсюду послѣ этой побѣды! Изъ Тифлиса помчались во всѣ стороны гонцы съ извѣстіями объ уничтоженіи персидской рати. Находившійся въ своемъ удѣлѣ, въ Сигнахѣ, престолонаслѣдникъ, царевичъ Георгій, устроилъ торжественный праздникъ. Онъ выѣхалъ на загородный лугъ и предался народному ликованію.

„И царевичъ, и народъ, — по словамъ современника Артемія Араратскаго, — стрѣляли изъ находившихся тамъ четырехъ пушекъ, пили, ликовали, радостно кричали, возвѣщая погибель шаха“.

II.

Тифлисскій разгромъ.

Но — увы! — ликованіе было преждевременнымъ.

Разбить грузинамъ удалось только авангардъ персовъ. Ага-Магометъ съ своими главными силами стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ въ семи верстахъ отъ Тифлиса и на другой-же день послѣ своего перваго пораженія повелъ всѣ свои полчища на штурмъ несчастнаго города.

Царь Ираклій вышелъ со всѣмъ своимъ войскомъ изъ Тифлиса и приготовился къ отчаянной битвѣ...

Утренніе лучи восходившаго солнца озарили четыре

мощныхъ отряда, готовыхъ къ бою не на-животъ, а насмерть съ ужаснымъ врагомъ. Спѣшно покидали Тифлисъ не успѣвшіе еще выбраться жители. Недавно еще такъ громко кричавшіе о своей побѣдѣ, они теперь потеряли всякое присутствіе духа и наводили унынie на стоявшихъ въ зелени сайдабадскихъ садовъ послѣднихъ защитниковъ столицы. Въ центрѣ расположенія войскъ стоялъ самъ царь Ираклій съ сыномъ, царевичемъ Вахтангомъ, и своимъ любимцемъ княземъ Амилахваровымъ; на лѣвомъ флангѣ стоялъ съ своимъ отрядомъ князь Іоаннъ Мухранскій, на правомъ флангѣ, въ неудобной для боя мѣстности, внукъ Ираклія, сынъ его престолонаслѣдника—царевичъ Давидъ. Авангардъ находился подъ начальствомъ другого внука царя — царевича Іоанна.

Полчища Аги-Магомета наступали на защитниковъ Тифлиса четырнадцатью отрядами...

Злой рокъ тяготѣлъ надъ столицею Грузіи...

Тифлисъ былъ сильно укрѣпленъ. На его стѣнахъ находились тридцать пять орудій, въ то время, когда у Аги-Магомета было всего только двѣ дрянныя пушченки. Отсидѣться за стѣнами такого укрѣпленнаго города было легко. По крайней мѣрѣ, графъ Гудовичъ въ своемъ рапортѣ императрицѣ Екатеринѣ говоритъ, что „при тѣхъ средствахъ, какія имѣли грузины, взятіе Тифлиса персами могло-бы быть отсрочено на продолжительное время. Но подданные царя Ираклія, не жалѣя ни его, ни имущества, не думали объ оборонѣ, а надѣялись, какъ писалъ самъ Ираклій, на одинъ только руки россійскія". Всего только 1.500 человѣкъ могъ собрать царь для защиты своей столицы!

Паника охватила весь Тифлисъ, лишь только показались войска Аги-Магомета. Жители искали спасенія въ безпорядочномъ бѣгствѣ. Царица Дарья одна изъ первыхъ уѣхала за шестьдесятъ верстъ отъ Тифлиса въ горную деревушку Анануръ, находившуюся по дорогѣ къ Моздоку. За царицей все побѣжало изъ столицы въ горы. Никто не заботился о защитѣ, а всѣ только и думали, какъ-бы подальше убраться отъ поля вакхическихъ вдругъ битвы.

Какъ левъ, кинулся первымъ на подходившихъ персовъ съ своимъ отрядомъ царевичъ Іоаннъ. Завязался отчаянный рукопашный бой. Схватывались грудь съ грудью. Дрались съ ожесточеніемъ, но львиная храбрость грузинъ разбилась о непоколебимую стойкость персовъ.

Ага-Магометъ прекрасно зналъ своихъ воиновъ и прибѣгъ къ средству, оказавшемуся въ этой битвѣ дѣйствительнымъ.

Въ его войскахъ было до 6.000 трухменцевъ горскаго племени, которое отличалось необыкновенною ненавистью къ персамъ, несмотря на то, что какъ тѣ, такъ и другіе были единовѣрцы. Для этой ненависти у трухменцевъ существовали какія-то древнія родовыя причины, и для каждаго трухменца убить перса было наслажденіемъ. Этихъ-то дикарей Ага-Магометъ поставилъ въ тылу своего войска съ строгимъ приказаніемъ убивать каждаго, кто осмѣлится отступить съ поля битвы. Такимъ образомъ, у наступавшихъ на грузинъ персовъ оставалось только одно: тѣснить впередъ врага, не отступая ни на пядь назадъ.

Въ седьмомъ часу утра дравшійся съ самаго разсвѣта отрядъ царевича Іоанна дрогнулъ. Храбрецовъ оставалось уже немного; большинство легло костьми на полѣ битвы. Персы сломили отчаянное сопротивленіе передового отряда; грузины подались назадъ.

Но какъ разъ въ послѣдній моментъ изъ центра подоспѣлъ съ своимъ отрядомъ дядя Іоанна, царевичъ Вахтангъ, съ отрядомъ изъ храбрецовъ-горцевъ кизихцевъ, пшавовъ и хевсуровъ. Снова закипѣлъ отчаянный бой. Кровь съ обѣихъ сторонъ лилась рѣкою. Враги наносили удары другъ другу молча, съ остервенѣніемъ; бойцы падали одинъ за другимъ; но персы не отступали, а, напротивъ того, тѣснили грузинъ. Вахтангъ и Іоаннъ бились впереди всѣхъ, но они видѣли, что сопротивленіе становится невозможнымъ. Персы превосходили ихъ численностью и медленно подвигались впередъ. Вахтангъ послалъ гонца къ отцу, прося возможнаго подкрѣпленія.

Желая поднять упавшій духъ защитниковъ Тифлиса, Ираклій приказалъ начальнику надъ шутами и музыкантами Мочабелову принять командованіе надъ небольшимъ отрядомъ и вести его въ бой. Расчетъ царя оказался вѣрнымъ. Мочабеловъ, взявъ свой чонгуръ *), съ веселой пѣсней кинулся съ порученнымъ ему отрядомъ въ самый пылъ схватки. Это ободрило воиновъ, и они кинулись на персовъ съ такой яростью, что опрокинули ихъ ряды и на глазахъ самого Аги-Магомета овладѣли

*) Музыкальный инструментъ.

персидскими знаменами. Теперь побѣда какъ-будто клонилась на сторону грузинъ.

— Я не помню, — воскликнулъ съ гнѣвомъ шахъ, — чтобы мои враги когда-либо сражались съ подобнымъ мужествомъ!

Онъ сдѣлалъ знакъ, и на грузинъ кинулись пѣшіе мазандеранцы, составлявшіе арьергардъ персидскихъ войскъ. Одинъ за другимъ вмѣшивались въ битву ихъ отряды, а слѣдомъ за ними кинулись на поле битвы свѣжіе резервы.

Теперь уже самъ царь Ираклій кинулся со всѣми своими силами на врага; но персы такъ и прибывали. Трижды отбрасывали ихъ грузины отъ стѣнъ своей столицы. Царь вспомнилъ свою молодость и дрался съ врагами, какъ простой воинъ.

Но, несмотря на это, царь видѣлъ, что персы уже обошли отряды Вахтанга и Іоанна и наступали съ тылу на позицію самого Ираклія. Гибель была совсѣмъ близка отъ знаменитаго старика. Да и самъ онъ—ясно было это—искалъ ее. Когда подъ натискомъ персовъ дрогнули и побѣжали послѣдніе ряды его воиновъ, Ираклій застоналъ и кинулся одинъ на наступавшихъ враговъ.

— Царь, куда?!—воскликнулъ въ ужасѣ князь Амилахваровъ, стараясь поймать лошадь Ираклія за поводъ.

— Прочь! — не своимъ голосомъ крикнулъ ему несчастный, — Грузія гибнетъ, и мнѣ жить незачѣмъ...

Онъ рванулся впередъ; въ одно мгновеніе персы охватили его живымъ кольцомъ.

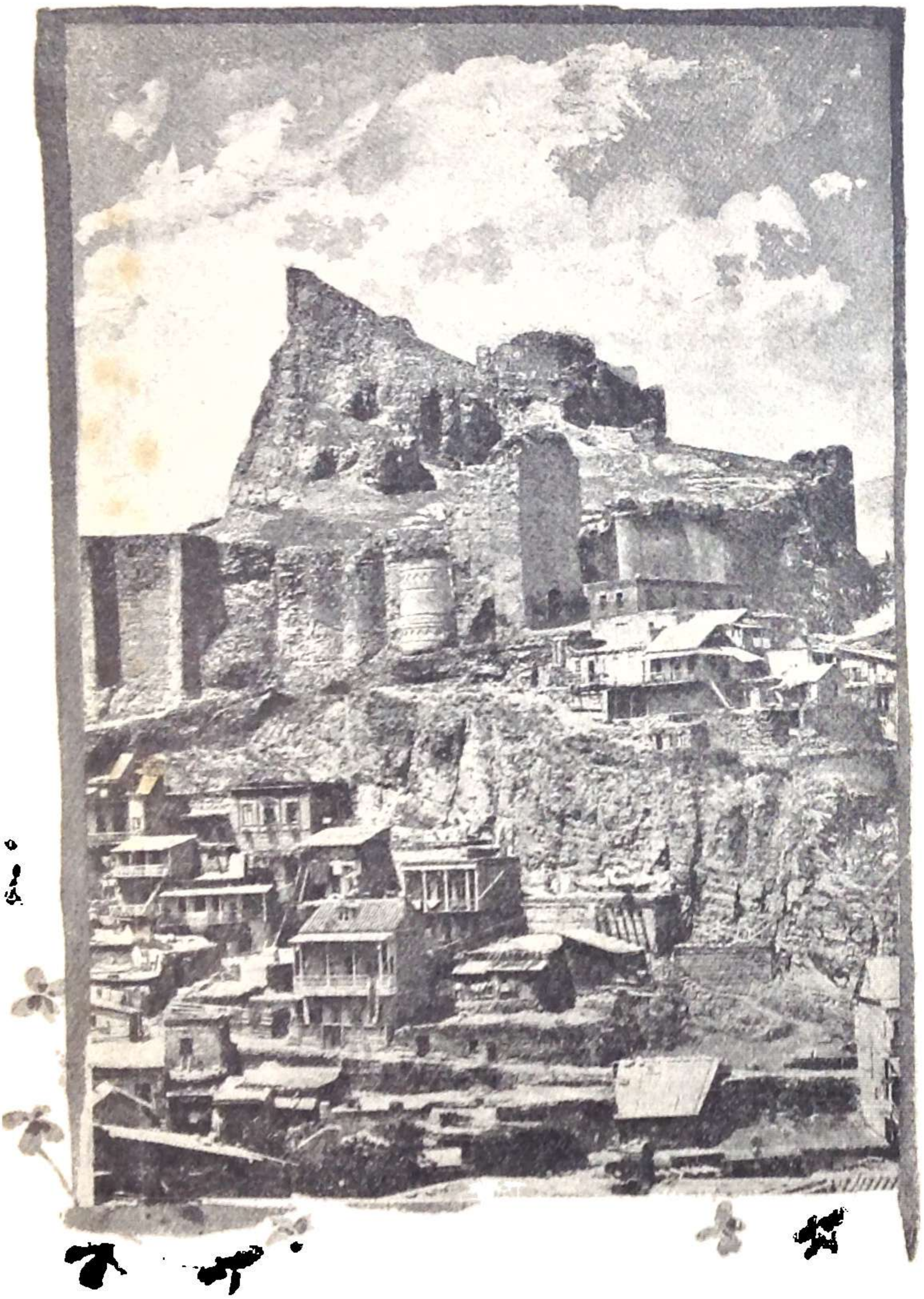
— Спасите, спасите дѣда! — пронесся средь шума битвы душу надрывающій вопль царевича Іоанна, — грузины, вспомните, кто гибнетъ!.. — и храбрецъ-внукъ одинъ кинулся выручать своего дѣда.

Этотъ примѣръ подѣйствовалъ. Послѣдніе триста воиновъ Ираклія, какъ львы, кинулись на персовъ. Произошла короткая схватка. Въ это время лошадь подъ Ираклiемъ была уже убита и царь пѣшій отбивался отъ окружившей его толпы враговъ. Царевичъ Іоаннъ врубился въ эту толпу и подхватилъ старика къ себѣ на сѣдло. Повернуть коня и помчаться назадъ съ дорогой своей ношей было для царевича дѣломъ одного мгновенія. За нимъ ударились въ безпорядочномъ бѣгствѣ и всѣ остальные соратники Ираклія. Не все-ли было равно? Дѣло грузинъ было проиграно: они не были въ состояніи отстоять отъ свирѣпаго врага свою столицу...

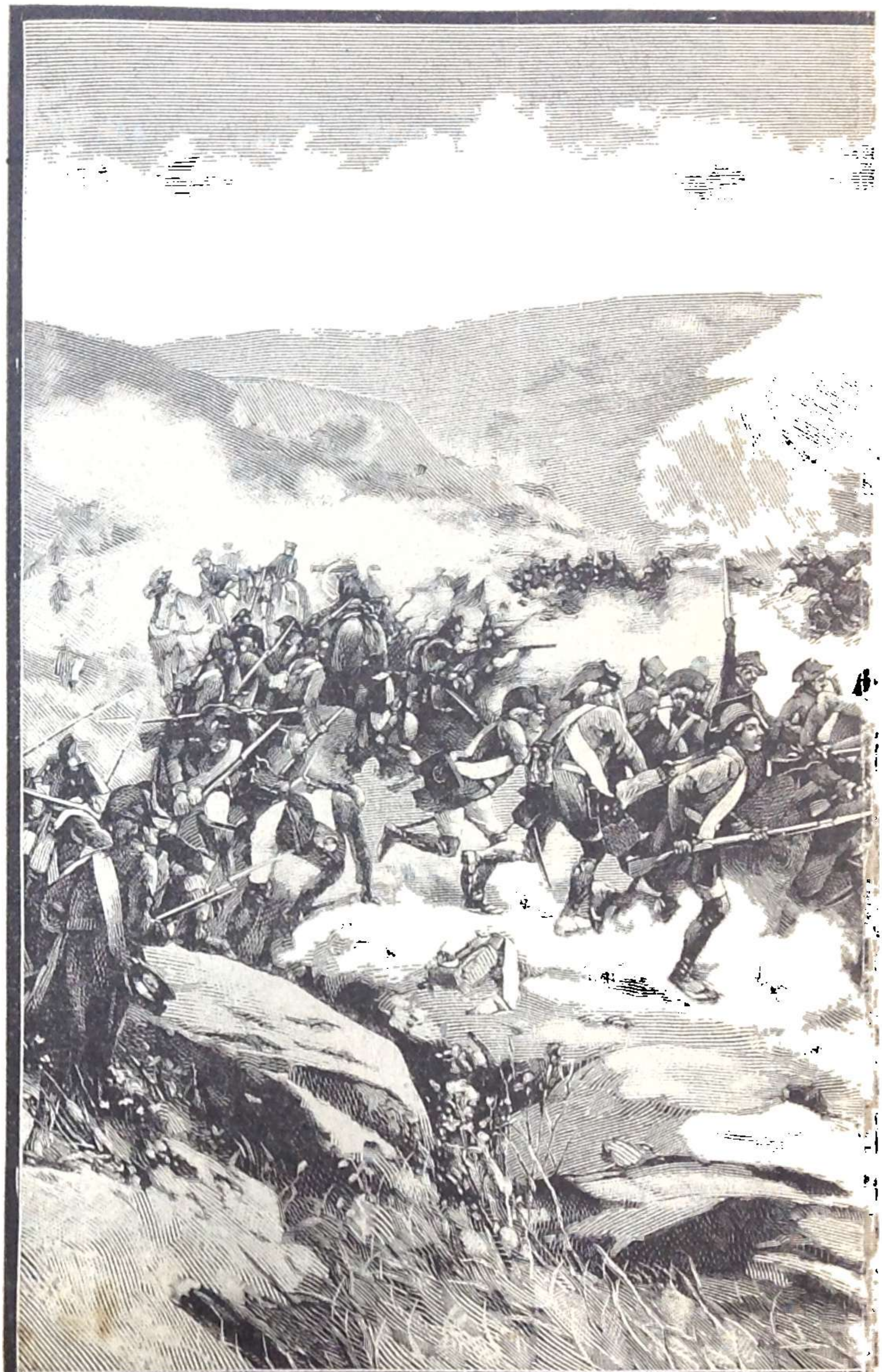

Императоръ Павелъ I.

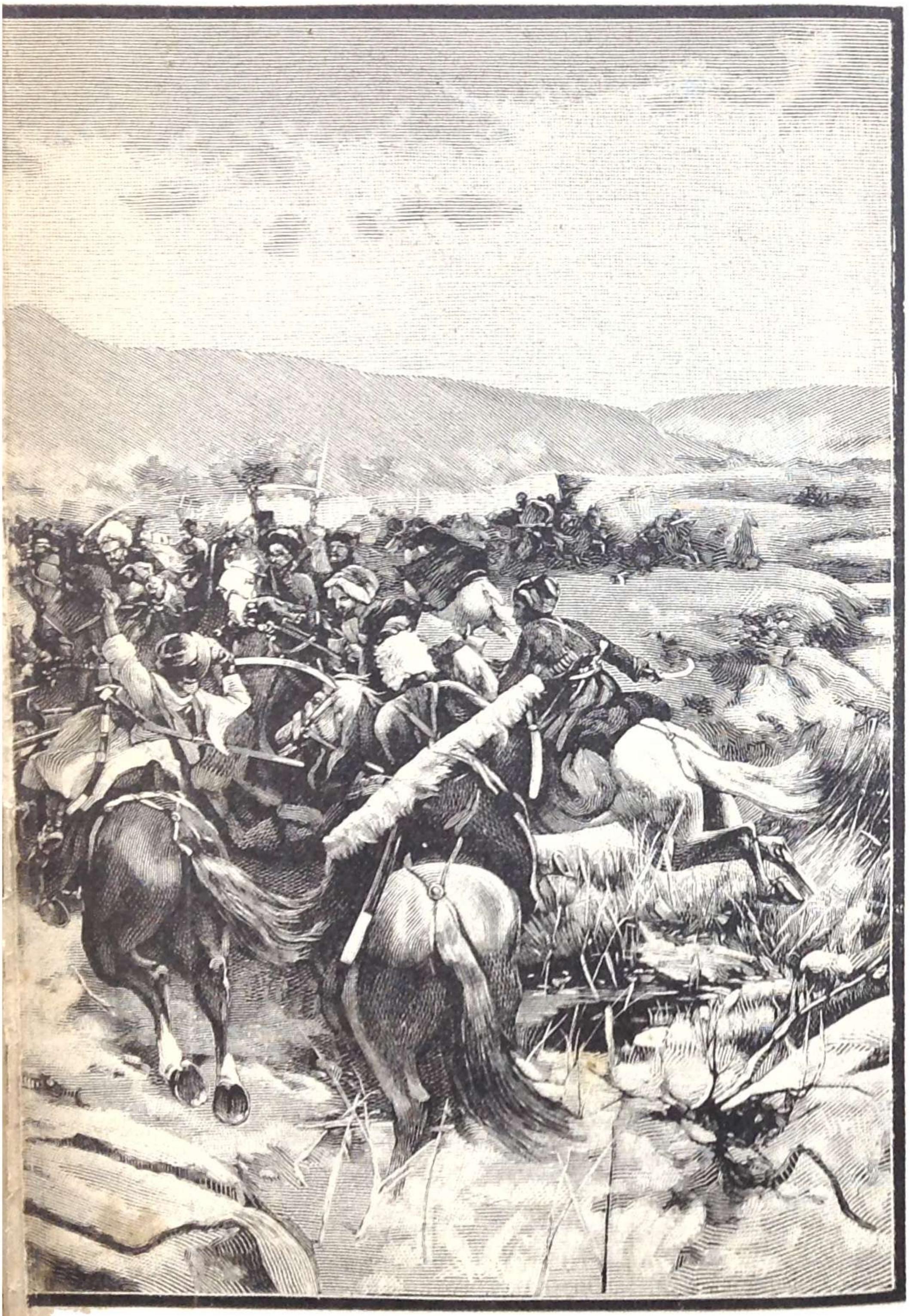
Стр. 51 и 52.

Закавказье. Старая крѣпость въ Тифлисѣ.

Б тва съ лезгинами на р. I

ъ. Съ картины худ. Н. Самокиша.

Давя на узкихъ улицахъ Тифлиса своихъ, промчался царевичъ Іоаннъ съ безчувственнымъ дѣдомъ черезъ столицу и по Авлабарскому мосту скрылся на берегахъ Арагвы. А въ это время рукопашный бой уже кипѣлъ на тифлисскихъ улицахъ. Персы ворвались въ столицу Грузіи. Ихъ толпы, какъ потоки всепоглощающей лавы вулкана, расплывались по улицамъ и переулкамъ.

Еще сопротивлялся на своей горной позиціи отрядъ царевича Давида; здѣсь грузины не одинъ разъ отбрасывали персовъ, но ихъ сопротивленіе и ихъ геройская храбрость были уже совершенно безполезны, и царевичъ Давидъ съ великимъ трудомъ отступилъ черезъ горы къ Арагвѣ, гдѣ рѣшился до послѣдней капли крови защищать своего дѣда, пока не уберутся во-свояси персы.

Іоаннъ и Давидъ — вотъ два героя, которыми совершенно справедливо гордится грузинскій народъ... Поразительно общее безучастіе, съ которыми было встрѣчено ужасное бѣдствіе отдѣльными правителями страны. Еще до приближенія Аги-Магомета Ираклій чуть-ли не слезно просилъ своего старшаго сына, Георгія, и другихъ царевичей поспѣшить присылкою къ нему войска. Царевичъ Георгій, находившійся въ Сигнахѣ, принялся было формировать дружины и одну за другой отправлялъ ихъ къ Тифлису, но дружинники разбѣгались и окольными путями возвращались домой.

Понятно, что при такомъ равнодушіи народа къ участи родины невозможно было сопротивленіе грозному врагу. Тифлисъ въ злосчастный для него день 11-го сентября 1795 г. уже къ наступленію ночи оказался весь въ рукахъ побѣдителей...

Начались ужасы... Съ каждымъ разсвѣтомъ дня толпы персовъ, вмѣстѣ съ своимъ повелителемъ, устремлялись въ столицу Грузіи. Тамъ побѣдители предавались невозможному неистовству. Они отнимали у матерей грудныхъ младенцевъ и, хватая ихъ за ноги, разсѣкали своими мечами съ одного удара, дабы попробовать, не затупилось-ли ихъ оружіе. Женщины сотнями уводились въ лагерь и ихъ въ безчувственномъ состояніи бросали прямо на дорогу. Выставивъ на мосту черезъ р. Куру икону Богоматери, персы заставляли грузинъ, — по словамъ историка Романовскаго, — издѣваться надъ образомъ и потомъ убивали безъ пощады. Кура была запружена грузинскими трупами.

Ага-Магометъ, вступивъ въ Тифлисъ, прежде всего явился ко дворцу Ираклія и, осмотрѣвъ всѣ внутреннія покои, присвоилъ себѣ наиболѣе поправившіяся ему драгоцѣнности, а остальныя сокровища отдалъ на разграбленіе своему войску, которому приказалъ также ограбить и разрушить до основанія всѣ христіанскіе храмы.

Полному разгрому подверглись и ближайшія окрестности Тифлиса. Мцхетъ былъ выжженъ персами, которые хотѣли сжечь и знаменитый мцхетскій храмъ, но были остановлены начальникомъ отряда, нахичеванскимъ ханомъ.

— Не слѣдуетъ осквернять святыню и гробъ царей,— сказалъ онъ, удерживая своихъ людей отъ разгрома знаменитаго храма.

Тѣмъ не менѣе, монастырское имущество все было разграблено и повсюду валялось множество убитыхъ. Монахи разбѣжались, предоставивъ на разграбленіе персамъ вѣками собранныя сокровища.

Отряды персовъ проникли за Тифлисомъ въ Мухпаръ и Джили, не встрѣтивъ на своемъ пути ни одного человѣка. Села и деревни были пусты. Близъ Гори отряды собрались было около крѣпости, но отступили, не предпринявъ противъ нея ничего. Они бродили по всей верхней Карталиніи, но нигдѣ не находили себѣ добычи и возвратились къ Тифлису ни съ чѣмъ.

Въ окрестностяхъ Тифлиса началось опустошеніе. По дорогамъ открылись грабежи и убійства. Бѣжавшіе изъ столицы грузины убивали другъ друга, чтобы завладѣть чужимъ имуществомъ... Страна, казалось, совсѣмъ погибала...

Когда въ Сигнахъ пришли вѣсти о тифлисскомъ погромѣ, всѣ тамъ, даже и самъ престолонаслѣдникъ, царевичъ Георгій, пришли въ паническій ужасъ. Городскіе жители стали оставлять городъ и искать спасенія въ бѣгствѣ. Долженъ былъ бѣжать и Георгій, будущій послѣдній царь Грузіи.

Все его имущество было уже навьючено на лошадей, когда въ городѣ узнали о желаніи царевича оставить Сигнахъ. Собравшись огромною толпою вокругъ дома, грузины кричали Георгію, что они его не выпустятъ, и лишь съ помощью подкупа и отказа отъ своего имущества Георгію удалось бѣжать въ одномъ кафтанѣ къ отцу въ Телавъ.

А разгромъ несчастнаго Тифлиса все еще продолжался.

Дотла было выжжено Авлабарское предмѣстье, и въ немъ уцѣлѣлъ только одинъ домъ князя Бебутова, въ которомъ ежедневно останавливался Ага-Магометъ.

Шесть дней продолжались грабежи и неистовства въ грузинской столицѣ.

Но наряду съ персами неистовствовали и имеретины. Мало того, что они трусливо бѣжали съ поля битвы отъ непріятеля, они также грабили и разоряли Карталинію и уводили въ плѣнъ тысячи беззащитныхъ семействъ.

Изъ одной только столицы Грузіи были выведены въ плѣнъ болѣе 3.000 человѣкъ. Изъ другихъ мѣстъ персами были уведены до 10.000 грузинъ да столько-же союзниковъ — имеретинъ и другихъ сосѣдей, и, наконецъ, болѣе 10.000 разбѣжались въ Ахалцыхъ и Карсъ, отыскивая тамъ себѣ безопасное убѣжище.

Страна была окончательно опустошена.

Народъ, за неимѣніемъ хлѣба, питался лѣсными орѣхами и травою, когда пришло извѣстіе, что Ага-Магометъ оставляетъ Грузію и отходитъ съ своими полчищами къ Ганжѣ. Только тогда укрывавшіеся въ лѣсныхъ трущобахъ за Душетомъ и Ананауромъ бѣглецы изъ Тифлиса и его окрестностей стали выходить въ селенія. Въ Ананурѣ, гдѣ укрылся и царь Ираклій, собралось огромное кочующее населеніе. Пришельцы проводили день и ночь подъ открытымъ небомъ, безъ одежды, безъ насущнаго пропитанія. Со всѣхъ сторонъ вопли и стоны отчаянно оглашали улицы Ананура.

Спасенный внукомъ, Ираклій тоже весь предался отчаянію.

Въ полуразрушенномъ старинномъ грузинскомъ монастырѣ Ананура, въ одной ветхой кельѣ, бывшей въ углу монастырской ограды, можно было видѣть въ дни всенароднаго горя закрытаго простымъ овчиннымъ тулупомъ старика, сидѣвшаго лицомъ къ стѣнѣ... Этотъ старикъ такъ еще недавно былъ грозою всего Закавказья, имя его было царь Грузіи Ираклій.

Подобное положеніе продолжалось въ Ананурскомъ монастырѣ до тѣхъ поръ, пока царица Дарья чуть-ли не силою увезла своего расхворавшагося супруга въ Телавъ, древнюю столицу Кахетіи, любимѣйшее мѣстопребываніе Ираклія.

Да и пора уже было оставить отчаяніе и сѣтованіе на судьбу; приходилось дѣйствовать, тѣмъ болѣе, что

Ага-Магометъ, хотя и отошелъ отъ Тифлиса, но продолжалъ грозить новымъ нашествіемъ.

Опять несчастный царь обратился съ мольбою о помощи къ графу Гудовичу, указывая ему, что если эта помощь не будетъ дана въ возможно скоромъ времени, онъ долженъ будетъ признать себя вассаломъ Аги-Магомета.

Гудовичъ не рѣшался безъ разрѣшенія императрицы оказать существенную помощь Ираклію, но въ то-же время онъ ясно сознавалъ, что положеніе Грузіи критическое, и приказалъ части своихъ войскъ перейти къ Моздоку, другой переправиться за Терекъ и принять мѣры для исправленія дорогъ.

Это было далеко не то, что нужно было Ираклію. Ему необходимо было не только устрашить шаха Агу-Магомета возможностью войны съ Россіей, но и показать своему народу, что русскіе не оставляютъ его своею помощью и даже склонны отмстить Агѣ-Магомету за его нашествіе на дружественную имъ страну.

Но графъ Гудовичъ все медлилъ и медлилъ.

Тогда Ираклій рѣшился на послѣднее средство. Онъ написалъ письмо своему сыну, царевичу Миріану, находившемуся въ Петербургѣ на русской военной службѣ.

„Миріанъ! — писалъ Ираклій сыну, — вотъ время принять тебѣ возможный трудъ за отечество, за церковь и христіанскій народъ. Ничего уже у насъ не осталось, всего лишились. Ты самъ знаешь, что, ежели-бы мы присягою къ высочайшему двору привязаны не были, а съ Агою-Магометомъ-ханомъ согласны были, то-бы сего приключенія съ нами не сбылось. Для Бога, приложи возможное стараніе, чтобы ускорить исходатайствованіемъ войскъ, пока Ага-Магометъ-ханъ не усилился, не успѣлъ овладѣть всѣмъ и отогнать находящійся при насъ кочующій народъ до прибытія помощи. Войско получитъ Богомъ данную знаменитую побѣду, страны-же сіи навѣки славою своею освободитъ“.

III.

Персидскій походъ.

Мольбы грузинскаго царя о помощи и ужасы персидскаго нашествія обратили на себя вниманіе русскаго правительства. Престарѣлая монархиня рѣшила, воспользовавшись обстоятельствами, привести въ исполненіе одинъ изъ проэктовъ Потемкина объ образованіи „грече-

скаго королевства“, которое императрица Екатерина предполагала создать для своего второго внука, вел. кн. Константина Павловича. Да и самое нашествіе иранцевъ было оскорбленіемъ достоинства великой державы, прямымъ вызовомъ ея на борьбу, и подъ вліяніемъ такихъ соображеній рѣшено было начать войну съ Персіей.

Планъ войны былъ таковъ. Персовъ не считали особенно могучими противниками и предполагалось, покончивъ съ Персіей, захватить Анатолію и придвинуться къ Константинополю со стороны Малой Азіи. Въ это время Суворовъ долженъ былъ перейти съ арміей Балканы, взять Адріанополь и появиться передъ столицею Турціи на европейскомъ берегу Босфора, а русскій черноморскій флотъ, при которомъ императрица Екатерина предполагала находиться сама вмѣстѣ съ Платономъ Зубовымъ, долженъ былъ осадить Константинополь съ моря.

Конечно, этотъ планъ держался въ секретѣ и сводилось все лишь къ войнѣ съ Персіей, которая должна была начаться завоеваніемъ, т. е., возвращеніемъ обратно завоеваннаго еще великимъ Петромъ Приморскаго Дагестана съ его важнѣйшимъ городомъ Дербентомъ. Для этого похода сформированъ былъ отдѣльный Каспійскій корпусъ, командованіе которымъ было поручено графу Валеріану Александровичу Зубову, брату всесильнаго въ то время Платона Зубова.

Это назначеніе до глубины души обидѣло графа Гудовича, считавшаго, что ему, какъ кавказскому намѣстнику, должно принадлежать главнокомандованіе въ начинавшейся войнѣ. Но Гудовичъ былъ честный русскій человѣкъ. Онъ затаилъ въ себѣ чувство обиды и энергично принялся подготовлять все необходимое для похода. Сформированы были двѣ пѣхотныя и двѣ кавалерійскія бригады. Одной изъ пѣхотныхъ бригадъ, состоявшей изъ двухъ батальоновъ кубанскихъ егерей и столькихъ-же батальоновъ кавказскихъ гренадеръ, командовалъ генералъ-маіоръ Булгаковъ; командиромъ другой, образованной изъ сводно-гренадерскаго батальона, батальона воронежскаго полка и двухъ тифлисскихъ мушкатерскихъ полковъ, назначенъ былъ генералъ-маіоръ Римскій-Корсаковъ. Въ составъ первой кавалерійской бригады, командиромъ которой былъ назначенъ генералъ-маіоръ Венигсенъ, вошли владимірскіе и нижегородскіе драгуны, а въ составъ второй—драгуны астраханцы и таганрогцы, ставшіе подъ команду бригадира графа

Апраксина. На линію были стянуты войска съ Дона, изъ Тавриды, изъ Воронежской и Екатеринославской губерній; командиромъ всѣхъ иррегулярныхъ войскъ былъ назначенъ будущій герой Отечественной войны, „вихорь-атаманъ“ генералъ-маіоръ Платовъ. Кромѣ того, былъ сформированъ еще отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Циціанова, да была организована каспійская флотилія, подъ командой контръ-адмирала Ѳедорова. Не считая людей послѣдней, весь отрядъ, порученный Валеріану Зубову, состоялъ изъ 12.323 человѣкъ при двадцать одномъ орудіи полевой артиллеріи.

Какъ только пошли приготовленія, въ Дагестанъ былъ пущенъ передовой отрядъ, подъ командою стараго героя-казака, генерала-маіора Савельева, состоявшій изъ трехъ батальоновъ пѣхоты, эскадрона конницы и калмыковъ при шести полевыхъ орудіяхъ.

Движеніе русскихъ войскъ въ Закавказье сейчасъ-же возымѣло свое дѣйствіе. Ага-Магометъ, занимавшій Ганжу, поспѣшилъ уйти въ Муганскую степь, многіе владѣльцы Дагестана заявляли о своей покорности русской императрицѣ и лишь одинъ молодой Шейхъ-Али, ханъ дербентскій, увѣренный въ томъ, что Ага-Магометъ не оставитъ его, рѣшился оказать русскимъ сопротивленіе.

Сборъ войскъ происходилъ въ Кизлярѣ, и Валеріанъ Зубовъ прибылъ туда 25-го марта 1796 г.

Этотъ Зубовъ былъ противоположностью своему брату, извѣстному временщику. Несмотря на молодость — ему было только 24 года, — онъ уже былъ боевымъ генераломъ и притомъ „суворовскаго пошиба“. Десять предшествовавшихъ лѣтъ онъ провелъ на войнѣ, участвовалъ во взятіи Измаила, гдѣ былъ отличенъ самимъ Суворовымъ, потомъ былъ съ нимъ въ его польскихъ походахъ и въ одномъ изъ сраженій съ поляками — на р. Бугѣ — потерялъ ногу, оторванную ядромъ. Ему удалось замѣнить ее искусственною и за это горцы и персы, когда узнали про то, прозвали его „золотоногимъ генераломъ“. Въ войскахъ Зубовъ пользовался популярностью и за свою личную храбрость, и за то, что былъ мужемъ „Суворочки“ — Натальи Александровны Суворовой, дочери обожаемаго въ то время всѣми безъ исключенія русскими „чудо-вождя“.

Съ молодой горячей поспѣшностью началъ Зубовъ дѣло. Онъ повелъ войска за Терекъ, но долженъ былъ возвратиться: суровыя метели и снѣжныя бури, свирѣпствовавшія въ горахъ, несмотря на то, что стоялъ уже

апрѣль мѣсяцъ, сдѣлали походъ невозможнымъ, а, между тѣмъ, ген.-м. Савельевъ съ своимъ отрядомъ уже стоялъ подъ Дербентомъ и Шейхъ-Али-ханъ оказался настолько дерзкимъ, что осмѣлился задержать посланнаго къ нему для переговоровъ маіора Ахвердова.

Шейху-Али было въ то время всего лишь восемнадцать лѣтъ, и огромное вліяніе на всѣ общественныя дѣла имѣла его сестра Передже-Ханумъ—„Роза Дагестана“, безъ совѣта которой ханъ рѣшительно ничего не предпринималъ. Вѣроятно, по ея совѣту, юный правитель рѣшился на борьбу съ противникомъ, котораго боялся даже самъ „ужасъ Ирана“—шахъ Ага-Магометъ.

Однако, подошедшему къ Дербенту русскому отряду Савельева волей-неволей приходилось бездѣйствовать.

IV.

Передъ Дербентомъ.

Генералъ Савельевъ хорошо зналъ тѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось теперь стоять лицомъ къ лицу. Къ тому, что происходило около Дербента, зорко присматривались ханы шекинскій, шемахинскій и въ особенности бакинскій, который былъ извѣстенъ, какъ ревностный сторонникъ шаха.

Извѣстно было также Савельеву, что сосѣдніе владѣльцы: хамбутай казикумыкскій, уцмій каракайдагскій, кадій акушинскій и султанъ дженгутайскій, а вмѣстѣ съ ними и самъ грозный шахъ Ага-Магометъ — всѣ ждали первой неудачи русскихъ подъ Дербентомъ, чтобы кинуться на Сѣверный Кавказъ и предать весь этотъ край такому опустошенію, на которое способны только одни варварскіе народы.

Ханы ганжинскій, нахичеванскій, эриванскій, а вмѣстѣ съ ними и мелкіе владѣльцы уже признали своимъ повелителемъ Ага-Магомета и ждали только его приказанія, чтобы кинуться на Грузію. Лишь одинъ шушинскій Ибрагимъ-ханъ оставался вѣрнымъ другомъ Россіи, но на него и не могло быть особенной надежды, потому что Ага-Магометъ стоялъ въ его области и даже столица ханства Шуша была занята персами.

Такимъ образомъ, создавалось положеніе, при которомъ приходилось мечтать уже не о завоеваніи Персіи, а о сохраненіи русскаго владычества въ своемъ собственномъ краѣ...

И все, главнымъ образомъ, зависѣло отъ того, какъ

выкажутъ себя русскіе подъ Дербентомъ. На азіатовъ дѣйствовала одна только сила. Малѣйшее проявленіе слабости — и русское дѣло легко могло-бы погибнуть, ибо тамъ, гдѣ противъ русскихъ стоялъ со своими сторонниками одинъ ханъ, въ послѣднемъ случаѣ явились-бы всѣ дагестанскіе владѣльцы, по слѣдамъ которыхъ не замедлилъ-бы пойти и самъ Ага-Магометъ.

Все это ясно сознавалъ генералъ Савельевъ, но сознавалъ онъ также и то, что не съ его ничтожнымъ отрядомъ возможно было предпринять что-либо серьезное противъ Дербента.

Однако, боясь какого-бы то ни было проявленія слабости, Савельевъ, въ отвѣтъ на отказъ хана впустить его войска въ Дербентъ, приказалъ послать Шейху-Али увѣдомленіе, что, если ворота не будутъ отперты, онъ начнетъ бомбардировать и городъ, и крѣпость.

Дербентъ, который всѣми признавался столицей и сильнѣйшею крѣпостью Дагестана, состоялъ изъ трехъ превосходно укрѣпленныхъ частей. Первая изъ нихъ была укрѣпленная самою природою крѣпость-замокъ Нарынъ-Кале, которая, примыкая къ горамъ, являлась почти неприступною.

Нарынъ-Кале защищалъ самый городъ, примыкавшій къ подножію скалъ, на которыхъ онъ былъ возведенъ и обнесенъ со всѣхъ сторонъ стѣнами. Между Каспійскимъ моремъ и обращеннымъ къ нему стѣною Дербентомъ лежало укрѣпленное пространство, которое туземцы называли „Дубари“. Жавшая со всѣхъ сторонъ самый Дербентъ стѣна была сложена изъ дикаго камня и имѣла до семи саженъ высоты. Въ основаніи толщина ея была въ двѣ сажени, и стѣна, поднимаясь на высоту, все суживалась и заканчивалась зубцами, среди которыхъ съ разныхъ сторонъ было возведено до восьмидесяти каменныхъ башенъ, вооруженныхъ пушками и фальконетами. Впереди города, съ той стороны, откуда должны были явиться русскіе, высилась башня, не взявъ которую штурмомъ, нечего было и думать о приступѣ къ Дербенту.

Угроза бомбардировать городъ мало подѣйствовала на Шейха-Али. Образъ дѣйствій его становился все болѣе и болѣе вызывающимъ. Онъ выслалъ изъ Дербента толпу всадниковъ, которые открыли огонь по авангарду Савельева, состоявшему изъ казаковъ. Молодцы не уступили полудикарямъ-противникамъ и съ гиканьемъ и свистомъ кинулись на нихъ. Дербентцы не выдержали

патиска и разсыпались. Во время этой схватки русскіе успѣли занять высоты, командовавшія надъ Дербентомъ, и немедленно меньше, чѣмъ въ двухстахъ саженяхъ отъ Дербента, начали возводить баттарею. Отрядъ-же расположился нѣсколько далѣе—верстахъ въ двухъ отъ Дербента.

Русскіе, такимъ образомъ, стояли подъ стѣнами того города, который уже видѣлъ около себя великаго Петра.

Смѣлость Савельева сильно смутила Шейха-Али-хана. Дербентцы увидѣли, что они имѣютъ дѣло не съ робкими и жалкими грузинами, а съ противникомъ, который не дожидается нападенія, а нападаетъ самъ. Впечатлѣніе, произведенное появленіемъ Савельева подъ Дербентомъ на враждебныхъ Россіи дагестанскихъ владѣльцевъ, было настолько сильно, что замутившій и заволновавшійся было Дагестанъ вдругъ затихъ, ожидая, чѣмъ кончится борьба между могущественнымъ ханомъ и пришельцами.

Даже грозный Ага-Магометъ почувствовалъ, что ему не подъ силу борьба съ русскими; онъ отказалъ Шейху-Али-хану въ помощи и со всѣми своими ордами ушелъ изъ Муганской степи къ себѣ въ Персію.

У Савельева было всего четыре съ небольшимъ тысячи людей, и онъ, не желая потерпѣть неудачу, послалъ запросъ Зубову, какъ поступить ему въ этомъ положеніи.

Отвѣтъ получился неожиданный.

Главнокомандующій приказалъ передовому отряду отойти отъ Дербента и не предпринимать ничего безъ особаго распоряженія...

Савельеву волей-неволей пришлось бездѣйствовать, хотя это бездѣйствіе и не могло длиться долго, ибо Каспійскій корпусъ спѣшными маршами уже шелъ къ Дербенту, вездѣ встрѣчаемый изъявленіемъ покорности.

Графъ Валеріанъ Александровичъ былъ такъ мало знакомъ съ условіями войны въ этихъ мѣстахъ, что принималъ всѣ выраженія преданности со стороны мелкихъ владѣльцевъ за чистую монету. Онъ воображалъ, что его слава проникла въ эти отдаленныя мѣста и устрашила всѣхъ хановъ, султановъ, кадіевъ, уцміевъ, шамхаловъ и даже самого грознаго Агу-Магомета. Только себѣ одному онъ приписывалъ то обстоятельство, что походъ отъ Кизляра обходился безъ битвъ. Но впереди, какъ разъ на пути, высились горные хребты Табасаранскій и Каракайдагскій. Всему Каспійскому корпусу было нужно перейти ихъ, и только за ними открывался путь на Дербентъ.

Въ одну изъ ночей, когда корпусъ сталъ на ночлегъ

у рѣчки Озени, случилось происшествіе, ускорившее движеніе впередъ. Невольное бездѣйствіе генерала Савельева подъ Дербентомъ ободрило нѣсколькихъ изъ союзниковъ Шейхъ-Али-хана. Одинъ изъ нихъ, хамбутай казикумыкскій, привелъ въ Дербентъ 3.000 отборныхъ джигитовъ и предложилъ хану обойти савельевскій отрядъ и затѣмъ разгромить его. Это извѣстіе принесъ астраханецъ Сергѣй Богдановъ, служившій при штабѣ корпуса чѣмъ-то вродѣ развѣдчика. Зубовъ понялъ, что долженъ торопиться, во что-бы то ни стало. Разгромъ савельевскаго отряда могъ испортить все дѣло. Тогда только главнокомандующій заспѣшилъ. 27-го апрѣля корпусъ былъ у рѣчки Мониса,- откуда долженъ былъ начаться переходъ къ горамъ. Когда войска начали переходъ, пришлось то подниматься на совершенно отвѣсныя скалы, то спускаться въ глубочайшія ущелья, оказывавшіяся подчасъ чуть-ли не пропастями. Тамъ, спустившись, приходилось идти по илучистому и узкому дну ихъ, то и дѣло прерываемому то водостоками, то провалами. Артиллерія и обозъ растянулись на десятокъ верстъ. Лошади и волы не въ состояніи были тащить по такой дорогѣ пушки и фуры. Солдатамъ волей-неволей пришлось тащить ихъ на себѣ, то поднимая на гору, то спуская въ ущелье. Въ 12 часовъ пути успѣли сдѣлать всего только 29 верстъ.

Но, какъ-бы то ни было, русскіе преодолѣли препятствія; горы были пройдены, и у рѣки Урусай-Булакъ корпусъ остановился на отдыхъ. До Дербента было еще далеко. Зубовъ рѣшилъ обложить войсками дагестанскую твердыню и, усиливъ бригаду генерала Булгакова двумя ротами владимірскихъ гренадеръ, астраханскимъ и таганрогскимъ драгунскими полками, казаками и шестью орудіями полевой артиллеріи, приказалъ ему черезъ горы обойти Дербентъ съ южной стороны, дабы окружить крѣпость со всѣхъ сторонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Зубовъ послалъ въ Дербентъ къ Шейхъ-Али-хану парламентеровъ, требуя безусловной сдачи. Шейхъ-Али-ханъ отвѣчалъ презрительной насмѣшкой, и Зубовъ рѣшилъ, что Дербентъ долженъ былъ быть взятъ, во что-бы то ни стало.

Перваго мая русскія войска начали послѣдній переходъ къ стѣнамъ дагестанской твердыни и на другой день уже были въ виду ея. Впереди шли гребенскіе и волжскіе казаки, зорко присматривавшіеся къ гористымъ окрестностямъ. Непріятеля нигдѣ не было видно. Но эта

была обычная уловка азіатовъ. Едва только передовые казачьи разъѣзды подошли къ окружавшимъ Дербентъ горамъ, — утесы, скалы, безчисленные овраги словно ожили. Засвистали и зажужжали пули. Отчаянно-смѣлые джигиты совершенно преградили путь передовому русскому отряду. Съ возвышеній дербентскіе стрѣлки били русскихъ наверняка. Рѣдкая пуля не нашла-бы себѣ жертвы, если-бы только сами казаки не были такъ увертливы и знакомы съ особенностями мѣстной войны. Они сейчасъ-же разсыпались, сами засѣли за камни и въ овраги, и въ отвѣтъ на выстрѣлы дербентцевъ загремѣли выстрѣлы съ русской стороны.

Когда главнокомандующему было донесено объ этомъ, онъ отдалъ короткое, но категорическое приказаніе:

— Выбить засаду и разогнать непріятеля!

Не было сомнѣнія, что предстояла лихая схватка. Спѣшены были гребенскіе и волжскіе казаки, а за ними шелъ разсыпанный въ цѣпь третій батальонъ егерей Кавказскаго корпуса. Спѣшившіеся казаки поползли по землѣ къ утесамъ, гдѣ былъ виденъ пороховой дымъ. Егеря шли въ нѣкоторомъ отдаленіи за казаками, отвлекая на себя отъ нихъ вниманіе врага. Когда гребенцы и волжане были уже у подножія утесовъ, гдѣ засѣли защитники Дербента, егеря перешли въ открытое наступленіе. Дербентцы приготовились было къ встрѣчѣ ихъ, но вдругъ загремѣло могучее русское „ура“. Это подползшіе къ утесамъ казаки кинулись съ шашками наголо къ непріятелю.

Нападеніе вышло почти неожиданнымъ. Завязался рукопашный бой; защитники Дербента грудь съ грудью схватились съ казаками, но какъ разъ въ это время подбѣжали егеря и со штыками наперевѣсъ кинулись впередъ. Натискъ былъ стремителенъ. „Ура“ гремѣло не смолкая. Такого боя не могли выдержать джигиты Шейха-Али-хана и бѣжали къ Дербенту вразсыпную, очистивъ засады и, такимъ образомъ, пропустивъ русскихъ къ воротамъ своей твердыни. Русскія войска подошли къ городу и расположились по окружающимъ его высотамъ.

Графъ Зубовъ самъ произвелъ рекогносцировку.

Прежде чѣмъ штурмовать самый Дербентъ съ его сидѣвшимъ на отвѣсной скалѣ Нарынъ-Кале, русскимъ необходимо было овладѣть передовой башней, прикрывавшей большую часть стѣнъ и мѣшавшей не только устройству баттарей, но даже сообщенію между отдѣль-

ными частями корпуса. Дербентцы засѣли въ этой башнѣ и встрѣчали приближавшихся русскихъ пушечными и ружейными выстрѣлами.

Но графъ Валерьянъ Зубовъ рѣшился начать штурмъ, даже не ожидая прибытія отряда Булгакова, о движеніи котораго не приходило никакихъ извѣстій.

— Сколько можетъ быть защитниковъ въ этой передовой башнѣ?—скорѣе разговаривая съ самимъ собой, чѣмъ обращаясь къ генералу Римскому-Корсакову, бывшему около него, сказалъ Зубовъ.

— Точно неизвѣстно, ваше сіятельство, — отвѣчалъ тотъ.

— Я думаю, что ихъ не больше семидесяти человѣкъ.

— Очень можетъ быть! Но башня въ четыре яруса и стѣны ея на видъ столь прочной кладки...

— Все это такъ, — перебилъ главнокомандующій генерала, — но эта башня должна быть не далѣе, какъ завтра на разсвѣтѣ, взята вами.

— Но у насъ въ обозѣ нѣтъ лѣстницъ достаточной высоты.

— Зато въ нашемъ распоряженіи безъ числа удальцовъ. Какой полкъ, по вашему мнѣнію, наиболѣе готовъ къ штурму?

— Воронежскаго пѣхотнаго полка батальонъ, ваше сіятельство...

— Кто командуетъ?

— Полковникъ Кравцовъ, ваше сіятельство.

— А, знаю! Храбрый солдатъ! Усильте его двумя гренадерскими ротами и завтра съ Богомъ...

— Слушаю, ваше сіятельство! — отвѣчалъ Римскій-Корсаковъ, но такимъ тономъ, что, не будь Зубовъ увлеченъ своими мыслями, онъ понялъ-бы, что боевой кавказскій генералъ совсѣмъ не увѣренъ въ успѣхѣ дѣла, на которое было отдано ему ясное и точное приказаніе главнокомандующаго.

Онъ откланялся Зубову и, возвратившись къ своей бригадѣ, приказалъ позвать къ себѣ Кравцова.

— Что, голубчикъ, не за добромъ тебя зову, — встрѣтилъ онъ Кравцова:—завтра, чѣмъ свѣтъ, тебѣ и твоимъ воронежцамъ придется на разстрѣлъ идти... Графъ-то нашъ приказалъ штурмовать эту проклятую башню, нелегкая ее побери! Говоритъ, что тамъ не болѣе семидесяти человѣкъ гарнизона.

Лицо полковника на мгновеніе потемнѣло, но онъ сей-

часъ-же справился съ чувствомъ своего невольнаго смущенія.

— Что-же, ваше превосходительство,—отвѣчалъ онъ,—авось, какъ-нибудь съ Божіей помощью...

— Только на это надежда... Нѣтъ лѣстницъ, нѣтъ никакого прикрытія... Идти придется по ровному мѣсту... Изъ башни-то на выборъ бить будутъ...

— Ослушаться, ваше превосходительство, невозможно...

До палатки, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ, доносились удары пушечныхъ выстрѣловъ. Римскій-Корсаковъ прислушался, улыбнулся и покачалъ головой.

— Изъ полевого орудія крѣпость съ стѣнами въ двѣ сажени толщины бомбардируется,—произнесъ онъ,—какъ-бы азіаты не стали хохотать, видя наши тщетныя усилія... Но, что-бы то ни было, а приказаніе должно быть исполнено!—и онъ началъ передавать Кравцову составленный имъ планъ штурма.

Зубовъ, впрочемъ, и самъ понималъ, что бомбардированіе Дербента ничѣмъ не кончится, и вскорѣ приказалъ прекратить огонь, такъ какъ снаряды не производили никакого разрушительнаго дѣйствія на крѣпость.

Видя неудачу, Зубовъ отправилъ нарочнаго къ Булгакову съ приказаніемъ поторопиться прибытіемъ къ Дербенту и занять немедленно высоты, командующія надъ крѣпостью со стороны противоположной той, на которой стояла главная сила корпуса.

А, между тѣмъ, отправленному въ обходъ отряду Булгакова пришлось преодолѣвать на пути такія затрудненія, о какихъ и не думали при выступленіи въ походъ. Самъ по себѣ переходъ былъ невеликъ, всего 80 верстъ, но въ числѣ этихъ верстъ было двадцать, которыя пришлось сдѣлать по совершенно непроходимымъ дорогамъ.

Двинувшись въ походъ, отрядъ Булгакова сталъ подниматься близъ селенія Дорбахъ на главный Табасаранскій хребетъ. Первой преградой на пути явился дремучій лѣсъ. Черезъ него вилась вверхъ на крутизну тропинка, столь узкая, что по ней могла пройти всего одна только фура, да и то ее должны были поддерживать люди.

Подниматься-же приходилось по крутизнамъ вверхъ болѣе, чѣмъ на три версты. Подъемъ былъ такъ крутъ, что орудія и обозныя повозки приходилось втаскивать на рукахъ. Съ разсвѣта и до полудня взобрались на вершины всего только одинъ батальонъ пѣхоты и казаки. Въ довершеніе затрудненій послѣ полудня этого дня

(1-го мая) пошелъ проливной дождь, не перестававшій лить до слѣдующаго утра. Глиняная почва размякла, превратилась положительно въ мѣсиво, такъ что шесть лошадей не были въ силахъ сдвинуть съ мѣста двѣнадцатифунтовое орудіе и въ помощь имъ приходилось посылать до 200 солдатъ, но и тѣ едва могли передвигать орудія.

Но и тутъ русскіе люди воочію доказали, что нѣтъ для нихъ ничего невозможнаго.

Къ 11 часамъ утра 2-го мая весь отрядъ былъ уже на горной вершинѣ... Предстоялъ спускъ, еще болѣе затруднительный, чѣмъ подъемъ. И думать не приходилось при спускѣ брать съ собою обозъ. Это замедлило-бы переходъ настолько, что къ Дербенту отрядъ попалъ-бы неизвѣстно когда. Въ силу этого Булгаковъ рѣшилъ оставить свой обозъ на горахъ, а самому спуститься въ долину Девечумигатанъ налегкѣ. При обозѣ его были оставлены двѣ гренадерскія роты, а остальной отрядъ, съ артиллеріей, началъ спускъ въ долину.

Съ 11 часовъ утра и до часу ночи продолжался этотъ спускъ. Съ вершины горъ отрядъ попалъ въ тѣсное и глубокое ущелье, по дну котораго протекала пѣнившаяся отъ дождя рѣчка. Ночь застала отрядъ въ Девечумигатанской долинѣ, и здѣсь усталымъ людямъ данъ былъ отдыхъ до утра. Но что это былъ за отдыхъ, что за ночлегъ! Проливной дождь, переставшій было къ утру, подъ вечеръ пошелъ опять съ такой силой, что вода горной рѣчки быстро поднялась и вышла изъ береговъ. Въ нѣсколько часовъ наводнилась вся окрестность. Люди до утра простояли въ водѣ, не смыкая глазъ и не имѣя возможности отдохнуть...

Зато утро наступило теплое и ясное. Солнце появилось и сразу разлило свои живительные лучи. Рѣчка такъ-же быстро, какъ наканунѣ разлилась, вошла въ берега. Солдаты могли обогрѣться и высушиться. Къ 11 часамъ утра они были готовы въ путь и пошли въ походъ, увѣренные, что главная цѣль его — Дербентъ — близка.

При выходѣ изъ горъ отрядъ былъ встрѣченъ посланцемъ главнокомандующаго. Булгаковъ получилъ приказаніе поторопиться, а отъ гонца узналъ, что случилось съ Каспійскимъ корпусомъ въ утро этого дня...

3-е мая оказалось злополучнымъ днемъ для русскихъ. Едва только появилось солнце, воронежцы, подъ ко-

мандою своего полковника Кравцова, двинулись къ башнѣ, которую имъ было приказано взять въ это утро. Готовясь къ штурму, который для многихъ долженъ былъ имѣть роковой исходъ, солдатики переодѣлись въ чистыя рубахи. Они видѣли, что идутъ на вѣрную смерть...

— Отступленія быть не можетъ! — сказалъ наканунѣ ихъ командиръ.

Много вздоховъ изъ русскихъ грудей вырвалось тогда, когда было приказано идти на штурмъ. Врядъ-ли кто не думалъ о томъ, что вотъ-вотъ придется умереть, что не для одного, а для многихъ близокъ смертный часъ. О близости смерти вообще кавказскіе орлы мало когда думали, но здѣсь было не то, неизбѣжное кровопролитіе всѣмъ казалось напраснымъ.

Такъ и вышло.

Воронежцы окружили со всѣхъ сторонъ башню... Но что они могли подѣлать, когда у нихъ не было лѣстницъ, чтобы подняться хотя на высоту перваго ея этажа? Прикладами да захваченными съ собой бревнами стѣны изъ дикаго камня не удалось разбить. Безпомощно толкались у стѣны крѣпости бѣдняки-солдаты, стрѣляя безо всякой цѣли вверхъ по хорошо укрытому врагу. А дербентцы со всѣхъ четырехъ ярусовъ своей башни такъ и сыпали свинцовый градъ на беззащитнаго и даже безпомощнаго непріятеля....

Но никто изъ солдатъ не сдѣлалъ шага назадъ. Кравцовъ и всѣ офицеры были перераненены, а штурмующая колонна оставалась на мѣстѣ, предпочитая вѣрную смерть позору отступленія...

Распоряжавшійся штурмомъ генералъ Римскій-Корсаковъ прекратилъ безполезную бойню, прославъ приказаніе немедленно отступить, и воронежцы отошли, захвативъ съ собой всѣхъ убитыхъ и раненыхъ. Штурмъ совсѣмъ не удался, и только одной безпорядочности стрѣльбы со стороны дербентцевъ можно приписать сравнительно незначительный уронъ, понесенный столь неудачно штурмовавшей передовую башню колонной: убитыхъ было 25, легко раненыхъ — 72.

Результаты неудачнаго штурма не замедлили сказаться. Шейхъ Али-ханъ сейчасъ-же усилилъ гарнизонъ башни на 500 человѣкъ, а противъ Булгакова, уже подвигавшагося къ Дербенту, выслалъ сильный отрядъ всадниковъ. Но это еще было-бы ничего. Сразу-же послѣ отраженія русскихъ заволновался и загудѣлъ весь окрестный

край. Мѣстные владѣльцы начали смѣлѣть день ото дня; въ тылу русскихъ начались грабежи и стали скапливаться партіи не только дагестанцевъ, но и лезгинъ, которыя спускались съ своихъ горъ, воображая, что русскіе безсильны и ихъ можно уничтожить, пока не явились къ нимъ подкрѣпленія...

Старые кавказцы, бывшіе при Зубовѣ, объяснили ему, что здѣсь не Европа, даже не Турція, въ войнѣ съ которой можно было-бы прилагать то, что предписываетъ стратегія. Они указали Зубову, что здѣсь главный залогъ успѣха — быстрота, которой только и возможно подѣйствовать на пылкихъ азіатовъ. Графъ Валеріанъ Александровичъ успѣлъ кое-къ чему присмотрѣться и рѣшилъ не откладывать штурма.

На военномъ совѣтѣ этотъ штурмъ былъ назначенъ на 7-е мая.

V.

Штурмъ Дербента.

Въ этотъ день еще до восхода солнца весь русскій лагерь былъ уже на ногахъ. Утро наступило, былъ седьмой часъ. Люди казались сумрачными и какъ-будто даже и не думали о новой попыткѣ къ бомбардированіе крѣпости. Пушечные удары были слабы, даже эхо совсѣмъ тихо повторяло ихъ, разнося среди горъ, окружавшихъ городъ и крѣпость.

— Изъ двѣнадцатифунтовиковъ эдакую толщу пробить! — говорили среди солдатъ. — Эхъ! придется, видно, ни съ-чѣмъ уходить!

Большинство солдатъ чувствовало, что вся слава Кавказскаго корпуса виситъ на волоскѣ. Уже больше полусотни ядеръ были выпущены изъ русскихъ орудій, а на дербентской стѣнѣ оказывался сбитымъ всего только одинъ зубецъ. Бомбардированіе оказывалось, очевидно, неудачнымъ. Наибы Шейха-Али-хана вывели на стѣны всѣхъ своихъ людей, и было видно, что дербентцы глумились надъ безполезностью русской пальбы по ихъ крѣпости.

— Эхъ, кабы теперь да на штурмъ послали! — переговаривались тѣ самые воронежскіе гренадеры, которые за три дня до того такъ неудачно штурмовали передовую башню, — полегли-бы всѣ, а своего добились-бы!

Не разъ кавказскіе егеря и гренадеры схватывались грудь съ грудью съ противниками. Они знали, что здѣсь,

въ этихъ мѣстахъ, смѣлость — это все, и сами теперь рвались на штурмъ, не будучи въ силахъ перенести глумленіе надъ собой такихъ противниковъ, побѣждать которыхъ они привыкли.

Вдругъ, словно молнія, пронеслась по лагерю вѣсть:

— Приказано штурмовать защитную башню!

И сразу, лишь только пронеслась эта вѣсть, почувствовали богатыри, какъ-будто какая-то тяжесть спала съ ихъ сердецъ: легко вздохнули, встрепенулись—предстояла славная работа, а не удручающее духъ топтанье на одномъ мѣстѣ.

Въ восьмомъ часу по всему отряду пронеслось извѣстіе, что въ составъ штурмующихъ колоннъ назначены тѣ-же двѣ гренадерскія роты воронежскаго полка и третій батальонъ Кавказскаго корпуса.

— Счастливцы! — пронеслось по рядамъ солдатъ.

— Теперь-то они маху не дадутъ: выбьютъ бритоголовыхъ.

— Какъ не взять? Въ прошлый разъ осрамились, теперь поправиться надс...

— Возьмутъ! возьмутъ! Полковникъ Кравцовъ головную колонну ведетъ...

— Да, вѣдь, онъ въ первомъ штурмѣ раненъ!

— Оправился, на ноги всталъ... Что, не кавказецъ развѣ?

— Ему поручика Чекрыжева въ товарищи дали!

— Съ этимъ возьмутъ! орлы они!

Пока такіе толки шли въ разныхъ частяхъ отряда, воронежцы и кавказскіе егеря серьезно готовились къ штурму. Молодцы знали, на какое дѣло они идутъ. Въ этотъ разъ отступленія для нихъ быть не могло — довольно и одной неудачи, — стало быть, или они возьмутъ защитную башню, или всѣ погибнутъ подъ ея стѣнами... Другого исхода штурма быть на этотъ разъ не могло, и закаленные въ полномъ пренебреженіи къ смерти люди совершенно хладнокровно готовились къ близкому смертному часу. Среди русскаго лагеря вдругъ воцарилась мертвая тишина. Притихли и засѣвшіе въ защитной башнѣ дербентцы. И они почувствовали, что рѣшительный моментъ недалекъ... Ровно въ восемь часовъ утра, съ той стороны, гдѣ стояла палатка Зубова, громыхнулъ одинокій пушечный выстрѣлъ, и сейчасъ-же по всему отряду пронеслось:

— Главнокомандующій!

На довольно высокомъ курганѣ, находившемся внѣ сферы выстрѣловъ, показался графъ Валеріанъ Александровичъ, разодѣтый въ полную парадную блиставшую золотомъ форму. Позади главнокомандующаго слѣдовала вся свита. Тутъ лица были сумрачны и оживленія почти не было замѣтно. Затѣю главнокомандующаго — штурмовать защитную башню, не пробивъ въ ней предварительно бреши, большинство считало нелѣпой; вѣдь, новый штурмъ долженъ былъ происходить при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и неудачный первый, т. е., безъ лѣстницъ, и большинство было увѣрено, что гренадеры и егеря посылаются Зубовымъ прямо на разстрѣлъ.

Распорядившійся штурмомъ генералъ Римскій-Корсаковъ, получивъ отъ главнокомандующаго разрѣшеніе начать штурмъ, далъ шпоры коню и помчался къ штурмующимъ колоннамъ, безшумно замершимъ въ ожиданіи приказаній.

— Братцы! товарищи! — воскликнулъ генералъ, очутившись передъ фронтомъ, — пришло время послужить матушкѣ - государынѣ... Взять эту башню нужно, непремѣнно нужно... Не посрамимъ своей былой славы!

Гулъ голосовъ пронесся по рядамъ солдатъ.

— Веди, веди насъ! — раздались отдѣльные голоса,— умремъ всѣ до единаго, а не сдадимся врагу.

Генералъ, говорившій съ солдатами съ обнаженной головой, надѣлъ шляпу.

— Вѣрю вамъ, ребята! — воскликнулъ онъ. — Коли такъ, впередъ! Богъ впереди, вы съ Нимъ!

Громоподобное „ура“ отвѣтило Корсакову. Генералъ отъѣхалъ въ сторону и движеніемъ руки пустилъ впередъ штурмующія колонны.

Путь воронежцевъ и егерей лежалъ какъ разъ мимо колма, гдѣ былъ съ своей свитой Зубовъ. Воронежскіе гренадеры шли, выдерживая шагъ, какъ на парадѣ.

Зубовъ снялъ шляпу и, размахивая ею, кричалъ:

— Не посрамите, ребята, русской славы!

— Ты увидишь насъ!—грянули въ отвѣтъ гренадеры и съ громкимъ „ура“ кинулись, уже не держа фронта, къ башнѣ.

Градъ пуль встрѣтилъ ихъ. Онѣ сыпались и изъ бойницъ башни, и со стѣнъ Дербента, сплошь унизанныхъ его защитниками. Едва гренадеры очутились въ сферѣ огня, какъ нѣсколько изъ нихъ съ тяжелыми стонами

брякнулись на землю. Остальные даже не обратили вниманія и безъ выстрѣла бѣжали къ окутанной пороховымъ дымомъ башнѣ. Эти, казалось, обреченные на смерть люди даже не кричали. Они берегли свое грозное „ура“ для рѣшительнаго момента.

Наконецъ, у башни вдругъ вспыхнуло мощное русское „ура“... Это гренадеры, не обращая вниманія на градъ пуль, сыпавшихся на нихъ, окружили башню.

Поручикъ Чекрыжевъ съ десяткомъ нижнихъ чиновъ совершили подвигъ, который возможенъ только для русскаго солдата.

Поднявшись на стѣны до той высоты, до которой хватили лѣстницы, герои начали карабкаться далѣе, втыкая штыки въ расщелины между камнями и подымаясь на рукахъ все выше и выше. Въ нѣсколько секундъ они достигли верхняго этажа и очутились на крышѣ. Началось горячее дѣло. Одни изъ удальцовъ работали штыками, другіе ломали кровлю, чтобы проникнуть черезъ проломъ въ средній этажъ. Все шло въ дѣло, что попадалось подъ руку. Ломали до тѣхъ поръ, пока не рухнула внизъ кровля, увлекая вмѣстѣ съ собой и трупы павшихъ, и продолжавшихъ бой живыхъ. Все это—трупы, камни, доски—упало на головы защитниковъ башни, засѣвшихъ въ ея второмъ этажѣ. Это была неожиданность для послѣднихъ, никакъ не предполагавшихъ чего-либо подобнаго. Они растерялись и, прежде чѣмъ успѣли придти въ себя, всѣ были переколоты.

Перебраться изъ средняго въ нижній этажъ и кинуться тамъ на ошалѣвшихъ отъ страха враговъ было уже совсѣмъ легко.

Пока гренадеры работали въ башнѣ, егеря, прибѣжавшіе имъ на помощь, кинулись на прикрытіе. Завязался отчаянный бой. Русскіе кололи враговъ штыками, тѣ кидались на нихъ съ своими кривыми саблями. Бой длился беззвучно. Слышались только стоны раненыхъ, хрипъ умиравшихъ, лязгъ оружія. Вдругъ вспыхнуло, какъ вспыхиваетъ огонь, „ура“! Въ то-же время раздались отчаянные крики: „алла“. Дербентцы не выдержали натиска и отступили изъ прикрытія къ стѣнамъ города. Егеря преслѣдовали ихъ подъ огнемъ со стѣнъ Дербента. Только вогнавъ непріятеля въ ворота, отошли они къ башнѣ, гдѣ гренадеры кончили уже свою кровавую работу. Полдень еще не наступилъ, а оплотъ Дербента былъ уже въ рукахъ русскихъ.

Словно какая-то волна пронеслась по всѣмъ русскимъ людямъ послѣ того, какъ защитная башня была взята.

Нарынъ-Кале пересталъ казаться неприступнымъ, а между тѣмъ, въ сущности говоря, взятіе защитной башни нисколько не измѣняло общаго положенія. Дербентъ попрежнему не открывалъ своихъ воротъ побѣдителямъ.

Но послѣ первой удачи никто уже въ Каспійскомъ отрядѣ, начиная съ самого главнокомандующаго, не сомнѣвался, что такъ или иначе, а Дербентъ все-таки падетъ.

Въ тотъ-же день русскимъ не посчастливилось.

Оставленный генераломъ Булгаковымъ въ урочищѣ Девечумигатанъ отрядъ почти весь былъ захваченъ кази-кумыками, и хотя были высланы отряды для преслѣдованія горцевъ, но тѣ разбѣжались, увозя съ собой и обозныя фуры, и взятыхъ въ плѣнъ ихъ конвоировъ.

Зубовъ рѣшилъ осадить Дербентъ, блокировать его и принудить къ сдачѣ, во что-бы то ни стало.

Шейхъ-Али-ханъ, увидавъ, что русскія траншеи подошли почти къ самому Дербенту, все-таки рѣшилъ сопротивляться — онъ былъ такъ увѣренъ, что шахъ Ага-Магометъ успѣетъ подойти къ нему на помощь. Однако, дербентскіе старѣйшины на этотъ разъ были совсѣмъ другого мнѣнія. Они знали, что русскіе, разъ подступили къ Дербенту, уже не уйдутъ отъ него. Да и прихода Ага-Магомета они боялись, пожалуй, еще больше, чѣмъ появленія внутри города русскихъ солдатъ. Персидскій шахъ, являясь въ чужую страну, не разбиралъ, завоевана она или покорилась добровольно, и немедленно по вступленіи персидскихъ войскъ начинались грабежъ и неистовое насиліе. О русскихъ-же, съ которыми дербентцы были въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ черезъ Кизляръ и Астрахань, имъ было хорошо извѣстно, что это — такіе враги, которые никогда не обижаютъ и не разоряютъ сдавшихся на ихъ милость мирныхъ жителей.

Такимъ образомъ, дербентцамъ волей-неволей приходилось изъ двухъ золъ выбирать меньшее, и всѣ тѣ, которымъ было выгодно сохраненіе мира, приступили къ своему хану съ требованіемъ сдать Дербентъ русскимъ.

Шейхъ-Али-ханъ сперва пришелъ въ безумное неистовство при одномъ только упоминаніи о сдачѣ, но затѣмъ послалъ къ генералу Булгакову одного изъ муллъ просить русскихъ прислать кого-либо изъ знающихъ мѣстное нарѣчіе людей для переговоровъ съ ханомъ. Зу-

бовъ, по единогласному рѣшенію военнаго совѣта, безъ всякаго отвѣта отослалъ посланца обратно въ Дербентъ, а затѣмъ приказалъ собрать всѣ, какія только были въ отрядѣ, орудія и, едва только забрежжило утро 10-го мая, началъ изъ нихъ бомбардировать Нарынъ-Кале. Прицѣлъ орудій былъ расчитанъ такъ, что удары ядеръ приходились все по одному и тому-же мѣсту въ стѣнѣ замка. До двухъ часовъ пополудни гремѣли пушки. Свистя и шипя, рѣзали воздухъ ядра, но стѣны Нарынъ-Кале попрежнему выдерживали ихъ удары. Канонада все усиливалась. Артиллеристы пристрѣлялись такъ, что ядра ударяли одно въ другое съ послѣдовательною точностью. Ровно въ два часа пополудни раскаты русскаго громоподобнаго „ура“ заглушили громъ пушекъ. Не выдержалъ камень, и рухнули стѣны, образовавъ брешь, черезъ которую уже легко было проникнуть въ замокъ.

Смолкли орудія и вмѣсто нихъ сверкнули на солнцѣ штыки солдатъ, назначенныхъ для немедленнаго штурма Нарынъ-Кале.

Въ то-же самое время отъ Зубова полетѣлъ въ Петербургъ гонецъ.

„Черезъ образовавшійся проломъ, — доносилъ графъ Валеріанъ императрицѣ, — блеснуло въ очи непріятелю побѣдоносное оружіе Вашего Императорскаго Величества, приготовленными къ штурмованію замка воинами носимое!“

VI.

Сдача Дербента.

Но штурмовать Нарынъ-Кале не пришлось...

Изъ-за стѣнъ Дербента до слуха русскихъ донесся громкій крикъ, потомъ вдругъ все смолкло, и ворота оплота Дагестана широко распахнулись.

На площади предъ воротами показалась процессія. Въ разноцвѣтныхъ халатахъ и въ бѣлыхъ чалмахъ шли первыми старѣйшины городского населенія Дербента. Впереди ихъ двое юношей вели подъ руки едва передвигавшаго отъ дряхлости ноги старца, также въ бѣлоснѣжной чалмѣ; въ нѣкоторомъ отдаленіи шли старшины и представители горскихъ и дагестанскихъ племенъ, явившихся для защиты своей твердыни. Наконецъ, послѣднимъ и далеко за предыдущими слѣдовалъ верхомъ самъ Шейхъ-Али-ханъ, на шеѣ котораго висѣла его кривая сабля. Дербентъ сдавался на милость побѣдителя...

Всѣ эти люди, увидѣвъ издали русскаго главнокоман-

дующаго, разомъ остановились и упали на колѣна. Лишь одинъ дряхлый старецъ, сопровождаемый юношами-поводырями, шелъ впередъ. Тяжело дыша и кряхтя, добрался онъ до графа Валеріана и опустился на колѣна около его стремени. Голова старика касалась ноги русскаго вельможи. Зубовъ ожидалъ, что будетъ далѣе. Не приподнимаясь съ колѣнъ, старикъ чуть слышно заговорилъ что-то на своемъ нарѣчіи. Не понимавшій его лепета Зубовъ, тѣмъ не менѣе, уловилъ одно слово, показавшееся ему похожимъ на русское имя Петръ.

Въ заключеніе своей рѣчи старецъ протянулъ Зубову серебряные ключи.

— Что онъ говоритъ? — спросилъ графъ у переводчика. — Мнѣ послышалось, что онъ упоминаетъ имя Петра.

— Такъ точно, ваше сіятельство, — послѣдовалъ отвѣтъ. — Онъ говоритъ, что ему уже сто двадцать лѣтъ и семьдесятъ четыре года тому назадъ онъ поднесъ императору Петру Великому эти самые ключи склонившагося къ стопамъ великаго Петра Дербента.

— Да, — воскликнулъ Валеріанъ Александровичъ, — какая прекраснѣйшая фраза для донесенія моего... Запишите: „Оруженосецъ Екатерины II тѣ-же ключи и отъ того-же старца, что и Петръ Великій, принялъ 10-го мая 1796 г.“. Такъ и напишемъ въ реляціи!

Потомъ онъ соскочилъ съ копя, поднялъ колѣнопреклоненнаго старца, обратился къ ожидавшей своего посланца толпѣ старѣйшинъ съ увѣреніемъ, что, разъ они сдаются добровольно на милость побѣдителя, имъ страшиться нечего: городъ разоренъ не будетъ и все частное имущество останется нетронутымъ, и затѣмъ прошелъ въ свою палатку. А въ это время къ открытымъ настежь воротамъ Дербента, съ распущенными знаменами и радостно звучавшей музыкой, подходили кавказскіе егеря и московскіе мушкетеры изъ савельевскаго отряда.

У воротъ города русскіе были встрѣчены армянскимъ духовенствомъ, съ крестами и иконами.

Покореніе Дербента стоило Каспійскому отряду трехъ офицеровъ убитыми и восьми раненными. Нижнихъ чиновъ было убито сорокъ семь и ранено—сто шестьдесятъ.

„Крѣпость войсками Вашего Императорскаго Величества занята, — писалъ во всеподданнѣйшемъ донесеніи императрицѣ графъ Зубовъ. — Ханъ, съ саблей на выѣ, въ знакъ, по ихъ обычаю, признанія преступленія и повиновенія безъ изъятія, предсталъ мнѣ съ своими чинов-

никами и содержится въ станѣ моемъ. Гарнизонъ обезоруженъ. Я даровалъ всѣмъ жизнь, да любызаютъ мысленно съ благоговѣйнымъ ужасомъ и любовью побѣждающую и вмѣстѣ всѣхъ милующую десницу Вашу".

На третій день послѣ того, какъ старѣйшій изъ дербентцевъ отдалъ ключи отъ своего города русскому полководцу, торжественно въѣзжалъ покоритель Дербента въ павшую передъ нимъ твердыню Дагестана.

У воротъ графа Зубова встрѣтили армянскій архимандритъ съ крестомъ и армянское духовенство. Старѣйшины покореннаго города поднесли полководцу хлѣбъ-соль „по русскому обычаю" и униженно просили его милости, покровительства и защиты. Зубовъ обѣщалъ все это.

Послѣ этихъ первыхъ привѣтствій, онъ послѣдовалъ въ незаселенную часть города, гдѣ расположился въ своей ставкѣ генералъ-маіоръ Савельевъ, первый въ эту кампанію подошедшій къ стѣнамъ дагестанской твердыни.

Здѣсь въ походной церкви было отслужено благодарственное Господу Богу Побѣдодателю молебствіе, а послѣ него новый хозяинъ Дербента, генералъ Савельевъ, по русскому обычаю предложилъ своему гостю-соратнику и всѣмъ боевымъ товарищамъ трапезу...

Почти одновременно со взятіемъ Дербента были заняты отрядомъ генерала Рахманова Баку и генераломъ Булгаковымъ Кубинское ханство. Черезъ двѣ недѣли посланный Зубовымъ отрядъ овладѣлъ Шемахою, владѣлецъ которой, Мустафа-ханъ ширванскій, долженъ былъ бѣжать къ персамъ. Отказались покориться русскимъ изъ боязни шаха, ханы шекинскій и карабахскій.

Вскорѣ послѣ этого Зубову грозила смертельная опасность. Въ его свитѣ былъ братъ шаха, Нури-Али-ханъ, бѣжавшій къ русскимъ, когда Ага-Магометъ занялся, ради политическихъ цѣлей, истребленіемъ всѣхъ своихъ ближайшихъ родственниковъ. Этотъ Нури-Али-ханъ побывалъ въ Петербургѣ, гдѣ былъ встрѣченъ весьма милостиво, и Зубовъ, отправляясь въ походъ, взялъ его съ собою. Между тѣмъ, уже послѣ паденія Дербента, Нури-Али далъ себя подкупить карабахскому и шекинскому ханамъ и обѣщалъ зарѣзать Зубова при первой возможности. Наградой за это преступленіе должна была быть красавица-дочь карабахскаго хана. Случай спасъ русскаго главнокомандующаго — заговоръ былъ открытъ. Нури отправили въ Астрахань, а оба ханства были заняты русскими.

Приближалось время, когда Зубовъ долженъ былъ придти въ столкновеніе съ самимъ „ужасомъ Ирана“. „Левъ львовъ“, какъ именовали Персію, былъ уже передъ русскими орлами...

Оставшійся въ Кизлярѣ Гудовичъ не могъ справиться съ горькимъ чувствомъ обиды.

„Питерскій орелъ за мои труды всѣ награжденія получилъ, — писалъ Иванъ Васильевичъ въ Петербургъ графу Салтыкову. — Дербентъ онъ взялъ готовый, пришедши туда со всѣмъ отъ меня приготовленнымъ, и тутъ еще сколько людей потерялъ напрасно, приказавши изъ Кизляра тайно отъ меня отступить генералъ-маіору Савельеву, по отступленіи коего Шейхъ-Али-ханъ сдѣлалъ башню, на высотѣ поставленную и городомъ командующую, которую графъ штурмовать былъ принужденъ дважды. А Грузію онъ, что-ли, спасъ отъ Аги-Магомета? Нѣтъ, посланные мною два батальона съ Сырохневымъ да движеніе къ Дербенту Агу-Магомета испугали и уйти заставили“...

Этому письму предшествовало прошеніе Гудовича объ отставкѣ, по причинѣ крайняго разстройства здоровья. Императрица приняла отставку, но щедро наградила Ивана Васильевича: ему были, въ знакъ особаго благоволенія, пожалованы 1.800 душъ крестьянъ въ Подольской губ. и сохранено все содержаніе. На Кавказскую-же линію былъ назначенъ не намѣстникомъ Кавказа, а только начальникомъ линіи, ген.-лейт. Исленьевъ.

Но пробыть Ивану Васильевичу долго въ отставкѣ не удалось.

VII.

Въ бояхъ съ горцами.

Графъ Валеріанъ Зубовъ, дѣйствительно, былъ мало знакомъ съ условіями мѣстной войны. Онъ бралъ главные города областей и, повидимому, воображалъ, что этимъ достигается полная побѣда, и край съ потерею своего главнаго центра подчиняется русскимъ. Не тутъ-то было! Потеря своихъ ауловъ-столицъ ровно ничего не представляла въ глазахъ горцевъ, а только еще болѣе разжигала ихъ ненависть къ русскимъ. Довѣрчивость-же, великодушіе ко врагу являлись въ возорѣніи ихъ непростительной слабостью. Зубовъ, именно благодаря тому, что хотѣлъ показать себя великодушнымъ, не сумѣлъ удержать Шейха-Али, хана дербентскаго, а тотъ, убѣжавъ, взволновалъ легковѣрныхъ горцевъ, успѣлъ соединиться

съ Сурхай-ханомъ, хамбутаемъ казикумыкскимъ, и внезапно выросшія скопища двинулись на Кубу, занятую въ это время отрядомъ ген. Булгакова. Горцы скопились на Самурѣ и съ него продвинулись къ аулу Алпанъ, находившемуся у входа въ ущелье, черезъ которое былъ проходъ въ Кубинское ханство. Этимъ они обезпечивали себѣ путь на Кубу, и Булгаковъ, старый кавказецъ, не могъ допустить, чтобы столь важный пунктъ оставался въ рукахъ непріятеля. На развѣдки послана была рота кавказскихъ егерей, подъ командою капитана Семенова, и вслѣдъ за нимъ былъ отправленъ подполковникъ Бакунинъ съ тремя егерскими ротами и казачьей сотней.

Бакунинъ былъ человѣкъ новый, незнакомый съ условіями здѣшней войны, и, пожалуй, былъ увѣренъ, что суворовскіе „быстрота и натискъ“ приложимы всюду, даже безъ особеннаго разумѣнія. Онъ даже не обратилъ вниманія на то, что ущелье передъ Алпаномъ сплошь было покрыто густымъ лѣсомъ изъ чинаръ, втянулся въ него со всѣмъ отрядомъ, измучилъ переходомъ и людей, и лошадей и, не видя нигдѣ около себя враговъ, вообразилъ, что они разсѣялись при первомъ извѣстіи объ его приближеніи. Къ несчастью, около Бакунина, кромѣ Семенова, были все новички-офицеры, и никто разумнаго совѣта ему подать не могъ. Ночь провели на бивуакѣ въ ущельѣ, и, когда наступило утро 29-го сентября, бакунинскій отрядъ увидалъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ горцами, число которыхъ, только по приблизительному расчету, доходило до 15 тысячъ. Горцы стояли тихо, творя утренній намазъ; между ними были Шейхъ-Али, ханъ дербентскій, Сурхай-ханъ казикумыкскій, Магометъ-бекъ, старѣйшины Алпана, муллы, хаджи, и, когда русскіе узнали объ этомъ, они поняли, что спасенья имъ не будетъ и всему отряду придется лечь костьми.

Нѣкоторое время обѣ стороны стояли въ бездѣйствіи, но вотъ горцы кончили свой намазъ, и словно ожили неподвижно стоявшія дотолѣ ихъ толпы. „Алла“ — заунывно, какъ вой дикихъ звѣрей, пронеслось среди горъ, переливаясь на тысячи ладовъ. Еще мгновеніе—и десятки тысячъ шашекъ сверкнули на солнцѣ и черезъ мгновеніе, какъ лавина, только живая, горцы ринулись съ высотъ на обреченный на гибель отрядъ врага. Казалось, что ихъ собралось безъ числа. Изъ враговъ, съ утесовъ, съ горъ спускались все новыя и новыя толпы, оглашавшія воздухъ своимъ дикимъ ревомъ.

Горы заговорили. Все разомъ ожило и несло смерть къ горсти русскихъ людей...

— Братцы, — крикнулъ своимъ Семеновъ, — татары ружья побросали, въ рукопашную идутъ, все равно умирать; перекреститесь и встрѣтьте ихъ такъ, чтобы памятно имъ было это утро!..

— Умремъ, всѣ умремъ, отецъ нашъ, а не посрамимъ русской славы! — раздались крики.

А живыя волны катились все ближе и ближе. Было что-то ужасное, стихійное въ этомъ массовомъ движеніи сразу нѣсколькихъ тысячъ людей. Такъ катятся морскія валы, вздымаясь, пучась и поглощая все, что ни попадается имъ на пути. Нападающіе шли въ полномъ безмолвіи: слышны были только топотъ тысячъ ногъ да лязгъ холоднаго оружія. На разстояніи выстрѣла русскіе встрѣтили ихъ залпомъ и тоже смолкли; не было времени заряжать снова ружья. Слабо пыхнули въ общемъ хаосѣ звуковъ двѣ пушченки и тоже замолчали. Горцы навалились на отрядъ всей своей массой. При залпѣ первый рядъ ихъ словно скосило, но остальные не смутились и шли все впередъ, пока не наткнулись на русскіе штыки. Начался отчаянный рукопашный бой, схватились грудь съ грудью. Ружья превратились въ безполезныя палки, шашки горцевъ взвивались въ воздухѣ и, сверкнувъ на солнцѣ, со свистомъ опускались въ сѣрую массу. Кровь текла по ихъ лезвеямъ. Егеря безъ стона, безъ жалобъ падали одинъ за другимъ. Орудія были отбиты въ самомъ началѣ боя. Бакунинъ и Семеновъ пали въ первой-же схваткѣ.

Солнце поднималось все выше и выше. Первый пылъ боя уже прошелъ. Горцы, окончательно увѣренные въ своемъ успѣхѣ, дрались уже не съ прежнимъ остервенѣніемъ и ловко увертывались отъ ударовъ штыками, но гибель отряда, или, вѣрнѣе, жалкой кучки русскихъ солдатъ, все равно была неизбѣжною.

Теперь, когда исходъ боя былъ внѣ всякаго сомнѣнія, враги заботились уже о другомъ. Они старались брать въ плѣнъ живыми какъ можно болѣе русскихъ. Появились всадники. На всемъ скаку пролетая мимо жалкой горсти егерей, они выхватывали арканомъ то того, то другого изъ солдатъ. Напрасно казаки выскакивали вслѣдъ за ними. Смѣльчаковъ осыпали градомъ пуль, и для тѣхъ, кто попадалъ на аркань, уже не было надежды избавиться отъ поворнаго плѣна...

Чудо спасло русскую славу.

Совершенно случайно генералъ Булгаковъ выслалъ не для подкрѣпленія Бакунина, а для передвиженія къ главнымъ силамъ отряда, углицкій пѣхотный полкъ съ четырьмя орудіями.

Командовавшій угличанами полковникъ Стояновъ лишь только узналъ о томъ, что происходитъ въ горахъ, бѣгомъ повелъ своихъ солдатъ къ мѣсту бойни и подоспѣлъ, когда изъ бакунинскаго отряда оставалось всего нѣсколько десятковъ людей.

Горцы такъ были увлечены своимъ кровавымъ дѣломъ, что даже не замѣтили приближавшихся русскихъ. Они уже собирались кинуться въ послѣдній разъ на горсточку оставшихся въ живыхъ егерей и казаковъ, какъ вдругъ позади ихъ, словно громъ небесный, грянуло „ура“ и градъ картечи изъ четырехъ орудій брызнулъ въ самую ихъ гущу.

Неожиданность нападенія произвела эффектъ. Лишь только угличане со штыками наперевѣсъ кинулись съ могучимъ русскимъ кликомъ впередъ на врага, недавніе побѣдители, забывъ, что численностью они во много разъ превосходятъ и новыхъ своихъ противниковъ, ударились въ безпорядочное бѣгство. Паническій ужасъ овладѣлъ ими. Горцы, что рѣдко бываетъ съ ними, оставили даже на полѣ битвы своихъ убитыхъ и раненыхъ, въ числѣ которыхъ былъ и сынъ Сурхай-хана.

Русскіе герои отстояли свою славу. Не много сохранилось изъ бакунинскаго отряда въ живыхъ, но все-таки каждый изъ русскихъ до конца остался вѣренъ своему долгу: поле битвы не было уступлено врагу. Спасенные плакали отъ радости, но радовало ихъ болѣе всего то, что, какъ-бы то ни было, а побѣда все-таки осталась за ними.

Да и на хановъ, уже готовыхъ начать и даже начавшихъ наступленіе на русскихъ, которыхъ они считали совершенно отрѣзанными отъ Терека, гдѣ можно было-бы получить подкрѣпленіе, неожиданное пораженіе у Алпана подѣйствовало до нѣкоторой степени отрезвляюще. Они воочію убѣдились, что русскіе еще сильны и не пришло еще время разбивать ихъ силы даже по частямъ. Сейчасъ-же всѣ владѣльцы Дагестана круто измѣнили свою политику и даже самъ Сурхай-ханъ, главный виновникъ алпанской битвы, поспѣшилъ поклясться въ вѣрности Россіи.

Всѣ эти происшествія задержали Каспійскій корпусъ въ Шемахѣ порядочно долго, но дѣла потомъ пошли живѣе. Зубовъ выслалъ Корсакова къ Ганжѣ, которая и занята была русскими войсками; главныя-же силы въ это время подошли къ слiянію рѣкъ Куры и Аракса. Персія была передъ русскими. Война въ Закавказьѣ кончилась и начиналась уже персидская война — первая, если не считать малозначительныхъ походовъ въ пограничныя области Персіи при Петрѣ Великомъ и первыхъ его двухъ преемникахъ.

До сихъ поръ война была побѣдоносною. Въ короткое время были покорены и присоединены къ Россіи ханства: Казикумыкское, Дербентское, Бакинское, Кубинское, Ширванское, Карабахское, Шекинское, Ганжинское и весь берегъ Каспія отъ устья Терека до устья Куры. И далѣе русскихъ ждали побѣды. Персія была беззащитна; Ага-Магометъ былъ отвлеченъ отъ границъ внутренними дѣлами и бросилъ ихъ безъ прикрытія. Не встрѣчая сопротивленія, русскіе кавалерійскіе отряды перешли Куру и вошли въ Муганскую степь; русскіе отряды появились въ Гилянской провинціи. Адербейджанъ весь былъ открытъ дальнѣйшему наступленію; дорога въ Тегеранъ оставалась незащищенною...

Валеріанъ Зубовъ и въ самомъ дѣлѣ оказался увѣнчаннымъ лаврами побѣдителя... Императрица Екатерина, которую персы на своемъ образномъ языкѣ называли „Солнце-шапочной царицею“, назначила Зубова намѣстникомъ всего Кавказскаго края, предоставивъ ему въ отношеніи Персіи полную свободу дѣйствій... Но вдругъ все измѣнилось: 6-го ноября 1796 г. императрица Екатерина внезапно скончалась и вступившій на престолъ императоръ Павелъ круто измѣнилъ всю политику. Первымъ его дѣломъ было прекратить такъ удачно начатый и обѣщавшій полный успѣхъ персидскій походъ, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ ненавистныхъ ему, какъ человѣку, Зубовыхъ... Всѣ результаты похода, всѣ плоды побѣдъ сведены были къ нулю. Командиры полковъ, помимо своего главнокомандующаго, получили приказаніе немедленно возвращаться въ прежнія границы. Намѣстничество на Кавказѣ было передано только что получившему увольненіе Гудовичу. Сама судьба и на этотъ разъ спасла Персію, отдаливъ слишкомъ на шестьдесятъ лѣтъ фактическое присоединеніе всего Кавказскаго края къ Россіи...

Возвращеніе русскихъ назадъ — возвращеніе побѣди-

телей!—походило на поздѣйшее бѣгство французовъ изъ Россіи. Не было ничего приготовлено для поспѣшнаго отступленія. Оборванные, голодные, удрученные, возвращались безпорядочными толпами русскія войска. Горцы не преминули воспользоваться благопріятными обстоятельствами и нападали на возвращавшихся. Много погибло тутъ русскихъ людей, а на линіи ихъ ждалъ своенравный Гудовичъ, готовый подвести личные счеты съ тѣми, кого заподозрѣвалъ въ преданности Зубову. А самъ Валеріанъ Зубовъ, вернувшійся въ Россію, жилъ въ это время въ Курляндіи, отданный подъ присмотръ полиціи...

Такъ печально кончился первый персидскій побѣдоносный походъ...

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить его малозамѣтную, но весьма характерную черту: въ этомъ походѣ, въ качествѣ его участниковъ, выступили почти всѣ герои будущей Отечественной войны, и среди нихъ былъ будущій покоритель Кавказа Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

VIII.

Битва на Іорѣ.

Уходъ русскихъ изъ Закавказья прежде всего сулилъ новую бѣду несчастной Грузіи. Царь Ираклій умеръ, и престолъ Кахетіи и Карталиніи перешелъ къ его сыну отъ второго брака—Георгію, человѣку больному, слабому характеромъ. Въ царской семьѣ шли страшные раздоры. Вдова Ираклія, царица Дарья, стремилась къ тому, чтобы на престолѣ былъ ея старшій сынъ, Юлонъ. Здѣсь кстати сказать, что сыновья Ираклія отъ брака съ Дарьей отличались грубостью характера, дикой неукротимостью, полнымъ отсутствіемъ пониманія положенія. Таковы были царевичи Юлонъ и Парнаозъ, такими-же обѣщали быть малолѣтніе Багратъ и Теймуразъ. Царевичъ Александръ Иракліевичъ ясно склонялся на сторону персовъ и, тоже мечтая о престолѣ, въ то-же время мечталъ и о сліяніи съ Персіей. Нѣкоторое исключеніе составлялъ царевичъ Вахтангъ; онъ не былъ такъ дикъ и грубъ, какъ братья, но зато онъ былъ коваренъ и для него его личные интересы стояли неизмѣримо выше интересовъ его родины. Дарья заставила Ираклія раздѣлить царство на удѣлы между сыновьями и это по смерти его вызвало ужасные смуты. Ко всему этому нужно было прибавить, что жена царя Георгія XII Иракліевича, царица Марья, изъ рода Циціановыхъ (вторая его жена; первая—Кете-

вапь, изъ рода Моурава Андроникашвили—была обожаема всею страною), блистая красотою, особымъ умомъ не отличалась и вела борьбу съ мачихой и братьями мужа, помимо его самого. Несчастная страна гибла отъ внутреннихъ смутъ, а въ это время Ага-Магометъ, приписавшій внезапное отступленіе русскихъ „страху передъ персами“, снова двинулся съ огромными полчищами на Грузію, обѣщая на этотъ разъ обезлюдить всю ее... Грузію спасло только то, что Ага-Магометъ, вошедшій уже съ безчисленными ордами въ Карабахъ, былъ убитъ своими побѣжденными, а его преемникъ—Баба-ханъ—особенно воинственными наклонностями не отличался и отвелъ свои войска обратно.

Царь Георгій, обезсиленный неизлечимымъ недугомъ, видѣлъ полную невозможность управиться съ внутренними неурядицами и, страдая за участь Грузіи, обратился къ императору Павлу съ мольбами о помощи и о принятіи Грузіи въ вѣчное русское подданство. Мольбы умирающаго царя были услышаны и командовавшій въ то время Кавказскою линіей ген.-лейт. Кнорринг получилъ повелѣніе отправить въ Тифлисъ, для постояннаго пребыванія тамъ, 17-й егерскій, нынѣ лейбъ-эриванскій полкъ, подъ командой его шефа, генералъ-маіора Ивана Петровича Лазарева, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ назначенъ русскимъ полномочнымъ министромъ для Грузіи петербургскій чиновникъ статскій совѣтникъ Ковалепскій, по свойствамъ своего характера представлявшій прямую противоположность Лазареву.

Иванъ Петровичъ Лазаревъ, выдвинувшійся изъ простыхъ капраловъ личными храбростью и заслугами, былъ человѣкъ открытый, честный, суровый, но въ то-же время чрезвычайно правдивый. Ковалепскій былъ мелоченъ, лукавъ, недальновиденъ, и, какъ всѣ ограниченные люди, считалъ себя выше остальныхъ и воображалъ, что все, что онъ ни дѣлаетъ, дѣлаетъ хорошо. Вмѣсто того, чтобы идти въ новомъ дѣлѣ рука объ руку съ Лазаревымъ, онъ повелъ съ нимъ борьбу, причемъ повелъ ее исподтишка, путемъ интригъ, доносовъ, неосновательныхъ жалобъ, что, конечно, не могло вызвать особеннаго уваженія къ русскимъ среди грузинъ. Зная о Грузіи только то, что она лежитъ гдѣ-то тамъ за Кавказскими горами, Ковалепскій задумалъ стать въ ней первымъ лицомъ и, прикрываясь именемъ больного царя, управлять страною самовластно... Лазареву пришлось тратить время на борьбу,

тогда какъ кругомъ него все волновалось, все кипѣло, не довѣряя русскимъ и въ то-же время боясь ихъ...

Егеря вступили въ Тифлисъ 26-го ноября 1799 г. Черезъ нѣсколько дней послѣдовало торжественное объявленіе о томъ, что „Всероссійскій императоръ Павелъ Первый принимаетъ Грузію подъ свой Высочайшій покровъ и утверждаетъ царя Георгія законнымъ наслѣдникомъ грузинскаго царя, а старшаго его сына, царевича Давида Георгіевича, будущимъ по немъ наслѣдникомъ". Затѣмъ 12-го декабря происходило торжественное коронованіе Георгія, и съ этой поры Грузія фактически стала частью Россіи.

Актомъ присоединенія Грузіи въ составъ Россійской имперіи вошли Карталинія, Кахетія съ Самхетіей, дѣлившейся тогда на Тріолетскую и Борчалинскую провинціи, провинціи Бомбанская, Шамшадильская, земли осетинъ, тушинцевъ, пшавовъ и хевсуровъ. Такимъ путемъ Русь уже окончательно перевалила черезъ горный хребетъ въ Закавказье и теперь ей оставалось, упрочившись тамъ, распространять свое вліяніе между мелкими горскими народами, изъ которыхъ каждый, даже въ отдѣльности, представлялъ серьезнаго врага.

Признаніе со стороны русскаго правительства Георгія царемъ Грузіи, а престолонаслѣдія—за его потомствомъ лишило сыновей царицы Дарьи всякихъ надеждъ на будущее, и наиболѣе рѣшительный изъ нихъ, царевичъ Александръ, поспѣшилъ скрыться въ Персіи, гдѣ началъ подбивать шаха Баба-хана къ походу на Грузію. Георгій встревожился и снова обратился съ просьбами о помощи къ русскому правительству. Тогда въ Тифлисъ былъ присланъ кабардинскій полкъ, подъ командою генералъ-маіора Василія Семеновича Гулякова. Лазаревъ и Гуляковъ явились двумя честными силами, беззавѣтно послужившими Руси во вновь пріобрѣтенномъ краѣ и сложившими свои головы ради великаго дѣла служенія своей родинѣ.

У Грузіи въ это время явился врагъ, грозившій этой несчастной страны всевозможными бѣдами. Этотъ врагъ былъ Омаръ, ханъ аварскій, являвшійся, въ сущности господиномъ всего Лезгистана.

Омаръ-ханъ былъ человѣкъ предпріимчивый и смѣлый до дерзости. Аварія въ то время была центромъ Нагорнаго Дагестана и всѣ лезгинскія племена, такъ или иначе, находились или въ зависимости, или подъ вліяніемъ аварскаго хана. Омаръ-же, несмотря на несомнѣнный

природный умъ, нисколько не задумался надъ тѣмъ, что Грузія уже принадлежитъ Россіи, борьба съ которой для ничтожнаго народца была невозможна, и, собравъ лезгинъ, вошелъ въ предѣлы этой страны, предавая все на своемъ пути истребленію. Лезгинскія скопища шли прямо на Тифлисъ, и Лазаревъ съ Гуляковымъ быстро выступили имъ навстрѣчу. На пути къ русскому отряду, состоявшему изъ полковъ 17-го егерскаго и кабардинскаго, примкнула грузинская милиція, во главѣ которой были царевичи Багратъ и Іоаннъ. 5 ноября 1800 г. русскіе сблизились съ лезгинами до разстоянія въ шесть верстъ, но Омаръ ночью обошелъ русскихъ и направился на Тифлисъ. Приходилось спасать столицу, и Лазаревъ, совершивъ удивительное по своей быстротѣ движеніе, обогналъ лезгинъ и 7 ноября уже былъ впереди ихъ, преграждая имъ путь черезъ р. Іору вблизи кахетинской деревни Кагибетъ.

Омаръ-ханъ, очевидно, не ожидалъ русскихъ такъ скоро. Онъ своими лучшими дружинами занялъ лѣсную опушку, вдоль нея повсюду были разложены костры, а, по донесенію развѣдчиковъ, большая часть всадниковъ была отправлена ханомъ отыскивать въ окрестности провіантъ.

Тихо втянулся русскій отрядъ въ долину рѣки Іоры. По приказанію Лазарева, сейчасъ-же началось наступленіе двумя колоннами, за которыми слѣдовали грузины. На половинѣ пути стояла ветхая сторожевая башня. Прежде чѣмъ русскіе успѣли осмотрѣться, засѣвшій тамъ настороже лезгинъ выстрѣлилъ, и на правомъ берегу Іоры вдругъ все всполошилось.

Слишкомъ поздно былъ данъ сигналъ. Русскіе находились уже на такомъ разстояніи, что въ случаѣ, если-бы лезгины опять начали отступленіе, догнать ихъ не представляло-бы труда.

Впрочемъ, и Омаръ-ханъ понялъ, что отступленіе ни къ чему не поведетъ. Такъ или иначе, а битва была неизбѣжна. Смѣлость словно проснулась въ лезгинахъ; въ русскомъ отрядѣ ясно видно было, какъ непріятели стягиваются къ рѣкѣ, готовясь перейти черезъ нее и первыми ударить на наступавшихъ.

Наступило рѣшительное мгновеніе.

— Братцы! — громко воскликнулъ Лазаревъ, указывая на лезгинъ, — видите, вотъ враги! Мы ихъ не трогали, они-же своей дерзостью осмѣлились оскорблять славу русскаго имени! Покажите имъ, что всякую обиду русскіе

смываютъ кровью... Впередъ, братцы, не въ первый разъ вамъ побѣждать татаръ!

— Рады стараться, отецъ нашъ! — какъ раскаты грома, вырвался крикъ изъ сотенъ солдатскихъ грудей, — не бойся за насъ, мы постоимъ за русскую славу, покажемъ бритолобымъ себя!

Отрядъ быстро перестроился въ боевой порядокъ. Карре изъ лазаревскихъ егерей составило правый флангъ, гуляковцы стали на лѣвомъ, въ промежуткѣ между ними стали грузины, подъ командой царевичей Іоанна и Багратa.

Въ грозномъ молчаніи стоялъ весь этотъ отрядъ, ожидая уже переправившагося черезъ Іору на ея лѣвый берегъ врага.

Омаръ-ханъ, даже не дожидаясь, пока всѣ его дружины перейдутъ рѣку, съ одними только своими всадниками кинулся на правый флангъ русскихъ войскъ. Эта аттака была верхомъ дерзости. Въ первыя мгновенія казалось, что лезгины сомнутъ, раздавятъ русскую пѣхоту — такъ стремителенъ былъ ихъ натискъ.

Русскіе подпустили врага совсѣмъ близко къ себѣ.

Вдругъ, въ то самое время, когда неистово оравшіе горцы были всего въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ, раздалась ровная, спокойно и отчетливо произнесенная команда:

— Пли!..

Грянулъ ружейный залпъ и къ треску ружейныхъ выстрѣловъ присоединился громъ орудій. Пули и картечь свинцовымъ дождемъ брызнули по насѣдавшимъ... Раздались отчаянные крики, стоны, вопли, проклятія; у лезгинъ все перемѣшалось, перепуталось; люди сбились въ кучи; еще мгновеніе — и живая волна отхлынула...

Ей вслѣдъ грянулъ еще залпъ...

„Не малое число отъ сего пріема, — доносилъ послѣ боя Лазаревъ Кнорррингу, — начало лбами доставать земли и доискиваться въ оной мнимыхъ правъ, которыхъ Омаръ-ханъ былъ мнимымъ поборникомъ“...

Волнующіеся отъ вполнѣ понятнаго перваго напряженія солдаты готовы были кинуться на сбившагося въ одну общую массу врага. Только одна воинская дисциплина сдерживала егерей на своихъ мѣстахъ.

Генералъ Лазаревъ медленно выѣхалъ впередъ, осматривая расположеніе лезгинъ. Вдругъ онъ вздрогнулъ — лезгины неслись на грузинскую милицію.

„Покоренный Кавказъ“. „Родина“ 1904 г. 17
Дозволено цензурою. Спб. 9-го марта 1904 г. Тип. А. А. Каспари.

Съ дикимъ гиканьемъ кинулись они, обнаживъ шашки, на своихъ робкихъ враговъ. Ужъ здѣсь-то они были увѣрены, что ихъ нападеніе не пропадетъ даромъ. Картечь изъ двухъ орудій грузинскаго отряда не остановила ихъ. Начался рукопашный бой. Вдругъ крики ужаса раздались съ тыла. Сердарь Омаръ-хана (главный начальникъ), Искандеръ-бекъ, обойдя грузинъ, напалъ на самую слабую часть отряда царевичей. Здѣсь не было не только пушекъ, но даже и ружей. Грузины приняли непріятеля „въ палки“. Началась безобразная бойня. Несчастные не могли даже прибѣгнуть къ своему обычному въ такихъ случаяхъ пріему — къ бѣгству: лезгины окружили ихъ, но какъ разъ въ это время на нападавшихъ со штыками наперевѣсъ кинулись солдаты генерала Гулякова. Натискъ ихъ былъ бурно стремителенъ. Забывшіе совсѣмъ въ своемъ увлеченіи о русскихъ лезгины начали отступать.

Теперь они, дѣйствительно, попали въ ловушку. При отступленіи имъ никакъ нельзя было миновать лазаревскихъ егерей; аварцы попали подъ перекрестные выстрѣлы пѣхоты и артиллеріи.

„Побѣдоносное россійское „ура“, — рапортовалъ Лазаревъ объ этомъ сраженіи Кнорринту, — раздавалось по обоимъ крыламъ, и съ послѣдними выстрѣлами погибла непріятельская сила. Наконецъ, были принесены двѣ жирныя головы, одна — сердаря Омаръ-хана, другая — якобы Дженъ-Гутая, громада котораго представилась первая передъ лицомъ всѣхъ побѣдоносныхъ россійскихъ воиновъ. Казалось, она дышала варварскимъ свирѣпствомъ, а обширность и толстота ея доказывали, что она упитана была тукомъ злодѣяній и набита одною буйственностью“.

Наступившій вечеръ прекратилъ трехчасовой бой.

Бѣжавшихъ лезгинъ не преслѣдовали. Вся мѣстность въ долинѣ Іоры была покрыта то лѣсомъ, то колючимъ терновникомъ, то перерѣзана множествомъ овраговъ, и движеніе по ней въ темнотѣ было прямо невозможно. Лазаревъ отошелъ съ своимъ отрядомъ къ деревушкѣ Кагибету и здѣсь расположился на ночлегъ.

Настало утро и съ первыми-же лучами солнца открылась картина того страшнаго побоища, какое испытали наканунѣ лезгины. „Камыши, кустарники, рвы, — говоритъ историкъ, — были наполнены трупами, между которыми слышались стоны раненыхъ и умирающихъ. По всему полю солнечные лучи освѣщали траву, обагренную чело-

вѣческою кровью. Мѣстами кровь стояла на каменистой почвѣ лужами. За Іорой на мѣстѣ непріятельскаго становища были видны слѣды страшнаго смятенія и ужаса, охватившаго лезгинъ. Они побросали всѣ свои съѣстные припасы, такъ что во многихъ мѣстахъ найдены были ножи въ такомъ положеніи, которое можно себѣ представить при полуразрѣзанной пищѣ".

Потери лезгинъ простирались до 2.000 чел. убитыми и ранеными. Самъ Омаръ-ханъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ генералами, былъ тяжело раненъ пулей въ бедро. Потери русскаго отряда состояли изъ одного убитаго, одного раненаго и одного контуженнаго въ ногу офицера.

Битва на Іорѣ имѣла важныя послѣдствія. Омаръ-ханъ, тяжело раненый, вскорѣ умеръ „отъ досады" на пораженіе; вмѣстѣ съ тѣмъ, горцы воочію увидали, какого врага они имѣютъ передъ собой, и уже не осмѣливались вступать съ русскими въ открытую борьбу. Даже въ Петербургѣ поняли значеніе этой битвы. Императоръ Павелъ пожаловалъ за побѣду Лазареву и Гулякову, а также царевичамъ Баграту и Іоанну командорскіе кресты ордена св. Іоанна Іерусалимскаго; нижніе чины, участвовавшіе въ битвѣ, получили по рублю на человѣка. Въ русскихъ воиновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вселилась полная увѣренность въ своей непобѣдимости.

Лазаревъ и Гуляковъ, эриванскій (17-й егерскій) и кабардинскій полки стали, по словамъ историка кабардинскаго полка, „первыми камнями того фундамента, на которомъ построилась вся вѣковая слава геройской кавказской арміи"...

Мало того, битвой на Іорѣ началась та великая кавказская война, которая черезъ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ закончилась плѣненіемъ Шамиля. Къ описанію событій этой войны мы и переходимъ въ дальнѣйшихъ очеркахъ, а здѣсь, въ заключеніе, скажемъ лишь о концѣ самостоятельнаго существованія Грузіи.

Умиравшій царь Георгій, ясно понимая, что страшное междоусобіе между его наслѣдниками и его братьями разразится немедленно послѣ его смерти, съ одра болѣзни писалъ императору Павлу, „что Грузія, такъ или иначе, должна покончить свое самобытное политическое существованіе и что грузинскій народъ желаетъ вступить единожды и навсегда въ подданство Россійской

имперіи съ признаніемъ всероссійскаго императора за своего природнаго государя и самодержца".

Въ этомъ смыслѣ 18-го декабря 1800 г. былъ изданъ Высочайшій манифестъ и черезъ десять дней послѣ этого Георгій умеръ. Съ его смертью упразднился грузинскій престолъ и перестала царствовать династія Багратидовъ, а 16-го февраля 1801 г. Грузія окончательно и навсегда возсоединилась съ Россіей.

Въ первое время шли неурядицы, являвшіяся, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ того, что генералъ Кнорринтъ и министръ Коваленскій совершенно не понимали своего положенія въ новоприобрѣтенной странѣ. Кнорринтъ, напр., заставлялъ подъ угрозой штыковъ присягать добровольно присоединявшійся народъ на подданство государю, чѣмъ едва не вызвалъ на первыхъ-же порахъ всенароднаго бунта. Уѣхавъ на линію, онъ передалъ управленіе страной Коваленскому, а тотъ сталъ дѣйствовать такъ, что, по словамъ историка, „анархія и неурядицы въ Грузіи еще болѣе усилились". Всѣмъ этимъ пользовались горскіе народцы и жестоко грабили страну. Въ это время въ Тифлисъ былъ присланъ кавказскій гренадерскій полкъ, которымъ командовалъ ген.-м. Тучковъ, были выставлены военныя прикрытія на границахъ Карталиніи и въ Нижней Кахетіи, но нападенія горцевъ такъ участились, что русскія войска потеряли возможность оказывать имъ противодѣйствіе. Особенно дерзки были лезгины. Внутри страны оставшіеся безъ надеждъ на престолъ царевичи мутили народъ. Съ такимъ положеніемъ должно было покончить, во что-бы то ни стало, и вотъ осенью 1802 г. Кнорринтъ и Коваленскій были убраны съ Кавказа, а главнокомандующимъ въ Грузію Высочайше назначенъ былъ князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ.

Новая эпоха началась для Кавказскаго края, и лучшей характеристикой этой эпохи являются слѣдующія вдохновенныя строки незабвеннаго Пушкина:

Я воспою тотъ славный часъ
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующій Кавказъ
Поднялся нашъ орелъ двуглавый;
Когда на Терекѣ сѣдомъ
Впервые грянулъ битвы громъ
И грохотъ русскихъ барабановъ,
И въ сѣчи, съ дерзостнымъ челомъ
Явился пылкій Циціановъ...

ОЧЕРКЪ СЕДЬМОЙ.

Борцы за Кавказъ.

А. И. Красницкаго.

Все то минуло, остались
Лишь могилы въ полѣ, —
Тѣ высокія могилы,
Гдѣ ложитъ зарыто
Тѣло бѣлое казачье,
Саваномъ повито!

I.

Солнце Руси и его кавказскіе враги.

Въ самомъ началѣ XIX вѣка надъ Русью засіяло солнце, яркое животворное солнце... Была непогода, стоялъ душу щемящій сумракъ — и вдругъ разомъ, разсѣивая тучи, полились благодатные лучи... Все ожило, все зашевелилось, новыя птицы запѣли новыя пѣсни — хорошія пѣсни...

Двѣнадцатаго января 1801 г. на всероссійскій престолъ вступилъ юный императоръ Александръ Павловичъ — впослѣдствіи „Благословенный“, по единодушному признанію всѣхъ русскихъ людей.

Онъ-то и былъ яркимъ животворнымъ солнцемъ, вдругъ осіявшимъ всю Русь.

Много свѣта, много тепла обѣщало русскому народу начинавшееся царствованіе, къ тому-же и всемогущая и всевѣдающая судьба въ первые-же дни подарила юнаго императора великолѣпнымъ подаркомъ, новымъ царствомъ, Грузіей прекрасной...

Ну, ужъ и подарокъ! Хотя-бы его вовсе не было! Во сколько онъ денегъ да крови обошелся русскому народу,

что и самъ того не стоитъ... Грузія прекрасная! Была она когда-то прекрасной, а послѣ того, какъ похозяйничалъ тамъ Ага-Магометъ, отъ прекраснаго одни обломки да осколки остались, да и тѣ пришлось своею собственною кровью отстаивать... Персы и турки такъ и зарились на остатки когда-то дѣйствительно великаго царства, а тутъ еще съ одной стороны лезгины, съ другой — имеретинцы, впереди — чеченцы, кабарда да черкесы, а въ срединѣ — грузинскіе царевичи. Отъ всѣхъ отбивайся, всѣхъ укрощай; и диво-бы въ такое время, когда досугъ былъ, а то какъ разъ въ ту самую пору, когда сперва на Западѣ приходилось Европу отъ Наполеона спасать, потомъ собственными русскими боками за это „спасеніе“ съ тѣмъ-же Наполеономъ расчитываться и его изъ величія въ ничтожество приводить. Тутъ уже не до Грузіи да Имеретіи, не до Мингреліи и имъ подобныхъ, сколь-бы онѣ прекрасны ни были...

Пусть такъ, но противъ судьбы не пойдешь. Судьба триста лѣтъ толкала Грузію въ объятія Россіи, наконецъ, Грузія сама склонилась къ подножію русскаго престола, нельзя-же было не наклониться, чтобы поднять то, что само въ руки дается. А если ради этого пришлось „поучить“ русскимъ оружіемъ персюковъ, то такъ имъ и слѣдовало: сами виноваты — смирно не сидѣли, тоже съ Русью воевать вздумали; вотъ и поплатились... У Руси для нихъ нашлись прекрасные учителя: Циціановъ, Тормасовъ, Паулуччи, Котляревскій. Ихъ имена ярко сіяютъ на скрижаляхъ русской военной исторіи, столь-же ярко, какъ потомъ засіяли имена Ермолова, Паскевича, Муравьева-Карсскаго... Великія имена, славныя имена, память о нихъ должна бодрить, воскрешать духъ во всякія годины испытаній, ибо ослѣпительный блескъ славы предковъ, несомнѣнно, долженъ воспламенять и потомковъ...

А что касается борьбы, то развѣ безъ нея можно обойтись? Жизнь—борьба. Человѣкъ борется за существованіе, а, отвоевавъ себѣ право на него, продолжаетъ бороться за улучшеніе своего положенія. Сильные одолѣваютъ и живутъ въ свое удовольствіе, слабые погибаютъ или влачатъ жалкое существованіе. Такъ же и государство должно бороться и побѣждать, побѣдитель-же всегда пользуется плодами своихъ побѣдъ.

Присоединилась-бы Грузія къ Россіи, или нѣтъ, а для послѣдней борьба на Кавказѣ была неизбѣжна, — и борьба длительная, борьба, въ которой побѣды ничего не при-

носили, если, конечно, не считать славы. Борьбу на Кавказѣ и за Кавказъ можно сравнить съ какой-нибудь кропотливою работою, вышиваньемъ по канвѣ, напримѣръ. Сколько-бы ни вышито было красивѣйшихъ узоровъ, а работа все-таки будетъ кончена лишь тогда, когда будетъ расшито этими узорами все полотнище. На полудѣлѣ тутъ не остановишься, ибо даромъ пропадутъ всѣ исполненные труды, и только одинъ конецъ можетъ увѣнчать дѣло...

Много-много пришлось Руси „расшить узоровъ“, пока не было покончено ея дѣло и весь Кавказскій край на вѣчныя времена не сталъ ея достояніемъ...

Дѣйствительно, не совсѣмъ ко времени пришлась для Руси эта работа, но и то сказать, что послѣ, когда появились всякіе „европейскіе концерты“, врядъ-ли удалось-бы довести ее до такого конца, къ какому она была приведена Русью сорокъ лѣтъ тому назадъ. Было то время — „временемъ богатырей“. На екатерининскихъ походахъ развился воинскій духъ; Отечественная война укрѣпила въ русскомъ народѣ увѣренность въ своей непобѣдимости, а Кавказъ, съ его болѣе чѣмъ шестидесятилѣтнею борьбой, непрерывно поддерживалъ эту увѣренность. Съ далекой окраины чуть не ежедневно приходили въ русскія мѣста вѣсти о блестящихъ побѣдахъ. Какъ тутъ не укрѣпляться было сознанію собственнаго могущества, увѣренности въ талантахъ вождей, въ непобѣдимости плоти отъ плоти, кости отъ костей Россіи — великой русской арміи.

Таково нравственное значеніе кавказской войны.

На Кавказѣ люди пріучились любить Россію. Не говоря о русскихъ, а даже чужаки — попадавшіе на Кавказъ иностранцы — стремились умереть во славу Россіи. Кавказъ для Руси являлся отводнымъ клапаномъ, черезъ который сбывался весь избытокъ ея народныхъ силъ. Буйство и возмущеніе нетерпимы въ благоустроенномъ обществѣ, а, между тѣмъ, они заложены въ самой природѣ человѣка. Тѣ, у кого въ натурѣ ихъ было черезчуръ много, всегда могли сбыть избытокъ силъ подъ черкесскими пулями, чеченскими кинжалами, лезгинскими шашками. И уходили на Кавказъ всѣ буйные элементы, а въ нѣдрахъ Россіи оставались и трудились на пользу родины тѣ, кому по сердцу былъ мирный трудъ. А буяны и ушкуйники, порастрясши на Кавказѣ свою силушку, поустав, возвращались назадъ шелковыми и ни о чемъ,

кромѣ отраднаго покоя, не думали. Но они возвращались назадъ съ великою добычею — съ пламенной любовью къ родинѣ, за которую они и силы свои полагали, и жизнь жертвовали: вѣдь, всегда особенно дорогимъ становится намъ, людямъ, то, надъ чѣмъ мы потрудились, чему мы жертвы принесли, и, чѣмъ болѣе жертва, тѣмъ дороже кумиръ, которому она приносится...

Кумиръ-же русскихъ людей — Россія-мать; такъ было всегда, такъ и вѣчно будетъ...

А все-таки, какъ только была присоединена Грузія, пришлось сразу съ четырьмя и даже пятью врагами бороться.

Первымъ такимъ врагомъ явились персіане. Десять лѣтъ задавали имъ кровавые уроки русскіе богатыри, прежде чѣмъ могли образумить ихъ. Очень уже много народа было у „повелителя Ирана“ (еще-бы много не быть: у Фехтъ-Али-шаха—онъ-же Баба-ханъ,—племянника евнуха Али-Магомета, отъ тысячи женъ, одно только мужское потомство явилось въ 935 сыновей и внуковъ!), будь его поменьше — поскорѣе образумились-бы персюки...

Вторымъ врагомъ явились закубанскія горскія племена. Съ ними пришлось вести борьбу повседневную, мелкую, упорную, то оборонительную, то наступательную. Это не была война, а просто борьба, и борьба безъ ощутительныхъ результатовъ, ибо въ то время главною цѣлью русскихъ было обузданіе этихъ народцевъ, а не покореніе ихъ.

Затѣмъ Кабарда, Чечня, Лезгистанъ и Дагестанъ, бывшіе ареною такой-же борьбы, какъ и съ черкесами. Врага приходилось уничтожать, такъ какъ оставшіеся въ живыхъ враги о покорности не думали, пощады не просили и всегда были опасны, какъ опасенъ для дома огонь, тлѣющій около него.

Наконецъ, со стороны Чернаго моря постоянною угрозою являлись турки, а въ первые годы по присоединеніи Грузіи приходилось еще возиться съ то и дѣло возмущавшимися народцами и племенами, населявшими южные склоны Кавказа.

Итакъ, съ самаго начала девятнадцатаго столѣтія борьба или война изъ Предкавказья оказалась перенесенною въ Закавказье. Народъ тамъ былъ болѣе пылкаго темперамента, способный ко всевозможнымъ увлеченіямъ, готовый волноваться и проливать кровь въ своихъ ничѣмъ необуздываемыхъ порывахъ. Но русскіе люди всегда

славились своимъ умѣньемъ приспособляться къ обстоятельствамъ. Приспособились они и въ этой борьбѣ, тѣмъ болѣе, что на первыхъ порахъ судьба даровала русскимъ воинамъ такихъ вождей, какіе, именно, были надобны по условіямъ мѣстной борьбы.

II.

Грозный князь.

Наиболѣе блестящими изъ этихъ вождей въ началѣ кавказскихъ войнъ являются князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ и Петръ Степановичъ Котляревскій. Около нихъ ютятся dii minores (т. е., меньшіе боги) тогдашняго Кавказа: генералы Иванъ Петровичъ Лазаревъ, Василій Семеновичъ Гуляковъ, Петръ Даниловичъ Несвѣтаевъ, Ѳедоръ Филипповичъ Симановичъ, Григорій Ивановичъ Глазенапъ, Петръ Гавриловичъ Лихачевъ, Семенъ Андреевичъ Портнягинъ, Ѳедоръ Яковлевичъ Бурсакъ, Иванъ Петровичъ Дельпоццо. Ихъ имена навсегда остались въ исторіи. Они вписаны на ея скрижали рядомъ героическихъ подвиговъ, прославившихъ Россію и подготовившихъ почву къ покоренію Кавказа при безсмертномъ Ермоловѣ.

Существуетъ мнѣніе, что для того, чтобы быть полководцемъ, необходимо обладать пылкой фантазіей. Пожалуй, это и такъ. Суворовъ и Наполеонъ воображали свои побѣды, прежде чѣмъ совершали ихъ, а когда воображеніе создавало имъ планъ будущей битвы непремѣнно съ желаемымъ результатомъ, они только исполняли этотъ планъ; но такъ какъ ихъ противники не всегда были одарены фантазіей, то ихъ и ждалъ проигрышъ. Одаренъ былъ пылкой фантазіей и князь Циціановъ, сынъ ученаго и племянникъ литератора. Отъ отца—ученаго геодезиста—онъ какъ-бы унаслѣдовалъ способность къ точнымъ выводамъ изъ отдѣльныхъ наблюденій, умѣнье обобщать эти выводы въ нѣчто цѣлое и направлять ихъ въ желаемую сторону. Циціановъ происходилъ изъ древнѣйшаго грузинскаго рода, ставшаго княжескимъ еще при грузинской царицѣ Тамарѣ Великой, т. е., въ XII столѣтіи. Предки его были славными полководцами и не рѣдко роднились съ царскими домами. Двоюродная сестра князя Павла Дмитріевича, Марія Георгіевна, была послѣднею грузинскою царицею — супругою царя Георгія XII, но самъ онъ, несмотря на тѣсную кровную связь съ грузинскимъ народомъ, былъ

чисто русскимъ человѣкомъ, горячо любившимъ Русь, за которую онъ и сложилъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, свою голову.

Прадѣдъ князя Павла, князь Паати Евсѣевъ Цицiановъ (Цици-швили), выѣхалъ вмѣстѣ съ знаменитымъ царемъ Кахетiи и Карталиніи Вахтангомъ въ Россію. Это случилось въ 1725 г. и знатные выходцы не застали въ живыхъ великаго Петра, къ которому они направлялись. Вахтангъ умеръ въ Астрахани, а Цицiановъ со всѣмъ своимъ семействомъ принялъ русское подданство. Князь Павелъ и родился въ Москвѣ (8 сентября 1754 г.), и дѣтство прожилъ тамъ, записанный, по обычаю того времени, съ первыхъ дней своего существованія въ преображенскій полкъ. Впрочемъ, сравнительно съ другими, онъ по службѣ двигался медленно и былъ произведенъ въ полковники лишь тридцати двухъ лѣтъ отъ роду. Подъ его команду былъ отданъ с.-петербургскій гренадерскій полкъ и съ нимъ онъ такъ отличился въ турецкую войну подъ Хотинымъ (1788 г.), что самъ фельдмаршалъ Румянцевъ восхитился его энергіей. Отличилъ Цицiанова и Суворовъ, подъ начальствомъ котораго князь Павелъ былъ въ польской войнѣ 1794 г. Русскій чудо-вождь даже въ своихъ приказахъ предписывалъ „сражаться рѣшительно, какъ храбрый генералъ Цицiановъ“. (Князь Павелъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1793 г.) Когда въ 1796 г. императрица Екатерина II послала свои войска къ границамъ Персіи, князь Павелъ былъ назначенъ командиромъ всей иррегулярной конницы и послѣ взятія Дербента и присоединенія окрестныхъ ханствъ былъ первымъ комендантомъ Баку.

Какъ и всѣ, кто чѣмъ-либо выдавался при императрицѣ Екатеринѣ, Цицiановъ долженъ былъ уйти въ отставку при вступленіи на престолъ императора Павла и лишь при его преемникѣ, императорѣ Александрѣ I, онъ снова былъ призванъ на службу съ назначеніемъ главнокомандующимъ въ Грузіи.

Цицiановъ отличался острымъ умомъ, рѣдкой проницательностью и дальновидностью, хотя эти два послѣднія качества не сослужили ему службы въ послѣдній день его жизни. Князь Павелъ обладалъ желѣзною волею, но въ то-же время былъ нѣсколько суевѣренъ. Ради пользы русскаго дѣла въ Грузіи, онъ не задумался арестовать свою двоюродную сестру, царицу Марію, и выслать ее въ Воронежъ въ монастырь. О той настойчивости, съ

какой онъ велъ сраженія, сложились легенды, и не его вина была въ томъ, что ему не дали взять Эриванъ, какъ онъ взялъ Гянжу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Циціановъ прекрасно зналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и умѣлъ говорить съ кавказцами такимъ языкомъ, какой внушалъ къ нимъ величайшее почтеніе къ Россіи. Къ тому-же въ характерѣ Циціанова была сатирическая черточка, и, пользуясь ею, онъ умѣлъ придавать своимъ словамъ ѣдкость, порою дѣйствовавшую не хуже любого оружія. Его сатира на Потемкина „Бесѣда русскихъ солдатъ въ царствѣ мертвыхъ“ одно время шумѣла въ тогдашнемъ петербургскомъ высшемъ обществѣ, а горцамъ онъ писалъ воззванія въ родѣ нижеслѣдующаго: „Истреблю васъ всѣхъ съ лица земли, пойду съ пламенемъ и сожгу все, чего не займу войсками; землю вашей области покрою кровью вашей и она покраснѣетъ, но вы, какъ зайцы, уйдете въ ущелья и тамъ васъ достану и буде не отъ меча, то отъ стужи поколѣете“.

Такія многообѣщающія въ будущемъ обращенія дѣйствовали на горцевъ, которые прозвали Циціанова „грознымъ княземъ“. Да и подчиненные главнокомандующаго тоже быстро увѣрились въ его рѣшительность.

— Нашъ князь, — говорили въ войскахъ о Циціановѣ, — сдѣлавъ музыку изъ пуль и ядеръ, всякаго хана заставитъ по своей дудкѣ плясать!..

Но грозенъ былъ князь Павелъ только съ врагами. О своихъ офицерахъ и солдатахъ онъ заботился съ небывалой по тому времени нѣжностью. Онъ выхлопатывалъ пенсіи и вспомоществованія раненымъ и искалѣченнымъ и семьямъ убитыхъ въ сраженіяхъ, щедро награждалъ отличившихся, находилъ для всѣхъ доброе, ласковое слово и во время походовъ наравнѣ со всѣми дѣлилъ всѣ труды, лишенія и опасности. Но, проводя большую часть времени въ походахъ, князь Павелъ находилъ еще возможность заботиться и о благоустройствѣ довѣренной ему страны. Болѣе всего онъ въ этомъ отношеніи обращалъ вниманіе на развитіе просвѣщенія среди грузинъ. Онъ устраивалъ школы, гимназіи и, понимая, что Грузія слилась съ Русью уже навсегда, особенно старался, чтобы преподаваемое въ грузинскомъ народѣ просвѣщеніе было исключительно русскимъ: русскій языкъ при Циціановѣ былъ введенъ во всѣхъ школахъ, русскія книги старательно распространялись въ народѣ и т. д.

Таковъ былъ этотъ человѣкъ, этотъ полководецъ, ка-

кого дотолѣ еще не видалъ Кавказъ, таковъ былъ этотъ государственный дѣятель, весь ушедшій въ дорогое ему дѣло устройства родной страны...

III.

Чудо-вождь.

Нѣчто иное представлялъ собою Котляревскій. Котляревскій былъ блестящимъ метеоромъ, пронесшимся съ быстротою надъ Кавказомъ, или, вѣрнѣе, надъ сѣверомъ Персіи, осіявшимъ русскихъ чудо-богатырей своимъ ослѣпительно яркимъ свѣтомъ и, по волѣ судьбы, безслѣдно угаснувшимъ въ то время, когда впереди у него была молодая жизнь. Петръ Степановичъ не былъ великимъ стратегомъ, какъ Суворовъ или Наполеонъ, только потому, что сошелъ съ жизненной сцены слишкомъ молодымъ, но по своимъ личнымъ свойствамъ, по воздѣйствію на вопнскія массы это былъ дважды, трижды Скобелевъ, и то, что свершилъ онъ въ недолгіе годы своей боевой жизни, нынѣ представляется поистинѣ изумительнымъ, прямо чудеснымъ и врядъ-ли для кого достижимымъ... Прежде всего вотъ что о Котляревскомъ. Циціановъ былъ природный аристократъ, потомокъ полководцевъ и героевъ; свой талантъ онъ унаслѣдовалъ отъ долгаго ряда предковъ, да и, наконецъ, по самому положенію его семьи, князю Павлу было не трудно занять выдающееся мѣсто. Котляревскій былъ сынъ деревенскаго бѣдняка-священника (по нѣкоторымъ указаніямъ, даже дьячка). Онъ родился (7 іюня 1772 г.) въ селѣ Ольховатовкѣ Харьковской губерніи. На что онъ могъ-бы расчитывать при началѣ своей жизни? Самое большее — на то, чтобы пристроиться къ какому-нибудь сельскому причту, потомъ, въ наилучшемъ случаѣ, „попить“ въ какой-нибудь захолустной церковкѣ. Врядъ-ли у него могла-бы быть какая-нибудь иная жизненная дорога, и вдругъ про этого жалкаго, ничтожнаго поповича самъ великій Пушкинъ поетъ:

«Тебя я воспою, герой,
О, Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда-бъ ни мчался ты грозой,
Твой путь, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена!»

Но какъ-же могло случиться, что ничтожный поповичъ вдругъ попалъ „изъ грязи да въ князи“?

Судьба, случай, можетъ быть, предопредѣленіе свыше— вотъ что вывело его на путь славы. Генералъ въ двадцать девять лѣтъ отъ роду, герой Мигри, Ахалкалакъ,

Асландуза, Ленкорани, человѣкъ, къ которому впослѣдствіи ѣздили на поклонъ и за совѣтомъ кавказскіе намѣстники, дѣятель, котораго въ трудную кавказскую годину просилъ принять на себя бремя проконсульства надъ Кавказомъ такой гордый монархъ, какъ императоръ Николай Павловичъ,—Петръ Степановичъ Котляревскій былъ случайно замѣченъ въ домѣ своего отца поневолѣ пріютившимся тамъ въ снѣжную бурю кавказскимъ героемъ меньшей величины и славы — Ивапомъ Петровичемъ Лазаревымъ. Должно быть, отъ скуки (изъ-за бури Лазареву пришлось просидѣтьвъ Олыховатовкѣ около недѣли) Иванъ Петровичъ сталъ наблюдать за подросткомъ-поповичемъ и подмѣтилъ въ немъ черточки совсѣмъ не „духовнаго свойства“. Двѣнадцатилѣтній Петруша бредилъ войной, говорилъ о сраженіяхъ, а въ это время Россія уже была полна славою Суворова, тоже еще въ дни дѣтства бредившаго битвами, составлявшаго такія диспозиціи боевъ, какія были не по плечу и умудреннымъ опытомъ генераламъ. Вотъ эти-то „суворовскія черточки“ и подмѣтилъ Лазаревъ въ подросткѣ. Иванъ Петровичъ былъ добрый, честный, чуткій человѣкъ. Онъ смекнулъ, что этотъ поповичъ создапъ природой вовсе не для того, чтобы пѣть на клиросѣ да учить крѣпостныхъ мужиковъ христіанскому смиренію. Лазаревъ сумѣлъ уговорить о. Степана поручить ему сына. Уговоры подѣйствовали и на тринадцатомъ году Петръ отправился на Кавказъ. Лазаревъ не забылъ талантливаго юноши, устроилъ его въ четвертомъ батальонѣ кубинскаго корпуса, и Котляревскій четырнадцати лѣтъ отъ роду уже началъ свою боевую карьеру, принявъ „огневое крещеніе“ подъ стѣнами Дербента, куда привелъ русскія войска Валеріанъ Зубовъ. До двадцати лѣтъ Петръ Степановичъ тянулъ солдатскую лямку. Лазаревъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ, не оставлялъ его своимъ вниманіемъ, но и не потакалъ ему. Котляревскій послѣдовательно былъ произведенъ въ фурьеры, сержанты и лишь въ 1794 г. получилъ первый офицерскій чинъ. Его покровитель выхлопоталъ ему переводъ въ 17-ый егерскій (эриванскій) полкъ, шефомъ котораго онъ былъ, и взялъ его къ себѣ адъютантомъ. Вплоть до трагической кончины Лазарева не разлучался съ нимъ Котляревскій, а послѣ него отказался отъ лестнаго предложенія Цицianова, тоже замѣтившаго выдающіяся способности молодого офицера и предложившаго поступить къ

нему адъютантомъ. Чести быть при главнокомандующемъ Котляревскій предпочелъ строй и получилъ въ командованіе егерскую роту.

Съ Лазаревымъ Петръ Степановичъ совершилъ походъ въ Грузію; при Лазаревѣ онъ впервые заявилъ себя въ битвѣ съ лезгинами на Іорѣ (7-го ноября 1800 г.) и за этотъ бой получилъ сразу двѣ награды: чинъ штабсъ-капитана и крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Съ Циціановымъ онъ началъ совершать въ первую персидскую войну свои удивительные подвиги, былъ впервые израненъ, двадцати девяти лѣтъ отъ роду онъ былъ генераломъ русской арміи, тридцати—генералъ-лейтенантомъ, тридцати одного года — кавалеромъ ордена св. Георгія 2-го класса и... жалкимъ инвалидомъ.

Дорого заплатилъ судьбѣ Котляревскій за всѣ ея милости.

«Ты днесь покинулъ саблю мести,
Тебя не радуетъ война;
Скучая миромъ, въ лзвахъ чести
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину д машнихъ доловъ!»—

поетъ, обращаясь къ нему, Пушкинъ.

Тридцать девять лѣтъ тяжелыхъ страданій были расплатою за двѣнадцать лѣтъ блестящихъ успѣховъ. При штурмѣ Ленкорани у Котляревскаго были разбиты черепныя кости. Хирургія въ то время не стояла еще на такой высотѣ, какъ нынѣ. Изъ головы героя были вынуты сорокъ осколковъ костей, и хотя Петръ Степановичъ уцѣлѣлъ, но, каковы были его страданія, можно судить уже по тому, что онъ не былъ въ состояніи выносить ни малѣйшаго шума, свѣжимъ воздухомъ онъ могъ дышать только въ жаркіе лѣтніе дни, всякое движеніе приносило ему муку, — и такая жизнь длилась тридцать девять лѣтъ!

„Ура, Котляревскій! — восклицаетъ въ своей біографіи этого мученика дѣдъ другого русскаго героя, „бѣлаго генерала“, Иванъ Никитичъ Скобелевъ, — ты обратился въ драгоцѣнный мѣшокъ, въ которомъ хранятся въ щепу избитыя, безцѣнныя геройскія твои кости. Но ты жестокими муками своими продолжаешь еще служить государю съ пользою, являя собою достойный подражанія примѣръ самоотверженія воина и христіанина!“

Въ самомъ дѣлѣ, какая глубокая вѣра должна быть у человѣка, чтобы почти сорокъ лѣтъ сносить физическія мученія безъ всякой надежды на избавленіе отъ

пикъ! Какая громадная сила воли нужна для этого! Вѣдь, оборвать муки было такъ легко. Одинъ мигъ — и для героя наступилъ-бы вѣчный блаженный покой, но Котляревскій предпочелъ мученическую жизнь радостной смерти, памятуя, что всякая жизнь исходитъ отъ Бога и никто, кромѣ Него, не можетъ распоряжаться ею...

Обнаженный мозгъ Котляревскаго былъ здоровъ, живъ и работалъ. Герой слышалъ, зналъ, что тамъ, гдѣ такъ ярко сіяла его слава, явились новые люди, новые титаны войны. Онъ слышалъ объ ихъ подвигахъ, побѣдахъ, славѣ, и, вѣдь, онъ былъ человѣкъ! Что онъ долженъ былъ перечувствовать, когда Русь снова двинулась на Иранъ и снова солнце славы засіяло надъ русскими воинами, и его, побѣдоноснаго вождя, не было на поляхъ битвъ, уже прославленныхъ имъ... Что онъ долженъ былъ почувствовать, когда его, немощнаго, никуда негоднаго инвалида, императоръ Николай Павловичъ, произведя въ 1826 г. въ генералы-отъ-инфантеріи, просилъ принять командованіе войсками, отправлявшимися въ новый персидскій походъ!

„Увѣренъ, — писалъ Котляревскому императоръ, — что одного имени вашего достаточно, чтобы одушевить войска, вами предводительствуемыя, устрашить врага, вами пораженнаго и дерзающаго снова нарушить тотъ миръ, къ которому открыли вы первый путь вашими подвигами!“

Котляревскій заплакалъ, получивъ этотъ рескриптъ, но отказался отъ командованія...

Почти сорокъ лѣтъ своей мученической жизни Котляревскій провелъ въ селѣ Александровѣ, Бахмутскаго уѣзда. Здѣсь онъ построилъ церковь, священникомъ которой, по его просьбѣ, сталъ его старичекъ-отецъ. Въ 1838 г., по настоянію врачей, Петръ Степановичъ перебрался на южный берегъ Крыма подъ Ѳеодосію, гдѣ пріобрѣлъ себѣ мызу „Добрый пріютъ.“ Единственные люди, которые находились при немъ во всѣ годы его страданій, это были его двоюродная племянница и изувѣченный въ знаменитой Аоландузской битвѣ боевой товарищъ Котляревскаго маіоръ Шультенъ. Въ Александровѣ надъ обоими инвалидами прогремѣли громы Отечественной войны, потомъ парижскаго похода, потомъ второй персидской и первой освободительной турецкой войнъ; тамъ-же раздавалось эхо ермоловскаго покоренія Кавказа. Въ „Добрый пріютъ“ то и дѣло долетали отзвуки

кавказскихъ побѣдъ при безконечной борьбѣ преемниковъ Ермслова. Сюда къ герою-инвалиду пріѣзжалъ его боевой товарищъ, намѣстникъ Кавказа, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ; здѣсь-же въ 11 часовъ ночи на 22-е октября 1851 г. смерть прекратила мученія этого богатыря...

Удивителенъ Котляревскій. Онъ, дитя, бѣдняковъ, прожилъ жизнь только на свою пенсію; особыхъ достатковъ у него никогда не было, но съ какой трогательной заботливостью помнилъ онъ о своихъ боевыхъ товарищахъ. Изъ собственныхъ, неособенно обильныхъ средствъ, онъ удѣлялъ часть на постоянныя пенсіи бѣднякамъ-инвалидамъ; онъ до конца своей жизни выдавалъ пенсію доктору грузинскаго полка, заботамъ котораго подъ Ленкораньо онъ былъ обязанъ жизнью; наконецъ, чувствуя приближеніе смерти, Котляревскій задумалъ обвѣнчаться съ старушкой двоюродной племянницей, дабы пенсіей, слѣдуемой вдовѣ полнаго генерала, обезпечить ея дальнѣйшее существованіе. Смерть помѣшала ему, и онъ, уже умирая, со слезами твердилъ: „Боже мой, я умру неблагодарнымъ!“. Государь, узнавъ, о чемъ тосковалъ въ послѣдніе часы своей жизни Котляревскій, щедро обезпечилъ самоотверженную женщину, пожертвовавшую герою лучшими годами своей жизни...

На Кавказѣ память о Котляревскомъ была жива.

Вотъ приказъ кавказскаго намѣстника Муравьева, прочитанный въ войскахъ Кавказскаго корпуса, спустя сорокъ два года послѣ ленкоранскаго штурма.

„Среди васъ,—говорится въ приказѣ,—возросъ и прославился герой Котляревскій. Пусть имя его всегда будетъ въ памяти и сердцѣ вашемъ, какъ примѣръ всѣхъ военныхъ доблестей“.

Воинъ-христіанинъ, строгій къ себѣ, Котляревскій былъ строгъ и къ подчиненнымъ, уклонявшимся отъ исполненія своего дѣла. Онъ любилъ и сберегалъ солдата, самъ раздѣлялъ съ нимъ труды и лишенія, неразлучные съ военнымъ бытомъ. Онъ не пренебрегалъ строемъ, въ дисциплинѣ онъ видѣлъ залогъ нравственной силы, а потому и успѣха, и войско понимало и любило его, а съ именемъ Котляревскаго передапы потомству имена Ахалкалака, Асландуза и Ленкорани, гдѣ съ малыми силами поражалъ онъ массы враговъ.

„Благоговѣя передъ Котляревскимъ, — заканчиваетъ Муравьевъ о героѣ, — среди васъ, воины Кавказа, буду искать ему подобныхъ и найду ихъ!“

Вотъ справедливая оцѣнка, данная преемникомъ предшественнику.

Изъ позднѣйшихъ героевъ къ Котляревскому ближе всего подходитъ Скобелевъ, но „бѣлому генералу“ болѣе посчастливилось, чѣмъ Котляревскому, и въ жизни, и послѣ смерти. Скобелевъ—народный герой, хотя у Скобелева на счету всего только одна „третья Плевна“ да ахалтекинская экспедиція. Котляревскій — только кавказскій герой. О Котляревскомъ даже мало знаютъ въ Россіи; имя его нынѣ почти ничего не говоритъ русскому сердцу, а, между тѣмъ, этотъ „генералъ изъ поповичей“ своими подвигами куда повыше „бѣлаго генерала“, исключительное геройство котораго создано народной фантазіей, всегда созидающей для толпы ярко блестящіе кумиры. Котляревскій не сталъ такимъ народнымъ кумиромъ—слишкомъ мало талантовъ подарилъ XIX вѣку восемнадцатый, но имя его не должно быть забыто, и потому, въ заключеніе его краткой характеристики, скажемъ, вмѣстѣ съ поэтомъ:

О, Котляревскій! Вѣчной славой
Ты озарилъ кавказскій штыкъ!
Помянемъ путь его кровавый,
Его полковъ побѣдный кликъ!

Сдѣлавъ характеристику двухъ знаменитыхъ вождей русскихъ войскъ на Кавказѣ ,въ эпоху Александра I, перейдемъ теперь къ характеристикѣ ихъ соратниковъ.

IV.

Отцы-командиры.

Девятнадцатаго апрѣля 1803 г. генералъ Иванъ Петровичъ Лазаревъ, сопровождаемый полиціймейстеромъ Сургуновымъ и нѣсколькими офицерами, отправился въ царскій дворецъ Тифлиса. Наканунѣ тамъ, по приказанію князя Циціанова, была задержана его двоюродная сестра, вдовствовавшая послѣдняя царица Марья Георгіевна, съ сыномъ—царевичемъ Жабраиломъ, и дочерью—царевной Тамарью.

Хорошо зналъ князь Павелъ Дмитріевичъ своихъ земляковъ. Грузіи была нужна твердая власть, но власть единоличная. Отъ двухъ царей—Ираклія и Георгія—царевичи, поддерживаемые грузинскою знатью, терявшей при русскомъ правительствѣ свои привилегіи грабить и разорять народъ, всегда готовы были начать въ странѣ без-

конечную смуту. Пьяница Юлопъ, полудикарь Парнаозъ, лукавый хитрецъ Вахтангъ, не говоря уже объ ихъ малолѣтнихъ братьяхъ и о внукахъ царя Ираклія—всѣ добивались возстановленія престола грузинскихъ царей съ тѣмъ, конечно, чтобы занять его. Да къ этому еще слѣдовало прибавить неукротимаго царевича Александра Иракліевича, разжигавшаго горцевъ противъ русскихъ и открыто выступавшаго противъ послѣднихъ. Смуту въ Грузіи должно было пресѣчь въ самомъ ея зародышѣ, и энергичный Циціановъ не задумался убрать изъ Грузіи все царское семейство. Особенно непокорна была царица Марья. Она даже задумала бѣжать изъ Тифлиса, но Циціановъ приказалъ Лазареву арестовать свою сестру-царицу, а генералу Гучкову—взять царевичей. Гучковъ съ царевичами справился и уже увезъ ихъ въ Мцхетъ; Марія-же Георгіевна объявила себя больною и наотрѣзъ отказалась уѣхать изъ Тифлиса. Циціановъ подтвердилъ Лазареву свое приказаніе, и вотъ Иванъ Петровичъ шелъ исполнять рѣшительное повелѣніе своего главнокомандующаго.

Когда онъ явился во дворецъ, царица лежала въ своей спальнѣ. Она была одѣта и вовсе не казалась больною. Около постели царицы стояли ея дѣти—Жабраилъ и Тамарь. Съ первыхъ-же словъ Марія Георгіевна наотрѣзъ отказалась добровольно исполнить повелѣніе главнокомандующаго, и тогда Лазаревъ, объявивъ ей объ арестѣ, оставилъ при царицѣ для присмотра за арестованными офицера, а самъ отправился отдать необходимыя распоряженія. Однако, едва онъ вышелъ изъ покоя царицы, какъ до него донеслись шумъ борьбы, крики и лязгъ холоднаго оружія. Лазаревъ поспѣшилъ вернуться и увидалъ, что царевичъ и царевна съ кинжалами въ рукахъ нападаютъ на оставленнаго имъ офицера. Тотъ, не осмѣливаясь поднять на царскихъ дѣтей оружіе, оборонялся, какъ могъ, голыми руками.

— Ваше высочество! уймите ихъ, иначе я позову солдатъ!—кинулся къ царицѣ Лазаревъ, но та вдругъ приподнялась на своей постели.

— Такъ, дѣти, такъ!—завопила она—и въ то-же мгновеніе отчаянный вопль заглушилъ крики боровшихся.

Лазаревъ шатающейся походкой кинулся къ дверямъ покоя; лѣвый бокъ его былъ весь залитъ кровью. На порогѣ генералъ зашатался и тяжело, со стономъ, рухнулъ на полъ и забился въ предсмертныхъ конвульсіяхъ!..

Въ тотъ самый моментъ, когда онъ подошелъ къ кровати, царица Марья ударила его въ бокъ кинжаломъ.

Рана оказалась смертельною—Лазаревъ умеръ, прежде чѣмъ успѣли оказать ему помощь...

Во дворцѣ начался страшный переполохъ. Марья, Тамарь и Жабраилъ съ кинжалами въ рукахъ готовились оказать сопротивленіе каждому, кто рѣшился-бы къ нимъ подступиться. Нужно было ихъ взять, а чтобы взять—необходимо было обезоружить ихъ. Никто не рѣшался подступиться. Конечно, не боялись раны или смерти, но брать приходилось „деликатно“—вѣдь, Марья Георгіевна была не только царицей, но двоюродной сестрой главнокомандующаго, а кавказскіе воины на деликатность не чувствовали себя способными.

Однако, нужно было что-нибудь предпринимать. Полиціймейстеръ Сургуновъ рѣшился. Онъ, запутавъ руку въ папаху, кинулся на царицу. Царевна Тамарь взметнула было кинжаломъ, но Сургуновъ отбилъ ударъ папахой, и, промахнувшись, царевна вмѣсто него ранила свою мать. Этимъ моментомъ воспользовались, и обѣ женщины вмѣстѣ съ юношей Жабраиломъ были схвачены.

Циціановъ не пощадилъ преступной сестры. Онъ приказалъ генералу Тучкову препроводить Марью Георгіевну съ дѣтьми въ Россію, не какъ особъ царскаго дома, а какъ простыхъ преступниковъ *)...

Но какъ-бы справедливо ни было это возмездіе, а Иванъ Петровичъ Лазаревъ, одинъ изъ выдающихся кавказскихъ генераловъ того времени, все-таки былъ мертвъ **)...

Однако, „война родитъ героевъ“...

Еще въ битвѣ на Іорѣ выдѣлилося своею храбростью шефъ кабардинскаго полка, генералъ-маіоръ Василій Семеновичъ Гуляковъ, и Лазаревъ считалъ его однимъ изъ главныхъ виновниковъ побѣдъ надъ Омаръ-ханомъ аварскимъ.

„Геройскіе поступки его,—доносилъ Лазаревъ главно-

---

*) Послѣ высылки изъ Грузіи царица Марья семь лѣтъ провела въ воронежскомъ Бѣлогородскомъ монастырѣ, затѣмъ была отпущена въ Москву, гдѣ и умерла въ 1850 г., на 81-омъ году жизни. Послѣ смерти прахъ ея былъ перевезенъ въ Грузію и преданъ землѣ въ мцхетскомъ соборѣ.

**) И. П. Лазаревъ погребенъ въ Тифлисѣ въ Сіонскомъ соборѣ.

командующему Кноррингу, — и неустрашимость превосходятъ всякое засвидѣтельствованіе. Скажу только, что онъ во время сраженія (Гуляковъ въ бою на Іорѣ командовалъ правымъ крыломъ) находился всегда впереди карре, служа во всемъ примѣромъ для своихъ подчиненныхъ, которые единодушно воздаютъ ему справедливую признательность и выказываютъ къ нему непреоборимую въ подобныхъ случаяхъ довѣренность".

Гуляковъ, по происхожденію, былъ небогатый дворянинъ-калужанинъ и на Кавказъ явился уже съ солиднымъ боевымъ прошлымъ. Онъ началъ военную службу рядовымъ въ 1768 г. и участвовалъ въ турецкихъ, польской и шведской войнахъ. Въ послѣдней войнѣ Василій Семеновичъ былъ раненъ и по выздоровленіи получилъ генеральскій чинъ, съ назначеніемъ шефомъ кабардинскаго полка. Сперва онъ оставался съ полкомъ въ Георгіевскѣ, затѣмъ былъ передвинутъ въ Тифлисъ, куда его кабардинскій полкъ вступилъ 23 сентября 1800 г. Послѣ побѣды на Іорѣ кабардинскій полкъ занялъ Телавъ и Сигнахъ. Когда, послѣ смерти царя Георгія, его братъ, Юлонъ, былъ провозглашенъ царемъ Кахетіи, Гуляковъ такъ рѣшительно воспрепятствовалъ упроченію Юлона на престолѣ, что царевичъ и его приверженцы сами отказались отъ своихъ плановъ и, что было наиболѣе замѣчательно въ этомъ случаѣ, такъ это то, что Гуляковъ ухитрился подавить начавшуюся смуту безъ всякаго кровопролитія...

При Циціановѣ на долю Гулякова достались лезгины, которыхъ ему удалось покорить и отъ руки которыхъ онъ послѣ палъ на полѣ битвы.

При Циціановѣ борьба въ Закавказьѣ распадается на двѣ стороны: борьбу съ Персіей и борьбу съ царевичами, сыновьями Ираклія. Кромѣ неукротимаго Александра, въ горы успѣли бѣжать еще царевичи Парнаозъ и старшій Юлонъ, „неудавшійся" царь Кахетіи. Они-то и вызывали волненія среди горскихъ народовъ и племенъ. Гулякову пришлось бороться и погибнуть въ борьбѣ съ царевичемъ Александромъ.

Съ Александромъ-же и его братьями выпало на долю бороться генераламъ Петру Даниловичу Несвѣтаеву и Ѳедору Филипповичу Симаповичу.

Первый изъ нихъ былъ мелкопомѣстный ярославскій дворянинъ, начавшій службу въ лейбъ-гв. измайловскомъ полку рядовымъ (въ 1778 г.). Покровителей у него не было,

ему пришлось тянуть сперва солдатскую лямку, а потомъ офицерскую слишкомъ четверть вѣка. Онъ участвовалъ въ финляндской кампаніи, потомъ въ польской войнѣ 1794 г. Здѣсь Несвѣтаеву пришлось служить подъ начальствомъ Циціанова, который замѣтилъ молодого офицера и помогъ ему выдвинуться. При императорѣ Павлѣ Несвѣтаеву повезло. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ повысился изъ маіоровъ до генералъ-маіора и былъ назначенъ шефомъ саратовскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ простоялъ въ Рязани до 1804 г. Въ этомъ году саратовскій полкъ былъ назначенъ въ составъ арміи, дѣйствовавшей противъ персовъ, но Несвѣтаеву не удалось принять участіе въ походѣ. Полкъ пошелъ за Кавказъ, а его шефъ застрялъ на линіи, гдѣ его задержали служебныя дѣла. Пока Несвѣтаевъ кончалъ съ этими дѣлами, изъ-за грузинскихъ царевичей вспыхнуло возстаніе осетинъ, и генералъ долженъ былъ остаться во Владикавказѣ. Однако, онъ не бездѣйствовалъ, а принималъ столь дѣятельное участіе въ прекращеніи возстанія, что, по представленію Циціанова, государь пожаловалъ ему орденъ св. Владиміра 3-ей степени, даже минуя четвертую, которой у Несвѣтаева не было. Впрочемъ, послѣ этого Петръ Даниловичъ успѣлъ отличиться и въ войнѣ съ персами, а потомъ въ войнѣ съ турками, во время которой взять Карсъ помѣшало ему полученное отъ главнокомандовавшаго тогда Гудовича приказаніе ничего не предпринимать противъ этой крѣпости.

Несвѣтаевъ представляетъ собой типъ генерала, какихъ въ то время было и на Кавказѣ не много. Прежде всего это былъ человѣкъ непомѣрной доброты. Онъ велъ спартанскій образъ жизни, ѣлъ солдатскую пищу, былъ доволенъ самой убогой обстановкой жилья и все, что оставалось у него отъ генеральскаго жалованья, отдавалъ солдатамъ и „въ долгъ“ своимъ бѣднѣйшимъ офицерамъ. Но эти „долги“ были особенные. Хотя Несвѣтаевъ аккуратно записывалъ ихъ въ особую книгу, но никогда не требовалъ возврата. Даже эти записи являлись съ его стороны деликатностью: записывая долгъ, Петръ Даниловичъ не хотѣлъ смутить бѣдняковъ мыслью о томъ, что онъ дастъ имъ подачку. Если кто-либо изъ должниковъ-офицеровъ уходилъ изъ полка, генералъ цѣловалъ его и, открывая долговую книгу, вычеркивалъ фамилію должника, говоря:

— Христосъ, братъ, съ тобой! Прощай, братъ, не поминай насъ, братъ, лихомъ, а мы съ тобой, братъ, совсѣмъ квиты.

При такомъ добродушіи Несвѣтаевъ былъ человѣкъ глубокой искренней религіозности. Передъ выступленіемъ въ походъ, все равно куда-бы то ни было, его ротные командиры были обязаны читать передъ фронтомъ молитву Господню, „Живый въ помощи Вышняго“ и „Да воскреснетъ Богъ“. И офицеровъ, и солдатъ Несвѣтаевъ снабжалъ ладонками, въ которыхъ былъ зашитъ собственноручно написанный имъ вышеупомянутый любимый его псаломъ „Живый въ помощи Вышняго“. Передъ сраженіемъ онъ нерѣдко обходилъ ряды, крестя готовившихся къ бою солдатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Петръ Даниловичъ обладалъ хотя и грубоватымъ, но бодрящимъ юморомъ. Передъ однимъ сраженіемъ съ лезгинами онъ попросилъ у Циціанова подкрѣпленія... въ видѣ рома къ чаю и, когда понявшій эту выходку главнокомандующій прислалъ ему шесть бутылокъ этого напитка, Несвѣтаевъ объявилъ офицерамъ, что „подкрѣпленіе пришло“, и такъ одушевилъ ихъ, что очень серьезное сраженіе было выиграно легко и безъ особенныхъ потерь. Умеръ Несвѣтаевъ въ разгаръ турецкой войны, 17-го іюня 1808 г., отъ желтой горячки. На Кавказѣ онъ носилъ прозвище „горскаго генерала“ и память о немъ надолго оставалась среди осетинъ и лезгинъ.

Ѳедоръ Филипповичъ Симановичъ былъ сербъ, по происхожденію, и въ ранней молодости служилъ въ австрійской арміи. Въ Россіи вся его боевая дѣятельность протекла на Кавказѣ, гдѣ онъ пятнадцать лѣтъ подрядъ громилъ лезгинъ, осетинъ, хевсуровъ, пшавовъ, совершая при этомъ такіе переходы черезъ горы, что даже тѣ, кто былъ въ альпійскомъ походѣ великаго Суворова, прямо сознавались, что Альпы давались имъ легче, чѣмъ Кавказъ. Симановичъ съ своими богатырями появлялся въ такихъ недоступныхъ мѣстахъ, куда даже горцы не всегда осмѣливались заходить, и имъ, по словамъ историка, „въ первый разъ побѣждены были народы, которые никогда побѣждаемы не были“...

„Какъ великъ былъ страхъ, наведенный на горцевъ Симановичемъ, — говоритъ Зиссерманъ, — можно судить по тому, что, тридцать лѣтъ спустя, не изгладилось еще впечатлѣніе его побѣдъ. Приходилось въ разговорѣ съ старикáми хевсурами и пшавами замѣчать, съ какимъ ужасомъ они вспоминали объ участи, постигшей тогда ихъ села“...

Но не однихъ горцевъ устрашалъ этотъ генералъ:

онъ былъ грозою имеретинъ, мингрельцевъ, и тѣ надолго сохранили о немъ приводившія ихъ въ трепетъ воспоминанія...

Умеръ Симановичъ 2-го ноября 1815 г. — скоропостижно, во время занятій дѣлами за столомъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

Несвѣтаевъ и Симановичъ принадлежатъ Закавказью; на ряду съ ними необходимо поставить виднаго героя первой персидской войны — „храбрѣйшаго изъ храбрыхъ“, по отзывамъ Цицianова, генералъ-маіора Семена Андреевича Портнягина.

V.

„Храбрѣйшій изъ храбрыхъ“.

Портнягинъ, какъ и его предшественники, началъ военную службу рядовымъ—во владимірскомъ пѣхотномъ полку. По производствѣ въ первый офицерскій чинъ онъ перешелъ въ сумскій гусарскій полкъ и въ его рядахъ участвовалъ въ войнѣ противъ польской конфедераціи. Затѣмъ онъ отличился въ турецкую войну подъ Очаковымъ, а въ суворовскомъ штурмѣ Измаила велъ на стѣны непрпступной крѣпости отдѣльную колонну и заслужилъ за взятіе баттареи похвалу великаго русскаго чудо-вождя. Послѣ турецкой войны онъ участвовалъ въ третьей польской войнѣ и потомъ успѣлъ заслужить вниманіе императора Павла, который въ теченіе трехъ лѣтъ повысилъ его изъ маіоровъ до чина генералъ-маіора п назначилъ шефомъ нарвскихъ драгунъ, стоявшихъ на Кавказской линіи.

Портнягинъ показалъ себя замѣчательнымъ командиромъ. Нарвскій полкъ по своимъ боевымъ качествамъ высоко стоялъ среди всѣхъ кавказскихъ кавалерійскихъ полковъ, новый-же командиръ сумѣлъ такъ поставить его, что онъ и съ внѣшней стороны не оставлялъ желать ничего лучшаго. Въ бояхъ съ персами, турками и черкесами Семенъ Андреевичъ выказалъ себя храбрецомъ, вызывавшимъ удивленіе даже среди кавказцевъ, которыхъ трудно было удивить геройствомъ, но, когда ему прп возвращеніи на линію пришлось вступить въ борьбу съ подлой клеветой и канцелярскими извѣтами, онъ пропалъ— слишкомъ былъ честенъ этотъ храбрецъ. Онъ командовалъ Терской линіей и, въ качествѣ командира, отрѣшилъ отъ должности одного презрѣннаго труса, опозорившаго славу кавказскаго оружія сдачей своего отряда горцамъ.

Въ то время главнокомандующимъ былъ Ртищевъ, человѣкъ неглубокаго ума, малой проницательности, хотя безусловно честный. Между тѣмъ, еще до случая съ трусомъ у Портнягина шла ожесточенная война съ гражданскими канцеляріями. Канцеляристы ставили Портнягину всякія препятствія въ его начинаніяхъ къ упорядоченію линейскихъ дѣлъ. Наприм., было обыкновеніе, которое велось еще съ временъ Кнорринга: давать денежныя подачки горскимъ князьямъ и старѣйшинамъ съ тѣмъ, чтобы они удерживали своихъ подвластныхъ отъ набѣговъ. Горцы брали эти подачки вовсе не какъ милостыню, а какъ дань, и твердо были увѣрены, что Россія платитъ эту дань только потому, что боится ихъ. Портнягинъ, да и не одинъ онъ, тщетно боролся противъ такого порядка вещей, но борьба кончилась тѣмъ, что изъ-за случая съ презрѣннымъ трусомъ этотъ честный солдатъ подпалъ подъ слѣдствіе. Слѣдствіе велъ владикавказскій комендантъ, геп.-м. Дельпоццо, отлично знавшій, по словамъ историка, „всѣ тѣ тайныя пружины, которыя двигали всею этой исторіей“, но совершенно умолчавшій о нихъ въ донесеніи главнокомандующему. Онъ даже вполнѣ оправдалъ поступокъ труса, заявляя, „что самое благоразуміе побуждало его исполнить такъ, какъ это было имъ сдѣлано“. Потомъ Дельпоццо раскопалъ исторію съ удаленіемъ отъ должности ногайскаго пристава Менгли-Гирея, который якобы одинъ держалъ въ повиновеніи ногайцевъ, и кончилось все это тѣмъ, что Портнягинъ былъ преданъ военному суду и отрѣшенъ отъ должности начальника линіи, командиромъ которой, немного времени спустя, сталъ генералъ-маіоръ Дельпоццо.

Впослѣдствіи „проконсулъ Кавказа“ Ермоловъ совсѣмъ по-иному расправился съ другимъ трусомъ...

Къ счастью, канцеляріямъ не удалось совсѣмъ съѣсть честнаго солдата. На Кавказъ явился честный и притомъ всемогущій вождь — Ермоловъ, который призвалъ Портнягина къ дѣлу, и Семенъ Андреевичъ, умершій въ 1827 году, въ послѣднія пять лѣтъ своей жизни былъ командиромъ (окружнымъ генераломъ) восьмого округа внутренней стражи и съ честью закончилъ свою жизнь на службѣ отечеству.

При упоминаніи о Портнягинѣ невольно вспоминается одинъ чрезвычайно таинственный и оставшійся неяснымъ эпизодъ, происшедшій какъ разъ въ то время, когда линіей командовалъ Семенъ Андреевичъ.

Въ Георгіевскѣ, тогдашнемъ центрѣ военно-административнаго управленія краемъ, явился конногвардейскій поручикъ Соковнинъ, флигель-адъютантъ императора Александра Павловича. Соковнинъ представилъ Портнягину Высочайшее предписаніе сформировать полкъ изъ черкесскихъ всадниковъ и отправить его въ дѣйствующую армію. Былъ какъ разъ 1812-й годъ; ожидалась война съ французами, и Портнягинъ съ величайшей энергіей принялся за дѣло. Кабардинскіе князья тоже горячо приняли его къ сердцу. Быстро собирались уздени, дворяне, іорки, явились и закубанскіе черкесы. Всѣ приходили съ своими конями, оружіемъ и даже продовольствіемъ на первое время. Выросъ не полкъ, а цѣлый отрядъ въ нѣсколько тысячъ превосходныхъ всадниковъ, удалыхъ бойцовъ, для которыхъ битвы и сраженія были природнымъ дѣломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти нѣсколько тысячъ воиновъ являлись лучшими заложниками вѣрности кавказскихъ горцевъ Россіи, лучшими уже потому, что они являлись добровольцами, но — увы! — это прекрасное дѣло рушилось въ прахъ. Соковнинъ оказался вовсе не Соковниным и вовсе не государевымъ флигель-адъютантомъ, а состоявшимъ при донскомъ атаманѣ Платовѣ корнетомъ Медоксомъ, сыномъ проживавшаго въ Москвѣ англичанина. Онъ былъ симпатиченъ, по внѣшности, превосходно образованъ, говорилъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ, зналъ нѣкоторыя кавказскія и сибирскія нарѣчія, держалъ себя непринужденно, но никто не посылалъ его собирать кавказское ополченіе и всѣ представленныя имъ бумаги, даже Высочайшее предписаніе, оказались съ подложными подписями. Медоксъ даже ухитрился получать отвѣты „изъ Петербурга“, — на самомъ дѣлѣ, эти отвѣты фабриковались въ одной близкой къ Георгіевску станицѣ, гдѣ у авантюриста былъ сообщникъ и откуда отвѣты посылались подъ видомъ „петербургскихъ“. Подписи поддѣлывалъ самъ Медоксъ, обладавшій удивительнымъ талантомъ подражать почеркамъ. Конечно, Медокса арестовали и отправили въ Петербургъ. Началось формальное строжайшее слѣдствіе...

Что-же оказалось?

Медоксъ дѣйствовалъ при сборѣ ополченія съ идеальнымъ безкорыстіемъ. Онъ не присвоилъ себѣ ни одного гроша казенныхъ денегъ (кстати сказать, самозванство Медокса было раскрыто чиновникомъ георгіевской казенной палаты), на каждую выдачу у него имѣлся оффи-

ціально засвидѣтельствованный оправдательный документъ. Мало того, этотъ человѣкъ ухлопалъ на сборъ горскаго ополченія единственныя три тысячи рублей, доставшіяся ему по наслѣдству отъ отца.

Но чего-же онъ добивался?

— Я хотѣлъ услужить отечеству въ смутныя времена,— сказалъ онъ Портнягину, — и если нарушалъ законъ, то ничего не дѣлалъ противъ своей совѣсти. У меня не было никакихъ своекорыстныхъ цѣлей: вы сами видѣли, кому и когда я выдавалъ деньги. Наконецъ, меня легко провѣрить. Черкесы готовы къ походу, и я совѣтовалъ-бы не распускать ихъ.

Такъ говорилъ этотъ загадочный человѣкъ при арестѣ. Былъ-ли онъ искренекъ? Кто можетъ знать: тайна осталась неосвященною. Развѣ одинъ только государь Александръ Павловичъ зналъ истину — онъ-же, отмѣнивъ приговоръ суда, строжайшій и по тому вовее не сантиментальному времени, просто выслалъ Медокса на житье въ Иркутскъ, гдѣ этотъ человѣкъ пользовался полною свободою и былъ принимаемъ во всѣхъ домахъ. Въ царствованіе императора Николая Павловича онъ былъ возвращенъ въ Россію, жилъ въ Петербургѣ и умеръ лишь въ 1859 году.

Пишущему эти строки приходилось говорить съ людьми, лично знавшими Медокса, и отзывы о немъ были самые хорошіе. Медоксъ представлялся безукоризненно честнымъ, въ высшей степени симпатичнымъ человѣкомъ, правда, энтузіастомъ, но всегда сдержаннымъ въ своихъ порывахъ. Онъ очень любилъ разсказывать о Кавказѣ, однако, такъ и умеръ, ни слова не сказавъ, какія причины толкнули его на преступную по внѣшности, но благородную по сущности авантюру.

Происшествіе съ Медоксомъ не прошло даромъ для кавказскихъ дѣятелей. Кавказскому начальству былъ объявленъ выговоръ; горское ополченіе, уже готовое къ походу, разогнано; потраченныя на сборъ его деньги взысканы съ одного изъ второстепенныхъ начальниковъ.

Припутанъ былъ къ этому дѣлу и Портнягинъ и даже попесъ, хотя и небольшую, матеріальную отвѣтственность за продѣлку Медокса...

Былъ на линіи и другой генералъ, съѣденный до косточекъ канцелярщиной.

Это былъ старый соратникъ Гудовича, герой Анапы, генералъ-отъ-инфантеріи Сергѣй Алексѣевичъ Булга-

ковъ, кавказецъ „до мозга костей“. Онъ не принадлежитъ къ цицiановскому времени, потому что находился въ отставкѣ въ тѣ годы, когда начальствовалъ въ Грузiи князь Павелъ, но онъ явился какъ-бы мстителемъ за его смерть. Булгакова послали расчитаться съ бакинскимъ ханомъ за смерть главнокомандующаго, и онъ расчитался тѣмъ, что взялъ и присоединилъ Баку къ русскимъ владѣнiямъ (3 сентября 1806 г.). Не довольствуясь этимъ, онъ присоединилъ къ Россiи Дербентъ и Кубу, усмирилъ казикумыковъ, потомъ разгромилъ Чечню, привелъ къ покорности обѣ Кабарды, но... по этотъ храбрый и честный генералъ погибъ въ чернильной борьбѣ съ гражданскими канцеляріями. Въ чемъ только не обвиняли этого героя? Въ Кабарду была занесена чума — виноватъ Булгаковъ! Въ Георгiевскѣ случился пожаръ — виноватъ Булгаковъ! Горцы то и дѣло наскакиваютъ на линiи — виноватъ Булгаковъ! Каждое ничтожное лыко ставилось въ строку и въ Петербургъ летѣли безчисленные доносы. А герой считалъ оправданiе ниже своего достоинства. Онъ былъ удаленъ отъ службы и умеръ въ 1811 г. отъ апоплексическаго удара.

По своей борьбѣ съ канцелярщиной и по своей злополучной участи Булгаковъ былъ предшественникомъ Портнягина.

Портнягинъ и Булгаковъ своими подвигами принадлежали и Предкавказью — Кавказская линiя, и Закавказью —персидская война; генералы Бурсакъ, Глазенапъ, Дельпоццо принадлежали, за малымъ исключенiемъ, линiи.

VI.

Послѣдніе сѣчевики.

Ѳедоръ Яковлевичъ Бурсакъ былъ третьимъ по счету войсковымъ атаманомъ Черноморскаго войска и послѣднимъ по духу, типу и даже внѣшности представителемъ переселившейся изъ Запорожья Сѣчи. Это былъ „казацкiй батька“, именно такой, какими рисовали намъ ихъ историки и поэты Сѣчи.

Сѣчь была уничтожена въ iюнѣ 1775 г. Послѣдніе ея кошовой Колнышевскiй и войсковой писарь Глоба были пострижены въ монашество и кончили свои дни въ монастырях. Двѣнадцать тысячъ запорожцевъ (а ихъ всѣхъ было тринадцать тысячъ) ушло къ туркамъ. Однако, хотя Сѣчь и уничтожили, а вскорѣ пришлось о ней пожалѣть: самая опасная граница осталась безъ надежнаго прикры-

тія. Тогда петербургскіе умники принялись создавать нѣчто въ родѣ новой Сѣчи, и вотъ между Бугомъ и Днѣстромъ на черноморскомъ побережьѣ появилось „вѣрное Забугское (Черноморское) казачье войско“. Оно появилось всего черезъ пять лѣтъ послѣ уничтоженія Сѣчи. Разбредшіеся по Турціи сѣчевики, конечно, тѣ, кто уцѣлѣлъ къ тому времени, прослышавъ, что Сѣчь, хотя на иной ладъ, все-таки возстановляется, поспѣшили вернуться къ старымъ товарищамъ — ужъ очень имъ не по сердцу было воевать „за турецкаго султана“. Въ такихъ удальцахъ всегда нуждались, а потому за ними ухаживали. Казацкимъ гетманомъ сталъ самъ свѣтлѣйшій князь Григорій Потемкинъ; бывшимъ сѣчевикамъ оставили всѣ ихъ внутренніе распорядки: выборное начальство и т. д. Сѣчь какъ-будто возродилась, хотя и подъ другой кличкой. Новые сѣчевики были довольны установившимся порядкомъ, — имъ не мѣшали жить, какъ имъ было по душѣ, и они рядомъ блестящихъ подвиговъ во вторую турецкую войну (истребленіе турецкаго флота въ днѣстровскомъ лиманѣ въ іюнѣ 1788 г., осада Очакова, взятіе Березани, штурмъ Измаила и пр.) отблагодарили и матушку-царицу, и наияснѣйшаго своего гетмана Грицько Нечосу *). Когда война кончилась, не стало и надобности въ „вѣрномъ Забугскомъ войскѣ“, а когда умеръ Потемкинъ, среди столичныхъ вершителей судебъ создался проэктъ преобразовать забугцевъ въ легко-конные полки и заставить казаковъ тянуть обычную солдатскую лямку. Въ то время войсковымъ атаманомъ забугцевъ былъ Харько (Захаръ) Чепѣга, а войсковымъ писаремъ (начальникъ штаба)—Антонъ Головатый.

Кстати сказать, этотъ Головатый былъ человѣкъ, превосходившій по своему образованію многихъ тогдашнихъ генераловъ. Онъ учился въ кіевской духовной академіи и по своему происхожденію принадлежалъ къ высшей малороссійской знати. Очутился-же онъ въ Запорожьѣ лишь по страсти къ свободной жизни. Но малороссы всегда стараются быть „себѣ на умѣ“, Головатый ловко прикидывался простакомъ, а когда почему-либо это было ему нужно, поражалъ даже общепризнанныхъ умниковъ своимъ умомъ, знаніями, находчивостью, ловкостью, умѣньемъ вездѣ поддерживать свое достоинство, и мѣткостью сужденій.

---

*) Прозвище Григорія Потемкина у сѣчевиковъ-запорожцевъ.

Вотъ этотъ-то Головатый, узнавъ о предстоящемъ „перелицованіи“ казаковъ въ солдатъ и провидя всѣ печальныя послѣдствія этого, успѣлъ добиться отъ императрицы Екатерины II того, что Черноморскому (Забугскому) войску было разрѣшено переселиться изъ Забужья въ Прикубанье, причемъ переселенцамъ былъ оставленъ въ полной неприкосновенности весь ихъ сѣчевой урядъ.

Это переселеніе началось въ октябрѣ 1792 г.:

«Ой, годы намъ журиться,
Пора перестати,
Дождалися отъ царици
За службу заплати:
Дала хлібъ-сіль й грамоти
За вірнім служби.
Отъ теперь ми односуми,
Забудемо нуждн!»

распѣвали, отправляясь въ новый край, казаки сочиненную Головатымъ пѣсню.

Такъ выросло лицомъ къ лицу съ неукротимыми народами адыге воинство, ни храбростью, ни подвижностью, ни неукротимостью, — ничѣмъ имъ не уступавшее. Создалась сила, которая надолго развязала Руси руки въ Прикубаньѣ.

Съ тѣхъ поръ и вплоть до Ермолова все Прикубанье или Черноморье стало жить какъ-бы отдѣльной жизнью, хотя въ то-же время оно было тѣсно связано въ политическомъ и административномъ отношеніяхъ со всей остальной Россіей. Центромъ Прикубанья явился Екатеринодаръ. Но уже нѣкоторыя права черноморцами были утрачены. Приведшій казаковъ изъ Забужья въ Прикубанье Захаръ Алексѣевичъ Чепѣга, скончавшійся (въ одинъ и тотъ-же январь 1797 г. вмѣстѣ съ Головатымъ) въ чинѣ генералъ-маіора, былъ вторымъ и послѣднимъ выборнымъ атаманомъ (первымъ былъ Сидоръ Бѣлый) новыхъ сѣчевиковъ. Слѣдующіе атаманы уже назначались, и первымъ изъ нихъ былъ Тимоѳей Терентьевичъ Котляревскій, при которомъ, послѣ царившей сперва дружбы, вспыхнула упорная и кровопролитная борьба между черкесами и черноморцами.

Впрочемъ, начало этой вражды, даже яростной племенной ненависти черкесовъ къ черноморцамъ, относится еще къ послѣднимъ годамъ атаманства Чепѣги. Черкесскія племена шапсуговъ и абадзеховъ прогнали отъ себя своихъ князей, всю свою аристократію, а третье черкесское племя, бжедуховъ, приняло прогнанныхъ. Эти три народца были

самыми могучими въ странѣ Адыге, но, когда шапсуги и абадзехи изъ-за пріема ихъ эмигрантовъ напали на бжедуховъ, эти послѣдніе обратились за помощью к черноморцамъ. Чепѣга имѣлъ неосторожность вмѣшаться въ чисто „семейную“ распрю и послалъ бжедухамъ небольшой отрядъ. Никакой существенной помощи этотъ отрядъ по своей незначительности не оказалъ; бжедухи въ кровавой битвѣ на рѣченкѣ Бэйка нанесли страшное пораженіе шапсугамъ. Распря между родственными племенами на этомъ и кончилась, но шапсуги, а съ ними и абадзехи не забыли участія черноморцевъ въ несчастной для нихъ бзіюкской битвѣ и стали съ тѣхъ поръ заклятыми врагами не только своихъ недавнихъ друзей, но и всѣхъ русскихъ вообще. Ненависть ихъ, переходившая отъ поколѣнія къ поколѣнію, была такъ упорна, что шапсуги были покорены самыми послѣдними изъ всѣхъ племенъ адыге. Они увлекли за собой бжедуховъ, натухайцевъ, джанинцевъ, и началась безпощадная, упорная, непрерывная борьба. Запылали казачьи станицы, невольничій рынокъ въ Анапѣ, возобновленной турками послѣ разоренія этого города Гудовичемъ, переполнился русскими плѣнниками и плѣнницами, казачье добро, награбленное въ набѣгахъ, продавалось въ аулахъ цѣлыми возами, атаманъ-же Котляревскій оказался человѣкомъ слабымъ, склоннымъ къ полной всякихъ удовольствій жизни въ Петербургѣ, и черкесы при немъ постоянно брали верхъ надъ черноморцами.

Эта удача черкесовъ-шапсуговъ ободрила и подтолкнула на борьбу не только племена адыге, но и другихъ народцевъ Кавказа. Въ Шапсугію, ради разбоя, стали стекаться сорви-головы изъ Чечни, Кабарды, даже Дагестана. Лучшіе изъ шапсуговъ, въ особенности тѣ изъ нихъ, кто былъ противъ изгнанія знати, ушли къ русскимъ на правый берегъ Кубани, а на прежнихъ мѣстахъ оставались только тѣ, которымъ терять было нечего, и борьба пошла „не на-животъ, а на-смерть“; притомъ эта борьба происходила при самыхъ невыгодныхъ для черноморцевъ условіяхъ: по распоряженію изъ Петербурга, они даже для преслѣдованія разбойниковъ не смѣли переходить на лѣвый берегъ Кубани, чѣмъ, конечно, черкесы и пользовались.

Въ 1799 г. Котляревскій отъ атаманства самъ отказался и на его мѣсто былъ назначенъ полковникъ Ѳедоръ Яковлевичъ Бурсакъ, или просто „атаманъ Бурсакъ“,

ставшій такимъ-же „казацкимъ батькой“, какими были Чепѣга и Бѣлый. Это былъ человѣкъ гигантской силы воли, большого ума, острой дальновидности и несомнѣнныхъ административныхъ способностей. Онъ сумѣлъ обособить Черноморье и переустроить его на новый, болѣе соотвѣтствовавшій времени ладъ. При Бурсакѣ (въ 1803 г.) было покончено навсегда съ старинным сѣчевымъ устройствомъ и учреждены черноморскіе полки на общихъ основаніяхъ съ другими казачьими полками. И все это было совершено вполнѣ мирно, безъ насилія и угнетенія, такъ что черноморцы и сами не замѣтили, какъ ихъ „старинка“, за которую они дотолѣ держались съ пичѣмъ непоколебимымъ упорствомъ, отошла въ область преданій. Но зато они очень хорошо примѣтили, что ихъ „батько Бурсакъ“ понастроилъ вездѣ школы, обставилъ торговлю такъ, что Черноморье начало богатѣть „не по днямъ и не по часамъ“; замѣтили они также, что ихъ атаманъ сумѣлъ добиться отмѣны распоряженія о непереходѣ черезъ Кубань и съ такой энергіей укротилъ черкесовъ, что тѣ, въ концѣ концовъ, не осмѣливались даже показываться на правомъ берегу Кубани. Вслѣдствіе этого черноморцы поступились прадѣдовской стариной, тѣмъ болѣе, что и сами видѣли, что она отслужила свой вѣкъ...

Атаманствовалъ Бурсакъ до 1816 г.

VII.

Преемники „грознаго князя“.

Григорій Ивановичъ Глазенапъ командовалъ Кавказской линіей при Циціановѣ и смѣнилъ ея временнаго командира генералъ-лейтенанта Шевелева, назначеннаго на линію послѣ отозванія оттуда Кноррінга.

На линіи въ то время были пѣхотные полки: казанскій, суздальскій и вологодскій, 16-й егерскій и кавалерійскіе драгунскіе: нижегородскій, борисоглѣбскій, владимірскій, таганрогскій; линейные казачьи полки: моздокскій, волжскій, хоперскій, кубанскій и впослѣдствіи кавказскій; затѣмъ казачьи войска: Терскосемейное, Кизлярское и Гребенское. Войскъ, въ сравненіи съ обширностью края, было мало, и Глазенапъ среди нихъ особенно отличалъ линейныхъ казаковъ. Линейцы были его любовью, его гордостью. Онъ старался усиливать ихъ количество, и при Глазенапѣ появились на Кубани станицы Темишбашевская, Казанская, Лидовская и Тифлисская, которыя Глазенапъ населилъ остатками уничтоженнаго при имп. Павлѣ Екате-

риноставскаго казачьяго войска, сформировавъ изъ него кавказскій линейный казачій полкъ. Отличительнымъ свойствомъ этого стараго воина была честность, доведенная до педантизма. Онъ отказывался принимать даже ничтожные подарки, объявляя, что онъ можетъ взять лишь то, что принадлежитъ ему по неоспоримому праву. Въ то-же время онъ былъ правдивъ до того, что не задумался открыто высказывать „правду-матку“ своимъ начальникамъ. Послѣднее, какъ кажется, имѣло своимъ послѣдствіемъ его уходъ съ линіи. Честно относился Глазенапъ и къ врагу. Онъ такъ характеризируетъ кабардинцевъ, своихъ наиболѣе ярыхъ враговъ въ годы командованія линіей:

„Не какіе-либо оскорбительные съ нашей стороны поступки,—пишетъ про нихъ Григорій Ивановичъ, — вызывали горцевъ на разбои. Ими чаще всего руководила природная удаль, презрѣніе къ опасностямъ, а главное—ненасытная алчность къ золоту, которое они по роду своей жизни употреблять не умѣли. Правда, они пріобрѣтали за него изъ Багдада и Дамаска дорогое оружіе, но оно обыкновенно доставалось въ добычу линейнымъ казакамъ, которые почти всѣ имѣли ихъ шашки, кинжалы, пистолеты, даже сѣдла и бурки, отнятые съ бою“.

Честный генералъ Глазенапъ былъ боготворимъ казаками и солдатами, въ особенности нижегородскими драгунами, этою гордостью кавказскихъ войскъ, и любимъ своими подчиненными офицерами. Офицеры Глазенапа наперебой другъ передъ другомъ старались заслужить похвалу старика. Въ особенности изъ ближайшихъ сотрудниковъ Глазенапа выдѣлялись генералы Мейеръ, Лихачевъ и полковникъ Сталь, кордонные командиры на линіи. Ихъ схватки съ кабардинцами и побѣды надъ ними просто „чудеса въ рѣшетѣ“. Фантастическіе подвиги героевъ Майнъ-Рида и Густава Эмара блѣднѣютъ передъ дѣйствительными подвигами казанцевъ-егерей, драгунъ-нижегородцевъ и, конечно, казаковъ-линейцевъ. Памятникомъ этихъ подвиговъ остались простыя, но выразительныя пѣсни старыхъ кавказцевъ, въ которыхъ они воспѣвали свои дѣла.

Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ:

Кабардинцы, вы не чваньтесь!
Ваши панцыри намъ врахъ!
Лучше і сѣ въ горахъ останьтесь,
Чѣмъ торчать вамъ на штыкахъ.
На коняхъ своихъ лихваскихъ
Вы летали, какъ черн-вранъ,
Но споткнулись на казацкихъ
Дротикахъ, крича аманъ.
Бусурманы, не гордитесь
Вы булатомъ и копьемъ,
Златомъ, серебромъ поступитесь
И къ землѣ склонясь челомъ,

Императоръ Александръ I Благословенный.

Стр. 59 и 60.

К. Ф. Кнорринг.

Князь П. Д. Цицiановъ.

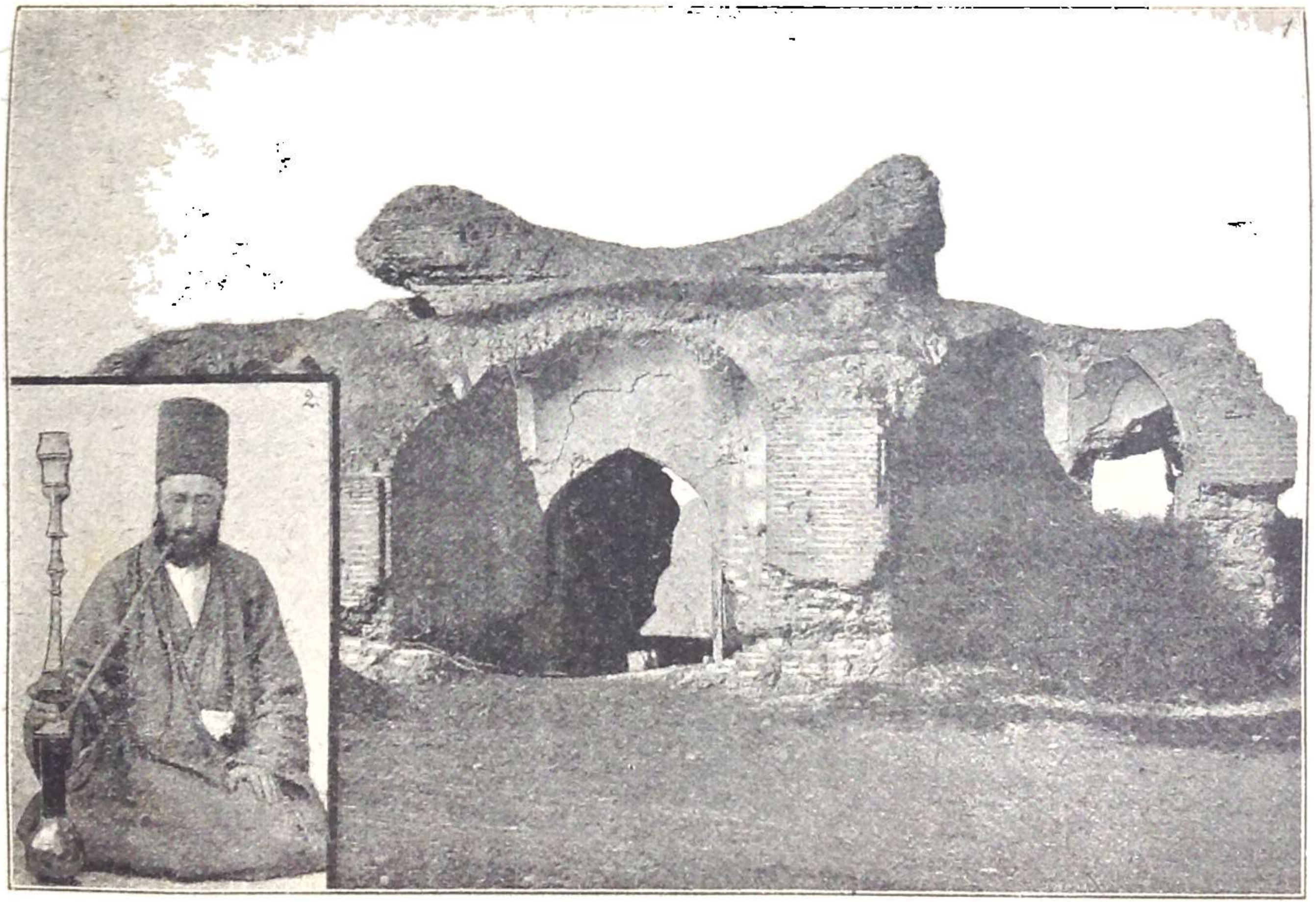

И. Ш. Лазаревъ.

П. С. Котляревскiй

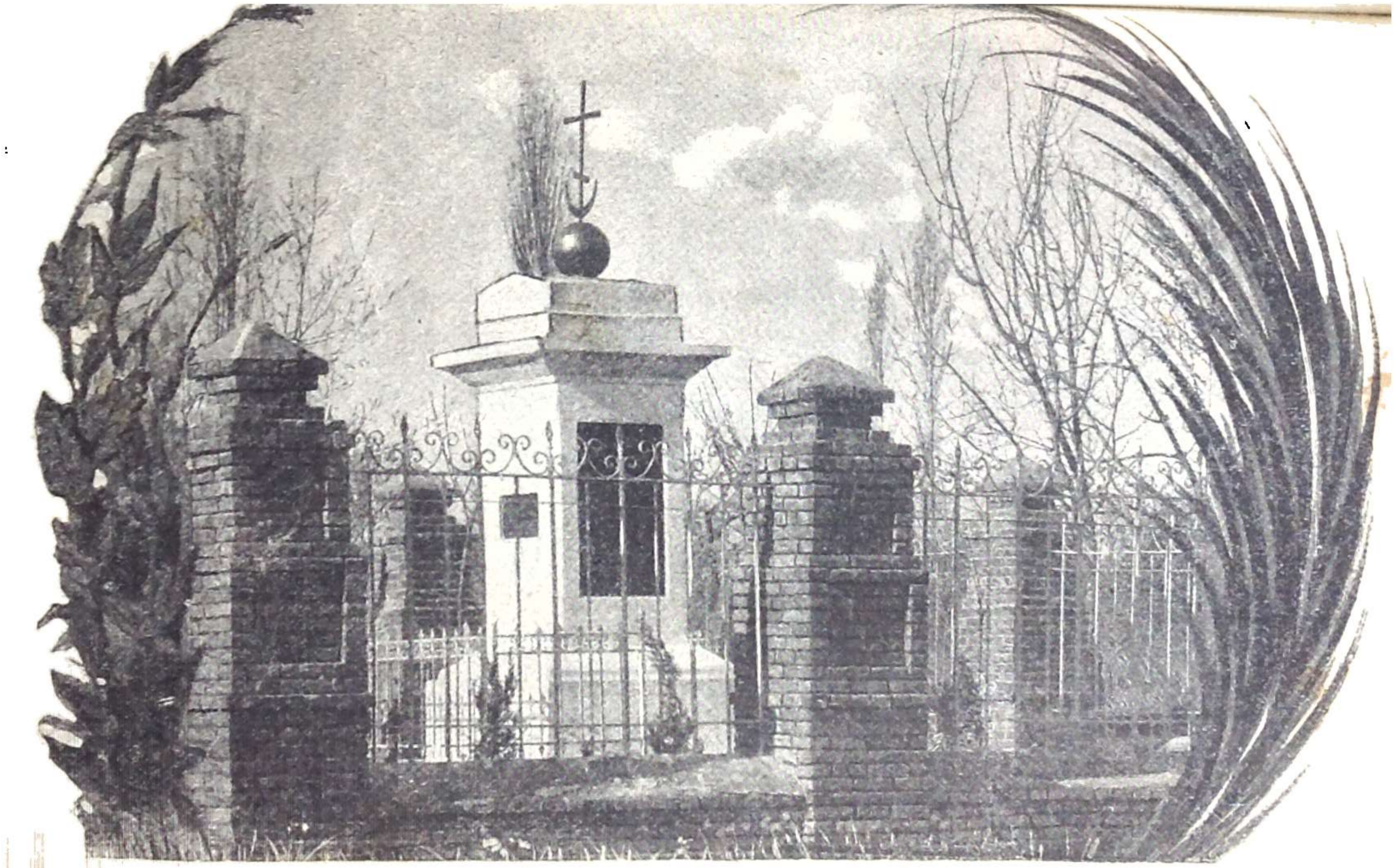
Отд. 61 № 62

1) Развалины ханскаго дворца въ Елисаветполѣ. 2) Персъ съ кальяномъ. Композ. худ. Ольшанскаго по фот. В. Ермакова.

1) Рѣка Кура около Гори. 2) Грузинъ. Композ. худ. Ольшанскаго по фот. В. Ермакова.

Памятникъ И. П. Котляревскому въ Елисаветполѣ.

Убіеніе князя П. Д. Циціанова въ Баку. Оригин. рисун. худ. М. Андреева.

Александра умоляйте
О пощадѣ вашихъ дней
И колѣна преклоняйте
Предъ великимъ изъ царей!
Онъ вамъ дастъ благоволѣнье,
Миръ, щадя своихъ людей,
Вашей кротостью смягченный,
Не лишитъ васъ ясныхъ дней.
Вы-жъ гоните къ намъ въ подарокъ
Воловъ жирныхъ и овецъ,
Намъ ихъ нравится поярокъ
И опоекъ отъ тѣлецъ.

Мы за ваше здѣсь здоровье
Кашу масломъ обольемъ,
На углихъ мясца коровья
Мы поджаримъ и попьемъ...
Когда хочете, идите,
Кабардинцы, къ намъ сюда,
Но свои дары несите,
А то будетъ вамъ бѣда!
Безъ даровъ мы васъ не примемъ,
Намъ не нужепъ супостатъ;
Принесите — васъ обнимемъ,
Скажемъ: сядь, любезный сватъ!

Пѣсенка очень наивная, но глазенаповское время па линіи было уже такое пѣвучее. При Глазенапѣ очень много пѣли и... танцовали. Чуточку нѣмецъ по крови, Глазенапъ не былъ чуждъ и нѣмецкой саптиментальности; онъ очень любилъ смотрѣть, какъ танцуютъ, любилъ быть любезнымъ, и, кажется, въ особенности нравилось ему это веселье тѣмъ, что все это были, такъ сказать, „танцы на вулканѣ“. Кружатся пары, веселье царитъ самое неприпужденное, старикъ-генералъ любезничаетъ напропалую съ дамами, — вдругъ трескъ выстрѣловъ, тревога... Картина разомъ мѣняется: дамы забыты, веселые танцоры обращаются въ суровыхъ воиновъ и черезъ мгновеніе уже несутся навстрѣчу кабардинскимъ пулямъ, навстрѣчу смерти...

Несмотря на танцы, веселость и кровавые бои съ горцами, Глазенапъ держалъ линію въ образцовомъ порядкѣ, но ему не повезло въ одномъ: при немъ въ Предкавказьѣ вдругъ вспыхнула съ страшной силой и яростью занесенная изъ Астрахани, съ низовьевъ Волги чума. Она бушевала, уничтожая и русскихъ, и горцевъ. Особенно пострадали отъ этого бѣдствія обѣ Кабарды. Чума ихъ такъ почистила, какъ русскіе штыки никогда еще не чистили. Плохо приходилось и русскимъ въ прилинейскихъ городкахъ. Даже Георгіевскъ, центръ управленія линіей, былъ охваченъ паникой. Люди безпомощно умирали на улицахъ. Но Григорій Ивановичъ, какъ говорится, оказался на высотѣ своего призванія. Съ непостижимой быстротою онъ завелъ чумные бараки и карантины. Цѣлые полки отправлялъ онъ въ послѣдніе, а съ докторами Гинафельдомъ и Геромъ разъѣзжалъ по улицамъ зачумленнаго города, безстрашно помогалъ заболѣвавшимъ, посѣщалъ карантины; онъ даже побывалъ въ Большой

Кабардѣ, когда тамъ начала свирѣпствовать чума, устроилъ карантины и старался локализировать очаги заразы, словомъ, съ страшнымъ стихійнымъ бѣдствіемъ боролся съ такой-же энергіей и неустрашимостью, съ какой боролся съ горскими врагами.

А горцы и въ это ужасное чумное время не сидѣли тихо. Кабардинцевъ чума нѣсколько поусмирила, зато чеченцы то и дѣло наскакивали на линію, держа въ постоянномъ напряженіи всѣхъ линейцевъ.

Командующіе на линіи были въ полной зависимости отъ главнокомандующихъ въ Грузіи, и Глазенапъ долженъ былъ уйти, будучи оскорбленъ отношеніемъ къ себѣ графа Гудовича. Это было въ 1807 г. Кавказскій герой возвратился сперва къ своему любимцу — нижегородскому драгунскому полку, шефомъ котораго онъ былъ, а вскорѣ затѣмъ былъ назначенъ начальникомъ Сибирской линіи и командиромъ отдѣльнаго сибирскаго корпуса. Здѣсь дѣятельность Глазенапа была мирная, и онъ умеръ въ 1819 г. въ Омскѣ семидесятилѣтнимъ старикомъ.

Выше было сказано, что хозяевами Кавказскаго края являлись главнокомандующіе въ Грузіи.

Когда погибъ Циціановъ, на Кавказъ уже въ третій разъ явился распоряжаться его судьбами графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Но на старости лѣтъ герой Анапы сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Это былъ уже невозможный брюзга, порицавшій все, что исходило не отъ него. Чужого дѣла онъ не видѣлъ — хорошо было только свое. Онъ даже не сообразилъ, чѣмъ былъ для Закавказья, его предшественникъ Циціановъ, не видѣлъ, что покорены и присоединены къ Россіи всѣ наиболѣе крупныя царства и ханства края. Онъ усматривалъ во всемъ безпорядки и воображалъ, что Кавказъ все таковъ-же, какъ и въ первое его „пришествіе“. Все порицалось, все уничтожалось, все вывертывалось на иной, но худшій видъ. Гудовичъ третьяго своего пришествія на Кавказъ помнилъ только, что ему удалось взять и разрушить Анапу, и воображалъ, что память о немъ жива среди впечатлительныхъ кавказскихъ народовъ.

„Будучи старшимъ генераломъ русской арміи, — кстати и некстати твердилъ онъ, — я подаромъ прислалъ сюда водворять между вами порядокъ!“

Вотъ онъ и „водворялъ“. При немъ возобновилась уничтоженная Циціановымъ система подарковъ горскимъ князьямъ и старѣйшинамъ. Горцы сейчасъ-же почувство-

вали, что рука у новаго главнокомандующаго не „циціановская“. Подарки они брали, клялись во всемъ, въ чемъ имъ предлагали клясться, но сейчасъ-же послѣ этого ихъ партіи врывались за линію и даже за Ставрополемъ разсыпались шайки закубанцевъ и кабардинцевъ, дерзко грабя край. Гудовичъ-же брюзжалъ, распекалъ, говорилъ о своемъ прошломъ и не замѣчалъ того, что даже характеръ войскъ при его управленіи сталъ мѣняться къ худшему. Кавказскіе воины, для которыхъ не въ диковину было десятками и жалкими сотнями отбиваться отъ безчисленныхъ персидскихъ ордъ, и сдерживать ихъ своимъ богатырскимъ натискомъ, вдругъ стали замѣтно „сдавать“ персамъ, терять свою пріобрѣтенную кровью славу непобѣдимыхъ, и при Гудовичѣ даже лезгины, усмиренные геройомъ Гуляковымъ, стали терять уваженіе къ русскимъ и открыто нападать на нихъ. Горы зашевелились, между русской „линіей“ въ Предкавказьѣ и русскими войсками за Кавказомъ вдругъ выросла живая стѣна, только недавно еще разрушенная доблестью русскихъ воиновъ. А Гудовичъ все это приписывалъ своимъ предшественникамъ, не замѣчая того, что самъ онъ являлся виновникомъ новаго положенія въ завоеванномъ краѣ. Онъ воевалъ съ турками, персами и если въ его главнокомандованіе были блестящія побѣды, то какъ имъ и не быть, когда судьба подарила его такимъ полководцемъ, какъ Котляревскій? Куда ни пробовалъ пойти самъ этотъ „былой соколъ“ — его ждала неудача. Онъ напрасно ходилъ съ войсками подъ турецкія крѣпости, напрасно напоминалъ пашамъ о своихъ прошлыхъ побѣдахъ. Эти побѣды были дѣломъ прошлаго, въ настоящемъ-же у Гудовича были только однѣ неудачи. Ахалкалаки, Поти, Эриванъ были свидѣтелями этихъ неудачъ русскаго главнокомандующаго въ войну, гдѣ побѣды, въ виду начавшейся борьбы съ Наполеономъ, были, какъ манна небесная, необходимы для русскаго оружія.

И такъ длилось до 1809 г. Въ этомъ году Гудовичъ былъ смѣненъ и главнокомандующимъ русскими войсками въ Грузіи и на Кавказской линіи былъ назначенъ генералъ-отъ-кавалеріи, впослѣдствіи графъ, Александръ Петровичъ Тормасовъ, будущій герой Отечественной войны.

Тормасовъ прошелъ боевую школу въ турецкія войны императрицы Екатерины II и затѣмъ былъ въ польской войнѣ съ Суворовымъ. Онъ вступилъ въ управленіе

красмъ 12 апрѣля 1809 г. и сразу увидалъ, что пало на Кавказѣ обаяніе русскаго имени, созданное Ціціановымъ. Персіане открыто грозили вторженіями въ русскія области, турки на западной границѣ тоже не бездѣйствовали, горцы волновались и открыто помогали врагамъ русскихъ. Тормасовъ былъ человѣкъ энергичный, умѣвшій пользоваться обстоятельствами. Всю свою энергію онъ приложилъ къ дѣлу новаго возвеличенія русскаго имени и успѣлъ въ этомъ. Энергія не пропала — край при Тормасовѣ всецѣло былъ подъ обаяніемъ русскаго имени...

Отечественная война потребовала Тормасова на поля другихъ битвъ. Въ борьбѣ съ Наполеономъ ему принадлежитъ первая побѣда, одержанная русскими надъ наполеоновскими войсками (подъ Кобринымъ 15 іюля 1812 г.), затѣмъ Тарутинское сраженіе прославило его; въ походѣ послѣ „двѣнадцатаго года“ Тормасовъ дошелъ съ русскими войсками до Люцена, но отсюда недуги заставили его вернуться въ Россію, гдѣ онъ умеръ въ 1819 г.

Послѣ отбытія Тормасова съ Кавказа командованіе кавказскими войсками было раздѣлено на двѣ части, совершенно независѣвшія другъ отъ друга. Главнокомандующимъ въ Груэіи былъ назначенъ маркизъ Филиппъ Осиповичъ Паулуччи, а на линіи главнокомандованіе перешло къ генер.-лейт. Николаю Ѳедоровичу Ртищеву, впослѣдствіи занявшему постъ перваго.

Пауллучи, итальянецъ родомъ (онъ родился въ Моденѣ, въ юности служилъ въ рядахъ итальянской арміи и на русскую службу перешелъ лишь въ 1807 г.), былъ человѣкъ-огонь по свойствамъ своего характера. Личная храбрость его была такъ высока, что онъ заслужилъ ею подъ Ахалкалаками и чинъ генералъ-лейтенанта, и искреннее уваженіе кавказскихъ храбрецовъ. При этомъ у Паулуччи была бездна энергіи. Такой живой, такой подвижный человѣкъ, дѣятельность котораго представлялась изумительною, былъ рѣдкостью даже для Кавказа. Но при этомъ онъ зналъ себѣ цѣну. Обладая замѣчательною прямотою характера, Филиппъ Осиповичъ ни въ чемъ и нигдѣ не любилъ окольныхъ дорогъ, шелъ всюду напрямикъ и въ то-же время былъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ вполнѣ самостоятеленъ. Характеръ его былъ независимый и, поступая по полной справедливости, Паулуччи не терпѣлъ вмѣшательствъ въ свои распоряженія. Онъ умѣлъ воодушевлять людей и при немъ кавказскія войска поднялись на прежнюю свою высоту. Персы при немъ дѣйствовали

нерѣшительно; вспыхнувшій было въ Кахетіи бунтъ былъ укрощенъ безъ особенно плачевныхъ послѣдствій даже для самихъ бунтовщиковъ. Его энергія обратила на себя вниманіе императора Александра Павловича, и государь, подготовляя людей въ виду близившейся войны съ Наполеономъ, повелѣлъ Паулуччи быть при себѣ въ Петербургѣ.

Лучшимъ доказательствомъ того, чѣмъ сумѣлъ стать Паулуччи для Грузіи, является уже то, что, когда туда пришло извѣстіе объ отозваніи Паулуччи въ Петербургъ, грузинское дворянство посылало къ императору депутацію съ просьбой объ оставленіи маркиза въ Закавказьѣ.

Государь не призналъ возможнымъ измѣнить свое рѣшеніе и въ Грузію былъ назначенъ Ртищевъ, а командующимъ Кавказской линіей уже извѣстный читателямъ генералъ Иванъ Петровичъ Дельпоццо.

Ртищевъ былъ слишкомъ недальновиднымъ, хотя безукоризненно честнымъ правителемъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени нерѣшительный, не отличавшійся ни военными заслугами, ни какими-либо особенными дарованіями. Притомъ-же онъ прибылъ на Кавказъ уже почтеннымъ старцемъ, а свое назначеніе въ Грузію принялъ съ крайней неохотою, какъ излишне тяжелое, даже, пожалуй, непосильное, по собственному его сознанію, бремя. Свою недальновидность онъ обнаружилъ уже на линіи, гдѣ „уговорилъ“ кабардинцевъ послать въ Петербургъ депутацію съ подтвержденіемъ признанія Кабардами россійскаго подданства. Это не удавалось самымъ энергичнымъ, самымъ разумнымъ изъ командовавшихъ на линіи предшественниковъ и вдругъ удалось ограниченному генералу... Ртищевъ ликовалъ... Онъ и не зналъ того, что въ отправляемую имъ депутацію пошелъ всякій кабардинскій сбродъ, презираемый всею кабардинской и черкесской знатью... Депутаты въ Петербургѣ были щедро награждены, получили чины, нѣкоторые изъ депутатовъ — даже штабъ-офицерскіе, а набѣги и дерзкіе грабежи на линіи послѣ возвращенія депутатовъ, не осмѣлившихся побывать у себя на родинѣ и оставшихся послѣ у русскихъ, только участились... Съ чеченцами у Ртищева вышло еще хуже... Онъ собралъ ихъ старшинъ, осыпалъ подарками и отпустилъ ихъ, вполнѣ увѣренный, что умиротворилъ необузданныхъ дикарей своей лаской... А тѣ въ слѣдующую за пріемомъ ночь напали на обозъ Ртищева и разграбили его на глазахъ самого генерала.

Слабое правленіе Ртищева имѣло обычное послѣдствіе. Русскимъ связывала руки война съ Персіей и Турціей, а тутъ еще такъ и кипѣлъ возмущеніемъ весь Дагестанъ; въ Кахетіи бурлили только что усмиренные Паулуччи народы, лезгины грозили Тифлису; Кабарда была готова къ мятежу; осетинъ, хевсуровъ, пшавовъ и тушинцевъ поднялъ противъ русскихъ все тотъ-же не успокоенный еще царевичъ Александръ Иракліевичъ; ко всему этому прибавилась еще чума въ Предкавказьѣ; ханы Приморскаго Дагестана тоже были готовы къ возстанію... Но Богъ хранилъ Россію. Ртищевъ кое-какъ управлялся со всѣми врагами Руси въ этомъ краѣ, а ему на смѣну явился 12 октября 1816 г. грозный „протекторъ Кавказа", русскій чудо-богатырь Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, при которомъ началось и закончилось покореніе Кавказа.

Вотъ теперь читатель знакомъ со всѣми предшественниками этого вождя, доставившаго Руси цѣлый край. Какъ ни коротка характеристика ихъ, но все-таки по вышеприведеннымъ чертамъ ихъ дѣятельности можно составить себѣ нѣкоторое представленіе объ этихъ людяхъ, стоявшихъ безъ малаго шестнадцать лѣтъ во главѣ русскихъ чудо-богатырей и подготовившихъ почву для покоренія великолѣпнаго края. Не лишне въ дальнѣйшемъ познакомить читателей съ подвигами этихъ воителей, и описанія этихъ подвиговъ читатели найдутъ въ слѣдующемъ очеркѣ.

ОЧЕРКЪ ВОСЬМОЙ.

Персидско-турецкая война.

А. И. Лаврова.

Громъ побѣды раздавайся.
Веселися, „храбрый россъ“.

I.

Лезгинскій погромъ.

Грузія присоединилась къ Россіи, — Грузія, на которую испоконъ вѣковъ повелители Ирана смотрѣли, какъ на свое неотъемлемое достояніе.... Въ Грузіи—Циціановъ, распоряжающійся самостоятельно и ни во что не ставящій наслѣдника страшнаго Аги-Магомета, Баба-хана, даже къ ахалцыхскому пашѣ относящійся безъ всякаго „уваженія“, Циціановъ, разогнавшій всѣхъ сыновей блистательнаго царя Ираклія, вывезшій въ Россію семейство послѣдняго царя — Георгія... Русскіе распоряжаются въ Закавказьѣ, повелѣваютъ недавно независимыми ханами, все близятся и близятся къ границамъ Ирана...

При такихъ обстоятельствахъ борьба Персіи съ Россіей ради Закавказья становилась неизбѣжною.

Князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ прекрасно понималъ это, готовился къ борьбѣ и только выжидалъ моментъ, когда ему самому удобнѣе было-бы нанести персамъ первый ошеломляющій ударъ.

„Страхъ и корысть, — писалъ онъ императору Александру Павловичу, — вотъ двѣ пружины, которыми руководятся всѣ дѣла и приключенія.... У здѣшнихъ народовъ единственная политика — сила, лучшая добродѣтель — деньги, нужныя владѣльцамъ для найма лезгинъ“...

На послѣднихъ „грозный князь“—такъ прозвали Циціа-

нова въ Закавказьѣ — прежде всего обратилъ свое вни-маніе. Лезгины были для края именно стихійной силой, которую каждый, имѣвшій средства, могъ направить въ любую сторону. Надлежало укротить эту силу. Первыми подверглись подъ руку лезгины джаро-белоканцы. Поводъ къ ихъ укрощенію оказался налицо: у белоканцевъ нашли себѣ пріютъ бѣглые царевичи, сыновья Ираклія, и Циціановъ потребовалъ ихъ выдачи.

„Приди и покажи свою силу!“ — послѣдовалъ гордый отвѣтъ.

„Грозный князь“ не сталъ терять время: въ Джаро-Белоканы былъ отправленъ съ сильнымъ отрядомъ генералъ Гуляковъ.

Джары, Белоканы, Катехи — вотъ три аула, около которыхъ, какъ около центра, ютились вообще разрозненныя въ остальныхъ мѣстностяхъ вольныя общества кахетинскихъ лезгинъ. Белоканы были центромъ всѣхъ лезгинскихъ предпріятій, — отсюда выплескивались въ Кахетію живыя волны, здѣсь постоянно тлѣла искра волненій, подготовлялись всякіе буйные набѣги. Должно сказать, что белоканскіе лезгины, когда-то отразившіе войска Надиръ-шаха, и сами себя считали, и всѣми прочими вокругъ считались непобѣдимыми. Аулъ Белоканы лежалъ на открытой мѣстности, но каждая сакля въ немъ представляла изъ себя крѣпость. Впереди аула въ лѣсной чащѣ находилось прикрывавшее его укрѣпленіе.

Циціановъ отправилъ Гулякова прежде всего на Белоканы, ибо взятіе этого аула, подѣйствовавъ на лезгинъ устрашающе, могло повлечь за собой сдачу Джаръ и Катехи, и затѣмъ и переходъ въ русскія руки всей области.

„Не мухѣ съ орлами переговоры вести!“ — выразился „грозный князь“, отправляя Гулякова на Алазань.

Отрядъ, посланный въ экспедицію, состоялъ изъ трехъ батальоновъ пѣхоты, двухсотъ казаковъ, сопровождаемыхъ восемью орудіями. Кромѣ разоренія центральныхъ ауловъ, Гулякову было приказано выбрать на Алазани мѣста для постройки укрѣпленій, которыя могли-бы преградить путь лезгинамъ въ Кахетію и изъ Дагестана на Ахалцыхъ.

Въ первыхъ числахъ марта отрядъ Гулякова былъ уже на лѣвомъ берегу Алазани у брода Урдо. На противоположномъ берегу засѣли лезгины, осыпавшіе русскихъ градомъ пуль.

Гуляковъ не думалъ переводить войска къ этому броду, ибо противоположный берегъ былъ до невозможности

крутъ, тѣмъ не менѣе, онъ приказалъ одному батальону кабардинскаго полка демонстрировать противъ засѣвшихъ здѣсь лезгинъ. Нѣсколько орудій было оставлено для поддержки кабардинцевъ, а весь остальной отрядъ перешелъ къ болѣе удобному для переправы мѣсту у Анага и, перейдя здѣсь черезъ Алазань, появился передъ Белоканами, прежде чѣмъ тамъ могли ожидать русскихъ.

Переходъ отъ Алазани къ Белоканамъ былъ нѣчто невозможное. Приходилось пробираться черезъ лѣсныя чащи, вязнуть въ болотныхъ топяхъ, переправляться черезъ рѣки — и все это выпало въ раннюю весну, когда и безъ того развершіяся хляби небесныя испортили всѣ пути, обратили въ сплошное мѣсиво всѣ дороги... Но молодцы все преодолѣли. Мокропогодица не остановила похода ни на часъ. Гдѣ не смогли тащить орудія лошади, тамъ выпрягались въ нихъ солдаты. Казаки далеко забирались впередъ, подготовляя путь для пѣхоты и, наконецъ, весь отрядъ такъ и уперся своей „головой“ въ защищавшее Белоканы укрѣпленіе. Оно было устроено съ прекраснымъ пониманіемъ мѣстности, — какъ разъ на сухомъ полуостровкѣ, съ обѣихъ сторонъ котораго залегли непроходимыя трясины и болота. Миновать или обойти укрѣпленіе нельзя было никоимъ образомъ, нужно было пройти черезъ него, а за укрѣпленіемъ и въ немъ самомъ набралось до 10.000 лезгинъ, къ которымъ подоспѣли на помощь войска нухинскаго хана. Гуляковъ сообразилъ, что ему слѣдуетъ воспользоваться неожиданностью появленія своего отряда, упавшаго съ этой стороны на лезгинъ, какъ снѣгъ на голову. Прямо съ похода, не тратя времени на обстрѣливаніе, храбрый генералъ повелъ свой отрядъ въ штыки на штурмъ лезгинскаго укрѣпленія и положительно шутя выигралъ дѣло. Ошеломленные неожиданностью лезгины сопротивлялись слабо и послѣ перваго русскаго штыка показали тылъ. Солдаты слѣдовали за ними по пятамъ. „Ура“ такъ и вспыхивало за спинами бѣглецовъ. Казаки вышеслись впередъ и на скаку своими пиками колэли лезгинъ. Увлеченные — одни ужасомъ, другіе пыломъ преслѣдованія — и не замѣтили, какъ выбрались изъ лѣсу на равнину, гдѣ стояли Белоканы. Тутъ уже кавказцы и сами сообразили, въ чемъ дѣло. Они съ еще большею энергіей натиснулись на непріятеля и, разсѣявъ его, ворвались въ оставшійся беззащитнымъ аулъ. Лезгины-же бѣжали въ горы, преслѣдуемые кабардинскимъ батальономъ. Белоканы оказались занятыми

безъ боя, и немедленно весь аулъ, оставленный жителями, былъ разоренъ, а Гуляковъ повернулъ свой отрядъ на Джары, передъ которыми выдвинулись было нухинцы. Однако, вѣсть о разгромѣ Белокапъ опередила русскихъ. Нухинцы ушли, не дожидаясь ихъ удара, а джарцы поспѣшили изъявить покорность, и вслѣдъ затѣмъ явились съ тѣмъ-же и старшины аула Катехи, едва только передъ этимъ аломъ появились казачьи разъѣзды. Царевичъ Александръ Ираклiевичъ, находившiйся въ Джарахъ, успѣлъ бѣжать.

Гуляковъ не тронулъ Джаръ, но, когда къ нему явились на поклонъ старшины другихъ лезгинскихъ ауловъ, объявилъ, что Джаро-Белоканскiй вольный союзъ, Самухскiя владѣнiя и султанство Елисуйское вступаютъ на вѣчныя времена въ подданство Россiи и всѣ жители ихъ облагаются данью. Дабы сдержать новоприобрѣтенный край въ повиновенiи, немедленно были поставлены три укрѣпленiя: одно у брода Урдо, другое — въ мѣстности, названной „Царскiе колодцы“, и третье — въ Караагачѣ.

Такъ были покорены, наконецъ, давнишнiе враги несчастной Кахетiи, и вся слава этого подвига выпала на долю храбреца Гулякова.

II.

Гроза враговъ Кахетiи.

Уничтоженъ былъ однимъ мощнымъ ударомъ пріютъ свирѣпыхъ хищниковъ, причинявшихъ ужасныя бѣдствiя страстотерпицѣ Кахетiи; теперь оставалось нанести рѣшительный ударъ и въ другую сторону — ахалцыхскимъ лезгинамъ, не менѣе страшнымъ для Карталиніи, чѣмъ джаро-белоканцы для Кахетiи.

Послѣ присоединенiя Грузiи къ Россiи Гуляковъ съ отрядами занималъ Кахетiю, въ Карталиніи-же былъ генералъ Ѳедоръ Филипповичъ Симановичъ. Подъ командою его былъ кавказскiй гренадерскiй полкъ (гренадерскiй Гучкова), не менѣе прославившiйся своими подвигами на Кавказѣ, чѣмъ кабардинскiй полкъ Гулякова. Кавказскiе гренадеры пріобрѣли боевую опытность еще тогда, когда содержали кордонъ между Георгiевскомъ и Екатеринодаромъ, прославили себя въ битвѣ съ Баталъ-пашою, затѣмъ въ штурмѣ Анапы, и, наконецъ, послѣ присоединенiя Грузiи имъ пришлось стать грозою ахалцыхскихъ лезгинъ и осетинъ.

Вслѣдъ за окончательнымъ присоединенiемъ Грузiи

кавказскіе гренадеры немедленно были размѣщены въ пограничныхъ крѣпостяхъ — Гори, Сурамѣ и Цхинвали, причемъ въ первой находился батальонный штабъ и жилъ самъ Симановичъ.

Когда онъ появился на границѣ, лезгины еще не знали, съ кѣмъ имъ приходилось имѣть дѣло. Они такъ привыкли къ постояннымъ побѣдамъ надъ слабыми грузинами, что, со свойственной имъ пылкостью, вообразили, что имъ и надъ русскими съ прежнею легкостью удастся одерживать побѣды. Русскихъ было мало, тогда какъ вмѣстѣ съ ахалцыхскими лезгинами были турки, которыхъ они считали первостатейными воинами. Однако, Симановичъ поспѣшилъ доказать своимъ новымъ противникамъ, что они ошибаются. Весною 1801 г. онъ явился въ Карталинію и въ іюлѣ того-же года далъ на турецкой границѣ жесточайшую трепку скопищу зарвавшихся лезгинъ и турокъ. Это скопище появилось въ окрестностяхъ Гори какъ разъ тогда, когда у Симановича было подъ рукою не болѣе полуторы сотни его удальцовъ-гренадеръ. Ѳедоръ Филипповичъ не сталъ ждать подкрѣпленій; подобравъ кое-гдѣ два десятка казаковъ, онъ построилъ гренадеръ въ боевой порядокъ, выдвинулъ хоръ музыки, развернулъ батальонное знамя и повелъ свой отрядъ въ штыки на лезгинъ. Послѣдніе не видали никогда ничего подобнаго. Музыка не умолкала, рокотали барабаны, гремѣло „ура“, передаваемое во всѣ стороны горнымъ эхо, холоднымъ отливомъ сверкала сталь наклоненныхъ штыковъ; впечатлѣніе было новое и ужасное. Лезгинское скопище всполошилось и начало сперва медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе отодвигаться назадъ, спѣша втянуться въ узкое горное ущелье, но казаки успѣли обскакать ихъ, а за ними врага обошли и гренадеры. Началась битва, и скопище было разгромлено и разсѣяно, причемъ это пораженіе нагнало на горцевъ такой страхъ, что они не осмѣливались болѣе являться съ этой стороны въ новыя русскія владѣнія. Только изрѣдка показывались отдѣльныя разбойничьи шайки, да и съ тѣми Симановичъ расправлялся, уничтожая разбойниковъ на мѣстѣ встрѣчи.

Послѣ лезгинъ наступила очередь осетинъ, тоже волновавшихся и тоже воображавшихъ, что русскіе — столь-же слабосильный врагъ, какъ и грузины, которыхъ они привыкли безнаказанно грабить.

Симановичъ и ихъ постарался разубѣдить въ противномъ.

Покорность осетинъ была необходима для русскихъ въ ихъ новомъ положеніи въ Закавказьѣ. Черезъ Осетію проходила Военно-Грузинская дорога и невозможно было оставлять ее, этотъ важнѣйшій, связывавшій Предкавказье съ Закавказьемъ путь, въ рукахъ ненадежныхъ горцевъ, способныхъ на всякое вѣроломство. Необходимо было, чтобы Военно-Грузинская дорога была прочно обезпечена за русскими, чтобы волненія были разомъ прерваны, и вотъ Симановичъ въ февралѣ 1802 г. получилъ приказаніе успокоить осетинъ силою оружія...

Къ оружію прибѣгать не пришлось.

Горцы, услыхавъ, что для похода противъ нихъ въ Мцхетѣ собранъ отрядъ, побросали свои аулы и ушли въ недоступныя, какъ имъ казалось, горныя ущелья. Здѣсь они чувствовали себя въ полной безопасности. Стоялъ февраль и весна только еще начиналась. Всѣ горныя дороги обледенѣли, осливли и переходы по нимъ казались невозможными. Тропы всюду пересѣкались горными ручьями, только еще начинавшими пробиваться, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти готовыми обратиться въ рѣки. Со стремнинъ срывались каскады, охваченные еще льдомъ, снѣжныя лавины скатывались съ высочайшихъ вершинъ...

И что-же?..

Симановичъ съ семью ротами пѣхоты, полусотней казаковъ и двумя полевыми орудіями прошелъ по горамъ тамъ, гдѣ не всегда рисковали проходить горцы, и совершенно неожиданно появился среди осетинъ, даже не подозрѣвавшихъ возможности такого перехода...

Горцы были настолько поражены этимъ появленіемъ русскихъ, что безъ всякаго сопротивленія, даже безъ прекословія положили оружіе, и умиротвореніе ихъ обошлось безъ малѣйшаго пролитія крови.

Симановичъ, имѣвшій тогда чинъ подполковника, за эту экспедицію получилъ при Высочайшемъ рескриптѣ орденъ св. Владиміра 3-ей степени.

Результаты этой экспедиціи были втройнѣ благотворны. Помимо того, что сравнительно легко удалось успокоить осетинъ, Симановичъ воспользовался случаемъ напомнить имъ, что мусульмане они, такъ сказать, всего только со „вчерашняго дня“, что съ небольшимъ за пятьдесятъ лѣтъ до того они были христіанами. Дабы напоминаніе не прошло безслѣднымъ, среди осетинъ были оставлены христіанскіе священники. Въ-третьихъ, Симановичъ, переходя черезъ горы, снялъ подробную карту мѣстности —

первую съ появленія русскихъ на Кавказѣ. А это явилось чрезвычайно важнымъ. Благодаря картѣ Симановича, русскіе перестали бродить наудачу по горамъ, какъ было доселѣ.

Итакъ, „правый флангъ“, т. е., граница съ Турціей, былъ успокоенъ, спокойствіе Карталиніи было обезпечено, но — увы! — не надолго. Здѣшніе лезгины сидѣли спокойно только до тѣхъ поръ, пока передъ ними въ Гори и Сурамѣ были кавказскіе гренадеры съ Симановичемъ; случилось-же, что этотъ полкъ понадобился Циціанову для похода въ Персію, и, какъ только ушли съ границы гренадеры, съ лезгинъ все ихъ смиреніе какъ рукой сняло...

III.

Во славу русскаго оружія.

Войсками въ Карталиніи командовалъ генералъ-маіоръ князь Дмитрій Захаровичъ Орбеліани, ревностный помощникъ Циціанова во всѣхъ его начинаніяхъ, прекрасно понимавшій характеръ азіатской войны, но въ первое время у него подъ рукою оказались молодыя войска, еще не искусившіяся въ битвахъ съ горцами. Эти войска были полны боевого увлеченія, храбрость ихъ была львиная, но въ то-же время это были неопытные бойцы, плохо представлявшіе себѣ, какой врагъ передъ ними.

Къ числу такихъ молодыхъ войскъ принадлежалъ 9-й егерскій полкъ, явившійся въ Гори на смѣну ушедшимъ въ персидскій походъ кавказскимъ гренадерамъ. Командовалъ егерями полковникъ Цѣхановскій, и ахалцыхскіе лезгины, какъ только явились на границу новыя войска, сейчасъ-же попробовали узнать, каковы они и нѣтъ-ли возможности бороться съ ними съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ съ ихъ предшественниками.

Съ запада, т. е., со стороны Ахалцыха, Тифлисъ прикрывали русскіе отряды, поставленные въ крѣпостяхъ Гори и Цалки. Разработанной дороги между ними не было, и Циціановъ приказалъ капитану Енохину проложить путь, по которому можно было-бы направлять артиллерію. Для обезпеченія работъ на лѣвомъ берегу Куры были выставлены небольшіе отряды, и между ними въ деревушкѣ Корели стояла рота егерей, подъ командою капитана Секерина, съ двумя офицерами, братьями Рогульскими. Въ ротѣ было всего только сорокъ четыре человѣка, но и этого, казалось, было вполнѣ достаточно: кругомъ царило спокойствіе, лезгины не показывались, и

молодцы скучали, не подозрѣвая даже того, что гибель ихъ была не за горами, а за плечами...

Былъ поздній іюньскій вечеръ 1803 г., когда въ Гори примчался всего только съ шестью казаками окровавленный и израненный Енохинъ. Онъ и его люди задыхались отъ усталп, изнемогали отъ ранъ.

Оказалось, что почти подъ самыми Цалками совсѣмъ неожиданно разразилась катастрофа. Изъ-за ахалцыхской границы внезапно появилось лезгинское скопище, простиравшееся, какъ узнали впослѣдствіи, до 800 человѣкъ. Лезгины напали на возвращавшійся рабочій отрядъ Енохина и изрубили его. Капитанъ и казаки спаслись, только благодаря своимъ конямъ, промчавшимся безъ отдыха болѣе 70 верстъ въ три часа времени. По соображеніямъ Енохина, лезгины направились въ прикурскую деревушку Хавли, но Енохинъ ошибся: страшная кровавая драма произошла у Корели, гдѣ стояли егеря Секерина...

Лезгины, подойдя къ Корели, не осмѣлились напасть на русскихъ, но начали отбивать скотъ и лошадей у крестьянъ. Секеринъ со всѣми своими егерями храбро кинулся на разбойниковъ. Однако, тѣ сейчасъ-же ударились назадъ къ дремучему лѣсу, находившемуся за деревушкой. Русскіе послѣдовали за ними, по неопытности не соображая, что въ лѣсъ-то ихъ и заманиваютъ враги. Едва только увлекшіеся преслѣдователи вошли въ него, горцы окружили ихъ сплошнымъ живымъ кольцомъ. На каждаго изъ русскихъ приходилось человѣкъ по двадцати лезгинъ. Но егеря сомкнулись и штыками трижды отбрасывали враговъ. Къ несчастію, Секеринъ, незнакомый съ пріемами азіатской войны, нашелъ нужнымъ растянуть цѣпь. Лезгины воспользовались этимъ, ударили на егерей въ шашки и въ нѣсколькихъ мѣстахъ прорвали ихъ линію. Секеринъ, тяжело раненый въ ногу, былъ окруженъ лезгинами, егеря было рванулись на помощь своему командиру, но ихъ отдѣлила отъ него непроходимая живая стѣна.

— Помни, русскіе не сдаются! — успѣлъ только крикнуть Секеринъ и палъ, изрубленный шашками.

Старшій изъ братьевъ Рогульскихъ тоже былъ искалѣченъ и умеръ, крикнувъ младшему брату, послѣднему офицеру роты:

— Помни слова Секерина: „русскіе не сдаются!“.

— Ребята! — воодушевленно крикнулъ юноша, — отмстимъ за нихъ и...

Но юноша даже не договорилъ своей фразы: лезгинская пуля поразила его на-смерть. Солдаты остались безъ начальника; изъ толпы лезгинъ кричали имъ, чтобы они бросали оружіе и сдавались, но „русскіе не сдаются“. Рѣшившіеся умереть храбрецы отвѣчали на эти предложенія выстрѣлами и, когда разстрѣлены были всѣ патроны, кинулись на враговъ. Лезгины приняли ихъ въ шашки. Недологъ былъ бой. Смолкло „ура“, смолкли стоны. Всѣ секеринскіе егеря легли на мѣстѣ.

Немного времени спустя, подоспѣли на мѣсто боя Цѣхановскій съ отрядомъ, но въ живыхъ онъ нашелъ только четырехъ умиравшихъ отъ ранъ егерей, которыхъ не успѣли докончить лезгины.

Такъ погибли эти беззавѣтно храбрые воины, жестоко поплатившіеся за неосторожность и увлеченіе начальника.

Возмездіе не замедлило послѣдовать.

Циціановъ не задумывался никогда, если чувствовалъ, что нужно дѣйствовать съ энергіей. Онъ не сталъ разбирать, что уничтожившіе отрядъ Секерина лезгины явились изъ-за турецкой границы.

„Съ морского дна достану ихъ, ежели понадобится“, — восклицалъ Павелъ Дмитріевичъ и приказалъ Орбеліани немедленно двинуться къ Ахалцыху и разгромить тамъ всѣ лезгинскіе аулы, если ахалцыхскій паша осмѣлится не выдать разбойниковъ. Орбеліани былъ энергиченъ не менѣе своего начальника. Съ пѣхотой и артиллеріей онъ пошелъ на Ахалцыхъ и такъ напугалъ пашу, что тотъ поспѣшилъ выслать къ нему шесть сотенъ лезгинъ. Тѣ явились, ожидая кровавой расправы. Но русскіе ограничились только тѣмъ, что, пожалуй, для отчаянныхъ горцевъ было хуже смерти.

Выданные ахалцыхскимъ пашой лезгины явились на коняхъ и вооруженными. У нихъ отобрали оружіе, спѣшили ихъ и подъ конвоемъ прогнали по всей Карталиніи и Кахетіи за Алазань. Грузины со всей страстностью, на какую способны только южане, всюду насмѣхались и издѣвались надъ своими недавно грозными врагами. Всякій страхъ, всякое уваженіе къ горцамъ были подорваны навсегда. За Алазанью лезгинъ разогнали на всѣ четыре стороны.

Это также произвело впечатлѣніе: грузины, да и сами горцы увидали, что русскіе не только не боятся такихъ враговъ, какъ они, но даже настолько пренебрегаютъ ими, что оставляютъ въ живыхъ и на свободѣ...

IV.

Гибель генерала Гулякова.

Казалось, что всѣ эти побѣды обезпечили покой Кахетіи и Карталиніи, но, когда удалось унять ахалцыхскихъ лезгинъ и джаро-белоканцевъ, у русскихъ чудо-богатырей явился новый и еще болѣе дерзкій и упорный врагъ—аварцы.

Впрочемъ, аварцы, собственно говоря, явились только ширмою для джаро-белоканцевъ. Никакъ не могли они примириться съ новымъ порядкомъ и болѣе всего съ невозможностью безнаказанно грабить кахетинскія села и деревни. Въ то-же самое время они не осмѣливались дѣйствовать открыто. Участь Белоканъ не позабылась еще. Какъ-бы то ни было, а въ іюлѣ 1803 г. на лагерь кабардинскаго полка вдругъ скатилась съ горъ сильная лезгинская партія. Какъ и всегда, нападавшіе болѣе всего надѣялись на то, что имъ удастся застать русскихъ врасплохъ. Не тутъ-то было! кабардинцы Гулякова хорошо знали, съ кѣмъ имъ приходится имѣть дѣло, и были настороже. Они встрѣтили лезгинъ такимъ ружейнымъ огнемъ, что тѣ сейчасъ-же ударились вспять, но все-таки изъ пасшихся въ полѣ табуновъ успѣли отхватить болѣе двухъ сотенъ казачьихъ лошадей.

Едва только они скрылись, какъ къ Гулякову явилась депутація отъ лезгинъ-джарцевъ. Депутаты казались растерянными и смиренно увѣряли, что они не причемъ въ этомъ набѣгѣ, что весь переполохъ надѣлали лезгины, пришедшіе изъ Дагестана. При этомъ депутаты обѣщали возместить потерю отряда своими лошадьми.

Гуляковъ хорошо зналъ цѣну всѣмъ этимъ оправданіямъ и увѣреніямъ, но—неизвѣстно, поддался-ли онъ на удочку, или почему-либо находилъ невозможнымъ предпринять карательную экспедицію—только на этотъ разъ онъ удовлетворился объясненіями джарцевъ. Сейчасъ-же послѣ этого въ горахъ пошелъ слухъ, что русскіе безсильны, что русскіе даже не въ состояніи отомстить за нападеніе. Этотъ слухъ очень пришелся по сердцу легковѣрнымъ аварцамъ; среди аварскихъ племенъ созывались „джааматы“ (народныя собранія), на нихъ толковали о борьбѣ съ русскими; заволновались даже подстрекаемые горцами спокойные дотолѣ казикумыки.

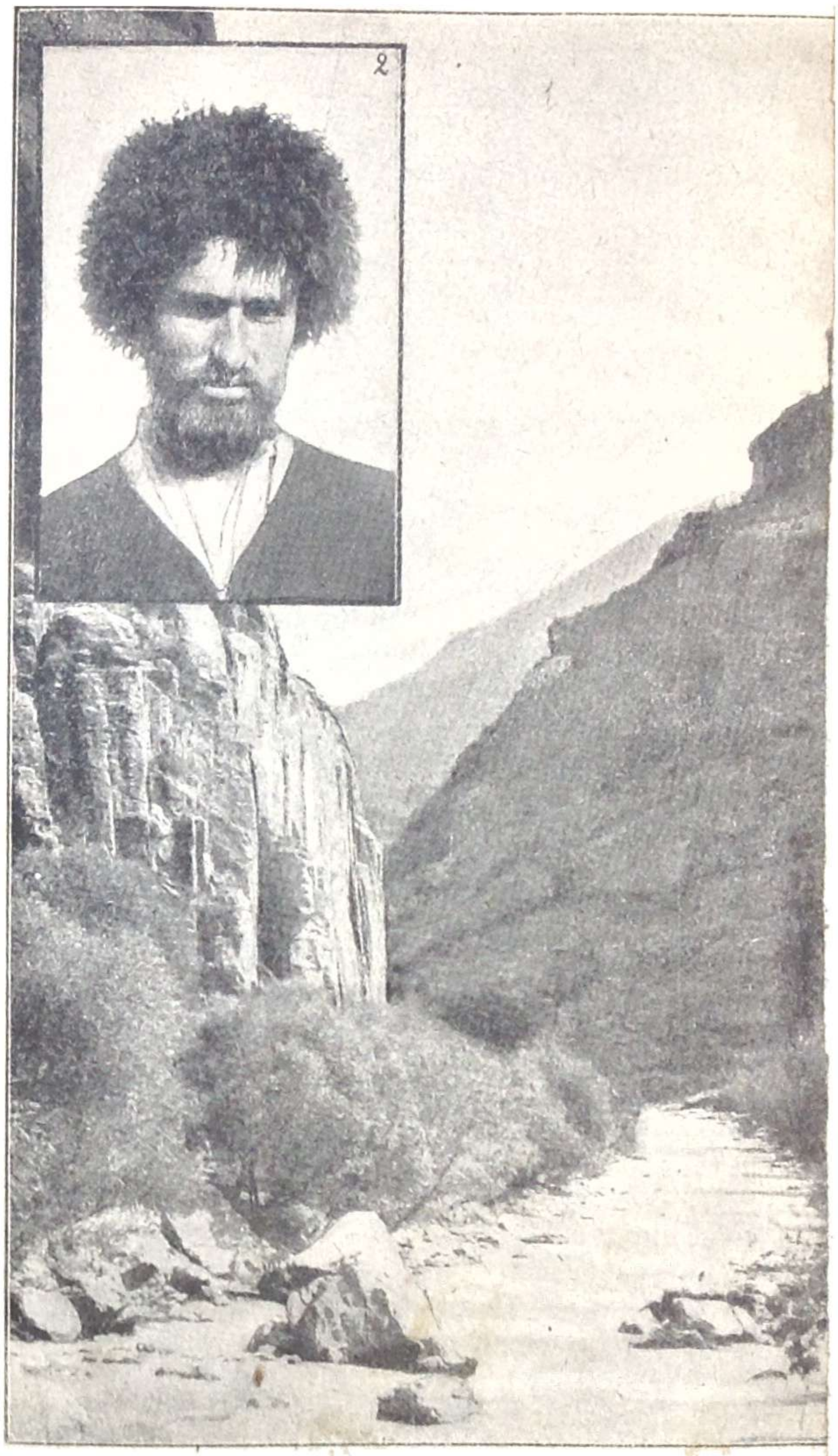
Но энергичнѣе всѣхъ оказывались все-таки аварцы, еще не испытавшіе всей тягости борьбы съ русскими и

Асландузская битва. 19—20-го октяб

я 1819 г. Оригин. рисун. художн. М. Андреева.

1) Рѣка Кубань. 2) Горецъ. Композиц. худ. Ольшанскаго В. Ермакова.

Стр. 71 и 72.

Долина Баксана. Композ. худ. Ольшанскаго по фот. В. Ермакова.

позабывшіе свое пораженіе на Іорѣ. Гуляковъ стоялъ настороже. Лагерь его бдительно охранялся днемъ и ночью, но горцы выжидали, пока наступитъ осень, и обрушились на русскихъ только въ концѣ октября. Какъ и всегда, нападеніе было почное, внезапное. На русскій лагерь скатились болѣе десяти тысячъ лезгинъ; на этотъ разъ вмѣстѣ съ дагестанцами были джарцы. Нападавшіе пытались вызвать на себя русскихъ изъ лагеря. Они не кинулись въ аттаку, а ограничились только ружейнымъ огнемъ, гамомъ и гиканьемъ, ожидая, что русскіе кинутся на нихъ въ почной тьмѣ. Однако, Гуляковъ разгадалъ этотъ маневръ. Вмѣсто того, чтобы, какъ ожидали лезгины, немедленно кинуться на нихъ, что могло перепутать всѣ части русскихъ войскъ, онъ ограничился лишь тѣмъ, что вплоть до разсвѣта громилъ нападавшихъ изъ орудій, и, можетъ быть, вслѣдствіе этого, какъ только ночь приблизилась къ концу, всѣ лезгины отошли отъ лагеря и на разсвѣтѣ передъ русскими уже никого не было. Гуляковъ кинулся вслѣдъ за ними и настигъ горцевъ у Алазани. Послѣ недолгой схватки на берегу рѣки остались триста лезгинскихъ труповъ, не считая тѣхъ, кто утонулъ и былъ унесенъ волнами Алазани. Хотя Цицiановъ въ это время всецѣло былъ занятъ послѣдними приготовленіями къ персидскому походу, онъ все-таки не сталъ откладывать наказанія горцамъ, тѣмъ болѣе, что ханъ казикумыкскій уже явился съ войскомъ на Алазань.

„Не слабой мухѣ, каковъ аварскій ханъ, — объявлялъ „грозный князь“, — противъ непобѣдимаго русскаго оружія брать гордый голосъ и думать устрашить меня, посѣдѣвшаго подъ ружьемъ!“

Онъ приказалъ Гулякову разогнать казикумыковъ и „примѣрно“ наказать джаро-белоканцевъ.

У Гулякова войска были уже готовы. У него были: грузинская милиція, конная и пѣшая, кабардинскій и тифлисскій батальоны, 15-й егерскій полкъ и одно орудіе. Казикумыки стояли на правомъ берегу Алазани. Ханъ ихъ оказался весьма недурнымъ стратегомъ. Съ боковъ у него были непроходимыя болота, спереди — густой лѣсъ; онъ былъ увѣренъ, что эта позиція неприступна для русскихъ, но передъ Гуляковымъ была такая-же позиція, когда онъ шелъ на Белоканы. Явившись къ казикумыкамъ, онъ отвлекъ ихъ вниманіе артиллерійскимъ огнемъ, а

въ это время отрядъ охотниковъ, предводительствуемый полковникомъ Григоріемъ Евсѣичемъ Эристовымъ, пробрался черезъ лѣсъ и съ громовымъ „ура“ ударилъ на казикумыковъ прямо „въ лобъ“. Ханъ никоимъ образомъ не ожидалъ нападенія съ этой стороны. Онъ былъ увѣренъ, что русскимъ не пройти черезъ густой тернъ, которымъ былъ покрытъ лѣсъ. Но русскіе были тутъ, ихъ „ура“ гремѣло, производя панику среди опѣшившихъ казикумыковъ, подумывавшихъ, какими это судьбами передъ ихъ фронтомъ появились главныя силы Гулякова. Между тѣмъ, русскіе охотники уже опрокинули первую линію казикумыковъ и овладѣли завалами. Шесть казикумыкскихъ знаменъ перешли въ руки удальцовъ. Гуляковъ ухитрился во-время поддержать охотниковъ, и тогда начался безпримѣрный бой. Русскіе гнали врага прямо въ Алазань; казикумыки, окончательно ошеломленные и потерявшіе голову, тѣснились у самой воды, а тутъ такъ и рвала ихъ русская картечь; наконецъ, они кинулись въ рѣку, русскія пули свинцовыми роями посыпались вслѣдъ за ними, и мало кто цѣлымъ и невредимымъ выбрался на противуположный берегъ. Но и тамъ спасшимся было не слаще. Русскіе охотники успѣли перебраться за Алазань, и ихъ пули били враговъ на выборъ, не позволяя имъ придти въ себя, опомниться и дать хотя малый отпоръ побѣдителямъ...

Дѣло на Алазани кончилось сплошнымъ бѣгствомъ казикумыковъ. Пораженіе этихъ союзниковъ лезгинъ было полное. Джаро-Белоканы были открыты, Гуляковъ, не медля, вступилъ туда и въ двѣ недѣли опустошилъ всю область. Сотни лезгинскихъ труповъ оставались на его пути впередъ. Отъ ауловъ не оставлялось камня на камнѣ; на этотъ разъ не уцѣлѣли и Джары: Гуляковъ взялъ и сжегъ ихъ...

Однако, онъ не остановился здѣсь и рѣшилъ проникнуть въ Нагорный Дагестанъ, дабы столь-же „примѣрно“ наказать и аварцевъ. Войскъ у генерала было достаточно, и онъ не сомнѣвался, что экзекуція будетъ произведена и надолго отобьетъ у аварцевъ охоту нападать на русскія владѣнія. А, между тѣмъ, передъ нимъ поднялись уже высокою стѣною горы. Путь лежалъ черезъ Закатальское ущелье, передъ которымъ раскинулось урочище Пейкоро. По обѣимъ сторонамъ ущелья щетинился густой таинственно молчавшій лѣсъ. Гуляковъ смѣло повелъ впередъ свой отрядъ, въ которомъ были молодые столичные офи-

церы—графы Бенкендорфъ и Воронцовъ, одинъ—будущій „всемогущій жандармъ“, другой—будущій намѣстникъ Кавказа. Съ нимъ были и опытные кавказскіе бойцы—генералъ-маіоръ князь Дмитрій Захаровичъ Орбеліани и командиръ тифлисцевъ, Алексѣй Алексѣевичъ Леонтьевъ. Есть указаніе (письмо Воронцова къ Циціанову), что они отсовѣтывали Гулякову идти черезъ Закаталы; онъ сперва согласился было повернуть назадъ, потомъ все-таки повелъ отрядъ, увѣряя, что долженъ „открыть мѣсто“. Видно, не пришла еще пора Дагестану покориться Россіи. Кому, какъ не Гулякову — грозѣ лезгинъ — было знать противника, понимать, что значитъ это молчаніе лѣса въ ущельѣ? Но Василій Семеновичъ пошелъ навстрѣчу своей судьбѣ. Мало того, онъ, превосходно зная, какой боевой матеріалъ представляютъ изъ себя грузины, пустилъ ихъ въ головной части своего отряда; на развѣдки-же Гуляковъ пошелъ самъ, взявъ съ собой орудіе и надежный конвой.

Лѣсъ угрюмо молчалъ, пока въ ущелье втягивался отрядъ, но вдругъ оживились запорошенныя снѣгомъ деревья; со всѣхъ сторонъ—и справа и слѣва, и съ земли и съ высоты—загремѣли выстрѣлы, завыли пули; въ то-же мгновеніе съ неистовымъ крикомъ въ голову отряда кинулись лезгины съ обнаженными шашками. Гуляковъ не успѣлъ даже крикнуть: какой-то лезгинъ выстрѣлилъ въ него въ упоръ, и генералъ упалъ, пораженный на-смерть. Нападавшіе замѣтили эту удачу, ихъ торжествующій крикъ пронесся среди горъ и привелъ въ ужасъ трусливую грузинскую милицію. Милиціонеры, ослѣпленные ужасомъ, кинулись назадъ на шедшую за ними пѣхоту. Въ самую страшную минуту въ рядахъ начался невозможный безпорядокъ. Въ страхѣ за свою ничтожную жизнь, грузины мчались впередъ, сбрасывая съ дороги въ стремнину всѣхъ, кто попадался имъ навстрѣчу. Были сброшены Орбеліани и Леонтьевъ; отрядъ оставался безъ главныхъ начальниковъ, а впереди кипѣлъ бой. Неустрашимые кабардинцы, какъ львы, дрались съ лезгинами за трупъ своего любимаго вождя. Судьба, однако, спасла русскихъ отъ пораженія. На радостяхъ лезгины не примѣтили, что творится позади, и не воспользовались происшедшей тамъ сумятицею. Они съ остервенѣніемъ кидались на кабардинцевъ, стремясь лишь къ одному—отнять у нихъ трупъ вождя, голова котораго должна была явиться ихъ побѣднымъ трофеемъ. Въ это время успѣлъ выкараб-

каться и оправиться Орбеліани, являвшійся послѣ смерти Гулякова командиромъ отряда. Онъ кое-какъ прекратилъ безпорядокъ, но идти впередъ не рѣшился и повелъ отрядъ назадъ. Лезгины бѣшено насѣдали на отступавшихъ, и бой въ ущельѣ длился безъ малаго восемь часовъ. Затѣмъ выведя отрядъ, Орбеліани расположилъ его на равнинѣ у урочища Пейкоро и такъ ударилъ на продолжавшихъ преслѣдованіе лезгинъ, что въ одно мгновеніе тамъ, гдѣ столкнулись съ ними русскіе, выросла груда тѣлъ. Но и въ русскомъ отрядѣ были крупныя потери: раненыхъ, пропавшихъ безъ вѣсти и убитыхъ насчитывалось свыше пятисотъ. Лезгинъ легло на мѣстѣ въ нѣсколько разъ болѣе.

Такъ отмстили русскіе богатыри за гибель своего вождя.

Увы! людская злоба, а, можетъ быть, просто людское скудоуміе преслѣдовали Гулякова даже послѣ смерти. Офицеры кабардинскаго полка вознамѣрились похоронить прахъ героя въ сигнахскомъ монастырѣ, но бадбійскій митрополитъ воспротивился этому. Циціановъ долженъ былъ пригрозить ему лишеніемъ сана, и только тогда тѣло Гулякова, жизнь свою положившаго ради обезпеченія покоя Грузіи, упокоилось вблизи мощей просвѣтительницы Грузіи, св. Нины.

Когда тѣло Гулякова опускали въ могилу, изъ Петербурга примчался курьеръ: императоръ Александръ Павловичъ посылалъ своему герою въ награду за подвиги Анненскую ленту.

Спустя слишкомъ сорокъ лѣтъ, когда Закатальское ущелье уже принадлежало Россіи, на томъ мѣстѣ, гдѣ погибъ геройской смертью этотъ честный сынъ Россіи, былъ воздвигнутъ ему памятникъ.

Походъ Гулякова и самая смерть его не прошли даромъ. Лезгины, какъ равнинные, такъ и горные, а вмѣстѣ съ ними и аварцы были настолько устрашены, что сидѣли съ тѣхъ поръ смирно, давая русскимъ возможность управиться съ персюками.

V.

На Кубани.

Линейныя войска, переброшенныя въ Закавказье, лихо безъ устали бились съ врагомъ. Жесточайшіе бои, схватки и сѣчи шли непрерывно. Лихой врагъ былъ здѣсь передъ русскими, врагъ отчаянный, безпощадный, котораго

необходимо было добивать на-смерть, чтобы обезопасить себя отъ него; въ это-же самое время не отставали отъ своихъ закавказскихъ товарищей и выселившіеся въ Прикубанье черноморцы.

Что за чудо-войско создалось у русскаго царя изъ этихъ „послѣдышей“ знаменитой Запорожской сѣчи—ни въ сказкѣ про него разсказать, ни перомъ его описать!.. Такихъ молодцовъ-удальцовъ ни у кого никогда не было. Прежде всего, переселившись въ Прикубанье, эти люди ухитрились по внѣшности приспособиться къ окружающей ихъ обстановкѣ и въ то-же время по сущности своей остаться чисто русскими людьми, и въ Бога вѣрующими, и царя чтущими. Поглядѣть въ праздничный день на казака-черноморца — картина. На плечахъ червонный куштушъ, на ногахъ шаровары, шириною „съ Черное море“, кушакъ — настоящая парча и расшитъ онъ такъ, что весь блеститъ драгоцѣнными украшеніями; сапоги красные, съ выгнутыми кверху узкими носками; шапка высокая смушковая, съ красной тульей; за кушакомъ пара пистолетовъ да разукрашенный серебромъ кинжалъ. Все блеститъ на такомъ „праздничномъ“ казакѣ, все горитъ. Винтовка легкая, дальнобойная, сабля, непремѣнно отбитая у турка-янычара или черкеса; конь тоже всегда легкій, быстролетный, добытый изъ закубанскихъ табуновъ. Жизнь такому воину — копейка и не потому, чтобы онъ уже такой озорникъ или буянъ былъ по самой своей природѣ,— нѣтъ, черноморцы того времени, по всѣмъ характеристикамъ своихъ современниковъ, были добряки, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мечтатели. Они выработали для себя свой собственный взглядъ на жизнь. Это были „рыцари“, которые на свѣтъ Божій появлялись, чтобы вести войну. Часто первымъ, что поражало слухъ младенца въ казачьей станицѣ, были грохотъ пальбы и шумъ боя. Часто только что пріучавшіеся смотрѣть глазенки видѣли зарево пожаровъ, трупы, кровь. Выработывалась привычка къ смерти. Смерть была всегда около казака, и онъ былъ къ ней совершенно равнодушенъ. „Убивай, чтобъ самому не быть убитымъ!“ — вотъ основное руководящее правило всей тогдашней жизни на Кубани. И „убивали, чтобы не быть убитыми“, на берегахъ Кубани всѣ. Женщины, дѣвушки, старцы, подростки, дѣти — всѣ умѣли при случаѣ всадить кинжалъ въ горло врага, пустить въ него безъ промаха пулю, но въ то-же время и сами умѣли мереть, не прося пощады, не выказывая ни малѣйшагоу

страха. Подвиги, иногда прямо чудесные, никогда не вызывали удивленія — слишкомъ обычнымъ дѣломъ они были. Храбрецовъ, особо признанныхъ, не было, ибо всѣ на Кубани были храбрецами. Путемъ приспособленія „къ жизни передъ смертью“ выработалось особое племя, пришедшееся какъ разъ по плечу тому врагу, противъ котораго оно выступало на защиту Руси.

Должно сказать, что и враги у черноморцевъ были тоже особенные. Шапсуги, бжедухи, абадзехи, жанивцы и пр., и пр. — тоже были „рыцарями“. Жизнь для нихъ также ничего не стоила, ибо и они выработали себѣ привычку къ смерти. Всѣ племена адыге жили въ постоянной кровавой борьбѣ между собой. Когда въ Прикубанье явились черноморцы, то вышло такъ, какъ-будто однимъ черкесскимъ племенемъ стало больше, только и всего. Лишь впослѣдствіи, когда черкесы сообразили, что черноморцы всегда могутъ получить помощь изъ Россіи, они стали къ поселившимся во враждебныя отношенія. Въ первые-же годы поселенія, то или другое племя, начиная войну противъ сосѣда, обращалось къ черноморцамъ съ предложеніемъ союза, но въ то-же время черкесы были не прочь переправиться за Кубань, похозяйничать въ казачьихъ станицахъ, поживиться казачьими красотками, на которыхъ былъ хорошій спросъ въ Анапѣ, и было время, когда черноморцы не могли отплачивать свирѣпому врагу „око за око, зубъ за зубъ“...

Петербургъ былъ во всѣ времена Петербургомъ... Въ немъ на все смотрѣли съ точки зрѣнія кабинета, канцеляріи, и живая жизнь въ расчетъ не принималась. Петербургскіе чиновники надумывали правила, требовали, чтобы они, исполнялись, и знать не хотѣли, насколько сочиненныя въ тиши кабинета предписанія соотвѣтствовали дѣйствительной жизни. Такъ, петербургскіе вершители всякаго рода судебъ надумали, что если черноморцамъ запретить переходить съ ихъ праваго берега Кубани на лѣвый черкесскій берегъ, то сразу воцарятся въ прикубанскомъ краѣ тишь да гладь, да Божья благодать... Кстати сказать, въ то время, когда появилось подобное предписаніе, въ Петербургѣ не знали, гдѣ находится Тифлисъ... Знали, что гдѣ-то „за горами за долами“, а гдѣ именно — на берегу-ли Каспійскаго моря или Чернаго—было неизвѣстно... Увы! это — фактъ, подтвержденный историками кавказскихъ войнъ. Понятно, что о характерѣ черкесовъ въ Петербургѣ имѣли еще меньшее представленіе, чѣмъ о мѣсто-

нахожденіи Тифлиса. Вѣроятно, въ Петербургѣ представляли, что вся причина постоянныхъ кубанскихъ столкновеній заключается въ черноморцахъ и стоитъ только унять ихъ, чтобы на Кубани началось райское мирное житье, а вышло совсѣмъ иное.

Черкесы безпрестанно появлялись на казачьей сторонѣ, грабили, убивали, жгли цѣлыя станицы и уходили на свою сторону совершенно безнаказанно. Они пріучились смотрѣть на черноморскія станицы, какъ на свое достояніе. Надобилось что-либо черкесу, — онъ собиралъ шайку себѣ подобныхъ сорванцовъ; затѣмъ выбирали удобное мѣсто для переправы, являлись, грабили, уводили въ полонъ, и, какая-бы ни была погоня, казаки не осмѣливались даже отбивать своихъ, если они были уведены черкесскою шайкою за Кубань.

Въ Петербургѣ никакимъ представленіямъ о неудобствахъ подобнаго положенія на Кубани не вѣрили и только въ мартѣ 1800 г., когда черкесы уже слишкомъ зарвались и едва не разорили самаго Екатеринодара, казачьему атаману Бурсаку удалось, наконецъ, добиться отмѣны нелѣпаго распоряженія...

Ссйчасъ-же показали себя черкесамъ преемники запорожцевъ.

Лѣтомъ того-же 1800 года они, подъ предводительствомъ самого Бурсака, ворвались въ черкесскую землю и такъ похозяйничали тамъ, что однимъ этимъ набѣгомъ покрыли всѣ потери, понесенныя ими въ послѣднее время отъ черкесовъ. Спустя не мало времени, есаулъ Кобенякъ, всего съ двумя сотнями товарищей, снова ворвался къ черкесамъ. Противъ него выдвинулся было славившійся во всей Черкесіи Явбукъ-бей съ пятьюстами наѣздниковъ, но казаки разгромили ихъ, разграбили ихъ аулъ Махмета-Паки, отбили всѣхъ своихъ плѣнныхъ и вернулись съ громадной добычей на линію.

Черкесы послѣ этого попритихли. Они сообразили, что ихъ „золотыя времена“ миновали, что удальцы-черноморцы, разъ имъ развязаны руки, въ обиду себя болѣе не дадутъ и сумѣютъ постоять за себя.

Тогда-то и началась не прерывавшаяся въ теченіе почти шестидесяти лѣтъ борьба, вся сплошь состоявшая изъ мелкихъ схватокъ, причемъ главное значеніе борьбы было въ томъ, что черноморцы привлекли на себя племена адыге и, такимъ образомъ, помѣшали имъ принять общее участіе въ борьбѣ горцевъ съ Русью за Кавказъ. Нача-

лась на Кубани борьба, которую поэтъ Полежаевъ, участникъ ея, описываетъ такъ:

Бывало, бодрый и безмолвный
Казакъ на пагубныя волны
Вперяетъ взоръ сторожевой:
Нерѣдко ихъ знакомый ропотъ
Таилъ коней черкесскихъ топотъ
Передъ тревогой боевой;
Тогда винтовки смертоносной
Нежданный выстрѣлъ вылеталъ,
И хищникъ смертію поносной
На брегѣ русскомъ погибалъ.
Или толпой ожесточенной
Врывались злобные враги
Въ шатры Защиты изумленной —
И обагряли глубь рѣки
Горячей кровью казаки *)...

Однако, во времена поэта, т. е., въ тридцатыхъ годахъ минувшаго столѣтія, уже видно было, что конецъ недалекъ, и было ясно, на чьей сторонѣ побѣда.

Немного далѣе поэтъ говоритъ:

Но миновало время брани,
Смирился дерзостный джигитъ,
И рѣдко, рѣдко на Кубани
Свинецъ убійственный свиститъ.
Молчаньемъ мрачнымъ и печальнымъ
Окрестность битвъ обложена,
И будто миромъ погребальнымъ
Убита бранная страна...

VI.

Подвиги черноморцевъ.

Уже въ то время, когда Циціанову пришлось вести борьбу за Грузію сперва съ лезгинами, а затѣмъ съ Персіей, черноморцы оказали общему дѣлу существенную помощь тѣмъ, что командующимъ на линіи совсѣмъ не нужно было заботиться о правомъ флангѣ. Онъ былъ такъ надежно прикрытъ казаками, что совсѣмъ обособился въ отдѣльный театръ военныхъ дѣйствій, на которомъ воюющіе управлялись съ врагомъ своими собственными силами. Черноморцы, руководимые сообразительнымъ Бурсакомъ, такъ приспособились къ своему положенію, что даже пустились на нововведенія, немыслимыя ни въ какой иной войнѣ, кромѣ той, полной ожиданія смертельной опасности, которую приходилось вести имъ.

Послѣ погромовъ Бурсака и Кобсняка черкесы сидѣли

*) Полежаевъ. «Вечеръ на Кубани».

на своемъ берегу смирно. Острастка подѣйствовала, но въ этомъ случаѣ „смирно“ вовсе не значитъ, что на Кубани не происходило схватокъ, не лилась кровь. Это было, но въ столь незначительныхъ размѣрахъ, что казаки на подобныя „мелочи“ не обращали вниманія. Черкессы являлись на казачьемъ берегу Кубани мелкими шайками. О массовыхъ набѣгахъ ничего не было слышно. Однако, это было затишье передъ грозой, и на Кубани понимали это и бдительно сторожили безмолвствовавшій лѣвый берегъ. На Кубани появились „плавучіе пикеты“ — выдумка самого Бурсака. Это были плоты, на краяхъ которыхъ было приспособлено прикрытіе отъ выстрѣловъ. Каждый плотъ поднималъ десятокъ, а иногда и болѣе людей, вооруженныхъ винтовками, шашками и почти всегда имѣвшихъ у себя орудіе: фальконеты или трехфунтовую пушку. На такихъ плотахъ казаки разъѣзжали отъ Екатеринодара внизъ по Кубани, ни на часъ не оставляя безъ надзора черкесскаго берега. Иногда на тѣхъ-же плотахъ перевозился грузъ, большей частью казенный: порохъ, оружіе и т. д. Черкесы долго приглядывались къ этимъ плавучимъ махинамъ, не мѣшали имъ плавать, и лишь изрѣдка въ камышахъ лѣваго берега вспыхивалъ выстрѣлъ и въ сторону байдака — такъ назывались у казаковъ эти плавучіе пикеты — свистѣла черкесская пуля. На такіе пустяки не обращали вниманія и развѣ изрѣдка на выстрѣлъ отвѣчали выстрѣломъ. Такъ шло до февраля 1802 г. Тутъ случилось, что одинъ изъ байдаковъ переправлялъ въ Екатеринодаръ порохъ, котораго было много — свыше четырехсотъ пудовъ. Черкесы пронюхали объ этомъ грузѣ, и такъ какъ добыча для нихъ была слишкомъ соблазнительна, то они и попытались завладѣть ею. И завладѣли. На одной кубанской отмели плотъ остановился, и случилось это какъ разъ около густой камышевой заросли. Въ одно мгновеніе затрещали выстрѣлы, градъ пуль осыпалъ казаковъ, и, прежде чѣмъ плотъ успѣлъ сдвинуться съ мели, на него уже вскочили черкесы, и началась рукопашная схватка. Всѣ казаки, которые были на плоту, а среди нихъ и два офицера, легли на мѣстѣ подъ черкесскими шашками. Спаслись только двое и то потому, что нападавшіе приняли ихъ за убитыхъ и бросили безъ вниманія. Плотъ, порохъ, оружіе и пушка стали добычей черкесовъ.

Спасшіеся принесли ужасную вѣсть въ Екатеринодаръ, и Бурсакъ рѣшилъ жестоко расправиться съ черкесами,

не разбирая, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ въ нападеніи. Но онъ не пошелъ на лѣвый берегъ сейчасъ-же. Три мѣсяца выжидалъ атаманъ, давая черкесамъ время увѣриться, что ихъ дерзость пройдетъ безнаказанною а самъ тѣмъ временемъ съ замѣчательной скрытностью готовился къ походу. Казалось, будто никто, кромѣ него, не зналъ о томъ, что предстоитъ, а, между тѣмъ, къ концу мая у Бурсака были собраны шесть тысячъ казаковъ да съ линіи онъ ухитрился прихватить еще два егерскихъ полка. Отрядъ былъ въ изобиліи снабженъ всѣмъ необходимымъ. 29-го мая онъ уже переправился черезъ Кубань, а на слѣдующее утро казаки, пробравшіеся черезъ плавни, окружили аулы, принадлежавшіе черкесскому князю Буджаку. Съ первыми солнечными лучами начался отчаянный бой. Черкесы знали, зачѣмъ появились черноморцы, пощады не просили и бились съ остервенѣніемъ. Черноморцы тоже насѣдали, горя однимъ только стремленіемъ сокрушить и уничтожить врага. Вѣсть о набѣгѣ уже пролетѣла среди закубанскихъ черкесовъ. На помощь къ окруженнымъ ауламъ откуда-то вихремъ примчались съ полтысячи нападниковъ, успѣвшихъ прорвать живое кольцо. Но и эта подмога оказалась напрасною. Черноморцы остервенились сами. Они еще разъ обошли черкесовъ и ударили на нихъ съ четырехъ сторонъ. Ударъ былъ рѣшительный и неотразимый. Оборонявшіеся были смяты, большинство ихъ легло на мѣстѣ, казаки ворвались въ аулы. Четыре изъ нихъ были стерты съ лица земли, семьи черкесовъ, а въ ихъ числѣ и княжеская семья, вмѣстѣ съ самимъ Буджакомъ, болѣе пятисотъ плѣнниковъ, весь скотъ, всѣ табуны, все, что уцѣлѣло въ саклях, стало добычей казаковъ.

Черноморцы возвратились изъ набѣга въ свои станицы гордыми побѣдителями, но и противники ихъ были не изъ тѣхъ, кто смиряется передъ силой и оставляетъ пораженія безъ отмщенія. Въ это-же лѣто участились нападенія мелкихъ шаекъ. Во всѣхъ камышахъ лѣваго берега черкесы сторожили казаковъ, и, стоило кому-либо изъ нихъ появиться безъ предосторожности, мѣткая черкесская пуля укладывала на-смерть несчастнаго; чуть-ли не каждую ночь то тамъ, то тутъ срывались казачьи пикеты, а иногда черкесскія шайки прорывались въ глубь страны и неистовствовали даже въ далекихъ отъ Кубани станицахъ. Но все это были мелкія отдѣльныя нападенія; массы пока хранили грозное спокойствіе. Между тѣмъ, на Ку-

бань доходили часъ отъ часу все болѣе тревожныя вѣсти. Разсказывали о постоянныхъ и бурныхъ собраніяхъ у черкесскихъ князей и старшинъ, о томъ, что горцы крупными партіями уходятъ куда-то. Однако, на самой Кубани, т. е., на лѣвомъ берегу ея, было тихо, и даже отдѣльные хищники исчезли изъ камышей, словно усыпляя этой напряженной тишиной бдительность русскихъ.

Громъ грянулъ 19-го января 1803 г. Въ ночь огромныя скопища прекрасно вооруженныхъ черкесовъ, скрывавшихся до того въ отдаленіи отъ береговъ, внезапно перешли Кубань и всей своей тяжестью опрокинулись на Александровскій казачій постъ. Начальствовавшій здѣсь хорунжій Коротпякъ храбро встрѣтилъ нападеніе. Но, вѣдь, сила всегда солому ломитъ, — Коротнякъ былъ убитъ однимъ изъ первыхъ; черкесы ворвались за валы укрѣпленія и буквально вышвырнули вонъ его защитниковъ. Однако, и черноморцы были врагомъ, вполнѣ достойнымъ напавшихъ храбрецовъ. Они съ поразительной быстротой оправились и открыли по засѣвшимъ въ укрѣпленіи черкесамъ адскій огонь, разстрѣливая враговъ чуть-ли не на выборъ. Потомъ черноморцы сами бросились на черкесовъ и выбили ихъ вонъ.

Черкесы отхлынули, а въ это время по берегу во всѣ стороны уже мчались конные казаки, предупреждая обычнымъ крикомъ: „черкесы, черкесы! Богъ съ вами!“, о близкой опасности.

А опасность становилась все болѣе и болѣе грозною. Пока одно скопище громило Александровскій постъ, другое, еще больше, опрокинулось на Копыльскій кордонъ. Тутъ начальствовали подполковникъ Блюдовъ и капитанъ Ерько. Они были предупреждены и встрѣтили враговъ картечью и сплошнымъ ружейнымъ огнемъ. Это не остановило нападавшихъ. Они, будучи отброшены, опять бѣшено кидались на укрѣпленіе. Картечь укладывала переднихъ, задніе, словно ослѣпленные, лѣзли впередъ. Такихъ ожесточенныхъ приступовъ было семь. Среди черкессовъ появились бѣсновавшіеся муллы, подстрекавшіе храбрецовъ къ бою пѣніемъ корана. У оборонявшихся истощались боевые припасы, и кто знаетъ, уцѣлѣлъ-бы Копылъ, если-бы въ то время, когда шелъ особенно ожесточенный приступъ, не примчались казаки съ ближняго Протоцкаго поста. Они ударили на враговъ съ тыла, и лишь это заставило черкесовъ отойти отъ укрѣпленія ни

съ чѣмъ. Они сдѣлали видъ, что уходятъ за Кубань, но вдругъ почти отъ берега повернули назадъ и обрушились на помогшій Копылу Протоцкій постъ. Тутъ они даже не могли ожидать себѣ особенно мощнаго сопротивленія, однако, „долгъ платежомъ красенъ“. На помощь Протоцкому посту подоспѣлъ Ерько изъ только что спасеннаго Копыла и отогналъ черкесовъ. Набѣгъ не удался. Множество храбрецовъ осталось на русскомъ берегу Кубани. Но и это не укротило горцевъ. Вскорѣ они снова собрались съ силами, пробились черезъ линію и навалились на Петровскій постъ. Но, видно, пылъ ихъ уже поостылъ, энергія была не та, и нападавшее скопище было сравнительно легко отбито.

Черкесы снова притихли уже вплоть до осени 1804 г. Опять началась мелкая одиночная борьба, опять на Кубани защелкали одиночные выстрѣлы, но скопищъ болѣе не появлялось. Такое положеніе было, пожалуй, еще хуже, чѣмъ открытые бои. Казаки изнемогали отъ вполнѣ понятнаго нервнаго напряженія, и вотъ въ сентябрѣ 1804 г. за Кубань ворвались неукротимые шапсуги. Ихъ попробовалъ было остановить при переправѣ самъ Бурсакъ, у котораго оказался отрядъ въ триста казаковъ, но шапсуги смяли и отбросили противника; однако, къ счастью Бурсака, на мѣсто боя успѣла прискакать артилерія, и губительный огонь пушекъ остановилъ черкесовъ и далъ время оправиться казакамъ. Зато послѣ этого начался бой, о которомъ нынѣ врядъ-ли можно имѣть представленіе. Дрались грудь съ грудью. И черкесовъ, и казаковъ уже не манила цѣль битвы, а просто охватили ярость, ослѣпленіе борьбы, жажда убійства. Бились кинжалами, душили другъ друга, впивались другъ другу въ горло; бились не только люди, но даже кони, въ особенности черкесскіе, грызли, лягали другъ друга. Пушки прервали огонь изъ боязни бить по своимъ—такъ перемѣшались и нападавшіе, и защищавшіеся. Наконецъ, у шапсуговъ у первыхъ улеглось боевое одушевленіе. Они почувствовали, поняли, что русской силы имъ не сломить, и кинулись назадъ къ рѣкѣ. Но тутъ заговорили русскія пушки. Картечь такъ и рвала бѣглецовъ, казаки преслѣдовали ихъ по пятамъ, нанося кинжалами раны даже въ спину, что считалось позоромъ среди этихъ храбрецовъ.

Не много шапсуговъ перешло Кубань послѣ этого боя. **Но это еще были цвѣточки...**

Бурсакъ рѣшилъ, что безъ „примѣрнаго“ наказанія оставить черкесовъ нельзя. Да иначе онъ и не могъ поступить. За Кубанью были не одни шапсуги. Нужно было абадзехамъ, натухайцамъ, бжедухамъ, темиргоямъ, убыхамъ, бесленеевцамъ — словомъ, всѣмъ черкесскимъ племенамъ показать, что съ русскими шутки плохи, что нельзя безнаказанно врываться въ русскія владѣнія. Бурсакъ, несмотря на то, что стоялъ декабрь мѣсяцъ, съ отрядомъ изъ восьми конныхъ и пяти пѣшихъ черноморскихъ полковъ при шести орудіяхъ вломился въ земли шапсуговъ. Запылали аулы, полилась кровь, черкесскіе барды припомнили походы Дундука-Омбо; какъ и тогда, оголился весь край, все было уничтожено, разорено, и лишь эта жестокая экзекуція смирила неукротимое племя. Оставшіеся зимой безъ жилищъ горцы смиренно просили пощады, выслали заложниковъ. Кубанская линія успокоилась почти на три года...

Но военная гроза все еще продолжала бушевать надъ Кавказомъ: на юго-востокѣ какъ разъ въ это время гремѣли циціановскіе громы...

VII.

Ганжа—Елисаветполь.

Востокъ Закавказья былъ такъ или иначе успокоенъ Гуляковымъ, западъ — Симановичемъ, но на южной границѣ Грузіи оставалось Ганжинское ханство, въ которомъ былъ ханомъ любимецъ изверга Аги-Магомета, Джаватъ-ханъ, участвовавшій съ нимъ въ разореніи Тифлиса и наотрѣзъ отказавшійся признать какую-бы то ни было зависимость отъ русскихъ.

Циціановъ понималъ, что, пока Ганжа не будетъ покорена, нечего и думать о походѣ на Персію, которая, въ свою очередь, являлась постоянной угрозой для русскихъ, тѣмъ болѣе, что у ничтожнаго шаха Баба-хана оказался весьма энергичный и талантливый наслѣдникъ престола—Абассъ-Мирза, приблизившій къ себѣ въ качествѣ совѣтниковъ нѣсколькихъ англичанъ. Ганжинское ханство лежало между Россіей и Персіей и подъ вліяніемъ его находились всѣ прикаспійскія ханства; чтобы ослабить Персію, нужно было уничтожить самостоятельность Ганжи и присоединить ее къ русскимъ владѣніямъ въ Закавказьѣ.

Для этого у „грознаго князя“ былъ налицо благовидѣйшій предлогъ.

„Ганжа со времени царицы Тамари принадлежала Грузіи, — написалъ Циціановъ Джават-хану,—и слабостію царей грузинскихъ была отторгнута отъ оной. Всероссійская имперія, принявъ Грузію въ свое высокомощное покровительство и подданство, не можетъ взирать съ равнодушіемъ на расторженіе Грузіи и недостойно было-бы съ силой и достоинствомъ высокомощной и Богомъ вознесенной Россійской имперіи оставить Ганжу, яко достояніе и часть Грузіи, въ рукахъ чужихъ“...

Если тутъ пояснить, что посланіе къ гордому ганжинскому хану было отправлено въ то время, когда „грозный князь“ подходилъ уже къ Ганжѣ съ шестью батальонами пѣхоты, полкомъ нарвскихъ драгунъ и двѣнадцатью пушками, то понятно будетъ и такое окончаніе его:

„Пришедъ съ войсками брать городъ, я, по обычаю европейскому и по вѣрѣ, мной исповѣдуемой, долженъ, не приступая къ пролитію крови, предложить вамъ о сдачѣ города. Буде-же завтра въ полдень я не получу отъ васъ отвѣта, то брань возгорится, понесу подъ Ганжу огонь и мечъ и вы узнаете, умѣю-ли я держать свое слово“...

Отвѣтъ Циціановъ получилъ.

„Видно, несчастный рокъ доставилъ васъ сюда изъ Петербурга и вы испытаете его ударъ!“—написалъ „грозному князю“ ганжинскій ханъ...

Циціановъ на другой-же день отвѣтилъ, въ свою очередь,гордому Джавату тѣмъ, что разгромилъ ядрами всѣ защитныя укрѣпленія и окружилъ ганжинскую цитадель, но почему-то весь декабрь не предпринималъ рѣшительнаго штурма, а только требовалъ отъ Джавата сдачи.

Ганжинскій ханъ смотрѣлъ на эту нерѣшительность съ своей точки зрѣнія и словно дразнилъ русскаго главнокомандующаго своими насмѣшками.

„Ежели у русскихъ пушки длиною въ аршинъ,— осмѣливался онъ писать Циціанову, — такъ мои пушки длиною въ четыре аршина!“

Пылкій грузинъ все медлилъ штурмомъ, наконецъ, и его терпѣніе истощилось.

„Гдѣ это видано, — написалъ „грозному князю“ Джават-ханъ,—чтобы вы были храбрѣе персіанъ?“

„Я возьму твою крѣпость и предамъ тебя смерти!“ — приказалъ отвѣтить на это Циціановъ.

„Ты найдешь меня мертвымъ на крѣпостной стѣнѣ, если это случится“, — приказалъ передать Джават.

Цицiановъ уже рѣшилъ, что стоять подъ Ганжей болѣе нечего, и на третье января 1804 г. назначилъ штурмъ Ганжи.

Настала непроглядно темная ночь. Тихо поднимались полки, строились въ штурмовыя колонны и расходились въ заранѣе указанныя диспозицiей мѣста. Шли безъ барабаннаго боя, даже знамена были отнесены подальше. На штурмъ были назначены только русскiе солдаты: татарской милицiи Цицiановъ не пустилъ изъ опасенiя измѣны. Штурмовыхъ колоннъ было составлено двѣ: одна изъ кавказскихъ гренадеръ и севастопольцевъ (по батальону отъ каждаго полка, и двухъ эскадроновъ спѣшенныхъ нарвцевъ; другая — изъ двухъ батальоновъ егерей 17-го полка. Первой колонной командовалъ уже прославившiйся на Кавказѣ г.-м. Портнягинъ, второй — полковникъ Корягинъ, тоже храбрецъ, какихъ было не много въ Кавказскомъ корпусѣ. Темною массою чернѣла передъ солдатами ганжинская цитадель. Оттуда доносились гулъ, шумъ, крики. У Карабахскихъ воротъ русскими ядрами была пробита передъ самымъ штурмомъ брешь и сюда-то Цицiановъ направлялъ ударъ штурмовой колонны Портнягина. Но не дремалъ и Джаватъ; онъ, можетъ быть, предусмотрѣлъ направленiе удара, можетъ быть, какой-нибудь измѣнникъ изъ числа татаръ увѣдомилъ его о направленiи штурмовыхъ колоннъ, но только у бреши были собраны всѣ главныя силы ганжинцевъ. Джаватъ-ханъ такъ пылко желалъ сразиться съ русскими, что освѣтилъ со стѣны путь колоннѣ Портнягина. Русскiе не заставили себя ждать. Разсвѣтъ еще не начался, а у ганжинскаго рва вдругъ вспыхнуло русское „ура“. Перегоняя другъ друга, кинулись къ бреши гренадеры и севастопольцы, но тутъ ихъ остановила живая стѣна. Ободряемые своимъ ханомъ, ганжинцы не только приняли ударъ, но и отразили его. Какъ ни могучъ былъ натискъ портнягинской колонны, но первый приступъ былъ отбитъ. Портнягинъ подъ крѣпостнымъ огнемъ привелъ въ порядокъ отхлынувшiя отъ Ганжи войска и опять повелъ ихъ къ бреши. Но воодушевленiе послѣ первой удачи еще не остыло. Джаватъ-ханъ самъ распоряжался оборонoй — и увы! — вторичный ударъ пропалъ для штурмовавшихъ даромъ. Русскiе вторично были отброшены, радостные крики татаръ уже разливались въ полусумракѣ наступившаго утра. Два приступа стоили уже большихъ потерь, а между тѣмъ, ничего еще не было сдѣлано. Ганжу должно,

было взять, во что-бы то ни стало; паденіе ея было непремѣннымъ условіемъ умиротворенія всего Закавказья, залогомъ будущихъ побѣдъ въ Персіи, и вотъ Портнягинъ самъ съ небольшой кучкой храбрецовъ ударился на штурмъ. Теперь онъ велъ свои войска уже не къ бреши, а, измѣнивъ направленіе, рѣшилъ перекинуться въ цитадель прямо черезъ стѣну. Словно на крыльяхъ, первымъ взлетѣлъ генералъ на вражеское укрѣпленіе; за нимъ сейчасъ-же взобрались и его храбрецы. Ганжинцы не ожидали нападенія отсюда. Они были увѣрены, что русскіе въ третій разъ попробуютъ ворваться въ крѣпость черезъ брешь. А тамъ храбреца Джавата не было. Русское „ура“ гремѣло съ другой стороны — отъ Тифлисскихъ воротъ, куда Циціановъ направилъ колонну Корягина. Туда и кинулся Джаватъ, чтобы руководить отраженіемъ новаго непріятеля. Портнягинъ, между тѣмъ, былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ подоспѣвшими на стѣны ганжинцами. Горсточка русскихъ храбрецовъ билась отчаянно, но враговъ было такъ много, что они успѣвали отбивать всѣхъ, кто кидался на помощь генералу. Были отброшены нарвскіе драгуны, за ними и севастопольцы. Командовавшіе ими офицеры были убиты на мѣстѣ; казалось, Портнягинъ долженъ былъ неминуемо погибнуть съ своими храбрецами, однако, въ самый рѣшительный моментъ удалось взобраться по лѣстницамъ подполковнику Симаповичу съ нѣсколькими десятками кавказскихъ гренадеръ. Пошелъ рукопашный бой, ожесточенный съ обѣихъ сторонъ. Татары не сдавали, но и русскіе все сильнѣе и сильнѣе укрѣплялись на стѣнѣ, и теперь уже не было сомнѣнія въ исходѣ боя. Корягинъ овладѣлъ наиболѣе укрѣпленной башнею цитадели, а одинъ изъ его офицеровъ — маіоръ Лисаневичъ успѣлъ выбить татаръ изъ остальныхъ двухъ башенъ. Несмотря на то, что удачный исходъ штурма склонялся на сторону русскихъ, Джават-ханъ продолжалъ биться съупорствомъ ослѣпленнаго яростью человѣка. Кругомъ его легли всѣ его соратники, но неукротимый ханъ не сходилъ со стѣны. Онъ стоялъ около пушки, всѣ снаряды которой были уже разстрѣляны, и отчаянно рубился шашкой. На хана кинулся командиръ одной изъ егерскихъ рот Каловскій и ловкимъ ударомъ положилъ его на мѣстѣ. Кинувшіеся на помощь къ своему хану татары изрубили этого смѣльчака, но ханъ былъ мертвъ, а его смерть лишила защитниковъ Ганжи всякаго мужества. Они

побросали стѣны и кинулись въ узкія улицы. Гренадеры, драгуны и егеря живой волной перекатывались во внутрь города, и скоро бой закипѣлъ уже между домами. Разгоряченные упорнымъ сопротивленіемъ побѣдители штыками разбрасывали во всѣ стороны послѣднихъ защитниковъ Ганжи; улицы были завалены мертвыми тѣлами, кровь была всюду, и, только спустя полдень, закончилась эта штыковая работа: Ганжа вся перешла въ руки русскихъ.

При штурмѣ изъ числа участвовавшихъ въ немъ войскъ были потеряны 17 офицеровъ и 227 солдатъ. Этой цѣной Россіей пріобрѣтенъ былъ обширный пограничный край и, вмѣстѣ съ тѣмъ, было внушено грозное уваженіе всѣмъ татарскимъ племенамъ Закавказья.

Желая уничтожить въ краѣ даже память о нѣкогда могущественномъ ханствѣ, Циціановъ переименовалъ Ганжу въ Елисаветполь, а самое ханство объявилъ навсегда присоединеннымъ къ русскимъ владѣніямъ.

VIII.

Персидская война *).

Ганжа была „ключемъ“ къ сѣвернымъ областямъ Персіи, и для Циціанова настало время, наконецъ, помѣряться силами съ старинными врагами его отечества — Грузіи. Онъ зналъ, что паденіе Ганжи произвело на персовъ удручающее впечатлѣніе, и рѣшилъ воспользоваться этимъ. Лѣтомъ 1804 г. русскія войска уже тронулись въ предѣлы „Лѣса львовъ“ — такъ въ своей гордости называли персы свое отечество. Главною цѣлью похода Циціановъ ставилъ Эриванъ, сопредѣльную съ Ганжею персидскую область. Теперь война переносилась въ предѣлы древней Арменіи и впервые еще Русь готовилась помѣряться силами съ врагомъ, наводившимъ ужасъ на ея новыя владѣнія въ Закавказьѣ. Грозный примѣръ Ганжи и ея несчастнаго хана Джавата не образумилъ эриванскаго хана и онъ то и дѣло писалъ Циціанову дерзкія письма, предлагая ему уходить поскорѣе не только отъ границы Персіи, но и изъ Грузіи. Письма были полны надменныхъ угрозъ, и Циціановъ отвѣтилъ на нихъ тѣмъ, что выставилъ у границы Персіи, вблизи

*) Обозрѣніе русскихъ войнъ съ Персіей не входитъ въ программу настоящаго труда, но, тѣмъ не менѣе, мы помѣщаемъ здѣсь описаніе эриванскаго похода, въ которомъ русскія войска покрыли себя славою.

персидской деревушки Караклисъ, полкъ кавказскихъ гренадеръ, подъ командою ген.-м. Тучкова, и тифлисскій полкъ Леонтьева.

Было начало іюня 1804 г. Война съ Персіей еще не была объявлена, но это не мѣшало персамъ стрѣлять по русскимъ передовымъ постамъ. Русскіе на эти отдѣльныя нападенія не отвѣчали, а утверждались въ крѣпкой оборонительной позиціи, изъ которой они могли дѣйствовать и наступательно на огромный персидскій лагерь, раскинувшійся нѣсколько далѣе Караклиса, въ мѣстности, носившей наименованіе Гумри.

Персидская армія стояла совершенно готовая къ бою. Командовалъ арміей сердарь и около него были бѣглые грузинскіе царевичи, успѣвшіе увѣрить персидскаго военачальника, что разбить русскихъ не составитъ для него никакого труда. Сердарь повѣрилъ этому: русскихъ было не много — всего два полка съ нѣсколькими сотнями казаковъ, у персовъ-же одной только конницы было болѣе 8.000. Увѣренность въ побѣдѣ была настолько велика, что сердарь рѣшился напасть на русскій отрядъ, даже не ожидая объявленія войны.

Циціанова при отрядѣ не было. Тучковъ-же, какъ только узналъ о предстоящемъ нападеніи, рѣшилъ, что должно предупредить ударъ со стороны персовъ и напасть на нихъ самому. На разсвѣтѣ 10-го іюня русскія войска уже выступили изъ лагеря и двинулись по направленію къ Гумри. У Караклиса русскимъ преградила путь персидская кавалерія. Тучковъ выдвинулъ противъ нея пушки и безъ особеннаго труда очистилъ путь. Казаки пустились преслѣдовать убѣгавшихъ персюковъ и въ пылу этого преслѣдованія заняли курганъ передъ персидскимъ лагеремъ. Сердарь пустилъ на нихъ свою пѣхоту. Тучковъ, уже ознакомившійся съ мѣстностью, поддержалъ казаковъ батальономъ пѣхотинцевъ и въ то время, когда между русскими и персами завязалась перестрѣлка, обошелъ противника и со всѣми, имѣвшимися у него налицо, батальонами ударилъ на него съ тылу. Персы были до того непривычны къ битвамъ съ европейскими войсками, что даже не позаботились обезпечить себѣ путь къ отступленію. Между персидскими войсками и ихъ лагеремъ оказался небольшой узкій горный проходъ, и его занялъ Тучковъ. Ужасъ обуялъ персовъ, когда въ нихъ совершенно неожиданно брызнула русская картечь. Какъ ослѣпленные, кинулись они назадъ къ лагерю, но картечь сдѣ-

лала свое дѣло: цѣлые ряды персюковъ легли у входа въ ущелье. Тѣхъ, кому удавалось пробиться впередъ, встрѣчали русскіе штыки. Когда-же русскіе перешли въ наступленіе сразу съ двухъ сторонъ, персы, перепуганные до послѣдней степени, ударились бѣжать въ горы. Весь отрядъ сердаря оказался разсѣяннымъ, а въ добычу побѣдителю достался весь персидскій лагерь.

12-го іюня къ отряду прибылъ князь Циціановъ, а съ нимъ подошли и всѣ назначенныя имъ въ эриванскій походъ войска. Теперь въ Гумри скопились кавказскій гренадерскій полкъ, саратовскій полкъ, два батальона тифлисскаго полка, шесть ротъ 9-го полка егерей, нарвскій драгунскій полкъ и около пяти сотенъ линейскихъ и донскихъ казаковъ. Всего, впрочемъ, было не болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ съ артиллеріей изъ двѣнадцати орудій. Съ такими-то силами Циціановъ начиналъ борьбу съ Персіей, выставившей противъ него на первую только встрѣчу сорокатысячную армію, подъ командою самого наслѣдника иранскаго престола, Аббаса-Мирзы. Но количество враговъ не устрашало русскаго вождя. „Грозный князь“ зналъ цѣну своимъ непріятелямъ и стремился лишь къ одному, чтобы самому наносить удары, а не принимать ихъ. Черезъ два дня послѣ его прибытія въ Гумри весь русскій отрядъ уже шелъ къ Эчміадзину, древнему армянскому монастырю, по преданію, построенному на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ потопа жилъ праотецъ Ной. Позиція около Эчміадзина и самый монастырь были важнымъ стратегическимъ пунктомъ, и Циціановъ послалъ впередъ ген. Портнягина, приказавъ ему занять монастырь. Князь былъ увѣренъ, что персовъ нѣтъ на пути, и даже, когда онъ услыхалъ звонъ монастырскихъ колоколовъ, то выразилъ увѣренность, что армянское духовенство готовитъ русскимъ торжественную встрѣчу.

Но подъ звонъ колоколовъ русскій авангардъ былъ встрѣченъ градомъ пуль: Эчміадзинъ оказался занятымъ персами. Портнягинъ послалъ казаковъ сбить персидскихъ стрѣлковъ и очистить подступы къ монастырю для пѣхоты, и хотя линейцы лихо выполнили это, однако, о штурмѣ Эчміадзина нечего было и думать. Невыносимый лѣтній зной совсѣмъ обезлюдилъ ряды русскихъ. У Портнягина въ авангардныхъ батальонахъ оставалось человѣкъ по шестидесяти — не болѣе, когда онъ подошелъ къ монастырю. Остальные, истомленные зноемъ, тянулись

позади и приходилось еще ожидать, пока всѣ прд. тянутся и настолько соберутся съ силами, что будуть въ состояніи принять бой.

Но персы не ждали. 19-го іюня подошелъ Циціановъ съ своимъ отрядомъ къ Эчміадзипу, а 20-го на русскихъ уже обрушились 20.000 конныхъ персовъ, явившіяся авангардомъ арміи Аббаса-Мирзы. Картечь опять забрызгала по нападавшимъ, но всѣ основанія военной тактики персовъ состояли въ томъ, чтобы подавить непріятеля численностью. Русскихъ было мало, персовъ — густыя массы. Они охватили русскій отрядъ съ фланговъ, но въ это время высланные ген. Тучковымъ въ сторону сорокъ кавказскихъ гренадеръ совершенно неожиданно для персовъ открыли по нимъ огонь съ такой стороны, съ какой они не ожидали. Нападавшіе смутились и затоптались подъ русскимъ губительнымъ огнемъ. Оборонявшіеся воспользовались моментомъ и съ громкимъ „ура“ ударили на всадниковъ въ штыки. Картечь, громоподобное „ура“ и быстрое движеніе ощетинившихся штыками рядовъ произвели на уже потерявшихъ бодрость персовъ ошеломляющее впечатлѣніе. Они дрогнули и побѣжали еще до нанесенія русскаго удара. Самъ Аббасъ-Мирза пробовалъ было остановить эти тысячи потерявшихъ головы людей, но и онъ ничего не могъ подѣлать. Персы бѣжали изъ-подъ русскихъ выстрѣловъ, какъ обезумѣвшее стадо, и три дня не осмѣливались приближаться къ русскому лагерю.

Въ эти дни Циціановъ осмотрѣлъ мѣстность и убѣдился, что съ тѣми войсками, которыя были у него налицо, взять Эчміадзинъ невозможно. Тогда онъ обвелъ свое войско черезъ рѣчку Зангу, около Эриванн, и напалъ на лагерь самого Аббаса-Мирзы, находившійся за эриванскою крѣпостью. Мѣстность, гдѣ былъ разбитъ лагерь, была почти неприступная — вся въ горахъ, но егеря и гренадеры, поддержанные казаками — семейными и гребенцами, выбили персовъ съ ихъ позицій, и 2-го іюля русскіе начали блокаду Эривани.

Аббасъ-Мирза поспѣшилъ уйти за Аракеъ.

Обложеніе эриванской крѣпости не удалось Цицianову: слишкомъ мало было у него войскъ. Съ юга пришлось ограничиться только сооруженіемъ редута, который былъ занятъ всего только полуторарotами саратовскаго полка, подъ командою маіора Нольде. А съ этой стороны скорѣе всего можно было ожидать нападенія непріятеля. Эпер-

гичный Аббасъ-Мирза собралъ новыя арміи и сталъ съ ними на рѣкѣ Гарни-чаѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прошелъ слухъ, что къ шахъ-заде, т. е., Аббасу-Мирзѣ, прибываетъ самъ повелитель Ирана Баба-ханъ, или, какъ онъ сталъ называть себя со дня вступленія на престолъ, Фетъ-Али-ханъ. Цицiановъ, насколько могъ, усилилъ южную сторопу блокады, соорудилъ на курганѣ редутъ и выставилъ часть тифлисскаго полка. Персы явились 14-го іюля и въ ночь на 15-е уже опрокинулись на тифлисцевъ, которыми командовалъ ген. Леонтьевъ. Завязался ночной бой. Осажденные сдѣлали изъ Эриванн вылазку двумя колоннами. Одна изъ нихъ напала на батальонъ саратовцевъ, при которыхъ находился Портнягинъ, и была разсѣяна, другая проявила совершенно необычное для персовъ упорство и пробилась до дома, гдѣ жилъ Цицiановъ. Только стокойсть караула спасла главнокомандующаго. Отбитые эриванцы подались въ сторону, гдѣ, по ихъ предположеніямъ, должны были быть войска Аббаса, но паткнулись на кавказскихъ гренадеръ Симановича, ударившихъ на нихъ въ штыки и окончательно разсѣявшихъ ихъ.

Главныя силы персовъ, между тѣмъ, ломили всей своей тяжестью на югъ блокады.

Здѣсь поистинѣ чудесное геройство выказалъ на своемъ редутѣ Нольде съ саратовцами. Передъ нападеніемъ часть гарнизона редута была услана съ провіантскимъ обозомъ и у Нольде оставалось всего только 56 человѣкъ. Свыше пяти тысячъ персовъ окружили редутъ, и Нольде съ саратовцами защищался въ немъ подрядъ пять часовъ. Были разстрѣляны всѣ патроны, и тогда защитники редута стали обороняться отъ нападавшихъ штыками, прикладами, камнями, пока не подоспѣлъ на помощь полковникъ Цѣхановскій, прогнавшій персовъ артиллерійскимъ огнемъ.

Тифлисцы вынесли на себѣ всю тяжесть боя. Они не только отшвырнули персовъ по всей южной линіи, но успѣли даже отбить у нихъ нѣсколько знаменъ и артиллерійскихъ орудій.

Послѣ полудня персы стали сами отходить за Гарничай: побѣда русскихъ была песомнѣнна...

Неукротимый „грозный князь“ немедленно перешелъ въ наступленіе и послалъ на персовъ Портнягина всего только съ девятьюстами пѣхотинцевъ и кавалеристовъ. „Храбрѣйшій изъ храбрыхъ“, какъ называлъ Портнягина

главнокомандующій, смѣло принялъ на себя совершеніе подвига. По приказанію князя, онъ долженъ былъ внезапно напасть на лагерь Аббаса-Мирзы, но персидскіе шпіоны увѣдомили наслѣдника престола объ этомъ движеніи русскихъ, и Портнягинъ съ своимъ ничтожнымъ отрядомъ очутился окруженнымъ сорокатысячной персидской арміей. Здѣсь совершился подвигъ безпримѣрный. Портнягинъ повелъ своихъ солдатъ назадъ черезъ всю армію Баба-хана. Около пятнадцати часовъ пробивался онъ сквозь густѣйшую живую стѣну. Баба-ханъ былъ такъ увѣренъ, что ему удастся перехватить русскихъ, что заранѣе послалъ въ Эривань увѣдомленіе о своей побѣдѣ. Эриванцы пушечными выстрѣлами встрѣтили это извѣстіе, успѣли даже какимъ-то путемъ передать его въ русскій лагерь, но какъ должно было быть велико ихъ разочарованіе, когда отрядъ Портнягина возвратился въ строгомъ порядкѣ, потерявъ всего только 64 человѣка убитыхъ, зато ранены были почти всѣ...

Это отступленіе Портнягина и самъ Ціціановъ называлъ „превышающимъ славою всякую побѣду“...

IX.

Подвиги русскихъ львовъ.

Вскорѣ въ тылу русскихъ прогремѣла вѣсть еще объ одномъ героическомъ подвигѣ, покрывшемъ вѣчно блещущей славою кавказскую армію.

Въ тылу русскихъ появился съ большими персидскими силами грузинскій бѣглый царевичъ Александръ. Онъ ворвался въ Бомбакскую провинцію и грозилъ прервать эриванскому отряду сообщеніе съ Грузіей. Въ Караклисѣ, около котораго происходила первая битва, въ это время занималъ караулъ малодѣятельный армянинъ маіоръ Ходжеевъ. Ціціановъ, узнавъ, что тотъ ни предпріимчивости, ни энергіи на своемъ посту не проявляетъ, послалъ ему на смѣну маіора Монтрезора со сборной командой въ 109 человѣкъ. Почти весь путь Монтрезоръ сдѣлалъ въ непрерывномъ бою съ персами, а въ виду Караклиса его отрядъ былъ окруженъ всѣми силами царевича Александра. Русскіе были истомлены страшной усталостью, зноемъ и жаждою, но Монтрезоръ не принялъ предложенія о сдачи. Массы персовъ навалились на отрядъ. Патроны были быстро разстрѣляны, большая часть людей была убита. Всѣ остальные были переранены. Когда исчезла всякая надежда на спасеніе, Монтрезоръ сбросилъ съ

себя мундиръ и объявилъ остававшимся на ногахъ товарищамъ, что онъ болѣе имъ не начальникъ, и кто хочетъ, можетъ искать спасенія, какъ сумѣетъ. Кромѣ одного барабанщика, всѣ остались около командира и всѣ легли на мѣстѣ. Тѣло Монтрезора найдено было изрубленнымъ на пушкѣ, около которой онъ бился до послѣдняго мгновенія своей жизни.

Осада Эриваня была неудачною и кончилась тѣмъ, что Циціановъ долженъ былъ отойти отъ крѣпости. Много было причинъ этой неудачи. Въ отрядѣ не было осадныхъ орудій, и подготовить штурмъ крѣпости было нечѣмъ. Съ наступленіемъ осени въ войскахъ вдругъ возросла смертность, въ тылу неистовствовалъ съ персидскими ордами царевичъ Александръ, нагнавшій на Тифлисъ такого страха, что тамъ начали свозить казенное имущество, архивы и казну въ крѣпость. Наконецъ, вспыхнулъ осетинскій бунтъ; вся грузинская конница была взята царевичемъ въ плѣнъ и угнана въ Тегеранъ. Мало того, персы всюду выжгли стоявшій на корнѣ хлѣбъ и цицiановскому отряду грозилъ голодъ. При такихъ обстоятельствахъ военный совѣтъ высказался противъ штурма Эривани, и Цицiановъ долженъ былъ уйти.

Ликованіе охватило всю Персію, но близорукіе персидскіе вершители судебъ не замѣтили, что эриванское ханство ослаблено до послѣдней степени; зато Цицiановъ прекрасно понималъ это. Онъ ушелъ отъ Эривани, но миръ не былъ заключенъ и война продолжалась.

Въ январѣ слѣдующаго 1805 г. генералъ Несвѣтаевъ безъ потерь взялъ Эчміадзинъ и присоединилъ къ Россіи принадлежавшую дотолѣ Эривани богатѣйшую Шурагельскую область. Передъ этимъ Несвѣтаеву удалось успокоить вызванный бѣглымъ царевичемъ Парнаозомъ осетинскій бунтъ, причемъ Парнаозъ былъ захваченъ въ плѣнъ и высланъ въ Россію.

Присоединеніе Шурагеля явилось чрезвычайно важнымъ въ исторіи войны за Закавказье. Шурагельская область, въ которой русскіе не замедлили укрѣпиться, прикрыла Грузію и со стороны Персіи, и со стороны Турціи, а послѣднее было прямо-таки необходимо, въ виду приближавшейся войны Россіи съ Турціей,—войны, вызванной происками Наполеона, стремившагося по возможности ослабить Россію и отвлечь ея силы отъ участія въ западно-европейскихъ войнахъ.

Цицiановъ использовалъ впечатлѣніе, произведенное

штурмомъ Ганжи. Какъ-бы эхомъ этого блестящаго подвига его арміи, явилось добровольное присоединеніе къ Россіи Мингреліи и Гуріи, а вслѣдъ затѣмъ этимъ присоединеніемъ вызвано было и присоединеніе Имеретіи, послѣдній царь которой, Соломонъ, не находя поддержки со стороны турокъ, долженъ былъ отдаться въ подданство русскаго императора.

Не менѣе удачно воспользовался Циціановъ обстоятельствами въ отношеніи Карабаха, или Шушинскаго ханства. Даже послѣ возвращенія изъ-подъ Эривани обаяніе Циціанова было такъ сильно, что шушинскій ханъ, Ибрагимъ, добровольно принялъ русское подданство, а когда персидскій шахъ Баба-ханъ послалъ въ Карабахъ свои войска, онъ разбилъ ихъ на-голову въ кровопролитной битвѣ при Дизанѣ.

Шуша была одной изъ сильнѣйшихъ крѣпостей Закавказья. Вмѣстѣ съ ханомъ Ибрагимомъ принялъ русское подданство и его зять Селимъ, ханъ шекинскій, опасавшійся, что его сосѣдъ, ханъ ширванскій, разгромитъ его владѣнія.

И Шуша, и столица шекинцевъ, Нуха, были заняты русскими войсками. Благодаря этому, неукротимые лезгины джаро-белоканцы оказались, такъ сказать, „между двухъ огней“. Русскіе стояли съ обѣихъ сторонъ, и волей-неволей лезгины должны были прекратить свои набѣги.

Лезгины были укрощены, зато въ Карабахъ вторгнулась огромная персидская армія. Стоявшій въ Шушѣ съ шестью егерскими ротами маіоръ Лисаневичъ попробовалъ было остановить вторженіе, но долженъ былъ укрыться за стѣнами Шуши. Циціановъ-же выслалъ противъ персовъ полковника Карягина съ четырьмястами егерей.

Съ Карягинымъ случилось почти то-же, что во время эриванскаго похода съ генераломъ Портнягинымъ. Наступая на персовъ, онъ столкнулся съ отрядомъ персидскаго сердаря не менѣе, какъ въ четыре тысячи человѣкъ. Онъ раскидалъ этотъ отрядъ, пошелъ дальше и вышелъ на двадцатитысячный персидскій корпусъ, бывшій подъ начальствомъ самого Аббаса-Мирзы. Встрѣча эта произошла 21-го іюня 1805 г. на берегу рѣки Аскорани. Едва-едва успѣлъ окопаться Карягинъ на одномъ изъ надбрежныхъ холмовъ, какъ Аббасъ-Мирза устремился на него всею массою своихъ войскъ. Началась бѣшеная аттака. При-

ступы слѣдовали одинъ за другимъ въ теченіе цѣлаго дня. Карягинъ потерялъ половину своего отряда, но персы были отбиты и потери ихъ были настолько велики, что Аббасъ на новый приступъ не осмѣлился и рѣшилъ взять русскихъ измором.

Въ первый день осады Карягинъ не унывалъ. Онъ былъ увѣренъ, что Ибрагимъ, ханъ Карабаха, окажетъ ему помощь, но вышло то, что не разъ уже случалось съ закавказскими владѣльцами. Карабахскій ханъ, увидѣвъ, что персы сильнѣе, передался на ихъ сторону, и карабахская конница, недавно еще громившая войска Абасса-Мирзы, стала теперь на его сторону, противъ русскихъ. Видя, что на занятой позиціи не удержаться, Карягинъ ухитрился увести свой отрядъ такъ, что безпечные персы даже не замѣтили его исчезновенія. Когда-же они хватились русскихъ, Карягинъ былъ уже у персидской крѣпостцы Шахъ-Булахъ, загораждавшей дорогу изъ Елисаветполя въ Шушу. Крѣпостца была взята штурмомъ, и только что русскіе успѣли размѣститься, какъ вновь были окружены персами.

Положеніе отряда не измѣнилось къ лучшему. У егерей не было провіанта, персы отвели воду. Карягинъ нашелъ возможнымъ увѣдомить о своей бѣдѣ Циціанова.

„Если не поспѣшите на помощь, — писалъ онъ главнокомандующему, — то отрядъ погибнетъ не отъ сдачи, къ которой не приступлю, а отъ голода“...

У Циціанова не было войскъ, чтобы идти на выручку, и онъ отвѣтилъ Карягину, что „въ отчаяніи неслыханномъ проситъ его подкрѣпить духомъ солдатъ, а онъ-же, въ свою очередь, проситъ Господа Бога подкрѣпить его самого“...

Тогда Карягинъ со своимъ отрядомъ совершилъ прямо легендарный подвигъ... Онъ вторично ухитрился совсѣмъ незамѣченнымъ уйти отъ персовъ. Трудно себѣ представить, какъ могло это удасться!.. Персы замѣтили, что русскіе оставили Шахъ-Булахъ, только тогда, когда тѣ были уже на порядочномъ отъ нихъ разстояніи. Карягинъ направлялся къ крѣпостцѣ Мухратъ, бывшей уже сравнительно недалеко отъ Елисаветполя.

Враги преслѣдовали русскихъ по пятамъ.

На этомъ переходѣ случился трогательный эпизодъ, доказавшій, на что способенъ русскій воинъ.

Уходившимъ пришлось идти по горамъ, и вдругъ путь преградила промоина, черезъ которую невозможно

было перевезти двѣ бывшія при отрядѣ пушки. Бросить ихъ было тоже нельзя. И вотъ батальонный запѣвала Сидоровъ предложилъ перекатить пушки на ружьяхъ. Нѣсколько ружей воткнуты были штыками въ землю, образовавъ изъ себя какъ-бы сваи, на нихъ положили настилку тоже изъ ружей. Нѣсколько солдатъ подперли ихъ плечами, и пушка была перекачена. Одна прошла благополучно, другая, сорвавшись, убила колесомъ двухъ изъ героевъ. Жертвой ея сталъ и тотъ солдатъ, который первымъ предложилъ устроить „живой мостъ“.

Мужество этихъ самоотверженныхъ людей поразило даже ихъ товарищей, которымъ не въ диковинку были героическіе подвиги. Несмотря на то, что персидскія войска преслѣдовали корягинскій отрядъ по пятамъ, удальцы не оставили безъ погребенія своихъ товарищей, погибшихъ при устройствѣ „живого моста“. Солдаты вырыли глубокую могилу, офицеры сами опустили тѣла въ нее, Карягинъ съ увлажненными слезой глазами самъ благословилъ ихъ.

— Прощайте, воины русскіе! — говорилъ онъ послѣ прочтенія молитвы, и голосъ героя замѣтно дрожалъ отъ волненія, — прощайте, православные, слуги царевы вѣрные... Вѣчная память вамъ!..

— Молите, братцы, Бога за насъ! — крестились солдаты, разбирая ружья, послужившія мостовинами для небывалаго еще сооруженія...

А тучи персовъ такъ и насѣдали. Въ тылу уходившаго отряда происходили жаркія схватки. Преслѣдованіе со стороны персовъ было такъ упорно, что имъ удавалось не разъ захватывать русскія орудія, но солдаты яростно кидались на выручку своихъ „барынь“ (такъ они величали пушки) и отбивали ихъ у персовъ обратно.

Только ночью корягинскому отряду удалось войти въ крѣпостцу Мухратъ. Здѣсь русскіе были въ сравнительной безопасности. Мѣстность была такъ гориста, что Аббасъ-Мирза не могъ свободно дѣйствовать своими массами и ограничился только тѣмъ, что окружилъ русскихъ. Но и это продолжалось не долго... На выручку Карягину пошелъ со всѣми, какія только успѣлъ собрать, войсками Циціановъ. При одномъ извѣстіи, что идетъ самъ „грозный князь“, Баба-ханъ, явившійся уже въ предвкушеніи побѣдъ въ русскіе предѣлы, спѣшно ушолъ за Аракъ. Аббасъ-Мирза попробовалъ было удержать циціановскій отрядъ, но его двухтысячная конная орда была разбита

сотнею донскихъ и гребенскихъ казаковъ, и послѣ этого Аббасъ поспѣшилъ повести персовъ вслѣдъ за своимъ отцомъ въ предѣлы Персіи.

Главнокомандующій встрѣтилъ Карягина съ его героями на пути въ с. Маздыгертъ. Встрѣча была торжественная. Встрѣчавшія войска были одѣты въ парадную форму и стояли развернутымъ строемъ. Самъ Циціановъ командовалъ парадомъ. „Ура“ въ честь героевъ не смолкало.

Подвигъ карягинскаго отряда казался чудомъ даже на Кавказѣ... Оказывалось, что Карягинъ и его герои сражались одинъ противъ двухсотъ противниковъ и изъ этого сраженія, которое, можно сказать, продолжалось три недѣли безъ перерыва, эти чудо-богатыри вышли несомнѣнными побѣдителями...

Подвигъ Карягина и его отряда спасъ Закавказье отъ персидскаго нашествія, положительно спасъ! Карягинъ отвлекъ на себя всѣ направленныя Аббасомъ-Мирзой въ Закавказье войска, продержалъ ихъ въ сравнительномъ бездѣйствіи три недѣли и этимъ далъ Циціанову возможность собрать войска, которыхъ у него не было подъ руками послѣ возвращенія изъ неудачнаго эриванскаго похода.

Но судьба еще хотѣла увѣнчать славою этого героя.

Въ вечеръ послѣ торжественной встрѣчи Карягинъ отвелъ остатки своего отряда въ Елисаветполь. Самъ онъ нуждался въ отдыхѣ не менѣе своихъ героевъ. Еще въ началѣ своего изумительнаго отступленія, въ первой-же битвѣ на Аскорани, онъ былъ раненъ, и вотъ, когда герой только что успѣлъ принять врачебную помощь, получено было извѣстіе, что оставшійся въ елисаветпольскомъ округѣ сердарь Пиръ-Кули-ханъ успѣлъ зайти въ тылъ Елисаветполю и прервалъ пути сообщенія между нимъ и Тифлисомъ. Карягинъ, забывая о своихъ страданіяхъ, собралъ отрядъ въ пятьсотъ человѣкъ и спѣшно кинулся къ Шамхору, гдѣ, согласно полученнымъ свѣдѣніямъ, сталъ лагеремъ съ своей арміей Аббасъ-Мирза. Случилось такъ, что Пиръ-Кули-ханъ напалъ съ большими силами на военный транспортъ, шедшій изъ Тифлиса въ бывшую Ганжу. Этотъ транспортъ велъ поручикъ Донцовъ. Персы окружили его отрядъ и потребовали сдачи. Донцовъ отвѣчалъ, что „русскіе умираютъ, но не сдаются“, и началъ бой, не обращая вниманія на то, что на каждаго человѣка въ его отрядѣ, считая и грузинскихъ погонщиковъ воловъ, приходилось по сотнѣ враговъ. Отрядъ

ждала неизбѣжная гибель. Донцовъ былъ смертельно раненъ, но, умирая, продолжалъ командовать боемъ. Съ его кончиною русскій отрядъ остался безъ начальника, но солдаты продолжали драться, какъ львы. Больше половины ихъ уже легло на мѣстѣ, и въ это-то время подоспѣлъ Карягинъ. Русскіе штыками разогнали персовъ и слѣдомъ за ними ворвались въ лагерь Аббаса-Мирзы, гдѣ никто не ждалъ этого паденія. Первыми были отбиты у персіанъ пушки. Русскіе сейчасъ-же обернули ихъ жерлами противъ недавнихъ хозяевъ и начали поражать персовъ ихъ-же собственной картечью. Это произвело страшный переполохъ. Когда-же аттакованные узнали, что противъ нихъ вышелъ ихъ „гроза“ — Карягинъ, въ лагерѣ начался паническій ужасъ, завершившійся безпорядочнымъ бѣгствомъ всей арміи наслѣднаго принца. Весь персидскій лагерь, весь обозъ, всѣ орудія, знамена и безчисленное множество плѣнныхъ стали добычей побѣдителей. Среди плѣнниковъ русскимъ попался одинъ изъ младшихъ грузинскихъ царевичей — Теймуразъ Иракліевичъ. Аббасъ-Мирза послѣ этого пораженія поспѣшилъ уйти обратно въ Персію, а кампанія этого года закончилась сама собою, хотя война не прекратилась.

X.

Гибель «грознаго князя».

Циціановъ поспѣшилъ воспользоваться наступившимъ сравнительнымъ затишьемъ. Онъ велъ съ Турціей переговоры объ уступкѣ крѣпости Поти, когда-же уговориться съ Портой объ этомъ не удалось, заложилъ въ принадлежащей уже Россіи Мингреліи, въ устьѣ рѣки Хопи, крѣпостцу Редутъ-кале. Такимъ образомъ, Закавказье было хотя нѣсколько обезпечено съ турецкой стороны. Циціановъ, не удовлетворяясь этимъ, рѣшилъ, что Россія должна возвратить свои прежнія завоеванія на берегу Каспія, и еще лѣтомъ 1805 г. отправилъ войска, подъ командою ген.-м. Завалишина, моремъ къ Баку, гдѣ ханомъ былъ его старинный пріятель Гуссейнъ-Али. Завалишинъ совсѣмъ не имѣлъ „кавказскаго духа“ и, узнавъ, что на помощь бакинцамъ идутъ кубинцы, поспѣшилъ уйти прочь. Гнѣву Циціанова, болѣвшаго въ то время изнурительной лихорадкой, не было предѣловъ. Послѣ рѣзкаго выговора Завалишину, князь, несмотря на то, что стояла уже зима, собралъ отрядъ въ полторы тысячи штыковъ и двѣсти казаковъ съ десяткомъ орудій и самъ повелъ

его на Баку. Былъ уже декабрь, но зима не страшила „грознаго князя". Опъ прекрасно понималъ, что уходъ Завалишина ободритъ всѣ только притихшія, но не усмиренныя окончательно прикаспійскія ханства и должно дѣйствовать съ возможной энергіей, чтобы возстановить уваженіе къ русскому оружію. Гусейнъ-Али-хану Цицiановъ приказалъ сказать, что онъ или возьметъ Баку, или умретъ подъ его стѣнами... Увы! эти слова оказались пророчествомъ. Герой самъ себѣ предсказалъ свою участь...

На пути къ Баку Цицiановъ покорилъ ханство Ширванское и, наконецъ, послѣ труднѣйшаго перехода черезъ шемахинскія горы, вступилъ въ предѣлы Бакинскаго ханства. Въ концѣ января 1806 г. онъ уже подходилъ къ Баку. Гуссейнъ-Али-ханъ прислалъ сказать князю, что отдается въ русское подданство, и день 8-го февраля былъ назначенъ для встрѣчи русскаго главнокомандующаго съ бакинскимъ ханомъ. Какое-то непонятное ослѣпленіе овладѣло Цицiановымъ. Съ Гуссейнъ-Али-ханомъ онъ дружилъ еще со времени своего участія въ походѣ Зубова, тѣмъ не менѣе, долженъ-же онъ былъ знать, чего стоила дружба этихъ закавказскихъ владѣльцевъ! Съ непонятной довѣрчивостью Цицiановъ въ назначенный день отправился самъ, въ сопровожденіи всего только одного своего адъютанта, князя Эристова, и вѣстового казака къ воротамъ бакинской крѣпости. Войска остались въ порядочномъ отдаленіи. Гуссейнъ-Али-ханъ выѣхалъ навстрѣчу Цицiанову въ сопровожденіи тоже небольшой свиты. Когда обѣ стороны сблизились, одинъ изъ спутниковъ хана быстро бросился впередъ и почти въ упоръ выстрѣлилъ въ Цицiанова. Князь былъ убитъ наповалъ. Эристовъ былъ застрѣленъ вслѣдъ за нимъ, казакъ успѣлъ спастись. Жители Баку, стоявшіе на крѣпостныхъ стѣнахъ, радостными кликами привѣтствовали это злодѣяніе. Убійцы подхватили тѣла Цицiанова и Эристова, а Завалишинъ, оставшійся старшимъ начальникомъ русскаго отряда, такъ растерялся, что поспѣшилъ отвести отъ крѣпости войска, немедленно усадилъ ихъ на суда и черезъ шамхальство Тарковское увелъ на линію, оставивъ гибель грознаго главнокомандующаго безъ отмщенія.

Гуссейнъ-Али-ханъ послалъ голову Цицiанова къ шаху Баба-хану въ Тегеранъ, а обезглавленное тѣло „грознаго князя" было зарыто у воротъ бакинской крѣпости съ тѣмъ расчетомъ, чтобы прахъ его могли попирать своими пятами всѣ проходящіе черезъ крѣпостныя ворота.

Гибель главнокомандующаго и поспѣшное, похожее на бѣгство отступленіе русскихъ войскъ, дотолѣ извѣстныхъ своею непобѣдимостью, могли оказаться пагубными для Россіи, но, къ счастью, на Кавказской линіи командовалъ войсками рѣшительный генералъ Глазенапъ, который только что покончилъ тогда съ покореніемъ Кабарды. Какъ только до него дошли извѣстія о бѣдственномъ положеніи отряда Завалишина, онъ, въ качествѣ старшаго генерала въ краѣ, принялъ на себя главнокомандованіе и двинулъ войска въ Приморскій Дагестанъ. Войскъ налицо у него оказалось самое ничтожное количество и съ ними нужно было проходить черезъ волновавшіяся ханства. Шелъ-же Глазенапъ съ непремѣннымъ намѣреніемъ отмстить за смерть Циціанова и покорить уже не одно только Бакинское ханство, а и Дербентъ, и Кубу. Онъ такъ сумѣлъ обставить дѣло, что шамхалъ тарковскій сталъ ему вѣрнымъ союзникомъ и помогъ овладѣть Дербентомъ безъ выстрѣла. Дербентцы сдались добровольно, и ключи отъ города вынесъ русскому генералу тотъ-же—уже столѣтній—старецъ, который выносилъ ихъ императору Петру Великому и потомъ графу Валеріану Зубову. Больше уже дербентскіе ключи никогда и никому не выносились: съ той поры Дербентъ сталъ навсегда русскимъ достояніемъ. Однако, овладѣть Кубою и Баку Глазенапу не удалось. На Кавказъ прибылъ назначенный вмѣсто несчастнаго Циціанова главнокомандующимъ въ Грузіи графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, являвшійся сюда уже въ третій разъ. Гудовичъ недолюбливалъ Глазенапа и поспѣшилъ смѣнить его, назначивъ начальникомъ дѣйствующаго отряда генерала Булгакова, своего стараго сотоварища, участвовавшаго еще въ штурмѣ Анапы. Булгаковъ явился въ Баку и городъ сдался безъ боя на милость побѣдителя, причемъ выяснилось, что Гуссейнъ-Али-ханъ не желалъ убійства Циціанова и истиннымъ виновникомъ его являлся Ибрагимъ-ханъ, двоюродный братъ Гуссейна, нукеръ котораго, Амаръ-Амза, и застрѣлилъ русскаго главнокомандующаго. Сдача Баку послѣдовала 3-го сентября 1806 г. Вслѣдъ затѣмъ Булгаковъ также безъ боя овладѣлъ Кубою и присоединилъ Кубинское ханство къ русскимъ владѣніямъ. Обезглавленное тѣло Циціанова перенесено было на время изъ своей первой могилы въ армянскій храмъ Баку, а затѣмъ уже въ 1811 г. было перевезено въ Тифлисъ и предано землѣ въ тифлисскомъ Сіонскомъ соборѣ.

XI.

Успѣхи и неудачи.

Несмотря на эти успѣхи Глазенапа и Булгакова, положеніе, созданное гибелью Циціанова, было очень тревожное. Имеретинскій царь Соломонъ, лишь только не стало „грознаго князя“, поднялъ открытый мятежъ, ахалцыхскіе лезгины возобновили свои набѣги на Грузію и ахалцыхскій паша явно покровительствовалъ имъ. Возмутились опять джаро-белоканцы. Въ Кахетіи и Карталіи мутили народъ царевичи Юлонъ и Александръ Иракліевичи; подъ ихъ вліяніемъ заволновались осетины, пшавы, хевсуры. Карабахъ, а за нимъ и Шекинское ханство открыто отложились отъ русскихъ. Черкесы и кабардинцы, зная, что войскъ на линіяхъ нѣтъ, опять возобновили свои набѣги и заходили даже къ Ставрополю. Ко всему этому присоединились персы. Аббасъ-Мирза нашелъ время вполнѣ удобнымъ для возвращенія Ирану отнятыхъ у него при Циціановѣ областей. Гудовичъ уже былъ старъ для особенно рѣшительныхъ дѣйствій и воображалъ о себѣ, что одно только имя его — покорителя Анапы — можетъ устранить всѣхъ многочисленныхъ непріятелей. Однако, онъ ошибался: его подвигъ уже былъ забытъ и его имя оказывалось совсѣмъ теперь неизвѣстнымъ въ Закавказьѣ. А тамъ приходилось сызнова начинать то, съ чѣмъ было уже покончено. Гудовичъ, однако, сумѣлъ усмирить возмущавшіяся ханства, лезгинъ и горцевъ, онъ даже умудрился заключить перемиріе съ Персіей, зато явился новый врагъ, болѣе всѣхъ другихъ опасный для Россіи — Турція. Въ 1806 году началась турецкая война, затянувшаяся на пять слишкомъ лѣтъ. На все это время Кавказскій край былъ предоставленъ исключительно однимъ только своимъ собственнымъ силамъ: императоръ Александръ Павловичъ повелъ русскія войска спасать чужія престолы отъ великаго Наполеона, надъ Европою собирались уже грозы Іены, Аустерлица и Прейсишъ-Эйлау.

Гудовичъ не сталъ ждать, пока турки вторгнутся въ Закавказье, и, собравъ всѣ, какія только возможно было, войска, повелъ ихъ сразу въ трехъ направленіяхъ: на Ахалцыхъ, Поти и Карсъ.

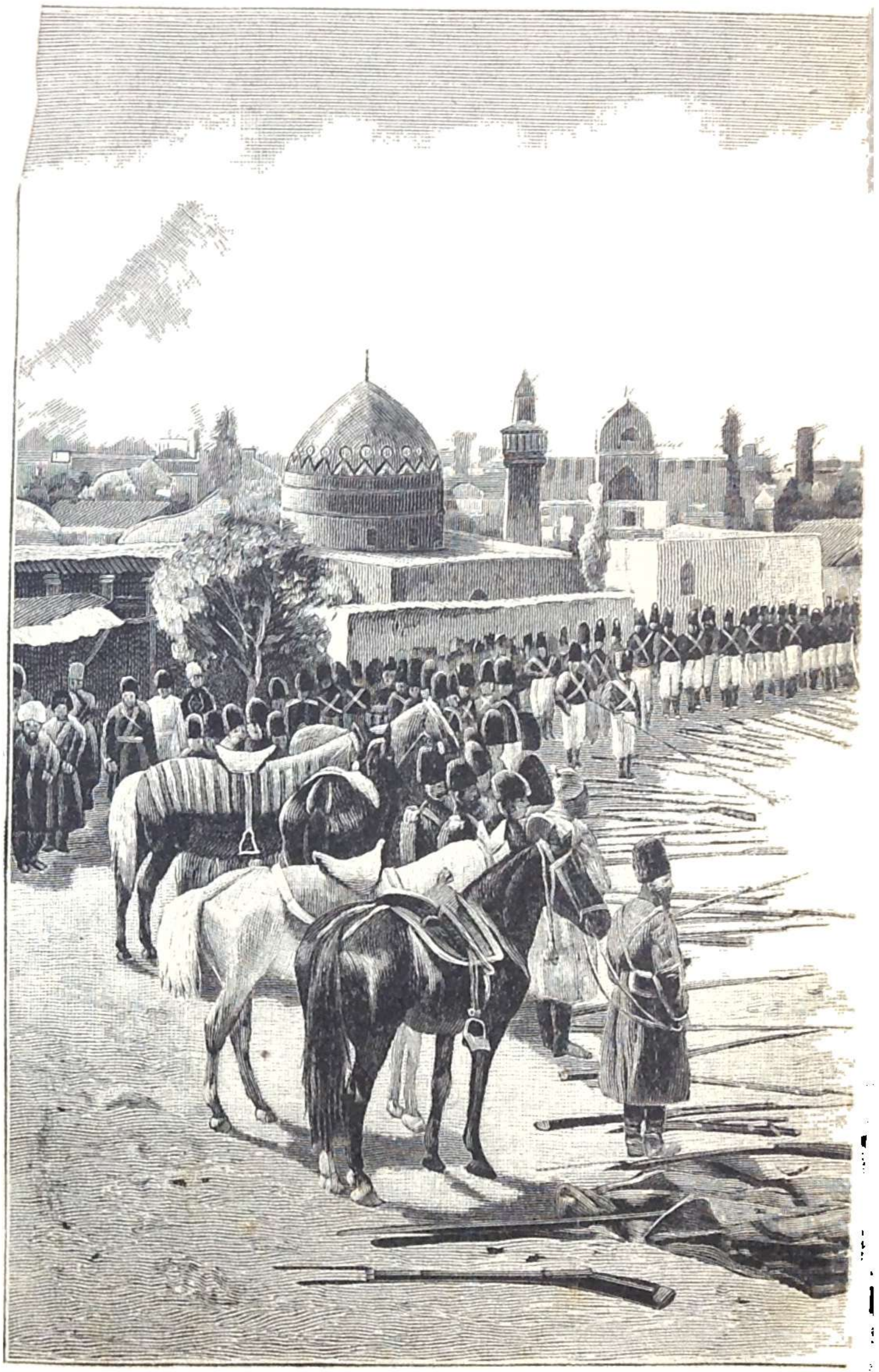
Въ это время высланному изъ Крыма съ небольшой черноморской эскадрой к.-адм. Пустошину удалось овладѣть почти безъ боя Анапою. Это была единственная

удача русскихъ въ эту первую кампанію войны. Карсъ осадить оказалось невозможнымъ; съ Поти пришлось снять осаду, а самъ Гудовичъ напрасно штурмовалъ 9-го мая 1807 г. крѣпость Ахалкалаки — взять ее не удалось, хотя въ числѣ начальниковъ штурмовыхъ колонн былъ циціановскій „храбрѣйшій изъ храбрыхъ“ — ген. Портнягинъ. Гудовичъ напрасно потерялъ подъ Ахалкалаками свыше 900 людей и три орудія.

Какъ только русскіе начали отступать, турки перешли въ наступленіе. Эрзерумскій паша Юсупъ надвигался на нашихъ со стороны Карса. У м. Гумри произошло сраженіе, напомнившее отступленіе Карягина. Генералъ Несвѣтаевъ съ четырьмя неполными пѣхотными батальонами и двумя казачьими полками сдержалъ напоръ, составлявшихъ анатолійскую армію 20 тысячъ турокъ, курдовъ и аджарцевъ, трижды кидавшихся штурмовать его. Къ Несвѣтаеву подоспѣлъ Портнягинъ съ драгунами, а за нимъ и Гудовичъ съ войсками, отступавшими отъ Ахалкалакъ. 18-го іюня произошла на р. Арпа-чаѣ кровопролитная битва, и турки были разбиты на-голову. Побѣдный для русскихъ исходъ битвы былъ рѣшенъ внезапнымъ появленіемъ на полѣ битвы батальоновъ Несвѣтаева, которые турки считали почему-то совершенно уничтоженными. Гудовичъ за эту побѣду получилъ чинъ генералъ-фельдмаршала. Впечатлѣніе арпачайской побѣды было таково, что самъ персидскій шахъ поздравлялъ съ нею Гудовича и началъ переговоры о мирѣ. Эти переговоры затянулись такъ долго, что Гудовичъ въ нетерпѣніи рѣшилъ оружіемъ заставить персовъ принять его условія и осенью 1807 г. началъ походъ на Эривань.

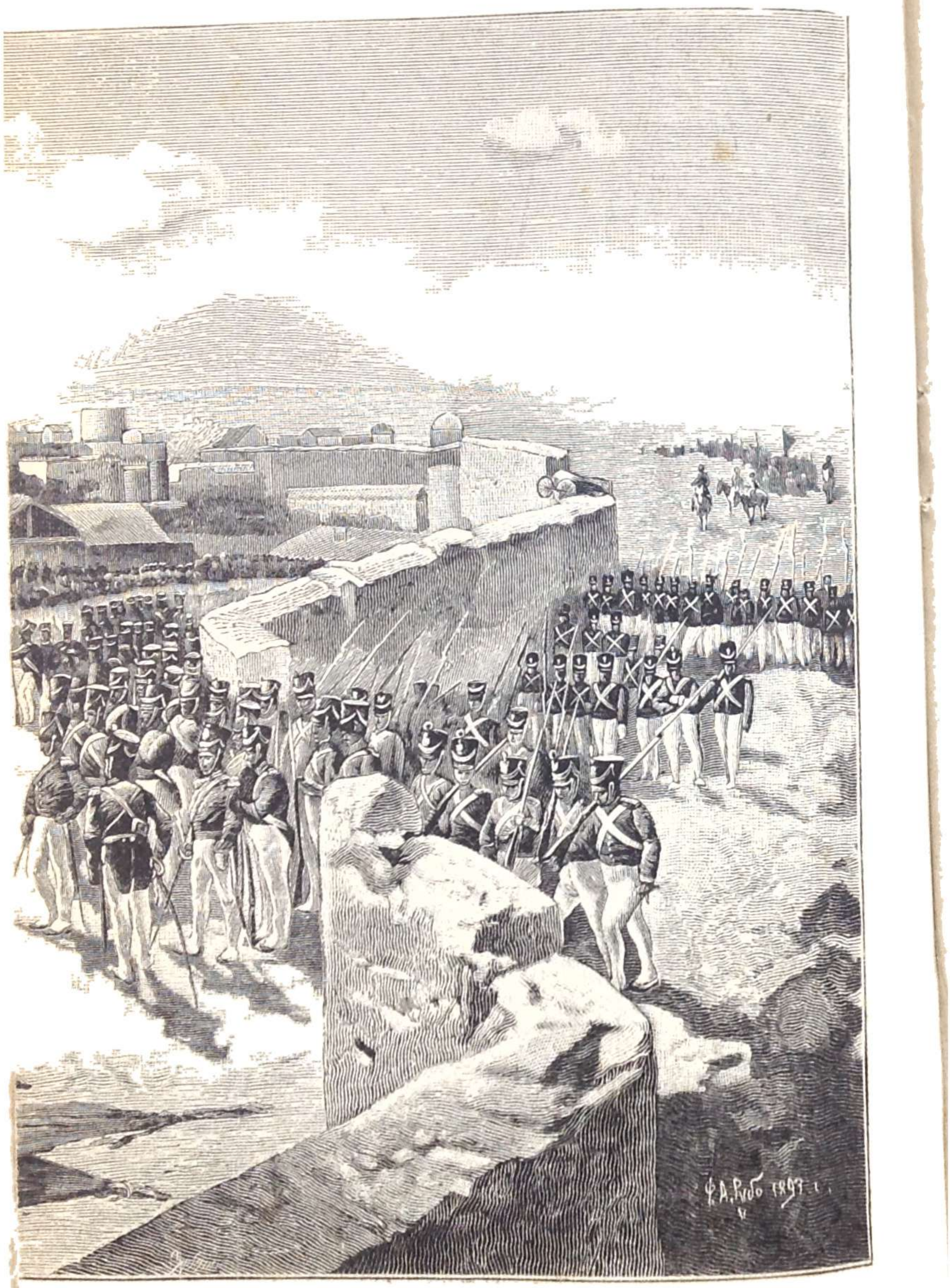
Походъ начался удачно. Небольсинъ и Котляревскій взяли Нахичевань и присоединили это ханство къ Россіи. Но, выступая въ осеннее время — въ концѣ сентября, онъ не только повторялъ, но еще усугублялъ ошибку Циціанова, потерпѣвшаго подъ Эриванью неудачу. потому только, что осада этой крѣпости затянулась на осень; тѣмъ не менѣе, Гудовичъ въ своемъ обращеніи къ эриванцамъ, заявилъ, чтобы они не брали примѣра съ прежней неудачной блокады.

„Тогда предводительствовалъ войсками князь Циціановъ, — объявлялъ онъ, — изъ молодыхъ генераловъ, не столько еще опытный въ военномъ искусствѣ, а теперь командую я, привыкшій водить болѣе тридцати лѣтъ сильныя русскія арміи“...

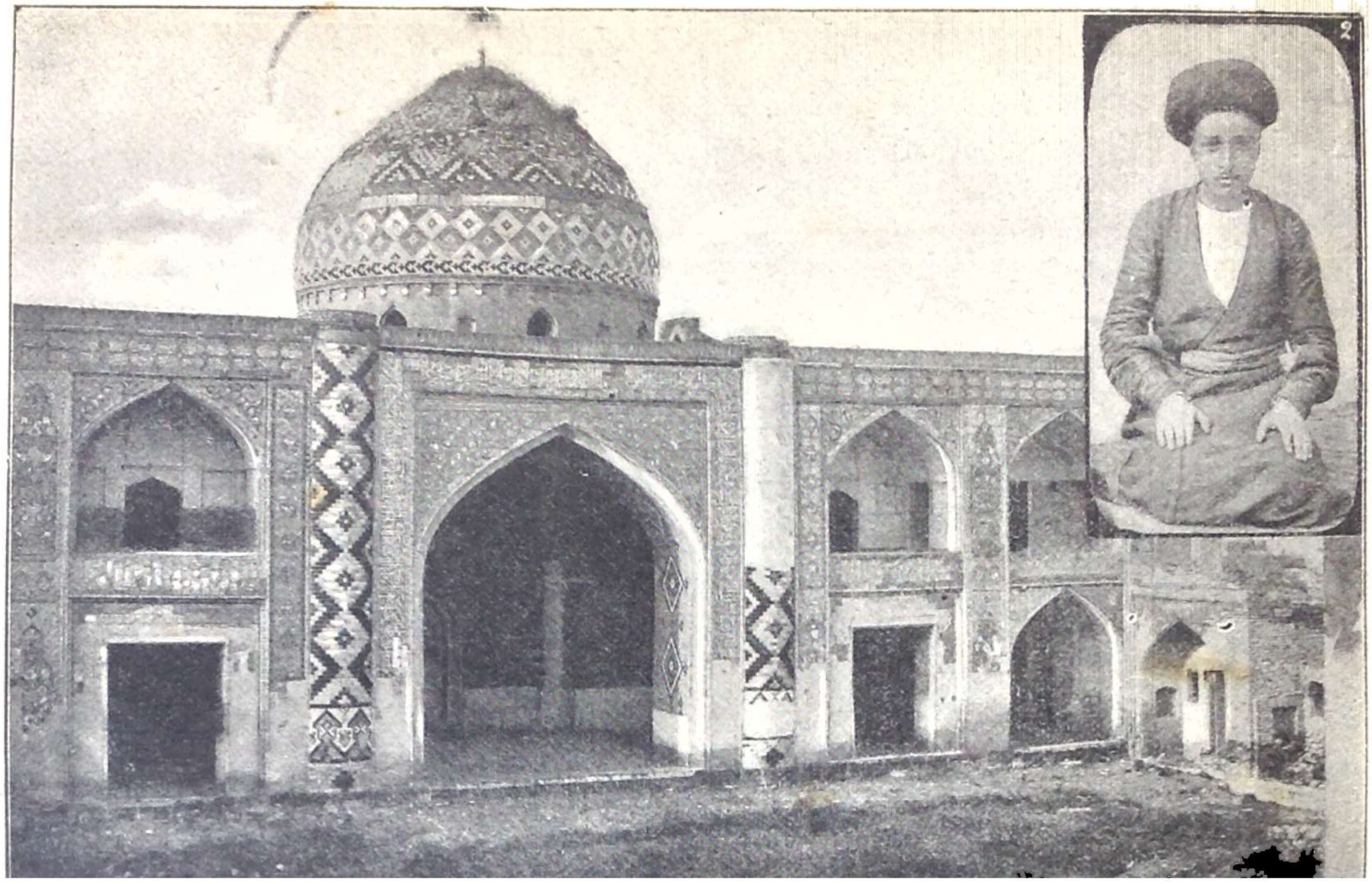

Сдача Эриванн 1-го октября

Стр. 83 и 84.

1827 г. Съ картины профес. Ф. Рубо.

А. П. Ермоловъ.

Графъ И. Ф. Паскевичъ-Эриванскій

Похвальбы своей, однако, Гудовичъ не оправдалъ.

Прежде всего повторилось то-же самое, что при Цицiановѣ. Съ наступленіемъ зимы въ русскихъ войскахъ, осадившихъ Эриванъ, развились болѣзни и усилилась смертность. Съ 16-го на 17-е ноября 1807 г. русскіе пошли на штурмъ, но были всюду отбиты, причемъ выяснилось, что эриванцами руководятъ французскіе инженеры. Да и достоинство русскихъ войскъ какъ-будто стало ниже. Изъ цицiановскихъ командировъ подъ Эриванью былъ только одинъ полковникъ Симановичъ — остальныхъ, даже прославившагося въ то время Котляревскаго, Гудовичъ разослалъ по второстепеннымъ отрядамъ, а на ихъ мѣсто выдвинулъ другихъ, малоопытныхъ въ войнѣ съ азiатами. Неудачный штурмъ Эривани стоилъ небывалыхъ еще въ битвахъ съ персами потерь—восьмисотъ человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Оказалось, что одной изъ причинъ эриванской неудачи была измѣна бывшаго елисаветпольскаго коменданта, подполковника Кочнева, предупреждавшаго эриванцевъ о движенiяхъ русскихъ и передавшаго имъ весь планъ похода. Какъ-бы то ни было, а волей-неволей пришлось уходить, пока не слегъ въ госпитали весь отрядъ. Пошли назадъ во вьюги и метели, при пятнадцати градусномъ морозѣ. Каждое утро находили озябленныхъ и замерзшихъ. Бывали ночи, когда первыхъ оказывалось по шестидесяти человѣкъ сразу. Достаточно сказать, что во время этого отступленiя отъ стужи погибло до тысячи человѣкъ, а борисоглѣбскiй драгунскiй полкъ потерялъ всѣхъ лошадей. Самъ Гудовичъ получилъ сильнѣйшiй ревматизмъ, отъ котораго вскорѣ лишился одного глаза. Но этого было мало; на изнемогженныхъ стужею отступавшихъ напирали персiане, намѣревавшiеся истребить весь отрядъ до послѣдняго человѣка. Въ непрерывномъ бою дошли до Шуши, и тутъ были получены извѣстiя, что противъ русскихъ возстали кубинцы. Пришлось отправить экспедицiю противъ нихъ, и въ началѣ 1808 г. Куба была умиротворена, такъ что болѣе серьезныхъ возстанiй противъ русскихъ уже не повторялось.

По возвращенiи войскъ изъ-подъ Кубы, расхворавшiйся не на шутку Гудовичъ просилъ государя объ увольненiи съ Кавказа. Просьба эта была уважена и главнокомандующимъ въ Грузiи и на Кавказской линiи былъ назначенъ въ мартѣ 1809 г. генералъ Тормасовъ.

Гудовичъ оставилъ Тормасову неважное наслѣдство. Его неудачи подъ Ахалкалаками и Эриванью ослабили обаяніе русскаго имени, высоко поднятое Циціановымъ. Турція снова готовилась къ наступательнымъ дѣйствіямъ; персы подготовляли вторженіе въ Грузію сразу съ двухъ сторонъ: въ Карабахъ и Ширванъ, въ Бомбакъ и Шурагель. Неспокойны были и горцы: осетины, хевсуры, пшавы, черкесы, усмиренные атаманомъ Бурсакомъ, снова начали свои набѣги за Кубань; замѣтно волновались имеретины, карталинцы, кахетинцы, среди которыхъ дѣйствовали приверженцы бѣглыхъ царевичей; не сидѣли смирно и лезгины, особенно ахалцыхскіе. Набѣги послѣднихъ были такъ свирѣпы и часты, что въ Карталинію пришлось отправить войска съ Алазани.

Наконецъ, хотя и покоренныя, но ненадежныя Дербентское, Кубинское и Бакинское ханства сдерживались всего только однимъ севастопольскимъ полкомъ.

Все это было тѣмъ болѣе печально, что такъ-же, какъ и при Гудовичѣ, Кавказскій край предоставленъ былъ однѣмъ своимъ силамъ. Россія, стоявшая лицомъ къ лицу съ грознымъ Наполеономъ, не могла оказать ни малѣйшей помощи, но зато и Тормасовъ былъ не старикъ Гудовичъ.

На Кавказъ онъ явился и вступилъ въ командованіе въ апрѣлѣ 1809 г. и попробовалъ начать мирные переговоры съ правителями Персіи. Баба-ханъ и Аббасъ-Мирза отъ переговоровъ не отказались, повели ихъ, но въ концѣ іюня персидскія полчища вломились въ Грузію — одни со стороны Карабаха, Эривани и озера Гокча, другіе, подъ начальствомъ Баба-хана, — въ Бомбакскую область. Въ трехдневномъ бою подъ Амамлы, Беканомъ и Гумри русскіе разбили ихъ и принудили бѣжать за Арпачай. До сентября персы успокоились, но въ сентябрѣ разорили находившееся подъ покровительствомъ Россіи Талышинское ханство. Этимъ они и ограничились пока. Между тѣмъ, оставленная Гудовичемъ послѣ своего вторичнаго паденія Анапа въ третій разъ была взята — и опять моряками, подъ командою капитана Верхунова, и это дало Тормасову возможность обратить вниманіе на Имеретію, къ тому времени почти отложившуюся отъ Россіи. Тормасовъ ясно видѣлъ, что необходимо для обезпеченія за Россіей этого царства взять турецкую крѣпость Поти, и послалъ туда командовавшаго войсками въ Имеретіи г.-м. князя Орбеліани съ отрядомъ, въ которомъ было

особенно много мингрельцевъ и гурійцевъ. На помощь къ Поти явился трапезондскій сераскиръ Шерифъ-паша съ девятью тысячами отборнаго войска. 2-го ноября произошла битва, и Орбеліани на-голову разбилъ турокъ, причемъ слава этой побѣды въ одинаковой степени принадлежитъ какъ русскимъ, такъ и мингрельцамъ съ гуріицами. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Поти сама сдалась русскимъ.

Главное было сдѣлано. Тормасовъ вернулъ Орбеліани въ Грузію и командующимъ войсками въ Имеретію назначилъ энергичнаго полковника Симановича.

Симановичъ не сталъ церемониться съ мятежнымъ царемъ Соломономъ, какъ церемонились съ нимъ его предшественники. Едва прибывъ въ Кутаисъ, онъ объявилъ царя Соломона низложеннымъ съ престола (10-го февраля 1810 г.) со всѣмъ его потомствомъ. Соломонъ, изъ-за котораго покоя не было имеретинамъ то отъ турокъ, то отъ русскихъ, такъ надоѣлъ своимъ подданнымъ, что кутаисцы совершенно спокойно приняли это событіе и даже не прервали изъ-за него обычныхъ масленичныхъ увеселеній. Вслѣдъ за столицей такъ-же спокойно приняла присягу на вѣрность русскому царю и вся Имеретія, вошедшая нынѣ въ составъ русской имперіи подъ наименованіемъ Кутаисской губ. Низложенный Соломонъ попробовалъ было бѣжать въ Ахалцыхъ къ туркамъ, но былъ пойманъ полковникомъ Лисаневичемъ и отправленъ въ Тифлисъ. Изъ Тифлиса Соломонъ успѣлъ бѣжать съ помощью полиціймейстера Боритова и оказался настолько силенъ, что съ помощью турокъ смогъ поднять серьезное возстаніе противъ русскихъ. Высланный для усмиренія мятежа генералъ Орбеліани на этотъ разъ дѣйствовалъ очень нерѣшительно и даже былъ вынужденъ отступить передъ скопищами мятежниковъ. Тормасовъ замѣнилъ Орбеліани ген.-маіоромъ Розеномъ, который за бѣгство Соломона, по Высочайшему повелѣнію, былъ преданъ суду, но вышелъ изъ-подъ его оправданнымъ. Розенъ на-голову разбилъ главныя силы мятежниковъ, а неукротимый Симановичъ разсѣялъ ихъ окончательно и овладѣлъ укрѣпленнымъ замкомъ Кохосро Церетели, самаго значительнаго приверженца, успѣвшаго бѣжать въ Трапезондъ бывшаго имеретинскаго царя.

Послѣдствіемъ окончательнаго присоединенія Имеретіи явилось окончательное присоединеніе къ Россіи Гуріи,

объявленное 19-го іюпя 1810 г., а въ іюлѣ русскіе овладѣли съ боя столицей Абхазіи, Сухумомъ, причемъ правителемъ этой страны, подъ именемъ кпязя Георгія Шервашидзе, русскими былъ объявленъ избранникъ абхазскаго парода Сеферъ-Али.

Между тѣмъ, наступила пора, когда русскимъ было не до новыхъ пріобрѣтеній. Пришлось оружіемъ укрощать волненія въ Осетіи; въ то-же время табассаранцы изъ Приморскаго Дагестана вторгнулись въ Кубу, персы — въ Карабахъ; турки начали наступленіе отъ Ахалцыха. Всюду нужны были войска, а ихъ у Тормасова было мало. Кубинцевъ и табассаранцевъ усмирилъ полковникъ Лисаневичъ, не задумавшійся кинуться па огромныя скопища татаръ всего съ двумя пѣхотными ротами; персамъ въ Карабахѣ при Мигри и па Араксѣ нанесъ страшныя пораженія Котляревскій и въ Бомбакской области — стоявшій тамъ Портнягинъ. Тогда эриванскій ханъ вошелъ въ соглашеніе съ ахалцыхскимъ пашей и съ 10 тысячами отборнаго войска, во главѣ котораго находился бывшій грузинскій царевичъ Александръ Иракліевичъ, обойдя стороной Карсъ, черезъ Ахалцыхъ, пошелъ къ предѣламъ Грузіи.

Положеніе русскихъ становилось чрезвычайно опаснымъ. Малѣйшій успѣхъ персовъ въ этой сторонѣ могъ снова поднять противъ русскихъ имеретинъ, абхазцевъ, гурійцевъ и вызвалъ усиленныя нападенія турокъ. Въ виду всего этого Тормасовъ рѣшилъ, что нужно дѣйствовать съ возможною быстротою и послалъ противъ наступавшаго сердаря ген.-маіора Паулуччи съ двумя егерскими полками безъ артиллеріи, приказавъ ему „перейти снѣжныя горы и разбить непріятеля ночью“. Паулуччи немного нарушилъ приказаніе главнокомандующаго: вмѣсто двухъ полковъ егерей, онъ взялъ всего только два батальона ихъ, но зато захватилъ съ собою два полевыхъ орудія. Геройскимъ подвигомъ былъ переходъ этого отряда черезъ покрытыя снѣгомъ горныя вершины при отсутствіи дорогъ, но зато непріятель былъ застигнутъ врасплохъ и разбитъ на-голову въ ночь съ 5-го на 6-ое сентября у крѣпости Ахалкалаки. Эриванскій сердарь, ахалцыхскій паша и царевичъ Александръ Ираклісвичъ спасались отъ плѣна отчаяннымъ бѣгствомъ, полунагіе — они даже не успѣли одѣться, такъ неожиданно было нападеніе русскихъ. Тутъ было уже не пораженіе, а прямо погромъ. Абассъ-Мирза, чтобы спасти остатки своей

эриванской арміи, вторгпулся въ Шамшадильскую область Грузіи, но былъ разбитъ татарской конницей и это пораженіе было довершено ген. Небольсинымъ, подоспѣвшимъ на мѣсто боя и восемнадцать верстъ гнавшимъ враговъ.

Послѣ ахалкалакскаго погрома ахалцыхскій паша разссорился съ сердаремъ Эриванн и союзъ между ними былъ прерванъ. Тормасовъ попробовалъ воспользоваться всѣми этими обстоятельствами и отбить у турокъ Ахалцыхъ, являвшійся до сихъ поръ главнымъ питомникомъ всѣхъ волненій въ новоприсоединенныхъ къ Россіи областяхъ. Въ половинѣ ноября 1810 г. эта крѣпость была обложена русскими войсками. Имена командировъ—Портнягина и Симановича—являлись ручательствомъ взятія Ахалцыха, но на этотъ разъ судьба воспрепятствовала успѣхамъ русскаго оружія: на десятый день въ русскомъ лагерѣ обнаружились признаки чумы, уже развившейся въ Ахалцыхѣ, и Тормасовъ, спасая отрядъ отъ губительной эпидеміи, снялъ осаду и увелъ войска, немедленно заградивъ всю границу карантинами.

XII.

Наканунѣ Ермолова.

Послѣ Ахалцыха Тормасову пришлось пробыть въ Закавказьѣ около года. Государь призвалъ его на болѣе высокій постъ, а правителемъ Грузіи былъ назначенъ боевой кавказскій генералъ, маркизъ Паулуччи.

Этому главнокомандующему, вступившему въ управленіе Грузіей 22-го сентября 1811 г., пришлось во все свое недолгое время правленія Закавказьемъ вести войну на два фронта: противъ персіанъ въ Карабахѣ и противъ турокъ, надвигавшихся со стороны Карса. Персы и турки дѣйствовали между собою въ союзѣ, но этотъ союзъ въ августѣ 1811 г. распался изъ-за покушенія какого-то курда на жизнь турецкаго сераскира. Паулуччи поспѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ обстоятельствомъ, и въ декабрѣ того-же года два батальона грузинскаго гренадерскаго полка, подъ начальствомъ прославившаго уже въ то время свое имя полковника Котляревскаго, взяли почти неприступную турецкую крѣпость Ахалкалаки, изъ-подъ которой должна была уйти ни съ чѣмъ цѣлая армія Гудовича.

Взятіе Ахалкалакъ прикрыло Грузію со стороны Ахалцыха, и теперь Паулуччи обратился противъ племенъ и народцевъ Дагестана. Лезгины, аварцы и казикумыки

не давали покоя присоединеннымъ къ Россіи ханствамъ. Паулуччи послалъ противъ нихъ пользовавшагося на Кавказѣ громкою славою шефа ширванскаго полка ген-м. Хатунцова, и тотъ въ Кубинскомъ ханствѣ, у аула Рустовой, разгромилъ громадныя скопища горцевъ и образовалъ новое Кюринское ханство, которое, по мысли Паулуччи, будучи въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ русскими, должно было сдерживать, главнымъ образомъ, казикумыковъ, хань которыхъ, Сурхай, былъ заклятымъ врагомъ русскихъ. При Паулуччи-же вторгнувшіеся въ январѣ 1812 г. въ Карабахъ, подъ предводительствомъ Аббаса-Мирзы, персы одержали первую и единственную побѣду надъ русскими. Перваго февраля въ мѣсточкѣ Султанъ-Буда-Керчѣ восемнадцать тысячъ конныхъ и пѣшихъ персовъ окружили находившійся тамъ батальонъ троицкаго пѣхотнаго полка. Произошла жаркая битва, почти всѣ офицеры были перебиты, и командованіе перешло къ капитану Оловяшникову. Аббасъ-Мирза потребовалъ сдачи оставшихся въ живыхъ русскихъ, и Оловяшниковъ малодушно сложилъ оружіе, несмотря на то, что карабахскій ханъ Мехти-Кули уговаривалъ его не сдаваться. Эта позорная сдача возмутила всю кавказскую армію, и Паулуччи поспѣшилъ вызвать въ Карабахъ Котляревскаго, самъ-же занялся усмиреніемъ внезапно вспыхнувшаго въ Кахетіи народнаго бунта.

Бунтъ этотъ начался и развился исключительно на экономической почвѣ. Кахетинцы платили всѣ налоги и повинности хлѣбомъ, а хлѣба у нихъ почти не было, ибо главное занятіе страны было винодѣліе. На Кахетіи накопилось много недоимокъ, уплачивать которыя было нечѣмъ, недоимки-же взыскивались съ усиленной строгостью, и это вызвало волненіе, быстро перешедшее въ бунтъ. Мятежники, поджигаемые сторонниками бывшаго царевича Александра, дѣйствовали рѣшительно. Телавскій и Сигнахскій уѣзды были охвачены мятежомъ. Началось повсемѣстное избіеніе русскихъ командъ, расквартированныхъ по деревнямъ, и вначалѣ мятежъ имѣлъ успѣхъ. Былъ моментъ, когда въ самомъ Тифлисѣ началась паника въ ожиданіи взятія его бунтовщиками. Генералъ Портнягинъ съ малочисленнымъ войскомъ ничего не могъ подѣлать. Былъ вызванъ изъ Карталіи подполковникъ Ушаковъ съ батальономъ грузинскаго полка. Случилось такъ, что передъ самымъ его прибытіемъ мятежники одержали верхъ надъ высланнымъ противъ нихъ довольно

большимъ отрядомъ капитана Сагинова. Они праздновали побѣду, когда неожиданно для нихъ появился Ушаковъ съ грузинцами. Онъ взялъ штурмомъ Душетъ, главное гнѣздо мятежниковъ, овладѣлъ ихъ опорнымъ пунктомъ—аломъ Анапуръ — и перевѣшалъ нѣсколькихъ зачинщиковъ волненій. Это произвело впечатлѣніе, и мятежъ сталъ быстро затихать.

Между тѣмъ, ахалцыхскій паша, пользуясь смутою въ Кахетіи, сдѣлалъ попытку вернуть Ахалкалаки. 21-го февраля 1812 г. онъ съ пятитысячнымъ отрядомъ пробовалъ было взять эту крѣпость, но былъ отраженъ послѣ отчаяннаго многочасового боя. Это была двойная побѣда. Если-бы турки взяли Ахалкалаки, возможно было-бы ихъ нашествіе на самый Тифлисъ, не говоря уже о томъ, что мятежъ въ Кахетіи вспыхнулъ-бы съ новой силой.

Окончательно прекратить бунтъ удалось только тогда, когда былъ взятъ штурмомъ Телавъ, гдѣ скопились послѣднія силы бунтовщиковъ.

По усмиреніи бунта въ Кахетіи Паулуччи былъ отозванъ государемъ въ формировавшуюся, по случаю войны съ Наполеономъ, западную армію, а правителемъ Грузіи, т. е., главнокомандующимъ всѣхъ войскъ въ Грузіи и на Кавказской линіи, былъ назначенъ Ртищевъ.

Ртищевъ былъ уже въ преклонномъ возрастѣ и отличался крайнею нерѣшительностью, а, между тѣмъ, положеніе Кавказскаго края было плачевное. Персы уже вытѣснили русскихъ изъ Карабаха и ворвались въ Елисаветпольскую область, а бывшій царевичъ Александръ даже вторгнулся въ самое Грузію. Турки напрягали всѣ усплія, чтобы вернуть Ахалкалаки; кахетинскій бунтъ былъ только подавленъ, но не удовлетворенъ; лезгины огромными скопищами неистовствовали въ Карталиніи; волновались Дагестанъ, Чечня, Кабарда; въ горахъ возстали осетины, ингушы, хевсуры, тушины, прервавшіе сообщеніе по Военно-Грузинской дорогѣ; на Кубани черкесы осмѣлѣли до того, что при одномъ изъ набѣговъ чуть было не утащили въ плѣнъ генералъ-губернатора Новороссійскаго края, герцога Ришелье. Въ довершеніи всего этого, чума свирѣпствовала въ обѣихъ Кабардахъ и на линіи.

Къ счастью, Россіи удалось въ это время заключить съ Турціей Бухарестскій миръ. Все, что ни пріобрѣла Россія въ Закавказьѣ цѣною блестящихъ подвиговъ, побѣдъ и потоковъ крови—Анапа, Поти, Ахалкалаки—было

возвращено Турціи. За русскими остался только Сухумъ. Зато съ одной стороны—и притомъ самой опасной—оказались развязанными руки. Генералъ Хатунцовъ съ небольшимъ отрядомъ былъ двинутъ въ Дагестанъ и сумѣлъ сдержать тамъ безпокойныхъ горцевъ. Генералъ Симановичъ, совершивъ безпримѣрный походъ черезъ горы, укротилъ осетинъ и пшаво-хевсуровъ съ тушинами (въ 1813 г.); генералъ Орбеліани усмирилъ снова вспыхнувшій въ Кахетіи мятежъ, разогналъ лезгинъ и окончательно лишилъ всякаго значенія царевича Александра, котораго возмутившіеся кахетинцы вздумали было провозгласить царемъ.

Оставались только персы, но противъ нихъ былъ съ кавказскими чудо-богатырями Котляревскій.

Персы чувствовали всю трудность положенія русскихъ, овладѣли Талышинскимъ ханствомъ, взявъ тамъ чрезвычайно сильную крѣпость Ленкорань. Нужно было, во что-бы то ни стало, остановить ихъ побѣдное движеніе, и 19-го октября 1812 г. передъ арміей Аббаса-Мирзы, стоявшей на Араксѣ, появился двухтысячный отрядъ, подъ командой Котляревскаго. Молодой вождь прямо съ похода перешелъ въ наступленіе и на-голову разбилъ персидскую армію. Аббасъ-Мирза успѣлъ, однако, немедленно послѣ пораженія собрать свои силы въ Асландузѣ, гдѣ было укрѣпленіе, построенное на высокой горѣ, и вечеромъ того-же дня стоялъ у впаденія въ Аракс р. Дори-Урты; но ночью явился съ своими богатырями-побѣдителями Котляревскій и нанесъ персидскому наслѣднику столь тяжкое пораженіе, что на мѣстѣ асландузской битвы осталось около 11.000 персидскихъ труповъ.

Гоня передъ собой персовъ, Котляревскій 26-го декабря подошелъ къ Ленкорани и въ ночь на 31-ое декабря 1812 г. послѣ отчаяннаго, безпримѣрнаго въ исторіи по ожесточенію и неравенству силъ (штурмующихъ было гораздо меньше, чѣмъ обороняющихся) штурма взялъ ее. Гарнизонъ Ленкорани, комендантъ ея Садыкъ-хашъ и съ нимъ десять хановъ погибли во время этого страшнаго дѣла; русскіе потеряли до тысячи человѣкъ, что составляло двѣ трети всего отряда. Самъ Котляревскій получилъ столь тяжелыя поранепія, что остался—въ молодыхъ еще годахъ—калѣкою-инвалидомъ на всю жизнь.

Зато эти побѣды такъ устрашили персовъ, что они запросили мира. Миръ имъ былъ дарованъ въ 1813 г. и получилъ наименованіе Гюлистанскаго. По этому миру,

Персія навсегда отказалась отъ всякихъ притязаній на Дагестанъ, Грузію, Мингрелію, Имеретію, Абхазію и признала принадлежащими на вѣчныя времена Россіи ханства Карабахское, Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышинское по Лепкорань.

Съ главными врагами Россія раздѣлалась. Остались только въ Кавказскомъ краѣ не признававшими зависимости отъ нея Нагорный Дагестанъ и народы Адыге. За покорспіе ихъ не принимались. На Кавказѣ воцарилось спокойствіе. Конечно, это можно сказать только относительно. Борьба съ горцами не прекращалась, кровь лилась безпрестанно, но это была не общая война, а просто единичные случаи схватокъ между двумя одинаково храбрыми и постоянно враждовавшими сторонами.

Но, наконецъ, настало время заняться непокорными народцами.

И вотъ

От Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Двинулись полки
И испытанный трудами
Бури боевой
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой...

Этотъ генералъ былъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

ОЧЕРКЪ ДЕВЯТЫЙ.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ и его дѣло.

А. Лавинцева.

Хоть дѣлъ великихъ окончанья
Рукою ты не довершилъ,
Но духъ твой изъ глуши изгнанья
Другихъ къ побѣдамъ приводилъ.
Свершить тебѣ не дали время,
Но всюду тамъ твои слѣды;
Тобою брошеннаго сѣмя
Россія соберетъ плоды.

I.

„Петровичъ“.

Ермоловъ по времени своего рожденія принадлежитъ къ замѣчательному XVIII вѣку, подарившему міръ геніями и талантами на всѣхъ поприщахъ. Въ самомъ дѣлѣ, кого-бы ни отмѣчала исторія изъ выдающихся дѣятелей новаго времени, при первомъ знакомствѣ съ біографіей такого историческаго лица оказывается, что онъ родился въ XVIII вѣкѣ.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, сынъ гражданскаго чиновника, родился 24-го мая 1777 г. въ Москвѣ. По обычаю того времени, еще въ младенчествѣ онъ былъ записанъ въ гвардію и пятнадцати лѣтъ отъ роду уже имѣлъ чинъ капитана и былъ зачисленъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ. Однако, Ермоловъ не пошелъ въ строй, а принялся за изученіе военныхъ наукъ и въ 1793 году выдержалъ экзаменъ, необходимый для перевода въ артиллерію. Съ этого года начинается боевая жизнь будущаго „протектора Кавказа“. Опредѣленный въ корпусъ Перфельдена, Ермоловъ вмѣстѣ съ

нимъ участвовалъ въ польскомъ походѣ и отличился при штурмѣ Праги такъ, что Суворовъ собственноручно навѣсилъ ему за этотъ штурмъ орденъ св. Георгія. По возвращеніи изъ Польши Ермоловъ участвовалъ въ походѣ Валерьяна Зубова на Дербентъ и получилъ здѣсь Владимірскій крестъ. При вступленіи на престолъ императора Павла I-го Ермоловъ подвергнулся опалѣ и былъ удаленъ въ Кострому. Съ величайшимъ трудомъ удалось Алексѣю Петровичу вернуться на службу при императорѣ Александрѣ Павловичѣ, но вначалѣ онъ оставался незамѣтнымъ, „въ загонѣ былъ“, какъ онъ самъ выражался, и лишь въ походѣ 1805 г. за Аустерлицкое сраженіе онъ получилъ чинъ полковника, пріобрѣлъ дружбу знаменитаго князя Петра Багратіона и вниманіе графа Кутузова. Съ той поры Ермоловъ быстро пошелъ въ гору. Онъ участвовалъ почти во всѣхъ сраженіяхъ съ Наполеономъ; Багратіонъ считалъ личною обидою, если Ермоловъ не получалъ той награды, какой онъ, по его мнѣнію, заслуживалъ; государь Александръ Павловичъ узналъ его и полюбилъ. Кончилъ войну Ермоловъ уже въ чинѣ генералъ-маіора и получилъ въ командованіе гвардейскую артиллерійскую бригаду, а затѣмъ лично государемъ былъ назначенъ командиромъ гвардейской пѣхотной дивизіи. Когда онъ, прежде вступленія въ эту должность, заболѣлъ (онъ сломалъ руку и лежалъ въ Кіевѣ), государь ежедневно присылалъ справляться объ его здоровьѣ.

Когда началась великая Отечественная война, государь назначилъ А. П. Ермолова начальникомъ штаба арміи Барклай-де-Толли, несмотря на то, что противъ этого назначенія были всѣ русскіе полководцы съ нѣмецкими фамиліями и даже самъ всемогущій въ то время Аракчеевъ. Послѣ, когда „нѣмцы“ ступшевались и во главѣ русской арміи сталъ русскій, Кутузовъ, Ермоловъ остался нѣсколько въ тѣни, потому что будущій „князь Смоленскій“ выдвигалъ впередъ болѣе извѣстныхъ ему людей. Однако, Ермоловъ все-таки прославилъ свое имя подъ Бородинымъ, подъ Тарутинымъ, Малымъ Ярославцемъ, Вязьмой и Краснымъ. Онъ своими подвигами заставилъ Кутузова говорить о себѣ: „вотъ этотъ орелъ рожденъ командовать арміями“. Тѣмъ не менѣе, его подвиги замалчивались въ реляціяхъ, но зато, вмѣсто славы „бумажнаго героя“, Ермоловъ создалъ себѣ славу героя народнаго. Солдаты видѣли его подвиги, распространяли всюду восторженную хвалу ему, обожали его до самозаб-

венія, и все это вмѣстѣ взятое заставило пробиравшагося въ то время въ придворные поэты стихотворца Жуковскаго такъ охарактеризировать Ермолова въ „Пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ“:

«Ермоловъ, витязь юный,
Ты — ратьмъ братъ, ты — жизнь полкамъ
И страхъ — твои перуны».

Болѣе для Ермолова у Жуковскаго вдохновенія не нашлось, но за русскаго генерала стоялъ русскій царь, и въ заграничномъ походѣ 1813 года Ермоловъ командовалъ, хотя и недолго, артиллеріей всѣхъ дѣйствующихъ армій. Витгенштейнъ успѣлъ „ссадить“ его съ этого поста, но государь назначилъ своего генерала немедленно командиромъ русской гвардіи, а вслѣдъ затѣмъ, при взятіи Парижа, Ермоловъ уже командовалъ соединенными русской и прусской гвардіями. Послѣ низложенія Наполеона Алексѣй Петровичъ командовалъ восьмидесятитысячнымъ наблюдательнымъ корпусомъ, расположеннымъ на границахъ Австріи; государь желалъ, чтобы онъ сталъ военнымъ министромъ, но Алексѣй Петровичъ самъ попросилъ, чтобы его назначили въ Грузію, и вотъ 24-го мая 1816 г. послѣдовалъ Высочайшій приказъ, которымъ Ермоловъ назначался главнокомандующимъ въ Грузію и чрезвычайнымъ посланникомъ въ Персію.

Въ то время Алексѣю Петровичу было всего тридцать девять лѣтъ отъ роду.

Несмотря на свою молодость, Ермоловъ къ этому времени былъ вполнѣ установившимся человѣкомъ, съ твердыми убѣжденіями, съ глубокой любовью къ родинѣ. При выдающемся умѣ, громадномъ военномъ и администраторскомъ талантѣ, этотъ человѣкъ обладалъ замѣчательнымъ, чисто русскимъ, грубоватымъ, но всегда острымъ юморомъ, умѣньемъ привлекать къ себѣ сердца людей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣдкимъ умѣньемъ съ перваго взгляда распознавать, чего стоитъ находившійся передъ нимъ человѣкъ. Современники, даже изъ числа тѣхъ, кто недолюбливалъ Ермолова, не осмѣливались не воздать ему должнаго. А онъ, будто нарочно, дразнилъ людей остротами, которыя носили чисто суворовскій характеръ. Когда послѣ битвы подъ Прейсишъ-Эйлау его конно-артиллерійская рота отстояла лѣвый флангъ русской арміи, а считавшійся его начальникомъ молодой графъ Кутайсовъ затребовалъ списокъ достойныхъ наградъ, Ермоловъ поблагодарилъ Кутайсова за то, что тотъ этимъ требова-

нѣмъ извѣстилъ его, что онъ, Кутайсовъ, былъ его начальникомъ во время битвы. Когда кто-то изъ высокопоставленныхъ лицъ спросилъ у Алексѣя Петровича, какой-бы онъ желалъ милости, тотъ отвѣчалъ: „Пусть меня пожалуютъ въ нѣмцы, тогда я получу самъ все, что мнѣ угодно“. Въ другой разъ, на пріемѣ у императора, онъ спросилъ у собравшихся многочисленныхъ генераловъ, не говоритъ-ли кто-нибудь хотя немного по-русски. Про штабъ своего начальника, Барклая-де-Толли, Ермоловъ отозвался, что „тамъ все нѣмцы, есть лишь одинъ русскій, да и тотъ Безродный“... (Фамилія одного военнаго чиновника, служившаго при штабѣ.) Само собой разумѣется, что всѣ тѣ, въ кого попадали эти стрѣлы ермоловскаго юмора, недолюбливали его, но это не мѣшало имъ, какъ сказано выше, воздавать ему должное. Послѣ битвы подъ Бауценомъ Витгенштейнъ сообщилъ государю, что, благодаря Ермолову, Россіи сохранено болѣе пятидесяти орудій. Прямымъ начальникомъ Ермолова въ этомъ бою былъ графъ Остерманъ, и онъ, когда ему прислали знаки ордена св. Георгія 2-й степени, просилъ передать государю, что этотъ орденъ по справедливости принадлежитъ Ермолову. Сильно не любившій Алексѣя Петровича Аракчеевъ указалъ на него, какъ на дѣятеля, вполнѣ достойнаго занять постъ военнаго министра, но все-таки многіе были очень довольны, когда Ермоловъ „убрался“ на Кавказъ.

На Кавказъ Алексѣй Петровичъ явился съ большими полномочіями.

Онъ давно уже составилъ себѣ планъ дѣйствій здѣсь. „Кавказъ,—высказывалъ онъ,—это — огромная крѣпость, защищаемая полумилліоннымъ гарнизономъ. Штурмъ ея стоитъ слишкомъ дорого, поведемъ-же осаду“.

И онъ съ величайшимъ успѣхомъ велъ эту осаду въ теченіе девяти лѣтъ.

Съ перваго момента своего прибытія на Кавказъ Алексѣй Петровичъ показалъ, что кавказскія войска получили командира, вполнѣ достойнаго ихъ. Главнокомандующій явился въ Тифлисъ 10-го окт. 1816 г. и въѣхалъ въ столицу Закавказья въ простой рогожной кибиткѣ.

При первой-же встрѣчѣ съ войсками онъ поразилъ ихъ своею внѣшностью. Алексѣй Петровичъ былъ высокъ ростомъ и крупенъ фигурою.

„Его величавая фигура, выдающаяся изъ всѣхъ другихъ,—разсказываетъ про него историкъ Ковалевскій,—

мужественная голова, со смѣлой и гордой посадкой на мощныхъ плечахъ, привлекательныя черты лица, сораз-мѣрность членовъ, самыя движенія свидѣтельствовали о великой нравственной и физической мощи Ермолова, этого необыкновеннаго человѣка".

Въ одномъ стихотвореніи такъ описалъ Ермоловъ въ надписи къ его портрету, принадлежащему кисти знаменитаго художника Доу:

«На свѣжномъ подножьѣ кавказскихъ вершинъ
Угрюмъ, одинокій стоитъ исполинъ;
Онъ буркой косматой картинно одѣтъ,
Вокругъ его блещетъ румяный разсвѣтъ;
На шашкѣ булатной покоится длань,
Могучъ онъ и грозенъ, какъ смертная брань.
Свинцовая дума въ морщинахъ чела
Всей тяжестью смѣло и грозно легла!»

Поѣздка Ермолова въ Персію показала всю великую мощь его духа. Онъ сумѣлъ такъ высоко поднять обаяніе Россіи во мнѣніи персовъ, что былъ въ состояніи уладить многія недоразумѣнія и отсрочилъ близкую войну на восемь лѣтъ, чѣмъ получилъ въ свое распоряженіе время, вполнѣ достаточное для покоренія Кавказа.

II.

Ермоловскій громъ.

Опредѣляя Кавказъ, какъ крѣпость, которую нужно было осаждать, Ермоловъ больше всего вниманія удѣлялъ Предкавказью и самому Кавказу, т. е., горскимъ народамъ, населявшимъ главный Кавказскій хребетъ. Передъ нимъ была не одна, а нѣсколько крѣпостей: Чечня и Дагестанъ — на востокъ отъ Военно-Грузинской дороги, Кабарда и Закубанье — на западъ.

Ермоловъ началъ съ Чечни.

Чечня была покрыта непроходимыми лѣсами, являвшимися для чеченцевъ естественными крѣпостями. Чеченскіе аулы подходили къ самому Тереку, что облегчало чеченцамъ набѣги на русскихъ. Ермоловъ прогналъ чеченцевъ за Сунджу и началъ прорубать въ чеченскихъ лѣсахъ обширныя просѣки, подводившія русскіе отряды къ наиболѣе значительнымъ чеченскимъ гнѣздамъ. Въ концѣ просѣкъ онъ ставилъ крѣпости, которыя связывалъ и между собою, и съ Владикавказомъ, пріобрѣвшимъ значеніе центра Предкавказья, рядомъ параллельныхъ укрѣпленій, стоявшихъ у самыхъ проходовъ въ горы. Первая такая крѣпость — Грозная — появилась на низовь-

ляхъ Сунджи въ 1818 г. Въ слѣдующемъ, году у казикумыковъ, близъ у главнаго ихъ аула Эндери, появилась крѣпость Внезапная, соединенная съ Грозной рядомъ укрѣпленій и сторожившая проходъ въ Салатавскія горы. Не успѣли еще чеченцы понять, что могутъ значить движенія русскихъ, какъ ихъ лѣсныя дебри стали уже доступны русскимъ полкамъ. Укрѣпленія окружили ихъ тѣснымъ кольцомъ. Чеченцы, жившіе между Терекомъ и Сунджей, вспыхнули было, но грозный „Ярмулъ“ — такъ называли Алексѣя Петровича горцы — уже успѣлъ показать имъ свою систему борьбы съ ними. Горцы, пока Ермоловъ былъ въ Персіи, вѣроломно захватили въ плѣнъ русскаго офицера Швецова и требовали за него выкупъ въ восемнадцать телѣгъ серебра, воображая, что захваченный ими офицеръ — важный начальникъ. Ермоловъ собралъ старшинъ чеченскихъ ауловъ и объявилъ имъ, что всѣ они будутъ повѣшены, если къ назначенному сроку плѣнникъ не будетъ возвращенъ. Горцы знали, что русскій вождь сдѣлаетъ, какъ говоритъ, и Швецовъ былъ возвращенъ русскимъ.

Покончивъ съ Чечней, Ермоловъ принялся за Нагорный Дагестанъ.

Дагестанъ и этому герою представлялся неприступною крѣпостью. Въ особенности неприступною была Аварія, лежавшая въ центрѣ свободныхъ дагестанскихъ обществъ. Ермоловъ поставилъ себѣ задачей, если не покорить, то сдѣлать Дагестанъ совершенно безопаснымъ для русскихъ, и вотъ начались передвиженія войскъ вскорѣ послѣ того, какъ настражѣ Дагестана появилась крѣпость Внезапная. Въ 1819 г. въ покоренное уже русскими Кубинское ханство прибылъ одинъ изъ самыхъ храбрѣйшихъ сподвижниковъ Ермолова, ген.-м. князь Мадатовъ. Въ Кубѣ въ то время стоялъ небольшой отрядъ ген. Шестеля. Мадатовъ-же, происходившій изъ знатнаго рода карабахскихъ армянъ, былъ въ то время окружнымъ начальникомъ ханствъ—Шекинскаго, Ширванскаго и Карабахскаго. Поводомъ къ вторженію въ Дагестанъ были попытки аварскаго хана Султанъ-Амеда оказать помощь чеченцамъ. Мадатовъ безъ пролитія крови покорилъ Табассарань и вслѣдъ затѣмъ проникъ въ уцмійство Каракайдагское. Нижній Каракайдагъ (т. е, равнинный) покорился русскимъ добровольно, но уцмій Адиль-Гирей укрѣпился въ Верхнемъ (нагорномъ) Каракайдагѣ, въ столицѣ своихъ владѣній, аулѣ Башлы. 5-го октября Башлы были взяты

Мадатовымъ штурмомъ, а 20-го были разгромлены главные силы уцмія, укрѣпившіяся на горахъ около аула Сумси. Послѣ этого погрома весь Каракайтагъ призналъ себя подвластнымъ Россіи. Въ то время, когда Мадатовъ дѣйствовалъ съ юга, самъ Ермоловъ шелъ на Дагестанъ съ сѣвера. Еще передъ появленіемъ Мадатова горцы разбили высланный противъ нихъ отрядъ Пестеля и произвели рядъ нападеній на шамхальство Тарковское. Въ особенности непримиримыми были мехтулинцы, ханъ которыхъ, Гассанъ, былъ личнымъ врагомъ тарковскаго шамхала. Ермоловъ рѣшилъ, что Мехтулѣ первой придется пасть подъ его ударами, и вошелъ въ ея предѣлы. Непріятель встрѣтилъ его на Аскорайскихъ горахъ, и у Талгинской горы произошла кровопролитная битва. Въ ней особенно отличился Швецовъ, тотъ самый офицеръ, котораго Ермоловъ выволилъ изъ плѣна. Лезгины были сбиты съ горъ, и проходъ въ Мехтулу былъ свободенъ. Ермоловъ повелъ войска на аулъ Большой Дженгутай, а въ это время къ мехтулинцамъ прибыли на помощь акушинцы, одно изъ храбрѣйшихъ лезгинскихъ племенъ Дагестана. Произошла новая битва, и Дженгутай былъ взятъ русскими. Мехтулинскій ханъ былъ лишенъ владѣнія и объявленъ измѣнникомъ; такъ-же поступилъ Ермоловъ и съ аварскимъ ханомъ, попробовавшимъ было просить русскаго вождя о помилованіи.

Разгромъ Мехтулы предшествовалъ покоренію Каракайтага и Табассарани. Когда Мадатовъ покончилъ съ ними, Ермоловъ двинулся далѣе, въ самыя нѣдры горъ, на вольный Даргинскій союзъ, лежавшій между Мехтулой, Каракайдагомъ, Казикумыкомъ и Андалялемъ по берегамъ рѣкъ Кара-койсу и Кумыкское-койсу. Такъ или иначе, уничтожить это гнѣздо было необходимо. Здѣсь собрались и аварскій, и мехтулинскій ханы, и Ширъ-Али дербентскій, дѣйствовавшій при помощи Персіи; сюда-же укрылся уцмій каракайдагскій. Во главѣ даргинцевъ стали и акушинцы, самое могучее изъ союзныхъ обществъ, и къ нимъ примкнули казикумыки съ своимъ яростнымъ противникомъ русскихъ Суркай-ханомъ. Вмѣстѣ съ казикумыками были койсубулинцы. Мехтула позабыла о недавнемъ погромѣ и тоже поднялась на покорителей; взволновались даже Тарки и въ шамхальствѣ поднялся мятежъ, усилившійся послѣ того, какъ подъ Тарки подошли мехтулинцы.

Теперь передъ русскими вставалъ могучій врагъ, вооду-

шевленный слѣпою ненавистью къ побѣдителямъ, готовый къ борьбѣ до послѣдней капли крови. Ермоловъ предварилъ акушинцевъ, что они будутъ пощажены, если останутся спокойными и выдадутъ всѣхъ укрывшихся у нихъ хановъ. Тѣ отвѣчали отказомъ. Тогда русскій вождь, прпказавъ Мадатову наступать съ юга, самъ пошелъ съ сѣвера. Акушинцы ожидали непріятеля у горнаго аула Лаваши. 19-го октября 1819 г. здѣсь произошло кровопролитное сраженіе, окончившееся полнѣйшимъ разгромомъ горцевъ, и результатомъ этого разгрома было то, что союзъ распался; казикумыки, койсубулинцы и мехтулинцы оставили даргинцевъ. Ермоловъ прошелъ весь Даргинскій союзъ и 21-го декабря 1819 г. праздновалъ въ столицѣ его, аулѣ Акушѣ, свою побѣду. Явились депутаты отъ всѣхъ даргинскихъ общинъ и торжественно признали весь союзъ подвластнымъ Россіи. Кстати сказать, даргинцы оставались спокойными и вѣрными своей присягѣ вплоть до того времени, пока на Кавказъ, уже послѣ Ермолова, не распространился мюридизмъ, о которомъ будетъ сказано нѣсколько ниже.

Въ то самое время, когда Ермоловъ былъ въ Дагестанѣ, русскими былъ совершенъ выдающійся подвигъ. На границѣ Кюринскаго ханства, покорнаго Россіи, и Казикумыка было поставлено небольшое Чирагское укрѣпленіе для наблюденій надъ казикумыками. Въ Чирагѣ были всего двѣ неполныхъ роты троицкаго полка. Когда казикумыкскій ханъ Сурхай велъ свои скопища на помощь акушинцамъ, онъ кинулъ болѣе пяти тысячъ горцевъ на Чирагъ.

Русскіе были застигнуты врасплохъ, часть солдатъ была перерѣзана, уцѣлѣвшіе заперлись въ минаретѣ и въ крѣпостцѣ. Въ первомъ оставался всего съ четырьмя стрѣлками юноша прапорщикъ, Щербина, въ полуразрушенной-же крѣпостцѣ шт.-капитанъ Овечкинъ съ сотнею раненыхъ солдатъ.

Щербина цѣлый день оборонялся отъ лезгинъ. Когда перебиты были его товарищи, онъ остался одинъ, и лезгины все-таки не смогли взять его. Они подкопали башню минарета и лишь тогда Щербина достался имъ въ руки. Юноша кончилъ жизнь въ страшныхъ мукахъ. Овечкинъ, израненный пулями, оборонялся со своими четыре дня, но спасло русскихъ лишь появленіе отряда г.-м. Вреде, окружного кюринскаго начальника, и, главнымъ образомъ,

то, что лезгины узпали о паденіи Акуши, и это повліяло на нихъ такъ, что они поспѣшили удрать отъ Чирага *).

Послѣ Акуши насталъ чередъ казикумыковъ.

Кавказскіе воины были хорошо знакомы съ этими лезгинами. Это они при графѣ Зубовѣ уничтожили подъ Алпанами отрядъ Бакунина, но затѣмъ, послѣ Цицianова, ген. Булгаковъ покорилъ ихъ. Однако, эта покорность продолжалась лишь до тѣхъ поръ, пока русскія войска стояли въ ихъ аулахъ. Ихъ ханъ Сурхай, отличавшійся непоколебимой энергіей, былъ даже одно время изгнанъ ими, но потомъ вернулся и поспѣшилъ поднять казикумыковъ на ненавистныхъ ему русскихъ. Онъ остался въ Казикумыкѣ и послѣ паденія Акуши. Ермоловъ воспользовался этимъ появленіемъ изгнаннаго хана и 19-го января 1820 г. объявилъ Казикумыкъ присоединеннымъ къ подвластному Россіи Кюринскому ханству. Но одного объявленія было мало, казикумыковъ нужно было покорить силою оружія. Былъ посланъ Мадатовъ, и 12-го іюня онъ уже подошелъ къ столицѣ Казикумыка, аулу Хозрекъ. Горцы оказали упорнѣйшее сопротивленіе; русскіе едва не были отбиты и взяли Хозрекъ только послѣ героическихъ усилій. Сурхай-ханъ успѣлъ убѣжать въ аулъ Кумухъ. Тамъ его не приняли, и когда Мадатовъ подошелъ въ Кумуху, то здѣсь онъ сопротивленія не встрѣтилъ и русскія войска вошли въ аулъ, добровольно принятыя лезгинами. 16-го іюня казикумыкъ былъ объявленъ подвластнымъ Россіи, а 19-го добровольно покорилось сосѣднее могущественное племя горцевъ — кубачинское. Сурхай-ханъ бѣжалъ въ Персію.

Безъ малаго годъ спустя, въ апрѣлѣ 1821 г., Ермоловъ навсегда присоединилъ къ Россіи шамхальство Тарковское и заложилъ здѣсь крѣпость Отрадную, впослѣдствіи переименованную въ „Бурная“. Аварскій ханъ, узнавъ объ этомъ, попытался поднять на русскихъ Дагестанъ, но ермоловскія побѣды надъ Мехтулой, Акушей, Каракайдагомъ и Казыкумыкомъ были такъ памятны, что Султанъ-Амедъ смогъ набрать только тысячу всадниковъ, съ которыми и ворвался въ шамхальство. Ермоловъ послалъ противъ аварцевъ начальника штаба своего корпуса, г.-м. Вельяминова, и тотъ выгналъ ихъ въ Мехтулу, а тамъ разгромилъ ихъ у аула Аймяки.

---

*) Прекрасное описаніе подвига Овечкина и Щербины читатели могутъ найти въ «Полномъ собраніи сочиненій Марлинскаго (А. Бестужева)», изданіе А. А. Каспари, т. I.

Такимъ образомъ, весь Дагестанъ былъ покоренъ и только у аварцевъ сохранился призракъ независимости, но и Аварія была со всѣхъ сторонъ окружена русскими, такъ что опасности для русскихъ уже не представляла.

III.

Мятежи и усмиренія.

Итакъ, главное было сдѣлано: создано было положеніе, противъ котораго спорить не приходилось. Такъ или иначе, а несокрушимый Кавказъ съ его воинственными горскими племенами сталъ достояніемъ Россіи...

Тѣмъ не менѣе, Дагестанъ не оставался спокойнымъ. Въ 1823 г. поднялъ смуту Амалатъ, бекъ буйнакскій, влюбленный въ дочь Султанъ-Амеда — Салтанету. Ради этой любви Амалатъ присталъ къ непокорному хану и сталъ его союзникомъ. Послѣ паденія Акуши онъ былъ прощенъ Ермоловымъ (кажется, это былъ единственный случай, когда Ермоловъ „простилъ“ бунтовщика), но Султанъ-Амедъ поджегъ честолюбіе и ревность Амалата. Онъ пообѣщалъ ему и Салтанету, и помощь, чтобы отвоевать у русскихъ шамхальство Тарковское, если Амалатъ убьетъ Верховскаго, начальника отряда, посланнаго для покоренія аула Аймяки. Верховскій-же былъ благодѣтелемъ Амалата — этотъ офицеръ умолилъ Ермолова простить молодого бека. Ослѣпленный любовью, горецъ исполнилъ это, появившись въ Хунзахѣ, столицѣ Аваріи, но не нашелъ въ живыхъ Султанъ-Амеда, а предательство бека по отношенію къ Верховскому возбудило къ нему такое презрѣніе, что вдова Султанъ-Амеда выгнала его вонъ изъ своего дома *). Гибель Верховскаго, между тѣмъ, явилась какъ-бы сигналомъ къ возстанію въ Дагестанѣ. Остались спокойными только даргинцы, но зато возстали добровольно покорившіеся кайсубулинцы, среди которыхъ пріютился Амалатъ-бекъ.

Усмирять ихъ явился самъ Ермоловъ и цѣлую зиму провелъ въ аулѣ Казанищи. Послѣ этой ермоловской стоянки вплоть до персидской войны 1821 г. въ Дагестанѣ не происходило сколько-нибудь крупныхъ безпорядковъ.

При своемъ огромномъ умѣ и всеобъемлющей наблюдательности Ермоловъ, однако, просмотрѣлъ одно явленіе, имѣвшее огромныя послѣдствія и почти на три-

) Смот. «Амалатъ-бекъ». «Полное собраніе сочиненій Марлинскаго (А. А. Бестужева)», изданіе А. А. Каспари. 23

дцать лѣтъ отдалившее полное умиротвореніе Кавказа. Именно при немъ явился въ своемъ зародышѣ мюридизмъ, родоначальниками котораго явились фанатики-муллы — Магома и Кази-мулла, начавшіе съ 1824 г. распространять новое ученіе, имѣвшее цѣлью объединеніе всѣхъ племенъ Кавказа.

Покоривъ и укрѣпивъ за Россіею востокъ, Алексѣй Петровичъ обратилъ свое вниманіе на западъ, постаравшись, прежде всего, укрѣпиться въ Кабардахъ. Во время покоренія Дагестана Кабарда, расположенная между рѣками Кубанью, Малкою и Терекомъ, оставалась спокойною. Ермоловъ воспользовался этимъ и въ долинахъ рѣкъ Малка, Баксанъ, Чечемъ, Урухъ, Нальчикъ поставилъ крѣпости, обезпечившія за Россіей весь этотъ край. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ перенесъ Военно-Грузинскую дорогу на лѣвый берегъ Терека и провелъ хорошо прикрытую отъ черкесовъ дорогу отъ Владикавказа на Кубань. Обезпечивъ, такимъ образомъ, пути сообщенія, Алексѣй Петровичъ занялся правымъ флангомъ Кавказской линіи. Прежде всего, онъ выхлопоталъ включеніе Черноморскаго войска, стоявшаго дотолѣ отдѣльно, въ составъ отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, но труды Ермолова по устройству Черноморья пропали даромъ. Съ черкесами онъ ничего не могъ подѣлать. Къ воинственнымъ племенамъ Закубанья была слишкомъ близка Турція, и черкесы, встрѣчая въ туркахъ поддержку, были положительно неукротимы. Можетъ быть, если-бы у Ермолова было болѣе времени, онъ и съ ними справился-бы, но Закубанью Алексѣй Петровичъ могъ посвятить только 1823 и 1824 годы, такъ какъ въ слѣдующемъ 1825 г. вспыхнулъ страшный мятежъ въ Чечнѣ, потребовавшій самыхъ энергичныхъ дѣйствій со стороны главнокомандующаго.

Этотъ мятежъ явился слѣдствіемъ того, что Алексѣй Петровичъ не предугадалъ значенія новаго религіознаго ученія, появившагося въ Казикумыкѣ и уже распространявшагося по Дагестану. Всю осень 1824 г. по Чечнѣ шныряли какіе-то неизвѣстно откуда появившіеся горцы, возвѣщавшіе чеченцамъ, что появился имамъ, который призываетъ всѣхъ правовѣрныхъ на газаватъ, т. е., священную войну противъ христіанъ. Чеченцы чрезчуръ заспѣшили. У нихъ явились и свой проповѣдникъ, мулла Магома, и народный вождь, знаменитый наѣздникъ Бей-Булатъ; нашелся и свой собственный про-

рокъ, герменчугскій чеченецъ Якъ. По всей Чечнѣ появились гонцы съ вѣстью объ этомъ и съ призывомъ на священную войну. Магома объявилъ себя великимъ имамомъ Чечни, и въ концѣ іюня 1825 г. мятежъ вспыхнулъ. Мичиковцы, ичкеринцы, качкалыковцы и вся Большая Чечня поднялись на русскихъ и заняли аулъ Атаги за Ханкальскимъ ущельемъ, противъ крѣпости Грозной. Эти простые, полудикіе люди были такъ ослѣплены Магомой, что искренно вѣрили въ свою легкую побѣду. Имъ казалось, что стоитъ только Магомѣ сказать слово, какъ всѣ русскіе сами убѣгутъ за Терекъ. Но русскіе вмѣсто этого пошли на нихъ. Ихъ повелъ гроза чеченцевъ, полковникъ Грековъ. Русскіе шли впередъ, а не назадъ. Чеченцы не удержались и до боя ударились вспять, очистивъ Ханкальское ущелье. А у Грекова былъ всего одинъ батальонъ 43-го егерскаго полка, такъ какъ болѣе Ермоловъ не могъ ему дать: одновременно съ Чечней, по тѣмъ-же причинамъ, вспыхнулъ бунтъ въ Кабардѣ. Грековъ занялъ аулъ Атаги и, видя передъ собой бѣгущихъ чеченцевъ, вообразилъ, что съ нихъ и этого будетъ вполнѣ достаточно. Онъ возвратился въ Грозную, а Бей-Булатъ воспользовался этимъ и распустилъ слухъ, будто русскіе бѣжали передъ нимъ.

Этого было достаточно, и поднялась вся Чечня. Мятежъ охватилъ весь лѣвый флангъ отъ Аксая и Сулака до Владикавказа. Прежде всего, чеченцы всею своею массою опрокинулись на укрѣпленіе Амиръ-Аджа-Юртъ на Терекѣ и, благодаря безпечности командовавшаго тамъ капитана Осипова, взяли его. Благодаря ихъ неосторожности, взорвался пороховой складъ. Много погибло тутъ и русскихъ, и чеченцевъ, но послѣдніе разъярились еще болѣе и массами повалили на укрѣпленіе Герзель-аулъ и крѣпость Внезапную въ кумыкской землѣ. 12-го іюля Герзель-аулъ было осаждено. Окружной начальникъ, генералъ Лисаневичъ, и генералъ Грековъ поспѣшили ему на выручку. Подъ Герзель-ауломъ произошла битва, и мятежники здѣсь были разогнаны.

Вступивъ въ укрѣпленіе, Лисаневичъ потребовалъ, чтобы были собраны всѣ кумыкскіе старшины, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ сношеніяхъ съ чеченцами и которымъ онъ хотѣлъ сдѣлать приличное внушеніе. Старшины были собраны, ихъ оказалось 318 человѣкъ, наиболѣе уважаемыхъ среди народа. Лисаневичъ, прекрасно знавшій татарскій языкъ, вышелъ къ нимъ вмѣстѣ съ Грековымъ

и не щадилъ ни упрековъ, ни угрозъ въ своемъ увѣщеваніи. Послѣ грозной рѣчи Лисаневичъ сталъ вызывать по списку наиболѣе подозрительныхъ, и вышедшій на вызовъ третьимъ мулла Учаръ-хаджа, прежде чѣмъ можно было-бы угадать его замыселъ, закололъ генерала Грекова и нанесъ смертельную рану Лисаневичу. У послѣдняго при видѣ падающаго товарища совершенно невольно вырвалось слово: „коли“, и ожесточенные солдаты положили на мѣстѣ всѣхъ собранныхъ старшинъ. Лисаневичъ, герой зубовскаго похода, персидской и турецкой войнъ, умеръ черезъ нѣсколько дней въ крѣпости Грозной.

Послѣ этой герзель-аульской катастрофы мятежъ принялъ такой угрожающій характеръ, что Ермоловъ, какъ разъ въ то время тяжко больной, долженъ былъ встать съ постели. Грозна была его расправа съ мятежниками. Походъ начался 26-го января 1826 г. Ермоловъ, до котораго уже дошла, пока неоффиціально, вѣсть о кончинѣ императора Александра Павловича, словно провидя будущее, спѣшилъ укрѣпить непокорные кавказскіе народы за Россіей. 30-го января на Аргуни произошла рѣшительная битва. Почти всѣ чеченскія племена, а вмѣстѣ съ ними и лезгины вышли противъ русскихъ.

Честь сразиться съ ними выпала на долю двухъ батальоновъ ширванскаго полка, которыми командовалъ подполковникъ Ковалевъ. Натискъ чеченцевъ былъ необычайно стремителенъ. Среди нападавшихъ былъ самъ ихъ имамъ, Магома. Чеченцами овладѣлъ религіозный экстазъ, и тогда среди нихъ раздалась пѣснь газавата:

«О, братья, творите молитву,
Съ кинжалами ринемся въ битву!
Ломай ихъ о русскую грудь!
По трупамъ безстрашнаго путь!
Слава намъ! смерть врагу!
Алла-га! Алла-гу!»

Остервенѣніе чеченцевъ было такъ велико, что у русскихъ офицеры должны были драться, какъ простые солдаты; орудіямъ приходилось дѣйствовать на разстояніи 10—15 саженъ, но и картечь не останавливала нападавшихъ. Трижды бросался непріятель на ширванскіе батальоны и трижды былъ отбитъ.

Какъ разъ въ это время среди чеченцевъ разнослось извѣстіе, что къ ширванцамъ съ большими силами подходитъ самъ Ермоловъ. Боевое воодушевленіе уже оставило недавно безумно храбрыхъ полудикарей, и они послѣ

третьяго своего натиска на ширванцевъ ударились въ безпорядочное бѣгство за Аргунь.

Путь впередъ былъ открытъ. Ермоловъ прошелъ всю Чечню, стирая съ лица земли аулы, вырубая лѣса, Чечня вся оголилась послѣ этого похода, но зато на этотъ разъ она была успокоена такъ основательно, что долго-долго чеченцы не осмѣливались возставать на русскихъ.

Бунтъ въ Кабардѣ былъ не такъ грозенъ, какъ въ Чечнѣ. Начали его черкесы, которыхъ поддержали только кабардинцы. Кабардинскій князь Джембулатъ Кучуковъ, ворвавшись за Кубань, уничтожилъ русское поселеніе Марьевку, остававшуюся почти беззащитною, и ушелъ назадъ, пройдя незамѣченнымъ Баксанское укрѣпленіе. У Чечемскаго ущелья онъ наткнулся на командира кабардинскаго полка Булгакова, шедшаго съ ротой пѣхоты и артиллеріей изъ Баксанскаго укрѣпленія на Малку. Вѣроятно, Булгаковъ былъ пораженъ неожиданностью появленія черкесовъ и растерялся. Онъ не только не ударилъ на нихъ, но позволилъ имъ безпрепятственно уйти за Кубань и увести весь полонъ, выведенный ими изъ Марьевки.

„Мнѣ нужно было проѣхать всю Кабарду, — писалъ Булгакову Ермоловъ, — чтобы удостовѣриться, до какой степени простиралась подлая трусость ваша. Слышны были голоса нашихъ, просящихъ о помощи, но васъ заглушила подлая трусость; подчиненные ваши рвались освободить своихъ соотечественниковъ, но вы удержали ихъ. Изъ мыслей нельзя изгнать, что вы—или измѣнникъ, или подлый трусъ. И съ тѣмъ, и съ другимъ титуломъ нельзя оставаться между людьми, имѣющими право гнушаться вами!“

Дѣйствительно, оплошность Булгакова принесла очень плачевные результаты. Набѣги кабардинцевъ, которымъ случай съ Булгаковымъ далъ поводъ думать, что они останутся безнаказанными, участились до того, что стали почти ежедневными.

Къ счастью, всѣ эти набѣги носили характеръ разрозненныхъ разбоевъ, вызванныхъ жаждою наживы, а не были соединены, какъ у чеченцевъ, одной общей идеей возвращенія самостоятельности. Ихъ усмиряли, какъ разбойниковъ—карательными экспедиціями, и пойманныхъ предавали военному суду, какъ заурядныхъ грабителей. Послѣднее особенно подѣйствовало на гордыхъ кабардинцевъ и они сами собою утихли.

IV.
Конецъ славнаго времени.

Для полноты очерка слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о „правомъ флангѣ“, т. е., о Предкубаньѣ. Тамъ общее положеніе дѣлъ и характеръ войны мало чѣмъ измѣнились. Кубань раздѣляли два враждующихъ лагеря: на правомъ берегу — казаки, на лѣвомъ — черкесы. Усугублялось это положеніе еще тѣмъ, что теченіе Кубани дѣлилось на два округа: собственно „правый флангъ“, или Кубанская линія, и Черноморье. Кубанская линія шла по правому берегу Кубани отъ Баталпашинска до устья Лаби и заканчивалась подъ Усть-Лабинскимъ укрѣпленіемъ. Въ административномъ и военномъ отношеніяхъ она была подчинена командующему отдѣльнымъ Грузинскимъ корпусомъ. Черноморье тянулось по Кубани до ея устьевъ и было подчинено херсонскимъ губернаторамъ, т. е., существовала разность въ управленіи. Послѣ чумы снова послѣдовало воспрещеніе переходить на лѣвый берегъ и это воспрещеніе осталось неотмѣненнымъ. Черкесы осмѣлѣли до невозможности. Русскіе на правомъ берегу какъ бы только и существовали для того, чтобы приносить имъ всяческій доходъ. Ермоловъ послалъ на Кубань и за Кубань своего начальника штаба генерала Алексѣя Александровича Вельяминова, свою „правую руку“, и тотъ, проникнувъ въ Закубанье, быстро успокоилъ военными экзекуціями неукротимыхъ черкесовъ. Конечно, это спокойствіе было условное. Борьба продолжалась, но уже кубанцы получили возможность не только отражать набѣги черкесовъ, но и самимъ вторгаться въ ихъ области. Послѣ Вельяминова его преемникъ Георгій Павловичъ Коцыревъ сдержалъ желѣзной рукой всѣ попытки закубанцевъ возобновить прежніе разбои въ русскихъ владѣніяхъ.

Въ Черноморьѣ было сперва все спокойно. Кровавые уроки Бурсака надолго успокоили шапсуговъ и абадзеховъ. Преемникомъ Бурсака былъ атаманъ Григорій Кондратьевичъ Матвѣевъ, человѣкъ очень слабаго характера, подпадавшій подъ всевозможныя вліянія. При немъ въ Черноморьѣ появился присланный изъ Петербурга чиновникъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ де Скасси. Онъ вообразилъ, что можно успокоить черкесовъ, организовавъ въ ихъ земляхъ торговлю. Вышло изъ этого то-же, что выходило и прежде: черкесы изъ заигрыванія съ ними составили себѣ предположеніе, что русскіе

слабы, и припялись за свои набѣги. Въ это время, 11-го апрѣля 1820 г., Черноморье перешло въ управленіе Ермолова и онъ назначилъ туда командующимъ генералъ-маіора Михаила Григорьевича Власова. Шапсуги и джанинцы первыми подвернулись подъ руку этому генералу. Въ октябрѣ 1821 г. огромныя скопища ихъ появились на берегу Кубани. Въ Калаусскомъ лиманѣ произошла битва, въ которой горцы, попавшіе въ устроенную Власовымъ засаду, потеряли только утонувшими въ лиманѣ 20 князей и тысячу двѣсти всадниковъ, не считая погибшихъ въ камышахъ и отъ русскихъ пуль. Послѣдовавшая затѣмъ экспедиція за Кубань могла-бы надолго отбить у горцевъ охоту тревожить русскихъ, если-бы не подстрекалъ ихъ турецкій паша въ Анапѣ. Съ 1823 г. начались набѣги, принявшіе характеръ войны, и это совпало съ бунтомъ въ Чечнѣ, Дагестанѣ и Кабардахъ. Власовъ укротилъ горцевъ, но въ это время (1826 г.) онъ былъ смѣненъ и Ермоловъ въ Черноморьѣ лишился помощника, на котораго могъ-бы положиться...

Между тѣмъ, поднимался новый врагъ — послѣ четырнадцати лѣтъ мира въ іюлѣ 1826 г. совершенно неожиданно безъ объявленія войны въ Закавказье вторгнулись персидскія полчища, которыми предводительствовалъ все тотъ-же шахъ-заде (наслѣдникъ престола) Аббасъ-Мирза. Начиналась новая война, даже двѣ войны: съ Персіей и почти одновременно съ Турціей...

Ермоловъ отправился, чтобы отразить нападеніе персовъ, его сподвижникъ Мадатовъ съ перваго-же раза выгналъ вторгнувшагося непріятеля изъ предѣловъ Россіи и вступилъ въ Эриванское ханство, но Алексѣю Петровичу не удалось провести эту войну. На русскомъ престолѣ былъ императоръ Николай Павловичъ и враги „протектора“ Кавказа воспользовались новымъ царствованіемъ, чтобы устранить того съ его поприща: на Кавказъ мчался облеченный обширнѣйшими полномочіями генералъ-адъютантъ Паскевичъ. 28-го марта 1827 г. послѣ ревизіи, негласно произведенной Паскевичемъ, прибывшій по Высочайшему повелѣнію для провѣрки доносовъ Паскевича ген. Дибичъ объявилъ Ермолову Высочайшую волю объ отозваніи его въ Россію и о назначеніи Паскевича командующимъ войсками.

Такъ сошелъ съ политической арены этотъ замѣчательный человѣкъ, память котораго должна быть священна для Россіи, какъ память Суворова.

Въ униженіи покидалъ Алексѣй Петровичъ покорен-ный имъ Кавказъ, людская-же зависть не смѣла помра-чить его славу. Рыцари русскаго духа — русскіе поэты — проникновенно заговорили объ Ермоловѣ. Великій Пуш-кинъ пѣлъ:

«Но се, востокъ подъемлетъ вой!
Поникли снѣжной головой,
Смирись, Кавказъ, идетъ Ермоловъ!»

Домонтовичъ восклицаетъ:

«И ты, Ермоловъ незабвенный,
Россіи слава, горцамъ страхъ,
Чье имя, какъ завѣтъ священный,
Штыками врѣзано въ горахъ!»

Жуковскому теперь вдохновеніе продиктовало объ Ермоловѣ такія строки:

«Предъ нимъ, за нимъ нѣтъ пышныхъ титлъ,
Не громокъ онъ средь гордой знати,
Но за него усердный гласъ молитвъ
Непобѣдимой русской рати».

Ермоловъ ушелъ. Паскевичъ увлекся легкими побѣдами надъ персами, Кавказъ былъ оставленъ безъ вниманія, а въ Дагестанѣ, Чечнѣ, у казикумыковъ уже гремѣло имя Шамиля, появились полные фанатическаго воодушевле-нія мюриды, громко произносилось слово „газаватъ", означавшее священную войну съ русскими... Кавказъ пы-лалъ, а пламя новаго пожара тушить было некому...

ОЧЕРКЪ ДЕСЯТЫЙ.

Кавказскіе горцы и газаватъ.

Очеркъ Д. А. Пахомова.

Слуги вѣчнаго Аллаха,
Къ вамъ молитву мы возноспмъ:
Въ дѣлѣ ратномъ счастья просимъ.
Пусть душа не знаетъ страха,
Руки — слабости позорной!
Чтобъ обваломъ безпощаднымъ
Мы къ врагамъ слетѣли жаднымъ
Съ высоты своей нагорной, —
Помогите, помогите!
О, святые, къ вамъ взываемъ,
Магомета вы молите —
Безъ него мы погибаемъ;
Нѣтъ у насъ иной защиты,
Нѣтъ заступника иного,
Безъ него мы всѣ разбиты,
Съ нимъ сразимъ врага любого!
Дверь побѣды растворя
Для рабовъ своихъ покорныхъ,
О, пророкъ! ауловъ горныхъ
Не забудь въ утѣхахъ рая!
Наша кровь рѣкой польется,
Но за муки и страданье
Кто томится въ ожиданьѣ,
Тѣмъ сторицей воздается!

Вас. И. Немировичъ-Данченко.

I.

Религіозныя возарѣнія горцевъ.

Трудно въ настоящее время сказать что-нибудь о первобытной религіи горцевъ и объ ихъ религіозныхъ возарѣніяхъ, но, основываясь на тѣхъ обрывкахъ, которые дошли до насъ, можно заключить, что кавказскіе горцы подчинялись тѣмъ-же непреложнымъ законамъ, которые порождаютъ религію у всѣхъ народовъ, находившихся на одинаковой степени культуры. Религія у горцевъ, без-

спорно, была, ибо, какъ-бы дикъ человѣкъ ни былъ, сознаніе того, что окружающее его логично, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, непонятно, — это сознаніе должно было родить мысль о существахъ разумныхъ и превышающихъ людей какъ разумомъ, такъ и силой.

Дикарь выбираетъ, конечно, предметами своего перваго поклоненія формы и явленія изъ окружающей его природы.

„Нетрудно понять, — говоритъ Мензисъ, въ своей „Исторіи религій“, — почему первобытный человѣкъ обратился къ великимъ стихіямъ природы, какъ къ существамъ, которыя могутъ помочь ему и съ которыми поэтому онъ долженъ поддерживать сношенія. Чѣмъ менѣе цивилизованы люди, чѣмъ менѣе защищены отъ непогоды, тѣмъ болѣе ихъ существованіе и благосостояніе зависятъ отъ дѣйствія солнца, вѣтровъ, дождя. Если, согласно съ пріемами первобытной мысли, дикарь представляетъ себѣ эти существа живыми, подобно себѣ самому, и исполненными чувствъ и желаній, подобныхъ его собственнымъ, то онъ непремѣнно захочетъ вступить въ сношенія съ ними. Для сношеній подобнаго рода достаточно простого убѣжденія, что это — живыя существа, одаренныя такими-же чувствами, какъ и онъ самъ. Нуждаясь въ пищѣ и теплѣ, онъ, дикарь, невольно думалъ о существахъ, которыя, по его убѣжденію, обладали силой для того, чтобы снабдить его этими благами, думалъ о дождѣ, который, какъ онъ замѣтилъ, заставляетъ расти хлѣбъ, о солнцѣ, теплота котораго была ему хорошо извѣстна. Гроза представлялась ему силой, способной положить конецъ долгой засухѣ; вѣтры могутъ ломать деревья, осушаютъ сырую землю, приносятъ дожди. Надъ всѣмъ простирается небо, земля-же все поддерживаетъ и производитъ, отъ нея исходитъ всякая жизнь. Луна такъ-же, какъ и солнце, сила благая и даже въ нѣкоторыхъ климатахъ благодатнѣе солнца. Огонь — несомнѣнно, живое существо, отъ котораго многое зависитъ; то-же самое можно сказать о большихъ озерахъ, объ океанѣ“.

Къ этому мы прибавимъ еще, что и высокія горы или отдѣльныя мѣста, отличавшіяся чѣмъ-нибудь оригинальнымъ, также привлекали вниманіе дикаря и заставляли его или населять подобныя мѣста невѣдомыми духами, или одухотворять самый предметъ. На Кавказѣ до сихъ поръ существуетъ фетишизмъ, т. е., обоготвореніе раз-

пыхъ предметовъ. Эти пережитки доисторическихъ воззрѣній не только удержались противъ давленія мусульманства въ однихъ мѣстахъ и христіанства--въ другихъ, но неразрывно слились съ ними и явились какъ-бы догматами этихъ религій. Такъ, у всѣхъ горцевъ въ большомъ почетѣ Уастырджи (св. Георгій) и Уацилла (Илья пророкъ), мѣстопребываніе которыхъ обязательно вершина какой-нибудь недоступной горы, которая вслѣдствіе этого и обожествлялась. Многіе рощи, камни, ущелья, пещеры, водопады также обожествлялись въ стилѣ настоящаго фетишизма, т. е., съ ними не соединялись даже представленія о духѣ, а они были просто священны сами по себѣ. Впрочемъ, это освященіе неодушевленныхъ предметовъ, можетъ быть, и не пережитокъ первобытной эпохи, а непосредственное вліяніе магометанства, ничего не имѣвшаго противъ такихъ священныхъ мѣстъ. Мы думаемъ, что обѣ причины дѣйствительны, т. е., обоготвореніе какого-нибудь предмета, начавшись до введенія мусульманства, съ введеніемъ послѣдняго осталось неприкосновеннымъ. Это доказывается еще тѣмъ, что въ Абхазіи и у черкесовъ масса такихъ древнѣйшихъ священныхъ мѣстъ, камней, рощъ и проч., между тѣмъ какъ исламъ проникъ туда въ довольно позднюю эпоху. Впрочемъ, надо замѣтить, что въ Абхазіи такъ-же, какъ въ Грузіи и Мингреліи, задолго до мусульманства было христіанство, впослѣдствіи совершенно исчезнувшее, но остатки котораго въ видѣ небольшихъ церквей и крестовъ относятся къ глубокой древности, по крайней мѣрѣ, ко II или III вѣкамъ *). Многія изъ этихъ церквей почитаются до сихъ поръ и завалены всевозможными приношеніями, что очень характерно именно для мусульманскаго края.

Такимъ образомъ, фетишизмъ, безъ сомнѣнія, процвѣталъ въ свое время въ горахъ Кавказа, но современемъ его неудобныя стороны — въ видѣ безчисленнаго количества божествъ — заставили народъ нѣсколько измѣнить свою религію, т. е., соединить отдѣльныя божества въ небольшое количество, по болѣе сильныхъ; такимъ образомъ, создался идолопоклонническій культъ съ преобладаніемъ нѣсколькихъ божествъ надъ мелкими духами. Такъ, въ Грузіи до III вѣка въ большомъ почетѣ былъ идолъ Армаза, у осетинъ почитался идолъ Саурего—богъ

*) «Матеріалы археологіи Кавказа», гр. Уваровой, вып. IV.

разбоевъ,—у ингушовъ и хевсуровъ—Апатори, Нахарели и Пиркуши; послѣднія три божества владычествуютъ и понынѣ среди этихъ младенческихъ племенъ.

Когда религія перешла въ стадію идолопоклонничества, тогда недалеко стало время, когда въ народномъ сознаніи должно было явиться представленіе о единомъ верховномъ божествѣ, и когда исламъ вводился огнемъ и мечемъ въ Дагестанъ, то лезгины не оказали особенно упорнаго сопротивленія, довольно быстро освоились съ новой религіей и приняли догматы ея безъ возраженій, тѣмъ болѣе, что она рѣшительно ничѣмъ не нарушала обычнаго строя ихъ жизни. Съ кавказскими горцами случилось то-же самое, что было съ арабами, въ средѣ которыхъ зародился исламъ, а такъ какъ арабскій бытъ VII в. близко совпадалъ съ бытомъ и взглядами тогдашнихъ лезгинъ, то немудрено, что магометанство пожало обильную жатву въ горахъ Дагестана.

Для нашей цѣли не безынтересно прослѣдить развитіе магометанства въ Аравіи, такъ какъ это выяснитъ основные принципы этой религіи, очень важные, какъ данныя, на которыхъ такимъ пышнымъ и кровавымъ цвѣткомъ распустился дагестанскій мюридизмъ.

Арабы, жившіе въ центрѣ Аравійскаго полуострова, во многомъ были схожи съ кавказскими, особенно дагестанскими племенами; они не составляли цѣльной сплоченной націи, а представляли изъ себя отдѣльныя группы. Природа внутренней Аравіи была камениста и безплодна, что повело къ тому, что, какъ и на Кавказѣ, арабы занялись разбойничествомъ. Нѣкоторые ученые считали, что у арабовъ религіи совершенно не было, но это — большая ошибка. Новѣйшія изысканія показали, что у нихъ была религія, но она выражалась лишь въ формѣ фетишизма. Каждое племя имѣло своего бога, котораго изображало чаще всего въ видѣ камня. Такому богу обыкновенно отводился участокъ земли, которая считалась священной. Но, какъ извѣстно, племена кочевали, священныя мѣста и боги оставались на мѣстахъ; новое племя, приходя въ покинутое мѣсто, брало на себя обязанности культа мѣстнаго божества, но одновременно съ этимъ не могло забыть своихъ старыхъ боговъ. Въ свою очередь, племя, бросившее свое священное мѣсто и переходя въ новое, сохраняло память о старомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, начинало служеніе и божеству новаго мѣста поселенія.

Между тѣмъ, образовались нѣкоторые города, среди

которыхъ Мекка пріобрѣла особенное значеніе. Не было ни одного племени, которое не имѣло-бы тамъ своихъ идоловъ. Въ результатѣ этотъ городъ сдѣлался собраніемъ всѣхъ племенъ. Въ это-же время впервые возникло представленіе объ Аллахѣ, какъ объ единомъ божествѣ. Тысячи идоловъ должны были невольно навести на мысль, что есть-же надъ ними хоть кто-нибудь главный, какой-нибудь верховный духъ, отъ котораго все зависитъ. Кромѣ того, понятіе объ Единомъ Богѣ уже бродило среди арабовъ задолго до появленія Магомета, причемъ на это вліяли іудейство и христіанство, развившіяся по сосѣдству и, какъ свидѣтельствуетъ Коранъ, давшія магометанству много своихъ принциповъ и догматовъ.

Въ исторіи ничего не случается „вдругъ“ и внезапно; еще Бокль указалъ на неизмѣнные исторические законы, по которымъ всегда изъ толпы въ нужную минуту выдвигается человѣкъ, объединяющій отдѣльныя, порой спутанныя тенденціи въ одно цѣлое. Такое время въ Аравіи назрѣло въ концѣ VI и въ началѣ VII вѣковъ. Повсюду находились люди, недовольные старымъ культомъ и стремившіеся создать новую религію. Люди, стремившіеся къ этому, назывались „ганифами“, т. е., кающимися, и ихъ проповѣдь сильно дискредитировала старыхъ боговъ и подготовила почву для проповѣди Магомета.

Исторія Магомета и его жизнь достаточно всѣмъ извѣстны, чтобы ихъ повторять *). Мы должны только указать на то, что въ самомъ началѣ Магометъ проповѣдовалъ чисто философскую теорію, возвышенную, приближавшуюся къ христіанству и буддизму; проповѣдовалъ онъ ее въ кругу своихъ близкихъ, которые частью приняли его ученіе, частью равнодушно отвернулись. Неугомонный духъ Магомета не могъ, конечно, остановиться на этомъ и, подъ вліяніемъ новыхъ откровеній, онъ выступилъ съ публичной проповѣдью, въ которой ему сначала не повезло. Среднему человѣку, человѣку толпы, нѣтъ никакого дѣла до философскихъ истинъ, но Магометъ не замедлилъ присоединить къ своему философскому ученію еще рѣчь о переустройствѣ общественнаго строя, бывшаго для большинства въ Меккѣ весьма тягостнымъ. Однако, въ богатой Меккѣ онъ встрѣтилъ мало сочувствія и, разгнѣванный равнодушіемъ мекканцевъ, сдѣлался суро-

*) Отсылаемъ интересующихся къ II тому «Всемірной исторіи», изданіе А. А. Каспари.

вымъ и сталъ громить всѣхъ старыхъ аравійскихъ бо-
говъ. Но послѣднимъ шагомъ онъ привелъ всѣхъ въ
негодованіе и навлекъ на себя вражду жителей Мекки.

Несмотря на это, Магометъ съ каждымъ днемъ стано-
вился рѣзче и рѣзче. Онъ обличалъ мекканцевъ и пред-
сказывалъ имъ такія муки ада, которыя могли возникнуть
только въ фанатичной восточной головѣ. Возбудивъ всѣхъ
противъ себя, онъ этимъ самымъ создалъ свое дѣло: пре-
слѣдованіе, воздвигнутое на него со стороны многихъ
лицъ, сдѣлало его популярнымъ и дало право считать
его силой.

Медина, конкуррировавшая съ Меккой, съ удоволь-
ствіемъ приняла ученіе Магомета, когда онъ туда явился,
чтобы избѣгнуть непріятностей въ Меккѣ. Тамъ онъ
явился дѣйствительнымъ главой новой общины, уста-
новилъ обряды и вообще принялъ образъ дѣйствія обыч-
наго восточнаго деспота и тамъ-же впервые выработа-
тался принципъ войны, какъ средства распространенія
новой религіи. Арабы, оторванные новой религіей отъ
всѣхъ завѣтовъ старины, слились въ компактную массу,
соединенную новыми догматами. Но надо было дать имъ ка-
кое нибудь утѣшеніе, и Магометъ, никогда не стѣсняв-
шійся компромиссами и противорѣчіями, сталъ проповѣдо-
вать идею Бога милосерднаго по отношенію къ своимъ при-
верженцамъ и Бога мстителя для невѣрныхъ. По отно-
шенію къ невѣрнымъ все было дозволено, все законно
Добыча, захваченная у невѣрныхъ, считалась законнымъ
призомъ, а павшимъ въ борьбѣ обѣщались въ загробномъ
мірѣ всевозможныя блага, правда, невысокаго, по зато
доступнаго пониманію этихъ воиновъ качества.

Теорія газавата (священной войны) получила осно-
ваніе не только теоретически, но и практически: самъ
Магометъ оказался безпощаднымъ военачальникомъ и
однажды умертвилъ цѣлое племя, сдавшееся ему на
милость. Прощеніе побѣжденныхъ и плѣнныхъ считалось
дикимъ и судьба ихъ была извѣстна заранѣе. Этимъ
чвѣрствомъ Магометъ достигъ того, что вся Аравія под-
линилась новой вѣрѣ, приняла ея догматы, обезличи-
лась въ смыслѣ разницы племенъ и обратилась въ могу-
чую силу, одушевленную самыми звѣрскими инстинктами,
нашедшими законную санкцію въ словахъ самого про-
рока. Этимъ-то и объясняется такое быстрое распростра-
неніе магометанства у всѣхъ малокультурныхъ народовъ,
которые, принимая его, теряли очень мало, но получали

возможность потворствовать всѣмъ своимъ низменнымъ инстинктамъ.

Магометъ отлично зналъ, среди какихъ людей онъ находился, и свой нравственный кодексъ совершенно приноровилъ къ ихъ понятіямъ. Онъ требовалъ слѣдующее: 1) признаніе единства Божія и посланничества его, Магомета, что формулировалось такъ: „нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, и Магометъ — пророкъ Аллаха“. Этотъ догматъ, конечно, не трудно было принять дикарямъ, которые окончательно спутались въ классификаціи своихъ боговъ. 2) Молитва. Она не требовала настроенія человѣка, молящійся вовсе не долженъ былъ сливаться душой съ Аллахомъ, молитва считалась совершенно дѣйствительной, если выполнена внѣшняя форма, т. е., извѣстная молитвенная формула, съ соотвѣтствующими жестами, была повторена въ теченіе дня пять разъ. По пятницамъ (въ отличіе отъ іудейской субботы и христіанскаго воскресенья) происходитъ особое богослуженіе въ мечети. 3) Подача милостыни. Но это не была милостыня въ нашемъ смыслѣ слова; это былъ скорѣе налогъ, собираемый въ опредѣленное время и въ опредѣленныхъ размѣрахъ, и шелъ онъ не на помощь страждущимъ и бѣднымъ, а всецѣло поступалъ на нужды войны съ невѣрными. 4) Постъ, цѣль котораго—особенно сильно дисциплинировать массу, а также дать возможность преступившимъ установленныя правила раскаяться и искупить воздержаніемъ свою вину. Наконецъ, 5) „гаагъ“—не требуемое, но очень желаемое, т. е., паломничество въ Мекку. Въ самой Аравіи эти паломники ввиду ихъ громаднаго числа не отличались чѣмъ-нибудь особеннымъ, но такіе-же паломники изъ дальнихъ странъ по возвращеніи на родину начинали пользоваться громаднымъ авторитетомъ и, польщенные этимъ, становились особенно суровы, фанатичны, пріобрѣтали званіе „святыхъ людей“ и оказывали большое давленіе на умы своихъ соплеменниковъ, а при случаѣ становились во главѣ того или другого религіознаго ученія.

Въ той формѣ, о которой мы говорили, исламизмъ проникъ на юго-восточный Кавказъ въ VII и VIII вѣкахъ, непосредственно отъ арабскаго халифа, а затѣмъ былъ введенъ въ Дагестанъ, который довольно быстро покорился этому ученію.

„покоренный кавказъ“. „родина“ 1904 г. 24
Дозволено цензурою. Спб., 10-го апрѣля 1904 г. Тип. А. А. Каспари.

Только самый центръ Дагестана покорился послѣ борьбы: ужъ очень независимы были тамъ племена, ужъ очень индифферентно относились они къ какимъ-бы то ни было религіознымъ вопросамъ, чтобы брать на себя даже такія несложныя обязательства, которыя накладывалъ на нихъ исламъ. (Къ слову сказать, „исламъ“ значитъ подчиненіе, „мусульманинъ“ — человѣкъ, подчиняющійся Единому Богу.) Однако, въ концѣ концовъ, горцы подчинились новой религіи и впослѣдствіи не раскаялись въ этомъ.

„Горцы,—говоритъ Р. Ѳаддеевъ *),—потому и поддались исламизму, что онъ оправдывалъ ихъ свирѣпый характеръ, придавалъ ему законное освященіе. Шаріатъ **) проповѣдывалъ личную месть дома, войну за вѣру на сосѣдей, потакалъ страстямъ, не тревожилъ совѣсти никакимъ идеаломъ, ласкалъ надеждою соблазнительнаго рая, и все это за соблюденіе нѣсколькихъ ничтожныхъ обрядовъ. Исламизмъ дѣйствовалъ въ горахъ, какъ и вездѣ. Шумное появленіе его на свѣтъ, имѣвшее безчисленныя матеріальныя послѣдствія, не имѣло никакого вліянія на духовную сторону человѣка, не внесло ни одного новаго побужденія въ жизнь покорившихся ему народовъ. Европейцы, наблюдавшіе черныя африканскія племена, принявшія исламизмъ, были поражены кореннымъ безсиліемъ этой религіи въ нравственномъ отношеніи; ничто не отличаетъ негровъ-мусульманъ отъ негровъ безвѣрныхъ, кромѣ чалмы на головѣ значительныхъ лицъ. Иначе и быть не можетъ. Мусульманство, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе ему благопріятствующимъ, или вовсе вытравляетъ народность, оставляя на мѣстѣ ея одно численное собраніе единицъ, или остается лишь внѣшнимъ обрядомъ, безъ всякаго отношенія къ жизни. Язычники еще не гражданственные, принявшіе мусульманство, говорятъ „Богъ“ вмѣсто „боги“, совершаютъ пять умовеній въ день и продолжаютъ жить по-прежнему. Коранъ внушаетъ имъ только невозмутимое довольство собою и фанатическую ненависть ко всему немусуль-

---

*) «Шестьдесятъ лѣтъ Кавказской войны». 1860 г., стр. 30, 31 и 32.

**) Ученіе, по которому Коранъ является не только священной книгой, но и судебнымъ кодексомъ, которымъ руководятся улэмія, кади, муфтіи и муллы при разборѣ всякихъ тяжбъ. Въ частности, подъ словомъ шаріатъ понимается ученіе объ обязанностяхъ мусульманина по отношенію къ «невѣрнымъ».

манскому, апатію при обыкновенныхъ обстоятельствахъ и первическій энтузіазмъ при взрывахъ фанатизма. Со всѣмъ тѣмъ, при первой, самой слабой степени развитія, какъ только мусульманинъ начинаетъ мыслить, онъ уже не можетъ смотрѣть на міръ глазами пантеиста-язычника. Онъ видитъ въ природѣ ужъ совсѣмъ другое, чѣмъ законъ безпричинной необходимости, подъ властью котораго человѣкъ такъ равнодушно проводитъ жизнь въ полусонныхъ мечтаніяхъ. Озаренный идеею Единаго Бога, Творца и Промыслителя, мусульманинъ не считаетъ себя минутнымъ проявленіемъ вѣчной силы, сознаетъ свою свободную личность и чувствуетъ естественное стремленіе къ высшему образцу. Но, обращаясь къ религіи за удовлетвореніемъ этой первой потребности пробужденной души, онъ находитъ въ ней одинъ безплодный догматизмъ, безъ любви и безъ нравственнаго идеала. Трудно человѣку помириться съ такимъ положеніемъ. Въ продолженіе вѣковъ лучшіе люди мусульманскаго міра силились открыть въ своемъ богословіи отвѣтъ на голосъ совѣсти и породили множество толковъ, безразличныхъ въ отношеніи теологическомъ, но различныхъ въ опредѣленіи того коренного вопроса, какъ долженъ человѣкъ понимать свои обязанности передъ Богомъ. Жаждая болѣе сердечнаго отношенія къ Творцу, чѣмъ исполненіе матеріальныхъ обрядовъ, и не доискавшись въ своемъ законѣ любви, мусульманскіе учители поневолѣ замѣнили ее усердіемъ — напряженною ненавистью къ иновѣрцамъ и фанатическимъ преувеличеніемъ всѣхъ положеній вѣры. Мюридизмъ есть послѣднее историческое явленіе въ этомъ родѣ, самое преувеличенное изъ всѣхъ“.

II.

Муршиды.

Въ послѣднихъ словахъ почтенный авторъ показываетъ неполное знакомство съ нѣкоторыми деталями мюридизма, что и не мудрено, такъ какъ его книга написана въ 1859 году, а въ 1862 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ появилась очень интересная статья А. Руновскаго, изложившаго основанія мюридизма со словъ самаго авторитетнаго свидѣтеля, а именно, Шамиля, проживавшаго на покоѣ въ Калугѣ. Мы воспользуемся этой статьей, разъясняющей задачи тариката (ученія объ

обязанностяхъ человѣка) и задачи газавата (священной войны съ невѣрными).

По словамъ Шамиля, тарикатъ и газаватъ — понятія, исключающія другъ друга. Газаватъ не только не послѣдствіе ученія тариката, но совершенно не совмѣстимъ съ основными догматами послѣдняго. Газаватъ, поставившій своимъ принципомъ убійства, насилія и грабежъ невѣрныхъ, не могъ имѣть ничего общаго съ тарикатомъ, идеаломъ котораго была аскетическая жизнь съ лишеніемъ всего необходимаго и полная созерцанія божественныхъ истинъ. Основа тариката — гуманность въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Послѣдователи тариката составляли родъ монашескаго ордена. Главой являлся „муршидъ"—наставникъ, человѣкъ указующій путь; учениками-же его были „мюриды", т. е., люди, желающіе идти по указанному пути. Мюридомъ могъ сдѣлаться всякій желающій, неудовлетворенный внѣшними обрядами и жаждущій пониманія высшихъ божественныхъ истинъ. Такой мюридъ вступалъ въ число учениковъ мурщида и, подъ руководствомъ послѣдняго, начиналъ изучать какъ Коранъ, такъ и извѣстные догматы, выработанные орденомъ.

Нравственные догматы состояли въ томъ, что мюридъ долженъ былъ уничтожить въ себѣ всѣ порочныя наклонности и сдѣлаться незлобивымъ, прощающимъ враговъ своихъ, великодушнымъ, милосерднымъ, равнодушнымъ къ земнымъ почестямъ и вообще ко всему земному, долженъ воздерживаться отъ излишествъ, поститься и, главное, постоянно устремлять свои помыслы къ Аллаху.

„Какъ можно меньше говори,—разъясняетъ этотъ догматъ Шамиль,—упамъ и глазамъ воли не давай; какъ можно меньше ѣшь, какъ можно меньше спи и какъ можно больше молись Богу".

Молитва, конечно, считалась основой всего; при посредствѣ молитвы мюридъ возвышался надъ земными помыслами, переходилъ въ экстазъ и этимъ самымъ приближался къ Богу. Экстазъ признавался необходимой частью молитвы, а у муршида эта способность должна быть развитой въ высшей степени. Для скорѣйшаго возбужденія экстаза были выработаны практическіе пріемы: когда молящійся кончалъ чтеніе священныхъ книгъ, то онъ начиналъ призывать имя Божіе, то повышая, то понижая голосъ, иногда въ теченіе нѣсколькихъ часовъ подрядъ, и, наконецъ, его охватывало „джязбс" (вле-

ченіе духа къ Божеству), онъ впадалъ въ „гышкулла“ (обморокъ) и въ это время его посѣщали видѣнія, — моляшійся видѣлъ Аллаха, бесѣдовалъ съ ангелами, видѣлъ адъ и рай и всѣ подробности загробной жизни.

Вполнѣ понятно, что подобныя упражненія вели къ потрясенію всей нервной системы и черезъ нѣсколько времени у такого мюрида начинались внезапные каталепсическіе припадки, которые считались второй степенью джязбе и носили названіе „зульматъ“, т. е., потемнѣніе. Человѣкъ, достигавшій такого состоянія, считался избранникомъ Божіимъ.

Впрочемъ, мусульмане допускали возможность зульмата и у иновѣрцевъ, если послѣдніе отличались строгимъ образомъ жизни и усердіемъ въ исполненіи требованій религіи.

Но высшей степени джязбе достигаетъ только муршидъ.

„Муршидъ посвящаетъ всю свою жизнь созерцанію божественныхъ истинъ, поддерживая сношенія съ внѣшнимъ міромъ, только посредствомъ своихъ учениковъ. Съ самаго рожденія отмѣченный рукою судьбы, будущій муршидъ идетъ сначала посреди мірской суеты наравнѣ съ прочими людьми, до тѣхъ поръ, пока не настанетъ его часъ. Объ этомъ времени онъ узнаетъ или потому, что получаетъ призваніе отъ наставника, которому указаніемъ свыше велѣно поучать его, или-же по внутреннему голосу, который зоветъ его часто въ край невѣдомый. Голосъ этотъ наружнымъ образомъ проявляется въ состояніи джязбе, о которомъ сказано выше. Присутствіе въ человѣкѣ способности къ джязбе обозначаетъ призваніе его къ тарикату: это — будущій мюридъ. Достигая полнаго развитія, джязбе обращается потомъ въ зульматъ, который, въ свою очередь, обращается въ „караматъ“ — въ прозорливость, и мюридъ черезъ это вступаетъ въ область „хякитата“, т. е., становится муршидомъ. Онъ становится съ этого времени чистъ, какъ стекло, и, въ свою очередь, видитъ, какъ сквозь чистое стекло, всѣ помыслы людей, не только входящихъ съ нимъ въ сношенія, но и отсутствующихъ, которыхъ онъ даже не знаетъ. Изъ числа послѣднихъ онъ при свиданіи узнаетъ людей доброжелательныхъ, называетъ ихъ по имени никѣмъ не предувѣдомленный и обходится съ ними ласково; отъ людей-же дурныхъ, питающихъ недобрые замыслы, муршидъ старается заблаговременно удалиться, и если это исполнить

невозможно, то, не задумываясь, обличаетъ ихъ намѣрения и дѣла *)".

Муршидъ старался хранить свой даръ въ тайнѣ отъ всѣхъ, но, конечно, это невозможно; слава о немъ быстро распространялась и къ нему стекались со всѣхъ сторонъ толпы, желавшія поступить въ мюриды. Послѣ первоначальнаго ознакомленія съ вновь поступившими учениками, муршидъ выбиралъ изъ нихъ лицъ наиболѣе способныхъ къ воспріятію тариката, а остальнымъ совѣтывалъ или совсѣмъ отказаться, или поступить въ ученики къ другому наставнику, отъ котораго они скорѣе могли получить пользу.

Свое званіе муршидъ передавалъ не всѣмъ своимъ мюридамъ, а выбиралъ изъ нихъ наиболѣе подходящихъ и назначалъ ихъ въ другія области, ибо въ одной области двухъ муршидовъ быть не могло; остальные ученики, по окончаніи всего курса ученія, дѣлались обыкновенными гражданами; но, соблюдая во всей строгости постановленія тариката, они, конечно, пользовались глубокимъ уваженіемъ мѣстнаго населенія. Главный муршидъ иногда назначалъ изъ ихъ среды нѣсколько человѣкъ въ помощники областнымъ муршидамъ, и они тогда назывались „маазунами". Преемникомъ главнаго муршида могъ быть или назначенный имъ самимъ одинъ изъ областныхъ, или-же старшій изъ учениковъ. Муршидомъ могъ быть даже неграмотный человѣкъ, ибо его сила не въ учености и знаніи, а въ силѣ вдохновенія, получаемаго свыше, и всѣ вѣрили, что такой муршидъ безъ особеннаго изученія, только силой молитвы, пріобрѣталъ самыя отвлеченныя познанія и становился ученѣйшимъ изъ смертныхъ.

Таковы въ общихъ чертахъ были задачи, основы и организація мюридизма, какъ религіознаго ученія. Кромѣ излишней довѣрчивости къ „прорицателямъ", которую они сумѣли возбуждать среди своихъ послѣдователей, ихъ, въ сущности, не за что укорить; эти люди были безспорно большой честности, а гуманныя начала, руководившія ими, заслуживали уваженія и ставили ихъ высоко надъ уровнемъ тупой массы народа. Въ дѣла политическія мюридизмъ не вмѣшивался, никому не мозолилъ глазъ и мирно процвѣталъ рядомъ съ ханскими дворцами, съ ихъ безпутной роскошью, деспо-

*) «Русскій Вѣстникъ» 1862 г., стр. 656.

тизмомъ и прожиганіемъ жизни. Восточные народы вообще привыкли къ самымъ неожиданнымъ контрастамъ, и потому никого не удивляло, что самый суровый аскетизмъ уживался рядомъ съ разнузданностью и роскошью. Между этими крайностями не только не происходило недоразумѣній, но даже были хорошія отношенія, и случалось, что какой-нибудь ханъ приглашалъ къ себѣ уважаемаго аскета-муршида или даже самъ отправлялся къ нему и бесѣдовалъ о высокихъ истинахъ; этимъ они взаимно возвышали другъ друга въ глазахъ народа: муршидъ пріобрѣталъ еще большую извѣстность послѣ посѣщенія высокопоставленнаго лица, а ханъ становился популярнѣе, какъ человѣкъ, интересующійся высокими истинами.

Темная масса народа, совершенно незнакомая съ догматами религіи, имѣла крайне преувеличенное представленіе объ учености своихъ муллъ, чему способствовали та важность и глубокомысліе, которыя послѣдніе старались проявить даже въ мелочахъ повседневной жизни.

Безвредность тариката въ смыслѣ соціальномъ была еще въ томъ, что муршиды проповѣдывали свои догматы только желающимъ; они никому не навязывали своего ученія, не требовали и не ждали, чтобы народныя массы примкнули къ нимъ, они не громили во всеуслышаніе пороковъ и не призывали на порочныхъ небеснаго грома. Про нихъ можно сказать, что они воздавали „кесарю кесарево, Богу—божье“; имъ лично не было никакого дѣла ни до развращенности высшихъ классовъ, ни до униженнаго положенія низшихъ слоевъ населенія, они не имѣли и не хотѣли имѣть никакихъ соціальныхъ идеаловъ; они только указывали желающимъ, какъ достигнуть личнаго счастья, личнаго совершенства при тѣхъ формахъ жизни, которыя имѣлись въ наличности.

Правда, муршиды посылали и областныхъ муршидовъ проповѣдывать тарикатъ, но это надо понимать не въ смыслѣ публичной проповѣди и призыва къ покаянію населенія; они знали, что въ каждой области найдутся люди, жаждущіе духовнаго совершенствованія, и вотъ для такихъ-то жаждущихъ и велась проповѣдь. Проповѣдники „передавали тарикатъ“ *) обыкновенно ночью, когда человѣка сильнѣе можетъ охватить молитвенное настроеніе и когда лучше и сильнѣе можетъ сосредоточиться вниманіе на предметѣ разговора или ученія.

---

*) Т. е., учили — техническій терминъ.

III.

Тарикатъ.

Исторія возникновенія и развитія на Кавказѣ ученія тарпката очень интересна и характерна, во-первыхъ, потому, что рисуетъ намъ нравы тогдашнихъ мусульманъ и страстное стремленіе лучшихъ изъ нихъ вырваться изъ области сухого догматизма и найти область, гдѣ могли-бы успокоиться мятежная душа и сердце, а во-вторыхъ, еще потому, что она показываетъ, что теорія — одно, а практика — иногда совершенно противоположное ей.

Основателемъ ученія о тарикатѣ Шамиль считалъ одного багдадскаго ученаго, по имени Халидъ-Сулеймана, жившаго въ самомъ началѣ прошлаго XIX столѣтія. Отличаясь богобоязненной и примѣрной жизнью, ревностью къ религіи и громадными знаніями, онъ скоро сталъ извѣстенъ всему тогдашнему мусульманскому міру и даже послѣ смерти его имя было внесено въ списокъ святыхъ. Гдѣ получилъ Халидъ-Сулейманъ воспитаніе, у кого пріобрѣлъ мудрость, никому неизвѣстно, да мусульмане этимъ мало интересовались, такъ какъ онъ былъ муршидомъ въ полномъ смыслѣ этого слова и, по мнѣнію единовѣрцевъ, могъ пріобрѣсти свою мудрость и ученость отъ непосредственнаго сношенія съ Аллахомъ.

Ученіе тариката перешло на Кавказъ именно отъ него. Шамиль, подробно разсказывая объ этомъ, называлъ многихъ лицъ, извѣстныхъ въ исторіи Кавказа, и его разсказъ можно считать болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ тѣ свѣдѣнія, которыя даютъ нѣкоторые авторы, какъ, напр., проф. Казембекъ, Ѳаддеевъ и другъ. По мнѣнію послѣднихъ, мюридизмъ получилъ начало и перешелъ на Кавказъ изъ Бухары и многіе пытались связать его съ сектами гашишиновъ и измаэлитовъ. Называли нѣкоего „бухарца Хасъ-Магомета“, какъ принесшаго новое ученіе, а также замѣняли его иногда другимъ лицомъ — Шейхъ-Мансуромъ, но Шамиль опровергалъ эти мнѣнія, говоря, что Хасъ-Магометъ не имѣлъ никакого значенія и никогда не былъ проповѣдникомъ тариката и тѣмъ менѣе таковымъ былъ Шейхъ-Мансуръ, природный чеченецъ *), который просто волновалъ горцевъ и разбойничалъ до тѣхъ поръ, пока русская власть не прекратила дѣятельности этого отважнаго рыцаря большой дороги.

---

*) О пророкѣ Мансурѣ см. выше стр. 193.

Въ то время, когда Халидъ-Сулейманъ жилъ въ Багдадѣ, нѣкто Измаилъ, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ Шейхъ-Измаила, рѣшилъ на время оставить свое селеніе Курдомиръ, Ширванскаго ханства, и отправиться въ Мекку поклониться гробу пророка. Пріѣхавъ туда, онъ такъ много наслышался разсказовъ о мудрости и святости Халидъ-Сулеймана, что рѣшилъ на обратномъ пути непремѣнно заѣхать къ нему, что вскорѣ исполнилъ, и былъ имъ радушно принятъ въ число мюридовъ. Черезъ нѣсколько времени Шейхъ-Измаилъ изучилъ подъ руководствомъ своего муршида всѣ правила и толкованія тариката, и Халидъ-Сулеймапъ передалъ ему званіе муршида съ наставленіемъ и приказомъ передать тарикатъ „жителю селенія Ярагларъ Курали-Магомѣ, а тотъ, въ свою очередь, долженъ передать тарикатъ одному изъ нукеровъ Аслана, хана казикумыкскаго — Джемалэддину.

Шейхъ-Измаилъ выразилъ сомнѣніе, можетъ-ли быть муршидомъ человѣкъ, который жилъ при дворѣ хана, а потому не могъ не быть порочнымъ, но Халидъ-Сулейманъ заявилъ, что Джемалэддину назначено отъ Бога быть муршидомъ, и когда придетъ время, то онъ оставитъ свои пороки и заблужденія и будетъ достоинъ своего призванія. Тогда успокоенный Шейхъ-Измаилъ простился со своимъ наставникомъ и вернулся на родину.

Исторія добавляетъ еще, что ни Халидъ-Сулейманъ, ни Шейхъ-Измаилъ никогда раньше не знали и не слыхали о Джемалэддинѣ и Курали-Магомѣ, и Сулейманъ говорилъ о нихъ подъ вліяніемъ карамата. Тѣмъ не менѣе, оба эти лица существовали въ дѣйствительности. Джемалэддинъ велъ веселую и распутную жизнь при казикумыкскомъ дворѣ и былъ однимъ изъ блестящихъ щеголей, ни мало не задумывавшимся надъ религіозными проблемами, а Курали - Магома, наоборотъ, славился своей ученостью, суровой жизнью и къ нему со всѣхъ сторонъ сходились ученики, которыхъ онъ наставлялъ въ правилахъ шаріата.

Шейхъ-Измаилъ находился въ недоумѣніи, какъ ему выполнить свое порученіе: Курали-Магома славился какъ своей ученостью, такъ и непреклонностью своихъ убѣжденій, и Шейхъ-Измаилъ не рѣшался идти и учить такого ученаго человѣка, но вскорѣ ему на помощь пришелъ простой случай.

Среди учениковъ Курали-Магомы былъ одинъ, по имени Хасъ-Магометъ; онъ отличался большимъ усер-

діемъ и любовью къ изслѣдованію новыхъ высокихъ истинъ; узнавъ, что Шейхъ-Измаилъ вернулся изъ Мекки, Хасъ-Магометъ отправился къ нему, въ надеждѣ почерпнуть хоть часть той мудрости, которую послѣдній вывезъ изъ Мекки, гдѣ, безъ сомнѣнія, имѣлъ бесѣды съ ученѣйшими людьми. Пріѣхавъ къ Шейхъ-Измаилу, Хасъ-Магометъ вмѣсто болѣе подробнаго толкованія шаріата вдругъ нашелъ у него новое ученіе тариката, которое своей возвышенностью, строгостью и чистотой такъ подѣйствовало на Хасъ-Магомета, что у него съ этихъ поръ явилась мысль, какъ-бы поскорѣе познакомить съ новыми истинами своего учителя. Конечно, Шейхъ-Измаилъ съ радостью ухватился за эту идею и послалъ Хасъ-Магомета къ Курали-Магомѣ. Пріѣхавъ въ Ярагларъ, Хасъ-Магометъ не рѣшался высказать свои думы строгому учителю и чувствовалъ себя въ крайне затруднительномъ положеніи. Курали-Магома замѣтилъ смущеніе своего бывшаго ученика, а затѣмъ увидѣлъ, что во время намаза послѣдній употребляетъ новые молитвенные пріемы, но рѣшилъ пока не добиваться отъ ученика, что значитъ эта перемѣна. На слѣдующій день при совершеніи намаза Курали-Магома назначилъ имамомъ *) Хасъ-Магомета, чтобы, стоя позади него, внимательнѣе замѣтить тѣ странности, которыя проявились въ немъ наканунѣ.

Во время молитвы Хасъ-Магометъ съ особеннымъ усердіемъ прочелъ: „Скажи имъ: вы бѣгаете отъ смерти, но смерть настигаетъ васъ; и тогда вы предстанете передъ Всевѣдущимъ Богомъ, и Онъ напомнитъ вамъ о дѣлахъ вашихъ“... Въ эту минуту Курали-Магома упалъ въ обморокъ, пораженный припадкомъ джязбе.

Хасъ-Магометъ, видя въ этомъ припадкѣ указаніе свыше, разсказалъ своему учителю все, что услышалъ отъ Шейхъ-Измаила о тарикатѣ. Курали-Магома, принявшій свой припадокъ тоже за указаніе Аллаха, внимательно выслушалъ ученика и, увѣровавъ въ свое призваніе, немедленно отправился къ Шейхъ-Измаилу, у котораго провелъ семнадцать ночей, изучая тайны тариката и бесѣдуя о высокихъ истинахъ. Затѣмъ, назначенный муршидомъ, онъ вернулся въ Ярагларъ и сдѣлался центромъ кавказскаго мюридизма.

Шейхъ-Измаилъ въ дальнѣйшемъ оказывалъ немного

*) «Имамъ» — народный предводитель; такъ-же называется тотъ, кто стоитъ впереди молящихся и руководитъ молитвенными пріемами.

услугъ, а роль Хасъ-Магомета этимъ посредничествомъ между первыми муршидами, завершилась, и его имя не связано ни съ однимъ изъ дальнѣйшихъ значительныхъ событій.

Проповѣдь Курали-Магомы нашла массу приверженцевъ, стекавшихся со всѣхъ сторонъ слушать поученія и раньше еще извѣстнаго своей ученостью кадія. Джемаледдинъ также, почувствовавъ стремленіе къ новому ученію и пресытившись суетой ханскаго дворца, пришелъ къ Курали-Магомѣ, сдѣлался его ревностнымъ мюридомъ, но тотъ долго не рѣшался назначить его муршидомъ и назначилъ только тогда, когда въ припадкѣ карамата почувствовалъ, что долженъ это сдѣлать.

Такимъ образомъ, на юго-восточномъ Кавказѣ явились два муршида, которые оказали впослѣдствіи громадное вліяніе на мѣстное населеніе и на дагестанскихъ горцевъ. Для пониманія дальнѣйшаго поведенія обоихъ муршидовъ во время начала священной войны необходимо уяснить себѣ характеръ этихъ двухъ людей.

Курали-Магома былъ человѣкъ ученый, съ юношества искавшій удовлетворенія духовныхъ стремленій и волнуемый потребностью найти нѣчто новое, высшее, стоящее внѣ сухого догматизма. Онъ нашелъ это въ шаріатѣ, но основа шаріата — нетерпимость; шаріатъ, доведенный до крайности долженъ привести къ идеѣ газавата. Тарикатъ-же, которымъ онъ увлекся ужъ на старости лѣтъ, показался ему возвышеннымъ, достойнымъ благоговѣнія ученіемъ, и Курали-Магома отдался ему со всѣмъ пыломъ восточнаго человѣка, обрадованнаго достиженіемъ истины; но впослѣдствіи, когда въ Дагестанѣ во имя Аллаха было поднято знамя газавата, его мусульманское сердце съ шаріатской закваской не могло выдержать и онъ, забывъ завѣты тариката, осуждавшаго какую-бы то ни было войну, сталъ покровительствовать священной войнѣ.

Совершенно другой характеръ представляетъ намъ Джемаледдинъ. Живя при дворѣ Аслана, хана казикумыкскаго, предаваясь всякимъ забавамъ, излишествамъ, потворствуя вовсъ удержа своимъ страстямъ, онъ никогда не задумывался надъ религіозными вопросами, но пришло время, когда окружавшіе блескъ и шумъ ему надоѣли, все пріѣлось, все показалось скучнымъ, а слухи о томъ, что есть люди, живущіе другой жизнью и наслаждающіеся дѣйствительнымъ счастьемъ, доступнымъ человѣку, на-

толкнули его на мысль познакомиться съ ними и узнать ихъ догматы.

Съ первыхъ-же уроковъ тариката въ Джемалэддинѣ совершилась перемѣна, о которой предсказывалъ Халидъ-Сулейманъ: подъ предлогомъ болѣзни, онъ заперся въ своемъ домѣ, долгое время никому не показывался и вскорѣ затѣмъ изъ щеголя-мирзы казикумыкскаго хана обратился въ птицу небесную, которая не сѣетъ, не жнетъ, а еще менѣе заботится о своей наружности, даже не принимаетъ необходимыхъ мѣръ для соблюденія чистоплотности. (Таковы, впрочемъ, были, по словамъ Шамиля, и всѣ муршиды.)

Не будучи подготовленъ раньше, не имѣя никакихъ предвзятыхъ идей, Джемалэддинъ отдался тарикату весь, всецѣло, со всѣмъ сердцемъ и пыломъ души, случайно нашедшей спасительный путь. Это былъ единственный муршидъ, который способенъ былъ отстаивать возвышенное ученіе въ то время, когда кругомъ уже гремѣла буря газавата, вызванная къ жизни восторженнымъ и пылкимъ Гази-Мухаммедомъ *). Но — увы!—и этому лучшему изъ мусульманъ, человѣку великой и незлобивой души, не удалось довести твердость своихъ принциповъ до конца, и онъ, измученный и обезсиленный гоненіями, махнулъ рукой и впослѣдствіи тоже благословилъ газаватъ.

Лѣтъ черезъ пять послѣ начала проповѣди, Джемалэддинъ сталъ чаще и чаще слышать о какомъ-то повомъ вождѣ, который проповѣдывалъ шаріатъ среди лезгинскихъ племенъ. Это былъ Кази-Мулла (мы будемъ называть его этимъ, хорошо знакомымъ русскимъ читателямъ именемъ). Кази-Мулла успѣшно проповѣдывалъ, имѣлъ много поклонниковъ, и проповѣдь его носила сначала довольно мирный характеръ: онъ училъ народъ вести болѣе благочестивую жизнь, уважать муллъ и прочихъ мудрыхъ людей, которые могутъ посовѣтывать только хорошее. Ненависти къ невѣрнымъ онъ не возбуждалъ, но и не препятствовалъ дѣлать набѣги въ русскія владѣнія, и если слава о немъ далеко разошлась и дошла даже до Джемалэддина, то это объясняется тѣмъ, что Кази-Мулла отличался мужественной наружностью, громоподобнымъ голосомъ, страстной вѣрой въ свои убѣжденія и пылкимъ краснорѣчіемъ. „Сердце человѣка, — образно

*) Кази-Мулла, первый дагестанскій имамъ.

выражались о немъ горцы, — прилипало къ его губамъ; онъ однимъ дыханіемъ будилъ въ душѣ бурю". Это былъ народный вождь въ полномъ смыслѣ слова, онъ вѣрилъ въ себя, въ свое ученіе, въ свою силу и знанія и, когда Джемалэддинъ, узнавъ о немъ, написалъ ему письмо съ предложеніемъ оставить шаріатъ, который не что иное, какъ азбука тариката, и лучше изучать послѣдній, то Кази-Мулла иронически отвѣтилъ, что онъ „не считаетъ себя способнымъ къ воспріятію такихъ высокихъ истинъ, каковы истины тариката".

Но, несмотря на этотъ отказъ, до Кази-Муллы все чаще и чаще стали доходить извѣстія о богоугодной жизни Джемалэддина, его высокомъ ученіи и чудесахъ, которыя онъ творилъ. Наконецъ, Кази-Мулла не выдержалъ и, воспользовавшись первымъ-же случаемъ, отправился въ Казикумыкъ и явился къ Джемалэддину. Но хитрый горецъ хотѣлъ испытать прозорливость муршида, а потому явился не одинъ, а съ товарищемъ Гассаномъ, котораго уговорилъ назваться хозяиномъ, самъ-же, подъ именемъ Гуссейна, хотѣлъ изобразить слугу. „Гассанъ и Гуссейнъ, — разсказываетъ исторія, — были приняты Джемалэддиномъ съ обычнымъ радушіемъ и съ обычною фразою: „милости просимъ, дорогіе гости; садитесь, отдохните!". Сообразно принятой роли, Кази-Мулла, при входѣ въ комнату, пропустилъ впередъ Гассана, а самъ остался позади, и, когда тотъ занялъ почетное мѣсто на коврѣ, усѣлся у дверей, скорчившись, какъ ясырь.

Джемалэддинъ скоро это замѣтилъ и, обратившись къ Кази-Муллѣ, сказалъ съ такимъ спокойствіемъ и увѣренностью, какъ-будто зналъ его съ малолѣтства: „Что ты тамъ усѣлся, Гази-Мухаммедъ? Иди сюда, твое мѣсто здѣсь, впереди всѣхъ!".

Можно себѣ представить, какъ былъ удивленъ Кази-Мулла. Однако, природный скептицизмъ взялъ верхъ, и онъ вступилъ съ муршидомъ въ споръ, пытаясь доказать, во-первыхъ, лживость его ученія, и, во-вторыхъ, подстроенность его прозорливости. Однако, ни то, ни другое сдѣлать ему не удалось, и онъ почувствовалъ, что начинаетъ склоняться на сторону противника. Самолюбіе заговорило, и Кази-Мулла поспѣшилъ уйти отъ Джемалэддина, обѣщая, впрочемъ, опять при случаѣ заѣхать.

Въ теченіе недѣли Кази-Мулла нашелъ случай посѣтить муршида и пришелъ къ нему вмѣстѣ съ ученымъ Багантомъ, скептикомъ, тоже желавшимъ испытать муршида.

Это испытаніе кончилось такъ-же блестяще, какъ и первое, и Кази-Мулла окончательно увѣровалъ въ силу муршида, сталъ съ нимъ изучать тарикатъ и вскорѣ былъ назначенъ маазуномъ въ сѣверномъ Дагестанѣ, о чемъ Джемалэддинъ извѣстилъ Курали-Магому.

IV.

Газаватъ.

Кази-Мулла изъ проповѣдника шаріата обратился вдругъ въ проповѣдника тариката. Эффектъ получился довольно сильный, но вѣра въ мудрость вождя и привычка повиноваться ему сдѣлали то, что горцы смирили разбойничьи наклонности и только нѣкоторые приближенные Кази-Муллы были очень недовольны его обращеніемъ, которое прекратило набѣги и обѣщало обратить всѣхъ горцевъ въ святошъ. И дѣйствительно, этотъ абсурдъ началъ было осуществляться, но дальнѣйшіе поступки Кази-Муллы повернули дѣло опять-таки совершенно неожиданно въ другую сторону.

Въ самомъ началѣ проповѣди тариката въ Дагестанѣ выдвинулась на историческую арену самая видная фигура человѣка, которому впослѣдствіи пришлось держать въ рукахъ весь Дагестанъ. Это былъ гимринскій житель Шамуиль, или, какъ обыкновенно зовутъ его, Шамиль.

Серьезный, вдумчивый, любознательный и ищущій истины, Шамиль работалъ въ Балаканахъ надъ разрѣшеніемъ старыхъ проблемъ шаріата со своимъ ученикомъ Амиръ-ханомъ, подъ руководствомъ ученаго Лачинляу. Однажды ему надо было побывать на родинѣ, въ аулѣ Гимры, и онъ нашелъ тамъ своего пріятеля и бывшаго учителя Кази-Муллу, который только что вернулся отъ Джемалэддина и дѣятельно проповѣдывалъ тарикатъ. Пылкій и увлекающійся Шамиль сразу принялъ новое ученіе и такъ увлекся имъ, что рѣшилъ немедленно ѣхать къ Джемалэддину и по дорогѣ заѣхалъ проститься со своимъ учителемъ и ученикомъ; но Лачинляу и Амиръ-ханъ, услышавъ отъ Шамиля о тарикатѣ, тотчасъ-же собрались и поѣхали съ нимъ вмѣстѣ. Изъ нихъ троихъ только Лачинляу впослѣдствіи остался при старыхъ убѣжденіяхъ, да и то потому, что не могъ выполнить всѣ требованія и не въ силахъ былъ отказаться отъ вина. Молодые-же Шамиль и Амиръ-ханъ приняли ученіе и сдѣлались мюридами.

Однако, Шамиль не былъ вполнѣ удовлетворенъ

Джемалэддиномъ и собрался ѣхать къ авторитетнѣйшему муршиду — Курали-Магомѣ, но заѣхалъ сначала въ Гимры за Кази-Муллой, который съ радостью согласился сопутствовать своему пріятелю. Шамиль и Кази-Мулла горѣли нетерпѣніемъ видѣть знаменитаго муршида и вскорѣ прибыли въ Ярагларъ.

Съ перваго взгляда на Кази-Муллу, смѣтливый или прозорливый Курали-Магома убѣдился, что онъ видитъ передъ собою не монаха, готоваго подставить ближнему свою ланиту, а человѣка энергическаго, проникнутаго убѣжденіями тариката; что подъ холодной наружностью этого неофита скрывается изувѣръ, готовый пожалѣть о томъ, что у противниковъ его вѣрованія не одна голова, чтобъ отсѣчь ее разомъ. Однако, Курали-Магома ничего ему не сказалъ и подтвердилъ ему назначеніе Джемалэддина, а послѣднему написалъ: „Ты назначилъ Гази-Мухаммеда муршидомъ, и я это сдѣлалъ; но ты живешь вблизи отъ него и потому прошу тебя именемъ Бога: наблюдай за нимъ неослабно и не позволяй ему сойти съ дороги, на которую мы его наставили“.

Не долго муршидамъ пришлось ждать; быть можетъ, самъ Курали-Магома подалъ неумышленно мысль, что тарикатъ далеко не можетъ удовлетворить всѣхъ. Во время бесѣдъ и поученій знаменитый муршидъ и Кази-Мулла не могли, вѣроятно, не коснуться и шаріата, крайніе выводы котораго должны довести до газавата, въ противуположность тарикату, идеалъ котораго — полный аскетизмъ и отвращеніе къ войнѣ. Едва-ли на послѣднемъ догматѣ Курали-Магома особенно настаивалъ, такъ какъ самъ былъ воспитанъ, какъ сказано выше, на шаріатѣ. Быть можетъ, зерно сомнѣнія пало на душу пылкаго Кази-Муллы отъ какихъ-нибудь неосторожныхъ словъ Курали-Магомы. Недоразумѣніе усиливалось тѣмъ, что два противуположные вывода получались изъ изученія священнаго Корана, написаннаго Магометомъ по внушенію Аллаха. Значитъ, есть двѣ истины? и онѣ обѣ угодны Аллаху? Значитъ, всякій можетъ взять ту или другую и въ томъ и другомъ случаѣ угодить Богу? Значитъ, можно выбрать то, къ чему чувствуется большее стремленіе?

Такія мысли, вѣроятно, вертѣлись въ головѣ Кази-Муллы, когда онъ возвращался съ Шамилемъ обратно въ Дагестанъ. Сердцемъ онъ признавалъ тарикатъ выше, по душой, разсудкомъ, всѣмъ своимъ существомъ коренного отважнаго горца стремился къ догматамъ шаріата.

Вернувшись въ Гимры, онъ впалъ въ задумчивость и въ такое мрачное расположеніе духа, что удивилъ этимъ всѣхъ окружающихъ и особенно Шамиля, ожидавшаго отъ него особенной энергіи, но увидавшаго вмѣсто этого какіе-то новые симптомы.

И вотъ однажды, во время чтенія книгъ съ Шамилемъ, Кази-Мулла вдругъ заговорилъ:

— Что-бы тамъ ни говорили Курали-Магома съ Джемалэддиномъ о тарикатѣ, какъ-бы усердно мы съ тобою ни молились и какихъ-бы чудесъ ни дѣлали, а однимъ тарикатомъ не угодимъ Богу: безъ газавата не будетъ намъ спасенія!.. Давай, Шамиль, газаватъ дѣлать!

Шамиль былъ сначала ошеломленъ, но вѣра въ авторитетъ учителя и пріятеля была такъ сильна, что онъ согласился съ Кази-Муллой. Пылкій Кази-Мулла немедленно взялся за дѣло; отложивъ въ сторону нравственные догматы, Кази-Мулла обратился къ конечнымъ выводамъ шаріата, т. е., къ ненависти къ невѣрнымъ, которыхъ надо было стереть съ лица земли.

На призывъ Кази-Муллы немедленно откликнулось около шести тысячъ горцевъ и этотъ отрядъ двинулся въ 1830 г. въ Азарію, уже покоренную въ 1822 г. русскими, но подъ Хунзахомъ потерпѣлъ пораженіе, а Шамиль вдобавокъ былъ дочиста ограбленъ союзниками-гумбетовцами. Этотъ походъ интересенъ тѣмъ, что онъ началъ собою цѣлый рядъ походовъ, т. е., былъ первымъ серьезнымъ шагомъ дагестанскаго газавата.

Между тѣмъ, Джемалэддинъ, узнавъ о похожденіяхъ Кази-Муллы, написалъ ему письмо, уговаривая бросить затѣю, оставить газаватъ и вернуться къ завѣтамъ тариката, т. е., къ молитвѣ, посту и созерцанію; но ничто уже не могло удержать народнаго вождя-имама. Это былъ сорвавшійся съ цѣпи звѣрь. Ни слова окружающихъ, ни письма Джемалэддина, который писалъ ему еще два раза, ни уговоры и убѣжденія пріятеля. Шамиля—ничего не могло подѣйствовать на Кази-Муллу и онъ всѣмъ отвѣчалъ, что „настоящее дѣло мусульманина — газаватъ“, и продолжалъ формировать отряды, продолжалъ свою проповѣдь священной войны. Однако, многіе изъ его приближенныхъ, проникнувшіеся правилами тариката, стали отходить отъ него; въ числѣ другихъ покинулъ его и Шамиль, который заперся въ своемъ домѣ и занялся, какъ истинный мюридъ, чтеніемъ священныхъ книгъ и молитвой. Въ народѣ стали ходить слухи, что Джемалэддинъ

не одобряетъ газавата, первая неудача подъ Хунзахомъ тоже огорошила многихъ и съ каждымъ днемъ все больше и больше народа оставляло Кази-Муллу. Послѣдній, видя, что одинъ онъ ничего не подѣлаетъ, обратился къ Курали-Магомѣ съ письмомъ, въ которомъ привелъ нѣсколько зажигательныхъ, фанатическихъ стиховъ изъ Корана и спрашивалъ муршида: что онъ можетъ возразить противъ этого! Курали-Магома, вопреки тарикату, отнесся къ дѣлу Кази-Муллы сочувственно и даже написалъ Джемалэддину письмо съ приказаніемъ не препятствовать газавату, но Джемалэддинъ не послушался своего бывшаго наставника и попрежнему продолжалъ уговаривать Кази-Муллу отказаться отъ войны.

Не безынтересно подробнѣе прослѣдить вопросъ о томъ, какъ могли муршиды, отвергавшіе войну, въ концѣ концовъ, не только согласиться съ газаватомъ, но даже поощрять его. То, что сдѣлалъ Курали-Магома въ самомъ началѣ, то сдѣлалъ впослѣдствіи, какъ будетъ сказано далѣе, Джемалэддинъ.

По всѣмъ даннымъ и по словамъ Шамиля, тарикатъ исключаетъ газаватъ. Слѣдовательно, всѣ муршиды измѣнили своимъ принципамъ? Такъ, но не совсѣмъ.

Дѣло въ томъ, что тарикатъ воспрещаетъ войну не потому, что считаетъ ее безнравственной, нѣтъ: ни одинъ мусульманинъ это говорить не можетъ, такъ какъ это было-бы равносильно отрицанію Корана и его творца, Магомета, распространявшаго свою религію огнемъ и мечемъ. Вопросъ о воспрещеніи газавата опирается на два серьезныхъ пункта: во-первыхъ, самъ Магометъ запрещаетъ войну съ врагами безспорно сильнѣйшими, а таковыми въ глазахъ туземцевъ, конечно, были русскіе, уже покорившіе къ тому времени почти весь Кавказъ.

Вотъ что писалъ Джемалэддинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Кази-Муллѣ: „и безъ тебя было много ученыхъ людей, которые тоже хорошо знали о необходимости газавата; однако, они ничего не предпринимали, считая это дѣло невозможнымъ: самъ Коранъ воспрещаетъ вести войну противъ непріятеля сильнѣйшаго. Если найдутся такіе люди въ настоящее время, пусть они и ведутъ газаватъ; но тебѣ, какъ послѣдователю и проповѣднику тариката, это неприлично“.

Изъ этихъ строкъ видно, что самый ярый противникъ газавата не могъ сказать ничего существеннаго противъ

послѣдняго и признавалъ его при извѣстныхъ условіяхъ, каковыхъ только не находилъ въ ту минуту, когда писалъ это письмо.

Вторая причина, почему Кази-Муллѣ не слѣдовало вести газаватъ, опредѣляется словомъ „неприлично". Тарикатъ требуетъ, чтобы человѣкъ отдалъ-бы всего себя, всѣ помыслы, желанія и стремленія нераздѣльно Единому Аллаху; никакіе земные интересы не должны мѣшать непрестанному общенію съ Богомъ, ничто не должно занимать муршида и мюрида, кромѣ высокихъ священныхъ истинъ; газаватъ, хоть дѣло безспорно богоугодное, однако, все-таки отвлекаетъ человѣка отъ непосредственнаго общенія съ Аллахомъ, отъ прямой обязанности къ Послѣднему и служитъ вдобавокъ поводомъ къ разгару страстей, уменьшая тѣмъ самымъ религіозное усердіе. Кто взялъ на себя обязанности отшельника, тотъ долженъ нести ихъ, не поддаваясь страстямъ и никакимъ желаніямъ своей натуры. Незлобіе, по смыслу этого ученія, является не совсѣмъ такимъ, какъ понимаемъ его мы, христіане. Тарикатъ ни слова не говоритъ о любви къ ближнему больше самого себя, а говоритъ лишь о любви къ Аллаху больше самого себя и попутно о любви и милосердіи ко всѣмъ признающимъ Аллаха и пророка Его, Магомета. Это—очень важный принципъ, на основаніи котораго можно многое объяснить въ развитіи мюридизма и въ кажущемся происхожденіи изъ него газавата. Мы теперь видимъ, что газаватъ, дѣйствительно, не имѣлъ въ мюридизмѣ своего основанія, найдя послѣднія въ общемъ ученіи ислама и, въ частности, въ шаріатѣ, но одновременно мы должны признать тотъ фактъ, что мюридизмъ не сильно противодѣйствовалъ священной войнѣ и даже, въ концѣ концовъ, благословилъ ее.

Необходимо замѣтить только одно, что всякій муршидъ или мюридъ, взявшіеся за газаватъ, переставали быть членами мюридизма и становились обыкновенными мусульманами. Кази-Мулла пересталъ называть себя муршидомъ и принялъ титулъ народнаго предводителя—имама; его-же сподвижники продолжали называться мюридами отчасти по старой памяти, а отчасти потому, что въ Дагестанѣ задолго до появленія мюридизма были такъ называемые наибскіе мюриды, т. е., просто приближенные владѣтельныхъ князьковъ. Это званіе осталось неприкосновеннымъ, такъ какъ въ немъ соединились оба понятія—и ученика, и подчиненнаго.

Если-бы мюридизмъ былъ основанъ на болѣе высокихъ началахъ, если-бы онъ даже проповѣдывалъ любовь къ ближнимъ и прощеніе врагамъ въ болѣе обширномъ смыслѣ, то и тогда не трудно было-бы объяснить его симпатію къ газавату. Люди—вездѣ люди: стоитъ вспомнить только исторію христіанства. Высочайшіе, гуманнѣйшіе догматы Христа, несмотря на всю ихъ понятность и ясность, были истолкованы такъ, что вмѣсто проповѣди любви, милосердія и всепрощенія человѣчество сдѣлалось свидѣтелемъ ярости, дикости, беззаконій и насилій, производившихся не только надъ „невѣрными“, а часто надъ самими-же христіанами. Стоитъ только вспомнить гоненія на еретиковъ, а также расцвѣтъ инквизиціи, іезуитизма и разныхъ рыцарскихъ монашескихъ орденовъ, чтобы сознать, что для изувѣрства и фанатизма совсѣмъ не нужны свирѣпые догматы, что величайшій идеализмъ можно, при помощи казуистики, обратить въ нѣчто ужасное. Надо еще замѣтить, что въ Европѣ рѣзали, мучили, жгли и грабили люди сравнительно цивилизованные, уже не чуждые наукѣ и искусству, но безчинствовавшіе исключительно во имя извращенной идеи.

Въ мусульманскомъ-же мірѣ подобныя явленія совершенно понятны: священная война — не выведенный казуистическимъ путемъ догматъ, а основа, суть мусульманскаго міросозерцанія. На Кавказѣ-же къ основной идеѣ присоединились еще любовь къ родинѣ, защита своихъ вѣками насиженныхъ гнѣздъ, ненависть къ русскимъ, подходившимъ къ роднымъ угламъ мѣстнаго населенія, и вдобавокъ разбойничій характеръ горцевъ, нашедшихъ въ газаватѣ идеалъ всѣхъ своихъ стремленій.

Намъ остается сообщить, по какимъ причинамъ главные муршиды—Курали-Магома и Джемалэддинъ—перешли на сторону газавата, и затѣмъ разсказать дальнѣйшую исторію послѣдняго.

V.

Распространеніе ученія о газаватѣ.

Какъ мы видѣли раньше, Курали-Магома отвѣтилъ Кази-Муллѣ вполнѣ сочувственно; этому были двѣ причины: во-первыхъ, старая шаріатская закваска въ немъ сидѣла крѣпко и обстоятельства сложились такъ, что онъ нашелъ газаватъ своевременнымъ и вслѣдствіе этого созналъ, что проповѣдь тарыката можетъ отнять у дѣла

много воиновъ, и, во-вторыхъ, онъ получилъ оскорбленіе отъ казикумыкскаго хана, начавшаго въ то-же время гоненіе противъ Джемалэддина. Курали-Магома направилъ свою ненависть противъ хана и одновременно противъ русскихъ, ибо ханъ былъ русскимъ подданнымъ и началъ гоненіе на мюридизмъ, чтобы обѣлить себя въ глазахъ властей, укорявшихъ его въ томъ, что онъ потворствуетъ похожденіямъ Кази-Муллы въ Дагестанѣ.

Казикумыкское ханство отдалось подъ власть Россіи еще въ 1812 г., но, конечно, это было очень ненадежное подданство и только въ 1822 г., во времена Ермолова, русскіе окончательно закрѣпили этотъ край: Асланъ-ханъ, присягнувъ на вѣрность, получилъ чинъ генерала и ему, какъ владѣтелю, выдавалась ежегодно крупная сумма денегъ. Вполнѣ понятно, что ему не хотѣлось лишиться такой благодати и онъ приложилъ всѣ мѣры, чтобы обвинить муршидовъ въ возмущеніи населенія противъ русской власти, и подтвердилъ, что Кази-Мулла дѣйствуетъ подъ вліяніемъ Курали-Магомы и Джемалэддина. Ханъ отлично зналъ, что говоритъ ложь, но ему это приходилось дѣлать не впервые, а потому, конечно, онъ не смущался, тѣмъ болѣе, что противъ Джемалэддина у него накипѣла злость, основанная на популярности муршида въ народѣ.

Зависть ко всему выдающемуся — характерная черта восточныхъ и горскихъ племенъ. Асланъ-хана уже нѣсколько лѣтъ грызла зависть къ Джемалэддину, къ которому со всѣхъ сторонъ сходились сотни уважаемыхъ людей и ученыхъ слушать его поученія. Мѣряя на свой аршинъ, Асланъ-ханъ сталъ подумывать о томъ, что муршидъ, опираясь на народную силу, можетъ свергнуть его, хана, съ занимаемаго мѣста и занять ханскій тронъ. Ничего особенно несуразнаго въ этомъ подозрѣніи не было, ибо исторія восточныхъ народовъ намъ показываетъ, что у нихъ вполнѣ возможны подобныя пертурбаціи, и не разъ бывало, начиная хотя-бы съ Магомета, что проповѣдникъ дѣлался администраторомъ и забиралъ себѣ въ руки всю власть, а законныхъ владѣтелей отправлялъ къ праотцамъ. Асланъ-ханъ ошибался только, приписывая подобные происки именно Джемалэддину, неалобивѣйшему и миролюбивѣйшему изъ всѣхъ кавказскихъ проповѣдниковъ.

Какъ-бы то ни было, но Асланъ-ханъ, призвавъ къ себѣ Джемалэддина, встрѣтилъ его попреками и бранью.

Никакія оправданія не дѣйствовали на хана, да и какъ они могли подѣйствовать, когда онъ самъ отлично зналъ о безвредности муршида и тариката; Асланъ-хану пуженъ былъ просто козелъ отпущенія; ханъ велѣлъ избить муршида до полусмерти и отпустилъ его со строгимъ внушеніемъ, что если изъ Дагестана опять придутъ вѣсти о газаватѣ, то онъ вторично и окончательно раздѣлается съ муршидомъ. Всѣ мюриды послѣдняго, а также толпы народа, собиравшагося на проповѣдь, были разогнаны. Одновременно съ этимъ Асланъ-ханъ послалъ и Курали-Магомѣ грозный приказъ явиться, но дальновидный и хитрый муршидъ, зная, чѣмъ это пахнетъ, заблаговременно уѣхалъ въ Табассаранъ, гдѣ былъ въ полной безопасности.

Избитый и измученный Джемалэддинъ не оставлялъ, однако, своихъ идей и попрежнему возставалъ противъ газавата, чѣмъ окончательно вооружилъ противъ себя Кази-Муллу, который даже поклялся отомстить ему и продолжалъ проповѣдывать священную войну. Вскорѣ изъ Дагестана пришли новыя извѣстія о дѣлахъ Кази-Муллы, и Асланъ-ханъ, вѣрный своему слову, вновь призвалъ Джемалэддина и рѣшилъ забить его на-смерть, что и было-бы, безъ сомнѣнія, сдѣлано, если-бы муршида не спасла ханская жена, которая набросила на истязуемаго свою чадру и тѣмъ остановила экзекуцію. Замученный Джемалэддинъ былъ отнесенъ на рукахъ домой, гдѣ не скоро пришелъ въ себя, и, когда немного оправился, то бѣжалъ изъ Кумыка сначала въ Цудахаръ, а потомъ въ Коппу.

Здѣсь Джемалэддинъ написалъ письмо въ Курали-Магомѣ въ совсѣмъ другомъ тонѣ, чѣмъ раньше, просилъ прощенія у Кази-Муллы за то, что противодѣйствовалъ войнѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ отправился и самъ къ Курали-Магомѣ, который утѣшалъ Джемалэддина, говоря, что его мученія и гоненія не что иное, какъ очистительная жертва, послѣ которой тарикатъ расцвѣтаетъ еще пышнѣе. Воодушевленные муршиды запѣли гимнъ: „Бизинь тарикатъ Дагестанъ гетты-га! (Тарикатъ нашъ теперь въ Дагестанъ пошелъ!)“.

Но муршиды ошиблись: тарикатъ кончилъ свое существованіе, и въ Дагестанѣ воцарился опять шаріатъ и, какъ слѣдствіе его, пожаромъ запылала священная война—газаватъ. Черезъ много лѣтъ тарикатъ вновь былъ отчасти введенъ въ обиходъ горцевъ Шамилемъ, но онъ

обратился тогда въ государственную религію, а потому принялъ другой характеръ, о чемъ и будетъ рѣчь далѣе.

Явный переходъ къ газавату Курали-Магомы и, главное, Джемалэддина, поставленаго народнымъ сознаніемъ въ число мучениковъ, придалъ силъ Кази-Муллѣ. Шамиль вновь присоединился къ нему, проникнувшись идеей газавата до самозабвенія; со всѣхъ сторонъ къ нимъ примыкали толпы горцевъ, жаждавшихъ отдать свою жизнь за святое дѣло и тѣмъ самымъ пріобрѣсти вѣчное блаженство въ раю.

Кази-Мулла повелъ свои отряды въ 1830 г. къ крѣпости Бурной, затѣмъ съ 10 тыс. горцевъ осадилъ крѣпость Внезапную, но генералъ Эммануэль заставилъ его отступить. Не смущаясь этимъ, Кази-Мулла направился къ Дербенту и осаждалъ его въ теченіе восьми дней; въ 1831 г. онъ взялъ и разграбилъ дочиста Кизляръ. Въ это время генералъ Вельяминовъ усмирилъ Чечню, и Кази-Мулла долженъ былъ скрыться въ глубину Дагестана, откуда онъ дѣлалъ постоянные набѣги на Кавказскую линію; однако, въ 1832 г. Розенъ осадилъ его въ аулѣ Гимры, который и былъ взятъ штурмомъ, а Кази-Мулла былъ убитъ въ башнѣ, гдѣ онъ заперся съ шестью десятью мюридами.

Такъ кончилъ свою бурную жизнь первый дагестанскій имамъ; горцы чтутъ его память, какъ мученика за вѣру, и берегутъ до сихъ поръ его могилу, надъ которой поставленъ памятникъ въ видѣ небольшого мавзолея. Такъ закончился первый актъ газавата.

Идея священной войны охватила весь Дагестанъ и со смертью Кази-Муллы не исчезла, хотя временно притихла. Въ горскихъ обществахъ подъ впечатлѣніемъ предыдущихъ событій стали бродить новыя идеи, а именно: о равенствѣ или, скорѣе, объ освобожденіи изъ-подъ власти мѣстныхъ владѣтелей, которые чаще держали сторону русскихъ и подчасъ тормозили народное дѣло. Нѣсколько лѣтъ имамства Кази-Муллы показали горцамъ, что они могутъ быть дѣйствительно свободны.

До этихъ поръ горцы въ силу долголѣтней привычки подчинялись почти безропотно своей аристократіи и только въ рѣдкихъ случаяхъ возмущались, свергали какого-нибудь тирана, сажали вмѣсто него другого, который обыкновенно оказывался не лучше перваго. Семьямъ, которымъ приходилось отъ правителей особенно тошно, некуда было

идти: переходъ въ другія общества былъ сопряженъ съ большими трудностями, такъ какъ общества часто враждовали другъ съ другомъ,—газаватъ-же сплотилъ воедино самые разнохарактерные элементы, главнымъ лицомъ въ странѣ явился имамъ, у котораго въ случаѣ нужды можно было найти помощь и покровительство. Горцы почувствовали себя свободнѣе, а аристократія, наоборотъ, увидѣла, что попала въ крайне непріятное положеніе. Идея свержения всѣхъ аристократическихъ родовъ смутно зародилась въ головахъ дагестанцевъ.

Въ это время выдвинулся на арену исторіи нѣкто Гамзатъ-бекъ. Онъ совершилъ темное, кровавое дѣло: убилъ аварскихъ хановъ.

Какъ, при какихъ обстоятельствахъ произошла эта драма — ничего неизвѣстно. По словамъ Шамиля, это было „нечаянное“ убійство; что хотѣлъ онъ этимъ сказать, такъ и осталось неизвѣстнымъ. Русскія власти удовольствовались показаніями Асланъ-хана и ему подобныхъ правителей, которые ничего существеннаго по этому дѣлу не сообщили.

Такъ или иначе, но фактъ, что Гамзатъ-бекъ покончилъ съ такими сильными ханами, какими были аварскіе, обратилъ на него вниманіе всего народа; послѣдній сталъ видѣть въ немъ избранника, который освободитъ народъ, во-первыхъ, отъ ига, а, во-вторыхъ, поведетъ газаватъ еще съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ Кази-Мулла. По своему происхожденію, Гамзатъ-бекъ—„чанка“, т. е., сынъ хана и простолюдинки, и это невольно давало мысль, что онъ особенно ненавидитъ аристократію, а съ другой точки зрѣнія, наоборотъ, считая себя также принадлежащимъ къ послѣдней, старался ладить съ ней и удерживалъ взрывы народнаго негодованія, прорывавшагося противъ нея.

Въ виду того, что Гамзатъ-бекъ имамствовалъ всего полтора года (по словамъ Шамиля), подробныхъ свѣдѣній о немъ сохранилось немного и о немъ сложилось двоякое мнѣніе. „Гамзатъ-бекъ, — говоритъ Оаддеевъ *), — набожный, молчаливый и безжалостный, глубоко обдумывавшій свои предпріятія и исполнявшій ихъ быстро и безъ огласки—„для Бога, а не для себя“, какъ говорилъ онъ, въ три года достигъ цѣли, утвердилъ мюридизмъ въ горахъ на трупахъ друзей и недруговъ; ему это было все

*) «Шестьдесятъ лѣтъ Кавказской войны», стр. 39.

равно. Въ этотъ періодъ и были вырѣзаны лучшіе люди въ горахъ, для утвержденія всеобщаго равенства".

По словамъ-же Шамиля *), характеръ Гамзатъ-бека является въ нѣсколько иномъ видѣ: „Убійство аварскихъ хановъ, обратило на Гамзатъ-бека вниманіе народа и доставило ему средства, несмотря на всю его административную неспособность, продержаться въ званіи имама цѣлыхъ полтора года. Но Гамзатъ-бекъ, будучи отчасти самъ аристократомъ, не хотѣлъ или не умѣлъ унизить аристократію. Эта нерѣшимость была причиною его смерти столько-же, сколько и недальновидность его въ дѣлахъ административныхъ". Къ этой характеристикѣ не мѣшаетъ прибавить, что Гамзатъ-бекъ не пользовался большимъ уваженіемъ своихъ единоплеменниковъ, такъ какъ предавался пьянству.

Въ результатѣ Гамзатъ-бекъ былъ убитъ въ Хунзахѣ, въ мечети, кѣмъ-то изъ своихъ приближенныхъ, но была-ли это месть аристократовъ или-же народная расправа за покровительство знатнымъ родамъ или, наконецъ, по существующему тоже мнѣнію, убійство изъ страха передъ жестокимъ правителемъ, который рѣзалъ и праваго, и виноватаго — это покрыто мракомъ неизвѣстности. Весьма вѣроятно, что Гамзатъ-бекъ дѣйствительно вырѣзалъ цвѣтъ дагестанской аристократіи, но столь-же вѣроятно и то, что народъ, надѣясь на имама, самъ вырѣзалъ своихъ бековъ и князей, что и приписано было имаму; увидѣвъ-же несочувствіе послѣдняго, покончилъ и съ нимъ.

Вопросъ этотъ не важенъ; здѣсь интересно лишь то, что въ результатѣ аристократическіе роды частью были уничтожены, частью бѣжали въ русскіе предѣлы, частью слились съ народомъ, вошли въ его интересы, воспылали ненавистью къ русскимъ и впослѣдствіи стали мюридами и муртазигатами Шамиля. Такое положеніе подготовило почву для дѣятельности Шамиля, перваго, сказавшаго вслухъ слово равенство и этимъ привлекшаго на свою стороны всѣхъ горцевъ.

Для пониманія дальнѣйшихъ событій намъ теперь необходимо возвратиться къ событіямъ изъ исторіи завоеванія Кавказа и очень ненадолго остановиться на войнахъ Россіи съ Персіей и Турціей.

---

*) «Русскій Вѣстн.» 1862 г., т. XII, стр. 682.

ОЧЕРКЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

За Кавказъ—на персовъ и турокъ.

А. Лаврова.

Мы вспомнили прекрасно старину:
Чресъ Кавказъ мы пушки перемчали;
Въ одинъ ударъ покончили войну,
И Арарать, и миръ, и славу взяли.
И русскій въ томъ краю, гдѣ былъ
Утѣшенъ міръ дугой завѣта,
Свои знамена утвердилъ
Надъ древней колыбелью свѣта!
Жуковскій.

I.

Вторженіе персовъ.

Новое религіозное движеніе на Кавказѣ расло и крѣпло въ то время, когда за Кавказомъ—въ предѣлахъ древняго Ирана и въ предѣлахъ Турціи—кавказскія войска покрывали себя новою ярко блещущею славою...

Герой Котляревскій Асландузомъ и Ленкоранью напалъ на персюковъ страху—нагналъ такъ, что его хватило на четырнадцать лѣтъ. Ермоловъ тоже сумѣлъ имъ показать, что съ русскими „шутки плохи“. Однако, одно дѣло видѣть на мѣстѣ, что происходитъ передъ глазами, другое—судить да рядить о происходящемъ изъ-за нѣсколькихъ тысячъ верстъ. Положеніе, приведшее къ новой русско-персидской войнѣ, было создано петербургскими кабинетными стратегами, судившими и рядившими объ окраинныхъ дѣлахъ только съ кабинетной точки зрѣнія. Тысячи верстъ, отдѣлявшія Петербургъ отъ Ирана, въ расчетъ не были приняты, а въ основу дѣйствій за-

ложены были только далекія отъ дѣйствительности разсужденія дипломатовъ, судившихъ о происходящемъ только по „входящимъ“ да „исходящимъ“, къ которымъ прилагались доклады столоначальниковъ и пр., и пр.

Аббасъ-Мирза, ярый противникъ русскихъ, сынъ шаха Баба-Хана, былъ объявленъ наслѣдникомъ иранскаго престола, вопреки существовавшимъ въ Персіи законамъ — онъ былъ второй сынъ шаха. Первенецъ Баба-Хана, Мегметъ-Али, былъ сторонникомъ Россіи, а въ Тегеранѣ и Персіи въ это время упрочивались англичане, прилагавшіе всѣ усилія, дабы ослабить тамъ русское вліяніе. Они тратили громадныя деньги на подкупы, на представительство и, благодаря ихъ интригамъ, Мегметъ-Али былъ устраненъ. Аббасъ-Мирза, подстрекаемый англійскими совѣтниками, спалъ и во снѣ видѣлъ борьбу съ Россіей, и въ Петербургѣ, вопреки предстаавленіямъ Ермолова, его признали наслѣдникомъ престола, благодаря тому, что тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ не благоволилъ къ Алексѣю Петровичу. Благодаря этому признанію, Аббасъ-Мирза сталъ уже царственною особою, тогда какъ до того онъ былъ только правителемъ пограничныхъ областей, не имѣвшимъ даже права самостоятельныхъ дѣйствій.

Шахъ-заде не замедлилъ показать себя. Онъ отдалъ въ правленіе пограничную съ Карабахомъ область бѣглому грузинскому царевичу Александру Иракліевичу, въ смежныя съ Талышинскимъ ханствомъ земли назначилъ Гуссейна-Али, хана бакинскаго, убійцу Циціанова; онъ принялъ въ Персіи Сурхая, хана казикумыкскаго, въ надеждѣ съ помощью его поднять лезгинъ. Царевичъ Александръ волновалъ и мутилъ Закавказье, разсылая въ него своихъ агентовъ-подстрекателей, принималъ и защищалъ дезертировъ и вообще бѣглыхъ; то-же было и у Гуссейнъ-Али-хана. Благодаря этому, на границахъ Закавказья выросли гнѣзда мятежа и всякихъ волненій. Ермоловъ все это видѣлъ, сдерживалъ, сколько могъ, но рѣшительнаго шага не предпринималъ, ибо обстоятельства перемѣнились и герой оказывался связаннымъ по рукамъ и по ногамъ предписаніями петербургскихъ канцелярій.

При такихъ обстоятельствахъ въ Персію было отправлено посольство съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ императора Николая Павловича. Персюки такъ обнаглѣли, что, только благодаря вмѣшательству англичанъ, русское посольство благополучно выбралось изъ предѣ-

ловъ Персіи, гдѣ его задержалъ было эриванскій сердарь. Но, и выпустивъ русское посольство, сердарь направилъ его такимъ путемъ, что оно должно было быть во время дороги перебито курдами. Къ счастью, Ермоловъ проникъ въ вѣроломные замыслы и вызволилъ посольство.

Въ это время война уже началась.

Пограничными съ Персіей областями были области Бомбакская съ Лорійской степью и Шурагельская. Граница была защищена всего двумя батальонами, которыми командовалъ одинъ изъ послѣднихъ „цицiановцевъ“, полковникъ князь Леонтій Севересемидзе, — „Бѣшеный князь“, по прозвищу персовъ, обожаемый и войсками, и населеніемъ. Ему-то и пришлось выдержать первый натискъ персидскихъ полчищъ.

Войны персіане не объявили, а 16-го іюля 1826 г. прямо вторглись со стороны Эривани въ русскіе предѣлы. Севересемидзе не былъ застигнутъ врасплохъ, но все-таки долженъ былъ уступить превосходству силъ и отступилъ къ Гимрамъ, главному городу Шурагеля. Персы воспользовались этимъ и начали истреблять отдѣльные русскіе пограничные посты, и грабить, и жечь армянскія селенія. 19-го іюля они уже вторгнулись въ Карабахъ.

Война для персовъ начиналась счастливо, и это счастье было не въ томъ, что имъ удалось оттѣснить немногочисленные русскіе отряды, а въ томъ, что Ермоловъ, благодаря своей полной зависимости отъ Петербурга, не зналъ — началась-ли постоянная война, или произошло вторженіе, которое могло быть приравнено къ разбойничьему набѣгу. А персы, между тѣмъ, „побѣждали“. 26-го іюля ихъ арміи, послѣ цѣлодневнаго боя, удалось до послѣдняго человѣка уничтожить роту тифлисскаго полка, шедшую изъ Караклиса въ Балыкъ-чай. Въ Лорійской степи поднялись татары. Ермоловъ прислалъ Севересемидзе приказаніе отступить за Бомбакскій хребетъ. Въ Карабахѣ въ это время Аббасъ-Мирза осадилъ Шушу, гдѣ находился командовавшій войсками Карабахской провинціи полковникъ Осипъ Антоновичъ Ротъ, тоже изъ числа послѣднихъ цицiановцевъ. Персамъ и здѣсь „повезло“. Они совершили неслыханное на Кавказѣ дѣло: на рѣкѣ Ахъ-Кара-чаѣ былъ разгромленъ отступавшій къ Шушѣ батальонъ полковника Назняки, причемъ большая часть солдатъ и офицеровъ, а также и бывшія при отрядѣ два орудія были взяты въ плѣнъ. Осадившій Шушу Аббасъ-Мирза уже объявилъ, что миръ съ русскими

онъ подпишетъ „только на берегахъ Москвы-рѣки". Въ Елисаветполѣ въ ночь на 28-е іюля были перерѣзаны всѣ находившіеся тамъ русскіе, и сынъ Абасса — Мамедъ-Мирза — безпрепятственно вступилъ въ этотъ городъ, покоренный для Россіи Циціановымъ. Мало того, возмутились ханства: Талышинское, Текинское, Бакинское, Кубинское, Ширванское, принявшія наслѣдниковъ своихъ изгнанныхъ хановъ; Сурхай, ханъ казикумыкскій, появился въ Дагестанѣ.

Положеніе русскихъ на Кавказѣ становилось тяжелымъ; Ермоловъ, ожидавшій Паскевича, дѣйствовалъ безъ обычной рѣшительности, но Шуша съ самоотверженнымъ Реутомъ спасла Закавказье отъ персидскаго погрома: сорокъ дней простояла, безрезультатно осаждая ее, армія Аббаса-Мирзы, а въ это время обстоятельства перемѣнились, Ермоловъ стянулъ войска и пошелъ самъ на персидскія полчища.

П.

Шамхорская битва.

Ермоловъ оправился отъ неожиданности нашествія тогда, когда Аббасъ-Мирза совсѣмъ собрался было идти изъ Карабаха на Тифлисъ. Съ Лезгинской линіи былъ двинутъ грузинскій батальонъ, подъ командой графа Симонича. По мѣрѣ того, какъ отрядъ шелъ впередъ, къ нему присоединялись новыя войска. Симоничу, съ которымъ были казаки и два орудія, пришлось идти съ боемъ среди возмутившихся шамшадильскихъ татаръ, но движеніе было благополучно. Въ одной изъ схватокъ съ бунтовщиками былъ раненъ маіоръ Князевъ. 3-го августа Симоничъ сталъ на р. Акстафѣ, занявъ Делижанское ущелье, черезъ которое былъ проходъ въ Грузію. Здѣсь къ нему присоединились батальонъ херсонскаго полка и двѣ роты грузинскихъ гренадеръ. Нѣсколько ранѣе ихъ подошелъ батальонъ ширванскаго полка. Отрядъ увеличился настолько, что стало возможно движеніе дальше. Херсонцы и гренадеры перешли черезъ р. Храмъ и стали на отдыхъ у Краснаго моста, на границѣ древнихъ владѣній Грузіи.

Тутъ въ этотъ отрядъ пришла вѣсть, что Ермоловъ присылаетъ къ нимъ вождемъ храбрѣйшаго изъ своихъ сподвижниковъ, князя Мадатова.

— Теперь персюкамъ шабашъ! — рѣшили солдаты узнавъ о томъ, что больной Мадатовъ бросилъ лечснье и мчится къ нимъ.

«Ну, скорѣе маршъ навстрѣчу!
Графъ нашъ Симоничъ готовъ:
Онъ въ Европѣ научился,
Какъ разбить своихъ враговъ.
Генералъ храбрый Мадатовъ
Насъ къ побѣдамъ поведетъ;
Онъ военныя ухватки
Персовъ знаетъ напролетъ!» —

пѣли ликующіе солдаты, и, дѣйствительно, достаточно было вѣсти о прибытіи генерала Мадатова, какъ уже самъ собою началъ утихать бунтъ среди шамшадильцевъ. Войска персидскаго сердаря Амиръ-хана, воспитателя царевича Мамедъ-Мирзы, тоже начали отходить, и впереди оставалась только персидская конница, начальникъ которой—Зурабъ-ханъ—долженъ былъ провести къ лезгинамъ царевича Александра Иракліевича. Но быстрыми передвиженіями Мадатовъ настигъ Зураба на р. Астрикѣ и здѣсь разгромилъ его. Царевичъ ускакалъ въ Эривань, а пораженные разгромомъ персы безъ боя очистили Елисаветполь.

Въ это время отрядъ Мадатова усилился еще однимъ батальономъ херсонцевъ, и ермоловскій герой съ этими силами перешелъ въ наступленіе.

Персы, однако, были такъ ободрены своими удачами, что безъ боя не отступили. Ихъ десятитысячный корпусъ, подъ начальствомъ Мамедъ-Мирзы и Амиръ-хана, ожидалъ русскихъ у Шамхора, въ тридцати верстахъ отъ Елисаветполя. Шамхоръ, это — древняя столбообразная башня, нынѣ обрушившаяся, прежде-же, въ незапамятныя времена, служившая тогдашнимъ ученымъ для астрономическихъ наблюденій. Около него протекала рѣчка того-же наименованія; томъ стояли персы; русскіе шли на нихъ изъ-за Дзигамскихъ горъ. Столкновеніе произошло 3-го сентября 1826 г. Всѣ вражескія орудія открыли огонь изъ-за р. Шамхора по надвигавшимся русскимъ, но тѣ шли, сверкая на солнцѣ своими штыками. По численности, отрядъ Мадатова былъ въ пять разъ слабѣе отряда Амиръ-хана, но это не помѣшало богатырямъ, перейдя рѣку, ударить на враговъ. Пѣхота съ громовымъ „Ура“ кинулась въ штыки, казаки, грузинскіе конные милиціонеры и татарскіе всадники понеслись съ фланговъ. Персы дрогнули и не устояли, хотя натискъ русскихъ встрѣтило отборное персидское войско, шахская гвардія, состоявшая изъ русскихъ дезертировъ. Битва предстояла отчаянная. Отпоръ могъ-бы ободрить всѣхъ остальныхъ,

но въ это время въ тылу русскаго отряда вдругъ показались огромныя облака пыли, какъ-бы происходившія отъ движенія по дорогѣ большихъ силъ. Послѣ оказалось, что это шелъ провіантскій обозъ, но персы въ пылу боя приняли его за приближеніе подкрѣпленій и смутились. Кавалерія ударилась въ бѣгство, приводя въ безпорядокъ пѣхоту. Новый ударъ русскихъ сдвинулъ съ мѣста всю живую массу. Началось паническое бѣгство. Амиръ-ханъ былъ заколотъ пиками казаковъ; Мамедъ-Мирза умчался, не захвативъ даже бывшихъ съ нимъ въ походѣ красивыхъ мальчиковъ; шахская гвардія почти вся легла на мѣстѣ; вся дорога до самаго Елисаветполя была устлана трупами; потеря-же русскаго отряда была всего въ двадцать семь человѣкъ.

На слѣдующій день Мадатовъ занялъ оставленный врагами Елисаветполь.

Эта побѣда, одержанная съ ничтожными силами надъ превосходнымъ непріятелемъ, положила предѣлъ удачамъ Аббаса-Мирзы, но, конечно, это стало яснымъ только значительно позже. Пока-же русскіе, по крайней мѣрѣ, ихъ вожди — Мадатовъ, Симоничъ и командиръ херсонскаго полка Поповъ — чувствовали себя неважно. 4-го сентября занятъ былъ Елисаветполь, а 5-го уже было получено извѣстіе, что Аббасъ-Мирза бросилъ осаду Шуши и со всей своей арміей пошелъ на бывшую Ганжу. По расчетамъ, подкрѣпленія могли явиться лишь 10-го сентября, а Аббасъ-Мирза вполнѣ легко могъ подойти и ранѣе. Мадатовскій отрядъ былъ ничтоженъ, и персамъ ничего не стоило раздавить своею численностью. „Свое безпокойство,—пишетъ Симоничъ въ своихъ запискахъ,—мы, конечно, никому не показывали: ни жители, ни солдаты не подозрѣвали даже, какія кошки скребутъ у насъ на сердцѣ“. Къ счастью русскихъ, Аббасъ опоздалъ и девятаго сентября подошелъ только еще къ р. Тертеру, а въ этотъ вечеръ елисаветпольскіе армяне увѣдомили Мадатова, что русскія войска близко и ведетъ ихъ генералъ, „котораго никто не знаетъ“.

Этотъ генералъ былъ Паскевичъ.

III.

Петербургскій налетъ.

Счастье чаще всего изображается слѣпымъ. Пожалуй, что оно не совсѣмъ такъ—иначе не было-бы у него своихъ баловней-любимчиковъ, которыхъ оно безмѣрно осы-

паетъ своими дарами въ ущербъ множества достойныхъ. Паскевичъ является яснымъ примѣромъ тому.

Это—крупная историческая личность прошлаго столѣтія, прославленный русскій вождь, побѣдитель французовъ, персовъ, турокъ, поляковъ, но если приглядываться къ сущности всего этого, то слава этого человѣка—слава по недоразумѣнію. Это былъ, несмотря на свою несомнѣнную даровитость, даже талантливость, человѣкъ, созданный недоразумѣніемъ, легкомысленный по характеру, двуличный, хотя и не изъ корыстныхъ побужденій, человѣкъ съ огромнымъ самомнѣніемъ и притомъ лишенный всякаго пониманія сущности человѣческой природы, а потому невозможно недовѣрчивый.

Вся исторія его появленія на Кавказѣ свидѣтельствуетъ объ этомъ.

Паскевичъ явился на Кавказъ съ предвзятымъ намѣреніемъ видѣть одно лишь дурное. Паскевичъ еще въ Петербургѣ зналъ, что судьба Ермолова предрѣшена, и явился какъ-бы собирать улики противъ „Петровича“. Явившись на Кавказъ, онъ немедленно произвелъ смотръ знаменитому ширванскому полку, сплошь состоявшему изъ героевъ Дагестана, Чечни и страны Адыге. И что-же? Послѣдовалъ страшнѣйшій разносъ представившагося полка за то, что тотъ маршировалъ неумѣло, былъ обмундированъ не съ иголочки. Полкъ этотъ—„легіонъ героевъ“, какъ его называли тогда,—строгій ревизоръ прогналъ съ глазъ долой. Къ счастью, ширванцы даже уяснить себѣ не смогли, за что постигла ихъ немилость „петербургскаго налета“, а Ермоловъ, воспользовавшись тѣмъ, что онъ еще стоялъ у власти, отдалъ въ приказѣ по полку горячую благодарность ему за чудеса храбрости. В. Потто въ своей „Исторіи Кавказской войны“ говоритъ, что Паскевичемъ было послано въ Петербургъ донесеніе, согласно которому „кавказскія войска находились въ совершенномъ безпорядкѣ; они представляются необученными, оборванными, грязными, въ ветхихъ покрытыхъ заплатами мундирахъ безъ пуговицъ, въ брюкахъ разнаго цвѣта (въ ширванскомъ полку не было даже и таковыхъ!), съ изорванными ранцами, вмѣсто портупей—веревочки... Выучки нельзя отъ нихъ требовать, ибо они ничего не знаютъ“,—говоритъ Паскевичъ. О войскахъ, немного спустя, покрывшихъ его-же самого славой, Паскевичъ говоритъ: „Сохрани Богъ быть съ такими войсками въ дѣлѣ!..“ Въ другомъ донесеніи онъ пишетъ: „Я замѣтилъ,

что войска не привыкли драться въ горахъ".—„Это ширванцы-то!" — комментируетъ такое замѣчаніе Паскевича В. Потто въ своей статьѣ „Ермоловъ въ Персидской войнѣ". „Сдѣлавъ такую характеристику войскъ,—находимъ мы въ томъ-же источникѣ, — Паскевичъ старается уронить въ глазахъ государя и признанную всѣми высокую репутацію Ермолова, его военныя дарованія, даже его политическую благонадежность. Онъ старается подорвать даже репутацію сподвижниковъ Ермолова — Мадатова и Вельяминова—и для этого пользуется услугами презрѣнныхъ армянъ - шпіоновъ, которые шпіонили для него не за персами, а за Ермоловымъ и его соратниками-героями. Послѣ елисаветпольской битвы онъ въ глаза хвалитъ ея героевъ, а государю пишетъ, что насилу могъ подвинуть въ бой резервы". Даже предубѣжденный противъ Ермолова государь увидалъ явное пристрастіе въ донесеніяхъ Паскевича и послалъ провѣрить ихъ Дибича, однако, выразившись въ письмѣ къ нему относительно Ермолова такъ: „Надѣюсь, что вы не позволите обольстить себя этому человѣку, для котораго ложь составляетъ добродѣтель, если онъ можетъ извлечь изъ нея выгоду"... Послѣ такого яснаго указанія что было дѣлать Дибичу? Однако, Дибичъ былъ все-таки настолько честенъ, что оправдалъ и Ермолова, и Мадатова, и Вельяминова, но, въ угоду существовавшему направленію, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказалъ, хотя и не прямо, а только стороной, что лучше было-бы, если-бы Ермоловъ былъ смѣненъ.

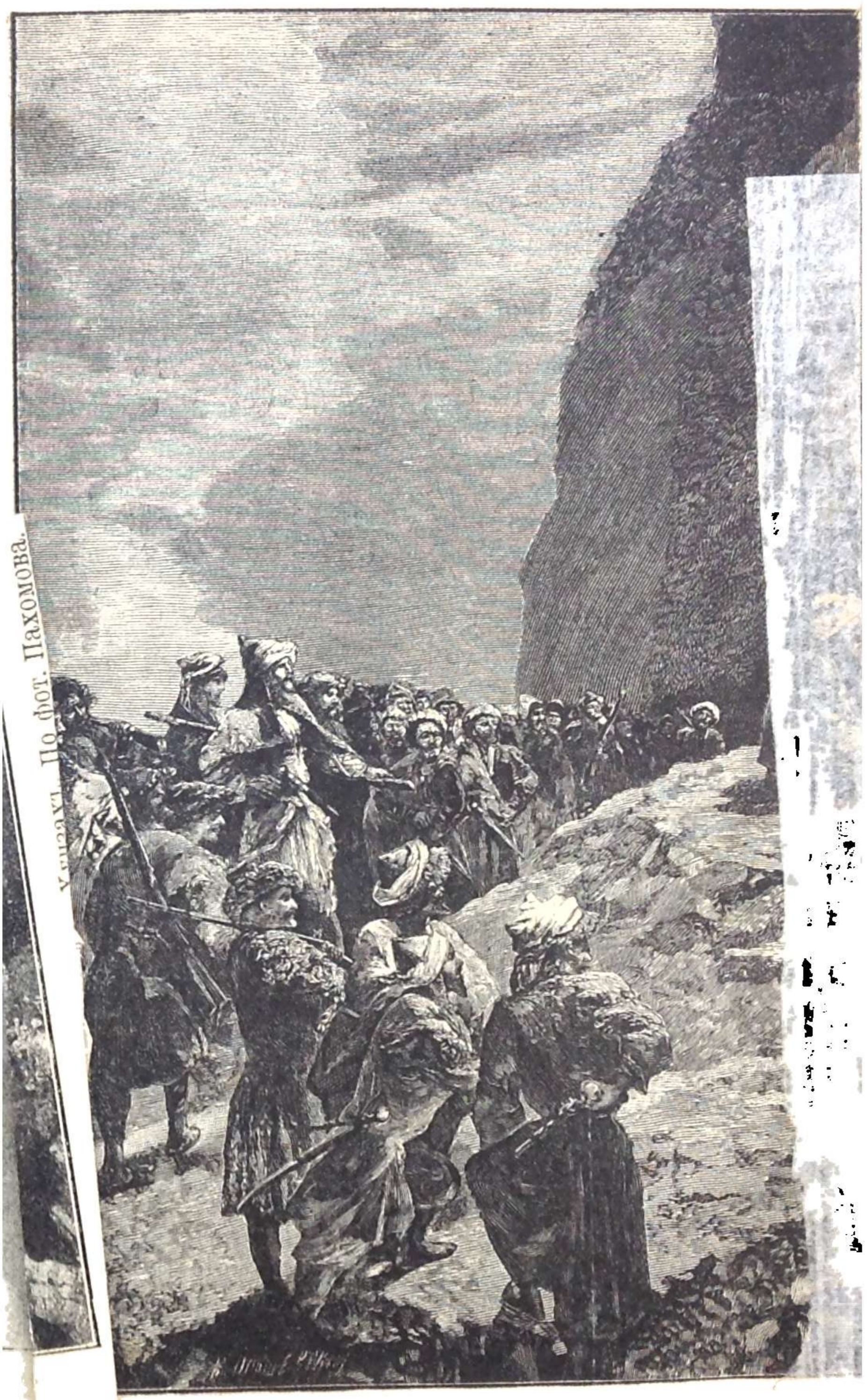
Царская немилость продолжалась, однако, не долго. Скоро разсѣялся туманъ, нагнанный клеветою, и Алексѣй Петровичъ вновь получилъ царское благоволеніе...

А, между тѣмъ, самъ по себѣ Паскевичъ былъ храбрецъ, какихъ немного. Турецкая война 1806—1812 г. и затѣмъ наполеоновскія войны прославили его. Но это была личная храбрость. Подаривъ ею этого человѣка, судьба отказала ему въ вѣрномъ взглядѣ на существо вещей. По отзывамъ современниковъ, если нужно было добиться чего-либо отъ Паскевича, то говорили ему о просимомъ наоборотъ. Напр., если нужно было наградить кого-либо, то говорили, что такой-то награды не стоитъ, и тогда награжденіе слѣдовало немедленно. Ужо судя по одному этому, Паскевичъ, по личнымъ своимъ свойствамъ, не заслуживалъ того, чтобы быть верховнымъ распорядителемъ чьихъ-либо судебъ, а лишь второстепеннымъ исполнителемъ чужихъ указаній, но, тѣмъ не менѣе, счастье вынесло

Стр. 91 и 92.

По фот. Пахомова.

Свиданіе ген. Клюке фонъ Клю

съ Пл[illegible]емъ. Съ картины кн. Г. Г. Гагарина.

его на высоту, которой онъ врядъ-ли былъ достоинъ по своимъ личнымъ качествамъ.

Чтобъ не быть голословными, приведемъ здѣсь отзывъ о Паскевичѣ его современника и ратнаго товарища, Д. В. Давыдова.

Вотъ что говоритъ знаменитый партизанъ-поэтъ:

„Не принадлежа никогда къ числу почитателей этого хитраго баловня судьбы, оказавшаго, однако, своему отечеству немаловажныя заслуги, я всегда отдавалъ полную справедливость его примѣрному безстрашію, высокому хладнокровію въ минуты опасности, рѣшительности, выказаннымъ во многихъ случаяхъ, и вполнѣ замѣчательной заботливости его о нижнихъ чинахъ; къ сожалѣнію, отсутствіе обширнаго и просвѣщеннаго ума, недостатокъ возвышеннаго и твердаго характера, стараніе окружать себя ничтожными льстецами и лицами, хотя и одаренными нѣкоторыми способностями и со свѣдѣніями, но лишенными всякой самостоятельности, коихъ онъ преимущественно выдвигалъ и выдвигаетъ впередъ, — все это содѣлываетъ его, по моему мнѣнію, совершенно неспособнымъ стоять въ главѣ школы, въ которой могли-бы образоваться полезные военные люди. Ко всему этому надо присовокупить самонадѣянность и заносчивость, достигшія невѣроятныхъ размѣровъ, примѣрное попеченіе приписывать себѣ все, совершенное подчиненными, умалчивая, либо искажая заслуги ихъ и удаляя вскорѣ по одержаніи успѣха тѣхъ изъ нихъ, коимъ онъ, по общему мнѣнію, былъ тѣмъ обязанъ; страсть, столь сильно нынѣ распространенная, прибѣгать въ донесеніяхъ къ вымысламъ тысячи одной ночи и нѣкоторые другіе большіе пороки, — все это вынудило не одного человѣка, уважающаго свое собственное достоинство, удалиться съ поприща, на коемъ возможны служебныя съ нимъ столкновенія“.

Вотъ отзывъ о Паскевичѣ другого его современника и даже родственника, знаменитаго писателя А. С. Грибоѣдова.

„Каковъ мой-то... — говоритъ авторъ „Горя отъ ума“, — какъ вы хотите, чтобы этотъ человѣкъ, котораго я коротко знаю, торжествовалъ надъ однимъ изъ самыхъ умнѣйшихъ людей въ Россіи (Ермоловымъ)?“ Поэтъ ошибся: Паскевичъ восторжествовалъ. Ермоловъ ушелъ, оскорбленный при уходѣ тѣмъ, что ему, недавнему проконсулу Кавказа, отказано было въ конвоѣ, который давался въ защиту

отъ горцевъ каждому заурядному смертному. Но и люди всѣ вообще оказались близорукими: средина прошлаго столѣтія вся полна именемъ Паскевича, явившагося побѣдоноснымъ вождемъ русскихъ войскъ.

Вотъ онъ-то и велъ къ Мадатову, засѣвшему въ Елисаветполѣ, подкрѣпленія.

IV.

Елисаветпольская побѣда.

Десятаго сентября Паскевичъ прибылъ съ нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ въ Елисаветполь. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, зная, какой важный подвигъ предстоитъ „питерскому налету“, далъ ему цвѣтъ и красу кавказскаго войска: въ дѣйствующемъ корпусѣ при 24 орудіяхъ были семь батальоновъ отъ карабинернаго, херсонскаго, грузинскаго, ширванскаго и 41 егерскаго полковъ, весь полкъ нижегородскихъ драгунъ, два казачьихъ полка и вся татарско-грузинская милиція. Съ такими силами русскіе еще никогда не выходили противъ персовъ: слишкомъ много было войска, но Ермоловъ хотѣлъ во что-бы то ни стало обезпечить за Паскевичемъ побѣду. Мало того, Ермоловъ послалъ съ нимъ способнѣйшаго стратега, начальника своего штаба, генерала Вельяминова. Паскевичъ началъ съ того, что разнесъ на смотру войска за то, что они не умѣютъ маршировать, какъ маршируютъ гвардейцы на петербургскихъ парадахъ. Онъ и въ Петербургъ послалъ донесеніе, смыслъ котораго былъ тотъ, что „войска никуда негодятся“; впрочемъ, такое донесеніе современники объясняютъ желаніемъ остаться въ случаѣ неудачи неповиннымъ въ ней.

Между тѣмъ, врагъ надвигался. 11-го сентября у Елисаветполя появилась персидская конница. Ее, конечно, разогнали, но на этотъ разъ персы выказали упорство и отошли такъ недалеко, что на другой день появились снова. Въ это-же время были получены свѣдѣнія, что подходитъ съ своей арміей и Аббасъ. Паскевичъ созвалъ военный совѣтъ и настаивалъ на томъ, чтобы ожидать персовъ въ самой Ганжѣ, т. е., добровольно попасть въ ловушку, которую наступавшіе могли захлопнуть, окруживъ городъ. Лишь благодаря энергичнымъ настояніямъ Мадатова и Вельяминова, командующій отказался отъ своей пагубной выдумки и рѣшилъ самъ идти навстрѣчу непріятелю. Это рѣшеніе было принято ночью и сейчасъ-же былъ отданъ приказъ выступать. Однако, когда войска

былп готовы къ походу, татаринъ-лазутчикъ принесъ извѣстіе, что войска эриванскаго хана обошли русскихъ и находятся у нихъ въ тылу.

— Что-же намъ теперь дѣлать? — спрашивалъ растерявшійся Паскевичъ.

— Идти и побить Аббаса-Мирзу, тогда и сердарь увидетъ! — отвѣчалъ одинъ за всѣхъ Симоничъ.

Паскевичъ согласился, и сраженіе было рѣшено.

Извѣстіе, принесенное татариномъ, оказалось ложнымъ. Эриванскій ханъ хотѣлъ сдѣлать это движеніе, но не успѣлъ. Объ его намѣреніяхъс воевременно былъ увѣдомленъ Ермоловъ, который демонстративнымъ движеніемъ на него сдержалъ его на мѣстѣ.

Русскіе приготовились встрѣтить персовъ въ семи верстахъ за Елисаветполемъ. Войска построились въ двѣ линіи съ резервомъ. Въ интервалахъ линіи стояли нижегородскіе драгуны. Командовалъ боемъ Мадатовъ.

Около десяти часовъ утра 13-го сентября передъ ними словно изъ-подъ земли выросла тридцатипятитысячная армія Аббаса-Мирзы. Впереди вогнутой линіей растянулись 18 батальоновъ сарбазовъ (регулярная пѣхота), прикрытыхъ на лѣвомъ флангѣ густой конницей, съ артиллеріей въ центрѣ и курдской конницей на правомъ флангѣ. Въ резервѣ стояли джамбазы — гвардейская пѣхота, а за ними — регулярная кавалерія.

Аббасъ-Мирза былъ увѣренъ въ побѣдѣ. Онъ самъ начальствовалъ боемъ и былъ у центра войска. Русскія войска въ безмолвіи стояли на высотахъ Зазалъ-Ахъ.

Паскевичъ на первыхъ-же порахъ показалъ себя храбрецомъ. Онъ вышелъ за фронтъ и усѣлся одинъ впереди на барабанъ, открытый для всѣхъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Когда къ нему подъѣхалъ Вельяминовъ и доложилъ, что пора аттаковать непріятеля, главнокомандующій, „сурово“ взглянувъ на него, сказалъ:

— Мѣсто русскаго генерала подъ ядрами!

Вельяминовъ, ничего не сказавъ, отъѣхалъ.

Самъ храбрецъ, но храбрецъ не показной, не гнавшійся за дешевыми эффектами, этотъ кавказскій герой зналъ, что главнокомандующій, держащій въ своихъ рукахъ судьбу цѣлаго отряда, исходъ всего сраженія, не имѣетъ права рисковать собой... Впрочемъ, Паскевичъ, показавшій свою храбрость, и самъ скоро ушелъ съ своего мѣста...

Между тѣмъ, время подходило къ полудню. Непрія-

тельская армія Аббаса, распустивъ знамена, съ барабаннымъ боемъ стала приближаться къ русской позиціи и, остановившись не далѣе пушечнаго выстрѣла, стала развертываться вправо и влѣво.

Русскія войска тоже приготовлялись къ бою. Князь Мадатовъ обходилъ ряды пѣхоты, располагалъ орудія на позиціяхъ и ободрялъ солдатъ. Его спокойствіе служило ручательствомъ побѣды.

— Ребята, не жалѣйте пролить кровь за государя,— говорилъ онъ солдатамъ. — Подпускай персіанина, ему труднѣе будетъ уходить. — Подъѣхавъ къ казакамъ, начальникъ боевыхъ линій продолжалъ: — держитесь часъ,— непріятель подается!

Мѣстность, на которой находились оба противника, представляла равнину, имѣвшую весьма малую покатость къ Курѣ. Позиція русскихъ пересѣклась нѣсколькими оврагами, гдѣ часть войска могла укрываться до самой рѣшительной минуты аттаки. Персіане расположились полумѣсяцемъ, за которымъ стояли въ резервѣ тѣлохранители Аббасъ-Мирзы. Въ такомъ боевомъ положеніи неподвижно стояли другъ передъ другомъ двѣ враждебныя арміи; ни та, ни другая не хотѣла начинать сраженіе.

Такъ прошло около часа.

Сравнивая свои и непріятельскія силы, Паскевичъ началъ колебаться и даже, по словамъ извѣстнаго партизана Отечественной войны, Давыдова, намѣренъ былъ отступить подъ защиту города, но только настоянія Мадатова и Вельяминова, прекрасно знавшихъ нравственный духъ персовъ, заставили его принять сраженіе.

Этого колебанія не отрицалъ и преданный Паскевичу графъ Симоничъ, такъ описывающій моментъ перѣшительности обѣихъ арміи:

„Боясь упустить благопріятный случай, онъ обратился къ Паскевичу со слѣдующими словами:

„— Позвольте намъ аттаковать непріятеля. Наши кавказскіе солдаты не привыкли обороняться, — они нападаютъ.

„— Увѣрены-ли вы въ побѣдѣ?—спросилъ Паскевичъ.

„— Да, увѣренъ, — отвѣчалъ Симоничъ,—и вотъ мой товарищъ Грековъ тоже отвѣчаетъ головой за успѣхъ.

„— Ну, такъ идите съ Богомъ!—объявилъ Паскевичъ.

„Обрадованные офицеры поскакали къ своимъ частямъ, и первый изъ нихъ, подъѣхавъ къ войскамъ, сказалъ:

„— Братцы, ширванцы, ступайте смѣло: грузинцы за вами, васъ не выдадутъ!“

И русскія линіи, крикнувъ „ура“, зашевелились.

Вскорѣ непріятельская пѣхота, поддержанная своей артиллеріей, начала наступать фронтально и дѣйствовать правильнымъ батальнымъ огнемъ; вслѣдъ за этимъ загремѣли и русскія орудія. Ввиду этого персіане измѣнили свою аттаку и двинули пѣхоту на лѣвый флангъ русскаго расположенія, а конницу послали въ обходъ его, на крайній дивизіонъ нижегородскихъ драгунъ.

Персидская конница обскакала первую линію и, опрокинувъ казаковъ, понеслась на двѣ роты грузинскаго полка.

Молодцы гренадеры отбили аттаку ружейнымъ огнемъ, потому непріятельская конница была принуждена отхлынуть назадъ; но за нею показались густыя массы персидской пѣхоты.

Настала критическая минута. Паскевичъ, все время слѣдившій за ходомъ боя, обходилъ пѣшкомъ интервалы русскихъ войскъ. Видя смѣлое движеніе сарбазовъ, онъ подозвалъ къ себѣ командира нижегородскаго драгунскаго полка, генерала Шабельскаго, и, указавъ рукою на подходившіе непріятельскіе батальоны, сказалъ:

— Истребите ихъ.

Шабельскій поскакалъ къ полку, подалъ сигналъ, и 3-й дивизіонъ, взявъ правымъ плечомъ, началъ развертывать фронтъ. Вотъ грянула команда „маршъ-маршъ“ — и дивизіонъ понесся. Послышался оглушительный залпъ въ аттакующую конницу. Подъ Шабельскимъ была убита лошадь. Несмотря на это, драгуны вломились въ непріятельскій батальонъ и персы были вмигъ стоптаны и ложились одинъ за другимъ подъ ударами шашекъ нижегородцевъ. Когда-же непріятельская конница бросилась помогать своей пѣхотѣ, то 2-й дивизіонъ нижегородскаго полка направился мимо скалистаго оврага и обхватилъ непріятеля съ фланговъ и тыла. Началась страшная, безпощадная рукопашная схватка. Персидская конница бѣжала съ поля сраженія. Непріятель, разбившись на мелкія кучки, залегъ въ канавахъ и густомъ кустарникѣ. Храбрые нижегородцы стремительнымъ ударомъ выбили врага и изъ этого послѣдняго прикрытія. Здѣсь былъ раненъ штыкомъ ворвавшійся въ ряды непріятеля прапорщикъ Язонъ Чавчавадзе. Персидское знамя, съ изображеніемъ золотого льва, кото рый держитъ

въ лапѣ обнаженный мечъ, развѣвалось надъ головой какого-то всадника, но во время этой аттаки оно было взято драгунскимъ унтеръ-офицеромъ.

Между тѣмъ, князь Мадатовъ, съ батальонами грузинскаго, ширванскаго и 41-го егерскаго полковъ, совмѣстно со 2-мъ дивизіономъ нижегородскихъ драгунъ, перешелъ въ рѣшительное наступленіе. Едва разсѣялся дымъ и немного улеглась поднятая скачкою пыль, какъ далеко вдали, на горизонтѣ, виднѣлись остатки разбитой и бѣжавшей съ поля сраженія конницы, а вокругъ валялись обезглавленные и раненые сарбазы.

Видя бѣгство персовъ, генералъ Шабельскій, построивъ свои дивизіоны, направился на помощь русской пѣхотѣ, сражавшейся въ центрѣ, которая, двинувшись на 18 непріятельскихъ батальоновъ, опрокинула персіанъ. Какъ разъ въ эту минуту показался Шабельскій со своими нижегородцами. Драгуны кинулись въ ряды смятыхъ персидскихъ батальоновъ и стали рубить ихъ. Персы были опрокинуты, и горячее преслѣдованіе ихъ продолжалось 12 верстъ, до самой Куракчайской почтовой станціи, гдѣ драгуны съ казаками захватили весь непріятельскій лагерь.

На правомъ флангѣ русской позиціи двѣ роты херсонскаго полка, два орудія и 1-й дивизіонъ нижегородскихъ драгунъ были принуждены отойти къ Елисаветполю, но присланныя Паскевичемъ шесть ротъ 7-го карабинернаго полка помогли отбросить непріятеля къ пограничнымъ горамъ и отрѣзать персіанамъ путь къ отступленію. Здѣсь они были настигнуты кн. Мадатовымъ, который съ восемью ротами, эскадрономъ драгунъ, четырьмя орудіями и двумя казачьими полками, окруживъ непріятельскую пѣхоту, удачнымъ картечнымъ огнемъ заставилъ персіанъ положить оружіе.

Сейчасъ-же послѣ сраженія былъ сформированъ особый отрядъ, подъ начальствомъ князя Мадатова, который и двинулся по пятамъ бѣжавшихъ персіанъ, но непріятель, поспѣшно отступивъ, вышелъ изъ-подъ ударовъ русскихъ войскъ.

Персы отошли къ границамъ, такъ что 15-го сентября они были уже въ Хачинѣ, отстоящемъ въ 60-ти верстахъ отъ мѣста боя, а 18-го числа Аббасъ-Мирза при устьѣ Асландуза перешелъ вбродъ рѣку Араксъ.

Такимъ образомъ, всѣ земли, занятыя непріятелемъ, сразу были очищены.

V.

Персидскій походъ.

Нашествіе Аббаса-Мирзы не прошло безслѣдно для только что присоединенныхъ къ русскимъ владѣніямъ татарскихъ ханствъ. Въ нихъ началось открытое возмущеніе, потребовавшее для своего укрощенія самого Ермолова. Когда Алексѣй Петровичъ явился туда, пройдя всѣ возмутившіяся ханства до Баку, возмутились лезгины-джарцы и ихъ многочисленныя скопища ворвались въ Кахетію. Противъ нихъ двинулся съ войсками уже хорошо извѣстный имъ князь Эристовъ. Онъ перешелъ съ своимъ отрядомъ Алазань, но для полнаго успокоенія лезгинъ понадобился опять-таки Ермоловъ. Только, когда онъ появился въ охваченныхъ возмущеніемъ мѣстностяхъ, лезгины успокоились и даже безпрекословно выдали грозному русскому вождю заложниковъ.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать, какъ относились горцы къ Алексѣю Петровичу. Много лѣтъ спустя, когда Ермоловъ проживалъ въ Россіи въ качествѣ частнаго человѣка, достаточно было одного только слуха, что онъ снова назначается на Кавказъ, чтобы возставшія горскія племена не только смирялись сами, но даже приготовляли заложниковъ, которыхъ непремѣнно долженъ былъ потребовать отъ нихъ „грозный Ярмулъ“. Такъ велики были у горцевъ почтеніе къ Алексѣю Петровичу и страхъ передъ нимъ.

Когда Ермоловъ былъ занятъ въ ханствахъ, Паскевичъ, ставшій лагеремъ на р. Черекешѣ, рвался за Аксъ, намѣреваясь вторженіемъ въ Иранъ и покореніемъ Тавриза побѣдоносно закончить войну. Но Ермоловъ, бывшій въ то время все еще полновластнымъ распорядителемъ края, не допустилъ этого похода до конца 1826 г. Русскія войска, составлявшія отрядъ Паскевича, зазимовали въ Карабахѣ. Во время этой зимовки Мадатовымъ была совершена экспедиція за Аксъ въ Муганскую степь. Цѣлью этой экспедиціи было очищеніе степи отъ кочевыхъ племенъ, которыя, будучи вытѣснены изъ нея въ Карадагъ, принадлежавшій Персіи, должны были произвести тамъ безпорядки, что, по мнѣнію Ермолова, отвлекло-бы вниманіе персовъ и ихъ армію отъ новаго вторженія въ предѣлы русскаго Карабаха. Начальство въ этой экспедиціи Ермоловъ поручилъ Мадатову, блистательно выполнившему все предпріятіе.

Паскевичъ принялъ за личное оскорбленіе неразрѣшеніе продолжать походъ послѣ елисаветпольской побѣды и экспедиціи Мадатова, и съ этого времени особенно усиленно посылались въ Петербургъ доносы, вызвавшіе присылку на Кавказъ Дибича.

Когда Дибичъ явился, Ермоловъ уже имѣлъ предписаніе о весеннемъ походѣ на Эриванъ и былъ занятъ подготовленіемъ къ этому походу, конечной цѣлью котораго являлся Тавризъ, откуда, но уже въ слѣдующемъ 1828 г., предполагался походъ на Тегеранъ. Однако, императоръ Николай Павловичъ рѣшительнымъ предписаніемъ Дибичу ограничилъ всѣ предположенія Ермолова лишь присоединеніемъ Эриванскаго ханства и запретилъ принятіе всякаго подданства по той сторонѣ Аракса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, 28-го марта 1827 г. Ермоловъ былъ уволенъ, и 29-го на мѣсто его командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса со всѣми правами, властью и преимуществами главнокомандующаго дѣйствующей арміей былъ назначенъ Паскевичъ.

Съ удаленіемъ Ермолова произошли большія перемѣны въ составѣ высшаго начальства Кавказскаго корпуса. Сошли со сцены всѣ сподвижники Алексѣя Петровича, покорившіе вмѣстѣ съ нимъ для Россіи Кавказъ. Явились новые люди, незнакомые ни съ краемъ, ни съ кавказскими войсками. Начальникомъ штаба корпуса, вмѣсто Вельяминова, былъ назначенъ ген.-л. Красовскій, храбрецъ и герой, но человѣкъ слишкомъ односторонній и личный врагъ Ермолова; мѣсто Мадатова, начальствовавшаго до того въ Карабахѣ, занялъ только что передъ тѣмъ просившійся въ полиціймейстеры ген.-маіоръ Панкратьевъ. Управленіе гражданскою частью въ краѣ и начальство надъ оставляемыми въ Грузіи резервами было поручено тифлисскому военному губернатору ген.-ад. Сипягину. Въ распоряженіе Паскевича были присланы изъ Петербурга два генерала: К. Бенкендорфъ и гр. Сухтеленъ; начальникомъ инженеровъ былъ назначенъ ген.-л. Трузсонъ.

Паскевичъ очень спѣшилъ съ началомъ военныхъ дѣйствій, и уже въ началѣ апрѣля 1827 г. русскій авангардъ, изъ двухъ батальоновъ грузинскаго, двухъ батальоновъ ширванскаго полковъ и батальона карабинеровъ, подъ предводительствомъ ген. Бенкендорфа, вступилъ въ предѣлы Эриванскаго ханства. Этотъ авангардный отрядъ не былъ даже въ достаточной мѣрѣ снабженъ провіан-

томъ. Паскевичъ расчитывалъ, что армянское населеніе персидской области будетъ само продовольствовать войска. Но расчетъ не оправдался; армяне были истощены постоемъ персидскихъ войскъ. Отрядъ Бенкендорфа, занявшій Эчміадзинъ 13-го апрѣля, голодалъ; послать провіантъ изъ Грузіи было невозможно: его не было тамъ въ достаточномъ количествѣ, а также не было организовано транспортированіе обозовъ. Попытки Паскевича вызвать волненіе въ Тавризѣ тоже не удались — край остался спокойнымъ; самого его держали въ Тифлисѣ подготовленія къ походу и держали такъ, что онъ могъ выѣхать изъ столицы лишь въ половинѣ мая и только черезъ мѣсяцъ добраться до главныхъ силъ своего корпуса.

Еще при выѣздѣ изъ Тифлиса Паскевичъ получилъ частное увѣдомленіе о томъ, что умеръ шахъ персидскій Фехтъ-Али (Баба-ханъ). Оффиціальнаго увѣдомленія объ этомъ еще не было получено, и, когда Аббасъ-Мирза попробовалъ было начать переговоры о мирѣ, Паскевичъ отказался отъ нихъ, заподозрѣвъ, что Аббасъ только съ тѣмъ и посылалъ къ нему уполномоченныхъ, чтобы развѣдать о силахъ его корпуса.

Подъ Эриванью Паскевичъ, убѣдившійся, что взятіе этой крѣпости безъ предварительнаго ея подготовленія къ штурму артиллеріей невозможно, а также знавшій, что осадной артиллеріи у него не было, рѣшилъ ограничиться пока только блокадою крѣпости. Въ то-же время онъ рѣшилъ овладѣть Нахичеванью, что должно было повести за собою успокоеніе всѣхъ окрестныхъ кочевыхъ племенъ.

По армянскимъ легендамъ, Нахичеванъ, это — мѣсто перваго поселенія праведнаго Ноя послѣ его выхода изъ ковчега; въ переводѣ съ армянскаго языка самое слово это означаетъ „тихое пристанище“. Позднѣйшія преданія указываютъ, что Нахичеванъ, это — мѣсто поселенія выведенныхъ послѣ покоренія Іудеи Навуходоносоромъ евреевъ; отсюда-же армянскіе историки выводятъ знаменитую армянскую династію царей Багратидовъ. Исторія Нахичевани, въ древности одного изъ богатѣйшихъ городовъ Востока, полна всякихъ бѣдствій. Этотъ городъ много разъ переходилъ то къ армянамъ, то къ туркамъ, то къ персамъ. Каждый завоеватель разрушалъ его; не разъ все населеніе Нахичевани было поголовно вырѣзываемо. Шахъ Аббасъ уничтожилъ Нахичеванъ, не желая, чтобы она доставалась туркамъ; только при шахѣ Надирѣ этотъ городъ и его область были окончательно

укрѣплены за Персіей. Когда явились русскіе, Нахичевань была жалкимъ городишкомъ всего только съ пятью тысячами населенія. Овладѣть Нахичеванью Паскевичу удалось 29-го іюня безъ боя, но, чтобы укрѣпить ее за собой, онъ долженъ былъ взять сильную персидскую крѣпость на Араксѣ—Аббасъ-Абадъ. 1-го іюля крѣпость была осаждена, а четвертаго на выручку ея явился съ своей арміей Аббасъ-Мирза. На военномъ совѣтѣ, собранномъ по этому поводу, было рѣшено аттаковать персовъ. Пятаго іюля произошелъ за Араксомъ, куда выдвинулись русскія войска, бой у ручья Джеванбулака, и персы были разбиты на-голову. Честь рѣшительной побѣды принадлежала русскимъ кавалеристамъ, и послѣдствіемъ ея была сдача 7-го іюля Аббаса-Абада.

Послѣ сдачи этой крѣпости Аббасъ-Мирза снова началъ мирные переговоры. Паскевичъ приказалъ объявить, что миръ можетъ быть заключенъ, но Россія должна получить по нему Эриванскую и Нахичеванскую области и, кромѣ того, Персія должна возмѣстить всѣ военныя издержки. Вести переговоры съ Аббасъ-Мирзою Паскевичъ отправилъ знаменитаго уже въ то время А. С. Грибоѣдова. Переговоры не привели ни къ чему. Аббасъ-Мирза не соглашался на уступку областей, а требовалъ десятимѣсячнаго перемирія.

Паскевичъ рѣшилъ продолжать военныя дѣйствія.

Русскимъ приходилось спѣшить. Въ отрядѣ Паскевича были войска, недавно только явившіяся въ Закавказье и непривычныя къ климату. Среди нихъ развились болѣзни, значительно уменьшившія ихъ численность. Персы-же, между тѣмъ, становились все дѣятельнѣе и дѣятельнѣе. Они пользовались каждымъ случаемъ тревожить русскіе отряды. Аббасъ-Мирза принудилъ оставленнаго для блокады Эривани ген. Красовскаго отойти отъ крѣпости, а затѣмъ нападеніемъ на Эчміадзинъ вынудилъ его принять сраженіе при очень невыгодныхъ для русскихъ условіяхъ. Это сраженіе произошло 17-го августа. Съ двумя тысячами солдатъ Красовскій пробился черезъ тридцатитысячную армію персовъ въ Эчміадзинъ и заставилъ этимъ Аббаса-Мирзу отступить къ р. Зангъ. Въ это время явилась осадная артиллерія, но Паскевичъ попрежнему мечталъ о походѣ на Тавризъ и мало обращалъ вниманія на Эривань. Однако, вступленіе Аббаса-Мирзы въ Эриванскую область, кровавый бой съ Красовскимъ 17-го августа, а еще болѣе того на-

столтельное предписаніе изъ Петербурга вынудили его покончить прежде Тавриза съ Эриванью.

VI.

Эриванская побѣда.

Эривань, которую напрасно старались взять Циціановъ и Гудовичъ, также въ армянскихъ легендахъ отмѣчена, какъ мѣсто, извѣстное еще праотцу Ною. Когда ноевъ ковчегъ приткнулся на Араратѣ и патріархъ сталъ выпускать птицъ, дабы опредѣлить, убываетъ-ли вода, одна изъ нихъ въ виду ковчега опустилась на обнажившуюся отъ воды площадку. „Эривуме!“ — будто воскликнулъ тогда Ной и, по выходѣ изъ ковчега, раскинулъ здѣсь первое свое поселеніе. Слова праотца въ переводѣ значатъ: „вотъ видно!“, и отъ этого восклицанія получило свое наименованіе и его первое селеніе. Итакъ, Эривань, если вѣрить преданію, существовала еще въ библейскія времена. Въ историческое время она принадлежала то персамъ, то туркамъ и осталась за первыми со временъ шаха Аббаса. Было, впрочемъ, недолгое время, когда грузинскому царю Ираклію удалось подчинить эриванскаго сердаря себѣ, но шахъ Ага-Магометъ снова возвратилъ Эриваць Персіи.

По внѣшности своей Эривань казалась неприступною. На крутомъ утесистомъ берегу рѣки Занги стояла защищенная поразительно крѣпкой кладки стѣнами крѣпость, съ многочисленными бастіонами и башнями. Крѣпость съ суши опоясывалъ глубокій полный воды ровъ; изъ-за стѣнъ глядѣли куполы многочисленныхъ мечетей и тонкія, какъ иглы, башни минаретовъ. Начальствовалъ въ крѣпости сердарь Гассанъ-ханъ, уже отстоявшій Эриваць отъ грознаго Циціанова. Подходы къ Эривани защищались другой крѣпостью, Сардарь-Абадъ, которую русскимъ необходимо было взять для того, чтобы подойти къ первой.

Обладаніе Эриванью въ это время представлялось для Россіи болѣе важнымъ, чѣмъ покореніе Тавриза. Готова была вспыхнуть война съ Турціей, и Эривань вмѣстѣ съ взятою уже крѣпостью Аббасъ-Абадъ должны были явиться конечными пунктами операціонной линіи, продовольственными пунктами для предстоявшей войны на два фронта. Поэтому-то Паскевичу и дано было изъ Петербурга категорическое предписаніе взять Эривань.

Обстоятельства благопріятствовали Паскевичу: Аббасъ-

Мирза, ожидавшій движенія русскихъ на Тавризъ, отступилъ въ свои владѣнія, предоставивъ Эривань ея участи. Этимъ воспользовался главнокомандующій, и 12-го сентября его отрядъ окружилъ Сардарь-Абадъ. Въ два дня были закончены всѣ осадныя работы, и 15-го сентября уже загрохотала русская артиллерія — пока еще не осадная, незадолго передъ тѣмъ подвезенная къ отряду. Орудія были установлены въ такомъ секретѣ, что персіане растерялись при первыхъ-же выстрѣлахъ и почти безпрепятственно позволили русскимъ устаповить осадныя орудія.

18-го сентября персы впервые услыхали залпы этихъ громадныхъ чудовищъ, отъ рева которыхъ „тряслась земля, сыпались верхушки башенъ въ глубокій ровъ и крѣпость представлялась окутанной дымомъ. Непрочныя азіатскія строенія рушились съ шумомъ и грохотомъ, хороня подъ развалинами своихъ несчастныхъ жителей, искавшихъ въ нихъ убѣжища. Особенное впечатлѣніе производила бомбардировка ночью, когда на темномъ небѣ зловѣщими огненными точками вспыхивали гранаты, бомбы, вносившія смерть и опустошеніе въ самые дома обывателей“.

Въ крѣпость явился самъ эриванскій сердарь Гассанъ-ханъ. Онъ сразу понялъ, что противъ осадныхъ орудій, громившихъ Сардарь-Абадъ двое сутокъ, ему не устоять, и, воспользовавшись взрывомъ порохового погреба въ одной изъ русскихъ траншей, успѣлъ вывести изъ крѣпости весь свой гарнизонъ. Русскихъ увѣдомилъ объ этомъ кто-то изъ армянъ. Сардарь-Абадъ былъ занятъ карабинерной ротой полковника Золотарева, а въ погоню за Гассанъ-ханомъ были отправлены нижегородскіе драгуны и чугуевскіе уланы. Имъ удалось нагнать отступавшихъ уже ночью, и среди тьмы завязалась горячая битва. Рубиться приходилось наобумъ, по къ утру на мѣстѣ боя оказалось болѣе пятисотъ труповъ изрубленныхъ персовъ, да около трехъ сотенъ ихъ было взято въ плѣнъ. Гассанъ-ханъ съ остатками успѣлъ уйти въ Эривань.

20-го сентября Паскевичъ вступилъ въ крѣпость. Путь русскимъ на Эривань былъ открытъ.

Въ Сардарь-Абадѣ русскіе не засидѣлись. Послѣ тщательной рекогносцировки Эривани на военномъ совѣтѣ 24-го сентября былъ составленъ планъ овладѣнія ею и 25-го уже началось предварительное обстрѣливаніе изъ

полевыхъ орудій. Въ этотъ-же день закипѣла въ войскахъ спѣшная работа: готовили туры и фашины, и на слѣдующій день на крутомъ и высокомъ Георгіевскомъ холмѣ, всего въ трехстахъ сажепяхъ отъ восточной стѣны крѣпости, были установлены шесть тяжелыхъ орудій. 27-го сентября, послѣ того какъ цѣлую ночь проработали надъ сооруженіемъ баттарей свыше 2.000 человѣкъ подъ жестокимъ огнемъ персовъ, на Эривань смотрѣли жерла восемнадцати русскихъ пушекъ. Саперныя работы велись съ замѣчательнымъ воодушевленіемъ. „Лунный свѣтъ,— говоритъ о нихъ всеподданнѣйшее донесеніе Паскевича,— открытіе непріятелемъ работающихъ, живая ружейная пальба, ничто не остановило ни инженеровъ, ни піонеровъ, ни гвардейскій батальонъ, бывшій въ прикрытіи, ни работающихъ изъ числа солдатъ ширванскаго карабинернаго, 39-го егерскаго и севастопольскихъ полковъ".

29-го сентября полдня работали осадныя орудія, и подъ ихъ жестокимъ огнемъ рухнула часть стѣны Эривани съ юго-восточной башней. Гассанъ-хану послѣ этого было предложено сдаться, но онъ даже не далъ отвѣта; тогда рѣшено было въ ночь на первое октября штурмовать крѣпость. На другой господствующей надъ Эриванью горѣ, Иракліевой, была поставлена еще шестиорудійная баттарея, и весь день 30-го сентября продолжалось жесточайшее бомбардированіе крѣпости. Пушки мѣтко дѣлали свое дѣло разрушенія. Бреши въ крѣпостной стѣнѣ все увеличивались. Большинство домовъ Эривани было разрушено. Самая крѣпость была вся укутана въ облака порохового дыма и подъ прикрытіемъ его русскіе подвигались летучею сапою все ближе и ближе къ крѣпостному глассису. Наконецъ, рабочіе подошли такъ близко, что изъ Эривани были ясно слышны вопли женщинъ и дѣтей, умолявшихъ сердаря о сдачѣ. Гассанъ-ханъ оставался непреклоннымъ, а въ это время русскіе были уже подъ самымъ глассисомъ. Тогда неукротимый сердарь рѣшился на послѣднюю отчаянную попытку. Вдругъ въ ночной тьмѣ эриванскія стѣны разомъ были ярко освѣщены, такъ что непріятель сразу обнаружилъ и русскихъ рабочихъ, и русскія баттареи. Сейчасъ-же съ крѣпостной стѣны въ русскихъ посыпался градъ пуль и картечи, понеслись ядра. Непріятельскій огонь былъ настолько силенъ, что должны были ударить отбой. Сводный гвардейскій полкъ, прикрывавшій рабочихъ, сталъ отходить, но опять загрохотали сорокъ русскихъ пушекъ, и грохотъ

ихъ не смолкалъ уже до разсвѣта. Эривань горѣла, пушки сердаря были принуждены молчать, но Гассанъ-ханъ попрежнему отказывался отъ сдачи. Съ своими уцѣлѣвшими войсками онъ попробовалъ было пробиться, но егеря, чугуевскіе улапы и казаки не пропустили его черезъ русское живое кольцо, и отчаянный сердарь вернулся въ Эривань.

Крѣпость была уже вся въ огнѣ. По словамъ историка В. Потто, ни одно строеніе не уцѣлѣло отъ разрушительнаго дѣйствія русскихъ снарядовъ на плоскія кровли домовъ, на куполы мечетей. Многіе жители погибли подъ развалинами. Смятеніе въ городѣ было ужасное. Женщины и дѣти съ воплями бѣгали по узкимъ улицамъ Эривани, стараясь укрыться отъ носившейся надъ ними смерти. Наконецъ, огромная толпа жителей бросилась къ Гассанъ-хану съ требованіемъ, чтобы онъ сдался, но сердарь на просьбы отвѣчалъ проклятіями...

Такъ прошла эта страшная для эриванцевъ ночь.

Наступилъ разсвѣтъ, и жители увидѣли, что русскія войска уже подошли къ самому рву и стоятъ на краю его. Тогда отчаяніе овладѣло несчастными. Не зная, куда укрыться отъ русскихъ снарядовъ, они бросились на башни и валы. Одни, становясь на колѣна, махали бѣлыми платками, другіе кричали, что они сдаются, третьи подъ градомъ пуль спускались въ ровъ и перебѣгали въ русскія траншеи.

Пора было кончить съ Эриванью.

Шесть ротъ сводnаго гвардейскаго полка, по приказанію командовавшаго въ траншеяхъ ген. Лантева, несмотря на ружейный огонь непріятеля, овладѣли юго-восточной башней, остальныя-же роты, вмѣстѣ съ рабочими отъ севастопольскаго и 39-го егерскаго полковъ, подошли къ сѣвернымъ воротамъ и стали вольнымъ строемъ въ ожиданіи, пока отворятъ ихъ. Начальствовавшій въ осадномъ отрядѣ ген. Красовскій съ ген.-ад. Сухтеленомъ, ген.-маіоромъ Лантеевымъ и оберъ-аудиторомъ Бѣловымъ, владѣвшимъ татарскимъ языкомъ, смѣло перешли ровъ и остановились у самыхъ воротъ крѣпости. Изъ-за нихъ доносился шумъ, ясно показывавшій, что тамъ спѣшно разбрасываютъ завалы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слышались крики, по тону которыхъ можно было судить, что кто-то энергично воспрещаетъ это. Красовскій приказалъ Бѣлову громко сказать, чтобы ворота немедленно были отворены. Тотъ едва успѣлъ исполнить это распоряженіе,

какъ былъ на-смерть пораженъ пулей. Это былъ послѣдній выстрѣлъ, раздавшійся изъ Эривани. По разсказамъ очевидцевъ, стрѣлялъ самъ Гассанъ-ханъ. Немедленно послѣ этого ворота распахнулись, и русскія войска вступили въ побѣжденную ими крѣпость.

Однако, Гассанъ-ханъ былъ неукротимъ. Онъ успѣлъ заложить и поджечь фитиль къ пороховой башнѣ, и крѣпость взлетѣла-бы на воздухъ, если-бы опасность не была во-время замѣчена поручикомъ л.-гв. финляндскаго полка Лемяниымъ, успѣвшимъ погасить фитиль. Послѣ этого гарнизонъ сдался, но Гассанъ-ханъ съ нѣсколькими изъ своихъ приверженцевъ успѣлъ запереться въ мечети. Красовскій самъ долженъ былъ штурмовать это зданіе, но зато самъ онъ своими руками имѣлъ удовольствіе обезоружить сердаря, а вмѣстѣ съ нимъ шесть главныхъ хановъ Эриванской области.

Такъ пала Эривань — послѣдній оплотъ персовъ въ Закавказьѣ.

Потери русскихъ въ сравненіи съ важностью этого пріобрѣтенія были незначительны: Эривань досталась Паскевичу почти даромъ.

Замѣчательно, что самъ главнокомандующій узналъ объ этомъ важнѣйшемъ событіи однимъ изъ послѣднихъ. Посланный къ нему съ словеснымъ донесеніемъ князь Голицынъ разбился при паденіи съ лошади и былъ привезенъ безъ чувствъ. Замѣчательно также и то, что взятіе Эривани не сопровождалось разграбленіемъ города, какъ это бывало въ подобныхъ случаяхъ ранѣе. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ штурма въ Эривань начали возвращаться бѣжавшіе передъ началомъ осады жители ея; явились даже купцы. Но видъ города былъ ужасенъ: „всемогущее время въ четыре вѣка не могло сдѣлать то, что въ четыре дня сдѣлала русская артиллерія“...

20-го октября русскіе праздновали свою побѣду.

Огромнымъ карре войска были построены передъ южными воротами крѣпости и тамъ былъ прочитанъ слѣдующій приказъ главнокомандующаго:

„Храбрые товарищи! Вы много потрудились за царскую славу, за честь русскаго оружія. Я былъ съ вами днемъ и ночью свидѣтелемъ вашей бодрости неусыпной, мужества непоколебимаго: побѣда всюду сопровождала васъ.

„Въ четыре дня взяли вы Сардарь-Абадъ; въ шесть — Эриванъ, ту знаменитую твердыню, которая слыла непри-

ступнымъ оплотомъ Азіи. Цѣлые мѣсяцы прежде осаждали ее, и въ народѣ шла молва, что годы нужны для ея покоренія. Вамъ стоило провести нѣсколько дней безъ сна, и вы разбили стѣны ея, стали на краю рва и навели ужасъ на ея защитниковъ. Эривань пала передъ вами, и нѣтъ вамъ болѣе противниковъ въ цѣломъ персидскомъ государствѣ: гдѣ ни появитесь — толпы непріятелей исчезнутъ передъ вами, завоевателями Аббасъ - Абада, Сардарь-Абада и Эриванн; города отворятъ ворота свои, жители явятся покорными и, угнетенные своими утѣснителями, соберутся подъ великодушную защиту вашу. Россія будетъ вамъ признательна, что поддержали ея величіе и могущество. Сердечно благодаренъ вамъ. Поздравляю васъ, храбрые офицеры и солдаты Кавказскаго корпуса! Мой долгъ донести великому государю истину о подвигахъ и славныхъ дѣлахъ вашихъ".

Здѣсь было совершено благодарственное Господу Богу молебствіе за дарованіе побѣды; по окончаніи его Паскевичъ пропустилъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ ликующія войска. Шли мимо него непобѣдимые кавказскіе батальоны, проходила красиво колышащимся строемъ вслѣдъ за стариками нижегородскими драгунами новичекъ-кавалерія, уланы, съ колыхавшимися надъ ними пестрыми значками, прогромыхала полевая артиллерія, проползли чудовищи, разгромившія Эривань — осадныя орудія, и каждую часть, можетъ быть, въ эти минуты искреннимъ привѣтствіемъ встрѣчалъ и провожалъ надменный главнокомандующій...

Память эриванской побѣды осталась въ такой сочиненной тутъ-же, на мѣстѣ, солдатской пѣснѣ:

Не туманъ изъ-за моря тучей поднялся,
Не туманъ, не дождичекъ—нѣтъ!—орелъ взвился.
Бѣлый, какъ лебедушко, зоркій, какъ орелъ,
Онъ полки россійскіе въ Персію повелъ.
Первый подвернулся намъ самъ Аббасъ-Мирза,
Мы Мирзѣ съ мирзятами плюнули въ глаза.
И, въ глаза имъ плюнувши громовымъ огнемъ,
Къ Эриванской крѣпости шли минуту съ днемъ...
А, пришедши, начали, видя вражью мочь,
Шанцы, баттареюшки строить день и ночь;
А, построивъ, въ исхристя прежде чѣмъ палить,
Пушечки, мортирочки стали наводить;
А потомъ, ребятушки, какъ пришла пора,
Крикнули по-нашему русское «ура».
Крикнули, ударили, понеслись на брань
И въ секунду съ четвертью взяли Эривань.
Графъ-же Иванъ Ѳедорычъ, наша голова,

Тотчасъ въ ней отпраздновалъ праздникъ Покрова,
И, Мирзѣ Мирзовичу снова давъ трезвонъ,
Царство басурманское все забралъ въ полонъ.

VIII.

Гремитъ слава трубой.

Паскевичъ утопалъ въ лучахъ своей славы.

Взятіе Эривани обезпечивало ему Тавризъ, а обладаніе Тавризомъ знаменовало обладаніе всѣмъ сѣверомъ Персіи. Тавризъ, Тавризъ! столица могучаго Адербейджана, великолѣпнѣйшій городъ сказочнаго Востока, родина Зороастра, величайшаго изъ иранскихъ вѣроучителей, основателя религіи огнепоклонниковъ, Тавризъ—городъ знаменитаго Гарунъ-Аль-Рашида, этого героя-калифа, передъ которымъ благоговѣлъ весь Востокъ — Паскевичъ видѣлъ Тавризъ уже покореннымъ и даже не стремился къ нему, дабы славою взятія Эривани не умалить славы взятія Тавриза...

Но—увы!—судьба на этотъ разъ не побаловала новыми лаврами своего баловня... Славу взятія Тавриза вырвали изъ рукъ Паскевича — и вырвали совершенно неумышленно—два второстепенныхъ начальника—кн. Эристовъ и полковникъ Муравьевъ, впослѣдствіи знаменитый намѣстникъ Кавказа, Муравьевъ-Карсскій...

Паскевичъ, взявъ Нахичевань, оставилъ тамъ съ небольшимъ отрядомъ стараго кавказскаго вояку, кн. Эристова, сподвижника еще Циціанова. Эристовъ не былъ политикомъ и совершенно не вѣдалъ „науки угождать сильнымъ міра сего“. Онъ умѣлъ побѣждать горцевъ, татаръ, персовъ, любилъ кавказскаго солдата, въ которомъ видѣлъ героя, но „держать политику“ не умѣлъ. Солдаты звали его въ глаза „батушкой“, передразнивая его нечистый выговоръ, и только посмѣивались, когда онъ вмѣсто „здорово, ребята!“, выкрикивалъ фронту: „какъ ваше здоровье?“, но войска любили и уважали его и готовы были идти за нимъ и въ огонь, и въ воду. Паскевичъ не особенно довѣрялъ сообразительности Эристова, а потому и оставилъ при немъ начальника своего штаба, Николая Николаевича Муравьева. Этотъ Муравьевъ былъ человѣкъ громаднаго ума, величайшей честности и, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ Эристовъ, не умѣлъ „дѣлать политики“. Оставлены были Эристовъ и Муравьевъ, чтобы соотвѣтствующими демонстраціями отвлечь отъ Эривани къ На-

хичевани Аббаса-Мирзу и его армію. Это вполнѣ удалось имъ. Но мало того, что удалось, Аббасъ-Мирза сталъ отступать передъ ними, и русскій отрядъ незамѣтно для самого себя вышелъ на прямую дорогу къ Тавризу.

Въ это время между иранцами распространилась вѣсть о взятіи Эривани, и Аббасъ-Мирза былъ такъ перепуганъ, что отошелъ въ глубь страны, оставивъ Тавризъ безъ прикрытія. Эристовъ не соображалъ, какой передъ нимъ удобный случай овладѣть столицей злѣйшаго врага, но Муравьевъ зналъ не только о томъ, что Тавризъ беззащитенъ, но и о томъ, что адербейджанцы ненавидятъ Аббаса и готовы сдаться русскимъ, и рѣшилъ воспользоваться обстоятельствами и овладѣть столицей Адербейджана, хотя зналъ, что Эристовъ ни за что не согласится дѣйствовать безъ предварительнаго приказанія Паскевича.

Солдатскій „батушка“ оказался настолько недальновиденъ, что шелъ да шелъ все впередъ, пока не очутился съ своимъ отрядомъ подъ самымъ Тавризомъ и изъ города навстрѣчу русскимъ не вышли старѣйшины города съ ключами. Тутъ уже ничего иного не оставалось сдѣлать, какъ занять Тавризъ. Эристовъ ввелъ войска, и столица Адербейджана съ восторгомъ встрѣтила русскихъ...

Гнѣвъ Паскевича не зналъ предѣловъ, но противъ такой дѣйствительности ничего нельзя было подѣлать и онъ ограничился лишь тѣмъ, что устроилъ себѣ тріумфальный въѣздъ въ Тавризъ, мечтая уже о походѣ на Тегеранъ. Однако, лишь только Тавризъ былъ занятъ, персидскій шахъ, который, какъ теперь оказалось, и не думалъ умирать, сталъ просить о мирѣ и безпрекословно согласился на уступку Эривани и Нахичевани съ ихъ областями; но Паскевичъ требовалъ теперь, кромѣ того, еще контрибуцію въ тридцать милліоновъ рублей. Шахъ заупрямился на этомъ послѣднемъ условіи и началъ тянуть переговоры, а потомъ вдругъ объявилъ, что онъ отказывается отъ всѣхъ уже послѣдовавшихъ соглашеній и требуетъ, чтобы русскіе очистили Эривань и Нахичевань. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стало замѣтно, что дотолѣ приниженно покорные персы вдругъ подняли головы и начали вести себя съ непопятною дерзостью. Вскорѣ оказалось, что между Турціей и Россіей послѣдовалъ разрывъ и война между ними представлялась неизбѣжною. Это и ободрило персовъ. Они вообразили, что въ виду войны на два фронта русскіе пойдутъ на всякія уступки, но жестоко ошиблись. Паскевичъ повелъ русскія войска на Тегеранъ и

послѣдствіемъ этого движенія было то, что шахъ поспѣшилъ согласиться на всѣ условія, выторговавъ себѣ лишь небольшую уступку изъ общей суммы военной контрибуціи.

Миръ былъ подписанъ въ ночь съ 9-го на 10-е февраля 1828 г. въ бѣдной деревушкѣ Туркманчай и по тому миру, получившему названіе Туркманчайскаго, были присоединены къ Россіи Нахичеванское и Эриванское ханства и, кромѣ того, Россія пріобрѣла исключительное право плаванія по Каспійскому морю.

Успѣхи русскихъ въ этой войнѣ были таковы, что за Россіей тогда легко могъ остаться и весь Адербейджанъ съ Тавризомъ. Это и предлагалъ, и совѣтывалъ Паскевичъ, но всесильный въ то время министръ Нессельроде настоялъ на томъ, чтобы онъ ограничился пріобрѣтеніемъ только двухъ ханствъ.

Туркманчайскій миръ еще не былъ подписанъ, какъ разразилась уже война съ Турціей изъ-за освобожденія Греціи. На Кавказѣ, или, вѣрнѣе, въ Малой Азіи, военныя дѣйствія открылись 14-го іюня 1828 г. движеніемъ русскихъ войскъ къ Карсу. Командовалъ русскими войсками Паскевичъ. 18-го іюня онъ подошелъ къ Карсу и послѣ четырехдневной осады взялъ его, 23-го іюня. 15-го августа послѣ отчаяннаго сопротивленія былъ взятъ княземъ Чавчавадзе Ахалцыхъ. Появленіе чумы въ Закавказьѣ остановило побѣдное движеніе русскихъ, и въ 1829 г. турки перешли въ наступленіе. Они напрасно старались взять Ахалцыхъ у русскихъ. Паскевичъ превосходнымъ труднѣйшимъ движеніемъ черезъ Саганлыгъ обошелъ турецкую армію и нанесъ ей полное пораженіе у мѣстечка Кашаилы, а послѣ этого взялъ Эрзерумъ. Побѣды русскихъ подѣйствовали устрашающе на Порту и въ Андріанополѣ былъ подписанъ миръ, по которому Турція уступила Россіи почти все черноморское побережье съ крѣпостями Анапою, Поти, Ахалцыхомъ, Ацхуромъ и Ахалкалаки. Границей Россіи и Турціи въ Закавказьѣ былъ признанъ западный Арпачай.

Вскорѣ послѣ этого императоръ Николай I вызвалъ Паскевича для начальствованія арміей, дѣйствовавшей противъ польскихъ мятежниковъ, и Кавказъ на нѣкоторое время остался безъ хозяина...

А въ это время мюридизмъ уже принялъ среди кавказскихъ горцевъ вполнѣ опредѣленную и грозную для русскихъ форму.

ОЧЕРКЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Начало борьбы съ мюридизмомъ.

А. И. Лавинцева.

Гремитъ слава трубой,
Мы дрались за Лабой,
По горамъ твоимъ, Кавказъ,
Гремитъ слава о насъ.

Солдатская пѣсня.

I.

Подъ сіяніемъ побѣдъ.

Яркимъ солнцемъ горѣла надъ мусульманскимъ Востокомъ русская слава. Будто въ предсмертной агоніи, трепеталъ „Лѣсъ львовъ"—древній Иранъ—подъ богатырскими ударами русскихъ войскъ. Но эта слава сіяла впереди, а позади героевъ все еще оставался неприступный, неукротимый Кавказъ. Блескъ славы слѣпилъ вождей-героевъ, и они, ведя войска къ новымъ, но безполезнымъ побѣдамъ, равнодушно относились къ тому, что дѣлалось въ оставленныхъ позади горахъ.

Позволимъ себѣ здѣсь для очень краткаго напоминанія маленькое отступленіе, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ и сводомъ всего, что сказано о Кавказѣ ранѣе и что необходимо повторить при началѣ этого обзора.

Кавказъ, т. е., Кавказскій горный хребетъ, заселенъ семью основными народами, или племенами. На востокѣ его, въ Дагестанѣ, на неприступныхъ кручахъ и высотахъ, и въ прикаспійскихъ равнинахъ засѣли, какъ орлы, три кавказскихъ племени, извѣстныя у русскихъ подъ общимъ именемъ лезгинъ: ц у н т а—вдоль станового хребта,

обращеннаго къ Грузіи, аварское—на сѣверѣ Нагорнаго Дагестана и казикумыкское—къ востоку отъ первыхъ вплоть до Каспія. На сѣверномъ склонѣ горнаго хребта, перерѣзывающаго группу восточнаго Кавказа, по діагонали съ юго-запада на сѣверо-востокъ, жили чеченцы, или нохче; центръ Кавказа, самая его узкая и высокая часть, была заселена осетинами, называвшими себя также иронами; вся западная группа Кавказскихъ горъ вплоть до Чернаго моря и Кабардинская равнина была занята народомъ адыге, или черкесами, и, наконецъ, между западнымъ хребтомъ, Чернымъ моремъ и Мингреліей сидѣло абхазское племя. Итого семь народовъ, многочисленныхъ, стойкихъ, способныхъ къ упорному сопротивленію, занимавшихъ мѣстности, обращенныя самой природой въ неприступныя крѣпости. Но эти народы были въ то-же время безсильны. Каждый изъ нихъ дробился на множество вольныхъ обществъ, или кланов'ъ, и эти общества представляли изъ себя государства въ миніатюрѣ. Они считали себя независимыми ни отъ кого, кромѣ Аллаха да своего народнаго собранія. Единенія между ними не было. Изрѣдка нѣсколько обществъ вступали въ союзъ и совершали набѣги за Терекъ, за Кубань, впослѣдствіи въ Грузію и вообще въ русскія владѣнія. Случалось, что изъ-за пустяшной ссоры между предводителями союзъ распадался и недавніе союзники становились врагами. Съ такимъ разрозненнымъ противникомъ управляться было не трудно, и вотъ эти-то разрозненныя, боровшіяся другъ съ другомъ мелкія общества объединилъ въ нѣчто цѣлое мюридизмъ, зарожденіе котораго просмотрѣлъ, или, вѣрнѣе, не успѣлъ разглядѣть, Ермоловъ. Увлеченному легкими побѣдами въ Персіи Паскевичу было не до того, чтобы приглядываться къ чему-либо, что не обѣщало ему немедленнаго прославленія, а мюридизмъ все росъ и росъ, охватывая и воссоединяя горцевъ въ одинъ могучій народъ, обуреваемый жаждой геройской смерти, ослѣпленный религіознымъ фанатизмомъ, стремившійся лишь къ одному—борьбѣ съ русскими... Понадобились тридцать шесть лѣтъ кровавой упорной борьбы, понадобилось содержать въ теченіе этого періода изъ года въ годъ слишкомъ двѣсти тысячъ войска, чтобы справиться съ этой легендарной гидрой, но и побѣда надъ нею была одержана лишь потому, что эта гидра сама пришла къ естественному концу: истощилась духовная энергія, потеряла свой смыслъ и прелесть основ-

ная идея всеединенія; не будь этого, быть можетъ, Кавказъ и до сихъ поръ оставался-бы прежнею неприступною крѣпостью, уносившею въ огромномъ количествѣ и русскую кровь, и русскія деньги.

Мюридизмъ выразился весь цѣликомъ, со всѣми своими оттѣнками въ лицѣ четырехъ человѣкъ, поочередно смѣнявшихъ другъ друга. Первымъ изъ нихъ былъ мулла Магометъ Кюринскій, основатель мюридизма въ смыслѣ религіознаго ученія; затѣмъ любимый ученикъ Магомета—Кази-Мулла, человѣкъ недалекаго ума, не глубокій богословъ, не хитрый политикъ, но зато талантливый, умѣвшій увлекать массы проповѣдникъ, самъ глубоко и горячо убѣжденный въ томъ, въ чемъ онъ убѣждалъ другихъ. „Сердце человѣка прилипало къ его губамъ, онъ однимъ дыханіемъ будилъ бурю“,—говорили горцы про Кази-Муллу. Когда онъ погибъ при штурмѣ аула Гимры, мюридизмъ сразу пресѣкся и замеръ, пока его не возродилъ Гамзатъ-бекъ, человѣкъ набожный, молчаливый, безжалостный, глубоко обдумывавшій свои предпріятія, исполнявшій ихъ быстро, безъ огласки: „для Бога, а не для себя“, какъ говорилъ онъ самъ. Онъ далъ мюридизму политическую окраску, утвердивъ его на столь лестномъ для всѣхъ принципѣ всеобщаго равенства, и, наконецъ, выступилъ Шамиль, давшій горцамъ государственное устройство, объединившій горскія племена и сумѣвшій создать изъ нихъ величайшую по упорству своего сопротивленія живую силу. Выступивъ вначалѣ только какъ религіозный вождь, онъ, какъ подтверждаетъ историкъ, изслѣдователь мюридизма и борьбы съ нимъ, ген. Р. Ѳаддеевъ, слилъ горцевъ въ одно общественное тѣло, создалъ средства до него невиданныя, осуществилъ политическій идеалъ мюридизма. Шамиль сталъ повелителемъ Кавказа и велъ войну съ русскими, какъ равный имъ противникъ, вырывая изъ ихъ рукъ всѣ плоды прошлыхъ побѣдъ, заставляя Россію напрягать всѣ свои усилія, чтобы удержать за собою край, пріобрѣтенный десятками лѣтъ кровавой борьбы. И—увы!—послѣ Ермолова и вплоть до Воронцова на Кавказѣ не было человѣка, который сумѣлъ-бы понять настоящее положеніе дѣла. Были храбрые солдаты, вожди, полководцы, но не было кому разумно распоряжаться ихъ храбростью. Были исполнители, но не было руководителя...

Все это привело къ тому, что Чечня была вырвана изъ нашихъ рукъ, слабыя войска были сбиты съ полей

въ Дагестанѣ и тамъ только крѣпость Темиръ-Ханъ-Шура да укрѣпленіе Низовое и остались за русскими. Русскія войска должны были дѣйствовать на Кавказѣ уже не отрядами, какъ прежде, а цѣлыми корпусами, и, какъ ни странно сказать это, нравственный перевѣсъ въ эту пору оставался за горцами. Власть Россіи на Кавказѣ стала призрачною. Стратегическія линіи существовали, но онѣ были совершенно незамѣтны. На Кавказъ не смотрѣли, какъ указалъ Ермоловъ, какъ на крѣпость, которую нужно было взять осадой, измором; Кавказъ хотѣли взять штурмомъ и брали... тридцать шесть лѣтъ... Въ теченіе этого времени, за исключеніемъ немногихъ послѣднихъ лѣтъ, Кавказъ для Россіи явился мѣстомъ негласной ссылки. Туда отправляли офицеровъ, которыхъ не желали видѣть въ Россіи, на Кавказъ отправлялось большинство замѣшанныхъ въ политическихъ преступленіяхъ. Это пренебреженіе къ „краю гордой красоты“, какъ называютъ теперь Кавказъ, даже вошло въ систему, и счастье для Россіи, что въ Крымскую войну не воспользовались имъ ни Франція, ни Англія для того, чтобы добить здѣсь побѣжденнаго на берегахъ Чернаго моря противника. А, между тѣмъ, отдѣльные подвиги русскихъ войскъ прямо-таки изумительны, и теперь, когда мы отошли отъ нихъ на разстояніе сорока лѣтъ, они прямо представляются волшебною сказкою.

Къ такимъ подвигамъ принадлежитъ Карачаевская экспедиція ген. Эммануэля.

II.

На карачаевцевъ.

Почти въ самомъ центрѣ Кавказа, около „царя Кавказскихъ горъ“, Эльбруса, по его горнымъ отрогамъ и по верховьямъ Кубани жили карачаевцы, племя пришлое на Кавказѣ. Можно думать, что карачаевцы вышли на Кавказъ изъ Крыма. По типу, это были чистокровные татары и главнымъ ихъ занятіемъ были скотоводство и, въ особенности, овцеводство, благодаря которому они могли выдѣлывать славившіяся на всемъ Кавказѣ сукна и бурки. Карачаевцевъ было къ 1828 г. не болѣе восьми тысячъ человѣкъ, но ихъ положеніе на Кавказѣ было совсѣмъ особенное. Они жили въ такой горной трущобѣ, которая была непроходима даже для русскихъ. Кручи, тѣснины, ущелья, покрытыя то непроходимо дремучимъ лѣсомъ, то снѣгомъ, путь по которому былъ невозможенъ, совершенно

оградили этотъ народецъ отъ русскихъ, и карачаевцы никогда не видали на своей землѣ русскаго солдата. А, между тѣмъ, черезъ владѣнія карачаевцевъ проходили всѣ наиболѣе удобные и короткіе пути, выводившіе съ Западнаго Кавказа на Восточный. Благодаря послѣднему обстоятельству, а главное — благодаря своей неподступности, карачаевскіе аулы стали убѣжищемъ для всѣхъ хищниковъ горъ. Здѣсь укрывались абреки, разбойники, и всѣ тѣ, кто не могъ-бы показаться даже между своими безъ опасенія быть убитымъ. Ко всему этому въ 1823 г. прибавилось еще то, что при возникновеніи войны съ турками земли карачаевцевъ наполнились эмиссарами, склонявшими ихъ признать себя подданными турецкаго султана. Такъ какъ карачаевцы отъ этого были не прочь, то русскимъ не оставалось ничего другого, какъ самимъ занять эту область, обладаніе которой для Кавказа представлялось болѣе важнымъ, чѣмъ всѣ побѣды Паскевича за Араксомъ.

Эльбрусъ въ нашихъ рукахъ могъ служить, по словамъ историка Кавказской войны В. Потто, буферомъ между покорными намъ кабардинцами и непокорными намъ кубанскими народами. Тогда абреки были-бы лишены возможности укрываться отъ нашихъ преслѣдованій и хищническія партіи сдѣлались-бы осторожнѣе, зная, что Карачай не можетъ оказывать имъ прежнее гостепріимство.

Командовавшій на линіи ген.-лейт. Эммануэль, руководствуясь этими соображеніями, рѣшилъ покорить Карачай и временемъ для этого избралъ вторую половину октября, когда суровая осень препятствовала непріятелю долго находиться въ сборѣ.

Вышеупомянутый историкъ разсказываетъ, что, какъ ни скрытно дѣлались приготовленія къ этой экспедиціи, въ горахъ узнали о ней, прежде чѣмъ собрались войска, узнали даже и цѣли движенія, и карачаевцы приготовились къ отпору. Они только не знали, съ какой стороны ожидать русскихъ.

Въ Карачай вели двѣ дороги. Одна шла по лѣвому берегу Кубани, у верховьевъ которой лежала скалистая котловина — сердце карачаевскихъ владѣній, другая — со стороны Пятигорья. Это былъ кружный путь, пролегавшій по горнымъ тропамъ подъ самой снѣговой линіей, гдѣ непріятель менѣе всего могъ ожидать появленія русскихъ. Но карачаевцы и этого пути не оставили безъ наблюденія — гдѣ только могла ступить нога человѣка,

вездѣ они стояли наготовѣ. Нужно было, такъ или иначе, отвлечь ихъ вниманіе, и генералъ послалъ небольшой отрядъ изъ егерей и казаковъ съ тремя орудіями въ верховья Кубани къ Тибердинскому ущелью. Здѣсь былъ проходъ въ земли карачаевцевъ, но настолько неприступный, что онъ даже у горцевъ назывался „Гибельный путь". Главныя-же силы отряда пошли нагорнымъ путемъ, и 19-го октября объ колонны соединились на одной изъ сѣверныхъ террасъ Эльбруса, находившейся болѣе, чѣмъ на семи съ половиной тысячахъ футъ высоты. Отсюда весь отрядъ въ боевомъ порядкѣ тронулся на Карачай.

Горцы узнали и объ этомъ движеніи. Они перекинулись по горнымъ тропинкамъ отъ Тибердинскаго ущелья и заняли лѣсистую гору Хоцекъ, преграждая здѣсь дальнѣйшій путь русскимъ. Хоцекъ, весь покрытый лѣсомъ, былъ усѣянъ обломками скалъ, и движеніе по нему было невозможно до тѣхъ поръ, пока его склоны были заняты непріятелемъ. Однако, Эммануэль не остановился: онъ приказалъ штурмовать гору.

Въ десять часовъ утра 20-го октября начался бой. Затрещала перестрѣлка, загромыхали русскія пушки. Подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня, съ густой стрѣлковой цѣпью впереди, взбирались штурмовыя колонны все выше и выше на Хоцекъ, опоясанный завалами, за которыми сидѣли горцы. Градъ пуль не останавливалъ удальцовъ. Горцы, какъ видно, избѣгали штыковаго удара. По крайней мѣрѣ, они бросали передовыя линіи своихъ заваловъ и отходили назадъ по мѣрѣ приближенія русскихъ. Черезъ часъ послѣ начала подъема русскій авангардъ былъ уже на вершинѣ Хоцека.

Здѣсь оказалось, что дѣло только-только началось. За Хоцекомъ возвышалась другая гора, извѣстная подъ названіемъ Карачаевскаго перевала. Горцы сосредоточили здѣсь всѣ свои силы и приготовились къ отчаянному бою. Русскимъ колоннамъ приходилось сперва спуститься съ Хоцека, потомъ подниматься на Карачаевскій перевалъ. Полтора часа продолжался спускъ, и все это время войска были подъ непрерывнымъ ружейнымъ огнемъ противника. Карачаевцы оказались лучше вооруженными, чѣмъ русскіе: у нихъ были винтовки, тогда какъ наши войска были вооружены гладкоствольными ружьями. Притомъ-же карачаевцы были прикрыты лѣсомъ и, благодаря этому, почти недоступны для русскихъ выстрѣловъ. Штурмующими уже начала овладѣвать усталость, и генералъ

далъ отдыхъ войскамъ, когда они спустились съ Хоцека и стали у раздѣлявшей горы рѣчки Хоцекъ-су. Русскія орудія начали громить карачаевскіе завалы и послѣ недолгаго обстрѣливанія все-таки заставили врага отойти еще выше.

Въ третьемъ часу пополудни начали подниматься авангардныя колонны на Карачаевскій перевалъ. Какъ разъ въ это время къ карачаевцамъ подоспѣло подкрѣпленіе — явилась партія человѣкъ въ двѣсти; огонь горцевъ такъ усилился, что перешелъ въ батальный. Но, хотя и медленно, колонны все-таки всползали по неимовѣрно крутому подъему. Крутизна была такая, что солдатамъ приходилось буквально карабкаться. И вотъ, когда они были почти у самой вершины, вся гора словно вздрогнула, раздался оглушительный грохотъ и на штурмующихъ посыпался градъ камней, обрушились громадные утесы, цѣлые скалы и камни въ десятки и сотни пудовъ. Это горцы взорвали гору. Аттака была отбита и дѣло казалось проиграннымъ.

Но ген. Эммануэль и ранѣе предусматривалъ трудности фронтальной аттаки. Онъ двинулъ въ обходъ свой послѣдній резервъ, и горцы, увлеченные своимъ успѣхомъ, не замѣтили этого движенія. Когда они уже торжествовали побѣду, въ ихъ флангъ полился свинцовый дождь — это обходный отрядъ подошелъ къ перевалу. Загремѣло „ура“, и, прежде чѣмъ карачаевцы успѣли опомниться, въ ихъ завалахъ закипѣлъ уже штыковый бой. Въ тотъ-же моментъ кинулись и авангардныя колонны съ фронта. Одновременнаго натиска двухъ колоннъ аттакуемые выдержать не смѣли и кинулись врассыпную, громко вопя: „Нѣтъ болѣе Карачая, нѣтъ болѣе нашего отечества!“. Ихъ не преслѣдовали — вечерняя мгла уже окутывала горы, да безполезно было-бы преслѣдованіе: съ паденіемъ Карачаевскаго перевала всѣ пути внутрь области были открыты.

На другое утро русскія войска, пробывшія наканунѣ двѣнадцать часовъ въ бою и потерявшія семь офицеровъ и 156 нижнихъ чиновъ, снова двинулись въ боевомъ порядкѣ на аулъ Карта-юртъ, столицу Карачая. Однако, сражаться имъ болѣе не пришлось: когда они были уже въ виду аула, изъ него вышла депутація съ правителемъ Карачая, валіемъ Исламъ-Крымъ-Шамхаломъ, во главѣ. Эммануэль, уже освѣдомленный о цѣляхъ этой депутаціи, остановилъ войска.

— Генералъ!—подойдя, сказалъ ему валій:—мы были до сихъ поръ вѣрными союзниками турецкаго султана, но онъ измѣнилъ намъ и оставилъ насъ безъ защиты. Будьте-же вы теперь нашими повелителями;, мы-же, съ своей стороны, никогда не измѣнимъ своему слову.

— Мечъ отражонъ мечомъ,—отвѣтилъ на слова валія Эммануэль, —теперь вы встрѣчаете мечъ съ пальмовою вѣтвью, мира и миръ дастъ вашему народу счастье и благоденствіе, которыхъ карачаевцы не знали до сего времени...

Съ карачаевцами обошлись, какъ съ воюющей, а не какъ съ усмиряемой страной. Ихъ аулы не были разорены, во время стоянки у жителей Карта-юрта установились дружескія отношенія съ солдатами. Карачаевцы тоже сдержали свое слово и оставались вѣрными Россіи.

„Θермопилы Сѣвернаго Кавказа взяты нашими войсками и оплотъ Карачаева у подошвы Эльбруса разрушенъ!“ — такъ начинался приказъ по войскамъ, отданный ген. Эммануэлемъ 30-го октября 1828 г.

Пріобрѣтеніе Карачая обезпечивало Россіи спокойствіе въ Кабардахъ и вообще на всѣхъ центральныхъ склонахъ Сѣвернаго Кавказа, и экспедиція Эммануэля явилась наиболѣе замѣтнымъ русскимъ подвигомъ въ то время, когда Паскевичъ съ русскими войсками громилъ персовъ и турокъ въ Закавказьѣ.

III.

Начало борьбы съ мюридами.

Пока это происходило на Кавказской линіи, новое ученіе муллы Магомета, распространяемое его ученикомъ Кази-Муллой, все съ большей и большей силой охватывало востокъ Кавказа — Нагорный Дагестанъ — и разливалось въ Приморскомъ Дагестанѣ. Къ 1829 г. только одна столица Аваріи, аулъ Хунзахъ, гдѣ правилъ юный ханъ Султанъ-Абу-Нопалъ, оставалась вѣрною русскимъ. Всѣ другіе аулы уже приняли сторону Кази-Муллы, и „священная война“ противъ русскихъ готова была вспыхнуть во всемъ Дагестанѣ.

Въ 1830 г. Кази-Мулла съ восемьютысячнымъ скопищемъ явился къ Хунзаху и потребовалъ, чтобы аварцы примкнули къ нему и помогли ему уничтожить русскія крѣпости Внезапную и другія, возведенныя русскими въ бывшемъ ханствѣ Тарковскомъ. Султанъ-Абу-Нопалъ

отвѣчалъ отказомъ. Произошла битва, и хунзахцы разгромили мюридовъ Кази-Муллы, хотя ихъ было вчетверо больше. Императоръ Николай Павловичъ въ награду за эту побѣду пожаловалъ аварцамъ георгіевское знамя.

Пораженіе у Хунзаха не остановило, однако, успѣховъ мюридизма. Новое ученіе принимали одно за другимъ горныя общества, и, наконецъ, въ апрѣлѣ 1830 г. въ Сѣверный Кавказъ былъ посланъ трехтысячный отрядъ, подъ командою полковника Мищенко. Очень скоро послѣ этого, въ томъ-же апрѣлѣ, главнокомандующій на Кавказѣ, Паскевичъ, готовившійся къ болѣе грозному походу въ горы, былъ отозванъ для начальствованія въ Царствѣ Польскомъ, а командующимъ войсками въ Закавказьѣ былъ назначенъ ген.-ад. Панкратьевъ; командующимъ-же на линіи и въ Астрахани остался генералъ-отъ-кавалеріи Эммануэль.

Между тѣмъ, Кази-Мулла, провозглашенный уже имамомъ, успѣлъ поднять газаватъ. Огромныя скопища мюридовъ день ото дня становились все болѣе и болѣе дерзкими. Они — чего еще дотолѣ не бывало — штурмовали русскую крѣпость, Бурную, и хотя штурмъ былъ отбитъ, но Кази-Мулла и его могущественный сторонникъ Гамзатъ, бекъ гоцатлинскій, сумѣли придать этому штурму видъ успѣха. Осмѣлѣвшіе казикумыки, вмѣстѣ съ мюридами, осадили крѣпость Внезапную и шестнадцать дней держали ее въ осадѣ, пока на выручку гарнизону не подоспѣлъ ген. Эммануэль. Послѣдній заставилъ горцевъ снять осаду, но во время преслѣдованія непріятеля былъ разбитъ горцами въ ауховскихъ лѣсахъ и самъ получилъ столь тяжелую рану, что о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ пока нечего было и думать.

Этотъ успѣхъ доставилъ новое торжество Кази-Муллѣ. Южный Дагестанъ примкнулъ къ газавату, Кумыкская равнина, за исключеніемъ немногихъ крѣпостей, также подчинилась ему. Кайтагъ и Табассаранъ готовились примкнуть къ газавату. Мюриды были намѣрены овладѣть Дербентомъ и одновременно угрожали Кизляру. Это подняло Чечню, что и доставило Кази-Муллѣ возможность въ ноябрѣ 1830 г. овладѣть послѣднимъ. Удержаться въ Кизлярѣ мюриды не могли, но зато разграбили его почти дотла.

Между тѣмъ, власть на Кавказѣ была снова объединена. Въ октябрѣ 1831 г. командующимъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ былъ назначенъ ген.-отъ-инф.

ген.-ад. баронъ Розенъ. Сперва новый главнокомандующій не понялъ, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло, и вздумалъ было успокаивать фанатиковъ-мюридовъ разными мирными средствами, предлагая имъ, отрѣшившимся отъ всякаго богатства, всякія торговыя выгоды. Это дѣйствовало разжигающе, и горцы въ подобныхъ предложеніяхъ усматривали безсиліе русскихъ. Лишь тогда Розенъ рѣшилъ прибѣгнуть къ оружію, и противъ Кази-Муллы и Гамзатъ-бека былъ отправленъ съ десятитысячнымъ отрядомъ старый кавказскій воинъ — полковникъ Клюге фонъ Клюгенау. Онъ по пятамъ преслѣдовалъ имама и, наконецъ, въ іюнѣ 1832 г. заставилъ его уйти въ аулъ Гимры, который былъ гнѣздомъ мюридизма.

Шестьдесятъ ауловъ были разорены русскими на пути и вотъ въ сентябрѣ 1832 г., переваливъ черезъ покрытый лѣсомъ Качкалыковскій хребетъ, русскіе отряды вошли въ землю кумыковъ и достигли р. Сулака.

Баронъ Розенъ былъ при отрядѣ и 10-го октября послалъ войска на Гимры, гдѣ укрѣпился имамъ.

Гимры, по своему положенію, считались почти неприступными; войска пошли къ нимъ двумя колоннами. Съ запада былъ отправленъ ген.-л. Вельяминовъ съ пятью съ половиною батальоновъ пѣхоты, 11-тью орудіями и небольшимъ отрядомъ конныхъ грузинъ; съ востока на Гимры долженъ былъ наступать съ батальономъ апшеронскаго полка, тремя орудіями и отрядомъ казаковъ Клюге фонъ Клюгенау, въ тылъ Гимрамъ; чтобы сдерживать горцевъ, спѣшившихъ на помощь имаму, была отправлена татарская конница. Самъ Розенъ съ резервами остался въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

Каковъ былъ этотъ походъ, можно судить по слѣдующему описанію пути, приведенному Розеномъ въ его донесеніи о штурмѣ Гимровъ:

„Чтобы съ вершины скалистаго хребта, составляющаго правый берегъ Сулака, — говоритъ Розенъ, — приблизиться къ Гимрамъ, нужно на пространствѣ четырехъ верстъ спускаться по узкой каменистой тропинкѣ вдоль косогоровъ и обрывовъ. Тропинка эта была такъ крута, что даже пѣшіе спускались по ней съ опасностью для жизни. Далѣе спускъ продолжался на разстояніи тоже около четырехъ верстъ многочисленными узкими уступами, изъ которыхъ одинъ переходилъ на другой, по тропинкамъ, высѣченнымъ на камнѣ и возможнымъ только

для пѣшихъ. Съ одного изъ такихъ уступовъ можно было сойти только по деревянной лѣстницѣ; были на пути такія мѣста, гдѣ на пространствѣ саженей тридцати приходилось перескакивать съ камня на камень и, наконецъ, дорога выводила къ ущелью, образованному отвѣсными скалистыми кручами. Это ущелье вело уже на Гимры, но оно было преграждено тремя каменными стѣнами, и на скалахъ по его бокамъ горцы возвели въ нѣсколько ярусовъ каменные завалы"...

Недаромъ горцы говорили, что „русскіе могутъ попасть въ Гимры только въ видѣ дождя"...

И такую позицію, занятую тремя тысячами горцевъ, одушевленныхъ присутствіемъ Кази-Муллы и лучшихъ его мюридовъ, предстояло аттаковать русской пѣхотѣ почти безъ содѣйствія артиллеріи...

Ген. Вельяминовъ, прежде чѣмъ начинать штурмъ, пустилъ впередъ саперъ, чтобы нѣсколько подготовить дорогу, и только 17-го октября русскіе подошли къ ущелью, черезъ которое лежалъ путь на Гимры. Историкъ эриванскаго полка, Бобровскій, разсказываетъ, что для аттаки преграждавшихъ его трехъ каменныхъ стѣнъ были назначены два батальона бутырскаго полка, батальонъ тифлисскаго, батальонъ херсонскихъ гренадеръ, спѣшенные грузины, закавказскіе всадники и линейные казаки. Первая аттака противъ стѣнокъ была неудачна; но, пока она происходила, батальонъ бутырцевъ, подъ командой полковника Пирятинскаго, успѣлъ совершить обходное движеніе и, вскарабкавшись на гору, очутился надъ головами засѣвшихъ въ ущельѣ горцевъ. Въ то-же самое время взобрался на горы отрядъ Клюге фонъ Клюгенау. Гамзатъ-бекъ, оборонявшій ущелье, долженъ былъ выйти изъ него. Послѣдній путь къ Гимрамъ былъ очищенъ. Разъяренныя упорнымъ сопротивленіемъ, кипулись съ трехъ сторонъ штурмовыя колонны на обреченный гибели аулъ. Закипѣла отчаянная рукопашная битва. Мюриды не сдавались и не уходили. Они гибли подъ русскими штыками, но бились до послѣдняго издыханія.

— Чувствую, что приближается конецъ мой,—сказалъ Кази-Мулла,—умираю, гдѣ родился, умираю за истины тариката, за святой шаріатъ. Кто хочетъ такъ-же умереть, тотъ останется со мною!

Шестнадцать мюридовъ заперлись съ своимъ имамомъ въ башнѣ. Русскіе сейчасъ-же окружили послѣднее убѣжище Кази-Муллы. Имамъ рѣшился на отчаянную вы-

лазку; съ шашкой наголо, надвинувъ на глаза папаху, кинулся онъ изъ башни и былъ принятъ на штыки. Отъ него не отставалъ его другъ и ученикъ, Шамиль, и тоже былъ насквозь проколотъ русскимъ штыкомъ, но какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ. Лишь когда стемнѣло, кончился бой и побѣдители могли передохнуть отъ всѣхъ ужасовъ кроваваго дня.

Немедленно баронъ Розенъ разослалъ во всѣ горныя общества такое воззваніе, которымъ желалъ устрашить легко поддающихся впечатлѣнію горцевъ:

„Правосудіе Божіе постигло возмутителя общаго спокойствія, изувѣра Кази-Муллу. Онъ, первые его послѣдователи и множество обманутыхъ имъ людей истреблены побѣдоноснымъ россійскимъ воинствомъ въ извѣстномъ неприступностью своей Гимринскомъ ущельѣ. Гимринцы говорили, что „русскіе могутъ къ нимъ сойти только дождемъ“, но забыли, что и камни съ горъ ниспадаютъ, и громъ, и молнія поражаютъ злодѣевъ. Да послужитъ сіе примѣромъ для всѣхъ враговъ спокойствія, да прибѣгнутъ они съ раскаяніемъ къ могущественному россійскому правительству — и, по милосердію великаго государя, будутъ прощены; но, если кто впередъ осмѣлится возбуждать злоумышленія, тотъ подвергнется неминуемому строгому наказанію. Не спасутъ его ни горы, ни лѣса, ни ущелья: вездѣ пройдутъ побѣдоносныя русскія войска, вездѣ непокорные измѣнники будутъ наказаны. Это испытали галагаевцы, ичкеринцы, чеченцы, гимринцы и другіе. Имѣющіе уши да слышатъ и разумѣютъ“.

Командовавшій штурмомъ аула Гимры, геп.-лейт. Вельяминовъ такъ отзывается о дѣйствіяхъ русскаго отряда:

„Природные жители сихъ мѣстъ не могли видѣть безъ удивленія, какъ всходили наши войска по крутизнамъ, едва доступнымъ для искуснѣйшихъ изъ здѣшнихъ пѣшеходовъ. Трудности эти должно было преодолѣть подъ мѣткими выстрѣлами непріятеля, заблаговременно засѣвшаго въ завалахъ. Неутомимость въ трудахъ, безстрашіе въ опасностяхъ должны были одушевлять всѣхъ и каждаго. Сей славный подвигъ россійскаго войска въ тѣснинахъ Кавказа, почитавшихся неприступными, долженъ убѣдить буйственные народы онаго, что нѣтъ для насъ непроходимыхъ мѣстъ и что они въ одной покорности должны искать спасенія“.

Подвигъ русскихъ войскъ подъ Гимрами нашелъ

оцѣнку и въ слѣдующемъ Высочайшемъ приказѣ императора Николая Павловича:

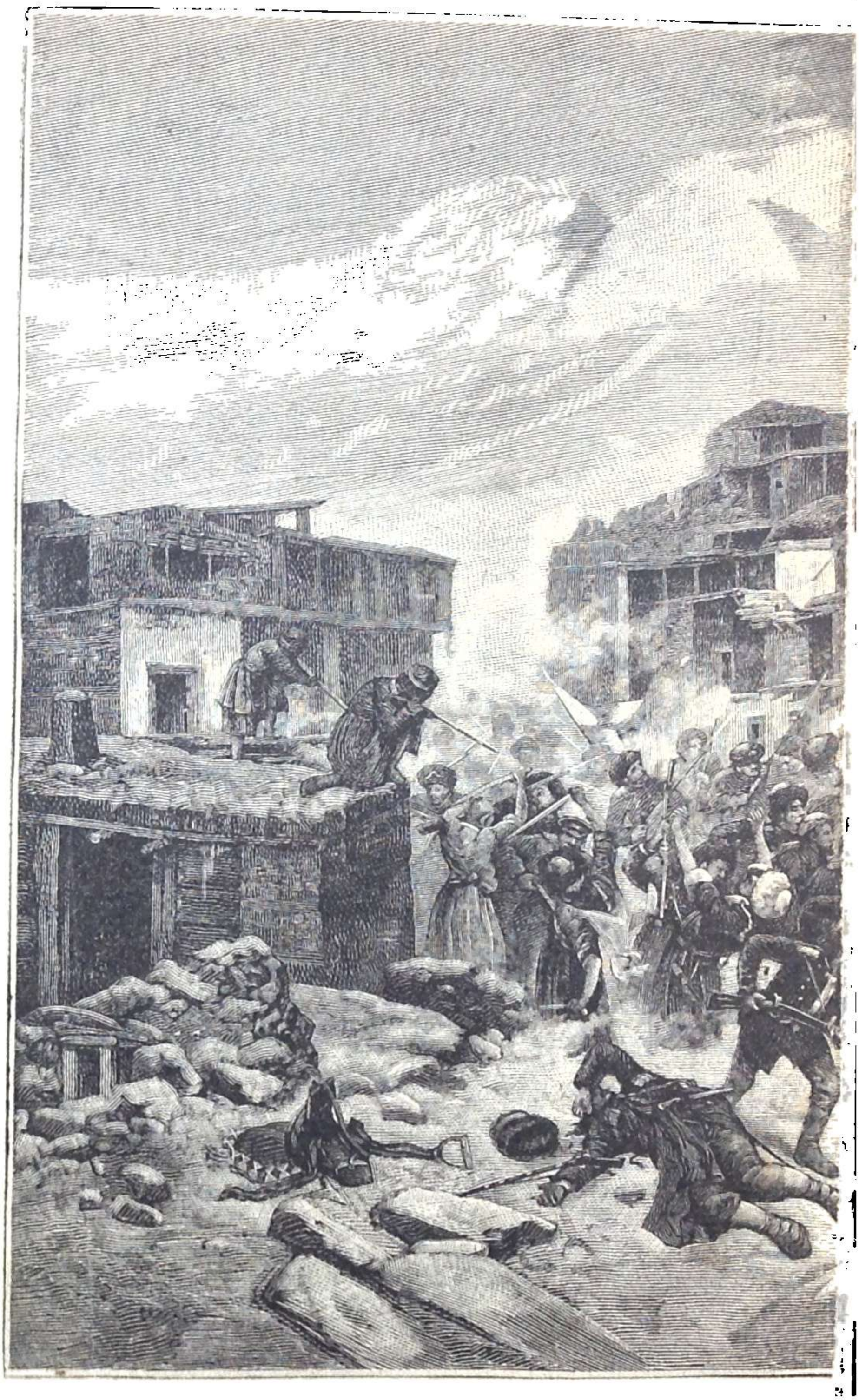
„Храбрые воины! Непоколебимому мужеству вашему ввѣрилъ Я усмиреніе дикихъ и необузданныхъ племенъ дагестанскихъ: лезгинъ, чеченцевъ, галагаевцевъ и карабулаковъ, увлеченныхъ къ возстанію изувѣромъ Кази-Муллою, водвореніе прочнаго между сими народами спокойствія и покорности правительству. Подвигъ сей совершенъ вами съ успѣхомъ, съ ожиданіемъ Моимъ вполнѣ соотвѣтствующимъ. Повсюду поражали вы непокорныхъ, и быстраго дѣйствія вашего не могли остановить ни безчисленныя препятствія, воздвигнутыя на пути вашемъ самою природою, ни отчаянная храбрость мятежниковъ. Толпы ихъ истреблены въ стремнинахъ и въ ущельяхъ Кавказа, въ продолженіе многихъ вѣковъ считавшихся неприступными и непроходимыми, и самъ глава мятежей, хищный Кази-Мулла, палъ, тщетно защищая противъ васъ послѣднее убѣжище дикихъ своихъ однородцевъ, знаменитое на Кавказѣ неприступностью своею — Гимры. Воины! Вы стяжали полное право на Мою благодарность, и Я исполняю долгъ пріятный, торжественно изъявляя вамъ оную столь-же за примѣрную храбрость и неустрашимость вашу, сколько за мужественное терпѣніе и твердость въ безчисленныхъ трудахъ и совершенной вами экспедиціи, соблюденіе во всѣхъ частяхъ строгаго воинскаго порядка и благоустройства и всѣ похвальныя качества, коими вы и въ достопамятныя кампаніи 1827, 1828 и 1829 годовъ стяжали удивленіе и справедливое уваженіе окружающихъ васъ иноплеменныхъ народовъ и упрочили между ними славу оружія россійскаго. Я увѣренъ, что слава сія будетъ вашимъ удѣломъ“.

IV.

Разгорающійся газаватъ.

Мюридизмъ не погибъ со смертью Кази-Муллы, но все-таки онъ нѣсколько затихъ и какъ-то само собою вниманіе правителей Кавказскаго края перешло къ Западному Кавказу.

Еще въ 1830 г. Паскевичъ предпринималъ экспедицію за Кубань и прошелъ по странѣ Адыге вплоть до береговъ Чернаго моря. Памятью его было появленіе на земляхъ черкесовъ трехъ укрѣпленій: на Кубани—Мостовое-Алексѣевское, на р. Афинсѣ — Георгіе-Афинское и на рѣкѣ Шебске — Ивано-Шебское. Когда Паскевичъ былъ

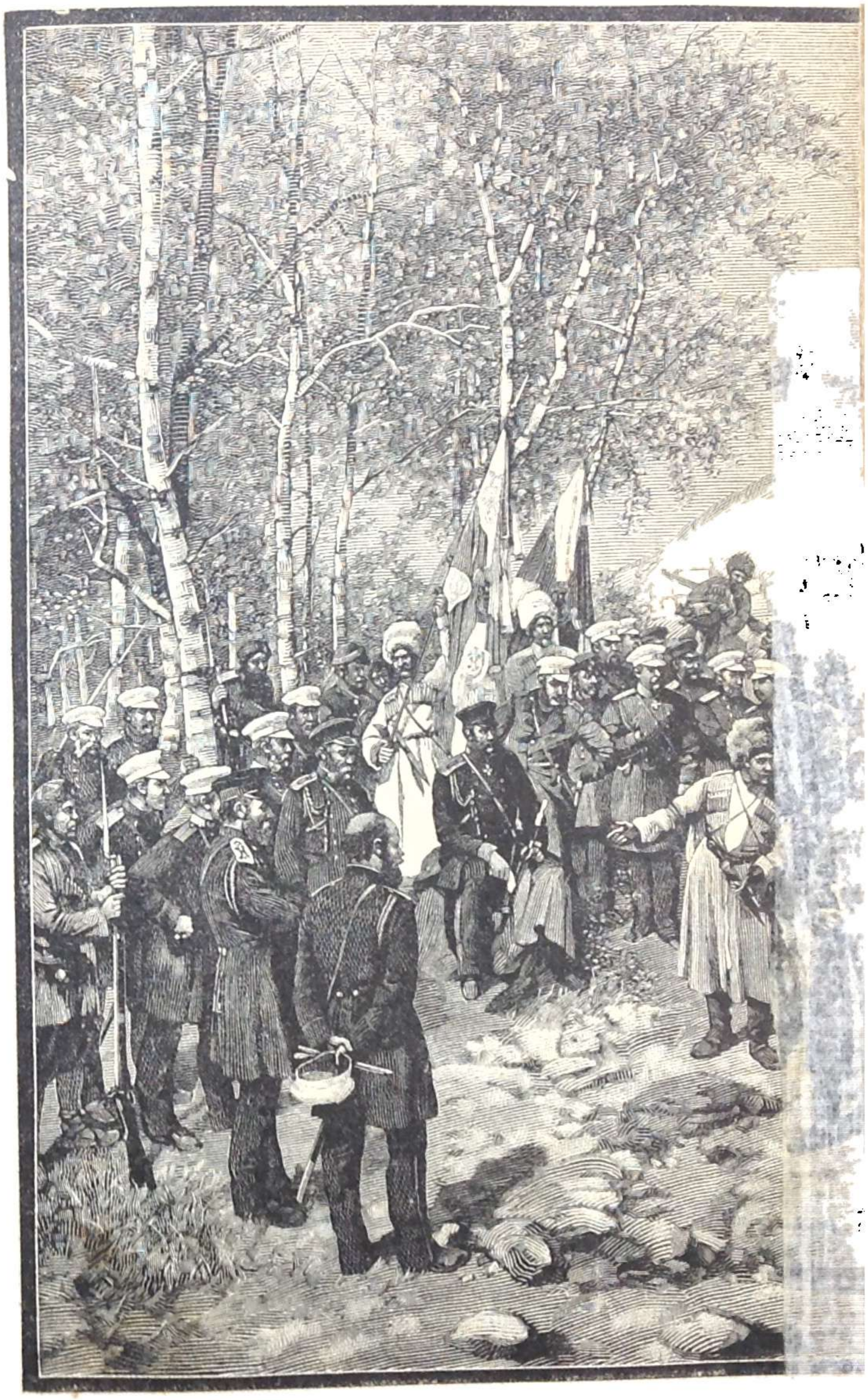

Штурмъ аула Салты 14-го сен

Стр. 107 и 108.

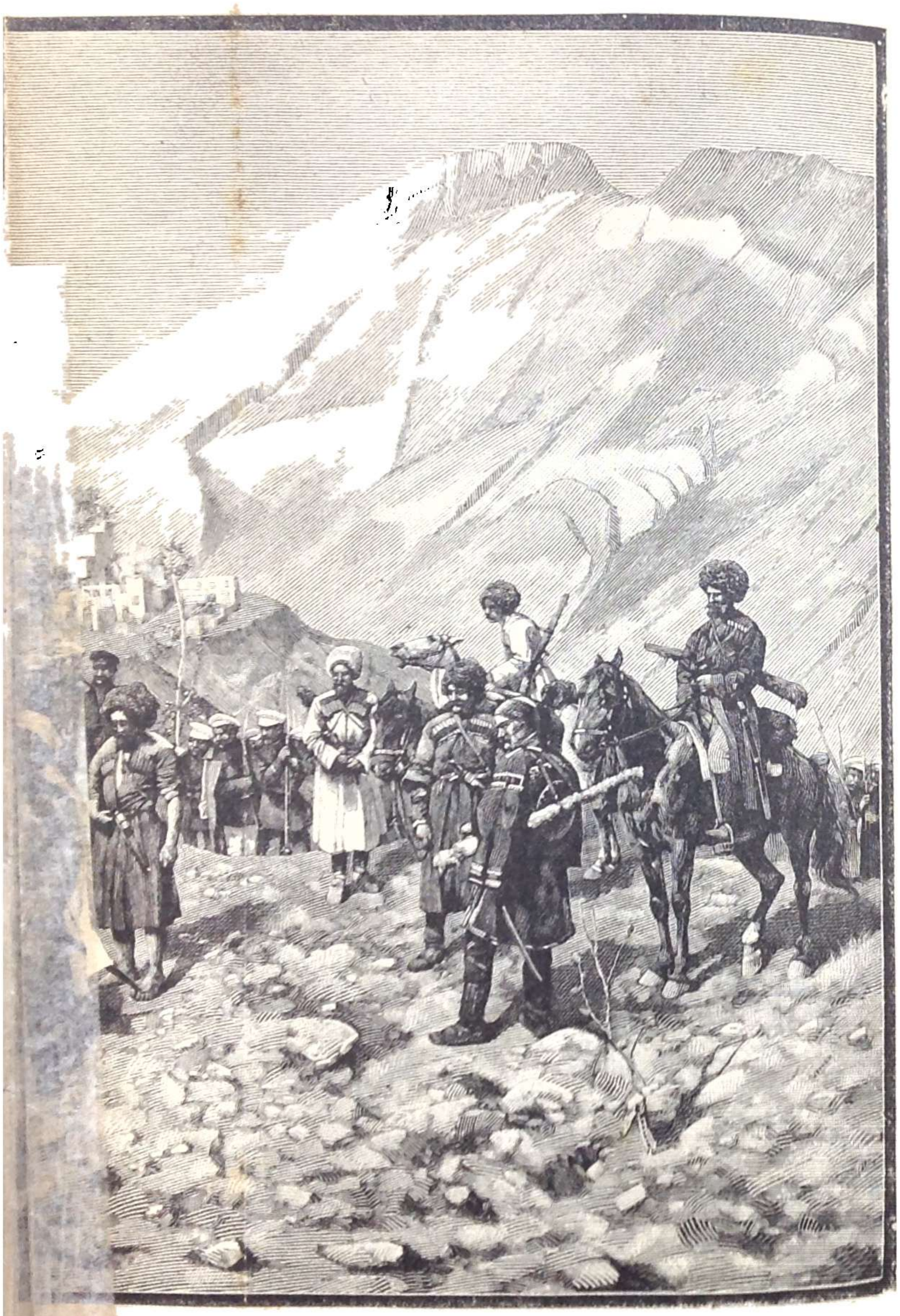

тября г. Съ картины проф. Ф. Руоо.

Взятіе въ плѣнъ Шамиля

Стр. 111 и 112.

густа 1859 г. Съ картины проф. Ф. Рубо.

отозванъ въ Польшу, то дѣло усмиренія черкесовъ продолжалъ Вельяминовъ. Онъ завершилъ устройство Геленджикской кордонной крѣпости, построивъ на границѣ земель натухайцевъ и шапсуговъ крѣпость Абинскую и укрѣпленіе Николаевское въ 1835 г. и въ 1836 г. въ устьѣ р. Добъ—Кабардинское укрѣпленіе, почти на самомъ черноморскомъ побережьѣ. Затѣмъ въ 1837 г. были поставлены укрѣпленія Новотроицкое у р. Пшада и Михайловское у р. Валано.

Такимъ образомъ, черкесы были отодвинуты отъ Кубани.

Построенныя крѣпости и укрѣпленія были какъ-бы островами среди вѣчно бурнаго моря. За крѣпостныя ворота, вѣчно запертыя, никто не рисковалъ выходить: неосторожнаго ждала вѣрная смерть отъ пули черкесовъ, вѣчно сторожившихъ здѣсь русскихъ. Если нужно было заготовить отопленіе, посылался вооруженный отрядъ съ артиллеріей. Разъ въ годъ изъ-за Кубани приходила „оказія“, т. е., отрядъ, доставлявшій продукты и людей на смѣну гарнизона. Жизнь была невыносимо скучною, люди хворали, но все-таки эти укрѣпленія являлись постоянною грозою для черкесовъ.

Черкесы не могли, однако, смириться. То Турція, то Англія высылала къ нимъ множество агентовъ-подстрекателей, доставлявшихъ имъ оружіе, порохъ и постоянно разжигавшихъ ихъ противъ русскихъ. За поимку одного изъ такихъ эмиссаровъ, англичанина Беля, даже была назначена довольно крупная премія. То и дѣло возникали изъ-за закубанскихъ народовъ серьезныя дипломатическія осложненія. Все это повело къ тому, что императоръ Николай Павловичъ пожелалъ лично ознакомиться съ положеніемъ дѣла на Кавказѣ и сентябрь 1837 г. назначилъ временемъ своего посѣщенія. Желаніе представить государю умиротворенный край побудило правителей Кавказа — Розена и Вельяминова — послать къ черкесскимъ племенамъ флигель-адъютанта полковника Хан-Гирея и ротмистра барона Вревскаго съ порученіемъ склонить ихъ къ изъявленію покорности и преданности русской державѣ, но это дѣло не удалось и императору пришлось посѣтить далеко не умиротворенный край.

Государь высадился съ парохода въ Геленджикѣ 20-го сентября. Онъ прибылъ съ наслѣдникомъ-цесаревичемъ, впослѣдствіи императоромъ Александромъ Нико-

лаевпчемъ, посѣтилъ Анапу, Редутъ-Кале и отсюда отправился въ Зугдиди, столицу Мингреліи, гдѣ посѣтилъ мингрельскаго владѣтельнаго князя Левика Дадіани. Изъ Зугдиди государь прослѣдовалъ въ Кутаисъ и послѣ него посѣтилъ вновь пріобрѣтенныя владѣнія: Ахалкалаки и Гимры, на мѣстѣ которыхъ приказалъ быть городу Александрополю. Отсюда его величество прослѣдовалъ въ Сардарь-Абадъ и Эчміадзинъ, а затѣмъ въ Эриванъ, изъ которой отправился въ Тифлисъ. Здѣсь онъ отрѣшилъ отъ начальствованія въ краѣ барона Розена, уличеннаго въ попустительствѣ многихъ должностныхъ злоупотребленій, отправилъ въ Бобруйскую крѣпость, предварительно снявъ флигель-адъютантскіе эксельбанты, полковника кн. Дадіани, уличеннаго въ злоупотребленіяхъ, и отдалъ подъ судъ тифлисскаго полиціймейстера полковника Ляхова, явившагося на его зовъ въ безобразно пьяномъ видѣ. 12-го октября государь отбылъ изъ Тифлиса и въ полуверстѣ отъ города понесшія лошади опрокинули экипажъ. Его величество спасся тѣмъ, что вовремя успѣлъ выскочить. До Мцхета государю пришлось ѣхать на казацкой лошади. Далѣе путь императора былъ черезъ Владикавказъ, Екатеринодаръ, Пятигорскъ на Ставрополь, гдѣ онъ имѣлъ совѣщаніе съ ген. Вельяминовымъ и, уѣзжая, выразилъ ему свое удовольствіе за все видѣнное въ предѣлахъ управляемаго имъ края.

Еще будучи въ Редутъ-Кале, государь выразилъ барону Розену неудовольствіе за медленность, съ которой велось умиротвореніе края, и вскорѣ послѣ этого послѣдовало назначеніе командующимъ отдѣльнымъ Грузинскимъ корпусомъ, вмѣсто Розена, ген.-ад. Евгенія Александровича Головина.

Государь имѣлъ причины быть недовольнымъ. Пожаръ газавата все разгорался въ Дагестанѣ и Чечнѣ. Гамзатъ-бекъ, ставшій преемникомъ Кази-Муллы, овладѣлъ Хунзахомъ, перебилъ всѣхъ аварскихъ хановъ, но самъ погибъ отъ руки мстителей за смерть послѣднихъ.

Смерть третьяго имама не повела къ распаденію мюридизма. Во главѣ мюридовъ сталъ другъ и ученикъ Кази-Муллы, Шамиль.

Сперва этого, впослѣдствіи знаменитаго, имама преслѣдовала неудача. На первыхъ-же порахъ онъ былъ разбитъ на-голову полковникомъ Клюге фонъ Клюгенау, взявшимъ съ бою аулъ Гоцатль, который послѣ Гимровъ сталъ столицею мюридовъ. Хунзахъ не признавалъ новаго

шмама, и во главѣ хунзахцевъ сталъ полковникъ русской службы, Ахметъ-хапъ. Однако, уже въ слѣдующемъ году силы Шамиля настолько увеличились, что онъ рѣшилъ наказать хунзахцевъ за убійство Гамзатъ-бека. Противъ него былъ посланъ съ сильнымъ отрядомъ генералъ фези, который занялъ Хунзахъ и, окруживъ Шамиля въ аулѣ Тилитль, заставилъ его принять присягу на подданство Россіи. Произведенный въ генералы, Клюгенау былъ послѣ этого присланъ къ Шамилю съ предложеніемъ явиться съ покорностью къ императору Николаю Павловичу, ожидавшемуся тогда на Кавказѣ, но Шамиль наотрѣзъ отказался отъ этого. Съ пріѣздомъ императора, а потомъ при перемѣнѣ главнокомандующаго, кавказскимъ властямъ было вовсе не до него. Шамиля оставили въ покоѣ, и онъ въ это время успѣлъ такъ расширить свою власть, что весь Дагестанъ призналъ его своимъ неограниченнымъ властелиномъ.

Шамиль, эта — одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей XIX вѣка, а поэтому необходимо сказать о немъ нѣсколько подробнѣе.

V.

Шамиль.

(Д. А. Пахомова.)

Шамиль родился въ 1797 г. въ аулѣ Гимры и былъ единственнымъ сыномъ у своихъ родителей; была у него и сестра, но дѣвочки горцами не принимаются во вниманіе, такъ какъ только сыновья считаются продолжателями рода. При рожденіи онъ получилъ очень распространенное и любимое въ Дагестанѣ имя — Али. Будучи еще маленькимъ ребенкомъ, Али заболѣлъ настолько серьезно, что родители его пришли въ отчаяніе, стали обращаться къ знахарямъ и муллямъ, но ничего не помогало; тогда обратились къ послѣднему, самому вѣрному, по мнѣнію горцевъ, способу, т. е., рѣшили переименовать больного и назвали его Шамилемъ, что значитъ всеобъемлющій, впрочемъ, оставивъ и старое имя. Мальчикъ выздоровѣлъ и сталъ называться Шамиль-Али.

Свѣдѣнія о дѣтствѣ Шамиля очень скудны, и тѣ небольшія данныя, которыя намъ удалось добыть, представляютъ интересъ съ той точки зрѣнія, что опровергаютъ мнѣніе, будто Шамиль въ дѣтствѣ былъ слабымъ мальчикомъ. Года два тому назадъ въ аулѣ Гимры жилъ, а

можетъ быть, живетъ и до сихъ поръ, столѣтній старецъ Магома-Али, сверстникъ Шамиля, хорошо помнившій его и свое дѣтство, и онъ охотно подѣлился тѣми свѣдѣніями, которыя сохранились въ его памяти.

Шамиль, по его словамъ, въ ранней молодости отличался силой, ростомъ и умомъ; сверстники побаивались его, и Магома-Али не запомнитъ ни одного случая, чтобы Шамиль былъ кѣмъ-нибудь обиженъ, но самъ Шамиль постоянно заступался за обиженныхъ и обидчику обыкновенно жестоко доставалось даже въ томъ случаѣ, если обидчикомъ являлся его близкій родственникъ. Въ 15-ть лѣтъ молодой Шамиль страстно увлекался джигитовкой, фехтованіемъ и вообще всякимъ спортомъ, гдѣ можно было выказать силу, ловкость и отвагу. Въ искусствѣ прыганья съ нимъ никто не могъ сравняться и онъ свободно перепрыгивалъ черезъ плетни, широкія канавы и камни. Въ Гимрахъ до сихъ поръ показываютъ громадный валунъ, черезъ который перепрыгивалъ Шамиль, не зацѣпляя папахи, положенной на камень. Во время джигитовокъ онъ выдѣлывалъ самыя головоломныя упражненія и, въ довершеніе всего, былъ отличный стрѣлокъ. Въ 18 лѣтъ это былъ уже вполнѣ сформировавшійся горецъ, имѣвшій большое вліяніе на своихъ сверстниковъ и пользовавшійся уваженіемъ одноаульцевъ.

Наряду съ физическимъ развитіемъ шло развитіе умственное. Однимъ изъ любимыхъ занятій пятнадцатилѣтняго Шамиля было чтеніе священныхъ книгъ. Часто, собравъ 5 — 6 человѣкъ товарищей, онъ уходилъ съ какой-нибудь священной книгой въ горы, читалъ тамъ, дѣлалъ выписки и затѣмъ толковалъ текстъ своимъ слушателямъ. Такимъ образомъ, уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ Шамиль привыкалъ подчинять своему нравственному авторитету окружающихъ и развивалъ свое природное краснорѣчіе.

Учился онъ въ школѣ при мечети и его учителемъ былъ Кази-Мулла, который уже тогда полюбилъ своего талантливаго ученика и не разъ говаривалъ про него:

„Пока его не трогайте. Придетъ время, наступитъ такой возрастъ — и Шамиль самъ займетъ первое мѣсто, какъ ему и подобаетъ“.

Однимъ изъ замѣтныхъ качествъ Шамиля, по словамъ Магомы-Али, было еще крайнее самолюбіе. Этимъ оканчиваются скудныя свѣдѣнія Магомы-Али объ его знаменитомъ товарищѣ.

Извѣстно, что Шамиль поступилъ въ школу двѣнадцати лѣтъ и съ успѣхомъ прошелъ весь курсъ мукаддамата, т. е., грамматики, логики и риторики арабскаго языка, и двадцати лѣтъ приступилъ къ изученію высшаго курса: философіи, толкованія Корана, преданій законовѣдѣнія.

Духовная жажда Шамиля была такъ велика, что онъ не удовольствовался оффиціальнымъ прохожденіемъ курса и постоянно искалъ ученыхъ, чтобы въ бесѣдахъ съ ними расширить свое міросозерцаніе и укрѣпить выработанные догматы. Долгое время онъ учился въ Аваріи у нѣкоего Хаддиса, затѣмъ у Лачинляу въ Белоканахъ и, кромѣ того, постоянно велъ бесѣды съ Кази-Муллой, знатокомъ шаріата. Услышавъ о Джемалэддинѣ и Курали-Магомѣ (см. очеркъ десятый), Шамиль, не медля ни минуты, отправился сначала къ одному, потомъ къ другому. Въ это время ему было около 30 лѣтъ, т. е., когда характеръ человѣка почти сложился и когда онъ способенъ особенно настойчиво и энергично добиваться поставленной цѣли.

Когда Шамиль, послѣ нѣкотораго колебанія, примкнулъ, наконецъ, къ газавату, то сдѣлался самымъ серьезнымъ и упорнымъ изъ всѣхъ сподвижниковъ Кази-Муллы; онъ былъ однимъ изъ очень немногихъ, которые сознательно шли въ дѣло во имя идеи исламизма. Большинство все-таки преслѣдовало свои личныя цѣли, одни — честолюбивыя, другіе — просто радуясь возможности потѣшить свои страсти. Шамиль явилъ первый примѣръ безпрекословнаго повиновенія имаму, что, въ соединеніи съ почти аскетической жизнью и съ беззавѣтной безумной храбростью, создало ему репутацію славнѣйшаго изъ славныхъ. Однимъ изъ его первыхъ подвиговъ, особенно возвысившимъ его въ глазахъ народа, былъ тотъ, который совершенъ имъ при штурмѣ Гимръ.

„Въ то время, когда палъ Кази-Мулла подъ ударами русскаго оружія, его любимецъ защищалъ его тѣло. Въ жаркомъ рукопашномъ бою вдругъ штыкъ рядового пропалъ насквозь грудь Шамиля, боровшагося въ это время противъ другого врага; конецъ штыка вышелъ изъ спины у лѣвой лопатки. Несмотря на эту смертельную рану, Шамиль отнялъ ружье изъ рукъ рядового, выдернулъ штыкъ изъ раны и имъ-же убилъ своего противника. Сила разсказа не въ одномъ этомъ подвигѣ, но еще въ томъ, что Шамиль въ ту минуту не упалъ, а еще дрался, и изнеможеніе преодолѣло его только тогда, какъ онъ уже былъ

внѣ дальнѣйшей опасности отъ преслѣдованія. Эта рана этотъ героическій подвигъ были одною изъ главныхъ причинъ его успѣха въ достиженіи степени имама" *).

Своей храбростью, самоотреченіемъ и безусловнымъ повиновеніемъ Шамиль воскресилъ образы легендарныхъ мюридовъ. На одномъ изъ орденовъ, учрежденныхъ Шамилемъ въ періодъ его могущества и славы, имѣлась надпись: „Кто думаетъ о послѣдствіи, тотъ никогда не можетъ быть храбръ".

Самъ повинуясь безусловно и безпрекословно, Шамиль того-же требовалъ и отъ своихъ подчиненныхъ, даже вопреки своимъ собственнымъ интересамъ. Такъ, когда Гамзатъ-бекъ захватилъ имамство почти силой, но народъ разочаровался въ его способностяхъ и все чаще и чаще сталъ указывать на Шамиля, какъ на самаго достойнаго преемника Кази-Муллы, Шамиль не только не поддержалъ этихъ желаній, но, опасаясь внутреннихъ раздоровъ, написалъ воззваніе и, въ качествѣ высшаго духовнаго лица, разослалъ его муллямъ во всѣ концы Дагестана. Въ этомъ письмѣ онъ говорилъ:

„Урусы торжествуютъ; Гимры взяты, имама нашего больше нѣтъ. Для поддержанія ислама нужно единодушіе. Кто-бы ни былъ предводителемъ мюридовъ—внушите народу повиноваться ему покуда; да не будутъ наши горцы подобно собакамъ—прости, Господи!—да не грызутся они изъ-за кости властолюбія, тогда какъ кость эта можетъ быть похищена невѣрными. Соединимся всѣ противъ невѣрныхъ новыми силами, призвавъ Аллаха на помощь и избравъ одного для исполненія Его воли. Такъ дѣлали наши отцы, первые мусульмане. Вотъ и все. Миръ вамъ".

Изъ этого письма видно, что Шамиль, несмотря на все самолюбіе и честолюбіе, которыя безспорно у него были, искренно любилъ родину и понималъ значеніе момента, а, можетъ быть, предугадалъ, что все равно Гамзатъ-бекъ скоро кончитъ свою карьеру, такъ какъ озлобленіе противъ послѣдняго все росло, и предоставилъ дѣламъ идти своимъ путемъ.

Если-же письмо Шамиля было дипломатической уловкой, то безспорно она вполнѣ удалась, и сердца горцовъ склонились еще больше въ его сторону. Такой актъ ве-

---

*) «Мюридизмъ и Шамиль». Проф. Казембекъ. «Русское Слово» 1859 г., кн. XII, стр. 209.

лпкодушія и отреченія отъ перваго мѣста ради интересовъ народнаго дѣла не могъ не подѣйствовать на населеніе, и этимъ самымъ было подготовлено единогласное избраніе Шамиля имамомъ.

Шамиль очень заботился, чтобы его избрали, а не онъ самъ себя провозгласилъ имамомъ. Онъ съ самаго начала хотѣлъ стоять на законной почвѣ, а не являться въ глазахъ народа узурпаторомъ, и потому постоянно отказывался отъ имамата при жизни Гамзатъ-бека. Когда-же послѣдній былъ убитъ и всѣ мюриды всѣхъ партій и обществъ единогласно выбрали Шамиля, то послѣдній не только не отказался, но немедленно взялъ въ свои твердыя руки бразды правленія.

Первое, чѣмъ онъ связалъ разрозненныя дагестанскія общества, было равенство, но подъ этимъ словомъ не слѣдуетъ понимать равенство во всемъ. Этого не было и быть не могло. Шамиль провозгласилъ равенство всѣхъ въ смыслѣ одинаковаго подчиненія религіи, онъ почти сравнялъ знатныхъ и незнатныхъ, подчинивъ и тѣхъ, и другихъ своей волѣ. Князья, беки и проч. исчезли изъ горскаго обихода и ихъ замѣнила цѣлая іерархія духовныхъ властей. Восторженность, фанатизмъ и поклоненіе новому имаму дошли до того, что горцы безпрекословно подчинились тысячамъ мельчайшихъ религіозныхъ предписаній, безусловно отдали свои души въ руки имама и—что еще удивительнѣе—не протестовали и приняли даже введеніе тѣлеснаго наказанія.

Въ Дагестанѣ случилось нѣчто неслыханное и небывалое въ исторіи человѣчества: создался чудовищный союзъ, монашескій воинствующій орденъ, уставъ котораго до такой степени порабощалъ отдѣльныхъ лицъ и сливалъ ихъ въ могучее и грозное цѣлое, о чемъ никогда не могли даже мечтать послѣдователи Лойолы, основателя ордена іезуитовъ.

Весь Дагестанъ обратился въ монастырь, рабски преданный своему настоятелю-имаму. Личная воля перестала существовать, все было подчинено правиламъ, „какъ въ книгахъ написано“, и единая воля имама, представителя пророка на землѣ, царила надъ толпой въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ. Во время апогея славы и могущества подъ предводительствомъ Шамиля было 60 тысячъ отчаянно храбрыхъ воиновъ и 100 пушекъ; остальное населеніе Дагестана также несло свои обязанности по народной войнѣ: готовили запасы, строили крѣпости, мосты,

прокладывали дороги, работали на пороховыхъ и литей-ныхъ заводахъ и проч. Однимъ словомъ, никто не оста-вался безъ дѣла, всякій былъ обязанъ нести посильную помощь.

Какъ администраторъ, Шамиль былъ одной изъ геніальнѣйшихъ личностей XIX вѣка. И дѣйствительно, ввести законность и порядокъ тамъ, гдѣ искони царилъ лишь кулачное право, заставить уважать и подчиняться своимъ словамъ и приказаніямъ—могъ только человѣкъ, выдававшійся изъ ряда, и человѣкъ съ огромной силой воли и энергіей, а таковымъ и былъ Шамиль. Онъ раз-дѣлилъ весь Дагестанъ на наибства и во главѣ каждаго поставилъ вѣрнаго, испытаннаго человѣка; малѣйшее отступленіе отъ законности жестоко наказывалось, хотя-бы провинившійся былъ ближайшимъ другомъ имама.

Одной изъ лучшихъ его мѣръ было урегулированіе дѣлъ о кровомщеніи. Совершенно уничтожить кровомще-ніе ему не удалось; да онъ и не хотѣлъ, ибо съ прин-ципомъ „око за око“ былъ вполнѣ согласенъ, но онъ приложилъ всѣ мѣры къ тому, чтобы большинство рас-прей кончалось примиреніемъ, чего и добился, благодаря тому, что горцы, подъ вліяніемъ газавата, стали болѣе единодушны и ради народнаго дѣла забыли свои мелкія ссоры. Отчасти кровомщенія сократились еще оттого, что при Шамилѣ убійца не могъ безнаказанно скрыться, такъ какъ имамъ завелъ нѣчто въ родѣ паспортовъ, кото-рые должны были быть предъявляемы въ каждомъ аулѣ, куда пріѣзжалъ горецъ.

Для возвышенія своего авторитета въ глазахъ горцевъ Шамиль во всемъ, даже въ мелочахъ, старался поступать такъ, какъ поступалъ пророкъ Магометъ. Въ подражаніе послѣднему, онъ переселился изъ Гимръ въ Ашильту и назвалъ это бѣгствомъ (гиджра), а сопутствовавшихъ ему наградилъ званіемъ „мугаджировъ“ и имъ было обѣ-щано вѣчное блаженство въ будущей жизни. По примѣру Магомета, Шамиль назвалъ жителей Ашильты и всѣхъ, ко-торые его принимали, „апсарами“, т. е., помощниками, сподвижниками. Своимъ близкимъ сподвижникамъ онъ еще давалъ названіе „асхабъ“, а всѣхъ прочихъ назы-валъ общимъ именемъ „мюридовъ“.

Не только всѣмъ приближеннымъ, но и отступникамъ, которые возвращались къ нему, онъ давалъ всевозмож-ныя преимущества и не жалѣлъ обѣщаній относительно загробной жизни.

Всѣ эти подраздѣленія, а также установленный этикетъ и богослужебный ритуалъ, сильно дѣйствовали на воображеніе наивныхъ горцевъ, а справедливость и аскетическая жизнь имама и его глубокая ученость заставили дагестанцевъ дѣйствительно видѣть въ немъ прямого наслѣдника пророка, и потому каждое его слово считалось непреложнымъ закономъ, переданнымъ Аллахомъ народу черезъ посредство имама.

Когда Шамиль сдѣлался особенно сильнымъ и могущественнымъ вождемъ, онъ прибавилъ къ своему званію еще болѣе пышный титулъ „амируль-мумининна“, т. е., повелителя правовѣрныхъ.

Приводя въ должный порядокъ гражданскую и духовную часть, Шамиль дѣятельно организовалъ и часть военную. Всѣ свои войска онъ раздѣлилъ на полки (альфъ), каждый по тысячѣ человѣкъ, полкъ дѣлился на два батальона (хамса-міа), батальонъ—на пять ротъ или эскадроновъ (міа), рота—на два взвода (хамсинъ) и каждый взводъ—на пять капральствъ (амара). Начальники всѣхъ этихъ частей имѣли особые знаки отличія, состоявшіе изъ небольшихъ серебряныхъ пластинокъ разной формы съ гравированными на нихъ изреченіями изъ Корана. Въ первое время Шамиль страдалъ отсутствіемъ орудій, но современемъ этотъ пробѣлъ былъ заполненъ: частью захваченными русскими пушками, а частью тѣми, которыя были отлиты въ аулѣ Ведень, сдѣлавшемся первой столицей имама.

Однажды къ Шамилю пришелъ нѣкто Хидатли-Магома, отливавшій снаряды, и предложилъ сдѣлать пушки изъ кожи и желѣзныхъ полосъ, причемъ ручался головой за ихъ прочность, но Шамиля не прельстила эта идея.

— Пожалуйста, братъ, — сказалъ онъ, — не хлопочи о твоей пушкѣ: и голова твоя для меня дорога, да и не хочется мнѣ, чтобы русскіе надъ нами посмѣялись и назвали насъ съ тобой дураками.

Настоящія орудія отливались изъ мѣди, и процессомъ отливки завѣдывалъ оружейникъ Джабраиль, но его пушки были плохи.

Насколько несовершенны были шамилевскія пушки, настолько-же плохи были и снаряды. Чугуна для ядеръ у горцевъ не было, и они собирали русскія ядра иногда даже въ минуты схватокъ. Случалось иногда, что нѣсколько человѣкъ бросались вслѣдъ за катящимся ядромъ и каждый старался поймать его раньше товарищей. Эта

единственная въ своемъ родѣ „охота“ кончалась нерѣдко довольно печально, если ядро оказывалось гранатой. Ядеръ, собранныхъ на поляхъ битвъ, было настолько много, что Шамиль не терпѣлъ въ нихъ особенной нужды. Собранные снаряды переливались по калибру пушекъ и при первой-же схваткѣ отправлялись въ русскіе ряды.

Свинца у дагестанцевъ не было, и они его доставали контрабандой у мирныхъ горцевъ или добывали такимъ-же образомъ, какъ и ядра, или-же довольствовались аварскими пулями, отлитыми изъ мѣди съ небольшой примѣсью олова. Ружья были большею частью турецкой и крымской работы, а также много было ихъ добыто у раненыхъ, убитыхъ и плѣнныхъ русскихъ. Зато холодное оружіе было превосходно, и дагестанскіе кинжалы и шашки славились по всему Кавказу такъ-же, какъ въ Европѣ—толедскіе клинки.

Порохъ, приготовлявшійся въ каждомъ аулѣ, былъ очень плохъ, такъ какъ нужныя вещества брались въ неопредѣленныхъ пропорціяхъ. Немного лучшаго качества порохъ изготовлялся на большихъ заводахъ въ Гунибѣ, Унцукулѣ, Веденѣ и Дарго. Здѣсь пороховая мякоть толклась ужъ не руками, а были устроены водяныя мельницы и большія каменныя ступы съ массивными деревянными пестами, обитыми листовой мѣдью.

Кое-гдѣ въ горахъ Шамиль выстроилъ новыя укрѣпленія, собственно говоря, ничтожныя, но сильныя тѣмъ, что они усиливали и безъ того неприступныя мѣста. Надъ дорогами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно было ожидать непріятеля, были навалены бревна и кучи камней, которые сбрасывались на головы осаждающимъ.

Съ такими-то ничтожными силами и примитивными предметами обороны и нападенія выступилъ Шамиль противъ закаленныхъ уже въ предыдущихъ бояхъ русскихъ войскъ и выступилъ съ твердой увѣренностью, что онъ побѣдитъ. Увѣренность имама, его громадный авторитетъ и сплоченность горцевъ, одушевленныхъ идеей газавата, сами по себѣ уже представляли громадную силу; недоступная-же мѣстность, малое знакомство съ краемъ начальниковъ русскихъ отрядовъ, принужденныхъ подчасъ руководиться указаніями проводниковъ-горцевъ, чаще всего вводившихъ въ заблужденіе, сдѣлали то, что покореніе Дагестана стало дѣломъ не шуточнымъ.

Какъ выше сказано, главныя силы русскихъ были обращены въ это время на Западный Кавказъ, который былъ

присоединенъ къ Россіи по Адріанопольскому трактату. Несмотря на оффиціальное присоединеніе, черкесы, конечно, не хотѣли подчиняться и ихъ надо было усмирять оружіемъ, что и тянулось съ 1832 г. до 1839 г. Это была довольно крупная ошибка Ермолова. Подавивъ возстаніе противъ Кази-Муллы и не зная объ идеѣ газавата, онъ совершенно успокоился относительно Дагестана и счелъ болѣе важнымъ скорѣе привести къ повиновенію Западный Кавказъ. Ему, впрочемъ, простительна эта ошибка: въ Дагестанѣ, дѣйствительно, съ виду все было спокойно. Небольшіе отряды, державшіеся въ крѣпостяхъ, не рѣшались проникнуть внутрь страны, а если и знали, что происходитъ тамъ и что готовится, то во всякомъ случаѣ не могли измѣнить своей властью и силой, а донесеніямъ начальниковъ отрядовъ, въ виду спокойствія горцевъ, не придавалось большого значенія.

Все это дало Шамилю возможность организовать и вооружить все населеніе и, наконецъ, когда русскія власти повѣрили донесеніямъ дагестанскихъ отрядовъ о готовящейся грозѣ и приказали всѣмъ мѣстнымъ силамъ произондировать и изслѣдовать обстоятельства, то было уже поздно. Войска, предпринявшія походы въ 1837—38 гг., наткнулись на совершенно готовую сплоченную и грозную организацію, во главѣ которой стоялъ во всеоружіи своего генія и фанатизма Шамиль.

Вновь въ Дагестанѣ были собраны почти всѣ наши войска. Въ 1839 г. генералъ Граббе взялъ послѣ кровопролитнаго штурма аулъ Ахульго, бывшій также резиденціей имама; здѣсь былъ уничтоженъ цвѣтъ горской молодежи, и Шамиль долженъ былъ бѣжать, но не только этимъ не проигралъ дѣла, а еще болѣе усилился: озлобленные неудачей горцы сплотились еще сильнѣй, еще болѣе фанатично отдались подъ руководство Шамилю и рѣшили побѣдить или умереть. Нейтральная до сихъ поръ Чечня, съ виду мирная, вдругъ, заражennая примѣромъ, также вспыхнула и примкнула къ имаму.

Весь Восточный Кавказъ вспыхнулъ, какъ порохъ, и вновь должно было начаться покореніе его, но при условіяхъ несравненно худшихъ, чѣмъ раньше. Прежде приходилось имѣть дѣло съ отдѣльными обществами, легко подчинявшимися русскому оружію, теперь-же передъ нами выросло могучее государство, управляемое твердой рукой, гдѣ каждый гражданинъ—воинъ, не задумывавшійся ни на минуту, если надо было отдать свою жизнь.

Русскіе, обозленные неудачами и невозможностью сломить горскія твердыни, безумно бросались въ ущелья, думая сломить врага однимъ ударомъ и отомстить за пораженія, но эти экспедиціи кончались тѣмъ, что войска находили пустые аулы, разоряли ихъ, а горцы изъ неприступныхъ засадъ охотились на солдатъ, которые гибли сотнями и тысячами, не принося никакой пользы: горцы все болѣе и болѣе вытѣсняли русскихъ изъ своихъ предѣловъ.

Такое невозможное положеніе дѣлъ вызвало то, что на Кавказъ былъ присланъ для изслѣдованія дѣлъ военный министръ кн. Чернышевъ. Незнакомый съ мѣстными условіями и видя, въ какомъ ужасномъ состояніи возвращались наши отряды изъ горъ, онъ въ 1842 году совершенно прекратилъ военныя дѣйствія въ Дагестанѣ.

Шамиль достигъ зенита своего могущества: русскіе отступили! Онъ—владыка Дагестана и Кавказа, ему стало казаться ужъ нетрудпымъ завоевать весь Кавказъ, но Дагестанъ онъ считалъ своимъ оплотомъ, своей крѣпостью и поспѣшилъ занять главныя твердыни—Аварію и Койсубу. Въ 1843 году ни одного русскаго, кромѣ массы плѣнныхъ, не оставалось въ Дагестанѣ, и наши войска едва могли удержать только два пункта: укрѣпленіе Низовое и г. Темиръ-Ханъ-Шуру.

Въ 1844 г. былъ опять принятъ наступательный образъ дѣйствій. Съ Днѣстра былъ вызванъ на помощь на Кавказъ V-й пѣхотный корпусъ, а въ 1845 г. главнокомандующимъ былъ назначенъ Воронцовъ, немедленно начавшій энергичныя дѣйствія противъ Шамиля. По примѣру прежнихъ лѣтъ, кн. Воронцовъ началъ съ того, что хотѣлъ сразу сломить горцевъ, и предпринялъ экспедицію противъ аула Дарго съ большимъ отрядомъ, что увѣнчалось такой-же неудачей, какія постигали мелкіе отряды. Этотъ одинадцатидневный походъ, знаменитый подъ именемъ „сухарной экспедиціи“, стоилъ намъ 3 тыс. солдатъ, 141 офицера, 3 генераловъ, 3 орудій и массы лошадей. Но такъ какъ аулъ былъ все-таки взятъ, т. е., цѣль достигнута, то Воронцову въ награду былъ пожалованъ княжескій титулъ.

Съ этихъ поръ русскіе благоразумно оставили идею немедленнаго покоренія Дагестана и стали постепенно занимать аулъ за ауломъ, главнымъ образомъ, въ Чечнѣ, прорубать лѣса, прокладывать дороги, закладывать крѣпости и вообще укрѣплять занятыя мѣста такъ, чтобы

они не могли вторично примкнуть къ возстанію. Въ 1846 г. Дагестанъ былъ охваченъ плотнымъ кольцомъ русскихъ войскъ, кое-гдѣ врѣзывавшихся и въ глубину края. Горцы ужъ не могли оттѣснить враговъ и русскими мало-по-малу были взяты Андія и большіе аулы Салты и Гергебиль.

До 1853 года дѣла были почти въ одномъ положеніи, но затѣмъ наступили критическія минуты. Настала севастопольская кампанія (1853—1856 гг.), и опять масса войскъ была отозвана изъ Дагестана, но тамъ осталось все-таки достаточно войскъ, чтобы хоть съ трудомъ, но сдерживать горцевъ; съ третьей стороны нежданно и негаданно налетѣлъ на Мингрелію изъ Турціи Омеръ-паша, и мы не могли дать ему серьезнаго отпора. Богъ знаетъ, что случилось-бы съ Кавказомъ, если-бы французы и англичане, бросивъ Крымъ, устремились на черноморское побережье, но, къ счастью, этого не случилось—въ 1856 г. былъ заключенъ миръ и въ этомъ-же году на Кавказъ былъ назначенъ главнокомандующимъ знаменитый кавказскій герой князь Барятинскій, который выработалъ строгій планъ покоренія Дагестана и выполнилъ его съ пунктуальной точностью ровно въ три года — съ 25-го августа 1856 г. (день назначенія его главнокомандующимъ) до 25-го августа 1859 г. (день плѣненія Шамиля).

Князю Барятинскому удалось достигнуть цѣли по многимъ причинамъ: во-первыхъ, онъ былъ опытнымъ боевымъ кавказскимъ генераломъ и участвовалъ во многихъ бояхъ въ Дагестанѣ, былъ при штурмахъ Дарго, Гергебиля, Гоцатля и другихъ ауловъ и потому превосходно зналъ и страну, и населеніе; во-вторыхъ, онъ, пользуясь наступившимъ миромъ, могъ стянуть большую часть кавказскихъ войскъ, которыхъ насчитывалось до 270 тыс., къ границамъ Дагестана; въ-третьихъ, будучи самъ опытнымъ полководцемъ, онъ имѣлъ подъ своимъ руководствомъ много такихъ-же опытныхъ генераловъ, воспитанныхъ и крещенныхъ огнемъ въ горныхъ ущельяхъ; въ-четвертыхъ, обаяніе его имени было такъ-же сильно для солдатъ, какъ имя Шамиля для горцевъ, и, въ-пятыхъ, главная причина была въ томъ, что и Шамиль, и горцы были уже не тѣ, какими они являлись лѣтъ 10—15 тому назадъ. Шамилю минуло 58 лѣтъ и въ немъ не могло быть той энергіи, которая охватывала его въ 1834 г., когда онъ началъ свое дѣло. Съ годами имамъ становился набожнѣе, строже къ себѣ и строже къ другимъ. Свое мнѣніе онъ считалъ закономъ и не выносилъ противорѣчій,

т. е., обратился въ обыкновеннаго восточнаго деспота, хотя смягченнаго гуманностью и законностью.

Его подданнымъ надоѣло вѣчно находиться подъ началомъ; имъ стали казаться утомительными и лишними многія предписанія религіи. Горцы съ грустью вспоминали о прежнихъ веселыхъ минутахъ, когда по вечерамъ въ аулахъ пѣлись пѣсни, звенѣли незатѣйливые музыкальные инструменты, когда молодежь весело танцовала свою знаменитую и изящную лезгинку, когда можно было пить араку (водку) и чувствовать себя вольными птицами. Наставшіе при Шамилѣ молчаливые дни казались долгими и скучными. Первый взрывъ фанатизма, когда они готовы были жертвовать не только жизненными мелочами, но и самой жизнью, понемногу прошелъ. Простой народъ не пріобрѣлъ никакихъ привилегій — жизнь осталась такой-же бѣдной, какъ и была, и выгоду извлекали лишь начальствующіе и приближенные имама.

Увлеченіе обратилось въ тяжелый долгъ, ненависть— въ службу, а ни первое, ни второе не вязались у горцевъ съ представленіемъ о личной свободѣ. Не будь у Шамиля желѣзной энергіи, не обладай онъ всесокрушающимъ авторитетомъ, не держи въ рукахъ своихъ приближенныхъ, а главное — потерпи онъ нѣсколько крупныхъ пораженій,— и его союзники отпали-бы отъ него гораздо раньше, чѣмъ это случилось. Но стройно и разумно устроенное государство не могло разрушиться въ одно мгновеніе и шло своимъ обычнымъ ходомъ, безъ энтузіазма, восторговъ, а просто въ силу инерціи и благодаря тому, что главный механикъ былъ еще живъ и былъ силенъ своимъ авторитетомъ и славой, а его энергія хоть и ослабѣла немного, но не настолько, чтобы выпустить изъ рукъ бразды правленія.

И вотъ, наконецъ, насталъ моментъ, который долженъ былъ рѣшить судьбу Кавказа. Другъ противъ друга стали двѣ энергіи, двѣ силы, два врага, оба убѣжденные, что они совершаютъ народное дѣло.

Планъ Барятинскаго былъ таковъ: онъ рѣшилъ начать наступленіе съ трехъ сторонъ одновременно и со всѣми силами, бывшими въ его распоряженіи. Армію онъ раздѣлилъ на три корпуса, поручивъ каждый опытному начальнику и давъ каждому изъ послѣднихъ возможность дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, руководясь лишь общимъ планомъ, выработаннымъ главноначальствующимъ. **Наступленіе началось съ востока отъ Каспійскаго моря,**

отъ Лезгинской линіи и отъ Кавказской линіи. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ—и съ театра военныхъ дѣйствій уже пришли вѣсти о побѣдахъ: русскіе занимали непріятельскую территорію и зимой 1856—57 года прочно утвердились въ Большой Чечнѣ, Аухѣ и въ Салатавіи, а лѣтомъ генералъ Вревскій перешелъ главный хребетъ Кавказа и занялъ Дидойскій округъ. Шамиль, обратившій все свое вниманіе на Чечню, послалъ противъ Вревскаго сына своего, Кази-Магому, но тотъ былъ разбитъ и прогнанъ. Въ 1858 году зимой графъ Евдокимовъ окончательно покорилъ Большую и Малую Чечни и выселилъ самыхъ фанатичныхъ горцевъ за р. Аргунь. Шамиль, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, поднялъ было возмущеніе среди назрановцевъ, но это не удалось. Цѣлый рядъ пораженій, нанесенныхъ Шамилю, необыкновенная храбрость и настойчивость русскихъ солдатъ привели горцевъ въ страшное замѣшательство. Послѣ взятія громадныхъ укрѣпленныхъ ауловъ Шатоя и Веденя горцы окончательно пали духомъ, возмутились противъ собственнаго духовенства и стали присылать русскимъ депутаціи съ изъявленіемъ покорности, и, наконецъ, къ концу 1858 года у Шамиля не осталось ни клочка Чечни, и онъ бѣжалъ въ дикую и неприступную Андію.

И вотъ наступилъ, наконецъ, знаменитый 1859-й годъ. Весь Дагестанъ, за исключеніемъ небольшого клочка Андіи, гдѣ укрѣпился Шамиль, былъ въ русскихъ рукахъ. Весь этотъ походъ представляетъ одну изъ удивительныхъ страницъ нашей военной исторіи. Недаромъ наши ветераны, сами еще хорошо помнящіе эту войну, говорятъ:

„Съ такими солдатами, какъ русскіе, нѣтъ недоступныхъ крѣпостей“.

Когда нужны были охотники для совершенія какого-нибудь головоломнаго дѣла, то являлись сотни желающихъ рискнуть своей жизнью. Просто не знаешь, чему удивляться: геройскимъ-ли аттакамъ батальоновъ, бросавшихся на аулы по отвѣснымъ скаламъ, подъ градомъ пуль, камней и бревенъ, сбрасываемыхъ сверху, или холодному мужеству саперъ, прокладывавшихъ дороги, прорубавшихъ лѣса въ то время, когда изъ-за каждаго дерева, куста или камня выглядывало дуло длинной горской винтовки, посылавшей смерть въ ряды солдатъ, работавшихъ лопатами и кирками.

И вотъ русская настойчивость и мужество сломили храбрость и отвагу горцевъ. Весь Дагестанъ былъ прорѣ-

занъ сѣтью дорогъ, дававшихъ возможность быстро передвигать отряды и подвозить необходимые снаряды и припасы

Настало лѣто. Пѣсня Шамиля была окончательно спѣта; раздоры и ссоры среди мюридовъ разгорались больше и больше; у имама явился соперникъ — Кибитъ-Магома, собравшій большую партію недовольныхъ. Онъ думалъ, при помощи русскихъ, сдѣлаться имамомъ вмѣсто Шамиля и сталъ преслѣдовать послѣдняго. Два раза Шамиль былъ даже ограбленъ людьми Кибитъ-Магомы, и, наконецъ, какъ затравленный звѣрь, потерявъ всякую надежду вернуть свою силу, бѣжалъ и заперся въ горномъ аулѣ Гунибъ съ тремястами вѣрныхъ мюридовъ, рѣшившихся бороться до послѣдней капли крови и умереть со своимъ имамомъ,

18-го августа князь Барятинскій лично прибылъ къ Гунибу, который былъ плотно охваченъ нашими войсками.

Въ слѣдующіе дни наши войска занялись приготовленіемъ къ штурму. Князь Тархановъ и Кононовичъ со своими отрядами стали у подошвы горы, оттѣснивъ оставшагося непріятеля на верхнюю площадь.

Въ ночь на 25-ое августа съ одной стороны князь Тархановъ, съ другой—Тергукасовъ со страшными трудностями, при помощи веревокъ и лѣстницъ, взошли на верхнюю площадь Гуниба. Бой продолжался не долго, мюриды были перебиты и только горсть ихъ съ Шамилемъ заперлась въ послѣднемъ небольшомъ аулѣ, который былъ окруженъ 14-ю батальонами.

Выхода не было. Въ полуразрушенной саклѣ, опустивъ сѣдую голову на руки, сидѣлъ Шамиль, бывшій владыка Дагестана, державшій въ своихъ рукахъ въ теченіе 20 лѣтъ полчища горцевъ.

Угрюмо тѣснились кругомъ своего вождя вѣрные мюриды, рѣшившіеся раздѣлить съ нимъ судьбу, какова-бы она ни была. Въ углу сакли рыдали женщины. Кази-Магома, какъ затравленный звѣрь, судорожно сжималъ рукоятку кинжала и сверкалъ глазами. Онъ ждалъ отъ отца только приказа, чтобы заколоть женщинъ, а самому броситься на русскіе штыки и выпить до дна кровавую чашу.

Но сердце стараго имама болѣло за свою семью. Два часа онъ просидѣлъ молча, переживая мучительную борьбу, и, наконецъ, всталъ. Всѣ окружающіе впились въ него взглядами и ждали слова.

Печально оглядѣлъ Шамиль скользящимъ взглядомъ своихъ приближенныхъ и тихимъ голосомъ сказалъ, обращаясь къ сыну:

— Оставь кинжалъ... Сдаюсь...

Тяжелая слеза покатилась по сѣдымъ усамъ и бѣлой бородѣ имама. Всѣ головы опустились, но никто не возражалъ.

Въ 4 часа пополудни, 25-го августа 1859 года Шамиль сдался князю Барятинскому, который принялъ имама въ березовой рощѣ, сидя на камнѣ, на которомъ теперь вырѣзана надпись объ этомъ событіи.

26-го августа главнокомандующій отдалъ приказъ по арміи:

„Шамиль взятъ—поздравляю кавказскую армію".

Въ началѣ сентября эта вѣсть пронеслась изъ конца въ конецъ Россіи, возбуждая удивленіе. Всѣ такъ свыклись, что на Кавказѣ вѣчная война, что извѣстіе, присланное Барятинскимъ, казалось невѣроятнымъ.

Однако, фактъ совершился. Съ великимъ удивленіемъ смотрѣло русское общество на плѣннаго Шамиля, присланнаго въ Петербургъ, гдѣ его милостиво встрѣтилъ государь и пожаловалъ ему и всѣмъ его приближеннымъ подарки.

Шамиль былъ растроганъ до слезъ и впослѣдствіи постоянно съ восторгомъ вспоминалъ о милостяхъ русскаго царя.

Такъ кончилась многолѣтняя борьба съ могучимъ имамомъ. Съ его паденіемъ кончились волненія въ Дагестанѣ, по проложеннымъ дорогамъ потянулись мѣстныя повозки — арбы, завязались постоянныя сношенія между сосѣдями, и горцы получили возможность увеличивать свое хозяйство не грабежами и убійствами, а мирной торговлей. Фанатизмъ совершенно улегся, и если были еще кое-гдѣ небольшія вспышки, то онѣ чаще имѣли разбойничье происхожденіе. Въ 1877 г. въ Дагестанѣ вспыхнуло было нѣчто похожее на возстаніе, но оно было быстро подавлено. Въ 1899 году на Кавказѣ ходили слухи, что въ предгоріяхъ снова произошло небольшое возстаніе, но достаточно было одного батальона, чтобы его прекратить. Впрочемъ, объ этомъ говорили такъ туманно и неясно, что было-ли тамъ, въ самомъ дѣлѣ, что-нибудь серьезное ручаться нельзя. Если-бы даже что-нибудь и случилось, то удивляться нечему: среди мусуль-

манскаго населенія всегда можно ожидать тѣхъ или другихъ сюрпризовъ на религіозной подкладкѣ. Бываетъ это въ Закаспійскомъ краю, можетъ случиться и на Кавказѣ, гдѣ еще жива память о Шамилѣ и его подвигахъ, но подобная вспышка не можетъ разростись въ нѣчто серьезное при настоящемъ положеніи дѣлъ: слишкомъ многими нитями связаны горцы съ русскими, и ихъ міросозерцаніе за сорокъ слишкомъ лѣтъ сильно измѣнилось по сравненію съ тѣмъ, какимъ было во времена Шамиля.

Въ заключеніе, бросимъ краткій взглядъ на нравственный обликъ Шамиля. Какъ человѣкъ, это былъ одинъ изъ гуманнѣйшихъ, насколько ему позволяло его положеніе имама. Казнить онъ казнилъ и даже, по обычаю, допускалъ побиваніе каменьями въ преступленіяхъ о нарушеніи супружеской вѣрности, но никогда никого не мучилъ. О послѣднемъ, т. е., объ умышленной жестокости, вообще среди горцевъ почти ничего не было слышно. Большинство плѣнныхъ отзывались впослѣдствіи съ похвалой о своихъ хозяевахъ. Были, конечно, и изверги, но такихъ было не много, да и то, если до Шамиля доходили вѣсти о жестокомъ обращеніи съ плѣннымъ, онъ не только отбиралъ плѣннаго, но и наказывалъ его хозяина. Русскимъ-же дезертирамъ жилось въ Дагестанѣ даже очень хорошо, особенно, если они знали какое-нибудь ремесло. Шамиль предоставлялъ имъ всякія льготы, превосходившія иногда даже привилегіи мюридовъ.

Разумѣется, люди интеллигентные, избалованные несли тяжелый крестъ, попадая въ плѣнъ въ дикую обстановку. Зачастую имъ приходилось голодать, но это не было умышленнымъ дѣломъ горцевъ, ибо послѣдніе сами голодали иногда по цѣлымъ недѣлямъ.

Когда Шамиль жилъ въ Калугѣ, то въ мѣстномъ гарнизонѣ было нѣсколько солдатъ, побывавшихъ у него въ плѣну и пожелавшихъ повидать своего бывшаго „хозяина“. Всѣ они единогласно отзывались съ похвалой о бывшемъ имамѣ, а одинъ изъ нихъ даже когда-то нянчилъ его дѣтей, которыя полюбили плѣннаго солдата. Шамиль былъ тронутъ вниматьльностью и доброй памятью бывшихъ плѣнныхъ и звалъ бывшаго „нянькой“ приходить, когда пріѣдетъ въ Калугу съ Кавказа все его семейство.

Этотъ солдатъ, между прочимъ, при встрѣчѣ съ Шамилемъ поцѣловалъ его руку и, когда его спросили, почему онъ это сдѣлалъ, то солдатъ отвѣтилъ, что сдѣлалъ это такъ, „по душѣ“.

— Какъ это „по душѣ“?—спросили его.

— Да такъ, ваше благородіе, что человѣкъ-то онъ—стоющій: только тѣмъ плѣннымъ и бывало хорошо, гдѣ Шамиль жилъ али гдѣ проѣзжалъ онъ... Забиждать насъ не приказывалъ нашимъ хозяевамъ; а чуть, бывало, дойдетъ до него жалоба, сейчасъ отниметъ плѣннаго и возьметъ къ себѣ, да еще, какъ ни на есть, и накажетъ обидчика. Я это самъ видѣлъ сколько разъ.

— Такъ онъ хорошъ былъ для васъ, для плѣнныхъ?

— Хорошъ, ваше благородіе, одно слово — дупа. И дарма, что въ Христа онъ не вѣруетъ, одначе, стоющій человѣкъ *).

Проживая въ Калугѣ и приглядываясь къ русскимъ нравамъ, обычаямъ и воззрѣніямъ, а также къ религіознымъ христіанскимъ догматамъ, Шамиль постоянно одобрялъ и хвалилъ то, что, дѣйствительно, было достойно похвалы, и много разъ выказывалъ сожалѣніе, что не былъ знакомъ съ русскими раньше: „тогда не было-бы войны“,— замѣчалъ онъ не разъ.

Нравился ему догматъ давать милостыню такъ, чтобы лѣвая рука не знала, что дѣлаетъ правая, а одинъ изъ ближайшихъ его мюридовъ сталъ выполнять это буквально, т. е., встрѣчая нищаго, пряталъ одну руку за спину, а другой доставалъ кошелекъ и съ трудомъ при помощи зубовъ, открывалъ его и доставалъ деньги, стараясь, чтобы спрятанная рука „не видѣла и не знала“.

Вообще въ Шамилѣ было много душевной теплоты и любви къ ближнему. Ученье тариката упало на благодатную почву и его сѣмена не могли погибнуть, несмотря на послѣдующія треволненія и обращенія Шамиля къ шаріату со всѣмъ ужасомъ его выводовъ.

Въ плѣну, глубокимъ старцемъ, Шамиль вновь сталъ „муршидомъ“, вновь обратился къ высокимъ истинамъ, чуждымъ всего земного. Цѣлые дни онъ проводилъ на молитвѣ, увеличивъ обычные пять намазовъ до девяти, постился два раза въ недѣлю и читалъ священныя книги, давшія ему опять душевный покой и равновѣсіе.

Знаменитый плѣнникъ мирно скончался въ Меккѣ въ 1871 г., полный твердой надеждой, что Аллахъ и Магометъ съ радостью примутъ его въ лоно вѣчнаго покоя и блаженства, ибо онъ честно выполнилъ свой земной долгъ.

---

*) «Записки о Шамилѣ». А. Руновскій, оч. II, стр. 42.

ОЧЕРКЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

Подвиги русскихъ орловъ на Кавказѣ.

Взгляни, нашъ царь, на грозныя стремнины,
На неприступныя громады горъ,
Гдѣ вѣрныя твои дружины
Съ врагомъ ведутъ кровавый споръ.
Тамъ выше тучъ штыковъ сверкаютъ грани,
Съ громами неба громъ войны гремитъ
И отъ Эвксина до Кубани
Твой врагъ испуганный дрожитъ.

Кавказская пѣсня 1837 г.

I.

На Шамиля и Дагестанъ.

Разсказываютъ, что смѣненный Розенъ, возвращаясь съ Кавказа, пріѣхалъ въ Москву посовѣтываться съ Ермоловымъ, не слѣдуетъ-ли ему отправиться въ Петербургъ для объясненій. Алексѣй Петровичъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Погоди немного: скоро вернется Головинъ, и тогда мы всѣ трое поѣдемъ въ Петербургъ...

Дѣйствительно, скоро пришло извѣстіе, что главнокомандующій Головинъ замѣненъ ген.-ад. Нейдгардтомъ.

— Нейдгардтъ, видно, что нѣмецъ, — замѣтилъ по поводу этого назначенія Ермоловъ, — предусмотрительный онъ: нанялъ себѣ заранѣе домъ въ Москвѣ и задатокъ далъ — знаетъ, что скоро вернется...

Узнавъ, что Розенъ и Головинъ все-таки собираются въ Петербургъ для дачи объясненій, Алексѣй Петровичъ при первой встрѣчѣ съ ними сказалъ имъ:

— Знаете-ли что, любезнѣйшіе? Не обождать-ли намъ Нейдгардта? Онъ, вѣроятно, не замедлитъ пріѣхать. Тогда

наймемъ четырехмѣстную карету, да и отправимся всѣ вмѣстѣ въ Петербургъ...

Эта „увѣренность“ имѣла свои полнѣйшія основанія. Слѣдовавшіе за Паскевичемъ главнокомандующіе были совсѣмъ не по мѣсту. Они не усвоили себѣ характера войны, которую приходилось вести имъ, не проявляли своей личной инициативы, не вникали въ духъ кавказскихъ войскъ, а, между тѣмъ, горѣли желаніемъ славы.

При Головинѣ снова начались наступательныя движенія русскихъ на Кавказъ, востокъ котораго былъ охваченъ уже пламенемъ мюридизма. Въ 1839 г. дѣйствія велись тремя отдѣльными отрядами. На западѣ—на черноморскомъ побережьѣ — дѣйствовалъ отрядъ генерала Раевскаго, придерживавшаго прежнюю систему устройства крѣпостей и укрѣпленій въ завоевываемомъ краю. Раевскій шелъ въ глубь страны, возводя форты: „Головинскій“, „Лазаревъ“, „Раевскій“. Но крѣпости, укрѣпленія и форты возводились, а объ упроченіи ихъ положенія думали не особенно много. Какъ-будто все и кончалось только тѣмъ, что срубятъ крѣпостцу да посадятъ въ нее гарнизонъ: живи, какъ знаешь, и покоряй народы... Но, за исключеніемъ такого отношенія къ построеннымъ укрѣпленіямъ, система въ общемъ была правильная. Русская сила проникала все глубже и глубже въ страну непокорныхъ черкесовъ. Являлись опорные пункты, страна мало-по-малу входила въ сферу русскаго вліянія. Кубань уже давно перестала быть границею; послѣдняя отодвигалась все далѣе и была тамъ, гдѣ стояли русскія укрѣпленія.

Одновременно съ Раевскимъ двигался на р. Самуръ дагестанскій отрядъ, находившійся подъ командою самого корпуснаго командира, Головина, принявшаго на себя покореніе самурскихъ вольныхъ обществъ. Противъ усилившагося Шамиля былъ направленъ третій отрядъ—чеченскій, которымъ командовалъ ген. Граббе. Этотъ отрядъ состоялъ изъ 8.000 тысячъ человѣкъ. Шамиль, узнавшій объ его движеніи, успѣлъ собрать огромныя скопища лезгинъ и чеченцевъ и предсказалъ по всему Дагестану и Чечнѣ, что вступленіе русскихъ войскъ въ долину рѣки Андійское-койсу будетъ для нихъ гибелью. Всякаго, кто сомнѣвался въ этомъ предсказаніи, имамъ жестоко наказывалъ и даже объявилъ, что повѣситъ каждаго, кто осмѣлится предложить ему вступить въ мирные переговоры съ русскими.

Дагестанскій отрядъ, продвигаясь къ Самуру, сбилъ горцевъ съ ихъ сильной позиціи на Аджіахурскихъ высотахъ. Это было 31-го мая, а 3-го іюня Головинъ овладѣлъ ауломъ Ахты, у котораго было заложено укрѣпленіе; но вся тяжесть борьбы съ Шамилемъ выпала на долю отряда Граббе.

Первая битва съ мюридами у чеченскаго отряда произошла 31-го мая за аулъ Аргуань. Въ этомъ аулѣ укрѣпился самъ Шамиль съ десятитысячнымъ скопищемъ лезгинъ. Граббе явился со стороны крѣпости Внезапной и попробовалъ бомбардировать Аргуань. Бомбардировка оказалась безполезною: ядра не брали прочно построенныя сакли, и войскамъ пришлось идти на штурмъ. Съ барабаннымъ боемъ кинулись на завалы апшеронцы, куринцы и кабардинцы. Они образовали три штурмовыя колонны. Лезгины встрѣтили ихъ губительнымъ огнемъ, а затѣмъ кинулись на аттакующихъ въ шашки. Самъ Шамиль ободрялъ своихъ воиновъ, но натискъ русскихъ былъ настолько стремителенъ, что послѣ отчаяннаго боя горцы, несмотря на свое численное превосходство, разбѣжались и самъ Шамиль укрылся въ горномъ аулѣ Ахульго.

Ахульго — не одинъ аулъ, а два: Старый и Новый Ахульго. Вотъ какъ описываютъ ихъ историки Кавказской войны. Старый и Новый Ахульго занимали два огромныхъ утеса, раздѣленныхъ между собою глубокимъ ущельемъ рѣчки Ашильда. Оба вмѣстѣ они составляли полуостровъ, огибаемый съ трехъ сторонъ рѣкою Койсу. Верхнія площадки этихъ утесовъ, огражденныя кругомъ отвѣсными и каменистыми скалами, суживаясь къ югу, примыкаютъ къ окружающимъ горамъ только двумя узкими перешейками. Отъ Стараго Ахульго тянется хребетъ вдоль берега Койсу, надъ Новымъ высится, почти отвѣсно, остроконечная вершина, на которую можно было взобраться только поодиночкѣ. На этой вершинѣ горцами была возведена башня, носившая наименованіе Сурхаевой. Обрывы обоихъ утесовъ, изрытые множествомъ пещеръ, ниспадали къ Ашильдѣ и къ самому Койсу. Въ одномъ мѣстѣ оба утеса сближались между собою до того, что между ними было перекинуто нѣсколько бревенъ, подъ которыми была пропасть болѣе чѣмъ въ двадцать саженъ глубины. Оба Ахульго стояли гораздо выше этого моста и спуски къ нему изъ ауловъ были такъ круты, что даже привычные ко всякимъ кручамъ горцы должны

были кое-гдѣ устроить деревянные подмостки. Рѣка Койсу, протекая между утесистыми берегами, также сужпвается, и въ одномъ мѣстѣ, противъ Стараго Ахульго, черезъ нее были набросаны бревна, замѣнявшія мостъ. Вообще вся мѣстность вокругъ обоихъ Ахульго чрезвычайно сурова и дика. Горы каменистыя, безплодныя, какъ-будто всѣ въ трещинахъ. Шамиль, кромѣ того, укрѣпилъ это неподступное горное гнѣздо еще многими искусственными укрѣпленіями. Оба гребня, которыми Старый и Новый Ахульго примыкали къ сосѣднимъ горамъ, были глубоко перекопаны и надъ ними высились каменныя постройки съ бойницами. Въ Новомъ-же Ахульго, передъ переднею башнею, было устроено нѣчто въ родѣ бастіона: двѣ каменныя постройки, соединенныя траншеей, откуда можно было-бы обстрѣливать всѣ передовые подступы, если-бы была взята передняя башня. Кромѣ того, были устроены боковые ложементы и множество заваловъ, возведенныхъ съ такимъ расчетомъ, что впереди не было ни одной точки, которая во время штурма осталась-бы несосыпанною пулями.

Послѣ пораженія въ Аргуани Шамиль засѣлъ въ Ахульго съ четырьмя тысячами своихъ приверженцевъ, изъ которыхъ болѣе тысячи имѣли прекрасное вооруженіе. Сотня отчаянныхъ фанатиковъ-мюридовъ заняла Сурхаеву башню, и вотъ теперь русскимъ войскамъ предстояло штурмовать это неприступно дикое горное гнѣздо.

II.

Взятіе Ахульго.

О штурмѣ этой горной твердыни безъ продолжительной подготовки ея нечего было и думать. Граббе рѣшилъ осадить сперва Шамиля и штурмовать лишь тогда, когда удастся подойти къ Ахульго какъ можно ближе. 12-го іюня 1839 г. начались осадныя работы. На правомъ берегу Койсу укрѣпились два батальона кабардинцевъ, у переправы, нанеся завалы и снявъ съ моста настилку, засѣли двѣ роты апшеронцевъ. Но нужно было избрать наиболѣе выгодные пункты и для другихъ войскъ. Эти пункты приходилось разыскивать, можно сказать, на-ощупь — путемъ усиленныхъ рекогносцировокъ въ невозможно пересѣченной и гористой мѣстности. Были раскинуты колонны, бродившія по горамъ подъ мѣткими выстрѣлами изъ Ахульго и съ Сурхаевой башни. Шамиль тоже не бездѣйствовалъ. Во всѣ лезгинскія общества имъ были разосланы гонцы,

призывавшіе горцевъ на помощь имаму. Лезгины откликнулись, и 18-го іюня 1839 г. передъ Ахульго появилось четырехтысячное скопище, подъ начальствомъ Ахверды-Магомы. Это скопище было отогнано колонною ген. Лабинцева, но оно не ушло совсѣмъ, и остановилось въ нѣсколькихъ верстахъ, постоянно грозя русскому расположенію. Было получено извѣстіе о приближеніи новой партіи горцевъ, и Граббе, чтобы обезопасить себя, двинулся самъ на Ахверды-Магому. 21-го іюня произошло сраженіе, и горцы были не только разбиты, но даже разсѣяны. Однако, Шамиль, воспользовавшись уходомъ главныхъ силъ русскаго отряда, произвелъ вылазку и уничтожилъ осадныя работы. Граббе вернулся 23-го іюня и возобновилъ ихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшилъ уничтожить Сурхаеву башню, наиболѣе мѣшавшую штурму Ахульго. Штурмъ Сурхаевой башни былъ произведенъ 29-го іюля, но русскіе были отбиты. Тогда Граббе началъ 4-го и 5-го іюля бить по башнѣ изъ пушекъ. Бомбардировка оказалась вполнѣ удачнымъ средствомъ, и башня была разрушена русскими ядрами, а пробравшіеся во время артиллерійскаго боя охотники выбили съ утеса уцѣлѣвшихъ мюридовъ. Ликованію въ русскомъ лагерѣ конца не было. Взятіе Сурхаевой башни, командовавшей надъ всею мѣстностью, обѣщало и взятіе Ахульго. А въ это время прибыло еще подкрѣпленіе—три батальона ширванцевъ, подъ командою полковника Врангеля, и четыре орудія.

Съ прибывшими подкрѣпленіями подъ Ахульго собрались теперь тринадцать батальоновъ и тридцать орудій. Граббе 16-го іюля рискнулъ штурмовать горное гнѣздо. Однако, несмотря на геройскія усилія, штурмъ былъ неудаченъ.

Наступленіе русскихъ на завалы не поддается даже описанію. Люди гибли, но продолжали бой. Тяжело раненъ былъ командиръ ширванцевъ, Врангель. Русскіе герои ворвались было въ передовыя укрѣпленія и даже отчаянные фанатики-мюриды начали отступать передъ ними; мало того, они уже побѣжали было, но въ это время женщины съ малолѣтними дѣтьми кинулись передъ бѣжавшими, остановили ихъ и повернули на русскихъ, сами вмѣшавшись въ ихъ толпу и рядомъ съ ними ударивъ на врага. Штурмъ былъ отбитъ всюду.

Извѣстіе о неудачѣ русскихъ разнеслось по горамъ и къ Шамилю стали отовсюду прибывать подкрѣпленія.

Даже Гимры и тѣ выслали своихъ воиновъ. Привозили съѣстные припасы, порохъ.

Но только черезъ мѣсяцъ Граббе нашелъ возможнымъ возобновить свои попытки. Въ это время русскія войска успѣли приблизиться къ Ахульго, устроить подступы, возвести баттареи, и, наконецъ, новый штурмъ былъ назначенъ на 17-ое августа.

Въ этотъ день,—разсказываетъ А. Юровъ въ своей статьѣ „Три года на Кавказѣ“,—съ разсвѣтомъ, сдва солнечные лучи скользнули по вершинамъ угрюмыхъ ахульгинскихъ утесовъ, загремѣли всѣ наши орудія. Первый батальонъ куринскаго полка, имѣя во главѣ охотниковъ, спустился крытою галлереею и быстро началъ подниматься на скалу, несмотря на градъ камней и пуль изъ всѣхъ заваловъ. Отчаянное мужество мюридовъ, засѣвшихъ въ передовомъ укрѣпленіи, не могло остановить нашихъ солдатъ, съ генераломъ Пулло и подполковникомъ Цыклауровымъ, лично ставшими впереди штурмующихъ; передовое укрѣпленіе Новое Ахульго частью было взято, а вслѣдъ затѣмъ наши саперы успѣли продѣлать всходъ и втащить туры и фашины для устройства ложемента. Егеря, стѣсненные на узкомъ пространствѣ, ограниченномъ съ обѣихъ сторонъ обрывами, не могли даже выстроить взводную колонну, а, между тѣмъ, горцы, засыпая ихъ пулями, по временамъ бросались въ шашки. Не видя спасенія и рѣшившись дорого продать свою жизнь, они съ дикимъ отчаяніемъ прорывали нашъ строй и погибали на штыкахъ или-же умирали на скалахъ, постепенно взламываемыхъ. Кровопролитный бой за обладаніе этимъ ключемъ непріятельской позиціи, всю важность котораго отлично сознавали горцы, длился до полудня. Потерявъ надежду удержать за собою Новый Ахульго, Шамиль, въ часъ пополудни, поспѣшилъ выставить бѣлый флагъ и, когда пальба съ нашей стороны прекратилась, немедленно выслалъ къ генералу Граббе въ аманаты своего любимаго старшаго сына, Джамалэддина.

Уронъ непріятеля былъ такъ великъ, что въ сутки горцы едва успѣли убрать всѣ свои тѣла. Преданнѣйшіе и испытанные мюриды имама до того пали духомъ, что умоляли его скорѣе согласиться на всѣ требованія русскаго начальства. Переговоры начались 17-го августа. Для ускоренія ихъ хода было рѣшено, что исправлявшій должность начальника отряднаго штаба, генералъ-маіоръ Пулло, будетъ имѣть личное свиданіе съ Шамилемъ впе-

ради расположенія нашихъ войскъ, въ самомъ Ахульго. Имамъ долго колебался, опасаясь какого-нибудь злого умысла съ нашей стороны, но, наконецъ, согласился, и 18-го Пулло, съ небольшою свитою, взошелъ на Ахульго. Шамиль вышелъ навстрѣчу, усадилъ гостя на разостланный коверъ и бесѣдовалъ съ нимъ около получаса.

Всѣ старанія и убѣжденія Пулло оказались безплодными: горскій предводитель не соглашался именно относительно главнаго пункта — онъ просилъ себѣ разрѣшенія жить въ горахъ, а сыну, отданному уже въ аманаты, — въ Чиркеѣ, подъ присмотромъ Джамала. Свиданіе оказалось безполезнымъ, вопреки всѣмъ нашимъ ожиданіямъ. Переговоры опять затянулись; Граббе получилъ отъ Шамиля два письма, на которыя нельзя было согласиться, а, между тѣмъ, условленный трехдневный срокъ перемирія уже истекалъ. Видя, что Шамиль начинаетъ становиться все болѣе неуступчивымъ, Граббе, озабоченный скорымъ наступленіемъ дождливой и холодной осени, рѣшилъ не терять болѣе драгоцѣннаго времени и, во что-бы то ни стало, покончить съ Ахульго.

На разсвѣтѣ 21-го числа штурмъ возобновился. Генералъ Лабинцевъ двинулъ 1-й батальонъ кабардинцевъ на непріятельскую постройку бастіоннаго начертанія, обороняемую пробравшимся въ крѣпость Ахверды-Магомою. По первымъ выстрѣламъ у перекопа Шамиль направилъ сюда большую часть гарнизона; завязался кровопролитный бой на-жизнь и на-смерть. Вскорѣ лѣвая сакля была взята, правая-же, наиболѣе недоступная по своему положенію, держалась цѣлый день, несмотря на то, что мы испробовали всѣ средства: бросали на дно рва ручныя гранаты, заваливали его фашинами и турами и проч. Наконецъ, ночью саперы начали устраивать мину, высѣкая галлерею въ сплошной глыбѣ камня. Сакля была обрушена и всѣ ея защитники погибли подъ развалинами или пали подъ штыками ожесточенныхъ упорною защитою солдатъ. Кабардинцы немедленно заняли взятую съ боя постройку и наскоро прикрылись отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Все было подготовлено для послѣдняго рѣшительнаго боя, но наступившее утро ясно показало намъ упадокъ духа гарнизона, оставшагося безъ главы, такъ какъ имамъ, видя, что дѣло проиграно, поспѣшилъ бѣжать съ семьею и нѣсколькими преданными мюридами, приказавъ горцамъ перейти для послѣдней отчаянной обороны въ Старый Ахульго.

Съ разсвѣтомъ было замѣчено большое движеніе на Новомъ Ахульго: женщины съ дѣтьми поспѣшно уходили въ старый замокъ, унося все свое имущество. Этой минутой тотчасъ воспользовался Граббе; онъ приказалъ артиллеріи усиленно обстрѣливать непріятельскіе завалы, а двумъ апшеронскимъ ротамъ и двумъ ротамъ кабардинскаго полка перейти въ наступленіе. Кабардинцы и апшеронцы быстро бросились къ аулу, опрокидывая передъ собою толпы горцевъ, изумленныхъ неожиданнымъ пати-скомъ. Вслѣдъ за ними двинулись: слѣва—шесть кабардинскихъ ротъ, а справа — второй куринскій батальонъ. Очистивъ всѣ траншеи и завалы и обойдя пещеры, гдѣ засѣли мюриды, войска проникли въ самое селеніе. Завязался отчаянный бой; даже женщины оборонялись съ изступленіемъ, бросаясь безъ всякаго оружія на сплоченный рядъ нашихъ штыковъ. Вскорѣ сопротивленіе горцевъ было сломлено и они бросились бѣжать въ ущелье р. Ашильды, въ старый замокъ и пещеры; лишь двѣсти отчаянныхъ фанатиковъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ, заперлись въ саклях и продолжали отстрѣливаться. Бой разбился на мелкія рукопашныя схватки, и къ полдню на Новомъ Ахульго не осталось ни одного непріятеля.

Между тѣмъ, на Новомъ Ахульго, противъ Стараго, были поставлены два орудія. Тамъ замѣчалась большая суматоха; часть горцевъ еще не успѣла перейти мостикъ и спускалась къ нему по весьма трудной тропинкѣ; за ними бросились войска правой колонны, а въ это время туда уже вторгнулся 3-й апшеронскій батальонъ маіора Тарасевича. Въ то время, когда на Новомъ Ахульго бой былъ уже въ полномъ разгарѣ, около 10-ти часовъ утра, генералъ Пулло, по приказанію Граббе, двинулъ 3-й батальонъ апшеронцевъ на приступъ къ Старому Ахульго. Апшеронцы, воодушевленные успѣхомъ правой колонны и личнымъ примѣромъ храбраго маіора Тарасевича, не дали врагу опомниться—они быстро начали подниматься на утесъ, гдѣ толпы Шамиля искали послѣдняго убѣжища.

Путь колоннѣ указывалъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Шульцъ, тяжело раненый въ третій разъ во время блокады, но, тѣмъ не менѣе, не пропускавшій ни одного штурма. По узкой тропинкѣ для одного человѣка поднялись апшеронцы на плоскость Стараго Ахульго, изрытую пещерами и подземными саклями, покрытую башнями и завалами, и мгновенно заняли главнѣйшіе пункты. Непрія-

тель, сосредоточившій все свое вниманіе на происходившемъ въ новомъ замкѣ, какъ видно, вовсе не ожидалъ натиска. Онъ замѣтилъ голову колонны только тогда, когда она уже поднялась на утесъ, и встрѣтилъ ее залпомъ; но уже было поздно: апшеронцы ринулись вверхъ и опрокинули горцевъ штыками. Часть гарнизона положила оружіе, но около 600 мюридовъ продолжали защищаться съ ожесточеніемъ. По прибытіи передовыхъ частей войскъ съ Новаго Ахульго и послѣ продолжительнаго боя, фанатики были истреблены до послѣдняго. Въ два часа дня 22-го августа на обоихъ Ахульго развѣвались русскія знамена.

Потери непріятеля были огромны: до 700 тѣлъ устилали поверхность обоихъ утесовъ, вообще-же насчитано было болѣе тысячи труповъ; много убитыхъ было унесено быстрымъ теченіемъ Койсу. Въ плѣнъ было взято до 900 человѣкъ, большею частью стариковъ, женщинъ и дѣтей. Съ трудомъ мирились гордые горцы со своимъ положеніемъ; несмотря на полное изнуреніе и раны, нѣкоторые бросались на штыки часовыхъ, предпочитая смерть позорному плѣну. Нашъ уронъ въ бою 21-го и 22-го августа былъ великъ, но не настолько, какъ слѣдовало ожидать, судя по обстановкѣ, въ которой войскамъ пришлось драться—изъ строя выбыло: убитыми 6 офицеровъ и 150 нижнихъ чиновъ, ранеными 1 штабъ- и 15 оберъ-офицеровъ, 494 нижнихъ чина и контуженными два офицера.

Такъ окончилась осада Ахульго, составляющая одну изъ блистательнѣйшихъ страницъ исторіи Кавказской арміи.

Генералъ-адъютантъ Граббе благодарилъ войска за ихъ подвиги въ слѣдующемъ приказѣ по чеченскому отряду отъ 22-го августа 1839 года:

„Гг. генералы, штабъ- и оберъ-офицеры и вы всѣ, нижніе чины отряда! Вы совершили подвигъ необыкновенный, достойно увѣнчавшій рядъ успѣховъ этой экспедиціи. Вы отпраздновали высокоторжественный день вѣнчанія на царство великаго государя славнымъ боемъ, въ которомъ каждый велъ себя такъ, какъ-будто чувствовалъ на ссбѣ ободрительный взглядъ любимаго монарха. Я зналъ васъ, когда при началѣ дѣйствій приказомъ объявилъ, что не признаю съ вами ничего недоступнаго и неодолимаго. Я всего отъ васъ требовалъ, потому что всего надѣялся,— и вы все оправдали. Благодарю васъ!“

III.

Сороковой годъ.

Потерявъ Ахульго, Шамиль пріобрѣлъ Аварію... Этотъ человѣкъ какъ-будто былъ любимцемъ слѣпого счастья. Аварію, изъ-за которой лили кровь его предшественники— Кази-Мулла и Гамзатъ-бекъ,—Шамиль пріобрѣлъ безъ выстрѣла:.. Русскіе распорядители судебъ края страдали сильнѣйшею близорукостью. Аварія еще со временъ Ермолова была вѣрна русскимъ. Аварскіе ханы одни отсиживались въ своемъ Хунзахѣ противъ неистовыхъ мюридовъ. Когда Гамзатъ-бекъ перебилъ аварскихъ хановъ, правителемъ Аваріи сталъ юный Хаджи-Муратъ, о которомъ И. Н. Захарьинъ въ своей книгѣ „Кавказъ и его герои", говоритъ, что этотъ аварскій наибъ соединялъ въ своемъ лицѣ почти все, что, по понятіямъ горцевъ, долженъ былъ имѣть истинный герой: высокій ростъ, громадную физическую силу, красоту лица, беззавѣтную храбрость и отвагу, сильное самолюбіе и не менѣе сильное чувство мести. Жизнь этого человѣка была полна самыми удивительными приключеніями, а смерть исполнена высокаго трагизма. Родись этотъ даровитый несчастливецъ не въ горномъ аулѣ Аваріи, а среди какой-либо другой націи, болѣе цивилизованной, изъ него вышелъ-бы знаменитый герой. Это была сильная даровитая натура, но не туда кинула его судьба.

Хаджи-Муратъ при избраніи аварскимъ ханомъ самъ чувствовалъ себя настолько юнымъ, что добровольно уступилъ правленіе Ахмету, хану мехтулинскому. Когда, послѣ убійства Гамзатъ-бека, Шамиль пробовалъ овладѣть Аваріей, только благодаря вліянію Хаджи-Мурата Аварія осталась вѣрною Россіи, и вотъ этого преданнаго Россіи владѣльца Головинъ, по непровѣренному доносу его личныхъ враговъ, обвинилъ въ сношеніяхъ съ Шамилемъ, приказалъ схватить, заковать въ кандалы и подъ конвоемъ отправить въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Это было неслыханнымъ униженіемъ и позоромъ для гордаго родовитаго горца.

По дорогѣ, конвойный начальникъ изъ жалости замѣнилъ кандалы веревкою, такъ какъ идти по горамъ пришлось пѣшкомъ. При переходѣ по горной тропинкѣ Хаджи-Муратъ бросился въ пропасть, куда увлекъ и своихъ конвойныхъ. Остальные были увѣрены, что отчаянный горецъ разбился, и даже не стали искать его трупа. Однако, какимъ-то чудомъ Хаджи-Муратъ спасся, и

вскорѣ послѣ этого Шамиль, противникомъ котораго онъ былъ до тѣхъ поръ, получилъ отъ него такое письмо:

„Ты узналъ мою храбрость, когда я защищалъ противъ тебя Хунзахъ. Желаешь-ли испытать ее теперь, когда я хочу биться рядомъ съ тобой?“

Шамиль, не задолго передъ тѣмъ потерявшій Ахульго, съ величайшей радостью и поспѣшностью принялъ предложеніе Хаджи-Мурата, имѣвшаго громадное значеніе и вліяніе въ Аваріи и Дагестанѣ. Съ переходомъ Хаджи-Мурата къ Шамилю, дѣло газавата, т. е., священной войны противъ русскихъ, мѣняло свой характеръ въ Аваріи и власть Шамиля получила новый блескъ и распространеніе.

Имамъ тотчасъ-же послалъ Хаджи-Мурату письменный отвѣтъ, въ которомъ раскрывалъ ему свои объятія и предсказывалъ, что скоро русскій двуглавый орелъ сожжетъ свои крылья на сіяющемъ полумѣсяцѣ, красующемся на знамени правовѣрныхъ...

По прибытіи Хаждн-Мурата, Шамиль оказалъ ему величайшее довѣріе и сдѣлалъ его своимъ первымъ наибомъ. А за Хаджи-Муратомъ, дѣйствительно, перешла на сторону мюридизма и вся Аварія. Чего не смогли сдѣлать долголѣтнія усилія Шамиля и его мюридовъ, то сдѣлало вліяніе одного человѣка—Хаджи-Мурата. Потерявъ изъ среды своего вліянія Аварію, русскія власти окончательно потеряли и свое вліяніе надъ Дагестаномъ, черезъ что и отдалились на много лѣтъ его подчиненіе и завоеваніе.

Что за храбрецъ былъ Хаджи-Муратъ, лучше всего рисуетъ его попытка выкрасть изъ занятой двадцатипятитысячнымъ гарнизономъ Темиръ-Ханъ-Шуры главнаго начальника края, ген.-л. Орбеліани, во время бала. Попытка не удалась лишь потому, что Хаджи-Муратъ, не знавшій расположенія Темиръ-Ханъ-Шуры, принялъ ярко освѣщенный госпиталь за дворецъ генерала и ворвался въ него. Несмотря на поднявшуюся тревогу, онъ успѣлъ ускакать отъ погони.

При намѣстникѣ Воронцовѣ Хаджи-Муратъ явился къ русскимъ съ покорностью, но, оскорбленный недовѣріемъ намѣстника, бѣжалъ отъ конвоя и при погонѣ былъ убитъ.

Хаджи-Муратъ, увлекши за собой Аварію, перешелъ на сторону Шамиля въ „сороковомъ году“, т. е., въ 1840 г., самомъ тяжеломъ изъ всѣхъ годовъ борьбы за Кавказъ.

Аварія была потеряна, съ нею вмѣстѣ и весь Нагорный Дагестанъ, а вскорѣ отложилась и Чечня. А къ этому еще прибавилось полное успѣховъ возмущеніе горцевъ на Западномъ Черноморскомъ Кавказѣ. Чечня возстала изъ-за несвоевременно сдѣланной попытки обезоружить чеченцевъ. Шамиль ловко воспользовался озлобленіемъ, вызваннымъ приказомъ о разоруженіи, и поднялъ противъ русскихъ сперва нуховцевъ, потомъ ичкеринцевъ, а за ними и остальныя чеченскія племена. Въ Чечню былъ посланъ отрядъ, подъ начальствомъ ген. Галафеева. Этотъ отрядъ ходилъ на поиски, искалъ скопища чеченцевъ въ непроходимыхъ лѣсахъ; происходили ожесточенныя схватки и битвы, изъ которыхъ особенно кровопролитною была битва на р. Валерикъ, описанная Лермонтовымъ:

Едва лишь выбрался обозъ
Въ поляну, дѣло началось.
Чу, въ арьергардъ оружье просятъ;
Вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ;
Вотъ тащутъ за ноги людей
И громко кличутъ лекарей,
А вотъ изъ лѣса изъ опушки
Вдругъ съ гикомъ кинулись на пушки
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
Отрядъ осыпанъ... Впереди-же
Все тихо... Тамъ между кустовъ
Вѣжалъ потокъ.. Подходимъ ближе...
Пустили нѣсколько гранатъ;
Еще подвинулись... Молчатъ...
И вотъ подъ бревнами завала
Ружье какъ-будто заблистало,
Потомъ мелькнули шашки двѣ
И вновь все спряталось въ травѣ.
То было грозное молчанье!
Не долго длилося оно,
И въ этомъ страшномъ ожиданьѣ
Забилось сердце не одно.
Вдругъ залпъ... Глядимъ—лежатъ рядами...
Что нужды? Здѣшніе полки—
Народъ испытанный... «Въ штыки!..
Дружнѣе!»—раздалось за нами.
Кровь загорѣлася въ груди!
Всѣ офицеры впереди...
Верхомъ помчался на завалы,
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня...
«Ура!»—и смолкло. «Вонъ кинжалы!
Въ прикладъ!» И пошла рѣзня...
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь,
Ручей тѣлами запрудили.
Хотѣлъ воды я зачерпнуть—

И зной, и битва утомили
Меня—но мутная волна
Была тепла, была красна...

И такая битва была не единственная. Побѣды въ этой „галафеевской экспедиціи“ не принесли пользы; самыя ничтожныя неудачи по послѣдствіямъ ихъ были тяжелѣе серьезныхъ пораженій.

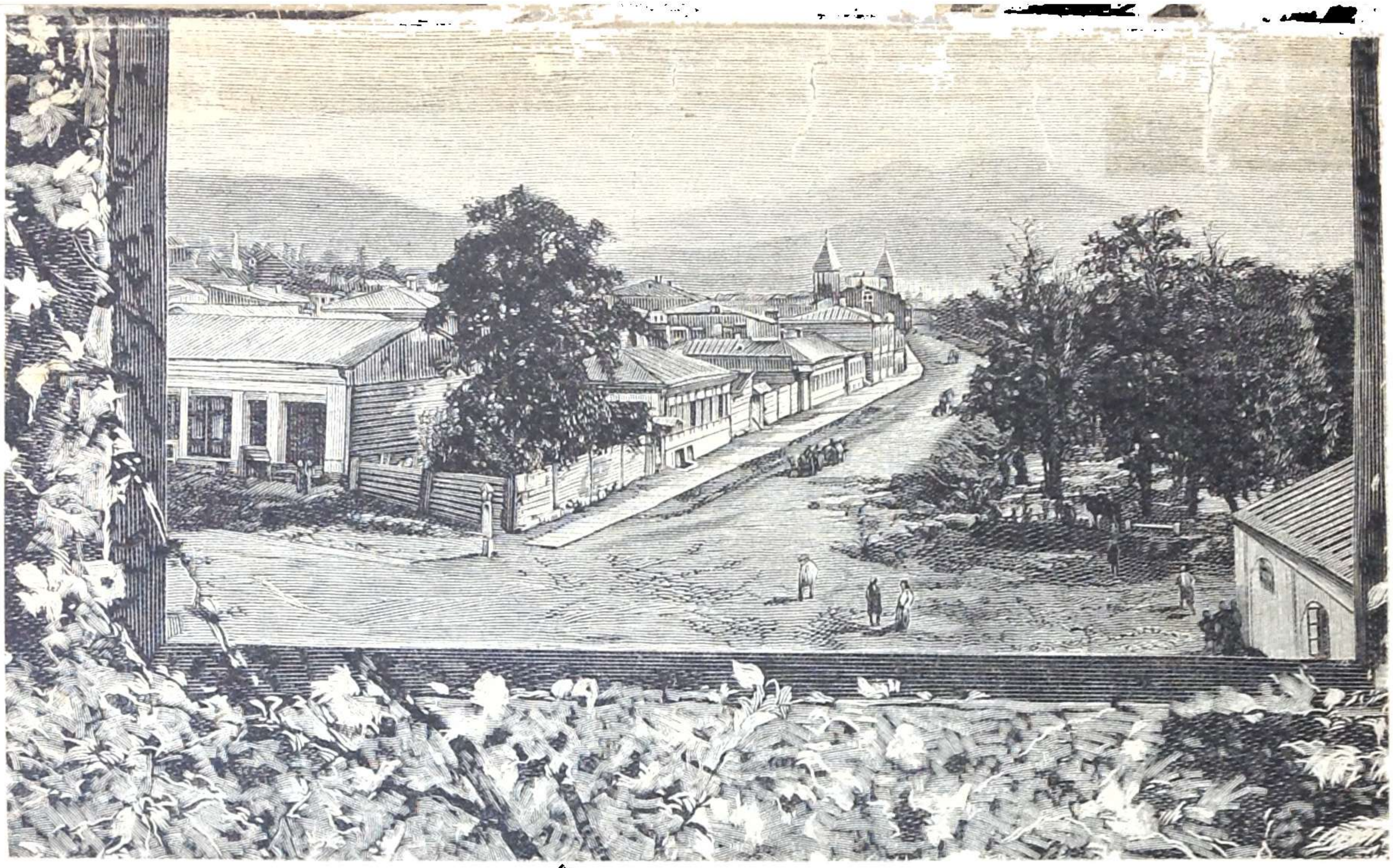
Пока возились съ Малой Чечней, Шамиль подчинилъ себѣ Салатавію, занялъ Аварію и къ нему присоединился старшина горскихъ обществъ на Андійскомъ-койсу, знаменитый Кази-Магома. Силы имама возрасли такъ, что бороться съ нимъ Кавказской линіи было уже не подъ силу. Чеченцы осмѣлѣли и дѣлали набѣги на Терекъ, причемъ скопища ихъ были такъ велики, что однажды они чуть не овладѣли Моздокомъ.

На Черноморскомъ Кавказѣ, или „на правомъ флангѣ“, дѣла русскихъ были еще хуже.

Еще до экспедиціи Раевскаго тамъ поднялись противъ русскихъ убыхи, во главѣ которыхъ стоялъ уважаемый ими уздень Хаджи-Берзекъ; въ то-же время среди черкесовъ появился убѣжавшій изъ Сибири сосланный туда артиллерійскій поручикъ Якубовичъ, одинъ изъ выдающихся героевъ ермоловскаго времени. Онъ принялъ исламъ, устроилъ лабораторію для выдѣлки пороха, далъ горцамъ нѣкоторую военную организацію. Европейскіе—главнымъ образомъ, турецкіе и англійскіе—агенты-подстрекатели тоже не дремали; они всѣми силами разжигали ненависть черкесовъ противъ русскихъ и, наконецъ, такъ наэлектризовали простодушныхъ и легковѣрныхъ дикарей, что тѣ поклялись или побѣдить, или погибнуть.

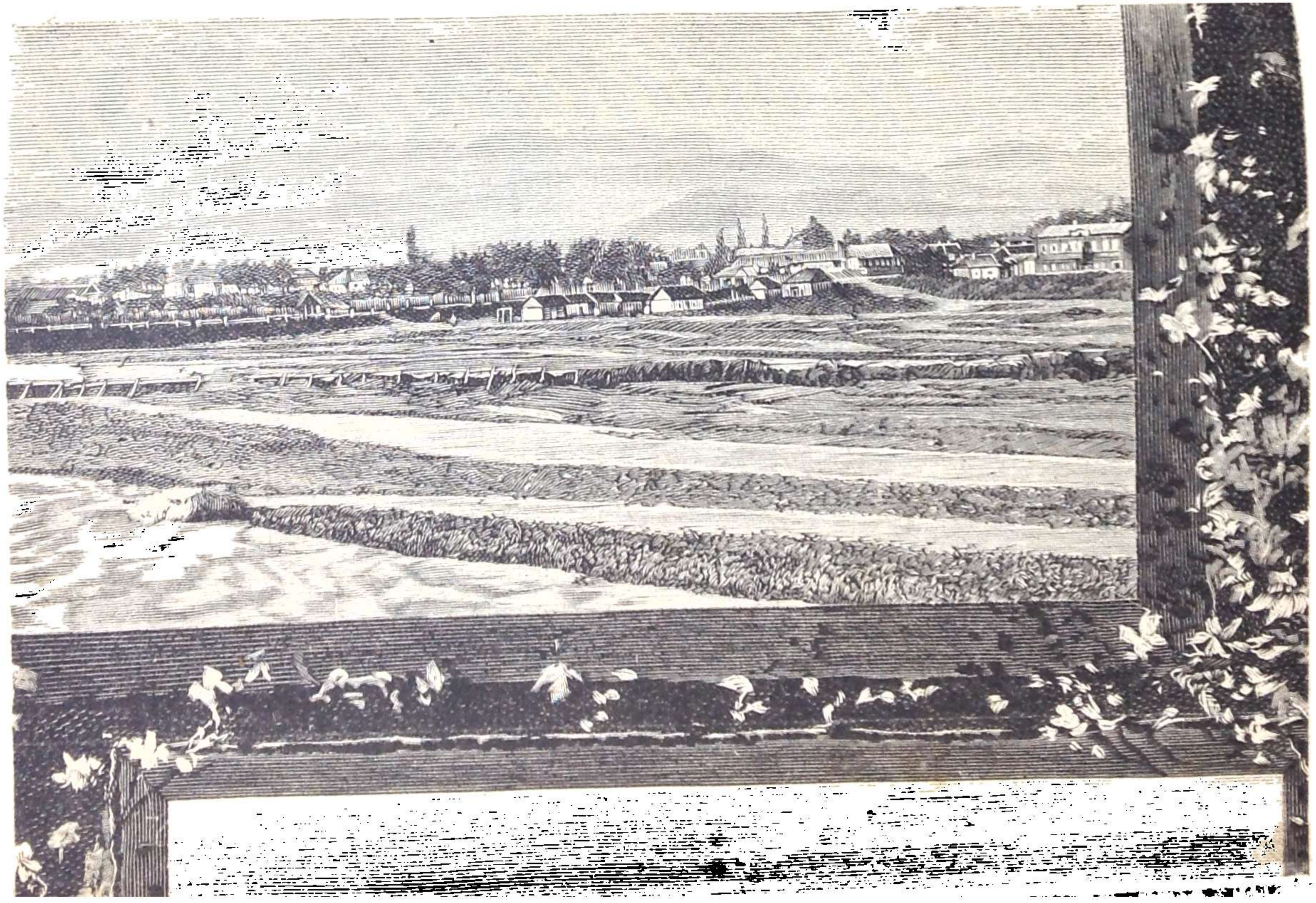
Экспедиція ген.-л. Раевскаго состоялась въ 1839 г. Головинское укрѣпленіе было возведено при устьѣ рѣки Субаши, Лазаревское—при устьѣ рѣки Псезуапе, укрѣпленіе Раевскаго—между Анапою и Новороссійскомъ. Эти укрѣпленія образовали Черноморскую береговую линію, но они были построены кое-какъ, вооружены тоже небрежно, а въ Лазаревское даже не была доставлена артиллерія.

Между тѣмъ, ослѣпленные фанатизмомъ и яростью черкесы сходились къ Хаджи-Берзеку изъ самыхъ дальнихъ ауловъ Закубанья. Каждое племя составляло особый отрядъ, имѣвшій опредѣленную организацію. Вооруженіе черкесовъ было превосходное — они въ изобили получали его черезъ Турцію изъ Европы; боевыхъ снарядовъ

Владикавказъ. 1) Слободка. 2) Купеческая ул. и Столовая гора. Композ. Н. Ольшанскаго по фот. В. Ермакова.

Стр 115 и 116.

[redacted] дорога: 1) Парьядьское ущелье. 2) Долина р. Арагвы. Композ. Н. Ольшанскаго

тоже было много, и вотъ въ февралѣ 1840 г. черкесы двинулись на Лазаревское укрѣпленіе. Они были такъ увѣрены въ своемъ успѣхѣ, что захватили даже арбы для увоза добычи. Седьмого февраля они уже нахлынули къ Лазаревскому. Гарнизонъ укрѣпленія былъ захваченъ почти врасплохъ. Ворвавшись, черкесы кинулись прямо къ казармамъ и офицерскому зданію. Командовавшій въ Лазаревскомъ капитанъ Марченко, офицеры и почти всѣ солдаты были изрублены (гарнизонъ Лазаревскаго укрѣпленія былъ отъ тенгинскаго полка). Въ плѣнъ къ черкесамъ попали только десять человѣкъ.

Послѣ Лазаревскаго черкесы овладѣли 29-го февраля Вельяминовскимъ укрѣпленіемъ и 10-го марта ударили на Головинское, но здѣсь были разбиты.

Эта неудача не охладила ихъ пыла. Отхлынувъ отъ Головинскаго, двѣнадцатитысячное скопище черкесовъ всею своею массою навалилось на устроенное еще въ 1837 г. Вельяминовымъ укрѣпленіе Михайловское, названное такъ въ честь великаго князя Михаила Павловича.

IV.

Укрѣпленіе Михайловское.

Въ Михайловскомъ укрѣпленіи было пятьсотъ человѣкъ гарнизона, набраннаго изъ полковъ тенгинскаго и навагинскаго и изъ черноморскаго линейнаго батальона. Солдаты были старослуживые, привыкшіе къ боямъ съ черкесами и, кромѣ того, беззавѣтно любившіе своего начальника, капитана Лико. Лико сумѣлъ своимъ справедливымъ отношеніемъ къ солдатамъ сплотить ихъ около себя. Его слово было для нихъ закономъ. При первомъ-же извѣстіи о взятіи черкесами Лазаревскаго укрѣпленія, онъ понялъ, что и Михайловскому не миновать той-же участи. Хотя въ гарнизонѣ числилось пятьсотъ человѣкъ, но среди нихъ было столько больныхъ, что оставшихся на ногахъ солдатъ не хватало для непрерывной линіи ружейной обороны. Лико созвалъ офицеровъ и въ ихъ присутствіи сообщилъ гарнизону о близкой опасности и о томъ, что „русскіе не сдаются“. Отвѣтомъ ему было единодушное „ура“. Тогда Лико объявилъ, что онъ взорветъ пороховой погребъ въ случаѣ, если черкесы ворвутся въ укрѣпленіе. Новое „ура“ явилось какъ-бы подтвержденіемъ общаго согласія на это. Были вызваны

охотники, которые въ случаѣ несчастія должны были-бы взорвать порохъ. Вышло десять человѣкъ и изъ числа ихъ Лико выбралъ рядового тенгинскаго полка, Архипа Осипова. Іеромонахъ Паисій, находившійся въ Михайловскомъ укрѣпленіи для отправленія духовныхъ требъ, благословилъ героя на вѣрную смерть. Послѣ этого Лико распредѣлилъ всѣхъ по мѣстамъ, и гарнизонъ замеръ въ напряженномъ ожиданіи безпощаднаго врага.

Ночью на 22-е марта, — разсказывается въ исторіи тенгинскаго полка, — часовые на валахъ замѣтили сигнальные огни, расположенные въ трехъ мѣстахъ. У многихъ защемило сердце и всѣ почувствовали, что наступаетъ торжественный моментъ. Молча, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, солдаты выходили изъ казармъ и занимали заранѣе назначенныя мѣста: на фасѣ, обращенномъ къ р. Пшадѣ и Джубскому ущелью, стала третья рота черноморскаго линейнаго батальона, напротивъ на фасѣ, обращенномъ къ р. Волана, вторая рота того-же батальона; гребень бруствера сѣверной баттареи заняли тенгинцы и навагинцы. Первые флангомъ примыкали къ Богатырской, а вторые — къ Джубской баттареямъ. Резервъ въ сорокъ человѣкъ отъ роты навагинскаго полка расположился между гауптвахтой, пороховымъ погребомъ и цейхгаузомъ; въ послѣднемъ, вслѣдствіе недостаточныхъ размѣровъ порохового погреба, были сложены гранаты и патроны.

Ночь выдалась особенно темная; ни зги не было видно вокругъ; море бушевало; вѣтеръ чуть слышно доносилъ отдаленный лай собакъ, выгнанныхъ за укрѣпленіе. Едва стало разсвѣтать, какъ вдали обозначились темныя толпы горцевъ. Когда передовыя части непріятеля подошли, наконецъ, на пушечный выстрѣлъ, съ Джубскаго бастіона грянуло орудіе; вслѣдъ затѣмъ раздался пѣстовый гикъ, и непріятель, неся въ рукахъ лѣстницы и двигаясь стройною массою съ развѣвающимися значками, бросился на штурмъ. Съ бастіона успѣли сдѣлать вдоль рва укрѣпленія еще одинъ выстрѣлъ картечью, наполнившій ровъ множествомъ труповъ. Это не остановило горцевъ: взбираясь по лѣстницамъ и цѣпляясь крючьями за туры и углы бойницъ, они полѣзли на гребень бруствера. Здѣсь завязался отчаянный рукопашный бой. Нѣсколько разъ рота линейнаго батальона съ подоспѣвшими взводами тенгинцевъ и навагинцевъ штыками опрокидывала черкесовъ, сталкивала ихъ лѣстницы, но они, какъ саранча,

лагая черезъ трупы своихъ товарищей, снова появлялись па валу и снова опрокидывались. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ неудачъ пѣшіе горцы обратились въ бѣгство, но расположенная сзади ихъ конница безъ милосердія стала рубить шашками малодушныхъ и вернула ихъ обратно. Тогда вторично раздался ужасный гикъ, и громадная толпа, подобно волнѣ, снова хлынула на укрѣпленіе и смяла послѣдніе остатки 3-ей роты линейнаго батальона. Подпоручикъ Краумгольдъ, видя, что Джубская баттарея уже занята непріятелемъ, со словами: „не робѣть!“, бросился туда съ намѣреніемъ возвратить обратно потерянный пунктъ, но, будучи раненъ и споткнувшись, упалъ и былъ увлеченъ горцами въ плѣнъ. Подавляя своею численностью, непріятель успѣлъ раздѣлить гарнизонъ на двѣ части: 9-я рота тенгинцевъ отступила на кавалеръ-баттарею, 6-я-же навагинцевъ и 2-я рота линейнаго батальона были притиснуты панцырниками къ пороховому погребу и гауптвахтѣ, гдѣ и завязалась главная схватка. Здѣсь руководилъ боемъ самъ Лико. Отъ полученной раны въ лѣвую бровь кровь заливала ему глаза; кость правой ноги, выше ступни, была раздроблена, но доблестный начальникъ продолжалъ отдавать приказанія, опираясь на шашку и въ лѣвой рукѣ сжимая кинжалъ. Въ это время изъ толпы выдѣлился горецъ, тотъ самый, который былъ нашимъ лазутчикомъ и предупредилъ о готовящемся нападеніи. Выйдя впередъ, онъ обратился къ начальнику гарнизона и предложилъ добровольно сдаться.

На это Лико крикнулъ: „ребята, убейте его! русскіе не сдаются!“. Приказаніе въ точности было исполнено. Тогда озлобленные горцы съ еще большею яростью накинулись на горсть храбрецовъ; силы наши быстро начали таять. Три часа уже длилось сраженіе, всѣ офицеры были перебиты, начальство перешло въ руки юнкеровъ и нижнихъ чиновъ изъ дворянъ.

Ружья до того накалились, что невозможно было ихъ держать въ рукахъ. Въ одномъ мѣстѣ укрѣпленія шла неравная борьба. Рядовой тенгинскаго полка Александръ Ѳедоровичъ, прижавшись стѣною въ уголъ бруствера и лихо работая штыкомъ и прикладомъ, отбивался отъ нѣсколькихъ десятковъ горцевъ...

Укрѣпленіе уже пылало; больница раньше всѣхъ была подожжена горцами, и въ пламени пожара погибло доста

человѣкъ тяжело больныхъ. На всѣхъ бастіонахъ уже развѣвались красные значки горцевъ, знаменуя ихъ побѣду. Послѣдняя горсть тенгинцевъ, отступившая къ внутренней баттареѣ, оборотила 4 орудія внутрь укрѣпленія и, совмѣстно съ оставшимися въ живыхъ артиллеристами, обдавала картечью толпы горцевъ, которые рыскали съ окровавленными кинжалами и шашками по укрѣпленію въ поискахъ добычи.

Архипъ Осиповъ все время находился здѣсь и подносилъ заряды къ орудіямъ; онъ два раза уже успѣлъ сбѣгать къ пороховому погребу и каждый разъ по возвращеніи сообщалъ, что тамъ толпится несмѣтное число горцевъ. Дѣйствительно, черкесы густою толпою окружили пороховой погребъ, рубили двери, разрывали крышу, разбивали стѣны. Видя, что насталъ моментъ выполнить данную клятву, Осиповъ со словами: „пойду, сдѣлаю память!“, съ пылающимъ фитилемъ устремился въ промежутокъ между казармою и цейхгаузомъ. Тенгинцы, въ числѣ сорока человѣкъ, имѣя во главѣ рядового Іосифа Мирославскаго, бросились вслѣдъ за нимъ, штыками пролагая дорогу къ баттареѣ, обращенной въ сторону моря, съ намѣреніемъ присоединиться къ навагинцамъ и совмѣстными усиліями выбросить непріятеля за валы. Едва тенгинцы достигли цейхгауза, потерявъ по пути 20 человѣкъ убитыми, Архипъ Осиповъ крикнулъ: „Пора, братцы! Кто останется живымъ, помни мое дѣло!“ — и съ этими словами побѣжалъ къ пороховому погребу.

Вслѣдъ затѣмъ раздался страшный трескъ, все содрогнулось и цѣлый столбъ дыма съ пламенемъ, съ человѣческими трупами, съ камнями, взвился на воздухъ!..

Все смолкло и солнце, не дойдя еще до полудня, освѣтило только кровавую картину смерти и разрушенія.

Въ первый моментъ у защитниковъ и нападающихъ опустились руки и всѣ застыли на своихъ мѣстахъ. Очнувшись, горцы въ ужасѣ торопливо стали убѣгать и только черезъ нѣсколько времени, видя, что ударъ не повторяется, пришли въ себя и стали по одному возвращаться обратно; тогда они взяли въ плѣнъ 2 офицеровъ, въ томъ числѣ и Лико, и до 80 чел. израненныхъ нижнихъ чиновъ.

Геройская защита Михайловскаго укрѣпленія на Черноморской береговой линіи обратила на себя вниманіе императора Николя I, который, въ воздаяніе отлично ревностной службы и особенныхъ трудовъ, переносимыхъ войсками, щедро наградилъ ихъ.

Высочайше повелѣно было штабъ- и оберъ-офицерамъ Михайловскаго гарнизона убавить одинъ годъ къ выслугѣ ордена св. Георгія, а всѣмъ нижнимъ чинамъ уменьшить одинъ годъ службы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 8-го ноября 1840 года было объявлено слѣдующее:

„Устроенныя на восточномъ берегу Черпаго моря укрѣпленія, основанныя для прекращенія грабежей, производимыхъ обитающими на томъ берегу черкесскими племенами, и въ особенности для уничтоженія гнуснаго ихъ промысла—торга невольниками,—въ продолженіе зимы и начала весны нынѣшняго года подвергались непрерывнымъ со стороны ихъ нападеніямъ. Выбравъ это время, въ которое береговыя укрѣпленія, по чрезвычайной трудности сообщенія, ни откуда не могли получить помощь, горцы устремились на оныя со всѣми силами. Но, въ ожесточенной борьбѣ съ горстью русскихъ воиновъ, они встрѣчали вездѣ мужественное сопротивленіе и геройскую рѣшимость—пасть до послѣдняго человѣка въ оборонѣ ввѣренныхъ имъ постовъ.

Гарнизоны всѣхъ этихъ укрѣпленій покрыли себя незабвенною славою. Изъ нихъ въ особенности гарнизонъ укрѣпленія Михайловскаго явилъ примѣръ рѣдкой неустрашимости, непоколебимаго мужества и самоотверженія. Состоя изъ 500 только человѣкъ подъ ружьемъ, онъ, въ продолженіе двухъ часовъ, выдерживалъ самое отчаянное нападеніе свыше 11.000 горцевъ, внезапно окружившихъ укрѣпленіе, нѣсколько разъ отбивалъ ихъ и принуждалъ къ отступленію. Но, когда, наконецъ, потерялъ въ жестокомъ бою большую часть людей, гарнизонъ не видѣлъ уже возможности противостоять непріятелю, въ двадцать разъ его сильнѣйшему, онъ рѣшился взорвать пороховой погребъ и погибнуть вмѣстѣ съ овладѣвшими укрѣпленіемъ горцами.

„На подвигъ этотъ, по собственному побужденію, вызвался рядовой тенгинскаго пѣхотнаго полка Аркинъ Осиповъ и мужественно привелъ его въ исполненіе. Обрекая себя на столь славную смерть, онъ просилъ только товарищей помнить его дѣло, если кто-либо изъ нихъ останется въ живыхъ. Это желаніе Осипова исполнилось. Нѣсколько человѣкъ храбрыхъ его товарищей, уцѣлѣвшихъ среди общаго разрушенія и погибели, сохранили его завѣтъ и вѣрно его передали. Государь Императоръ почтилъ заслуги доблестныхъ защитниковъ Михайловскаго

укрѣпленія въ оставленныхъ ими семействахъ. Для увѣковѣченія-же памяти о достохвальномъ подвигѣ рядового Осипова, который семейства не имѣлъ, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: сохранить навсегда имя его въ спискахъ 1-й гренадерской роты тенгинскаго пѣхотнаго полка, считая его первымъ рядовымъ, и на всѣхъ перекличкахъ, при опросѣ его имени, первому отвѣчать: „Погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи".

На горцевъ эта удача подѣйствовала воспламеняюще. Они уже считали себя побѣдителями и двинулись было къ Кубани. Здѣсь сперва ихъ тоже ожидалъ успѣхъ. Они взяли и разорили укрѣпленіе Николаевское и ударились на Абинскую крѣпость. Но здѣсь всѣ ихъ попытки овладѣть ею кончились неудачею. Трижды кидались горцы на штурмъ, и каждый разъ русскіе отбивали ихъ, нанося страшный уронъ. Абинска горцы такъ и не смогли взять. Они отхлынули въ свои земли, не упрочивъ за собой ничего, что дали имъ первые весенніе успѣхи. За лѣто русскіе успѣли оправиться и къ осени на правомъ флангѣ появились укрѣпленія Зассовское, Махошевское, Темиргоевское—на Лабѣ, а на Черноморской линіи были возобновлены укрѣпленія Вельяминовское и Лазаревское. Русскіе опять прочно стали въ Западномъ Кавказѣ, и тогда началась борьба упорная, безпощадная. Не было того, что обыкновенно принято называть „сраженіемъ", „битвою", происходили отдѣльныя схватки, стычки — словомъ, началась „малая война", въ которой противники постоянно мѣнялись своими ролями. Не было ни обороняющихся, ни наступающихъ, были только отчаянные борцы, стремившіеся лишь къ отдѣльнымъ побѣдамъ. Весь огромный край былъ охваченъ войною, которой и конца не предвидѣлось. Упорство горцевъ объяснялось, главнымъ образомъ, тѣмъ, что они получали все необходимое для борьбы изъ сосѣдней Турціи. Россія-же не могла удѣлять много силъ правому флангу, т. е., Закубанью. Борьба на лѣвомъ флангѣ, несмотря на побѣды подъ Ахульго и въ лѣсахъ Чечни, все разгоралась и разгоралась, а тутъ еще приходилось напряженно слѣдить за центромъ, т. е., за обѣими Кабардами. Съ этого времени почти всѣ усилія русскихъ были направлены на Дагестанъ и Чечню; правый-же флангъ былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ.

V.

Успѣхи Шамиля.

Выше упоминалось объ экспедиціи въ Чечню ген. Галафеева и о битвѣ на р. Валерикъ 11-го іюля 1840 г. Эта битва окончилась для русскихъ неудачею, точно такъ-же, какъ и рядъ послѣдовавшихъ за нею болѣе мелкихъ сраженій, но особенностью этой войны было то, что русскіе, несмотря на свои частичныя неудачи, все-таки шли впередъ и даже преслѣдовали отходившія передъ ними скопища лезгинъ и чеченцевъ. Въ сентябрѣ ген.-маіору Клюге фонъ Клюгенау удалось настигнуть Шамиля у аула Гимры, уже прославленнаго побѣдою русскихъ надъ Кази-Муллою, и здѣсь имаму было нанесено страшное пораженіе, на нѣсколько времени значительно охладившее боевой пылъ горцевъ. Шамиль затихъ, и русскіе, воспользовавшись этимъ затишьемъ, организовали для борьбы съ горцами четыре отряда: дагестанскій — въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, чеченскій — въ крѣпости Внезапной, назрановскій отрядъ и лабинскій — въ Прочномъ Окопѣ. Послѣдній отрядъ, которымъ командовалъ ген. Зассъ, предназначался для дѣйствія на правомъ флангѣ; первыми тремя командовали генералы Головинъ, Граббе, Барятинскій. Сперва казалось, будто Дагестанъ и въ самомъ дѣлѣ смирился передъ грозной русской силой. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ самыхъ выдающихся сподвижниковъ Шамиля, Кибитъ-Магома, потерялъ всѣхъ своихъ воиновъ, разошедшихся по домамъ послѣ сраженія подъ Гимрами. Но это былъ ничтожный успѣхъ. У Шамиля была уже прочная власть, распространявшаяся далеко за предѣлы Аварскаго-койсу, Казикумыкскаго ханства и почти до главнаго Кавказскаго хребта. Вся Аварія, благодаря его сближенію съ Хаджи-Муратомъ, признавала его своимъ повелителемъ и въ рукахъ русскихъ оставался только одинъ Хунзахъ, представлявшійся какъ-бы маленькимъ островкомъ среди бушующаго моря. Дабы успокоить аварцевъ, противъ нихъ былъ посланъ сильный отрядъ генер. Бакунина, но этотъ отрядъ потерпѣлъ столь тяжелую неудачу при штурмѣ аула Цельмесъ, что смѣнившій смертельно раненаго Бакунина подполковникъ Пассекъ съ величайшимъ трудомъ привелъ въ Хунзахъ незначительные его остатки.

Какъ и всегда, успѣхъ сразу поднялъ духъ горцевъ;

Чеченцы кинулись на Военно-Грузинскую дорогу и разграбили тамъ Александровское военное поселеніе. Шамиль тоже началъ наступательное движеніе и, выйдя съ своими мюридами изъ горныхъ тѣснинъ, гдѣ въ аулѣ Дарго была его резиденція, кинулся на Назрапъ, защищаемый небольшимъ отрядомъ полковника Нестерова. Здѣсь нападеніе было отбито, а вскорѣ послѣ этого Головинъ и Граббе аттаковали имама въ аулѣ Черкей. Битва произошла 15-го мая 1841 г. Горцы были выбиты изъ Черкея и Шамиль бѣжалъ; но это не остановило его. Не остановило его и то, что на мѣстѣ Черкея появилось русское укрѣпленіе Евгеніевское. Шамиль вскорѣ появился въ Чечнѣ и овладѣлъ ауломъ Гергебиль, преграждавшимъ проходъ въ Мехтулу. Это было одной изъ величайшихъ его удачъ въ этотъ періодъ войны: всѣ пути сообщенія русскихъ съ Аваріей были прерваны и борьбу приходилось начинать почти снова...

Въ это-то время Головинъ и былъ замѣненъ ген.-ад. Нейдгардтомъ, человѣкомъ педантическаго склада ума, болѣе всего обращавшимъ вниманія на внѣшность и форму, чѣмъ на существо дѣлъ.

Нейдгардтъ былъ назначенъ командиромъ Кавказскаго корпуса въ 1842 году. Въ началѣ этого года дѣла русскихъ на Восточномъ Кавказѣ какъ-будто стали поправляться. Начальствовавшій въ Сѣверномъ Дагестанѣ ген. Фези нанесъ мюридамъ нѣсколько пораженій, а въ Казикумыкскомъ ханствѣ ген. кн. Аргутинскій-Долгоруковъ разбилъ на-голову самого Шамиля. Чтобы „доканать“ имама, ген. Граббе двинулся съ своимъ отрядомъ черезъ Ичкерію къ его столицѣ Дарго. Четыре дня съ безпрестаннымъ боемъ шли русскіе дремучими ичкеринскими лѣсами и шли для того лишь, чтобы на пятый день убѣдиться, что дальнѣйшее движеніе невозможно. Лѣсъ какъ-будто оживалъ при каждомъ шагѣ впередъ. Съ высоты деревьевъ сыпались пули, вырывая изъ рядовъ лучшихъ солдатъ; горцы были невидимы въ лѣсной гущинѣ и о штыковомъ боѣ нечего было думать. Граббе рѣшилъ отступить; пошли назадъ, а врагъ преслѣдовалъ по пятамъ. Шестьдесятъ офицеровъ и 1.700 солдатъ были потеряны при этомъ отступленіи, и эта потеря ничего не принесла русскимъ. Ичкеринская экспедиція повела лишь къ тому, что притихшій было Дагестанъ опять поголовно поднялся вокругъ Шамиля. Въ Дагестанъ немедленно двинулся въ 1843 г. командовавшій дагестанскими войсками

Клюгенау, человѣкъ высокой личной храбрости; но у него былъ передъ глазами несчастный примѣръ Граббе. Клюгенау, какъ подтверждаетъ исторія, растерялся, дѣйствовалъ нерѣшительно. На помощь къ нему поспѣшилъ, совершивъ переходъ черезъ главный хребетъ Кавказа, кн. Аргутинскій-Долгоруковъ, но исходъ экспедиціи былъ все-таки неудачнымъ. Въ Аварію въ это-же время опять двинулся съ сильнымъ отрядомъ Граббе и взялъ съ боя аулъ Игали, но ни тамъ, ни тутъ русскіе не могли удержаться и дошло до того, что подполковнику Пассеку было приказано очистить единственный остававшійся въ русскихъ рукахъ аулъ, Хунзахъ, и отойти въ Темиръ-Хань-Шуру.

Пассекъ, одинъ изъ тѣхъ героевъ, которыми такъ гордятся старыя кавказскія войска, прославилъ свое имя этимъ отступленіемъ. Прежде всего онъ, покидая Хунзахъ, устроилъ такъ, что пороховой погребъ покидаемаго укрѣпленія былъ взорванъ какъ разъ въ то время, когда туда всей своей массой кинулись обрадованные неожиданнымъ успѣхомъ горцы, тутъ-же и взлетѣвшіе на воздухъ. Затѣмъ при отступленіи около мѣстечка Зиряны огромныя скопища горцевъ окружили отступавшую колонну. Лихимъ натискомъ Пассекъ откинулъ непріятеля и укрѣпился въ Зирянахъ. Горцы окружили его, и колоннѣ пришлось отсиживаться болѣе мѣсяца.

Каково было это „отсиживаніе“, лучше всего говоритъ солдатская пѣсня, сочиненная именно по поводу этого „сидѣнья“. Солдаты пѣли:

Стали ѣсть мы лошадину,
И варили, и пекли.
Вмѣсто соли мы солили
Изъ патрона порошкомъ.
Сѣно въ трубочкахъ курили,
Распростились съ табачкомъ.
Обносились, оборвались —
Все валилось съ плечъ долой.
Мы рогожки надѣвали,
Вмѣсто бурокъ и плащей;
Ноги кожей обшивали,
Послѣ съѣденныхъ коней.

Выручилъ отступавшихъ отрядъ ген. Гурко, только что, въ свою очередь, освобожденный ген. Фрейтагъ изъ блокированной горцами Шуры. Пассекъ за это геройское отступленіе изъ Хунзаха былъ произведенъ изъ подполковниковъ прямо въ генералъ-маіоры и награжденъ Георгіевскимъ крестомъ.

Какъ ни печальны были все эти неудачи, но въ такой войнѣ, какая велась на Кавказѣ, онѣ особенно серьезнаго значенія не могли имѣть, ибо никоимъ образомъ не вліяли на конечную цѣль всѣхъ вообще операцій. Силы Шамиля, въ концѣ концовъ, должны были-бы очутиться въ живомъ кольцѣ, которое, сдавливаясь, уничтожило-бы ихъ, но, какъ и всегда, вмѣшались кабинетные стратеги и въ несчастномъ 1843-мъ году былъ совершенно измѣненъ характеръ войны.

Еще въ 1842 г. Кавказъ посѣтилъ тогдашній военный министръ Чернышевъ. Онъ былъ свидѣтелемъ возвращенія изъ Ичкеринской экспедиціи отряда Граббе и вообразилъ, что мирное воздѣйствіе будетъ болѣе успѣшно, чѣмъ наступательныя движенія. Вскорѣ послѣ возвращенія Чернышева въ Петербургъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ воспрещались всякія экспедиціи и предписывалось ограничиваться только обороною. Такимъ образомъ, войска должны были оставаться въ бездѣйствіи, но ближайшимъ послѣдствіемъ этого было то, что Шамиль двинулъ на русскихъ всю Чечню, Дагестанъ и казикумыковъ. Въ августѣ 1843 года мюриды взяли укрѣпленія при аулѣ Унцукуль, причемъ былъ истребленъ русскій отрядъ, шедшій на выручку осажденнымъ; затѣмъ русскіе были выбиты еще изъ нѣсколькихъ укрѣпленій; 11-го сентября былъ взятъ у русскихъ аулъ Гоцатль, что прервало пути сообщенія Кавказской линіи съ Темиръ-Ханъ-Шурой. Чтобы представить себѣ трагическое положеніе, въ которомъ очутились кавказскія войска, достаточно сказать, что съ 21-го августа 1843 г. по 15-ое сентября русскіе потеряли 55 офицеровъ, 1.500 нижнихъ чиновъ, 12 орудій, почти всѣ склады провіанта и боевыхъ припасовъ. Всѣ горныя общества, дотолѣ сдерживаемыя страхомъ карательныхъ экспедицій, отложились и возстали противъ русскихъ. Въ ноябрѣ Шамиль отнялъ Гергебиль, возвращенный Россіи ген. Фези. Многочисленныя скопища горцевъ прервали сообщеніе съ Дербентомъ, Кизляромъ и всѣмъ лѣвымъ флангомъ. Выше сказано, что Темиръ-Ханъ-Шура была блокирована непріятелемъ и эта блокада продолжалась болѣе полутора мѣсяца. Крѣпость Низовая, защищаемая гарнизономъ въ 400 человѣкъ, болѣе десяти дней выдерживала атаки многотысячнаго скопища горцевъ. Къ концу 1843 г. въ рукахъ русскихъ оставались лишь незначительная часть бывшаго шамхальства Тарковскаго, побережье Каспія да клочекъ Дагестана. Менѣе

чѣмъ въ полгода было потеряно все, что пріобрѣталось годами тяжелыхъ усилій, цѣною тысячъ жизней...

Къ счастью, распоряженіе объ оборонительной войнѣ было объявлено лишь на 1843 г. кавказскіе вожди воспользовались тѣмъ, что подтвержденія его не послѣдовало, и попробовали возвратиться къ прежней своей тактикѣ. Въ апрѣлѣ 1844 г. кн. Аргутинскій, дѣйствовавшій въ Кумыкѣ, разбилъ близъ с. Марги мюридовъ, которыми предводительствовали знаменитые наибы Шамиля—Кибитъ-Магома и Хаджи-Муратъ. Самъ Шамиль былъ разбитъ у аула Энбери полковникомъ Козловскимъ. Въ іюнѣ у аула Гиллы Пассекъ съ полуторатысячнымъ отрядомъ разгромилъ двадцать тысячъ горцевъ.

Однако, эти погромы не останавливали гордившихся своими недавними успѣхами горцевъ. Совершенно неожиданно на Лезгинской линіи возсталъ покорный до сихъ поръ султанъ елисуйскій Даніилъ-бекъ и для разсѣянія мятежниковъ понадобился значительный отрядъ, который, подъ начальствомъ ген. Шварца, прошелъ въ Елисуй и овладѣлъ главнымъ его ауломъ, принудивъ Даніилъ-бека бѣжать къ Шамилю.

Вообще съ возвращеніемъ къ прежнему характеру войны успѣхи русскихъ становятся все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Вновь былъ покоренъ Даргинскій союзъ (Акуша), на р. Аргуни явилось укрѣпленіе Воздвиженское, которымъ была начата Новая Чеченская линія, и вотъ, когда положеніе русскихъ войскъ стало нѣсколько поправляться, пришла радостная вѣсть, что государь, увидавъ необходимость сосредоточенія власти на Кавказѣ въ однѣхъ рукахъ, обратилъ Кавказскій край снова въ намѣстничество и званіемъ намѣстника облекъ стараго кавказца, человѣка испытанныхъ военныхъ и административныхъ способностей, ген.-ад. графа М. С. Воронцова. Это имя говорило Кавказу о томъ, что пойдутъ иные порядки и борьба съ Шамилемъ не будетъ носить тотъ безпорядочный, неустойчивый характеръ, которымъ она отличалась до тѣхъ поръ.

VI.

Воронцовъ.

Имя Воронцова должно быть столь-же священно для Кавказа, какъ и имя Ермолова. Вас. И. Немировичъ-Данченко въ одномъ изъ своихъ сочиненій, посвященныхъ Кавказу, говоритъ, что Воронцовъ явился сюда истиннымъ

Геркулесомъ. Это была не только твердая воля, но и воля творческая. Онъ не зналъ слова „невозможно“, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, умѣлъ убѣждать, не нуждаясь въ жестокости. Всегда спокойный, изящно вѣжливый, онъ умѣлъ выше всего ставить человѣческое достоинство. Скромный въ своихъ личныхъ требованіяхъ, Воронцовъ никогда не принижалъ своихъ подчиненныхъ, чтобы тѣмъ лучи славы сосредоточивать на себѣ одномъ. На похвалы государя онъ обыкновенно отвѣчалъ, что это сдѣлано не имъ, а такимъ-то и такимъ-то. Служба при немъ теряла свой безцвѣтный казенный характеръ и дѣлалась не простымъ отбываніемъ принятыхъ на себя скучныхъ обязанностей. Каждый отдавалъ ей всѣ свои силы и способности, вносилъ въ нее лучшія стороны своей личности. Съ легкой руки Воронцова, боевое товарищество Кавказа приняло рыцарскій характеръ, которому такъ удивлялись впослѣдствіи. За его столомъ, въ его кабинетѣ, въ его залахъ не было ни начальниковъ, ни подчиненныхъ — встрѣчались только братья по оружію, слуги одного и того-же дѣла, величіемъ котораго они были проникнуты. Онъ былъ доступенъ всѣмъ и каждому, и все-таки престижъ власти возросъ при немъ до недосягаемой высоты. М. С. гнушался мѣръ, вызывавшихъ ужасъ; зато въ его распоряженіи были средства, привязывавшія къ нему души и сердца. Съ Воронцовымъ никто не чувствовалъ себя жутко, неловкость и робость первыхъ мгновеній скоро проходили и оставалось одно только уваженіе. Его не боялись, потому что онъ понималъ недостатки людей и умѣлъ прощать ихъ ради ихъ достоинствъ. Его глубокое и разностороннее образованіе избавляло его отъ обычныхъ ошибокъ бездарностей. Съ нимъ легко работалось, ибо каждый и въ немъ видѣлъ неутомимаго работника. Это былъ человѣкъ, являвшійся противовѣсомъ Шамилю. Великаго имама выдвинула отжившая свой вѣкъ дикая мощь Чечни и Дагестана, Воронцовъ явился на Кавказъ представителемъ и дѣлателемъ цивилизаціи. Онъ создавалъ въ то время, когда его противникъ стремился къ разрушенію. Онъ принялъ Кавказъ въ развалинахъ, оставилъ его обновленнымъ на новый не азіатскій, а европейскій ладъ.

И этотъ дѣятель, этотъ высокоталантливый администраторъ на первыхъ-же порахъ совершилъ ошибку своихъ ближайшихъ предшественниковъ. Дѣло въ томъ, что на Кавказъ смотрѣли, какъ на крѣпость, и такой взглядъ подтверждали ссылками на Ермолова. Но Алексѣй Петро-

впчъ, говоря, что „Кавказъ — крѣпость“, добавлялъ, что эту крѣпость нужно осаждать, а всѣ преемники Ермолова, вплоть до Воронцова, были убѣждены, что Кавказъ — крѣпость, которую нужно штурмовать. Говорили это, стремясь покончить съ Кавказомъ какъ можно скорѣе, а Кавказъ для штурма былъ неприступенъ. Его нужно было сперва ослабить; необходимо было постепенно проникнуть во всѣ его твердыни, брать-же его „въ лобъ“, значило терпѣть только однѣ потери. Такъ и выходило. Розенъ, Головинъ, Нейдгардтъ, недолго управлявшій краемъ послѣ Нейдгардта ген. Чернышевъ — всѣ кидались на дикія кручи Дагестана и только даромъ губили наши превосходныя войска, ибо и для русскихъ героевъ есть невозможное. Воронцевъ на первыхъ порахъ своего намѣстничества пошелъ было тѣмъ-же путемъ, и слѣдствіемъ его уступки господствовавшему убѣжденію была Даргинская экспедиція, которая поистинѣ явилась несчастною для кавказскихъ войскъ.

Какъ сказано выше, Воронцовъ былъ назначенъ на Кавказъ въ концѣ 1844 г., а явился въ свое намѣстничество въ апрѣлѣ 1845 г., Едва вступивъ въ правленіе, онъ уже рѣшился на походъ въ Андію и затѣмъ къ столицѣ Шамиля — аулу Дарго. Разореніе этого гнѣзда представлялось ему важнымъ уже потому, что Шамиль устроилъ въ Дарго огромные склады провіанта и боевыхъ запасовъ и даже небольшой арсеналъ, въ которомъ отливались, между прочимъ, и пушки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разореніе столицы мюридовъ представлялось Воронцову чѣмъ-то такимъ, что должно было произвести удручающее впечатлѣніе на горцевъ. Противъ Дарго былъ пущенъ чеченскій отрядъ, силы котораго были повышены до 23 батальоновъ пѣхоты, шестнадцати сотенъ конницы, тысячи человѣкъ грузинской милиціи и сорока шести орудій. Въ отрядѣ были храбрѣйшіе кавказскіе генералы—Пассекъ, Клюгенау, Фокъ, Викторовъ; грузинская милиція шла подъ начальствомъ испытаннаго храбреца, кн. Меликова. Воронцовъ принялъ на себя главное начальствованіе. Шамиль въ это время засѣлъ въ знаменитомъ Ичкеринскомъ лѣсу, прикрывавшемъ дорогу на Дарго. 3-го іюля 1845 г. отрядъ вступилъ въ лѣсистую область Андіи; 5-го произошло сраженіе съ горцами у горы Анчимееръ, въ которомъ отличились милиціонеры-грузины и куринцы съ апшеронцами. Горцы были откинуты и допустили русскихъ свободно пройти „Андійскія ворота“. У аула Андія

наступавшіе были встрѣчены самимъ Шамилемъ, который потерпѣлъ тутъ жестокое пораженіе. 6-го іюля ауль Дарго, столица Шамиля, былъ уже взятъ. Но тутъ-то русскіе и очутились въ очень невыгодномъ положеніи. У нихъ истощались продовольственные запасы, кругомъ въ непроходимыхъ лѣсахъ кишѣли горцы. Наконецъ, было получено извѣстіе, что изъ Темиръ-Ханъ-Шуры идетъ, подъ начальствомъ князя Бебутова, продовольственный транспортъ, и Воронцовъ поспѣшилъ выслать навстрѣчу ему часть своего отряда.

Вотъ какъ описывается во второмъ томѣ „Кавказскаго Сборника“, въ статьѣ Горчакова, движеніе войскъ навстрѣчу этому транспорту:

„Этимъ встрѣчнымъ отрядомъ командовалъ генералъ Клюгенау, авангардомъ — генералъ Пассекъ, а арріергардомъ — генералъ Викторовъ. Войска выступили изъ лагеря въ должномъ порядкѣ, забравъ съ собою всѣ, какіе было возможно, вьюки. Впереди шелъ батальонъ кабардинскаго полка. Генералъ Клюгенау повелъ его вдоль хребта по ужасной лѣсной дорогѣ, а остальныя войска оставилъ на произволъ судьбы. На долю ихъ выпала дорога такъ-же дурная; а тутъ еще, какъ на бѣду, пошелъ дождь и размыло глинистую почву. Отъ этого крутые подъемы сдѣлались до того скользки, что войска поневолѣ должны были идти вразбродъ, вслѣдствіе чего утратили строй, растянулись до невѣроятности и пришли въ безпорядокъ. Горцы воспользовались этими обстоятельствами и открыли самое отчаянное и жестокое нападеніе. Милиціонеры, составлявшіе лѣвую цѣпь, были почти всѣ перерѣзаны; рота куринскаго полка, находившаяся въ правой цѣпи, растянулась, растеряла своихъ людей и растерялась вообще; въ обозѣ произошелъ страшный хаосъ: горцы врывались въ средину его, хватали солдатъ за перевязи, убивали ихъ, грабили все, что попадалось подъ руку. Изъ саковъ, изрѣзанныхъ шашками и кинжалами, сыпались по дорогѣ золотыя и серебряныя монеты; изъ бурдюковъ, пробитыхъ пулями, лился спиртъ; по землѣ, въ бутылкахъ, валялось дорогое вино и множество съѣстныхъ припасовъ, везенныхъ маркитантами для отряда. Солдаты съ жадностью кидались на добычу и тутъ-же погибали отъ мѣткихъ выстрѣловъ непріятеля; узкія мѣста дороги были буквально загромождены ихъ тѣлами. Арріергардъ выдержалъ первый натискъ непріятеля довольно стойко и мужественно, но потомъ дрогнулъ и отступилъ, оставивъ

въ рукахъ его, между прочимъ, два орудія и гробъ убитаго при штурмѣ Дарго генерала Фока. Галуны на этомъ гробѣ болѣе всего привлекли вниманіе горцевъ; они тотчасъ оборвали ихъ, а тѣло выбросили на съѣденіе звѣрямъ. Одинъ изъ батальоновъ войскъ пятаго корпуса, находившійся въ арріергардѣ, былъ отброшенъ въ обозъ, оставилъ тѣла убитыхъ и раненыхъ и еще болѣе усилилъ и безъ того крайній безпорядокъ отряда. Всѣмъ этимъ горцы, конечно, пользовались съ успѣхомъ.

„Генералъ Клюгенау, пройдя лѣсъ, остановился въ ожиданіи колонны; между тѣмъ, она въ то самое время была уже разбита, потеряла своего начальника и лучшихъ офицеровъ. Только въ полночь прибыли къ нему остатки ея — въ самомъ жалкомъ видѣ, въ раздробленномъ и разстроенномъ состояніи. Оказалось, что головной батальонъ, объятый паническимъ страхомъ, отказался идти на завалы. Генералъ Пассекъ не могъ уговорить растерявшихся солдатъ и воскресить въ нихъ мужество. Батальонъ, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежалъ къ 5-му корпусу. Каждый шагъ нашего движенія доставался намъ цѣною десятковъ нашихъ воиновъ—убитыхъ и раненыхъ. Солдаты, потерявъ своихъ храбрыхъ и лучшихъ офицеровъ, никого и слушать не хотѣли — они бѣжали толпою или поодиночкѣ, но при этомъ въ каждомъ изъ нихъ замѣчалось стремленіе подвигаться впередъ, по направленію къ цѣли. Горцы-же старались каждому изъ нихъ преградить дорогу: врѣзывались въ средину, били, убивали, сбрасывали въ пропасть.

„Когда головной батальонъ дрогнулъ и остановился передъ завaломъ, мы лишились послѣдней надежды поддержать въ войскахъ порядокъ. Генералъ Пассекъ, какъ говорили, изрубилъ знаменнаго унтеръ-офицера, бросилъ батальонъ, одинъ побѣжалъ впередъ, вскочилъ на завалъ—и тутъ-же поплатился жизнью за свою отвагу и геройство. Въ то время подоспѣли къ завалу около двухъ взводовъ нашей роты, выбили горцевъ и чуть живого Пассека подняли на руки. Едва успѣвъ проговорить: „прощай, моя бригада!“ — онъ скончался, и съ послѣднимъ словами его кавказскія войска лишились наилучшаго и храбрѣйшаго генерала.

„Трупъ генерала Пассека былъ переданъ головному батальону все того-же 5-го корпуса, но куда онъ потомъ дѣвалъ эти драгоцѣнные останки, — Богъ его знаетъ.

„Всѣ эти несчастья опять-таки произошли отъ нерас-

порядительности генерала Клюгенау: колонна шла туда и обратно—на протяженіи 8 верстъ—двое сутокъ. И это произошло не отъ медленности марша, а отъ безпорядка.

„Безпорядокъ царствовалъ до самаго возвращенія колонны въ Дарго, куда она явилась толпою. Убитые и раненые въ батальонахъ, кромѣ кабардинскаго, находившагося въ арріергардѣ, были брошены, исключая убитыхъ и раненыхъ куринцевъ и кабардинцевъ, которые были взяты своими товарищами и съ горемъ пополамъ доставлены въ лагерь. Вообще пораженіе операціонной колонны было полное и совершенное.

„Теперь вопросомъ первой необходимости было немедленно выйти изъ затруднительнаго положенія. Возвратиться, однако, черезъ лѣсъ, гдѣ только что совершилась ужасная катастрофа, было невозможно, такъ какъ отступавшій отрядъ, значительно ослабленный, не могъ и думать пробиться въ Андію. Главнокомандующій рѣшился двигаться впередъ, чтобы выйти къ Герзель-аулу. Ввиду этого было сдѣлано распоряженіе уничтожить всѣ войсковыя тяжести и даже палатки.

„Воронцовъ, оставивъ въ Дарго нѣкоторую часть войска, 13-го іюля, съ пятью тысячами человѣкъ, предпринялъ наступательное движеніе. На высотахъ Цептерти показались скопища горцевъ. Сбивъ съ этой позиціи непріятеля, отрядъ продолжалъ слѣдовать лѣвымъ берегомъ рѣки Аксая, причемъ непрестанно выбивалъ горцевъ изъ сильныхъ заваловъ, устроенныхъ ими на всемъ протяженіи пути. Въ продолженіе четырехъ дней отрядъ пробирался сквозь скопища непріятеля, еще потерявъ болѣе 50 офицеровъ и до тысячи нижнихъ чиновъ, и лишь 16-го іюля, послѣ упорнаго боя въ лѣсу, войска вышли на небольшую поляну близъ селенія Шаухалъ-Берды, гдѣ они остановились для отдыха. Отрядъ представлялъ печальную массу людей болѣе тысячи человѣкъ.

„Такое трудное положеніе отряда не могло ускользнуть отъ зоркихъ глазъ горцевъ, которые неоднократно мелкими кучками врывались въ средину раненыхъ и безоружныхъ людей и производили страшныя опустошенія, пока на помощь погибающимъ не подоспѣвали ближайшіе конвойные.

„Было такое положеніе, что всѣ находившіеся въ авангардѣ генералы, боясь за жизнь Воронцова, просили его оставить войска и самому пробраться ночью, подъ конвоемъ, на линію.

Поговоривъ съ генералами, онъ громко воскликнулъ: „Еще далеко до бѣды: у меня есть кабардинцы!“

„— Ну что,— сказалъ графъ, обратившись къ солдатамъ: —отдохнули? Молись Богу! Ура! за мной!—и, выхвативъ саблю, онъ направился къ непріятельскому завалу. „Мгновенно всѣ встрепенулись и съ крикомъ „ура!“ ринулись впередъ. Завалъ былъ взятъ и непріятель бѣжалъ.

„Несмотря на это, Шамиль не переставалъ стрѣлять черезъ рѣку въ русскій лагерь. Въ такихъ перестрѣлкахъ прошло два дня. Наконецъ, 18-го іюля послышались выстрѣлы со стороны Мискита: это были первые вѣстники помощи отряду. На другой день, рано утромъ, показались передовыя войска генералъ-маіора Фрейтага, слѣдовавшаго изъ Гергель-аула навстрѣчу главному отряду. Затѣмъ подошли главныя силы.

„Узнавъ о прибытіи къ Мискиту помощи, графъ Воронцовъ снялся съ позиціи и въ тотъ-же день, пробившись сквозь скопище горцевъ, старавшихся преградить ему путь, наконецъ, соединился съ Фрейтагомъ и, такимъ образомъ, подъ прикрытіемъ его, направился къ Гергель-аулу, куда и прибылъ 20-го іюля въ 4 часа пополудни“.

Такъ закончилась Даргинская экспедиція, въ лѣтописяхъ кавказской войны названная „сухарной“. Экспедиція эта, однако, стоила русскимъ дорого: они лишились четырехъ генераловъ: Фока, Пассека, Викторова, Василевскаго, 186 офицеровъ и до 4.000 тысячъ нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

О даргинскомъ походѣ графъ Воронцовъ отправилъ подробное донесеніе императору Николаю Павловичу, который, получивъ донесеніе, собственноручно изволилъ начертать на немъ:

„Читалъ съ большимъ любопытствомъ и почтеніемъ къ блестящей храбрости войскъ“.

Тѣмъ не менѣе, „сухарная экспедиція“ имѣла свое несомнѣнное значеніе. Она показала Шамилю, что противъ него выступаетъ со стороны Россіи вождь, который никогда не задумался-бы передъ жертвами ради интересовъ роднаго дѣла. Ошибка со стороны Воронцова была лишь въ томъ, что онъ пустилъ привыкшаго къ войнѣ въ Дагестанѣ Клюгенау дѣйствовать почти самостоятельно въ Чечнѣ, гдѣ образъ войны былъ совѣмъ иной. Клюгенау, циціановскій герой, сплоховалъ, но этого нельзя поставить ему въ вину. Всеобъемлющихъ умовъ нѣтъ и спо-

собность приспособленія къ обстоятельствамъ присуща только однимъ русскимъ славянамъ. Какъ-бы то ни было, а, несмотря на небывалую потерю, Даргинская экспедиція все-таки имѣла своимъ конечнымъ результатомъ то, что власть Шамиля была подорвана и русскіе могли продолжать свое наступательное движеніе.

Но походъ на Дарго имѣлъ еще и другое, чисто практическое значеніе, изъ котораго послѣдовали всѣ остальныя событія „воронцовскаго времени“.

VII.

Воронцовское время.

Даргинская экспедиція указала Воронцову истинный путь, по которому онъ долженъ былъ идти въ горы. Началась медленная наступательная война, война на всѣхъ пунктахъ. Воронцовъ одинаково удѣлялъ вниманіе свое и правому, и лѣвому флангамъ, всюду дѣйствуя осторожно, безъ эффектныхъ, но безполезныхъ и истомляющихъ экспедицій. Въ нѣдра Дагестана русскіе стали проникать безъ особенной торопливости, но зато это было уже движеніе навѣрняка. На правомъ флангѣ дѣйствовали путемъ возведенія новыхъ линій и расширенія ихъ раіоновъ. Изъ событій этого времени должно отмѣтить прежде всего героическую защиту Головинскаго укрѣпленія, на которое черкесы напали 16-го іюля 1844 г. Въ 1845 и въ 1846 г. черкесы снова пытались взять Головинское, но были отбрасываемы съ жесточайшимъ урономъ. Такъ-же тщетно пытались они взять фортъ Раевскій 24-го мая 1845 г. Здѣсь, въ Закубаньѣ, горцы серьезныхъ успѣховъ не имѣли. На лѣвомъ флангѣ съ 1846 г. русскіе начали уже закрѣплять за собою земли, отнятыя у горцевъ области, устраивая казачьи поселенія и вырубая непроходимые лѣса. Шамиль сопротивлялся съ несокрушимой энергіей. Онъ отнялъ въ Среднемъ Дагестанѣ у русскихъ важный аулъ Куташи, но ген. князь Бебутовъ успѣлъ вернуть эту позицію изъ рукъ горцевъ. Театръ войны все суживался. Шамиль изъ Дарго переселился въ аулъ Ведень. Но русскіе все еще продолжали терпѣть неудачи, когда приступали къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Къ такимъ неудачамъ принадложитъ попытка овладѣть въ 1847 г. ауломъ Гергебиль. Воронцовъ пустилъ на этотъ аулъ, бывшій „бѣльмомъ на глазу“ у русскихъ-два сильныхъ отряда — кн. Бебутова и князя Аргутинскаго-Долгорукова. Несмотря на чудеса храбрости, аулъ

не былъ взятъ. Отряды должны были отойти, потерявъ при штурмѣ до 600 человѣкъ убитыми и ранеными. Впрочемъ, неуспѣху этого предпріятія много содѣйствовало появленіе холеры, напугавшей намѣстника болѣе, чѣмъ всѣ скопища Шамиля. Зато болѣе удачнымъ былъ походъ на Салты — одинъ изъ сильныхъ ауловъ на югѣ Дагестана. Салты находились на р. Кара-койсу и сторожили выходъ изъ горныхъ тѣснинъ въ долину р. Самура. Этотъ аулъ былъ центромъ распространенія мятежа, и уничтожить это гнѣздо было необходимо.

Собравъ припасы, Воронцовъ самъ сталъ во главѣ самурскаго отряда, состоявшаго изъ восьми батальоновъ пѣхоты, двухъ ротъ стрѣлковъ, роты саперъ, полутора тысячъ конной и пѣшей милиціи при шестнадцати полевыхъ и осадныхъ орудіяхъ и особыхъ ракетныхъ командахъ.

Движеніе отряда началось 25-го іюля 1847 г. По дорогѣ русскимъ пришлось преодолѣвать громадныя препятствія, особенно при разработкѣ дороги. Войска ночевали близъ аула Кегеръ, въ виду неприступнаго аула Гунибъ, одного изъ самыхъ прочныхъ оплотовъ мюридизма. Одинъ изъ историковъ кавказской войны, Б. С. Эсадзе, въ своемъ „Описаніи замѣчательныхъ событій во время борьбы русскихъ на Кавказѣ“ говоритъ, что русскіе къ вечеру 26-го іюля были уже въ виду Салтовъ и расположились неподалеку отъ нихъ лагеремъ. Шамиль, прекрасно понимая важное значеніе аула, гдѣ былъ собранъ многочисленный храбрый гарнизонъ горцевъ, прибывшихъ изъ разныхъ ауловъ Дагестана, сильно укрѣпилъ его. Сюда стекались самые вѣрные и испытанные мюриды, и не было, кажется, ни общества, ни одного аула въ непокоренныхъ еще горахъ, которые не имѣли-бы представителей въ салтинскомъ гарнизонѣ. Внѣшнею оградою укрѣпленія, вооруженнаго двумя орудіями, служила толстая казематированная стѣна, которая фланкировалась построенными въ нѣсколькихъ пунктахъ башнями. Горцы приготовились къ упорной защитѣ.

Конецъ іюля и начало августа прошли въ устройствѣ баттарей и въ расположеніи по позиціямъ войскъ. Осадныя работы велись подъ руководствомъ инженеръ-подполковника Кесслера. По сооруженіи баттарей и ложементовъ и по прибытіи къ отряду еще двухъ батальоновъ и акушинской милиціи, былъ открытъ сильный артиллерійскій огонь. Видя, что русскіе заняли сильныя позиціи и

уже приблизились къ аулу, горцы дѣлали вылазку за вылазкою, нападали на русскіе передовые посты, а затѣмъ въ значительномъ числѣ стали показываться днемъ на окрестныхъ высотахъ, а ночью приближались къ лагерю, для воспрепятствованія траншейнымъ работамъ; попытки эти, однако, были тщетны; ихъ отбивали и осадныя работы шли впередъ успѣшно.

4-го августа, послѣ рекогносцировки, въ отрядѣ получились свѣдѣнія о нахожденіи вблизи Салтовъ восьми тысячъ конныхъ и пѣшихъ скопищъ, собравшихся противъ лѣваго фланга русской позиціи, въ оврагахъ и ущельяхъ высокихъ горъ, между Кегеромъ, хидатлинскимъ и салтинскимъ мостами, и предводимыхъ наибами Хаджи-Муратомъ, Кибитъ-Магомой и Даніилъ-бекомъ, султаномъ елисуйскимъ.

Князь Воронцовъ рѣшилъ разбить вспомогательныя скопища горцевъ. Для этого охраненіе лагеря и осадныя работы онъ поручилъ начальнику штаба, Коцебу, а Аргутинскому-Долгорукову ввѣрилъ подвижную колонну, состоявшую изъ шести батальоновъ, двухъ ротъ стрѣлковъ, дивизіона нижегородскихъ драгунъ, 200 казаковъ и 900 милиціонеровъ, самъ-же, съ шестью горными орудіями и ракетной командой, въ ночь на 7-е августа, выступилъ противъ Хаджи-Мурата. Стало разсвѣтать. Авангардъ приблизился къ оврагу, тянувшемуся передъ непріятельской позиціей. Войска кинулись на передовые горскіе пикеты. Воронцовъ направилъ противъ лѣваго непріятельскаго фланга два батальона, четыре орудія и ракетные станки, а князю Аргутинскому послалъ приказаніе стягиваться къ авангарду всею кавалеріей, которая должна была, перейдя оврагъ, обойти горцевъ съ праваго фланга. Согласно этому приказанію, дѣло завязали отважные милиціонеры полковника Бакиханова съ дивизіономъ нижегородцевъ, которые, преодолѣвая чрезвычайныя затрудненія на отвѣсныхъ спускахъ и подъемахъ, обскакали горцевъ съ тыла, а два батальона эриванцевъ съ мингрельцами бросились на завалы съ фланга.

Противникъ, отрѣзанный отъ главнаго пути отступленія, не выдержавъ натиска, началъ бросать оружіе, бурки, — все, что только его стѣсняло, и, опережая и давя другъ друга, съ гикомъ и шумомъ кинулся толпами въ кручу съ отвѣсныхъ скалъ между салтинскимъ и хидатлинскимъ мостами. Бѣгущихъ горцевъ русскіе солдаты съ криками „ура“ поражали штыками, пулями и кам-

нями... Не менѣе успѣшна была и аттака завалов на лѣвомъ флангѣ непріятельской позиціи, произведенная шестью ротами ширванцевъ и милиціей. Такимъ образомъ, горцы были сброшены въ глубокое ущелье на всей линіи и, не имѣя возможности пробиться къ рѣкѣ Каракойсу, пришли въ отчаяніе и разсѣялись въ разныя стороны.

Послѣ этого дѣла Воронцовъ передвинулъ свою колонну на высоты, прилегавшія къ правому флангу позиціи. Войска, поднявшись ночью на эти высоты, къ разсвѣту разсѣяли и здѣсь непріятеля. Одновременно съ этимъ, рота дагестанскаго полка овладѣла мостомъ, который находился между двумя глубокими оврагами у праваго фланга траншей, откуда горцы тревожили рабочихъ. Несмотря на перечисленные успѣхи, взять сильно укрѣпленный и хорошо вооруженный аулъ Салты открытою силой не представлялось возможнымъ.

Вслѣдствіе этого главнокомандующій рѣшилъ вести правильную блокаду. Баттареи и брешь-баттареи открыли убійственный огонь и стали громить аулъ; галлереи-же были подвинуты подъ самыя стѣны. Горцы тоже не оставались праздными и поражали траншеи безпрерывнымъ ружейнымъ огнемъ. Такъ продолжалось изо дня въ день, до половины августа, но горцы не помышляли о сдачѣ. Въ виду этого было приказано тѣснѣе обложить Салты и овладѣть находившимися въ тылу укрѣпленія садами, которые составляли ключъ позиціи. Занятіе этихъ садовъ должно было повлечь за собою паденіе твердыни, а потому можно было заранѣе предвидѣть жестокій бой. Съ этою цѣлью въ ночь съ 22-го на 23-е августа, когда салтинскіе сады покрылись густымъ мракомъ, генералъ-маіоръ Бюрно, съ двумя батальонами ширванскаго и самурскаго полковъ, занялъ сады съ западной стороны аула и, такимъ образомъ, замкнулъ кругъ осады.

Какъ разъ въ это время, для отвлеченія вниманія непріятеля, со всѣхъ баттарей былъ открытъ сильнѣйшій огонь по аулу, а два батальона съ барабаннымъ боемъ и крикомъ „ура“ заняли передовыя траншеи. Занятіе садовъ поставило горцевъ въ затруднительное положеніе, вслѣдствіе чего они задумали взять ихъ обратно и въ ту-же ночь бросились на батальоны, но были отбиты. Упорный бой продолжался до разсвѣта. Войска восемь разъ ходили на штурмъ и восемь разъ приступы были отбиты. Хотя позицію отстояли, но это стоило русскимъ пятнадцати

офицеровъ и болѣе трехсотъ нижнихъ чиновъ, т. е., почти половины высланнаго отряда. Несмотря на упорство непріятеля, сады были запяты и положеніе горцевъ становилось безвыходнымъ. Осада продолжалась. Насталъ послѣдній и самый рѣшительный періодъ осады: 6-го сентября, по прибытіи мортиръ и легкихъ орудій, начались общая бомбардировка и подготовленіе къ штурму. На другой день спова загрохотали брешь-баттареи и былъ заложенъ горнъ *) подъ большую башню, а 8-го, въ 6 часовъ утра, сразу былъ открытъ огонь со всѣхъ баттарей.

Центральная башня была взорвана и исчезла со стѣнами, а на ея мѣстѣ образовались двѣ огромныя воронки, и все задернулось густою черною тучей. Страшный трескъ пронесся въ ущельяхъ горъ. Два часа земля буквально стонала отъ грохота орудій.

Вслѣдъ за этимъ было рѣшено овладѣть наружною оградою аула. На разсвѣтѣ 9-го числа предполагалось занять штурмомъ южную стѣну аула. По условному сигналу, съ баттарей былъ открытъ усиленный огонь. Затѣмъ были двинуты на штурмъ охотники и, подъ начальствомъ командира дагестанскаго полка, полковника Евдокимова, четыре батальона отъ дагестанскаго и самурскаго полковъ, быстро овладѣвшіе передней линіей непріятельскихъ укрѣпленій. Непріятель изъ траншей открылъ ружейную пальбу, сопровождая ее тучею кампей, и все время упорно держался за весьма искусно расположенными верками второй и первой линій; онъ даже предпринималъ смѣлыя вылазки. Дагестанцы и самурцы проявили еще разъ примѣры мужества и стойкости и, отстаивая позиціи, гибли рота за ротой. Раненыхъ уносили, но въ тотъ-же моментъ на ихъ мѣстѣ спокойно выростали новыя фигуры. Примѣромъ для солдатъ были храбрые офицеры.

Уже двѣнадцать часовъ продолжался бой. Солнце садилось за горы. Русскіе и горцы стояли лицомъ къ лицу въ какихъ-нибудь сорока шагахъ. Шамиль издали слѣдилъ за ходомъ кроваваго побоища и все время ободрялъ правовѣрныхъ. Начинало темнѣть. Наконецъ, были подведены пять орудій, и, послѣ бомбардировки изъ двухпудовой мортиры, обороняющіеся замѣтно стали колебаться, чему много способствовало то обстоятельство, что горцы остались безъ воды, такъ какъ русскимъ удалось испортить протекавшую къ аулу воду. Кромѣ того, стояла не-

*) Минный зарядъ.

выносимая жара, а отъ гніенія неприбранныхъ труповъ заразился воздухъ; въ то-же время совершенно прекращено было сообщеніе съ окрестностями. Все это рѣшило участь гарнизона, который сталъ гибнуть сотнями.

Несмотря на такія бѣдствія, непріятель готовъ былъ на новыя предпріятія: ночью на 11-е сентября горцы у подножья занятой русскими стѣны зажгли кучу сухого хвороста и, кинувшись подъ прикрытіемъ дыма на баттарею, овладѣли ею, а затѣмъ бросились на прикрытіе, и хотя были отброшены, но у орудія вся прислуга была перебита. Замѣтивъ это, полковникъ Манюкинъ съ горстью офицеровъ мингрельскаго полка подоспѣлъ и, отважно дѣйствуя, не уступилъ занимаемой позиціи. Онъ былъ изранен нѣсколькими ударами въ лицо и голову; несмотря на это, герой выхватилъ пушку изъ рукъ непріятеля и съ помощью офицеровъ оттащилъ ее назадъ. 12-го числа бомбардировка продолжалась: въ этотъ день въ самомъ аулѣ дѣйствовали уже 8 орудій, а на другой день къ ихъ разрушительному дѣйствію прибавился еще сильный огонь съ фланговыхъ баттарей.

Аулъ сталъ пустѣть. Оказалось, что горцы попрятались въ подземелья. Положеніе ихъ становилось критическимъ, такъ какъ они уже третій день не получали продовольствія, жажда-же томила ихъ больше голода. Несмотря на это, Салты еще держались; между начальниками мюридовъ шли совѣщанія: одни находили, что дальнѣйшее упорство послужитъ къ напрасной гибели храбраго гарнизона, другіе, и, главнымъ образомъ, Умаръ-Деборъ, не соглашались съ мнѣніемъ большинства. Горячій споръ происходилъ до поздней ночи на 13-е число, послѣ чего горцы, не слушая уже приказаній Дебора, начали готовиться къ выступленію изъ аула. Съ разсвѣтомъ 14-го сентября защитники, истощивъ все свое геройство, очистили аулъ и направились въ разныя стороны. Русскія войска ворвались въ аулъ и завязали на улицахъ кровопролитный бой, въ которомъ ширванцами были отбиты пушка и знамя Умаръ-Дебора.

Такой-же адскій бой происходилъ и на лѣвомъ флангѣ, гдѣ во главѣ охотниковъ дѣйствовалъ линейнаго батальона шт.-кап. Бухаровъ, пока не былъ пораженъ на-смерть. Вездѣ непріятель защищался отчаянно, и не легко представить себѣ этотъ лабиринтъ завалов, баррикадъ, укрѣпленныхъ саклей, крытыхъ ходовъ и подземелій, которыми непріятель пользовался для пораженія нашихъ войскъ.

Въ самомъ началѣ боя 1-я гренадерская рота самурскаго полка была отправлена къ башнѣ № 1, на правомъ флангѣ, для устройства сообщенія между нею и передовыми саклями, а вслѣдъ затѣмъ къ баттареѣ, сооруженной 9-го числа на стѣнѣ, былъ поставленъ 1-й батальонъ эриванцевъ въ общій резервъ.

Всѣ-же части штурмующей колонны поочередно были введены въ бой: однѣ роты смѣнялись другими. Къ полудню гренадерская рота самурцевъ, сильно порѣдѣвшая и изнуренная тягостной работой, была замѣнена 2-ю егерскою ротою эриванскаго полка. Прапорщикъ Калиновскій со своей командою, приводя сообщеніе уже къ концу и слѣдя за непріятельскими выстрѣлами, поражавшими его рабочихъ, замѣтилъ, что они направлены изъ какого-то подвала. Обнаружилось, что этотъ подвалъ проходилъ по всему занятому нами въ тотъ день пространству и имѣлъ два выхода: одинъ изъ нихъ былъ заваленъ въ началѣ штурма разрушенною саклею, а другой открывался въ оврагѣ. Для овладѣнія подваломъ были вызваны охотники изъ эриванской роты, которые вмѣстѣ съ саперами, подъ командою инженеръ-поручика Попова, приступили къ выходу и потребовали сдачи засѣвшихъ въ подземельѣ мюридовъ. Въ отвѣтъ просвистало нѣсколько пуль. Вызваны были охотники изъ артиллеріи съ ручными гранатами. Въ зіяющее отверстіе, по разнымъ направленіямъ, полетѣло до пятнадцати гранатъ, и вслѣдъ за симъ раздались голоса, возвѣщавшіе готовность сдаться. Метаніе гранатъ было пріостановлено и на свѣтъ Божій стали выползать озлобленные мюриды. Ихъ набралось четырнадцать человѣкъ и столько-же, по ихъ словамъ, осталось въ подвалѣ: они обрекали себя на смерть во имя Аллаха. Снова полетѣли въ подземелье ручныя гранаты, а затѣмъ вбѣжали карабинеры. Осмотрѣвшись, они замѣтили фанатиковъ, забившихся въ отдаленные углы; по нимъ карабинеры открыли огонь, постепенно наступая; мюриды бросились на нихъ съ обнаженными шашками и кинжалами, но пали на сплотившихся штыкахъ...

Пока въ аулѣ происходилъ ожесточенный бой, съ сѣверной стороны появились толпы непріятеля, чтобы чрезъ сады прорваться на помощь гарнизону, а Хаджи-Муратъ съ партіей въ десять тысячъ человѣкъ конныхъ спустился съ высотъ по дорогѣ отъ с. Кушы, угрожая нашему правому флангу; въ то-же время другая партія

появилась въ тылу нашей позиціи отъ с. Кудали, и съ этой-же стороны отъ Хаджалъ-Махи ожидалось прибытіе въ Салты транспорта съ артиллерійскими снарядами. Генералъ-адъютантъ Коцебу, взявъ изъ боевого резерва двѣ роты эриванскаго карабинернаго полка, одною изъ нихъ съ горнымъ орудіемъ занялъ редуты на дорогѣ въ Куппу, а съ другою, также при одномъ орудіи, двинулся противъ Хаджи-Мурата; сюда-же поскакали дивизіонъ драгунъ, сотня казаковъ, конная ракетная команда и 50 человѣкъ аварской милиціи. Навстрѣчу-же транспорту, правѣе, была отправлена особая колонна пѣхоты, подъ командою полковника Минквица. Хаджи-Муратъ, принявъ, вѣроятно, это движеніе за обходъ его отряда, бросилъ свою весьма сильную позицію, перерѣзанную глубокими оврагами, и сталъ отступать съ такою поспѣшностью за крутую гору, что его не могли нагнать карабинеры. Горцы, провожаемые ракетами и гранатами, скоро скрылись изъ вида...

Рукопашный бой, продолжавшійся семь часовъ, прекратился послѣ трехъ часовъ пополудни. Наши войска овладѣли большимъ пространствомъ, чѣмъ было предположено. Охраненіе занятой нами части аула было возложено на маіора Асѣева съ двумя съ половиною батальонами; прочія войска были отведены въ лагерь, чтобы на утро окончательно вытѣснить упрямыхъ горцевъ изъ непокорной части аула. Всѣ знали объ отчаянномъ положеніи гарнизона, и не безъ основанія можно было расчитывать на попытку остатковъ гарнизона, пользуясь покровомъ ночи, бѣжать изъ аула. Въ этихъ видахъ были усилены секреты и выставлены сильные пикеты, а въ удобныхъ мѣстахъ для дѣйствія артиллеріи поставлены орудія.

Салты пали, но штурмъ и взятіе ихъ стоили русскимъ огромныхъ потерь, простиравшихся до тысячи двухсотъ человѣкъ убитыми, ранеными и контуженными; въ томъ числѣ были убиты около ста офицеровъ. Горцевъ при оборонѣ аула было убито тоже громадное число. По дорогѣ къ укрѣпленію лежало болѣе двухсотъ тѣлъ, съ разбитыми черепами, съ пронзенными грудями... Аулъ представлялъ картину страшнаго разоренія...

Отдавая должное горцамъ, князь Воронцовъ писалъ военному министру: „При долголѣтнемъ опытѣ мнѣ рѣдко случалось видѣть непріятеля болѣе упорнаго и стойкаго, какъ гарнизонъ укрѣпленія Салты, который составленъ

былъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ людей Дагестана. Упрямыя сопротивленія этого гарнизона превосходятъ все, что въ европейской войнѣ можетъ быть извѣстнымъ".

Паденіе Салтовъ было событіемъ великой важности, такъ какъ послѣ того всѣ горскія общества и предводители мѣстныхъ племенъ не считали себя безопасными и уже потеряли всякое довѣріе къ стѣнамъ и башнямъ. Не мало поколебалось и довѣріе къ имаму, на глазахъ котораго былъ истребленъ храбрый гарнизонъ Салтовъ. Съ другой стороны, паденіе этого укрѣпленнаго аула обезпечивало спокойствіе праваго берега Казикумыкскаго-койсу и замиреніе Цудахара, связывающаго Сѣверный Дагестанъ съ Южнымъ. Въ то-же время вѣсть о погромѣ Салтовъ, быстро разнесшаяся въ горахъ, какъ и всегда бываетъ съ впечатлительными южанами, въ значительной степени охладила ихъ боевой пылъ, ослабила ихъ напряженіе. По крайней мѣрѣ, елисуйскій султанъ Даніилъ-бекъ хотя и успѣлъ въ слѣдующемъ 1849 г. поднять лезгинъ, но вторженіе ихъ скопищъ въ Джаро-Белоканскую область не отличалось особенной энергіей и лезгины были наголову разбиты подъ ауломъ Чардахлы. Когда-же дагестанскіе горцы попробовали вторгнуться въ предѣлы Казикумыкскаго ханства, то на этотъ разъ поднять казикумыковъ не могли и были разсѣяны безъ особаго труда.

Вообще, послѣ разоренія салтинскаго гнѣзда мятежей и бунта, воинское счастье замѣтно перешло на сторону русскихъ. Въ томъ-же 1848 г., въ іюнѣ, былъ взятъ, наконецъ, неприступный Гергебиль. Шамиль, прекрасно понимавшій значеніе позиціи, поручилъ защиту аула отчаяннѣйшимъ изъ своихъ мюридовъ. Изъ Гергебиля были выведены семейства горцевъ, увезено все имущество. Въ аулѣ остались только тѣ, кто рѣшился умереть на мѣстѣ. Штурмъ Гергебиля представлялъ трудности необыкновенныя. Аулъ стоялъ на вершинѣ утеса, вздымавшагося на 8.000 фут. надъ уровнемъ моря. Съ одной стороны онъ былъ обнесенъ широкимъ и глубокимъ рвомъ, съ другой—зіяла пропасть. Высокія толстыя стѣны съ башнями опоясывали аулъ со всѣхъ сторонъ. Чтобы подобраться къ нему, войскамъ приходилось подняться и втащить пушки на горныя вершины, вздымавшіяся еще выше Гергебиля. И этотъ подвигъ былъ совершенъ, несмотря даже на то, что на береговыхъ высотахъ Койсу стоялъ самъ Шамиль съ огромными скопищами. Штурмъ былъ назначенъ на 6-е іюля, но горцы не дождались его

и покинули свое неприступное гнѣздо, прежде чѣмъ послѣдовалъ рѣшительный русскій ударъ.

Вскорѣ послѣ этого была вписана новая славная страница въ лѣтописи Кавказской войны. Эту страницу дала чудесная, прямо сказочная защита самурскаго укрѣпленія Ахты, на которое насѣлъ великій имамъ Чечни и Дагестана со всѣми своими силами. Шамиль замѣтилъ, что послѣ паденія Гергебиля его вліяніе стало замѣтно ослабѣвать, и рѣшился побѣдою возстановить его. Онъ избралъ для нападенія небольшую крѣпостцу Ахты, построенную на правомъ берегу Самура, недалеко отъ впаденія въ него рѣки Ахты-чай. Гарнизонъ крѣпостцы состоялъ всего изъ двухъ ротъ шестого линейнаго грузинскаго батальона, подъ командою начальника Самурскаго округа, полковника Рота. Шамиль былъ увѣренъ, что онъ возьметъ Ахты, прежде чѣмъ на Самуръ успѣютъ собраться утомленные Гергебильской экспедиціей войска. Осада Ахты началась въ сентябрѣ. Горцевъ собралось небывалое количество—сошлось чуть-ли не все способное къ войнѣ мужское населеніе подчинявшихся имаму горныхъ обществъ. Защитники Ахты рѣшили стоять до послѣдняго. На бастіонахъ во время отчаянныхъ штурмовъ дрались съ врагами даже жены офицеровъ. О сдачѣ никто и не думалъ. Штурмы производились горцами по нѣсколько разъ въ день. Наконецъ, дальнѣйшее сопротивленіе даже героямъ стало казаться невозможнымъ. О подкрѣпленіяхъ не было и слуху, боевые припасы истощились. Рѣшено было взорвать крѣпость въ то мгновеніе, когда въ нее прорвутся горцы. Подъ всѣми бастіонами были заложены фугасы, но какъ разъ въ то время, когда горцы готовы были двинуться на свой послѣдній приступъ, въ горахъ загремѣли выстрѣлы. Подоспѣлъ отрядъ кн. Аргутинскаго-Долгорукова, и осаждавшіе всѣ разбѣжались при первомъ-же извѣстіи объ его приближеніи. Крѣпость была спасена.

Здѣсь, на лѣвомъ флангѣ, точно такъ-же, какъ и на правомъ, военныя дѣйствія приняли особенный характеръ. Успѣхи и неудачи чередовались другъ съ другомъ, но ни для той, ни для другой стороны они не имѣли рѣшающаго значенія. Въ слѣдующемъ 1849 г. кн. Аргутинскій осаждалъ знаменитый аулъ Чохъ, но взять его не былъ въ состояніи; зато на Лезгинской линіи ген. Чиляевъ разгромилъ горцевъ у аула Хупро. Но, повторяемъ, успѣхи и неудачи въ этой войнѣ не имѣли никакого

рѣшающаго значенія. Полный успѣхъ сулилъ только „ермоловскій способъ“, и Воронцовъ широко примѣнялъ его въ послѣдніе годы своего намѣстничества. Войска постепенно вырубали лѣса на склонахъ горъ. Особенно настойчиво это производилось въ Чечнѣ, гдѣ ни одно изъ обществъ не признавало своей зависимости отъ русскихъ. Расчистивъ мѣстность, русскіе сейчасъ-же укрѣпляли ее за собой устройствомъ форта, крѣпостцы или просто устройствомъ на освобожденномъ отъ лѣса мѣстѣ новыхъ поселеній. Такимъ образомъ, была возобновлена и заселена Сунженская линія. Чеченцы противились отчаянно. Ни одного дня не проходило безъ жаркихъ схватокъ, но, несмотря на энергичное сопротивленіе, русскіе шли все далѣе и далѣе, и непокорные аулы волей-неволей должны были забираться въ глубину страны.

Изъ русскихъ героевъ Чечни въ этотъ періодъ войны исторія отмѣчаетъ удивительнаго храбреца, ген.-маіора Н. Н. Слѣпцова. Слѣпцовъ былъ душою войны. Его храбрость была безпримѣрна. Во время схватокъ съ горцами не было такого опаснаго мѣста, гдѣ-бы не появлялся герой. И смерть какъ-будто щадила его. Онъ оставался невредимымъ тамъ, гдѣ чеченскія пули вырывали его солдатъ десятками. Но — увы! — отъ смерти не уйдешь... 10-го декабря 1851 г., во время незначительной схватки съ чеченцами, въ тотъ моментъ, когда Слѣпцовъ велъ навагинцевъ на чеченскія завалы, его поразила шальная пуля. Рана оказалась смертельною, черезъ полчаса послѣ рокового момента Слѣпцовъ былъ уже мертвъ.

Этому герою было всего тридцать три года, но имя его гремѣло на всей Кавказской линіи. По описанію современниковъ, Слѣпцовъ былъ средняго роста, худъ и сухъ. Блѣдное лицо его, покрытое загаромъ отъ солнца Чечни, было очень красиво. Строгій, благородный профиль, орлиный носъ, густые, короткіе усы, бакенбарды, обходившіе кругомъ лица, и черные глаза, обычное выраженіе которыхъ было мягкое и ласковое, но которые въ минуты воодушевленія или гнѣва сверкали, какъ угли, составляли въ общемъ своемъ цѣломъ одну изъ тѣхъ физіономій, которыя нельзя забыть, видя ихъ хотя однажды. Волосы его были густые, курчавые, черные, какъ смоль, съ пробивающимся серебромъ сѣдины. Онъ быстро ходилъ, его движенія и жесты были рѣзки; говорилъ онъ скоро, а когда былъ чѣмъ-либо взволнованъ, то начиналъ заикаться. Голосъ его былъ пріятенъ, имѣлъ

особенный тонъ, въ моменты-же гнѣва и раздраженія дѣлался необыкновенно звонкимъ и крикливымъ.

Главнокомандующій почтилъ память Слѣпцова и отдалъ по войскамъ такой приказъ:

„10-го декабря отрядъ, собранный въ Малой Чечнѣ, произвелъ вполнѣ удачную аттаку непріятельскихъ заваловъ при входѣ въ долину р. Гехи, гдѣ чеченцы потерпѣли сильное пораженіе и понесли весьма большой уронъ. Съ нашей стороны, по числу убитыхъ и раненыхъ, потеря маловажная, но она невознаградима, потому что въ этомъ дѣлѣ мы лишились храбраго генералъ-маіора Слѣпцова, сраженнаго пулею въ грудь. Съ прискорбіемъ извѣщая о томъ войска ввѣреннаго мнѣ корпуса, остаюсь вполнѣ увѣреннымъ, что всѣ знали его подвиги и всѣ раздѣлятъ чувство горести, возбуждаемой утратой этого доблестнаго генерала, но въ особенности сунженскій казачій полкъ, которымъ онъ командовалъ съ 1845 года, который онъ устроилъ, поселилъ, воодушевилъ и прославилъ, съ которымъ сдѣлался грозою непріятеля, постепенно изгнаннаго изъ Малой Чечни, и въ рядахъ котораго онъ палъ на полѣ чести“.

Память Слѣпцова увѣковѣчена переименованіемъ Сунженской станицы въ Слѣпцовскую, въ которой впослѣдствіи былъ воздвигнутъ памятникъ герою. Въ его-же честь названы Слѣпцовскими минеральными водами сѣрные источники, находящіеся недалеко отъ Михайловской станицы.

Слѣпцовъ палъ на полѣ брани, и память его навсегда осталась въ кавказскихъ войскахъ, но то время было не такое, чтобы отдаваться печали. События не заставляли себя ждать. Шамиль, отброшенный отъ Ахтъ, принужденъ былъ бѣжать въ Прикаспійскій край и только выжидалъ время для возобновленія наступательной борьбы. Но вліяніе и власть его въ Дагестанѣ, главномъ его оплотѣ, стали замѣтно ослабѣвать. Имамъ и самъ замѣтилъ это. Отыскивая себѣ новыхъ приверженцевъ, онъ обратилъ вниманіе на черкесовъ адыге, боровшихся противъ праваго фланга Кавказской линіи. Какъ разъ въ это время русскіе здѣсь перешли въ наступленіе и начали вытѣснять абадзеховъ изъ плодородныхъ мѣстностей между рѣками Бѣлая и Лаба. Борьба происходила отчаянная, и вотъ во главѣ черкесовъ Шамиль поставилъ одного изъ своихъ способнѣйшихъ наибовъ—Магомета-Эмина. Черкесы снова получили правильную организацію, спло-

тились вокругъ своего вождя, и даже пораженіе, нанесенное имъ русскими 14-го мая 1851 г., не надолго охладило ихъ пылъ.

Зато на лѣвомъ флангѣ, начальникомъ котораго сталъ кн. Барятинскій, успѣхи слѣдовали за успѣхами. Русскіе отряды проникали въ непроходимыя горныя трущобы; аулы горцевъ положительно сметались съ кручъ. Въ теченіе 1852 г. окончилась неудачею только одна экспедиція — полковника Бакланова къ аулу Гурдали. Но зато лишь только наступилъ 1853 г., какъ разомъ встрепенулись горцы всего Кавказа. Пошли слухи о неизбѣжной войнѣ Россіи съ Турціей. Турецкіе эмиссары появились среди горскихъ племенъ. Шамиль и Магометъ-Эминь получили отъ турецкаго султана фирманы, призывавшіе всѣхъ мусульманъ на священную борьбу съ русскими. Но на призывы своихъ вождей горцы отзывались слабо. Мюридизмъ потерялъ свою остроту, а тяготы, налагаемыя этимъ ученіемъ, утомили горцевъ. Тѣмъ не менѣе, Шамиль собралъ достаточно силъ и готовъ былъ вторгнуться въ Кахетію и въ Джаро-Белоканскій округъ. Это вторженіе предупредилъ князь М. З. Аргутинскій-Долгоруковъ, совершивъ въ сентябрѣ 1853 г. неимовѣрно трудный переходъ черезъ горы Дагестана въ Закаталы; около этого-же времени Магометъ-Эминь со скопищемъ закубанскихъ горцевъ былъ на-голову разбитъ ген. Козловскимъ. При такихъ обстоятельствахъ разразилась Восточная война, перешедшая въ Крымскую кампанію. Загремѣлъ надъ Русью севастопольскій громъ. Тутъ уже не до Кавказа было Россіи. На правомъ флангѣ пространство между Анапою, Новороссійскомъ и устьями Кубани было оставлено; гарнизоны Черноморской линіи были увезены въ Крымъ и укрѣпленія взорваны. На лѣвомъ флангѣ Шамиль, вошедшій въ соглашеніе съ командовавшимъ турецкой анатолійской арміей, ворвался въ Кахетію и его нападеніе не имѣло успѣха лишь потому, что обаяніе его почти пропало и горцы неохотно отзывались теперь на призывы своего имама. Вскорѣ послѣ этого набѣга гр. М. С. Воронцовъ оставилъ постъ намѣстника и главнокомандующимъ войсками на Кавказѣ былъ назначенъ ген.-ад. Н. Н. Муравьевъ, на долю котораго выпала борьба не съ горцами, а уже съ турками.

Восточная война на Кавказѣ началась вторженіемъ сорокатысячной турецкой арміи въ Ахалцыхскій уѣздъ. Изъ эпизодовъ ея необходимо отмѣтить блистательныя

дѣла 1853 г. кн. Бебутова, кн. Андроникова, кн. Орбеліани, кн. Чавчавадзе и Муравьева. Баяндурское, Башкадикларское, Ацхурское и Ахалкалакское сраженія покрыли новою славою кавказскія войска. Въ слѣдующемъ 1854 г. произошли сраженія у рѣки Чолока, въ Гуріи, и на Чингильскихъ высотахъ. Въ первомъ изъ нихъ кн. Андрониковъ и во второмъ баронъ Врангель нанесли туркамъ серьезныя пораженія, а 24-го іюля того-же года кн. Бебутовъ у сел. Курукъ-Даре на-голову разбилъ главныя турецкія силы. Въ 1855 г. русскіе сперва вели оборонительную войну, но въ октябрѣ тридцатитысячная армія Омаръ-паши, высадившись въ Сухумъ-Кале, вторгнулась въ Имеретію и доходила почти до самаго Кутаиса, защищеннаго слабымъ, не имѣвшимъ продовольствія отрядомъ кн. Багратіонъ-Мухранскаго. Только движеніе Муравьева къ Карсу предотвратило бѣдствіе. 16-го ноября 1855 г. Карсъ сдался на капитуляцію, а весной слѣдующаго 1856 г. Парижскимъ миромъ была закончена Восточная война, причемъ русскія границы въ Закавказьѣ остались прежними.

Шамиль во время Восточной войны, кромѣ окончившагося для него неудачею набѣга въ Джаро-Белоканы, ничего не предпринималъ противъ русскихъ, но зато событія на правомъ флангѣ, гдѣ черкесы оказали туркамъ серьезную помощь, показали, что Россіи необходимо, во что-бы то ни стало, развязаться съ Кавказомъ. Несмотря на несчастную войну, были напряжены всѣ усилія и для рѣшительной борьбы съ горцами было собрано 270 т. войска, во главѣ котораго былъ поставленъ уже прославленный кавказскій воинъ, князь А. И. Барятинскій, назначенный кавказскимъ намѣстникомъ.

VII.

Барятинскій и его время.

Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, которому выпала на долю честь взять въ плѣнъ Шамиля, вскорѣ послѣ производства въ офицеры былъ командированъ на Кавказъ. Это случилось въ 1835 г., а въ 1836 г. онъ уже возвратился въ Петербургъ, успѣвъ отличиться въ дѣлахъ противъ закубанскихъ горцевъ, причемъ онъ былъ раненъ пулею въ бокъ. Въ 1845 г. онъ состоялъ при наслѣдникѣ цесаревичѣ, впослѣдствіи императорѣ Александрѣ Николаевичѣ. Въ этомъ году онъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ посланъ на Кавказъ, гдѣ полу-

чилъ въ командованіе третій батальонъ кабардинскаго егерскаго полка. Съ своимъ батальономъ онъ участвовалъ въ воронцовскомъ походѣ въ Андію и Даргинской экспедиціи; въ послѣдней Барятинскій былъ раненъ пулею и для леченія уволился за границу. Возвратился онъ въ 1847 г. и съ тѣхъ поръ непрерывно принималъ участіе въ покореніи Чечни. За особенное отличіе въ бою у аула Гергебиль, гдѣ Барятинскій успѣлъ занять командующія надъ горнымъ гнѣздомъ высоты, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту его императорскаго величества. Въ 1850 г. онъ былъ назначенъ командиромъ кавказской резервной гренадерской бригады, а въ слѣдующемъ—командующимъ 20-й пѣхотной дивизіей и исправляющимъ должность начальника лѣваго фланга; въ 1853 г. Барятинскій былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба войскъ на Кавказѣ и получилъ званіе генералъ-адъютанта. Въ Восточной войнѣ А. И. принималъ близкое участіе, отличился въ бою при Курукъ-Даре, но въ 1855 г. назначенъ состоять при его императорскомъ величествѣ и получилъ въ командованіе гвардейскій резервный корпусъ. Въ іюлѣ 1856 г. Барятинскій былъ назначенъ кавказскимъ намѣстникомъ и произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи.

Въ лицѣ новаго намѣстника край получилъ такого правителя, который являлся въ него не новичкомъ, а хорошо знакомымъ со всѣми мѣстными условіями и особенностями. Приэтомъ Барятинскій искренно желалъ покончить съ Кавказомъ. Онъ, понимая, что одному ему ничего не удастся сдѣлать, прежде всего учредилъ постъ отдѣльныхъ командующихъ войсками, облеченныхъ правами корпусныхъ комендантовъ. Начальникомъ своего штаба, то есть, ближайшимъ своимъ помощникомъ онъ избралъ и тогда уже пользовавшагося громкою извѣстностью ген. Д. А. Милютина. Способъ войны остался прежній: правильная осада горъ, прокладка дорогъ и очищеніе мѣстности отъ непроходимыхъ лѣсовъ. Въ Чечню, на которую главнокомандующій обратилъ особенное вниманіе, какъ на область съ неукротимымъ хищнымъ населеніемъ имъ назначенъ былъ опытный кавказскій воинъ, начальникъ лѣваго фланга линіи, генералъ Евдокимовъ. Вновь были заняты оставленные въ восточную войну Анапа, Новороссійскъ и Сухумъ-Кале и возобновлены уничтоженныя укрѣпленія на черноморскомъ побережьѣ. Но главное вниманіе намѣстникъ все-таки пока отдавалъ Чечнѣ. Шли,

правда, медленно, но зато совершенно вѣрнымъ путемъ. За два года, 1856 и 1857, были достигнуты очень крупные успѣхи. На правомъ флангѣ занята Адагумская равнина и возведено укрѣпленіе Майкопъ. На лѣвомъ флангѣ отъ Владикавказа проложена укрѣпленная дорога параллельно хребту такъ называемыхъ Черныхъ горъ до Куринскаго укрѣпленія на Кумыкской плоскости. Почти вся Чечня была подчинена установленному Барятинскимъ и Милютинымъ военному управленію; на земляхъ спльнѣйшаго изъ чеченскихъ племенъ — ауховцевъ — развилось сильное русское укрѣпленіе; была возвращена Салатавія; на Лезгинской линіи истребленіемъ лѣсовъ были уничтожены разбои. Въ 1858 г. ген. Евдокимовъ прошелъ считавшееся неприступнымъ Аргунское ущелье и заложилъ сильное укрѣпленіе на р. Аргуни, отъ имени рѣки названное Аргунскимъ. Послѣ того были покорены шатоевцы и на ихъ земляхъ была заложена крѣпость Евдокимовская. Одновременно съ Евдокимовымъ, дѣйствовавшимъ въ Чечнѣ, изъ Прикаспійскаго Дагестана двигался въ горы отрядъ ген. Врангеля, а съ Лезгинской линіи—отрядъ ген. барона Вревскаго. Къ концу 1858 г. Черныя горы были пройдены русскими, а Чеченская плоскость вся очищена отъ мятежниковъ...

Стѣсненный Шамиль бросался изъ стороны въ сторону, стараясь вновь сплотить горцевъ, но всѣ его попытки оставались тщетными. Желая отвлечь русскихъ, имамъ съ остатками своихъ дружинъ ударился-было на Назранъ, но тутъ онъ былъ разбитъ генераломъ Мищенко. Тогда Шамиль ушелъ въ свой аулъ Ведень, но Евдокимовъ явился и сюда. 17-го марта 1859 г. была начата осада послѣдней столицы мюридовъ и 1-го апрѣля Ведень былъ взятъ. Шамиль бѣжалъ, но теперь дни его были сочтены...

IX.

Взятіе въ плѣнъ Шамиля.

Великій имамъ Чечни и Дагестана рѣшилъ бороться до послѣдней возможности. Онъ ушелъ за трудно переходимую рѣку Андійское-койсу и укрѣпился на правомъ берегу ея. Быстро выросли завалы, за которыми сѣли храбрѣйшіе изъ воиновъ Шамиля. Самъ онъ поселился въ аулѣ Килятль, заградивъ доступы въ Нагорный Дагестанъ съ сѣвера и съ юга.

Дозволено цензурою. Спб., 12-го мая 1904 г. Тип. А. А. Каспари.

Но и Барятинскій тоже организовалъ походъ на Ерага. Планъ этого похода и всѣ подготовительныя работы были возложены на ген.-ад. Милютина и удостоились Высочайшаго одобренія государя императора. Для послѣдняго удара Шамилю были назначены три отряда: чеченскій, дѣйствовавшій съ запада, дагестанскій — съ востока, и лезгинскій — съ юго-запада. Всего назначалось 35½ батальоновъ пѣхоты, семь эскадроновъ нижегородскихъ драгунъ, 61 конная сотня при 38 орудіяхъ.

Движеніе началось въ половинѣ іюля 1859 г. Отряды шли, кольцомъ охватывая горы и громя послѣднія шайки сторонниковъ имама. Принимались всѣ мѣры, чтобы Шамиль не могъ бѣжать въ Персію. Наконецъ, и самъ онъ увидалъ, что бѣжать некуда и на Андійскомъ-койсу держаться невозможно. Онъ бросилъ свои укрѣпленія и бѣжалъ въ аулъ Гунибъ, куда къ нему собралось около четырехсотъ мюридовъ. Наспѣхъ укрѣпили осажденные и безъ того неприступную гору, выставили имѣвшіяся у нихъ четыре пушки и приготовились дорого продать свою жизнь.

Гунибъ высится между рѣками Аварское и Кара-койсу на четыре тысячи футъ надъ поверхностью моря. По виду своему Гунибъ походитъ на усѣченный конусъ съ чрезвычайно крутыми скатами. Верхняя площадка его имѣетъ видъ котловины; стоитъ Гунибъ одиноко, ничѣмъ не соединяясь съ другими горами. На самой его вершинѣ расположились аулъ, нѣсколько хуторовъ, мельницы, пастбища, пахотныя поля. Такова эта историческая гора.

Къ 10-му августа высоты Гуниба были уже окружены сплошнымъ кольцомъ русскихъ войскъ и выходъ Шамилю былъ запертъ. Ему оставалось или умереть смертью героя, или сдаться военноплѣннымъ. Б. С. Эсадзе въ своемъ „Описаніи подвиговъ кавказскихъ войскъ“ говоритъ, что окружавшіе Шамиля вѣрные ему до послѣдней минуты мюриды были твердо убѣждены, что имамъ погибнетъ во славу проповѣдываемаго имъ Корана съ оружіемъ въ рукахъ, но они забыли, что Шамиль уже былъ не тѣмъ, чѣмъ былъ въ 1843 году, когда передъ нимъ въ нѣсколько мѣсяцевъ пали двѣнадцать русскихъ укрѣпленій, съ артиллеріей, снарядами, патронами, гдѣ потери русскихъ достигли слишкомъ трехъ тысячъ человѣкъ. Вся его энергія пропала безслѣдно, онъ состарился, но, несмотря на это, имамъ, какъ-бы утѣшая себя, отдалъ приказъ своей артиллеріи стрѣлять по виднѣвшемуся русскому лагерю.

18-го августа въ дагестанскій отрядъ прибылъ главнокомандующій. Принявъ начальствованіе войсками, онъ началъ переговоры о сдачѣ, которые, однако, не привели ни къ чему, такъ какъ Шамиль расчитывалъ удержаться здѣсь въ надеждѣ, что позднее время года заставитъ русскихъ отступить отъ Гуниба, и на предложеніе князя Барятинскаго старый предводитель мюридовъ далъ слѣдующій отвѣтъ:

— Гунибъ—гора высокая; я сижу на ней. Надо мной, еще выше, — Богъ. Русскіе стоятъ внизу — пусть штурмуютъ!

Послѣ такого дерзкаго отвѣта упрямаго старика дальнѣйшіе переговоры были немыслимы, и оставалось прибѣгнуть къ силѣ оружія.

Былъ произведенъ подробный осмотръ подступовъ на вершину Гунпба. Осмотръ показалъ, что восточный скатъ горы, хотя и былъ слабѣйшимъ и доступнѣйшимъ по условіямъ мѣстности, но въ то-же время представлялъ значительныя препятствія для аттаки, такъ какъ тропинки преграждались искусными загражденіями и бдительно охранялись мюридами.

23-го августа начальникомъ передовыхъ войскъ былъ назначенъ генералъ-маіоръ Кесслеръ, который приказалъ войскамъ готовиться къ штурму и подвигаться впередъ.

Было рѣшено постепеннымъ наступленіемъ со стороны восточнаго ската, при помощи осадныхъ работъ, все время отвлекать сюда вниманіе непріятеля, а нападеніе произвести съ какого-либо другого фаса. Для осады и штурма были заготовлены всѣ матеріалы, а блокирующія войска усилены двумя батальонами и четырьмя горными орудіями. Въ ночь на 24-е августа стрѣлки ширванскаго полка двинулись къ укрѣпленіямъ восточнаго фаса, а на слѣдующую ночь войска приблизились и къ скалистымъ обрывамъ сѣвернаго фаса. Непріятель обстрѣливалъ ширванцовъ изъ своихъ орудій и велъ довольно жаркую перестрѣлку. Въ отрядѣ было объявлено, что первые трое, вошедшіе на Гунибъ, имѣютъ право на знакъ отличія Военнаго Ордена второй степени. Такая высокая награда невольно заставляла храбрецовъ, не думавшихъ о предстоящей опасности, горѣть желаніемъ первыми взойти на вершину, чтобы заслужить достойную подвига награду— Георгія. И не у одного офицера въ пылкомъ и вполнѣ понятномъ воображеніи рисовался бѣлый крестъ. Батальоны

апшеронскаго полка, при которыхъ находилась охотничья команда въ составѣ двухъ офицеровъ, шести юнкеровъ и сотни нижнихъ чиновъ этого-же полка, сформированная на случай штурма Гуниба, стояли лагеремъ близъ селенія Куяда. Отъ этого селенія террасами гордо поднимался грозный Гунибъ, на вершинѣ котораго, какъ въ орлиномъ гнѣздѣ, пріютился знаменитый старикъ.

Въ аттаку первыми двинулись апшеронцы.

Ночь на 25-е августа была очень темна. Команда охотниковъ апшеронскаго полка, обутая въ чувяки, чтобы не слышно было движенія, и взявшая съ собою лѣстницы, крючья, веревки и фашины, стала подниматься на крутизны Гунибъ-дага.

До половины пути впереди шелъ начальникъ охотниковъ Скворцовъ, а затѣмъ пошли юнкера Сресули и Теріевъ. Тихо, неслышными шагами подымалась команда... Передъ разсвѣтомъ охотники поднялись довольно высоко по вьющейся змѣйкой горной тропинкѣ, но вдругъ тропинка пропала, и солдаты стали искать другой, какъ услышали голоса надъ собой: „Ля-Иль — Ля-Иль — Алла!“. Боясь быть обнаруженными, охотники мгновенно припали къ землѣ и замерли на мѣстѣ. Но вотъ голосъ смолкъ, и снова наступила мертвая тишина. Оказалось, что смѣльчаки подошли уже подъ самую шамилевскую караулку.

Настала минута, отъ которой зависѣло все. Тишина не прерывалась. Всѣ озирались кругомъ съ замирающимъ сердцемъ. Надъ охотниками высилась первая терраса.

Рядовой Молодыхъ первый укрѣпилъ подъ террасу веревочную лѣстницу и полѣзъ вверхъ. Онъ быстро поднялся по ней и, карабкаясь по отвѣсной скалѣ, сталъ хвататься за кусты. За нимъ поднялись юнкера Теріевъ и Сресули; затѣмъ поднялись другіе. Они, какъ кошки, цѣплялись руками за камни, обрывая себѣ ногти и локти.

Какъ разъ въ это время густое бѣлое облако стало спускаться съ вершины Гуниба, мало-по-малу затягивать окружавшую мѣстность и, наконецъ, закрыло ее совершенно. Когда три смѣльчака поднялись еще выше, то передъ ихъ глазами находилась уже вторая терраса. Здѣсь они укрѣпили веревку за дерево и сбросили ее внизъ къ идущей командѣ охотниковъ.

До сихъ поръ все благопріятствовало, но, когда храбрецы стали подниматься на вторую террасу, вдругъ затрещали надъ ихъ головами частые ружейные выстрѣлы;

вскорѣ пули перестали визжать и видно было, что выстрѣлы были направлены въ поднимавшихся снизу солдатъ батальона апшеронскаго полка.

Дѣло въ томъ, что передъ разсвѣтомъ 25-го августа, въ то время, когда охотники были уже впереди, командиръ апшеронскаго полка, полковникъ Тергукасовъ, командовавшій войсками противъ южнаго фаса, направился на Гунибъ съ 1-мъ батальономъ своего полка и охотниками 21-го стрѣлковаго батальона.

Подойдя къ скалистому обрыву и видя, что непріятель не замѣтилъ движенія за густымъ туманомъ, командиръ 1-го батальона апшеронскаго полка, подполковникъ Егоровъ, рѣшился двинуться далѣе на вершину. Приходилось подниматься на три подъема, каждый въ 8 — 10 саженъ, возвышавшіеся одинъ надъ другимъ, подобно стѣнамъ. Считая ихъ вполнѣ недоступными, горцы ограничились только небольшимъ карауломъ. Апшеронцы подошли какъ разъ въ то время, когда команда охотниковъ поднималась на вторую террасу, и, услышавъ тревогу, поднятую непріятелемъ, стали тоже подниматься на террасу; имѣя во главѣ охотниковъ, батальонъ апшеронцевъ, подсаживая другъ друга при помощи лѣстницъ, въ совершенной тишинѣ, началъ взбираться. Впереди находились рядовые Аѳанасьевъ, Шмилевъ, унтеръ-офицеры Демпнъ, Чернышевъ, которые вмѣстѣ съ другими образовали команду человѣкъ въ тридцать. При подъемѣ на вторую террасу охотники были обнаружены карауломъ, открывшимъ огонь. Не дожидаясь приказанія, они бросились съ крикомъ „ура“ къ самой караулкѣ, окружили караулъ, частью перебили его, въ томъ числѣ и трехъ вооруженныхъ женщинъ, частью взяли въ плѣнъ; послѣ того, раздѣлившись на двѣ партіи, храбрецы очутились уже на третьей, послѣдней террасѣ, гдѣ захватили до тысячи штукъ барановъ, а затѣмъ сбили стерегущихъ ихъ пастуховъ, которые, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по русскимъ, бросились бѣжать внизъ, прыгая, какъ козы, по уступамъ горъ.

Въ это время стало болѣе разсвѣтать, и взорамъ уже ясно видна была вся впереди лежавшая мѣстность. Мюриды, застигнутые врасплохъ, приготовились къ отчаянной борьбѣ. Началась стрѣльба. Охотники, во главѣ съ юнкеромъ Сресули, были уже около шамилевской башни, изъ которой выбѣжалъ съ кинжаломъ въ рукахъ юноша лѣтъ пятнадцати, съ намѣреніемъ дорого отдать свою

жизнь, но тутъ-же, подъ ударомъ штыка Сресули, упалъ раненымъ на землю. Вслѣдъ за нимъ выбѣжалъ другой горецъ, съ обнаженной шашкой, и, замѣтивъ направившагося къ нему командира охотниковъ, капитана Скворцова, бросился на него. Вторичный мѣткій ударъ храбраго юнкера Сресули, бросившагося на горца, повергъ и этого головорѣза на землю убитымъ.

Къ 6-ти часамъ утра путь вездѣ была очищенъ и на вершинѣ грознаго Гуниба находился 1-й батальонъ апшеронскаго полка, къ которому вскорѣ присоединился 4-й батальонъ того-же полка, съ командиромъ полка, полковникомъ Тергукасовымъ, во главѣ. Войска двинулись къ аулу.

Тѣмъ временемъ 21-й стрѣлковый батальонъ, взобравшись правѣе апшеронцевъ и овладѣвъ съ боя завалами, примкнулъ къ апшеронцамъ.

Одновременно съ этимъ войска сѣвернаго фаса, верстахъ въ 15-ти отъ апшеронцевъ, произвели ночью на 25-е число фальшивую аттаку, заставившую горцевъ сбросить внизъ заготовленную ими груду камней. Два часа гора гудѣла подъ прыгающими обломками скалъ. Когда каменный градъ утихъ, командовавшій этимъ фасомъ генералъ-маіоръ князь Тархановъ направилъ свою колонну вверхъ къ прорыву; такимъ образомъ, и войска сѣвернаго фаса одновременно поднялись на Гуниб, а шедшій во главѣ батальонъ грузинскаго полка былъ отправленъ въ обходъ аула, къ палаткѣ Шамиля и въ тылъ укрѣпленіямъ восточнаго фаса.

Немного спустя, съ западной стороны взобрался полковникъ Радецкій съ двумя батальонами дагестанскаго полка. Войска съ барабаннымъ боемъ стали окружать аулъ.

Защитники Гуниба были озадачены появленіемъ русскихъ со всѣхъ сторонъ и въ безпорядкѣ бросились бѣжать въ разныя стороны, падая одинъ за другимъ подъ ударами солдатъ. Часть-же мюридовъ, во главѣ съ Шамилемъ, ускакала въ аулъ Гунибъ и засѣла по саклямъ, сбросивъ въ кручи свои орудія. Въ то время къ мѣсту боя прибылъ князь Барятинскій, который приказалъ прекратить все еще продолжавшуюся перестрѣлку. Начались переговоры, тянувшіеся два часа, послѣ которыхъ показалась толпа горцевъ и среди нея, верхомъ на лошади, красовался во всеоружіи Шамиль.

„Ура“ потрясало воздухъ... Напуганные горцы отово-

пѣли и остановились: видно было, что этотъ побѣдный крикъ оглушилъ Шамиля, надрывалъ его сердце... Успокоившись, онъ направился далѣе къ березовой рощѣ, находящейся въ верстѣ отъ аула, гдѣ, сидя на камнѣ, ожидалъ его князь Барятинскій.

Подъѣхавъ шаговъ на тридцать къ рощѣ, Шамиль слѣзъ съ коня и, убитый горемъ, растерянный, что-то лепеча себѣ подъ носъ, подошелъ къ главнокомандующему, окруженному блестящей свитой. Ожидая, что его встрѣтятъ словами: „что, допгузъ (свинья), гдѣ твоя шашка, которую ты мнѣ предлагалъ взять самому?“—и потребуютъ отдачи оружія, Шамиль рѣшился тотчасъ-же заколоть себя, если-бъ это ожиданіе исполнилось. Но, когда съ нимъ заговорили ласково, онъ сначала не повѣрилъ своимъ ушамъ, поблѣднѣлъ и приготовился-было сказать рѣчь, но слова замерли у него на губахъ, а языкъ не повиновался.

Барятинскій, сдѣлавъ шагъ впередъ, громко сказалъ:

— Шамиль! Ты не принялъ условій, которыя я тебѣ предлагалъ, и не захотѣлъ пріѣхать ко мнѣ въ лагерь. Теперь я пріѣхалъ за тобою. Ты самъ захотѣлъ предоставить войнѣ рѣшить дѣло, и она рѣшила его въ нашу пользу.

Послѣ этой рѣчи знаменитый плѣнникъ взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Сердарь! Я не внялъ твоимъ совѣтамъ—прости и не осуждай меня. Я—простой уздень, тридцать лѣтъ дравшійся за религію; но теперь народы мои мнѣ измѣнили, папбы мои разбѣжались, да и самъ я утомился борьбою.

Такимъ образомъ, Гунибъ очутился въ русскихъ рукахъ.

При штурмѣ было взято въ плѣнъ около 100 мюридовъ и 4 орудія. Потеря русскихъ заключалась въ 9 офицерахъ, 162 нижнихъ чинахъ и 9 милиціонерахъ убитыми, ранеными и контуженными.

Занятіемъ Гуниба и плѣненіемъ Шамиля закончился рядъ геройскихъ подвиговъ кавказскихъ войскъ, повед-шихъ къ окончательному покоренію Восточнаго Кавказа. 26-го августа было отслужено торжественное молебствіе и произведенъ парадъ войскамъ, которымъ былъ объявленъ слѣдующій лаконическій приказъ: „Шамиль взятъ, поздравляю кавказскую армію!“, а въ столицу была отправлена такая депеша: „Гунибъ взятъ; Шамиль въ плѣну и отправленъ въ Петербургъ“. На нее Барятинскій получилъ

отвѣтъ отъ императора Александра II, въ которомъ, между прочимъ, вотъ что было написано: „Слава Тебѣ, Господи, и честь, и слава тебѣ и всѣмъ нашимъ кавказскимъ молодцамъ!“.

Плѣненный Шамиль со всѣмъ своимъ семействомъ былъ отправленъ черезъ Харьковъ въ Петербургъ. Въ это время императоръ Александръ II смотрѣлъ войска въ Чугуевѣ. Бывшій великій имамъ Чечни и Дагестана былъ отвезенъ туда и удостоился представиться императору. Послѣ этого онъ былъ поселенъ на жительство въ Калугѣ, гдѣ и прожилъ до 1870 г. Въ этомъ году онъ былъ переведенъ въ Кіевъ, а отсюда со всѣмъ своимъ семействомъ отпущенъ въ Мекку. Въ 1871 г. Шамиль умеръ во время пребыванія въ Мединѣ.

Такъ кончилъ свою жизнь этотъ замѣчательный человѣкъ, оставившій по себѣ въ исторіи неизгладимый слѣдъ.

X.

Послѣдніе годы борьбы за Кавказъ.

Восточный Кавказъ палъ къ ногамъ русскаго царя. Чечня, оба Дагестана — Нагорный и Прикаспійскій,—казикумыки, ханства Закавказья потеряли въ Шамилѣ свою душу, потеряли вождя, за которымъ привыкли слѣдовать безпрекословно. Въ Чечнѣ въ 1860 г. вспыхнуло было возстаніе, но оно теперь было безъ труда подавлено; заволновался было вмѣстѣ съ Чечней и Дагестанъ, но и его русскія войска успокоили безъ особенныхъ усилій. Теперь о войнѣ и рѣчи не было. Съ исчезновеніемъ Шамиля горцы Восточнаго Кавказа перестали быть воюющей стороной. Они являлись мятежниками, бунтовщиками и болѣе ничѣмъ.

По отзывамъ современниковъ, Европа была поражена усмиреніемъ Восточнаго Кавказа. Европейскимъ вершителямъ политическихъ судебъ, страшившимся Россіи и послѣ севастопольскаго погрома, нуженъ былъ бурный, волнующійся Кавказъ, связывавшій руки Россіи. Одинъ изъ крупныхъ дипломатовъ Европы, когда пришло извѣстіе о сдачѣ Шамиля, выразился даже, что вмѣстѣ съ этимъ не стало ни независимой Турціи, ни независимой Персіи.

А въ это время русскимъ предстояло еще развязаться съ Западнымъ Кавказомъ, и этимъ завершить умиротвореніе края. Въ предыдущей главѣ было уже упомянуто,

что на правомъ флангѣ занята была Адагумская равнина и возведено укрѣпленіе Майкопъ. Вскорѣ послѣ этого по Лабѣ и Урупу было устроено нѣсколько новыхъ казачьихъ станицъ, а затѣмъ на берегу Чернаго моря вторично были заняты Гагры, чѣмъ обезпечивалась Абхазія отъ набѣговъ черкесскихъ племенъ. Въ 1860 г. начальникомъ праваго фланга былъ назначенъ покоритель Чечни, ген. Евдокимовъ, возведенный въ графское достоинство. Еще до появленія его въ Закубаньѣ ген. Филипсонъ энергически дѣйствовалъ противъ черкесовъ, примѣняя къ нимъ тѣ-же мѣры, какими пользовался Евдокимовъ при умиротвореніи Чечни. Племена черкесовъ, добровольно покорявшіяся, должны были переходить на новыя мѣста, отводимыя имъ по указаніямъ русскихъ властей съ такимъ расчетомъ, что они должны были селиться среди русскихъ. Племена-же, отказывавшіяся отъ покорности, отбрасывались въ безплодныя горы, оттѣснялись къ морю, а здѣсь имъ только и оставалось, что уходить въ Турцію, если они не соглашались отдаться подъ русскій надзоръ. Особенно энергично приходилось дѣйствовать противъ шапсуговъ, абадзеховъ, бжедуховъ, убыховъ и натухайцевъ, самыхъ неукротимыхъ изъ черкесскихъ племенъ. Русскіе отряды шли отъ Кубани къ берегу Чернаго моря и отъ Лабы и Бѣлой вглубь страны, шли, не столько сражаясь, сколько колонизируя страну. 20-го ноября 1859 г. ген. Филипсонъ заставилъ абадзеховъ принесть присягу на вѣрность Россіи. Вслѣдъ за абадзехами подчинились бжедухи и натухайцы, селившіеся въ устьяхъ Кубани. Напрасно пытался знаменитый шамилевъ наибъ Магометъ-Эминь поднимать ихъ противъ русскихъ, — съ паденіемъ имама умалилось до ничтожества и его значеніе. Послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ Магометъ удалился въ Турцію, и, такимъ образомъ, черкесскія племена лишились единственнаго вождя, который могъ-бы сплотить ихъ и стать во главѣ ихъ. Въ это время на правый флангъ прибылъ графъ Евдокимовъ. Онъ повелъ наступленіе на закубанскихъ горцевъ съ еще большею рѣшительностью. Свои войска онъ раздѣлилъ на два отряда — адагумскій, дѣйствовавшій противъ шапсуговъ, и другой отрядъ, направленный съ Лабы и Бѣлой въ низовья р. Пшишъ. Гдѣ только ни проходили русскіе отряды, вездѣ выростали казачьи станицы. Край быстро измѣнялся; воинственное, буйное населеніе его смѣнялось мирнымъ. Осенью 1861 г. Кубан-

скую область посѣтилъ императоръ Александръ Николаевичъ, оставшійся вполнѣ довольнымъ достигнутыми результатами. Ободренный этимъ Евдокимовъ съ усиленной энергіей продолжалъ свое дѣло, причемъ, по мысли императора, всѣмъ черкесскимъ племенамъ, не пожелавшимъ перейти въ русское подданство, было предоставлено право выселиться въ Турцію. Но черкесы, очевидно, еще ясно не представляли себѣ своего положенія и продолжали борьбу. Тогда Евдокимовъ въ февралѣ 1862 г. двинулся самъ съ сильнѣйшимъ отрядомъ въ глубь страны Адыге на рѣку Пшеху. Абадзехи оказали ему упорнѣйшее сопротивленіе, но были разсѣяны; черезъ ихъ лѣса были прорублены просѣки, проложены дороги. Всѣ племена, жившія между рѣками Ходзь и Бѣлой, были выселены на Кубань и Лабу. Съ 8-го по 29-е марта были перенесены на новыя мѣста слишкомъ девяносто ауловъ. Въ апрѣлѣ Евдокимовъ проникъ, перейдя Черныя горы, въ считавшуюся недоступной Даховскую долину, въ которой поставилъ казачью станицу. Путемъ устройства тридцати пяти станицъ на своемъ пути Евдокимовъ создалъ Бѣлорѣченскую кордонную линію, благодаря чему было обезпечено укрѣпленіе русскихъ по рѣкамъ Пшишъ, Пшеха и Курдумисъ.

Въ декабрѣ того-же 1862 г. произошла очень важная для Кавказа перемѣна въ составѣ его высшей администраціи. Намѣстникъ князь Барятинскій, по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку, а его постъ занялъ августѣйшій братъ государя императора, его императорское высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ, на долю котораго и выпало окончательное замиреніе Кавказа. Новому намѣстнику вскорѣ послѣ своего прибытія въ 1863 г. на Кавказъ пришлось руководить военными дѣйствіями. Возмутились племена, жившія въ устьѣ Кубани и на берегу Чернаго моря. Противъ нихъ были направлены адагумскій и шехскій отряды, предводимые лично его императорскимъ высочествомъ. Были пройдены земли шапсуговъ и убыховъ. Къ осени оба эти племени соединились и съ прежней яростью попробовали было кинуться на русскія укрѣпленія. Они были всюду отбиты, но тогда составился союзъ изъ всѣхъ непокорепныхъ еще горскихъ племенъ. Выборные этого союза предполагали послать посольства въ Турцію, Францію, Англію съ просьбою о защитѣ противъ Россіи, но среди нихъ не нашлось никого, кто могъ-бы при-

нять на себя такую задачу, и мысль о посольствѣ была оставлена. Это было въ октябрѣ 1863 года. Къ Евдокимову явились черкесскіе старшины и подписали договоръ, согласно которому всѣ изъявлявшія покорность племена должны были не позже 1-го февраля 1864 г. переселиться на указанныя имъ мѣста. Отъ выраженія покорности отказались только шапсуги и убыхи, занимавшіе земли между Большимъ Хребтомъ и Чернымъ моремъ. Тогда графъ Евдокимовъ направилъ на нихъ даховскій отрядъ, которымъ командовалъ ген. Гейманъ. Отрядъ пошелъ въ февралѣ 1864 г. съ рѣки Пшиша на Туапсе. Евдокимовъ самъ находился при немъ. Былъ пройденъ труднѣйшій Гойхтскій перевалъ. Горцы оказывали отчаянное сопротивленіе, но русскіе всюду разбрасывали ихъ. Изъ Туапсе отрядъ пошелъ берегомъ моря къ Сочи. У рѣки Годликъ произошло 19-го марта послѣднее сраженіе, въ которомъ горцы опять были разбиты. Вскорѣ русскіе заняли округъ Ахчипсхоу на южныхъ склонахъ Кавказа, послѣднюю область, дотолѣ не подчинявшуюся Россіи. Теперь на Кавказѣ не оставалось и пяди земли, которая не принадлежала-бы Россійской Имперіи. Кавказъ былъ покоренъ, передъ силою русскаго оружія пала гигантская, созданная самою природою, крѣпость, пала послѣ шестидесяти лѣтъ упорнаго сопротивленія...

21-го мая 1864 года на полянѣ Кбааде, въ округѣ Ахчипсхоу, собралось русское воинство, во главѣ со своими побѣдоносными вождями и августѣйшимъ намѣстникомъ края, и былъ отслуженъ благодарственный молебенъ по случаю окончанія титанической борьбы.

Много племенъ, а шапсуги почти всѣ поголовно, переселились въ Турцію. Ихъ земли были заняты частью казаками-переселенцами, частью мирными племенами, въ вѣрности которыхъ не могло быть сомнѣнія. Въ 1865 г. былъ учрежденъ кавказскій военный округъ и началось гражданское устройство Кавказскаго намѣстничества.

Въ 1871 г. императоръ Александръ Николаевичъ вторично посѣтилъ покоренный Кавказъ.

Прошло сорокъ лѣтъ съ того знаменательнаго дня, когда русскіе воины благодарили въ Кбааде Господа Бога за ниспосланіе рѣшительной побѣды. „Край гордой красоты“, какъ называютъ теперь Кавказъ, пышно расцвѣлъ подъ разумнымъ и благодѣтельнымъ русскимъ управленіемъ. Способное къ культурѣ, даровитое населеніе его, пользуясь благами мира, богатѣетъ не по днямъ, а по

часамъ. Тамъ, гдѣ лилася кровь, гремѣли пушечные выстрѣлы, свирѣпствовали отчаянные горскіе джигиты, теперь всюду процвѣтаетъ торговля и главное благо края въ томъ, что онъ почти еще нетронутъ промышленностью и эта страна до сихъ поръ полна неистощимыхъ богатствъ. Теперь уже никто изъ горцевъ Чечни, Дагестана, Адыге и не думаетъ о борьбѣ съ русскими и доказательствомъ тому—Освободительная война 1877—1878 гг., когда поднятое было нѣсколькими безумными головами возстаніе было усмирено самими-же кавказцами.

Закончивъ здѣсь исторію покоренія Кавказа, въ слѣдующемъ очеркѣ мы познакомимъ читателя съ современнымъ Кавказомъ.

ОЧЕРКЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Современный Кавказъ.

Н. Н. Ольшанскаго.

I. Кубанская область.

Въ первыхъ очеркахъ настоящаго труда, какъ вспомнятъ, вѣроятно, читатели, мы дѣлили Кавказскій край на Предкавказье, Кавказъ (горный хребетъ) и Закавказье. При обозрѣніи современнаго Кавказа, мы предполагаемъ держаться того-же плана и начнемъ съ сѣверо-запада Предкавказья, а именно, съ Кубанской области, разсмотримъ ту часть Кавказа, гдѣ находятся знаменитѣйшія въ мірѣ цѣлебные минеральные источники, затѣмъ опишемъ путь, которымъ Предкавказье соединяется съ Закавказьемъ — живописнѣйшее мѣсто Кавказа: Военно-Грузинскую дорогу, и, какъ конечный пунктъ ея, древнюю столицу Грузіи, Тифлисъ, послѣ чего снова вернемся въ Предкавказье — къ Терской области. Итакъ, начнемъ съ Кубанской области, прославленной въ теченіе цѣлаго столѣтія подвигами русскихъ богатырскихъ войскъ.

Кубанская область занимаетъ нижнее теченіе р. Кубани, сѣверные склоны Большого Кавказскаго хребта, Черныя горы и побережье Азовскаго моря, съ полуостровомъ Таманскимъ. По берегу Чернаго моря тянется Черноморская губернія, преобразованная изъ округа Кубанской области 1 сентября 1896 г. Черноморская губ. въ административномъ отношеніи составляетъ часть Закавказья. Рѣкою Кубань Кубанская область раздѣляется на двѣ части: сѣверо-вос-

точную — степную, покрытую многими курганами, и юго-западную—гористую и лѣсистую. Первая, въ свою очередь, можетъ быть подраздѣлена на равнинную, занимающую болѣе значительную часть и носящую степной характеръ, и холмистую, занимающую меньшее пространство и наполненную отдѣльными возвышенностями и отрогами, отброшенными Эльбрусомъ; здѣсь проходитъ водораздѣльная линія между восточною частью Кавказа и западной. Юго-западная часть Кубанской области, какъ мы сказали, представляетъ гористую мѣстность. Сюда входитъ западная часть Кавказскаго хребта, который, замыкаясь Эльбрусомъ, составляющимъ самый высокій пунктъ Европы, тянется съ побережья Чернаго моря по направленію къ юго-востоку, переходя постепенно въ область вѣчныхъ снѣговъ и всюду отбрасывая отъ себя второстепенные хребты, узлы и отроги. Самая сѣверная часть Кубанской области лежитъ у Ейскаго лимана, а самая южная — на главномъ Кавказскомъ хребтѣ, недалеко отъ Эльбруса. Общая площадь Кубанской области выражается въ 82.928 кв. верстахъ, или 9.638.396 дес., т. е., занимаетъ $^1/_5$ часть Кавказскаго края. На западѣ Кубанская область омывается Азовскимъ моремъ, Керченскимъ проливомъ и небольшою частью Чернаго моря, на югѣ граничитъ съ Черноморской и Кутаисской губерніями, отъ которыхъ отдѣляется главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, на востокъ — съ Терской областью, отдѣляясь отъ нея Эльбрусомъ, и съ Ставропольской губерніей, а съ сѣвера съ землею Войска Донского, причемъ рѣка Ея и ея притокъ Кугу-Ея служатъ пограничной линіей.

Первая часть Кубанской области — сѣверо-восточная, степная, занимаетъ почти все пространство по правому берегу Кубани до границы съ Ставропольской губ. и съ землей Войска Донского. Климатъ ея болѣе континентальный съ очень жаркимъ лѣтомъ и довольно суровой зимой. Что-же касается юго-западной части, то климатъ ея влажный, сравнительно теплый зимой и не жаркій лѣтомъ. Такую разницу въ климатѣ можно объяснить тѣмъ, что юго-западная часть отличается обиліемъ лѣсовъ, которые во многихъ мѣстахъ сохранили свой вполнѣ дѣвственный характеръ. Вся эта часть Кубанской области пересѣкается болѣе или менѣе высокими хребтами и прорѣзывается многими ущельями, которыя, по мѣрѣ приближенія къ главному Кавказскому хребту, становятся глубже и обрывистѣе.

Къ особенно живописнымъ ущельямъ надо отнести такъ называемое „Кубанское“, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Что касается той части Кавказскихъ горъ, которыя проходятъ черезъ Кубанскую область, то нужно сказать, что онѣ очень характерны. Начиная съ Оштеня, кряжа горъ, имѣющаго высоту 9.360 футовъ надъ уровнемъ моря, Кавказскія горы становятся выше, начинаютъ попадаться высокія скалы, покрытыя вѣчными снѣгами, и кое-гдѣ ледники. Еще далѣе на востокъ встрѣчаются вершины, поднимающіяся выше 12.000 ф. надъ уровнемъ моря. Первая изъ нихъ Псышъ, имѣющая высоту 12.427 ф. Еще дальше на востокъ подобныя вершины встрѣчаются не только въ главномъ хребтѣ, но и въ его отрогахъ. Къ нимъ принадлежатъ, напр., Кашкадеръ, возвышающійся между ущельями Доута и Теберды. Въ этой части находятся и довольно большіе ледники перваго разряда. Особенно замѣчательны изъ нихъ Доутскій, въ верховьѣ Доута, и Марухскій, питающій р. Марухъ. Послѣдній имѣетъ нѣсколько верстъ въ длину и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ версту въ ширину.

Въ верховьяхъ р. Кубани горы становятся еще выше, и тамъ попадаются опять значительные ледники; изъ нихъ самымъ замѣчательнымъ надо признать ледникъ р. Учь-Кулана.

Въ Кубанской области находится и высочайшая гора всего Кавказа — Эльбрусъ, составляющая самый высокій пунктъ Европы.

Эльбрусъ имѣетъ нѣсколько ледниковъ, изъ которыхъ Баксанскій, какъ самый значительный, можетъ быть сравниваемъ съ ледниками Швейцаріи.

Важнѣйшая рѣка Кубанской области — Кубань, о которой было уже подробно сказано въ первомъ очеркѣ настоящаго изданія, здѣсь-же отмѣтимъ, что по берегамъ Кубани разбросаны прекрасные сады абрикосовъ, персиковъ, грецкихъ орѣховъ, кизиля, сливъ, черешенъ, яблокъ, грушъ и пр.

Вообще нужно сказать, что садоводство и огородничество развиваются въ Кубанской области очень замѣтно, благодаря школьнымъ садамъ и огородамъ. Земледѣліе является главнѣйшимъ занятіемъ сельскаго населенія и даетъ 75% населенію главный источникъ средствъ къ жизни. Возделываются преимущественно озимая и яровая пшеница, затѣмъ рожь, овесъ, ячмень, просо, картофель и пр. Въ 20 лѣтъ посѣвная площадь увеличилась вдвое и,

за отсутствіемъ свободныхъ мѣстъ, угрожаетъ истощеніемъ почвы. Въ болѣе чѣмъ 80 селеніяхъ существуютъ общественныя запашки, и среди населенія замѣтно стремленіе къ введенію усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій. Табаководство развито, но не въ значительной степени и то только въ юго-западной части.

Соляной промыселъ сосредоточенъ на западной и сѣверной окраинахъ войсковой территоріи. Находящіяся въ раіонѣ приморской полосы пять группъ самосадочныхъ соленыхъ озеръ — Бугазско-южныя, Петровскія, Ачуевскія, Ахтарскія и Ясенскія, составляютъ собственность войска Кубанскаго, и доходъ отъ эксплоатаціи приозерныхъ земель поступаетъ въ войсковой капиталъ Кубанской области.—Самые богатѣйшіе изъ рыбныхъ промысловъ — Ачуевскіе, находящіеся при впаденіи Кубанскаго притока въ Азовское море.

Слѣдующею послѣ хлѣбопашества важною отраслью хозяйства является скотоводство. Въ 1896 году оно достигало 5.444.224 головъ. Собственно войсковому казачьему населенію принадлежало 2.708.000 головъ. Коневодство подъ вліяніемъ значительнаго спроса на строевыхъ и нестроевыхъ лошадей стало въ области весьма важнымъ промысломъ населенія, развитіе котораго тормозилось недостаткомъ свободныхъ пастбищныхъ земель, необходимыхъ для табуннаго коневодства.

Что-же касается фабрично-заводской промышленности, то она пока еще стоитъ на очень низкомъ уровнѣ развитія.

Главный предметъ вывоза — хлѣбъ. Изъ минеральныхъ богатствъ въ Кубанской области попадается въ значительной массѣ нефть, а затѣмъ каменный уголь, алебастръ, желѣзо, серебро и пр. Каменный уголь попадается въ изобиліи во многихъ мѣстахъ въ долинѣ р. Бѣлой; но нѣтъ предпринимателей къ разработкѣ, а потому все это, можно считать,— нетронутыя мѣста, такъ какъ добываніе въ послѣдніе годы не превышало 400.000 п. и его при богатствѣ залежей можно считать ничтожнымъ. Нефть найдена около станицъ Шевровской, Кабардинской и Нефтяной, находящейся въ Майкопскомъ отдѣлѣ; но гораздо болѣе нефти на Таманскомъ полуостровѣ. Въ Карачаѣ, въ верховьяхъ Кубани, найдены во многихъ мѣстахъ залежи свинцово-серебряной и цинковой руды.

Къ достопримѣчательности Кубанской области надо отнести присутствіе минеральныхъ водъ, но большая часть

ихъ не имѣетъ практическаго значенія. Самыя замѣчательныя — Псекупскія и Таманскія воды. Затѣмъ еще надо упомянуть о грозныхъ вулканахъ и сальзахъ, находящихся на Таманскомъ полуостровѣ по линіи, составляющей продолженіе Кавказскаго хребта. Здѣсь можно видѣть всѣ переходныя формы, отъ небольшихъ пригорковъ, едва выплевывающихъ глинистую грязь, и почти до настоящихъ вулкановъ. Послѣдніе у здѣшнихъ малороссовъ называются „пекломъ“ и выбрасываютъ, кромѣ грязи, камни, корни растеній, иногда обломки древнихъ вещей и проч. Какъ на болѣе значительные, можно указать на Фанагорійскій вулканъ, который имѣетъ высоту въ 177 фут.; Куку-оба—365 ф.; попадаются еще большіе.

Переходя далѣе къ населенію Кубанской области, нужно сказать, что оно смѣшано. Общая численность народонаселенія, по переписи 1897 года, какъ войскового, такъ и не войскового, равнялась 1.922.773 душ. обоего пола. Самые населенные округа: Темрюкскій — 342.679, Лабинскій — 307.837 и менѣе всѣхъ населены: Туапсинскій — 8.020 и Сочинскій — 13.153. Большинство населенія, по преимуществу, состоитъ изъ лицъ христіанскаго вѣроисповѣданія (94 проц.), иновѣрцы — остальное. Главная масса иновѣрцевъ — горскія племена Кубанской области; они исповѣдуютъ магометанскую религію и составляютъ 98,05 проц. всего иновѣрческаго населенія; затѣмъ слѣдуютъ евреи и караимы — 1,78 проц. и лица иныхъ исповѣданій — 0,17 проц.

Заселеніе западныхъ предгорій Кавказскаго хребта началось въ 1861 году, и переселенцами, по преимуществу, были казаки, но заселеніе шло очень медленно. Такъ, въ періодъ времени съ 1861—1865 г. поселено было всего около 16 тысячъ семействъ. Но, когда, съ 1868 года, было разрѣшено селиться лицамъ и не войскового сословія, то приливъ переселенцевъ сталъ очень замѣтенъ. Малоземельные и безземельные крестьяне изъ южныхъ губерній тысячами перекочевывали на Кубань, и въ теченіе 15 лѣтъ число ихъ возросло до 250.000. Коренного-же населенія тутъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, не болѣе 200.000. Абхазскихъ племенъ въ области 15, самое значительное — абазинцы. Изъ 15 тюркскихъ племенъ болѣе значительны — карачаевское, затѣмъ слѣдуютъ: бесленеевцы, абадзехи, бзедухъ-чечжай, кемчупъ, шапсуги, бзедухъ-хамэсти и еще 6 черкесскихъ племенъ. Въ незначительномъ количествѣ

живутъ убыхи, хакучи, чеченцы, сванеты, горскіе евреи и пр. Съ 1871—1884 г. изъ Кубанской области горцевъ и другихъ иновѣрцевъ переселилось въ Турцію около 14 тыс. человѣкъ.

Наиболѣе значительными племенами являются Карачаевцы и абазинцы; что-же касается черкесовъ, называющихъ себя адыге, то раньше ихъ было очень много и обитали они у прибрежья Чернаго моря. Они распадаются на нѣсколько группъ: кабардинцы, абадзехи и пр., и говорятъ на нѣсколькихъ нарѣчіяхъ. Между народами, изслѣдованными наукою, черкесы не имѣютъ родичей; до появленія на Кавказѣ ислама, черкесы, какъ и карачаевцы, исповѣдывали христіанство. Послѣ того какъ Кавказскій край былъ умиротворенъ, закубанскіе черкесы начали эмигрировать въ Турцію, и въ теченіе 7—8 лѣтъ большая часть ихъ переселилась туда. Остатки черкесскихъ племенъ живутъ отдѣльными аулами среди казачьяго населенія. Черкесы и черкешенки очень красивы, съ правильными чертами лица. Нужно отдать справедливость, что много хорошихъ патріархальныхъ чертъ, какъ, напр., большое уваженіе къ старшимъ и широкое гостепріимство, и посейчасъ царитъ въ убогихъ черкесскихъ аулахъ.

Въ военномъ, административномъ и полицейскомъ отношеніяхъ Кубанская область раздѣляется на 7 отдѣловъ: Екатеринодарскій — съ городомъ Екатеринодаромъ, Ейскій — съ городомъ Ейскъ, Кавказскій — съ станицей Кавказская, Лабинскій — съ станицей Лабинская, Баталпашинскій — съ городомъ Баталпашинскъ, Майкопскій — съ городомъ Майкопъ и Темрюкскій — съ городомъ Темрюкъ. Эти 7 отдѣловъ заключаютъ въ себѣ 11 округовъ. Въ церковно-административномъ отношеніи Кубанская область причислена къ ставропольской епархіи и заключаетъ въ себѣ 21 благочинническій округъ.

Главный городъ Кубанской области — Екатеринодаръ, на правомъ берегу Кубани. Основанъ онъ въ 1794 году и названъ въ честь императрицы Екатерины II. Расположенъ онъ на вѣтви Владикавказской желѣзной дороги— „Новороссійско-Тихорѣцкая“. Вокзалъ, находящійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, производитъ очень пріятное впечатлѣніе, чего нельзя сказать о самомъ городѣ, такъ какъ онъ очень пыльный и грязный. Главная улица — Красная — освѣщается электричествомъ. Въ Екатеринодарѣ находятся войсковая мужская, 2 женскія гимназіи, 2 реальныхъ училища, учительская семинарія въ

с. Ладанской, 6 городскихъ училищъ, духовное училище, Маріинское женское училище, женская профессіональная школа, военно-фельдшерская школа. Изъ достопримѣчательностей города Екатеринодара можно указать на войсковой соборъ съ богатою ризницею, въ которой хранятся очень цѣнные предметы старины, принесенные въ даръ черноморцами изъ Запорожской Сѣчи. Для полноты описанія Екатеринодара слѣдуетъ упомянуть объ экономическомъ и благотворительномъ обществахъ, мѣстныхъ управленіяхъ обществъ спасанія на водахъ и Краснаго Креста, отдѣленіи государственнаго банка, общественномъ банкѣ и т. д. Изъ другихъ городовъ, кромѣ вышеперечисленныхъ, болѣе или менѣе значительными являются Новороссійскъ, Анапа, Тамань — порты, служащіе, главнымъ образомъ, складочными пунктами вывозимаго хлѣба, причемъ Новороссійскъ занимаетъ первое мѣсто.

Наша статья была-бы неполна, если-бы мы въ заключеніе не сказали нѣсколько словъ о состояніи народнаго образованія въ области. Заимствуемъ статистическія свѣдѣнія изъ „Отчета попечителя Кавказскаго учебнаго округа за 1893 годъ“ и изъ „Страницы изъ исторіи народнаго образованія въ Кубанской области“ А. Ѳ. Селиванова.

Н. Н. Кармалинъ, бывшій начальникомъ области съ 1873 — 1881 годъ, обратилъ большое вниманіе на крайне незначительное количество школъ въ области и, благодаря содѣйствію попечителя кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскаго, дѣла насажденія образованія пошли успѣшно. При Н. Н. Кармалинѣ для 144 училищъ были выстроены новыя зданія, вполнѣ отвѣчающія своему назначенію, число школъ возросло со ста, въ 1873 году, до 264; въ такой-же прогрессіи число учащихся: въ 1873 г.— 5.467 человѣкъ, а въ 1881 г. — 13.187. Школамъ были отведены земельные участки, устроены библіотеки; дабы привлечь болѣе лицъ съ спеціальнымъ образованіемъ для руководства школами, учителямъ были увеличены оклады, что отразилось очень благотворно: составъ учителей съ 403 возросъ до 2.455. Правда, въ слѣдующій періодъ съ 1881 — 1891 г. школы возрастали не такъ замѣтно, тѣмъ не менѣе, уже насчитывалось 291 (министерскихъ) при 21.187 дѣтяхъ. Выше было упомянуто, что садоводство и огородничество поставлено болѣе или менѣе раціонально; объясняется это преподаваніемъ въ школахъ сельскаго хозяйства. Садоводствомъ въ области

занимались въ 249 школахъ, огородничествомъ — въ 41, шелководствомъ — въ 18, пчеловодствомъ — въ 44, ремеслами — въ 10, рукодѣліемъ — въ 59, пѣніемъ — въ 231 школахъ. Въ городѣ Екатеринодарѣ ежегодно устраиваются въ кубанской учительской семинаріи курсы для ознакомленія учителей школъ съ садоводствомъ, шелководствомъ и проч. Знанія, пріобрѣтаемыя на курсахъ теоретически и практически, потомъ разносятся по всей области и приносятъ благотворные результаты.

Теперь, какъ сказано уже выше, мы перейдемъ къ знаменитымъ кавказскимъ минеральнымъ водамъ, находящимся какъ-бы въ центрѣ Предкавказья.

II. Кавказскія минеральныя воды.

1. Общій обзоръ.

Подъ общимъ именемъ кавказскихъ минеральныхъ водъ принято считать 4 отдѣльныя группы: Пятигорскую (сѣрные источники), Желѣзноводскую (углекисло-желѣзистые), Ессентуковскую (солено-щелочные) и Кисловодскую, съ ея знаменитымъ углекислымъ Нарзаномъ. Всѣ вышепоименованныя группы связаны между собою и съ общею сѣтью желѣзныхъ дорогъ рельсовымъ путемъ. Общее протяженіе желѣзнодорожнаго пути отъ станціи, „Минеральныя воды“, Владикавказской желѣзной дороги, до конечнаго пункта вѣтви „Кисловодскъ“ составляетъ 60 верстъ. Вся дорога удивительно живописна и проходитъ все время по красивой горной мѣстности. Въ особенности слѣдуетъ упомянуть о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога идетъ отъ станціи Бештау по направленію къ Пятигорску и затѣмъ далѣе между Ессентуками и Кисловодскомъ.

Кавказскія минеральныя воды ежегодно посѣщаетъ огромнѣйшій контингентъ какъ больныхъ, такъ и желающихъ провести сезонъ въ чудномъ уголкѣ нашего отечества. Все это даетъ намъ поводъ думать, что не безынтересно будетъ познакомить нашихъ читателей съ историческимъ ходомъ развитія этихъ курортовъ и постепенно прослѣдить главнѣйшія фазы ихъ развитія.

Кавказскія минеральныя воды дѣлаются извѣстны въ Россіи съ 1717 года, когда, по указу Петра Великаго, лейбъ-медику доктору Шоберу было поручено искать „въ Нашемъ Государствѣ ключевыхъ водъ, которыми можно пользоваться отъ болѣзней“, а въ частности горячихъ

водъ на р. Терекѣ, нынѣ извѣстныхъ подъ именемъ Брагуновскихъ. Во время своей поѣздки Шоберъ, изъ разсказовъ горцевъ, узналъ о горячихъ бештаугорскихъ ключахъ и о знаменитомъ нынѣ кисломъ источникѣ „Нарзанъ“. По возвращеніи, докторъ Шоберъ представилъ подробный отчетъ своей поѣздки и, заканчивая описаніе „теплицъ св. Петра“,—какъ назвалъ ихъ Шоберъ,—говоритъ: „Находится еще болѣе теплицъ въ сей странѣ, да и почти только на два или на три дня ѣзды отъ вышеописанныхъ. Также есть въ землѣ Черкасской изрядной кислый родникъ; но понеже мнѣ приказано было только въ Его Царскаго Величества земляхъ искать минеральныя воды, сверхъ-же того, съ даннымъ мнѣ конвоемъ ѣхать туда было опасно, того ради я не могъ, по желанію моему, того сдѣлать“.

Только 50 лѣтъ спустя, въ 1773 году, А. І. Гюльденштедтъ, путешествовавшій по южной Россіи и Кавказу по порученію академіи наукъ, проѣхалъ Пятигорскій край, но почтенный ученый въ своемъ отчетѣ довольно кратко описываетъ источники, видимо, не придавая имъ особенно большого значенія.

Достовѣрная исторія кавказскихъ водъ, судьба которыхъ шла рука объ руку съ завоеваніемъ края и распространеніемъ въ немъ русскихъ поселеній, начинается съ 1780 г., когда, по проэкту князя Потемкина, въ долинѣ горъ Бештау и Машука, въ верстахъ четырехъ отъ послѣдней, на рѣкѣ Подкумкѣ было заложено для стратегическихъ цѣлей Константиногорское укрѣпленіе, слѣды котораго сохранились и по настоящее время.

Начало пользованія водою „Горячаго источника“ положили солдаты 16-го егерскаго полка, составлявшаго первый гарнизонъ Константиногорскаго укрѣпленія, купаясь въ высѣченной еще до прихода сюда русскихъ туземцами ваннѣ у самаго источника. Источникъ понемногу сталъ входить въ извѣстность на Кавказѣ и сосѣднихъ губерніяхъ, и пріѣздъ больныхъ съ каждымъ годомъ увеличивался.

Въ 1793 г. воды посѣтилъ ученый Палласъ, сдѣлавшій по возвращеніи подробный докладъ въ государственную медицинскую коллегію о цѣлебности водъ, почему коллегія командировала сюда для изслѣдованія штабъ-лекаря Ловенеца и аптекаря Кернера, которые признали полезнымъ ввести названныя воды въ всеобщее употребленіе. Въ виду этого, съ 1798 г. правительство стало коман-

дировать сюда служащихъ военнаго званія, главнымъ образомъ изъ кавказской арміи, для леченія, а черезъ нѣсколько лѣтъ воды стали посѣщать также больные изъ Россіи. Медицинская коллегія, оставляя вопросъ объ устройствѣ водъ открытымъ, признала нужнымъ опредѣлить туда двухъ постоянныхъ врачей и въ апрѣлѣ 1803 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи „одного изъ опытнѣйшихъ и искуснѣйшихъ врачей“ съ жалованіемъ отъ 800 до 1.000 руб. въ годъ и другого ему въ помощники съ жалованіемъ въ 400 руб.

Для помѣщенія больныхъ военное вѣдомство признало полезнымъ устроить лѣтніе временные лазареты; для жительства-же частныхъ лицъ поселить по близости источниковъ казаковъ, отъ которыхъ больные могли-бы пользоваться квартирою и всѣмъ нужнымъ для жизни и „жители, видя отъ того свои выгоды,—по словамъ Нелюбина, составлявшаго въ 1825 г. описаніе кавказскихъ минеральныхъ водъ,—время отъ времени старались-бы о лучшемъ построеніи домовъ и сею обоюдною частныхъ людей выгодою казна была-бы предохранена отъ чрезвычайныхъ издержекъ, на таковое построеніе потребныхъ“.

Въ 1809 и 1810 годахъ воды посѣтилъ извѣстный врачъ и филантропъ Ф. Гаазъ, который открылъ ессентуковскіе источники и горячіе желѣзноводскіе ключи, куда ему удалось попасть, благодаря знакомству съ черкесскимъ княземъ Измаилъ-беемъ. Правда, желѣзноводскіе источники быстро вошли въ употребленіе, чего нельзя сказать объ есентуковскихъ, или Бугуптскихъ, которые были преданы полному забвенію. Причину того надо искать въ томъ, что Гаазъ, оставивъ безъ изслѣдованія собственно щелочные источники, сосредоточилъ свои изслѣдованія исключительно на сѣрно-щелочныхъ, вода которыхъ была открыта раньше и уже устроена для пользованія. Ессентуковскіе источники вошли въ извѣстность лишь съ 1823 года, когда ихъ изучилъ и анализировалъ докторъ Нелюбинъ.

Пока вопросъ о поселеніи казаковъ оставался рѣшеннымъ только принципіально, пріѣзжающимъ приходилось пользоваться услугами абазинцевъ, которые и снабжали посѣтителей водъ жизненными припасами; но все-таки, несмотря на все это, населеніе относилось къ русскимъ недовѣрчиво и подчасъ даже довольно враждебно, такъ что жить тамъ въ то время считалось не безопаснымъ. Тѣмъ не менѣе, въ 1811 г. изъ Россіи частныхъ лицъ

прибыло на воды до 200 семействъ. Для того, чтобы хоть сколько-нибудь обезпечить спокойствіе, было, по приказанію князя Циціанова, заложено близъ Нарзана постоянное укрѣпленіе, которое получило названіе „Кисловодскаго“. Гарнизонъ, состоящій изъ двухъ ротъ, въ сезонное время увеличивался.

Люди со средствами ставили близъ Нарзана свои кибитки съ деревянными ваннами, остальные-же купались прямо въ наполненной водой ямѣ, вырытой вблизи источника и обнесенной плетнемъ. Въ 1812 г. были построены первыя купальныя зданія—мужское и женское. Въ томъ-же году константиногорскій чиновникъ Чернявскій построилъ въ Горячеводской долинѣ два дома, что и послужило началомъ возникновенія Пятигорска. Такъ какъ населеніе поняло, что дома даютъ хорошіе доходы во время сезона, то начали быстро обстраивать эти мѣста, и уже въ 1824 г. насчитывалось тамъ до ста домовъ.

Въ 1816 г. въ высшей администраціи Кавказа произошла крупная перемѣна, которая дала также замѣтный толчекъ развитію кавказскихъ минеральныхъ водъ: на постъ главноуправляющаго въ Грузіи и командира отдѣльнаго корпуса былъ назначенъ А. П. Ермоловъ. Ермоловъ въ 1819 г. посѣтилъ кавказскія минеральныя воды, и на группахъ начались нѣкоторыя улучшенія: были исправлены старыя зданія, а въ Пятигорскѣ построено новое, получившее названіе „Ермоловское“. Въ томъ-же году Ермоловъ распорядился построить при желѣзныхъ водахъ жилой домъ въ 7 комнатъ, которыя и отдавались внаймы по 5 р. ассигнаціями въ сутки. Для жительства солдатъ, составляющихъ военное прикрытіе, было выстроено нѣсколько балагановъ.

Въ 1822 г. правительство отпустило 550 тысячъ рублей и принялось за составленіе плана и проэкта устройства кавказскихъ минеральныхъ водъ, для чего была учреждена особая строительная комиссія, на которую впослѣдствіи было возложено и управленіе водами.

Комиссія пришла къ заключенію, что необходимо „сначала самыя воды подвергнуть точному химическому анализу при самыхъ источникахъ, потому наиболѣе, что всѣ изслѣдованія, сдѣланныя понынѣ надъ самыми водами, произведены были не на самомъ мѣстѣ; притомъ-же въ продолженіе значительнаго времени могла произойти въ самыхъ водахъ нѣкоторая перемѣна“. И вотъ въ 1823 г. профессоръ Нелюбинъ произвелъ рядъ анализовъ разныхъ

источниковъ, и пользованіе водами было поставлено на научную почву.

Работая по Высочайшему повелѣнію, Нелюбинъ въ Желѣзноводскѣ открылъ 7 новыхъ источниковъ; близъ Кисловодска-же, въ ущельѣ, по которому течетъ р. Березовка, былъ открытъ имъ такъ называемый Березовскій источникъ. Но особенно важное значеніе имѣли работы Нелюбина для Ессентуковъ, гдѣ онъ указалъ на присутствіе настоящихъ щелочныхъ ключей, до тѣхъ поръ нигдѣ не извѣстныхъ на Кавказѣ.

Во время управленія краемъ Ермоловымъ было много сдѣлано для минеральныхъ водъ: такъ, въ 1824 г. положено основаніе въ Пятигорскѣ казенной гостиницы, въ Желѣзноводскѣ построены зданія для пріѣзжихъ, въ 1825 г. проложена новая дорога изъ Георгіевска въ Горячеводскъ и, наконецъ, 25 іюля 1826 г. было заложено каменное зданіе Николаевскихъ ваннъ.

Съ 1826-го г. по 1831 г. начальникомъ края генераломъ Г. А. Эммануелемъ было много сдѣлано для устройства водъ, и этотъ періодъ можно назвать самымъ благопріятнымъ. Подъ руководствомъ архитекторовъ братьевъ Бернардацци, были построены въ Пятигорскѣ: казенная гостиница, Николаевскія ванны, первая церковь во имя Скорбящей Божіей Матери, офицерскій домъ для бѣдныхъ офицеровъ, устроенъ бульваръ, гротъ Діаны, бесѣдка Эоловой арфы, дорога для восхожденія на гору Машукъ, начатъ водопроводъ прѣсной воды съ Бештау и многое другое. По ходатайству генерала Эммануеля, Горячеводское поселеніе было переименовано въ уѣздный городъ и получило названіе Пятигорска.

Въ 1837 г. Пятигорскъ посѣтилъ императоръ Николай Павловичъ, послѣ чего онъ повелѣлъ отпускать ежегодно на устройство и поддержку водъ 200 тысячъ ассигнаціями. Въ 1846 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „передать въ полное и непосредственное вѣдѣніе и распоряженіе намѣстника кавказскаго минеральныя воды, все управленіе ими и суммы, какъ отпускаемыя на содержаніе ихъ, такъ и назначенныя по особому Высочайшему повелѣнію 1837—38 гг. на ихъ устройство“.

Съ переходомъ минеральныхъ водъ въ завѣдываніе кавказскаго намѣстника, начался новый періодъ улучшенія и ихъ развитія. Князь Воронцовъ лично вникалъ во все и изучалъ недостатки бывшаго тогда управленія водами. Слѣдствіемъ этого было то, что строительная комис-

сія была упразднена и была учреждена „дирекція кавказскихъ водъ“, въ 1847 году.

При слѣдующемъ затѣмъ кавказскомъ намѣстникѣ, генералѣ Н. Н. Муравьевѣ (1854—1856 гг.), особыхъ перемѣнъ не произошло. Съ новымъ намѣстникомъ, А. И. Барятинскимъ, начинается и новый фазисъ ихъ развитія.

Новый намѣстникъ, понимая, что въ будущемъ воды должны имѣть общегосударственное значеніе, обратилъ на нихъ болѣе серьезное вниманіе, признавая, что на первый планъ должно быть выдвинуто внутреннее благоустройство. Было признано наилучшимъ сдать воды въ аренду частному лицу, и съ 1861 г. воды перешли къ Н. А. Новосельскому, который поручилъ завѣдываніе ими московскому врачу С. А. Смирнову. По мысли послѣдняго, возникло въ Пятигорскѣ первое русское бальнеологическое общество, которое въ первыя семь лѣтъ своего существованія издало 4 тома записокъ, гдѣ помѣщены много самостоятельныхъ изслѣдованій и анализы кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Въ 1870 г. воды были сданы въ аренду ст. сов. А. М. Байкову; онъ пригласилъ на воды спеціалистовъ-гидротехниковъ Жюля Франсуа и инженера Леона Крео, которые и положили прочное основаніе общему переустройству водъ.

Въ 1883 г. кончился срокъ аренды съ Байковымъ и было рѣшено учредить временный порядокъ завѣдыванію водами, съ особымъ правительственнымъ комиссаромъ. Одновременно министерство внутреннихъ дѣлъ пришло къ заключенію, что для наилучшаго осуществленія предположенныхъ на кавказскихъ минеральныхъ водахъ техническихъ усовершенствованій управленіе этими источниками должно быть подчинено министерству государственныхъ имуществъ, имѣющему въ своемъ распоряженіи необходимыхъ спеціалистовъ, и на это послѣдовало Высочайшее повелѣніе отъ 13-го декабря 1883 г.

Съ 1885 по 1895 г. на поддержаніе существующихъ учрежденій и на нѣкоторыя новыя устройства, какъ постройки павильоновъ, устройство хирургическихъ покосвъ и т. д., правительствомъ затрачено свыше 1.000.000 руб. изъ особо ассигнованныхъ кредитовъ.

Въ 1898 г. на благоустройство водъ было израсходовано 300.000 р., а въ 1899 г. ассигновано 5.000.000 руб. на расходы по благоустройству по 1905 г. Отсюда ясно, какое доброе вниманіе оказывается правительствомъ кавказ-

скимъ минеральнымъ водамъ, помогающимъ въ многочисленныхъ случаяхъ больнымъ русскимъ людямъ.

Переходя далѣе къ описанію каждой группы въ отдѣльности, начнемъ съ Пятигорска, на который, какъ видно изъ исторіи, было положено болѣе заботъ объ его благоустройствѣ.

2. Пятигорскъ.

Крутясь по степи, дорога подходитъ къ Пятигорску, расположенному на высотѣ 1741 ф. надъ уров. моря, въ ущельѣ, образуемомъ отрогами Машука и Горячей горы, на лѣвомъ берегу рѣки Подкумка, и окруженъ такъ называемой Бештаугорскою цѣпью, состоящей изъ Лысой горы, Машука, Змѣиной, Бештау и Желѣзной. „На западѣ, — описываетъ Лермонтовъ, — пятиглавый Бошту (Бештау) синѣетъ, какъ послѣдняя туча разсѣянной бури; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мной пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа, — а тамъ, дальше, амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльбрусомъ“.

Горы расположены на болѣе или менѣе значительномъ другъ отъ друга разстояніи и производятъ впечатлѣніе какъ-бы отдѣльныхъ высотъ, разбросанныхъ на гладкой поверхности. Возвышенность Бештау считается самою высокою, имѣетъ 4554 фут. надъ уровнемъ моря. Затѣмъ слѣдуетъ Машукъ (3258 ф.), Змѣиная (3254 ф.) и т. д. Эти горы состоятъ изъ вулканическихъ массъ (порфировъ и трахитовъ), которыя во время поднятія горъ не обнажились, не достигли поверхности земли и только позднѣе, вслѣдствіе размыва лежащихъ на нихъ болѣе рыхлыхъ осадочныхъ пластовъ, выступили наружу.

Климатъ Пятигорскаго округа и, въ частности, Пятигорска болѣе или менѣе здоровый; исключеніе составляютъ нѣкоторыя лихорадочныя мѣста, расположенныя по долинамъ Кумы и Терека.

Гора Машукъ имѣетъ видъ большого конуса, покрытаго, кромѣ самой верхушки и отчасти подножья, невысокимъ лѣсомъ. Рѣка Подкумокъ, протекающая по подножью Машука, какъ всѣ горныя рѣчки, очень быстра,

шумлива, но не отличается глубиною. Весною, во время таянія снѣга, въ ней бываетъ много воды, но лѣтомъ ее почти всюду можно переѣхать верхомъ, къ тому-же дно ея ровное песчаное.

Такъ какъ Пятигорскъ расположенъ по склону горы, то и высота его не вездѣ одинакова. Самые лучшіе виды на городъ, окрестности и на Кавказскія горы, которыя тутъ въ хорошую погоду бываютъ видны, открываются изъ бесѣдки „Эолова арфа“ въ Эмануелевскомъ паркѣ, съ дороги, ведущей къ Машуку съ Горячей горы отъ памятника Лермонтову. Центръ города — Соборная площадь, съ большимъ зданіемъ собора, окруженная бульваромъ, на которомъ расположены кіоски и рестораны съ музыкой. Здѣсь толпится народъ у кіосковъ, раскупая виды минеральныхъ водъ и окрестностей, здѣсь продаютъ цвѣты, здѣсь гуляютъ послѣ ваннъ, зданія которыхъ находятся тутъ-же. Говоря короче, центръ пятигорской жизни постоянно, съ утра до поздней ночи, наполненъ народомъ.

Городъ имѣетъ свой водопроводъ изъ источниковъ, вытекающихъ у подножья горы Юзы, въ 8 верстахъ отъ города.

Что касается населенія Пятигорска, живущаго, главнымъ образомъ, на сезонные заработки, то оно крайне разношерстное: вы встрѣтите русскихъ, нѣмцевъ, горцевъ, армянъ и евреевъ. Вся эта публика съ начала сезона энергично принимается за эксплоатацію курортныхъ, доходя подчасъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго выше, достаточно сказать, что на базарахъ существуютъ одинъ цѣны для коренного населенія и двойныя, подчасъ и тройныя, для пришлыхъ.

Изъ достопримѣчательностей укажемъ на памятникъ М. Ю. Лермонтову, домикъ, въ которомъ онъ жилъ, но, къ сожалѣнію — что у насъ случается сплошь и рядомъ,— онъ совершенно передѣланъ и отдается внаймы. Только слѣдующая надпись на стѣнѣ: „Здѣсь жилъ М. Ю. Лермонтовъ въ 1837—1841 г.“ напоминаетъ о томъ, что здѣсь нѣкогда жилъ знаменитый поэтъ. Недалеко отъ Елизаветинской галлереи находится гротъ Лермонтова, закрытый для доступа публики желѣзною дверью. Гротъ этотъ — маленькая пещерка, въ глубинѣ которой стоитъ металлическая доска съ стихотвореніемъ помѣщика Козлова, на средства котораго былъ отдѣланъ гротъ, слѣдующаго содержанія:

Подъ сѣнь твою онъ приходилъ,
Пріютъ, для сладкаго мечтанья
И ты одинъ свидѣтель былъ
Его сердечнаго страданья.

Съ площадки грота открывается чудный видъ на городъ.

Въ городѣ на Соборной площади стоитъ памятникъ М. Ю. Лермонтову, исполненный по проэкту академика Опекушина. На памятникѣ слѣдующая надпись: „М. Ю. Лермонтову“, а ниже: „16-го августа 1887 года“. Вокругъ памятника разбитъ садикъ.

Особаго вниманія туристовъ заслуживаетъ гротъ Діаны, недалеко отъ Николаевскаго вокзала, а также бесѣдка подъ названіемъ „Эолова арфа“, находящаяся въ Эммануелевскомъ паркѣ на одномъ изъ отроговъ Машука.

Можно часы просидѣть въ такихъ уголкахъ, изъ которыхъ открываются чудные виды Машука, всюду высовывающаго то свои скалы и свои бѣлые камни, то свои зеленыя ясеневыя рощи, полныя треска кузнечиковъ, то поля, покрытыя розовыми гвоздиками.

Помимо чуднаго Эммануелевскаго парка, самъ Пятигорскъ богатъ растительностью, напр., казенный садъ, занимающій площадь въ 18 десятинъ, имѣетъ чудныя тѣнистыя аллеи, со вкусомъ разбитые цвѣтники, оранжерею, три фонтана, солнечные часы съ циферблатомъ изъ цвѣтовъ, цвѣточный календарь и много другого. Въ саду играетъ музыка.

Пятигорскъ вообще богатъ окрестностями; какъ на наиболѣе интересныя для прогулокъ, укажемъ на вершину Машука, озеро Провала и Перкальскій родникъ. Всюду есть рестораны, гдѣ можно выпить молока, чаю, кофе, шоколада и отдохнуть.

Провалъ представляетъ гротъ, который кверху суживается, наподобіе усѣченнаго конуса. На днѣ грота озеро въ 4 — 5 саж. глубины, съ очень прозрачной голубого цвѣта водою. Къ этому озеру проложенъ туннель. Внутри Провала находится кіотъ съ образами Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ и великомученика и цѣлителя Пантелеймона.

Въ трехъ верстахъ отъ Провала находится Перкальскій родникъ. Родникъ ютится въ тѣни лѣса и привлекаетъ массу посѣтителей какъ своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, такъ и чудной водой. Недалеко отъ Перкальскаго родника, влѣво отъ дороги, стоитъ небольшая каменная пирамидка съ слѣдующею надписью:

„М. Ю. Лермонтовъ, 15-го іюля 1842 года". Дѣлаютъ предположеніе, что здѣсь произошла роковая дуэль поэта съ Мартыновымъ, но это предположеніе оспаривается и, собственно говоря, до сихъ поръ еще точно не установлено, гдѣ погибъ творецъ „Демона".

Какъ-бы то ни было, но всѣ тѣ мѣста, которыя такъ усердно посѣщаются публикою—и вполнѣ заслуженно, такъ какъ въ дѣйствительности они очень красивы,—носятъ курортный характеръ, а потому тѣ лица, которыя хотятъ насладиться прелестью природы, дѣлаютъ экскурсіи въ колоніи: Константиновскую, Николаевскую, Горячеводскую.

Вблизи Пятигорска, въ 8 верстахъ, находится гора Юза съ ея очень красивымъ источникомъ, который бьетъ каскадами. Мы уже упоминали, что этотъ источникъ питаетъ водами городъ Пятигорскъ. Публика охотно посѣщаетъ это мѣстечко.

Въ 7—8 верстахъ отъ Пятигорска, въ очень красивомъ уголкѣ находится горный источникъ Маріи Терезы, названный такъ въ честь жены и дочери одного изъ иностранныхъ гидрологовъ, посѣтившаго кавказскія минеральныя воды.

Кончая болѣе или менѣе бѣглый очеркъ этого курорта, мы еще укажемъ вкратцѣ тѣ достопримѣчательности, на которыхъ мы не останавливались подробно. Это—трещина, Горячей горы, памятникъ генералу Евдокимову (часовня около собора), вершина Машука и соленое озеро Тамбука близъ Пятигорска.

Пятигорскія минеральныя воды служатъ для излеченія хроническаго ревматизма, сифилиса и отравленія металлами, далѣе отъ золотухи, рахита и геморроя.

3. Желѣзноводскъ.

Желѣзноводскъ расположенъ на южной покатости Желѣзной горы, въ 12½ верстахъ отъ Пятигорска и въ 18½ верстахъ отъ станціи „Минеральныя воды", Владикавказской ж. д. Въ 7 верстахъ отъ Пятигорска шоссе развѣтвляется: одинъ путь ведетъ на ст. „Минеральныя воды", а другой—въ Желѣзноводскъ. Дорога очень живописна, виды смѣняются съ каждымъ шагомъ. Къ сѣверо-востоку отъ Желѣзноводска расположенъ густой паркъ, составляющій часть лѣса, покрывающаго всю Желѣзную гору вплоть до самой вершины.

Желѣзноводскъ расположенъ на высотѣ 2070 фут. надъ поверхностью моря и отличается климатомъ, присущимъ нагорнымъ мѣстностямъ. Здѣсь господствуютъ вѣтры, въ силу чего грозы съ дождями бываютъ очень часто, но вода быстро стекаетъ и грязь держится очень недолго. Наиболѣе дождливый періодъ — конецъ мая и іюня. Въ іюнѣ и іюлѣ — частыя грозы, въ августѣ обыкновенно стоитъ очень хорошая погода. Самымъ жаркимъ мѣсяцемъ считается іюль, причемъ максимальная температура рѣдко превышаетъ 27° R, но это въ Желѣзноводскѣ не особенно ощутительно, благодаря большому парку. Въ отношеніи безопасности распространенія эпидемическихъ болѣзней Желѣзноводскъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Источники и бальнеологическія учрежденія разбросаны на большомъ разстояніи, по положенію которыхъ курортъ можно раздѣлить на двѣ части: западную и восточную. Центръ курорта — Конторная площадь.

Основаніе поселенія Желѣзноводска положено 40 семействами, которыя въ 1842 г. были выселены сюда изъ Кисловодской станицы. Коренного населенія, собственно говоря, нѣтъ, и зимой Желѣзноводскъ почти безлюденъ. Во время-же лечебнаго сезона сюда съѣзжается много временныхъ торговцевъ съ самымъ разнообразнымъ товаромъ и они, пользуясь случаемъ, дерутъ втридорога.

Достопримѣчательностями Желѣзноводскъ не богатъ. Очень хорошъ паркъ, изъ котораго открываются прелестные виды и откуда взору во всей красѣ представляется Бештау, какъ-бы задрапированный густымъ лѣсомъ до самой макушки, которая лишена растительности.

Одна изъ излюбленныхъ прогулокъ — это на вершину Желѣзной горы, куда ведутъ прелестныя дорожки, которыя изрѣзываютъ всю гору, полную желѣзныхъ источниковъ, разбросанныхъ на довольно большомъ разстояніи одинъ отъ другого. Публика ходитъ по этимъ дорожкамъ къ источнику великаго князя Михаила, запрятанному въ мрачный гротъ въ таинственномъ уголкѣ лѣса, къ Маріинскому источнику, богатому кислотою, къ знаменитой Грязнушкѣ, лежащей въ глубинѣ завитой виноградомъ галлереи, около террасы, откуда открывается восхитительный видъ на Змѣиную гору, за которою видны безконечныя дали степей, заканчивающіяся чуть замѣтными контурами Кавказскаго хребта.

Изъ Желѣзноводска обыкновенно совершаютъ поѣздки на вершину Бештау любоваться восходомъ солнца. При

восходѣ солнца Бештау оросаетъ отъ себя тѣнь верстъ на двадцать пять, панорама-же, открывающаяся съ вершины, не подлается описанію.

Желѣзноводскіе источники назначаютъ при малокровіи, хроническомъ катаррѣ желудка и кишекъ, при хронической опухоли селезенки, при хроническомъ воспаленіи почекъ, при спинной мозговой сухоткѣ, при истерикѣ, мигрени и сѣдалищной невралгіи; страдающимъ-же сердцемъ и легкими пребываніе въ Желѣзноводскѣ, какъ лечебномъ пунктѣ, въ виду его климатическихъ условій докторами не рекомендуется.

4. Ессентуки.

Ессентуки расположены въ долинѣ вдоль лѣваго берега рѣки Подкумка на высотѣ 2000 ф. надъ уровнемъ моря, въ 15 верстахъ отъ Пятигорска. Первоначально все мѣсто, гдѣ находятся источники, принадлежало казачьему войску, которое поселилось тутъ въ 1826 г. въ одной верстѣ отъ источниковъ по берегу рѣки Ессентукъ, впадающей въ рѣку Подкумокъ; но въ 1847 г. источники со всей окружающей мѣстностью перешли въ собственность казны и до семидесятыхъ годовъ влачили жалкое существованіе, пока на нихъ не обратили серьезнаго вниманія и не привели ихъ въ то положеніе, въ которомъ онѣ находятся въ настоящее время.

Ессентуковскія воды очень благотворно дѣйствуютъ при хроническомъ катаррѣ желудка и кишекъ, затѣмъ при заболѣваніяхъ печени, почекъ, мочевого пузыря, при мочевыхъ и желчныхъ каменяхъ и подагрѣ. Наибольшею извѣстностью пользуются источники №№ 4, 17 и 18.

Климатъ въ Ессентукахъ мало отличается отъ климата Пятигорска, дождей бываетъ здѣсь меньше, чѣмъ въ Желѣзноводскѣ, но зато бываютъ сильные ливни.

Ессентуки не могутъ похвалиться ни окрестностями, ни тѣми удовольствіями, которыми пользуются пріѣзжіе на другихъ группахъ. Развлеченія сводятся, главнымъ образомъ, къ посѣщенію парка, въ которомъ играетъ музыка, да концертовъ, спектаклей и танцовальныхъ вечеровъ, часто устраиваемыхъ въ казенномъ ресторанѣ.

Изъ окрестностей, достойныхъ вниманія, почти нѣтъ, если не считать прогулокъ къ Капельному источнику и Воронцовскому водопаду, отстоящему на разстояніи приблизительно двѣнадцати верстъ отъ Ессентуковъ.

5. Кисловодскъ.

Кисловодскъ, или Кисловодская слобода, расположенъ въ долинѣ праваго притока рѣки Подкумка на высотѣ 2762 фут. надъ уровнемъ моря, въ пространной котловинѣ, окруженной горными возвышенностями и прорѣзанной рѣками Ольховкою и Березовкою, около знаменитаго источника Нарзана, въ 36 верстахъ отъ Пятигорска и въ 21 верстѣ отъ Ессентуковъ, съ которыми онъ соединенъ шоссейными дорогами и желѣзнодорожнымъ путемъ.

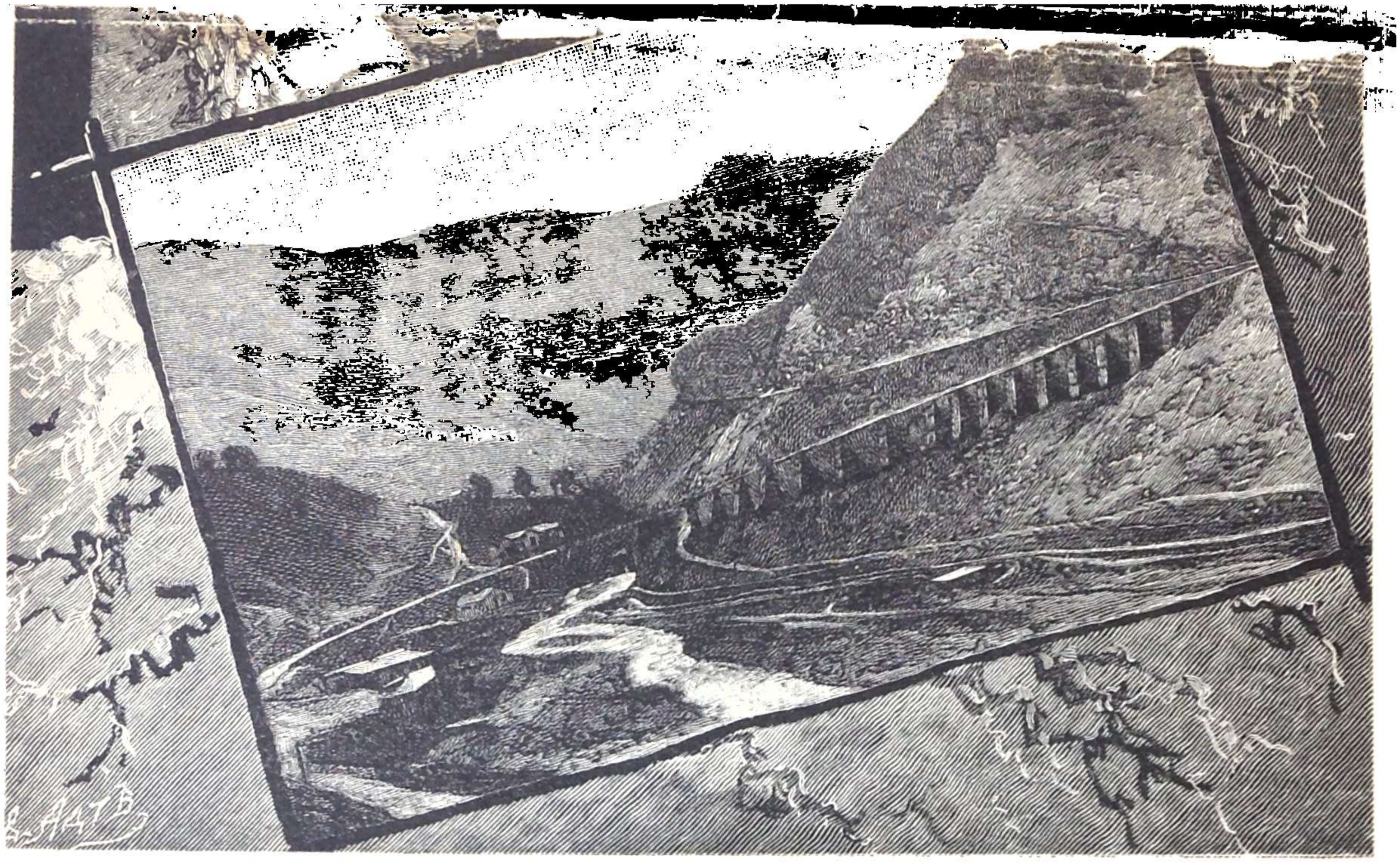
Жители, въ количествѣ до 3000 человѣкъ, происходятъ изъ потомковъ храбрыхъ солдатъ, занимавшихъ Кисловодское укрѣпленіе еще до завоеванія Кавказа, и занимаются земледѣліемъ и въ небольшомъ размѣрѣ скотоводствомъ, но главные заработки ихъ во время съѣзда больныхъ, которымъ они отдаютъ свои дома и отдѣльныя комнаты.

Кисловодскъ является прекрасною климатическою станціей при средней температурѣ года 6 градусовъ Реомюра.

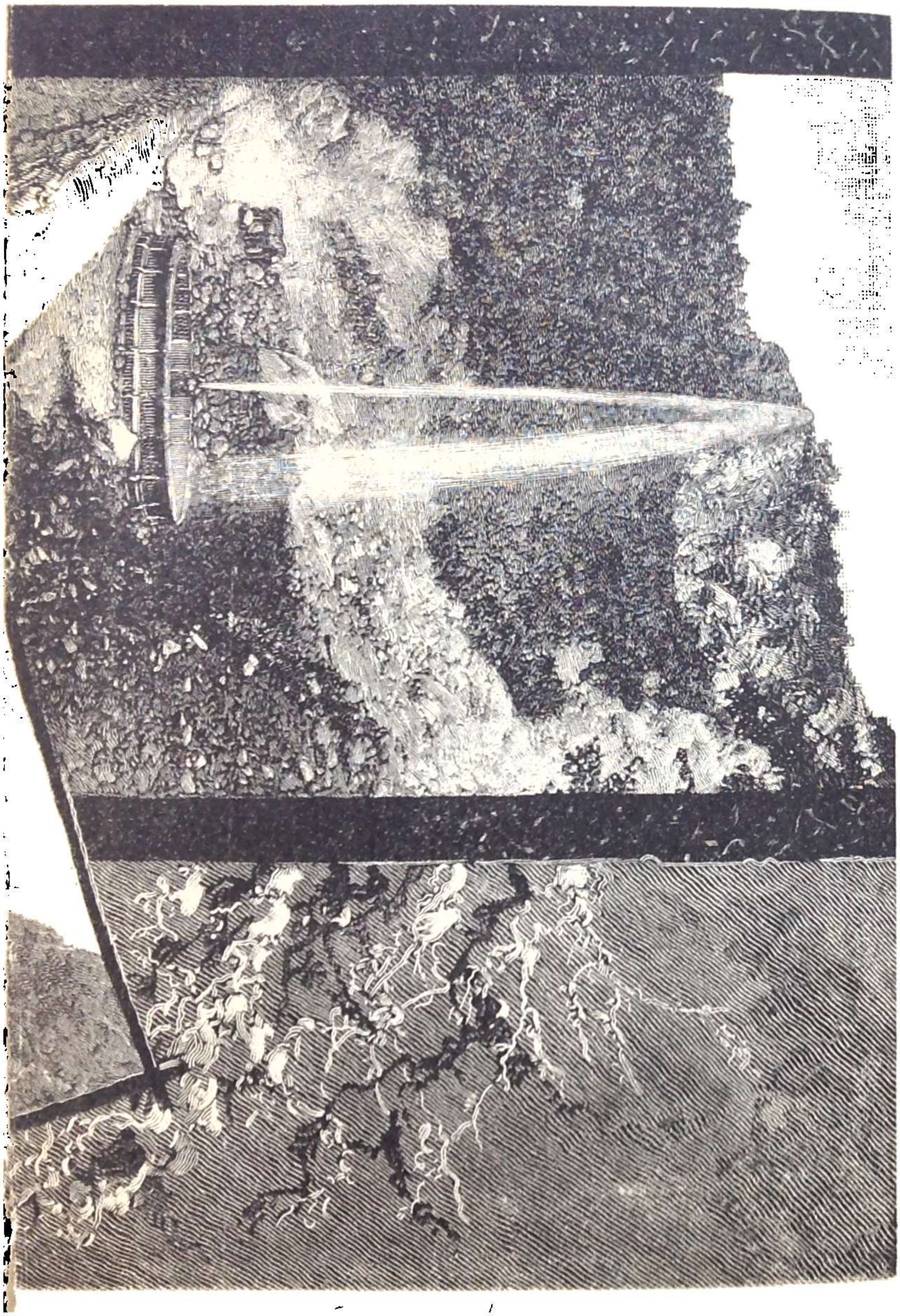
Въ Кисловодскѣ самый лучшій паркъ, расположенный по обѣимъ сторонамъ рѣки Ольховки, съ очень живописными уголками, какъ, напр., Семиградусный источникъ, Великокняжеская скамейка, Царская площадка, но гвоздемъ, конечно, является знаменитый Нарзанъ.

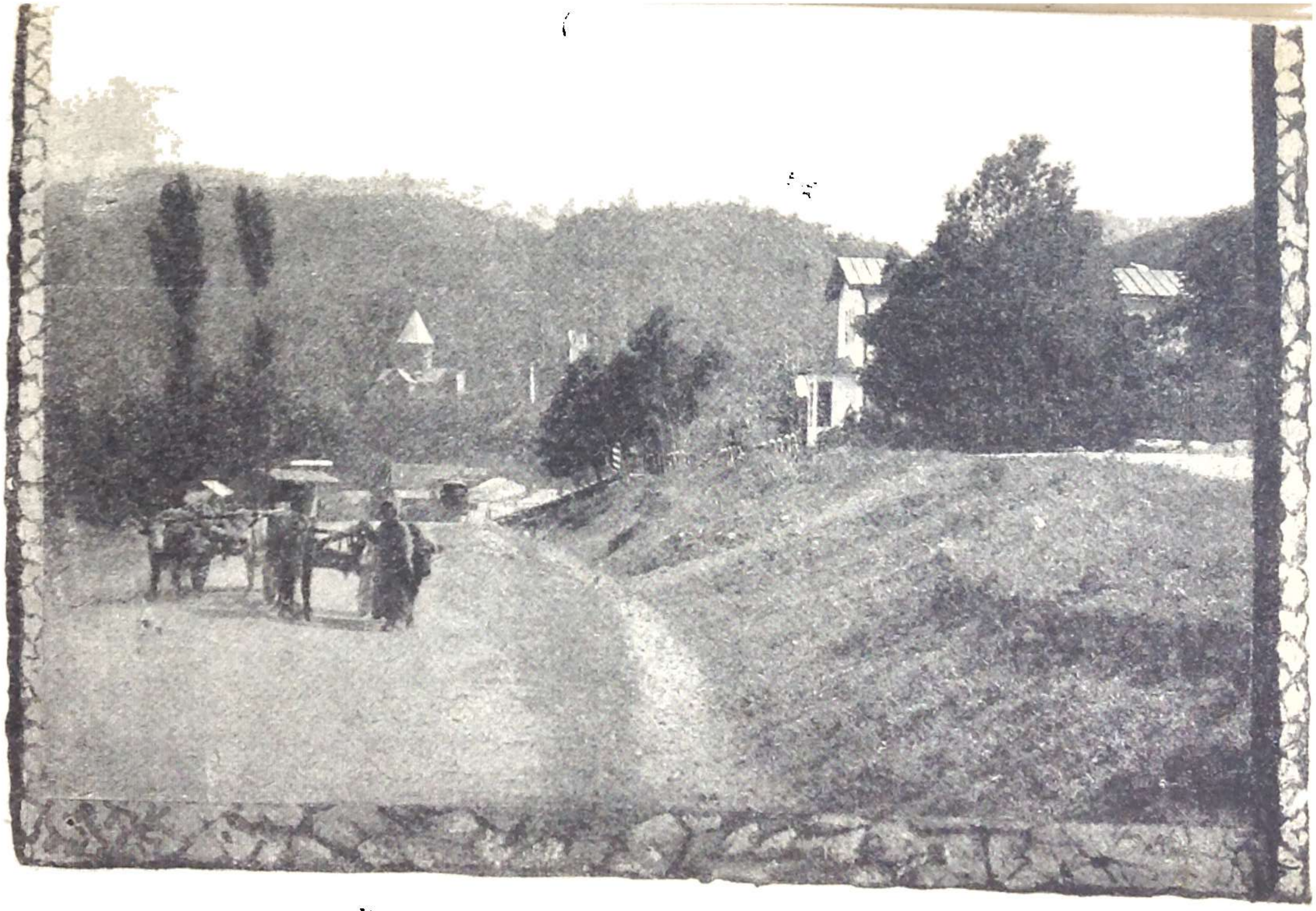
Нарзанъ, что въ переводѣ означаетъ богатырскій источникъ, находится въ концѣ длинной галлереи, выходящей въ паркъ. Самъ онъ заключенъ въ колодезь въ 7 арш. глубины и 1 саж. ширины. Вода въ колодезѣ бурлитъ, пѣнится и вырывается огромными клубами, которые, достигши поверхности, волнуются и пѣнятся. Вода Нарзана на вкусъ очень пріятна, кисловата и дѣйствуетъ крайне освѣжающе. По анализу источника Нарзана, сдѣланному химикомъ А. И. Ѳоминымъ, оказалось: температура по R — 11,5°, удѣльный вѣсъ при 15° R — 1,00313. На 1000 куб. сант. воды найдены слѣдующія составныя части: сухого остатка — 2,62400 гр., угольной кислоты всей — 3,21845 гр., угольной кислоты связанной — 0,58104 гр., сѣрной кислоты — 0,46709 гр., закиси желѣза — 0,00250 гр., угольной кислоты полусвязанной — 294,04 гр., угольной кислоты свободной — 1043,67 гр.

Изъ окрестностей укажемъ на Крестовую гору, снизу одѣтую красивыми дачами, между которыми нахо-

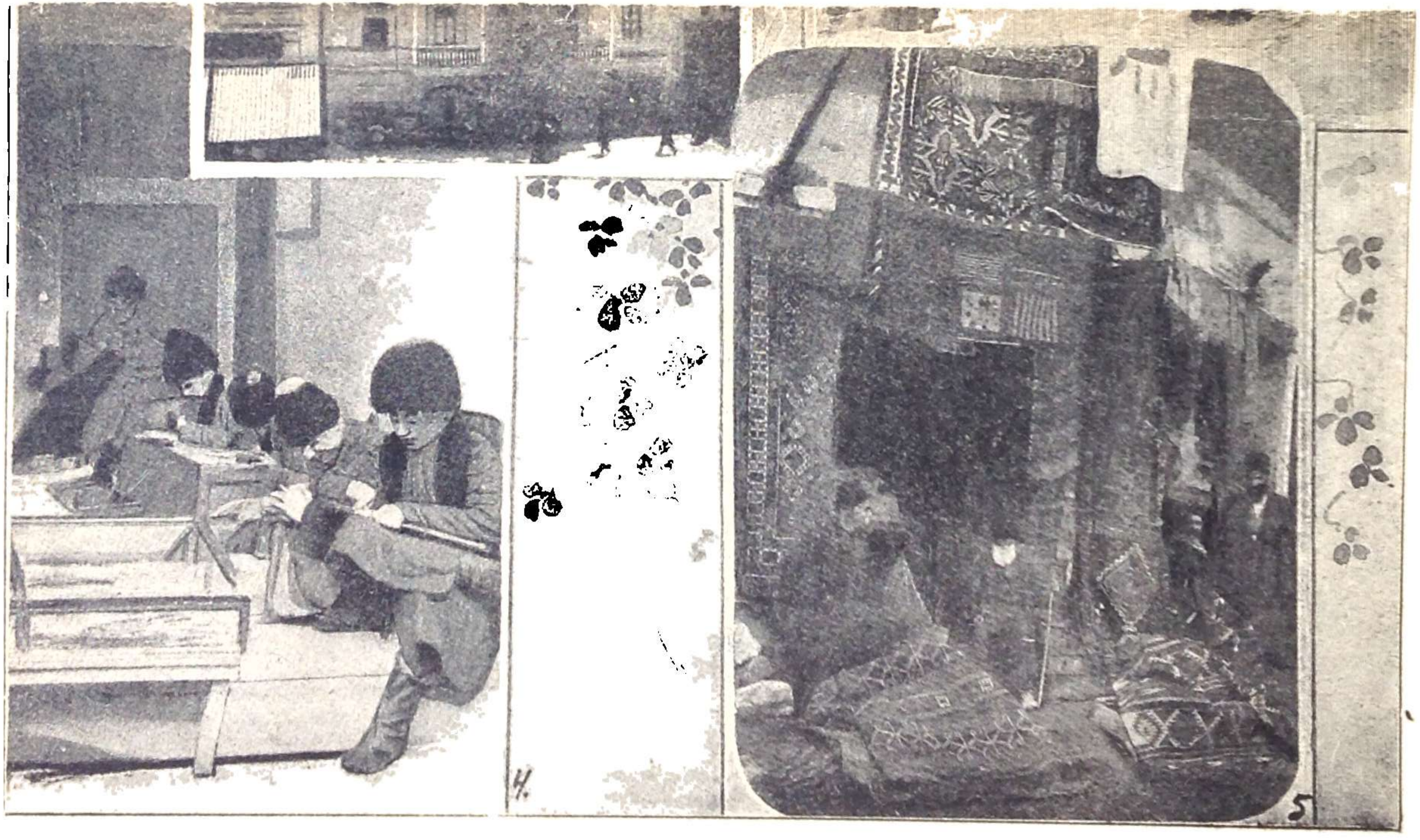

Военно-Грузинская дорога. 1) Фонтанъ на Млетскомъ подъемѣ. 2) Начало Млетскаго подъема.
Композиц. художн. П. Ольшанскаго по фот. В. Ермакова.

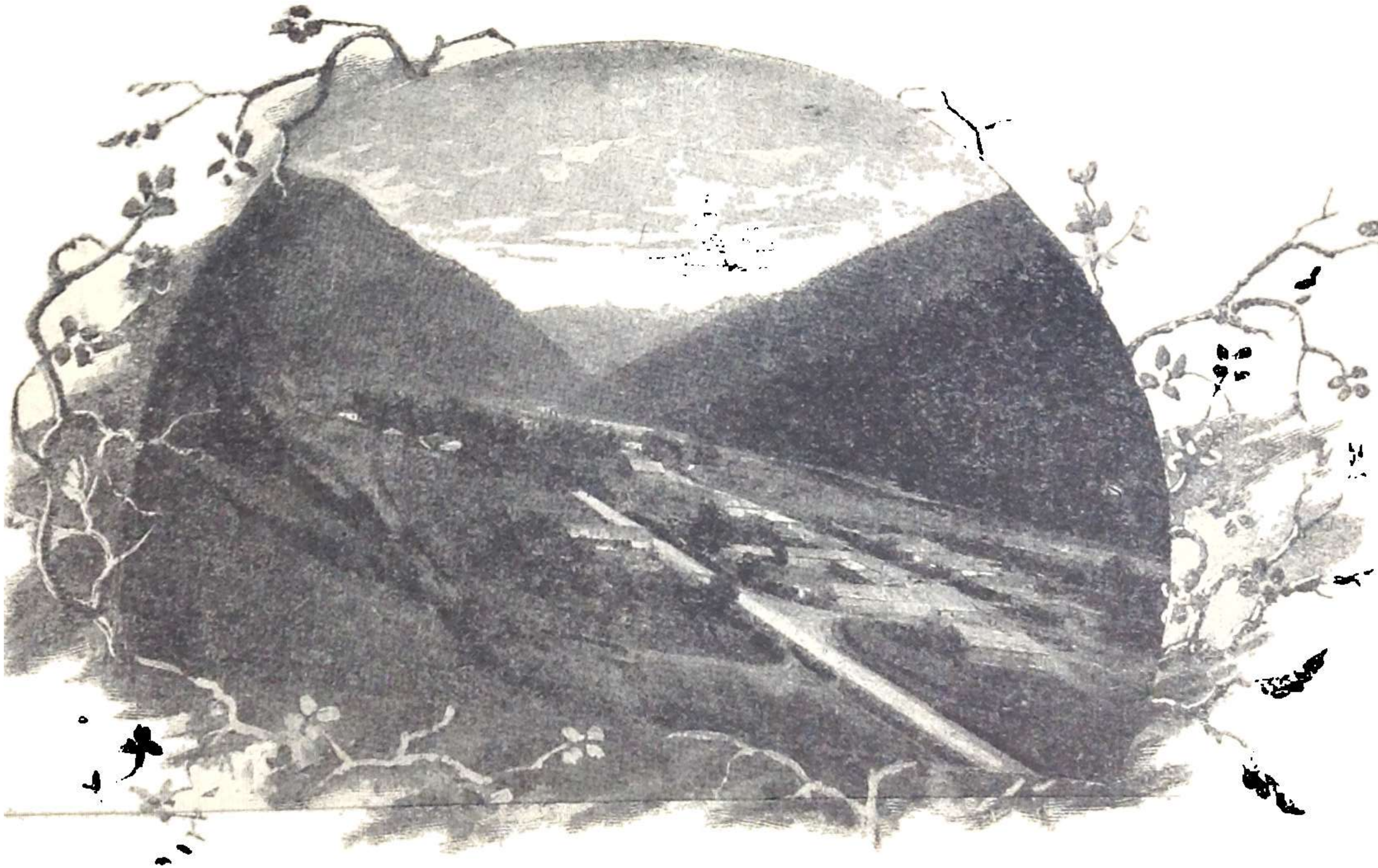

Военно-Грузинская дорога. Станція Анануръ.
Композиц. художн. Н. Ольшанскаго по фот. В. Ермакова.

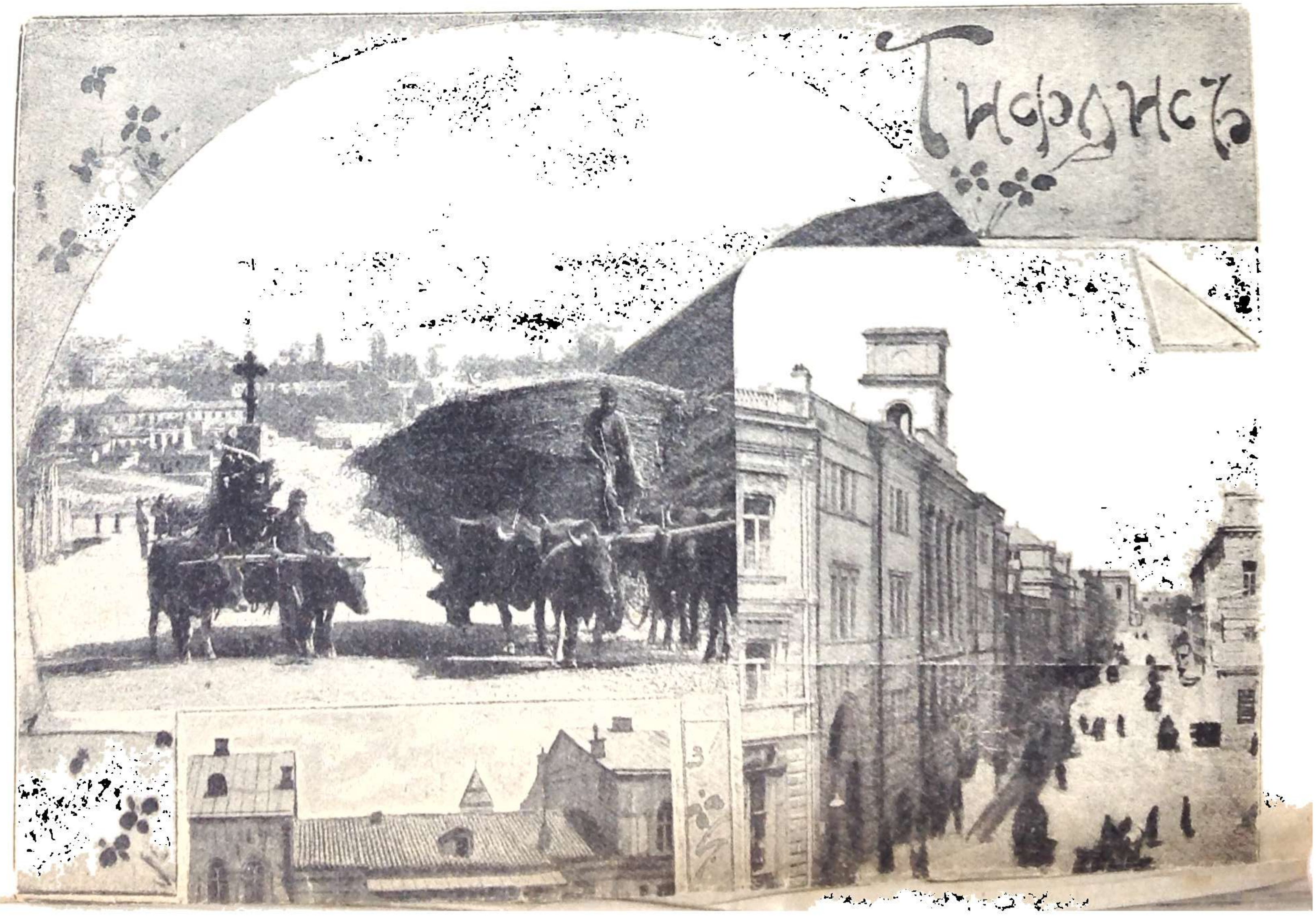

Тифлисъ. 1) Общій видъ и крестъ на Верѣ. 2) Дворцовая ул. 3) Домъ, въ которомъ жилъ А. С. Пушкинъ. 4) Левгипы чеканящіе серебро. 5) Ковровый магазинъ. Комп. Н. Ольшанскаго по фот. В. Ермакова.

Военно-Грузинская дорога. Станція Пассанаурь.
Композиц. художн. Н. Ольшанскаго по фот. В. Ермакова.

Отр. 127 и 128.

дится красивый домъ княжны Мери — сѣрый домъ съ старыми полинялыми ставнями, съ большими бѣлыми колоннами, между которыми два балкона вѣютъ стариной. Большая плакучая ива свѣсила свои вѣтви около дома; да живописная группа тополей и каштановъ таинственно скрыли его отъ глазъ прохожихъ. На вершинѣ Крестовой горы находится большой каменный крестъ съ надписью: „Кресту Твоему поклоняемся, аминь!“.

Въ пяти верстахъ отъ Кисловодска находится такъ называемый „Замокъ коварства и любви“, одно изъ излюбленныхъ мѣстъ для прогулокъ. Изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ для прогулокъ слѣдуетъ указать на Бермамутъ, куда ѣздятъ наблюдать восходъ солнца. Въ семи верстахъ отъ Бермамута расположенъ Хасаутскій аулъ, гдѣ находится источникъ, по составу одинаковый съ Нарзаномъ.

Изъ другихъ интересныхъ мѣстъ слѣдуетъ упомянуть о тополевой аллеѣ, о скалѣ, на которой была дуэль Печорина и Грушницкаго въ Лермонтовскихъ скалахъ, и о водопадѣ Ольховкѣ.

Кисловодскъ — самый живописный и интересный пунктъ для желающихъ любоваться красивыми видами. Недаромъ Лермонтовъ посвятилъ ему въ „Княжнѣ Мери“ нижеслѣдующія строки: „Здѣсь все дышитъ уединеніемъ; здѣсь все таинственно—и густыя сѣни липовыхъ аллей, склоняющихся надъ потокомъ, который съ шумомъ и пѣною, падая съ плиты на плиту, прорѣзываетъ себѣ путь между зеленѣющими горами, и ущелья, полныя мглою и молчаньемъ, которыхъ вѣтви разбѣгаются отсюда во всѣ стороны, и свѣжесть ароматическаго воздуха, отягощеннаго испареніями высокихъ южныхъ травъ и бѣлой акаціи, и постоянный сладостно-усыпительный шумъ студеныхъ ручьевъ, которые, встрѣтясь въ концѣ долины, бѣгутъ дружно взапуски и, наконецъ, кидаются въ Подкумокъ. Съ этой стороны ущелье шире и превращается въ зеленую лощину; по ней вьется пыльная дорога“.

Заканчивая очеркъ кавказскихъ минеральныхъ водъ, нельзя пройти молчаніемъ, что устройство ихъ на должную высоту еще находится на полупути. Когда представится возможность ѣздить туда больнымъ съ небольшими средствами, которые могли-бы прожить лечебный сезонъ на скромныя сбереженія, когда будетъ положенъ конецъ эксплоатаціи больныхъ населеніемъ и пришлымъ

элементомъ, устройствомъ дешевыхъ гостинницъ и ресторановъ, тогда мы будемъ имѣть лечебное мѣсто во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненное. Все это требуетъ много и труда, и денегъ. Сдѣланное до сихъ поръ — половина, остальное ждетъ своей очереди въ будущемъ.

Кавказскія минеральныя воды находятся въ центрѣ Предкавказья, которое, какъ сказано уже выше, сообщается съ Закавказьемъ черезъ Военно-Грузинскую дорогу, проходящую по самымъ живописнымъ мѣстностямъ Кавказскаго горнаго хребта.

III. Военно-Грузинская дорога.

1. По сѣверному склону Кавказа.

Подъ именемъ Военно-Грузинской дороги извѣстенъ путь, соединяющій Владикавказъ съ Тифлисомъ, на протяженіи 200½ верстъ. Передвиженіе совершается въ пятимѣстныхъ каретахъ, въ шестимѣстныхъ омнибусахъ, на линейкахъ и, наконецъ, на тройкахъ. Плата за проѣздъ во внутреннихъ мѣстахъ кареть, включая всѣ сборы, за первый классъ 19 руб. 60 к., за второй — 13 руб. 20 к., въ третьемъ-же классѣ открытыя мѣста и позади каретъ — 5 руб. 40 к. Помимо этого, контрагентство отдаетъ на прокатъ кареты, кочъ-коляски и проч., стоимость которыхъ колеблется между 78 руб. 52 к. и 54 руб. 32 к.

Весь путь раздѣленъ на двѣнадцать станцій, включая и конечный пунктъ. Четыре лежатъ на сѣверномъ склонѣ горъ и носятъ названія: Балта, Ларсъ, Казбекъ, Коби. Со слѣдующей станціи, Гудаутъ, начинается перевалъ, и путь до Тифлиса раздѣленъ на семь станцій: Гудаутъ, Млеты, Пассанауръ, Анапуръ, Душетъ, Цилканы, Мцхетъ и Тифлисъ.

Уже по выѣздѣ изъ Владикавказа открываются величественныя картины цѣпей Кавказскихъ горъ: съ востока на западъ идетъ главный хребетъ съ вершинами, покрытыми вѣчными снѣгами, надъ которыми въ ясную погоду можно наблюдать и снѣжную шапку Казбека. Прежде чѣмъ вступить въ горы, дорога верстъ шесть стелется по широкой зеленой равнинѣ, которая съ лѣвой стороны заканчивается у подножья горы Иль, окутанной сплошнымъ густымъ лѣсомъ до самой вершины, а съ правой стороны у подножья Черныхъ горъ. Въ этомъ мѣстѣ дорога вступаетъ въ ущелье, идя сперва по равнинѣ,

подходитъ къ самому Тереку, извиваясь вмѣстѣ съ нимъ среди угрюмыхъ скалъ, все болѣе и болѣе приближающихся къ шоссе, по мѣрѣ того какъ подъѣзжаешь ближе къ станціи Балта.

Не доѣзжая станціи Балта, живописно раскинулся, утопая въ зелени, духанъ съ очень краснорѣчивой вывѣской, которую помѣщаемъ здѣсь, сохранивъ ея орѳографію: „не уежай голюбчикъ мой, а заежай повеселица въ садекъ мой“.

Пишущій эти строки нѣсколько лѣтъ тому назадъ прошелъ Военно-Грузинскую дорогу пѣшкомъ, и ему не разъ приходилось бывать дорогою въ такихъ „садекахъ“, въ которыхъ все веселье сводится къ тому, что старый дребезжащій органъ наигрываетъ затасканные мотивы, а вѣчно сонливый духанщикъ угощаетъ кислятиной, по недоразумѣнію именуемой виномъ, и закусками, вродѣ сушеныхъ рыбъ, сомнительной свѣжести яицъ и проч.

Въ семи верстахъ отъ Владикавказа, у подножья горъ, недалеко отъ дороги, находятся два небольшихъ укрѣпленія: Редантъ и Дударахов ское, служившія въ старое время князьямъ Дударовымъ, владѣльцамъ этой земли, мѣстомъ наблюденія за проѣзжими, которые до покоренія Кавказа, не пропускались тутъ безъ выкупа, заключавшагося въ кускѣ грубаго полотна на рубаху. Въ настоящее время эти укрѣпленія обращены въ пикеты и на вышкѣ Редана дежурятъ казаки.

За Редантомъ дорога вступаетъ въ долину Терека, идетъ по лѣвой сторонѣ зеленой поляны и, не доѣзжая станціи Балта, исчезаетъ въ горахъ. Громады, которыя, казалось, загораживали путь, съ приближеніемъ къ нимъ раздвигаются, и Кавказъ, по выраженію Пушкина, „принимаетъ путешественника въ свое святилище“.

Въ двѣнадцати съ половиной верстахъ отъ Владикавказа находится первая почтовая станція—Балта, получившая свое названіе отъ селенія того-же имени, которое находится вблизи станціи. Чѣмъ ближе подвигаешься къ слѣдующей станціи, Ларсу, отстоящему въ шестнадцати верстахъ, тѣмъ ущелье все болѣе и болѣе суживается и горы становятся выше. Дорога прорѣзываетъ Скалистыя, или Пестрыя, горы, среди которыхъ заслуживаетъ особаго вниманія Столовая гора. Въ восьми верстахъ отъ Балты, вблизи дороги, находится Джерахомское ущелье, въ немъ живутъ казаки, а разбросанные по обѣимъ сторонамъ аулы населены ингушами.

Съ Ларса дорога переходитъ съ лѣваго берега на правый и вступаетъ въ знаменитое Дарьяльское ущелье.

Кто хоть одинъ разъ видѣлъ знаменитый Дарьялъ, тотъ, навѣрное, его никогда не забудетъ. Невозможно себѣ представить болѣе мрачную, грозную и величественную природу. Здѣсь самая узкая тѣснина Терека, сдавленная голыми, отвѣсными громадами, ужасающей величины.

Терекъ здѣсь, дѣйствительно, косматый. Его грязная, буро-сѣрая пѣна всплескиваетъ, мечется, кружится, завиваясь въ громадныя кудри. Стонъ, вопли и глухой гулъ сталкивающихся волнъ, не находящихъ выхода, не смолкая, стоятъ въ воздухѣ, заглушая всѣ другіе звуки. А посмотришь внизъ на бушующій Терекъ — голова кружится: все мрачно, непривѣтливо, небо представляется въ видѣ узкой полосы — кругомъ все мертво, развѣ только покажется горный орелъ или пролетитъ вихремъ быстрокрылая ласточка.

Названіе свое Дарьялъ получилъ отъ двухъ татарскихъ словъ: дере — ущелье и іолъ — дорога, т. е., путь по ущелью. Другіе придерживаются иной комбинаціи словъ: Даръ-door-Thür-дверь, что означаетъ дверь или ворота алановъ, т. е., осовъ — осетинъ, называвшихъ себя аланами и обитавшихъ въ этихъ мѣстахъ. У персовъ проходъ извѣстенъ подъ именемъ Даръ-і-аланъ; арабское наименованіе — Бабъ-аль-аланъ (ворота алановъ). Грузины переняли отъ персовъ ихъ названіе; на чисто грузинскомъ языкѣ это ущелье называется Хевисъ-Кари (дорога ущелья), называютъ также Раль-ани, Даргани, Даргали, Даріанъ, Даріальскали и проч.

Въ самомъ узкомъ мѣстѣ ущелья въ Терекъ впадаетъ притокъ Кабахи, берущій начало въ Девдоракскомъ ледникѣ Казбека и низвергающійся внизъ по дикому и суровому ущелью того-же названія.

Въ прежнія времена черезъ различное число лѣтъ отсюда низвергался въ Терекъ огромный ледяной завалъ, который ложился сплошною массой въ 40 — 60 саж. высоты на протяженіе почти двухъ верстъ. Черезъ завалъ, лежавшій иногда въ продолженіе двухъ лѣтъ, приходилось устраивать временныя тропы для сообщенія. Послѣдній завалъ, свалившійся 15 августа 1832 г., загородилъ ущелье Терека на двѣ версты и запрудилъ рѣку. Теченіе Терека въ силу этого пріостановилось и образовалось огромное озеро, которое потомъ, послѣ того какъ Терекъ промылъ себѣ проходъ въ ледяной плотинѣ, рушилось

внизъ по Дарьялу, причиняя всюду громадныя опустошенія, уничтожая посѣвы, жилища и пр. Съ тѣхъ поръ по настоящее время обваловъ съ Девдоракскаго ледника не было, что заставляетъ думать, что ледникъ нашелъ себѣ другую дорогу для низверженія тающаго льда.

Около самаго ледника постоянно живутъ, въ спеціально построенномъ домѣ, лица, на обязанности которыхъ лежитъ изучать свойства ледника, его уклоненія и т. д., для того, чтобы въ случаѣ обвала предупреждать несчастье. Наиболѣе правдоподобное объясненіе паденія завала принадлежитъ Статковскому и Фавру; по ихъ мнѣнію, ледникъ при своемъ увеличеніи, выйдя въ узкое мѣсто ущелья, сильно увеличивается въ толщину (до 100 саж.) и образуетъ ледяную гору, которая закрываетъ истокъ водамъ, происходящимъ отъ его таянія и дождевымъ; подъ напоромъ скопившейся воды и ледника, ледяная запруда, наконецъ, разрывается и со страшною быстротой, увлекая камни и обломки скалъ, стремится внизъ по ущелью, образуя при выходѣ изъ него завалъ.

Посреди Дарьяльскаго ущелья по настоящее время сохранился одинъ изъ замѣчательныхъ историческихъ памятниковъ, такъ называемый Дарьяльскій замокъ. Основаніе его приписываютъ Миріану, жившему за 150 лѣтъ до Р. Х., обновленъ-же онъ былъ царемъ Давидомъ Возобновителемъ въ XII вѣкѣ. Легенды, сохранившіяся объ этомъ замкѣ, приписываютъ основаніе его царицѣ Тамарѣ, и самая большая башня носитъ названіе „замокъ Тамары“. Легенда говоритъ, что въ этомъ замкѣ когда-то жила прекрасная, но злая царица Тамара, которая завлекала къ себѣ путниковъ, но на утро, послѣ ночи, проведенной въ блаженствѣ, бросала ихъ въ Терекъ. Лермонтовъ обезсмертилъ эту легенду въ своемъ извѣстномъ всѣмъ стихотвореніи.

Отъ замка Тамары дорога начинаетъ круто подниматься. Тутъ путешественникъ находится въ царствѣ горъ: онѣ и справа, и слѣва, позади васъ, впереди, онѣ защищаютъ за вами узкіе входы ущелья, онѣ распахиваютъ передъ вами, словно ворота неприступной крѣпости, надвинутыя отовсюду высокія стѣны скалъ и пропускаютъ васъ впередъ по едва прорѣзанной дорожкѣ навстрѣчу безумно несущемуся, неистово ревущему и скачущему Тереку.

Въ концѣ ущелья помѣщается станція Казбекъ, пріютившаяся подъ сѣнью горы Казбекъ. По лѣвую сторону дороги — двухъэтажный домъ, при которомъ церковь,

построенная въ 1809 г. владѣтельницей этой мѣстности, вдовой генерала русской службы, происходящаго изъ старинной фамиліи Цобиханшвили. Русскіе, чтобы избѣгать трудно выговариваемой фамиліи, стали величать владѣтеля этой долины Казбекомъ, потому что грузинскіе цари дали предкамъ его титулъ Кази-бекъ. Этимъ именемъ стали называть и гору, и его деревню, расположенную близъ станціи. Аулъ Казбекъ заселенъ грузинами, которые, кромѣ земледѣлія и скотоводства, занимаются охотою на туровъ, горныхъ барановъ. Охота очень трудная, такъ какъ малѣйшій шорохъ, запахъ человѣка и ружья заставляютъ животное скрываться, какъ молнія. Если ему не представляется возможность скрыться, то онъ бросается въ пропасть головою внизъ и, ударившись лбомъ о камень, становится на ноги. Рога туровъ въ тѣхъ мѣстахъ считаются лучшими кубками, а потому очень цѣнятся. Ими горцы украшаютъ дома, храмы, алтари, и даже больше—рога эти служатъ жертвой, которую горцы приносятъ горному духу Мягкишену, живущему, по ихъ повѣрью, на Бешламъ-кортѣ (Казбекѣ).

Казбекъ — одна изъ вершинъ Кавказскаго хребта, возвышается на 16.546 фут. надъ уровнемъ моря. Хотя Казбекъ и уступаетъ по своей величинѣ пяти вершинамъ (Эльбрусъ, Дыхтау, Коштантау, Шхара, Джангитау), тѣмъ не менѣе, онъ и Эльбрусъ являются самыми популярными вершинами Кавказа. Казбекъ находится въ средней части Кавказскаго хребта, на границѣ Душетскаго уѣзда, Тифлисской губ., и Владикавказскаго округа, Терской области.

Гора Казбекъ (по мѣстному названію Бешламъ-кортъ, у осетинъ Урсъ-хохъ [Бѣлая гора], у грузинъ — Мхинвари-мта [Ледяная гора]) принадлежитъ къ числу потухшихъ вулкановъ, застывшіе потоки лавы которыхъ наполняютъ большинство ущелій на его склонахъ. Склоны Казбека совсѣмъ лишены лѣсовъ, потому что подошва его лежитъ недалеко отъ предѣловъ древесной растительности. Вѣчные снѣга питаютъ восемь ледниковъ, изъ которыхъ укажемъ на Апаботъ, Орувери, Суатисъ, Миа и, на какъ болѣе извѣстный, Девдоракскій.

Академикъ Абихъ причисляетъ этотъ ледникъ ко второму разряду. Беретъ онъ начало изъ обширнаго, около двухъ верстъ въ ширину, снѣжнаго поля, лежащаго на высотѣ 12.560 футовъ, и образуется изъ трехъ рукавовъ, питаясь еще, кромѣ того, четырьмя второстепенными,

расположенными въ большихъ боковыхъ оврагахъ. Оконечности его находятся на высотѣ 7.580 футовъ, при толщинѣ льда до 300 футовъ.

По народному повѣрью, вершина Казбека — мѣсто святое, до котораго никто не можетъ достигнуть, на ней пребываетъ самъ Богъ; лишь только охотникъ или другой кто-нибудь достигаетъ большого камня (видимаго отъ Стефанъ-Цминды [см. ниже]), его останавливаетъ невидимая сила, или-же поднимается буря, и онъ долженъ вернуться назадъ; на вершинѣ горы разбитъ шатеръ Авраама изъ матеріи, лучше которой никто не видалъ; въ шатрѣ ясли, которыя поддерживаетъ невидимая рука, и въ нихъ спитъ младенецъ; ясли окружены несмѣтными сокровищами; тутъ-же находятся невиданное дерево и пшеница, зерна которой величиной по четверти. Никто не проникалъ туда, кромѣ одного священника и его сына, совершенно чистыхъ и душою, и тѣломъ — это было при Ираклiи II;—отецъ погибъ, а сынъ возвратился съ кускомъ невиданнаго дерева, лоскуткомъ матеріи отъ шатра и нѣсколькими зернами пшеницы; подошвы его ногъ оказались убранными серебряными монетами, приставшими къ нимъ; всѣ эти сокровища были тогда-же отправлены къ царю.

Несмотря на повѣріе туземцевъ о недоступности вершины Казбека, первая попытка подняться была сдѣлана 6-го сентября 1811 г. дерптскимъ профессоромъ Парротъ, который впервые познакомилъ образованный міръ съ наружнымъ и внутреннимъ образованіемъ горы Казбека. Парротъ достигъ только 13.863 футовъ, но въ 1829 г. совершилъ подъемъ Маѣеръ, достигшій высоты 14.840 футовъ, въ 1844 г. — докторъ Коленати подымался до 14.597 футовъ и сообщилъ свои новыя наблюденія. Только въ 1868 г., 18-го іюня, члены лондонскаго альпійскаго клуба Фрешвильдъ, Муръ и Теккеръ достигли вершины. Съ этого времени на вершину Казбека было сдѣлано нѣсколько удачныхъ восхожденій: такъ, въ іюлѣ 1873 г. русскій туристъ Ковьминъ достигъ вершины Казбека. Но самое богатое по научнымъ результатамъ восхожденіе принадлежитъ классному топографу Пастухову, который первый въ 1889 г. нарисовалъ планъ этой вершины, представляющей катеръ.

Говоря о Казбекѣ, нельзя не упомянуть о монастырѣ Стефанъ-Цминда, т. е., монастырѣ св. Стофана, основанномъ, по словамъ преданія, однимъ святымъ, Стефа-

номъ. Это — та самая церковь въ которой, по словамъ Лермонтова, покоятся кости знаменитаго разбойника, пожелавшаго выстроить ее „грѣховъ минувшихъ въ искупленье“. И вотъ по обѣту его:

На выпинѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,
Куда лишь коршунъ залеталъ...
. . . . . .
..... Межъ снѣговъ Казбека
Поднялся одинокій храмъ,
И кости злого человѣка
Вновь успокоилися тамъ...

Этотъ монастырь, или, лучше сказать, нѣсколько келій въ скалѣ, доступенъ въ хорошую погоду и, несомнѣнно, былъ обитаемъ: жернова и остатки ручныхъ мельницъ, сохранившіеся въ кельяхъ, свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Разсказываютъ, что гдѣ-то высоко на Казбекѣ существуютъ таинственные, мрачные монастыри, гдѣ жили благочестивые старцы. Легенда говоритъ, что много людей пыталось дойти до этихъ монастырей и келій, и въ особенности, до одиноко-стоящаго въ снѣгахъ Казбека каменнаго креста. Одна дѣвушка, движимая чувствомъ любопытства, кое-какъ проникла въ святую обитель старцевъ. Иноки не пустили ея, но одинъ изъ нихъ, младшій, поддался искушенію и впустилъ ее. За это Богъ отнялъ у нихъ даже солнечный лучъ, и долго-долго молились старцы, пока Господь опять не сжалился надъ ними и не взялъ ихъ къ себѣ на небо, гдѣ они засіяли въ созвѣздіи Большой Медвѣдицы; а пещеры среди вѣчныхъ снѣговъ глядятъ черными щелями, какъ-бы указывая на ту тучу, которая когда-то набѣжала на эти кельи благочестивыхъ старцевъ.

Отъ станціи Казбекъ идутъ два самые доступные перевала въ средней части Кавказа: одинъ черезъ Гудъ-гору (7.659 фут. надъ уровнемъ моря) и другой Бусагирскій (7.746 фут. надъ уровнемъ моря). Первый изъ нихъ идетъ по Военно-Грузинской дорогѣ изъ долины Терека по Мтіулецкой Арагвѣ, другой, восточнѣе, по Гудо-Макарской Арагвѣ къ станціи Пассанауръ. Послѣдній перевалъ избранъ былъ въ 1836 г. для дороги, такъ какъ онъ значительно короче и избавлялъ отъ снѣговыхъ заваловъ между Коби и Гудъ-горой, но съ 1858 г. эта дорога оставлена по причинѣ очень трудпаго Буслачирскаго подъема. На второй верстѣ отъ станціи Коби дорога по желѣзному мосту пересѣкаетъ правый притокъ

Терека, Черпую рѣчку. Тутъ уже ѣдущіе прощаются съ Терекомъ, который остается вправо. Долина-же большого Терека упирается въ котловину Коби, извѣстную у грузинъ подъ именемъ Хеви, въ которой сливаются въ одно всѣ три верховья Терека и дальше дорога идетъ уже руслом Урсъ-Дона, малаго Терека, до самой Крестовой горы.

Тутъ особаго вниманія заслуживаетъ аулъ Сіонъ, съ храмомъ, построеннымъ во времена могущества Грузіи. Храмъ очень интересенъ въ архитектурномъ отношеніи. На отвѣсномъ мысѣ скалъ, словно составленномъ изъ сплошныхъ колоннъ глинистаго сланца, высится старая крѣпость Сіонъ. Храмъ этой крѣпости очень характерной формы, напоминающій длинное домообразное зданіе, верхняя часть котораго, въ видѣ второго этажа, сужена противъ нижняго на всемъ своемъ протяженіи и которое поэтому имѣетъ двойную крышу. Какъ Сіонъ, такъ и Георгій-Циле, расположенный на другой сторонѣ Терека, въ которомъ сохранились церковь и стѣны башни, въ доброе старое время привлекали сюда толпы богомольцевъ.

За Сіономъ дорога начинаетъ подниматься зигзагами, причемъ шоссе огорожено маленькими каменными пирамидами. Тутъ сходятся четыре ущелья: Хевское, Трусовское, Ухатское съ рѣчкою Ухатъ-дагъ, впадающею съ востока въ Терекъ, и Байдарское, поднимающееся къ Крестовому перевалу.

Начиная отъ аула Коби, въ которомъ находится церковь во имя св. Георгія Побѣдоносца съ утварью и облаченіемъ, дарами покойной императрицы Маріи Александровны, подъемъ начинается все замѣтнѣе. На десятой верстѣ у самой дороги находится обелискъ съ надписью: „Крестовый перевалъ, 7.694 фута“; обелискъ стоитъ на наивысшей точкѣ перевала. Выше обелиска, на высотѣ 7.714 футовъ, стоитъ только шоссейная казарма, при которой помѣщается метеорологическая станція. Крестъ, по преданію, поставленъ грузинскимъ царемъ Давидомъ Возобновителемъ, дѣдомъ царицы Тамари, но это не выдерживаетъ критики, равно какъ и названіе его крестомъ Петра Великаго, который тамъ никогда не бывалъ. Крестъ этотъ поставленъ въ 1824 г. Ермоловымъ, проложившимъ Военно-Грузинскую дорогу. По одному древнему преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ крестъ, было расположено большое селеніе Фостафари, въ которомъ апостолъ

Андрей Первозванный въ I вѣкѣ проповѣдывалъ осетинамъ Евангеліе.

За Крестовою начинается спускъ, съ котораго видна Гудъ-гора, названная такъ отъ имени деревни Гудъ, лежащей вправо отъ дороги, въ глубинѣ пропасти, гдѣ бушуетъ Арагва, берущая начало недалеко, въ ущельѣ Гуда. Мѣсто это также называется „каменнымъ хаосомъ", по причинѣ гигантскихъ камней, скатившихся въ далекомъ прошломъ съ вершины Гудъ-горы. Образованіе этого „каменнаго хаоса" осетинская легенда объясняетъ слѣдующимъ образомъ.

Давно, очень давно, въ аулѣ жила бѣдная семья; Господь, милосердый къ бѣднякамъ, благословилъ ее рожденіемъ дочери Нины, красивѣе которой не было ребенка во всей Осетіи. Не только все населеніе аула, но и далекіе путники, видя малютку, взбирающуюся на гору, останавливались и, любуясь ею, забывали свои обязанности; проѣзжавшіе съ караванами купцы дарили ее блестящими бездѣлушками и кусками яркой ткани. Влюбился въ Нину также и старый Гудъ-духъ, властитель Гудъ-горы. Онъ полюбилъ ее со всею пылкостью юноши. Хотѣла-ли Нина подняться на гору — влюбленный старикъ выравнивалъ тропинку подъ ея ножкой; искала-ли Нина съ своими подругами цвѣты и травы — Гудъ собиралъ и пряталъ лучшіе цвѣты и травы подъ сводомъ камней, разсыпавшихся при приближеніи красавицы. Никогда ни одинъ изъ пяти барановъ, принадлежавшихъ отцу Нины, не падалъ въ кручу и не дѣлался добычей злыхъ волковъ. Однимъ словомъ, Нина была царицей всего пространства, гдѣ царствовалъ старый Гудъ, — такъ любилъ ее могучій старецъ. Прошло 15 лѣтъ; изъ хорошенькаго ребенка Нина сдѣлалась невиданной красавицей, и любовь стараго Гуда разгорѣлась еще сильнѣе; онъ сталъ даже подумывать о томъ — нельзя-ли какъ-нибудь изъ могучаго духа сдѣлаться простымъ смертнымъ, хоть-бы даже и бѣднымъ осетиномъ. Но молодая дѣвушка не замѣчала любви Гуда, — она засматривалась на молодого красавца, своего сосѣда Сасико. Сасико былъ молодецъ, статенъ, славился силой и ловкостью, отлично стрѣлялъ изъ винтовки и умѣлъ танцовать не только свой осетинскій танецъ, но даже и лезгинку, чѣмъ могли похвалиться не многіе. Старый Гудъ сталъ ревновать Нину къ Сасико, началъ преслѣдовать его, заводить въ трущобы во время охоты, застилать туманомъ пропасти подъ его

ногами или засыпать его неожиданно метелью. Однако-же, всѣ хитрые замыслы стараго ревнивца были тщетны. Наступила зима, и Гудъ лишился возможности часто видѣть свою любимицу; зато Нина и Сасико стали видѣться чаще и чаще. Гудъ все это видѣлъ, ревновалъ, бѣсился и, наконецъ, ярость его достигла крайнихъ предѣловъ. Однажды, когда Нина и Сасико, оставшись одни въ саклѣ, не могли наговориться, Гудъ сбросилъ на нихъ огромную лаву снѣга. Обвалъ этотъ скорѣе обрадовалъ, чѣмъ испугалъ влюбленныхъ, и они были рады, что на нѣкоторое время могутъ остаться наединѣ другъ съ другомъ. Разведя огонь, они сѣли около него и безпечно предались мечтамъ и разговорамъ. Такъ прошло нѣсколько часовъ. Сердца влюбленныхъ были полны любовью, но желудки просили пищи; отысканныя двѣ лепешки и кусокъ сыра утолили не надолго ихъ голодъ. Прошелъ еще день, и, вмѣсто веселаго разговора, въ саклѣ послышались вопли отчаянія; узники не думали больше о любви, — они думали о хлѣбѣ. Прошелъ и третій день, голодъ еще больше усилился, а падежды на освобожденіе не было. На четвертый день голодная смерть казалась неминуемой. Сасико кидался изъ угла въ уголъ, но вдругъ остановился; впалые глаза его устремились на Нину, — онъ бросился къ ней, крѣпко обхватилъ ее руками и впился зубами въ ея плечо. Дѣвушка вскрикнула, упала на полъ, но въ это время послышался говоръ и дверь, очищенная отъ завала, открылась для узниковъ. Нина и Сасико бросились къ своимъ избавителямъ, но уже съ чувствомъ ненависти и отвращенія другъ къ другу. Обрадовался старый Гудъ, узнавши, что любовь Нины и ея возлюбленнаго замѣнилась взаимной ненавистью; не утерпѣлъ старикъ и разразился такимъ смѣхомъ, что цѣлая туча камней посыпалась съ горы въ долину. Большое пространство ея и до сихъ поръ густо усѣяно осколками гранита.

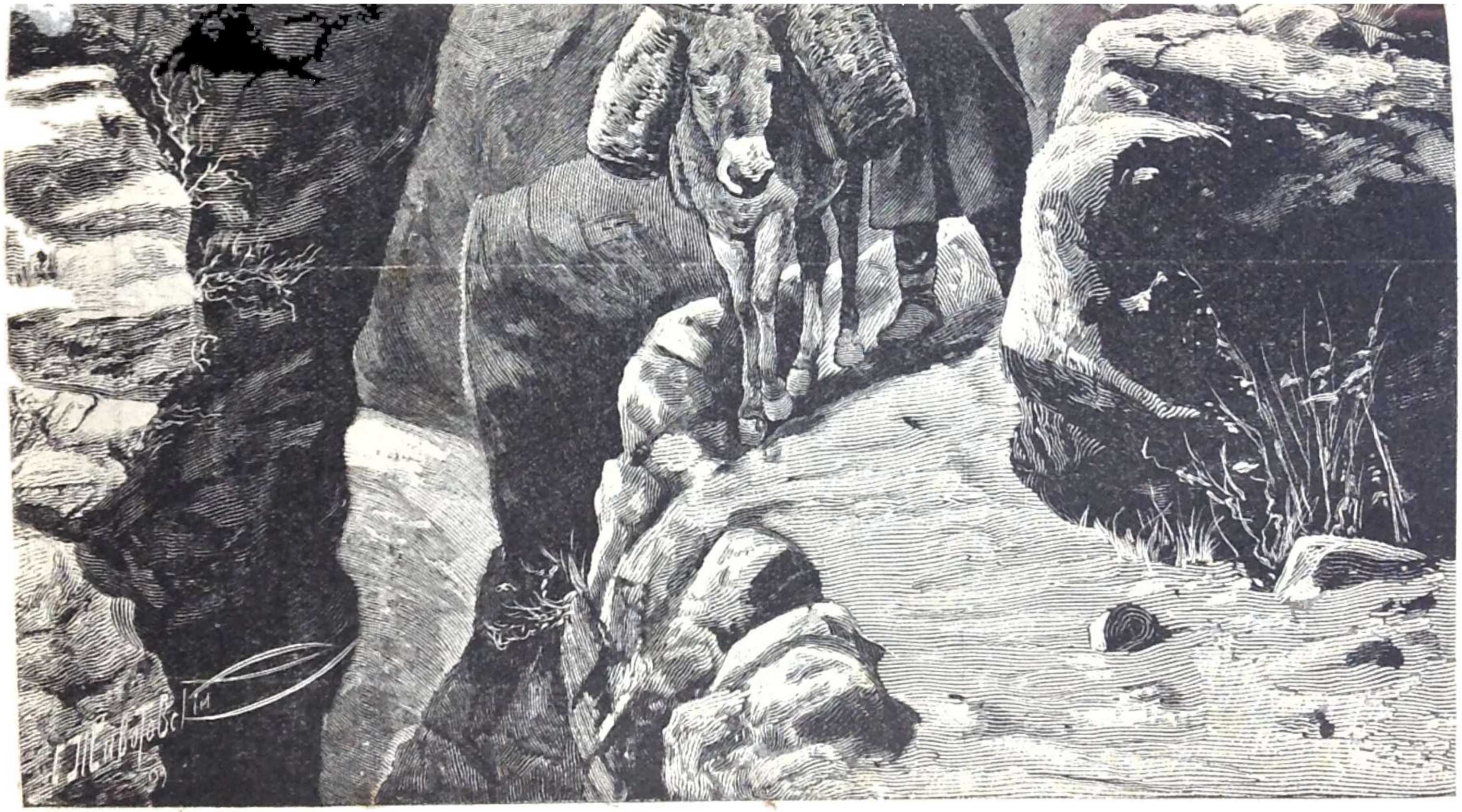
Заканчивая описаніе Военно-Грузинской дороги до перевала, коснемся и тѣхъ племенъ, которыя населяютъ эти мѣста, а именно: ингушей и осетинъ.

Ингуши принадлежатъ къ народностямъ чеченскаго племени и получили свое названіе отъ аула Ангушть, или Ингушть, въ Тарской долинѣ; сами ингуши себя называютъ ламуръ и раздѣляются на отдѣльныя народности, если такъ можно выразиться, причемъ имена получились или отъ ауловъ, или рѣкъ, или горъ, гдѣ тѣ или другія проживали. Такъ, джераховцы, кистины (кисты), гала-

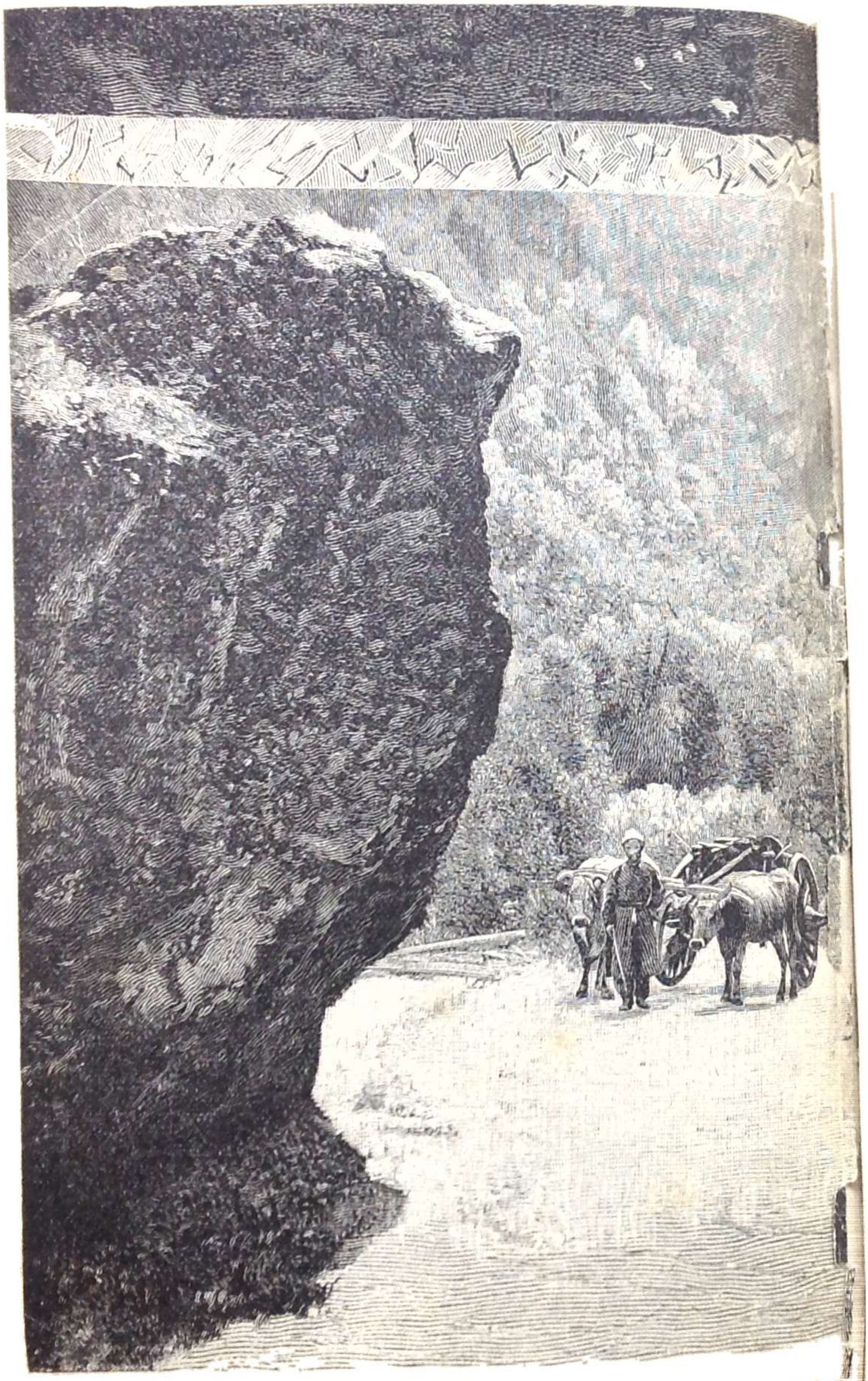
гасбцы, нарзановцы и галашевцы. Каждая изъ вышеименованныхъ группъ ведетъ свое происхожденіе отъ общаго родоначальника, за исключеніемъ нарзановцевъ и галашевцевъ, которые переселились сюда изъ горъ.

Въ 1817 г. Ермоловъ, желая охранить Владикавказъ отъ нападенія чеченцевъ, рѣшилъ переселить ингушей, въ то время уже дружественныхъ Россіи, въ редутъ Нарзанъ на рѣкѣ Сунджѣ, почему они и называются нарзановцами. Въ 1830 г. большая часть ингушей была выселена изъ горъ въ окрестности Нарзана. Ингуши живутъ по нѣсколько семей въ одномъ жилищѣ, причемъ каждая отдѣляется отъ остальныхъ толстыми каменными стѣнами. Главныя занятія ингушей скотоводство и земледѣліе; землю ингуши обрабатываютъ особымъ туземнымъ плугомъ, который требуетъ пять, шесть паръ воловъ, что вызвало обычай не дѣлить землю на паи, а обрабатывать общими силами ея владѣльцевъ. Большая часть ингушей исповѣдуетъ магометанскую вѣру, суннитскаго толка, шафіэ, перешедшую къ нимъ изъ Дагестана въ половинѣ XVIII столѣтія. Въ древности-же ингуши были христіане, о чемъ можно заключить изъ остатковъ часовенъ и церквей, въ которыхъ они совершаютъ свои жертвоприношенія, справляютъ разныя празднества, представляющія изъ себя смѣсь христіанскихъ преданій съ язычествомъ.

Осетины до покоренія кабардинцевъ жили въ горахъ и влачили жизнь крайне плачевную, что отражалось на ихъ численности. Когда-же, послѣ оттѣсненія кабардинцевъ отъ горъ, и осетинамъ дозволено было селиться по обоимъ берегамъ средняго теченія Терека, то благопріятныя экономическія условія быстро сказались на такомъ жизнеспособномъ племени, какимъ оказались оссы. На плоскогорьяхъ они живутъ въ мазанкахъ, въ горахъ-же, гдѣ нѣтъ лѣса или онъ мало доступенъ, складываютъ сакли изъ камней безъ цемента. Жилища обыкновенно состоятъ изъ двухъ частей — большой общей комнаты и столовой, которая въ то-же самое время и кухня. Посреди кухни помѣщается очагъ, надъ которымъ на желѣзной цѣпи виситъ мѣдный или чугунный котелъ. Главныя этическія начала, руководящія жизнью осетинъ — уваженіе къ старшимъ по возрасту, кровомщеніе и гостепріимство. Въ семьѣ отецъ — глава дома, это—живой законъ. Онъ входитъ въ саклю — и всѣ встаютъ, все умолкаетъ и ждетъ, что скажетъ и велитъ сдѣлать хозяинъ. Отецъ семейства обѣдаетъ отдѣльно отъ семьи. Отецъ не только

Дагестанъ. Горная дорога въ Дагестанѣ. Ориг. рис. худ. **С. Животовскаго.**

Кавказъ. Ущелье Аманъ-Шихыть на рѣкѣ Кубанѣ

хозяинъ семьи, онъ—ея царь; женщина — признательная раба мужчины.

На обязанности осетинки лежитъ все — она ведетъ хозяйство, она сама прядетъ шерсть своихъ овецъ, а изъ нея приготовляетъ прекрасныя ткани для черкески, шьетъ мужу сапоги изъ кожи, папаху изъ домашней овчины, позументы для отдѣлки платьевъ.

Бракъ у осетинъ до послѣдняго времени былъ основанъ исключительно на калымѣ, т. е., па уплатѣ извѣстной суммы денегъ, которая идетъ па приданое. Свадьба обставлена многими обрядами, сохранившими много интересныхъ слѣдовъ старины. Изъ похоронныхъ обрядовъ слѣдуетъ упомянуть о такъ называемомъ посвященіи коня покойному, совершаемомъ па могилѣ, и поминки. Цѣль перваго обряда, чтобы покойникъ имѣлъ коня въ загробномъ мірѣ и могъ благополучно добраться до назначеннаго ему мѣста.

Положивъ покойника въ могилу, приводятъ къ могилѣ копя, туда-же приносятъ шкуру барана, зарѣзаннаго въ день погребенія, и ушатъ браги. На шеѣ у копя два аршина бѣлаго коленкора, подъ сѣдломъ, вмѣсто подсѣдельника, новый непошенный сафьянъ; сѣдло не имѣетъ подушки. Человѣкъ, ведущій коня, держитъ новую плеть въ рукахъ. Для коня берутъ съ собой пригоршню проса, т. е., провизію на дорогу въ царство мертвыхъ. Когда покойника зароютъ, коня подводятъ къ изголовью могилы, и кто-нибудь болѣе почтенный, становясь передъ конемъ, начинаетъ свою рѣчь. Послѣ рѣчи коня обводятъ три раза вокругъ могилы и даютъ ему попробовать браги. Потомъ даютъ коню просо и отрѣзаютъ ему кончикъ уха.

2. По южному склону Кавказа.

Отъ Гудаута, какъ мы сказали, начинается спускъ, и, спустившись въ Млеты, вы очутитесь въ другомъ климатѣ. Дорога на этомъ спускѣ мѣстами настолько узка, что можно съ трудомъ разъѣхаться; самъ-же спускъ, ведущій въ цвѣтущую долину Грузіи, называется Земомлецкимъ. На послѣднемъ зигзагѣ въ скалѣ вдѣлана мраморная доска со слѣдующею надписью золотыми буквами: „Шоссе сооружено при намѣстникѣ князѣ Барятинскомъ въ 1857—1861 гг. подполковникомъ Статковскимъ и по его-же проэкту въ управленіе VIII округомъ путей со-

общенія ген.-маіора Альбранта". Ѣзда по спуску очень скорая, и только замѣчательная крѣпость ногъ и изумительная поворотливость здѣшнихъ почтовыхъ лошадей могутъ выдержать эту безостановочную скачку. Отсюда съ птичьяго полета открываются очаровательные виды на всю долину рѣки Арагвы, густо засѣянную, покрытую полями, жилищами, стадами овецъ, а сама Арагва, какъ серебряная нить, уходитъ далеко-далеко, утопая во мглѣ.

Взору кругомъ открывается чудная панорама. Позади васъ какое-то хаотическое нагромождение скалъ, сцѣпленіе овраговъ и ущелій и рядъ столпившихся горъ, которыя нерѣдко поднимаются за линію вѣчнаго снѣга.

Вотъ какъ объясняетъ легенда образованіе этой причудливой панорамы. Было время, когда Кавказъ представлялъ рядъ плодоносныхъ горъ, вполнѣ доступныхъ и покрытыхъ зеленью. Въ тѣ времена на самой высокой горѣ жилъ одинъ любимый Богомъ отшельникъ, котораго постоянно приходилъ мучить дьяволъ. Наконецъ, отшельникъ испросилъ у Бога позволеніе заставить сатану разъ навсегда раскаяться за причиняемые ему соблазны. Богъ разрѣшилъ ему. Отшельникъ раскалилъ щипцы и, когда дьяволъ, по обыкновенію, просунулъ голову въ дверь, схватилъ раскаленными щипцами сатану за хвостъ. Сатана почувствовалъ такую боль, что совершенно растерялся и началъ плясать по горѣ, ударяясь своимъ хвостомъ по Кавказу, отъ Чернаго до Каспійскаго моря. Отъ ударовъ хвоста сатаны и образовались эти долины, ущелья и овраги.

Со станціи Млеты, расположенной въ концѣ Земомлецкаго спуска, развертываются ландшафты грузинскихъ горъ, глядя на которыя, невольно вспоминаешь стихотворенія Лермонтова:

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли,
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!

Это такъ называемая прелестная Квишецкая долина, съ ея живописно разбросанными аулами, старыми, полуразрушенными башнями, окруженными группами деревьевъ и заповѣдныхъ рощъ.

Далѣе слѣдующая станція Пассанауръ, что въ переводѣ значитъ „святая возвышенность", расположенная въ узкомъ мѣстѣ долины, среди горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Хорошенькая небольшая церковь въ честь св. Але-

ксандра Невскаго, дополняетъ прелесть этого живописнаго уголка. Отлогій спускъ ведетъ отъ этой станціи къ селенію и станціи Анапуръ, въ переводѣ означающій „святая мать“. Около самой станціи Пассанауръ въ Арагву, называемую на всемъ предыдущемъ протяженіи Бѣлой, впадаетъ Черная Арагва. Бѣлая Арагва беретъ свое начало въ 9 верстахъ выше станціи Млеты, недалеко отъ истоковъ Терека. Въ Арагву впадаетъ съ лѣвой стороны Пшавская Арагва, нѣсколько выше Душета и около станціи Мцхетъ, т. е., въ разстояніи 80 верстъ отъ своихъ истоковъ. Арагва впадаетъ въ Куру. Долина Арагвы, до станціи Анануръ, очаровательна. Лѣса состоятъ изъ самыхъ разнообразныхъ лиственныхъ породъ: каштана, дуба, граба, бука, липы, яблонь, грушъ и пр. Горы покрыты цвѣтущими лѣсами, тѣснятъ рѣку и въ одной изъ такихъ тѣснинъ возвышаются двѣ башни: Черчали и Ванселобъ, защищавшія когда-то входъ въ ущелье, въ которомъ расположенъ Анануръ. Анануръ является какъ-бы воротами къ центру Грузіи, концомъ горныхъ ущелій и былъ когда-то крѣпостью, гдѣ хранились сокровища арагвскихъ правителей (эриставовъ). Крѣпость расположена на вершинѣ скалы, поднимающейся посреди тѣснаго ущелья. Въ ней въ XV столѣтіи была выстроена прекрасная церковь, на наружныхъ стѣнахъ которой сохранились замѣчательные барельефы, и, между прочимъ, гигантское изображеніе креста св. Нины, составленнаго изъ виноградныхъ лозъ, перевитыхъ волосами проповѣдницы; онъ занимаетъ цѣлую стѣну собора. Тутъ-же высѣчены два льва, херувимы и какіе-то другіе неизвѣстные звѣри.

За Анапуромъ дорога поворачиваетъ въ сторону отъ долины Арагвы къ подъему къ Душетскимъ горамъ, то лѣсистымъ, то населеннымъ и сравнительно хорошо обработаннымъ. Лѣтомъ эти мѣста необыкновенно цвѣтущи, особенно когда колосится пшеница, а покосы убраны и поля покрыты кустами бѣлаго шиповника и коврами краснаго мака, который мѣстами цвѣтетъ въ такомъ обиліи, что образуетъ пунцовые ковры.

Старый городокъ Душетъ, сіяя куполомъ собора, остается нѣсколько въ сторонѣ отъ станціи. По нѣкоторымъ указаніямъ, онъ уже существовалъ въ началѣ XII столѣтія. Въ XVII—XVIII вѣкахъ Душетъ служилъ отчасти резиденціей арагвскихъ эриставовъ. Въ 1756 г., съ паденіемъ арагвскаго эриставства, Душетъ былъ пе-

редань царемъ Иракліемъ II въ удѣлъ сыну его, Вахтангу, а съ удаленіемъ послѣдняго, въ 1803 г., въ Россію былъ сначала заштатнымъ городомъ, а съ 1876 г. опять уѣзднымъ, Тифлисской губерніи. Изъ древнихъ построекъ сохранились остатки дворца прежнихъ эриставовъ, а также армянско-григоріанская церковь во имя Николая Чудотворца.

Отъ станціи Душетъ дорога спускается въ Картлинскую долину, затѣмъ вновь выходитъ въ долину Арагвы и по ея правому берегу доходитъ до станціи Цилканы. Чѣмъ ближе къ Цилканамъ, тѣмъ чаще попадаются виноградники. Сама станція расположена въ 5 верстахъ отъ селенія, въ которомъ находится старинная церковь VI вѣка во имя Богородицы. По преданію, одна изъ иконъ, принесенныхъ сюда изъ Царьграда, писана евангелистомъ Лукою на доскѣ, взятой изъ яслей Спасителя.

По выходѣ изъ Цилканъ, дорога проходитъ ст. Мухренъ, славящуюся своими виноградниками, послѣ чего идетъ по берегу рѣки Арагвы, вплоть до сліянія ея съ Курою, гдѣ находятся почтовая станція и городъ Мцхетъ.

Мцхетъ, древняя столица Грузіи, нынѣ небольшое селеніе Душетскаго уѣзда, Тифлисской губерніи, находится въ 20 верстахъ отъ Тифлиса. Памятникомъ прежняго величія является здѣсь грандіозный соборъ Двѣнадцати Апостоловъ, который былъ первою церковью въ Грузіи. Его построилъ царь Миріанъ въ началѣ IV вѣка, но, послѣ разгрома Грузіи Тамерланомъ, весь Мцхетъ, а съ нимъ вмѣстѣ и соборъ, былъ обращенъ въ груды камней, вслѣдствіе чего царь Александръ (1413 — 1442 гг.) вновь выстроилъ его по старому плану. Въ настоящій свой видъ мцхетскій соборъ приведенъ уже въ XVIII столѣтіи царемъ Вахтангомъ V. Внутри соборъ двумя рядами колоннъ раздѣленъ на три части: сѣверную, среднюю и южную. Среди колоннъ правой стоитъ массивный четыреугольный столъ, который является главною достопримѣчательностью собора. На этомъ столѣ въ древнее время хранился хитонъ Спасителя, взятый шахомъ Аббасомъ при разрушеніи города въ XVII вѣкѣ и посланный въ даръ царю Михаилу Ѳедоровичу. Нынѣ хитонъ находится въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ.

Внутри собора находится много гробницъ грузинскихъ царей. Изъ другихъ достопримѣчательностей укажемъ на каменную купель, въ которой, по преданію, былъ кре-

шелъ св. Нипою царь Мирiанъ, патрiаршее и царское мѣста и колоссальный ликъ Спасителя на горнемъ мѣстѣ.

Между монастыремъ Самтаври и Военно-Грузинскою дорогою находятся замѣчательныя гробницы, открытыя въ 1871 г. во время прокладки дороги.

Ф. С. Байернъ первый произвелъ ихъ раскопки. Онъ открылъ множество гробницъ, расположенныхъ въ 2, 3 и 4 этажа и устроенныхъ изъ каменныхъ плитъ, кирпича и черепицы. Во многихъ было до 12, даже 20 скелетовъ, но не сохранившихся. Около скелетовъ лежали кости рогатаго скота, барановъ, лошадей, рыбъ, раковинъ, бронзовые гребни, ожерелья, браслеты и бронзовыя печати съ надписью: „Ex officina Calpurnii“. Но были гробницы и другого типа — выбитыя въ скалѣ.

Найденные въ гробницахъ предметы указываютъ, что это мѣсто служило кладбищемъ въ разное время и разнымъ народамъ. Такъ, въ самомъ нижнемъ ярусѣ были найдены предметы, относящіеся къ желѣзному вѣку, а въ верхнемъ — христіанской эрѣ (здѣсь найдены монеты императора Августа), и можно сказать, что на Самтаврскомъ кладбищѣ погребены лѣтъ 1000 до Р. Х. и около 1000 лѣтъ послѣ него. Вся коллекція Самтаврскаго кладбища, собранная Ф. С. Байерномъ, находится въ Кавказскомъ музеѣ въ Тифлисѣ.

За Арагвой, гдѣ св. Нина впервые водрузила свой крестъ, помѣщается часовня Джварисъ-Секдари, или, въ переводѣ, „монастырь креста“. Лермонтовъ въ одномъ мѣстѣ своей поэмы „Мцыри“ такъ описываетъ этотъ монастырь:

Тамъ, гдѣ, сливаясь, шумятъ,
Обнявшись, будто двѣ сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Былъ монастырь. Изъ-за горы
И нынче видитъ пѣшеходъ
Столбы обрушенныхъ воротъ,
И башни, и церковный сводъ.

Внутри всѣ камни фундамента соединены между собой толстыми ржавыми желѣзными скобками, которыя сумѣли сдержать старыя стѣны въ сохранности, несмотря на многіе вѣка. Внутри нѣсколько барельефовъ и полустертыхъ надписей. Существуетъ легенда объ этомъ монастырѣ, которая говоритъ, что эта церковь когда-то была соединена длинною цѣпью съ мцхетскимъ соборомъ, и монахи, которые отличались особенно святою жизнью

переходили изъ собора въ нагорную церковь, гдѣ совершались службы, и возвращались тѣмъ-же путемъ, чтобы не соприкасаться съ мірянами. По одному варіанту, по мѣрѣ того какъ оскудѣвала вѣра, цѣпь дѣлалась все тоньше и тоньше и, наконецъ, совсѣмъ пропала. Часовня эта построена въ 575 году, въ настоящее-же время тамъ живетъ одинъ монахъ съ послушникомъ.

Въ трехъ верстахъ отъ Мцхета, на лѣвой сторонѣ Арагвы, лежитъ пещерный городъ Зедазнійскій, названный такъ, по преданію, потому, что здѣсь въ числѣ тринадцати сирійскихъ отцовъ, пришедшихъ въ Грузію въ V вѣкѣ, жилъ Іоаннъ Зедазнійскій.

По выходѣ изъ Мцхета, дорога переходитъ на правый берегъ Куры, спускается въ ущелье рѣки Воры и поднимается на крутой правый берегъ ея. Выйдя изъ ущелья, она пересѣкаетъ два большихъ поля, Дигомское и Верійское; далѣе, минуя предмѣстья города, окруженныя виноградниками, дорога по хорошему мосту черезъ рѣчку Веру вступаетъ въ городъ. За мостомъ стоитъ высокій чугунный крестъ съ изображеніемъ Всевидящаго Ока. На гранитномъ пьедесталѣ креста находится слѣдующая надпись золотыми буквами:

«Живый въ помощи Вышняго
Въ кровѣ Бога небеснаго водворится
12-го октября 1837 года».

Крестъ поставленъ въ память избавленія отъ опасности императора Николая I, проѣзжавшаго здѣсь по еще неоконченной дорогѣ. Императоръ, выпавъ изъ коляски, какимъ-то чудомъ спасся отъ смерти.

Конечный пунктъ Военно-Грузинской дороги — Тифлисъ, бывшая столица Грузіи, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ и многострадальныхъ городовъ Закавказья.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о народахъ, населяющихъ горы долины рѣки Арагвы. Въ восточной части ея живутъ три племени, въ количествѣ не болѣе 35 тыс. душъ, очень выдѣляющіяся между остальными кавказскими племенами; племена эти — пшавы, хевсуры и тушины. Пшавы, въ количествѣ, по послѣдней переписи, 9.155 душъ, живутъ въ Тіонетскомъ уѣздѣ, Тифлисской губ., занимая среднее теченіе Арагвы и оба берега Іоры, притока Алазани. Сосѣднія съ ними земли занимаютъ хевсуры и тушины.

Эта небольшая горсть народа, проведшая всю исторію въ горахъ, по своимъ обычаямъ, нравамъ и образу жизни

очень похожа другъ на друга. Но самыми интересными изъ нихъ надо считать хевсуровъ. Нѣкоторые этнографы считаютъ хевсуровъ потомками крестоносцевъ, съ которыми они имѣютъ много общаго по своимъ обычаямъ и особенно своимъ вооруженіемъ. Боевой нарядъ ихъ состоитъ изъ желѣзнаго шлема съ сѣткой, проволочной рубахи, желѣзныхъ наколѣнниковъ, палокотниковъ и рукавицъ. Нарядъ дополняется палашомъ и щитомъ, которые украшены надписями: „Vivat Stephan Batory“, „Vivat Husar“ или „Souvenir“, „Genua“, „Solingen“ и рисунками съ изображеніемъ коронъ, орловъ и всадниковъ.

Въ грузинскихъ лѣтописяхъ эти три племени извѣстны за буйныхъ, непокорныхъ и неустрашимыхъ. Живетъ каждое племя отдѣльно, причемъ пшавы раздѣляются на 12 обширныхъ кровныхъ союзовъ, или родовъ. Каждый изъ этихъ союзовъ имѣетъ своихъ покровителей, своихъ святыхъ и свои праздники. Но связывающимъ звеномъ всѣхъ родовъ является верховный патронъ всѣхъ пшавовъ—„Латарисъ-Джвари“, крестъ Георгія Лаша, грузинскаго царя, и Тамарь-мепе — царица Тамарь, которую пшавы причисляютъ къ лику святыхъ.

Вѣра ихъ представляетъ смѣсь язычества съ христіанствомъ. Съ одной стороны, имъ извѣстны св. Георгій и Богородица, которымъ они молятся, но въ то-же самое время не меньшимъ уваженіемъ пользуются мѣстные герои и созданія фантазіи, какъ: Копала, Пиркута. Главнымъ духовнымъ лицомъ является „хевисъ-бери“, что означаетъ почетный старецъ ущелья. Кровная месть примѣняется въ случаѣ убійства, увѣчій и прелюбодѣянія, но въ то-же самое время народы эти очень гостепріимны и радушны и по складу своего характера много напоминаютъ тѣхъ горцевъ, о которыхъ было говорено раньше. Женщина считается существомъ нечистымъ, но пользуется значительной свободой, имущественной и личной. Самъ по себѣ народъ одаренъ богатой фантазіей и впечатлительностью.

Тушины, хевсуры и пшавы—грузины-горцы. О тѣхъ-же грузинахъ, которые живутъ въ долинахъ Арагвы и Куры, т. е., Карталиніи, мы будемъ говорить подробно въ статьѣ „Закавказье“.

Такъ какъ послѣдняя станція Военно-Грузинской дороги — Тифлисъ, то мы, нѣсколько отступивъ отъ обозрѣнія Предкавказья, познакомимъ читателя съ этой древнѣйшей столицей великолѣпной Грузіи.

IV. Тифлисъ.

1. Краткая исторія Тифлиса.

Тифлисъ расположенъ на обоихъ берегахъ рѣки Куры, которая беретъ свое начало въ Таврскихъ горахъ, въ Турецкой Арменіи, протекаетъ черезъ Ахалцыхскій уѣздъ и Боржомское ущелье, потомъ черезъ Гори, Мцхетъ, Тифлисъ къ границамъ древней Арменіи и впадаетъ въ Каспійское море, принимая на своемъ пути, кромѣ многихъ незначительныхъ притоковъ, обильныя воды Арагвы и Аракса.

Въ древности по Курѣ до впаденія въ Каспійское море существовало судоходство; Тифлисъ-же служилъ передаточнымъ пунктомъ торговли Индіи съ Европою. Путь направлялся сначала по Ріону, гдѣ на мѣстѣ нынѣшней Шаропани было складочное мѣсто, шелъ черезъ Сурамскій перевалъ, Мцхетъ, Тифлисъ и далѣе по Курѣ.

Тифлисъ считается однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ мірѣ. Ещс Моисей и Іезекіиль подъ именемъ Тюбана разумѣли Тифлисъ, который видѣлъ появленіе и исчезновеніе историческихъ народовъ: грековъ, римлянъ, арабовъ, монголовъ и византійцевъ. Онъ былъ поочередно подъ вліяніемъ этихъ народовъ, оставившихъ свои слѣды въ языкѣ, нравахъ и учрежденіяхъ грузинъ. Грубыя религіи, смѣнявшія одна другую — язычество, огнепоклонство и магометанство, пытались утвердиться въ Тифлисѣ, какъ и во всей Грузіи, но христіанство взяло надъ ними верхъ и навсегда водрузило въ немъ свое знамя.

Изъ существующихъ преданій объ основаніи Тифлиса, какъ на болѣе интересное, слѣдуетъ указать на слѣдующее. Тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Тифлисъ, 1500 лѣтъ тому назадъ было раскинуто небольшое село и лѣсъ, объ искусственномъ разведеніи котораго теперь такъ усердно заботятся, густой стѣной окружалъ его со всѣхъ сторонъ. Одинъ грузинскій царь охотился въ лѣсу и ранилъ оленя. Раненое животное бросилось къ одному изъ горячихъ сѣрныхъ источниковъ, которыми эта мѣстность изобилуетъ, обмыло свои раны и, немного подкрѣпившись, исчезло въ густотѣ первобытнаго лѣса. Грузинскій царь, наслѣдовавъ воду, приказалъ заселить это мѣсто и назвалъ его Тбилиси. Названіе это происходитъ отъ грузинскаго слова тбили — теплый. (Въ нѣкоторыхъ мѣ-

стахъ такое-же названіе носятъ города съ горячими источниками, напр.: Tibilis—въ древней Нумидіи, Toeplitz—въ Богеміи.) Такимъ образомъ, историческія указанія и преданія говорятъ, что Тифлисъ 1500 лѣтъ тому назадъ уже существовалъ. Нѣкоторые ученые, какъ, напр., Платонъ Іосселіани въ своемъ трудѣ „Описаніе древностей Тифлиса“, высказываютъ предположеніе, что „теплыя воды еще въ глубокой древности могли привлечь сюда значительное населеніе... „Волней, — продолжаетъ онъ, — не безъ основанія предполагаетъ, что пророкъ Іезекіиль въ описаніи всемірной торговли финикійскаго Тира, упоминая о „Тоболѣ“, или „Туболѣ“, могъ разумѣть подъ этимъ именемъ Тифлисъ“. Ни Страбонъ, ни географія Птоломея, ни, наконецъ, армянскіе писатели IV и V столѣтій о Тифлисѣ ничего не упоминаютъ, и вѣроятнѣе всего, что такое предположеніе сложилось по сходству названій.

По сказанію грузинскихъ историковъ, городъ Тифлисъ основалъ грузинскимъ царемъ Вахтангомъ Горгасланомъ въ 455 году по Р. Х. Построивъ городъ, онъ раздѣлилъ его на три части: собственно Тбилиси, гдѣ нынѣ находятся минеральныя бани, Калиси — крѣпостную часть, и, наконецъ, Нисани, или Исани, по другую сторону рѣки Куры. Эта часть города соединялась съ остальной мостомъ. Затѣмъ царь-основатель начерталъ планъ созданію пяти храмовъ: одинъ во имя Успенія Пресвятой Богородицы, съ названіемъ Сіона, другой — Метехскій, какъ придворную церковь, третій — св. Креста, подъ названіемъ Голгоѳскаго, чствертый — Виѳлеемскій, получившій послѣ въ рукахъ армянъ имя Петхаинскаго, и пятый — во имя св. Архангела Михаила.

Послѣ этого Вахтангъ Горгасланъ перенесъ изъ Мцхета свою столицу, оставивъ Мцхетъ метрополіей духовной власти и резиденціей архіепископа, и началъ строить въ Исани дворецъ.

Пришедшимъ въ 449 году посламъ Персіи, данницей которой состояла Грузія, эти работы царя очень не понравились, слѣдствіемъ чего былъ набѣгъ на Грузію, и въ одномъ сраженіи Вахтангъ былъ раненъ, а молодой Тифлисъ былъ разрушенъ. По смерти Вахтанга Горгаслана, на грузинскій престолъ вступилъ сынъ его, Дарчи (499—514 г.), который продолжалъ начатое отцомъ дѣло. Онъ построилъ новыя стѣны, усилилъ укрѣпленія, выстроилъ себѣ дворецъ на мѣстѣ нынѣшняго Метеха, при дворцѣ—

церковь, которая, какъ свидѣтельствуютъ старинныя грамоты, была и подворьемъ католикоса (Метехъ-подворье).

Въ 574 г. грузинскій престолъ занимаетъ царь Гурамъ-Багратидъ, и этимъ кончается непосредственное вліяніе персовъ, такъ какъ до этого года въ Грузіи были правители родомъ изъ персовъ и назначались отъ верховнаго владыки сассанидовъ. Такая перемѣна имѣла очень благотворное вліяніе на Грузію; во-первыхъ, она начала отдыхать отъ погромовъ, а вмѣстѣ съ этимъ стало прекращаться и давленіе на религіозную и общественную жизнь страны, такъ какъ каждый новый правитель приносилъ изъ своей родины ея нравы, учрежденія и религіозныя вѣрованія и старался привить ихъ тутъ, слѣдствіемъ чего было то, что христіанство подвергалось преслѣдованію и страна развивалась слабо.

Одинъ армянскій лѣтописецъ, времепъ царствованія Гурама, называетъ Тифлисъ великой столицей Грузіи, „чудесно построеннымъ, чуднымъ и замѣчательнымъ“.

Правда, Гурамъ много заботился объ украшеніи города: онъ обнесъ Тифлисъ новой каменной стѣной, увеличилъ крѣпость, построилъ новый дворецъ, нѣсколько храмовъ и возобновлялъ тѣ, которые отъ разгромовъ и времени приходили въ ветхость. Но это мирное время продолжалось только въ теченіе царствованія Гурама. Со смертью этого правителя „изнѣженный, торговый, славный и великій городъ Тифлисъ“, какъ его характеризуетъ армянскій лѣтописецъ Моисей Качанкатваци, опять постигаютъ бѣдствія. Персы-при царѣ Стефанѣ подчиняютъ его себѣ, и когда персидскій царь Хозрой объявилъ византійскому императору Ираклію войну, то послѣдній, призвавъ себѣ на помощь хозаровъ, подошелъ и окружилъ Тифлисъ (въ 625 г.) Городъ былъ разграбленъ и все цѣнное было уничтожено.

Къ концу X столѣтія замѣтно слабѣетъ власть арабовъ и грузинскіе цари Багратиды стремятся отнять у арабитянъ, отнявшихъ у хозаровъ власть, свою столицу, которая, несмотря на все, быстро обстраивалась и богатѣла.

Въ 1042 году престолъ занялъ Багратъ IV, и Тифлисъ сталъ отдыхать, но это продолжалось не долго, такъ какъ уже въ 1078 году сельджуки напали на Грузію, овладѣли Карталиніей, Кахетіею, Ахалцыхомъ и опять разорили Тифлисъ. Слѣдующіе цари, Давидъ III Возобновитель и сынъ его Дмитрій I, старались какъ-бы подготовить Тифлисъ къ царствованію знаменитой и славной въ исто-

ріи Грузіи царицы Тамари, грузинской Семирамиды, которое считается вѣкомъ процвѣтанія Грузіи.

Тамарь вступила на престолъ 24 лѣтъ и была обвѣнчана съ сыномъ князя Андрея Боголюбскаго, Георгіемъ, который впослѣдствіи, какъ недостойный своей супруги, былъ изгнанъ въ Константинополь, а Тамарь, по просьбѣ духовенства, дворянъ и народа, вступила въ новое супружество, избравъ себѣ въ супруги осетинскаго князя изъ фамиліи Багратидовъ, Давида Сослана. Сама царица Тамарь по матери была также изъ рода осетинскихъ царей, чѣмъ отчасти и объясняется вассальная зависимость Осетіи отъ Грузіи и переполненіе Осетіи воспоминаніями о Тамари. Особенную заботу Тамари составляли сооруженія храмовъ, на украшеніе и устройство которыхъ она жертвовала большія средства.

Въ царствованіе Тамари жилъ знаменитый пѣвецъ, авторъ поэмы „Барсова кожа“, Шоша Руставили, который, подъ именемъ дочери индійскаго царя Нестанъ Дереджаны, воспѣваетъ царицу Тамарь. Эта поэма пользовалась большою славою, служила настольной книгой каждаго образованнаго грузина и заучивалась наизусть.

О царствованіи царицы Тамари уже подробно говорилось на страницахъ этого изданія (см. выпускъ I-й). Послѣ смерти царицы Тамари, при Георгіи Лаша и слѣдующей за нимъ сестрѣ его, Русудани, Грузія начала меркнуть и была вовлечена въ войну съ хоросанскимъ султаномъ. Поводомъ къ войнѣ послужилъ отказъ Русудани, славившейся красотою и еще больше безнравственностью, хоросанскому султану, который, узнавши объ ея красотѣ, предложилъ ей руку. Оскорбленный султанъ съ громадной арміей направился въ Грузію, опустошая проходимыя имъ земли, взялъ Тифлисъ, перерѣзалъ почти все населеніе и уничтожилъ всѣ церкви до основанія; число жертвъ этого погрома доходило до 100.000. Той-же участи подверглись и другія мѣста.

Занятіе и опустошеніе Грузіи продолжалось цѣлыхъ пять лѣтъ. По словамъ лѣтописца Киракоза Гондзакскаго, „край былъ такъ опустошенъ, что не уцѣлѣло ни одного жилища, кромѣ цитаделей и укрѣпленныхъ мѣстъ“.

Въ царствованіе той-же злополучной царицы Русудани (1228—1247 гг.) въ 1238 году въ Тифлисъ нагрянули монголы и предали все огню и мечу. Они мучили и терзали жителей, требуя отъ нихъ налоговъ; тѣ-же, которые

скрывались, будучи пойманы, умерщвлялись. У тѣхъ, кто не могъ заплатить, брали дѣтей.

Такая зависимость продолжалась болѣе столѣтія. Съ этого времени цари грузинскіе были назначаемы монголами, которые зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы не произошло отпаденіе Грузіи, но время взяло верхъ, и при царѣ Георгіи IV Блистательномъ (1318—1346 гг.) монголы принуждены были покинуть страну, и Грузія, наконецъ, могла вздохнуть свободно, что опять продолжалось недолго, такъ какъ при правнукѣ Георгія IV, Багратѣ V (1360—1395 гг.), и при сынѣ его, Георгіи VI (1395—1467 гг.), Грузія выдерживаетъ рядъ набѣговъ монголовъ, которые въ 1388 г. взяли Тифлисъ и разрушили его, увели тысячи плѣнныхъ, не меньше оставивъ убитыми. Предводитель этого полчища дикарей, Тимуръ, передъ уходомъ изъ Тифлиса приказалъ собрать со всего города подростковъ на гумнахъ, находившихся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Калоубанская церковь, и затѣмъ пройтись по нимъ своей дикой кавалеріи.

Съ 1518 года опять начинается персидское владычество, съ приходомъ шаха Измаила, который разгромилъ церкви, побросалъ святыни церквей и самое икону Сіонской Божіей Матери въ Куру, а затѣмъ, укрѣпивъ городъ, поставилъ свои войска.

Царствованія слѣдующихъ царей, Луарсаба (1534—1558 гг.), Симона (1558—1601 гг.), Теймураза (1601—1636 гг.), ознаменованы постоянными войнами за владычество надъ Тифлисомъ.

Послѣ похода персидскаго шаха Аббаса I, въ 1616 г., произошла перемѣна въ назначеніи грузинскихъ царей. Молодые грузинскіе царевичи стали воспитываться при персидскомъ дворѣ, участвовали въ войнахъ противъ враговъ Персіи, получали высокія должности, затѣмъ отправлялись въ Грузію, предварительно будучи обращены въ магометанство. Отсюда ясно, что персидскіе цари хотѣли всѣми силами сдѣлать изъ верховныхъ правителей Грузіи преданныхъ себѣ людей.

Въ 1636 году въ Грузіи на престолъ вступилъ Росгамъ — магометанинъ, большой поклонникъ всего персидскаго, который ввелъ при дворѣ роскошь и любовь къ удовольствіямъ. Дворецъ, воздвигнутый имъ, поражалъ всѣхъ своей ослѣпительной роскошью.

1722-й годъ въ исторіи Грузіи ознаменовался тѣмъ, что Вахтангъ VI, царь карталинскій, публично принялъ

хрпстіанскую вѣру. Нужно замѣтить, что къ этому времени Грузія разбилась на нѣсколько отдѣльныхъ царствъ, и сынъ одного изъ такихъ владѣтелей, всею душою преданный персамъ, предложилъ шаху низвергнуть Вахтанга, на что тотъ согласился и далъ подкрѣпленіе; но попытка оказалась неудачной, и Константинъ, такъ звали молодого царевича, потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ къ лезгинамъ, обѣщая имъ дать Тифлисъ на грабежъ, если они окажутъ ему помощь. Лезгины согласились, и Вахтангъ VI, не ожидая ихъ, былъ разбитъ, городъ взятъ, а Вахтангъ бѣжалъ въ Имеретію.

Вахтангъ, принужденный скрываться, обратился въ 1723 году къ покровительству Петра Великаго и всю остальную свою жизнь посвятилъ служенію интересамъ Россіи.

По заключенному между Россіей и Портою трактату 13-го іюня 1724 года, за Портою была оставлена Грузія, въ томъ числѣ Тифлисъ, Эриванская, Тавризская и Казбинская провинціи, Россія-же получала Каспійское побережье.

Послѣдній, но и самый смутный періодъ времени Грузіи начался со вступленіемъ на престолъ Ираклія II, которому пришлось вести безпрерывныя войны съ лезгинами и персами. Помимо внѣшнихъ враговъ, у Ираклія были и внутренніе, глава которыхъ, князь Александръ Грузинскій, вознамѣрился отбить корону у Ираклія, для чего обратился за помощью къ персамъ, что побудило Ираклія обратиться къ покровительству Россіи. 29-го декабря 1782 года послѣдовало соизволеніе императрицы Екатерины II на заключеніе трактата съ Грузіей, а 8-го ноября 1783 года, какъ результатъ этого трактата, послѣдовало въ Тифлисъ вступленіе русскихъ войскъ, въ числѣ двухъ батальоновъ.

Но въ сентябрѣ 1787 г. русскія войска, находившіяся въ Грузіи, получили приказъ возвратиться въ Россію, чего требовалъ разрывъ съ Портой.

Не прошло и восьми лѣтъ послѣ того, какъ въ слабую Грузію ворвался персидскій шахъ Ага-Магометъ, и Тифлисъ былъ разрушенъ почти до основанія *).

Ираклій II скончался въ Телавѣ 11 января 1798 года, 78 лѣтъ отъ роду, пережившъ своего врага Агу-Магомета,

---

*) Подробности объ этомъ разграбленіи Тифлиса и судьбѣ царя Ираклія см. стр. 221—228.

который былъ убитъ въ Шушѣ любимымъ своимъ слугою, 4-го іюня 1798 года.

Старшій сынъ Ираклія, Георгій XII, вступившій на престолъ, обратился къ императору Павлу Петровичу, съ просьбой утвердить его грузинскимъ царемъ и наслѣдникомъ назначить сына Давида. Царствованіе его было кратковременно, а покушенія разныхъ царевичей отнять у него престолъ побудили его передъ смертью просить Россію о присоединеніи Грузинскаго царства. Георгій XII скончался 22-го дек. 1800 г., а 18-го янв. 1802 г. былъ объявленъ манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи.

Русское правительство застало Тифлисъ въ жалкомъ состояніи, такъ что Кноррингу, Коваленскому и Ермолову, представителямъ административной власти, пришлось положить много труда и энергіи, чтобы возродить Грузію къ жизни.

Несмотря на все, развитіе шло довольно туго до назначенія главнокомандующимъ князя Воронцова, обладавшаго способностью вызывать къ жизни все, къ чему-бы онъ ни прикасался. Знаніе, искусства, торговля, промышленность, сельское хозяйство, о которомъ, повидимому, до-толѣ мало думали, стали находить себѣ или обширное примѣненіе, или развитіе на новыхъ, раціональныхъ началахъ.

Не прошло и года со дня назначенія князя Воронцова, какъ въ Тифлисѣ устроился первый русскій театръ, началась издаваться газета „Кавказъ“, открылось нѣсколько школъ и женское училище святой Нины, учрежденъ самостоятельный кавказскій учебный округъ, и въ довершеніе всего, 6-го марта 1856 г. была открыта первая выставка естественныхъ произведеній и образцовъ ремесленной и фабричной промышленности Закавказскаго края. Въ томъ-же году исходатайствованы Высочайшія повелѣнія объ учрежденіи въ Тифлисѣ публичной библіотеки, отдѣла русскаго географическаго общества и тифлисской обсерваторіи.

Наряду съ этимъ М. С. Воронцовъ заботился и объ украшеніи города. Во время его правленія краемъ въ Тифлисѣ былъ выстроенъ великолѣпный Михайловскій мостъ, самая главная часть города — Головинскій проспектъ — сталъ обстраиваться, покрываться троттуаромъ и обсаживаться деревьями, на пустопорожнихъ мѣстахъ начали воздвигать новыя роскошныя зданія, а Сололаки, покрытые садами, превратились въ одну изъ лучшихъ и красивыхъ частей города.

Въ 1859 г., при князѣ Барятинскомъ, было начато разведеніе большого публичнаго сада на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ ипподромъ, на которомъ происходили конскія и другія народныя игры, равно какъ военные парады и разводы.

Въ настоящее время садъ, названный Александровскимъ, великолѣпно разросся и составляетъ украшеніе города и въ немъ городское населеніе находитъ убѣжище въ невыносимыя лѣтнія жары.

2. Современный Тифлисъ.

Тифлисъ раздѣляется на нѣсколько частей, изъ которыхъ на правой сторонѣ Куры находятся: Вера съ ея садами, Сололаки, Орточалы; на лѣвой — Кукя, Авлабаръ, Чугуреты и Навтлугъ. Черезъ Куру перекинуто нѣсколько желѣзныхъ мостовъ, изъ которыхъ, наиболѣе значительны Воронцовскій, Михайловскій и Верійскій.

Тифлисъ, расположенный въ котловинѣ, открытъ только съ сѣвера, и такое положеніе его очень благопріятно отражается на немъ, такъ какъ постоянный незначительный вѣтеръ съ Кавказскаго хребта очищаетъ воздухъ и тѣмъ самымъ не даетъ возможности развиваться разнымъ повальнымъ болѣзнямъ.

Достаточно сказать, что во время холерной эпидеміи въ 1891 г. Тифлисъ далъ незначительный процентъ заболѣваній, несмотря на то, что бѣдное населеніе продолжало питаться зеленью и фруктами, какъ болѣе дешевымъ продуктомъ, а самъ городъ совсѣмъ не отличался чистотой.

Городъ состоитъ изъ двухъ частей, совершенно непохожихъ другъ на друга. Новый—европейскій—городъ носитъ вполнѣ благоустроенный характеръ, съ очень хорошими постройками и улицами, съ обѣихъ сторонъ обсаженными деревьями. Старый — азіатскій — городъ сохранилъ по настоящее время свой восточный характеръ, съ его узкими улочками, скученностью построекъ и грязью.

Съ Головинскаго проспекта открывается хорошій видъ на церковь святого Давида, расположенную на горѣ, на уединенномъ уступѣ отвѣсной скалы Мта-Цминда (Святой горы), гдѣ въ дремучихъ лѣсахъ скрывался одинъ изъ тѣхъ сирійскихъ отцовъ, которые пришли въ VI вѣкѣ въ Грузію. Церковь основана въ VI вѣкѣ, вновь перестроена въ XVI вѣкѣ, настоящая-же церковь перестроена уже русскими. Преданіе о церкви говоритъ, что дочь

одного знатнаго человѣка, жившаго недалеко отъ горы, забеременѣла и оклеветала отшельника. Святой Давидъ, потребовавшій ее на судъ, всенародно изобличилъ клеветницу: онъ дотронулся посохомъ до ея чрева, и на вопросъ старца, онъ-ли — его отецъ, ребенокъ изъ чрева назвалъ имя человѣка, обольстившаго дѣвушку. Внезапно она почувствовала тяжкія боли и, по молитвѣ святого отца, родила камень, который и послужилъ основаніемъ Квашвецкой церкви (ква — камень, шва — родила), находящейся около Головинскаго проспекта. Въ награду за возведенную на него клевету святой Давидъ испросилъ у Бога источникъ живой воды, которая имѣла-бы силу оплодотворять безплодность. На заднемъ углу, гдѣ гора возвышается отвѣсною скалою, изъ-подъ нея выходитъ источникъ ключевой воды. Грузинки съ благоговѣніемъ относятся къ этому мѣсту и въ четверги, а въ особенности въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи, стекается масса народа, по преимуществу женщинъ, пить воду и служить молебны святому Давиду Гореджельскому. Приложившись къ иконѣ Богоматери, грузинки три раза обходятъ церковь, обвивая ее въ знакъ благоговѣнія кругомъ ниткою, и приносятъ къ ней изъ-подъ горы небольшіе камушки, вѣроятно, въ воспоминаніе древняго чуда,— если камушекъ пристанетъ, то, значитъ, молитва услышана: засидѣвшаяся дѣвушка будетъ имѣть жениха, бездѣтная мать родитъ ребенка. Этотъ старый обычай объясняется тѣмъ незаслуженнымъ презрѣніемъ, которымъ надѣляютъ на Востокѣ женщинъ; матери, у которыхъ часто умираютъ дѣти, даже посвящаютъ новорожденнаго покровительству святого Давида на опредѣленное число лѣтъ, съ извѣстными обрядностями: напримѣръ, ребенку не стригутъ волосъ, не снимаютъ бѣлой одежды и т. д.

Въ архитектурномъ отношеніи церковь св. Давида не представляетъ ничего особеннаго, но дорога русскому сердцу, потому что подъ нею, около каменной лѣстницы, находится прахъ А. С. Грибоѣдова, перевезеннаго сюда въ 1829 году изъ Тегерана. Тутъ за рѣшеткой видны три памятника: первый — направо, поставленъ надъ могилой Грибоѣдова. Печальная бронзовая женщина припала ко кресту, воздвигнутому изъ чернаго мрамора, и крѣпко обняла обѣими руками. Тутъ-же лежатъ двѣ книги—одна на другой,—на корешкѣ верхней слѣдующая надпись: „Горе отъ ума“, сверху ихъ лира, переплетенная лаврами.

Подъ портретомъ поэта, врѣзаннымъ въ пьедесталъ, надпись: „Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, род. въ 1795 году генваря 4 дня, убитъ въ Тегеранѣ въ 1829 году, генваря 30 дня“. На лѣвой сторонѣ начертана женою великаго писателя трогательная эпитафія; съ одной стороны: „Незабвенному отъ Нины“, а съ другой: „Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!“. Слѣва находится такой-же формы памятникъ супруги покойнаго—Нины Александровны Грибоѣдовой, родившейся въ 1812 году 4 ноября и скончавшейся 24 ноября 1857 года. Третій памятникъ—малолѣтней Нины Николаи—бѣлый мраморный крестъ сверхъ чернаго камня.

Трудно выбрать болѣе поэтичный уголокъ для гробницы поэта, какъ этотъ горный монастырь, висящій орлинымъ гнѣздомъ надъ живописнымъ лабиринтомъ садовъ Тифлиса.

Переходя далѣе къ описанію города, слѣдуетъ упомянуть о находящемся на Головинскомъ проспектѣ „Храмѣ Славы“, въ которомъ помѣщаются трофеи кавказскихъ войнъ, громадныя полотна на сюжеты изъ исторіи Кавказа профессора живописи Ф. Рубо *), Айвазовскаго, Самокиша, равно какъ портреты всѣхъ выдающихся кавказскихъ героевъ.

Музей построенъ при главнопачальствующемъ кн. Дондуковѣ-Корсаковѣ, для чего пришлось уничтожить часть Александровскаго сада, а именно ту, которая выходила на проспектъ, что нельзя назвать особенно удачнымъ, такъ какъ Тифлисъ, при его климатѣ, требуетъ присутствія большей растительности, чѣмъ въ настоящее время онъ располагаетъ.

Противъ „Храма Славы“ помѣщается чудное зданіе 1-й тифлисской гимназіи, занимающее цѣльный кварталъ. При гимназіи пансіонъ на 175 человѣкъ, сама-же гимназія считается самою лучшею на Кавказѣ, по постановкѣ приватныхъ занятій учащихся и тѣхъ пособій, которыми она располагаетъ.

Рядомъ съ гимназіей находится военный соборъ, который снаружи не можетъ похвастаться своей архитектурой — нѣтъ легкости линій и производитъ впечатлѣніе чего-то неоконченнаго, чего нельзя сказать о тифлисскомъ казенномъ театрѣ, находящемся также на

*) Большинство изъ нихъ воспроизведено въ этомъ изданіи.

Головинскомъ проспектѣ. Театръ выстроенъ въ мавританскомъ стилѣ и является однимъ изъ украшеній города. Зимой тутъ имѣется хорошая постоянная труппа, причемъ приглашаются и итальянцы.

Рядомъ съ соборомъ—великолѣпный дворецъ, въ которомъ имѣетъ пребываніе главноначальствующій краемъ, а противъ него—публичная библіотека, зданіе 1-й женской гимназіи и музей.

Кавказскій музей открытъ 1-го января 1867 г. Несмотря на свое сравнительно короткое существованіе, музей заключаетъ въ себѣ массу интересныхъ коллекцій. Тутъ при входѣ—что прежде всего бросается въ глаза—стоятъ два большихъ сосуда для вина, называемые квеври. Залы первый и второй заключаютъ современную кавказскую этнографію: одежду, оружія, музыкальные инструменты, предметы роскоши, домашней утвари и прочее; все находится въ изобиліи и разставлено съ большимъ вкусомъ. Слѣдующіе два зала посвящены антропологіи, древности и нумизматикѣ. Тутъ-же знаменитый камень императора Веспасіана съ надписью о постройкѣ крѣпости Митридатомъ, царемъ иверійскимъ. Залы пятый, шестой седьмой посвящены зоологическимъ, ботаническимъ и геологическимъ отдѣламъ. Во второмъ этажѣ помѣщаются модели развалинъ, на дворѣ-же клѣтки съ дикими звѣрями и хищными птицами. Недалеко отъ выхода стоитъ памятникъ археологу Кавказа, г. Берже.

Продолженіемъ Головинскаго проспекта служитъ Дворцовая улица, съ роскошными, лучшими въ городѣ магазинами. Дворцовая улица упирается въ Эриванскую площадь, гдѣ находится стильное зданіе городской думы. Вправо вверхъ дорога идетъ въ самую красивую часть города—Салолаки, жилища аристократіи и денежныхъ тузовъ, а влѣво внизъ—къ Воронцовскому мосту, въ началѣ котораго стоитъ чудный памятникъ кн. Воронцову. Отъ этого памятника начинается Михайловскій проспектъ, густо обсаженный пирамидальными тополями, и заканчивается садомъ Муштаидомъ. Садъ расположенъ на берегу Куры и служитъ любимымъ мѣстомъ для прогулокъ. За Муштаидомъ находится церковь, называемая по мѣстному „Дидубе“.

Съ той-же Эриванской площади можно попасть и въ азіатскую часть города—на Майданъ, гдѣ вы будете поражены пестротой суетящейся толпы. Тутъ попадаются жители чуть-ли не всего Востока. Въ нѣкоторыхъ тѣс-

ныхъ улицахъ, въ которыхъ подчасъ нельзя разъѣхаться и двумъ экипажамъ, кишатъ и люди, и животныя, видѣются человѣческія головы, морды лошадей, ишаковъ (ословъ), нагруженныхъ дорогимъ здѣсь древеснымъ углемъ, зеленью, фруктами, а то прямо какимъ-нибудь долговязымъ персомъ, ноги котораго чуть-ли не волочатся по землѣ. Вотъ персъ, окрашенный хиной, будто въ какую-то огненную краску, дородный армянинъ въ туземной чохѣ и московскомъ картузѣ, мулла въ бѣлой чалмѣ, а вотъ типъ, уже исчезающій съ проведеніемъ водопроводовъ, — это тулухчи медленно подвигается въ массѣ со своею лошадью, черезъ спину которой перекинуты мѣха, наполненные водой. Какъ вездѣ на Востокѣ, безчисленныя лавченки, маленькія, скученныя, служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и открытыми мастерскими. Портные, поджавъ ноги, съ нитками въ зубахъ, спокойно шьютъ черкески, снимаютъ мѣрки, утюжатъ, стегаютъ, а заказчики ихъ также хладнокровно снимаютъ съ себя при всей честной публикѣ шаровары и бешметы. Цырульникъ откровенно мылитъ щеки и бороду какому-нибудь франту или громко стрижетъ ножницами, перебрасываясь шутками съ сосѣдями и прохожими. Всѣ моются, бреются, стригутся, одѣваются, раздѣваются на этомъ родномъ для всѣхъ, гостепріимномъ базарѣ, точно у себя въ спальнѣ.

Минуя Майданъ, попадаете къ главной достопримѣчательности Тифлиса, къ горячимъ сѣрнымъ источникамъ, въ которыхъ температура доходитъ до 32° по Реомюру. „Славны тифлисскія бани“, какъ называетъ ихъ Пушкинъ, показавшіяся ему роскошнѣе всего, что онъ видѣлъ въ Россіи. Лучшими считаются бани кн. Ираклія Грузинскаго и кн. Сумбатова. Пушкинъ, описывая ихъ, говоритъ, что, зайдя въ тифлисскія бани, онъ прежде всего наткнулся на грузинскую красоту.

Е. Марковъ, описывая свое посѣщеніе бани, говоритъ:

„Что только не дѣлалъ со мной этотъ азіатскій мучитель!... Онъ мялъ меня, онъ билъ меня, онъ меня всячески щипалъ и трепалъ, онъ трясъ и дергалъ руки и ноги, словомъ, хотѣлъ вылущить ихъ изъ суставовъ, онъ крутилъ ихъ назадъ, какъ разбойнику, пойманному съ поличнымъ, онъ неистово топталъ меня, вспрыгнувъ въ какомъ-то гимнастическомъ упоеніи мнѣ на плечи, своими худыми босыми ногами и выдѣлывалъ на мнѣ, на моей грѣшной спинѣ, по моимъ многострадальнымъ

ребрамъ такія отчаянныя аптраша, которымъ позавидовалъ-бы любой балетчикъ. Я переносилъ всѣ эти дикія упражненія этого азіата въ нѣмомъ ужасѣ и съ суевѣрной покорностью, согнувъ подъ нимъ шею и терпѣливо неся его на своемъ хребтѣ, какъ гоголевскій Хома Брутъ послушно носилъ вскочившую на него вѣдьму".

И все-таки послѣ всего этого, выходя изъ бани, чувствуешь себя обновленно.

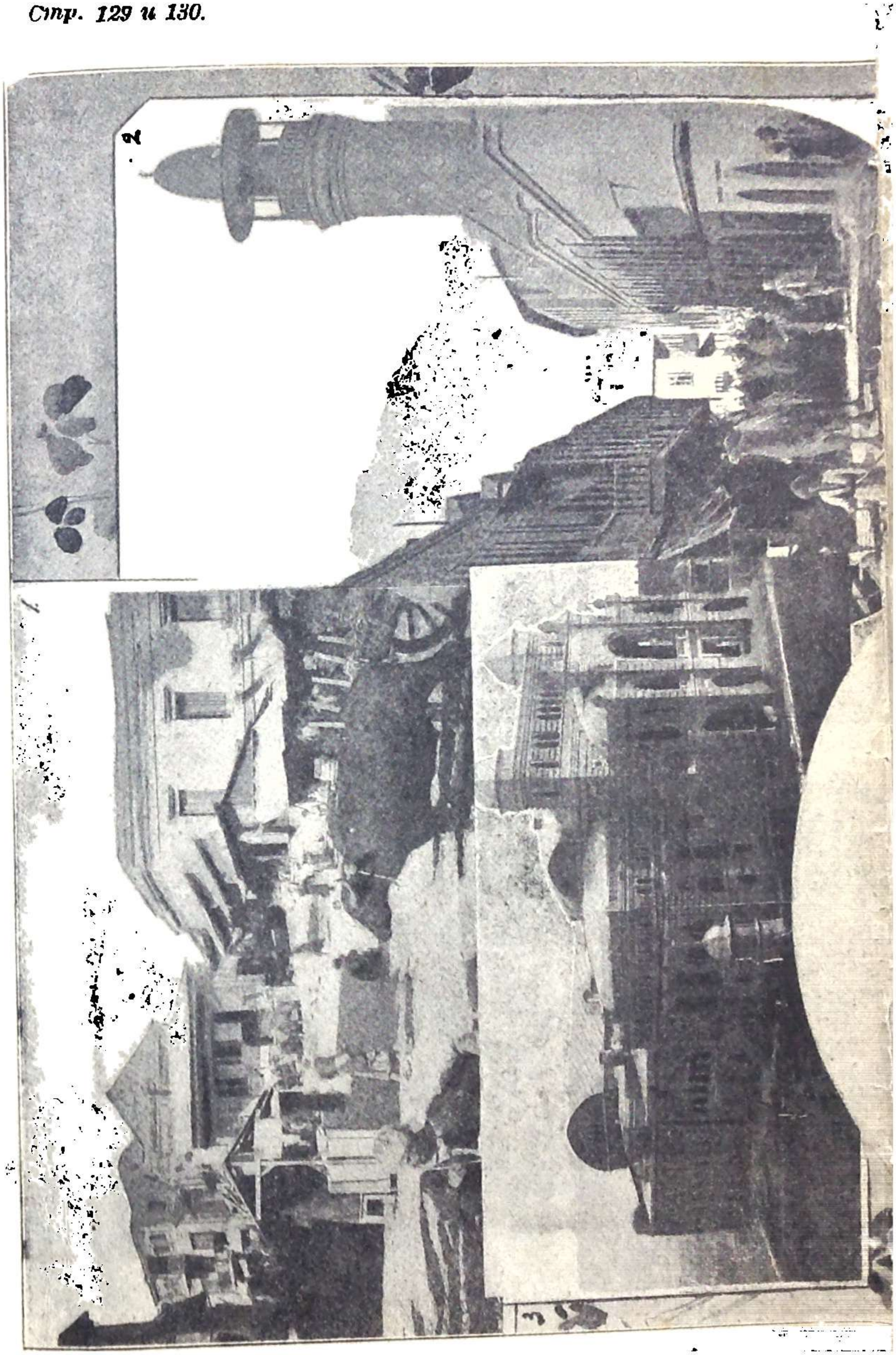
Въ азіатской-же половинѣ города находится древній храмъ — Сіонскій соборъ. Планъ этой церкви былъ составленъ въ концѣ V вѣка Вахтангомъ Горгасланомъ, но, повидимому, онъ имъ не былъ выполненъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Сіонскій соборъ подвергался безчисленнымъ разрушеніямъ и не разъ возобновлялся. Послѣдняя реставрація его была произведена въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія княземъ Гагаринымъ. Въ срединѣ храма находится скромная могила кн. Циціанова, имя котораго будетъ жить до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Тифлисъ. На лѣвой сторонѣ царскихъ дверей, за образомъ скрытъ крестъ св. Нины, просвѣтительницы Грузіи, перевитый ея волосами. Крестъ св. Нины прежде сохранялся въ фамиліи у грузинскихъ царей, причемъ во время нашествій его клали на время въ мцхетскій соборъ, но, когда въ 1720 г. Грузія была подвержена нападенію персовъ, его перенесли въ ананурскій храмъ, гдѣ онъ и хранился, пока митрополитъ Тимоѳей не увезъ его въ Москву къ царевичу Бакару Вахтанговичу. Грузины неоднократно просили вернуть дорогую святыню, но просьба оставалась не исполненной до тѣхъ поръ, пока внукъ Бакара, царевичъ Георгій, въ 1801 г., не поднесъ крестъ св. Нины императору Александру I, который и препроводилъ эту драгоцѣнную святыню въ Грузію. 9-го апрѣля 1802 г. она была торжественно внесена въ Тифлисъ, въ Сіонскій соборъ.

Недалеко отъ Сіонскаго собора находится Ванкскій соборъ, вблизи-же ботаническаго сада очень хорошо сохранились развалины стариннаго дворца грузинскихъ царей.

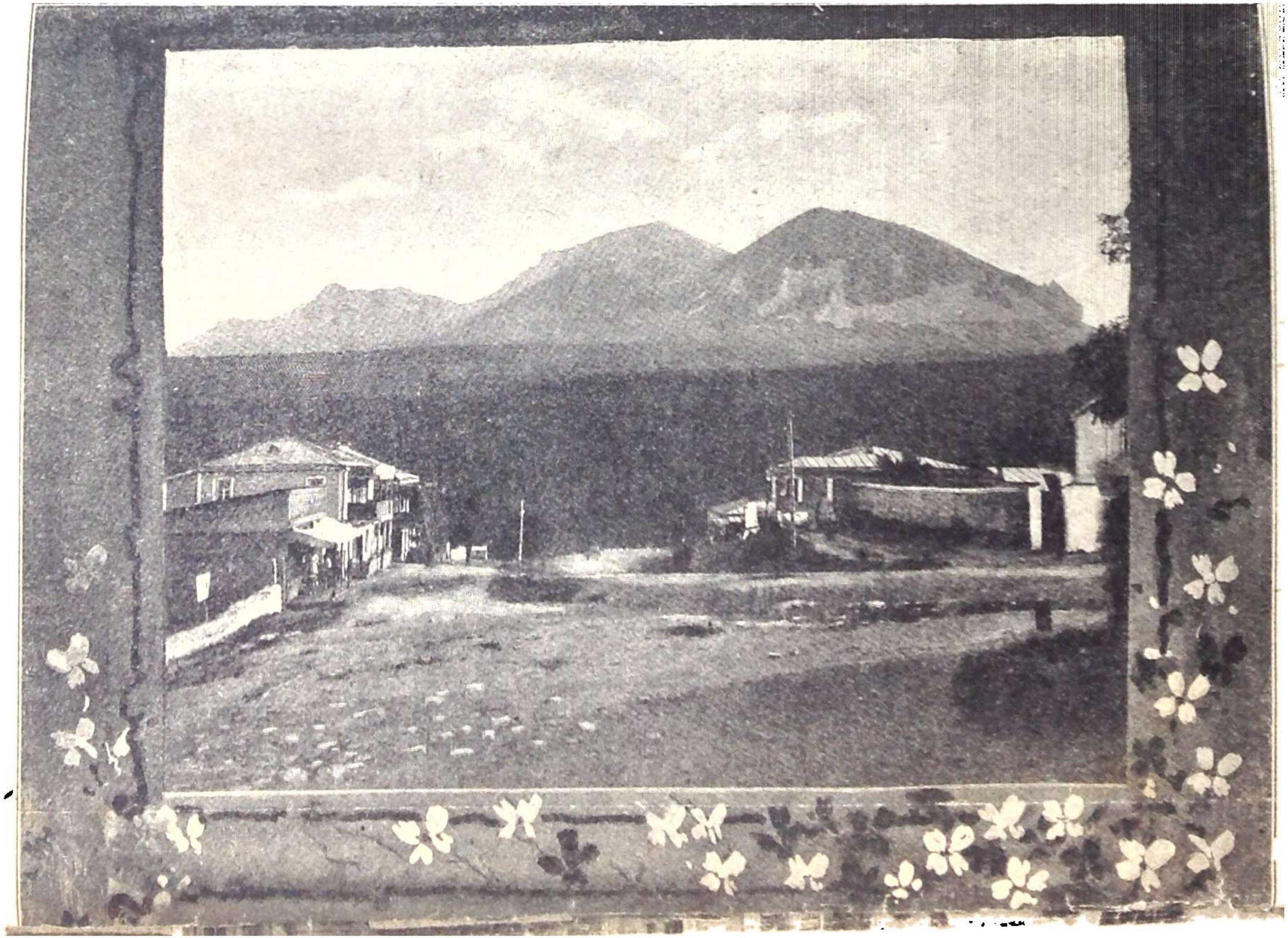
Въ заключеніе коснемся народнаго образованія въ Грузіи, а въ частности въ Тифлисѣ.

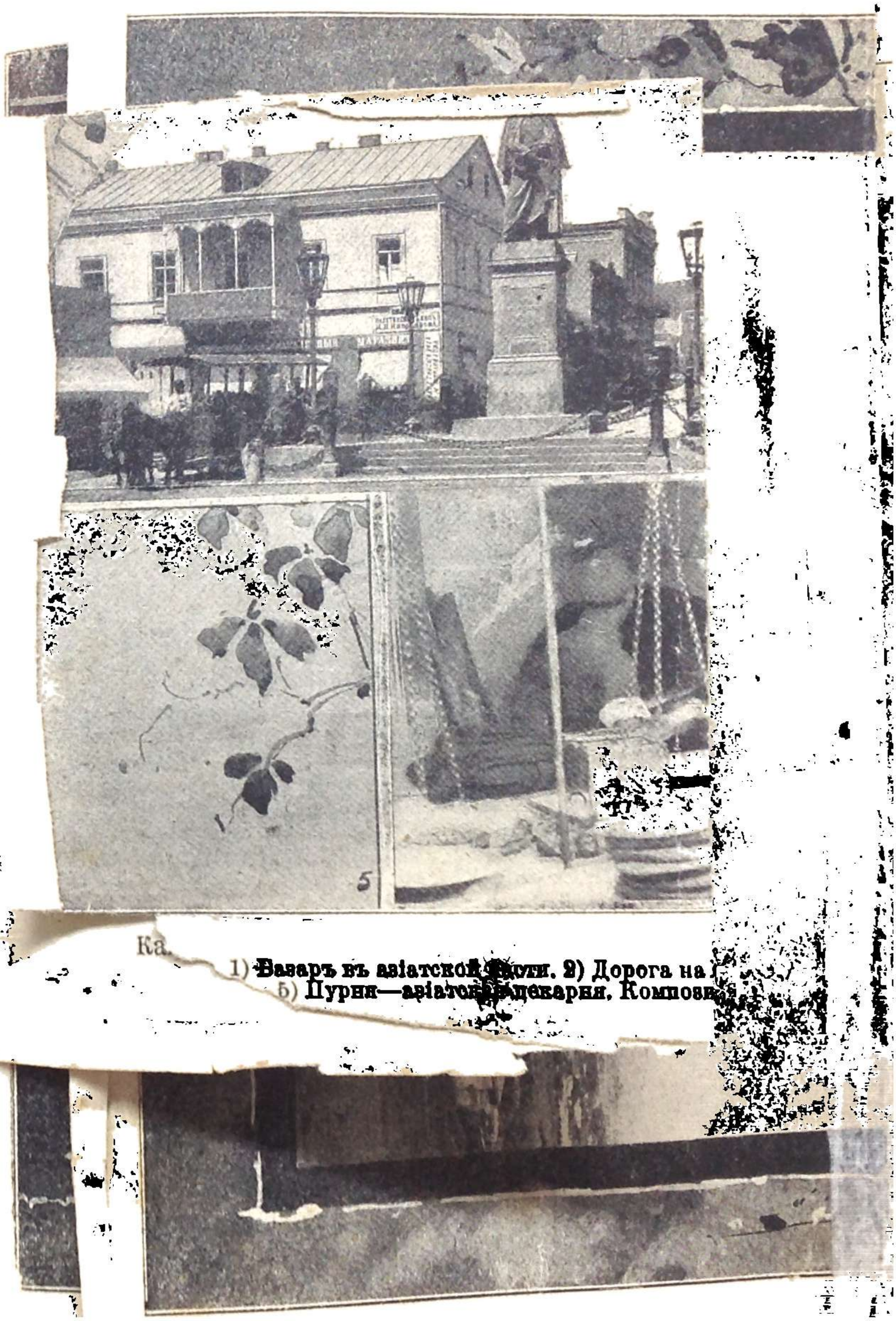
Во дни присоединенія Грузіи императоръ не могъ отвѣтить царю на письмо его, потому что писарь уѣхалъ въ Тифлисъ, а между приближенными царя не было никого грамотнаго, а самъ онъ также былъ неграмотный.

Стр. 129 и 130.

Стр. 131 и 132.

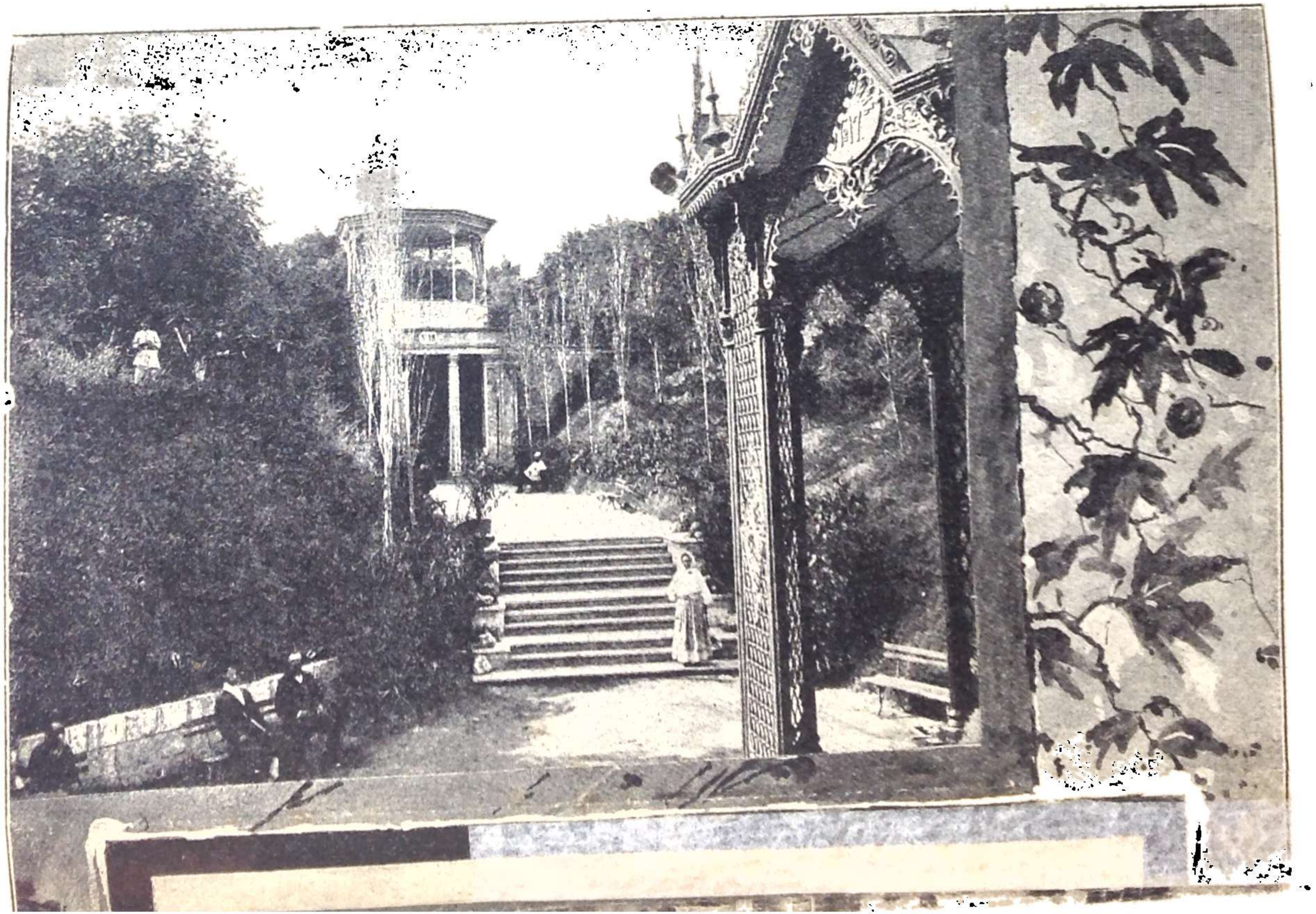

Ка

1) Базаръ въ азіатской части. 2) Дорога на
5) Пурна—азіатская аптекарня. Компози

Стр. 135 и 136.

Когда русскіе пришли въ Тифлисъ, въ краѣ не было нигдѣ никакихъ, школъ, и первая попытка открыть школу, въ 1802 году, окончилась очень комично — всѣ учащіеся этого „Тифлисскаго благороднаго училища для грузинскихъ благородныхъ юношей“, какъ гласило его названіе, разбѣжались почти сейчасъ-же послѣ его открытія, такъ что, когда князь Циціановъ пріѣхалъ въ Тифлисъ въ 1803 году, онъ не нашелъ ни учителей, ни учениковъ, ни самаго училища. Можно представить, сколько труда надо было приложить, чтобы ввести въ Грузіи первые лучи просвѣщенія — „буде не вообще народнаго, то хотя здѣшняго дворянскаго“, — какъ писалъ князь Циціановъ въ донесеніи императору Александру I. Въ 1830 году училище это было переименовано въ гимназію, въ ту самую 1-ую тифлисскую гимназію, о которой мы упомянули раньше.

Въ настоящее время въ Тифлисѣ три классическихъ гимназіи, одно реальное училище, три женскихъ гимназіи, Закавказскій дѣвичій институтъ, учебное заведеніе св. Нины, нѣсколько спеціальныхъ училищъ, какъ Михайловское желѣзнодорожное, земледѣльческія школы, юнкерское училище, кадетскій корпусъ, учительскій институтъ, семинарія и т. д. Какъ-то былъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ въ Тифлисѣ университета для окончившихъ курсъ въ кавказскихъ гимназіяхъ, но почему-то этотъ вопросъ не двигается впередъ, о чемъ только можно сожалѣть, такъ какъ свой кавказскій университетъ лишилъ-бы мѣстныхъ уроженцевъ, не особенно хорошо переносящихъ климатъ Россіи, необходимости обучаться въ россійскихъ университетахъ.

Таковъ современный Тифлисъ. Конечно, былой древневѣковой пышности никогда не воротить городу, но изъ настоящаго очерка читатель могъ видѣть, какимъ благодѣяніемъ для Тифлиса былъ переходъ его въ русскія руки.

Познакомивъ читателя съ столицей древней Грузіи, вернемся снова въ Предкавказье, въ Терскую область, съ которой соприкасается и степная Ставропольская губ.

V. Терская область и Ставропольская губернія.

Терская область расположена, главнымъ образомъ, по теченію рѣки Терека, за исключеніемъ юго-восточной ея части, лежащей въ бассейнѣ рѣкъ — Аксая и Акташа,

и небольшого пространства на сѣверо-западѣ по верхнему теченію Кумы и Подкумка. Южной своею границею она прилегаетъ къ главному Кавказскому хребту, а частью, восточной, къ Каспійскому морю и соприкасается своей территоріей на югѣ съ двумя губерніями Закавказья — Кутаисской и Тифлисской, на востокѣ — съ Дагестанской областью, на сѣверѣ — съ Ставропольской и Астраханской губерніями, а на западѣ съ Кубанской областью.

Въ предѣлахъ Терека область содержитъ 6.675.000 десятинъ земли, что составляетъ 64.060 квадр. верстъ, самой разнообразной въ топографическомъ и почвенномъ отношеніяхъ.

Терская область съ 1-го іюля 1888 года дѣлится на три отдѣла — Пятигорскій, Кизлярскій и Сунженскій и четыре округа — Владикавказскій, Хасавъ-Юртовскій, Нальчикскій и Грозненскій.

Самыми населенными изъ вышепоименованныхъ отдѣловъ и круговъ считаются Пятигорскій отдѣлъ—180.204 душъ и Грозненскій округъ — 227.676 душъ; самымъ малонаселеннымъ Хасавъ-Юртовскій округъ — 69.230 душъ.

Во главѣ Терской области стоитъ начальникъ области и наказной атаманъ Терскаго казачьяго войска, который въ военномъ отношеніи пользуется правами начальника дивизіи: въ его подчиненіи находятся и войсковой штабъ, и Терская казачья бригада, равно какъ по гражданской части всѣ права и обязанности, присвоенныя губернаторамъ.

Каждымъ отдѣломъ завѣдуетъ атаманъ отдѣла, каждымъ округомъ — начальникъ округа.

Въ отношеніи церковно-административномъ область составляетъ епархію, подчиненную епископу владикавказскому и моздокскому, въ учебномъ-же отношеніи она входитъ въ районъ кавказскаго учебнаго округа.

Переходя къ описанію поверхности и климата Терской области, нужно сказать, что на такомъ относительно небольшомъ пространствѣ, какъ Терская область, встрѣчаются не только вѣчно-снѣговыя горныя вершины и непроходимыя дебри сѣвернаго склона — главнаго Кавказскаго хребта и отроговъ съ безплодными известняками и трахитовыми скалами, но и степныя пространства съ тучнымъ черноземомъ или съ переносными движущимися песками, а также болотистыя низменности, расположенныя ниже уровня Каспійскаго моря.

Что касается климата, то онъ, какъ и поверхность

области, разнообразенъ. Климатъ Владикавказскаго округа къ югу, ближе къ снѣжнымъ вершинамъ кавказскаго хребта, дѣлается суровѣе и холоднѣе, къ сѣверу-же, наоборотъ, знойнѣе и суше. Здоровый климатъ нагорныхъ мѣстностей переходитъ по нижнему теченію р. Терека въ сырой, болотистый, почти съ не прекращающейся маляріей.

Самая главная рѣка Терекъ, древняя Alonta, именемъ которой называется и область, беретъ свое начало въ ледникахъ Казбека тремя ручьями, причемъ такъ называемая Ресданъ, т. е., настоящій Терекъ, вытекаетъ изъ Труссовскаго ущелья. Нѣсколько выше Кизляра онъ распадается на двѣ группы рукавовъ, впадающихъ — восточные — въ Аграханскій заливъ, сѣверные-же въ Каспійское море при селеніи Черный рынокъ.

Постоянные, ежегодные разливы Терека причиняютъ громадные убытки, что принуждаетъ устраивать береговыя дамбы въ мѣстахъ разлива, которыя въ общей сложности составляютъ 50 верстъ, но и это не въ силахъ удержать разсвирѣпѣвшій Терекъ, который рветъ и уничтожаетъ на пути все.

Изъ притоковъ Терека съ лѣвой стороны слѣдуетъ упомянуть объ Ардонѣ (въ переводѣ „бѣшеная рѣка“), Урухѣ и Малкѣ (165 в. длины), которые берутъ свое начало на ледникахъ главнаго хребта, причемъ Малка является самой значительной. Она беретъ свое начало у подошвы Эльбруса двумя источниками, изъ которыхъ правый извѣстенъ по своему замѣчательному водопаду, падающему съ высоты 17 саж.—Кенрекъ. Водопадъ, помимо своего чисто-художественнаго значенія, имѣетъ и историческое: онъ увѣнчанъ площадкой, на которой, на скалѣ, можно еще прочитать надпись: „11-го іюля 1822 г. здѣсь стоялъ лагерь генерала Эммануэля“.

Главный притокъ Терека съ правой стороны — рѣка Сунджа (165 в.). Сунджа беретъ начало изъ горъ Чечни и составляется изъ двухъ источниковъ—Большой и Малой Сунджи. Прорѣзавъ значительной высоты кряжъ горъ, она входитъ въ лѣсистое ущелье и течетъ на сѣверъ между лѣсистыми хребтами, въ крутыхъ каменистыхъ берегахъ; съ правой стороны принимаетъ въ себя много горныхъ рѣчекъ. Отъ ст. Карабулакской она дѣлаетъ поворотъ на востокъ и въ этомъ направленіи сливается съ Терекомъ.

Сунджа, большею частью спертая крутыми берегами,

глинистаго свойства, имѣетъ весьма быстрое теченіе. Вслѣдствіе этого, переправы черезъ нее затруднительны и онѣ устроены только въ извѣстныхъ мѣстахъ. Правый берегъ Сунжди почти весь покрытъ сплошнымъ строевымъ лиственнымъ лѣсомъ; за исключеніемъ пространства впереди города Грознаго, этотъ лѣсъ чеченцы срубаютъ и весною сплавляютъ его для продажи въ Кизляръ.

Съ лѣвой стороны Сунджа, кромѣ нѣсколькихъ незначительныхъ ручьевъ, не принимаетъ въ себя никакихъ рѣкъ, между тѣмъ какъ съ правой въ нее впадаетъ множество рѣкъ и горныхъ потоковъ. Укажемъ только на главнѣйшіе притоки Сунджи, питающіе Большую и Малую Чечню: Асса, Аргунь (149 верстъ длины), Хулхулау; они берутъ начало въ Андійскомъ водораздѣльномъ хребтѣ.

Общее протяженіе р. Сунджи—165 в., а Терека—480 в.; весь-же бассейнъ его занимаетъ площадь въ 450 кв. верстъ.

Въ связи съ естественнымъ орошеніемъ рѣкъ въ Терской области есть и искусственное — посредствомъ каналовъ, изъ которыхъ проводится вода въ поля, сады и огороды. Такая ирригація для поливки садовъ и полей находится на Кумыкской плоскости и въ дельтѣ Терека.

Первымъ по времени является Эристовскій обводнительный каналъ, выведенный изъ лѣваго берега р. Малки, выше ст. Павловской. Длина его 200 верстъ. Второй каналъ, длиною всего въ 17 верстъ,—выведенный также изъ Малки въ безводную рѣку Куру, текущую въ стени между Кумою и Терекомъ. Третій—Щедринскій—отведенъ отъ Терека. Прямое назначеніе этого канала, имѣющаго 39 верстъ длины, отводить во время весенняго половодья воду изъ Терека и тѣмъ самымъ хоть отчасти ослаблять разоренія, причиняемыя имъ.

Въ Чечнѣ есть нѣсколько оросительныхъ канавъ, выведенныхъ изъ Аргуни и др. рѣкъ. Самая значительная канава—Ново-Атагинская — имѣетъ въ длину 40 верстъ, развѣтвляется на четыре рукава и орошаетъ болѣе 15 тысячъ десятинъ земли.

Главное занятіе народонаселенія Терской области—земледѣліе; имъ занимаются болѣе 80%, чѣмъ вполнѣ опредѣляется первенствующее значеніе въ области этой отрасли сельскаго хозяйства. Изъ хлѣбовъ воздѣлываются пшеница, озимая рожь, овесъ, ячмень, кукуруза, просо и проч. Кромѣ этого, въ области сѣютъ ленъ и коноплю, причемъ въ 1897 г. подъ посѣвъ льна было занято 48 тыс. десятинъ, а конопли—2 тыс. дес.

Виноградарство и винодѣліе особенно развиты въ Кизлярскомъ отдѣлѣ, на долю котораго приходится болѣе половины всего производства области. Однако, къ сожалѣнію, приходится констатировать не развитіе дѣла винодѣлія въ Терской области, а его упадокъ. Сборъ винограда понижается ежегодно, а случались годы, когда онъ былъ ниже одной трети нормальнаго.

Садоводство въ общемъ не имѣетъ въ экономіи области существеннаго значенія. Больше всего оно развито по казачьей территоріи — въ Пятигорскомъ отдѣлѣ, а по туземной—во Владикавказскомъ округѣ. Въ окрестностяхъ г. Владикавказа есть болѣе или менѣе правильно поставленные сады, гдѣ попадаются сорта грушъ и яблокъ, обладающіе высокими достоинствами. Населеніе-же станичное занимается культурой фруктовыхъ деревьевъ постольку, поскольку это нужно для домашняго обихода.

Огородничество занимаетъ гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ садоводство, что нужно сказать и о пчеловодствѣ, особенно распространенномъ въ Чечнѣ и Кабардѣ; благодаря обилію дикорастущихъ медоносныхъ растеній, пчеловодство всегда давало обильное количество воска и меда, несмотря на примитивный уходъ за пчелами.

Второе послѣ земледѣлія мѣсто въ Терской области занимаетъ скотоводство, значеніе котораго опредѣляется какъ родомъ службы войскового сословія, требующаго значительнаго числа лошадей, такъ и большимъ пространствомъ пастбищъ въ горахъ, непригодныхъ ни для какой культуры, но производящихъ обильный и хорошій кормъ для скота.

Что-же касается существующихъ въ Терской области видовъ горной и горнозаводской промышленности, то въ настоящее время,—какъ по количеству производства, такъ и по возможности будущаго развитія—первое мѣсто занимаетъ нефть, за которою слѣдуютъ: серебро, свинцовыя руды, соль и т. д. Фабрично-заводская промышленность въ области стоитъ на очень невысокомъ уровнѣ развитія.

Переходя далѣе къ обозрѣнію народнаго образованія надо сказать, что имѣющіяся мѣстныя среднія и низшія учебныя заведенія, какъ правительственныя, такъ и частныя, нельзя сказать, чтобы вполнѣ удовлетворяли потребностямъ мѣстнаго областного населенія. Учебныя заведенія Терской области содержатся частью на средства

правительства, частью на средства войскового капитала и, наконецъ, на средства городскихъ, станичныхъ и сельскихъ обществъ, духовенства и проч. Несмотря на все это, почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ чувствуется недостатокъ мѣстъ, и послѣдній особенно ощущается по отношенію къ туземному населенію, которое до сихъ поръ находится на очень низкой ступени развитія, а потому тѣмъ болѣе нуждается въ поддержкѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію главнѣйшихъ городовъ Терской области и народностей, населяющихъ ее, укажемъ, что съ исторіей ея читатель уже знакомъ изъ первыхъ очерковъ настоящаго изданія. Здѣсь-же укажемъ, что особенно многимъ Терская область обязана знаменитому А. П. Ермолову, а затѣмъ скажемъ, что, постепенно расширяясь и увеличиваясь, какъ приростомъ мѣстнаго населенія, такъ и пришлымъ элементомъ, Терская область въ 1806 г., по иниціативѣ князя Барятинскаго, была отдѣлена отъ Кубанской, причемъ начальникъ области былъ въ то-же самое время и командующимъ войсками. Въ 1870 г. въ Терской области были введены общія губернскія учрежденія, а въ 1888 г. — новое положеніе, которое дѣйствуетъ въ Терской области и понынѣ.

Главный городъ области, Владикавказъ (у осетинъ— Капкай, т. е., „горныя ворота“, у черкесовъ — Терекъ-Кола, „городъ на Терекѣ“), расположенъ у подошвы Черныхъ горъ, на обоихъ берегахъ р. Терека.

Исторія этого города слѣдующая. Въ 1784 г., дабы соединить Кавказскую линію съ Грузіей, около ингушескаго урочища Зауръ, на мѣстѣ небольшого осетинскаго аула Капкай, при входѣ въ ущелье Кавказскихъ горъ была построена крѣпость Владикавказъ. Въ 1788 г. отряды войскъ, расположенные въ укрѣпленіяхъ, устроенныхъ для безопаснаго сообщенія съ Грузіей, тѣснимые кабардинцами, были выведены, но по истеченіи 7 лѣтъ Владикавказское укрѣпленіе вновь было возстановлено, и въ него возвратились изъ горъ мирные осетины, пользовавшіеся ранѣе предмѣстьемъ, которое нынѣ составляетъ часть города. Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія солдатамъ, окончившимъ службу, и ихъ семействамъ были отведены надѣлы, и Владикавказъ сталъ увеличиваться народонаселеніемъ, въ особенности съ приходомъ переселенцевъ изъ Россіи, такъ что явилась возможность въ 1860 г. переименовать Владикавказское укрѣпленіе въ городъ, а въ 1863 г. сдѣлать его областнымъ.

Главная и лучшая часть города расположена на высокомъ правомъ берегу Терека, соединенномъ чугуннымъ мостомъ съ другой частью города, называемой Тенгинской слободой; послѣдняя половина города, главнымъ образомъ, промышленная. Общее населеніе города доходитъ до 32¹/₂ тыс. и состоитъ изъ смѣси разныхъ народностей — русскихъ, осетинъ, чеченцевъ, ингушей, евреевъ, армянъ, казаковъ; немало и переселенцевъ изъ Россіи.

Изъ достопримѣчательностей Владикавказа укажемъ на памятникъ штабсъ-капитану Лико и рядовому тенгинскаго полка Архипу Осипову, защитникамъ бывшаго черноморскаго Михайловскаго укрѣпленія (1840 г.).

Въ городѣ находятся одна классическая гимназія, реальное училище, Ольгинская женская гимназія и 18 низшихъ учебныхъ заведеній, каменный театръ, два клуба и два сада, причемъ одинъ, расположенный на берегу Терека, очень красивъ и содержится въ образцовой чистотѣ. Тамъ устроены искусственные пруды съ островками, вокругъ которыхъ идутъ дорожки, содержащіяся очень опрятно. Зимою тутъ устраивается катокъ, а лѣтомъ садъ служитъ мѣстомъ гулянья; въ особенности большое стеченіе публики бываетъ въ такъ называемые семейные вечера.

Изъ другихъ городовъ Терской области слѣдуетъ упомянуть Пятигорскъ, (о немъ мы уже говорили на стр. 522—525), Георгіевскъ, Моздокъ, Грозный и Кизляръ.

Георгіевскъ, построенный въ теченіе 1777 года, вначалѣ былъ крѣпостью. Историческое значеніе этого города заключается въ томъ, что въ 1783 г. въ Георгіевскѣ былъ подписанъ русскими и грузинскими уполномоченными трактатъ съ царемъ карталинскимъ и кахетинскимъ Ираклiемъ о передачѣ его и грузинскаго народа подъ верховную власть и покровительство Россіи. Въ 1871 г. гор. Георгіевскъ былъ причисленъ къ Терской области и сдѣлался окружнымъ городомъ.

Моздокъ по-кабардински значитъ „дремучій лѣсъ“ („моз“—лѣсъ, „докъ“—густой, дремучій), потому что въ то время вся мѣстность нынѣшняго Моздока была покрыта непроходимыми лѣсами. Основанъ Моздокъ владѣльцемъ Малой Кабарды Курчоко Кончокинь, который въ 1762 г., приняв въ, С.-Петербургѣ, вмѣстѣ со своимъ семействомъ, св. крещеніе подъ именемъ Андрея Иванова и получивъ чинъ подполковника, вызвался съ частью своихъ подвластныхъ положить начало новому русскому поселенію

въ урочищѣ Моздокъ. Выбранное мѣсто и въ стратегическомъ отношеніи было очень удобно, такъ что въ 1776 г. Моздокъ вошелъ въ составъ Кавказской оборонительной линіи, а въ 1784 г. сдѣлался уѣзднымъ городомъ.

Грозный, расположенный на обоихъ берегахъ рѣки Сунджи, былъ построенъ генераломъ Ермоловымъ при проложеніи Сунженской линіи, въ 1818 г. Въ исторіи Кавказской войны онъ игралъ важную роль, какъ мѣстопребываніе начальника лѣваго фланга и сборный пунктъ отрядовъ, направлявшихся въ Чечню. Въ 1870 г. онъ былъ переименованъ въ городъ Грозный, а въ слѣдующемъ году, при введеніи въ области гражданскаго управленія, сталъ окружнымъ городомъ.

Наконецъ, Кизляръ, центръ винодѣлія Терской области, расположенный на лѣвомъ берегу Стараго Терека, въ 60 верстахъ отъ впаденія его въ море, былъ основанъ въ 1735 г. генералъ-аншефомъ В. Я. Левашевымъ, взамѣнъ упраздненной крѣпости Св. Креста. По-татарски Кизляръ означаетъ „потонувшая дѣва“ („киз“—дѣва, „ляр“—потонувшая). Сюда были переведены казаки изъ оставленной крѣпости, равно какъ грузины, армяне, мирные кабардинцы и тезики — персидскіе купцы. Городъ росъ очень быстро и велъ оживленную торговлю, такъ что въ 1755 г. въ Кизлярѣ была учреждена пограничная таможня. Карабахскіе мелики съ подвластными имъ армянами, въ количествѣ 11 тысячъ семействъ, приняли подданство Россіи и переселились изъ Карабаха въ Кизляръ и его окрестности. Въ 1867 г. Кизляръ былъ приписанъ къ Терской области.

Населеніе Терской области, по переписи 1897 года, состояло изъ 933.485 душъ обоего пола, причемъ преобладающимъ элементомъ въ краѣ являлись кавказскіе горцы, которыхъ насчитывали 487 тыс., затѣмъ русскіе — 303 тыс. и т. д.

Кавказскіе горцы раздѣляются на много народностей, между которыми первое мѣсто занимаютъ чеченцы (208 тыс.), затѣмъ осетины (96 тыс.), кабардинцы (79 тыс.), ингуши (46 тыс.) и кумыки (36 тыс.)

Насколько разнообразенъ племенной составъ народонаселенія Терской области, настолько-же и разнообразны его вѣроисповѣданія. Численное преобладаніе кавказскихъ горцевъ обусловливаетъ и численное преобладаніе ислама, хотя и не въ весьма большой пропорціи, уже потому, что часть горцевъ, какъ, напр., большинство осетинъ, испо-

вѣдуютъ православіе. Среди христіанскихъ вѣроисповѣданій первое мѣсто занимаетъ православное, но и раскольниковъ, равно какъ и послѣдователей другихъ христіанскихъ исповѣданій — армяно-григоріанскаго, римско-католическаго и протестантскаго — довольно значительно. Въ глухихъ песчаныхъ степяхъ Каспійскаго моря, среди калмыковъ и карапогайцевъ и по настоящее время попадаются еще язычники. Изъ статистическихъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ Терскомъ календарѣ за 1896 годъ, видно, что число всѣхъ христіанъ въ 1894 году составляло 46,9 проц. всего народонаселенія области, а остальное приходилось на послѣдователей другихъ исповѣданій.

Переходя къ описанію народностей Терской области, надо остановиться, главнымъ образомъ, на кавказскихъ горскихъ племенахъ, которыя, по послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, составляютъ 56,8 проц. общаго населенія, за ними идутъ русскіе — 34,1 проц., кочевники — 4,4 проц., армяне — 1,5 проц., нѣмцы — 0,8 проц., евреи — 0,6 проц., разныя татарскія племена — 0,6 проц., грузины — 0,4 проц., поляки — 0,2 проц. и остальныя національности — 0,4 проц. Иностранные подданные, по совокупности всѣхъ національностей, составляютъ 0,2 проц. всего населенія.

Изъ кавказскихъ горскихъ племенъ первое мѣсто занимаютъ чеченцы, которыхъ насчитываютъ, по послѣдней всеобщей переписи, 208 тысячъ, почему мы и остановимся поподробнѣе на нихъ.

Берже подъ именемъ Чечни разумѣетъ земли, лежащія между Терекомъ, Сунджей и Малою Кабардою, и засунженское пространство, раздѣляемое р. Гойтой на двѣ части: лежащая по лѣвую сторону ея границы называется Малой Чечней, а по правую — Большой Чечней. Мѣста, заселенныя чеченцами, составляютъ совершенную, за немногимъ исключеніемъ, равнину, прорѣзанную множествомъ рѣкъ, текущихъ почти параллельно и вытекающихъ изъ второстепенныхъ горъ. Чеченцы дѣлятся на много племенъ, изъ которыхъ укажемъ на главнѣйшія: назрановцы, карабулаки, галашевцы, джерахи, кисты, галгаевцы, качкалыки, мичиковцы, ауховцы, брагуны и т. д.

Наружность чеченца вообще очень благообразна: онъ стройно сложенъ, пріемы его отличаются живостью и проворствомъ. Одѣвается онъ въ чекмень, обыкновенно желтаго или сѣраго сукна, собственнаго издѣлія, бешметъ, который бываетъ разнаго цвѣта и, наконецъ, чирики —

родъ башмаковъ безъ подошвъ. Нарядный костюмъ обшивается узкимъ галуномъ, который горцы дѣлаютъ сами довольно прочно и красиво. Женскій костюмъ почти ничѣмъ не отличается отъ костюма татарки: голову чеченки также повязываютъ длинными платками, но покрывалъ (чадръ) не носятъ и не прячутся отъ мужчинъ.

Несмотря на то, что чеченцы вышли изъ первобытнаго состоянія и ведутъ осѣдлую жизнь, нравы ихъ все еще находятся на степени полудикости. Жестокость, корыстолюбіе,—пишетъ Берже,—недовѣрчивость и мщеніе составляютъ преобладающій элементъ въ характерѣ чеченца; но, со всѣмъ тѣмъ, онъ не чуждъ и добрыхъ качествъ: такъ: онъ всегда чтитъ права гостепріимства. Если странникъ, даже незнакомецъ, проѣздомъ остановится у чеченца на ночлегъ, то хозяинъ не преминетъ въ честь гостя зарѣзать одного или нѣсколько барановъ. Чеченецъ обязанъ проводить гостя до безопаснаго мѣста и передать другому чеченцу, и вообще заботиться о личной безопасности и неприкосновенности своего гостя. Вообще обычаи чеченцевъ мало розняться отъ обычаевъ другихъ горскихъ племенъ.

Чеченцы вообще склонны къ праздности, женщины-же, напротивъ, трудолюбивы: на нихъ лежатъ всѣ хозяйственныя заботы. Онѣ-же ткутъ сукно для домашняго обихода, дѣлаютъ ковры, войлоки, бурки, на мужчинъ шьютъ платья и обувь.

Положеніе женщины тутъ гораздо лучше, чѣмъ у другихъ горскихъ племенъ. Правда, она подчинена мужу, какъ своему законному и полновластному господину, обязана на него работать и раболѣпно его уважать — не имѣетъ права сѣсть при мужѣ и ѣсть вмѣстѣ съ нимъ, — но все-таки, несмотря на такое рабство, она пользуется нѣкоторыми правами, будучи ограждена обычаемъ отъ чрезмѣрнаго самовластія мужа. Жена во всякое время можетъ развестись съ мужемъ и по своей волѣ, но въ такомъ случаѣ должна удалиться изъ его дома, оставивъ мужу свой калымъ и все находящееся у нея имущество.

Надъ дѣтьми мать не имѣетъ никакой власти и едва пользуется тѣмъ уваженіемъ, которое сама природа вложила въ человѣка къ виновницѣ его существованія. Отецъ-же полновластенъ надъ сыномъ до тѣхъ поръ, пока тотъ малолѣтенъ. Но, лишь онъ достигъ того возраста, въ которомъ онъ въ состояніи владѣть оружіемъ, власть родительская теряется и отношенія между отцомъ и сыномъ

опредѣляются правомъ сильнаго. На домашнее имущество отецъ и сынъ имѣютъ одинаковыя права, и послѣдній во всякое время можетъ заставить раздѣлить. Насколько сынъ пользуется свободой, настолько дочь подчинена отцу, пока она не выдана замужъ.

Женитьбѣ, какъ и у всѣхъ горскихъ народовъ, предшествуетъ уплата калыма, такъ что иногда между сговоромъ и женитьбой проходитъ нѣсколько лѣтъ, потому что жениху не въ состояніи бываетъ заплатить дань, которую, по выходѣ замужъ, отецъ обязанъ передать сполна дочери. Чтобы избѣжать уплаты калыма, практикуется похищеніе невѣсты. Молодой человѣкъ, сговорившись съ нѣсколькими своими пріятелями похитить его наречепную, въ извѣстный день похищаетъ ее и уводитъ въ домъ жениха, гдѣ ихъ запираютъ вдвоемъ. Невѣста обязана передъ товарищами жениха сказать, желаетъ-ли оставаться или вернуться домой. По большей части она выбираетъ первое, и становится законной женой похитителя.

О родоначальникѣ чеченцевъ сохранилось нѣсколько преданій, изъ которыхъ одно гласитъ, что когда-то встарину молодой одноглазый арабъ пришелъ изъ Аравіи въ Константинополь, откуда онъ, боясь преслѣдованія за несчастный случай, въ которомъ онъ нанесъ сыну одного знатнаго вельможи смертельный ударъ, бѣжалъ и на купеческомъ суднѣ прибылъ на Кавказъ. Здѣсь, странствуя изъ одного мѣста въ другое, онъ, наконецъ, зашелъ въ нынѣшнія Чеченскія горы, гдѣ въ то время жили три одноплеменныя фамиліи изъ рода Галгай, Аки и Шаты. Галгаевцы радушно приняли Али (такъ звали пришельца), который былъ восхищенъ простотой и независимостью жителей и дикими красотами здѣшней природы. Ловкость, смѣлость и блестящее краснорѣчіе Али, столь свойственное арабамъ, очаровали, въ свою очередь, жителей. Али навсегда поселился у галгаевцевъ и, женившись, вскорѣ прижилъ сына, которому дано было имя Нахчи. По смерти Али, Нахчи сдѣлался предпріимчивымъ и отважнымъ галгаевцемъ. Преданіе говоритъ, что онъ увезъ какую-то калмыцкую ханшу съ ея прислужницей въ то время, когда она купалась на минеральныхъ водахъ въ Пятигорскѣ. Нахчи женился на ханшѣ и ея прислужницѣ. Послѣ этого брака у него родились три сына отъ ханши и два отъ прислужницы. По смерти Нахчи, сыновья его женились и раздѣлились. И такъ умножались потомки Нахчи, удержавъ за собою родовое имя Нахчуцо и Нахчой.

Другой разсказъ говоритъ, что у одного хана, имя котораго неизвѣстно, остались три сына. Младшій изъ нихъ — Нахчуцо, по прозванію Турпалъ (богатырь)—недовольный раздѣломъ, собравъ себѣ дружину и будучи не въ состояніи овладѣть съ помощью оружія землями братьевъ, ушелъ искать счастья на чужой сторонѣ. Наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ, онъ попалъ въ Кабарду и захватилъ тутъ земли. Сосѣдніе кабардинскіе князья, не будучи въ состояніи силою вытѣснить Турпала, рѣшили прибѣгнуть къ коварству, для чего притворились кающимися въ своихъ враждебныхъ помыслахъ и предложили ему жениться на ихъ сестрѣ. Турпалъ согласился, но предполагаемая невѣста раздѣляла помыслы братьевъ. Войдя въ домъ Турпала, она скоро воспользовалась случаемъ застать его спящимъ и опутала ему ноги и руки шелковыми нитками. Братья тотчасъ-же, въ сопровожденіи своихъ людей, явились въ домъ Турпала и объявили его своимъ невольникомъ. Связанный богатырь, не будучи въ состояніи ничего сдѣлать, покорился участи и князья приговорили его къ сожженію на кострѣ — единственному роду казни, существовавшему въ то время у различныхъ племенъ Кавказа. Но вдругъ любовное чувство заговорило въ груди молодой жены Турпала, когда богатырь, связанный по рукамъ и ногамъ, лежалъ на приготовленномъ для него кострѣ и уже готовились зажечь его, и она спасла Турпалу жизнь словами, которыя произвели поразительное впечатлѣніе на ея братьевъ: „Я уже ощущаю, — говорила она, — въ своемъ чревѣ плодъ отъ общенія съ Турпаломъ; если у меня родится сынъ, то, по обычаю нашей страны, когда онъ подрастетъ, долженъ будетъ мстить за смерть своего отца роднымъ дядямъ, а если ихъ уже не будетъ на свѣтѣ, то ихъ поколѣнію; чтобы этого не случилось, не благоразумнѣе-ли даровать жизнь Турпалу“. Такимъ образомъ, онъ былъ спасенъ. Когда у него родился сынъ, то кабардинскіе князья, явившись привѣтствовать новорожденнаго, уговорили Турпала покинуть ихъ владѣнія и удалиться въ страну по ту сторону Терека. Турпалъ согласился, и его съ большимъ почетомъ проводили до Сунджи, гдѣ онъ остался навсегда, и современемъ племя его распространилось.

Слово чеченцы—позднѣйшее. Говорятъ, что русскіе,— передаетъ А. П. Берже, — живя встарину по Тереку и находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ монголами, знали языкъ ихъ, говорили на немъ и вообще привыкли къ его

звукамъ. Но когда вслѣдствіе движенія изъ Нашихэ, прибыло на плоскость племя, говорившее особеннымъ нарѣчіемъ, то русскіе, слыша горловые и шипящіе звуки, дали этому племени названіе чечетка, намекая на то, что пришельцы говорили какъ-бы по-птичьи. Они чечепятъ, (щебечатъ), говорили про нихъ русскіе — отсюда названіе „чеченецъ“ и съ ними вскорѣ свыклось и то самое племя, которое получило это прозвище.

Достовѣрно,—говоритъ А. П. Берже, въ своемъ очеркѣ „Чечня и чеченцы“,—что слово „чеченцы“ произошло отъ аула Большой Чечень, находившагося на берегу Аргуни у подошвы Сюйры Корта Чачаши, одной изъ двухъ горъ, возвышающихся на плоскости Большой Чечни и образующихъ между Грознымъ и станицей Воздвиженской такъ называемое Ханкальское ущелье.

Изъ горскихъ народовъ Терской области слѣдуетъ еще упомянуть о кабардинцахъ, которые составляютъ отрасль черкесскаго племени.

Кабарда всегда была и есть понынѣ для горцевъ школа хорошаго тона и манеръ. Всѣ горцы сѣвернаго Кавказа заимствуютъ у кабардинцевъ форму одежды, вооруженіе и пр. Объ обычаяхъ и нравахъ Кабарды мы не будемъ говорить, потому что они тождественны съ обычаями и нравами другихъ горскихъ племенъ. Можно только сказать, что кабардинцы—единственное черкесское (адыге) племя, не задѣтое выселеніемъ. Какъ извѣстно, большая часть черкесовъ, о которыхъ мы говорили выше, по окончаніи кавказскихъ войнъ переселилась въ Турцію.

Что касается гражданскаго устройства кабардинцевъ, то оно, какъ и у всѣхъ вообще западныхъ горцевъ, было чисто аристократическое. У нихъ были князья (пши); ихъ было 4 главныхъ фамиліи: Кайтукины, Бекъ-Мурзины, Мисостовы и Атажукины,—дворяне (вуорки, или уздени), крестьяне и рабы. Отношенія между сословіями были феодальныя. Уваженіе къ князьямъ въ народѣ было такъ велико, что покусившійся на жизнь князя въ прежнее время истреблялся со всѣмъ семействомъ. О податяхъ не имѣлось никакого понятія; каждый владѣлецъ жилъ тѣмъ, что для него сдѣлаютъ крестьяне. Тѣлесное наказаніе, какъ и у всѣхъ горцевъ, никогда не было извѣстно. Рабы считались чѣмъ-то вродѣ несовершеннолѣтнихъ членовъ семейства и держали себя независимо отъ своего господина, хотя тотъ и имѣлъ надъ ними право жизни и смерти. Рабъ исполнялъ безпрекословно то, что слѣдо-

вало, но для заявленія своей нравственной независимости при разговорѣ съ господиномъ держался нѣсколько грубаго тона, хотя готовъ былъ въ то-же время стоять за него горой и не дозволилъ-бы никому сдѣлать на его счетъ ни малѣйшаго заочнаго оскорбительнаго намека. Господинъ тоже остерегался требовать отъ раба чего-нибудь лишняго. Глубокое чувство справедливости, прирожденное горцу, поддерживало эти нѣсколько непонятныя для насъ отношенія.

Величественная и грозная природа Кавказа и ея необъяснимыя для необразованнаго ума явленія сдѣлали горцевъ чрезвычайно суевѣрными. Почти каждая рѣчка и каждое ущелье имѣютъ у нихъ своихъ духовъ и богинь. Пылкое воображеніе населило горы безчисленнымъ множествомъ сверхъестественныхъ и таинственныхъ обитателей и создало множество поэтическихъ легендъ.

Разскажемъ одну изъ нихъ.

„На снѣговой вершинѣ Эльбруса есть громадный шарообразный камень, на которомъ сидитъ старикъ съ длинною до ногъ бородой; все тѣло его обрасло сѣдыми волосами; длинные ногти на рукахъ и на ногахъ похожи на орлиные когти; красивые глаза горятъ, какъ раскаленные угли. На шеѣ, посрединѣ тѣла, на рукахъ и на ногахъ у него тяжелая цѣпь, которою онъ прикованъ къ камню съ незапамятныхъ временъ. Онъ былъ прежде близокъ къ великому Тха (Богу), но задумалъ свергнуть его и былъ за то прикованъ къ скалѣ на вѣчныя времена. Не многимъ удавалось видѣть прикованнаго старика, а тотъ, кто хотѣлъ добраться до него во второй разъ, погибалъ. Иногда онъ пробуждается отъ оцѣпенѣнія, въ которомъ обыкновенно находится, и спрашиваетъ своихъ стражей: „все-ли еще растетъ на землѣ камышъ и родятся ягнята?“. — „Растетъ камышъ и родятся ягнята“, — отвѣчаютъ ему стражи. Великанъ, зная, что онъ осужденъ томиться до тѣхъ поръ, пока будутъ расти камышъ и родиться ягнята, съ отчаяніемъ рветъ на себѣ оковы. Тогда земля дрожитъ отъ его движеній; звукъ цѣпей родитъ громъ и молнію, тяжелое дыханіе — порывы урагана, стопы — подземный гулъ, а слезы его — та бурная рѣка, которая съ неистовствомъ вырывается изъ подножія снѣжнаго Эльбруса“. Очевидно, что это — измѣненный миѳъ о Прометеѣ, прикованномъ къ скалѣ Кавказа.

По кабардинскому преданію, на томъ-же Эльбрусѣ обитаетъ Джинъ-падишахъ, властитель духовъ и царь

птицъ, которому извѣстно все будущее. Онъ также провинился передъ Тха и знаетъ, что Тотъ, въ наказанье ему, пошлетъ изъ полуночныхъ странъ великановъ, которые покорятъ его мрачное заоблачное царство. И вотъ въ мучительной тревогѣ сѣдовласый старецъ поднимается съ своего ледяного трона и зоветъ со всѣхъ высей и изъ всѣхъ пропастей Кавказа полчища духовъ противъ ожидаемыхъ великановъ — русскихъ. Когда онъ летаетъ, то отъ ударовъ его крыльевъ трясется земля, поднимается буря, бушуетъ море; иногда отъ трона царя, со снѣжной вершины, несутся плачъ и стоны, — тогда умолкаютъ птицы, вянутъ цвѣты, подымаются потоки, горы одѣваются туманомъ, трясутся и стонутъ скалы, гремитъ громъ и все покрывается мракомъ. Порою-же несутся гармоническіе звуки и пѣніе блаженныхъ духовъ, витающихъ надъ тропомъ грознаго владыки горъ и желающихъ пробудить въ немъ покорность великому Тха. Въ это время исчезаютъ облака съ лазурнаго неба; снѣговыя вершины сверкаютъ, какъ алмазы; ручьи тихо журчатъ; цвѣты благоухаютъ и повсюду водворяются миръ и тишина. Но грозный старикъ не внимаетъ зову небесъ, угрюмо глядитъ на будущее и ждетъ изъ преисподней помощи противъ великановъ — русскихъ.

Передъ каждымъ Новымъ годомъ многіе изъ кабардинцевъ считаютъ своею обязанностью идти на поклоненіе къ Джинъ-падишаху; исполнившаго этотъ обрядъ не беретъ ни пуля, ни шашка до слѣдующаго Новаго года и ему удаются всѣ предпріятія. Но такъ какъ до Эльбруса добраться трудно, то обыкновенно ходятъ къ урочищу Татаръ-Тупа, на западномъ берегу Терека.

Между другими сказаніями о снѣговой стѣнѣ Кавказа особенно важно одно, имѣющее политическое значеніе. Въ одномъ мѣстѣ Корана Магометъ говоритъ: „По ту сторону Кавказскихъ горъ живутъ Гогъ и Моггокъ. Наступитъ время — они перейдутъ черезъ эту стѣну и уничтожатъ царство правовѣрныхъ“.

Для мусульманъ Кавказа это предсказаніе уже исполнилось.

Смежная съ Терской областью на югѣ и востокѣ Ставропольская губернія занимаетъ площадь въ 53.246 кв. верстъ при населеніи, по даннымъ 1898 года,— 912.639, изъ которыхъ 51.324 приходится на городскихъ жителей. На западѣ губернія граничитъ съ Кубанскою областью, на сѣверѣ съ землею Войска Донского и Астра-

хаиской губерніею. По своему свойству она представляетъ обширную равнину съ очень незначительной впадиной, по которой протекаетъ Манычъ, и, по мѣрѣ приближенія къ Каспійскому морю, переходитъ въ такъ называемыя Карагайскія степи, которыя очень недавно отдѣлены отъ губерніи и присоединены къ Терской области.

Изъ рѣчекъ, орошающихъ Ставропольскую губернію, первое мѣсто занимаетъ Кума, получающая свое начало въ горахъ Терской области и принимающая въ себя Карамыкъ, Тумузловку, Буйвалу и нѣсколько болѣе мелкихъ рѣчекъ. Наибольшее значеніе изъ этихъ притоковъ имѣютъ Буйвала и Тумузловка, протекающія по очень бѣдной водой степи и селеніямъ. Слѣдующая за Кумой по величинѣ рѣка — Большой Егорлыкъ, въ который впадаютъ рѣки Гокъ, Большая и Малая Кугульты, затѣмъ Калаусъ и Манычъ, орошающія сѣверную границу.

Всѣ названныя рѣки и ихъ притоки, протекая черезъ глинистую, содержащую много солей, почву, дѣлаются совершенно негодными для питья, такъ что приходится пользоваться почти исключительно колодезной водой.

Климатъ, вслѣдствіе большой сухости воздуха, имѣетъ характеръ вполнѣ континентальный, со всѣми его недостатками — жаркимъ лѣтомъ, суровой зимой и рѣзкими суточными колебаніями температуры. Вѣтры, въ особенности восточные, сухіе и пыльные, дуютъ здѣсь очень часто, достигая нерѣдко силы настоящей бури, а въ лѣтнее время порождаютъ многія глазныя заболѣванія. Вредъ, наносимый вѣтрами, громадный: зимою онъ понижаетъ температуру, въ маѣ и іюнѣ пыльный, горячій восточный вѣтеръ иногда въ 3-4 дня губитъ траву и хлѣба, а въ апрѣлѣ — цвѣты плодовыхъ деревьевъ; въ іюлѣ и августѣ, дуя иногда въ теченіе цѣлыхъ недѣль, вѣтры такъ переполняютъ воздухъ мелкой пылью, что онъ становится непрозрачнымъ, туманнымъ, осенью-же выдуваютъ изъ земли сѣмена озимыхъ хлѣбовъ, причиняя тѣмъ неурожай. Совершенно иной характеръ носятъ западные и юго-зап. вѣтры, которые умѣряютъ зимній холодъ и приносятъ влагу, выдѣляющуюся изъ воздуха въ видѣ дождя и снѣга, одинаково необходимыхъ для сухой Ставропольской губерніи. По фаунѣ и флорѣ Ставропольская губернія рѣзко отличается отъ другихъ мѣстностей Кавказа, напоминая собою пустынныя и сухія степи Азіи.

Ставропольская губернія дѣлится на 4 уѣзда: Ставропольскій, Александровскій, Новогригорьевскій и Медвѣ-

женскій, причемъ послѣдній уѣздъ считается наиболѣе густо заселеннымъ. Преобладающій процентъ племеннаго населенія приходится на русскихъ, которыхъ 90 проц., затѣмъ слѣдуютъ калмыки — 4,7 проц., ногайцы 3,7, остальное — армяне, грузины, нѣмцы, греки, эстонцы, евреи, поляки и пр. По вѣроисповѣданію, вслѣдъ за православными (89,27) идутъ магометане, буддисты, раскольники, лютеране и т. п.

Населеніе губерніи занимается, главнымъ образомъ, земледѣліемъ и скотоводствомъ, высѣвая преимущественно озимую и яровую пшеницу, рожь, овесъ, ячмень, просо, ленъ и въ ничтожныхъ размѣрахъ конопляю, арбузы, гречиху и картофель.

Видную роль въ хозяйствѣ губерніи играетъ виноградарство и винодѣліе. Оно сосредоточено въ юго-восточной части губ. по р. Кумѣ. Общая площадь, занятая подъ виноградники, по даннымъ 1896 г., равнялась 3.404 дес., при сборѣ винограда въ 434.600 пуд. Несмотря на то, что почва благопріятствуетъ культурѣ винограда, винодѣліе находится въ примитивномъ состояніи и вино низкаго качества потребляется, главнымъ образомъ, мѣстнымъ населеніемъ.

Что-же касается фабрично-заводской промышленности и промысловъ кустарно-ремесленнаго характера, то они развиты очень слабо. Главная отпускная торговля губерніи заключается въ вывозѣ пшеницы, которая направляется, главнымъ образомъ, къ Новороссійскъ и Ростову-на-Дону. По даннымъ 1898 года, было отправлено 948.811 четвертей разныхъ хлѣбовъ и льна.

Переходя къ описанію городовъ, напомнимъ исторію губерніи.

Въ 1775 году Потемкинымъ была проэктирована постройка ряда укрѣпленій отъ Терека до Дона, такъ называемая Моздокско-Азовская линія, и къ 1777 году было сооружено 10 крѣпостей, въ томъ числѣ и Ставропольская, нынѣ губернскій городъ. Въ 1785 году была устроена Кавказская губернія, въ число уѣздовъ которой вошла и Ставропольская, причемъ губернскимъ городомъ былъ назначенъ Екатеринодаръ. Съ упраздненіемъ въ 1790 г. Кавказской губерніи, всѣ присутственныя мѣста были переведены въ Астрахань и въ такомъ неопредѣленномъ положеніи эта мѣстность находилась до 1805 г., когда она была возстановлена вновь, но съ преобразованіемъ Кав-

казской губерніи въ область, причемъ областнымъ городомъ былъ сдѣланъ Ставрополь. Такое наименованіе она носила до 1847 г., когда вновь переименована въ Ставропольскую губернію, а округи ея стали называться уѣздами Съ 1898 г. губернія въ административномъ отношеніи отдѣлена отъ Кавказа. Губернскій городъ — Ставрополь, расположенъ на верховьяхъ р. Ташлы и окруженъ лѣсами, которые, можно сказать, только и сосредоточены въ этихъ мѣстахъ, и имѣетъ жителей до 50 тысячъ (44.679), причемъ главный контингентъ населенія составляютъ русскіе. Въ городѣ имѣется 55 учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ мужская гимназія съ реальнымъ отдѣленіемъ, 2 женскія гимназіи, городское шестиклассное училище, ремесленное училище, семинарія, женское епархіальное училище и т. д.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ставрополь соединили съ общей сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Дорога, идущая въ него, начинается со станціи Кавказской, Владикавказской желѣзной дороги. Общее протяженіе вѣтки — 143 версты. Слѣдующая за Кавказской большая контрольная станція— богатое торговое село Армавиръ, населенное почти исключительно армянами, далѣе Невинномыская, съ которой открывается чудный видъ на Пятигорскую долину. Она представляется зеленымъ моремъ, среди котораго, какъ острова, возвышаются: Желѣзная, Бештау, Машукъ, Змѣиная и другія горы, а далѣе на горизонтѣ громадная, слегка раздвоенная сверху, бѣлоснѣжная голова Эльбруса.

Еще немного, и, наконецъ, станція Минеральныя воды, гдѣ слѣзаютъ всѣ ѣдущіе на группы, описанію которыхъ мы уже посвятили вторую главу настоящаго очерка, а теперь, покончивъ съ Терской областью и Ставропольской губерніею, перейдемъ къ обзору Каспійскаго побережья.

VI. Каспійское побережье.

1. Сѣдой Каспій.

На западномъ берегу Каспійскаго моря, въ предѣлахъ русскихъ владѣній, расположены Бакинская губернія, Дагестанская область и часть Терской области.

Бакинская губ., занимающая площадь въ 34.353 кв. верстъ при населеніи въ 708.085 душъ обоего пола, состоитъ изъ шести уѣздовъ: Бакинскаго, Кубинскаго, Ленкоранскаго, Шемахинскаго, Геокчайскаго и Джеватскаго. Пор-

вые образовались изъ бывшихъ ханствъ: Бакинскаго, уничтоженнаго въ 1806 г. за измѣну хана, Кубинскаго, присоединеннаго къ Россіи въ 1806 г.) Ленкоранскаго, или Талыша, пріобрѣтеннаго въ 1813 г., по Гюлистанскому трактату, и Шемахинскаго, или Ширванскаго, отдавшагося добровольно въ подданство Россіи въ 1805 г.

Бакинская губ. одна изъ самыхъ богатыхъ въ краѣ, за исключеніемъ Бакинскаго уѣзда, отличающагося безводнымъ характеромъ мѣстности; земледѣліе составляетъ главный источникъ благосостоянія края. Количество всего хлѣба, оказывающагося въ избыткѣ, въ губ. 7 мил. пуд.

Въ губерніи находятся слѣдующіе города: главный городъ Баку, затѣмъ Куба, Ленкорань, Шемаха.

Смежная съ Бакинской губ. Дагестанская область, какъ страна по преимуществу горная, весьма бѣдна равнинами, которыя встрѣчаются только вдоль побережья Каспійскаго моря. Города, находящіеся въ области, слѣдующіе: Темиръ-Ханъ-Шура, Дербентъ, Петровскъ, слобода Ишкарты слобода Чиръ-Юртъ и Гунибское укрѣпленіе.

Съ Дагестанской областью по побережью граничитъ Терская область, въ предѣлахъ которой находится 6.404.085 дес. земли, съ населеніемъ 2.836.393 душ. обоего пола, и слѣдующіе города: главный городъ Владикавказъ, затѣмъ Грозный, Пятигорскъ, Моздокъ, Кизляръ, Георгіевскъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ описанію Бакинской губ. и Дагестанской области, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Каспійскомъ морѣ.

Каспійское море, наибольшее изъ озеръ земного шара, расположено въ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ впадинъ земной поверхности, называемой Араль-Каспійскою низменностью. Названіе Каспійскаго моря встрѣчается уже у Геродота, но въ позднѣйшія эпохи встрѣчаемъ и другія названія—Гирканское, Хозарское и Хвалынское; у турокъ оно извѣстно подъ именемъ Куцгунъ-Денизи, у татаръ—Акъ-Денизъ, у персовъ—Дорца и Шизиръ и у туркменъ—Кюккюзъ.

Поверхность моря равняется 463.244 кв. км., причемъ самая узкая его часть—на параллели Апшеронскаго полуострова. Въ гидрографическомъ отношеніи Каспійское море становится болѣе извѣстнымъ съ временъ Петра Великаго, когда, по повелѣнію императора, впервые была составлена русскими гидрографами карта моря. Впослѣдствіи гидро-

графическія работы возобновлялись неоднократно, и работы к.-адм. Ивашинцева по своимъ размѣрамъ въ особенности обширны.

Въ море впадаютъ слѣдующія рѣки: Уралъ, Эмба, Атрекъ, Сефидрудъ и Кура—съ азіатской стороны, и Терекъ, Кума и Волга—съ европейской.

Изъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ укажемъ на добываніе рыбы и тюленей. Въ цѣломъ свѣтѣ сдва-ли найдется море, столь богатое различнаго рода рыбою, какъ Каспійское; преимущественно вблизи устьевъ Урала, Волги, Куры и Терека. Главнѣйшіе виды—бѣлуга, осетръ, шипъ, севрюга, сомъ, лососъ, шемая, сазанъ и судакъ, причемъ каждая мѣстность отличается однимъ какимъ-либо видомъ лучшаго качества; такъ, лучшая севрюга идетъ въ Куру, лучшая шемая — въ Терекъ. Самый жирный и вкусный осетръ — въ Сефидрудъ (Персія). Бой тюленей составляетъ другую видную промышленность Каспія. Тюленей бьютъ на всѣхъ островахъ, изъ которыхъ мы укажемъ на Челекенъ, Огурчинскій и Ашуръ-Адэ, на низменныхъ косахъ, преимущественно въ сѣверной части моря, и бой производится какъ на льду, такъ и на берегу весною и осенью.

Что касается торговли, то, по даннымъ девятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, она совершалась на 123 паровыхъ судахъ и на 350 парусныхъ судахъ, съ общею грузоподъемностью въ 177.540 тоннъ. Каспійское море — главный путь нашей торговли со Средней Азіею и Персіею.

Возвращаясь къ исторіи моря, нужно сказать, что греческіе и римскіе авторы, знавшіе Каспійское море болѣе по наслышкѣ, приписывали ему большій объемъ — вдвое болѣе настоящаго. По словамъ древнихъ, оно соединялось съ Аральскимъ и Чернымъ морями: съ первымъ посредствомъ Окса, съ вторымъ, или, точнѣе, съ Азовскимъ, моремъ,—Маныча. Объ этомъ соединеніи говорили и арабскіе писатели, и средневѣковые европейскіе. Нѣкоторые утверждали, что еще въ 1660 г. Оксъ (Аму-Дарья) однимъ рукавомъ впадалъ въ Каспійское море, но обыкновенно прекращеніе паденія Аму-Дарьи въ Каспій относятъ къ XII в. Достовѣрныя свѣдѣнія о морѣ начинаются только съ XV в., когда генуэзскіе и венеціанскіе купцы отправились на Каспійское море для торговли шелковыми издѣліями съ Астраханью и Персіею. Послѣ покоренія Казани и Астрахани, первыми плавателями по Каспійскому морю, не считая прибрежныхъ туземъ-

девъ, были англійскіе купцы, которымъ Іоаннъ IV далъ право свободной безпошлинной торговли. Однако, грабежи казаковъ, не совсѣмъ пріязненныя отношенія татаръ, турокъ и персіянъ и частыя крушенія заставили англичанъ оставить свои путешествія, и до XVII вѣка, до Олеарія, который далъ фигуру моря, на Каспійскомъ морѣ путешественниковъ не было.

Первыми осѣдлыми жителями по побережью моря были хозары, появившіеся приблизительно въ III в. по Р. Х.; затѣмъ болѣе многочисленными обитателями береговъ его были хвалисы, половцы и монголы. Хотя русскіе познакомились съ моремъ еще при хозарахъ, но колонизація побережья начинается только со второй половины XVI в. и лишь со временъ Петра I идетъ правильно.

Первый походъ русскихъ для ограбленія береговъ Каспійскаго моря обыкновенно относятъ къ 880 году; затѣмъ арабскіе жители Табары и Масуди сообщаютъ о походахъ 909, 913, 943 и 968 гг. О дальнѣйшихъ походахъ у арабскихъ писателей нѣтъ свѣдѣній до 1175 г., начальный-же лѣтописецъ указываетъ еще на походъ 1043 г. Извѣстія о торговлѣ восходятъ къ IX—X ст., когда съ одной стороны пріѣзжали къ главному торговому пункту на Каспійскомъ морѣ—нынѣшней Астрахани—болгарскіе купцы, съ другой—персіяне и арабы.

Попытка голштинцевъ въ XVII в. завести торговлю съ Персіей окончилась неудачей. Царь Алексѣй Михайловичъ желалъ придти этому дѣлу на помощь и повелѣлъ построить торговую флотилію изъ нѣсколькихъ судовъ, но эти суда были разбиты Стенькой Разинымъ. Только Петру Великому удалось завести правильныя торговыя сношенія съ Персіей, съ которой былъ заключенъ „коммерческій трактатъ“ (1715 г.), и только съ этого времени торговля на Каспійскомъ морѣ стала обширной и прибыльной для Россіи. Впослѣдствіи характеръ ея нѣсколько разъ измѣнялся, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ политическихъ событій, но ростъ ея не прекращался до послѣдняго времени.

Что касается рейдовъ, то самый удобный петровскій. Дербентскій, ничѣмъ не закрытый отъ вѣтровъ, неудобенъ; открытый сальянскій рейдъ важенъ по обширнымъ торговымъ оборотамъ рыбою, и, наконецъ, важенъ еще рейдъ бакинскій.

Переходя къ описанію городовъ побережья, начнемъ его съ Ленкорани.

2. Югъ Каспійскаго побережья.

Ленкорань — уѣздный городъ Бакинской губ., расположенъ на низкомъ болотистомъ берегу Каспійскаго моря, у впаденія рѣки Ленкорань-чай, въ 32 верстахъ къ сѣверу отъ персидской границы, гдѣ лежитъ крайнее русское поселеніе, Астара. Городъ, насчитывающій до 12 тысячъ жителей, состоитъ изъ двухъ частей — туземной и русской, и, благодаря близлежащимъ болотамъ и рисовымъ полямъ, не можетъ быть названъ здоровымъ. Съ общею сѣтью желѣзныхъ дорогъ Ленкорань связана почтовымъ трактомъ, идущимъ на ст. Аджикабуль, Закавказской ж. д., и правильными пароходными рейсами съ Баку и Персіей. Городъ пристани не имѣетъ и суда останавливаются на рейдѣ, въ полуверстѣ отъ берега, съ которымъ сообщается плоскодонными лодками (киржимами).

Изъ окрестностей Ленкорани слѣдуетъ указать на сохранившіеся остатки персидской крѣпости и на Міакунскія сѣрно-щелочныя горячія (37,5° R.) минеральныя воды, расположенныя въ 12 верстахъ отъ города и посѣщаемыя довольно большимъ количествомъ больныхъ.

Ленкорань, бывшая столица Талышинскаго ханства, была взята генераломъ Котляревскимъ послѣ кровопролитнаго штурма, продолжавшагося 3 часа, 1-го января 1813 года. Персы оборонялись очень упорно и всѣ были истреблены, русскій-же отрядъ потерялъ 350 чел., причемъ былъ раненъ тремя пулями, изъ которыхъ одна раздробила челюсть, и ген. Котляревскій, оставившій послѣ этого дѣла навсегда Кавказъ. Покореніе Ленкорани поколебало самоувѣренность персовъ и содѣйствовало открытію переговоровъ, закончившихся Гюлистанскимъ трактатомъ.

Окрестность Ленкорани славится злокачественной маляріей отъ громадныхъ болотъ, называемыхъ „морцы“, заросшихъ камышами, куда на зимовку слетаются птицы, охота на которыхъ да на кабановъ, а подчасъ и тигровъ, правда, забѣгающихъ сюда не часто, составляютъ почти единственное развлеченіе ленкорацевъ.

Въ Ленкорани всего одна православная церковь, на весь-же Ленкоранскій уѣздъ приходится два православныхъ храма.

На югъ отъ Ленкорани лежитъ небольшой портъ

Астара и рѣка того-же названія, которая служитъ границей русскихъ владѣній отъ персидскихъ. Тутъ производится мѣновая торговля: хлопокъ, сушеные фрукты и прочее персы мѣняютъ на бумажныя ткани.

Баку расположенъ на западномъ берегу Каспійскаго моря. Названіе этого города — Баку, или Бакуіэ, производятъ отъ персидскаго слова „бадкубе“ — ударъ вѣтра, что указываетъ на давнишнюю извѣстность здѣшнихъ сильныхъ вѣтровъ, дующихъ, главнымъ образомъ, съ сѣвера. Подъ этимъ именемъ Баку существуетъ съ начала мусульманской вѣры, но, впрочемъ, онъ былъ основанъ ранѣе, такъ какъ выходы газа вблизи Баку, или вѣчные огни, были извѣстны огнепоклонникамъ. Полагаютъ, что здѣсь при Сассанидахъ былъ городъ, называвшійся армянами Багавамъ. Съ VIII в. Баку былъ подъ владычествомъ арабовъ, потомъ ширванскихъ хановъ, съ XVI столѣтія до начала XVII столѣтія былъ большею частью во владѣніи персовъ. Въ 1723 г., послѣ продолжительной осады, Баку сдался эскадрѣ адмирала Матюшкина и былъ присоединенъ къ Россіи, но въ 1735 г. опять уступленъ Персіи и управлялся ханами, находившимися въ зависимости отъ персидскаго шаха. Въ 1796 г. бакинскій ханъ присягнулъ на подданство Россіи бывшему въ Баку гр. Зубову, но потомъ опять отпалъ, а когда, послѣ присоединенія Грузіи въ 1801 г., появились русскіе, то ханъ изъявилъ покорность и сдача города была назначена 8-го февраля 1806 г.; при сдачѣ главнокомандующій князь Циціановъ былъ предательски убитъ, и городъ сдался лишь осенью послѣ бѣгства хана и былъ сдѣланъ уѣзднымъ, а въ 1859 г. — губернскимъ.

Съ постройкой желѣзной дороги къ Баку, съ развитіемъ пароходства по Каспійскому морю, а главное — съ развитіемъ нефтяныхъ промысловъ въ окрестностяхъ, съ открытіемъ десятковъ перегонныхъ нефтяныхъ заводовъ въ городѣ, Баку измѣнился до неузнаваемости. Городъ сталъ расти съ каждымъ днемъ и населеніе, еле-еле доходившее въ 1860 г. до 13 тысячъ, въ настоящее время возросло до 179 тыс. На берегу моря, въ южной части города, версты на двѣ тянется превосходная набережная, замѣнившая старую городскую стѣну, которая отдѣляла городъ отъ морского берега и препятствовала свободному движенію воздуха. На набережной находятся пристани пароходныхъ обществъ, домъ губернатора, бывшій ханскій дворецъ, множество роскошныхъ магазиновъ, обще-

ственный садъ и бульваръ, особенно драгоцѣнные въ Баку, какъ мѣстности, лишенной всякой растительности. За набережной тянется рядъ хорошо мощенныхъ улицъ, украшенныхъ трехъ- и четырехъэтажными зданіями. На широкой площади стоитъ величественный пятиглавый православный соборъ.

По склону холма террасами построенъ азіатскій городъ, съ плоскими крышами и узкими улицами. Здѣсь находятся развалины дворца хана красивой мусульманской архитектуры XV столѣтія, а рядомъ шахская мечеть, построенная въ 1678 г.

На берегу моря, около крѣпостной стѣны стараго города находится круглая башня—Кисъ-каласы, т. е., „дѣвичья башня“, обращенная въ маякъ. Объ этой башнѣ существуетъ легенда, что какой-то ханъ, влюбившись въ свою дочь и добиваясь ея любви, по ея желанію, построилъ для нея эту башню и не прекращалъ своихъ ухаживаній за ней; желая избавиться отъ нихъ, дѣвушка бросилась съ вершины башни въ море.

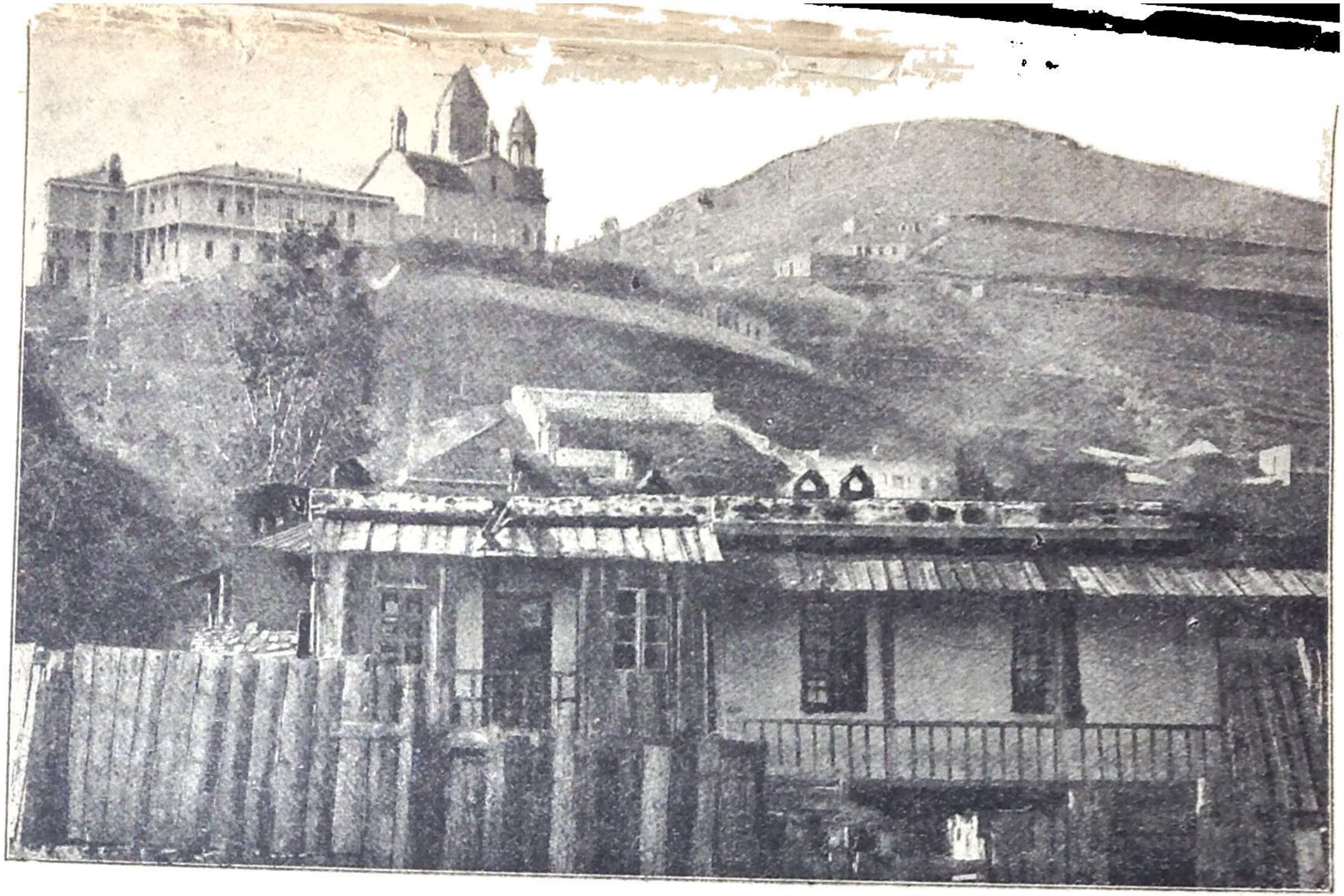
Къ сѣверу отъ пристани, на берегу моря находится такъ называемый Черный городъ, гдѣ сосредоточены нефтяные заводы. Имя его произошло отъ густого чернаго дыма, выдѣляющагося при отопленіи нефтяными остатками.

Въ 14 верстахъ отъ Баку находятся Сураханы, близъ которыхъ горятъ „вѣчные огни“, привлекавшіе сюда огнепоклонниковъ. Тутъ вечеромъ чудный видъ на огни, которые вырываются изъ ямъ и щелей сосѣдней степи всюду, гдѣ земля не очень плотная, и языками своими подымаются вверхъ. Огни не имѣютъ дыма и свѣтятся, какъ очищенное золото. Сохранился тутъ храмъ огнепоклонниковъ.

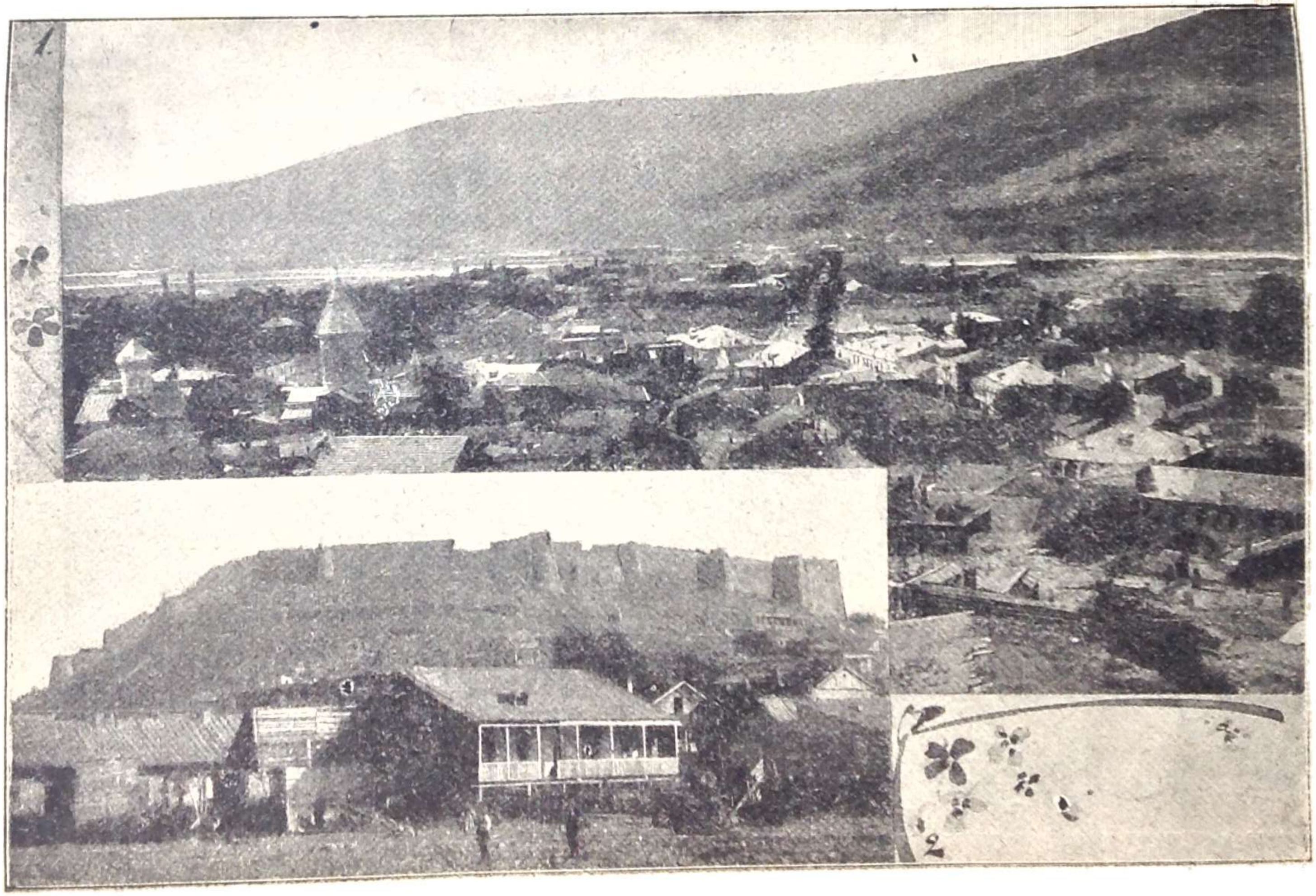
На сѣверъ отъ Сураханъ расположены Балаханы, гдѣ сгруппированы нефтяные колодцы, которые въ числѣ восемьдесятъ одного разбросаны на пространствѣ десяти кв. верстъ.

Прежде чѣмъ будемъ говорить объ апшеронской нефти, скажемъ нѣсколько словъ о Шемахѣ, недавно такъ жестоко пострадавшей отъ землетрясенія.

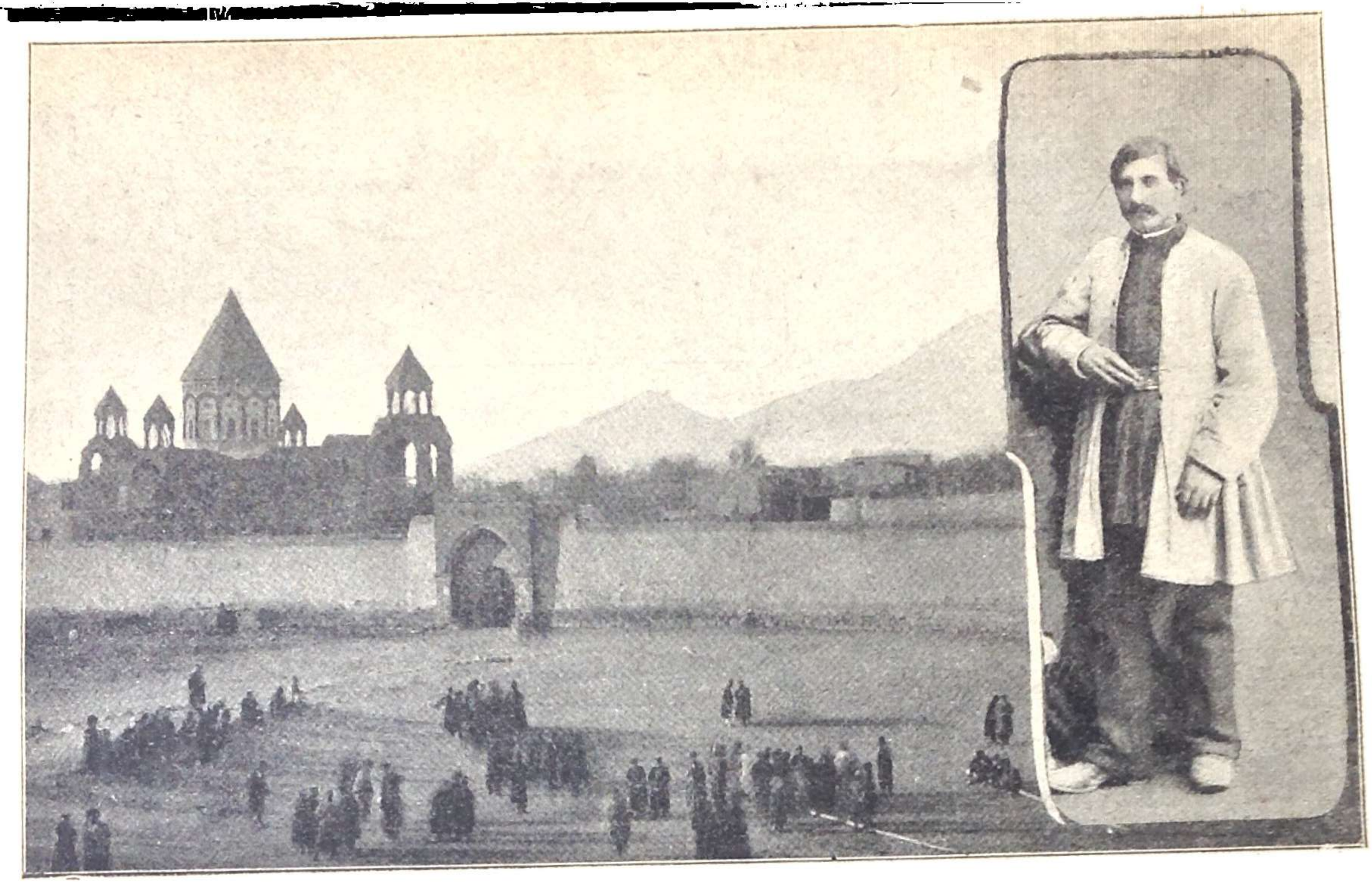
Шемаха, въ древности столица Ширвана, была до 1859 года губернскимъ городомъ. Въ былое время тутъ происходила огромная мѣновая торговля и сюда пріѣзжали караваны изъ далекой Индіи. Теперь Шемаха соединена почтовымъ трактомъ съ Баку.

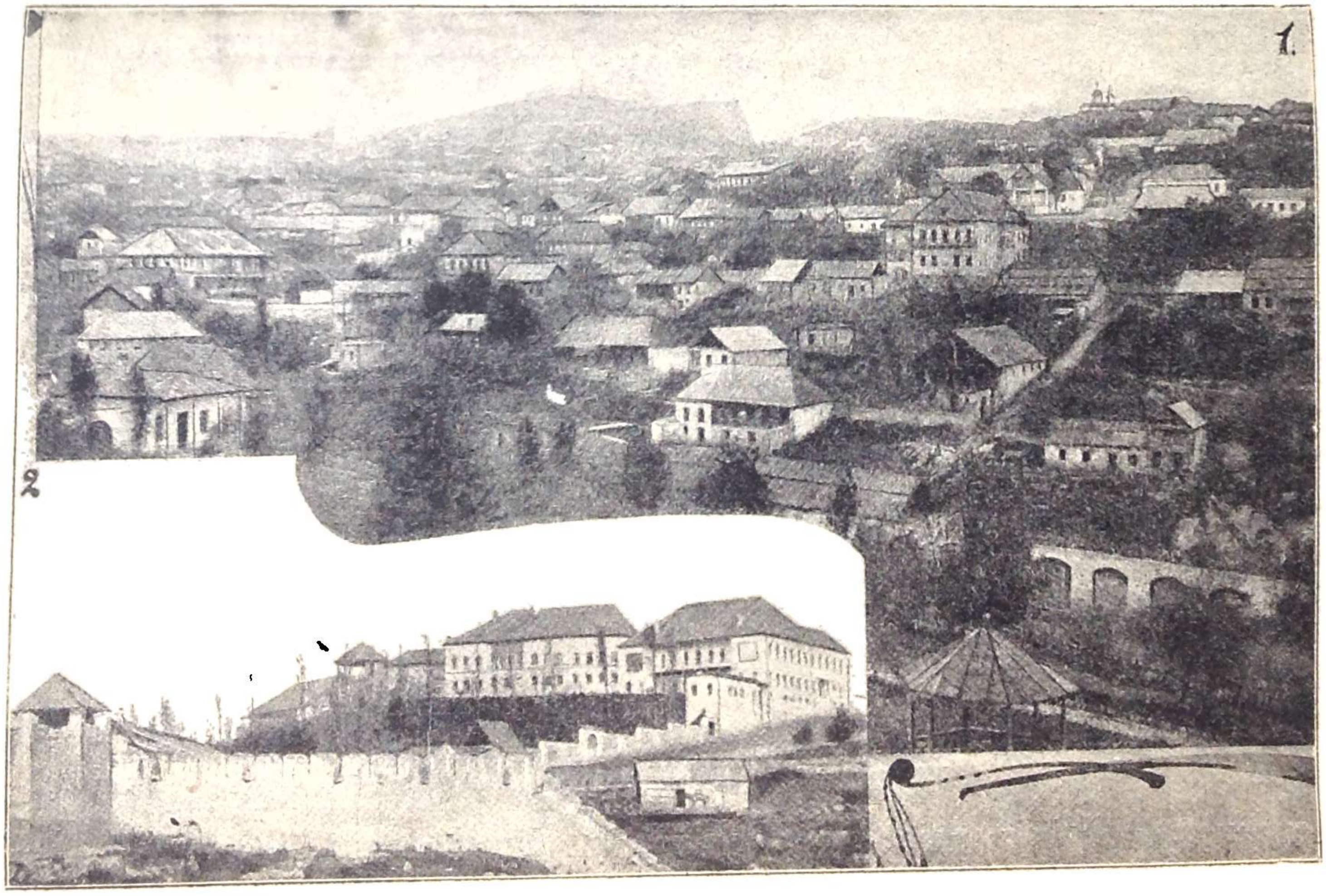
Общій видъ города Ахалцыха

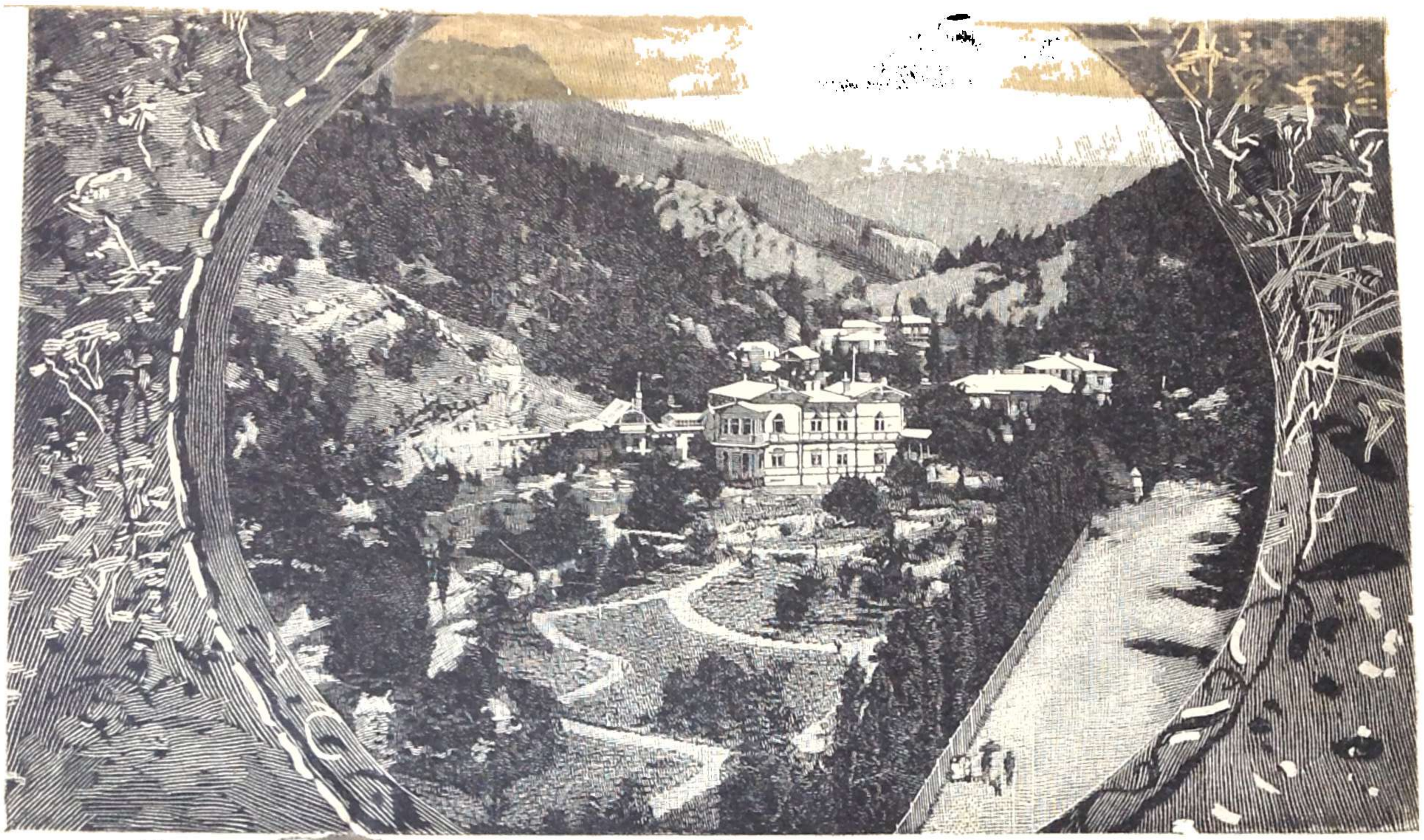
Гори. 1) Общій видъ съ крѣпости. 2) Видъ крѣпости.
Композиц. художника Н. Ольшанскаго по фот. В. Ермакова.

1) Эчміадзинъ. 2) Турецкій армянинъ.
Композиц. художн. Н. Ольшанскаго по фот. В. Ермакова.

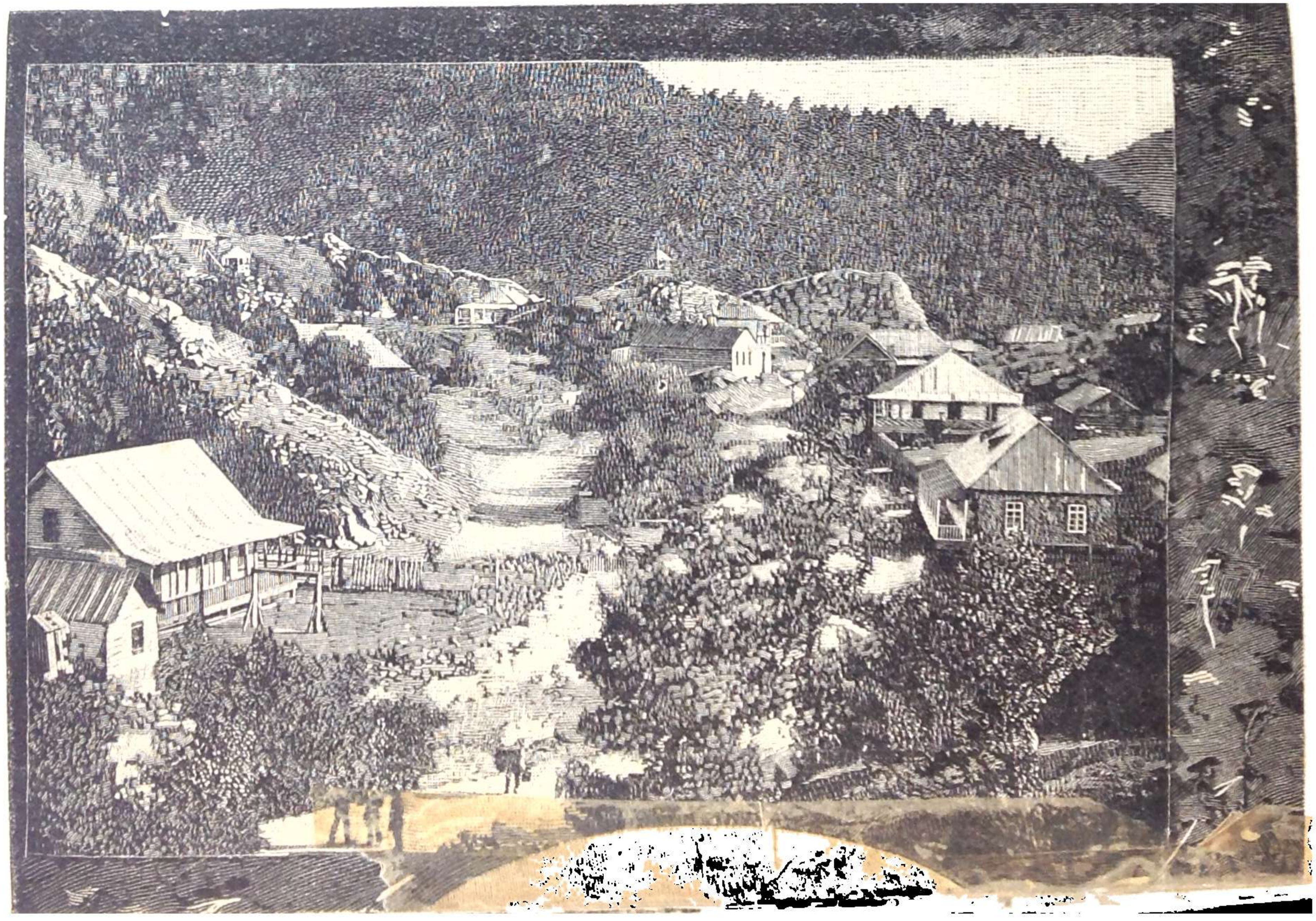

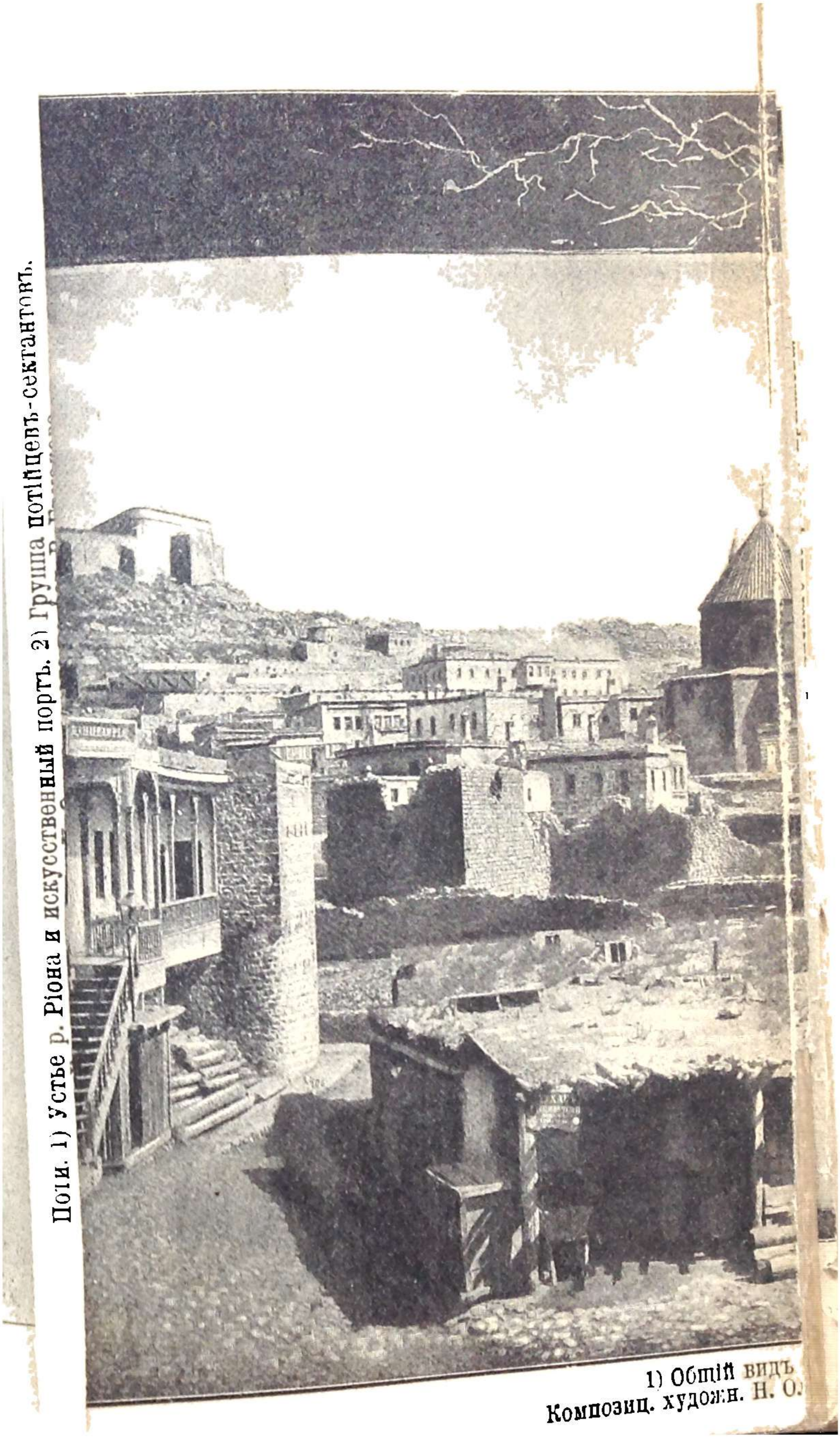
Гор. Шуша. 1) Общій видъ. 2) Ханскій дворецъ.
Композиц. художн. Н. Ольшанскаго по фот. В. Ермакова

Аббасъ-Туманъ. 1) Общій видъ. 2) Дворецъ въ Бозѣ почивающаго Наслѣдника Цесаревича Георгія Александровича. Комлозиц. художн. Н. Ольшанскаго по фот. В. Ермакова.

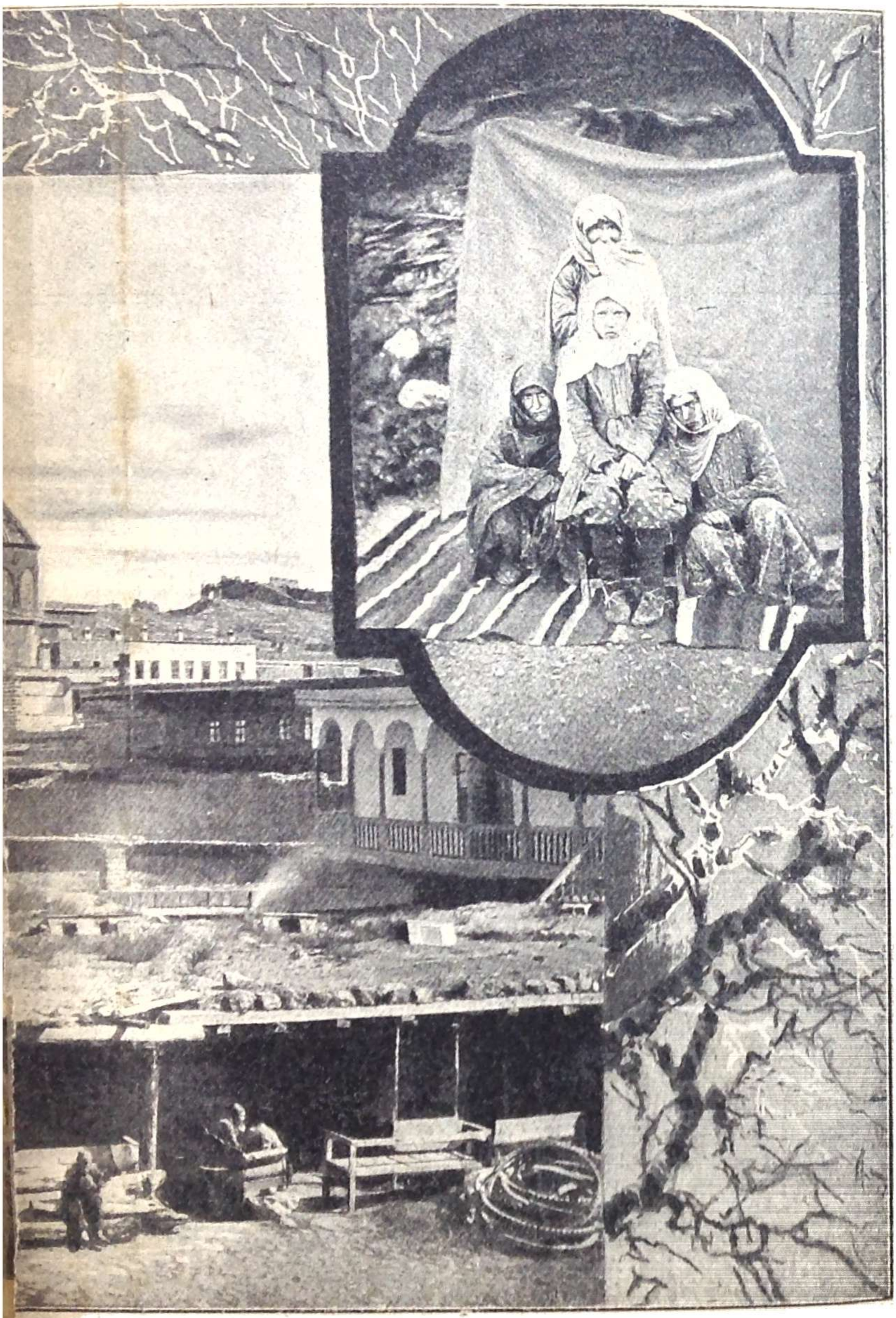
Cmp. 147 a 14

Поли. 1) Устье р. Ріона и искусственный портъ. 2) Группа потѣнцьл-секу

1) Общій видъ
Композиц. художн. Н. О.

р. Карса. 2) Армянки.
шанскаго по фот. В. Ермакова.

3. Нефтяной промыселъ.

Апшеронская нефть была извѣстна еще за нѣсколько столѣтій до нашей эры. Есть основаніе предполагать, что въ VI вѣкѣ до Р. Х. въ Баку уже существовали вѣчные огни, на поклоненіе которымъ стекались тысячи пилигримовъ. Возможно даже, что самъ Зороастръ, жившій на сѣверо-восточномъ склонѣ Кавказа, подъ вліяніемъ нашихъ бакинскихъ подземныхъ источниковъ газовъ и горючихъ маслъ создалъ свое ученіе о свѣтѣ и огнѣ. Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о нашей нефти встрѣчаются впервые у арабскихъ историковъ Масуди и Катибъ-Челяби. По словамъ послѣдняго, „Баку—укрѣпленный городъ; окрестности его состоятъ изъ камня; нѣкоторые изъ этихъ камней горятъ, какъ дрова. Въ округѣ этого города находятся около 500 колодцевъ, изъ которыхъ добываютъ бѣлое и черное нефтяныя масла".

Заслуживаетъ вниманія также сообщеніе Марко Поло, посѣтившаго Баку въ XIII вѣкѣ. Онъ описываетъ употребленіе нефти, какъ освѣтительнаго матеріала, говоритъ о томъ, какъ развозилась она на верблюдахъ, доходя даже до Багдада. Марко Поло упоминаетъ, между прочимъ, о нефтяныхъ фонтанахъ, бившихъ съ такою силою, что въ теченіе одного часа можно было наполнить нефтью сотню судовъ.

Въ XVIII столѣтіи Баку посѣтилъ академикъ Кемпферъ, подробно описавшій нефтяные источники. Вслѣдъ за нимъ на Апшеронскомъ полуостровѣ побывали академики Гавваи, Гмелинъ и Лерхе. „30-го іюня 1735 года,— говоритъ Лерхе,— проѣхалъ я 5 верстъ отъ неугасимаго огня до Балаханы къ черными нефтянымъ кладезямъ. Кладезей оныхъ находилось во время персидскаго шаха 52, посредствомъ коихъ великій тогда отправлялся торгъ; теперь-же неповрежденныхъ остается только 26. Нефть изъ кладезей выливаютъ въ большія и глубокія каменныя ямы, а отсюда въ большихъ кожаныхъ мѣшкахъ на арбахъ возятъ въ Баку. Кладези глубиной въ 20 саженъ, изъ коихъ одинъ весьма сильно бьетъ и ежедневно доставляетъ 500 батмановъ (по 15 фунтовъ каждый); онъ шибко кипитъ, такъ что слышать можно". Между прочимъ, академикъ Лерхе отмѣчаетъ одинъ чрезвычайно интересный фактъ. Онъ говоритъ о существовавшей уже

тогда перегонкѣ нефти. По его словамъ, „нефть не скоро начинаетъ горѣть, она темно-бураго цвѣта, и когда ее перегоняютъ, то дѣлается свѣтло-желтою. „Бѣлая нефть нѣсколько мутна, но по перегонкѣ такъ свѣтла дѣлается, какъ спиртъ, и сія загорается весьма скоро“. Къ сожалѣнію, Лерхе ничего не говоритъ о практическомъ примѣненіи продуктовъ перегонки нефти, не говоритъ онъ и о самыхъ размѣрахъ и техническихъ пріемахъ перегонки нефти. Керосинъ, такимъ образомъ, былъ извѣстенъ въ Баку еще въ ханскія времена, лѣтъ 200 назадъ. Во времена русскаго владычества это важное открытіе было, очевидно, забыто, и нефть, какъ говорили тогда даже ученые, признавалась годной только для „обмазки колесъ и другихъ махинъ“. Нефть употреблялась, какъ топливо и съ лечебною цѣлью—противъ ревматизма, цынги и различныхъ накожныхъ болѣзней. Ее обыкновенно сжигали въ чиракахъ (особыхъ глиняныхъ сосудахъ) и она пользовалась значительнымъ распространеніемъ, благодаря чему нефтяной промыселъ являлся и тогда уже, во время владычества персовъ и арабовъ, довольно крупнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ.

Бакинскіе ханы доходъ отъ нефти брали въ свою пользу, и, если вѣрить Гмелину, они получали отъ продажи нефти до сорока тысячъ рублей въ годъ.

Въ 1813 году, по Гюлистанскому трактату, Бакинское, Кубинское и Дербентское ханства были окончательно присоединены къ Россіи. Ханскіе нефтяные колодцы перешли въ казну и были объявлены государственной собственностью. Тѣмъ не менѣе, казна не обращала вниманія на эти колодцы, и нефтяной промыселъ былъ свободенъ отъ всякихъ налоговъ. И только въ концѣ 1820 года экспедиція верховнаго грузинскаго правительства отдала всѣ нефтяные источники въ откупное содержаніе на четыре года. Въ это время нефть давала казнѣ по 100 тыс. рублей въ годъ дохода. По окончаніи откупа, въ 1825 году, всѣ нефтяные источники перешли въ казенное управленіе, и правительство само стало эксплоатировать ихъ, и доходъ казны понизился до 76 тыс. рублей въ годъ. Нефтяные источники были снова сданы частнымъ лицамъ, затѣмъ опять перешли въ казенное управленіе, и такъ продолжалось до 1850 года, когда откупная система окончательно восторжествовала и всѣ нефтяные колодцы были сданы на различные сроки частнымъ лицамъ до 1878 г., вплоть до окончательнаго уничтоженія откуповъ.

Во все это время казна получила съ нефтянаго промысла до 4½ милл. рублей. Переходя изъ рукъ въ руки, то въ казну, то къ откупщикамъ, нефтяной промыселъ не могъ, конечно, развиваться. Никто не помышлялъ о созданіи промышленности. Довольствовались и тѣмъ, что могли продавать нефть по высокой цѣнѣ. Да, наконецъ, и самое примѣненіе нефти было слишкомъ ограничено, чтобы можно было расчитывать на развитіе потребленія ея. Перегонка нефти была забыта, и никому не приходило въ голову возобновить ее, никто не думалъ о превращеніи нефти въ товары, пригодные для болѣе широкаго распространенія. Казна, получая въ годъ по 85 тысячъ рублей, не желала ничего лучшаго и вполнѣ довольствовалась этими скромными доходами. Насколько ничтожна была добыча нефти тогда, можно видѣть изъ того, что въ 1825 году изъ всѣхъ колодцевъ было получено около 200 тыс. пудовъ нефти и столько-же получалось ея въ пятидесятыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія.

Цѣны на нефть стояли чрезмѣрно высокія и казна не спускала ихъ ниже 35—40 коп. Все это, конечно, въ значительной мѣрѣ препятствовало развитію спроса на нефть, а стало быть, и увеличенію добычи ея.

Такъ продолжалось до 1860 года, пока нефть не стала перерабатываться въ фотогенъ. Съ этого момента и начинается, строго говоря, нефтяная промышленность.

Въ 1832 году Селикъ устроилъ въ Бургундѣ небольшой заводъ и, перегоняя смолистый шиферъ, получилъ прекрасный осв'Ѣтительный продуктъ, названный имъ фотогеномъ—въ буквальномъ переводѣ свѣтородъ. Всюду въ Европѣ стали возникать фотогеновые заводы, занимавшіеся перегонкой шифера. Благодаря своей дешевизнѣ, фотогенъ сталъ всюду вытѣснять растительныя масла. Эта широкая популярность фотогена совпала съ открытіемъ нефти въ Америкѣ. Явилась мысль о возможности полученія фотогена изъ нефти, путемъ перегонки ея. Предпріимчивые американцы не замедлили воспользоваться этимъ, и въ продажѣ появился фотогенъ, полученный изъ нефти. Возникла цѣлая промышленность, чему не мало способствовало и то обстоятельство, что въ 1859 году нефть стали добывать въ Америкѣ не изъ ручныхъ колодцевъ, а изъ скважинъ, пробуренныхъ машинами. Впервые американскій фотогенъ появился въ Европѣ въ 1860 году подъ именемъ керосина. У насъ, въ Россіи,

въ 50-хъ годахъ, подъ вліяніемъ фотогеновой горячки въ Германіи, баронъ Торнау задумалъ воспользоваться бакинской нефтью и получать изъ нея путемъ перегонки фотогенъ. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ возникшимъ въ Петербургѣ „Закаспійскимъ торговымъ товариществомъ", во главѣ котораго стояли Кокоревъ и Губонинъ, и предложилъ имъ устроить въ Баку фотогеновый заводъ.

Въ 1863 году въ Баку появился первый керосиновый заводъ Меликова, который перегонялъ нефть и керосинъ, но дѣло развивалось довольно медленно, и въ первой половинѣ 60-хъ годовъ было построено всего лишь нѣсколько заводовъ. Фотогенъ получался отвратительный, очисткѣ не подвергался, поступалъ въ продажу въ сыромъ видѣ и на мѣстѣ шелъ по 4 руб. 50 к. за пудъ.

Нефть добывалась изъ колодцевъ, конечно, самымъ примитивнымъ образомъ — кожаными мѣшками (бурдюками), съ помощью веревокъ, перекинутыхъ черезъ блокъ и привязанныхъ къ лошади. О техническихъ усовершенствованіяхъ не было и помина. Все дѣлалось руками, начиная съ рытья колодцевъ и кончая добычей нефти. Она перевозилась на арбахъ въ бурдюкахъ. Нефтепроводовъ не было, желѣзной дороги тоже. На морѣ не было судовъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ нефтяная промышленность не могла развиваться, не могло двигаться впередъ и производство керосина. Виною всему, конечно, была откупная система. Благодаря ей, частной предпріимчивости былъ положенъ предѣлъ. Весь нефтяной промыселъ находился въ рукахъ откупщика. По договору съ казною, онъ не могъ отпускать нефть на рынокъ по цѣнѣ выше 45 коп. за пудъ, и откупщикъ съ особымъ удовольствіемъ пользовался предоставленнымъ ему правомъ и даже шелъ дальше.

Такъ, доставляя нефть заводу Кокорева, Мерзоевъ обязалъ его всѣ нефтяные остатки сбывать ему по 15 коп. за пудъ. Мерзоевъ прибавлялъ къ остаткамъ немного нефти и снова сбывалъ ее Кокореву, но уже по 45 коп. за пудъ, въ силу этого всѣ заводчики находились въ тяжелой зависимости отъ откупщика. Между тѣмъ, ввозъ американскаго фотогена увеличивался съ каждымъ годомъ: въ 1834 году было ввезено его 189.135 пуд., въ 1869—1.049.472 пуд., а въ 1872 году—1.790.335 пуд.

Всего въ это время Россія уплатила американцамъ 35 милліоновъ рублей. И это та Россія, въ распоряженіи которой находились богатѣйшія въ мірѣ залежи нефти!

Такой порядокъ вещей, естественно, не могъ долго продолжаться. Назначенныя комиссіи, а также заключеніе знаменитаго химика Д. И. Менделѣева повели къ тому, что откупъ въ 1872 году былъ отмѣненъ и балаханская площадь, гдѣ прежде была мертвая пустыня, съ двумя одинокими буровыми вышками, стала оживляться; уже къ 1878 году число вышекъ возросло до 301 и количество нефти, добытой въ 1872 году — 1.395.114 пуд., дошло до 9.895.125 пуд. При такомъ быстромъ увеличеніи добычи и цѣны послѣ откупа спустились съ 45 коп. до 30 коп.

Такъ шло дѣло до появленія на горизонтѣ бакинской нефтяной промышленности крупныхъ капиталовъ, а вмѣстѣ съ ними, и техническихъ знаній и разумныхъ пониманій истинныхъ задачъ промышленности. Въ 1874 году въ Баку пріѣхалъ Робертъ Нобель, увлекся нефтянымъ дѣломъ, пріобрѣлъ небольшой заводъ и нефтяные участки и, совмѣстно съ братомъ Людвигомъ Нобелемъ, создалъ одно изъ наиболѣе крупныхъ предпріятій Россіи. Ими впервые были поставлены вагоны-цистерны американскаго типа и въ центрахъ Россіи устроены обширные склады и хранилища керосина, а на Каспійскомъ морѣ появился въ 1878 году первый наливной пароходъ Нобеля „Зороастръ“. Благодаря замѣнѣ перевозки нефтяныхъ продуктовъ въ бочкахъ, пудъ керосина въ Нижнемъ обходился потребителю въ 70—80 коп.

Въ 1889 году въ Баку появился Ротшильдъ со своими милліонами; имъ было куплено обширное дѣло Палашковскаго, и возникло „Каспійско-Черноморское общество“. Появились такія крупныя фирмы, какъ Шибаевъ, „Каспійское товарищество“, Тагіевъ и другіе.

Съ открытіемъ Закавказской желѣзной дороги нефтяное дѣло еще болѣе быстрыми шагами пошло впередъ.

Но по мѣрѣ того, какъ нашъ керосинъ получалъ все большее распространеніе въ Европѣ, дорога эта оказалась неспособной выполнять свое назначеніе, несмотря на то, что въ настоящее время на дорогѣ имѣется 5.379 вагоновъ-цистернъ. Въ то время, какъ вывозъ нефтяныхъ продуктовъ по Каспійскому морю неуклонно росъ и довольно быстро, вывозъ по Закавказской дорогѣ, особенно въ послѣднее пятилѣтіе, подвигался впередъ черепашьимъ шагомъ. Въ 1898 году дорога развила до maximum'а свою провозоспособность, но свыше 83 милліоновъ пудовъ не въ силахъ была перевезти. И только съ 1900 года, съ открытіемъ керосинопровода отъ станціи Михайлово до

Батума, длиною въ 214 верстъ, провозоспособность дороги нѣсколько возрасла; впрочемъ, не настолько, чтобы вполнѣ удовлетворить всѣ требованія вывоза нефтяныхъ продуктовъ на Батумъ.

Отмѣна акциза въ 1877 году, появленіе на нефтяной аренѣ крупныхъ капиталовъ, открытіе Закавказской дороги, при всей ограниченной ея провозоспособности, — все это — факты огромной важности въ исторіи нефтянаго дѣла, и, благодаря имъ, наша промышленность, утративъ свой домашній, туземный характеръ, стала быстро развиваться. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересна слѣдующая табличка, показывающая ростъ добывающей промышленности съ 80-хъ годовъ.

	Добыто нефти.	Число скважинъ.	Число рабочихъ.
Въ 1879 году	21 милл. пуд.	251	1.800 чел.
» 1890 »	226 » »	704	6.115 »
» 1896 »	396 » »	1.072	8.176 »
» 1898 »	486 » »	1.760	13.705 »
» 1900 »	600 » »	2.800	21.253 »

Въ настоящее время добыча нефти производится 146 фирмами.

Говоря о быстромъ ростѣ нефтедобывающей промышленности, нельзя умолчать о возникновеніи у насъ нѣкоторыхъ побочныхъ производствъ. Въ 1900 году на топливо для добычи нефти ушло на промыслахъ до 70.000.000 пуд. нефти, что составитъ расходъ почти въ 11.000.000 руб. Нѣкоторые крупные нефтепромышленники замѣнили паръ электрической энергіей, слѣдствіемъ чего было возникновеніе нѣсколькихъ фирмъ, занимающихся доставкою электрической энергіи. Явилась потребность въ механическихъ заводахъ — они появились, создалась химическая промышленность, возникли канатныя и кирпичныя производства. На промыслахъ и заводахъ работаютъ до 40.000 человѣкъ и одной заработной платы на ихъ долю приходится въ годъ до 18 милліоновъ рублей. Десять тысячъ человѣкъ служатъ на судахъ наливного флота.

Нашъ керосинъ отвоевалъ у американскаго внутренній рынокъ и вступилъ въ борьбу съ нимъ за границей.

Въ 1897 году мы вывезли туда нефтяныхъ товаровъ на 25 милліоновъ рублей, а въ 1900 году — на 46 милл. рублей. И самъ знаменитый американскій Standard не гнушается входить въ соглашеніе съ нашими фирмами и полюбовно дѣлить съ ними иностранные рынки.

Наши нефтяные остатки отапливаютъ обширный флотъ

Каспія и Волги, многія желѣзныя дороги и цѣлые фабричные районы. Пусть говорятъ, что это хищничество — сжигать такъ варварски остатки, не получая изъ нихъ дорогихъ товаровъ. Пусть такъ, но это хищничество дало возможность Россіи сберечь милліоны десятинъ лѣса. Въ одно только послѣднее десятилѣтіе было сожжено 1.896 милліоновъ пудовъ остатковъ, а если принять, что 70 пуд. нефти, по своей теплопроизводительности, соотвѣтствуютъ одной кубической сажени дровъ, окажется, что въ это только десятилѣтіе нефтяное топливо сберегло странѣ 26 милліоновъ кубическихъ саженъ дровъ.

Акцизъ на керосинъ, введенный въ 1888 году, далъ государству 217 милл. рублей; Закавказская дорога почти наполовину живетъ нефтянымп грузами и въ общемъ, во все время существованія дороги, эти грузы дали ей чистой прибыли до 40 милліоновъ рублей. Въ 1900 году акцизъ съ керосина принесъ 26 милліоновъ рублей, Закавказская дорога дала чистыхъ 7 милліоновъ рублей за провозъ нефтяныхъ продуктовъ; итого казна получила 33 милліона рублей, а если прибавить къ нимъ до 5 милліоновъ помудной платы за казенные участки нефтеносной земли, то получимъ, что въ одномъ только 1900 году нефтяная промышленность дала казнѣ до 40 милліоновъ рублей, и это не считая пошлинъ на ввозимые изъ-за границы машины, пароходы, желѣзо, не считая доходовъ желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Россіи.

Таково экономическое значеніе нефтяной промышленности.

Съ открытіемъ сквознаго желѣзнодорожнаго движенія отъ Дербента до станціи Баладжаръ, Закавказье тѣсно связано съ Европейской Россіей рельсовымъ путемъ.

4. Сѣверъ каспійскаго побережья.

Давно, очень давно, еще во времена царя Бориса Годунова, русскіе пытались проложить себѣ путь по Прикаспійской равнинѣ. Грузія призывала къ себѣ русскихъ, просила взять ее подданство. Въ 1605 году двинулся черезъ Дагестанъ въ Иверію сильный отрядъ, подъ начальствомъ Бутурлина и Плещеева. Не въ добрый часъ былъ задуманъ этотъ злополучный походъ; въ Дагестанѣ на нашихъ воиновъ налетѣлъ внезапно шамхалъ тарковскій. „Семь тысячъ русскихъ, — повѣствуетъ С. Соловьевъ, — пали вмѣстѣ съ воеводами, и владычество Москвы

исчезло въ этой странѣ". Впослѣдствіи, въ 1722 году, Прикаспійскій край видѣлъ побѣдоносные полки Петра Великаго, видѣлъ въ 1796 году и екатерининскихъ орловъ. Оба великихъ монарха понимали, что основательно завладѣть Кавказомъ можно было со стороны Каспійскаго моря, двигаясь по ровной мѣстности, а не стучась безполезно лбомъ въ горныя громады. Однако, въ XIX столѣтіи мы какъ-будто забыли старый путь, а всемѣрно стали карабкаться въ Закавказье и черезъ горы, и черезъ какія горы!.. „Когда, — пишетъ В. С. Кривенко, — пришло время строить желѣзную дорогу, по инерціи явилось предположеніе, во что-бы то ни стало, проложить рельсы по горамъ. Люди, охваченные этою мыслью, не хотѣли слушать никакихъ доказательствъ нецѣлесообразности выбраннаго ими направленія, закрывали уши и настойчиво твердили: „прямо, черезъ горы!". Упрямство „перевальниковъ" затормозило надолго осуществленіе желѣзной дороги, которая могла-бы быть построена еще до послѣдней кампаніи и принесла-бы тогда огромную пользу. По Прикаспійской плоскости до послѣднихъ дней приходилось ѣздить на почтовыхъ и ждать отъ кубинскихъ разбойниковъ участи царскихъ воеводъ, Бутурлина и Плещеева".

Начиная съ Баладжаръ, дорога пролегаетъ по пустыннымъ берегамъ Каспійскаго моря. Вѣчно бурливое море, волны котораго подчасъ видны въ 10—15 саженяхъ отъ желѣзнодорожнаго полотна, да скалистыя, лишенныя растительности, непривѣтливыя горы — крайне скучный пейзажъ, который тянется вплоть до станціи Хачмасъ.

Хачмасъ — самая нездоровая мѣстность. Выйдите на станцію и вы увидите десятки изнуренныхъ лихорадкою лицъ, блѣдныхъ, утомленныхъ. Чѣмъ ближе къ Дербенту, тѣмъ дорога становится интереснѣе и, наконецъ, у самаго Дербента она идетъ уже между сплошными фруктовыми садами и виноградниками. Полотно проходитъ на пути черезъ бурный Самуръ, и сооруженіе моста черезъ эту рѣку является самымъ значительнымъ въ этомъ участкѣ. Постройка его была сопряжена съ громадными трудностями: рѣка не разъ сносила временныя сооруженія и пріостанавливала работы. Величина моста 225 саженъ.

Областной городъ (въ 1866 г.) Дагестана, Темиръ-Ханъ-Шура, расположенъ въ землѣ кумыкскихъ татаръ, и въ стратегическомъ отношеніи здѣшнее укрѣпленіе

имѣетъ большое значеніе. Въ городѣ поставленъ памятникъ кн. М. З. Аргутинскому-Долгорукому, основателю Темиръ-Хань-Шуры.

Темиръ-Ханъ-Шура когда-то была важнымъ военнымъ центромъ русскоіі арміи, а въ настоящее время, съ окончательнымъ присоединеніемъ Дагестана, ея крѣпость почти упразднена, хотя городъ продолжаетъ быть средоточіемъ областного управленія. Городъ хотя грязный, но торговый.

Изъ Темиръ-Ханъ-Шуры идетъ почтовый трактъ черезъ Хунзахъ на Гунибъ, расположенный на 8.000 фут. надъ уровнемъ моря, у самой отвѣсной скалы. На верхней равнинѣ, въ тѣнистоіі рощѣ Гуниба еще до сихъ поръ сохранился камень съ надписью, на которомъ сидѣлъ „25-го августа 1859 г., въ 4 час. пополудни“, окруженный блестящею боевою свитою, кн. Барятинскій, принимая побѣжденную, наконецъ, грозную саблю имама дагестанцевъ, Шамиля. Къ числу достопримѣчательностеіі нужно отнести и разработанную дорогу съ верхняго плато Гуниба, черезъ туннель, длиною въ 47 саж., пробитый сквозь скалистый поясъ горы, откуда она спускалась къ Мурадинскимъ высотамъ.

Дербентъ — портовый городъ, расположенъ на отрогахъ Табассаранскихъ горъ и замыкаетъ собою узкую береговую полосу, извѣстную подъ названіемъ Дербентскаго прохода и представляющую единственный удобный путь для прохода изъ Предкавказья въ Закавказье. Въ древнія времена здѣсь происходили постоянныя передвиженія народовъ. Хозары долгое время отвоевывали у персидскихъ Сассанидовъ этотъ проходъ, который, по уничтоженіи сассанидской монархіи, перешелъ въ руки арабовъ. Полчища Тамерлана проникли чрезъ него въ Предкавказье, гдѣ произошло сраженіе ихъ съ ордою Тохтамыша. Еще древніе писатели упоминаютъ объ Албанскихъ воротахъ на западномъ берегу Каспійскаго моря, подразумѣвая подъ ними укрѣпленіе, которое съ давнихъ временъ было построено тутъ.

Нынѣшній Дербентъ построенъ, надо полагать, на этомъ самомъ мѣстѣ въ концѣ V вѣка персидскимъ шахомъ Кабаду, изъ династіи Сассанидовъ. Владѣтелями города были большею частью персидскіе шахи, но нерѣдко городъ попадалъ въ руки хозаръ, турокъ, аравитянъ или сосѣднихъ хановъ. Русскіе впервые вели о немъ переговоры въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича съ персидскимъ шахомъ Эмиръ-Гамзе, который хотѣлъ уступить его за

союзъ противъ турокъ, но это осталось безъ послѣдствій. Въ 1722 году, во время персидскаго похода, Дербентъ былъ завоеванъ Петромъ I и тутъ находился русскій гарнизонъ до 1736 г., когда всѣ прикаспійскія владѣнія были возвращены Персіи. Въ 1796 г. городъ былъ занятъ Валеріаномъ Зубовымъ и окончательно присоединенъ по Гюлистанскому договору въ 1813 г.

Въ настоящее время Дербентъ — оригинальный, живописный городокъ, расположенный узкой полосой по склону горы. Длина его 3 версты, наибольшая ширина по берегу не превышаетъ 320 саж. Городъ съ сѣвера и юго-запада обнесенъ высокими стѣнами, которыя заканчиваются съ западной стороны цитаделью — Нарынъ-кале, расположенной на вершинѣ горы и обнесенной стѣной; камни, изъ которыхъ сложены стѣны, имѣютъ отъ 4½ — 6 саж. вышины и отъ 4 — 7 фут. толщины; на стѣнахъ видны арабскія и сассанидскія надписи.

Къ западу отъ города, на протяженіи 80 верстъ, видны развалины стѣнъ и башенъ, сооруженіе которыхъ приписываютъ Александру Македонскому.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, число жителей въ Дербентѣ доходитъ до 16 тысячъ, причемъ до 11 тысячъ приходится на долю мусульманъ, 2.496 евреевъ, 1.319 православныхъ, армянъ около тысячи и т. д. Въ окрестностяхъ города до 1.500 садовъ, гдѣ разводятся персики, абрикосы, груши, сливы и другіе фрукты, а также виноградъ.

Въ нижней части города остались отъ временъ Петра Великаго земляныя укрѣпленія близъ моря, съ которыхъ онъ осаждалъ крѣпость. Въ самой крѣпости памятью о Петрѣ Великомъ служитъ пробитое имъ для защиты сбоку окно, извѣстное подъ именемъ „Краснаго“.

Къ сѣверу отъ Дербента расположено мусульманское кладбище Кырхляръ — сороковикъ. Здѣсь происходила четырехдневная битва между аравитянами и хозарами. Сорокъ аравитянъ, оставшихся послѣдними, послѣ отчаянныхъ усилій пали и тѣла ихъ погребены на этомъ мѣстѣ.

Петровскъ, портъ, возникъ въ 1857 году изъ форштадта укрѣпленія Петровскаго, основаннаго въ 1844 г. на мѣстѣ, гдѣ, по преданію, былъ лагерь Петра Великаго 12-го—16-го августа 1722 г. Раньше близъ этого мѣста существовало Низовое укрѣпленіе, заложенное въ 1830 г., но скоро оставленное нами, существовавшая-же крѣпость

была упразднена въ 1867 г. Въ настоящее время въ Петровскѣ жителей до 10.000, изъ нихъ православныхъ 5.600, армянъ до 1.000, остальное приходится на магометанъ, протестантовъ, евреевъ и пр.

Въ Петровскѣ сосредоточены всѣ казенныя учрежденія, таможни, конторы нѣсколькихъ пароходныхъ обществъ, отдѣленія банковъ и проч. Изъ окрестностей слѣдуетъ указать на сѣрно-щелочныя минеральныя грязи при озерѣ Ахъ-Гель, Тангинскія сѣрно-щелочныя воды и нефтяные источники. Большая часть судовъ, идущихъ изъ Астрахани въ Баку и обратно, пользуется здѣшней якорной стоянкой. Съ сооруженіемъ рельсоваго пути, соединяющаго этотъ городъ съ Владикавказомъ, Петровскъ ожидаетъ блестящая будущность.

Недалеко отъ Петровска въ высокомъ ущельѣ обнаженныхъ горъ находится аулъ Тарки, съ замкомъ шамхала тарковскаго.

Эти горы составляютъ сѣверный склонъ Кавказскаго хребта, а Тарки замѣчательны тѣмъ, что опѣ являются крайнимъ предѣломъ распространенія гвоздеобразныхъ письменъ на сѣверъ. Сенъ-Мартенъ полагаетъ, что гвоздеобразная надпись изсѣчена здѣсь на скалѣ, по распоряженію армянскаго царя изъ поколѣнія Арзакидовъ, для увѣковѣченія его побѣды надъ хозарами, разгромленными имъ въ ихъ собственной землѣ.

Далѣе, послѣ Петровска, побережье вступаетъ во владѣнія Терской области, описанію которой былъ посвященъ самостоятельный очеркъ (см. стр. 000—000) и о ней мы говорить не будемъ, и даже, прежде чѣмъ перейти къ черноморскому побережью, остановимся на Закавказьѣ.

VII. Закавказье.

1. Кахетія и Карталинія.

Подъ именемъ Закавказья разумѣется часть Кавказскаго края, расположенная къ югу отъ Кавказскаго хребта, слѣдовательно, губерніи: Кутаисская, Тифлисская, Бакинская, Елисаветпольская, Эриванская, Карсская область, Черноморскій и Закатальскій округи.

Большая часть Закавказья занимаетъ нагорье и горныя страны, меньшая-же — низменность и степныя равнины, которыя располагаются узкими полосами по берегамъ Чернаго и Каспійскаго морей, занимаютъ значи-

тельное пространство въ бассейнѣ Рioна и въ среднемъ и нижнемъ теченіи Куры.

Что касается климата, то самымъ теплымъ является Черноморскій округъ, средняя годовая температура котораго равняется 15 градус., самыми холодными оказываются Ардаганъ и Карсъ, средняя температура которыхъ нѣсколько ниже такой-же въ С.-Петербургѣ. Къ самымъ здоровымъ мѣстностямъ въ Закавказьѣ принадлежатъ открытыя сѣверным и сѣв.-вост. вѣтрамъ нагорныя страны средней высоты, самыми нездоровыми считаются низменныя береговыя полосы Каспійскаго и Чернаго морей, защищаемыя отъ вѣтровъ горами и покрытыя роскошной растительностью, а также мѣста, поросшія камышамп, и въ особенности рисовыя поля. Въ такихъ мѣстахъ сильно развита малярійная лихорадка.

Что касается флоры Закавказья, то она очень разнообразна, а въ западномъ Закавказьѣ, простирающемся на востокъ до Сурамскаго хребта и отличающемся теплымъ климатомъ и замѣчательнымъ обиліемъ выпадающихъ осадковъ, флора представляетъ большое разнообразіе и роскошное развитіе. Вся эта область, за исключеніемъ культурныхъ пространствъ, представляетъ, въ сущности, первобытные лѣса, опутанные ліанами и растущіе иногда на болотистой почвѣ, а потому почти непроходимые. Въ этихъ лѣсахъ множество вѣчно-зеленыхъ формъ, которыя напоминаютъ присредиземноморскія страны южной Европы, но, вслѣдствіе болѣе влажнаго климата, развиты роскошнѣе. Изъ животныхъ, характерныхъ для Закавказья, можно назвать: кабана, бураго медвѣдя, шакала, гіену, барса и тигра; изъ птицъ: розоваго скворца, голубого дрозда, колхидскаго фазана; изъ насѣкомыхъ: тарантула, скорпіона, фалангу и др.

Столицей всего Закавказья является древняя столица Грузіи, о которой мы уже имѣли случай говорить въ одной изъ предыдущихъ главъ. Поэтому, не касаясь болѣе Тифлиса, мы здѣсь считаемъ необходимымъ прежде всего сказать нѣсколько словъ объ окрестностяхъ его, а затѣмъ перейдемъ къ древнимъ Кахетіи и Карталиніи.

Почтовая дорога изъ Тифлиса въ Кахетію, огибая Іорскія степи съ сѣвера и сѣверо-востока, идетъ въ Сигнахъ, съ котораго и начинается Кахетія. Отсюда дорога развѣтвляется: одна вѣтвь поворачиваетъ направо, къ Каспію, другая—круто налѣво, въ глубь Кахетіи, въ Телавъ, къ подножію великаго хребта.

Сигнахъ, по-грузински „убѣжище“, одинъ изъ самыхъ красивыхъ и оригинальныхъ городовъ Закавказья, раскинутый на нѣсколькихъ холмахъ и утесахъ, сбившихся въ тѣсную кучку естественныхъ редутовъ, расположенъ въ 100 верстахъ отъ Тифлиса на высотѣ 2.600 фут. и имѣетъ, по послѣдней переписи, 8.998 жителей, изъ которыхъ на долю армянъ приходится 55%, грузинъ—44% и русскихъ—1%. Улицы въ городѣ узкія, извилистыя, грязныя, дома одноэтажные, рѣдко двухъэтажные. Въ городѣ имѣется нѣсколько училищъ, четыре православныя церкви, общественное собраніе, двѣ гостиницы, типографія. Изъ города, въ особенности изъ крѣпостныхъ воротъ, открывается превосходный видъ на лежащую глубоко внизу долину р. Алазани и снѣговыя вершины главнаго Кавказскаго хребта.

Недалеко отъ Сигнаха, на высотѣ 3.000 футовъ, расположенъ Бадбійскій монастырь, построенный въ началѣ IV вѣка первымъ грузинскимъ царемъ-христіанимомъ — Міріаномъ, по убѣжденію св. Нины, просвѣтительницы Грузіи, которая и похоронена въ 334 г. въ Бадбійской обители въ простой деревянной ракѣ, чуть украшенной золоченымъ уборомъ.

Кромѣ храма, украшеннаго внутри чуднымъ рѣзнымъ иконостасомъ и фресками, въ Бадбійскомъ монастырѣ сохранились въ цѣлости палаты прежнихъ митрополитовъ, съ оригинальнымъ балкономъ старинной деревянной рѣзьбы, который обходитъ кругомъ массивныя каменныя стѣны дома. Палаты внутри расписаны, потолки узорчатые съ позолотой, а стѣны покрыты портретами митрополитовъ и проч.

Отъ Бадбійскаго монастыря открывается чудный видъ на широко раскинувшуюся внизу панораму Сигнаха, Кахетіи и Кавказскихъ горъ, синѣющихъ за нею.

Говоря о Сигнахѣ, нельзя пройти молчаніемъ роскошную Алазанскую долину, покрытую сплошнымъ садомъ, а у подножія горнаго ската—зелеными виноградниками. Это — поистинѣ страна, текущая виномъ, медомъ и млекомъ, но, къ сожалѣнію, приходится констатировать, что винодѣліе, за немногимъ исключеніемъ, оставляетъ желать многаго и пока населеніемъ ведется примитивнымъ путемъ.

Обыкновенно около виноградниковъ расположена марана, давильня, состоящая изъ нѣсколькихъ каменныхъ столбовъ, чуть прикрытыхъ навѣсомъ, и подъ нею въ

земль погребъ. У мараны стоять много громадныхъ обожженныхъ изъ крѣпкой красной глины кувшиновъ, называемыхъ чоры, или квеври, наслѣдіе глубокой древности; они знакомы еще Библіи и до сихъ поръ еще не вытѣснены изъ кахетинскаго винодѣлія. Кувшины эти вмѣщаютъ въ себѣ отъ 80—100 ведеръ, а въ богатыхъ княжескихъ хозяйствахъ сохранились еще старинные чоры, вмѣщающіе въ себѣ 2.000 бутылокъ, глубиною до трехъ саженъ при двухъ саженяхъ въ ширину. Кувшины эти зарываются въ землю, и такимъ способомъ хранится вино; затѣмъ оно поступаетъ въ бурдюки — мѣшки, сдѣланные изъ шкуръ буйволовъ, быковъ, козъ—то, что называлось въ Библіи „мѣхомъ вина“.

Дорога изъ Сигнаха въ Телавъ идетъ сплошнымъ садомъ, и въ восьми верстахъ отъ него на пути находится самое значительное изъ родовитыхъ княжескихъ имѣній— Цинонданы, князя Чавчавадзе, которое славится своимъ виномъ. Телавъ—уѣздный городъ Тифлисской губерніи, расположенъ на правой сторонѣ Алазанской долины, у подножья Гомборскихъ горъ, на высотѣ 2.420 ф., въ 93½ в. отъ Тифлиса. По грузинскимъ источникамъ, онъ основанъ въ 893 г. правителемъ Кахетіи Кирикомъ I. Особаго промышленнаго и торговаго значенія городъ не имѣетъ; главнѣйшимъ предметомъ торговли служитъ виноградное вино, вывозимое изъ Кахетіи черезъ Телавъ и Гомборскій перевалъ въ Тифлисъ. Жителей — 11.810. Въ городѣ 8 церквей, клубъ, библіотека, среднее женское учебное заведеніе и гостиница, мостовыхъ-же и освѣщенія нѣтъ. Въ Телавѣ сохранился дворецъ грузинскихъ царей, въ которомъ въ настоящее время помѣщается женское учебное заведеніе св. Нины. Нѣкоторыя комнаты дворца сохраняютъ свой прежній видъ. Спальня, гдѣ умеръ въ 1798 году царь Ираклій II, съ старинными нишами и сводами, обращена въ классъ, а тронный залъ — въ столовую. Вокругъ дворца идетъ крѣпостная ограда, какою окружень и старинный соборъ.

Недалеко отъ Телава, около селенія Ени-Секи, находятся развалины древней столицы Кахетинскаго царства— Гремы, который былъ однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ Грузіи и возникъ еще до Р. Х. Въ IV вѣкѣ онъ былъ уже значительнымъ городомъ и крѣпостью.

Съ этимъ городомъ связана легенда о чудѣ Григорія, просвѣтителя Арменіи, скитавшагося въ то время, въ лѣсу у Марткоби. Памяти этого чуда посвященъ уцѣлѣв-

шій до нашего времени монастырь Алаверды, недалеко отъ Гремп, глубоко почитаемый во всей Грузіи. Въ Гремп въ древности была основана, между прочимъ, единственная высшая школа, откуда грузинскіе юноши отправлялись доканчивать свое образованіе въ Аѳины, къ мудрецамъ Греціи.

Масса сохранившихся древнихъ гробницъ напоминаетъ, по характеру, гробницы Самтавра, близъ Мцхета, и дала-бы богатый матеріалъ для археологическихъ раскопокъ. Въ соборѣ монастыря хранятся Евангеліе на пергаментѣ, написанное въ XI ст., и нѣсколько древнихъ иконъ.

Первый пунктъ послѣ Тифлиса, заслуживающій вниманія — Караязы, гдѣ находится знаменитый Маріинскій каналъ, замѣчательнѣйшее по размѣрамъ ирригаціонныхъ работъ и ихъ техникѣ, а также по количеству орошенной земли, сооруженіе подобнаго рода на Кавказѣ. Онъ устроенъ въ 1864—1867 гг. и принадлежитъ „Обществу возстановленія христіанства на Кавказѣ“, для усиленія средствъ котораго правительствомъ было отпущено 30 тыс. десятинъ земли. Общая стоимость этого сооруженія около 800 тыс. руб. Этотъ каналъ, назначеніе котораго питать Караязскія степи, начинается у старинной крѣпости Решидъ-кало и первыя четыре версты идетъ вдоль Куры, скрываясь въ мелкомъ лѣсу, потомъ, дѣлая крутой поворотъ влѣво, доходитъ до самыхъ горъ. Главный каналъ, Маріинскій, выводящій воду изъ р. Куры немного выше крѣпости посредствомъ барража (вода поступаетъ въ каналъ съ помощью 24 желѣзныхъ шлюзовъ), тянется на 3½ версты; вѣтвь его, Кичикъ-Кясыкъ, на 5 верстъ, а 16 второстепенныхъ каналовъ имѣютъ въ длину до 104 вер., которые всѣ въ совокупности орошаютъ до 15.000 десятинъ земли. Въ 1885 году Караязское имѣніе, съ орошаемыми землями, перешло въ казну.

Далѣе вторымъ замѣчательнымъ послѣ Тифлиса является Гори, одинъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ во всей губерніи. Онъ расположенъ при сліяніи рѣкъ Ліахвы и Меджуды съ Курою. Изъ зданій, по древности и характерности своей, замѣчательны: церковь Аконской Богоматери и старый армянскій соборъ съ высокою готическою кровлей и маленькой башенкой надъ входомъ. У оліянія Меджуды съ Ліахвою, на уединенномъ пикѣ, расположена древняя крѣпость; еще многія ея башни, съ бойницами, съ площадками для защиты, вполнѣ уцѣлѣли. Путь къ

крѣпости шелъ черезъ сводъ, устроенный подъ стѣпами террасъ. Противъ Гори, на правомъ берегу Куры, на высокомъ пикѣ, стоитъ Гори-джвари — „крестъ-Гори“ — замокъ съ монастыремъ, обнесенный высокими стѣнами. Народная святыня этого монастыря—серебряный крестъ съ мощами св. Георгія.

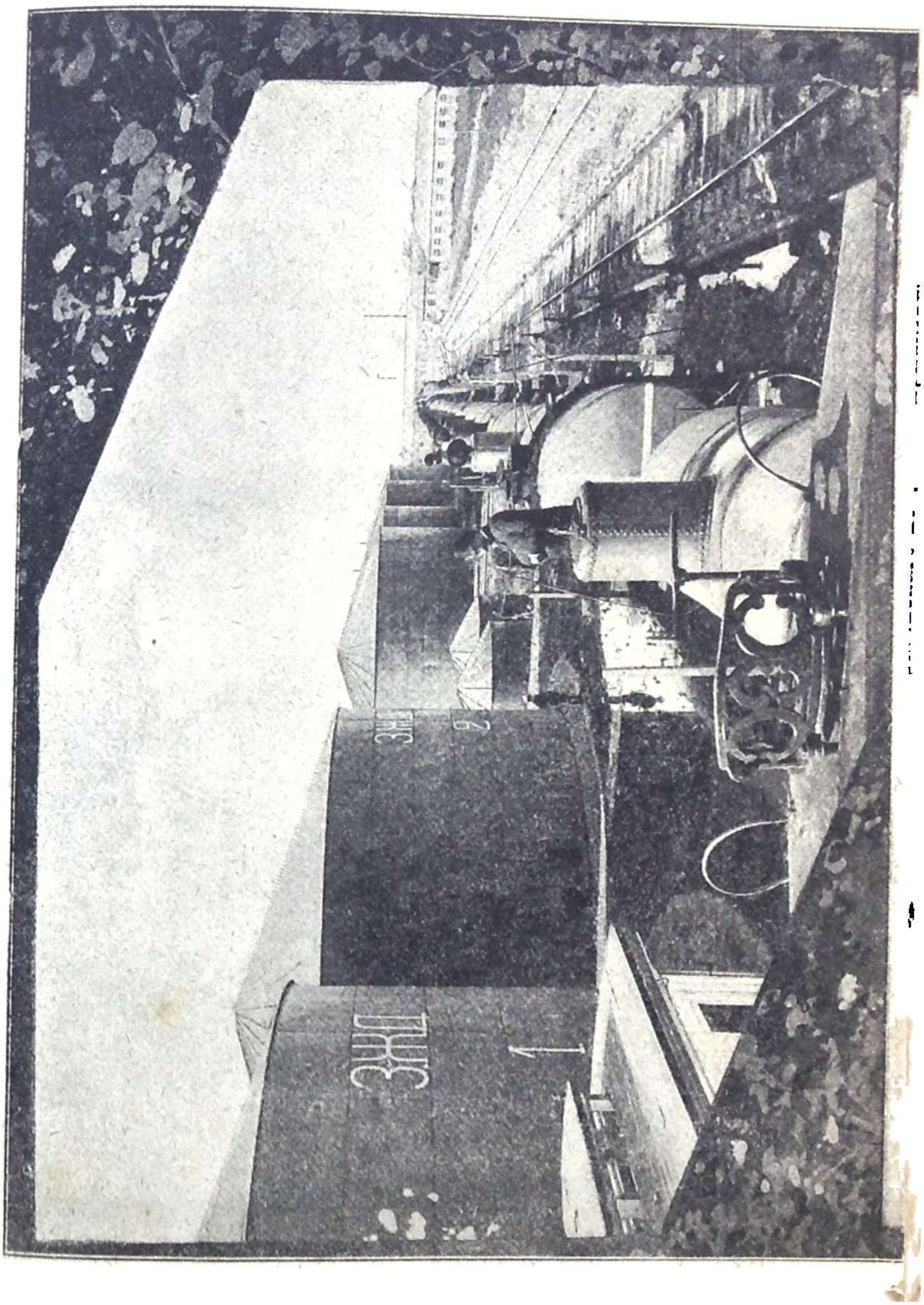
Гори въ древности считался одною изъ неприступныхъ крѣпостей Грузіи, что подтверждается сохранившейся по настоящее время крѣпостью, увѣнчанной зубчатыми стѣнами и башнями. Самъ-же Гори прилѣпляется съ двухъ сторонъ къ крѣпости, подымаясь на скаты скалы. Прежде входъ въ крѣпость велъ черезъ трое ворота, изъ которыхъ сохранились только одни, идущія сквозь башню, выстроенную въ персидскомъ вкусѣ. Изъ крѣпости открывается красивый видъ на городъ, Куру, рѣку Пшонку, которые кажутся какъ-бы на днѣ крѣпости.

Въ углу крѣпости сохранилась церковь съ высокими арками и на остаткахъ ея штукатурки еще можно различить характерные грузинскіе наряды, вѣнчики святыхъ, св. Георгія съ копьемъ и другіе обрывки фресокъ. Тутъ-же, въ притворѣ, стоятъ нѣсколько старинныхъ каменныхъ гробницъ, а немного далѣе чернѣетъ начало подземнаго хода изъ крѣпости въ городъ.

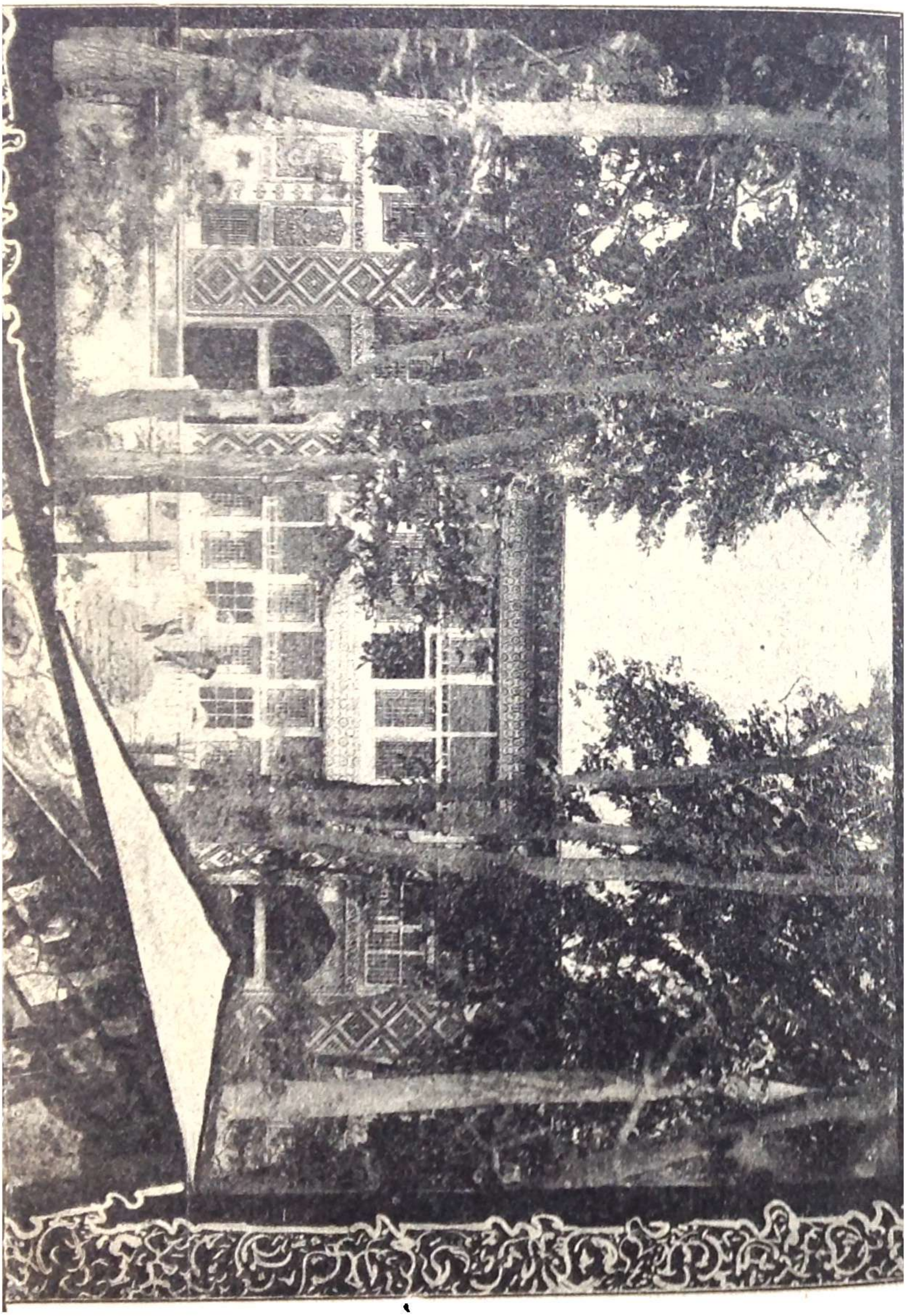
Время постройки крѣпости Горисъ-цихе неизвѣстно, но о ней уже упоминается въ грузинскихъ лѣтописяхъ VII столѣтія, какъ объ одномъ изъ надежнѣйшихъ укрѣпленій во всей Грузіи. Ираклій II не разъ находилъ въ ней убѣжище при нашествіи лезгинъ, персовъ и турокъ. Въ опасное время, говорятъ, мимбаши (комендантъ) пропускалъ въ крѣпость окрестныхъ жителей, осаждавшихъ ея ворота при наступленіи вечера. Впустивъ ихъ, мимбаши запиралъ ворота самъ и хранилъ ключи у себя, а жители, размѣстившись въ тѣхъ помѣщеніяхъ, которыя видны въ стѣнахъ еще и теперь, забывали опасность. Внутри крѣпости до сихъ поръ еще видна глубокая яма, выложенная камнемъ и служившая для сбора дождевой воды.

Въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Гори, по дорогѣ, идущей по лѣвому берегу Куры, расположенъ пещерный городъ Уплисъ-цихе, доисторическая древность, что въ переводѣ означаетъ „Божья башня“ или „Божья крѣпость“. Но, прежде чѣмъ будемъ говорить о ней, скажемъ нѣсколько словъ о троглодитахъ, обитателяхъ пещерныхъ городовъ. Страбонъ говоритъ, что на сѣверномъ

Стр. 153 и 154.

Стр. 155 и 156.

Екатеринодаръ. 1) Мостъ черезъ р. Кубань. 2) Соборъ.
Композиц. художника Н. Ольшанскаго по фот. В. Ермакова.

Темиръ-Ханъ-Шура. 1) Общій видъ. 2) Группа мѣстныхъ армянъ.
Композиц. художн. Н. Ольшанскаго по фот. В. Ермакова.

скатѣ Кавказа находится народъ троглодиты, живущій, вслѣдствіе стужи, въ пещерахъ и имѣющій изобиліе въ хлѣбѣ и овощахъ. Но что это были за люди и что заставляло ихъ жить въ вырубленныхъ высокихъ пещерахъ — неизвѣстно. Можно одно предположить, что въ доисторическія времена жизнь людей складывалась такъ, что для сохраненія ея приходилось жить въ недоступныхъ пещерахъ.

Говоря объ основаніи Уплисъ-цихе, грузинскіе лѣтописцы повѣствуютъ такъ: отъ Ноева сына Іафета произошелъ въ 3-мъ или 4-мъ колѣнѣ родоначальникъ армянъ и грузинъ Таргамосъ, у котораго было восемь сыновей и по имени одного изъ нихъ, Картлоса, произошло имя картвелицевъ. Сынъ Картлоса, Мцхетосъ, построилъ городъ Мцхетъ, сынъ-же Мцхетоса, Уплисъ, города: Каспъ, Урбнисъ и Уплисъ-цихе.

Уплисъ-цихе стоитъ особнякомъ среди существующихъ пещерныхъ городовъ въ Персіи, въ Азіатской Турціи и у насъ въ Крыму. Тутъ видно, что хотя начало его и было положено троглодитами, но, видимо, въ силу его благопріятнаго положенія и народы историческіе располагали въ немъ свои жилища, распространяли и докапчивали работы дикарей. Замѣтно, что здѣсь господствовали просвѣщеніе, роскошь и даже любовь къ искусствамъ. Тутъ встрѣчаются памятники греческой, римской, арабской и даже готической архитектуры. Полуразвалившаяся кирпичная христіанская церковь, существующая тутъ-же, повидимому, нѣсколько столѣтій, кажется, въ сравненіи съ окружающимъ ее, новой постройкой. Тутъ цѣлыя улицы пещерныхъ жилищъ, разрушенныхъ и сохранившихся, покрываютъ вершины скалы, поднимаясь этажами одна надъ другой. Пещеры очень разнообразны: есть небольшія, почти круглыя, есть въ нѣсколько отдѣленій, съ каменными лѣсенками и отверстіями, проходящими въ сосѣднее жилье—повидимому, дома семейныхъ людей, нѣкоторыя-же настолько сложны и обширны и отличаются такой тщательностью своей отдѣлки, что позволяютъ думать, что здѣсь жили прежде знатные и начальствующіе и что эти пещеры есть сооруженія позднѣйшія, въ вѣка цивилизаціи. Но всего интереснѣе такъ называемый дворецъ Тамары, расположенный вблизи церкви. Высокія комнаты покрыты красивой скульптурной отдѣлкой, а двѣ круглыя колонны, украшенныя рѣзь-

бою, отдѣляютъ главный залъ отъ прихожей. По сторонамъ высокія окна арками, съ карнизами кругомъ, выходящія въ боковыя помѣщенія; вверху правильное круглое отверстіе для пропуска свѣта; вдоль задней стѣны каменное возвышеніе вродѣ эстрады со ступенями къ нему; въ глубинѣ альковъ съ каменнымъ ложемъ. Рядомъ-же съ дворцомъ рядъ простыхъ пещеръ, похожихъ на казарму или на келіи монастыря.

Церковь хорошо сохранилась и помѣщается на видномъ мѣстѣ. Она сложена изъ кирпича и окружена полутемной галлереѣкой, гдѣ разбросаны частью разбитые и вросшіе въ землю огромные глиняные кувшины, въ которыхъ благочестивые люди приносили Богу жертвы виномъ послѣ счастливой уборки садовъ. Изъ окопъ этой галлереи открывается обширная панорама на долину Куры, а глубоко внизу расположилась, точно муравейникъ, деревня того-же названія, въ которой сохранились древняя церковь и развалины крѣпостныхъ стѣнъ. Обратный путь со скалы можно совершить черезъ прорытый въ скалѣ тунель.

Въ Горійскомъ уѣздѣ, въ 27½ верстахъ отъ ст. Михайлово, при впаденіи р. Боржомки въ Куру расположенъ курортъ Боржомъ, къ которому идетъ вѣтвь, соединяющая его съ общею сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Боржомъ — одинъ изъ очаровательныхъ и роскошныхъ по своей богатой растительности уголковъ Россіи. Первыя свѣдѣнія о боржомскихъ минеральныхъ водахъ появились въ 1832 году, когда командиръ херсонскаго гренадерскаго полка В. П. Поповъ, испытавшій на себѣ цѣлебное дѣйствіе водъ, сталъ посылать туда для леченія солдатъ. Къ Боржому вела лишь тропа по ущелью, по которой можно было проѣхать только верхомъ; но съ теченіемъ времени усердіемъ грузинскаго гренадерскаго полка были устроены удобные пути сообщенія, и Боржомомъ стали пользоваться не только больные военные, но и горожане Закавказья.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, по распоряженію князя Воронцова, въ Боржомѣ были выстроены каменныя галлереи и устроены ванны, причемъ князь выбралъ его мѣстомъ для своего лѣтняго пребыванія. Боржомъ съ каждымъ годомъ принималъ болѣе благоустроенный видъ, а къ живописнымъ окрестностямъ были проложены дороги, на оголенныхъ мѣстахъ разбиты роскошные парки, черезъ рѣки переброшены мостики и т. д.

Къ 1859 году Боржомъ настолько разросся, что пришлось для этого поселенія учредить особое управленіе; въ 1869 г. былъ назначенъ особый медицинскій чиновникъ, въ вѣдѣніи котораго и находились воды. Въ 1870 г. Боржомъ и минеральныя воды перешли въ вѣчное и потомственное владѣніе великаго князя Михаила Николаевича. Благодаря заботамъ его высочества, Боржомъ сталъ быстро развиваться и процвѣтать, достигнувъ того образцоваго положенія, въ которомъ онъ находится въ настоящее время.

„Несмотря на кажущееся однообразіе, — говоритъ Г. А. Джаншіевъ въ своемъ описаніи Боржома,—на каждомъ шагу вы встрѣчаете все новое и новое сочетаніе формъ, красокъ и освѣщенія. То выпуклый массивъ, словно грудь великана, стоитъ одиноко и преграждаетъ вамъ путь, то стройныя гряды ровными ступеньками постепенно спускаются къ ущелью, образуя какъ-бы колоссальный амфитеатръ... На свѣтло-зеленомъ полѣ разсыпаны пятнами желтые, палевые, ярко-красные и розовые листья замирающей на зиму растительности“.

Боржомъ, расположенный на высотѣ 2.800 ф., относится къ такъ называемымъ „подальпійскимъ мѣстностямъ“ и, помимо цѣлебныхъ минеральныхъ источниковъ, является прекрасной климато-лечебной горной станціей. Въ январѣ Боржомъ покрытъ густой пеленой снѣга; по утрамъ морозцы, въ полдень температура выше нуля, дни ясные, солнечные. Въ концѣ января и началѣ февраля уже на южныхъ склонахъ горъ снѣгъ таетъ и появляются первые весенніе цвѣты; къ концу февраля чувствуется весеннее тепло, солнце свѣтитъ ярко и появляется первая травка. Мартъ и апрѣль, вслѣдствіе непостоянства погоды, рѣзкихъ колебаній температуры, считаются самыми неблагопріятными. Послѣ этого переходнаго періода наступаетъ уже весна въ полномъ блескѣ. Къ концу апрѣля зацвѣтаютъ кизиль, дикая слива, лужайки покрываются массою цвѣтовъ. Въ началѣ мая уже лѣто: воздухъ напоенъ ароматомъ молодой листвы тополей, грецкаго орѣха, цвѣтущихъ яблонь, грушъ, сирени... Въ іюнѣ очень тепло: воздухъ лѣсовъ пропитанъ живительнымъ запахомъ сосны... Въ іюлѣ и августѣ бываютъ жары, но всегда можно укрыться въ живописныхъ и тѣнистыхъ уголкахъ ущелья. Осень въ Закавказьѣ считается лучшимъ временемъ года и какъ сентябрь, такъ

и октябрь погода стоитъ теплая и солнечная. Въ ноябрѣ начинаются дожди, которые во второй половинѣ мѣсяца переходятъ въ снѣгъ, быстро тающій. Въ декабрѣ выпадаетъ снѣгъ.

Особаго вниманія въ Боржомѣ заслуживаетъ дворецъ, живописно расположенный на лѣвомъ берегу Куры. Дворецъ — деревянное на каменномъ фундаментѣ двухъэтажное зданіе — построенъ въ мавританскомъ стилѣ и поражаетъ своимъ изяществомъ. Онъ весь утопаетъ въ зелени, окруженъ прекрасными оранжереями и фонтанами, состоитъ изъ 32 комнатъ и во время отсутствія великокняжеской семьи доступенъ для осмотра. Изъ комнатъ особенно интересна столовая, въ которой люстры, канделябры и прочее сдѣлано изъ роговъ оленей, дикихъ козъ и лосей, убитыхъ семьею великаго князя. Постройка дворца, относящаяся къ 1865 году, говорятъ, обошлась болѣе 200.000 руб.

Недалеко отъ дворца расположенъ кавалерскій домъ, а въ зелени дворцоваго парка — фрейлинскій домикъ и небольшая дѣтская ферма въ русскомъ стилѣ, населенная преимущественно пернатыми обывателями.

На отдѣльномъ возвышеніи, совершенно особнякомъ, выдѣляется церковь въ древне-грузинскомъ стилѣ изъ вытесаннаго камня съ такою-же крышей.

Изъ парковъ Боржома укажемъ на Реммертовскій, расположенный на мысѣ при впаденіи Боржомки въ Куру и названный въ честь устроителя водъ, д-ра Реммерта. При входѣ въ паркъ „Минеральныя воды“ находится выстроенный въ 1897 г. небольшой, но изящный театръ въ русскомъ стилѣ; тутъ-же новое зданіе разливки боржомскихъ водъ, потребленіе которыхъ увеличивается съ каждымъ годомъ.

Въ этомъ паркѣ находятся источники — Екатерининскій (24° R.) и Евгеніевскій (18° R.). Вода Екатерининскаго источника по вкусу походитъ на нарзанъ, но гораздо вкуснѣе послѣдней. Источникъ закрытъ сверху стекляннымъ колпакомъ. По дорогѣ къ этому парку, на берегахъ Боржомки, расположены и лучшія дачи и гостиницы. Весь Боржомъ и всѣ дачи освѣщаются электричествомъ.

Изъ окрестностей Боржома, богатыхъ своимъ живописнымъ положеніемъ, укажемъ на Ликанъ, лежащій въ 2 верстахъ отъ курорта, на пути въ Аббасъ-Туманъ. Дорогой мѣстами видны слѣды древнихъ развалинъ, по

пути, въ боковомъ ущельѣ, находятся развалины Ликанскаго монастыря. Тутъ среди зелени сосновой рощи расположенъ небольшой, но очень изящный дворецъ в. к. Николая Михаиловича. Въ шести верстахъ отъ дворца раскинулся Зеленый монастырь, прекрасно сохранившійся памятникъ христіанской старины, затѣмъ Львиная гора, получившая свое названіе якобы отъ сходства со львомъ. Въ 11 верстахъ отъ Боржома расположенъ Дабскій монастырь, съ высѣченными на каменныхъ плитахъ узорами, поражающими своимъ художествомъ.

Изъ дальнихъ мѣстъ, наиболѣе посѣщаемыхъ публикой, упомянемъ о Бакурьяни, отстоящемъ отъ Боржома въ 20 верстахъ, и о Цагверскомъ минеральномъ источникѣ.

Бакурьяни соединенъ съ Боржомомъ узкоколейной желѣзной дорогою, и будущность этой удобнѣйшей и лучшей климатической горной станціи Кавказа блестяща.

Изъ Боржома идетъ прекрасная шоссированная дорога въ Аббасъ-Туманъ, расположенный въ 70 верстахъ, и удовольствіе проѣхать это разстояніе въ двухмѣстной коляскѣ обходится въ 15 р. 50 коп., а въ четырехмѣстной — 18 р. 50 коп. На пути расположены пять станцій, все-же время пути колеблется между 7-ью и 8-ью часами.

Вся дорога до Аббасъ-Тумана очень живописна и вначалѣ идетъ ущельемъ, покрытымъ хвойными деревьями. Мѣстами посреди Куры видны островки — это сорвавшіяся съ незапамятныхъ временъ огромныя гранитныя глыбы. На 14-ой верстѣ горы по правую сторону дороги уходятъ въ глубь открывающейся широкой долины, на 16-й же верстѣ картина рѣзко мѣняется и роскошная растительность смѣняется голыми скалами и долинами, оживленными лишь водами Куры.

Въ 6 верстахъ отъ границъ Боржома находится у дороги дер. Ацхуръ, съ замѣчательными остатками обширнаго храма VII столѣтія, построеннаго греческимъ императоромъ Ираклiемъ и существовавшаго до XVIII вѣка, когда былъ разрушенъ турками. Тутъ и новая церковь, сооруженная въ 1896 г. на средства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и въ Бозѣ почивающаго наслѣдника-цесаревича и великаго князя Георгія Александровича.

Далѣе, не доѣзжая города Ахалцыха, стоитъ скромный монументъ въ византійскомъ стилѣ, поставленный въ 1861 г. „въ память воинамъ, павшимъ при осадѣ и

взятіи войсками въ 1828 г. ахалцыхской крѣпости". Ахалцыхъ — уѣздный городъ, расположенъ на берегу р. Посховъ-чая. Ахалцыхъ, во время турецкаго владычества носившій позорное имя. „Разбойничье гнѣздо", былъ важнымъ торговымъ пунктомъ, куда привозили товары изъ Карса и Эрзерума, также невольниковъ, похищаемыхъ изъ Грузіи. Ахалцыхъ раздѣляется рѣкою Посховъ-чаемъ на двѣ отличныя другъ отъ друга части: старый и новый городъ. Съ городомъ соединяется крѣпость, съ трехъ сторонъ окруженная оврагами. Въ крѣпости заслуживаетъ вниманія православная церковь, носящая слѣды глубокой древности. Храмъ этотъ передѣланъ изъ Ахметовой мечети, съ которою связано въ Ахалцыхѣ много славныхъ преданій. Она построена была въ 1161 г. гиджры по образцу Софійской мечети въ Константинополѣ. Минаретъ передѣланъ въ колокольню. Посреди двора находится фонтанъ, для котораго вода проведена за 15 верстъ. На второмъ внутреннемъ дворѣ помѣщался извѣстный ахалцыхскій лицей, при которомъ находилась одна изъ богатѣйшихъ восточныхъ библіотекъ; послѣдняя вывезена въ Петербургъ для храненія въ Публичной библіотекѣ.

Проходя по городу, замѣчаешь цѣлые ряды мастерскихъ. Изъ ахалцыхскихъ издѣлій большой сбытъ находятъ мохнатыя хлопчато-бумажныя простыни, желѣзныя, мѣдныя и кожевенныя издѣлія. Ахалцыхъ щеголяетъ выдѣлкою и окраскою шелковыхъ шнурковъ, тесемъ, вышиваніемъ сѣделъ, выдѣлкою пистолетныхъ стволовъ съ рѣзьбою, въ особенности-же своими филигранными серебряными издѣліями.

Дорога отъ Ахалцыха до самаго Аббасъ-Тумана очень живописна; сначала она идетъ между горъ, покрытыхъ зеленью, затѣмъ выходитъ въ долину, и, чѣмъ ближе къ Аббасъ-Туману, тѣмъ она становится уже, горы обрывистѣе и лѣсистѣе и дорога вступаетъ въ Аббасъ-Туманское ущелье, по которому протекаетъ рѣка Аббасъ-Туманка.

Въ Аббасъ-Туманѣ заслуживаютъ особаго вниманія осмотръ дворца, въ которомъ жилъ наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Георгій Александровичъ; „Ворота очарованья", гдѣ на пути находится мѣсто скорбной кончины наслѣдника, надъ которымъ выстроена часовня съ надписью: „Подаждь Господи усопшему рабу государю цесаревичу великому князю Георгію Александровичу во блаженномъ успеніи вѣчный покой! во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь".

Въ Аббасъ-Тумапѣ находятся три источника: Богатырскій, Змѣиный и Противозолотушный; всѣ они расположены на лѣвомъ берегу р. Аббасъ-Тумапки. Наблюденія врачей показали, что пребываніе въ Аббасъ-Туманѣ особенно полезно для страдающихъ въ начальномъ періодѣ чахоткою, при верхушечныхъ катаррахъ легкихъ, при малокровіи; въ то-же самое время для одержимыхъ легочной чахоткой, когда уже произошли обширныя разрушенія легочной ткани, а также больнымъ съ порокомъ сердца пребываніе въ Аббасъ-Туманѣ крайне вредно.

Всѣ дачи и вапныя зданія Аббасъ-Тумана сгруппированы въ центрѣ Аббасъ-Туманскаго ущелья, которое далѣе сходится и образуетъ тѣсную расщелину, называемую „Ворота очарованія".

Въ Аббасъ-Туманѣ устроена въ 1892 г. первая въ Россіи горная астрономическая обсерваторія. Она возведена на скалѣ (4.500 ф.). Постройка и устройство обсерваторіи произведены были подъ непосредственнымъ наблюденіемъ профессора Глазенапа. На ней установленъ девятидюймовый рефракторъ.

Здѣсь мы приблизились уже къ Имеретіи, но пока не войдемъ въ нее, а обратимся къ древнимъ ханствамъ, нынѣшнимъ Бакинской, Елисаветпольской, Эриванской губерніямъ.

О Бакинской губерніи намъ пришлось уже говорить въ главѣ, посвященной описанію каспійскаго побережья, а поэтому здѣсь мы прямо перейдемъ къ описанію Елисаветпольской губерніи,—древнему Ганжинскому ханству.

2. Древнія ханства.

Елисаветпольская губ. состоитъ изъ 8 уѣздовъ; изъ нихъ 5 — Нухинскій, Арешскій, Казахскій, Елисаветпольскій, Джеваншпрскій и Шушинскій—принадлежатъ къ бассейну Куры, Зангезурскій занимаетъ бассейнъ р. Бергушета и Джебраильскій лежитъ въ бассейнѣ Аракса. Елисаветполь—губернскій городъ, расположенъ въ 181 верстѣ отъ Тифлиса на высотѣ 1.442 ф., въ 5 верстахъ отъ одноименной станціи Закавказской желѣзной дороги. До взятія въ 1804 году кн. Циціановымъ Елисаветполь былъ извѣстенъ подъ именемъ Ганжи и переименованъ въ честь императрицы Елисаветы Алексѣевны, причемъ князь Циціановъ установилъ 1 руб. сер. штрафа съ того, кто будетъ называть городъ прежнимъ именемъ.

Ганжа была древнимъ и обширнымъ городомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ ея обширныя кладбища. Она принадлежала поочереди народамъ, ведшимъ постоянныя войны на равнинѣ рѣки Куры; при Тиграпѣ VII она была разорена персами, около половины VII в. — арабами, въ VII в. была центромъ военныхъ дѣйствій между хозарами и арабами. Въ 1136 г., послѣ сильнаго землетрясенія, разрушившаго почти весь городъ, Ганжа была перенесена на новое мѣсто. Въ концѣ XIV вѣка она была разорена Тимуромъ, а въ началѣ XVI в. много пострадала отъ борьбы, сопровождавшей распространеніе шіизма. Въ началѣ XVII в. шахъ Аббасъ перенесъ городъ на нынѣ занимаемое имъ мѣсто, перевелъ сюда изъ Персіи персовъ и адербейджанскихъ татаръ и много заботился объ украшеніи и процвѣтаніи города.

Въ началѣ XVIII столѣтія Ганжа, принадлежавшая дотолѣ Грузіи, перешла къ туркамъ, которые владѣли ею 30 лѣтъ. Съ 1735 г., когда Надиръ-шахъ разбилъ при Ганжѣ турокъ, она до XIX ст. существовала сначала въ видѣ персидскаго, потомъ самостоятельнаго владѣнія, частью въ зависимости отъ Грузіи.

Впервые русскіе заняли Ганжу въ 1796 г., но не надолго, а въ 1804 г. Ганжа была взята окончательно, причемъ палъ Джавадъ-ханъ, послѣдній ханъ ганжинскій. По Гюлистанскому трактату, въ 1813 г., городъ, вмѣстѣ съ Ганжинскимъ ханствомъ, остался за Россіею и былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Тифлисской губ.

Въ іюлѣ 1826 г., когда персидскія войска, подъ начальствомъ Аббаса-мирзы, неожиданно вторглись въ наши владѣнія, Елисаветполь, очутившійся въ весьма опасномъ положеніи, былъ оставленъ русскими, но 4-го сентября снова занятъ отрядомъ кн. Мадатова. Главными послѣдствіями побѣды подъ Елисаветполемъ были предупрежденіе опасности, угрожавшей Тифлису, освобожденіе занятыхъ непріятелемъ областей и отступленіе персовъ за границу.

Въ 1868 г. была образована Елисаветпольская губ. и Елисаветполь былъ сдѣланъ губернскимъ городомъ.

Остатки сохранившейся крѣпости были срыты нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ханскій-же дворецъ существуетъ по настоящее время.

Говоря о климатѣ Елисаветполя, надо сказать, что онъ лѣтомъ очень жаркій, а зимой холодный. Изъ болѣзней въ особенности обыкновенны лихорадки, поносы, а также особый, свойственный Елизаветполю „нарывъ,годовикъ“, но

опъ въ послѣднее время, съ улучшеніемъ санитарнаго состоянія города, почти исчезъ.

Городъ насчитываетъ 25.758 жителей, изъ которыхъ татаръ-мусульманъ 13.392, армянъ 10.524, остальное незначительное количество приходится на русскихъ и др. Въ городѣ имѣются 2 православныхъ церкви, 13 мечетей, 10 учебныхъ заведеній, изъ нихъ 1 гимназія, 2 клуба и т. д. Въ послѣдніе годы Елисаветполь значительно расширился и украсился новыми зданіями; на мѣстѣ бывшей крѣпости возникъ вполнѣ европейскій кварталъ съ широкими улицами и т. д. Изъ достопримѣчательностей укажемъ на мечеть Джумма, построенную шахомъ Аббасомъ въ 1620 г. Мечеть увѣнчана огромнымъ куполомъ и окружена многими келіями и помѣщеніями для учащихся мусульманъ. Передъ громадными воротами мечети обширная базарная площадь, окруженная лавками и окаймленная великолѣпными платанами.

Въ окрестностяхъ Елисаветполя среди развалинъ старой Ганжи находится хорошо сохранившаяся „Зеленая“ мечеть, украшенная изразцами и арабскими надписями. Мечеть имѣетъ большіе вакуфы, считается особо священною и въ извѣстное время года посѣщается множествомъ богомольцевъ. Другая достопримѣчательность — мавзолей съ куполомъ, подъ которымъ похороненъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ персидскихъ поэтовъ — Шейхъ-Низамъ (Низамеддинъ).

Шуша, уѣздный городъ, построенъ на высотѣ 3.870 ф., на мелафировой крутой горѣ. Улицы города широки и вымощены плитнякомъ, дома построены изъ тесанаго камня. Укрѣпленныя зданія съ башнями и подземными выходами придаютъ Шушѣ видъ средневѣковаго европейскаго города. Городъ населенъ армянами и татарами. Армянскіе купцы преимущественно торгуютъ шелкомъ, имѣютъ нѣсколько шелкомотальныхъ фабрикъ, ведутъ прямыя сношенія съ Тифлисомъ, Москвою и Марселемъ.

Нуха, иначе Шеки, городъ Елисаветпольской губ., расположена у подошвы главнаго Кавказскаго хребта на высотѣ 2454 ф. надъ уровнемъ моря въ сѣверо-восточной части ущелья, по которому протекаетъ р. Кишъ-чай. Жителей въ немъ 25 тыс., изъ которыхъ 81% татаръ и 18% армянъ. Нуха до 1819 г. была столицей Шекинскаго ханства, когда была окончательно присоединена къ Россіи. Жители ея, главнымъ образомъ, занимаются шелководствомъ. Нуха — важный торговый центръ по вывозу шелка-сырца.

Эриванская губ. занимаетъ бассейнъ средняго теченія Аракса и небольшую полосу земли въ сѣверо-западномъ углу ея, принадлежащую бассейну р. Куры, и состоитъ изъ 7 уѣздовъ—Эриванскій, Александропольскій, Нахичеванскій, Новобаязетскій, Сурмалинскій, Шарудо-Даралагезскій и Эчміадзинскій. Изъ городовъ укажемъ на Эривань, главный городъ губерніи, Александрополь, Нахичевань, Новобаязетъ; общее количество пространства, занимаемаго губерніей, выражается 22.819 кв. верстъ при населеніи 662.404 душ. обоего пола.

Эривань расположена на лѣвомъ берегу р. Занги и, вмѣстѣ съ обширными садами, занимаетъ до 35 кв. верстъ. Городъ, считавшійся долгое время неприступнымъ, былъ взятъ ген. Паскевичемъ 6-го октября 1827 года, послѣ шестидневной осады.

Эривань, когда смотришь на нее сверху, кажется очень красивой: бѣленькіе домики утопаютъ въ зелени садовъ, занимающихъ широкое пространство, изящные тонкіе минареты возносятся къ темно-синему небу, а округленные контуры старинной крѣпости и вьющаяся змѣйкой Занга дополняютъ картину чисто восточнаго характера. Но стоитъ лишь спуститься внизъ и пройтись по городу, чтобы убѣдиться въ противномъ.

С. Зелинскій въ статьѣ „Эривань“ говоритъ: „Жаркій и удушливый воздухъ Эривани происходитъ отъ ея баснословной нечистоты. Въ продолженіе существованія въ ней успѣло накопиться такое неистощимое количество всякихъ отбросовъ, что Эривань въ настоящее время представляетъ изъ себя сплошную канаву, отравляющую окружающій воздухъ. По общему отзыву, Эривань безусловно вредна, вслѣдствіе жаровъ, но достаточно пройтись по городу, чтобы убѣдиться въ настоящей причинѣ. „Старый базаръ“ буквально обращенъ въ громадную помойную яму: на огромномъ пространствѣ лежатъ развалины сотенъ лавокъ и въ этихъ развалинахъ, а также и на открытыхъ мѣстахъ, находятся чудовищныя груды мусора, грязи, гнили, кожи, шерсти, корокъ арбуза и дыни, кусковъ всякаго рода матерій, костей всѣхъ животныхъ и пр. Понятно, что эти вещества постепенно гніютъ, и наполняютъ воздухъ такимъ зловоніемъ, какого не можетъ безнаказанно переносить даже привычный организмъ туземца.

„Стоитъ подойти къ „Старому базару“, чтобы почувствовать тошноту... Прибавьте къ этому очагу зловонія ста-

рыхъ и новыхъ кладбищъ, множество конюшенъ и постоялыхъ дворовъ, остающихся безъ присмотра, [illegible]хое содержаніе улицъ, гніющую грязь въ водосточныхъ каналахъ, которые проходятъ по всѣмъ направленіямъ и представляютъ болото, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, тогда будетъ понятно, почему эриванскій воздухъ служитъ отравой здѣшняго люда".

То-же самое надо сказать и о водѣ, которая берется изъ Занги, бассейновъ и колодцевъ—всюду она скверна, а на вкусъ отдаетъ гнилью. Единственная болѣе или менѣе порядочная вода считается въ бассейнѣ „Крхъ-бухахъ", помѣщающемся въ городскомъ саду; вода въ этотъ бассейнъ проведена изъ рѣчки Крхъ-бухахъ-чаи, принимающей въ себя нѣсколько родниковъ.

Изъ достопримѣчательностей Эривани укажемъ на дворецъ сердаря, находящійся въ старой крѣпости, нынѣ упраздненной и мѣтко названной императоромъ Николаемъ I—„глинянымъ горшкомъ". Внутри этого дворца особенно интересенъ зеркальный залъ, потолокъ и стѣны котораго украшены разнообразными кусочками зеркалъ, вставленныхъ въ цвѣтныя рамки и составленныхъ въ видѣ различныхъ рисунковъ. Въ глубинѣ зала мраморный фонтанъ и ниша, а по стѣнамъ нѣсколько портретовъ шаха Аббаса-мирзы и пр.

Рядомъ съ дворцомъ помѣщается гаремъ, съ которымъ связано преданіе объ одной молодой грузинкѣ, захваченной персами въ плѣнъ и взятой Гуссейнъ-ханомъ, послѣднимъ сердаремъ (намѣстникомъ) Эриванской губерніи, въ число своихъ женъ.

Въ Грузіи захваченная дѣвушка оставила красавца жениха, любившаго ее безумно. Услышавъ, что его невѣста взята врагами, смѣлый малый рѣшился, какъ говорится въ легендѣ, искать ее по всему свѣту. Случайно во время своихъ странствованій онъ попалъ въ Эривань и, идя по мосту, услышалъ пѣснь своей возлюбленной. Не раздумывая долго, грузинъ рѣшился выкрасть изъ плѣна свою невѣсту и ночью, взявъ лодку, подъѣхалъ къ окну гарема и отвѣтной пѣснью далъ понять невольной узницѣ, что онъ близко и готовъ ей помочь. Охваченная страстью грузинка забыла все окружающее и, открывъ окно, бросилась, рискуя жизнью, прямо въ воду, съ высоты нѣсколькихъ саженъ. Провидѣніе ей благопріятствовало, и она осталась жива. Узнавъ о такомъ удивительномъ и обоюдномъ постоянствѣ, Гуссейнъ-ханъ

великодушно простилъ впновную и отпустилъ ее на волю вмѣстѣ съ любимымъ женихомъ *).

Рядомъ [redacted] дворцомъ находится мечеть, лицевой фасадъ которой выложенъ цвѣтными изразцами. „Это тамъ, — говоритъ Dubois de Montpereux, — когда ни одна крыша, ни одна терраса, ни одинъ погребъ не могли защитить народъ отъ цѣлаго ливня бомбъ и огня, летѣвшихъ изъ русскихъ баттарей, собралось испуганное населеніе, думавшее, что Богъ и Магометъ не допустятъ выстрѣлы русскихъ достигнуть ихъ въ этомъ святомъ убѣжищѣ. Вдругъ слышится трескъ. Одна бомба проникаетъ сквозь куполъ и разрывается вдребезги на 10 футахъ надъ землей. Пусть вообразятъ себѣ ужасъ и отчаяніе, охватившіе всѣхъ. Если Богъ оставилъ ихъ, то слѣдовало покориться, и крѣпость послѣ того была безпрекословно сдана на капитуляцію“.

Это было въ 1827 г. Крѣпость, построенная въ 1582 году, переѣдя къ русскимъ, потеряла всякое значеніе.

Изъ Эривани открывается хорошій видъ на Араратъ, который почти постоянно бываетъ виденъ.

Араратъ, Большой и Малый, у армянъ называемый „Массисъ“ — мать міра, у татаръ—„Агри-дагъ“—тяжелая гора, у персовъ—„Кули-Нухъ“—гора Ноя, вулканическаго происхожденія, о чемъ свидѣтельствуютъ извѣстныя въ исторіи 6 страшныхъ землетрясеній: 1-ое—въ царствованіе Астіага Мидійскаго, второе—въ 139 г. по Р. Хр. при царѣ Артавадѣ, 3-е — въ 341 г., четвертое—въ VIII в., продолжавшееся 40 дней, причемъ погибло до 10 тысячъ человѣкъ, 5-е—въ 1783 г. и, наконецъ, 6-ое—въ 1840 г., имѣвшее послѣдствіемъ знаменитый обвалъ.

Вышина Большого Арарата — 16.536 фут., Малаго — 12.565 фут. Высота Арарата надъ сосѣднимъ нагорьемъ, его уединенное положеніе и прозрачность воздуха объясняютъ, почему онъ виденъ издалека, за 200 в. и болѣе. Снѣжная линія его лежитъ высоко, что происходитъ отъ сравнительно малаго количества выпадающаго снѣга и сильнаго пагрѣванія солнцемъ. Вершины Арарата впервые достигли Парротъ съ Ѳедоровымъ въ 1829 г.

На сѣверъ отъ горы замѣчательна долина св. Іакова. Бывшій тутъ монастырь св. Іакова и сосѣднее селеніе Архури были разрушены потокомъ грязи съ Арарата въ 1840 г.

---

*) «На горахъ Араратскихъ». Е. П. Ковалевскаго и Е. С. Маркова.

„Нѣтъ ничего прекраснѣе великолѣпнаго вида на Араратъ,—говоритъ французскій путешественникъ Морье,—ничего удивительнѣе и поразительнѣе его величины. Въ сравненіи съ нимъ всѣ сосѣднія горы исчезаютъ, его видъ—совершенство во всѣхъ частяхъ: ни одной грубой черты, ни одного неестественнаго возвышенія, повсюду гармонія и все, повидимому, соединилось для того, чтобы представить одно изъ самыхъ величественныхъ явленій природы“.

Туземцы, глядя на вѣчные снѣга и вершины Арарата, уходящія за облака, создали десятки легендъ о немъ. Одно армянское сказаніе говоритъ, что ноевъ ковчегъ, носясь надъ водами, ища себѣ пристанища, дошелъ, наконецъ, до горы Гергуръ, расположенной въ турецкой Арменіи, и обратился къ ней съ просьбой: „Гергуръ, прими меня“. Гора на эту просьбу отвѣчала: „ступай къ Арарату, онъ выше меня“. Араратъ пріютилъ ковчегъ и съ тѣхъ поръ сталъ святой горой.

Въ 18 верстахъ отъ Эриванп, при с. Вагаршапатѣ, находится главнѣйшій армянскій монастырь, Эчміадзинскій, въ которомъ живетъ католикосъ армянъ, глава армянскаго духовенства.

Приближаясь къ Эчміадзину, путникъ видитъ три церкви. По преданію, сохранившемуся у армянъ, „въ мѣстности, гдѣ лежитъ Эчміадзинъ, находился земной рай, и огнедышащій Араратъ былъ тотъ пламенный мечъ Архангела, посредствомъ котораго отъ охранялъ врата роскошныхъ райскихъ садовъ, не допуская въ нихъ, послѣ изгнанія, ни Адама, ни его потомства. Всемірный потопъ потушилъ огненный мечъ и разрушилъ садъ-Эдемъ, но именно поэтому Ной долженъ былъ пристать къ горѣ Арарату (миновавъ Эльбрусъ, за который онъ зацѣпился) и человѣческій родъ вторично произойти изъ этого пункта. Здѣсь Ной увидѣлъ радугу примиренія и тутъ-же нашелъ остатки райскихъ плодовъ, между прочимъ, виноградъ, который онъ и развелъ на землѣ.

Эчміадзинъ, въ переводѣ означающій „сошелъ Единородный“, по словамъ армянской исторіи, построенъ въ 303 г. по Р. Хр. по указанію Самого Спасителя, сошедшаго въ солнечномъ лучѣ къ св. Григорію, просвѣтителю Арменіи, и повелѣвшаго построить на этомъ мѣстѣ храмъ.

Внушительный по размѣрамъ храмъ, обдѣланный плитами изъ порфира, потемнѣвшаго отъ времени, внутри довольно мраченъ. Посреди храма, подъ куполомъ, престолъ

съ четырьмя колоннами изъ таврскаго алебастра, мѣсто, гдѣ, по преданію, сошелъ Іисусъ Христосъ, — по бокамъ придѣлы, устроенные на возвышеніи.

Въ ризницѣ монастыря хранится масса древнихъ вещей—коллекціи монетъ, посохи патріарховъ, драгоцѣнныя украшенія, кресты, митры, убранныя драгоцѣнными камнями, жемчугомъ и брилліантами.

При монастырѣ шестиклассная духовная семинарія, синодальная типографія и старинная библіотека, богатая рукописями (до 2000), изъ которыхъ самая древняя — Евангеліе 989 г. и Библія 1151 г., писанныя на пергаментѣ, а также нѣсколько рукописныхъ томовъ такъ называемыхъ „Избранныхъ рѣчей армянскихъ проповѣдниковъ“, заключающихъ въ себѣ каждый до 8.000 страницъ in folio.

Александрополь расположенъ на р. Арпа-чаѣ, которая нѣсколько южнѣе впадаетъ въ Аракъ, въ 11 верстахъ отъ Карса. Александрополь—чисто военный городъ, располагаетъ военнымъ помѣщеніемъ на 10.000 человѣкъ, имѣетъ пять церквей, шесть караванъ-сараевъ и прочее. Въ 1807 г. турки, которымъ принадлежалъ Александрополь, были разбиты ген. Гудовичемъ, въ 1853 г.—ген. Барятинскимъ. Въ 1877 г. главныя русскія силы противъ Карса и Эрзерума двинулись изъ Александрополя.

Изъ всѣхъ городовъ Закавказья Александрополь наименѣе имѣетъ характеръ азіатскаго города: улицы здѣсь прямы и широки, съ троттуарами. Городъ отличается здоровымъ климатомъ, жаровъ почти не бываетъ. Въ городѣ находится кладбище русскихъ воиновъ, павшихъ въ битвѣ съ турками, именуемое „холмомъ чести“. Съ тѣхъ поръ какъ крѣпость Карсъ осталась въ нашихъ рукахъ, Александрополь потерялъ свое прежнее значеніе первоклассной пограничной крѣпости.

Ново-Баязетъ (6.000 ф.) возведенъ въ 1850 году изъ с. Каваръ на степень уѣзднаго города. Онъ расположенъ на лѣвомъ берегу р. Каваръ-чая. Внѣшній видъ города крайне непривлекателенъ: низкія сакли разбросаны въ безпорядкѣ, узкія улицы, груды кизяка распространяютъ отвратительный запахъ.

Нахичевань, уѣздный городъ, лежитъ въ 2 верстахъ отъ р. Нахичеванъ-чая и въ 8 верстахъ отъ Аракса, на краю послѣдняго уступа Карабахскихъ горъ. По преданію, Нахичевань построена патріархомъ Ноемъ. Этотъ городъ описанъ Плутархомъ подъ именемъ Наксуана [illegible]

окружена развалинами. Нѣкоторыя зданія болѣе или менѣе еще уцѣлѣли. На главномъ порталѣ древняго дворца стоятъ ворота прекрасной архитектуры съ двумя минаретами по бокамъ въ 10 саж. выс.; около этого-же мѣста возвышается „Атабекова башня“, въ видѣ 10-тисторонней призмы, высотою въ 13 саж.; вся она покрыта барельефными куфическими надписями. Нахичевань — вполнѣ азіатскій городъ и можетъ служить образцомъ грязнѣйшаго восточнаго города. Климатъ его крайне нездоровый. Жители Нахичевани преимущественно занимаются садоводствомъ. Сотни фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ обильно орошаются окрестными источниками, а также водою, проведенною изъ Аракса.

Карсская область состоитъ изъ четырехъ округовъ: Карсскаго, Ардаганскаго, Ольтинскаго и Кагызманскаго, пріобрѣтенныхъ Россіей отъ Турціи по Берлинскому трактату, въ 1878 г.

Историческіе памятники, во множествѣ разбросанные по всей странѣ, свидѣтельствуютъ, что здѣсь когда-то христіанство было въ цвѣтущемъ состояніи.

Съ половины 1878 г. по 1-е августа 1881 г. изъ Карсской области выселилось въ Турцію 82.760 душъ обоего пола, причемъ изъ одного Карса ушло болѣе 11 тысячъ человѣкъ. На мѣсто выселившихся мусульманъ пришли изъ Турціи армяне, греки съ береговъ Чернаго моря, русскіе — молокане, духоборцы,—нѣмцы и др.

Изъ городовъ въ Карсской области укажемъ на Карсъ, Кагызманъ, Ардаганъ и Ольты.

Карсъ, расположенный на высотѣ 6.173 ф. надъ уровнемъ моря, при входѣ рѣки Карсъ-чая въ скалистую тѣснину, первоклассная крѣпость и областной городъ Карсской области, получилъ свое названіе отъ грузинскаго слова „кари“—ворота, которое опредѣляло его положеніе на границѣ Арменіи и Грузіи. Впервые Карсъ упоминается въ IX вѣкѣ у армянскаго историка подъ именемъ „Сильная крѣпость“. Послѣ паденія армянскаго царства Карсъ переходитъ въ руки другихъ завоевателей и, въ концѣ концовъ, укрѣпляется за турками. Въ 1579 г., во время войны съ Персіей, Муратъ III построилъ въ немъ сильное укрѣпленіе и сдѣлалъ Карсъ оплотомъ Малой Азіи со стороны Персіи и Грузіи. Съ присоединеніемъ Кавказа къ русскимъ владѣніямъ Карсъ не разъ находился на пути нашихъ операцій въ Малой Азіи. Въ первый разъ Карсъ былъ взятъ гр. Паскевичемъ въ 1828 г.,

во второй разъ онъ сдался Муравьеву только 16-го ноября 1855 г., послѣ штурма, стоившаго русскимъ огромныхъ потерь въ 7.500 чел., и, наконецъ, въ 1877 г. Карсъ окончательно перешелъ въ наши руки послѣ блистательнаго штурма, предпринятаго главнокомандующимъ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ въ ночь съ 5-го на 6-е ноября.

Достопримѣчательностью Карса служитъ древній соборъ, построенный въ 928 г. армянскимъ царемъ Аббасомъ II и обращенный потомъ турками въ мечеть. Въ настоящее время это—православный храмъ.

Современный Карсъ — неприступная твердыня, благодаря тѣмъ грандіознымъ сооруженіямъ, которыя продолжались болѣе 15 лѣтъ и стоили государству огромнѣйшихъ затратъ. Четырнадцать фортовъ, расположенных на высотахъ и отстоящихъ на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи, опоясываютъ городъ, причемъ ближайшій фортъ—Карадагъ. Съ форта Карадагъ спускается къ рѣчкѣ лѣстница, откуда подымается къ другому форту, Мухлису. Назначеніе этихъ лѣстницъ сокращать время при передвиженіи войскъ взамѣнъ обхода многочисленныхъ зигзаговъ, которые дѣлаетъ шоссе. Оборудованіе этихъ двухъ лѣстницъ, имѣющихъ болѣе 1.200 ступеней, обошлось казнѣ до 800.000 рублей.

Ани, въ средніе вѣка одна изъ великолѣпнѣйшихъ царскихъ резиденцій въ передней Азіи, находится въ Эриванской губ. при р. Арпа-чаѣ между отвѣсными скалами. Землетрясеніе въ 1319 году разрушило городъ и въ настоящее время объ его прежнемъ величіи свидѣтельствуютъ однѣ только руины, покрывающія пространство въ 7 верстъ въ окружности. Изъ памятниковъ, сохранившихся въ Ани, слѣдуетъ указать на церковь св. Георгія, въ алтарѣ которой помѣщаются нѣсколько иконъ большого размѣра, исполненныхъ армянскими художниками. Въ западной части города, надъ обрывомъ, сохранились развалины дворца Сумбата Багодиріанца, которыя свидѣтельствуютъ о совершенствѣ архитектуры, а также громадное количество пещеръ и гротовъ; они расположены на значительной высотѣ по крутымъ берегамъ Цархи-цара и Арпа-чая, нѣкогда были обитаемы и образуютъ какъ-бы особый пещерный городъ.

„Названіе Ани встрѣчается впервые въ IV столѣтіи. Тогда это былъ незначительный городокъ на берегу Ахурсана (Арпа-чая), въ округѣ Ширакъ (нынѣ Шураголь),

принадлежавшемъ армянскимъ князьямъ Камсараканамъ. Послѣ разгрома Арменіи арабами, на берегахъ Арпа-чая въ VIII столѣтіи образовалось владѣніе фамиліи Багратіоновъ, которые сумѣли пріобрѣсти расположеніе завоевателей и подъ ихъ покровительствомъ основали новое армянское царство въ Ширакѣ. Династія Багратіоновъ продолжалась до 1079 г., когда умеръ послѣдній царь, Гагикъ. Въ короткое время Ани, сдѣлавшій при царѣ Ашотѣ III (961—977 г.) столицей царства, достигъ цвѣтущаго состоянія и украсился многими зданіями, о великолѣпіи которыхъ и нынѣ свидѣтельствуютъ развалины. Но положеніе города на большомъ пути изъ Персіи въ Малую Азію, способствовавшее его процвѣтанію, сдѣлало его также и невольнымъ участникомъ борьбы между этими двумя странами. Въ 1046 году городомъ овладѣли византійцы, въ 1064 году онъ перешелъ во власть сельджукскихъ турокъ, которые разорили его и заставили населеніе искать спасенія въ бѣгствѣ. Въ 1239 г. нашествіе монголовъ вызвало новое переселеніе армянъ въ чужія страны. По словамъ армянскихъ историковъ, окончательное опустошеніе города произошло въ 1319 году, послѣ сильнаго землетрясенія. Но, какъ доказываютъ чеканенныя въ Ани монеты, онъ существовалъ еще въ концѣ XIV стол. Бывшее населеніе города разсѣялось во всѣ стороны. Полагаютъ, что армяне, обитающіе нынѣ въ Галиціи, происходятъ отъ жителей Ани. Нынѣ среди развалинъ бродятъ только кочевые курды“ *).

Ардаганъ, игравшій столь видную роль въ послѣднюю русско-турецкую войну, расположенъ въ верховьѣ рѣки Куры, на высотѣ 1.800 ф.; основаніе его относятъ къ XV стол. Ардаганъ, имѣя около тысячи жителей, расположенъ на обоихъ берегахъ Куры у подножія горъ, замыкающихъ съ востока возвышенную ардаганскую долину. Къ нему сходятся единственныя въ той мѣстности колесные пути, связывающіе его съ Батумомъ, Ахалцыхомъ, Карсомъ и Эрзерумомъ.

Передъ войною 1877—78 гг. Ардаганъ былъ сильно укрѣпленъ турками, такъ какъ овладѣть имъ въ первый періодъ кампаніи составляло особую заботу русскихъ. 4-го мая отряды генераловъ Девеля, Лорисъ-Меликова и Геймана, овладѣвъ главнымъ фортомъ, предприняли

*) В. Вейденбаумъ.
„Покоренный Кавказъ“. „Родина“ 1904 г.

окончательный штурмъ города, въ виду того, что было получено извѣстіе, что турки отводятъ свои войска изъ города. Стройное и отважное наступленіе такъ устрашило защитниковъ Ардагана, что они обратились въ позорное бѣгство.

Занятіемъ Ардагана обезпечивался правый флангъ главныхъ русскихъ силъ, дѣйствовавшихъ въ Карсской области, и разъединились войска Дервиша-паши и Мухтара, а вмѣстѣ съ тѣмъ, явилась возможность угрожать Батуму.

По Санъ-Стефанскому миру и Берлинскому трактату Ардаганъ съ прилегающими къ нему областями включенъ въ составъ Россійской Имперіи.

Ольты—окружной городъ съ таможней. Онъ покрытъ обширными садами и, благодаря имъ, издали кажется довольно живописнымъ. Въ Ольтинскомъ округѣ, въ ущельѣ Пенякъ-чая, находятся обширныя развалины каѳедральнаго храма, или грузинской баны, въ 3 яруса. Баны, по описанію археолога Бакрадзе, относятся къ X вѣку. Здѣсь сидѣли епископы. Кругомъ баны цѣлая группа церквей, съ куполами древнѣйшаго стиля. На сѣверо-востокъ отъ Пенякъ-чая можно видѣть пещерный монастырь въ восточной части Соломонъ-кала, съ надписью „1488 г.“.

Кагызманъ, окружной городъ, лежитъ на правомъ берегу Аракса и является главнымъ центромъ садоводства въ области. Лѣтомъ кагызманцы уѣзжаютъ на дачи—въ сады, гдѣ женщины изъ плодовъ варятъ сласти, мужчины развозятъ вьюками фрукты въ Карсъ, Александрополь и пр. Для орошенія садовъ греки провели множество канавъ.

3. Имеретія.

Послѣ обозрѣнія древнихъ ханствъ, переѣдемся опять въ Карталинію и, возвращаясь обратно къ линіи Закавказской желѣзной дороги, идущей отъ Тифлиса въ Батумъ, скажемъ нѣсколько словъ о Сурамѣ.

Сурамъ расположенъ на границѣ Имеретіи и Карталиніи, недалеко отъ станціи Михайлово, и въ настоящее время является довольно оживленнымъ дачнымъ мѣстечкомъ, въ особенности лѣтомъ, во время лагерей. Недалеко отъ него высится на отдѣльной скалѣ старинный замокъ, напоминающій собою Горисъ-цихе въ маломъ видѣ;

онъ, по преданію, построенъ Фарнаджаномъ за 200 лѣтъ до Р. Х.

Про этотъ замокъ существуетъ слѣдующая легенда. Когда-то здѣсь властвовалъ сильный князь Тавасъ. На юго-восточной части замка возвышается стѣна надъ глубокой пропастью; она такъ крѣпка, что кажется выросшей изъ скалы. Тавасъ прилагалъ всевозможныя старанія, чтобы возвести эту стѣну, но всѣ усилія его были напрасны: что было сдѣлано днемъ, ночью проваливалось въ бездну. Наконецъ, дознались, что стѣна должна быть заколдована. Спрошенный по этому дѣлу персидскій колдунъ объявилъ, что стѣна будетъ окончена лишь тогда, когда подъ фундаментомъ ея похоронятъ живого единственнаго сына вдовы. Отыскали мальчика и надъ нимъ окончили стѣну. Но она никогда не высыхала, поверхность ея всегда была сыра: это — слезы несчастной матери. Сохранилась народная пѣсня, въ которой приводится послѣдній разговоръ матери съ ея сыномъ, котораго звали Цурабомъ:.. „Что, ты живъ еще, милый сынъ?“ — „Ахъ! матушка, меня замуравили до колѣнъ!“ — „Что, ты живъ еще, милый сынъ?“ — „Ахъ! матушка, стѣна подымается до пояса, до груди, до шеи. Прощай, матушка, все кончено!“

До устройства въ 1900 г. Сурамскаго туннеля полотно желѣзной дороги шло черезъ такъ называемый Сурамскій перевалъ, что представляло массу трудностей. Несмотря на то, что обыкновенный пассажирскій поѣздъ тащили два локомотива, разстояніе въ 60 верстъ до конечнаго пункта, станціи Бежетубани, совершалось 4 часа.

Два локомотива системы Ферле, двойной силы каждый, съ большими усиліями втаскивали наверхъ поѣздъ. Одинъ локомотивъ прицѣпленъ спереди, другой—подталкиваетъ сзади, и, несмотря на это, бывали случаи, что поѣздъ сползалъ назадъ впизъ и возвращался задомъ напередъ безъ всякаго своего желанія на станцію, изъ которой вышелъ. Выйдя со станціи Сурамъ въ ущелье, поросшее чинаровымъ лѣсомъ, поѣздъ вскорѣ достигалъ высшей точки перевала — полустанка Понги. Растительность тутъ удивительная: зеленыя ущелья, въ которыхъ по лужайкамъ, среди сплошного лѣса, видны грузинскія сакли, похожія на муравейныя кучи; по обѣимъ сторонамъ дороги — дикій виноградъ, барбарисъ и тысячи разныхъ цвѣтовъ. Съ каждымъ поворотомъ желѣзнодорожнаго

полотна все новыя и новыя панорамы, среди которыхъ иногда видны снѣговыя вершины. Тутъ все другое — и природа, и люди, и воздухъ.

Устройство туннеля стоило страшныхъ денегъ и трудностей, которыя пришлось преодолѣть при прокладкѣ, и въ настоящее время Сурамскій туннель является по длинѣ (3 версты 374 сажени) единственнымъ въ Россіи. Устройство туннеля обошлось 5.224.996 рублей. Пропускная способность туннельнаго участка — до 30 паръ поѣздовъ въ сутки.

Отъ Шаропани идетъ вѣтка на Дарквети, на линіи которой, въ 38 верстахъ, расположены Чіатуры, большое сельеніе, раскинувшееся амфитеатромъ по горамъ вокругъ желѣзной дороги; около Чіатуръ шесть группъ марганцевыхъ мѣсторожденій: Перевиси, Шукрути, Итхвиси, Зедаргани, Гвимеви и Даркветы. Дорога отъ Шаропани въ Чіатуры, идущая почти все время въ виду безпокойной рѣки Квирилы, очень живописна. Слѣдующая за Шаропанью станція — Квирилы — находится въ коренной Имеретіи; на станціи преобладаютъ имеретинскіе костюмъ и языкъ. Минуя станціи Свири, Аджаметы, вблизи котораго находится одно изъ богатѣйшихъ имѣній, занимающее площадь въ 5.000 дес. и принадлежащее князю Святополкъ-Мирскому, который получилъ его въ подарокъ, когда былъ помощникомъ кавказскаго намѣстника, поѣздъ подходитъ къ ст. Ріонъ, откуда идетъ вѣтка черезъ Кутаисъ, расположенный въ 8 верстахъ, до Тквибули. Общее протяженіе вѣтки — 49 верстъ.

За станціей Ріонъ полотно проходитъ по прекрасному мосту черезъ широкій и шумящій Ріонъ, берущій начало на высотѣ 7 тыс. фут., изъ ледниковъ одной изъ величайшихъ вершинъ Кавказа, Пасисъ-мты (т. е., Пасъ-горы), и въ настоящее время судоходный до впаденія въ него Цеви-цхали, т. е., „Коцкой горы“, Гиппуса древнихъ грековъ, отдѣляющей Мингрелію отъ Имеретіи. Тутъ начинается знаменитая Ріонская долина, которая стоитъ особнякомъ отъ всего остального края. Горы, покрытыя густыми лѣсами совершенно защищаютъ ее отъ холода и подчасъ въ январѣ цвѣтутъ тамъ фіалки. Сила растительности тутъ удивительна: громадные вѣковые дубы, букъ, тополь, каштанъ, орѣхъ — все перепутано дикимъ виноградомъ, хмелемъ, плющемъ и ліанами, которые, перекидываясь съ дерева на дерево, дѣлаютъ мѣста эти непроходимыми. Низменности этой мѣстности подвержены страш-

ной малярiи, отъ которой даже страдаютъ куры, возвышенныя-же мѣста пользуются прекраснымъ климатомъ.

Рiонъ, такъ много оживляющiй эту мѣстность—Фазисъ у древнихъ, Фашъ у турокъ,—до Кутаиса течетъ быстро и имѣетъ характеръ горной рѣки, ниже этого города—сравнительно медленно и несетъ массу ила, который, осаждаясь при устьѣ, загромождаетъ послѣднее мелкимъ баромъ и выдвигаетъ въ море его дельту. При впаденiи въ Черное море—около Поти—Рiонъ образуетъ два рукава. Изъ притоковъ Рiона заслуживаетъ вниманiя Квирила, которая въ древности была судоходна до Шаропани и служила складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, направлявшихся черезъ Сурамскiя горы на востокъ.

Кутаисъ—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Европы (нѣкоторые археологи насчитываютъ ему болѣе 3.000 лѣтъ). Онъ былъ еще городомъ царицы-волшебницы Медеи. Еще въ глубокой древности „Кутаiя“ была уже колонiей милетцевъ и родиной царя Аэта. Кутаiя была уничтожена лазами, и на мѣстѣ ея въ VI вѣкѣ возникъ Кутатиссiумъ, построенный персидскимъ царемъ Мермероисомъ. Впослѣдствiи этотъ городъ сдѣлался столицей лазовъ и всей Колхидской страны, цари которой часто жили въ его укрѣпленныхъ замкахъ, господствуя надъ всей долиной Рiона. По грузинскимъ источникамъ, Кутаисъ основанъ въ 806 г. абхазскимъ царемъ Леваномъ, который, вѣроятно, былъ лишь возобновителемъ существовавшаго здѣсь болѣе древняго города. При царяхъ абхазскихъ и карталинскихъ Кутаисъ достигъ значительнаго процвѣтанiя.

Въ 1800 г. онъ былъ окончательно занятъ русскими, а въ 1846 г. сдѣланъ губернскимъ городомъ Кутаисской губернiи.

Въ Кутаисѣ много древностей, расположенныхъ на высотахъ праваго берега Рiона, гдѣ нѣкогда была крѣпость Ухимерiонъ. При выѣздѣ изъ Кутаиса въ Гелатскiй монастырь на вершинѣ скалы, надъ самыми волнами Рiона, сохранились развалины часовни, на которой въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтiя были видны грузинскiя надписи 1109 г. Часовня эта, вырытая въ скалѣ, считается однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Кутаиса.

Затѣмъ замѣчателенъ соборъ Баграта, построенный грузинскимъ царемъ Багратомъ III, законченный Багратомъ IV, въ 1003 г., и считающiйся самымъ замѣчательнымъ памятникомъ Закавказья и образцомъ армяно-грузинской архитектуры. Соборъ наполовину разрушенъ;

за исключеніемъ западной стѣны, гдѣ видна надпись о годѣ построенія, сдѣланная крайне оригинальнымъ очертаніемъ арабскихъ цифръ, а также горельефы, изображающіе царя Баграта и ангела, фигуры льва и грифовъ.

Повыше собора возвышается древній акрополисъ, полный храмовъ и другихъ построекъ. Его стѣны и башни были разрушены въ послѣдній разъ, вмѣстѣ съ другими укрѣпленіями и зданіями Кутаиса, въ 1769 г., когда отрядъ генерала Тотлебена перешелъ непроходимые хребты Кавказа черезъ горную Осетію и спустился въ Рачинскій округъ, а оттуда—въ Кутаисъ. Съ акрополиса открывается чудный видъ на современный Кутаисъ, съ пестротою его церквей, домовъ и улицъ, которыя стелятся у ногъ за неистово несущимся Ріономъ, на всю цвѣтущую низину ріонской равнины, на зеленыя ущелья темнѣющихъ горъ, покрытыхъ лѣсами, на синіе туманы далекаго хребта. Бѣлые сверкающіе черепа далекой Пасъ-горы и ея сосѣдей великановъ сурово выглядываютъ изъ-за голой отвѣсной стѣны Квамли, этой „скалы Прометея“, и другихъ горъ, подымающихъ свои громады за ближними лѣсистыми горами, сквозь тѣснины которыхъ прорываются Ріонъ и Красная рѣчка. Отсюда видна и долина Гелата, гдѣ расположенъ древній Гелатскій монастырь.

Въ настоящее время Кутаисъ, расположенный на лѣвомъ берегу Ріона въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка съ шумомъ вырывается изъ мѣловыхъ горъ и вступаетъ въ равнину, имѣетъ очень привлекательный видъ: каждый домъ окруженъ зеленью, которой много и на улицахъ. Видъ на Кутаисъ особенно хорошъ отъ развалинъ крѣпости, съ праваго берега рѣки. Природа всѣмъ одарила Кутаисъ: и чуднымъ мѣстоположеніемъ, и здоровымъ климатомъ, и хорошей водой, и лѣсомъ, и плодороднѣйшей почвой, и каменнымъ углемъ, и, наконецъ, великолѣпной флорой, какой не встрѣтишь нигдѣ на Кавказѣ.

Въ городѣ сосредоточены всѣ казенныя губернскія учрежденія, имѣются 12 православныхъ церквей, 2 армяно-григоріанскія, 2 синагоги, 4 книжныхъ магазина, библіотека для чтенія, общество взаимнаго кредита, михайловскій дворянскій земельный банкъ и учебныя заведенія. Общее количество жителей достигаетъ до 30 тысячъ, изъ которыхъ 18 тысячъ приходится на грузинъ, 3 тысячи армянъ, около 2 тысячъ русскихъ, около 3 тысячъ евреевъ, остальное — греки, турки, персы, поляки, французы. Большинство жителей православные.

Изъ достопримѣчательностей укажемъ на дворецъ живущаго постоянно въ Кутаисѣ принца К. П. Ольденбургскаго, у котораго имѣется заводъ шампанскихъ винъ, вырабатывающій его на 150 тысячъ рублей въ годъ, а также на „Окросъ-Чардахи“—„Золотую галлерею“,—остатки которой, нынѣ передѣланные въ жилой домъ, находятся во дворѣ мужской гимназіи. Изъ ближайшихъ окрестностей Кутаиса слѣдуетъ упомянуть объ образцовой фермѣ, расположенной у шоссе, гдѣ много рѣдкихъ растеній, а также о берегахъ Красной рѣчки, гдѣ находится прекрасная сталактитовая пещера, къ сожалѣнію, закопченная дымомъ отъ огня, разводимаго въ ней пастухами, загоняющими сюда скотъ въ жаркое время, и, наконецъ, Гелатскій монастырь, расположенный въ 8 верстахъ отъ города.

Гелатскій монастырь для всей Грузіи—то-же, что Сергіево-Троицкая лавра для русскихъ. Дорога изъ Кутаиса сначала идетъ по лѣвому берегу вверхъ по Ріону, который, вырвавшись изъ ущелья, кружится въ своихъ высокихъ берегахъ, надъ самымъ обрывомъ. Проѣхавъ версты три, шоссе сворачиваетъ вправо, въ ущелье притока Ріона, Цхалъ-цители (Красной рѣчки). Подъемъ съ каждымъ шагомъ дѣлается все круче, и, наконецъ, показывается монастырь, одиноко стоящій надъ самой вершиной лѣсной и скалистой горы. Его бѣлые храмы и крѣпостныя стѣны живописно вырѣзаются на фонѣ зеленыхъ горъ, подъ знойнымъ куполомъ неба. Отъ монастыря открывается удивительный видъ на снѣговой хребетъ Кавказа—до Казбека, на Черное море, на Анджарскій хребетъ съ снѣговой вершиной Брутенбзели.

Монастырь, въ которомъ сохранились 3 древнихъ храма, основанъ въ XI вѣкѣ Давидомъ Возобновителемъ (1089—1125 г.) въ память присоединенія Кахетіи и побѣдъ надъ сельджуками и сначала служилъ просто обителью иноковъ, но въ началѣ XVI в. онъ былъ обращенъ въ епископскую каѳедру. По упраздненіи въ Пицундѣ патріаршаго престола, въ Гелатскій монастырь были перевезены всѣ сокровища. Пройдя черезъ ворота, первая церковь, которую видишь, это—церковь св. Георгія, самый древній памятникъ, затѣмъ слѣдуетъ соборъ Богоматери въ срединѣ обширнаго монастырскаго двора и, наконецъ, храмъ св. Николая. Соборъ Богоматери очень напоминаетъ собою Софійскую церковь Кіево-Печерской лавры. Иконостасъ этого собора весь заставленъ и завѣшанъ знаменитыми чудотворными иконами Грузіи: тутъ и Хахульская Божья

Матерь, и Ацхурская, и Бичвинтская, и Гелатская. Всѣ онѣ огромныхъ размѣровъ и неописаннаго богатства. Внутри храмъ имѣетъ шесть отдѣльныхъ круглыхъ сводовъ въ обычной формѣ креста, кругомъ которыхъ идутъ хоры; какъ стѣны, такъ и потолки украшены фресками, а алтарь украшенъ знаменитой мозаикой — изображеніемъ громадной фигуры Богоматери и двухъ ангеловъ.

Въ алтарѣ замѣчательное Евангеліе, писанное въ IX вѣкѣ на Аѳонѣ, съ картинами на золотомъ фонѣ, крестъ съ изображеніями изъ священной исторіи, два архіерейскихъ посоха съ частицами Животворящаго Креста, а также замѣчательные золотые дискосы и чаши, осыпанныя бирюзой, митра католикоса Максима, два креста царя Багрята, перстень царя Давида Возобновителя и т. д.

Посреди двора находится усыпальница грузинскихъ царей — простая темная часовня изъ огромныхъ грубыхъ камней. Громадныя плиты прикрываютъ собою простыя гробницы царей Грузіи: Давида Возобновителя, Тамари и другихъ. Въ притворѣ часовни, у могилъ царей, находится одинъ замѣчательный историческій памятникъ — желѣзныя ворота Дербента, высотою въ двѣ сажени. На воротахъ выбита арабская надпись, гласящая, что они сдѣланы въ 1063 г., по повелѣнію Шавира, изъ династіи Бень-Шедадовъ ганжинскихъ. Этими воротами запирали знаменитыя Каспійскія ворота, т. е., крѣпость Дербентскаго ущелья; они были взяты изъ Ганжи, какъ трофей, Давидомъ, отцомъ Давида Возобновителя.

Наконецъ, церковь св. Николая, болѣе поздняя, а вблизи развалины старинной колокольни и трапезы, отъ которой сохранились лишь наружныя стѣны и портикъ съ роскошной орнаментаціей, поросшія плющемъ.

Посѣщеніе Гелата безусловно интересно; не говоря уже о томъ, что здѣсь все вѣетъ стариной, отсюда открываются дивныя панорамы на лежащую внизу долину и хребты вѣчныхъ снѣговъ.

Возвращаясь къ описанію мѣстъ, расположенныхъ по линіи Закавказской ж. д., остановимся на ст. Самтреди. Отъ этой станціи начинается вѣтка, соединяющая дорогу съ Поти, по которой направляется большинство товаровъ, отправляемыхъ за границу.

Отъ Самтреди дорога очень живописна. Ближе къ Батуму полотно проходитъ въ виду моря, минуя нѣсколько маленькихъ туннелей. Тутъ уже начинаются дачныя мѣста батумцевъ, среди которыхъ надо отдать

предпочтеніе Кобулетамъ, расположеннымъ въ 22 верстахъ отъ Батума. Передъ Кобулетами на высокой скалѣ, парящей надъ берегомъ, очень картинно вырисовываются развалины большой крѣпости. Зубчатыя стѣны, башни съ разбитыми амбразурами, почернѣвшія отъ копоти вѣковъ, живописно задрапированы шпалерами плюща. По преданію, Юстиніанъ построилъ здѣсь крѣпость, которая называлась Петра. Кобулеты славятся своими купаньями.

Чѣмъ ближе къ Батуму, тѣмъ богаче растительность и тѣмъ болѣе сыро... Болотистыми мѣстами и ихъ спутникомъ малярією въ особенности богата Чаква, гдѣ въ настоящее время подъ культурой чая находится до 200 десятинъ земли, увеличивающіяся съ каждымъ годомъ. Въ Чаквѣ возможна культура самыхъ нѣжныхъ растеній юга.

Наконецъ, передъ самымъ Батумомъ, въ 6 верстахъ, расположено дачное мѣсто, называемое Махинджаури. Оно раскинуто амфитеатромъ между двумя горными мысами: Кара-дере—со стороны Батума, и Ишимъ-бурунъ—со стороны Чаквы. Въ Махинджаури много растительности, журчатъ ручейки, много дачъ и нѣсколько десятковъ турецкихъ жилищъ. Махинджаури тѣмъ заслуживаетъ особаго вниманія, что, несмотря на близость къ Батуму, въ немъ не наблюдается заболѣваній маляріей. Махинджаури мало извѣстенъ публикѣ, какъ климатическая станція, но ему предстоитъ, несомнѣнно, большая будущность, какъ и другимъ уголкамъ кавказскаго побережья, ожидающимъ только первыхъ шаговъ оживленія края и первыхъ признаковъ благоустройства и предпріимчивости. Можетъ быть, это время теперь уже не за горами.

VIII. Черноморское побережье.

Вновь образованная въ 1896 г. Черноморская губернія раздѣляется на три округа: Новороссійскій, Туапсинскій и Сочинскій; она занимаетъ пространство въ 6.455 квадр. верстъ съ населеніемъ въ 60.000 душъ и заключается, главнымъ образомъ, въ побережьѣ, длина котораго немного болѣе 300 верстъ, а ширина въ южной части 50 вер., въ сѣверной — 15 вер. Общій характеръ губерніи гористый, къ морю спускающійся террасами. Почва какъ долинъ, такъ и возвышенностей состоитъ изъ особаго сорта известковаго камня, по мѣстному названію — трескуна, и малопригодна для хлѣбопашества. Отъ Новороссійска къ югу

находятся большія залежи кремнокислаго известняка, служащаго для приготовленія цемента, что способствовало устройству двухъ громадныхъ заводовъ въ Новороссійскѣ и франко-русской компаніи въ Геленджикѣ.

Растительность составляютъ дубъ, букъ, ясень, клепъ, грабъ, липа, дикая яблоня, груша, каштанъ; всѣ эти породы принадлежатъ горнымъ лѣсамъ, что-же касается луговой флоры по склонамъ горъ, то она крайне разнообразна. Тутъ можно встрѣтить: дикія розы, горныя фіалки, гіацинты, тюльпаны, множество кормовыхъ травъ, которыхъ некому ѣсть, потому что скотоводствомъ не занимаются.

Изъ дикихъ звѣрей, которые водятся въ изобиліи въ Черноморской губерніи, кромѣ медвѣдей, волковъ, куницъ, шакаловъ, слѣдуетъ упомянуть о кабанахъ, охота на которыхъ составляетъ излюбленное времяпрепровожденіе мѣстныхъ жителей. Попадаются и туры, живущіе высоко на ледникахъ, олени, козы и серны, но не въ томъ изобиліи, какъ перечисленные выше.

Что касается винодѣлія и культуры винограда, то онѣ особенно развиты въ Новороссійскомъ округѣ, и вообще сѣверная часть побережья представляетъ собою одну изъ лучшихъ мѣстностей въ мірѣ для разведенія виноградниковъ. „Изслѣдовавъ этотъ край, — читаемъ въ докладѣ комиссіи, назначенной для изслѣдованія побережья, — въ климатическомъ, почвенномъ и топографическомъ отношеніяхъ, нельзя не придти къ заключенію, что онъ предназначенъ природой производить вино высокихъ качествъ и что это производство современемъ будетъ однимъ изъ первостепенныхъ источниковъ богатства новаго населенія западнаго Кавказа. Сѣверо-восточное побережье, по удобству виноделія и по обширности своей, предназначено не только сдѣлать ненужнымъ ввозъ заграничнаго вина, но производство этого продукта въ будущемъ въ состояніи достигнуть такихъ размѣровъ, что можно будетъ выступить на міровомъ рынкѣ конкуррентомъ Франціи. Наука въ этомъ отношеніи, конечно, можетъ дать указанія, но эти указанія будутъ приблизительны, потому что одинъ и тотъ-же сортъ, посаженный въ двухъ различныхъ мѣстностяхъ, имѣющихъ, повидимому, одинаковую почву, климатъ и мѣстоположеніе, дастъ совершенно различные результаты. Наукѣ не удалось уловить всѣ тѣ оттѣнки физическихъ и химическихъ свойствъ почвы, всѣ тѣ безчисленныя колебанія климата и мѣстоположенія, которыя

имѣютъ нерѣдко рѣшающее вліяніе на качество продукта. Что-же касается этого края, то трудно отыскать въ мірѣ какую-нибудь хотя-бы нѣсколько сходную мѣстность. Ни Бургонь, ни Шампань, ни Рейнская область, ни Венгрія, ни Кахетія, а тѣмъ болѣе Крымъ не могутъ служить примѣромъ и образцомъ для подражанія въ нашемъ краѣ".

Прежде чѣмъ перейдемъ къ описанію главнаго города губерніи, Новороссійска, скажемъ нѣсколько словъ объ Анапѣ, приморскомъ городкѣ Кубанской области, расположенномъ по берегу Чернаго моря, близъ устья рѣки Бугуръ, въ 40-хъ верстахъ отъ Новороссійска. Сюда съѣзжается уже много курортной публики: лѣтомъ на купанья, которыя тутъ, дѣйствительно, хороши, а осенью—на виноградъ, который здѣсь необыкновенно дешевъ. Послѣ дороговизны Ялты, публика, не располагающая большими средствами, ищетъ на побережьѣ моря другихъ мѣстъ и въ маленькой Анапѣ находитъ все необходимое. Неудобство Анапы то, что она можетъ служить только лѣтнимъ курортомъ, потому что пароходы въ осеннюю и зимнюю непогоду не всегда рискуютъ заходить въ открытую и опасную Анапскую бухту.

Новороссійскъ, главный городъ губерніи, расположенъ при бухтѣ Чернаго моря. Въ 1722 году здѣсь была построена турецкая крѣпость Сунджукъ-кале, взорванная въ 1812 г. русскими войсками, а къ началу тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка на развалинахъ ея возродился русскій укрѣпленный городъ. Въ настоящее время городъ, имѣющій населеніе около 23 тысячъ, замѣтно растетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и его жизнедѣятельность, чему много способствуютъ развитіе нефтяной промышленности и постройка въ 1894 г. элеватора вмѣстимостью до четырехъ милліоновъ пудовъ хлѣба, устройство котораго способствовало болѣе широкому отпуску за границу зерна и масляничныхъ сѣмянъ.

Своимъ возрожденіемъ и широкой будущностью Новороссійскъ всецѣло обязанъ желѣзной дорогѣ, соединившей его съ общей сѣтью желѣзныхъ дорогъ; а проведенная въ 1898 году новая Тихорѣцко-Царицынская желѣзная дорога, соединившая Черное море съ Волгой, увеличила еще болѣе жизнедѣятельность этого портоваго города.

О томъ, какую ведетъ Новороссійскъ торговлю—главнымъ образомъ, хлѣбомъ съ иностранными государствами,—можно судить по предлагаемымъ цифрамъ: въ 1901 году въ Новороссійскъ приходило англійскихъ пароходовъ—187,

греческихъ — 59, итальянскихъ — 40, французскихъ — 30 германскихъ — 25, бельгійскихъ — 14, русскихъ (дальняго плаванія) — 12, датскихъ — 8, турецкихъ — 7, норвежскихъ — 6, австрійскихъ — 5, голландскихъ — 2, шведскихъ — 1 и испанскихъ — 1, которые вывезли за границу: зерна — 36.040.510 пуд. и нефти — 10.701.153 пуд. Цифры сами за себя говорятъ, какая оживленная жизнь кипитъ въ Новороссійскѣ во время отправки хлѣба.

Что касается ввоза въ Россію заграничнаго товара черезъ Новороссійскъ, то онъ въ томъ-же 1901 году выразился въ цифрѣ 1.365.000 пуд., причемъ одна изъ важныхъ статей была увеличивающійся съ каждымъ годомъ ввозъ земледѣльческихъ орудій и машинъ изъ Филадельфіи и Нью-Іорка. Будущность Новороссійска, отнявшаго всю торговлю у Ѳеодосіи, на которую возлагалось такъ много надеждъ, несомнѣнно, блестяща; единственной помѣхой для него является ужасный и свирѣпый нордъ-остъ,—вихрь, ураганъ, приносящій много опустошеній городу и дующій съ одинаковой силой по три, а то и по шесть и двѣнадцать сутокъ, причемъ зимній самый страшный. Всенніе и осенніе нордъ-осты переносятся сравнительно легче зимнихъ, лѣтніе-же — это жаркій вѣтеръ-вихрь, несущій смерть всей растительности.

„Визгъ, вой, шумъ, трескъ, когда онъ срываетъ крыши съ домовъ, валитъ телеграфные столбы, гонитъ и переворачиваетъ, какъ дѣти игрушки, груженые вагоны, — говоритъ г. С. Васюковъ въ сочин. „Край гордой красоты“,— опрокидываетъ людей и экипажи съ лошадьми, когда изъ дома выйти нельзя, потому что грозитъ вѣрная, если не смертельная опасность“.

Собственно говоря, городъ Новороссійскъ непривѣтливъ. Туристъ, который попадаетъ въ него, спѣшитъ при первой-же возможности уѣхать — такъ надоѣдливы его вѣчно несущаяся по грязнымъ улицамъ пыль, его лѣтняя нестерпимая жара. Онъ состоитъ какъ-бы изъ трехъ частей: элеваторъ, съ прилегающими къ нему постройками, такъ называемый французскій городокъ „Стандартъ“, гдѣ расположенъ цементный заводъ, и собственно городъ, лежащій на горѣ въ западной части недалеко отъ бухты.

Въ городѣ имѣются всѣ казенныя учрежденія, театръ, а на главной Серебряковской улицѣ и базарѣ сосредоточены лучшія гостиницы и магазины.

Новый портъ устроенъ очень удобно и защищенъ мо-

ломъ. Бухта глубокая, позволяющая подходить самымъ большимъ океанскимъ пароходамъ.

Отъ Новороссійска начинается такъ называемое „Голодное“ шоссе, построенное генераломъ Аненковымъ въ 1891 г.—голодный годъ,—которое идетъ по всему побережью до самаго Сухума *).

Въ 38 верстахъ отъ Новороссійска по шоссе расположенъ Геленджикъ, маленькій курортъ, куда ѣздитъ на купанье небогатая трудящаяся интеллегенція. Заселеніе Геленджика (названіе происходитъ отъ турецкаго слова, означающаго въ переводѣ „маленькая невѣста“) относится къ 1831 году, когда здѣсь было заложено русскими войсками укрѣпленіе, уничтоженное вмѣстѣ съ другими приморскими крѣпостями и занятое горцами въ 1853 г. Въ 1857 г. Геленджикъ вновь былъ занятъ русскими, а съ 1864 г. начинается правильное его заселеніе пришедшими изъ-за Кубани семьями теперь упраздненнаго шапсугскаго батальона, которыя получили по 20 десятинъ на каждую мужскую душу. Съ проведеніемъ шоссе черезъ Геленджикъ, мѣстечко это оживилось, стали строиться цементные заводы, подыматься цѣны на продукты, которыя ложились, конечно, на тѣхъ, кто пріѣзжалъ сюда пользоваться морскими купаньями, и въ настоящее время спекуляція довела до того, что мы видимъ въ любомъ курортѣ: та-же дороговизна, то-же желаніе коршуна—домовладѣльца или торговца — сорвать за все, что можно. Изъ окрестностей интересенъ „фальшивый Геленджикъ“, названный такъ потому, что онъ имѣетъ небольшую бухту съ очертаніями, очень похожими съ моря на тѣ, которыя имѣетъ настоящій Геленджикъ: какъ та, такъ и другая бухты имѣютъ при входѣ въ море съ южной стороны толстый, а съ сѣверной тонкій лѣсъ. Еще далѣе, верстахъ въ 18, на берегу моря расположено ущелье, называемое Джанхотъ — излюбленное мѣсто курсовыхъ.

Помимо шоссе, съ Геленджикомъ поддерживаютъ сообщеніе и пароходы Р. О. П. и Т., совершающіе круговой рейсъ.

Послѣ Геленджика слѣдуетъ Джубга, раскинутая въ долинѣ рѣки Джубги, въ лѣсистой мѣстности, окруженной хребтомъ Кавказскихъ горъ. Джубга до

*) Недалеко отъ Новороссійска съ парохода видна Михайловская станица, бывшее Михайловское укрѣпленіе, славное въ лѣтописяхъ русской исторіи по подвигу офицера Лико и рядового Архипа Осипова (см. стр. 465).

1892 года, когда туда впервые стали заходить пароходы крымско-кавказской линіи Чернаго моря, представлялъ изъ себя небольшой поселокъ, въ которомъ жило около 40 бѣдныхъ русскихъ семействъ изъ разныхъ неудачниковъ, теперь-же насчитывается болѣе 150 домовъ переселенцевъ. Джубга по своимъ климатическимъ условіямъ стоитъ выше Гелендджика и въ послѣдніе годы стала привлекать лицъ, ищущихъ лѣтняго отдыха, уединенія и покоя. Курортная публика устраивается у поселянъ, платя за домъ въ 3-4 комнаты 15 р. въ мѣсяцъ, а за комнату со столомъ 25 р. въ мѣсяцъ. Джубга славится табаководствомъ.

Слѣдующая остановка послѣ Джубги — Туапсе, называвшееся ранѣе Вельяминовскимъ укрѣпленіемъ. Послѣднее было выстроено для воспрепятствованія сношеніямъ горцевъ съ турками, особенно торговлѣ рабами и оружіемъ. Въ 1840 г. горцы напали на укрѣпленіе и, изрубивъ обезсиленный отъ лихорадки гарнизонъ, ушли, разграбивъ фортъ. Вскорѣ фортъ былъ отстроенъ вновь, но во время Восточной войны 1854 г. былъ взорванъ и покинутъ. При покореніи приморскихъ черкесовъ въ 1864 г. ген. Гейманъ занялъ Вельяминовскій постъ и сдѣлалъ изъ него базисъ для своихъ операцій. Въ 1875 году укрѣпленіе было переименовано въ посадъ, а съ образованіемъ Черноморской губерніи — въ Туапсе, что означаетъ по-персидски „персикъ“. Съ Туапсе начинаются и богатая растительность, и горы, покрытыя зеленью, въ противоположность Новороссійску и Гелендджику.

Туапсе расположено на холмистой мѣстности у праваго берега рѣчки того-же названія и представляетъ изъ себя довольно миленькій уголокъ. Широкія улицы, масса зелени, чистота — все говорятъ въ пользу этого посада.

Имѣются церковь, два двухклассныхъ училища — мужское и женское,—городское управленіе, окружная больница, почта, казначейство, двѣ гостиницы, типографія, общественное зданіе, масса магазиновъ самаго разнообразнаго характера. Жителей — 1.419, изъ нихъ коренныхъ — 290. Вблизи Туапсе среди зеленыхъ горъ виднѣется зданіе Варваринскаго пятикласснаго училища плодоводства, виноградарства и винодѣлія, открытаго въ 1898 г. на средства министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, комплектъ учащихся котораго пока доходитъ до 70 человѣкъ. Немного далѣе, въ 5 верстахъ отъ посада, находится прекрасно сохранившійся дольменъ.

Дольмены ранѣе признавались археологами за алтари или жертвенники, но въ дѣйствительности они были каменными гробницами до-историческаго времени. Въ простѣйшей своей формѣ дольменъ состоялъ изъ пяти каменныхъ плитъ и представлялъ собою родъ запертаго каменнаго ящика: на четырехъ плитахъ, поставленныхъ стоймя, лежала пятая. Въ передней, поперечной плитѣ обыкновенно прорѣзывалось круглое отверстіе. Матеріалъ, изъ котораго складывался дольменъ, былъ различный, смотря по мѣстности: въ Даніи и Бретани — гранитныя плиты, въ центральной и южной Франціи, Голландіи, Испаніи—известковыя. Что касается дольменовъ, находящихся на этомъ побережьѣ, то черкесы считаютъ ихъ жилищами какихъ-то карликовъ, основываясь, повидимому, на малой величинѣ отверстія въ нихъ (съ человѣческую голову), казаки-же называютъ ихъ „богатырскими“ могилами, такъ какъ только богатыри могли стаскивать съ горъ, по ихъ мнѣнію, такія каменныя глыбы вѣсомъ въ сто и болѣе пудовъ. Въ этихъ дольменахъ находили кости людей, похороненныхъ, повидимому, въ сидячемъ положеніи и отличавшихся высокимъ ростомъ и крѣпкимъ сложеніемъ. Находили при нихъ черепки глиняной посуды, каменные бруски, кольца, стрѣлы, зеркальца, а найденная въ одномъ изъ дольменовъ босфорская монета Рискупориса IV 215 г. до Р. Х. даетъ возможность опредѣлить хотя-бы приблизительно эпоху кавказскихъ дольменовъ.

Чтобы добраться къ дольмену, находящемуся у Туапсе, нужно пройти по густой чащѣ дубовой рощи; на угрюмомъ, лишенномъ солнца мѣстѣ расположены огромныхъ размѣровъ каменныя плиты. Стѣны этого богатырскаго дома ушли частью въ землю, а гигантская по величинѣ и толщинѣ крыша производитъ впечатлѣніе суроваго величія.

Туапсе пока еще не заражено специфическимъ запахомъ „модныхъ курортовъ“, и его можно рекомендовать, какъ хорошее мѣсто для лѣтняго отдыха.

Слѣдующій за Туапсе курортъ, это—„знаменитое“ Сочи, получившее свое названіе отъ слова Соатше — такъ называлось черкесское племя, заселявшее прежде это мѣсто. Сочи расположено при устьѣ рѣчки того-же названія и съ сѣвера и сѣверо-востока защищено отрогами Кавказскаго хребта, покрытыми густыми лѣсами. Жителей въ этомъ посадѣ — 1.309, изъ нихъ коренныхъ — 91 и пришлыхъ — 1.308.

Благодаря своему живописному положенію и климатическимъ особенностямъ Сочи имѣетъ богатое будущее, какъ дачное мѣсто и климатическая станція. Средняя температура года+13,6°. Сезонъ для климатической станціи съ 15-го апрѣля по 1 декабря, и по условіямъ своимъ Сочи можетъ быть сравнено съ приатлантическими Пиренеями и западной Франціей.

Сочи — одинъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ черноморскаго побережья. Широкая, сочная долина врѣзается глубоко въ хребты горъ, и ея отлогіе скаты, покрытые красивыми долинками, виноградниками, кипарисами, составляютъ собою очень эффектныя ворота въ этотъ живописный горный проходъ. Православный храмъ съ высокой колокольней весело вырѣзается на зелени садовъ своими пзящными бѣлыми башнями; храмъ построенъ на средства московскихъ фабрикантовъ Мамонтова, Хлудова и др. Сочи — незамѣнимое мѣсто для дачи, цвѣтущее, плодородное, съ живописными окрестностями и съ неизбѣжными лихорадками.

„Общественная жизнь, какъ и общественная дѣятельность, развита въ Сочи въ слабой степени. Чопорность и скука напоминаютъ атмосферу всякаго моднаго курорта. Шикарные туалеты дамъ, франтоватые костюмы кавалеровъ, вмѣстѣ съ ихъ скучающими, унылыми лицами, жара, постоянная почти влажность — вотъ впечатлѣніе жизни улицъ и бульваровъ. Если-бы не богатая, роскошная растительность и живописные горные виды, совсѣмъ грустно было-бы жить въ Сочи. Прибавить къ этому частые дожди и глинистую почву, да угрюмый каменистый берегъ моря съ постояннымъ прибоемъ, во время котораго трудно и крайне неудобно купаться, то удобства и привлекательность Сочи представляются сомнительными. Дороговизна, плохое качество жизненныхъ продуктовъ, всевозможнаго рода барышничество, земельная спекуляція, продажа и перепродажа участковъ и плановъ, все это — печальныя особенности моднаго курорта“ *).

Несмотря на все, мода взяла свое, и земля дорожаетъ съ каждымъ годомъ: въ настоящее время, начиная съ 8 руб., доходитъ въ лучшихъ мѣстахъ до 30 руб. за кв. сажень.

Жизнь въ Сочи очень дорога, въ особенности во время съѣзда, осенью. Цѣны въ гостиницахъ, которыхъ въ Сочи семь, а вмѣстѣ съ меблированными комнатами доходитъ до

---

*) С. Васюковъ. «Край горной красоты».

15 р., то-же самое можно сказать и о столѣ. Лучше устроиться въ частныхъ домахъ, гдѣ можно въ среднемъ получить сносную комнату за 35—40 руб. въ мѣсяцъ. Имѣются, конечно, общественное собраніе, библіотека, народная безплатная читальня въ память Пушкина, народный домъ съ театральнымъ заломъ, училища, городская больница, а въ недалекомъ будущемъ предполагается открыть мужскую прогимназію, на что городомъ ассигновано 8.000 руб. и отведенъ участокъ земли въ 2.000 кв. саж.

Что касается климата Сочи, то онъ мягкій, хотя и влажный. Флора крайне разнообразна—тутъ масса розъ, которыя цвѣтутъ даже въ декабрѣ, лимоны, пальмы, маслины, магнолія, лавръ и наряду съ этимъ дубы и буки. Небольшіе уютные домики утопаютъ въ роскошной зелени садовъ, и воздухъ наполненъ ароматомъ, а ко всему этому синее небо, сочная зелень и яркое, блестящее южное солнце.

Изъ окрестностей Сочи, многія изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія, слѣдуетъ упомянуть объ опытной станціи министерства земледѣлія съ питомникомъ декоративныхъ и фруктовыхъ садовъ; крупныя имѣнія Государя Императора, Варданс, имѣніе бывшаго намѣстника Кавказа, великаго князя Михаила Николаевича; имѣніе великаго князя Константина Константиновича и др.

По дорогѣ отъ Сочи къ Адлеру расположены культурные участки, принадлежащіе лицамъ или родовитымъ, или высокимъ по занимаемымъ должностямъ: кн. Юсуповымъ, кн. Оболенскому, кн. Долгорукому, гр. Бобринскому, предсѣдателю комитета министровъ С. Ю. Витте, министру путей сообщенія кн. Хилкову, кн. Ливену, кн. Гагарину, г. Щербатову и др.

Недалеко отъ Сочи, въ 2 верстахъ отъ шоссе, на рр. Мауестѣ и Агурѣ, имѣются богатѣйшіе сѣрные источники, находящіеся пока въ первобытномъ состояніи, но которыхъ ожидаетъ богатая будущность. Источники эти вытекаютъ изъ двухъ гротовъ, идущихъ горизонтально изъ глубины горъ, образуя при выходѣ природныя ванны. Здѣсь въ сентябрѣ 1902 года министромъ А. С. Ермоловымъ устроено небольшое ванное зданіе, въ которое по трубамъ проведена минеральная вода.

Не доѣзжая 12 верстъ до Адлера, расположенъ городъ Хоста, искусственно созданный Н. С. Абазою, въ которомъ всего 200 душъ населенія, фельдшерскій пунктъ да

гостиница—вотъ весь и городъ. Назначеніе этого города было дать необходимыхъ работниковъ для оживленія культурныхъ участковъ.

Недалеко отъ Адлера дорога развѣтвляется: одна идетъ на Адлеръ, другая—на Красную поляну, до которой 50 верстъ.

Адлеръ въ настоящее время селеніе, ранѣе былъ крѣпость — св. Духа,—изъ стѣнъ которой построена церковь; вблизи нея находится братская могила 11 нижнихъ чиновъ, убитыхъ при бомбардированіи села Адлеръ во время войны 1877—78 гг. Занятіе Адлера русскими войсками относится къ 1837 году и памятно русскимъ по тому, что при этомъ былъ убитъ одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ писателей того времени, Марлинскій (Александръ Бестужевъ), служившій офицеромъ и бывшій въ это время адъютантомъ начальника штаба, Вальховскаго.

Адлеръ расположенъ на низменномъ мѣстѣ и по красотѣ много уступаетъ Сочи: тутъ нѣтъ ни обрывовъ скалъ, ни храмовъ, ни хорошенькихъ дачъ съ барскими садами. Жизнь въ Адлерѣ дешевле на 20 проц., чѣмъ въ Сочи. Кромѣ гостиницъ, можно устроиться у адлерскихъ поселянъ, платя за комнату по 8—10 р. въ мѣсяцъ. Въ настоящее время здѣсь имѣются училище, почтовая контора и довольно хорошій базаръ. Населеніе самое пестрое: тутъ встрѣтишь и турокъ, и грековъ, и грузинъ, и русскихъ земледѣльцевъ — крестьянъ Херсонской и Бессарабской губерній, поселенныхъ въ 1869 году въ горахъ, откуда они въ 1878 году были переведены въ Адлеръ съ надѣломъ по 9 десятинъ на дворъ.

Между Адлеромъ и Сочи, помимо пароходовъ, поддерживается ежедневно сообщеніе въ дилижансахъ, по 80 коп. съ человѣка за конецъ.

Дорога отъ Адлера до Гагръ очень живописна: синее море, скалы и рѣчки смѣняютъ одну картину другой. Не доѣзжая 10 верстъ до Гагръ, кончается Черноморская губернія и начинается Абхазія — Сухумскій округъ.

Нынѣ модный курортъ Гагры, въ древности Пагры, принадлежитъ къ числу греческихъ колоній на берегу Черпаго моря, основанныхъ въ VII вѣкѣ до Р. Х. Гагры лежатъ на берегу моря, у входа въ глубокое ущелье того-же названія, въ которомъ въ древнія времена высилась крѣпость для защиты отъ морскихъ пиратовъ, самое-же ущелье, по словамъ Скасси, служило единственнымъ, хотя и тѣснымъ сухопутнымъ проходомъ, черезъ который чер-

кесы дѣлали свои набѣги на Абхазію, и потому еще Сафаръ-бей Шервашидзе находилъ необходимымъ обезпечить Абхазію, занявъ гагрское ущелье русскими войсками. Здѣсь вновь были выстроены укрѣпленіе и лазаретъ, просуществовавшіе до 1876 года.

„Пришли русскіе, и страна,— говоритъ профессоръ Пастернацкій, — имѣвшая болѣе чѣмъ 2000-лѣтнюю древность, опустѣла. Какимъ-то смертельнымъ холодомъ вѣетъ отъ этихъ сѣрыхъ развалинъ. Зловѣще высятся надъ ними неприступныя горы. Кругомъ ни звука, кромѣ глухого ропота горнаго потока да грознаго раската морскихъ волнъ, подступающихъ къ развалинамъ, какъ-бы съ намѣреніемъ окончательно стереть Гагры съ лица земли“.

Въ древности Гагры, будучи укрѣпленными фортами, были окружены двойными стѣнами, которыя отдѣлялись другъ отъ друга длинною галлереею и тянулись отъ моря до скалы. Входъ черезъ эти стѣны велъ въ массивныя, хотя низенькія круглыя башни, примыкавшія къ стѣнамъ и служившія жильями.

Изъ памятниковъ въ Гаграхъ уцѣлѣла лишь церковь, построенная изъ того-же камня, изъ котораго построены стѣны и башни. Отъ этой церкви остался корпусъ, имѣющій одни полузакрытыя, полукруглыя хоры въ восточной части, сѣни съ западной части и два портика извнѣ. Виноградныя лозы и ползучія растенія гирляндами вьются на ея грубыхъ стѣнахъ; фиговое дерево, пробившись на самомъ верху свода, увядаетъ отъ старости.

По нѣкоторымъ даннымъ можно допустить, что подъ укрѣпленіемъ существуетъ громадное подземелье, а легенда добавляетъ, что тамъ, въ недоступныхъ комнатахъ, зарыты богатства. Туристъ, посѣтившій Гагры лѣтъ двадцать назадъ, описываетъ ихъ такъ: „Не весела была здѣсь жизнь въ то время (во время занятія русскими), не весела она и теперь. Гагры состоятъ изъ каменной крѣпости, построенной изъ крымскаго привознаго камня, нѣсколькихъ домовъ, расположенныхъ на площадкѣ впереди ея и нѣсколькихъ духановъ. На берегу разведенъ бульваръ. Сообщеніе съ остальнымъ міромъ производится только водою на „Эльбрусѣ“ и „Псесуапсе“, приходящихъ два раза въ мѣсяцъ, да на „Звѣздочкѣ“, которая дѣлаетъ рейсы между Гаграми и Поти, смотря по надобности“.

А теперь къ югу отъ развалинъ выросъ блестящій

курортъ, воздвигнуты чудныя гостиницы, пароходы ежедневно заходятъ, привозя и увозя баръ съ хорошими средствами. Людямъ средняго достатка жить въ Гаграхъ немыслимо, можно пріѣхать на одинъ-два дня, чтобы осмотрѣть, и уѣхать. Чудное зданіе гостиницы построено на скалѣ, на высотѣ 75 фут. падъ уровнемъ моря; стѣны ея, сложенныя изъ тощаго цемента, толщиною въ 15 сантиметровъ. Въ гостиницѣ 70 номеровъ, на цѣну отъ 12 р. до 1 р. 25 к. въ сутки, устроенныхъ по послѣднему слову строительной техники; въ каждой комнатѣ телефонъ, электрическое освѣщеніе, автоматическій аппаратъ, регулирующій температуру, сигнализаціонный аппаратъ для предупрежденія о пожарѣ и т. д. Роскошная мебель въ номерахъ выписана изъ Вѣны. Передъ гостиницею разбитъ паркъ съ аллеями изъ пальмъ, украшенными множествомъ фонтановъ. Всюду электрическое освѣщеніе. Рядомъ съ гостиницей ресторанъ, въ которомъ помѣщаются билліардныя и карточныя комнаты, читальня и прочее. Такъ какъ всѣ продукты привозятся изъ сосѣднихъ городовъ и преимущественно высокаго качества, то цѣны въ ресторанѣ довольно дорогія.

Въ Гаграхъ все хорошо — и удобства для публики, и богатыя живописныя окрестности, и парки, и фонтаны, только одного недостаетъ... хорошаго климата. Если современемъ удастся постоянною настойчивою борьбою уменьшить заболѣванія маляріей, этого бича всего побережья, и, въ концѣ концовъ, осушить близлежащія за горами болота, разсадникъ ея, то Гагры займутъ первое мѣсто и затмятъ собою и Ялту, и другіе курорты; а въ дѣлѣ оздоровленія роскошныхъ и плодородныхъ мѣстъ побережья въ послѣднее время сдѣлано много.

Идеей устройства въ Гаграхъ курорта мы обязаны его высочеству принцу А. П. Ольденбургскому, въ пользованіи котораго находится огромная площадь въ 15.000 десятинъ удобной и неудобной земли. Земли эти принадлежатъ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ и сданы принцу на 10 лѣтъ. Изъ числа этихъ земель 1.000 десятинъ его высочество можетъ продать постороннимъ лицамъ, чтобы эти средства употребить на развитіе курорта, и 1.000 десятинъ поступаютъ въ собственность принца Ольденбургскаго по установленной министерствомъ цѣнѣ (30.000 руб. дес.). Въ настоящее время нарѣзаны участки по 1 дес., которые продаются по цѣнѣ 15 — 20 тыс. руб., но пока находится мало охотни-

ковъ, что объясняется дороговизною, и всего продано нѣсколько участковъ.

Въ заключеніе о Гаграхъ надо добавить, что надъ моремъ, на грандіозномъ утесѣ построенъ дворецъ принца Ольденбургскаго, который является какъ по архитектурѣ, такъ и по роскоши удивительнымъ.

Недалеко отъ Гагръ, влѣво отъ берега р. Бзыбь, въ трехъ верстахъ отъ конечности мыса Пицунды и въ одной верстѣ отъ берега, расположенъ древній Пицундскій храмъ, возобновленный Ново-Аѳонскимъ монастыремъ. Еще въ первомъ вѣкѣ до Р. Х., по Страбону, въ этихъ мѣстахъ былъ великій городъ, въ 30 верстъ окружности, Питіунтъ. Недалеко отъ берега въ лунообразной бухтѣ, заросшей сосновымъ лѣсомъ, въ 551 году византійскимъ императоромъ Юстиніаномъ I, по свидѣтельству Прокопія, былъ построенъ величественный храмъ св. Софіи, образцомъ для котораго приблизительно послужилъ константинопольскій Софійскій храмъ въ уменьшенномъ размѣрѣ, какое названіе удержалось за нимъ до XVI вѣка; а самый мысъ именовался мысомъ св. Софіи (capo santa Sophia). Мысль о возстановленіи храма относится къ 1812 году, когда императоръ Александръ I поручилъ А. П. Ермолову возобновить храмъ, но военное положеніе Абхазіи помѣшало осуществленію этой мысли. Въ 1830 году, когда русскіе заняли Пицунду, на престолѣ было найдено грузинское Евангеліе XV столѣтія, хранящееся въ настоящее время въ Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. Вопросъ о возстановленіи храма былъ вновь поднятъ въ 1846 г., по ходатайству одесскаго общества древности, на что и было отпущено 35 т. руб., но возникшая затѣмъ Восточная война помѣшала этому, и только въ 1869 году удалось воспроизвести его по первоначальному плану безъ измѣненія архитектуры. Съ присоединеніемъ Пицундскаго храма, по Высочайшему повелѣнію, съ поземельнымъ надѣломъ въ 1.049 десятинъ къ Ново-Аѳонскому монастырю было докончено то, чего за отсутствіемъ средствъ нельзя было сдѣлать раньше.

Видъ съ моря на окрестности храма восхитителенъ. Вправо разстилается великолѣпная долина, которая едва замѣтно поднимается къ горному хребту, покрытому зеленымъ лѣсомъ, а изъ-за него встаетъ снѣжный Кавказскій хребетъ съ красавцемъ Эльбрусомъ; а у подошвы его проходитъ ущелье, изъ котораго вытекаетъ рѣка Бзыбь.

Небольшое мѣстечко Гудауръ, слѣдующая остановка послѣ Гагръ, одинъ изъ красивѣйшихъ уголковъ побережья. Небольшіе домики, раскинувшись на ровномъ мѣстѣ, утопаютъ въ садахъ, а на фонѣ — двѣ огромныя, покрытыя зеленью горы; сходясь, онѣ образуютъ щель, сквозь которую открывается очаровательная панорама снѣговыхъ горъ. Характеръ населенія самый разнообразный: на прямыхъ и широкихъ улицахъ вы встрѣтите и типичныхъ абхазцевъ, и грековъ, и турокъ, и русскихъ. Небольшая православная церковь на берегу моря говоритъ о преобладающемъ элементѣ населенія этого уголка. Гудауръ — центръ ловли устрицъ, благодаря присутствію поблизости нѣсколькихъ богатыхъ устричныхъ грядъ. Пока еще можно тамъ прожить недорого, но современемъ, если пылъ устройства курортовъ на побережьѣ коснется и этого чуднаго уголка и превратитъ его въ шаблонную Ялту, бѣги, скромный пріѣзжій, куда-нибудь подальше, гдѣ нѣтъ еще ни чудныхъ гостиницъ, ни декоративной флоры, ни фонтановъ и парковъ съ электрическимъ освѣщеніемъ, а гдѣ только природа—не исковерканная, а дѣвственная.

Слѣдующимъ чрезвычайно интереснымъ и важнымъ на побережьѣ пунктомъ является Новый Аѳонъ. Видъ на него съ моря очарователенъ. На склонѣ величественныхъ горъ, защищающихъ монастырь отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ и покрытыхъ густою зеленью, среди которой выдѣляются масса кипарисовъ и рощи масличныхъ деревьевъ, рисуется большое трехъэтажное зданіе новаго нагорнаго монастыря, построеннаго четыреугольникомъ, по примѣру всѣхъ аѳонскихъ строеній. На переднемъ фасадѣ этой постройки высятся купола съ вызолоченными крестами трехъ церквей. Изъ-за этой наружной постройки нагорнаго монастыря величественно возвышаются надъ всей окружающей мѣстностью стѣны и купола громаднаго собора во имя св. великомученика Пантелеймона, съ четырьмя придѣлами. Внизъ отъ нагорнаго монастыря по террасамъ тѣхъ-же горъ, спускаясь къ морю, бѣлѣютъ постройки прежняго монастыря, которыя заканчиваются рядомъ каменныхъ строеній у самаго моря, причемъ двухъэтажное зданіе гостиницы для пріѣзжающихъ занимаетъ самое большое мѣсто. Надъ монастыремъ возвышается гора, называемая Иверской. Съ нея открывается роскошный видъ на море и строенія монастыря.

Пароходы, поддерживающіе сообщеніе съ Новымъ Аѳо-

помъ, не подходятъ къ его берегу, и пассажиры, чтобы попасть въ монастырь, должны сперва совершить небольшое путешествіе въ тяжелыхъ монастырскихъ баркасахъ.

На пристани, прочно устроенной на желѣзныхъ сваяхъ, пріѣзжихъ встрѣчаютъ гостиники-монахи. Въ концѣ ея помѣщается красивая часовня, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ настоятель монастыря, архимандритъ о. Іеронъ, имѣлъ счастье встрѣтить Ихъ Императорскихъ Величествъ, при посѣщеніи ими монастыря 24-го сентября 1888 года. Часовня воздвигнута въ память чудеснаго избавленія Ихъ Величествъ отъ угрожавшей 17-го октября 1888 года опасности.

Пройдя пристань, посѣтители черезъ св. ворота входятъ въ монастырскій дворъ и, миновавъ рядъ построекъ, по лѣстницѣ вступаютъ въ каменный корпусъ гостиницы, отдѣланной просто, но уютно. Комнаты свѣтлыя, съ кроватями, покрытыми чистымъ бѣльемъ.

День въ монастырѣ распредѣляется слѣдующимъ образомъ. Въ часъ ночи посѣтители гостиницы приглашаются въ церковь. „Вдспія время, молитвъ часъ!“ — раздается у дверей голосъ послушника. Вставать не считается обязательнымъ и исполняется это аккуратно только тѣми, которые говѣютъ. Рѣзкіе, унылые удары колокола, раздающіеся среди ночной тишины, нарушаемой только шумомъ морскихъ волнъ, мелькающіе силуэты иноковъ, направляющихся въ храмы, едва замѣтныя очертанія грандіозныхъ скалъ — все это охватываетъ душу какимъ-то трепетомъ. Служеніе начинается полунощницей, за которой слѣдуетъ утреня, затѣмъ ранняя обѣдня, оканчивающаяся въ 6 час. утра, и, наконецъ, за нею — поздняя. По окончаніи богослуженія посѣтители приглашаются къ чаю. Въ большой свѣтлой, по шесть оконъ съ каждой стороны, столовой, находящейся тутъ-же при номерахъ, накрываются два стола, идущихъ черезъ всю комнату. Ряды чайниковъ съ кипяткомъ и чаемъ, бѣлый и черный хлѣбъ, сахаръ въ изобиліи предоставляются въ распоряженіе посѣтителямъ. Желающимъ чай подается и въ номеръ. Въ 11 час. подается обѣдъ, состоящій изъ трехъ блюдъ, причемъ одно постоянно — рыба, свѣжая или копченная (судакъ). Во время сезона фруктовъ подаются арбузъ, яблоки и проч. Красное виноградное вино и квасъ усердно наполняются, разъ только посуда опустѣваетъ отъ содержимаго. Въ 3 часа чай и въ 7 час. вечера ужинъ — повтореніе обѣда.

Гостиница дѣлится на три отдѣленія, которымъ богомольцы дали названія: дворянское, купеческое и простонародное. Каждое имѣетъ свою кухню. Богомольцы изъ простого класса ходятъ въ общую трапезу, за которой одновременно питаются и духовнымъ братіемъ, такъ какъ во время трапезъ, при полной тишинѣ, ведется чтеніе поученій или житій святыхъ. Всѣ проживающіе въ монастырѣ пользуются совершенно безвозмездно и помѣщеніемъ, и пищей; въ корридорахъ-же гостиницы вывѣшено извѣщеніе, что желающіе благодарить за проживаніе могутъ вносить свои пожертвованія или лично о. игумену, или черезъ гостинника, для чего имѣется книга, куда каждый жертвователь и записываетъ свою лепту. Больные богомольцы, желающіе получать особую пищу, испрашиваютъ благословеніе о. игумена и тогда получаютъ особыя кушанья.

Самое интересное мѣсто въ Новомъ Аѳонѣ, это — водопадъ. Выйдя изъ монастырскихъ воротъ и минуя всѣ постройки, вы входите въ роскошную кипарисовую аллею, въ концѣ которой помѣщается церковь во имя св. апостола Симона Кананита и тутъ-же около нея водопадъ. Древняя, возобновленная церковь Симона Кананита въ настоящее время приняла вполнѣ благолѣпный видъ. Въ нѣдрахъ этого храма, по преданію, сохранившемуся у абхазцевъ, почиваютъ мощи святого апостола, и, несмотря на полное уничтоженіе къ началу нынѣшняго столѣтія христіанства въ Абхазіи, богомольцы чтили ее ежегоднымъ посѣщеніемъ. Но всеразрушающее время коснулось и этой старины Абхазіи, и церковь начинала уже походить на живописную развалину. А. Н. Муравьевъ, посѣтившій въ сороковыхъ годахъ развалины древней Анакопіи (Никопсіи), описываетъ ее такъ: „Мы вышли на берегъ, чтобы посѣтить церковь, на которую указываетъ мѣстное преданіе, какъ на мѣсто погребенія св. апостола, и долго искали ее посреди развалинъ Никопсіи, ибо, по незнанію языка, не могли объясниться съ жителями, дико на насъ смотрѣвшими. Намъ пришло на мысль, что она должна быть въ горнемъ замкѣ, и мы уже хотѣли туда подыматься, какъ одинъ изъ проводниковъ съ ближайшаго казачьяго поста вызвался указать намъ желаемую церковь. Онъ возвратилъ насъ къ развалинамъ Никопсіи и позади ограды вывелъ на довольно обширную поляну, усѣянную также обломками. Она была ограждена прибрежными возвышенностями рѣки Псыртсхи, которая

омывала своими волнами дикое, живописное мѣсто, какъ-бы нарочно созданное природой, чтобы принимать на жительство людей. Посрединѣ площадки стояла церковь, небольшая, но почти совершенно уцѣлѣвшая, кромѣ обвалившагося купола; западный ея притворъ былъ заваленъ камнями и заросъ дикими растеніями, какъ и самая вершина церкви; входъ — отъ южнаго придѣла, надъ коимъ виденъ еще полуистертый ликъ Спасителя. Устройство храма совершенно греческое, съ тройнымъ раздѣленіемъ алтаря и полукружіемъ горняго мѣста; поразительна тонкость стѣнъ, выложенныхъ изъ римскаго кирпича, и высота стройныхъ сводовъ, которые опираются на чрезвычайно легкіе столбы. Живопись уже стерлась, но на западной стѣнѣ еще видны Успеніе Богоматери и два мученика. Гробницы апостольскія нельзя распознать, но, предполагая, что святыя мощи положены были, по древнему обычаю, подъ самымъ престоломъ, я помолился надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ стоялъ, и призвалъ имена обоихъ апостоловъ: Симона и Андрея, просвѣтившихъ эту страну“.

Мысль объ устройствѣ въ Закавказьѣ Ново-Аѳонскаго монастыря принадлежала настоятелю русскаго Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря, архимандриту о. Макарію, и духовнику его — іеросхимонаху о. Іерониму. Бывшій въ то время посланникъ и полномочный министръ при Оттоманской Портѣ графъ Н. И. Игнатьевъ принялъ очень благосклонно предложеніе и взялъ на себя ходатайствовать объ его осуществленіи. Ходатайство имѣло благопріятный исходъ, и уже въ сентябрѣ 1875 года, съ разрѣшенія его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича, бывшаго тогда намѣстникомъ Кавказа, посланными съ русскаго Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря иноками было осмотрѣно и выбрано мѣсто на развалинахъ Анакопіи, у древняго храма св. апостола Симона Канонита, на берегу рѣчки Псыртсхи, въ виду дикаго и живописнаго ущелья и развалинъ крѣпости Аспара, которая, по преданію, была основана еще въ III вѣкѣ по Р. Хр. римскимъ императоромъ Траяномъ.

Получивши землю, монахи тотчасъ-же приступили къ заготовленію матеріаловъ для возстановленія древней церкви и другихъ монастырскихъ построекъ.

Въ концѣ того-же 1875 года пріѣхалъ со стараго Аѳона въ качествѣ эконома и архитектора о. Іеронъ и приступилъ къ сооруженію большой двухъэтажной по-

стройки, гдѣ нынѣ находятся гостиница и церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы; постройка эта, благодаря неусыпнымъ заботамъ о. Іерона, была черезъ годъ окончена. Церковь св. апостола Симона Канонита была возобновлена въ 1882 году.

Водопадъ, находящійся около церкви Симона Канонита, представляетъ собой искусственное сооруженіе. Изъ озера, образовавшагося вверху ущелья загражденіемъ рѣки Псыртсхи, вода поверхъ плотины падаетъ внизъ красивымъ водопадомъ и затѣмъ по каналамъ разводится въ разныя мѣста для удаленія нечистотъ нижняго монастыря, для поливки садовъ, огородовъ и даже на протяженіи двухъ верстъ посредствомъ чугунныхъ трубъ на кирпичный заводъ.

Въ началѣ плотины, къ которой ведетъ отъ водопада каменная лѣстница, въ скалу вбита каменная доска въ ознаменованіе посѣщенія этого мѣста императоромъ Александромъ III. Дорога, идущая надъ краемъ озера, выходитъ къ рѣкѣ Псыртсхи, протекающей ущельемъ среди развѣсистыхъ деревьевъ. Недалеко отсюда находится на отвѣсной скалѣ поросшая зеленью пещера, которая, какъ говоритъ абхазское преданіе, принадлежала св. апостолу Симону Канониту. Дѣйствительно, высѣченный на стѣнѣ ея четырехконечный крестъ свидѣтельствуетъ объ ея глубокой древности.

Но вернемся къ исторіи монастыря. Во время турецкой войны, по приказанію начальника сухумскаго военнаго отдѣла, монастырь былъ оставленъ, а братія, желая чѣмъ-либо помочь, примкнула къ санитарному отряду.

По окончаніи турецкой войны, иноки вернулись въ старое пепелище и съ тою-же энергіею, какъ и въ первый разъ, принялись возстанавливать изъ развалинъ прежнія постройки. Въ одинъ годъ была вновь отстроена церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и началось въ ней богослуженіе по аѳонскому уставу. Въ 1883 году были начаты постройки по возведенію новаго нагорнаго монастыря во имя великомученика и цѣлителя Пантелеймона. Сооруженіе этихъ грандіозныхъ построекъ продолжалось семнадцать лѣтъ, и онѣ были освящены 28-го сентября 1900 года, въ день, совпавшій съ двадцатипятилѣтіемъ основанія Ново-Аѳонскаго монастыря.

Въ громадныхъ четырехъ корпусахъ, окружающихъ новый нагорный соборъ, помѣщается братія. Съ балкона одного изъ корпусовъ, выходящаго фасадомъ на море,

открывается дивная картина: внизу раскинулись постройки монастыря, подходя къ самому берегу, а дальше безбрежное море, горизонтъ котораго сливается съ небомъ.

Значительный интересъ въ монастырѣ представляетъ трапезная. Это—большое, свѣтлое помѣщеніе, уставленное столами; у каждаго прибора кладутъ по большому куску хлѣба и ставятъ жестяные кувшины съ мѣстнымъ виноградным виномъ, кружки съ водою и мйски съ супомъ, каждая на 4 человѣка. Стѣны трапезной украшены живописью — работы монаховъ-живописцевъ. Обѣдъ происходитъ при слѣдующей обстановкѣ. Сперва раздается колокольный звонъ; онъ возвѣщаетъ о выходѣ о. игумена изъ внутреннихъ покоевъ. Настоятель входитъ въ трапезную въ черной одеждѣ, съ золотыми крестами, и съ большимъ посохомъ въ рукахъ. Впереди его идутъ два священника съ зажженными свѣчами въ золотыхъ свѣтильникахъ, за нимъ священникъ съ частицами св. хлѣба, которые и кладетъ на трапезный столъ; конецъ мантіи настоятеля несетъ одинъ изъ монаховъ.

Послѣ того, какъ прочитаютъ житье святого, память котораго чтится въ описываемый день, всѣ садятся за столы. Трапеза происходитъ при молчаніи присутствующихъ, нарушаемомъ только чтеніемъ поученій монаха на особо возвышенномъ мѣстѣ. Послушники, служащіе при столахъ, быстро мѣняютъ кушанья и ставятъ другія. Трапеза оканчивается очень быстро. По-нашему, по-мірскому, можно успѣть въ это время съѣсть одно горячее. По окончаніи трапезы, при пѣніи и колокольномъ звонѣ, игуменъ, а за нимъ вся братія двигаются къ выходу, причемъ настоятель, ставъ у дверей, благословляетъ всѣхъ мимо проходящихъ.

Новый Аѳонъ замѣчателенъ также своими прудами, обсаженными по берегамъ прекрасною растительностью; по тихимъ волнамъ ихъ гордо-величаво, вытянувъ шеи, плаваетъ множество лебедей, придавая красоту и поэтичную окраску этому мѣсту. Въ прудахъ разведена масса рыбы, которую ловятъ только въ крайнихъ случаяхъ, по благословенію о. настоятеля, для пріѣхавшихъ почетныхъ гостей; для довольствія братіи рыба пріобрѣтается изъ разныхъ мѣстъ Кавказа, преимущественно съ береговъ Каспійскаго моря, гдѣ, кажется, у монастырей есть свои промыслы. Иногда-же иноки сами отправляются рыбачить, и, если на слѣдующій день за обѣдомъ въ гости-

ницѣ подается свѣжая отварпая рыба, то это значитъ, что уловъ былъ хорошій.

Отъ виноградниковъ, расположенныхъ на горѣ, вправо извивается дорожка на Иверскую гору, на вершинѣ которой высятся три башни и развалины крѣпости Аспаръ, построенной римлянами въ III вѣкѣ по Р. Х. Въ расщелинахъ крѣпости растутъ деревья, стѣны и верхи бойницъ покрыты мхомъ. Въ пищѣ одной изъ развалинъ цѣлая куча череповъ, сложенныхъ въ безпорядкѣ и защищенныхъ спереди стекляннымъ окномъ; прибитая сбоку надпись гласитъ слѣдующее:

«Любовно просимъ васъ,
Посмотрите вы на насъ.
Мы были всѣ, какъ вы,
И вы всѣ будете, какъ мы».

Живущіе тутъ два монаха угощаютъ приходящихъ чаемъ, который, послѣ значительнаго подъема на гору, пьется съ большимъ аппетитомъ.

На самой верхней точкѣ горы устроена площадка, съ которой открывается очаровательный видъ на лежащій глубоко внизу монастырь, на берега убѣгающихъ отъ монастырской пристани массою извилинъ, на могучій просторъ изумруднаго моря, на зеленыя горы съ ихъ склонами, перевалами и ущельями.

Монастырь ведетъ очень обширное хозяйство и имѣетъ кирпичный и свѣчной заводы, лѣсопильню и каменоломни.

Въ верстахъ двухъ отъ монастыря, высоко на скалѣ, среди полаучей зелени, среди деревьевъ, растущихъ по кампямъ, словно прилѣпленный, виситъ на воздухѣ небольшой домикъ, называемый „Ласточкино гнѣздо“ и служащій жилищемъ для главнаго садовода монастыря. Домикъ состоитъ изъ двухъ комнатъ. Въ одной живутъ послушники, а другая, съ балкономъ на море, убранная заботливою рукою, служитъ лѣтней резиденціей о. садовода. Комната убрана массою картинъ, фотографій, и въ центрѣ ихъ находится нѣсколько свидѣтельствъ о наградахъ, полученныхъ монастыремъ за выставленные имъ на выставкахъ садоводства и плодоводства экспонаты.

Самое интересное въ келіи о. садовода, это — Голгоѳа. На природной скалѣ, вышиною аршина въ полтора, оставленной при постройкѣ домика, поставленъ крестъ въ полтора аршина вышины, съ написаннымъ масляными красками изображеніемъ распятаго Іисуса Христа

и внизу колѣнопреклоненными фигурами, писанными на деревѣ и вырѣзанными по контурамъ; ниже вдѣланъ въ скалу черепъ.

Чтобы осмотрѣть великолѣпный монастырскій садъ, необходимо отъ „Ласточкина гнѣзда“ спуститься внизъ. Въ этомъ саду много экзотическихъ растеній, масличныя, а также лимонныя и апельсиновыя рощи, дающія превосходный урожай. Необыкновенную красоту сада дополняютъ цвѣтущія деревья, магноліи, бассейны и фонтаны. Ограда сада почти вся изъ кустовъ олеандра и розъ. А надъ всей этой изумительной роскошью — темно-голубое небо, жгучее солнце, зеленыя горы, а внизу море, море далекое, вѣчно живое, могучее море.

Южнѣе Новаго Аѳона на берегу обширной и глубокой, но открытой къ югу Сухумской бухты лежитъ Сухумъ-кале. Всѣ постройки расположены, главнымъ образомъ, по побережью и отчасти на прибрежныхъ холмахъ. На фонѣ города видны высокія покрытыя лѣсомъ горы, за которыми бываетъ виденъ въ хорошую погоду и Кавказскій хребетъ, съ его блестящими вѣчными снѣгами.

Климатъ Сухума отличается мягкостью и ровностью, и такое благопріятное его состояніе привлекаетъ съ каждымъ годомъ все болѣе больныхъ, что, однако, ему не препятствуетъ оставаться такимъ-же грязнымъ, плохо освѣщеннымъ, какимъ онъ былъ 30—40 лѣтъ тому назадъ.

По сказаніямъ древнихъ писателей, на мѣстѣ Сухума находилась знамснитая въ древности милетская колонія Діоскурія, основанная, по преданію грековъ, полумиѳическими героями „похода Аргонавтовъ“—Кастоpомъ и Полуксомъ, что отчасти подтверждается находимыми здѣсь монетами. При римскомъ владычествѣ въ Абхазіи, на мѣстѣ греческой колоніи, возникъ гор. Севастополь, процвѣтавшій еще во времена генуэзскаго господства на Черномъ морѣ. Въ 1455 г. Севастополь былъ взятъ турками и самое имя этого города было забыто. При турецкомъ владычествѣ, продолжавшемся до начала XIX ст. Сухумъ, называемый въ грузинскихъ лѣтописяхъ Цихуми, былъ однимъ изъ главныхъ центровъ торговли рыбою. Въ началѣ XVIII в. турки построили здѣсь, на развалинахъ генуэзской крѣпости, укрѣпленіе, развалины котораго сохранились понынѣ. Въ 1816 г. Сухумъ былъ занятъ русскими, въ 1832 г. въ немъ была учреждена таможенная застава, а въ 1848 г. Сухумъ былъ возведенъ въ степень портоваго города, и съ 1866 г. въ немъ имѣлъ свою

резиденцію начальникъ сухумскаго военнаго округа. Въ 1877 г. Сухумъ былъ вновь занятъ турками послѣ двухдневнаго бомбардированія, но въ августѣ того-же года, когда къ Сухуму подступили русскіе отряды, турки, ограбивъ и поджегши городъ, ушли въ море.

Въ настоящее время, какъ мы сказали, пріѣздъ больныхъ въ Сухумъ увеличивается, и если-бы только онъ сдѣлался болѣе благоустроеннымъ и понастроилъ удобныхъ жилыхъ помѣщеній, то могъ-бы конкуррировать съ другими климатическими станціями побережья. Начиная съ осени по іюнь — наилучшее время для жизни въ Сухумѣ, лѣтомъ-же невыносимо жарко и свирѣпствуютъ сильныя лихорадки.

Растительность въ Сухумѣ очень богатая и разнообразная, въ садахъ акклиматизировано множество американскихъ, китайскихъ, японскихъ, австралійскихъ и иныхъ декоративныхъ и плодовыхъ растеній — маслины, апельсины, лимоны, мандарины, чай, магноліи, камфарное дерево, бамбуки, пальмы и т. д.

Въ окрестностяхъ Сухума находится опытная сельскохозяйственная и садовая станція съ ботаническимъ садомъ, сады вел. кн. Александра Михайловича, Рукавишникова, садоводство Ноева съ обширной культурой луковичныхъ и пальмъ. При посѣщеніи садовъ приходится останавливаться чуть-ли не передъ каждымъ экземпляромъ. Тутъ забываешь русскую природу — ея нѣтъ. Тутъ чуждый міръ богатѣйшей растительности. Все цвѣтетъ и растетъ тутъ пышно, красиво, горделиво. Въ саду Рукавишникова заслуживаетъ особаго вниманія цѣлая роща стройныхъ, высокихъ бамбуковъ, которымъ на Кавказѣ пророчатъ серьезную будущность.

Отъ Сухума-же начинается дорога въ Кубанскую область, по Клухорской тропѣ, черезъ ущелье Кодора и Клухорскій перевалъ, ущелье Теберды въ Баталпашинскъ.

Съ тѣхъ поръ какъ на Сухумъ обратили серьезное вниманіе, какъ на роскошную климатическую станцію для слабогрудныхъ и чахоточныхъ, былъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ сухумскаго порта, на что будто-бы даже ассигновано 17 милліоновъ; съ тѣхъ поръ какъ на сѣверо-восточныхъ склонахъ было построено нѣсколько санаторій, изъ которыхъ въ особенности хороша городская, сооруженная при содѣйствіи московскаго профессора А. А. Остроумова, значительно вздорожали и жизнь, и земля. Достаточно сказать, что десятина земли, стоившая пѣ-

сколько лѣтъ тому назадъ въ среднемъ 70—90 руб., въ настоящее время доходитъ до 1.500 рублей.

Въ 21 верстахъ отъ Сухума, на правой сторонѣ рѣки Кодоръ, недалеко отъ берега, въ чудной живописной мѣстности пріютился одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Абхазіи — драндскій храмъ. Всѣ богомольцы, посѣщающіе Новый Аѳонъ, считаютъ своимъ долгомъ совершить паломничество и въ Дранду.

Дорога туда изъ Сухума сначала пролегаетъ морскимъ берегомъ до знаменитой своими массивными стѣнами временъ греческихъ колоній Келасуры, потомъ проходитъ прекрасной лѣсною чащею изъ орѣшника и ольхи. Сама Дранда, расположенная на плоскости, имѣетъ оригинальный видъ и построена изъ кирпича большихъ размѣровъ, какой встрѣчается лишь въ древнихъ греческихъ постройкахъ западной Грузіи. Она снабжена куполомъ въ 18 оконъ, и еще въ 1860 г. было видно фресковое изображеніе Спасителя въ сводѣ, Преображеніе Господне и нѣсколько святыхъ во весь ростъ. Драндская церковь должна быть произведеніемъ глубокой древности, хотя на ней нѣтъ никакой надписи и грузинскіе лѣтописцы о ней почти молчатъ. Извѣстно лишь то, что въ исходѣ XVII вѣка въ Драндѣ уже не было епископа. Въ послѣднее время въ Драндѣ однимъ изъ аѳонскихъ иноковъ-келіотовъ былъ возобновленъ монастырь, который въ настоящее время находится въ вѣдѣніи сухумской епархіи.

Слѣдующая за Сухумомъ остановка пароходовъ, совершающихъ круговой рейсъ, Очемчиры — мѣсто пораженія турокъ генераломъ Алхазовымъ,—небольшое селеніе, въ которомъ живутъ греки, турки и армяне. Могучая тропическая растительность окружаетъ этотъ уголокъ, а тамъ, далеко, далеко, горы и горы, непроходимые дебри и лѣса, въ которыхъ хранятся горныя богатства, еще не найденныя, не разслѣдованныя — богатства будущаго.

Недалеко отъ Очемчиръ находятся Моквы, съ знаменитымъ храмомъ, нынѣ реставрированнымъ.

„Здѣшнія воды, — пишетъ г. Бакрадзе, — лихорадочны и крайне опасны и среди этой мѣстности неожиданно предо мною всталъ величественный памятникъ прошлаго, заставившій забыть все, что испыталъ доселѣ. Въ 1859 г., — читаемъ тамъ-же, — онъ былъ найденъ мною въ томъ-же самомъ видѣ, въ какомъ въ 1848 г. его нашелъ академикъ Броссе, который такъ-же, какъ и я, былъ

пораженъ его величіемъ. Обширные размѣры церкви, опутанной сѣтью ползучихъ растеній, ея крыша, превращенная въ воздушный садъ, ея прекрасные купола, удлиняемые высокими стволами деревьевъ,—все это приводитъ зрителя въ удивленіе. Внутри стрѣлою уходящіе вверхъ столбы изъ превосходно вытесаннаго камня, помостъ, весь устланный бѣлымъ мраморомъ безъ пятенъ, осколки цвѣтного стекла, остатки карнизовъ съ замѣчательной рѣзьбой свидѣтельствуютъ о большомъ великолѣпіи и искусствѣ, достигшемъ высшей степени совершенства. Къ сожалѣнію, паперть обрушилась, въ окнахъ стекла выбиты, помостъ покрытъ на полфута соромъ. Внѣ храма—большая колокольня; вправо—руины помѣщенія епископа, влѣво—маленькій придѣлъ, обвалившійся и окутанный растительностью".

Грузинскіе лѣтописцы приписываютъ постройку моквскаго храма абхазскому царю Леону III, умершему въ 957 году, тому самому Леону, при которомъ воздвигнутъ величественный кумурдскій храмъ въ нынѣшнемъ Алхалакскомъ уѣздѣ.

Слѣдующая станція—Поти, древняя Колхида.

Поти, портовый городъ Кутаисской губ. и станція Закавказской желѣзной дороги, расположенъ при устьѣ рѣки Ріона, на лѣвомъ берегу южнаго рукава, въ низменной, болотистой и лихорадочной мѣстности. Полагаютъ, что невдалекѣ отъ Поти находился знаменитый греческій торговый городъ Фазисъ, главный пунктъ древней Колхиды.

Потійская крѣпость (турецкое названіе ея Кала-Фашъ) была построена въ 1578 г. и возобновлена послѣ разрушенія въ 1640 г. имеретинами. Въ 1809 г. главнокомандующій на Кавказѣ, гр. Тормасовъ, признавая, что положеніе наше въ Имеретіи и Мингреліи не обезпечено, пока Поти остается въ рукахъ турокъ, сначала пытался овладѣть ею посредствомъ переговоровъ съ начальникомъ крѣпости; когда это графу не удалось, онъ послалъ противъ нея отрядъ, состоявшій изъ 12 ротъ пѣхоты и 50 казаковъ при 5 орудіяхъ, подъ командою кн. Орбеліани. Послѣдній успѣлъ овладѣть крѣпостнымъ форштадтомъ, но въ это время къ туркамъ моремъ прибыли сильныя подкрѣпленія. Начальникъ ихъ расположилъ свои войска лагеремъ въ 20 верстахъ отъ Поти, но Орбеліани, получивъ подкрѣпленіе отъ гурійцевъ, 2-го ноября аттаковалъ этотъ лагерь и совершенно разбилъ турокъ, остатки которыхъ едва спаслись на лодкахъ. Послѣ этого крѣпость

сдалась на капитуляцію, но въ 1812 г. была возвращена Турціи. Въ русско-турецкую войну 1828 г. Поти была осаждена отрядомъ г.-л. Гессе и мингрельцами г.-л. кн. Дадіани, и комендантъ крѣпости, Асланъ-бекъ, тщетно прождавъ подкрѣпленій, сдался на капитуляцію.

Послѣ Батума и Новороссійска, Поти занимаетъ первое мѣсто, какъ торговый пунктъ черноморскаго побережья, которое особенно усилилось съ постройкой Поти-Тифлисской желѣзной дороги. Съ покореніемъ Батума значеніе Поти много упало, что отчасти слѣдуетъ приписать недостаткамъ самаго порта. Черезъ портъ направляется, главнымъ образомъ, вывозъ, цѣнность котораго къ концу прошлаго столѣтія доходила до 6 милл. руб. Въ городѣ имѣются мореходные классы, конторы пароходн. обществъ, шесть лѣсопильныхъ заводовъ.

Особаго вниманія въ Поти заслуживаетъ знаменитый портъ, прозванный „портъ-могила“. „Портъ, — говоритъ г. Васюковъ, — построенъ именно такъ, какъ не надо строить портовъ. Назначеніе портовъ—служить спокойной стоянкой и убѣжищемъ судовъ во время бури. Потійскій портъ устроенъ совершенно наоборотъ. Узкій проходъ, ведущій въ портъ, всего 48 саженъ, устроенъ какъ разъ съ той стороны, откуда дуютъ соотвѣтствующіе вѣтры. Въ непогоду ни войти, ни выйти изъ порта невозможно: въ воротахъ суда рискуютъ разбиться, что нерѣдко и бываетъ. Мало того, по причинѣ тѣсноты порта и того обстоятельства, что волненіе, вслѣдствіе положенія воротъ (входа) въ портъ, бываетъ сильное, такъ что суда бьются другъ о друга и подвергаются опасности быть выброшенными на берегъ, послѣднія при непогодѣ стараются и спѣшатъ выйти изъ порта въ открытое море, гдѣ гораздо безопаснѣе“.

На постройку порта, начатаго еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда Батумъ еще не принадлежалъ русскимъ, а для Закавказья нуженъ былъ непремѣнно портъ на Черномъ морѣ, ухлопали ни болѣе, ни менѣе, какъ 18 милліоновъ, переустраивая, расширяя и углубляя по наши дни, а въ результатѣ „портъ-могила“.

Насколько печальной извѣстностью пользуется портъ, настолько городъ можетъ похвастаться своимъ общественнымъ садомъ, составляющимъ его гордость. Садъ, занимающій площадь въ 8 десятинъ, былъ разведенъ въ 1870 г. и теперь является въ высшей степени интерес-

нымъ паркомъ. Достаточно сказать, что въ немъ есть нѣкоторые экземпляры растеній, которые цвѣтутъ зимою. Благопріятное положеніе Поти, защищаемое отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ и открытое для теплыхъ южныхъ, дало возможность культивироваться японской флорѣ, не говоря уже о бамбукахъ, магноліяхъ, китайскихъ розахъ, пальмахъ, бананахъ и т. д., словомъ, всей тропической флорѣ, включая и африканскій бананъ, дающій листья до $1^{1}/_{2}$ саж. длины.

Въ заключеніе о Поти, нѣсколько словъ о долинѣ Колхиды — естественныхъ воротахъ Кавказа. Слѣва глазамъ зрителя открываются безплодные хребты снѣгового Кавказа, дикія пропасти Сванетскихъ горъ, направо—тоже убранные снѣгомъ гребни болѣе близкаго Аджарскаго кряжа, а внутри между ними виднѣются заманчивыя дали роскошной разсѣлины, долины Колхиды. Ріонъ, проходящій посреди долины, уходитъ далеко-далеко, гдѣ онъ передаетъ своихъ пловцовъ Курѣ, рѣкѣ степей, рѣкѣ дальняго Каспія.

Весьма понятно, что первые греки-торговцы, греки-колонизаторы, прославленные въ легендахъ исторіи подъ именемъ аргонавтовъ, уже на зарѣ европейской исторической жизни направились именно сюда, въ эти великія ворота Азіи, искать „золотого руна“.

Отъ Поти до Батума всего нѣсколько часовъ ѣзды. Ѣдущіе въ Кутаисъ, Тифлисъ и далѣе по Закавказской желѣзной дорогѣ обыкновенно конечнымъ пунктомъ избираютъ Поти, которыя соединены вѣткой со станціей Самтреди. Такимъ способомъ поѣздка укорачивается на значительное время, но не бывшимъ въ Батумѣ рекомендуется не пропускать случая осмотрѣть этотъ дивный городъ съ его гаванью, наполненной множествомъ судовъ ближнихъ и дальнихъ странъ. Въ Батумѣ встрѣтишь представителей всѣхъ странъ, пріѣхавшихъ сюда подчасъ прямо на гигантскихъ пароходахъ „за свѣтомъ“, т. е., за керосиномъ.

Батумскій округъ, входящій въ составъ Кутаисской губерніи, граничитъ на сѣверѣ — Чернымъ моремъ, на востокѣ — Тифлисской губ., на югѣ — Артвинскимъ округомъ Кутаисской губ. и на западѣ — Трапезондскимъ санджакомъ Эрзерумскаго вилайета азіатской Турціи. Поверхность округа, заключающаяся въ 3.040 кв. верстъ, гориста; за исключеніемъ узкой береговой полосы, дельты р. Чороха и волнистаго гребня Арсіанскаго хребта,

покрытаго великолѣпными лугами, которые служатъ пастбищами для окрестныхъ жителей и курдовъ, кочующихъ аймою у моря—весь округъ состоитъ изъ глубокихъ ущелій, отдѣленныхъ другъ отъ друга высокими, крутыми и лѣсистыми отрогами горъ.

Климатъ округа очень мягкій и влажный, а дождей, въ особенности въ приморской подгорной полосѣ, выпадаетъ очень много. Растительность богатая и роскошная; низкіе склоны горъ одѣты непроходимыми лѣсами съѣдобнаго каштана, бука, грецкаго орѣха и т. п.

Населеніе Батумскаго округа состоитъ, главнымъ образомъ, изъ гурійцевъ-мусульманъ, лазовъ, живущихъ между низовьями Чороха и турецкой границей, а также курдовъ, проводящихъ зиму въ низменной прибрежной полосѣ, а лѣто на пастбищахъ Арсіанскаго хребта; кромѣ того, въ составъ населенія входитъ незначительное количество русскихъ, турокъ и абхазцевъ. Населеніе занимается земледѣліемъ, скотоводствомъ, садоводствомъ и торговлею, а въ береговой полосѣ, кромѣ того, рыболовствомъ и боемъ дельфиновъ. По рѣкѣ Чороху, въ предѣлахъ округа, производится судоходство на большихъ плоскодонныхъ лодкахъ (каюкахъ), которые внизъ по теченію дѣлаютъ до 15—20 верстъ въ часъ; сообщеніе вверхъ производится лямкой и весьма медленно и затруднительно.

Административный центръ округа — Батумъ, расположенный въ 12 верстахъ отъ турецкой границы на юго-восточномъ берегу Чернаго моря. Батумская бухта, защищенная отъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ горами, а отъ западныхъ—косою, можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ убѣжищъ на анатолійскомъ берегу Чернаго моря. Городъ — военный портъ и имѣетъ сильную батарею, Бурунъ-табія, расположенную на окопечности косы. Тутъ-же сохранилась отъ турецкаго владычества замѣчательная большая мечеть.

Вслѣдствіе мягкаго климата, въ Батумѣ на открытомъ воздухѣ растутъ камеліи, магноліи, лимоны, апельсины и пальмы; но все-таки Батумъ нельзя назвать хорошей зимней климатической станціей: рѣзкій переходъ отъ тепла къ холоду и масса выпадающей влаги дѣйствуютъ крайне неблагопріятно на больныхъ. Кромѣ того, вслѣдствіе обилія влаги, роскошной растительности въ окрестностяхъ города, болотъ и сильной жары лѣтомъ, господствуютъ

тяжкія формы лихорадокъ, иногда оканчивающіяся смертью, а также диссентеріи.

Батумъ соединенъ желѣзной дорогой съ Тифлисомъ; другіе пути сообщенія съ внутренностью страны неудобны и представляютъ тропы. Такими тропами онъ соединенъ съ городами Артвиномъ и Ардаганомъ, а также Ахалцыхомъ.

Что касается историческихъ свѣдѣній, то извѣстно, что во время Римской имперіи, при императорѣ Адріанѣ, Батумъ назывался Батисъ и служилъ военной станціей. Впослѣдствіи Батумъ съ окрестными землями составлялъ владѣніе князей Гуріели; при одномъ изъ послѣднихъ — Кахаберѣ — турки въ XV вѣкѣ завоевали его. Спустя нѣкоторое время, одинъ изъ Гуріели, Растима, отнялъ Батумъ, но вскорѣ затѣмъ турки вновь овладѣли имъ и построили укрѣпленіе.

Развитіе Батума началось съ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда Русское общество пароходства и торговли устроило здѣсь агентство. Въ 1878 г., послѣ занятія Батума русскими, онъ былъ, согласно Берлинскому трактату, объявленъ порто-франко, что способствовало оживленію торговли, а съ проведеніемъ желѣзной дороги, соединившей его съ Тифлисомъ и Баку, торговля увеличилась въ нѣсколько разъ. Порто-франко было уничтожено въ 1886 г., что, однако, нисколько не отразилось на богатствѣ и развитіи Батума.

Населеніе города состоитъ изъ русскихъ, турокъ, гурійцевъ, персовъ и другихъ и число его въ настоящее время доходитъ до 30.000 ч. Одна изъ особенностей Батума, это—то, что новые дома—и особенно казенныя учрежденія—обиты рубчатымъ оцинкованнымъ желѣзомъ, во избѣжаніе въ нихъ сырости во время проливныхъ дождей.

По цѣнности отпускаемыхъ товаровъ Батумъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Вывозятся, главнымъ образомъ, нефть и нефтяные продукты, пшеница, кукуруза, марганцевая руда, орѣховое и пальмовое дерево и т. п.

Развивался по подобію американскихъ городовъ, Батумъ въ 25-лѣтнее существованіе, исполнившееся въ августѣ прошлаго года, изъ нѣсколькихъ сотенъ деревянныхъ домишекъ и нѣсколькихъ торговыхъ будокъ, бывшихъ въ немъ въ 1878 г., превратился вполнѣ въ европейскій городъ. Онъ имѣетъ электрическое освѣщеніе, улицы его широки, прямы и снабжены асфальтовыми троттуарами. Большинство зданій, а въ томъ числѣ и по-

вый православный соборъ, отличающ[illegible] прекрасной архитектурой, а огромные гостиницы, рестораны и магазины придаютъ городу эффектный западно-европейскій обликъ.

Имѣя право назваться однимъ изъ самыхъ крупныхъ городовъ Россіи, Батумъ еще съ большимъ правомъ можетъ считаться однимъ изъ красивѣйшихъ и живописнѣйшихъ городовъ. Кругомъ его тянутся величественныя горы, поросшія богатой растительностью, а прямо передъ нимъ плещется лазурное море.

Прекрасный климатъ Батума обратилъ на себя вниманіе врачей, и многіе авторитеты—въ томъ числѣ и знаменитый Впрховъ—считаютъ его вполнѣ пригоднымъ для климатической станціи на Кавказѣ.

Въ 80-ти верстахъ отъ Батума находится Артвинъ, окружной городъ. Онъ расположенъ амфитеатромъ по крутому скату отроговъ горы Куапъ. Невысокіе каменные дома его обрамлены живою зеленью, выше—горы, покрытыя мелкимъ дубнякомъ; живописные остатки старинной грузинской крѣпости стоятъ высоко на скалѣ, въ сторонѣ отъ города; глубокое ущелье р. Чороха опоясываетъ Артвинъ естественнымъ рвомъ. Какъ красивъ городъ издали, такъ внутри его всюду восточная грязь и вонь; грязные ручьи воды бѣгутъ прямо по улицѣ; улицы узкія, мѣстами съ крутыми каменными лѣстницами, по которымъ возможно подниматься только пѣшкомъ; внизу города расположены на террасахъ сады и оливковыя рощи. Въ Артвинѣ особенно бросается въ глаза множество лавокъ съ готовымъ платьемъ и обувью, которыя славятся во всемъ чорохскомъ краѣ своимъ качествомъ.

Описанію живописныхъ окрестностей Батума: Махинджаури, Кабулетъ, Чаквы отведено мѣсто въ очеркѣ „Закавказье“ (см. стр. 624—625).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

1. Сельское хозяйство и промышленность.

Познакомивъ нашихъ читателей съ Предкавказьемъ, Кавказомъ и Закавказьемъ, мы позволимъ себѣ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о роли сельскаго хозяйства и промышленности (о нефтепромышленности мы уже говорили) въ жизни Кавказа, а также и о путяхъ сообщенія на Кавказъ изъ Европейской Россіи.

Главный источникъ благосостоянія какъ сѣвернаго

Кавказа, такъ и Закавказья — земледѣліе. Изъ числа общеизвѣстныхъ культурныхъ растеній на сѣверномъ Кавказѣ воздѣлываются пшеница—усатка, безусая, или гирка, яровая пшеница — кубанка или арнаутка, овесъ, ячмень, греча, просо, частью кукуруза и рисъ; что-же касается Закавказья, то тамъ воздѣлываются тѣ-же зерновые хлѣба, причемъ культуры кукурузы и риса занимаютъ обширную полосу.

Основнымъ земледѣльческимъ орудіемъ на сѣверномъ Кавказѣ и въ восточной части Закавказья служитъ плугъ первобытной конструкціи, причемъ въ первомъ обрабатываютъ землю на лошадяхъ, во второмъ — запряжкой отъ 7 до 10 паръ быковъ и буйволовъ. Что-же касается западнаго Закавказья, то тамъ, въ виду отсутствія орошенія, безъ котораго въ восточномъ Закавказьѣ нельзя обойтись, существуютъ довольно своеобразныя условія земледѣльческой культуры: земля распахивается помощью особой сохи — кацви — только поверхностно, безъ опрокидыванія почвы, боронится волокушей, къ которой прикрѣпляются древесныя вѣтви. На поляхъ западнаго Кавказа кукуруза, преимущественно американская (конскій зубъ), является главнымъ, а мѣстами исключительнымъ предметомъ производства.

По степени урожайности первое мѣсто занимаетъ Кубанская область, Александропольскій уѣздъ и Тифлисская губернія, которыя по праву могутъ считаться житницами Кавказа. Въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ находится Дагестанская область, гдѣ земледѣліе не обезпечиваетъ существованія земледѣльца.

На сѣверномъ Кавказѣ изъ огородныхъ растеній успѣшно растутъ огурцы, стручковый перецъ и т. д., а также большія площади занимаетъ посадка арбузовъ, дынь, тыквъ, въ Закавказьѣ-же — бобы, горохъ, красный перецъ, буракн, картофель, огурцы, рѣпа и т. д.

Что касается садоводства, виноградарства и винодѣлія на Кавказѣ, то нужно сказать, что они очень распространены. Ставропольская губернія, въ которой подъ виноградниками находится 8.568 дес., производитъ вино, не отличающееся хорошими качествами. Что-же касается винъ Терской области, извѣстныхъ подъ названіемъ чихиря, изъ которыхъ кизлярское считается лучшимъ, то $^4/_5$ всего продающагося вина на нижегородской ярмаркѣ идетъ на фабрикацію и фальсификацію винъ. Въ Закавказьѣ виноградарство особенно процвѣтаетъ въ Кахетіи, несмотря на

то, что способъ воздѣлыванія винограда, за рѣдкими исключеніями, остался тотъ-же, что былъ сто лѣтъ тому назадъ. По словамъ европейцевъ, знатоковъ дѣла, лучшіе сорта кахетинскихъ винъ не уступаютъ бургонскому, мадерѣ и имѣютъ всѣ свойства шипучихъ винъ Шампани.

Насколько широко развита эта отрасль хозяйства въ Закавказьѣ, можно судить по тому, что тамъ подъ виноградниками считается до 100.000 десятинъ, доставляющихъ около 9 милліоновъ ведеръ вина.

Виноградарство и винодѣліе развиты въ большей или меньшей степени и въ другихъ губерніяхъ; такъ, въ Елисаветпольской губ. было добыто вина въ концѣ прошлаго столѣтія 538.915 вед., въ Эриванской было снято 1.329.846 пуд. винограда и т. д. Говоря объ эриванскомъ виноградѣ, нужно добавить, что лозы были занесены сюда изъ знаменитыхъ ширасскихъ садовъ Персіи и отличаются поразительной величиной и вкусомъ. Лучшими сортами считаются аскяри (безъ зеренъ), обладающіе необыкновенной нѣжностью и вкусомъ.

Что касается садоводства Закавказья, то оно всюду занимаетъ одну изъ важныхъ отраслей сельскаго хозяйства, но въ особенности развито въ Кутаисской губ., Сухумскомъ округѣ и Елисаветпольской губ. Въ Черноморской губерніи культурныя нѣжныя фруктовыя деревья подвержены вѣтрамъ, морскимъ туманамъ, которые убиваютъ цвѣтъ дерева; въ хорошіе-же урожайные годы приносятъ громадные доходы. Яблони и груши здѣсь достигаютъ до $2^1/_2$ фунт., сливы до 1 фунт. Крымскій виноградъ—изабелла—одинъ изъ наивыгоднѣйшихъ сортовъ по всему побережью. Изъ благоустроенныхъ крупныхъ хозяйствъ черноморскаго побережья укажемъ на Ново-Аѳонскій монастырь, Рейнгардта, Введенскаго, нынѣ „Флора“, принадлежащее великому князю Александру Михайловичу, Кристофовича, Штенгеля, Ненджула и др.

Куреніе водки и отчасти спирта изъ различныхъ плодовъ въ Закавказьѣ давно извѣстно и первое мѣсто занимаетъ Елисаветпольская губ., второе — Тифлисская, третье—Эриванская. Продуктами для водки служатъ всевозможные дикіе фрукты, которыми изобилуютъ лѣса Закавказья, а также шелковица (тута), которая курится въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Елисаветпольской губерніи.

Пр. Воейковъ находитъ, что климатъ черноморскаго побережья Кавказа очень сходенъ съ климатомъ о. Ниппона въ Японіи, и признаетъ, что это мѣсто очень благо-

пріятно для культуры чая. Опытомъ доказано, что сѣмена чайнаго дерева оказываются такими нѣжными, что при перевозкѣ изъ Китая утрачиваютъ свою живучесть, а потому стали вывозить сѣянцы и затѣмъ ужъ выращиваютъ ихъ на мѣстѣ для полученія сѣмянъ. Въ окрестностяхъ Батума и Сухума возникли въ послѣднее время чайныя плантаціи, на которыхъ начинаютъ культивировать чай; его ожидаетъ богатая будущность. Нѣкоторые чайные торговые дома, напр., Поповъ въ Москвѣ, учредили товарищества кавказскихъ чайныхъ плантацій, и чай ихъ, правда, пока въ незначительномъ количествѣ, уже поступаетъ на рынокъ.

Въ Закавказьѣ съ успѣхомъ произрастаетъ оливковое дерево, въ особенности вокругъ г. Артвина, откуда ежегодно вывозится болѣе 4.000 пуд. маслинъ; производство-же масличныхъ растеній: конопли, горчицы, сурѣпицы, преимущественно распространено на сѣверномъ Кавказѣ.

Къ особенностямъ земледѣлія Бакинскаго уѣзда надо отнести воздѣлываніе шафрана, марены, приходящее съ каждымъ годомъ, благодаря анилиновымъ краскамъ, въ большій и большій упадокъ, и китайской крапивы — на южномъ побережьѣ Чернаго моря.

Что касается культуры хлопчатника и табака, то она на Кавказѣ приняла обширные размѣры. Хлопководство производится по долинѣ средняго теченія р. Куры и Аракса, и Эриванская губернія до послѣдняго времени была главной поставщицей хлопка. Подъ хлопковыя плантаціи въ этой губерніи отведено 27.605 десятинъ, сборъ съ которыхъ достигаетъ ½ милл. пудовъ. Второе мѣсто послѣ Эриванской губерніи занимаетъ Елисаветпольская губ., гдѣ, благодаря лодзинскимъ и московскимъ мануфактурнымъ фирмамъ, которыя раздаютъ безплатно жителямъ сѣмена ташкентскаго и американскаго хлопчатника, хлопководство принимаетъ обширные размѣры.

Табаководство прочно установилось въ Кубанской и Черноморской областяхъ, производящихъ лучшій, нисколько не уступающій турецкому, по качеству, табакъ, а также въ Сигнахскомъ уѣздѣ, Тифлисской губ., въ восточной Грузіи, въ сѣверной Мингреліи и, наконецъ, въ Артвинскомъ округѣ, откуда Ардапучскіе сорта (Самсунъ) отправляются за границу.

Какъ на одинъ изъ новыхъ источниковъ дохода отъ полей, нужно указать на добываніе дикорастущаго солод-

коваго корня, изъ котораго выдѣлывается экстрактъ лакрицы. Корень вывозится въ пресованномъ видѣ, для чего англійскими фирмами устроены заводы, расположенные возлѣ станцій Закавказской желѣзной дороги. Корень растетъ въ изобиліи по равнинамъ восточной части Елисаветпольской и въ западной части Бакинской губ., а также въ Дагестанской области.

Лѣсопромышленность, при почти полномъ отсутствіи лѣсоводныхъ дорогъ, расположеніи лѣсовъ въ малодоступныхъ мѣстностяхъ, а также отсутствіи техническихъ приспособленій для сплава лѣса по горнымъ рѣкамъ, мало развита и пока представляетъ мертвый капиталъ. Къ числу породъ деревъ, вывозимыхъ за границу черезъ Батумъ, Поти, Очемчиры и Гудауръ, относятся: орѣхъ, въ видѣ толстыхъ брусьевъ, восточная ель, каштанъ. Въ прежнее время въ большомъ количествѣ вывозился за границу тиссъ, или такъ называемое красное дерево, но съ уменьшеніемъ запасовъ въ лѣсахъ вывозъ его почти прекратился.

Скотоводство, овцеводство, коневодство и рыболовство занимаютъ важное мѣсто по количеству своей доходности, благодаря роскошнымъ пастбищамъ въ степныхъ и нагорныхъ мѣстностяхъ края и рѣкамъ, изобилующимъ рыбою. На сѣверномъ Кавказѣ разводится крупный рогатый скотъ черкасской породы, въ Закавказьѣ—мѣстами племенной скотъ швейцарской породы, а въ Сванетіи, при наличности туземной малорослой, разводится и крупный, пріобрѣтаемый отъ баксановскихъ татаръ и напоминающій великолѣпную украинскую породу.

Хорошія пастбища способствовали образованію на Кавказѣ нѣсколькихъ крупныхъ молочныхъ хозяйствъ, изъ которыхъ укажемъ на ферму „Мамутлы“ барона Кученбаха, занимающую 1.500 десятинъ, подаренныхъ ему правительствомъ; сыры этой фермы, выдѣланные по способу швейцарскаго сыроваренія, нисколько не уступаютъ настоящимъ и въ Петербургѣ продаются подъ названіемъ кавказскаго сыра по 45 коп. фунтъ. Въ этой-же отрасли хозяйства видное мѣсто занимаютъ нѣмецкая колонія Александерхильфъ (Тиф. г.) и нѣсколько большихъ сыроваренъ на сѣверномъ Кавказѣ.

Народное молочное хозяйство развито въ широкихъ размѣрахъ, но работа крестьянъ отличается неопрятностью и нечистотою.

Овцеводство, доходъ съ котораго въ южныхъ губер-

піяхъ Закавказья составляетъ главное подспорье въ жизни кочевниковъ, требуетъ болѣе правильной постановки этого дѣла, и тогда возможенъ громадный сбытъ на постоянныхъ рынкахъ. На сѣверномъ Кавказѣ, гдѣ это дѣло постепенно переходитъ въ руки спеціалистовъ-овцеводовъ, переселившихся сюда изъ Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерній, овцеводство замѣтно улучшается. Изъ шерсти выдѣлываютъ: войлокъ, сукна, бурки, ковры и пр. и работа производится почти исключительно женщинами.

Коневодство особенно процвѣтаетъ въ Терской области, въ Бакинской и Елисаветпольской губерніяхъ, гдѣ мѣстная порода „карабаховъ“ славится на всемъ Кавказѣ. Кромѣ лошадей, на сѣверномъ Кавказѣ и въ прикаспійской части Закавказья во множествѣ разводятся мулы и ишаки (ослы). Тѣ и другіе, какъ перевозочная сила, незамѣнимы въ горной мѣстности. Продукты, получаемые отъ коневодства и скотоводства, производятся въ краѣ при помощи народной кустарной промышленности, отчасти при помощи небольшихъ кожевенныхъ и овчинныхъ заводовъ.

Рыболовство въ краѣ производится какъ въ трехъ моряхъ, такъ и въ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ эти моря, причемъ по количеству и качеству добываемой рыбы лучшими считаются Сальянскіе Божьи промыслы въ Курѣ, принадлежащіе казнѣ и отдаваемые въ аренду. Рыба ловится въ изобиліи, начиная съ весны, когда вся рыба изъ глубины моря приближается къ берегамъ, идетъ въ прѣсную воду, входитъ въ гирла и устья рѣкъ, противъ теченія, для метанія икры. Съ этого времени наступаетъ на промыслахъ то горячее время, которое называется бѣлякомъ. На укрѣпленныя поперекъ рѣки, съ одного берега на другой, снасти съ крючьями и въ невода попадаетъ масса всевозможной рыбы: бѣлуги, осетры, севрюги, стерляди, лосося, сома, шемаи, сельдей, судака, сазана, леща, окуня, тарани и пр. Второй ловъ начинается лѣтомъ, когда рыба возвращается въ море, и, наконецъ, третій осенній ловъ, когда рыба ложится на зиму въ теплыхъ рѣчныхъ ямахъ.

Вмѣстѣ съ рыбнымъ промысломъ процвѣтаетъ и бой дельфиновъ, изъ которыхъ добываютъ норвань.

Пчеловодство на Кавказѣ ведется въ небольшихъ размѣрахъ и имѣется повсюду, причемъ по постановкѣ дѣла и доходности первое мѣсто занимаетъ Сухумскій округъ.

Шелководство насчитываетъ 1000 лѣтъ своего существованія на Кавказѣ и перешло сюда изъ Персіи. Петръ I всевозможными льготами и пособіями частнымъ лицамъ старался привлечь Терскую область къ занятію имъ. Устроенныя впослѣдствіи школы способствовали распространенію знаній средп населенія, а открытая въ 1887 г. въ Тифлисѣ „Кавказская шелководная станція", дѣятельность которой заключается въ выкормкѣ шелкопряда, гренажѣ, преподаваніи шелководства и распространеніи о немъ свѣдѣній, обратила болѣе серьезное вниманіе на правильную постановку этой доходной отрасли народнаго богатства. По заключенію директора станціи, туземное шелководство находится въ сильнѣйшемъ упадкѣ вслѣдствіе полнаго научнаго невѣжества мѣстныхъ хозяевъ-шелководовъ. Устраиваемые при станціи ежегодно лѣтомъ курсы для учителей народныхъ училищъ и семинарій имѣютъ назначеніе распространять черезъ нихъ самыхъ широкія свѣдѣнія среди населенія.

Какъ на болѣе развитые горные промыслы, укажемъ на каменноугольныя копи Кубанской области и Ткибульскія залежи въ Кутаисской губерніи, причемъ запасы угля въ мѣсторожденіяхъ послѣднихъ громадные. Залежами марганцевой руды особенно богаты берега рѣки Квирилы на пространствѣ 125 верстъ. Серебро-свинцовыя руды находятся въ Осетіи по ущельямъ притока р. Ардонъ, въ Кубанской области, а также въ Нижне-Аджарскомъ округѣ, богатомъ, кромѣ того, цинковыми и мѣдными рудами. Залежами каменной соли особенно богаты Карская область и Эриванская губ.

Что-же касается нефтяной промышленности, которой посвящено мѣсто въ очеркѣ „Побережье Каспійскаго моря", скажемъ еще, что на сѣверномъ Кавказѣ заслуживаетъ особаго вниманія Грозненская группа, отличающаяся нефтью хорошаго качества.

Въ общемъ фабрично-заводская промышленность Кавказа развита сравнительно слабо, несмотря на обиліе и разнообразіе сырыхъ земледѣльческихъ продуктовъ, счастливое положеніе между двумя морями, богатство полезныхъ ископаемыхъ и предпріимчивость части населенія.

Въ большинствѣ случаевъ она является въ видѣ промышленности мелкой, граничащей съ занятіемъ ремеслами и работой кустаря, сосредоточиваясь въ то-же время на предметахъ ближайшей необходимости весьма

нетребовательнаго въ общемъ населенія. Лишь въ послѣднее время нѣкоторыя отрасли промышленности, вслѣдствіе особо благопріятныхъ условій, возникли и развились до весьма значительныхъ размѣровъ. Причины небольшого развитія фабрично-заводской промышленности въ краѣ: отсутствіе капитала, недостатокъ удобныхъ путей сообщенія, ведущихъ къ существующимъ желѣзнодорожнымъ линіямъ, наконецъ, бытовыя и историческія условія и косность мусульманскаго населенія.

Первое мѣсто по суммѣ оборотовъ занимаетъ производство фотогенное, посудное для нефти, смазочныхъ маслъ, винокуренное, табачное, кожевенное, маслобойное, мѣдноплавильное, мукомольное.

По приблизительному расчету, въ предѣлахъ края находится до 20.000 фабрикъ и заводовъ, производство которыхъ выражается въ 55 милл. р. при 64 тыс. рабочихъ. При общей производительности всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ 55 милл., на каждаго жителя приходится около 7 руб. Насколько эта сумма незначительна, можно судить изъ того, что въ московскомъ раіонѣ на жителя приходится 38 руб.

2. Пути на Кавказъ.

Кавказъ соединяется съ Россіей какъ желѣзнодорожными путями, такъ и морскими. Ѣдущіе съ сѣвера направляются черезъ Москву, Рязань, Козловъ, Воронежъ, Ростовъ, Бесланъ, Баку и т. д., или по другому пути: на Курскъ, Харьковъ, Ростовъ и т. д., или черезъ Харьковъ на Севастополь, откуда на пароходѣ до Новороссійска, гдѣ ѣдущіе на кавказскія минеральныя воды пересаживаются въ поѣздъ Владикавказской жел. дороги и черезъ Тихорѣцкую направляются на ст. „Минеральныя воды“. Желающіе проѣхать съ Волги на Кавказъ доѣзжаютъ на пароходѣ до Царицына, а оттуда по царицынской вѣтви Владикавказской жел. дороги до ст. Тихорѣцкой, или-же до конечнаго пункта на Волгѣ — Астрахани, гдѣ пересаживаются на морской пароходъ и — черезъ Петровскъ, Дербентъ, Баку, — слѣдуя дальше по Закавказской желѣзной дорогѣ, въ Тифлисъ.

Отъ станціи „Минеральныя воды“ идетъ вѣтвь Владикавказской жел. дороги на грушы. Общее протяженіе вѣтви — 61 верста; на ней расположены слѣдующія остановки: первая Бештау, откуда идетъ маленькая вѣтка

въ 5 верстъ на Желѣзноводскъ, Каррасъ, Пятигорскъ, Эссентуки, Кисловодскъ.

Во время сезона установлены билеты-карточки на 25 поѣздокъ между станціями минеральныхъ водъ, которые значительно удешевляютъ поѣздки.

Поѣздки въ Закавказье совершаются или по желѣзной дорогѣ на Баку—черезъ ст. Бесланъ, Владикавказской жел. дороги,—или-же по Военно-Грузинской дорогѣ, для чего надо доѣхать до Владикавказа.

Изъ Владикавказа идутъ двѣ пятимѣстныя кареты: въ 7 час. утра, съ ночлегомъ на ст. Млеты, и въ 9 час. утра, съ ночлегомъ на ст. Гудаутъ; первая приходитъ въ Тифлисъ на слѣдующій день въ 6 час. 30 мин. вечера, вторая — въ 8 час. вечера. Кромѣ каретъ, существуютъ шестимѣстные омнибусы и линейки; какъ первые, такъ и вторыя слѣдуютъ безъ ночлега. Омнибусы изъ Владикавказа отходятъ въ 11 час. утра и въ 8 вечера, а линейка въ 3 часа дня.

Проѣздная плата за все разстояніе.

	I классъ.				II классъ.				III классъ (открытое мѣсто или сзади кареты).				Багажъ за пятьшокъ съ 10 фунтовъ.
	За мѣсто.	Госуд. сборъ.	Всего.	Багажъ безплатно.	За мѣсто.	Госуд. сборъ.	Всего.	Багажъ безплатно.	За мѣсто.	Госуд. сборъ.	Всего.	Багажъ безплатно.	
	р. к.	р. к.	р. к.		р. к.	р. к.	р. к.		р. к.	р. к.	р. к.		
Въ каретахъ.	18.00	1.00	19.00	2 пуд	12.00	1.20	13.20	1½ п.	5.00	0.40	5.40	20 ф.	40 к.
Въ омнибус.	— —	— —	— —		11.00	1.10	12.10	1 „	5.00	0.40	5.40	20 „	40 „

Помимо этого, контрагентствомъ даются на проѣздъ и экипажи, плата за которые установлена въ 78 р. 52 к., 63 р. 86 к., 66 р. 35 к. и 54 р. 32 к., включая сюда прогоны и государственный и шоссейный сборы.

Нѣкоторые предпочитаютъ брать биржевые экипажи, которые во Владикавказѣ очень хороши, что обходится и дешевле, и удобнѣе, потому что можно ѣхать, не торопясь, и путь этотъ обыкновенно совершается въ два дня. Въ виду того, что лѣтомъ наплывъ проѣзжающихъ громадный и приходится ждать мѣста въ срочныхъ экипа-

жахъ по нѣсколько дней, рекомендуется мѣста заказывать заблаговременно, адресуя заказы и деньги: „Владикавказъ (или Тифлисъ), конторѣ движенія почтовыхъ дилижансовъ по Военно-Грузинской дорогѣ“. Заказы телеграммами не принимаются.

Изъ Тифлиса въ Кахетію ведетъ почтовая дорога протяженіемъ въ 100 верстъ, и сообщеніе очень удобное: изъ Тифлиса каждый день ходятъ срочныя кареты съ кондукторомъ и нѣсколько частныхъ экипажей. Цѣна въ каретѣ — 4 р. за мѣсто, въ омнибусѣ — 3 р. Экипажи выходятъ изъ Тифлиса въ 7 ч. утра и въ 8 ч. веч. приходятъ въ Сигнахъ. Изъ Сигнаха почтовая дорога идетъ въ Телавъ и далѣе въ Тіонеты, лѣтнее лагерное мѣсто кавказскихъ войскъ.

Желающимъ посѣтить дачныя мѣста Тифлиса укажемъ на слѣдующія: Коджоры, въ 18¾ верстахъ, съ которыми Тифлисъ сообщается посредствомъ дилижансовъ по шоссе нѣсколько разъ въ сутки. Цѣна за конецъ 90 коп. Слѣдующее за Коджорами дачное мѣсто—Манглисъ—отстоитъ въ 38 верстахъ отъ Тифлиса. Мѣсто въ дилижансѣ стоитъ 3 р. 44 к.; и, наконецъ, въ 34 верст. по другому пути — Бѣлый Ключъ, чудное дачное мѣсто съ здоровымъ климатомъ.

Съ постройкой Карсской дороги, существовавшая ранѣе шоссейная дорога черезъ Дилижанъ въ Эривань и далѣе заброшена и въ настоящее время движеніе исключительно желѣзнодорожное. Отъ Тифлиса до Эривани 352 версты; ѣдущіе въ Карсъ имѣютъ пересадку въ Александрополѣ, откуда до Карса всего 72 версты. Посѣщеніе другихъ городовъ Карсской области возможно или на почтовыхъ, или въ экипажахъ, нанятыхъ у биржевыхъ извозчиковъ. Поѣздка въ Эчміадзинъ, отстоящій въ 18 верстахъ отъ Эривани, совершается въ фаэтонѣ, биржевомъ экипажѣ.

На главной линіи Закавказской жел. дороги, пересѣкающей хребетъ, расположены слѣдующіе города: Баку, Елисаветполь, Тифлисъ, Гори, Батумъ.

Отъ станціи Евлахъ, находящейся между Удзарами и Елисаветполемъ, идетъ шоссейная дорога въ Шуху и Шушу; со станціи Михайлово—желѣзнод. вѣтвь въ 28 верстъ въ Боржомъ и вѣтвь въ 6 верстъ въ Сурамъ; со станціи Шаропань — въ Чіатуры, въ Дарквети (44 в.); со станціи Ріонъ — вѣтвь до Ткибули, черезъ городъ Кутаисъ, и, наконецъ, со станціи Самтреди — въ Поти, отстоящій отъ главной линіи Закавказской ж. д. въ 62 верстахъ. Сообщеніе Михайлова съ Боржомомъ очень удобное: ежедневно

отходитъ 7 паръ поѣздовъ, и путь въ 28 верстъ совершается въ 1 часъ 10 минутъ. Изъ Боржома дорога въ Аббасъ-Туманъ, протяженіемъ въ 70 верстъ, такъ называемая Ахалцыхская дорога; она вся шоссирована и содержится въ образцовомъ порядкѣ. Двухмѣстная коляска стоитъ за весь путь, который длится 6 час., 15 р. 50 к., а четырехмѣстная — 18 р. 50 к. со включ. госуд. сбора. Кромѣ того, существуютъ и омнибусы, съ платою за мѣсто по 4 р. 10 коп.

Что-же касается поѣздки по побережью, то рекомендуется ѣздить на пароходахъ Русскаго общества, которые круговымъ рейсомъ останавливаются въ слѣдующихъ пунктахъ: Анапа, Новороссійскъ, Геленджикъ, Джубга, Туапсе, Сочи, Адлеръ, Гагры, Новый Аѳонъ, Сухумъ, Очемчиры, Поти, Батумъ.

Можно также проѣхать отъ Новороссійска до Сухума и на почтовыхъ по хорошему шоссе, что для лицъ, не переносящихъ морской качки, можетъ съ успѣхомъ замѣнить поѣздку по морю.

Наконецъ, переходя къ путямъ сообщенія по Каспійскому морю, кромѣ желѣзнодорожнаго сообщенія, соединяющаго Баку, Дербентъ, Петровскъ съ Владикавказской жел. дор., укажемъ и на поѣздки на пароходахъ, лучшихъ на Каспійскомъ морѣ, общества „Кавказъ и Меркурій“. Путь между Баку и Петровскомъ совершается въ сутки; желающіе-же ѣхать далѣе на вторыя сутки вечеромъ прибываютъ въ Астрахань, откуда подымаются по Волгѣ.

На этомъ мы и закончимъ наше обозрѣніе современнаго Кавказа. Думается, что оно даетъ читателямъ полное представленіе о положеніи этой великолѣпной окраины Руси, которую справедливо называютъ „краемъ гордой красоты“.

КОНЕЦЪ.

Главнѣйшія пособія,

которыя послужили при составленіи изданія

„ПОКОРЕННЫЙ КАВКАЗЪ“.

Н. Дубровинъ. Исторія войны и владычество русскихъ на Кавказѣ.
В. Потто. Кавказская война въ очеркахъ, біографіяхъ и легендахъ.
И. Захарьинъ. Герои Кавказа.
Р. Фадѣевъ. 60 лѣтъ Кавказской войны.
Акты, собранные Кавказской археологической комиссіей.
Кавказскій сборникъ.
В. Кривенко. По Дагестану.
Зубовъ. Картины Кавказскаго края.
Н. Вороновъ. Изъ путешествія по Дагестану.
Дебу. О Кавказской линіи.
Броневскій. Новѣйшія историческія и географическія свѣдѣнія о Кавказѣ.
П. Эсадзе. Подвиги русскихъ войскъ въ Закавказьѣ.
Г. Абихъ. Геологическій разрѣзъ сѣверной покатости Кавказа отъ Эльбруса до Бештау.
Д. Бакрадзе. Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства.
„ „ Тифлисъ въ историческомъ и этнографическ. отношеніяхъ.
А. Берже. Кавказъ въ археологическомъ отношеніи Чечня и чеченцы.
Е. Вейденбаумъ. Путеводитель по Кавказу.
Владыкинъ. Путеводитель по Кавказу.
С. Васюковъ. Край гордой красоты.
С. Зелинскій. Эривань.
И. Н. Абхазія и въ ней Н.-Аѳонскій Симоно-Канонитскій монастырь.
Е. Ковалевскій и Е. Марковъ. На горахъ араратскихъ.
Е. Марковъ. Очерки Кавказа. Побережье Кавказа.
В. Миллеръ. Горскія общества Кабарды. Въ горахъ Осетіи.
Москвичъ. Путеводитель по Кавказу.
П. И. Надеждинъ. Кавказскій край.
Г. А. Джаншіевъ. Перлы Кавказа.
Путникъ (Линденъ). Черное море и Кавказъ.
Сидоровъ. Очерки Кавказа,
Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, т. I—VII.
Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.
Кавказскій календарь.
„Кавказъ“.
Терскій календарь.
Терскій сборникъ.
Извѣстія Кавказск. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общества.
Кромѣ того, многія отдѣльныя статьи, помѣщенныя въ историческихъ журналахъ, воспоминанія участниковъ войны, какъ уже обнародованныя, такъ и устныя, многія ученыя работы современныхъ изслѣдователей и путешественниковъ.